ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

ЛУЧШИЙ
УЧЕНИК
ТОЛКИЕНА

Гай Гэвриел
КЕЙ

Сарантийская мозаика

ИСТОРИЧЕСКАЯ
FANTASY

Эксмо

Гай Гэвриел
КЕЙ

Сарантийская мозаика

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Гай Гэвриел

КЕЙ

Сарантийская мозаика

Гай Гэвриел
КЕЙ

Guy Gavriel

KAY

Дорога в Сарантий

Повелитель императоров

В. Секачев
ЭКСМО
МОСКВА
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гай Гэвриел

КЕЙ

Сарантийская мозаика

В. Секачев
ЭКСМО
МОСКВА
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Кан)
К 33

Guy Gavriel KAY
SAILING TO SARANTIUM
Copyright © Guy Gavriel Kay, 1998
LORD OF EMPERORS
Copyright © Guy Gavriel Kay, 2000

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Кей Г. Г.

К 33 Сарантийская мозаика: Фантастические романы/ Гай Гэвриел Кей; [пер. с англ. Н. Ибрагимовой]. — М.: В. Секачев, Эксмо, 2007. — 960 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-88923-126-4 (В. Секачев)
ISBN 978-5-699-20744-2 (Эксмо)

Гай Гэвриел Кей, ученик Дж. Р. Р. Толкиена, давно превратился в звезду первой величины на небосклоне современной фэнтези. На сей раз он предлагает нам вместе с мозаичником Каем Криспином пройти долгий, полный опасностей и невероятных приключений путь по дорогам великой Империи, чтобы попасть в ее столицу — прекрасный, сияющий, странный и мистический город Сарантий...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-88923-126-4
ISBN 978-5-699-20744-2

© Перевод. Н. Ибрагимова, 2007
© Издание на русском языке. ЧП В. Секачев, 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Моим сыновьям,
Сэмюэлю Александру и Мэтью Тайлеру,
с любовью,
наблюдая, как они
«...все создают из ничего
и звезды учат петь»

...и не понимали, на небесах мы, или на земле. Ибо нет на земле такого великолепия и такой красоты, и не знали мы, как ее описать. Знали лишь, что Бог живет там среди людей, и служба их прекраснее, чем церемонии других народов. Ибо не можем мы забыть эту красоту.

Летопись путешествия Владимира,
Великого князя Киевского,
в Константинополь

Пролог

В разгар лета ночные грозы в Сарантии случались часто, достаточно часто, чтобы можно было поверить в легенду о том, как император Апий вознесся к богу во время бури, среди сверкания молний и раскатов грома над Священным Городом. Даже Пертений Евбульский, который описывал эти события всего двадцать лет спустя, именно так ее изложил, прибавив лишь, что статуя правителя у Бронзовых Врат рухнула, а мощный дуб за стеной с грохотом раскололся. Историки часто предпочитают истине внешние эффекты. Издержки профессии.

В действительности же в ту ночь, когда Апий испустил свой последний вздох в Порфировом зале Аттенинского дворца, дождя не было. Изредка сверкали молнии, в начале вечера пару раз послышалось ворчание грома, гораздо дальше к северу от Сарантия, ближе к хлебным полям Тракезии, что, учитывая последующие события, можно было, не без оснований, принять за знамение.

Император не оставил здравствующих сыновей, а три его племянника наглядно доказали свою никчемность за год до того и получили по заслугам. В результате никто в Сарантии не был назначен преемником императора, когда Апий услышал — или не услышал — внутри себя последние в своей долгой жизни

слова, и лишь ему одному голос бога сказал: «Покинь престол свой — повелитель императоров ждет тебя».

Каждый из трех человек, вошедших в Порфировый зал в прохладный предрассветный час, остро чувствовал неустойчивость положения. Евнух Гезий, канцлер Империи, благочестиво свел вместе кончики длинных тонких пальцев, потом с трудом опустился на колени и поцеловал голые ступни мертвого императора. То же после него проделал Адраст, глава гражданских служб Города, и Валерий, командир Бдительных императорской гвардии.

— Нужно собрать Сенат, — бумажным голосом прошелестел Гезий. — Немедленно.

— Да, — согласился Адраст, старательно расправляя складки своей длинной, до щиколоток, туники. — А патриарх должен начать траурную церемонию.

— В Городе необходимо сохранить порядок, — произнес Валерий тоном солдата. — По моему разумению.

Двое других посмотрели на него.

— Конечно, — деликатно ответил Адраст. И пригладил свою аккуратную бородку. Единственной причиной того, что Валерий присутствовал в этом зале и что он одним из первых узнал об этом прискорбном событии, была необходимость сохранить порядок. Его замечание прозвучало... слишком нарочито.

Войска находились главным образом на востоке и на севере. Крупные силы стояли неподалеку от Евбула, на нынешней границе с бассанидами. Другие, собранные в основном из наемников, защищали открытые пространства Тракезии от варварских набегов каршитов и врашей, но в последнее время те вели себя тихо.

— Я распоряжусь, чтобы известили знатные семейства, — небрежно произнес Гезий. — Они захотят выразить соболезнования.

— Естественно, — согласился Адраст. — Особенно Далейнов. Насколько мне известно, Флавий Далейн вернулся в Город всего два дня назад.

Евнух был слишком искушенным человеком, чтобы покраснеть.

Валерий уже двинулся к выходу.

— Поступайте с аристократами, как считаете нужным, — бросил он через плечо. — Но в Городе пять тысяч жителей, которые испугаются, что гнев святого Джада падет на оставшуюся без правителя Империю, когда услышат о его смерти. О них я должен позаботиться. Я извещу префекта, чтобы он готовил своих людей. Благодарите бога, что ночью не было грозы.

Он вышел из зала, тяжело топая по мозаичному полу, широкоплечий, все еще полный энергии в свои неполные шестьдесят лет. Двое оставшихся переглянулись. Адраст первым отвел глаза и посмотрел на покойника, лежащего на роскошном ложе, и на усыпанную драгоценными камнями птицу на серебряной ветке рядом с ложем. Оба молчали.

Выйдя из Аттенинского дворца, Валерий не задержался в садах Императорского квартала. До рассветных молитв было еще далеко. Белая луна стояла над водой. Предрассветный ветер дул с запада. Он слышал шум моря, ощущал принесенный бризом запах соли, смешанный с ароматом летних цветов и кедров.

Валерий двинулся под поздними звездами прочь от воды, мимо лабиринта дворцов, мимо трех маленьких часовен, мимо здания и цехов императорской Шелковой гильдии и смехотворно изукрашенных Маризианских бань, по направлению к казармам Бдительных рядом с Бронзовыми Вратами, ведущими в Город.

Молодой Леонт ждал снаружи. Валерий отдал ему точные распоряжения, которые старательно заучил некоторое время назад, готовясь к этому дню.

Его помощник удалился в казармы, и несколько минут спустя Валерий услышал шум: Бдительные готовились выступить. Он глубоко вдохнул воздух, чувствуя, как сильно бьется его сердце, сознавая, насколько важно скрыть свое напряжение. Он напомнил себе: надо послать гонца, чтобы предупредить Петра, жившего за пределами Императорского квартала, о том, что император Апий мертв и что большая игра началась. Про себя он возблагодарил бога за то, что сын его собственной сестры намного превосходит во всех отношениях трех племянников Апия.

Наконец, двери казарм раскрылись, и в предрассветном сумраке показались фигуры солдат. Валерий лишь дернул уголком губ, улыбкой это назвать было нельзя, и махнул рукой в сторону ипподрома.

* * *

На ипподроме должны были в тот день состояться гонки на колесницах. В прошлый раз Асторг из команды Синих выиграл последние четыре заезда. Сапожник Фотий, мастер по изготовлению сандалий, поставил такую сумму, которую не мог позволить себе проиграть, на то, что лучший возница Синих сегодня выиграет три первых заезда, что составит счастливую семерку. Вчера ночью Фотию снилось число двенадцать, а три заезда квадриг означало, что Асторг будет править двенадцатью лошадьми, а если сложить единицу и двойку числа двенадцать, снова получается тройка! Если бы вчера после обеда Фотий не увидел призрака на крыше колоннады напротив его мастерской, он был бы полностью уверен в выигрыше.

Он оставил жену и сына спящими в их комнате над мастерской и осторожно двинулся к ипподрому. Улицы города ночью опасны, он это знал точно. До восхода солнца было еще далеко. Белая ущербная луна на западе, над морем, плыла над башнями и куполами Императорского квартала. Фотий не мог платить за сидячее место каждый раз, когда приходил на гонки, не говоря уже о трибунах под навесом. А бесплатных мест для горожан было немного. Приходилось занимать их заранее.

Значительная толпа таких же, как он, желающих уже собралась на площади у смутно различимой в темноте каменной стены ипподрома. Само присутствие здесь взбудоражило Фотия и прогнало остатки сна. Он поспешно достал из сумки синюю тунику и натянул вместо обычной, коричневой. Быстрота и темнота помогли ему не подвергать испытанию стыдливость. Он присоединился к группе людей в таких же туниках. Это была его единственная уступка жене после того, как два года назад, во время особенно бурного летнего сезона, его избили болельщики Зеленых: теперь он не снимал неприметную одежду до тех пор, пока не окажется в относительной безопасности, среди «своих». Он поздоровался с некоторыми по имени и выслушал веселые приветствия. Кто-то протянул ему чашу дешевого вина, Фотий сделал глоток и передал ее дальше.

Мимо прошел «жучок», торгующий списком заездов на этот день и своими предсказаниями. Фотий не умел читать, поэтому не заинтересовался, хотя видел, как другие платили по два медных фолла за листок. На середине форума перед ипподромом уже занял место юродивый, полуобнаженный и дурно пахнущий, и начал произносить речь перед толпой о греховности ристаний. У этого человека был хороший голос, и он мог позабавить... если не стоять с подветренной стороны. Уличные торговцы уже продавали фиги, кандарийские дыни и жареных ягнят. Фотий взял с собой кусок сыра и немного хлеба из вчерашней порции. Все равно от волнения он не ощущал голода.

Неподалеку толпились небольшие группки Зеленых. Фотий не видел среди них стеклодува Паппиона, но знал, что он там. Он заключил пари с Паппионом. С приближением рассвета Фотий, как всегда, начал сомневаться, не поступил ли он безрассудно, побившись об заклад. Тот призрак, который он видел, среди бела дня...

Летняя ночь была приятной, с моря дул ветерок. Когда начнутся гонки, будет жарко. Общественные бани к середине дня заполнятся народом, и таверны тоже.

Фотий, продолжая думать о своем пари, спросил себя, не следовало ли ему по дороге сюда зайти на кладбище с табличкой, на которой написано заклятие против первого возничего Зеленых — Скортия. Вероятнее всего, именно он станет сегодня главным препятствием между Асторгом и его шансом одержать семь побед подряд. Он разбил плечо в прошлый раз, упав с колесницы, и не участвовал в тех гонках, когда Асторг в конце дня выиграл эти великолепные четыре заезда.

Фотия возмущало то, что темнокожий, почти безбородый новичок из пустынь Аммуза — или откуда он там родом — мог представлять угрозу его любимому Асторгу. Надо было все же купить ту табличку с заклятием, с досадой подумал сапожник. Два дня назад в притоне у доков зарезали одного из подмастерьев ткача, и его только что похоронили — идеальный шанс. Всем известно, что это придает проклятиям большую силу. Фотий решил, что если Асторга сегодня постигнет неудача, то винить ему следует лишь себя самого. Он понятия не имел, как заплатить Паппиону в случае проигрыша. Предпочитал об этом не думать, как и о слезах жены.

— Вперед, Синие! — внезапно крикнул он. Десяток человек рядом с ним с воодушевлением подхватили его крик.

— В задницу Синих! — раздался предсказуемый ответ со стороны противников.

— Среди Зеленых нет мужиков! — завопил в ответ стоящий рядом с Фотием человек. Стоящий в тени Фотий рассмеялся. Белая луна теперь скрылась за императорским дворцом. Насту-

пал рассвет, Джад в своей колеснице поднимался на востоке, возвращаясь из путешествия сквозь тьму нижнего мира.

А позже начнут свой бег колесницы смертных во славу великого бога, и будет этот бег продолжаться весь летний день в священном городе Сарантии. И Синие, если будет на то воля Джада, одержат победу над проклятыми Зелеными, которые ничем не лучше варваров, или неверных бассанидов, или даже киндатов, как всем известно.

— Смотрите! — воскликнул кто-то и махнул рукой.

Фотий обернулся. Он услышал топот солдат раньше, чем повернулся, и увидел их — тени, выходящие из теней через Бронзовые Врата на западной стороне площади.

Бдительные, сотни солдат с оружием и в доспехах под красно-золотыми туниками, вступили на форум перед ипподромом со стороны Императорского квартала. Для столь раннего времени дня это было так необычно, что внушало ужас. В минувшем году случились две небольшие потасовки, когда самые яростные приверженцы обоих цветов схватились врукопашную. Замелькали ножи и посохи, и городская стража призвала на помощь Бдительных, чтобы усмирить дерущихся. Усмирение силами Императорской гвардии Сарантия нельзя назвать мягким. Оба раза на мостовой осталось лежать около десятка мертвецов.

Кто-то сказал:

— Святой Джад, флаги! — И Фотий с опозданием заметил, что знамена Бдительных приспущены на древках. Он ощутил в душе порыв холодного ветра, прилетевшего ниоткуда.

Умер император.

Их отец, возлюбленный бога, покинул их. Сарантий осиротел, брошен на произвол судьбы, беззащитен перед всеми врагами с востока, с севера и с запада, злобными язычниками. А без божественного императора, кто знает, какие демоны или духи из потустороннего мира могут явиться и ввергнуть в хаос беспомощных смертных? Не поэтому ли он видел призрака? Фотий подумал о новом наступлении чумы, о войне, о голоде. В ту минуту он представил себе своего сына мертвым. Ужас бросил его на колени, на булыжники площади. Он почувствовал, что плачет по императору, которого никогда не видел, разве что на расстоянии, в виде священной фигуры в императорской ложе ипподрома.

Затем, будучи обыкновенным человеком, проживающим свои дни в мире обычных людей, сапожник Фотий понял, что

сегодня гонок колесниц не будет. Что его безрассудное пари со стеклодувом аннулировано. Среди страха и горя он увидел луч надежды, подобный яркому копью солнечного света. Три заезда подряд? Это было дурацкое пари, и он избавился от него.

Теперь уже многие стояли на коленях. Юродивый, воспользовавшись случаем, громко выкрикивал свои обличения, но Фотий не мог разобрать слова из-за шума и не знал, что сейчас порицает этот человек. Безбожие, привилегии, раскол среди клириков, еретиков, верящих в Геладикоса. Обычные песни. Один из Бдительных подошел к нему и что-то тихо произнес. Святой не обратил на солдата внимания, как всегда. Но потом изумленный Фотий увидел, как аскет получил удар древком копья по икрам. Человек в лохмотьях вскрикнул — больше от изумления, чем от чего-то другого, — упал на колени и умолк.

Тут прозвучал другой голос, перекрывая вопли толпы, суровый и уверенный, требующий внимания. Тем более что оратор сидел верхом на коне. Он был единственным всадником на форуме.

— Слушайте меня! Никто здесь не пострадает, если будет соблюдаться порядок. Вы видите наши знамена. Они вам все сказали. Наш славный император, возлюбленный Джада, его трижды возвышенный наместник на земле, покинул нас и вознесся к богу в чертоги за солнцем. Сегодня гонки колесниц не состоятся, но ворота ипподрома будут открыты для вас, и вы сможете поддерживать друг друга, пока Сенат Империи не соберется, чтобы провозгласить нового императора.

Раздался громкий ропот. Наследника нет, это знал каждый. Фотий увидел, что люди стекаются к форуму отовсюду. Новости такого рода распространяются с молниеносной быстротой. Он глубоко вдохнул воздух, борясь с новым приступом паники. Император умер. В Сарантии нет императора.

Всадник снова поднял руку, требуя тишины. Он сидел в седле прямой, как копье, в такой же одежде, как и его солдаты. Только черный конь и серебряная кайма на его верхней тунике указывали на его ранг. Ничего претенциозного. Крестьянин из Тракезии, который юношей пришел на юг, тяжелым трудом и немалой отвагой в бою проложил себе дорогу к высшим постам в армии. Все знали эту историю. Муж среди мужей, так говорили о Валерии Тракезийском, командире Бдительных.

— Во всех часовнях и святилищах Города будут находиться

священники, другие придут к вам сюда, чтобы совершить траурные обряды на ипподроме, под солнцем бога.

— Да хранит тебя Джад, командир Валерий! — крикнул кто-то.

Казалось, всадник не услышал. Грубоватый и сильный тракезиец никогда не заигрывал с толпой, как другие обитатели Императорского квартала. Его Бдительные выполняли свой долг умело и не становились открыто ни на чью сторону, хотя иногда им случалось калечить и даже убивать людей. Зеленым и Синим доставалось поровну, а иногда даже высокопоставленным гражданам, ибо многие из самых буйных болельщиков были сыновьями аристократов. Никто даже не знал, какую партию предпочитал Валерий и каковы его убеждения среди многих ответвлений веры джадитов, хотя об этом и судачили. Его племянник покровительствовал Синим, это всем известно, но члены одной семьи часто принадлежали к разным факциям.

Фотий хотел было вернуться домой, к жене и сыну, после утренней молитвы в маленькой часовне возле форума Мезар, которую он любил. Восточная сторона неба посерела. Он посмотрел в сторону ипподрома и увидел, что Бдительные, как и было обещано, открывают ворота.

Он заколебался, но тут заметил стеклодува Паппиона, который стоял немного в стороне от других Зеленых один среди пустого пространства. Он плакал, слезы стекали на его бороду. Фотий, под влиянием совершенно неожиданного чувства, подошел к нему. Паппион увидел его и вытер глаза. Не произнеся ни слова, оба они бок о бок вышли на обширное пространство ипподрома. Божественное солнце поднялось из-за лесов и полей к востоку от тройных стен Сарантия, и день начался.

Плавт Бонос никогда не стремился стать сенатором. Это назначение, на сороковом году жизни, вызвало у него скорее раздражение, чем радость. Помимо всего прочего, существовал возмутительно устаревший закон, согласно которому сенаторы не имели права давать ссуду больше, чем под шесть процентов. Члены «фамилий» — семей аристократов, занесенных в особые Списки Империи, — имели право брать восемь процентов, а всем остальным, даже неверным и киндатам, дозволялось брать десять процентов. Эти цифры удваивались, разумеется, для морских предприятий, но только человек, одержимый демоном

безумия, вложил бы деньги в путешествие купца под двенадцать процентов. Боноса едва ли можно было назвать безумцем, но в последнее время он готов был впасть в меланхолию.

Сенатор Сарантийской империи. Какая честь! Даже восторг жены раздражал его, настолько слабо она разбиралась в положении дел. Сенат делал то, что приказывал ему император или его советники, не меньше и, уж конечно, не больше. Сенат не обладал ни властью, ни законным престижем. Возможно, когда-то так и было, еще на западе, в самые первые дни после основания Родиаса, когда этот могучий город начал вырастать на холме и гордые, спокойные мужи — пускай они и были язычниками — обсуждали, как лучше всего обустроить государство. Но к тому времени, когда Родиас в Батиаре стал сердцем и очагом Империи, охватившей весь мир — это было четыреста лет тому назад! — его Сенат уже был послушным орудием императоров, живущих в многоярусном дворце у реки.

Те легендарные дворцовые сады теперь заросли сорняками, их засыпало обломками, Большой дворец разграблен и сожжен пожарами сто лет назад. Печальный, съежившийся Родиас служил домом слабому верховному патриарху Джада и варварам-завоевателям с севера и востока — антам, которые по-прежнему мажут волосы медвежьим салом, как сообщали надежные источники.

А Сенат здесь, в Сарантии, в Новом Родиасе, был таким же ничтожным и покорным, как когда-то в Западной империи. Возможно, мрачно думал Бонос, оглядывая зал заседаний Сената с его затейливыми мозаиками на полу, на стенах и на вогнутой поверхности маленького, изящного купола, что те же самые варвары, которые разграбили Родиас, — или другие, еще хуже, — могут скоро сотворить то же с этой страной, где стали править императоры после потери запада. Борьба за преемственность делает уязвимой любую Империю, очень уязвимой.

Апий правил тридцать шесть лет. Трудно в это поверить. Старый, усталый, в последние годы попавший под влияние астрологов, он отказался назвать преемника после того, как его племянники не выдержали испытания, которое он им устроил. Троих из них теперь не стоило принимать в расчет: слепые не могут сидеть на Золотом Троне, как и явно увечные. Вырванные ноздри и выколотые глаза гарантировали, что кандидатуры ссыльных сыновей сестры Апия не будут рассматриваться Сенатом.

Бонос покачал головой, злясь на самого себя. Следуя ходу его мыслей, возникало предположение, что пятьдесят человек в этом зале действительно должны принять какое-то решение. На деле же они просто утвердят результат интриг, которые сейчас плетутся в Императорском квартале. Канцлер Гезий, или Адраст, или Гиларин — смотритель императорской опочивальни — очень скоро придут и сообщат им свое мудрое решение. Это все притворство, театральное действо.

А Флавий Далейн вернулся в Сарантий из своих родовых поместий на противоположном, южном берегу пролива два дня назад. Весьма кстати.

У Боноса не было разногласий ни с кем из семейства Далейнов, по крайней мере, насколько ему было известно. Это хорошо. Они ему не слишком нравились, но вряд ли имеет значение, как купец не слишком высокого происхождения относится к самому богатому и знатному семейству Империи.

Орадий, распорядитель Сената, подал сигнал к началу заседания. Но бурлящий зал не обратил на него внимания. Бонос прошел к своей скамье и сел, отвесив официальный поклон в сторону скамьи распорядителя. Другие это заметили и последовали его примеру. В конце концов установился порядок. И в этот момент Бонос осознал, что у дверей собралась толпа.

Грохот тяжелых кулаков вызывал страх, двери сотрясались, толпа громко выкрикивала имена. По-видимому, граждане Сарантия хотели предложить достойным сенаторам Империи собственных кандидатов.

Судя по доносящимся звукам, там шло сражение. «Какой сюрприз», — с насмешкой подумал Бонос. Под его зачарованным взглядом затейливо вызолоченные двери зала заседаний Сената — создающие отчасти иллюзию, будто здесь решаются важные насущные дела, — начали прогибаться под ударами снаружи. «Прекрасный символ», — подумал Бонос. Двери казались великолепными, но уступали малейшему давлению. У кого-то из сидящих дальше на скамье вырвался жалкий писк. Плавт Бонос, отличавшийся эксцентричным складом ума, расхохотался.

Двери с грохотом распахнулись. Четыре стражника отступили назад. Толпа горожан — и среди них несколько рабов — ворвалась в зал. Затем передние остановились, оробев. «Мозаики, золото, драгоценные камни тоже могут пригодиться», — подумал Бонос, все еще во власти насмешливого изумления. Лик Ге-

ладикоса, мчащегося на колеснице к своему отцу-Солнцу, — образ, вызывающий немало возражений в нынешней Империи, — смотрел с купола вниз.

Казалось, никто из находящихся в зале заседаний Сената не способен как-то ответить на это вторжение. Толпа бурлила, снаружи напирали остальные, уже проникшие в зал отступали назад, не зная толком, что им делать теперь, когда они оказались внутри. Здесь были представители обеих факций, и Синих и Зеленых. Бонос посмотрел на распорядителя. Орадий прикипел к своему месту и сидел неподвижно. Подавив смех, Бонос мысленно пожал плечами и встал.

— Граждане Сарантия, — торжественно произнес он, простирая вперед руки, — добро пожаловать! Я уверен, что ваша помощь в принятии нами решения в это тяжелое время будет неоценимой. Окажите нам честь и назовите имена тех кандидатов, которых вы считаете достойными взойти на Золотой Трон, перед тем как вы удалитесь и позволите нам просить у Джада его божественной помощи в нашей трудной задаче.

Собственно говоря, это отняло совсем немного времени.

Бонос заставил секретаря Сената послушно повторить и записать каждое из названных имен. Здесь почти не было неожиданностей. Очевидные кандидатуры стратигов, не менее очевидные — аристократов. Чиновники имперской канцелярии. Возничий. Бонос, сохраняя серьезное и внимательное выражение лица, заставил записать и его имя: Асторг из факции Синих. После можно будет над этим посмеяться.

Орадий, когда явная опасность миновала, собрался с духом и произнес неискреннюю благодарственную речь в своей выразительной, обтекаемой манере. Кажется, ее достаточно хорошо приняли, хотя Бонос сомневался, поняла ли чернь в зале хотя бы половину того, о чем ей поведала архаичная риторика этой речи. Орадий попросил стражу помочь преданным гражданам Империи покинуть зал. И они ушли — лавочники, подмастерья, члены гильдий, нищие, представители многочисленных народов, населяющих огромный город.

«Сарантийцы не отличаются склонностью к мятежам, — кисло подумал Бонос, — пока их каждый день снабжают бесплатным хлебом, разрешают спорить о религии и наслаждаться выступлениями любимых танцоров, актеров и гонками колесниц».

«Подумать только, возница! Священный император — Ас-

торг, возница. Прекрасный образ! Возможно, он хлыстом наведет порядок», — снова ненадолго развеселился Бонос.

Израсходовав вспышку инициативы, Плавт Бонос боком прислонился к спинке скамьи, облокотившись на одну руку, и стал ждать посланников из Императорского квартала, которые придут и сообщат сенаторам, какое именно решение им следует принять.

Однако все оказалось несколько сложнее. Убийство, даже в Сарантии, иногда может стать неожиданностью.

* * *

В респектабельных кварталах Города во время жизни предыдущего поколения вошло в моду пристраивать к третьим и четвертым этажам домов балконы. Нависая над узкими улицами, эти солнечные покои, словно в насмешку, почти полностью блокировали солнечный свет, как и следовало ожидать. И все ради утверждения своего статуса и чтобы дать представительницам благородных семейств возможность наблюдать за жизнью улицы из-за расшитых бисером занавесок, а иногда через потайные форточки в окнах, не подвергаясь унизительному риску быть замеченными.

При императоре Апии префект издал указ, определяющий то расстояние, на которое подобные сооружения могли выдаваться вперед от стены здания, после чего многие солярии, нарушавшие этот закон, ликвидировали. Незачем говорить, что это происходило не на тех улицах, где стояли дома подлинно состоятельных и влиятельных горожан. Одни патриции пользовались своей властью, чтобы жаловаться, а другие в ответ пускали в ход взятки или угрозы. Конечно, частную инициативу невозможно было полностью подавить, и некоторые прискорбные инциденты имели место в минувшие годы даже в самых аристократических кварталах.

* * *

На одной из таких улиц, вдоль которой выстроились красивые фасады кирпичных домов, щедро украшенные дорогими фонарями для ночного освещения, на широком балконе сидит мужчина и попеременно смотрит то на улицу внизу, то на женщину в спальне у него за спиной. Она изысканно медленными,

грациозными движениями заплетает волосы в косы и укладывает локоны.

Он думает, что она, отбросив стеснение, в каком-то смысле, оказывает ему честь. Сидя обнаженной на краю постели, она демонстрирует свое тело, его выпуклости и ложбинки: поднятая рука, гладкая впадинка под ней, медового цвета груди и бедра и слегка оттененное местечко между бедер, где его так приветливо принимали минувшей ночью.

Той ночью, когда явился гонец с известием о кончине императора.

По правде говоря, он ошибается в одном: в данный момент ее беззастенчивая нагота больше свидетельствует о погруженности в себя, чем о каких-либо чувствах или эмоциях, вызванных им самим. В конце концов, она привыкла демонстрировать тело мужчинам. Он это знает, но предпочитает иногда забывать.

Он наблюдает за ней с легкой улыбкой. У него гладковыбритое круглое лицо с мягким подбородком и серыми проницательными глазами. Его нельзя назвать красивым или притягивающим взоры, но от него исходят добродушие и искренность. И это, конечно, приносит пользу.

Ее темно-каштановые волосы, отмечает он, за лето приобрели рыжеватый отлив. Интересно, когда это она успевала столько пробыть на воздухе? Скорее всего этот оттенок создан искусственно. Мужчина не задает вопросов. У него нет охоты расспрашивать ее о том, чем она занимается, когда они не вместе, не в этом доме, который он купил для нее.

Это напомнило ему о том, почему они находятся здесь именно сейчас. Он отводит взгляд от женщины на ложе — ее зовут Алиана — и снова смотрит на улицу. Там наблюдается движение, так как утро уже началось, и к этому моменту новость уже должна разнестись по Сарантию.

Дверь, за которой он наблюдает, остается закрытой. Возле нее стоят стражники, но они стоят там всегда. Он знает имена этих двоих, и других тоже, и откуда они родом. Такие подробности иногда имеют значение. В подобных вещах он очень тщателен и не так благодушен, как может показаться поверхностному наблюдателю.

Перед рассветом в эту дверь вошел человек и, судя по его виду, принес важное известие. Канцлер Гезий решил сделать свой ход. Значит, игра началась. Мужчина на балконе надеется

выиграть ее, но у него уже достаточно опыта в мире власти, и он понимает, что может проиграть. Его зовут Петр.

— Я тебе надоела, — произносит женщина, прерывая молчание. Голос ее тих, в нем слышится насмешка. Руки, укладывающие волосы, не перестают двигаться. — Увы, этот день наступил.

— Этот день никогда не наступит, — спокойно отвечает мужчина, тоже слегка насмешливо. Они давно играют в эту игру, основанную на прочности их невероятных отношений. Однако сейчас он не сводит глаз с двери.

— Я снова окажусь на улице, отданная на милость факций. Стану игрушкой самых необузданных болельщиков с привычками варваров. Отвергнутая актриса, опозоренная и покинутая, чьи лучшие годы уже позади.

Ей было двадцать лет в тот год, когда умер император Апий. Мужчина же прожил 31 лето; не молод, но о нем говорили — и раньше и после, — что он принадлежит к числу тех, кто никогда не был молодым.

— Держу пари, — тихо шепчет он, — что всего через два дня какой-нибудь влюбленный богач из высшего света или процветающий торговец шелками или афганскими пряностями завоюет твое непостоянное сердце, посулив украшения и собственную баню.

— Собственная баня — это большой соблазн, — соглашается Алиана.

Петр с улыбкой бросает на нее взгляд. Она знала, что он это сделает, и отнюдь не случайно оказалась сидящей к нему боком, подняв руки к волосам и повернувшись лицом с широко раскрытыми темными глазами. Она играет на сцене с семилетнего возраста. Несколько мгновений она сохраняет эту позу, потом начинает смеяться.

Мужчина с мягким лицом, после занятий любовью одетый лишь в серо-голубую тунику, качает головой. Его песочного цвета волосы уже начали слегка редеть, но еще не поседели.

— Наш возлюбленный император умер, наследника нигде не видно, Сарантию грозит смертельная опасность, а ты напрасно мучишь опечаленного и встревоженного человека.

— Можно, я подойду и еще немного его помучаю? — спрашивает она.

Она видит, что он колеблется. Это ее удивляет и даже, по

правде говоря, волнует: как сильно он ее желает, если даже в это утро...

Но в эту секунду с улицы внизу доносятся один за другим звуки. Ключ скрипит в замке, открывается и закрывается тяжелая дверь, звучат быстрые голоса, слишком громкие, потом еще один голос отдает резкую команду. Человек за занавеской быстро оборачивается и снова смотрит на улицу.

Женщина замирает. В это мгновение своей жизни она обдумывает много разных вещей. Но, по правде говоря, настоящее решение уже принято раньше. Она доверяет ему и самой себе, как ни удивительно. Она заворачивается в простыню, словно защищаясь, а потом задает вопрос, обращаясь к его напряженному лицу, с которого совершенно исчезло обычное добродушное выражение:

— Какая на нем одежда?

Много позже мужчина решит, что ему не следовало так уж удивляться ее вопросу и тому, что она захотела ему открыть этим вопросом. С самого начала его в ней привлекали ее ум и проницательность не меньше, чем красота и талант, которые заставляли сарантийцев приходить в театр каждый вечер, когда она выступала, восторгаться и разражаться смехом и аплодисментами.

Однако сейчас он действительно поражен, а удивляется он редко. Не в его привычках позволять себе замешательство. Тем не менее в эту единственную тайну он ее не посвятил. И оказывается, имеет большое значение, во что решил одеться седовласый человек на все еще сумрачной улице, выходя из дома, чтобы явиться взорам всего мира в то чреватое важными последствиями утро.

Петр оглядывается на женщину. Даже в такой момент он переводит взгляд на нее, и после они оба это запомнят. Он видит, что она прикрыла наготу и что она немного боится, хотя, конечно, стала бы это отрицать. От него почти ничего не ускользает. Он тронут как тем, что она задала этот вопрос, так и ее страхом.

— Ты знала? — тихо спрашивает он.

— Ты очень настаивал именно на этом доме, — шепчет она, — с балконом над этой улицей. Нетрудно было заметить, чьи двери видны отсюда. А театр и пиршественный зал Синих служат не менее надежными источниками информации, чем дворцы или казармы. Какая на нем одежда, Петр?

У нее привычка понижать голос в особо важных местах, а не повышать его. Это производит впечатление. Как и многое другое в ней. Он снова смотрит на улицу, вниз, сквозь скрывающий его занавес, на группу людей перед входом в тот самый важный дом.

— Белая, — отвечает он и после паузы прибавляет еле слышно: — С пурпурной каймой от плеча до колена.

— А! — откликается женщина. Она встает и идет к нему, волоча за собой окутавшую ее простыню. Она невысокого роста, но двигается так, словно высокого. — Он надел порфир. Сегодня утром. Это значит?

— Это значит, — повторяет он. Но без вопросительного знака.

Протянув руку через ограждение балкона, он быстро описывает круг, подавая знак людям, которые уже давно ждут на первом этаже дома на противоположной стороне улицы. Едва дождавшись ответного знака, поданного из маленькой двери сторожа за железной решеткой, Петр поворачивается и идет через комнату к невысокой прекрасной женщине, стоящей между комнатой и солярием.

— Что будет, Петр? — спрашивает она. — Что теперь будет?

Внешне он не производит большого впечатления, но тем большее впечатление производит то ощущение собранной властности, которое он может иногда вызвать, внушая тревогу.

— Ты предложила меня помучить, — шепчет он. — Разве нет? Теперь у нас появилось немного свободного времени.

Она колеблется, потом улыбается, и простыня, ее временное одеяние, падает на пол.

Вскоре на улице внизу раздается громкий шум. Крики, дикие вопли, топот бегущих ног. На этот раз они остаются в постели. В какой-то момент, в разгар любовных объятий, он шепотом, на ушко, напоминает ей об обещании, данном больше года назад. Она его помнит, конечно, но никогда не позволяла себе до конца в это поверить. Сегодня, в это утро, прильнув губами к его губам, снова приняв в себя его тело, думая о смерти императора прошлой ночью и о другой смерти, сейчас, и о совершенно невероятной любви, она верит. Она действительно верит ему теперь.

Ничто и никогда так не пугало ее раньше. А ведь она уже прожила жизнь, хотя еще очень молода, в которой сильный страх был вещью обычной. Но вот что она говорит ему несколько позже, когда к ним возвращается возможность разговаривать, когда стихают общие движения и стоны:

— Помни, Петр. Собственная баня, с холодной и горячей водой, с паром, не то найду себе торговца пряностями, который знает, как ублажить высокородную даму.

* * *

Всю жизнь ему хотелось только одного — участвовать в гонках.

Ему казалось, что с того времени, когда он осознал себя в этом мире, он жаждал находиться среди лошадей, наблюдать за галопом, шагом, бегом; говорить с ними, говорить о них, о колесницах и возничих весь день, пока не заблестят на небе звезды. Ему хотелось холить коней, кормить их, помогать им рождаться на свет, приучать к упряжи, поводьям, колеснице, шуму толпы. А затем — если будет на то милость Джада, во славу Геладикоса, отважного сына божьего, который погиб в своей колеснице, когда вез людям огонь, — править собственной квадригой. Вытягиваться далеко вперед над хвостами коней, обвязав себя поводьями, чтобы не выскользнули из потных пальцев, заткнув за пояс кинжал, чтобы при падении одним отчаянным ударом перерубить ремни, и гнать, и гнать вперед с такой скоростью и грацией, которую никто другой и вообразить себе не сможет.

Но ипподромы и колесницы были частью большого мира, частью мирской жизни, а в Сарантийской империи ничто, даже поклонение богу, не было простым и ясным. Здесь, в Городе, стало даже опасным свободно говорить о Геладикосе. Несколько лет назад верховный патриарх из разрушенного Родиаса и восточный патриарх Сарантия сделали совместное заявление, что было большой редкостью: Священный Джад, бог в солнце и за солнцем, не имеет детей: ни смертных, ни бессмертных, но все люди являются духовными сынами божьими. Сущность бога не может умножаться. Поклонение и даже само признание идеи о рожденном им сыне есть ересь, порочащая святость бога.

Но как еще, вопрошали на проповедях несогласные с ними клирики в Сорийе и в других странах, мог этот недосягаемый, ослепительный Золотой Бог Всех Миров стать более доступным для приземленного человечества? Если Джад любит свое смертное творение, сынов своего духа, разве не истина то, что он во-

плотил частицу себя в облике смертного, чтобы скрепить эту любовь? И этим воплощением стал Геладикос, возничий, его сын.

Были еще анты, которые завоевали Батиару и приняли веру в Джада, а вместе с ним и в Геладикоса, но уже в качестве полубога, а не просто смертного сына Джада. «Варварская ересь», — возмущались теперь ортодоксальные клирики, за исключением тех, кто жил в Батавии под властью антов. Сам верховный патриарх жил там, в Родиасе, с их милостивого дозволения, и на западе голоса против Геладикоса звучали приглушенно.

Но здесь, в Сарантии, вопросы веры обсуждались повсюду, в портовых кабаках, в публичных домах, в тавернах, на ипподроме, в театрах. Нельзя было купить фибулу, чтобы заколоть плащ, не выслушав мнение продавца о Геладикосе или о литургии во время молитв на заре.

Слишком много было в Империи, а особенно в самом Городе, людей, которые поклонялись богу по-своему, поэтому патриархи и клирики не могли начать преследовать их, но признаки углубляющегося раскола наблюдались повсюду, и во всем ощущалось некое беспокойство.

В Сорийе, лежащей к югу, между пустыней и морем, где раньше жили джадиты у границы с бассанидами, в землях киндатов и молчаливых, сумрачных кочевых племен Аммуза, и дальше в пустынях, где различные племена исповедовали различную веру в Джада, часто необъяснимую, гробницы Геладикоса были таким же обычным явлением, как святилища или часовни самого бога. Мужество сына, готовность к самопожертвованию превозносились клириками и вождями пустыни на пограничных землях как добродетели. А Родиас на далеком западе был давно уже разграблен, поэтому какое духовное руководство может предложить теперь его верховный патриарх?

Скортий из Сорийи, самый молодой из возничих, какие только выступали за сарантийских Зеленых, хотел лишь заниматься своим делом и не думать ни о чем, кроме скорости и жеребцов. Он молился Геладикосу в его золотой колеснице в глубине души, поскольку был сдержанным, малообщительным юношей, наполовину сыном пустыни. Еще в детстве он решил для себя, что возничий не может не почитать Возничего. Действительно, втайне считал он, хотя и не слишком разбирался в подобных вопросах, те его соперники, которые следовали указаниям патриархов и отказывались от сына божьего, лишали

себя возможной помощи могучего покровителя, когда выезжали из-под арок на опасный, проверяющий их на прочность песок ипподрома на глазах у восьмидесяти тысяч вопящих граждан.

Это их проблема, а не его.

Ему девятнадцать лет, он правит первой колесницей Зеленых на самом большом в мире ипподроме, и ему представился случай стать первым после Ормеза из Эсперанъи, который одержит сто побед еще до достижения двадцатилетнего возраста в конце лета.

Но император умер. Гонок не будет ни сегодня, ни еще бог знает сколько дней, пока не завершатся траурные обряды. Сегодня утром на ипподроме собралось двадцать тысяч зрителей, или даже больше. Они заполнили беговые дорожки, тревожно перешептываясь между собой, или слушали священников в желтых одеяниях, а не следили за процессией выехавших колесниц. Он потерял полдня гонок на прошлой неделе из-за поврежденного плеча, а теперь пропал еще один день и следующая неделя? И неделя после?

Скортий понимал, что ему не следует так много думать о своих делах в такое время. Священники — и геладикийцы и ортодоксы — все осудили бы его за это. По некоторым вопросам среди клириков царит единодушие.

Он видел мужчин, плачущих на трибунах и на дорожках. Другие слишком бурно жестикулировали и слишком громко разговаривали, в их глазах стоял страх. Скортий уже видел такой страх на лицах возничих во время гонок. Он не знал, ощущал ли сам когда-нибудь подобный страх, разве что когда армия бассанидов пришла через пески к их городу, и он, стоя на городской стене, поднял взгляд и увидел лицо отца. В тот раз они сдались, потеряли город, свои дома, а через четыре года по договору снова вернули их назад, после побед на северной границе. Завоеванные города все время переходили из рук в руки.

Он понимал, что сейчас Империи грозит опасность. Коням нужна твердая рука, и Империи тоже. Его проблема в том, что он вырос там, где слишком часто видел восточные армии Ширвана, Царя Царей, и он не испытывал и доли той тревоги, которую чувствовали окружающие его люди. Его жизнь была слишком насыщенной, полной волнений, чтобы он сегодня пал духом.

Ему девятнадцать, и он возничий. В Сарантии.

Кони стали его жизнью, как он когда-то мечтал. Эти дела большого мира... Пусть с ними разбираются другие. Кто-нибудь станет императором. Очень скоро, если на то будет воля божья, кто-нибудь будет сидеть в катизме — императорской ложе — в середине западной трибуны ипподрома и бросит белый носовой платок, подавая сигнал к началу процессии, и колесницы пройдут парадом, а затем начнутся гонки. «Для возничего не имеет большого значения, — подумал Скортий из Сорийи, кто будет тем человеком с платком».

В Городе Скортий прожил меньше полугода. Его завербовал факционарий Зеленых на небольшом ипподроме в Сарнике, где он правил загнанными конями в слабой команде Красных и выигрывал скачки. Ему пришлось многому научиться. Он действительно научился, и очень быстро.

Скортий прислонился к арке в тени и наблюдал за толпой. Он стоял на возвышении, которое вело вдоль беговой дорожки назад, к внутренним помещениям и стойлам, а также к крохотным жилым каморкам для служащих ипподрома под трибунами. Запертая дверь из туннеля вела вниз, к цистернам в пещере, где хранилась большая часть запасов воды для Города. В свободные дни молодые наездники и конюхи иногда устраивали гонки на лодках среди тысяч колонн, на обширной водной глади, где в полумраке разносилось эхо.

Скортий подумал, не следует ли ему выйти наружу и вернуться через поле к конюшням Зеленых, чтобы проверить, как там его лучшая упряжка, и пускай священники поют свои молитвы, а самые возбужденные из граждан выкрикивают имена кандидатов в императоры даже во время богослужений.

Одно-два имени среди громких возгласов показались ему смутно знакомыми. Он еще не знал всех имен военных командиров и аристократов, не говоря уже об ошеломляющем количестве придворных. Да и кто в состоянии их запомнить да еще выделить действительно важных лиц? Скортий потер разбитое плечо, взглянул наверх. Никаких облаков, дождевые тучи ушли на восток. День будет очень жарким. На беговой дорожке жара ему на пользу. Он родом из Сорийи, дочерна обожжен солнцем бога, он может справиться с палящим летним зноем лучше многих других. Этот день был бы для него удачным, это точно. Теперь все кончено. Император умер.

Он подозревал, что не только слова и имена полетят над ипподромом еще до окончания этого утра. Толпы такого сорта

редко долго остаются спокойными, а обстоятельства сегодняшнего дня заставили Синих и Зеленых сойтись слишком близко. Это опасно. С нарастанием жары разгораются и страсти. Стычка на ипподроме в Сарнике перед самым его отъездом закончилась сожжением половины квартала киндатов, когда толпа высыпала на улицы.

Однако сегодня здесь стояли Бдительные, вооруженные и настороженные, и толпа на стадионе была скорее испуганной, чем сердитой. Возможно, он ошибается насчет насилия. Скортий первым готов признать, что хорошо разбирается только в лошадях. Это сказала ему одна женщина не далее как позапрошлой ночью, но голос у нее был томным, как у кошки. Собственно говоря, он обнаружил, что тот же ласковый тон, какой годится для усмирения пугливых коней, иногда годится и для женщин, которые обычно ждали его после дневных гонок или посылали за ним служанок.

Имейте в виду, так бывало не всегда. В разгар ночи с той напоминающей кошку женщиной у него возникло странное ощущение, что она предпочла бы, чтобы с ней он обращался так же, как со своей квадригой, когда изо всех сил стегал кнутом коней в последнем, стремительном рывке к финишной линии. Эта мысль внушала тревогу. Он не стал поступать так, разумеется. Женщин трудно понять, как оказалось, но надо признаться, стоит постараться понять.

Правда, кони гораздо больше этого достойны. С ними никто не может сравниться.

— Плечо заживает?

Скортий быстро оглянулся, едва успев скрыть удивление. Этого вежливого вопроса он совсем не ожидал от того поджарого, хорошо сложенного человека, который сейчас подошел и встал рядом с ним в арочном проеме, словно старый приятель.

— Почти зажило, — коротко ответил он Асторгу из команды Синих, самому выдающемуся возничему на сегодняшний день, человеку, для борьбы с которым его привезли на север из Сарники. Скортий чувствовал себя неловким, неуклюжим рядом со старшим по возрасту соперником. Он представления не имел, как вести себя в подобных моментах. У Асторга была не одна, а целых две статуи среди прочих на спине ипподрома[1], и одна из

[1] Спина (spina) — длинная стена, идущая по центру большой оси ипподрома.

них — бронзовая. По слухам, он обедал в Аттенинском дворце уже несколько раз. Обитатели Императорского квартала интересовались его мнением по разным проблемам жизни в Городе.

Асторг рассмеялся, его лицо выражало легкую насмешку.

— Я ничего против тебя не замышляю, парень. Никаких ядов, табличек с проклятиями или разбойников в темноте у дверей какой-нибудь дамы.

Скортий покраснел.

— Я знаю, — пробормотал он.

Асторг прибавил, не отрывая взгляда от переполненных трибун и дорожек:

— Соперничество полезно нам всем. Заставляет людей говорить о гонках. Даже когда они сюда не приходят. Заставляет их делать ставки. — Он прислонился к одной из колонн, поддерживающих арку. — Заставляет их добиваться разрешения чаще устраивать соревнования. Они подают прошение императорам. Императоры хотят, чтобы граждане были довольны. Они вносят в календарь добавочные дни соревнований. Это означает больше денег для всех нас, парень. Ты мне поможешь уйти на покой гораздо раньше. — Он повернулся к Скортию и улыбнулся. Количество шрамов на его лице вызывало изумление.

— Ты хочешь уйти на покой? — спросил пораженный Скортий.

— Хочу, — мягко ответил Асторг, — мне тридцать девять лет. Да, я хочу уйти.

— Тебя не отпустят. Болельщики Синих потребуют, чтобы ты вернулся.

— И я вернусь. Один раз. Два раза. За определенную плату. А потом дам своим старым костям заслуженную награду и оставлю переломы, шрамы и опасные падения тебе или даже более молодым парням. Ты себе можешь представить, сколько ребят погибло на беговой дорожке у меня на глазах с тех пор, как я начал участвовать в гонках?

Скортий сам повидал достаточно смертей за свою короткую карьеру и мог не отвечать на этот вопрос. За какой бы цвет они ни выступали, разъяренные болельщики другой факции желали им смерти, увечий, переломов. Люди приходили на ипподромы, чтобы увидеть кровь и услышать вопли, а не только восхищаться скоростью. Убийственные проклятия на вощеных дощечках бросали на могилы, в колодцы, в цистерны, закапывали на перекрестках дорог, забрасывали в море при лунном свете со стен

Города. Алхимики и хироманты, и настоящие и шарлатаны, за плату посылали смертоносные заклинания против названных им возничих и лошадей. На ипподромах Империи возничие вели гонку со Смертью, а не только друг с другом. Геладикос, сын Джада, погиб в своей колеснице, а они — его последователи. Или некоторые из них.

Двое возничих несколько мгновений стояли молча, наблюдая за бурлящей толпой из тени под аркой. Если бы болельщики их заметили, их бы тут же окружила толпа, Скортий это понимал.

Но их не заметили. Помолчав, Асторг очень мягко произнес:

— Тот человек. Вон в той группе людей. Все Синие. А он — нет. Он не из Синих. Я его знаю. Интересно, что он там делает?

Скортий, почти без интереса, посмотрел туда и успел увидеть, как упомянутый человек поднес сложенные руки ко рту и крикнул звучным, далеко разнесшимся голосом патриция:

— Далейна на Золотой Трон! Синие за Флавия Далейна!

— Вот это да! — произнес Асторг, первый возничий Синих, почти про себя. — И здесь тоже? Какой же он умный негодяй!

Скортий понятия не имел, о чем говорит его старший товарищ.

Только много позже, вспоминая об этом, сопоставляя события, он понял.

* * *

Сапожник Фотий уже какое-то время рассматривал этого крепкого гладковыбритого мужчину в идеально отглаженной синей тунике.

Стоя в группе, где вопреки обычаю смешались болельщики и горожане, принадлежность которых к какой-либо факции трудно было определить, Фотий вытирал лоб рукой и пытался не обращать внимания на пот, струйками текущий по спине. Его одежда пропиталась им и запылилась. Зеленая туника стоящего рядом Паппиона тоже. Лысеющую голову стеклодува прикрывала шапка, которая когда-то, возможно, и была красивой, но теперь скукожилась и стала предметом всеобщих насмешек. Уже стало невыносимо жарко. С восходом солнца ветер стих.

Этот крупный, слишком элегантный человек вызывал у него беспокойство. Он уверенно стоял в группе болельщиков

Синих, где было много лидеров — тех, кто руководил скандированием во время начала процессий и после одержанной победы. Но Фотий никогда его прежде не видел, ни на трибунах Синих, ни на одном из пиршеств, ни во время церемоний.

Он неожиданно толкнул локтем Паппиона.

— Ты его знаешь? — Он махнул рукой в сторону того человека. Паппион, пощипывая верхнюю губу, прищурился от яркого света. И внезапно кивнул:

— Один из наших. Или был им в прошлом году.

Фотия охватило чувство торжества. Он собрался было подойти к группе Синих, когда тот человек, за которым он наблюдал, поднес руки ко рту и громко выкрикнул имя Флавия Далейна, предлагая в императоры этого очень хорошо известного аристократа.

В этом не было ничего особенного. Но когда через мгновение такой же крик раздался в разных частях ипподрома — от имени Зеленых, снова Синих и даже от имени более малочисленных Красных и Белых, а затем от имени одной гильдии ремесленников, потом еще одной и еще одной, сапожник Фотий громко рассмеялся.

— Во имя Святого Джада! — с горечью воскликнул Паппион. — Он считает нас всех глупцами?

Факции были знакомы с методом «спонтанных одобрений». У них имелись специально отобранные и обученные люди, которые должны были начинать и поддерживать выкрики в критические моменты дня гонок. Часть удовольствия принадлежать к факции состояла в том, чтобы слышать, как над ипподромом несется клич «Слава Синим!» или «Победоносный Асторг будет побеждать вечно!». Этот мощный клич был точно рассчитан по времени и разносился по северным трибунам, по их закругленному концу и вдоль другой стороны трибун, пока возничий-победитель совершал свой круг почета мимо молчаливых, унылых болельщиков Зеленых.

— Наверное, считает, — обиженно сказал стоящий рядом с Фотием человек, — что могут знать о ком-нибудь из нас Далейны?

— Это почтенное семейство! — вмешался кто-то еще.

Фотий оставил их спорить. Он пересек площадку и подошел к группе Синих. Ему было жарко, и он злился. Он хлопнул чужака по плечу. Вблизи он почувствовал запах, идущий от этого человека. Духи? На ипподроме?

— Во имя Джада, кто ты такой? — требовательно спросил он. — Ты не из Синих, как ты смеешь говорить от нашего имени?

Человек обернулся. Он был полным, но не толстым. У него были странные, светло-зеленые глаза, которые сейчас рассматривали Фотия так, словно он был насекомым, заползшим во флягу с вином. Фотий удивился, несмотря на беспорядочно скачущие в голове мысли, как может туника оставаться такой свежей и чистой здесь, в это утро.

Другие услышали его вопрос. Они смотрели на Фотия и на чужака, который с презрением произнес четким, резким голосом:

— Смею предположить, что ты — уполномоченный летописец Синих в Сарантии? Ха! Ты, наверное, и читать-то не умеешь.

— Он, может, и не умеет, — сказал Паппион, решительно подходя к ним, но ты прошлой осенью носил тунику Зеленых на нашем пиру в честь закрытия сезона. Я тебя помню. Ты даже произносил тост. Ты был пьян!

Очевидно, самозванец отнес Паппиона к тому же классу ползающих насекомых, что и Фотия. Он сморщил нос.

— А что, какие-нибудь новые правила запрещают человеку менять свои пристрастия? И мне не позволено наслаждаться триумфами могучего Аспорта?

— Кого? — переспросил Фотий.

— Асторга, — быстро произнес чужак. — Асторга из факции Синих.

— Убирайся отсюда, — сказал Дацилион, который на памяти Фотия всегда был одним из лидеров Синих и который нес знамя на церемонии открытия ипподрома в этом году. — Немедленно убирайся!

— Сначала сними эту синюю тунику! — сердито прохрипел еще чей-то голос. Разговор стал громким. К ним начали поворачиваться головы. По всему ипподрому слишком согласованные голоса подставных лиц продолжали выкрикивать имя Флавия Далейна. Охваченный приливом жаркого гнева, который был сродни радости, Флавий ухватился потной рукой за чистую голубую тунику на груди самозванца.

Аспорт, подумать только!

Он сильно дернул и почувствовал, как туника рвется на плече. Драгоценная брошь, держащая ее, упала на песок. Он рас-

смеялся и тут же вскрикнул, так как почувствовал удар под коленки. Он пошатнулся и упал в пыль. «Вот так падают возничие», — подумал он.

Он поднял слезящиеся глаза, задохнувшись от боли. Бдительные. Конечно. Подошли трое, вооруженные, безразличные, безжалостные. Они могли убить его так же легко, как ударили по коленям, и так же безнаказанно. Это Сарантий. Здесь простые люди погибают каждый день, чтобы послужить примером остальным. Конец копья был направлен ему в грудь.

— Того, кто ударит еще раз, ждет наконечник копья, а не древко, — сказал держащий оружие человек, его голос глухо звучал из-под шлема. Он был совершенно спокоен. Воины императорской гвардии были обучены лучше всех остальных солдат в Городе.

— Значит, вам хватит работы, — ничуть не испугавшись, заявил Дацилион. — Кажется, спонтанная демонстрация, организованная прославленными Далейнами, не достигла желаемой цели.

Трое Бдительных посмотрели вверх, на трибуны, и тот, кто держал копье, выругался, потеряв хладнокровие. Теперь кулаки замелькали повсюду, драки вспыхивали вокруг тех, кто выкрикивал это явно заказанное имя. Фотий лежал неподвижно, не смея даже потереть ноги, пока наконечник копья не дрогнул и не отодвинулся от него. Зеленоглазый самозванец в порванной голубой тунике куда-то исчез. Фотий представления не имел, куда он делся.

Паппион опустился рядом с ним на колени. Фотий вытер с лица слезы и пот. Теперь его туника и ноги были испачканы пылью той священной земли, по которой скакали колесницы. Он ощутил внезапный прилив дружеских чувств к лысеющему стеклодуву. Паппион, конечно, был из Зеленых, но он, несмотря на это, человек порядочный. И он помог разоблачить обман.

Аспорт из команды Синих! Аспорт? Фотий чуть не задохнулся. Как это похоже на Далейнов, этих высокомерных патрициев, так мало уважать сограждан, чтобы вообразить, будто жалкая пантомима поможет усадить задницу Флавия на Золотой Трон!

Бдительные рядом с ними внезапно выстроились в шеренгу с военной четкостью. Фотий быстро бросил взгляд мимо них. На ипподром въехал всадник и медленно двинулся вдоль спины к его центру.

Потом его увидели и другие. Кто-то выкрикнул его имя, а затем это имя подхватили другие голоса. На этот раз крики возникли действительно спонтанно. Всадник натянул поводья и остановился, и вокруг него тут же выстроилась охрана из Бдительных. Именно их военный строй и их молчание заставили всех посмотреть на них, и постепенно двадцатитысячная толпа замерла.

— Граждане Сарантия, я принес вам весть, — крикнул Валерий, командир Бдительных, хриплым, грубым голосом солдата.

Разумеется, все не могли его слышать, но его слова повторяли в толпе, как происходило всегда. Они неслись по этой огромной площади, вверх по трибунам, через спину с ее обелисками и статуями, через пустую катизму, где во время скачек сидит император, до самых арок, откуда смотрели несколько возничих и служащих ипподрома, укрывшихся от палящего солнца.

Фотий увидел рядом с собой на песке брошь. Он быстро накрыл ее ладонью. Кажется, никто не заметил. Позже он продаст ее и получит достаточно денег, чтобы изменить свою жизнь. Но сейчас он с трудом встал на ноги. Он был весь в пыли, липкий от пота, но решил, что ему следует стоять, когда будет названо имя императора.

Он ошибался насчет того, что сейчас произойдет, но как ему было понять тот танец, который плясали в тот день?

* * *

Много позже оказалось, что расследование, которое проводил императорский квестор под руководством начальника канцелярии, не смогло установить личность убийц самого известного в то время сарантийского аристократа. Это стало неожиданностью и вызывало беспокойство.

Довольно легко установили, что Флавий Далейн, только недавно вернувшийся в Город, вышел из своего дома наутро после смерти императора Апия в сопровождении двух старших сыновей, племянника и небольшой свиты. Члены семьи подтвердили, что он направлялся в палату Сената, чтобы официально оказать поддержку сенаторам в минуты испытаний и принятия ответственного решения. Предполагали — но в Императорском квартале этого не подтвердили, — что он договорился встретиться там с канцлером, после чего Гезий должен был сопрово-

ждать его в Аттенинский дворец, чтобы отдать последний долг усопшему.

Тело Далейна и то, что осталось от его одежды, когда покойника на носилках отнесли в дом, а потом к месту последнего упокоения — в семейный мавзолей, было в таком состоянии, что широко распространившиеся слухи насчет его облачения в то утро не могли получить официального подтверждения.

Одежда вся сгорела, вместе с пурпурной каймой, которая вызвала так много толков, или без нее, а большая часть кожи аристократа обуглилась дочерна или совсем исчезла. То, что осталось от его лица, выглядело ужасно, черты лица под некогда знаменитой серебряной сединой невозможно было различить. Его старший сын и племянник также погибли, как и четыре человека из свиты. Уцелевший сын, как сообщалось, ослеп, и смотреть на него теперь больно и страшно. Ожидали, что он примет монашеский обет и удалится из Города.

Таковы последствия «сарантийского огня».

Он был одной из тайн Империи, свирепо охраняемой, ибо это оружие спасало Город — до сих пор — от нападений с моря. Ужас мчался впереди этого расплавленного, жидкого пламени, которое сжигало корабли и людей и горело прямо на поверхности воды.

Никогда в памяти живущих или в военных хрониках не отмечалось случая применения его в стенах города или во время сражений на суше.

Поэтому знающие люди, конечно, заподозрили стратига флота и всех прочих военных командиров, которые имели возможность подкупить морских инженеров, знающих технику подачи жидкого огня по шлангам и метания его по воздуху в наступающих с моря врагов Сарантия.

Постепенно многие соответствующие лица были подвергнуты искусному допросу. Но их смерть тем не менее не позволила установить, кто же именно организовал это отвратительное убийство выдающегося патриция. Стратиг флота, человек старой закалки, предпочел покончить жизнь самоубийством, но оставил письмо, в котором заявил о своей непричастности к любым преступлениям. Он писал, что не может пережить того позорного факта, что оружие, доверенное ему, было использовано подобным образом. Его смерть, следовательно, также оказалась бесполезной.

Надежные источники сообщали, что сифонный аппарат на-

ходился в руках трех человек. Или пяти. На них были ошейники и одежда в стиле бассанидов, они носили варварские усы и длинные волосы, как самые заядлые болельщики Зеленых. Или Синих. По другим слухам, они были одеты в светло-коричневые туники городской стражи. Говорили, что они бросились бежать по улице на восток. Или на запад. Или через черный ход дома на престижной тенистой улице, где стоит городской дом Далейнов. Уверенно заявляли, что убийцы были киндатами в серебристых одеждах и синих шапочках. Какого-либо явного мотива не усматривалось, но эти поклонники двух лун вполне способны творить зло ради самого зла. Последовавшие за этим несколько спонтанных нападений на квартал киндатов префект счел вполне оправданным средством разрядить напряжение в Городе.

Всем имеющим лицензию на торговлю иностранным купцам в Сарантии посоветовали не покидать отведенные им кварталы Города вплоть до дальнейших распоряжений. Кое-кто из них по безрассудству не последовал этому совету — возможно, им было любопытно проследить за течением событий того дня — и пострадал, что было вполне предсказуемо.

Убийц Флавия Далейна так и не нашли.

В то тяжелое время, когда служба городского префекта по приказу начальника канцелярии вела тщательный подсчет всех погибших, появился доклад о трех телах, вынесенных на берег моря через четыре дня. Их обнаружили солдаты, патрулирующие побережье к востоку от тройных стен Города. Покойники были голыми, их кожа стала серо-белой от морской воды, а морские животные объели их лица и конечности.

Никто не связал эту находку с событиями той ужасной ночи, когда император Апий ушел к богу, а утром за ним последовал почтенный Флавий Далейн. Да и какую связь можно было установить? Рыбаки все время находят трупы в воде, вдоль восточных каменистых пляжей.

* * *

Плавт Бонос, как это свойственно интеллигентному человеку, не обладающему реальной властью, втайне злорадствовал при виде выражения на лице канцлера, когда начальник канцелярии появился в то утро в палате Сената вскоре после прибытия туда Гезия.

Высокий худой евнух сложил ладони вместе и торжественно наклонил голову, словно появление Адраста было для него поддержкой и утешением. Но Бонос следил за его лицом, когда стражники распахнули изукрашенные двери, пострадавшие от утреннего налета толпы.

Гезий ожидал кого-то другого.

Бонос догадывался, кто это мог быть. «Будет интересно, — подумал он, — когда все актеры этой утренней пантомимы соберутся вместе». Адраст явно прибыл по собственному почину. В отсутствие двух самых сильных — и опасных — стратигов, находящихся со своими войсками на расстоянии более двух недель быстрого марша от Сарантия, перед начальником канцелярии открывался прямой и законный доступ к Золотому Трону, если он будет действовать решительно. Его происхождение в числе других «фамилий» было безупречным, никто не мог сравняться с ним по опыту и положению, и он имел обычное количество друзей. И врагов.

Гезий, разумеется, не мог даже помышлять о троне императора для себя самого, но канцлер мог посадить, или попытаться посадить на трон того человека, который обеспечил бы ему дальнейшее пребывание в самом центре власти в Империи. Он был бы далеко не первым евнухом, который организовал передачу власти в нужные руки.

Бонос, слушая череду изворотливых речей своих коллег — вариации на тему горестной утраты и важности предстоящего решения, — подал знак рабу принести ему чашу охлажденного вина. «Интересно, — подумал он, — кто согласится заключить с ним пари».

Очаровательный белокурый мальчик — из Карша на далеком севере, судя по его коже, — принес вино. Бонос улыбнулся ему и лениво смотрел вслед, пока юноша шел назад к ближней стене. Он еще раз перебрал в памяти свои отношения с семейством Далейнов. Никаких конфликтов, насколько он знал. Несколько лет назад он вместе с ними вложил деньги в морскую экспедицию за пряностями в Афганистан, которая принесла прибыль. Это было еще до его назначения в Сенат. Жена сказала ему, что здоровается с супругой Флавия Далейна, когда встречается с ней в банях, которые они обе предпочитают, и что та всегда отвечает ей вежливо и называет по имени. Это хорошо.

Бонос считал, что Гезий сегодня победит. Что его кандидат

из патрициев станет императором, а сам евнух сохранит должность канцлера. Объединенные силы канцлера и самого богатого семейства в Городе вполне могли потягаться с честолюбием Адраста, какими бы шелковыми ни были его манеры и какую бы сложную шпионскую сеть ни сплел начальник канцелярии. Бонос готов был рискнуть приличной суммой денег, если бы нашелся человек, который согласится побиться с ним об заклад.

Позже, посреди хаоса, он испытал чувство облегчения по поводу того, что это пари так и не состоялось.

Бонос пил маленькими глотками вино и наблюдал. Он заметил, как Гезий едва заметным движением длинных пальцев попросил у Орадия слова. Он увидел, как распорядитель Сената тут же закивал головой, словно уличная марионетка, в знак согласия. «Его купили», — решил он. У Адраста здесь должны быть свои сторонники. И он, несомненно, скоро тоже произнесет речь. Это будет интересно. Кто сильнее нажмет на этот беспомощный Сенат? Никто пока не пытался подкупить Боноса. Интересно, польщенным или оскорбленным он должен себя чувствовать?

Когда очередной заученный панегирик покойному, трижды возвышенному, великолепному, непревзойденному императору завершился банальной концовкой, Орадий сделал канцлеру почтительный приглашающий жест рукой. Гезий грациозно поклонился и двинулся к белому мраморному кругу в центре мозаичного узорчатого пола.

Однако не успел канцлер начать, как снова раздался стук в дверь. Бонос в ожидании повернулся. «Время выбрано чрезвычайно удачно, — с восхищением отметил он. — Поистине безошибочно. Интересно, как Гезию это удалось».

Но в зал вошел не Флавий Далейн.

Вместо него вбежал возбужденный чиновник из городской префектуры и сообщил Сенату о применении в Городе сарантийского огня и о гибели аристократа.

Вскоре после этого, пока побледневший, на глазах постаревший канцлер сидел на скамье в окружении сенаторов и рабов, предлагающих ему помощь, а начальник канцелярии либо пребывал в ошеломленном изумлении, либо проявил блестящие актерские способности, августейший Сенат Империи во второй раз за этот день услышал за сильно пострадавшими дверьми шум толпы.

На этот раз он был другим. На этот раз выкрикивали только одно имя, и голоса звучали яростно, вызывающе уверенно. Двери с грохотом распахнулись, и жизнь городских улиц ворвалась в зал. Бонос снова увидел цвета разных факций, несчетное количество членов гильдий, лавочников, уличных торговцев, трактирщиков, банщиков, скотников, нищих, проституток, ремесленников, рабов. И солдат. На этот раз с ними были солдаты.

И на устах у всех было одно и то же имя. Народ Сарантия выражал свою волю. Бонос инстинктивно обернулся и успел увидеть, как канцлер внезапно осушил свою чашу вина. Гезий сделал глубокий вдох, чтобы прийти в себя. Он встал без посторонней помощи и снова двинулся к мраморному кругу для ораторов. На его щеки вернулся румянец.

«Святой Джад, — подумал Бонос, и мысли его завертелись, как колесо опрокинутой колесницы, — неужели он соображает так быстро?»

— Благородные члены имперского Сената, — произнес канцлер, повышая свой тонкий, искусно модулированный голос. — Смотрите! К нам пришел Сарантий! Услышим ли мы голос нашего народа?

Народ его услышал и взревел в ответ так, что палата задрожала. Снова и снова повторялось одно и то же имя. Оно эхом отражалось от мрамора и мозаик, драгоценных камней и золота, уносилось ввысь к куполу, где обреченный Геладикос гнал свою колесницу, неся людям огонь. Одно имя. «С одной стороны, абсурдный выбор, но с другой, — подумал Плавт Бонос, — возможно, не такой уж абсурдный». И сам себе удивился. Такая мысль никогда не приходила ему в голову.

Сидящий за спиной канцлера Адраст, воспитанный, вежливый начальник канцелярии, самый могущественный человек в Городе, в Империи, все еще казался ошеломленным, сбитым с толку быстротой происходящих событий. Он не шевельнулся и никак не среагировал. Среагировал Гезий. В конечном счете, это колебание, этот упущенный момент, когда все переменилось, стоил Адрасту его должности. И глаз.

Золотой Трон уже был для него потерян. Возможно, осознание этого и стало причиной того, что он примерз к мраморной скамье, пока толпа ревела и бушевала, словно на ипподроме или в театре, а не в палате Сената. Его мечты развеялись, хитрые, сложные расчеты рухнули, когда мускулистый, беззубый кузнец прямо ему в лицо проорал имя избранника Города.

Возможно, в этот момент неподвижный Адраст слышал совсем другой звук: усыпанные драгоценностями птицы императора пели теперь для другой танцовщицы.

* * *

— Валерия на Золотой Трон!

Этот крик проносился по ипподрому точно так, как ему предсказывали. Он им отказал, решительно покачал головой, развернул коня, чтобы уехать, увидел бегущих к нему стражников — не своих собственных людей — и увидел, как они упали на колени перед его конем, преградив ему путь своими телами.

Потом они тоже стали громко выкрикивать его имя, умоляя, чтобы он принял трон. Он снова отказался, покачал головой и сделал широкий взмах рукой в знак отказа. Но толпа уже бесновалась. Крики, которые начались, когда он принес им известие о смерти Далейна, неслись через огромное пространство, где мчались колесницы и радостно приветствовали их люди. К тому времени там собралось тридцать или сорок тысяч человек, хотя гонки отменили.

Другое соревнование близилось к завершению.

Петр заранее рассказал ему, что произойдет и что ему следует делать, шаг за шагом. Что его сообщение о второй смерти вызовет шок и страх, но не горе, и даже некоторое злорадство после слишком явно подстроенного выдвижения Далейна. Он не спросил у племянника, откуда он знает об этом выдвижении. Некоторых вещей ему знать не надо. Ему и так пришлось много запоминать, чтобы правильно соблюдать последовательность действий в тот день.

Но все развивалось именно так, как говорил Петр, с точностью кавалерийской атаки на открытой местности, и вот он сидит на коне, городская стража преграждает ему путь, а толпа на ипподроме выкрикивает его имя, и оно уносится к яркому божественному солнцу. Его имя, и только его имя. Он отказался дважды, следуя инструкции. Теперь они его умоляли. Он видел, что мужчины рыдают, повторяя его имя. Стоял оглушительный шум, подобный стене, нестерпимо громкий, когда Бдительные — на этот раз его собственные воины — придвинулись бли-

же, а потом полностью окружили его, лишая возможности скромного, верного, лишенного честолюбия человека уехать оттуда, убежать от народа, изъявившего свою волю в момент большой опасности и нужды.

Он спрыгнул с коня.

Его люди столпились вокруг, заслоняя Валерия от толпы. В ней смешались Синие и Зеленые, объединенные страстным общим желанием, о котором прежде даже не подозревали. И все, собравшиеся под белым, ослепительным солнцем, призывали его прийти к ним. И спасти их.

И поэтому на ипподроме в Сарантии Валерий, командир Бдительных, покорился своей судьбе и нехотя позволил верным гвардейцам накинуть на него мантию с пурпурной каймой, которую Леонт случайно захватил с собой.

— Их это не удивит? — спросил он тогда у Петра.

— К тому времени это уже не будет иметь значения, — ответил ему племянник. — Доверься мне.

И Бдительные расступились, внешнее кольцо воинов медленно раздвинулось, так что стали видны стоящие внутри его. Они держали огромный круглый щит, который подняли на плечи, как в древности делали солдаты, провозглашая кого-то императором. Стоящий на щите Валерий Тракезийский протянул руки к своему народу и смиренно и милостиво поклонился, уступая внезапно возникшему желанию народа Сарантия сделать его своим повелителем, императором, наместником Джада на земле.

— Валерий! Валерий! Валерий!

— Слава императору Валерию!

— Золотого Валерия на Золотой Трон!

Его волосы действительно были когда-то золотистыми, давным-давно, когда он покинул поля Тракезии вместе с двумя другими мальчиками, бедный, как каменистая почва, но сильный для своих лет. Он был готов работать, сражаться, идти босиком по холодной, мокрой осенней земле, подгоняемый в спину несущим зиму северным ветром, до самого военного лагеря сарантийцев, чтобы предложить свои услуги в качестве солдата далекому императору из невообразимого Города. Это было очень, очень давно.

* * *

— Петр, останься поужинать со мной.

Ночь. Морской бриз с запада, несущий прохладу в комнату через открытые окна высоко над внутренним двором. Звук падающей воды, издаваемый фонтанами, а издалека доносится шелест ветра в листве деревьев императорского сада.

Два человека стояли в одной из комнат Траверситового дворца. Один был императором, второй сделал его императором. В большем по размерам и более официальном Аттенинском дворце, по ту сторону сада, совсем недалеко, в Порфировом зале лежал в торжественном облачении Апий с монетами на глазах, сжимая в руках солнечный диск — плату и подорожную для дальнейшего путешествия.

— Не могу, дядя. Мне надо выполнить кое-какие обещания.

— Сегодня ночью? Где?

— В факциях. Сегодня Синие оказали нам большую услугу.

— А! Синие. И их любимая актриса? Она тоже оказала нам услугу? — В голосе старого солдата звучали лукавые нотки. — Или она окажет позднее, сегодня ночью?

Петр остался невозмутимым.

— Алиана? Прекрасная танцовщица, я всегда смеюсь, когда она проделывает такие смешные па на сцене. — Он усмехнулся, на его круглом гладком лице не было и следа лукавства.

Взгляд императора оставался проницательным, все понимающим. Через секунду он тихо произнес:

— Любовь опасна, племянник.

Выражение лица молодого человека изменилось. Несколько секунд он молча стоял у двери. В конце концов кивнул головой.

— Возможно. Я это знаю. Ты... меня осуждаешь?

Время для вопроса было выбрано правильно. Как могло дядино неодобрение соотнестись с тем, что он сегодня сделал? После событий этого дня?

Валерий покачал головой.

— Не очень. Ты переедешь в Императорский квартал? В один из дворцов?

На этой территории стояло шесть дворцов в разных местах. Все они теперь принадлежали ему. Придется их изучить.

Петр кивнул.

— Конечно, если ты оказываешь мне эту честь. Но только

после траурных обрядов, инвеституры и церемонии в твою честь на ипподроме.

— Ты возьмешь ее с собой?

На этот прямой вызов Петр ответил такой же откровенностью:

— Только с твоего разрешения.

— Разве на этот счет нет законов? — спросил император. — Как я припоминаю, кто-то что-то говорил мне. Актриса?..

— Теперь в Сарантии ты издаешь законы, дядя. Законы можно изменить.

Валерий вздохнул.

— Нам еще надо будет поговорить об этом. И насчет должностных лиц. Гезий. Адраст. Гиларин — я ему не доверяю. Никогда не доверял.

— Значит, он уйдет. И, боюсь, Адрасту тоже придется уйти. Гезий... тут сложнее. Ты знаешь, что он высказался в твою пользу в Сенате?

— Ты мне говорил. Это имеет значение?

— Может быть, и нет, но если бы он выступил за Адраста — как невероятно это ни звучит, — положение стало бы более... неприятным.

— Ты ему доверяешь?

Император наблюдал за обманчиво мягким, круглым лицом племянника, пока тот размышлял. Петр не был солдатом. Он не был похож на придворного. Больше всего его поведение напоминало манеры академиков старых, языческих Школ, решил Валерий. Однако в нем чувствовалось честолюбие. Огромное честолюбие. Фактически, честолюбие размером с целую Империю.

Петр слегка развел руками:

— Если честно? Не уверен. Я сказал, что тут все сложнее. Действительно, нам надо будет потом поговорить. Но сегодня тебе выпал свободный вечер, и я тоже могу его себе позволить, с твоего разрешения. Я взял на себя смелость заказать тебе эль, дядя. Он стоит на том буфете, рядом с вином. Ты мне позволишь удалиться?

В действительности Валерию не хотелось, чтобы он уходил, но что было делать? Просить племянника сидеть с ним в этот вечер, держать его за руку и уговаривать, что он справится с должностью императора? Он же не ребенок!

— Конечно. Тебе нужны Бдительные?

Петр покачал было головой, потом передумал.

— Действительно, это, наверное, хорошая мысль. Спасибо.

— Зайди в казармы. Скажи Леонту. Пускай с этого часа закрепит за тобой сменную охрану из шести человек. Кто-то сегодня пустил в ход сарантийский огонь.

Слишком быстрый взгляд Петра показал ему, что племянник не вполне понял, как истолковать его замечание. Хорошо. Не годится быть совершенно прозрачным для своих приближенных.

— Да хранит и оберегает тебя Джад все дни твоей жизни, мой император.

— Да пребудет с тобой его вечный Свет. — И впервые в жизни тракезиец Валерий жестом императора благословил другого человека.

Племянник опустился на колени, трижды коснулся лбом пола, опираясь на ладони по обеим сторонам от головы, затем встал и вышел, как всегда спокойный. Он не изменился, хотя изменилось все.

Валерий, император Сарантия, преемник целой череды императоров после него и до него в Родиасе, тянущейся в прошлое почти на сотню лет, стоял один в элегантной комнате. Светильники свисали с потолка и были укреплены на стенах, расточительно пылали полсотни свечей. Его сегодняшняя спальня находится где-то рядом. Он точно не знал, где именно, потому что был плохо знаком с этим дворцом. Командиру Бдительных незачем было входить сюда. Он окинул взглядом комнату. У выходящего в сад окна стояло дерево, выкованное из золота, с механическими птичками на ветках. В мерцающем свете они сверкали драгоценными и полудрагоценными камнями. Он полагал, что они поют, если знать секрет. Дерево было золотым. Целиком из золота. Он вздохнул.

Валерий подошел к буфету и налил себе бокал эля. Сделал глоток, потом улыбнулся. Честный тракезийский напиток. На Петра можно положиться. Ему пришло в голову, что он должен был хлопнуть в ладоши и вызвать раба или адъютанта, но такие вещи отнимают время, а его мучила жажда. Он имеет право выпить. Это был великий день, как сказали его солдаты. Петр говорил правду: он имеет право провести вечер, не строя дальнейших планов и не ставя задач. Видит Джад, в последующие дни их будет предостаточно. Во-первых, некоторых людей придется убить, если только они уже не мертвы. Он не знал имен тех, кто

пустил в ход жидкий огонь в Городе — он не хотел их знать, — но они не могут остаться в живых.

Он отошел от буфета и опустился в глубокое, мягкое кресло с высокой спинкой, обитое шелком. В своей жизни он мало имел дело с шелком. Огрубевшим пальцем Валерий провел по ткани. Она была мягкой и гладкой. Валерий усмехнулся. Ткань ему понравилась. Он вытянул ноги в сапогах и снова сделал большой глоток, вытер губы тыльной стороной тяжелой, покрытой шрамами ладони. Закрыл глаза, сделал еще глоток. Потом решил, что ему хочется снять сапоги. Он осторожно поставил бокал на абсурдно хрупкий трехногий столик из слоновой кости. Сел очень прямо, сделал глубокий вдох и три раза хлопнул в ладоши, как это обычно делал Апий — упокой Джад его душу!

Десять человек ворвались в комнату и бросились ничком на пол в знак покорности. Он увидел Гезия и Адраста, потом квестора Священного дворца, префекта, смотрителя императорской опочивальни Гиларина, которому не доверял, квестора налоговой службы. Всех высших чиновников Империи, распластавшихся перед ним на сине-зеленом мозаичном полу, среди изображений морских животных и цветов.

В наступившей тишине одна из механических птиц запела. Император Валерий громко расхохотался.

* * *

Той ночью, когда было уже очень поздно, а ветер с моря давно улегся, превратившись в слабое дуновение, большая часть Города спала, но некоторые бодрствовали. В их числе — члены Святого ордена Неспящих в своих аскетичных часовнях. Они страстно и беззаветно верили, что должны почти постоянно бодрствовать и молиться всю ночь напролет, пока Джад на своей солнечной колеснице совершает полное опасностей путешествие сквозь тьму и леденящий холод подземного мира.

Пекари тоже не спали за работой, пекли хлеб, который был даром Империи всем, кто проживал в славном Сарантии. Зимой пылающие печи притягивали к себе из темноты людей, жаждущих тепла: нищих, калек, уличных проституток, тех, кого выгнали из дома, и вновь прибывших в Священный Город, кто еще не нашел себе кров. С наступлением серого, холодного дня они переходили к стеклодувам и кузнецам.

Сейчас, жарким летом, почти обнаженные пекари сыпали проклятиями у своих печей, скользкие от пота, и всю ночь поглощали водянистое пиво. Возле их дверей не было посетителей, если не считать крыс, удирающих от лучей света в тень.

Факелы, горящие на богатых улицах, отмечали дома состоятельных граждан, а шаги и окрики городской стражи в других кварталах ночного города служили предостережением нарушителям порядка. Шатающиеся по улицам банды самых буйных болельщиков (и среди Зеленых, и среди Синих имелись любители почесать кулаки) предпочитали игнорировать патрульных, или, правильнее сказать, патрульные склонны были проявлять разумную сдержанность, когда ярко разодетые и задиристые болельщики перебирались из одной таверны в другую.

Женщины на улицах после наступления темноты не появлялись, кроме тех, кто торговал собой, или патрицианок на носилках, в сопровождении вооруженных рабов.

В эту ночь тем не менее все таверны, даже самые грязные притоны, в которых пьянствуют матросы и рабы, были закрыты по случаю смерти одного императора и избрания нового. Потрясающие события этого дня, казалось, даже болельщиков заставили притихнуть. На пустых улицах не было ни видно, ни слышно шумных, пьяных молодых парней в свободных восточных одеждах Бассании и с прическами западных варваров.

В одной из конюшен у ипподрома заржал конь, а из открытого окна над ближней колоннадой донесся женский голос, поющий припев песни, не отличающейся особым благочестием. Раздался смех мужчины, потом женщины, а потом и там все смолкло. Пронзительно замяукал кот в переулке. Заплакал ребенок. Дети всегда плачут где-то в темноте. Мир такой, какой он есть.

Божественное солнце неслось в своей колеснице сквозь лед, мимо завывающих демонов подземного мира. Две луны, которым еретики-киндаты поклоняются как богиням, опустились на западе в широкое море. Только звезды, которые никто не считал священными, сияли, словно россыпь алмазов над городом, основанным Саранием. Он должен был стать Новым Родиасом, стать чем-то большим, чем был когда-либо Родиас.

«О Город, Город, краса земли, око мира, венец творения Джада, неужели я умру, так и не увидев тебя снова?»

Так пел Лизург Мартиниас, назначенный послом ко двору

бассанидов двести лет тому назад, тоскуя по Сарантию даже среди восточной роскоши Кабадха. «О Город, Город».

В землях, которыми правил этот город — город куполов, бронзовых и золотых дверей; дворцов, садов и статуй; театров и колоннад, бань и лавок, мастерских и таверн, публичных домов и святилищ; с его огромным ипподромом, с его тройными стенами со стороны суши, в которых еще ни разу не удалось пробить брешь; с его глубокой, защищенной гаванью, с охраняемым и охраняющим морем, — во всех землях существовала поговорка, имеющая одинаковый смысл на всех языках и на всех диалектах.

Сказать о человеке, что он плывет в Сарантий, означало, что его жизнь вот-вот изменится, что он стоит на пороге величия, славы, богатства или, наоборот, — на самом краю пропасти, и ему осталось мгновение до последнего, окончательного падения после встречи с чем-то, превосходящим его возможности.

Тракезиец Валерий стал императором.

Геладикос, которому некоторые поклонялись как сыну Джада и изображали на мозаиках святых куполов, погиб в своей колеснице, когда нес на землю огонь от солнца.

Часть I

Чудо-птица, сделанная из золота, —
Большее чудо, чем птица или изделие...

Глава 1

Имперская почта, как и большинство гражданских служб в Сарантийской империи, после того как умер Валерий Первый и его племянник, взяв себе надлежащее новое имя, занял Золотой Трон, находилась в ведении начальника канцелярии.

Необычайно сложные почтовые маршруты пролегли в завоеванные маджритские пустыни и Эсперанью далеко на западе, вдоль длинной, вечно меняющейся границы с бассанидами на востоке и от северных глухих лесов Карша и Москава до пустынь Сорийи. Они требовали значительных вложений средств и людских ресурсов, а также частых реквизиций работников и коней в тех сельских общинах, которые удостоились сомнительной чести быть местом расположения имперских почтовых постоялых дворов.

В обязанности имперского курьера входила доставка общественной почты и придворных документов. Платили за нее умеренно, зато требовала она нескончаемых, трудных путешествий, иногда по неспокойной территории, в зависимости от настроений варваров или бассанидов в данном районе. То, что должности курьеров пользовались большим спросом и за них давали соответствующие взятки, отражало в основном те возможности, которые могли представиться через несколько лет.

Полагалось, чтобы курьеры имперской почты являлись по совместительству шпионами. Прилежный труд на этом тайном поприще в сочетании с соответствующей мздой могли обеспечить назначение прямо в службу разведки, где риск был больше, дальних поездок меньше, а вознаграждение значительно выше. Появлялся также шанс оказаться, наконец, получателем части вышеупомянутых взяток.

По мере приближения преклонного возраста переход из рядовых шпионов, скажем, в содержатели крупного почтового по-

стоялого двора мог обеспечить безбедную старость. Особенно если у тебя хватает ума, а постоялый двор находится достаточно далеко от города, чтобы позволить себе добавлять больше воды в вино и увеличивать доход, принимая постояльцев без необходимых документов.

Короче говоря, должность курьера была удачей для человека достаточно обеспеченного, чтобы начать эту карьеру, но слишком бедного, чтобы его семья могла устроить его на более хлебное место.

Собственно говоря, все вышесказанное является правдивым описанием компетенции и истории жизни Пронобия Тилитика. К несчастью, он получил при рождении смешное имя, за что часто проклинал деда своей матери и досадное незнание самой его матерью современного армейского жаргона. При скромных способностях в области права и счета и скромном положении его семьи в сарантийской иерархии Тилитик вынужден был без конца выслушивать рассуждения о том, как ему повезло, когда двоюродный брат матери помог ему заполучить должность курьера. Его жирный кузен, надежно пристроивший свой толстый зад на скамью среди клерков имперского налогового управления, был одним из тех, кто любил твердить об этом на семейных сборищах.

Тилитик вынужден был улыбаться и соглашаться. Много раз. Его родные часто устраивали семейные праздники.

При такой гнетущей обстановке иногда он даже испытывал облегчение, покидая Сарантий. Теперь его мать постоянно требовала, чтобы Тилитик нашел себе богатую жену. И вот он снова в дороге, с пачкой писем, и направляется в столицу варваров-антов в Батиаре — в город Варену и в другие населенные пункты, расположенные по пути. Еще он нес один особый пакет, доставленный, как ни странно, от самого канцлера, с затейливой печатью и указаниями от евнухов вручить его адресату в торжественной обстановке.

Ему дали понять, что это какой-то важный художник. Император перестраивал Святилище божественной мудрости Джада. Со всех концов Империи и из-за ее пределов в столицу созывали мастеров. Тилитика это раздражало: варвары и неотесанные провинциалы получали официальные приглашения и вознаграждение в три раза больше его собственного жалованья, чтобы принять участие в осуществлении идеи императора.

Однако ранней осенью, на хороших дорогах, ведущих на се-

вер, а после на запад через Тракезию, трудно было сохранять сердитую мину. Даже Тилитик обнаружил, что погода поднимает ему настроение. Солнце мягко светило над головой. Хлеба на севере уже убрали, а когда он повернул на запад, виноградники на склонах уже налились пурпуром поспевающих ягод. От одного их вида в нем просыпалась жажда. Почтовые постоялые дворы на этой дороге он знал хорошо, в них курьеров редко обманывали. В одном из них он задержался на несколько дней — пускай этот чертов мазилка немного подождет своего вызова — и лакомился жаренной на вертеле лисой, туго начиненной виноградом. Девица, которую он запомнил с прошлого путешествия, кажется, тоже его вспомнила. Правда, хозяин гостиницы взял с него двойную плату за ее особые услуги, но Тилитик об этом знал и рассматривал как одну из привилегий того положения, которое мечтал сам со временем занять.

Однако в последнюю ночь эта девица попросила его увезти ее с собой, что было просто смехотворно.

Тилитик с негодованием отказался и под влиянием большого количества почти неразбавленного вина прочитал ей лекцию о благородном происхождении его матери. Он лишь слегка преувеличивал, едва ли это необходимо, когда имеешь дело с деревенской проституткой. Кажется, она не слишком благосклонно восприняла его выговор, и утром, уезжая, Тилитик думал о том, что зря одарил ее своим расположением.

Через несколько дней он был уже в этом уверен. Срочные медицинские показания настоятельно потребовали, чтобы он повернул на север и задержался на несколько дней в хорошо известной больнице Галена, где его лечили от половой инфекции, которой девица его наградила.

Ему делали кровопускания, очищали при помощи какого-то лекарства, после которого его желудок и кишечник бурно отдавали содержимое, заставляли поглощать разные противные жидкости, выбрили ему пах и втирали обжигающую, дурно пахнущую черную мазь два раза в день. Ему велели есть только мягкую пищу и воздерживаться от половых сношений и вина в течение неестественно долгого периода времени.

Больницы стоили дорого, а эта, прославленная, особенно. Тилитик вынужден был дать взятку главному смотрителю, чтобы причиной его пребывания там записали раны, полученные во время исполнения обязанностей. В противном случае ему пришлось бы заплатить за лечение из собственного кармана.

Ну та вшивая девка с постоялого двора и была раной, полученной на имперской службе, не так ли? В этом случае смотритель мог послать счет непосредственно в имперское почтовое ведомство, и он, конечно, прибавит к перечню процедур еще десяток, которых Тилитик не принимал, и положит эти деньги в собственный кошелек.

Тилитик оставил строгое письмо для содержателя постоялого двора, который находился в четырех днях езды от больницы, чтобы его доставил курьер, едущий обратно на восток. Пусть эта сучка обслуживает рабов и крестьян в переулке за притоном, если не следит за своей чистотой. Почтовые постоялые дворы на дорогах Империи были лучшими в мире, и Пронобий Тилитик считал своим долгом позаботиться о том, чтобы девицы уже не было, когда он приедет туда в следующий раз.

Он находится на службе императора Сарантия. Такие вещи непосредственно бросают тень на могущество и престиж Валерия Второго и его великолепной императрицы Аликсаны. Тот факт, что императрицу в молодости покупали и использовали точно так же, как и девушку с постоялого двора, не обсуждался открыто на данном этапе исторического развития. Но нельзя запретить человеку думать. Не могут же тебя убить за мысли.

Частично Тилитик выдержал предписанный период воздержания, но одна таверна в Мегарии, портовом городе западной Савradии, которая была ему слишком хорошо знакома, оказалась большим искушением. На этот раз он не вспомнил ни одной из тамошних девиц, но все они были достаточно бойкими, а вино хорошим. Мегарий славился приличным вином, какой бы варварской страной ни была остальная Савradия.

Неприятный инцидент, возникший из-за шуток по поводу его имени, которые однажды вечером позволили себе неотесанный подмастерье и торговец иконами Геладикоса, закончился раной подбородка и вывихом плеча. Это потребовало дальнейшего лечения и более длительного пребывания в таверне, чем Пронобий рассчитывал. Оно стало совсем неприятным после нескольких первых дней, так как две из прежде расположенных к нему девиц подхватили, к несчастью, ту же болезнь, от которой он уже должен был вылечиться к тому времени, и они открыто обвинили Тилитика.

Конечно, его не вышвырнули вон, все же он был имперским курьером, а девицы — всего лишь проститутками, одна из них даже рабыней. Но после этого ему стали приносить остывшую или подгоревшую еду, и никто не рвался помочь человеку с больным плечом справиться с тарелками и кубками. К тому времени, когда Тилитик решил, что уже достаточно здоров, чтобы продолжить путь, он чувствовал себя жестоко и несправедливо обиженным. Хозяин таверны, родом из Родиаса, дал ему письма к родственникам в Варене. Тилитик выбросил их в кучу мусора у гавани.

Уже наступила поздняя осень, и начались дожди. Он успел на один из последних небольших кораблей, плывущих на запад через бухту к батиарскому порту Милазия. И под холодным непрерывным дождем, несколько раз опустошив свой желудок за борт, Тилитик причалил к берегу. Он не очень любил море.

Город Варена, где держали свой двор варвары-анты, все еще наполовину язычники, которые разграбили Родиас сто лет назад и завоевали всю Батиару, находился в трех днях езды дальше на запад, а если поспешить — в двух. Но не было никакого смысла спешить. Пока Тилитик пережидал дождь, он угрюмо пил в таверне возле гавани. Раны служат ему оправданием, решил он. Это была очень трудная поездка. Его плечо все еще болело.

И ему действительно нравилась та девушка из Тракезии.

* * *

В эту хорошую погоду Пардос стоял на улице, у печи, где гасили известь для штукатурки. Жар огня был приятен, когда поднимался ветер, и Пардос любил находиться во дворе святилища. Присутствие покойников под надгробиями его не пугало, по крайней мере при свете дня. Джад повелел, что человек должен умереть. Война и чума были частью мира, сотворенного богом. Пардос не понимал, почему, но он и не надеялся понять. Священники, даже когда расходились во мнениях по поводу доктрины или сжигали друг друга из-за Геладикоса, все учили, что нужно быть покорным и верить, а не пытаться самонадеянно понять. Пардос знал, у него не хватит мудрости ни для того, чтобы быть самонадеянным, ни для того, чтобы понять.

За вытесанными, выточенными камнями на могилах покойников, чьи имена известны, возвышался темный холм земли — на нем еще не выросла трава — в северном конце двора. Под ним лежали тела тех, кого унесла чума. Она разразилась два года назад и потом еще раз, прошлым летом, и убила слишком много

людей, так что их хоронили всех вместе рабы из военнопленных. В могилу положили известь, смешанную с некоторыми другими минералами. Считалось, что они помогают удержать в могиле обиженные души мертвых и то, что их убило. Несомненно, это помешало снова вырасти траве. Царица приказала трем придворным хиромантам и старому алхимику, который жил за городскими стенами, наложить сдерживающие заклятия. Сделали все, что только можно было придумать после чумы, что бы ни говорили священники и верховный патриарх о языческой магии.

Пардос нащупал свой солнечный диск и возблагодарил бога за то, что остался в живых. Он смотрел, как черный известковый дым из печи поднимается вверх, к белым быстрым облакам, и отметил красные и зеленые цвета осени в лесу на востоке. В синем небе пели птицы, и трава была зеленой, хотя коричневатый оттенок начал проступать возле святилища, там, где полуденное солнце не могло проникнуть в тень от новых стен.

В мире было много цветов. Криспин не раз заставлял его видеть цвета. Думать о них, как они играют на фоне друг друга и друг с другом; задумываться о том, что происходит, когда облако заслоняет солнце, как сейчас, и трава под ним темнеет. Как бы он назвал этот оттенок в своих мыслях? Как бы он его использовал? В морском пейзаже? В сцене охоты? В мозаичном изображении Геладикоса, который возносится над осенним лесом к солнцу? Посмотри на траву, быстрее, пока не вернулся свет. Представь себе этот цвет в стеклянных и каменных кусочках мозаики. Закрепи его в памяти, чтобы потом ты смог сотворить мозаичный мир на стене или на куполе.

Разумеется, при условии, что в завоеванной Батиаре когда-нибудь снова построят стекольную мастерскую, где бы делали красное, синее и зеленое стекло, достойное этих названий, а не тусклое, полное пузырьков и усеянное наростами, как то, что им доставили сегодня утром из Родиаса.

Мартиниан, человек хладнокровный и, возможно, ожидавший этого, только вздохнул, когда развернули листы стекла, которых они с таким нетерпением ожидали. Криспина одолел один из его печально известных приступов ярости, он с богохульственными проклятиями обрушил кулак на верхний лист, имевший грязно-коричневый цвет вместо красного, и порезал руку.

— Вот красный цвет! А это цвет навозной кучи! — кричал он, роняя капли крови на коричневатый лист.

Собственно говоря, его ярость могла позабавить, если только не ты становился причиной его гнева. Закусывая пивом и хлебными корками или шагая назад, к стенам Варены, на закате после работы, подмастерья и ученики рассказывали друг другу истории о том, что сказал или сделал Криспин в гневе. Мартиниан говорил ученикам, что Криспин очень умен, что он великий человек. Пардос спрашивал себя, не является ли вспыльчивость обязательным спутником этих качеств.

В это утро Криспин высказал несколько потрясающе оригинальных идей насчет того, как расправиться с управляющим стекольными мастерскими. Сам Пардос никогда не смог бы даже вообразить себе тех способов применения стеклянных осколков, которые предлагал Криспин, пересыпая свою речь дикими ругательствами, хотя они стояли на освященной земле.

Мартиниан, не обращая внимания на своего младшего партнера, принялся отбирать и выбраковывать листы, тщательно осматривая их и часто вздыхая. Они просто не могли отвергнуть их все. Во-первых, маловероятно получить взамен лучшего качества. Во-вторых, они очень спешили, так как официальное перезахоронение и церемония в честь царя Гильдриха, которые собиралась устроить его дочь царица, были назначены на первый день после празднества Дайкании. Оно состоится здесь, в недавно расширенном святилище, которое они сейчас отделывали. Наступила середина осени, виноград уже убрали. Южные дороги тонули в грязи после дождей, прошедших в последнюю неделю. Нечего было и рассчитывать получить новое стекло из Родиаса вовремя.

Мартиниан, как всегда, явно покорился неизбежному. Им придется обойтись тем, что есть. Пардос знал, что Криспин так же хорошо понимает это, как его партнер. Просто у него такой характер. И для него важно, чтобы все делалось правильно. Возможно, даже слишком важно, в этом несовершенном мире, который сотворил Джад в качестве места обитания для своих смертных детей. Пардос вздохнул и помешал известь в печи, в которой поддерживал как можно больший жар, длинной лопатой. Неподходящий день для того, чтобы отвлечься и допустить ошибки.

У Криспина богатое воображение относительно того, как использовать осколки стекла.

Пардос так внимательно следил за известковым раствором, кипящим в печи, что прямо подпрыгнул, когда его окликнул голос, говоривший по-родиански с сильным акцентом. Он быстро обернулся и увидел худого, краснолицего человека, одетого в серо-белую одежду императорской почты. Конь курьера щипал траву возле ворот. Пардос с опозданием заметил, что другие ученики и подмастерья, работающие во дворе святилища, бросили работу и смотрят в их сторону. Имперские курьеры из Сарантия еще никогда здесь не появлялись.

— Ты плохо слышишь? — ядовито осведомился этот человек. У него на подбородке виднелась свежая рана, а акцент был явственно восточным. — Я сказал, что меня зовут Тилитик. Имперская почта Сарантия. Я ищу человека по имени Мартиниан. Художника. Мне сказали, что он здесь.

Испуганный Пардос сумел лишь кивнуть в сторону святилища. Мартиниан как раз в это время спал, сидя на табуретке в дверном проеме и натянув на глаза сильно поношенную шапку, чтобы заслониться от послеполуденного солнца.

— Глухой и немой. Понятно, — произнес курьер. И тяжелой походкой зашагал по траве к зданию.

— Вовсе нет, — ответил Пардос, но так тихо, что его не услышали. За спиной курьера он замахал руками двум другим ученикам, пытаясь подать им знак, чтобы они разбудили Мартиниана до того, как этот неприятный человек появится перед ним.

Он не спал. Со своего излюбленного — когда выдавался погожий денек — места у входа в святилище Мартиниан Варенский издалека заметил приближающегося курьера. Серый и черный цвета ясно вырисовывались на фоне зеленого и белого в солнечных лучах.

Они с Криспином даже использовали этот эффект для изображения ряда священных жертвенных животных на длинных стенах частной часовни в Байане, много лет назад. Им это удалось лишь отчасти, так как ночью, при свечах, эффект получался не таким, как рассчитывал Криспин, но они тогда многому научились. Ведь работать с мозаикой — значит учиться на ошибках, как Мартиниан любил повторять своим ученикам. Если бы у заказчиков хватило денег, чтобы по ночам хорошо освещать часовню, все было бы иначе, но ведь они знали, какими средствами располагают, когда составляли проект. Вина целиком на них. Всегда приходится работать, испытывая ограничения во времени и средствах. Этот урок тоже необходимо усвоить и преподать другим.

Он увидел, как курьер остановился перед Пардосом у печи с известью, и надвинул шляпу на глаза, притворяясь спящим. У него возникло странное предчувствие. Неизвестно, по какой причине. И он после никак не мог вразумительно объяснить, даже самому себе, почему он дальше поступил так, как поступил в тот осенний день, чем навсегда изменил так много жизней. Иногда бог вселяется в человека, так учат священники. А иногда — демоны или духи. В полумире существуют силы, недоступные пониманию смертного.

Как Мартиниан расскажет своему ученому другу Зотику несколько дней спустя, за чашкой мятного отвара, это было связано с тем, что он в тот день чувствовал себя старым. После недели непрерывных дождей у него болели распухшие суставы пальцев. Но дело было не в этом. Не настолько он ослабел, чтобы подобные вещи подвигли его на столь безумный поступок. Но он и правда не знал, почему вдруг предпочел сделать вид, что он — это не он.

Разве человек всегда понимает собственные поступки? Он спросит об этом Зотика, когда они будут сидеть вместе в деревенском доме алхимика. Его друг даст ему вполне предсказуемый ответ и снова наполнит чашку отваром, смешанным с каким-то средством для облегчения боли в руках. К тому времени неприятный курьер уже уедет дальше по своим почтовым делам. И Криспин тоже уйдет.

Мартиниан из Варены притворялся спящим, когда к нему подошел гонец с востока, с носом и скулами пьяницы, и прохрипел:

— Ты! Проснись! Я ищу человека по имени Мартиниан. Император приказывает ему прибыть в Сарантий!

Он говорил громко, высокомерно, как все сарантийцы, когда они приезжают в Батиару, с сильным акцентом. Его услышали все. Он и хотел, чтобы его все слышали. Внутри святилища, которое расширяли, чтобы превратить в подобающее вместилище для костей царя антов Гильдриха, умершего от чумы немногим более года назад, все перестали работать.

Мартиниан сделал вид, будто очнулся от послеполуденной дремоты на осеннем солнышке. Он по-совиному заморгал, гля-

дя на курьера снизу вверх, затем ткнул негнущимся пальцем внутрь святилища, наверх, указывая на своего давнего друга и коллегу Кая Криспа. Криспин, стоящий высоко на лесах под куполом, как раз пытался придать грязно-бурым квадратикам сверкание священного факела Геладикоса.

Указывая на него пальцем, Мартиниан удивлялся самому себе. Его вызывают в Город? А он играет в детские игры? Никто из присутствующих не выдаст его высокомерному сарантийцу, но все равно...

В наступившей тишине сверху послышался знакомый им всем голос, к несчастью, прозвучавший очень ясно:

— Клянусь членом Геладикоса, я нарежу его задницу на кусочки этим самым ни на что не годным стеклом и заставлю жрать собственные ягодицы, да будет святой Джад свидетелем!

Курьер был шокирован.

— Это Мартиниан, — с готовностью сказал Мартиниан, — там, наверху. Он не в духе.

Собственно говоря, он уже не злился. И сыпал грубыми ругательствами почти рефлекторно. Иногда он высказывался, даже не сознавая, что говорит вслух, когда был полностью поглощен трудной технической задачей. В данный момент он был одержим одной задачей: как заставить факел Геладикоса гореть алым пламенем, если у него под рукой нет ничего красного. Если бы у него было немного золота, он мог бы наложить стекло на золотую основу и таким образом получить более теплый оттенок, но о золоте для мозаики здесь, в Батиаре, после войн и чумы — нечего и мечтать.

Тем не менее у него возникла идея. Стоя на высокой платформе, Кай Крисп из Варены вставлял кусочки пезеланского мрамора с красноватыми прожилками в вязкое известковое покрытие купола вперемешку с лучшими кусочками того стекла, которое им удалось отыскать среди неудачных листов. Кусочки смальты он размещал на основании под разными углами так, чтобы они ловили и отражали свет.

Если он прав, то плоские камешки в комбинации с наклонными блестящими кубиками смальты создадут эффект мерцающего, танцующего высокого языка пламени факела. Если смотреть снизу, должно возникнуть такое впечатление, когда солнечный свет будет литься в окна вокруг основания купола или

когда зажгут свечи на стенах и в железных светильниках вдоль всего святилища. Юная царица заверила Мартиниана, что она оставит священникам такой посмертный дар, который обеспечит освещение по вечерам и в зимнее время. У Криспина не было оснований ей не верить — ведь это гробница ее отца, а у антов существовал культ поклонения предкам, лишь слегка замаскированный их обращением в джадитскую веру.

Повязка из ткани на ране у него на левой руке делала его движения неловкими. Он уронил хороший камешек, посмотрел, как он долго падает вниз, снова выругался и потянулся за другим. Слой извести под контурами пламени и факела, которые он сейчас заполнял, уже начал затвердевать. Надо было работать быстрее. Факел был серебряный. Они использовали для него беловатый мрамор и гладкую речную гальку — это должно сработать. Он слышал, что на востоке знают способ делать стекло матовым, чтобы получить почти белую смальту, белую как снег, а короны и жемчуг выкладывают из перламутровых раковин. Ему противно даже думать о подобных вещах. Они лишь приводят его в отчаяние, здесь, на западе, среди разрухи.

Вот о чем он думал в тот момент, когда внизу послышался раздраженный, пронзительный голос с восточным акцентом, ворвался в его сосредоточенность и в его жизнь. Совпадение или услышанный сарантийский акцент унес его мысли туда, к знаменитому каналу и внутреннему морю, к золоту, серебру и шелку императора?

Криспин посмотрел вниз.

Какой-то человек, с такой высоты выглядевший маленькой улиткой, обращался к нему, называя Мартинианом. Это было бы просто досадно, если бы сам Мартиниан, как обычно в это время дня сидящий у входа, не смотрел снизу на Криспина, когда незнакомец прокричал не его имя, остановив все работы в святилище.

Криспин проглотил два непристойных ответа, потом третий ответ, который должен был послать этого кретина, куда следует. Что-то тут затевалось. Возможно, всего лишь шутка, целью которой был курьер — хотя это не похоже на партнера, — или что-то другое.

Он потом с этим разберется.

— Я спущусь вниз, когда закончу, — крикнул он гораздо более вежливо, чем требовали обстоятельства. — Иди пока и помолись за чью-нибудь бессмертную душу. Только тихо.

Краснолицый мужчина завопил:

— Императорских курьеров не заставляют ждать, ты, неотесанный провинциал! Тебе письмо!

Каким бы интересным ни было это заявление, Криспин без труда его проигнорировал. Он лишь пожалел, что у него нет такого яркого красного стекла, как щеки курьера. Даже с такой высоты они выглядели алыми. Ему пришло в голову, что он никогда не пытался добиться такого эффекта у лиц на мозаике. Эту идею он отложил вместе с прочими и вернулся к созданию священного пламени, подаренного человечеству. Он работал с тем материалом, который у него был.

Если бы полученные Тилитиком инструкции не были столь точными, к его глубокому сожалению, он просто бросил бы пакет на пыльный, замусоренный пол этого убогого святилища, насквозь пропитанного духом геладиканской ереси, и в ярости удалился.

Даже здесь, в Батиаре, люди не выбирают по своей прихоти время, чтобы неторопливо принять приглашение из Императорского квартала Сарантия. Они бросаются к нему со всех ног, в экстазе. Падают на колени. Обнимают колени курьера. Один раз кто-то стал целовать его грязные, в пятнах навоза сапоги, рыдая от радости.

И уж, конечно, они предлагали курьеру награду за то, что он доставил такие замечательные, головокружительные новости.

Глядя, как рыжеволосый человек по имени Мартиниан в конце концов все же спустился со своих лесов и медленно приблизился к нему, Пронобий Тилитик понял, что ему не собираются целовать сапоги. И маловероятно, чтобы в благодарность ему предложили хоть какие-то деньги.

Это лишь подтвердило его мнение о Батиаре антов. Пускай они и поклоняются Джаду, хоть и не до конца, пускай они формально являются союзниками и платят дань Империи через посредничество верховного патриарха в Родиасе и пускай они завоевали этот полуостров сто лет назад и восстановили некоторые из его стен, которые сначала снесли, но все равно — они остались варварами.

И заразили своей неотесанностью и ересью даже истинных потомков Империи Родиаса, которые могли претендовать на уважение.

Волосы этого Мартиниана были возмутительно рыжего цвета, как заметил Тилитик. Лишь пыль и известка на них и в растрепанной бороде смягчали этот цвет. Но глаза ничто не смягчало, они имели яркий, крайне неприятный голубой цвет. На нем была надета потрепанная, покрытая пятнами туника поверх мятых коричневых штанов. Это был крупный мужчина, в нем чувствовалось напряжение и злость, что не вызывало к нему симпатии. У него были крупные руки, и на одной — окровавленная повязка.

«Он не в духе», — сказал тот глупец у двери. Он все еще сидел на табурете и наблюдал за ними из-под потерявшей всякую форму шляпы. К этому моменту глухонемой ученик вошел внутрь вместе со всеми остальными, кто был снаружи. Этот момент должен был стать для Тилитика моментом торжества. Он должен был передать послание и милостиво принять бессвязные выражения благодарности от ремесленника — от имени канцлера и имперской почты, а после мог бы отправиться в лучший кабак Варены с некоторой суммой денег, которую потратил бы на вино и женщину.

— Ну и что? Я здесь. Что тебе надо?

Голос рыжего был таким же суровым, как и его глаза. Его взгляд, когда он оторвал его от лица Тилитика и взглянул на старика у двери, не потерял враждебности. Очень неприятный тип.

Тилитик был искренне возмущен этой грубостью.

— Сказать правду? Мне ничего от тебя не нужно. — Он сунул руку в свой мешок, нашел толстый императорский пакет и с обидой запустил им в ремесленника. Тот поймал его на лету одной рукой.

Тилитик сказал, буквально выплевывая слова:

— Очевидно, ты и есть Мартиниан из Варены. Хоть ты этого и не достоин, мне поручено объявить тебе, что трижды возвышенный, возлюбленный Джадом император Валерий Второй требует, чтобы ты прибыл в Сарантий как можно скорее. В пакете, который ты держишь в руках, находится некая сумма денег на дорожные расходы; подорожная с печатью, подписанная самим канцлером, которая даст тебе право останавливаться на почтовых постоялых дворах и пользоваться их услугами; а также письмо. Ты, несомненно, найдешь кого-нибудь, кто сможет его тебе прочесть. В нем говорится, что твои услуги требуются для помощи в отделке нового Святилища божественной мудрости

Джада, каковое император, в его великой мудрости, как раз сейчас строит.

В святилище раздался ласкающий слух ропот. По крайней мере, кажется, ученики и мелкие подмастерья уловили значение того, что только что сказал Тилитик. Ему пришло в голову, что в будущем можно иногда передавать официальные послания таким резким тоном. Это само по себе производит большое впечатление.

— Что случилось со старым? — Рыжий ремесленник казался невозмутимым.

«Может, он умственно отсталый?» — подумал Тилитик.

— С чем — старым, ты, примитивный варвар?

— Брось оскорбления, а не то уползешь отсюда на карачках. Со старым святилищем.

Тилитик заморгал. Этот человек в самом деле ненормальный.

— Ты угрожаешь имперскому курьеру? Тебе вырвут ноздри, если ты посмеешь поднять на меня руку. Старое святилище сгорело два года назад во время мятежа. Ты что, ничего не знаешь о событиях в мире?

— У нас здесь была чума, — ответил ровным голосом рыжий. — Дважды. А потом гражданская война. В такие времена пожары на другом краю света не имеют значения. Спасибо, что доставил письмо. Я его прочту и решу, что делать.

— Решишь? — взвизгнул Тилитик. Ему очень не нравился собственный писклявый голос, когда его заставали врасплох. То же самое произошло, когда эта проклятая девка в Тракезии попросила его взять ее с собой. Таким голосом трудно было подобающим образом прочесть ей лекцию о семействе его матери.

— Ну да. — Мартиниан пожал плечами. — Смею предположить, что это предложение и приглашение, а не приказ, отданный рабу?

Тилитик несколько мгновений не мог вымолвить ни слова от изумления.

Он выпрямился. С удовольствием отметил, что голос ему повинуется, и резко произнес:

— Только раб не понял бы, что это означает. Кажется, ты трус и не стремишься добиться успеха в этом мире. В таком случае, подобно рабу, можешь снова зарыться в свою нору и делать все, что тебе угодно, а Сарантий ничего не потеряет. Мне больше недосуг с тобой болтать. Ты получил свое письмо. От имени трижды славного императора, желаю здравствовать.

— И тебе того же. — Ремесленник отвернулся. — Пардос, — позвал он, — сегодня известь для основы была хорошо приготовлена. И наложена как надо, Радульф, Куври. Я доволен.

Тилитик тяжело затопал к выходу.

«Империя, цивилизация, величие Священного Города... все это пустой звук для некоторых людей», — думал он. В дверях он остановился перед стариком, который сидел и смотрел на него добрыми глазами.

— Твоя шляпа, — сказал Тилитик, злобно глядя на него, — самый смехотворный головной убор, который я когда-либо видел.

— Знаю, — весело ответил тот. — Все так говорят.

Пронобий Тилитик, огорченный, обиженный, вскочил на своего коня и галопом поскакал прочь, вздымая за собой клубы пыли, по дороге к стенам Варены.

— Нам надо поговорить, — сказал Криспин, глядя сверху на человека, научившего его почти всему, что он знает.

Выражение лица Мартиниана было печальным. Он встал, поправил на голове свою странную шляпу — лишь один Криспин знал, что она когда-то спасла ему жизнь, — и вышел наружу впереди него. Имперский курьер скакал к городу, возмущение подгоняло его.

Они несколько секунд смотрели всаднику вслед, потом Мартиниан зашагал на юг, к березовой роще в противоположной стороне от могильного кургана. Солнце уже стояло низко, поднимался ветер. Криспин слегка щурился после полумрака святилища. Корова подняла голову от травы и смотрела на них, пока они шли мимо. Криспин держал в руках послание от императора. На нем стояло имя «Мартиниан Варенский», написанное крупными, наклонными, довольно изящными буквами. И печать, красная и затейливая.

Мартиниан остановился, не доходя до деревьев, сразу за воротами, выходящими на дорогу. Там он сел на пенек. Они были совсем одни. Откуда-то слева выпорхнул скворец, описал дугу и исчез в листве деревьев. Над лесом уже взошла голубая луна. Криспин прислонился спиной к деревянным воротам, взглянул на луну и понял, что сейчас полнолуние.

Иландра умерла на закате в один из дней, когда светила полная голубая луна, и девочки ушли вслед за ней к богу в ту же ночь. Их тела были покрыты гнойными нарывами, а лица искажены и изуродованы до неузнаваемости. Криспин вышел тогда из дома и увидел эту луну, эту рану на небе.

Он протянул тяжелый пакет Мартиниану, и тот молча взял его. Старший мозаичник несколько мгновений смотрел на свое имя, потом сорвал печать канцлера Сарантия. Ни слова не говоря, он начал вынимать содержимое пакета. Оказалось, что тяжесть ему придавали серебряные и медные монеты в расшитом кошельке, как и было обещано. В письме объяснялось, как сказал курьер, что Великое святилище реконструируют и предстоит много работы по созданию мозаик. Несколько комплиментов по поводу репутации Мартиниана Варенского. Тут же лежал официального вида документ на превосходной бумаге, который оказался подорожной для почтовых постоялых дворов. Мартиниан тихо присвистнул и показал бумагу Криспину: она была подписана самим канцлером, не каким-то клерком. Они оба были достаточно знакомы с высшими кругами — хотя бы здесь, в Батиаре, среди антов, — чтобы понять, что это большая честь.

Еще один документ оказался картой, свернутой втрое, на которой были отмечены места расположения почтовых постоялых дворов на имперской дороге, ведущей через Саврадию и Тракезию. Еще один свернутый лист оказался списком некоторых кораблей, которые заходят в Милазию на побережье и которые считаются надежными морскими судами для путешествия по морю.

— Слишком поздняя осень для торговых кораблей, — задумчиво произнес Мартиниан, глядя на этот список. Он снова взял письмо, развернул его. Указал на дату, стоящую наверху: — Оно было отправлено в самом начале осени. Наш краснолицый друг не спешил добраться сюда. Думаю, предполагалось, что ты поплывешь морем.

— Я поплыву морем?

— Ну ты, который притворится мною.

— Мартиниан! Во имя Джада, что...

— Я не хочу ехать. Я старый. У меня болят руки. Я хочу этой зимой пить разбавленное вино с друзьями и надеяться, что войны на некоторое время прекратятся. У меня нет ни малейшего желания плыть в Сарантий. Этот вызов предназначен тебе, Криспин.

— На нем стоит не мое имя.

— Должно стоять твое. Ты уже много лет делаешь большую часть работы. — Мартиниан усмехнулся. — Да и пора уже.

Криспин не ответил на его улыбку.

— Подумай хорошенько. Говорят, этот император — хороший заказчик. Строитель. Чего еще можно желать в жизни, кроме шанса увидеть столицу и поработать там? Создать нечто такое, что сохранится на века, и стать известным?

— Теплого вина и места у очага в таверне Гальдеры. — «И чтоб ночью рядом была жена, пока я не умру», — мысленно прибавил он, но вслух не произнес.

Его собеседник недоверчиво хмыкнул.

Мартиниан покачал головой:

— Криспин, этот вызов — твой. Не позволяй их ошибке все спутать. Им нужен мастер-мозаичник. Мы известны своими мозаиками в традициях Родиаса. Они поступают разумно, привлекая к участию в работе кого-нибудь из Батиары, несмотря на напряженные отношения между востоком и западом, и ты знаешь, кто из нас двоих должен совершить это путешествие.

— Я знаю, что меня не звали. Звали тебя. По имени. Даже если бы я хотел поехать, а я не хочу.

Мартиниан отпустил непристойное замечание, упомянув анатомию Криспина, бога грома бассанидов и удар молнии, что было ему совсем не свойственно.

Криспин заморгал.

— Будешь теперь тренироваться, чтобы перенять мою манеру выражаться? — спросил он без улыбки. — И мы совсем поменяемся местами, да?

Старик разозлился:

— Даже не думай притворяться, что тебе не хочется поехать. Почему ты сделал вид, что не знаешь об их святилище? Все знают о мятеже и пожаре в Сарантии.

— Почему ты сделал вид, что ты — это не ты?

Они немного помолчали. Криспин перевел взгляд на далекие леса.

— Мартиниан, я действительно не хочу ехать. Это не притворство. Я ничего не хочу делать. Ты это знаешь.

Друг снова повернулся к нему:

— Тогда ты должен ехать именно поэтому. Кай, ты слишком молод, чтобы перестать жить.

— Они были моложе, и их нет. Они перестали жить.

Он произнес это быстро и резко. Он не был готов к словам

Мартиниана. Ему необходимо быть готовым к подобным разговорам.

Стояла тишина. Солнце на западе становилось красным и готовилось к долгому путешествию сквозь тьму. В святилищах по всей Батиаре скоро начнутся предзакатные молитвы. Голубая луна поднималась над деревьями на востоке. Звезды еще не зажглись. Когда Иландра умирала, ее рвало кровью, черные, гнойные нарывы покрывали все ее тело. Как раны. Девочки. Его девочки умерли в темноте.

Мартиниан снял свою бесформенную шляпу. Его волосы поседели, и большую их часть на макушке он уже потерял. Он произнес очень мягко:

— И ты чтишь память всех троих, делая то же самое? Должен ли я богохульствовать дальше? Не вынуждай меня. Мне это не нравится. Этот пакет из Сарантия — подарок.

— Так прими его. Мы здесь почти закончили. Осталось в основном выложить края и отполировать мозаики, а потом каменщики смогут закончить работу.

Мартиниан покачал головой.

— Ты боишься?

Брови Криспина сошлись над переносицей.

— Мы дружим очень давно. Пожалуйста, не надо со мной так разговаривать.

— Мы дружим очень давно. Никто другой тебе этого не скажет, — неумолимо продолжал Мартиниан. — Прошлым летом здесь умер каждый четвертый, как и позапрошлым летом. Говорят, в других местах умерло еще больше людей. Анты поклонялись своим покойникам, зажигали свечи и читали молитвы. Полагаю, они продолжают это делать, теперь в святилищах Джада вместо дубовых рощ или перекрестков дорог... Но они не отправляются вслед за ними, Кай, не превращаются в живых мертвецов.

Произнося последние слова, Мартиниан опустил глаза и стал мять в руках шляпу.

Каждый четвертый. Два лета подряд. Криспин это знал. Могильный курган за их спинами был лишь одним из многих. Дома, целые кварталы Варены и других городов Батиары все еще остаются пустынными. Сам Родиас, который так и не оправился от налета антов, стал пустынным, на его форумах и в колоннадах звучало гулкое эхо. Говорят, верховный патриарх бродит по ночам в одиночестве по коридорам своего дворца и беседует с духами, невидимыми для людей. Чума породила безумие. Между антами тоже вспыхнула короткая, яростная война после смерти царя Гильдриха, который оставил после себя только дочь. Фермы и поля повсюду стояли заброшенными, земли было слишком много, и оставшиеся в живых не могли ее обработать. Рассказывали истории о детях, проданных в рабство родителями из-за нехватки еды или дров с приходом зимы.

Каждый четвертый. И не только здесь, в Батиаре. На севере, среди варваров в Фериересе, на западе в Эсперанье, на востоке в Саврадии и Тракезии, во всей Сарантийской империи и дальше, в Бассании, а может быть, и за ее пределами, хотя о тех местах никто ничего не рассказывал. Говорили, что сам Сарантий сильно пострадал. Весь мир опустошила голодная Смерть.

Но для Криспина существовало всего три души среди всех созданий Джада, которые он любил и с которыми жил, и все три погибли. Может ли знание о прочих утратах смягчить боль от его собственной? Иногда, ночью, в своем доме, когда рядом с его постелью стояла пустая бутылка вина, он лежал в темноте, и в полусне ему казалось, что он слышит дыхание, голос, что одна из девочек громко плачет во сне, в соседней комнате. Ему хотелось встать и утешить ее. И тогда ощущал ужасающую глубину пустоты окружающего его мира.

Его мать предлагала ему переехать к ней. Мартиниан и его жена предлагали то же самое. Они говорили, что нездорово оставаться одному со слугами в доме, полном воспоминаний. Он мог снять комнату наверху в таверне или на постоялом дворе, куда до него доносился бы шум жизни снизу и из коридоров. Его уговаривали, настойчиво убеждали жениться снова, когда прошел почти год. Видит Джад, осталось много вдов на слишком широких постелях и достаточно молодых девушек, которые нуждались в порядочном, преуспевающем муже. Так говорили ему друзья. Кажется, у него еще остались друзья, несмотря на все его усилия. Они говорили ему, что он талантлив, знаменит, что перед ним еще целая жизнь. Как могут люди не понимать, что все это не имеет значения? Он им это говорил, пытался сказать.

— Спокойной ночи, — сказал Мартиниан.

Не ему. Криспин оглянулся. Рабочие расходились, шли по дороге, по которой уехал в город курьер. Конец дня. Солнце садилось. Стало довольно холодно.

— Спокойной ночи, — повторил он, рассеянно поднимая

руку, чтобы попрощаться с людьми, которые на них работали, и с теми, кого наняли достроить само здание. Ему весело отвечали. Почему им не веселиться? Дневная работа завершена, дождь на время прекратился, урожай убрали, а зима еще не наступила. Появились замечательные новые сплетни, которыми можно поделиться в тавернах и у домашнего очага сегодня вечером. Мартиниан получил вызов от императора, а с высокомерным курьером с востока сыграли забавную шутку.

Такова жизнь, яркое сплетение разговоров и совместных догадок, смеха и споров. Можно насладиться самому, порадовать супругу, отпрыска, старого слугу. Друга, родителей, хозяина гостиницы. Ребенка.

Двух детей.

Кто знает любовь?
Кто скажет, что знает любовь?
Что есть любовь, скажи мне.
— Я знаю любовь, —
говорит мне малышка одна...

Песнь киндатов. У Иландры была няня из народа лунопоклонников, выросшая в стране вина к югу от Родиаса, где селились многие киндаты. Ее семья по традиции нанимала нянек и выбирала своих лекарей из этих людей. Ее семья занимала более высокое положение, чем его собственная, хотя его мать держалась с достоинством и имела большие связи. Люди говорили, что он удачно женился, но они ничего не понимали. Люди не знали. Откуда им знать? Иландра пела эту мелодию дочерям перед сном. Если он закрывал глаза, то и сейчас слышал ее голос.

Может быть, если он умрет, то соединится с ней в господнем Свете. Со всеми тремя.

— Ты и правда боишься, — повторил Мартиниан, его голос вторгся в сумрак мира. На этот раз Криспин услышал в нем гнев. Редкость для этого добродушного человека. — Ты боишься принять тот факт, что тебе позволили жить, и ты должен что-то делать с этой милостью.

— Это не милость, — ответил он. И тут же пожалел об этом, потому что в его тоне слышалась обида и жалость к себе. Он быстро поднял руку, предупреждая отповедь. — Что я должен сделать, чтобы все были довольны, Мартиниан? Продать дом за гроши одному из спекулянтов землей? Переехать к тебе? И к матери тоже? Жениться на пятнадцатилетней девушке, готовой

рожать детей? Или на вдове, уже имеющей землю и сыновей? Или на обеих? Дать обеты Джаду и стать священником? Стать язычником? Стать юродивым?

— Поезжай в Сарантий, — сказал его друг.

— Нет.

Они посмотрели друг на друга. Криспин осознал, что тяжело дышит. Тени стали длинными, голос старика теперь звучал мягко.

— Для такого важного решения это слишком быстрый ответ. Повтори его завтра утром, и я больше никогда об этом не буду говорить. Клянусь.

Криспин помолчал и кивнул. Ему необходимо выпить, понял он. Со стороны леса, издалека, донеслась чистая трель невидимой птицы. Мартиниан встал, нахлобучил на голову шляпу, защищаясь от вечернего ветра. Они вместе поспешили обратно в Варену, пока еще не раздался вечерний звон и не заперли ворота, чтобы отгородиться от диких лесов, ночных полей и разбойных дорог, лежащих под светом лун и звезд, где наверняка водятся демоны и духи.

Люди по возможности жили под защитой стен.

* * *

Уже в густых сумерках Криспин отправился в свои любимые бани, почти пустые в этот час. Большинство посетителей ходили в бани после обеда, но мозаичникам для работы нужен дневной свет, и Криспин предпочитал теперь тихое время в конце дня. Несколько голых мужчин разминались с тяжелым мячом, гоняли его туда-сюда, потея от усилий. Он кивнул им, проходя мимо, но не остановился. Сначала посидел в парной, потом в горячей и холодной воде, дал натереть себя маслом — так он боролся с осенней простудой. Он ни с кем не разговаривал, только в самом конце вежливо поздоровался со всеми в общем зале, где выпил чашу вина, которую ему принесли к его обычному ложу. После этого он забрал императорское послание у смотрителя, проверил его содержимое вместе с ним и, отказавшись от сопровождающего, пошел домой, чтобы оставить пакет и переодеться к ужину. Он твердо решил сегодня больше не обсуждать эту проблему.

— Значит, ты уезжаешь. В Сарантий?

Некоторые намерения теряли всякий смысл в присутствии его матери. В этом отношении ничего не изменилось. Авита Криспина подала знак, и служанка налила ее сыну еще рыбного супа. При свете свечей он смотрел вслед девушке, грациозно уходящей в сторону кухни. У нее были глаза и волосы классического для каршитов цвета. Их женщины ценились в качестве домашних рабынь как антами, так и коренными жителями Родиаса.

— Кто тебе сказал? — Они обедали наедине, полулежа друг напротив друга. Его мать всегда предпочитала соблюдать старомодные формальности.

— Какая разница?

Криспин пожал плечами:

— Наверное, никакой. — Множество людей в святилище слышало слова курьера. — Почему я должен уезжать, мама, скажи, пожалуйста?

— Потому, что ты этого не хочешь. Ты поступаешь наперекор тому, что должен делать, по-твоему. Извращенное поведение. Не представляю себе, откуда в тебе это.

Произнося эти слова, она осмелилась улыбнуться. Сегодня она хорошо выглядела, или свечи ее щадили. У него не было смальты такого белого цвета, как ее волосы, ничего похожего. Ходили слухи, что в Сарантии, в имперских стекольных мастерских изобрели метод...

Он прогнал от себя эти мысли.

— Ничего подобного. Я не собираюсь вести себя настолько очевидно. Возможно, иногда я бываю немного неосторожным, когда меня провоцируют. Сегодняшний курьер оказался круглым дураком.

— И ты ему, разумеется, так и сказал.

Криспин невольно улыбнулся.

— Собственно говоря, это он назвал меня дураком.

— Это означает, что он — не дурак, а весьма наблюдательный человек.

— Ты хочешь сказать, что это не бросается в глаза?

Теперь настала ее очередь улыбнуться.

— Моя ошибка.

Он снова наполнил свою чашу белым вином и наполовину разбавил его водой. Он всегда так делал в доме матери.

— Я не поеду, — сказал он. — Зачем мне ехать так далеко накануне зимы?

— Потому что ты не круглый дурак, сын мой, — ответила Авита Криспина. — Мы говорим о Сарантии, Кай, дорогой.

— Я знаю, о чем мы. Ты говоришь, как Мартиниан.

— Это он говорит, как я. — Старая шутка. Криспин на этот раз не улыбнулся. Он съел добавку рыбного супа, который был очень вкусным.

— Я не поеду, — повторил он позднее, у дверей, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в щеку. — У тебя такой замечательный повар, что мне невыносима мысль об отъезде. — От нее пахло, как обычно, лавандой. Его первым воспоминанием был этот запах. Он подумал, что первым воспоминанием должен был быть цвет. Запахи, вкус, звуки часто приобретали в его представлении оттенки цветов, а этот — нет. Цветок мог быть фиолетовым, даже пурпурным — царский цвет, — но его запах не имел цвета. Это был просто запах его матери, и все.

Двое слуг с дубинками в руках ждали, чтобы проводить его домой в темноте.

— На востоке есть повара лучше моего. Я буду скучать по тебе, сын, — спокойно ответила она. — Надеюсь, ты будешь писать регулярно.

Криспин к этому привык, но все равно фыркнул от отчаяния, шагая прочь. Один раз он оглянулся и увидел ее в луче света, одетую в темно-зеленое платье. Она приветственно подняла руку и вошла в дом. Кай свернул за угол в сопровождении ее слуг и прошел короткое расстояние до своего дома. Отпустил слуг и несколько секунд стоял у двери, глядя вверх, кутаясь в плащ от холода.

Голубая луна уже спускалась к горизонту в осеннем небе. Она была полной, как некогда было полным его сердце. Белая луна, восходящая в восточном конце улицы, обрамленная с обеих сторон и внизу последними домами и городскими стенами, представляла собой бледный, убывающий полумесяц. Астрологи придают значение подобным вещам. Они придают значение всему, что происходит на небе.

Криспин подумал, не сможет ли он отыскать смысл, связанный с ним самим. С тем человеком, каким он стал за тот год после лета последней чумы, когда он остался в живых и вынужден был своими руками похоронить жену и двух дочерей. В семей-

ной могиле, рядом со своим отцом и дедом. Не в залитом известкой кургане. Некоторые вещи невозможно вынести.

Он подумал о факеле Геладикоса, который выложил сегодня на маленьком куполе. Он все же сохранил, подобно приглушенному оттенку цвета, эту гордость за свое дело, свою любовь к нему. Любовь. Это все еще так называется?

Ему хотелось увидеть это последнее произведение при свечах, при щедром сиянии свечей и масляных фонарей, горящих по всему святилищу, возносящих свет к тому огню, который он сотворил из камня и стекла. У него было предчувствие, рожденное опытом, что он, возможно, отчасти добился желаемого эффекта.

Мартиниан всегда говорил, что это самое большее, на что может надеяться человек в этом мире, полном ошибок.

Криспин знал, что должен это увидеть во время освящения святилища в конце осени, когда юная царица, ее клирики и заносчивые посланцы верховного патриарха Родиаса — если не сам патриарх — устроят официальное погребение останков царя Гильдриха. Тогда они не станут скупиться на свечи и масло. Он сможет в тот день дать оценку своей работе, высокую или не очень.

События развернулись так, что он не получил такой возможности. Он так никогда и не увидел свой факел из мозаики на куполе святилища у стен Варены.

Когда он с ключом в руке повернулся, чтобы войти в свой дом, — слугам он, как всегда, приказал ложиться спать, не дожидаясь его, — его предупредил об опасности какой-то шорох, но слишком поздно.

Криспину удалось выбросить вперед кулак и ударить нападающего в грудь довольно сильно. Он услышал хриплый стон, набрал воздуха, чтобы крикнуть, почувствовал, как ему на голову набросили мешок и ловко затянули его у него на шее, одновременно ослепив и заставив задохнуться. Он закашлялся, почувствовал запах и вкус муки. Криспин яростно лягался, он ощутил ступней чье-то колено или голень и услышал еще один приглушенный крик боли. Извиваясь и вслепую нанося удары, он пытался сорвать душащую его веревку с горла. Изнутри мешка он не мог кусаться. Невидимые враги действовали молча. Трое? Четверо? Они почти наверняка пришли за деньгами, ведь проклятый курьер объявил всему миру, что в пакете деньги. Интересно, подумал он, убьют ли его, когда обнаружат, что

у него их нет. Решил, что это весьма вероятно. В глубине сознания он удивился, почему так яростно сопротивляется.

Он вспомнил о кинжале, потянулся к нему одной рукой, второй пытаясь оторвать руку, схватившую его за горло. Он царапался, словно кошка или женщина, ногтями оцарапал эту руку до крови. Нащупал рукоять кинжала, извиваясь и уворачиваясь. Рывком выхватил клинок.

Приходил в себя Криспин медленно, и постепенно до его сознания дошел вызывающий боль мерцающий свет и аромат духов. Не лаванды. Голова у него болела, что не было такой уж неожиданностью. Мешок из-под муки, очевидно, сняли, так как он смутно видел огоньки свечей, тени за ними и вокруг них, пока еще смутные. Кажется, руки у него были свободны. Кай поднял руку и очень осторожно пощупал яйцевидную шишку у себя на затылке.

На краю поля его зрения, которое при данных обстоятельствах было не слишком ясным, кто-то шевельнулся, встал с ложа или с кресла. У него возникло впечатление присутствия золотого и лазурного цвета.

Он еще острее ощутил аромат духов, повернул голову и охнул от этого движения. Закрыл глаза. Он очень скверно себя чувствовал.

Чей-то голос — женский — произнес:

— Им велели проявить настойчивость. Очевидно, ты оказал сопротивление.

— Весьма... сожалею, — с трудом выговорил Криспин. — Какой я скучный.

Он услышал ее смех. Снова открыл глаза. Он понятия не имел, где находится.

— Добро пожаловать во дворец, Кай Крисп, — сказала она. — Мы одни, между прочим. Должна ли я опасаться тебя, не позвать ли стражу?

Подавив особенно сильный приступ тошноты, Криспин заставил себя сесть. Через мгновение он с трудом встал, сердце его сильно билось. Попытался поклониться, но слишком поспешно. Ему срочно пришлось ухватиться за крышку стола, чтобы не рухнуть. В глазах у него все завертелось, и в желудке тоже.

— Я освобождаю тебя от более сложных церемоний, — про-

изнесла единственная оставшаяся в живых дочь покойного царя Гильдриха.

Гизелла, царица антов и Батиары, его собственная священная правительница, наместница Джада, которая платила символическую дань императору Сарантии и духовно подчинялась верховному патриарху и больше ни одной живой душе, серьезно смотрела на него широко расставленными глазами.

— Очень... исключительно... великодушно с вашей стороны, ваше величество, — промямлил Криспин. Он пытался, безуспешно, заставить глаза четко видеть при свечах, но все расплывалось. Казалось, в воздухе плавают какие-то предметы. Ему также трудно было дышать. Он находился в комнате наедине с царицей. Раньше он всегда видел ее только на расстоянии. Ремесленники, какими бы преуспевающими и известными они ни были, не ведут по ночам личных бесед со своими владыками. По крайней мере, в мире, известном Криспину.

Ему казалось, что в его голове стучит маленький, но настойчивый молоток, пытаясь пробиться наружу. Он был совершенно сбит с толку и ничего не понимал. Она его захватила или спасла? И в обоих случаях — почему? Он не посмел спросить. Он вдруг снова почувствовал запах муки среди аромата благовоний. Это был его запах. Запах мешка. Он посмотрел на свою надетую к обеду тунику и скорчил кислую мину. Синяя ткань покрылась серовато-белыми полосами и пятнами. Это означало, что его волосы и борода...

— Тебя осмотрели, пока ты спал, — довольно любезно сказала царица. — Я велела вызвать своего лекаря. Он сказал, что пока можно не делать тебе кровопускание. Может, стакан вина поможет?

Криспин издал звук, который, как он надеялся, передает сдержанное согласие воспитанного человека. Она не рассмеялась снова и не улыбнулась. Ему пришло в голову, что эта женщина привыкла видеть мужчин, пострадавших от насилия. Множество широко известных инцидентов поневоле пришло ему на память. Некоторые произошли совсем недавно. Мысль о них не принесла облегчения.

Царица не шевелилась, и через мгновение Криспин понял, что она говорила буквально. Они действительно были одни в комнате. Ни слуг, ни даже рабов. Что было просто поразительно. И он едва ли мог ожидать, что она подаст ему вина. Он оглядел и скорее в результате везения, чем эффективности зрения

обнаружил на столе рядом с собой кувшин и чаши. Он осторожно налил вина в две чаши и разбавил его водой, сомневаясь, не выказывает ли этим самонадеянность. Он не был знаком с обычаями двора антов. Обычно Мартиниан принимал все их заказы у царя Гильдриха, а затем у его дочери и приносил им отчеты.

Криспин поднял взгляд. Его зрение улучшалось, стук молотка в голове немного утих, и комната перестала кружиться. Он увидел, как она покачала головой, глядя на чашу, которую он для нее наполнил. Он поставил чашу на стол. Подождал. Опять взглянул на нее.

Царица Батиары была высокого для женщины роста и совсем юной. Находясь рядом с ней, он увидел, что у нее прямой нос антов и высокие отцовские скулы. Ее прославленные широко расставленные глаза были необыкновенного синего цвета, Криспин это знал, но при свечах он не мог как следует их рассмотреть. Ее золотистые волосы, конечно, подобранные в узел, скреплял золотой обруч, усыпанный рубинами.

Когда анты поселились на полуострове, они мазали волосы медвежьим салом. Эта женщина явно не придерживалась таких традиций. Он представил себе — ничего не мог с собой поделать — эти рубины в мозаичном факеле на куполе святилища. Представил себе, как они сверкают при свечах.

На шее царица носила золотой диск с изображением Геладикоса. Ее одеяние было из голубого шелка, расшитого тонкой золотой нитью, и по всей длине слева шла пурпурная полоса, от ворота до щиколоток. Лишь царственные особы носили пурпур, по традиции, восходящей к Родианской империи в самом начале ее существования, шестьсот лет назад.

Этой ночью, в комнате дворца, он оказался наедине с самой сильной в жизни головной болью и с царицей — его царицей, — которая смотрела на него в упор мягким, оценивающим взглядом.

На всем Батиарском полуострове существовало мнение, что царица, возможно, не переживет эту зиму. Криспин слышал, как по этому поводу бились об заклад.

За сто лет анты, возможно, поднялись выше медвежьего сала и языческих обрядов, но они совершенно не привыкли, чтобы ими правила женщина, а любой выбор супруга — и царя — для Гизеллы мог осложнить и без того невероятно сложную племенную иерархию и породить кровную месть. В некотором смысле, только благодаря этим факторам она еще остава-

лась в живых и правила больше года после смерти отца и беспощадной, незавершенной гражданской войны, которая за ней последовала. Мартиниан так объяснял ему положение дел однажды вечером за ужином. Вокруг царицы установилось равновесие между различными группировками антов; если она умрет, это равновесие нарушится, и начнется война. Опять.

Криспин пожал тогда плечами. Кто бы ни правил, он будет вести строительство святилищ во славу бога и ради прославления себя самого. У художников будет работа. Они с Мартинианом пользуются большой известностью, у них хорошая репутация среди власть имущих. Неужели имеет большое значение, спросил он у старого друга, что происходит во дворце Варены? Неужели подобные вещи вообще имеют значение после чумы?

Царица продолжала смотреть на него из-под ровной линии бровей и ждала. Криспин с опозданием понял, чего она ждет, отсалютовал ей чашей и выпил. Вино оказалось великолепным. Самое лучшее сарниканское. Он никогда не пробовал такого сложного букета. При нормальных обстоятельствах он бы...

Он быстро поставил чашу. После удара по голове этот напиток мог совсем его доконать.

— Ты осторожный человек, я вижу, — прошептала она.

Криспин покачал головой.

— Не слишком, ваше величество. — Он понятия не имел, чего от него здесь ждут или чего ему ждать. У него мелькнула мысль, что ему следует быть вне себя от ярости, ведь на него напали и похитили у порога собственного дома. А он чувствует любопытство, он заинтригован и достаточно осознает себя, чтобы понять, что эти чувства уже давно его не посещали.

— Могу я предположить, — спросил он, — что те разбойники, которые нахлобучили мне на голову мешок из-под муки и проломили череп, из этого дворца? Или ваши верные стражи спасли меня от обычных воров?

В ответ она улыбнулась. «Ей не может быть намного больше двадцати лет», — подумал Криспин, вспомнив помолвку царицы и смерть ее будущего супруга от какой-то случайности несколько лет назад.

— Это были мои стражники. Я тебе сказала, что им было приказано вести себя вежливо, но убедить тебя пойти с ними. Очевидно, ты их немного помял.

— Очень рад это слышать. Они меня тоже.

— Они поступили так во имя верности своей царице и ее делу. Ты тоже мне верен?

Откровенно, очень откровенно.

Криспин смотрел, как она подошла к скамье из розового дерева и слоновой кости и села, очень прямо держа спину. Он видел, что в комнате три двери, и представил себе стражников, замерших за каждой из них. Он запустил пальцы в волосы — характерный жест, после которого они оставались всклокоченными, — и тихо произнес:

— Я сейчас занимаюсь, насколько хватает моего мастерства и никуда не годных материалов, отделкой святилища вашего отца. Это послужит ответом, ваше величество?

— Вовсе нет, родианин. Ты работаешь ради собственного интереса. Тебе очень хорошо платят, и материалы самые лучшие, какие мы можем предложить сейчас. Мы пережили чуму и войну, Кай Криспин.

— Неужели? — бросил он. Не смог удержаться.

Она подняла брови.

— Дерзишь?

Ее голос и выражение лица внезапно напомнили ему о том, что какими бы ни были подобающие придворные манеры, у него они отсутствуют, а анты никогда не славились терпением.

Он покачал головой.

— Я пережил и то и другое, — пробормотал он. — И не нуждаюсь в напоминаниях.

Она еще одно долгое мгновение молча смотрела на него. Криспин неожиданно ощутил покалывание вдоль позвоночника, до самых волос на затылке. Молчание затягивалось. Затем царица сделала вдох и без всяких предисловий сказала:

— Мне необходимо передать императору Сарантия исключительно личное послание. Ни один мужчина и ни одна женщина не должны узнать его содержания или даже о том, что оно было отправлено. Вот почему ты здесь один, и тебя привели ночью.

У Криспина пересохло во рту. Он почувствовал, как его сердце снова забилось.

— Я ремесленник, повелительница. Не более того. Мне не место среди придворных интриг. — Он пожалел, что выпил ту чашу вина. — И я не еду в Сарантий, — прибавил он с опозданием.

— Разумеется, едешь, — решительно возразила она. — Кто

бы не принял подобного приглашения? — Она о нем знала. Конечно, знала. Даже его мать о нем знала.

— Оно послано не мне, — колко возразил он. — А Мартиниан, мой напарник, отказался ехать.

— Он старый человек. А ты — нет. И тебя ничто не держит в Варене.

Его ничто не держит в Варене. Совсем.

— Он не старый, — сказал Криспин.

Она не обратила на его слова внимания.

— Я навела справки о твоей семье, твоих обстоятельствах, твоем характере. Мне сообщили, что ты вспыльчив и не слишком почтителен. Ты также искусно владеешь своим ремеслом и достиг определенной известности и благосостояния с его помощью. Это все меня не касается. Но никто не сказал, что ты труслив или лишен честолюбия. Конечно, ты поедешь в Сарантий. Ты передашь от меня послание?

Криспин ответил, не успев подумать о последствиях:

— Какое послание?

Что означало — он понял это гораздо позже, размышляя, снова и снова переживая этот разговор во время долгой дороги на восток, — что как только она ему ответит, у него уже не останется выбора, разве только он действительно решит умереть и отправиться на поиски Иландры и девочек у Джада, за солнечным диском.

Юная царица антов и Батиары, которой грозила смертельная опасность и которая сражалась всеми подручными средствами, как бы неожиданно они ни подворачивались, тихо сказала:

— Ты скажешь императору Валерию Второму, и никому другому, что если он захочет на деле вернуть себе эту страну и Родиас, а не просто предъявлять на нее бессмысленные права, то здесь есть незамужняя царица, которая слышала о его доблести и о его славе и высоко их ценит.

У Криспина отвисла челюсть. Царица не покраснела, ее взгляд на заблистал. Он понял, что она внимательно наблюдает за его реакцией. Он произнес, запинаясь:

— Император женат. Уже много лет. Он изменил законы, чтобы жениться на императрице Аликсане.

Гизелла сидела спокойно и совершенно неподвижно на своей скамье из слоновой кости.

— Увы, мужей и жен можно оставить. Или они могут умереть, Кай Крисп.

Он это знал.

— Империи, — прошептала она, — живут после нас. Как и имя. Хорошо это или плохо. Валерий Второй, который когда-то был Петром Тракезийским, планирует вернуть Родиас и этот полуостров с тех пор, как он посадил своего дядю на Золотой Трон двенадцать лет назад. Он купил перемирие с Царем Царей Бассании только ради этого. У Шаха Ширвана выкупили время, чтобы Валерий мог собрать армию для похода на запад. Это ни для кого не тайна. Но если он попытается захватить эту землю силой, то не удержит ее. Этот полуостров слишком далеко от него, а мы, анты, умеем воевать. А его враги на востоке и на севере — бассаниды и северные варвары — не станут сидеть спокойно и смотреть, сколько бы он им ни заплатил. Вокруг Валерия найдутся люди, которые это понимают, и они, возможно, даже говорят ему об этом. Есть еще один способ исполнить его... желание. Я предлагаю ему этот способ. — Она помолчала. — Ты можешь еще сказать ему, что видел царицу Батиары вблизи, в синем, в золоте и порфире и можешь... правдиво описать ее для него, если он пожелает.

На этот раз, хотя она продолжала смотреть ему в глаза и даже немного вздернула подбородок, она все же покраснела. Криспин почувствовал, что у него вспотели ладони. Он прижал их к своей тунике. Поразительно, но он почувствовал, как в нем шевельнулось давно угасшее желание. Какое-то безумие, хотя желание часто и есть безумие. О царице Батиары невозможно, ни при каких обстоятельствах, так думать. Она предлагала свое лицо и изысканно наряженное тело его запоминающему взгляду только для того, чтобы он мог рассказать о ней императору на другом конце света. Он никогда не мечтал вращаться — и не хотел этого — в этом мире царственных теней, но его мозг, любящий решать головоломки, уже заработал, соревнуясь в скорости с биением сердца, и он начал различать отдельные фрагменты этой картины.

Ни один мужчина и ни одна женщина не должны знать.

Ни одна женщина. Куда яснее. Его просят отнести предложение ее руки императору, который прочно женат, да еще на самой могущественной и опасной женщине в известном людям мире.

— У императора и его жены-актрисы низкого происхожде-

ния нет детей, увы, — тихо произнесла Гизелла. Криспин догадался, что его мысли отражаются на лице. У него это не слишком хорошо получается. — Печальные последствия ее... профессии, как можно предположить. И она уже не молода.

«А я молода, — вот что скрывалось в послании под теми словами, которые он должен передать. — Спаси мою жизнь, мой трон, а я предлагаю тебе свою землю, Родианскую империю, завладеть которой ты стремишься. Я верну запад твоему востоку и дам тебе сыновей, в которых ты нуждаешься. Я красива и молода... спроси человека, который передаст тебе мои слова. Он это подтвердит. Только спроси».

— Ты считаешь... — начал он. И замолчал. С усилием взял себя в руки. — Ты считаешь, что это можно сохранить в тайне? Моя госпожа, если только узнают, что меня привели к тебе...

— Доверься мне. Ты не окажешь мне услугу, если тебя убьют по дороге или после приезда туда.

— Ты меня успокоила, — пробормотал он.

К его удивлению, она снова рассмеялась. Интересно, что подумают те люди за дверями, слыша это. Интересно, что еще они могли услышать.

— Ты не могла отправить с этим поручением официального посланника?

Он уже знал ответ раньше, чем она его произнесла.

— Никакой посланник от меня не получит возможности переговорить с императором... наедине.

— А я получу?

— Может быть. В твоих жилах течет чистая кровь Родиаса с обеих сторон. В Сарантии все еще ценят это, хоть на тебя и жалуются. Говорят, Валерий интересуется слоновой костью, фресками... такими вещами, которые ты делаешь из камней и стекла. Известно, что он беседует со своими мастерами.

— Как благородно с его стороны. А когда он обнаружит, что я не Мартиниан из Варены? Какая беседа меня ждет после этого?

Царица улыбнулась.

— Это будет зависеть от твоего ума, не так ли?

Криспин еще раз глубоко вздохнул. Не успел он заговорить, как она прибавила:

— Ты не спросил, чем может вознаградить благодарная новая императрица после коронации человека, который доставил

это послание и обеспечил успех предприятия. Ты умеешь читать?

Он кивнул. Она сунула руку в рукав своего одеяния и достала свиток пергамента. Протянула ему, приподняв руку. Он подошел ближе, вдохнул ее аромат, увидел, что у нее слегка подведены глаза и удлинены ресницы. Он взял из ее руки пергамент.

Она кивком дала разрешение. Он сломал печать. Развернул свиток. Прочел.

Криспин почувствовал, как кровь постепенно отливает от его лица. И изумление быстро вытеснила горечь, скрытая боль, сопровождающая его в этой жизни.

— Моя госпожа, ты напрасно одарила меня. У меня нет детей, которые смогут все это унаследовать.

— Ты еще молод, — мягко ответила царица.

В нем вспыхнул гнев.

— Неужели? Так почему здесь мне не предлагают хорошенькую женщину из придворных антов или аристократку родианской крови в качестве награды? Породистую кобылу, чтобы наполнить эти обещанные дома детьми и потратить это состояние?

Гизелла была царицей и провела жизнь во дворцах, где орудием выживания было умение судить о людях. Она сказала:

— Я бы не стала оскорблять тебя подобным предложением. Мне сказали, что ты женился по любви. Это большая редкость. Я считаю, что тебе повезло, хотя отведенное вам время было коротким. Ты хорошо сложенный мужчина, и у тебя будут средства привлечь к себе внимание, как следует из этого пергамента. Я полагаю, ты сможешь сам купить себе племенную кобылу хорошей породы, если не найдется других способов выбрать вторую жену.

Много позже, лежа в собственной постели, когда луны уже давно закатились и близился рассвет, Криспин пришел к выводу, что именно этот ответ, его серьезность с долей язвительной иронии в конце, стал решающим для него. Если бы она предложила ему супругу, на бумаге или на словах, сказал он себе, он бы отказался наотрез, позволил убить себя, если она пожелает.

А она бы пожелала, Кай был в этом почти уверен.

И эта мысль пришла к нему в последние минуты темноты, перед тем как он узнал от своих подмастерьев, когда они встре-

тились в святилище на молитве перед восходом солнца, о том, что ночью нашли шестерых стражников из дворца Варены с перерезанным горлом.

Криспин ушел в сторонку от гула голосов и пересудов и стоял один в святилище под своим факелом на куполе. Свет только начал проникать в кольцо окон и падал на кусочки стекла под разными углами. Мозаичный факел, казалось, вспыхивал, он, несомненно, слабо мерцал, словно прикрытое пламя. Мысленным взором он видел эту картинку поверх горящих фонарей и свечей... Если их будет достаточно, его замысел сработает.

Он понял кое-что. Царица антов, сражаясь за свою жизнь, дала ему ясно понять еще одну вещь: она ни за что не позволит нарушить тайну ее послания, она пожертвовала даже самыми верными из своих стражей. Шесть человек мертвы. Этот поступок гуманным не назовешь.

Криспин не мог понять, что он чувствует. Или нет, он все же понимал: он чувствовал себя слишком маленьким кораблем, который поздней осенью выходит из гавани с малочисленной командой и попадает в круговерть зимних ветров.

Но он отправится в Сарантий. Все-таки отправится.

Немного раньше, в глухую ночную пору, в той комнате дворца, чувствуя, как на него нисходит покой, Криспин сказал женщине, сидящей на скамье из слоновой кости:

— Ты оказываешь мне честь своим доверием, моя повелительница. Мне бы не хотелось еще одной войны ни между антами, ни после нашествия сарантийцев. Мы уже исчерпали свою норму смертей. Я отнесу твое послание и попытаюсь передать его императору, если не погибну из-за своего обмана. Это безумие, то, что я собираюсь сделать, но все, что мы делаем, тоже безумие, не так ли?

— Нет, — против его ожидания возразила она. — Но я не надеюсь стать той, кто убедит тебя в этом. — Она махнула рукой в сторону одной из дверей. — За ней стоит человек, который проводит тебя домой. Ты меня больше не увидишь, по понятным тебе причинам. Можешь поцеловать мою ступню, если ты уже достаточно хорошо себя чувствуешь.

Он опустился перед ней на колени. Прикоснулся к изящной ступне в золотой сандалии. Поцеловал ее сверху. И во время поцелуя почувствовал, как длинные пальцы скользнули по его волосам к тому месту, куда пришелся удар. Он вздрогнул.

— Я благодарна тебе, — услышал он. — Что бы ни случилось.

Она убрала руку. Он встал, снова поклонился, вышел в указанную дверь, и гладко выбритый, лишенный языка гигант проводил его до дома по продуваемым ветром улицам ночного города. Он чувствовал, что желание в нем не утихло, пока шел в темноте прочь от дворца, от той комнаты. И был поражен этим.

В той утонченной, маленькой приемной молодая женщина сидела в одиночестве некоторое время после его ухода. Она редко оставалась совсем одна, и это ощущение не было ей неприятным. События развивались быстро с тех пор, как один из ее личных осведомителей передал ей произнесенные вслух подробности вызова, доставленного императорским курьером одному мастеру, работающему в усыпальнице ее отца. У нее было мало времени на обдумывание деталей, его хватило лишь на то, чтобы понять, что это неожиданный, слабый шанс, — и ухватиться за него.

К сожалению, теперь надо было организовать чью-то смерть. Эта игра была бы проиграна до ее начала, если бы Агила, или Евдрих, или любой другой из толпящихся у ее трона узнали, что этот художник беседовал с ней наедине перед тем, как отправиться на восток. Человек, который провожал мозаичника сейчас, был единственным, кому она полностью доверяла. Во-первых, он не мог говорить. Во-вторых, он принадлежал ей с тех пор, как ей исполнилось пять лет. Она даст ему следующий приказ на сегодняшнюю ночь, когда он вернется. Не в первый раз он совершит ради нее убийство.

Царица антов наконец произнесла короткую, тихую молитву, прося прощения наряду с прочим. Она молилась божественному Джаду, его сыну Геладикосу, который погиб, принеся огонь простым смертным, а затем — для большей верности — богам и богиням, которым поклонялся ее народ, когда представлял собой лишь горстку племен в суровых землях севера и востока, сначала в горах, а потом в дубовых лесах Саврадии, до того как спуститься на равнины плодородной Батиары и принять веру в Джада, бога Солнца.

Гизелла не питала иллюзий. Этот человек, Кай Крисп, немного удивил ее, но он был всего лишь ремесленником. Вспыльчивым, отчаянным, высокомерным, какими до сих пор

оставались все родиане. Не слишком надежное судно для такого отчаянного предприятия. Оно почти наверняка обречено на гибель, но не остается другого выхода, как только попытаться. Царица антов позволила художнику приблизиться к ней, поцеловать ее ступню. Она нарочито медленно провела пальцами по его рыжим, испачканным мукой волосам... Возможно, желание — это ключ к верности этого человека? Она так не считала, но не знала наверняка, и могла пользоваться лишь теми немногими орудиями, или оружием, которые имела.

Гизелла не надеялась увидеть снова цветение природы весной или костры летнего солнцестояния, горящие на холмах. Ей было девятнадцать лет, но, по правде говоря, царицам не позволено быть такими молодыми.

Глава 2

Когда Криспин был мальчишкой и весь день был свободен, как только могут быть свободны мальчишки летом, однажды утром он вышел за городские стены. Некоторое время он швырял камешки в речку, а потом подошел к огороженному плодовому саду, о котором среди юных жителей Варены ходили слухи, будто он разбит вокруг загородного дома с привидениями, где после наступления темноты творятся нечистые дела.

Солнце сияло. В приступе юношеской бравады Криспин вскарабкался на шершавую каменную стену, перебрался оттуда на дерево, уселся на крепкой ветке среди листьев и начал есть яблоки. Сердце у него сильно билось от гордости, и он размышлял о том, как доказать друзьям, склонным к скептицизму, что он действительно это сделал. Он решил вырезать свои инициалы — чему недавно научился — на стволе дерева, и пусть потом остальные наберутся смелости пойти и взглянуть на них.

Через мгновение он испытал самый сильный испуг в своей короткой жизни.

Иногда по ночам он просыпался от этого воспоминания, которое превратилось в сон, и этот сон посещал его, даже когда он стал взрослым, мужем, отцом. Собственно говоря, ему удалось убедить себя, что это и был в основном сон, рожденный слишком живым детским воображением, испугом, полуденной жарой, чуть недозрелыми яблоками, слишком быстро проглоченными. Это была детская фантазия, наверняка, ставшая основой ночного кошмара.

Птицы не умеют разговаривать.

В частности, они не обсуждают друг с другом, сидя на разных деревьях, голосами с тембром и интонациями прекрасно воспитанного родианского аристократа, какой глаз залезшего в чужой сад мальчишки выклевать и съесть первым или как легко будет добраться через опустевшие глазницы к скользким кусочкам мозга внутри черепа.

Кай Крисп, восьмилетний мальчик, одаренный, на свое счастье или горе, живым воображением, не стал задерживаться, чтобы дальше исследовать это необычное явление природы. Кажется, в оживленной беседе вокруг него принимали участие несколько птиц, полускрытых среди листьев и веток. Он уронил три яблока, выплюнул недожеванную половинку еще одного яблока, потом отчаянно прыгнул обратно на стену, до крови оцарапав локоть и разбив голень, а затем еще поранился, неудачно приземлившись на выгоревшую летнюю траву у тропинки.

Стремительно убегая назад, к Варене, едва удерживаясь от крика, он слышал издевательский каркающий смех за спиной.

Или, по крайней мере, он слышал его потом во сне.

Двадцать пять лет спустя, шагая по той же дороге к югу от города, Криспин размышлял о силе воспоминаний, о том, как они возвращаются к человеку с такой неожиданной силой. Их может вызвать запах, звук журчащей воды, вид каменной стены вдоль тропинки.

Он вспоминал тот день на дереве, и воспоминание о том ужасе унесло его еще дальше назад, он увидел лицо матери, когда войска городского ополчения вернулись в тот же год после весенней войны с иниции, а его отца не оказалось среди пришедших.

Хорий Криспин, каменщик, был жизнерадостным мужчиной, добившимся уважения и процветания в своем мастерстве и в делах. Его единственный выживший сын все эти годы старался вызвать в памяти четкий образ человека, который ушел с войском на север и дальше, в Фериерес, рыжебородого, улыбчивого, с легкой походкой. Он был слишком маленьким, когда

заместитель командира ополчения пришел к их дому с потрепанным отцовским щитом и мечом.

Он помнил бороду, которая кололась, когда он целовал отца в щеку, голубые глаза — люди говорили, что у него такие же, — и большие умелые руки, покрытые шрамами и всегда исцарапанные. Еще громкий голос, который становился тихим в доме, рядом с Криспином или его маленькой, пахнущей благовониями матерью. У него остались эти... обрывки, эти детали, но цельный образ почему-то ускользнул, так же, как этот человек, который ушел слишком рано.

Кай мог слушать рассказы — матери, ее братьев, иногда своих собственных заказчиков, многие из них хорошо помнили Хория Криспина. И мог изучать прочную, надежную работу отца в домах и часовнях, на кладбищах и в общественных зданиях по всей Варене. Но он не мог уцепиться ни за один образ его лица, который не расплывался бы и не исчезал. Для человека, который живет ради образа и цвета, который процветает в мире зрительных образов, это тяжело.

Или было тяжело. Течение времени порождает сложные явления, оно растравляет рану или исцеляет ее. Иногда даже накладывает на нее еще одну рану, которая кажется тебе смертельной.

Стояло прекрасное утро. Ветер дул в спину, в нем чувствовалось приближение зимы, но он был скорее свежим, чем холодным, а сияние солнца сдувало туман над восточными лесами и холмами дальше, на запад и на юг. Он был один на дороге. Это не всегда безопасно, но сейчас Криспин не ощущал опасности, и взгляд его на открытой местности к югу от города достигал почти до самого края земли, как ему казалось.

Когда Кай оглянулся, позади сверкала Варена, бронзовые купола, красные черепичные крыши, городские стены, почти белые в утреннем свете. Ястреб кружил над своей собственной предостерегающей жертвы тенью на стерне поля к востоку от дороги. Опустевшие виноградные лозы на склонах холмов впереди выглядели голыми и заброшенными, а виноград уже отвезли в город и сейчас делают из него вино. Царица Гизелла, проявив в этом вопросе, как и во многих других, свою хозяйственность, приказала городским работникам и рабам принять участие в уборке урожая с полей и виноградников, чтобы возместить, насколько это возможно, потерю большого числа людей после чумы. Скоро начнутся первые праздники, в Варене и

в меньших селениях, повсюду, которые закончатся тремя безумными ночами Дайкании. «Только будет трудно создать действительно праздничное настроение этой осенью», — подумал Криспин. А может, он тут ошибается. Возможно, праздники стали еще важнее после того, что случилось.

Шагая вперед, он видел покинутые дома фермеров и строения по обеим сторонам от тропинки. Богатые пахотные земли и виноградники вокруг Варены были в полном порядке, но они нуждались в мужчинах, чтобы сеять, растить и собирать урожай, а слишком много работников легло в общие могилы. Наступающая зима будет тяжелой.

Даже с такими мыслями было трудно оставаться мрачным в подобное утро. Он питался светом, как и чистыми, яркими красками, а этот день был полон и того и другого. Интересно, сумеет ли он когда-нибудь создать такой лес, с его коричневыми, красными, золотыми оттенками, а также с глубоким зеленым цветом, какой он видел сейчас за голыми полями. Он мог бы, если бы у него была смальта, достойная этого названия, и еще святилище, построенное с достаточным количеством окон и, будь на то божья милость, с прозрачным стеклом в этих окнах. Мог бы.

Говорят, в Сарантии такие вещи можно найти. Говорят, в Сарантии все на свете можно найти, от смерти до исполнения заветных желаний.

Кажется, он туда направляется. Плывет в Сарантий. Правильнее сказать — идет пешком, так как уже слишком позднее время года для плавания на корабле, но старая поговорка имеет в виду перемены, а не способ передвижения. Его жизнь делает поворот, ведет его к тому, что может произойти в дороге или в конце путешествия.

Его жизнь. У него есть жизнь. Иногда кажется, что самое трудное — примириться с этим. Уехать из дома, где умерли женщина и две девочки, обезображенные болью, лишенные присущего им достоинства и изящества; позволить себе снова окунуться в сияние красок, каким был этот дар утреннего солнца.

В это мгновение Криспин снова почувствовал себя ребенком, глядя на возникшую впереди памятную каменную стену, когда тропа сделала поворот и направилась к ней. Отчасти потешаясь, отчасти всерьез тревожась, Криспин про себя прибавил еще несколько проклятий в адрес Мартиниана, который настоял на том, чтобы он нанес этот визит.

Оказалось, что Зотик, алхимик, к которому часто обращались за советом крестьяне, бездетные и безответно влюбленные, и даже иногда царские особы, обитал в том самом доме, окруженном яблоневым садом, где восьмилетний мальчик слышал, как птицы обсуждают тоном хорошо воспитанных людей, как лучше выклевать ему глаза и добраться до мозга.

— Я пошлю предупредить его, что ты зайдешь, — твердо сказал Мартиниан. — Он знает больше полезных вещей, чем любой из известных мне людей, и ты будешь глупцом, если отправишься в подобное путешествие, не поговорив сперва с Зотиком. Кроме того, он готовит чудесные травяные чаи.

— Я не люблю травяных чаев.

— Криспин, — предостерегающе произнес Мартиниан. И объяснил ему дорогу.

И вот он, закутавшись от ветра, шагает вдоль шершавых камней ограды, и его сапоги ступают по давно исчезнувшим следам босых ступней мальчика, который однажды летним днем ушел один из города, чтобы убежать от горя в своем доме.

Сейчас он тоже был один. Птицы порхали с ветки на ветку по обеим сторонам дороги. Он наблюдал за ними. Ястреб улетел. Бурый заяц, без всякого прикрытия, бежал слева от него по полю, делая рывки из стороны в сторону. Облачко набежало на солнце, и его удлиненная тень помчалась по тому же полю. Заяц застыл, когда тень упала на него, затем снова бросился вперед, петляя, когда свет вернулся.

По другую сторону от дороги стена шагала рядом с ним, крепко построенная, ухоженная, сложенная из тяжелых серых камней. Впереди он видел ворота на хозяйственный двор, напротив стоял каменный указатель. Хотя эта дорога сейчас не использовалась, она была проложена в дни величия Родианской империи. Не очень далеко отсюда — ровным шагом можно дойти туда за утро — она встречалась с главной дорогой, которая тянулась до самого Родиаса и дальше, к южному морю у оконечности полуострова. Ребенком Криспин наслаждался сознанием того, что стоит на той же самой дороге, что и какой-нибудь другой человек, который смотрит в волны далекого океана.

Он на секунду остановился, глядя на стену. В то давнее утро он легко перелез через нее. Сейчас на деревьях за стеной еще висели яблоки. Криспин поджал губы, взвешивая эту мысль. Сейчас не время устраивать дуэль с детскими воспоминаниями,

с укором сказал он себе. Он взрослый мужчина, уважаемый, известный художник, вдовец. Он плывет в Сарантий.

Решительно передернув плечами, Криспин бросил сверток — подарок от жены Мартиниана алхимику — на бурую траву у тропинки. Потом перешагнул через канавку и полез на стену.

Не все навыки он растерял с годами, кажется, он не так уж и стар. Довольный собственным проворством, он забросил одну ногу, потом вторую, встал на широкой, неровной поверхности стены, балансируя, а затем шагнул — прыгают только мальчишки — на крепкую ветку. Нашел удобное место, сел, огляделся, выбирая, протянул руку и сорвал яблоко.

К своему удивлению, он почувствовал, как сильно забилось его сердце.

Он знал, что, если бы они это увидели, его мать, Мартиниан и еще полдесятка других людей, они бы горестно покачали головой, словно хор в одной из теперь редко исполняемых трагедий древних тракезийских поэтов. Все говорили, что Криспин совершает некоторые поступки лишь потому, что не должен их совершать. Его мать называла это извращенным поведением.

Возможно. Сам он так не думал. Яблоко было спелое. И вкусное, решил Криспин.

Он бросил его в траву, к другим опавшим яблокам, на поживу мелким зверькам, и встал, чтобы перелезть обратно на стену. Он сделал, что хотел, и был доволен собой. В каком-то смысле он отыгрался за детство.

— Некоторые люди ничему не учатся, правда?

Стоя одной ногой на ветке, а другой на стене, Криспин быстро взглянул вниз. Не птица, не животное, не привидение из полумира воздуха и тени. Мужчина с пышной бородой и длинными седыми волосами, которые теперь никто не носит, стоял в саду и смотрел на него снизу вверх, опираясь на посох, с высоты кажущийся коротким.

Покраснев и сильно смутившись, Криспин пробормотал:

— Раньше говорили, что в этом саду водятся привидения. Я... хотел себя испытать.

— И ты выдержал испытание? — мягко осведомился старик, который наверняка и был Зотиком.

— Наверное. — Криспин переместился на стену. — Яблоко было вкусное.

— Такое же вкусное, как те, много лет назад?

— Трудно вспомнить. Я не...

Криспин осекся. И почувствовал укол страха.

— Откуда ты... Как ты узнал, что я был здесь? Тогда?

— Ты ведь Кай Криспин, полагаю? Друг Мартиниана?

Криспин решил сесть на стену. Как ни странно, у него подгибались ноги.

— Да. У меня для тебя подарок. От его жены.

— От Кариссы. Изумительная женщина! Это шарф, надеюсь. Я обнаружил, что теперь нуждаюсь в них, когда наступает зима. Старость. Ужасная вещь, позволь сказать тебе. Откуда я знаю, что ты был здесь раньше? Глупый вопрос. Слезай вниз. Ты любишь чай с листьями мяты?

Криспину вопрос вовсе не казался глупым. На мгновение он помедлил с ответом.

— Сейчас возьму подарок, — сказал он и слез вниз — прыгать означало бы уронить свое достоинство, — по другую сторону стены. Он поднял с травы сверток, стряхнул с него муравьев и пошел по дороге к воротам, глубоко дыша, чтобы успокоиться.

Зотик ждал, опираясь на посох, рядом с ним стояли два крупных пса. Он открыл ворота. И Криспин вошел. Собаки обнюхали его, но по команде хозяина вернулись к ноге. Зотик прошел вперед, к дому, через маленький, аккуратный дворик. Криспин увидел, что дверь открыта.

— Почему бы нам просто не съесть его сейчас?

Криспин остановился. Детский ужас. Самый болезненный, после которого на всю жизнь остаются ночные кошмары. Он поднял глаза. Голос был ленивый, аристократичный, памятный. Он принадлежал птице, сидящей на ветке рябины неподалеку от двери.

— Веди себя прилично, Линон. Это гость. — В голосе Зотика звучал упрек.

— Гость? Который лезет через забор? Ворует яблоки?

— Ну съесть его было бы слишком непропорциональным наказанием, а философы учат, что пропорциональность — это суть добродетельной жизни, не так ли?

Криспин, ошеломленный, старающийся побороть страх, услышал, как птица фыркнула, выражая неодобрение. Приглядевшись поближе, он внезапно понял, с новым потрясением, что это не настоящая птица. Она была искусственной. Сделанной вручную.

И она говорила. Или...

— Вы за нее говорите! — быстро произнес он. — Как чревовещатель? Как иногда делают актеры на сцене?

— Мыши и кровь! Теперь он нас оскорбляет!

— Он принес шарф от Кариссы. Веди себя прилично, Линон.

— Возьми этот шарф, а потом давай его съедим.

Криспин, который внезапно тоже разозлился, резко произнес:

— Ты — конструкция из кожи и металла. Ты ничего не можешь съесть. Нечего грозить впустую.

Зотик быстро взглянул на него, изумленный, а затем громко расхохотался. Смех его прозвучал неожиданно громко, заполнив пространство у двери.

— Вот что должно стать для тебя уроком, Линон! Если только ты можешь учиться.

— Мне это говорит лишь о том, что сегодня утром к нам пришел плохо воспитанный гость.

— Но ты же предлагала его съесть. Помнишь?

— Я всего лишь птица. Помнишь? Оказывается, я даже меньше, чем птица. Я конструкция из кожи и металла.

У Криспина возникло отчетливое ощущение, что если бы эта серо-коричневая штука со стеклянными глазами могла двигаться, она бы повернулась к нему спиной или с отвращением улетела прочь, оскорбленная.

Зотик подошел к дереву, повернул винтики на крохотных лапках птицы, которыми она держалась за ветку, и взял ее в руки.

— Пойдем, — сказал он. — Вода вскипела, а мяты я нарвал утром.

Механическая птица ничего не сказала, угнездившись в его ладони. Собаки улеглись во дворе.

Чай был действительно хорош. Криспин, более спокойный, чем он ожидал, подумал, не добавил ли в него старый алхимик что-нибудь, кроме мяты, но не стал спрашивать. Зотик стоял у стола и рассматривал карту курьера, которую Криспин достал из внутреннего кармана своего плаща.

Криспин огляделся. Передняя комната была обставлена удобной мебелью и похожа на комнату в любом фермерском

доме. Никаких препарированных летучих мышей или горшков, где кипит зеленая или черная жидкость, никаких пентаграмм, нарисованных мелом на деревянном полу. Много книг и свитков, что указывало на образованность и неожиданно приличный достаток хозяина, но больше ничего не говорило о магии или хиромантии. Но зато он увидел полдюжины искусственных птиц, сделанных из различных материалов, на полках или спинках стульев, и они привели его в замешательство. Ни одна из них пока не заговорила, а маленькая птичка по имени Линон молча лежала на боку, на столике у очага. Но Криспин почти не сомневался, что любая из них может заговорить с ним, если захочет.

Его поразило то, как спокойно он это принял. С другой стороны, он жил с этим знанием уже двадцать пять лет.

— Останавливайся на почтовых постоялых дворах, где только сможешь, — бормотал Зотик, все еще склонившись над картой с выпуклым отшлифованным стеклом в руке, чтобы увеличить рисунок. — В других местах еда и удобства сомнительны.

Криспин кивнул, все еще рассеянно.

— Собачье мясо вместо конины или свинины, я знаю.

Зотик взглянул на него лукаво.

— Собачатина — это хорошо, — сказал он. — Ты рискуешь получить человечину в виде колбасы.

Криспину с некоторым усилием удалось сохранить невозмутимость.

— Понятно, — ответил он. — Хорошо приправленную, я уверен.

— Иногда. — Зотик снова вернулся к карте. — Особенно будь осторожен в Саврадии, осенью там бывает неспокойно.

Криспин смотрел на него. Теперь Зотик взял перо и стал делать отметки на карте.

— Племенные обряды?

Алхимик бросил на него быстрый взгляд, выгнув брови. У него было волевое лицо, голубые глаза глубоко посажены, и он не был таким старым, как можно было предположить, судя по седым волосам и посоху.

— Да, обряды. И понимание того, что они снова будут жить сами по себе до весны, даже при наличии большого военного лагеря возле Тракезии и солдат в Мегарии. Печально известные зимние разбойники, саврадийские племена. Бойкие женщины,

насколько я помню, имей в виду. — Он слегка улыбнулся, про себя, и вернулся к своим пометкам.

Криспин пожал плечами. Отпил глоток чая. Решительно попытался отбросить мысли о колбасе.

Некоторые могли бы счесть само это долгое осеннее путешествие приключением. Кай так не думал. Он любил стены своего города, прочные крыши, защищающие от дождя, поваров, которых знал, и свои бани. Для него открыть новую флягу вина из Мегария или с виноградников к югу от Родиаса всегда было самым волнующим приключением. Придумать и сложить мозаику — это тоже приключение... или раньше было им. Шагать по мокрым, продуваемым ветром дорогам Саврадии и Тракезии, опасаясь хищников — человеческих и остальных — и пытаясь не стать чьей-то колбасой, — это не приключение, и шутка седобородого насчет бойких женщин не прибавила путешествию привлекательности.

Он сказал:

— Я бы все же хотел получить ответ на свой вопрос, глупый он или нет. Откуда ты узнал, что я был здесь много лет назад?

Зотик положил перо и сел в массивное кресло. Одна из механических птиц — сокол с серебристо-бронзовым телом и желтыми глазами из драгоценных камней, совсем не похожий на тусклую, напоминающую воробья Линон, — был прикреплен к его высокой спинке. Винты были устроены так, что когти крепко держали тело. Сокол враждебно смотрел на Криспина с холодным блеском в глазах.

— Ты ведь знаешь, что я алхимик.

— Мартиниан мне сказал об этом. Я также знаю, что большинство тех, кто пользуется этим именем, — обманщики, они выманивают у невежд монеты и вещи.

Криспин услышал со стороны очага какой-то звук. Возможно, это сдвинулось полено или что-то другое.

— Совершенно верно, — ответил невозмутимо Зотик. — Большинство — обманщики. Некоторые нет. Я принадлежу к последним.

— А! Хочешь сказать, что знаешь будущее, можешь внушить страстную любовь, вылечить чуму и найти воду? — Криспин понимал, что ведет себя неправильно. Но ничего не мог поделать.

Зотик в упор посмотрел на него.

— Только последнее, собственно говоря, и то не всегда. Нет. Я хочу сказать, что я иногда вижу и делаю то, чего не мо-

жет большинство людей, но успех удручающе непредсказуем. И я умею видеть такие вещи в мужчинах и женщинах, которых не видят другие. Ты спросил, откуда я тебя знаю? У людей есть аура, в ней присутствует нечто. Оно немного меняется в период между рождением и смертью. Очень немногие осмеливаются проникнуть в мой сад, что на пользу, как ты можешь догадаться, человеку, живущему одиноко в сельской местности. Ты здесь побывал однажды. Я узнал твою ауру снова сегодня утром. Гнева в тебе не было, когда ты был ребенком, но утрата тогда уже присутствовала. Остальное почти не изменилось. Не такое уж сложное объяснение, не так ли? — благожелательно спросил он.

Криспин смотрел на него, обхватив чашку ладонями. Взгляд его переместился на украшенного драгоценными камнями сокола, вцепившегося в спинку кресла алхимика.

— А они? — спросил он, игнорируя замечания в свой адрес.

— Ну... В этом вся суть алхимии, не так ли? Превращать одно вещество в другое, доказывать определенные вещи о природе мира. Свинец в золото. Мертвых в живых. Я научился заставлять неодушевленную материю думать и говорить и сохранять душу. — Он произнес это так, словно рассказывал, как он научился заваривать мятный чай, который они сейчас пили.

Криспин обвел взглядом птиц, находящихся в комнате.

— А почему птицы? — задал он первый из десятка вопросов, пришедших в голову. «Мертвых в живых».

Зотик опустил взгляд, на его лице снова появилась особенная, обращенная к самому себе улыбка. Через несколько мгновений он ответил:

— Я когда-то и сам хотел плыть в Сарантий. У меня были честолюбивые планы, я хотел увидеть императора, хотел, чтобы он одарил меня богатством, женщинами и мирской славой. Апий через некоторое время после того, как занял Золотой Трон, завел моду на механических животных. Рычащие львы в тронном зале. Медведи, встающие на задние лапы. И птицы. Он хотел всюду посадить птиц. Поющие птицы были во всех его дворцах. Искусные механики со всего мира присылали ему свои лучшие изделия: стоило их завести, и они фальшиво пели хвалебную песнь Джаду или непристойные народные песенки, снова и снова, пока слушателям не начинало хотеться грохнуть их об стену и посмотреть, как разлетаются маленькие колесики.

Ты их слышал? Иногда они были очень красивыми на вид. И пение их могло показаться приятным — сначала.

Криспин кивнул. Они с Мартинианом отделывали дом одного сенатора в Родиасе.

— Я решил, — продолжал Зотик, — что могу сделать нечто лучшее. Гораздо лучшее. Создать птиц, которые сами владеют даром речи. И умеют мыслить. И что эти птицы, плоды долгих исследований, труда и... опасной игры, добудут мне славу в этом мире.

— Что же случилось?

— Ты не помнишь? Нет, ты не можешь помнить. Апий, под влиянием восточного патриарха, начал выкалывать глаза алхимикам и хиромантам, даже простым астрологам. Это продолжалось какое-то время. Священники бога солнца всегда опасались любых других дорог к могуществу или к пониманию мира. Стало очевидно, что явиться в Город с птицами, у которых есть души и которые высказывают собственное мнение, — означает рисковать быть ослепленным, если не казненным. — Голос его звучал уныло.

— Поэтому ты остался здесь?

— Остался. После... нескольких долгих путешествий. Чаще всего я путешествовал осенью. Это время года даже сейчас вызывает во мне беспокойство. И все же, я во время этих путешествий узнал, как сделать то, что я хочу. Как видишь. Я так и не попал в Сарантий. О чем не очень теперь жалею. Я уже слишком стар.

Криспин, слушая слова алхимика, понял еще кое-что. «Священники бога солнца».

— Ты не джадит, нет?

Зотик улыбнулся и покачал головой.

— Странно, — сухо произнес Криспин, — ты совсем не похож на киндата.

Зотик рассмеялся. Тот же звук донесся снова со стороны очага. Наверняка это полено.

— Мне говорили, что похож, — сказал он. — Но нет, зачем менять одно заблуждение на другое?

Криспин кивнул. Не стоит удивляться, принимая во внимание все остальное.

— Язычник?

— Я почитаю древних богов. И их философов. И вместе с ними верю, что ошибочно пытаться ограничить бесконечный

круг божеств одним — или даже двумя-тремя — образами, какими бы могущественными они ни выглядели на куполе или на диске.

Криспин сел на табурет напротив хозяина. Он сделал еще глоток из чашки. Язычники не так уж редко встречаются в Батиаре среди антов, что может объяснить, почему Зотик остался жить в безопасности в этой сельской местности. Но все же их беседа отличалась необычайной откровенностью.

— Могу себе представить, — сказал он, — что учителя джадитов — или киндатов, хотя я мало о них знаю, — просто сказали бы, что все виды божественности могут быть сосредоточены в одном боге, если он достаточно могуч.

— Так бы они и сказали, — спокойно согласился Зотик. — Или в двух, для истинных почитателей Геладикоса, или в трех, например, в двух лунах и солнце киндатов. Все они ошибаются, на мой взгляд, но именно так они бы и сказали. Мы собираемся обсуждать природу божественного, Кай Криспин? В таком случае нам понадобится нечто получше мятного отвара.

Криспин чуть не рассмеялся.

— И больше времени. Я отправляюсь через два дня, и у меня еще много дел.

— Конечно. И философские рассуждения старика едва ли сейчас тебя заинтересуют, если вообще заинтересуют. Я сделал пометки на твоей карте, отметил те постоялые дворы, которые считаю приемлемыми, и те, которых надо особенно остерегаться. В последний раз я путешествовал двадцать лет назад, но у меня есть свои источники. Позволь также назвать тебе два имени в Городе. Обоим можно доверять, как я полагаю, но доверять не все, что ты знаешь или делаешь.

Выражение его лица было открытым. Криспин подумал о юной царице в освещенной свечами комнате. Интересно... Он ничего не сказал. Зотик подошел к столу, взял кусок пергамента и что-то написал на нем. Сложил его вдвое и вручил Криспину.

— Будь осторожен в последний день этого месяца и в первый день следующего. Было бы разумно не трогаться в путь в эти дни, если сможешь остановиться в имперской гостинице. Саврадия... будет... не такой, как всегда.

Криспин вопросительно посмотрел на него.

— День Мертвых. Неразумно для чужаков в такое время передвигаться по этой провинции. Когда окажешься в Тракезии, будешь в большей безопасности. Пока не доберешься до самого

Города и не придется объяснять, почему ты не Мартиниан. Это должно быть забавно.

— О, очень, — отозвался Криспин. Он избегал об этом думать. Времени достаточно. По суше путешествие будет долгим. Он развернул листок и прочел имена.

— Первое имя — это лекарь, — сказал Зотик. — Всегда полезен. Второе имя моей дочери.

— Чье? — Криспин заморгал.

— Дочери. Семя моих чресел. Отпрыск женского пола. — Зотик рассмеялся. — Один из отпрысков. Я тебе говорил: я в молодости много путешествовал.

Со двора донесся лай собак. Из глубины дома появился сгорбленный слуга с вытянутой физиономией, неторопливо прошел к двери и вышел наружу. Приказал собакам замолчать. Снаружи раздались голоса. Через секунду он снова появился, неся два глиняных горшка.

— Пришел Силавин, хозяин. Он говорит, его свинья выздоровела. Он принес мед. Обещал еще ветчины.

— Прекрасно! — воскликнул Зотик. — Убери мед в погреб.

— У нас там тридцать горшков, хозяин, — мрачно произнес слуга.

— Тридцать? Так много? Вот это да. Ну... наш друг отнесет два горшка Кариссе и Мартиниану.

— Все равно, останется еще двадцать шесть, — сообщил мрачный слуга.

— По крайней мере, — согласился Зотик. — У нас будет сладкая зима. Очаг горит хорошо, Кловис, ты можешь идти.

Кловис исчез за внутренней дверью. Криспин успел заметить коридор и кухню в его конце, прежде чем дверь снова закрылась.

— Твоя дочь живет в Сарантии? — спросил он.

— Одна из дочерей. Да. Она проститутка.

Криспин снова замигал.

Лицо Зотика стало кислым.

— Ну не совсем. Она танцовщица. Это почти одно и то же, если я разбираюсь в тамошнем театре. Я не совсем уверен. Никогда ее не видел. Она мне пишет, иногда. Она умеет писать.

Криспин еще раз взглянул на написанное имя. *Ширин*. Там стояло также название улицы. Он поднял глаза.

— Она тракезийка?

— Ее мать из Тракезии. Я путешествовал, как уже говорил. Некоторые из моих детей мне пишут.

— Некоторые?

— Многие равнодушны к своему бедному отцу, влачащему одинокую старость среди варваров.

Глаза его смеялись, тон был весьма далек от смысла слов. Криспин по привычке попытался удержаться от смеха, потом перестал сопротивляться.

— У вас было полно приключений в прошлом.

— Умеренное количество. По правде сказать, теперь меня больше волнуют мои исследования. Женщины слишком отвлекали от них. Сейчас я почти освободился от них, хвала всемогущим богам. Я полагаю, что теперь достиг правильного понимания некоторых философов, а это и есть приключение духа. Ты возьмешь с собой одну из этих птиц? В подарок от меня.

Криспин резко поставил чашку, пролив часть напитка на стол. Схватил карту, чтобы она не намокла.

— Что? Зачем вы...

— Мартиниан — мой дорогой друг. Ты — его коллега, почти сын. Ты пускаешься в долгий путь, в опасный город. Если будешь осторожен и сохранишь тайну, одна из птиц будет тебе помогать. Они умеют видеть и слышать. И с ними можно общаться, кроме всего прочего. — Алхимик заколебался. — Мне... будет приятно знать, что одно из моих творений отправится с тобой в Сарантий, в конце концов.

— Замечательно, я буду ходить под аркадами Города, беседуя с общительным соколом, усыпанным драгоценностями? Вы хотите, чтобы меня ослепили вместо вас?

Зотик слабо улыбнулся.

— В этом случае подарок получился бы не слишком приятным. Нет. Надо будет проявлять осторожность, но есть другие способы разговаривать с ними. С той из них, голос которой ты сможешь услышать внутри себя. Тебя никто этому не научит, и я ни в чем не уверен, Кай Крисп. Боюсь, это не в моей власти. Но если ты сумеешь услышать одну из птиц, то она может стать твоей. Мы скоро это узнаем. — Голос его изменился. — Вы все, попытайтесь мысленно поговорить с нашим гостем.

— Что за глупости! — резко возразила сова, прикрепленная к жердочке у входной двери.

— Пустая затея! — произнес желтоглазый сокол на высокой

спинке кресла Зотика. Криспин представил себе, как он злобно смотрит на него.

— Вот именно, — подтвердил ястреб, которого Криспин прежде не заметил, с противоположного конца комнаты. — Сама идея непристойна. — Он помнил этот пресыщенный голос. С того самого дня, двадцать пять лет назад. Голоса всех птиц звучали совершенно одинаково. Он невольно содрогнулся. Ястреб прибавил: — Это мелкий воришка. Недостойный того, чтобы с ним разговаривали. Я не желаю оказывать ему такую честь.

— Хватит! Это приказ, — сказал Зотик. Голос его оставался тихим, но в нем появился металл. — Говорите с ним, про себя. Немедленно.

В первый раз у Криспина возникло ощущение, что этого человека следует опасаться. Резкие черты морщинистого лица алхимика изменились, когда он заговорил таким тоном. Его вид и манеры неизбежно напоминали о том, что он в свое время был свидетелем и участником темных дел. И он *сделал* этих птиц. Эти искусно сделанные вещицы могли видеть и слышать. И говорить с ним. Внезапно до Криспина дошла суть предложения алхимика. Он обнаружил, что крепко сжал кулаки.

В комнате царило молчание. Не зная, что ему делать, Криспин смотрел на алхимика и ждал.

Он что-то услышал. Или ему показалось.

Зотик хладнокровно сделал глоток чая.

— Итак? Что-нибудь слышал? — Голос его снова стал мягким.

Никакого реального звука не прозвучало.

Криспин ответил удивленно, борясь с леденящим страхом:

— Мне показалось... мне кажется, я услышал... что-то.

— И что же?

— Похоже, кто-то сказал: «Мыши и кровь».

Со столика у очага раздался пронзительный яростный вопль:

— *Нет! Нет-нет-нет! Клянусь обглоданными костями водяной крысы, я с ним не пойду! Бросьте меня в огонь! Скорее умру!*

Линон, конечно. Маленький коричнево-серый воробышек, не ястреб, не сова, не царственный желтоглазый сокол и даже не один из похожих на оракула воронов на пыльной книжной полке.

— Ты не совсем живая, Линон, не надо театральных воскли-

цаний. Небольшое новое путешествие пойдет тебе на пользу. Может быть, научит тебя хорошим манерам.

— Манерам? Он сплавил меня чужаку после всех этих лет и еще говорит о манерах?

Криспин с трудом глотнул, искренне напуганный тем, что лежит в основе этого действия, и послал мысль, не произнося ни слова вслух:

— Я этого не просил. Мне надо отказаться от подарка?

— Ба! Недоумок!

Что, по крайней мере, кое-что подтвердило.

Он посмотрел на алхимика.

— А ты... ты слышал, что она мне сказала?

Зотик покачал головой. У него было странное выражение лица.

— Должен признаться, мне не по себе. Я делал это всего один раз, и тогда все было иначе.

— По-моему, я... польщен. То есть, конечно, польщен. Но все еще в растерянности. Этого я не просил.

— Давай! Унижай меня!

— Еще бы, — согласился Зотик. Теперь он не улыбался. И, по-видимому, он не слышал птицу. Он вертел в руках глиняную чашку. Сидящий на спинке его кресла сокол, казалось, не сводит с него неприязненного взгляда жестких, блестящих глаз. — Ты вряд ли мог бы попросить то, чего не понимаешь. Или стащить, словно яблоко.

— Это недобрые слова, — заметил Криспин, сдерживая поднимающийся гнев.

Зотик вздохнул.

— Ты прав. Прости меня.

— Мы можем отказаться от этой затеи. У меня нет желания связываться с полумиром. Неужели у всех хиромантов Саранти есть подобные создания? Я мозаичник. Я хочу быть только им. Хочу заниматься только этим делом, когда попаду туда. Если меня оставят в живых.

Это была почти вся правда. Он должен был еще доставить послание, если сумеет. Он взялся за это поручение.

— Я знаю. Прости меня. Нет, шарлатаны императорского двора или те, кто насылает злые заклятия на возничих по просьбе черни на ипподроме, этого делать не умеют. Я в этом более или менее уверен.

— Никто из них? Ни один? Ты единственный из смертных

детей Джада на земле умеешь... делать такие существа, как эти птицы? Если ты умеешь это делать...

— ...почему никто другой не умеет? Конечно. Очевидный вопрос.

— А каков очевидный ответ? — Сарказм, старый друг, он в последнее время всегда рядом.

— Возможно, что кто-то этому научился, но маловероятно, и я не верю, что это случилось так же, как со мной. Я открыл, как мне кажется, единственный способ доступа к определенной силе. Нашел его во время путешествий в одном... строго охраняемом месте, и с большим риском.

Криспин скрестил руки на груди.

— Понятно. Свиток заклинаний и пентаграмм? Варево из крови повешенного вора, и семь раз обежать вокруг дуба при свете обеих лун? А если сделаешь хоть что-то неправильно, превратишься в лягушку?

Зотик не обратил внимания на его слова. Он просто смотрел на Криспина из-под густых, ровных бровей и ничего не говорил. Через секунду Криспину стало стыдно. Пускай ему здесь неуютно, пускай это сбивающее с толку вторжение колдовства произошло совершенно неожиданно и пугало, но ему действительно сделали подарок, невероятно щедрый, и последствия того, чего удалось достигнуть алхимику...

— Если ты умеешь это делать... если эти птицы думают и говорят по собственной воле... ты должен стать самым знаменитым человеком нашей эпохи!

— Слава? Имя, которое будут помнить и славить в веках? Это было бы приятно, это стало бы утешением в старости, но — нет, это невозможно. Подумай сам.

— Я и думаю. Почему?

— Большая сила стремится поглотить меньшую. Это волшебство не особенно... пугает. Это не шаровые молнии полумира и не смертоносные заклинания. Я не хожу сквозь стены и не летаю над ними невидимкой. Просто искусственные птицы, обладающие... душой и голосом. Пустяк, но как бы я смог защитить себя или их, если бы об их существовании стало известно?

— Но почему должны...

— Как воспримет патриарх Родиаса или даже клирики святилища, которое вы строите у стен Варены, известие о душе, вложенной в искусственную птицу при помощи языческого колдовства? Меня сожгут или забьют камнями, как ты дума-

ешь? Сложное решение с точки зрения доктрины. А царица? Не покажется ли Гизелле, несмотря на все ее благочестие, заманчивой возможность заставить птиц тайно подслушивать разговоры ее врагов? Или император Сарантия: говорят, у Валерия Второго самая большая сеть шпионов за всю историю Империи, и на востоке, и на западе. Сколько у меня останется шансов на мирную жизнь здесь, если станет известно об этих птицах? — Зотик покачал головой. — Нет, я думал над этим много лет. Некоторые достижения или знания обречены на то, чтобы появиться, а затем кануть в безвестность.

Криспин задумался, потом посмотрел на собеседника.

— Это трудно?

— Что? Создавать птиц? Да, это было трудно.

— В этом я уверен. Нет, я имел в виду — сознавать, что мир не может узнать о том, что ты сделал.

Зотик сделал глоток чая.

— Конечно, это трудно, — в конце концов ответил он. Потом пожал плечами, на его лице отразилась ирония. — Но алхимия всегда была тайным искусством, я это знал, когда начал изучать ее. Я... примирился с этим. Я буду гордиться собой тайно, в душе.

Криспин не смог придумать ответа. Люди рождаются и умирают, они хотят, чтобы что-нибудь, как-нибудь осталось после них, кроме могильного холмика или даже высеченной, слишком быстро тускнеющей надписи на могильном камне. Уважаемое имя, свечи, зажженные в память, дети, которые зажгут эти свечи... Власть имущие стремятся к славе. Художник может мечтать создать произведение, которое будет жить долго и автор которого будет известен. О чем мечтал алхимик?

Зотик наблюдал за ним.

— Линон... удачный вариант, если подумать. Почти незаметная, скучная серенькая птичка. Никаких драгоценных камней, сойдет за амулет, за семейный талисман. Никто не обратит внимания. Ты сможешь легко придумать какую-нибудь историю.

— Серенькая? Скучная? Клянусь богами! С меня хватит! Я официально требую, — вслух произнесла Линон, — чтобы меня бросили в огонь. Не желаю больше выслушивать подобные высказывания. И вообще не желаю ничего слушать. Мое сердце разбито.

Некоторые из остальных птиц издавали звуки, выражающие насмешливое удивление, словно воспитанные аристократы.

Неуверенно, проверяя себя, Криспин послал мысль:

— Думаю, он не хотел тебя оскорбить. Мне кажется, он не рад, что так получилось.

— А ты заткнись, — отрезала птичка, которая умела мысленно разговаривать с ним.

Зотик действительно казался огорченным, несмотря на свои рассудительные заявления. Он явно старался примириться с тем, что его гость в глубокой тишине комнаты говорит с одной из птиц.

Криспин находился здесь лишь потому, что Мартиниан сначала сказал имперскому курьеру, что он — это не он, а затем потребовал, чтобы Криспин пришел сюда узнать насчет дорог на Сарантий. Он не просил никакого подарка, но теперь ввязался в мысленный разговор с враждебно настроенной, смехотворно обидчивой птицей, сделанной из кожи и — еще из чего? — камня или железа. Он не знал, какое из чувств в нем сильнее — гнев или тревога.

— Еще мятного чаю? — спросил алхимик после некоторого молчания.

— Думаю, хватит, спасибо, — ответил Криспин.

— Мне лучше объяснить тебе кое-что. Чтобы внести ясность.

— Чтобы внести ясность. Да, пожалуйста, — согласился Криспин.

— Мое сердце разбито, — снова произнесла Линон, на этот раз в его голове.

— А ты заткнись, — быстро ответил Криспин с нескрываемым удовлетворением.

Линон больше с ним не разговаривала. Но Криспин ощущал присутствие птицы, он почти слышал ее оскорбленные мысли на грани сознания, как ощущал бы присутствие ночного зверя за границей света от факела. Он подождал, пока Зотик нальет себе в чашку свежего чаю. Потом слушал алхимика внимательно и молча, пока солнце не достигло зенита осеннего дня в Батиаре и не начало спускаться в холодную темноту. *Металлы в золото, мертвых в живых...*

Старый язычник, который сумел наделить искусственных птиц голосами патрициев, зрением при отсутствии глаз, слухом при отсутствии ушей и живыми душами, рассказал ему о мно-

гом, столько, сколько счел необходимым, после сделанного им подарка.

Остальное Криспин понял только потом.

* * *

— Она желает тебя, эта бесстыжая потаскуха! И ты согласишься? Согласишься?

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Криспин шел рядом с носилками госпожи Массины Баладии из Родиаса, лощеной, хорошо воспитанной жены сенатора. Он решил, что с его стороны было ошибкой надеть Линон на шею на манер украшения. Завтра он уберет эту птицу в дорожный мешок на спине мула, который тащился у него за спиной.

— Ты, наверное, так устал, — говорила супруга сенатора медовым, полным сочувствия голосом. Криспин объяснил, что ему нравится идти пешком по открытой местности и что он не любит лошадей. Первое было чистой ложью, второе нет. — Жаль, что я не догадалась взять носилки, достаточно большие, чтобы мы оба на них поместились. И одна из моих девушек, конечно. Мы ведь не могли бы остаться в них совсем одни! — Жена сенатора захихикала. Поразительно.

Ее белый полотняный хитон, совершенно не подходящий для путешествий, скользнул вверх — совершенно незаметно для госпожи, разумеется, — и приоткрыл красивой формы лодыжку. Криспин заметил, что она носит на ней золотой браслет. Ее ступни, покоящиеся на накидках из овчины, устилавших носилки, оставались босыми в этот теплый день. Ногти на пальцах были выкрашены в темно-красный, почти пурпурный цвет. Вчера, когда она надевала сандалии, ногти не были накрашены. Вчера вечером, на постоялом дворе, ей пришлось потрудиться. Или ее служанке.

— Мыши и кровь! Держу пари, от нее разит духами! Это правда? Криспин, это правда?

У Линон отсутствовало обоняние. Криспин предпочел не отвечать. Действительно, сегодня эта дама источала головокружительный аромат благовоний. Ее носилки были роскошными, и даже рабы, несущие их и сопровождающие ее, были одеты гораздо лучше Криспина, в светло-голубые туники и темно-синие сандалии. Их компания состояла из молодых служанок Массины; трех виноторговцев со слугами, путь которых лежал недалеко, в Милазию, а потом по дороге к побережью; и еще двух путешественников, которые направлялись на те же целебные воды, что и дама. Они шли или ехали на мулах немного впереди или позади носилок по широкой, отлично вымощенной дороге. Вооруженные конные стражники Массины Баладии, также одетые в светло-голубые цвета, которые на них смотрелись совсем неуместно, ехали впереди и в хвосте колонны.

Никто из спутников не бывал в Варене. Никто не мог знать, кто такой Криспин. Они находились в трех днях пути от Батиары, на оживленном участке дороги. Им уже несколько раз приходилось сходить на гравий обочины, когда мимо проходили отряды лучников и пеших воинов. На этой дороге следовало проявлять некоторую осторожность, но не чрезмерную. По всем признакам, начальник стражи этой дамы считал рыжебородого мозаичника самым опасным человеком из всех окружающих.

Криспин и дама ужинали вместе вчера вечером на почтовом постоялом дворе.

Исполняя свой осторожный танец с Империей, анты разрешили разместить три такие гостиницы на своей дороге от границы с Саврадией до столицы, Варены, и еще несколько таких же стояли на дорогах, ведущих к побережью, и на главной дороге в Родиас. В обмен Империя внесла определенную сумму денег в казну антов и взяла на себя бесперебойную доставку почты до самой границы с Бассанией на востоке. Эти постоялые дворы стали символом незаметного присутствия Сарантия на полуострове. Торговля всегда нуждалась в удобствах.

Другим попутчикам, у которых отсутствовали необходимые подорожные, пришлось довольствоваться затхлыми ночлежками на задворках. Прохладное отношение госпожи Массины к молодому мужчине, который шел пешком в их компании, не имея даже коня, чудесным образом изменилось, когда жена сенатора поняла, что Мартиниан из Варены имеет разрешение пользоваться имперскими постоялыми дворами, подписанное самим канцлером Гезием в Сарантии, куда он сейчас и направлялся по просьбе самого императора.

Он получил приглашение поужинать с ней.

Когда даме стало также ясно за жареными каплунами и вполне приемлемым местным вином, что этот ремесленник знаком со многими знатными жителями Родиаса и элегантного прибрежного курорта Байана, поскольку выполнял для них за-

казы, ее расположение к нему настолько возросло, что она даже призналась: ее путешествие в целебное святилище связано с проблемой бездетности.

Конечно, это вещь обычная, прибавила она, тряхнув головой. Некоторые глупые девчонки считали модным посещать теплые источники или лечебницы после того, как прожили в замужестве один сезон и еще не забеременели. Знает ли Мартиниан, что сама императрица Аликсана совершила несколько путешествий к целебным источникам возле Сарантия? Едва ли это составляет тайну. Это положило начало моде. Конечно, принимая во внимание прежнюю жизнь императрицы — ему известно, что она сменила имя, вместе со всем прочим? — легко предположить, что кровавые события в некоем переулке в прошлом лишили ее возможности подарить императору наследника. Это правда, что теперь она красит волосы? А Мартиниан действительно знаком со знатными обитателями Императорского квартала? Должно быть, это очень интересно!

Но он не был с ними знаком. Ее разочарование было очевидным, но продолжалось недолго. Казалось, ей трудно найти место для обутой в сандалию ступни под столом, она никак не могла нащупать его лодыжку. За каплунами последовало блюдо с рыбой под слишком большим количеством соуса с оливками и белым вином. За сладким сыром, фигами и виноградом дама, проникшись к нему еще большим доверием, поведала сотрапезнику свое мнение насчет того, что их неожиданные затруднения имеют больше отношения к ее августейшему супругу, чем к ней.

Конечно, прибавила она, глядя на него при свете очага в общем зале, это трудно проверить на практике. Тем не менее она была рада уехать из слишком скучного Родиаса на север и совершить путешествие среди ярких красок осени в широко известную лечебницу, к целебным водам возле Милазии. Во время путешествий иногда можно встретить — не часто, конечно, — самых интересных людей.

Разве Мартиниан так не считает?

— Проверь, нет ли клопов.

— Я сам знаю, назойливый кусок металла. — Он сегодня вечером поужинал с той дамой второй раз; на этот раз они выпили три бутылки вина. Криспин чувствовал его действие.

— И говори со мной мысленно, если не хочешь, чтобы тебя сочли сумасшедшим.

С этим у Криспина уже возникали трудности. Совет хороший. Таким же хорошим оказался и первый совет. Криспин отдернул одеяло и, держа свечу над простыней, ухитрился свободной рукой раздавить с десяток гадких насекомых.

— И это называется постоялый двор имперской почты! Ха!

Линон, как узнал Криспин в самом начале их совместного путешествия, всегда имела свое мнение и не стеснялась его высказывать. Он до сих пор резко останавливал себя, осознав, что ведет пространную беседу с темпераментной, похожей на воробья птичкой, сделанной из потускневшей коричневой кожи и жести, с глазами из синего стекла и до нелепости противным голосом родианского аристократа, как мысленным, так и слышимым.

Он вступил в другой мир.

Он всегда размышлял над своим отношением к тому, что люди называли полумиром, к тому пространству, в котором, по их собственному утверждению, умели действовать колдуны и алхимики, знахарки и астрологи. Криспин знал — все знали, — что смертные дети Джада живут в одном общем, опасном мире с духами и демонами, которые, возможно, равнодушны к ним или враждебны им, а иногда даже благоволят к ним, но он никогда не принадлежал к тем людям, которые позволяли себе постоянно думать об этом. Он читал молитвы на восходе и на закате, когда вспоминал об этом, хотя редко посещал святилища. Он ставил свечи по святым праздникам, когда оказывался неподалеку от церкви. Он с должным уважением относился к священнослужителям — когда они заслуживали уважения. Он верил иногда, что когда умрет, его душу будет судить бог солнца Джад, и этот суд определит его судьбу в потусторонней жизни.

В последнее время, оставаясь наедине с собой, он часто вспоминал безбожное уродство двух летних эпидемий чумы и испытывал сомнения в подобных возвышенных перспективах. Он бы сказал, если бы его спросили несколько дней назад, что все алхимики — мошенники и что такие птицы, как Линон, — способ надуть глупцов.

В свою очередь, это означало отрицать собственные детские воспоминания о яблоневом саде, но ему было легко объяснить детские страхи неким трюком, голосом актера-чревовещателя. Разве все они не говорили одним и тем же голосом?

Говорили, но это все же не было обманом.

Его попутчицей и хранительницей в дороге стала сделанная Зотиком птичка, по крайней мере, такова была идея. Иногда ему казалось, что это вспыльчивое, смехотворно обидчивое существо — или создание — было с ним всегда.

— Строптивый спутник мне достался, правда? — спросил он Зотика, покидая в тот день его дом.

— Они все такие, — с грустью пробормотал алхимик. — Уверяю тебя, я постоянно сожалею об этом. Просто не забывай приказывать ей замолчать и используй в случае крайней необходимости. — Он подумал, потом прибавил с лукавой улыбкой: — Ты и сам не особенно покладистый. Может быть, вы друг друга стоите.

На это Криспин ничего не ответил.

Он уже несколько раз отдавал такой приказ. Собственно говоря, не стоило так поступать... Линон становилась невыносимо язвительной, когда ее освобождали из темноты и молчания.

— *Еще одно пари*, — молча сказала птица. — *Оставь дверь незапертой, и ты сегодня будешь в постели не один.*

— Не говори глупости! — громко возмутился Криспин. Потом взял себя в руки и про себя прибавил: — *Этот постоялый двор переполнен, а она — аристократка из Родиаса. И к тому же*, — раздраженно прибавил он, — *тебе все равно нечего поставить, ты всего лишь комок вещества.*

— *Это просто оборот речи, недоумок. Только оставь дверь не запертой на засов. Посмотришь. Я посторожу тебя от воров.*

В этом, конечно, было одно из преимуществ присутствия этой птицы, как уже понял Криспин. Сон был для создания Зотика пустым звуком, и если не приказать Линон молчать, она могла предупредить о приближении любого постороннего. Но Криспин был раздражен, тем более что искусственная птица вывела его из себя.

— *Почему ты полагаешь, что способна понять такую женщину? Послушай: она играет в невинные игры днем или за ужином просто от скуки. Только глупец может принять их за нечто большее.* — Криспин не совсем понимал, почему впал из-за этого в такое раздражение, но это было так.

— *Ты в самом деле ничего не понимаешь?* — ответила Линон. На этот раз Кай не понял ее тона. — *Ты думаешь, скука заканчивается после ужина? Мальчишка-конюх понимает женщин лучше*

тебя. Продолжай играть со своими осколками стекла, недоумок, и предоставь мне судить об этом!

Криспин с немалым удовольствием приказал Линон умолкнуть, задул свечу и лег в постель, смирившись с тем, что станет ночной трапезой для тех хищных насекомых, которых не уничтожил. Он знал, что в обычной ночлежке, где вынуждены ночевать остальные его попутчики, было бы гораздо хуже. Очень слабое утешение. Ему не нравилось путешествовать.

Он вертелся, метался, чесался, ему казалось, что его кусают, потом он действительно почувствовал укус и выругался. Через несколько секунд, удивленный собственной нерешительностью, он опять встал, быстро прошел по холодному полу и задвинул засов на двери. Потом заполз обратно в постель.

Он не занимался любовью с женщиной с тех пор, как умерла Иландра.

Он еще не спал некоторое время спустя, смотрел на силуэт убывающей голубой луны, скользящий за окном, когда услышал, как повернулась ручка двери, потом раздался тихий стук.

Он не пошевелился и не отозвался. Снова раздался стук, дважды, — легкий, дразнящий. Потом стук прекратился, и снова настала тишина в осенней ночи. Вспоминая о многом, Криспин смотрел, как луна уплыла из окна, скользя среди звезд, и наконец уснул.

Криспин проснулся утром и услышал шум внизу, во дворе. В то мгновение, когда он открыл глаза и вынырнул из глубины потерянного сна, его осенила одна догадка насчет птицы Зотика, и он рассердился на себя за то, что понял это так поздно.

Он не слишком удивился, когда спустился вниз и за разбавленным пивом и утренним завтраком узнал, что госпожа Массина Баладия из Родиаса, супруга сенатора, ее конная стража и слуги уже уехали на рассвете.

Он неожиданно почувствовал легкое сожаление, но ему было почти невыносимо представить себе такое возвращение в эту сферу жизни смертных: совокупляться с увядшей родианской аристократкой, заниматься с ней любовными играми ночью, в деревне... С другой стороны, возможно, так было бы даже легче, но он не чувствовал себя достаточно... равнодушным для этого.

Оказавшись снова на дороге, на холодном ветру раннего

утра, он вскоре встретил купцов и священников, которые ждали его в ночлежке у дороги. Когда начался долгий пеший путь этого дня, он вспомнил посетившую его при пробуждении мысль. Он вздохнул, освободил Линон, которая лежала в мешке на спине мула, от молчания и задал вопрос.

— *Какой ты необыкновенно умный!* — ледяным тоном отрезала птица. — *Она ведь приходила вчера ночью, не так ли? Я была права?*

Белые облака быстро плыли над головой, подгоняемые северным ветром. Небо стало светло-голубым. Солнце, благополучно вернувшееся из своего ночного путешествия за ледяным краем мира, поднималось прямо перед ними, ослепительное, как обещание. Черные вороны усеяли стерню на полях. Бледный иней блестел на бурой траве рядом с дорогой. Криспин смотрел на все это в свете раннего утра и думал о том, как передать это многоцветное буйство красок и сверкание при помощи стекла и камня. Изображал ли кто-нибудь осеннюю траву, тронутую инеем, на куполе?

Он вздохнул, заколебался, потом честно ответил:

— *Приходила. Ты была права. Я запер дверь.*

— *Ба! Недоумок! Зотик задал бы ей работу на всю ночь и отослал бы назад в свою комнату без сил.*

— *Я не Зотик.*

Слабый ответ, и он это знал. Птица лишь издевательски рассмеялась. Но он в это утро не был склонен к перепалкам. Воспоминания слишком измучили его.

Сегодня было холоднее, особенно когда облака набегали на восходящее солнце. Ноги мерзли в сандалиях. «Завтра надену сапоги», — подумал он. Поля и виноградники на северной стороне дороги уже стояли голые, и ничто не заслоняло от ветра. Криспин уже мог различить первое темное пятнышко леса вдалеке, на северо-востоке: дикого, легендарного леса, который тянулся к границе, а потом дальше, в Саврадию. Сегодня дорога раздвоится, к югу от Милазии, где он мог бы сесть на корабль, пока не кончилась осень, и быстро доплыть до Сарантия. Медленное движение по суше вело Криспина на север, к этому неукрощенному лесу, а потом снова на восток. Длинная имперская дорога шла вдоль его южного края.

Он немного замедлил шаг, открыл один из мешков — а мул продолжал невозмутимо топать по безукоризненно пригнанным каменным плитам дороги — и достал свой коричневый

шерстяной плащ. Через мгновение Кай снова сунул руку в мешок, достал птицу на кожаном ремешке и опять повесил ее на шею. Нечто вроде просьбы о прощении.

Он ожидал услышать резкий, язвительный голос Линон после ее вынужденного молчания и слепоты. Он уже начал привыкать к нему. Сейчас ему необходимо, думал Криспин, завязывая снова мешок, а затем закутываясь в плащ, привыкать к другим особенностям этого путешествия на восток под чужим именем, с посланием от царицы антов к императору в голове и с существом из потустороннего мира на шее. И среди прочего, к чему необходимо теперь привыкать, был только что осознанный им факт, что птица, которую он несет с собой, несомненно и очевидно, — женского пола.

К полудню они подошли к крохотной часовне у дороги. «В память о Клодии Парезисе, — гласила надпись над аркой входа. — Сейчас он у Джада, в Свете».

Купцы и священники захотели помолиться. Криспин, удивив самого себя, вошел вместе с ними, а слуги остались снаружи, присматривать за мулами и товарами. Здесь не было мозаик. Мозаики стоят дорого, это роскошь. Он сделал рукой знак солнечного диска перед крошащейся, жалкой фреской на стене за алтарным камнем. На ней был изображен светловолосый, гладковыбритый Джад. Потом опустился на колени позади священника на каменный пол и стал вместе со всеми читать утренние молитвы.

Возможно, уже поздновато для утренней молитвы, но есть люди, которые верят в терпимость бога.

Глава 3

Касия взяла кувшин с пивом, разбавленным очень умеренно, потому что четверо купцов за большим столом были постоянными клиентами, и направилась обратно из кухни в общий зал.

— Котенок, когда закончишь, можешь пойти к нашему старому другу в комнату наверху. Деана сегодня закончит обслуживать твои столики. — Моракс взмахнул рукой у себя над головой, многозначительно улыбаясь. Она ненавидела его улыбку,

когда он так явно старался быть любезным. Обычно это сулило неприятности.

На этот раз его улыбка сулила нечто худшее.

Комната наверху, прямо над теплой кухней, предназначалась для самых надежных — или щедрых — постояльцев. Сегодня там поселился почтовый курьер из Сарники по имени Загнес, уже много лет путешествующий по дорогам. Он славился порядочностью и не слишком много требовал от девушек, иногда ему просто хотелось иметь теплое тело в постели в осеннюю или зимнюю ночь.

Касию, новенькую и самую молодую из служанок постоялого двора, которую без конца посылали к жестоким клиентам, еще никогда к нему не отправляли. Деана, Сирена, Кафа — все они ходили к нему по очереди, когда он останавливался здесь, и даже боролись за возможность провести спокойную ночь с Загнесом из Сарники.

Касии доставались грубияны. Она была светлокожей, как большинство иниций, и у нее легко появлялись синяки, поэтому Мораксу обычно удавалось содрать с мужчин дополнительную плату за нанесенный ей ущерб. Это ведь был постоялый двор имперской почты, постояльцы располагали деньгами и дорожили своим положением в обществе. Никого на самом деле не волновали синяки на теле купленной служанки, но большинство клиентов — только не настоящие аристократы, которым было совершенно все равно, — не хотели выглядеть жестокими или невоспитанными в глазах своих товарищей. Моракс с большим мастерством изображал благородное негодование и даже грозил от имени всей имперской почтовой службы.

Если Касии разрешали провести ночь с Загнесом в лучшей комнате, то лишь потому, что Моракс чувствовал неловкость, имеющую к ней какое-то отношение. Или — новая мысль — потому что сейчас у нее не должно быть синяков.

Уже несколько дней она замечала, как распадаются небольшие группки людей, как посетители внезапно перестают перешептываться, когда она входит в комнату, ощущала на себе внимательные взгляды во время работы. Даже Деана перестала ее изводить. Прошло уже десять дней с тех пор, как на солому ее постели вылили помои для свиней. И сам Моракс был слишком уж добрым, с того самого позднего вечера, когда к нему пришли несколько человек из деревни. Они пришли на постоялый двор с факелами, под холодными звездами.

Касия вытерла со лба пот, отбросила с лица русые волосы и понесла пиво купцам. Двое из них схватили ее спереди и сзади, пока она разливала пиво, задрали тунику, но она к этому привыкла и рассмешила их, сделав вид, что сейчас наступит на сапог ближайшего из них. Они были постоянными клиентами, платившими Мораксу приличную сумму за привилегию останавливаться у него без официальной подорожной, и от них не будет неприятностей, для этого им надо выпить гораздо больше пива.

Касия закончила разливать пиво, шлепком отбросила руку, продолжавшую сжимать ее грудь, — стараясь все время улыбаться, — и повернулась, чтобы уйти. Вечер еще только начинался, надо было разносить блюда и бутылки, вытирать и убирать столы, поддерживать огонь в очаге. Ее освободили от этой скуки, послали к покладистому клиенту в теплую спальню. Касия неуверенно вышла из общего зала в темный и холодный коридор.

Когда она начала подниматься по лестнице при свете оплывшей свечки, ее внезапно охватил тошнотворный страх. Ей пришлось остановиться и прислониться боком к перилам, чтобы справиться с ним. Здесь стояла тишина, из общего зала доносился приглушенный шум. Лоб и шею холодил пот. Струйка стекала вниз по спине. Она с трудом глотнула. Почувствовала во рту и в горле затхлый, кислый привкус. Сердце быстро стучало, она часто дышала; в размытых тенях деревьев за грязным, лишенным ставень окном таились ужасы, не имеющие формы и названия.

Касии захотелось позвать на помощь мать в приступе детской паники, первобытной, бездумной, но мать жила в деревне, в трех днях пути на север вдоль кромки Древней Чащи, и именно мать продала ее прошлой осенью в рабство.

Она не могла молиться. И уж конечно, не Джаду. Ее бесцеремонно заставили принять эту веру вместе с остальными во время обряда, проведенного в придорожной часовне по приказу каршитского работорговца, купившего их и угнавшего на юг. А молиться Людану, богу Леса, было совершенно бессмысленно, принимая во внимание то, что скоро должно произойти.

Полагалось, чтобы это была девственница, раньше так и было, но мир изменился. В Саврадии официально почитали Джада, она была провинцией Сарантийской империи, платила налоги и содержала два военных лагеря и войска, стоящие в

Мерагии. И хотя некоторые древние племенные обряды все еще тайно совершались, а священнослужители Джада их игнорировали, если только их не вынуждали заметить эти обряды, никто теперь не считал себя обязанным предложить свою дочь-девственницу в качестве жертвы.

Зачем, когда сойдет и потаскушка с постоялого двора.

«Наверняка все так и есть», — думала Касия, вцепившись в перила и глядя в темноту через маленькое окошко на середине лестничного пролета. Она чувствовала себя беспомощной и злилась. У нее имелся кинжал, спрятанный возле кузницы, но что толку от кинжала? Она даже не могла попытаться убежать. Теперь за ней следят, и в любом случае, куда может сбежать рабыня? В лес? Бежать по дороге, чтобы по следу пустили собак?

Сквозь мутное стекло она не видела леса, но чувствовала его присутствие в темноте, очень близко. Нечего обманывать себя. Перешептывание, слежка, эта необъяснимая снисходительность, невиданная раньше доброта в глазах этой сучки Деаны, потное, жадное лицо толстой жены Моракса, хозяйки, которая слишком поспешно отводит взгляд, когда Касия встречается с ней глазами.

Ее собираются убить утром, через два дня, в День Мертвых.

Криспин воспользовался своей подорожной и нанял слугу на первом же постоялом дворе почтовой службы в Саврадии, сразу же за придорожными каменными указателями на границе с Батиарой. Теперь он находился в Сарантийской империи, впервые в жизни. Он обдумывал, не купить ли второго мула для себя, но он действительно не любил ездить верхом, а ноги несли его на удивление легко в купленных им добротных сапогах. Он мог бы нанять маленькую, двухколесную «бироту», запряженную лошадью или мулом, но это означало бы перерасход средств, выделенных ему на поездку, как указано в подорожной, и к тому же всем известно, что эти повозки очень неудобны.

Варгос, наемный слуга, оказался крупным, молчаливым человеком, черноволосым — что необычно для иниции, — с багровым шрамом крест-накрест на одной скуле. Посох у него был еще тяжелее, чем у Криспина. Шрам напоминал какой-то языческий символ; Криспин не испытывал желания о нем расспрашивать.

Криспин отказался взять с собой кого-нибудь из подмастерьев, несмотря на настояния Мартиниана. Если он отправляется в это безумное путешествие под чужим именем, чтобы попытаться переделать свою жизнь, или что-то вроде этого, то он не собирается делать это в компании мальчика из дома. Ему и так придется несладко, нечего взваливать на себя бремя ответственности за жизнь юноши на опасной дороге и в вызывающем еще больше сомнений месте назначения.

С другой стороны, он не собирался быть идиотом — или недоумком, как любила повторять Линон, — и путешествовать в одиночку. Ему не нравилось находиться вне городских стен, а эта дорога, проходящая через западную Саврадию, между опушкой мрачного леса и продуваемыми ветром горами на юге, даже отдаленно не напоминала дорогу в густо населенной, с оживленным движением Батиаре. Он убедился, что Варгосу знакома дорога до границы с Тракезией, оценил его явную физическую силу и опыт и нанял его, предъявив свою подорожную. Имперская почта после предъявит счет ведомству канцлера. Все устроилось как нельзя лучше.

Купцы со своим вином свернули на юг задолго до границы и двинулись вслед за Массиной Баладией, опередившей их на полдня. Священник — порядочный, добродушный человек — шел только до монастыря у самой границы Саврадии. Они вместе помолились и расстались рано утром, перед тем как священник свернул с дороги. Криспин мог присоединиться к другим путешественникам, идущим на восток, — из Мегария должны отправиться какие-нибудь путешественники, — и он, конечно, попытается это сделать, но пока что могучий, ловкий телохранитель, шагающий рядом, олицетворял собой проявление минимального здравого смысла. То было одним из достоинств почтовой системы: он мог нанять такого человека, как Варгос, и отпустить его на любом постоялом дворе имперской почты, построенном у дороги для путешественников, направляющихся в обе стороны. Нынешняя Сарантийская империя, возможно, не совсем соответствует тому Родиасу, каким он был в зените славы, но и не слишком далеко ушла от него.

И если Гизелла, юная царица антов, права, Валерий Второй хочет восстановить западную империю тем или иным способом.

По мнению же ремесленника Кая Криспина из Варены, несчастного, промерзшего под осенним дождем, любые меры, ко-

торые устанавливают цивилизованный порядок в подобных местах, следует всемерно поощрять.

Ему и правда не нравился этот лес, совсем не нравился.

Интересно, что беспокойство Кая росло по мере того, как шли дни, а они с Варгосом двигались по дороге, постоянно видя этот лес. Криспин был вынужден признать с некоторой грустью, что он даже в большей степени городской человек, чем думал раньше. Города, несмотря на все их опасности, имели стены. Можно было считать, что дикие существа — будь то животные или не подчиняющиеся законам люди — остались за этими стенами. И до тех пор, пока человек проявлял осторожность и не покидал город в одиночестве после наступления темноты и не ходил в бедные районы, самой большой опасностью, с которой он мог столкнуться, был охотник за кошельками на базаре или слишком ревностный святой, брызжущий слюной и изрыгающий проклятия.

И еще в городах были здания, общественные и частные. Дворцы, бани, театры, дома купцов, часовни и святилища, а в них — стены и полы, иногда даже купола, на которых люди с достатком иногда желали выложить картины из мозаики.

Человек с опытом и определенными навыками мог заработать этим на жизнь.

В этом лесу и в неосвоенных землях к югу отсюда особые таланты Криспина не нашли бы никакого применения. Враждующие между собой племена Саврадии были символом кровожадного варварства с первых дней существования Родианской империи. В самом деле, единственное самое крупное поражение до медленного заката и последнего падения Империи армия Родиаса потерпела недалеко отсюда, к северу, когда целый легион, посланный для усмирения восстания одного из племен, попал в западню между болотом и лесом и был изрублен на куски.

Карательные легионы вели войну в течение семи лет, если верить историкам. Они выиграли ее. В конце концов. Саврадия оказалась нелегкой территорией для сражения в фалангах и колоннах. Враги, которые исчезают, словно привидения, среди деревьев, а затем расчленяют и поедают пленников во время кровавых обрядов под бой барабанов в густых лесах, способны внушать некоторый страх даже самым дисциплинированным солдатам.

Но родиане завоевали большую часть известного мира тем,

что и сами не чурались жестких мер, и в их распоряжении имелись ресурсы всей Империи. Деревья в лесах Саврадии в конце концов украсились трупами воинов тех племен, а также их женщин и маленьких детей, с отрублѐнными конечностями, повешенными на священных ветвях за смазанные салом русые волосы.

Однажды утром Криспин подумал, что подобная история не способствует спокойным размышлениям, как бы давно ни происходили эти события. Даже Линон сегодня была молчалива. Темный лес, тянущийся рядом с дорогой, в этом месте подошел к ней совсем близко, казалось, он уходит в бесконечность впереди, на востоке, а если оглянуться, то и на западе. Дубы, ясени, рябины, березы, другие деревья, ему неизвестные, опавшие или опадающие листья. Периодически поднимались грязно-черные столбы дыма: это угольщики работали на опушках. К югу земля поднималась вверх террасами, к барьеру из гор, за которыми скрывалось побережье и море. Кай видел овец и коз, собак, пастушеские хижины. И никаких других признаков человеческой жизни. Стоял серый день, моросил мелкий холодный дождь, вершины гор исчезали в тучах.

Шмыгая носом и прячась от сырости под капюшоном дорожного плаща, Криспин пытался, почти безуспешно, вспомнить, зачем он куда-то идет.

Он пытался вызвать в воображении яркие, многоцветные образы Сарантия — прославленные достопримечательности имперского Города, центра творения Джада, зеницы ока и красы мира, как гласило известное изречение. Но не мог. Город был слишком далеко. И Криспин его совсем не знал. Черный лес, туман и холодный дождь слишком угнетали. Как и отсутствие стен, тепла, людей, лавок, базаров, таверн, бань — любых рукотворных символов комфорта, не говоря уже о красоте.

Он был городским жителем, в этом вся истина. У них с госпожой Массиной Баладией, с ее выстланными подушками носилками, ее изысканной дорожной одеждой, ее духами и накрашенными ногтями на ногах, было больше общего, чем отличий, как бы Каю ни хотелось возражать. Городские стены определяли границы его мира в той же степени, что и мира Массины. Чего ему в данный момент хотелось больше всего — если быть честным перед самим собой, — это пойти в баню, дать умастить себя маслами, сделать массаж, потом выпить чашу горячего вина с пряностями на ложе в теплом помещении, среди людей,

ведущих неторопливую беседу. Здесь, в глуши, он чувствовал себя встревоженным и сбитым с толку, незащищенным. А ему еще предстоял долгий путь.

Однако до следующей постели было не так уж далеко. Безостановочная ходьба под непрерывным дождем, короткая остановка в полдень, чтобы съесть кусок хлеба с сыром и выпить кислого вина в дымной, пропахшей навозом таверне в одной деревушке, и к концу дня они оказались возле следующего имперского постоялого двора. К тому времени даже дождь прекратился, тучи уносило на юг и на запад, хотя над лесом они по-прежнему стояли. Криспин видел вершины некоторых гор. За ними должно быть море. Он мог бы плыть морем, если бы курьер прибыл вовремя. Пустая мысль.

У него сейчас могла бы быть семья, если бы чума обошла их дом стороной.

Когда они с Варгосом и мулом шли мимо очередной кучки домов, у них за спиной появилось солнце в первый раз за этот день, бледное и низкое. Оно осветило склоны гор, подсветило снизу тяжелые тучи над вершинами и отразилось холодным блеском в дождевых лужах в придорожной канаве. Они миновали кузницу и пекарню, потом два деревенских постоялых двора отвратительного вида, не обратив внимания на пристальные взгляды горстки людей и на хриплое приглашение тощей проститутки в переулке у второго постоялого двора. Не в первый раз Криспин с благодарностью подумал о подорожной, лежащей в кожаном кошельке на поясе.

Почтовый постоялый двор находился к востоку от деревни, точно в месте, указанном на карте. Криспину карта нравилась. Его очень успокаивал тот факт, что селения и все остальное каждый день появлялось точно на указанных картой местах и точно в указанное время. Это внушало уверенность.

Постоялый двор был большим, имел обычную конюшню, кузницу, внутренний двор, а у порога не возвышалась груда гниющих отбросов. Он заметил ухоженный огород и грядки с травами за воротами заднего двора, овец на лугу за ним и крепкую пастушескую хижину. «Да здравствует Сарантийская империя, — уныло подумал Криспин, — и славная имперская почта». Дым, поднимающийся из широких дымоходов, обещал, что внутри будет тепло.

— *Мы останемся здесь на две ночи*, — сказала Линон.

Снова заговорила птичка, висящая на ремешке у него на

шее. Она не разговаривала с самого утра. Криспин вздрогнул от неожиданности.

— *Правда? Твои ножки устали?*

— *Мыши и кровь! Ты слишком глуп, тебя нельзя выпускать из дома без няньки. Вспомни календарь и то, что говорил тебе Зотик. Ты находишься в Саврадии, недоумок. А завтра — День Мертвых.*

Действительно, Криспин забыл и ругал себя за это. Его раздражало, вопреки здравому смыслу, когда птица оказывалась права.

— *И что произойдет?* — кисло осведомился он. — *Они сварят меня в супе, если перехватят на дороге? Зароют мои кости на перекрестке?*

Линон не потрудилась ответить.

Смутно чувствуя, что проиграл спор, Криспин оставил Варгоса позаботиться о муле и вещах, а сам прошел мимо двух лающих псов и стайки цыплят на мокром дворе. Вошел в дверь передней комнаты постоялого двора, чтобы предъявить подорожную и узнать, можно ли немедленно принять горячую ванну за счет Империи.

Прихожая оказалась обнадеживающе чистой, большой, с высоким потолком. Из нее дверь налево вела в общий зал, где горело два очага. До него донесся веселый гул голосов с разнообразными акцентами. После целого дня на холодной, мокрой дороге это было очень приятно. Он подумал, умеет ли кто-нибудь на этой кухне хорошо готовить. В этих лесах должны водиться олени и кабаны, а может, и неуловимые саврадийские зубры. Хорошо приправленное блюдо из дичи и бутылка-другая подходящего вина принесли бы ему некоторое облегчение.

Криспину пришло в голову, когда он огляделся кругом, отметив подметенные, сухие плитки пола, что этот постоялый двор действительно может оказаться идеальным местом, чтобы дать отдых усталым ногам в течение двух дней и ночей. Зотик недвусмысленно советовал ему оставаться на одном месте и под крышей в День Мертвых. Несмотря на его ироничное отношение к подобным вещам, нельзя поступать глупо просто для того, чтобы выиграть бой с искусственной птицей. Он вдруг подумал, что само существование Линон доказывает реальность полумира.

Это соображение не слишком утешало.

Он ждал хозяина постоялого двора, держа в руке благосло-

венную подорожную, и уже позволил себе расслабиться от ощущения сухости и близкой перспективы тепла и вина. Из глубины дома, из-за лестницы, донеслись какие-то звуки, и он обернулся с вежливым выражением на лице. Он понимал, что в данный момент выглядит не слишком импозантно и что путешествие пешком с одним временно нанятым слугой не свидетельствует о его богатстве, но подорожная с его именем — или именем Мартиниана, — написанным на ней элегантным почерком, и личная печать и подпись самого имперского канцлера могут в одно мгновение придать ему огромный вес, как он уже не раз убеждался.

Но не хозяин спустился по черной лестнице. Всего лишь худенькая служанка в покрытой пятнами коричневой тунике до колен, босая, светловолосая. В руках она несла заткнутый пробкой кувшин с вином, слишком тяжелый для нее. При виде его она остановилась, как вкопанная, и уставилась широко открытыми глазами.

Криспин бегло улыбнулся, не обращая внимания на ее неприлично пристальный взгляд.

— Как тебя зовут, девушка?

Она глотнула, опустила глаза и пробормотала:

— Котенок.

Он криво усмехнулся.

— Почему?

Она снова глотнула, казалось, говорила она с трудом.

— Не знаю, — наконец удалось ей выдавить из себя. — Кто-то решил, что я похожа на котенка.

Ее глаза не отрывались от пола после первого пристального взгляда. Он вспомнил, что ни с кем не разговаривал целый день, не считая нескольких указаний Варгосу. Это было странно, он не понимал, что чувствует в связи с этим. Но точно знал, что ему хочется лечь в ванну, а не вести разговоры со служанкой.

— Ты не похожа. А как твое настоящее имя?

Тут она подняла глаза, потом опять опустила их.

— Касия.

— Ну, Касия, беги и найди мне хозяина. Я промок снаружи и пересох изнутри. И не вздумай сказать мне, что у вас нет свободных комнат.

Она не шевельнулась. Продолжала смотреть в пол, сжимая в руках тяжелый кувшин с вином. Она была очень юной, очень

худой, с широко расставленными голубыми глазами. Очевидно, из северного племени, иниций, или какого-то другого. Интересно, поняла ли она его шутку, ведь они говорили на родианском языке. Он уже собирался повторить просьбу на сарантийском, и без шуток, но тут она вздохнула.

— Завтра меня собираются убить. — Вот что она произнесла, на этот раз очень ясно. И подняла на него взгляд. Ее глаза были огромными, глубокими, как лес. — Пожалуйста, увези меня отсюда.

* * *

Загнес из Сарники наотрез отказался помочь.

— Ты слабоумная? — кричал он прошлой ночью. В возбуждении он столкнул Касию с постели, и она упала на пол. Пол был холодным, даже несмотря на то что находился прямо над кухонными очагами. — Святой Джад, что я буду делать с купленной девушкой из Саврадии?

— Я буду делать все, что ты захочешь, — сказала она, стоя на коленях возле постели и стараясь не заплакать.

— Конечно, будешь. Как же иначе? Не в этом дело. — Загнес ужасно разволновался.

Дело было не в просьбе выкупить ее и увезти отсюда. Имперские курьеры привыкли к подобным просьбам. Наверное, дело было в поводе для ее просьбы. Очень срочном и конкретном поводе. Но она обязана была сказать ему, иначе он не стал бы даже думать о ее просьбе, одной из многих подобных просьб. Говорили, что он добрый человек...

Но, кажется, недостаточно добрый. Или недостаточно глупый. Курьер побледнел; она по-настоящему его испугала. Лысеющий мужчина с брюшком, уже немолодой. Совсем не жестокий, просто предусмотрительно отказавшийся вмешиваться в скрытую под поверхностью жизнь саврадийской деревни, даже если речь шла о запрещенном убийстве девушки, чтобы принести жертву языческому богу. Возможно, именно в этом дело. Что произошло бы, если бы он сообщил об этой истории священнослужителям или военным из лагеря на востоке от них? Расследование, вопросы, возможно, очень неприятные вопросы — ибо дело касалось вопросов святой веры. Карательные меры против последователей оживающего язычества? Изливающие гнев клирики, солдаты, расквартированные в деревне, введение

новых налогов в наказание? Моракс и другие могут быть наказаны; смотрителя гостиницы могут лишить места, вырвать ему ноздри, отрубить руки.

И конец самому лучшему отношению, самым теплым комнатам на этом постоялом дворе и на любом другом в Саврадии для Загнеса из Сарники. Слухи разносятся быстро по главным дорогам, и никто и нигде не любит доносчиков. Он был имперским служащим, но большую часть своих дней — и ночей — проводил вдали от Сарантия.

И все это ради служанки? Как она могла ожидать от него помощи?

Она и не ожидала. Но ей не хотелось умирать, а с каждым мгновением ее шансы на жизнь уменьшались.

— Полезай обратно в постель, — ворчливо сказал Загнес. — Ты замерзнешь на полу, и мне от тебя не будет совсем никакого толку. Я в последнее время всегда мерзну, — прибавил он с принужденным смешком. — Слишком много лет провел в дороге. Дождь и ветер пробирают до самых костей. Пора в отставку. Я бы и ушел, если бы дома не было жены. — Он опять рассмеялся фальшиво, неубедительно. — Девочка, я уверен, ты зря боишься. Я знаю Моракса много лет. Вы, девушки, всегда тени пугаетесь, когда этот глупый... когда этот день приближается.

Касия молча забралась обратно в постель, скользнула под одеяло и легла, обнаженная, рядом с ним. Он слегка отстранился от нее. «Неудивительно», — с горечью подумала она. Захочет ли разумный человек переспать с девушкой, предназначенной Людану, богу Леса? Ее священная смерть может перейти прямо в него.

Но дело было не в этом. Кажется, Загнес принадлежал к более прозаичным людям.

— У тебя холодные ноги, девушка. Потри их одна об другую, сделай что-нибудь. И руки тоже. Мне всегда холодно, — сказал он.

Касия услышала, как у нее вырвался странный звук; она то ли рассмеялась, то ли снова пыталась подавить панику. Она послушно потерла ступни одна об другую, стараясь сделать их теплыми, чтобы согреть лежащего рядом мужчину. Она слышала снаружи вой ветра и стук ветки о стену. Набежали тучи вместе с дождем. Лун не было.

Она провела с ним ночь. Он не прикасался к ней рукой. Лежал рядом, свернувшись клубком, как ребенок. Она не спала, прислушивалась к вою ветра, шороху веток и шуму дождя. Наступит утро, потом ночь, и на следующий день она умрет. Ее поражало, что она может думать об этом и не сойти с ума. Интересно, не удастся ли ей убить Деану перед тем, как они ее свяжут или оглушат ударом дубинки по голове. Жаль, что она не может молиться, но ее вырастили без веры в бога солнца Джада, и она плохо помнила молитвы. С другой стороны, как жертве молиться богу, которому ее приносят в жертву? О чем она может просить Людана? Чтобы она умерла до того, как ее станут резать на куски? Или что там они делают здесь, на юге. Она даже не знала этого.

Касия поднялась гораздо раньше спящего курьера, в холодной, влажной темноте перед рассветом. Дрожа, натянула тунику и спустилась на кухню. Дождь продолжал лить. Касия слышала доносящиеся со двора звуки: конюхи готовили сменных коней для имперских курьеров, а также коней и мулов тех, кто приехал верхом или нанял их на постоялом дворе. Она принесла вязанку хвороста из чулана, потом еще две, а потом встала на колени и развела на кухне огонь. Деана, зевая, спустилась сверху и пошла разводить огонь в передней комнате. У нее на щеке появился новый синяк, как заметила Касия.

— Хорошо спала, сучка? — бросила Деана, проходя мимо. — Больше ты его никогда не получишь, уж поверь мне.

— Он мне сказал, что снизу ты такая же грязнуля, как и сверху, — пробормотала Касия, не оборачиваясь. Интересно, ударит ли ее Деана. У нее под рукой лежали поленья.

Но они не хотели, чтобы у нее на теле остались синяки или другие повреждения. Это могло бы быть даже забавным... Сегодня она могла говорить все, что вздумается, не опасаясь удара.

Деана на секунду замерла, потом прошла мимо, не тронув ее.

За ней пристально наблюдали. Касия поняла это, когда улучила минутку, после того как опорожнила ночные горшки, и остановилась на заднем крыльце подышать холодным, мокрым воздухом. Горы окутывал туман. Дождь не прекращался. Теперь ветра почти не было. Дым из труб поднимался прямо вверх и

исчезал в серых тучах. Она почти не видела сада и овец на склонах гор. Туман приглушал звуки.

Но Фар, старший конюх, стоял, небрежно прислонившись к столбу на противоположном конце крыльца, и строгал ножом мокрую палочку, а Ругаш, старый пастух, бросил стадо на подпасков и стоял в открытых дверях своей хижины за садом. Когда он заметил, что она на него смотрит, он плюнул в грязь сквозь дыру между зубами.

Они действительно думают, что она может сбежать. Куда может убежать рабыня? Босиком, по склонам гор? В Древнюю Чащу? Неужели лучше погибнуть от холода или диких зверей? А может, демоны или мертвецы найдут ее раньше и навсегда отнимут душу? Касия содрогнулась. Напрасный страх: ей не удалось бы даже добраться до леса или гор, они выследили бы ее. У них есть собаки.

Кафа появилась в дверном проеме у нее за спиной. Касия узнала ее шаги, не оборачиваясь.

— Я скажу хозяйке, и тебя выпорют за безделье, — сказала Кафа. Ей было велено говорить только на родианском языке, чтобы как следует его выучить.

— Отвали, — равнодушно ответила Касия. Но повернулась и вошла в дом, пройдя мимо Кафы, которая, возможно, была самой порядочной из них всех.

Она разнесла все горшки по комнатам, несколько раз поднявшись и спустившись по лестнице, потом вернулась на кухню, чтобы закончить с утренней посудой. Огонь в очагах горел слишком слабо; за слишком слабый или слишком сильный огонь, потому что тогда дрова сжигались зря, служанок били или запирали в винном погребе с крысами. Касия подбросила дров. От дыма на глаза набежали слезы. Она вытерла щеки тыльной стороной ладоней.

В кузнице, возле конюшни, у нее спрятан кинжал. Она решила, что сходит за ним позже. Им она сможет убить себя сегодня ночью, если ничего другого не останется. Не позволить им получить то, чего они хотят, — это своего рода победа.

Но ей и это не удалось. Приехала еще одна компания купцов, они рано остановились на ночлег из-за дождя. Конечно, у них не было подорожных, но они заплатили Мораксу за право переночевать без них, тихо переговорив с ним, как обычно. Они посидели у одного из очагов в общей комнате и за короткое время выпили много вина. Трое из них захотели нанять девушек,

чтобы скоротать время в дождливый вечер. Касия поднялась наверх с одним из них, каршитом; Деана и Сирена с другими. От каршита пахло вином, мокрым мехом и рыбой. Он бросил ее на постель лицом вниз, как только они вошли в комнату, задрал тунику, не потрудившись снять ее, как и собственную одежду. Закончив, он тут же рухнул на нее сверху и уснул. Касия выползла из-под его тела. Посмотрела в окно. Дождь ослабевал; скоро он кончится.

Она спустилась вниз. Каршит храпел так громко, что его было слышно из коридора; у нее не было предлога, чтобы задержаться. Моракс, шагая через прихожую, пристально смотрел на нее, пока она спускалась по лестнице, — без сомнения, проверял, не осталось ли синяков, — потом безмолвно махнул рукой в сторону кухни. Пора было начинать готовить ужин. Сегодня вечером постоялый двор будет переполнен. Завтрашний день заставлял людей нервничать, волноваться, им хотелось выпить и побыть в компании. В дверной проем Касия увидела трех жителей деревни, на их столе стояла четвертая чаша. Моракс выпивал с ними.

Деана спустилась чуть позже, осторожно ступая, словно у нее что-то болело внутри. Они стояли лицом друг к другу, резали картошку и лук, накладывали оливки в маленькие миски. Хозяйка следила за ними; все молчали. Жена Моракса била девушек за разговоры во время работы. Она что-то сказала кухарке. Касия не расслышала, что именно. Она чувствовала, что хозяйка не спускает с нее глаз. Опустив голову, она понесла миски с оливками и корзинки с хлебцами из пекарни в зал и расставила их по столам, рядом с кувшинчиками масла. Это был почтовый постоялый двор, что предполагало определенные удобства за отдельную плату. Три крестьянина из деревни завели оживленную беседу, как только она вошла. Ни один не поднял глаз, когда она принесла им оливки и хлеб. Оба очага горели плохо, но теперь это была забота Деаны.

На кухне кухарка разделывала цыплят и бросала кусочки в котел вместе с картошкой и луком, готовила рагу. Вина уже не хватало. Мокрый, холодный день. Мужчины много пили. Повинуясь кивку хозяйки, Касия снова пошла в заднюю часть дома, к винному погребу, прихватив ключ. Она открыла и подняла тяжелую крышку на петлях в полу и достала кувшин из холодного, неглубокого погреба. Она вспомнила, что, когда Моракс год назад купил ее у работорговца, она не могла достать эти кувши-

ны. Тогда ее за это избили. Большой, заткнутый пробкой кувшин все еще был слишком тяжел для нее, и она неловко с ним обращалась. Касия заперла погреб и двинулась назад по коридору. И увидела человека, который стоял один у двери в прихожей.

Позже она решила: все дело в том, что он показался ей похожим на варвара. Пышная рыжая борода, растрепанные волосы, когда он откинул назад капюшон заляпанного грязью плаща. У него были большие, сильные на вид руки, с тыльной стороны поросшие рыжими волосами, а насквозь промокшая, бурая верхняя одежда собрана на талии, поднята выше колен и затянута ремнем, как для езды верхом. Дорогие сапоги. Тяжелый посох. На этой дороге, по которой путешествовали группами купцы и гражданские служащие, офицеры армии в военном платье и имперские курьеры, этот одинокий путешественник напомнил ей одного из крепких мужчин с ее далекой северной родины.

В этом крылась поразительная ирония, конечно, но она никак не могла об этом знать.

Он стоял один, она не видела рядом с ним ни спутника, ни слуги, вообще никого не оказалось рядом как раз в этот момент, как ни удивительно. Он заговорил с ней на родианском. Она его почти не слышала, как и своих ответов, которые ей удавалось выдавить из себя. Насчет ее имени. Она смотрела в пол. У нее в ушах стоял странный рев, словно по комнате гулял ветер. Она боялась упасть или уронить кувшин с вином и разбить его. Ей вдруг пришло в голову, что даже если она его уронит, это ничего не изменит.

— Завтра меня собираются убить, — сказала она.

И подняла на него глаза. Сердце ее сильно билось, как северный барабан. — Увези меня отсюда, пожалуйста.

Он не отпрянул, как Загнес, не уставился на нее с изумлением и недоверием. Он смотрел на нее пристально. Прищурил глаза, голубые и холодные.

— Почему? — спросил он почти грубо.

Касия почувствовала, как подступают слезы. Она боролась с ними.

— День... День Мертвых, — удалось ей проговорить. Ей казалось, что ее рот полон пепла. — Потому что бог Дуба... они...

Она услышала чьи-то шаги. Конечно. Время вышло. Всегда не хватает времени. Она могла бы умереть от чумы дома, как ее отец и брат. Или от голода следующей зимой, если бы мать не продала ее в обмен на еду. Но ее продали. И она здесь. Рабыня. Время вышло. Она осеклась, уставилась себе под ноги, крепко сжимая тяжелый кувшин с вином. Моракс появился из-под дверной арки, ведущей в общий зал.

— Давно пора, хозяин, — хладнокровно произнес рыжебородый. — Ты всегда заставляешь клиентов ждать в одиночестве у себя в прихожей?

— Котенок! — взревел Моракс. — Ты, сучка, как ты посмела не доложить мне, что у нас благородный гость? — Глядя вниз, Касия представила себе, как он опытным взглядом оценивает грязного человека, стоящего в прихожей. Моракс перешел на свой обычный тон. — Добрый господин, это имперский постоялый двор. Вы ведь знаете, что нужно иметь особую подорожную.

— Полагаю, что это обеспечит мне респектабельных соседей, — холодно ответил мужчина. Касия украдкой наблюдала за ними. Конечно, он не северянин. У него не тот акцент. Она иногда бывает такой глупой. Говорил он на родианском и сейчас мрачно смотрел на Моракса. Он бросил взгляд за арку, в полный народа общий зал. — Кажется, на удивление много обладателей подорожных оказались в пути в дождливый день поздней осенью. Поздравляю, хозяин. Твое радушие должно быть исключительным.

Моракс покраснел.

— Значит, у тебя есть подорожная? Буду рад принять тебя, если это так.

— Это так. И я хочу, чтобы твоя радость приняла осязаемую форму. Я хочу получить самую теплую комнату на две ночи, чистую постель для моего слуги, там, где вы размещаете слуг, горячую воду, масло, полотенца и ванну, и чтобы все это принесли ко мне в комнату немедленно. Я искупаюсь перед ужином. И посоветуюсь с тобой насчет еды и вина, пока готовят ванну. И я хочу получить девушку, которая меня умастит маслом и помоет. Вот эта меня устроит.

Моракс притворился убитым горем. Это у него хорошо получалось.

— Ох, помилуйте! Мы как раз сейчас готовим вечернюю трапезу, добрый господин. Как видишь, постоялый двор сего-

дня переполнен, а у нас слишком мало слуг. К моему великому огорчению, мы сможем устроить тебе купание только через некоторое время. Это всего лишь скромный деревенский постоялый двор, добрый господин. Котенок, отнеси вино на кухню! Быстро!

Рыжебородый поднял руку. В ней была бумага. И монета, как заметила Касия. Она подняла голову.

— Ты еще не взглянул на мою подорожную, хозяин. А зря. Прочти ее, пожалуйста. Ты, несомненно, узнаешь подпись и печать самого канцлера Сарантия. Конечно, очевидно, многие из твоих постояльцев имеют подорожные, подписанные лично Гезием.

Лицо Моракса мгновенно из багрового стало желтовато-бледным.

Это было почти забавно, но Касия боялась, что сейчас уронит вино. Подорожные подписывали имперские чиновники из разных городов или младшие офицеры из военных лагерей, но не имперский канцлер. Она чувствовала, что во все глаза смотрит на гостя. Кто же этот человек? Она перехватила кувшин с вином снизу. Руки у нее дрожали от тяжести. Моракс протянул руку и взял бумагу — и монету. Он развернул подорожную и прочел, шевеля губами. Потом поднял глаза, не в силах удержаться. Его щеки постепенно приобретали прежний цвет. Монета этому способствовала.

— Ты... твои слуги, говоришь, остались на улице, мой добрый господин?

— Всего один слуга, нанятый на границе, чтобы сопровождать меня до Тракезии. Есть причины, по которым Гезию и императору полезнее, чтобы я путешествовал без помпы. Ты держишь имперский постоялый двор. Должен понимать. — Рыжебородый быстро улыбнулся, потом прижал палец к губам.

Гезий. Канцлер. Этот человек назвал его по имени, у него подорожная с его личной печатью и подписью.

Тут Касия все же начала молиться, про себя. Не обращаясь по имени к какому-то определенному богу, но от всего сердца. У нее все еще дрожали руки. Моракс приказал ей идти на кухню. Она повернулась к двери.

Она видела, как он вернул гостю подорожную. Монета исчезла. Касия так никогда и не научилась улавливать движение, которым Моракс прятал подобные подношения. Он остановил ее, опустив ладонь ей на плечо.

— Деана! — рявкнул он, увидев, как та идет по общему залу. Деана поспешно бросила охапку дров и подбежала к ним. — Отнеси на кухню этот кувшин и скажи Бредену, чтобы отнес самую большую ванну в комнату над кухней. Немедленно. Вы двое ее наполните. Бегом, чтобы вода не успела остыть. Потом ты будешь прислуживать его светлости. Если у него будут хоть малейшие жалобы, запру в винном погребе на ночь. Понятно?

— Не надо называть меня «его светлостью», прошу тебя, — тихо произнес рыжебородый. — Я путешествую таким образом не без причин, запомни.

— Конечно, — раболепно согласился Моракс. — Конечно! Прости меня! Но как мне тебя...

— Пусть будет Мартиниан, — ответил гость. — Мартиниан Варенский.

— Мыши и кровь! Что ты делаешь?

— Еще не знаю, — честно ответил Криспин. *— Но мне нужна твоя помощь. Тебе эта история кажется правдивой?*

Линон после первой яростной вспышки мгновенно притихла. Она неожиданно долго молчала, потом ответила:

— По правде сказать, да. Но правда и то, что мы ни в коем случае не должны вмешиваться. Криспин, с Днем Мертвых не шутят. — Она еще никогда не называла его по имени. «Недоумок» было ее любимым обращением.

— Я знаю. Прояви терпение. Помоги, если можешь.

Он посмотрел на приземистого, толстого, с покатыми плечами хозяина постоялого двора и вслух сказал:

— Пусть будет Мартиниан. Мартиниан Варенский. — Он помолчал и доверительно прибавил: — И благодарю тебя за предупредительность.

— Конечно! — вскричал хозяин. — Меня зовут Моракс, и я полностью к твоим услугам, мой... Мартиниан. — Он даже подмигнул. Жадный, мелочный человек.

— Лучшая комната расположена над кухней, — молча сказала Линон. *— Он выполняет твою просьбу.*

— Ты знаешь этот постоялый двор?

— Я знаю большинство из них на этой дороге, недоумок. Ты нас ведешь в опасные воды.

— Я плыву в Сарантий. Конечно, это опасно, — ответил ей Криспин. Линон фыркнула и замолчала. Другая девушка, с тем-

неющим синяком на щеке, взяла у светловолосой кувшин. Они обе поспешно ушли.

— Позволь предложить тебе к ужину самое лучшее кандарийское красное вино, — сказал хозяин, потирая руки, как делают, кажется, все содержатели постоялых дворов. — Конечно, за вполне умеренную дополнительную плату, но...

— У тебя есть кандарийское? Это прекрасно. Принеси неразбавленное и кувшин воды. Что на ужин, друг мой Моракс?

— *Ну прямо аристократ!*

— Деревенские колбасы собственного производства на выбор. Или рагу из цыплят, как раз сейчас готовим.

Криспин выбрал рагу.

По дороге наверх, в комнату над кухней, он пытался понять, почему сделал то, что он только что сделал. И не нашел ясного ответа. Собственно говоря, он ничего не сделал. Пока. Но ему пришло в голову, вместе с возможным планом, что он в последний раз видел это выражение ужаса в широко распахнутых глазах его старшей дочери, когда ее мать рвало кровью перед тем, как она умерла. А он не мог ничего сделать. Вне себя от гнева, почти обезумевший от горя. Беспомощный.

— Они совершают этот мерзкий обряд по всей Саврадии?

Он сидел нагой в металлической ванне в своей комнате, подтянув колени к груди. Самая большая ванна оказалась не особенно большой. Светловолосая девушка натерла его маслом, не слишком умело, и сейчас терла ему спину грубой тканью, за неимением щетки для тела. Линон лежала на подоконнике.

— Нет. Нет, мой господин. Только здесь, у южной опушки Древнего Леса... мы называем его Древней Чащей... и у северной опушки. Существует две дубовые рощи, посвященные Людану. Это... лесной бог. — Она говорила тихо, почти шепотом. Эти стены пропускали звуки. Она прилично говорила на родианском, хоть и с трудом. Он снова перешел на сарантийский.

— Ты джадитка, девушка?

Она заколебалась.

— Меня приобщили к Свету в прошлом году.

Несомненно, это сделал работорговец.

— Но в Саврадии почитают Джада, не так ли?

Снова недолгое молчание.

— Да, господин. Конечно, господин.

— Но эти варвары все еще хватают молодых девушек и... делают с ними то, что делают? В одной из провинций Империи?

— *Криспин. Тебе этого лучше не знать.*

— Только не на севере, господи́н, — ответила девушка. Она терла тканью его ребра. — На севере на дереве бога вешают вора или женщину, уличенную в прелюбодеянии... человека, который уже погубил свою жизнь. Всего лишь вешают. Ничего... хуже.

— А! Варварство помягче. Понятно. А почему здесь иначе? Невозможно заполучить воров или неверных жен?

— Я не знаю. — Она не заметила его насмешки. Он понимал, что несправедлив. — Я уверена, что дело не в этом, господин. Но... возможно, Моракс пользуется этим, чтобы поддерживать хорошие отношения с деревней. Он пускает к себе путешественников без подорожных, особенно осенью и зимой. И от этого богатеет. А страдают деревенские постоялые дворы. Возможно, он таким способом возмещает им потери? Отдает одну из рабынь. Для Людана?

— Хватит. Совершенно очевидно, что тебя никто и никогда не учил, как надо делать растирание. Кровь Джада! Постоялый двор имперской почты без щеток для тела? Позор. Дай мне сухое полотенце. — Криспин чувствовал в себе знакомый, тяжелый гнев и старался говорить тихо. — Прекрасная причина, чтобы убить рабыню, разумеется. Отношения с соседями.

Девушка встала и поспешно принесла с постели полотенце — подобие полотенца, которое они ему прислали. Да, это не его бани в Варене. Сама комната была жалкой, но приличных размеров, и некоторое количество тепла действительно поднималось из расположенной внизу кухни. Он уже отметил, что на двери стоит один из новых железных замков, который открывается медным ключом. Купцам это должно нравиться. Моракс свое дело знает, как легальную его сторону, так и нелегальную. Возможно, он действительно богат или скоро будет богатым.

Криспин боролся с гневом и усиленно думал.

— Я был прав, там, внизу? Здесь сегодня есть постояльцы без подорожных?

Он встал и вылез, мокрый, из маленькой ванны. Девушка, после того как он ее отчитал, покраснела, встревожилась и явно испугалась. Это его еще больше рассердило. Он взял полотенце, вытер волосы и бороду, потом завернулся в него, чтобы не за-

мерзнуть. И выругался, когда его укусило какое-то ползучее насекомое из полотенца.

Она стояла рядом, неловко опустив руки, опустив глаза в пол.

— Ну? — снова потребовал он. — Отвечай. Я был прав?

— Да, господин. — Когда она говорила на сарантийском языке, который явно лучше понимала, она казалась умнее, несмотря на свое низкое положение, а ее голубые глаза оживали, когда ей удавалось побороть страх. — Большинство из них находятся здесь незаконно. Осень — время спокойное. Если появляются сборщики налогов или солдаты, Моракс их подкупает, а имперские курьеры слишком часто ездят туда-сюда и не станут жаловаться, если другие постояльцы им не мешают. Моракс хорошо обслуживает курьеров.

— Уверена, так и есть. Я таких людей знаю. Все, что угодно, только плати.

Криспин рассеянно кивнул в знак согласия с птицей, потом сосредоточился на переодевании в сухую одежду из дорожного мешка, который ему принесли. Его мокрая верхняя одежда осталась сушиться внизу у очага.

— Помолчи, Линон, я думаю!

— Да хранят нас всемогущие силы!

Постепенно ему становилось легче не обращать внимания на подобные вещи. Но что-то в Линон сегодня казалось ему странным. Криспин отложил эту мысль на потом вместе с гораздо более сложным вопросом о том, почему он ввязывается в эту историю. Рабы погибают во всей Империи каждый день, их избивают, наказывают кнутом, продают. Криспин покачал головой: неужели он действительно такой простак, что смехотворная ассоциация перепуганной девушки с дочерью могла втянуть его в тот мир, где для него не существует безопасного места? Еще один трудный вопрос. На потом.

Еще в те дни, когда Криспин умел радоваться, он всегда любил решать головоломки. На работе или в игре. Составляя мозаику на стене, играя в бане в азартные игры. Сейчас, быстро одеваясь в зябком полумраке, он поймал себя на том, что складывает в голове кусочки сведений, словно кусочки мозаики, чтобы составить картину. Он вертел их, поворачивал под разными углами, словно смальту, чтобы поймать лучи света.

— Что они с ней сделают? — Он задал этот вопрос импульсивно.

Линон так долго молчала, что Криспин решил, что птица его игнорирует. Он надел сандалии, пока ждал. Зазвучавший в его голове голос был холодным, лишенным выражения, не похожим на тот, который он слышал от нее раньше.

— Утром ей дадут выпить маковый настой, незаметно подольют в чашку. Отдадут тем, кто за ней явится. Вероятно, жителям деревни. Они ее уведут. Иногда ее заставляют спариваться с каким-то животным, ради плодородия полей и удачи на охоте, иногда мужчины сами это делают, один за другим. Тогда они надевают маски животных. Потом жрец Людана вырежет у нее сердце. Это может быть деревенский кузнец или пекарь. Или хозяин гостиницы, который сейчас внизу. Мы этого не узнаем. Считается добрым знаком, если она доживет до того момента, когда у нее вынут сердце. Его зароют в поле. С нее сдерут кожу и сожгут ее, в качестве символа бренности жизни. Потом ее повесят за волосы на священном дубе в тот момент, когда сядет солнце, чтобы Людан взял ее себе.

— Святой Джад! Не может быть...

— Замолчи! Недоумок! Я же говорила, что тебе лучше этого не знать!

Испуганная девушка подняла глаза. Криспин свирепо взглянул на нее, и она сейчас же опустила взгляд, теперь ее охватил другой страх.

Пораженный, испытывая отвращение, Криспин начал снова размышлять над этой головоломкой, стараясь успокоиться. Вертел кусочки смальты, чтобы поймать свет. Пусть даже такой тусклый, неверный свет, как огоньки свечей на ветру или косые лучи зимнего солнца, проникающие в узкую щель.

— Я не могу позволить им сделать с ней такое, — молча обратился он к Линон.

— Ах! Гремите военные барабаны! Кай Криспин Варенский, отважный герой поздней эпохи! Не можешь? Не понимаю, почему. Они просто найдут другую девушку. И убьют тебя за попытку вмешаться. Кто ты такой, ремесленник, чтобы становиться между богом и его жертвой?

Криспин закончил одеваться. Снова сел на постель. Она скрипнула.

— Я не знаю, как на это ответить.

— Конечно, не знаешь, — согласилась Линон.

Девушка прошептала:

— Мой господин. Я буду делать все, что ты пожелаешь. Всегда.

— А что еще делают рабы? — огрызнулся он, отвлекаясь от своих мыслей. Она вздрогнула, будто он ее ударил. Он вздохнул.

— *Мне нужна твоя помощь*, — снова обратился он к птице. Головоломка обретала форму, может, не слишком удачную. Он немного покачался взад и вперед, поскрипывая ложем. — *Вот что я хочу...*

Через несколько секунд он начал объяснять девушке, какие шаги должна предпринять она, в свою очередь, если хочет пережить следующий день. Он старался говорить так, будто знает, что делает. Что оказалось совершенно невыносимым — это вынести выражение ее глаз, когда она поняла, что он собирается попытаться ее спасти. Ей хотелось жить, очень хотелось. Это желание жить пылало в ней, как огонь.

Там, дома, он сказал Мартиниану, что ничего по-настоящему не хочет, даже жить. Возможно, подумал Криспин, это делало его идеально подходящим человеком для такого безумного предприятия.

Он послал девушку вниз. Сначала она встала перед ним на колени, казалось, она хочет что-то сказать, но он остановил ее одним взглядом и махнул рукой на дверь. После ее ухода он еще несколько мгновений сидел, потом встал и начал заниматься подготовкой всего необходимого в комнате.

— *Ты сердишься?* — внезапно спросил он Линон, удивив самого себя.

— *Да*, — ответила птица через секунду.

— *Ты мне скажешь, почему*?

— *Нет.*

— *Ты мне поможешь*?

— *Я — кусок кожи и металла, как однажды кое-кто выразился. Ты можешь сделать меня слепой, глухой и немой при помощи мысли. Что еще я могу сделать?*

Спускаясь вниз по лестнице к шуму и теплу общего зала, Криспин выглянул в окно. Снаружи совсем стемнело, лес пропал из виду в черноте. Снова тучи, ни лун, ни звезд не видно. Он должен спускаться вниз и ни о чем не думать, кроме предвкушения хорошего красного вина из Кандарии и умеренно вкусного рагу. Вместо этого каждая тень, каждое движение в тени за грязными окнами навевали ужас. *Считается добрым*

знаком, если она доживет до того момента, когда у нее вынут сердце.

Он уже ввязался в эту драку, почти. На поясе у него висел медный ключ, но он оставил дверь своей комнаты приоткрытой, словно неопытный глупец-родианин, не привыкший к жестокой реальности путешествий, к настоящим опасностям в дороге.

* * *

Уже всем стало известно, что рыжебородый родианин, который пьет дорогое вино, запас которого постоянно пополняют, и даже угощает им других, едет в Сарантий с подорожной, подписанной самим имперским канцлером. Все в общем зале теперь знали об этом. Этот человек через слово упоминал Гезия. Это могло вызвать раздражение, если бы он не был таким приветливым... и щедрым. Оказалось, что он какой-то ремесленник, добродушный городской житель, вызванный в столицу, чтобы помочь в осуществлении одного из проектов императора.

Телон Мегарийский считал, что умеет оценивать подобных людей и те возможности, которые в них скрыты.

Во-первых, этот ремесленник — Мартиниан, как он себя назвал, — совершенно очевидно не носит с собой кошелек. Это значит, что подорожная и те деньги, которые ему прислали в качестве аванса или которые он взял с собой из Батиары, — сумма явно достаточная, чтобы он мог позволить себе пить кандарийское вино, — не при нем, разве что он затолкал их за пазуху. Телон ухмыльнулся, прикрываясь ладонью, при мысли о том, как бы он предъявлял измятый, грязный листок на следующем почтовом постоялом дворе. Нет, подорожная явно находится не под одеждой Мартиниана, он готов биться об заклад на что угодно.

То есть, если бы у него было что поставить на кон, он бы побился об заклад. У Телона совсем не осталось денег, и его взяли в компанию купцов лишь благодаря дядиной доброте, о чем дядя ему постоянно напоминал. Они возвращались домой, в Мегарий, после совершения нескольких выгодных сделок в военном лагере возле Тракезии, где базировались Четвертый и Первый саврадийские легионы. То есть выгодных для дядюшки Эрита. Телон не получит никакой доли в прибыли. Ему даже не платят жалованье. Он здесь лишь за тем, чтобы изучить мар-

шрут, как сказал ему дядя, и людей, с которыми ему предстоит иметь дело, а также доказать, что он может вести себя должным образом в обществе людей, более достойных, чем портовый сброд.

Если он будет учиться достаточно быстро, допускал дядюшка Эрит, возможно, ему позволят участвовать в делах, получать приличное жалованье и самому возглавить мелкие торговые экспедиции. В конце концов, возможно, по прошествии времени и если он проявит себя разумным, то может стать партнером дяди и кузенов.

Мать и отец Телона осыпали дядюшку Эрита униженными до неприличия выражениями благодарности. Кредиторы Телона, в том числе несколько пьяных рож, играющих в кости в портовом притоне, не захотели проявить такого же энтузиазма.

Учитывая все обстоятельства, Телон вынужден был признать, что оказаться подальше от дома сейчас весьма кстати, хотя погода стояла ужасная, а его набожный дядя и вялые кузены слишком серьезно относились к своему участию в предрассветных молитвах и хмурились при одном упоминании о шлюхах. Телон усиленно размышлял над тем, как устроить сегодня ночью быстрое свидание с хорошенькой белокурой служанкой, чтобы снять напряжение, когда шумные откровения ремесленника за соседним столом направили его мысли в совершенно другое русло.

К сожалению, от некоторых неприятных фактов уйти было невозможно. Через несколько слишком коротких дней Телон окажется дома. Определенные заинтересованные лица довели до его сведения, что, если он хочет сохранить сильные и здоровые ноги, ему лучше приготовиться внести значительную сумму в счет погашения проигрыша в кости. Дядюшка Телона, проявлявший такое же ослиное упрямство в отношении азартных игр, как и в отношении девиц, не собирался давать ему никаких денег. Это было очевидно, несмотря на хорошее настроение дядюшки Эрита после успешной продажи сапог и плащей и прочего обмундирования для солдат и покупки грубо вырезанных предметов религиозного культа в городке восточнее армейского лагеря. Тракезийские солнечные диски из дерева, сообщил он Телону, пользуются очень большим спросом в Мегарии и еще большим по ту сторону гавани, в Батиаре. Можно получить хорошую прибыль, до пятнадцати процентов, после всех расходов. Телон героически сдерживал зевоту.

Он также решил, задолго до этого, не упоминать о том факте, что благочестие и щепетильность, по-видимому, не мешали дядюшке давать взятки хозяевам постоялых дворов. Все они хорошо знали Эрита и разрешали ему нелегально останавливаться на имперских постоялых дворах на этой дороге. Не то чтобы он жаловался, учтите, но дело в принципе.

— Будет ли большой самонадеянностью моей стороны, — говорил сейчас дядюшка Эрит, наклоняясь к рыжебородому, — попросить оказать мне честь и разрешить хотя бы краешком глаза взглянуть на вашу знаменитую подорожную? — Телона передернуло от его заискивающего подобострастия. Его дядюшка, лижущий чьи-то сапоги, — это было неприятное зрелище.

Лицо ремесленника потемнело.

— Ты думаешь, у меня ее нет? — возмущенно зарычал он.

Телон быстро поднял руку, чтобы скрыть очередную усмешку. Его дядюшка, который пил из вежливости кандарийское вино за счет рыжебородого, стал багровым, как это вино.

— Нет-нет, вовсе нет! Я уверен, что ты... конечно, ты... я просто никогда не видел печати или подписи высокочтимого канцлера Гезия. Такой прославленный человек. Служил трем императорам! Вы бы оказали мне честь, добрый господин! Всего один взгляд... почерк такого знаменитого деятеля... пример для моих сыновей.

«Мой дядюшка, — кисло подумал Телон, — стоит ему увидеть бумагу, замучает свою семью рассказом об этой подорожной, и, возможно, извлечет из этого мелкого события некую мораль, чтобы наставить чад и домочадцев. Добродетель, вознагражденная по заслугам». Телон отвлек себя размышлениями о том, какого рода примером мог стать евнух для его кузенов.

— Все в п-рядке, — ответил ремесленник из Батиары, величественно махнув рукой и чуть не опрокинув при этом последнюю бутылку вина. — Завтра пок-жу. Подорожная осталась в комнате наверху. В луч-чей к-мнате. Над кухней. Сегодня веч-ром до нее слишком далеко доби-раться. — Он расхохотался, по-видимому, считал себя очень остроумным. Дядюшка Эрит с явным облегчением тоже громко рассмеялся. «У него ужасно неубедительный смех», — решил Телон. Рыжебородый встал, подошел, качаясь, к их столу и снова налил Эриту вина. Неуверенно поднял бутылку, вопросительно глядя на кузенов

Телона, но они поспешно прикрыли ладонями свои стаканы, и Телон поневоле вынужден был сделать то же самое.

Внезапно он почувствовал, что больше не в силах этого вынести. Ему предлагают кандарийское вино, а он вынужден отказаться? Вот он сидит, в какой-то богом забытой дыре, без единой монеты в кармане, и всего несколько дней отделяют его от встречи, которая угрожает лишить его ног — и Джад знает, чего еще. Телон принял решение. Ему просто нужно было получить подтверждение мелькнувшей у него раньше догадке. Этот человек такой глупец.

— Прошу прощения, дядюшка, — сказал Телон, поднимаясь и прижимая руку к животу. Боюсь, мне надо облегчиться.

— Умеренность, — как и следовало ожидать, произнес дядюшка, предостерегающе поднимая указательный палец, — это достоинство, за столом, как и повсюду.

— Согласен! — воскликнул глупый ремесленник, разбавляя водой вино.

Направляясь к арке, ведущей в темную прихожую, Телон решил, что сейчас он получит удовольствие. Он не пошел к уборной в конце коридора, а бесшумно поднялся по лестнице. С замками он всегда справлялся легко.

Оказалось, что в этом даже нет необходимости.

— *Будь готова,* — про себя произнес Криспин. — *Думаю, мы поймали нашу рыбку.*

— *Ты говоришь, как настоящий рыбак*, — саркастически ответила Линон. — *Съедим ее с солью или под соусом?*

— *Не умничай, пожалуйста. Ты мне нужна.*

— *Без ума?*

Криспин проигнорировал вопрос.

— *Посылаю наверх девушку.*

— Котенок! — позвал он слишком громким голосом, плохо выговаривая слова. — Котенок!

Девушка, назвавшаяся Касией, быстро подошла, ее голубые глаза смотрели тревожно, она вытирала руки о бока туники. Криспин послал ей короткий, прямой взгляд, потом качнулся набок, пролив еще немного вина, и вытащил из кармана на поясе ключ от комнаты.

По правде говоря, он не имел представления, кто может соблазниться наживкой, которую он предлагал: незапертая дверь,

болтливый пьяница, прозрачные намеки, брошенные за ужином и вином. В самом деле, весьма вероятно, что никто на них не клюнет. У него не было плана отступления. Никаких сверкающих созвездий смальты. Дверь, по глупости оставленная открытой, неосторожные слова насчет кошелька наверху — вот и все, что он смог изобрести.

Но кажется, кто-то поддался этому искушению. Криспин не позволил себе задуматься об этике своего поступка, когда мрачный племянник, за которым он наблюдал, бросил на него слишком откровенный взгляд и отпросился выйти.

Он подслеповато прищурился снизу вверх, глядя на девушку, и ткнул дрожащим пальцем в Эрата из Мегария.

— Вот этот мой очень хороший друг хочет взглянуть на мою подорожную. На печать Гезия. Она в кожаном кошельке. На кровати. Ты знаешь комнату, над кухней. Пойди и принеси. И еще, Котенок... — Он сделал паузу и погрозил ей пальцем. — Я т-чно знаю, сколько в кошельке денег, Котенок.

Купец из Мегария слабо возражал, но Криспин подмигнул ему и ущипнул девушку за зад, когда она брала у него ключ.

— Комната недалеко для молодых ножек, — рассмеялся он. — Может, она потом ими меня обнимет. — У одного из сыновей купца вырвался тревожный смешок, но он тут же покраснел до ушей под быстрым взглядом отца.

Каршит за столом в противоположном конце зала громко расхохотался и помахал им кружкой пива. Криспин решил, когда только вошел в общий зал, что один из этой компании может выскользнуть из зала и подняться наверх. Он говорил достаточно громко, чтобы они услышали. Но, кажется, они непрерывно пили с середины вечера, и двое уже крепко спали, уронив головы на стол среди тарелок. Другие были не способны двигаться быстро.

Скучающий, злой племянник Эрита с тонкими губами и длинными, нервными руками сказал, что идет в уборную. Но пошел не туда, Криспин был в этом уверен. Он был той самой рыбой и попался на крючок.

«Если он идет в комнату с намерением украсть, — сказал себе Криспин, — то что бы ни случилось, он это заслужил». Криспин был совершенно трезв, ведь он пролил или раздал почти все свое вино. Ему вдруг пришло в голову, прежде чем он

успел прогнать от себя эту мысль, что где-то есть мать, которая любит этого юношу.

— *Он здесь,* — сказала Линон в комнате наверху.

Касия снова пошла наверх по лестнице, на этот раз быстро шагая мимо настенных факелов. От струи воздуха их пламя колебалось, бросая неровные тени и полосы света ей под ноги и за спину. Она несла ключ. Сердце ее сильно билось, но на этот раз по-другому. На этот раз была надежда, пусть и слабая. Там, где раньше царила непроглядная тьма, огонек свечи меняет мир. За окнами ничего не было видно. Но она слышала ветер.

Девушка поднялась наверх, прошла прямо к комнате над кухней. Дверь была приоткрыта. Он сказал, что она будет открыта. Он не объяснил, почему. Только сказал, если она кого-нибудь увидит в комнате, когда он пошлет ее наверх, — кого угодно, — она должна в точности сделать то, что он ей велел.

Она вошла в комнату. Остановилась у дверей. Увидела в темноте силуэт человека, которого застала врасплох. Он начал поворачиваться к ней. Она услышала, как он выругался. Но не поняла, кто он такой.

И закричала, как ей было велено.

* * *

Пронзительный крик девушки разнесся по постоялому двору. Они ясно его услышали, даже в шумном общем зале. Во внезапно наступившей после него полной тишине прозвучал следующий отчаянный вопль:

— Тут вор! Помогите! Помогите!

— Чтоб у него глаза выело! — взревел рыжебородый, который среагировал первым, и вскочил на ноги. В следующую секунду из кухни выскочил Моракс и побежал к лестнице. Но ремесленник, бегущий впереди него, почему-то рванул в другую сторону. Схватив толстую палку, стоявшую у входной двери, он бросился в ночную темноту.

— *Мыши и кровь!* — ахнула Линон. — *Мы прыгаем!* — Эти слова прозвучали в его голове сразу же вслед за криком девушки.

— *Куда?* — спросил Криспин, вскакивая внизу и разражаясь проклятиями, чтобы слышали другие, сидящие в зале.

— *А как ты думаешь, недоумок? Во двор, из окна! Быстрее!*

Вопль этой несчастной девки напугал его до потери пульса, вот в чем беда. Он был слишком громким, слишком... пронзительно испуганным. В нем было нечто большее, чем испуг при виде вора в спальне. Но у Телона не было времени разбираться в причинах этого; он только понял, почти сразу же после того, как поступил неправильно, что ему следовало спокойно повернуться к ней и со смехом приказать принести огня, чтобы ему легче было отыскать и принести имперскую подорожную, которую родианин обещал показать его дядюшке. Он мог бы легко объяснить, как ему внезапно захотелось услужить им и он поднялся в комнату наверху. Он — человек порядочный, путешествует с компанией достойных купцов. А зачем ему еще было приходить сюда, как вы считаете?

Ему следовало поступить именно так.

Вместо этого, охваченный паникой, чувствуя спазмы в желудке, он сообразил, что она не может разглядеть его как следует в темноте, и ухватился за эту спасительную мысль. Он сдернул с постели кошелек с бумагами, деньгами и еще с каким-то украшением, наполовину торчащим из него, и бросился к окну. Изо всех сил толкнул ставень, распахнул окно, перебросил ноги через подоконник и прыгнул.

В ночной темноте на это требовалось мужество. Телон понятия не имел, что находится внизу, во дворе. Он мог сломать ногу, попав ею в бочку, или шею в момент приземления. Но этого не случилось, хотя от толчка при падении вслепую он упал на колени в грязь. Он не выпустил из руки кошелек, быстро вскочил и побежал по грязному двору к сараю. Мысли проносились в голове, обгоняя друг друга. Если он бросит там кошелек на солому, то сможет вернуться назад ко входу в постоялый двор и увести погоню на дорогу, преследуя вора, которого якобы заметил, когда возвращался из уборной после крика девушки. Потом он заберет кошелек — или все ценное из него — перед отъездом.

Это был хороший план, рожденный быстрым умом и коварством. Он мог бы даже сработать, если бы не удар, от которого

Телон свалился без памяти и чуть не погиб, когда бежал через двор в тень сарая под скользящими по небу облаками и немногочисленными тусклыми звездами.

— Недоумок! Ты мог бы попасть в меня!

— Научись уворачиваться, — резко бросил Криспин. Он тяжело дышал. *— Извини. Мне было плохо видно.* — Двор освещали лишь слабые лучи света, проникающие из закрытых ставнями окон общего зала.

— Сюда! — крикнул Криспин. — Я его поймал! Света, чтоб вас всех! Света, во имя Джада!

Кричали люди, звучала смесь голосов, акцентов, языков, кто-то хрипел что-то на незнакомом диалекте. Над головами появился факел у открытой ставни его собственного окна. Он слышал приближающиеся шаги, громкие голоса, это люди из общего зала и слуги с другой стороны выбежали из передней двери и бросились к нему. Хоть какое-то развлечение в дождливую осеннюю ночь.

Криспин больше ничего не говорил и смотрел вниз при свете единственного факела над головой, а потом при постепенно разрастающемся оранжевом сиянии, когда его окружило кольцо людей: некоторые принесли с собой факелы.

— Храни нас, святой Джад! — сказал хозяин постоялого двора Моракс, задыхаясь от изнеможения. Он сбегал наверх, а потом снова вниз. Ограбление на постоялом дворе едва ли удалось бы сохранить в тайне, но тут все обстояло несколько иначе. Виновным оказался не слуга и не раб. Криспин, испытывая сложные чувства и понимая, что они только начали то, что им предстояло сделать, обернулся и увидел, как испуганный взгляд хозяина гостиницы быстро перенесся с его лица на ничего не выражающее лицо купца, Эрита, который уже стоял над телом племянника.

— Он мертв? — спросил, наконец, Эрит. Он не захотел сам опуститься на колени и проверить, отметил Криспин.

— Что происходит? Я ничего не вижу! Он засунул меня внутрь!

— Так слушай. Видеть почти нечего. Но помолчи. Теперь мне надо действовать осторожно.

— Теперь тебе надо действовать осторожно? После того, как я чуть не разбилась на кусочки?

— Прошу тебя, дорогая моя.

Криспин подумал о том, что он никогда ничего подобного птице не говорил. Наверное, Линон тоже об этом подумала. Она замолчала.

Один из кузенов все же опустился на колени и наклонился к распростертому человеку.

— Он жив, — сказал он, глядя на своего отца. Криспин на мгновение прикрыл глаза. Он ударил сильно, но не так сильно, как мог бы. Он все еще держал в руках этот посох.

Во дворе было холодно. Дул северный ветер. Никто не успел набросить плащ или накидку. Криспин чувствовал, как расползается грязь под его ногами, обутыми в сандалии. Дождь уже прекратился, хотя ветер пахнул дождем. Ни одной из лун не было видно, только звезды по очереди появлялись в просветах бегущих туч на южной стороне неба, у невидимых гор.

Криспин набрал в грудь воздуха. Пора было продолжать, и ему нужны слушатели. Он посмотрел прямо на хозяина гостиницы и сказал самым ледяным тоном, который дома приводил в ужас подмастерьев:

— Мне хотелось бы знать, хозяин, имеется ли у этого вора, да и у всей его компании, подорожная, дающая им право останавливаться на постоялом дворе имперской почты. Я хотел бы узнать это немедленно.

Во дворе вдруг наступила тишина, нарушаемая лишь шарканьем ног. Моракс буквально зашатался. Этого он никак не ожидал. Он открыл рот. Но не произнес ни звука.

Зазвучали новые голоса. Другие люди подходили к кругу из факелов. Криспин оглянулся и увидел ту девушку, Касию, которую волокли двое слуг, крепко держа с двух сторон за локти. Они обращались с ней отнюдь не мягко. Она споткнулась, они потащили ее вперед.

— Что происходит? Мне не видно!

— Девушка здесь.

— Сделай из нее героиню.

— Конечно. Как ты думаешь, зачем я послал ее наверх?

— А! Ты ведь сегодня днем размышлял.

— Я понимаю, это внушает тревогу.

— Отпустите ее, чтоб вас! — громко приказал он мужчинам, которые тащили Касию. — Эта девушка спасла мой кошелек и мою подорожную. — Они быстро отпустили ее. Криспин увидел, что она босая. Большая часть слуг ходили босиком.

Он снова неторопливо повернулся к Мораксу:

— Я не получил ответа на свой вопрос, хозяин. — Моракс беспомощно развел руками, потом умоляюще сложил ладони. Криспин увидел за спиной Моракса его жену. Глаза ее горели яростью, ни на кого в частности не направленной, но жгучей.

— Я отвечу на этот вопрос. У нас нет подорожной, Мартиниан. — Это произнес Эрит, дядя. Его узкое лицо казалось бледным при свете факелов. — Сейчас осень. Моракс так добр, что позволяет нам пользоваться его гостеприимством в те дни, когда на постоялом дворе не очень много народа.

— Этот постоялый двор полон, купец. И я полагаю, что доброта Моракса имеет свою цену, и эти деньги не пойдут в казну имперской почты. Я должен был оплатить перерасход твоему племяннику?

— *О, хороший ход! Выстрел из лука в них обоих!*

— *Линон! Замолчи!*

Ремешок кошелька оставался в руке племянника. Никто не осмеливался к нему прикоснуться. Лежащий в грязи Телон Мегарийский не шевелился с тех пор, как Криспин свалил его. Однако дышал он ровно. Криспин с облегчением заметил это. Убийство этого человека не входило в его планы, хоть он и понимал, что другой на его месте мог бы убить. «На севере воров вешают на дереве бога». Он действовал быстро, у него было мало времени на оценку и еще меньше на обдумывание того, почему он так поступает.

Эрит с трудом глотнул, но ничего не ответил. Моракс прочистил горло, взглянул на купца, потом опять на Криспина. Его жена стояла у него за спиной, и он это знал. Он сильно сгорбился и выглядел испуганным.

Криспин, превратившись из рыбака с наживкой в охотника с луком, ледяным тоном произнес:

— Выясняется, что этот презренный вор остановился здесь незаконно, с ведома наделенного полномочиями хозяина постоялого двора имперской почты. Сколько они тебе платят, Моракс? Гезий, возможно, захочет знать. Или Фастин, начальник канцелярии.

— Господин мой! Ты им расскажешь? — Голос Моракса сорвался на писк и оборвался. Это было бы смешно при других обстоятельствах.

— Ты, несчастный! — Криспину разъяренный тон давался с трудом. — Мою подорожную и кошелек украл человек, который

находится здесь только по причине твоей жадности, а ты спрашиваешь, буду ли я жаловаться? Ты даже еще ни слова не сказал о наказании, и я пока что вижу только, как притащили девушку, которая помешала краже! Как поступают с пойманным вором здесь, в Саврадии, Моракс? Я знаю, как поступают в Сарантии с управляющим имперским постоялым двором, который не оправдал оказанного доверия ради личной выгоды. Ты недоумок!

— *Ха! Только будь осторожен. Он может тебя убить, ведь его доход поставлен на карту.*

— *Я знаю. Но здесь полно людей.*

Криспин до боли ясно понимал, что никого из стоящих во дворе нельзя считать союзником. Большинство из них ночевали здесь нелегально и хотели в будущем сохранить эту возможность. В данный момент он представлял собой угрозу не только для Моракса.

— Все имперские постоялые дворы, почти все, осенью и зимой пускают на ночлег честных путешественников. В виде одолжения.

— Честных путешественников. В самом деле. Понятно. Я непременно приведу этот довод в твое оправдание, если канцлер спросит. Но я задал тебе другой вопрос: как здесь поступают с ворами? И как ты возмещаешь убытки пострадавшим постояльцам, которые ночуют здесь на законных основаниях?

Криспин увидел, как Моракс опять быстро взглянул на Эрита. Хозяин буквально умолял о чем-то.

Заговорил купец:

— Какое возмещение тебя устроит, Мартиниан? Я беру на себя ответственность за своего племянника.

Криспин, который заговорил о возмещении ущерба, горячо надеясь именно на такой ответ, повернулся к Эриту и сделал вид, что гнев уже покидает его.

— Достойное заявление, но он уже совершеннолетний, не так ли? И наверняка отвечает сам за себя.

— Должен отвечать. Но здесь проявились его... недостатки. Горе для его родителей. И для меня, уверяю тебя. Что надо сделать, чтобы все уладить?

— У нас дома воров вешают, — проворчал один из каршитов. Криспин бросил на него взгляд. Это был один из тех, кто недавно поднимал кружку с пивом за его здоровье. В его глазах горел пьяный огонь. Перспектива насилия, возможность поразвлечься в скучную ночь.

— Здесь их тоже вешают! — произнес чей-то голос из задних рядов толпы. Поднялся взволнованный ропот. Страсти разгорались. Плясал огонь факелов в холодном воздухе, толпа придвинулась ближе.

— Или отрубают им руки, — с притворным равнодушием заметил Криспин. Он оттолкнул факел, оказавшийся слишком близко от его лица. — Мне все равно, чего требует здешний закон. Делайте с ним, что хотите. Эрит, ты — честный человек, я вижу. Ты не можешь возместить риск потери моей подорожной, но удвой сумму в моем кошельке — сумму, которой я мог бы лишиться, — и меня это устроит.

— Договорились, — без промедления ответил купец. Это был высохший, чопорный человек, но он внушал определенное уважение.

Криспин сказал, стараясь сохранить тот же небрежный тон:

— И еще выкупи для меня девушку, которая спасла мой кошелек. Ты сам договорись о цене с хозяином. И не позволяй ему себя надуть.

— Что? — вскинулся Моракс.

— Эту девушку! — тревожно воскликнула его жена у него за спиной. — Но...

— Договорились, — снова повторил Эрит, довольно спокойно. У него на лице отражалось легкое неодобрение и одновременно облегчение.

— Мне понадобятся слуги для дома, когда я доберусь до Города, а я перед ней в долгу. — Они решат, что он — жадная свинья из Родиаса; и хорошо, и прекрасно. Криспин нагнулся и выдернул ремешок кошелька из пальцев распростертого человека. Выпрямился и посмотрел на Моракса.

— Я понимаю, что не только ты так поступаешь. Другие хозяева постоялых дворов тоже так делают. Я по натуре не доносчик. Предлагаю тебе назначить цену Эриту Мегарийскому по справедливости, и я готов доложить, что благодаря вмешательству одной из твоих честных и хорошо обученных служанок мне не нанесли большого ущерба.

— Значит, его не повесят? — разочарованно спросил каршит. Эрит мрачно посмотрел на него.

Криспин слегка улыбнулся:

— Понятия не имею, что с ним сделают. Мне наплевать. Меня здесь не будет. Меня вызывает император, и я не собираюсь задерживаться, даже ради суда и повешения. Мне представляется, что добросердечный Моракс, глубоко огорченный тем, что нам пришлось выйти на холод, собирается предложить кандарийского вина всем, кто ощущает потребность согреться. Я прав, хозяин?

Окружившая их толпа разразилась радостным смехом и одобрительными возгласами. Криспин улыбнулся еще шире в ответ на взгляды из толпы.

— *Еще раз хорошая работа. Мыши и кровь! Неужели мне придется начать тебя уважать?*

— *Этого мы не переживем.*

— Муж! Муж! — настойчиво дергала Моракса жена уже в третий или четвертый раз. При свете факелов казалось, что ее лицо покрылось красными пятнами. Криспин видел, как она уставилась на Касию. Девушка выглядела ошеломленной, непонимающей. Или так и было, или она изумительная актриса.

Моракс не обернулся к жене. Он прерывисто вздохнул, взял Криспина за локоть и увлек на несколько шагов в темноту.

— Канцлер? Начальник канцелярии? — прошептал он.

— У них есть более неотложные дела. Я не стану их беспокоить. Эрит возместит мне риск потери, а ты продашь девушку и оформишь все необходимые бумаги с подписями в качестве компенсации. Назначь справедливую цену, Моракс.

— Господин, ты хочешь... именно эту девушку, из всех остальных?

— Все они мне вряд ли пригодятся, хозяин. Эта девушка спасла мой кошелек. — Он позволил себе еще раз улыбнуться. — Она твоя любимица?

Хозяин заколебался.

— Да, господин.

— Хорошо, — резко произнес Криспин. — Должен же ты тоже что-нибудь потерять на этой истории, хотя бы светловолосую любовницу. Выберешь другую из своих девушек, на которую можно забираться в темноте, пока жена спит. — Он замолчал, улыбка исчезла с его лица. — Я проявляю щедрость, хозяин.

Это было правдой, и Моракс это понимал.

— Я не... то есть она не... моя жена... — Хозяин постоялого двора осекся. Сделал дрожащий вдох. — Да, мой господин. — Он попытался улыбнуться. — У меня и правда есть другие девушки.

Криспин понимал, что это значит.

— *Я тебе говорила,* — сказала Линон.

— *Ничего не поделаешь,* — молча ответил он. В этой истории было много вопросов, на которые он не мог ответить. Вслух он сказал:

— Я говорю серьезно, Моракс, — назначь Эриту очень справедливую цену. И подай нам вино.

Моракс с трудом глотнул и мрачно кивнул головой. Криспин не стал его жалеть. Дорогое вино будет единственной потерей для хозяина, а Криспину было нужно, чтобы другие постояльцы почувствовали к нему расположение и чтобы Моракс об этом знал.

Начался дождь. Криспин посмотрел вверх. Темные тучи закрыли небо. Лес находился на севере, очень близко, его присутствие чувствовалось. Кто-то подошел к ним из темноты за светом факелов: крепкий, внушающий уверенность человек, в руках он держал плащ Криспина. Криспин коротко улыбнулся ему.

— Все в порядке, Варгос. Мы пойдем в дом. — Варгос кивнул, внимательно наблюдая за происходящим.

Телона Мегарийского подняли на руки и понесли в дом. Его дядя и двоюродные братья шагали рядом; слуги несли факелы. Девушка, Касия, не решалась идти в дом, и жена хозяина тоже медлила, ее взгляд источал яд.

— *Что происходит?*

— *Ты слышала. Мы возвращаемся в дом.*

— Иди наверх, Котенок, — мягко произнес Криспин, направляясь к свету. — Тебя мне продадут. Больше у тебя нет обязанностей в этом доме, понятно? — Несколько мгновений она не шевелилась, глаза ее были огромными, потом она один раз кивнула, дернув головой, как кролик. Он видел, что она дрожит. — Жди меня в комнате. Я выпью обещанного мне хорошего вина, а потом приду. Согрей ложе. Смотри, не усни. — Важно было говорить небрежным тоном. Она — рабыня, купленная по минутной прихоти; больше ему ничего не известно.

— Насчет вина, господин... — Стоящий рядом Моракс говорил тихо, тоном соучастника. — Кандарийское? Большинство из них все равно не почувствуют разницы, мой господин. — И это была правда.

— Мне все равно, — холодно ответил Криспин.

А вот это было неправдой. Ему это было почти неприятно. Вино кандарийских островов славилось повсюду, оно было

слишком хорошим, чтобы расходовать его зря. При обычных обстоятельствах.

— *Мыши и кровь, ремесленник. Ты все же недоумок. Ты ведь знаешь, что будет завтра?*

— *Конечно, знаю. Ничего не поделаешь. Мы не можем остаться. Я рассчитываю, что ты нас защитишь.* — Он хотел, чтобы это прозвучало с иронией, но получилось не совсем так. Птица не ответила.

Где-то в том лесу, у дороги, стоит дерево бога, а завтра День Мертвых. И вопреки тому, что советовал Зотик, им придется уйти отсюда и отправиться в путь с восходом солнца или даже раньше.

Криспин вошел в дом вместе с хозяином. Отослал наверх девушку с ключом. Снова сел за стол в общем зале, чтобы выпить бутылку-другую вина, предусмотрительно разбавленного водой, и завоевать расположение тех, кто разделил с ним это угощение, насколько это возможно. На этот раз он оставил при себе кошелек с деньгами, подорожной и птицей.

Через некоторое время снова появился Эрит Мегарийский, который уже закончил переговоры с Мораксом. Он вручил Криспину бумаги, в которых указывалось, что девушка-рабыня из племени иниций, Касия, является теперь законной собственностью ремесленника Мартиниана Варенского. Эрит также настоял на том, чтобы уладить вопрос с компенсацией, о которой они договорились. Криспин разрешил ему пересчитать содержимое своего кошелька. Эрит достал свой кошелек и выложил такую же сумму. Каршитские купцы наблюдали за ними, но они сидели слишком далеко и почти ничего не могли разглядеть.

Эрит согласился выпить только маленькую чашу вина, в знак дружеского расположения. У него был очень усталый и грустный вид. Он снова извинился за недостойное поведение племянника и через несколько минут собрался уходить. Криспин встал и обменялся с ним поклонами. Этот человек вел себя безупречно. Собственно говоря, на это Криспин и рассчитывал.

Глядя на бумаги и на довольно тяжелый кошелек, лежащие на столе рядом с ним, Криспин прихлебывал хорошее вино. Он надеялся, что компания из Мегария уедет утром еще раньше, чем он сам, если племяннику позволят уехать. Он подозревал, что для этого Эриту придется пойти на дальнейшие расходы, если он еще этого не сделал. И обнаружил, что надеется именно

на это. Молодой человек был вором, но его подтолкнули к этому преступлению, и за это он поплатился разбитой головой, а после ему еще хорошенько достанется от родственников. Криспину не особенно хотелось, чтобы из-за него этого юношу повесили на языческом дубе в Саврадии.

Он огляделся. Оживленные каршиты и несколько других гостей — в том числе веселый курьер в серой одежде — поглощали красное кандарийское вино неразбавленным, они глотали его залпом, как пиво. Ему удалось не поморщиться от этого зрелища, и он поднял свой кубок, приветливо салютуя им. Криспин чувствовал, что находится очень далеко от своего собственного мира. Обычные обстоятельства остались далеко позади, дома, за городскими стенами. Ему тоже следовало остаться там, создавая прекрасные образы из тех материалов, которые были под рукой. Здесь красоты не было.

Ему пришло в голову, что не следовало бы оставлять новую рабыню одну слишком надолго, даже при наличии замка на двери. Если она сейчас исчезнет и не объявится, он ничего не сможет поделать. Он поднялся наверх.

— *Ты собираешься в нее засадить*? — неожиданно хихикнула Линон. Грубость этого выражения, патрицианский голос и настроение Криспина резко противоречили друг другу. Он не ответил.

У девушки был ключ. Он тихо постучал и окликнул ее. Она отодвинула засов, узнав его голос, и открыла дверь. Он вошел, закрыл дверь и снова задвинул засов. В комнате было очень темно. Она не зажгла свечи, снова закрыла ставни и заперла их на крючки. Он слышал шум дождя снаружи. Она стояла очень близко от него и молчала. Криспин был смущен, он остро ощущал ее присутствие и все еще гадал, почему сегодня поступил именно так, а не иначе. Касия с шорохом опустилась на колени, смутная женская фигура, потом склонила голову и поцеловала его ступню раньше, чем он успел ее убрать. Кай быстро шагнул назад, прочистил горло, не зная, что сказать.

Он отдал ей верхнее одеяло с постели и велел ложиться спать на лежанке для слуги у дальней стенки. Она все время молчала. Отдав ей это распоряжение, он тоже замолчал. Лег в постель и долго прислушивался к шуму дождя. Он думал о царице антов, чью ступню сам целовал перед тем, как отправиться в путешествие. Вспоминал, как жена сенатора стучалась к нему в дверь. Другой постоялый двор. Другая страна. В конце концов

он уснул. Ему снился Сарантий, как он создает там мозаику из сверкающей смальты и из любых сияющих драгоценных камней, какие только ему нужны: на ней были изображены огромный купол дуба в роще и зигзаги молний в синевато-багровом небе.

За подобное богохульство его бы сожгли, но это был всего лишь сон. Никто не умирает из-за своих снов.

Криспин проснулся в темноте перед рассветом. В течение нескольких мгновений пришел в себя, спрыгнул с постели и прошел по холодному полу к окну. Открыл ставни. Дождь прекратился, но с крыши еще капало. Стоял плотный туман. Криспин едва различал двор внизу. Там двигались люди — среди них должен быть и Варгос, седлающий мула, — но звуки доносились приглушенно, словно издалека. Девушка уже проснулась. Она стояла рядом со своей лежанкой, бледная, худая, похожая на призрак, и молча наблюдала за ним.

— Поехали, — через секунду сказал он.

Вскоре они уже шли по дороге, втроем, шагали на восток в окутанном туманом, сумеречном мире. Рассвет Дня Мертвых наступил, но солнце не взошло.

Глава 4

Варгос из племени иниций не был рабом.

Разумеется, многие из наемных слуг на почтовых постоялых дворах, стоящих на основных имперских дорогах, были рабами. Но Варгос выбрал эту работу по собственной воле, и он без промедления сообщал об этом тем, кто обращался к нему не так, как следовало. Он подписал свой второй контракт на пять лет три года назад и носил копию с собой, хоть и не мог ее прочесть. Два раза в год он получал жалованье, кроме того, ему были гарантированы комната и стол. Это немного, но за эти годы он два раза покупал новые сапоги, приобрел шерстяной плащ, несколько туник, эсперанский кинжал и мог предложить шлюхе пару медных фоллов. Имперская почта предпочитала, естественно, рабов, но их не хватало, так как император Апий когда-то решил мирно договориться с северными варварами, а не усмирять их силой. Для сопровождения на дорогах требовались крепкие парни. Некоторые из таких крепких парней, в том числе и Варгос, были северными варварами.

Дома отец Варгоса часто высказывал свои взгляды — обычно сопровождая высказывания ударом кулака по столу и расплескиванием пива, — на работу и военную службу у толстозадых слабаков из Сарантия, но Варгос имел привычку не соглашаться с родителем по этому вопросу. Собственно говоря, именно после последнего такого спора он и покинул ночью деревню и отправился на юг.

Он уже не мог вспомнить подробностей того спора. Кажется, шла речь о предрассудках насчет вспашки при полной голубой луне, — но спор закончился тем, что старик, с головы которого капала кровь, неторопливо поставил на щеке младшего сына клеймо при помощи охотничьего ножа, пока братья и дяди Варгоса охотно прижимали его к земле. Несмотря на то что тогда Варгос яростно сопротивлялся и даже причинил немалый ущерб, позже он вынужден был признаться самому себе, что этот шрам он, вероятно, заслужил. У инициев не принято избивать отца до полусмерти поленом в пылу сельскохозяйственного спора.

Тем не менее он не стал задерживаться в ожидании дальнейших дискуссий или семейного порицания. За пределами их деревни лежал целый мир, а в самой деревне у младшего сына не было почти никаких перспектив. Варгос вышел из дома той же весенней ночью. Обе почти полные луны стояли высоко над только что засеянными полями и густыми, хорошо знакомыми лесами. Он обратил свое изуродованное лицо к далекому югу и ни разу не оглянулся.

Конечно, он хотел поступить в армию императора, но кто-то в придорожной таверне упомянул о том, что в почтовых постоялых дворах есть вакансии, и Варгос решил попытать счастья там, хотя бы в течение пары сезонов.

Это произошло восемь лет назад. Удивительно, если задуматься: как наскоро принятые решения становятся твоей жизнью. С тех пор он обзавелся новыми шрамами, потому что на дорогах было действительно опасно, а голодные люди легко превращались в разбойников в Савradии, но работа Варгоса устраивала. Он любил открытые пространства, ему не надо было кланяться какому-то одному хозяину, и он не разделял закоренелой ненависти своего отца к Империям — ни к Сарантийской, ни к прежней, в Батиаре.

Хотя его знали как человека не слишком общительного, у него теперь появились знакомые на каждом почтовом постоялом дворе и в каждой придорожной таверне от границы с Батиарой до Тракезии. Поэтому ему доставалась довольно чистая солома или лежанка для сна, он мог иногда зимой посидеть у очага, получал еду и пиво, а некоторые девушки проявляли снисходительность в тех случаях, когда их не занимали клиенты. Ему помогало то, что он был человеком свободным и мог потратить монету-другую. Он никогда не выходил за пределы Савradии. Большинство служащих имперской почты останавливались в их провинции, а у Варгоса никогда не возникало ни малейшего желания забрести дальше на юг, чем восемь лет назад, когда из его щеки сочилась кровь.

До этого утра, в День Мертвых, рыжеволосый родианин, который нанял его на постоялом дворе в Лауцене, у границы, отправился в путь в тумане от дома Моракса вместе с рабыней, предназначенной в жертву богу Дуба.

Варгоса обратили в веру джадитов много лет назад, но это не означало, что человек, родившийся у северной окраины Древней Чащи, не способен узнать девушку, которую отдали дереву. Она сама принадлежала к племени иниции. Ее продали работорговцу, возможно, даже из деревни или с фермы, лежащей неподалеку от его собственной. В ее глазах и во взглядах, которые бросали на нее некоторые мужчины и женщины, Варгос еще вчера вечером прочел определенные признаки. Никто не сказал ни слова, но этого и не требовалось. Он знал, какой день наступит завтра.

Обращение Варгоса к вере в бога Солнца, а вместе с ней и к вере в Геладикоса, смертного сына бога, было искренним. Он молился каждый день на рассвете и на закате, ставил свечи в часовнях великомученикам, постился в те дни, когда необходимо соблюдать пост. И теперь он не одобрял старых обычаев, от которых отказался: бога Дуба, деву Урожая, бесконечную жажду крови и поедание сырого человеческого сердца. Но он никогда бы не посмел вмешаться, и он не вмешивался в те два раза, когда находился здесь, у Моракса, недалеко от южного дерева бога в этот день.

«Это меня не касается», — сказал бы он, если бы эта мысль пришла ему в голову или если бы ее высказал кто-нибудь другой. Слуга не станет звать имперскую армию или священников, чтобы помешать языческому жертвоприношению. Не станет, если хочет продолжать жить и работать на этой дороге. А что та-

кое одна девушка в год из всех? Два лета подряд бушевала чума. Смерть была повсюду, среди них.

Рыжеволосый путешественник из Батиары ничего не обсуждал с Варгосом. Он просто купил эту девушку — или ее для него купили — и собирался увести с собой, чтобы спасти ей жизнь. Его выбор мог оказаться случайным совпадением, но это было не так, и Варгос знал об этом.

Они собирались провести здесь две ночи, чтобы не идти в такой день по дороге.

Именно так поступил бы любой мало-мальски предусмотрительный человек, оказавшийся в Саврадии в День Мертвых. Но вчера поздно ночью, прежде чем подняться к себе в комнату, после исключительно странной поимки вора, Мартиниан Варенский вызвал Варгоса в коридор из комнаты для слуг и сказал, что он с девушкой все-таки собирается уйти завтра, еще до рассвета.

Варгос, несмотря на всю свою неразговорчивость, не смог удержаться и повторил:

— Завтра?

Путешественник из Родиаса, неожиданно трезвый после выпитого вина в шумной компании в общем зале, долгое мгновение смотрел на Варгоса в тускло освещенном коридоре. Трудно было разглядеть выражение его лица под густой бородой, в темноте.

— Мне кажется, здесь оставаться опасно. — Вот и все, что он сказал на родианском. — После всего, что случилось.

«А снаружи и вовсе опасно», — подумал Варгос, но не произнес этого вслух. Он решил, что его проверяют или пытаются что-то сообщить, не прибегая к помощи слов. Но он не был готов услышать то, что было сказано дальше.

— Завтра День Мертвых, — сказал Мартиниан, осторожно выбирая слова. — Я не буду требовать, чтобы ты пошел с нами. Ты не обязан делать это ради меня. Если предпочитаешь остаться, то я отпущу тебя и найму другого, когда смогу.

Варгос знал, что завтра он никого не наймет. Все будут очень сожалеть, но не найдется свободного человека, который согласился бы отправиться в путь с ремесленником. Даже за пригоршню серебряных солидов.

Но ему этого и не понадобится.

Варгосу уже приходилось пару раз в жизни быстро принимать решения. Он покачал головой.

— Ты нанимал человека до границы с Тракезией, насколько я припоминаю. Я буду готов вместе с мулом до начала молитвы на заре. Свет Джада будет хранить нас в течение дня.

Его наниматель был не из тех, кто охотно улыбается, но тут он быстро улыбнулся и положил ладонь на плечо Варгоса, а потом пошел к лестнице. Но перед уходом сказал:

— Спасибо, друг.

За восемь лет никто никогда раньше вот так не предлагал освободить его от обязанностей и не благодарил нанятого на короткое время слугу лишь за то, что он оказывает — или продолжает оказывать — услуги согласно контракту.

В конце концов, вернувшись на узкую лежанку и оттолкнув локтем разлегшегося, храпящего тракезийца, Варгос решил, что это означает две вещи.

Во-первых, что Мартиниан хорошо понимал, что он делает, когда заставил торговца выкупить для него эту девушку. А во-вторых, что теперь Варгос — на его стороне.

Его всегда привлекало мужество. Мужество Джада, который в своей колеснице сражался с холодом и тьмой каждую долгую ночь за нижней гранью мира. Мужество Геладикоса, поднимающего своих коней в заоблачную высь, чтобы принести на землю огонь своего отца. И мужество одинокого путника, рискующего собственной жизнью ради девушки, которую приговорили к страшной смерти на следующий день.

Варгос встречал на этой дороге многих прославленных людей. Купцов, князей, аристократов из самого Сарантия, разодетых в белые с золотом одежды, солдат в бронзовых доспехах и в цветах своих полков, суровых, обладающих огромной властью священников господа. Несколько лет назад сам Леонт, верховный стратиг всех армий Империи, проезжал по этой дороге с отборным отрядом гвардии на обратном пути из Мегария на восток. Они сначала наведались в военный лагерь неподалеку от Тракезии, затем отправились на северо-восток, на борьбу с мятежными племенами москавов. Варгос, стоящий в густой толпе мужчин и женщин, сумел увидеть лишь промелькнувшие золотистые волосы, а люди вдоль дороги восторженно кричали. Это было в год после великой победы над бассанидами за Эвбулом и после триумфа, который император устроил Леонту на ипподроме. Даже в Саврадии слышали об этом. Со времен Родиаса ни один император не устраивал в честь стратига подобных процессий.

Но именно этот художник из Варены, потомок легионов, родиан, человек той крови, которую Варгоса с детства учили ненавидеть, совершил самый смелый поступок прошлой ночью и теперь не отступился. И Варгос был намерен следовать за ним.

Мало шансов, что им удастся уйти далеко, мрачно думал он. «Свет Джада будет хранить нас», — сказал он в коридоре прошлой ночью. Но света почти не было, когда они вывели мула со двора в черную, все скрывающую завесу предрассветного тумана. Скоро впереди взойдет бледное осеннее солнце, а они даже не узнают об этом.

Они втроем вышли из двора в неестественной, глухой тишине. Мужчины — или расплывчатые их очертания — стояли и смотрели, как они идут. Никто не предложил помочь, хотя Варгос знал здесь всех. Они не прикоснулись ни к еде, ни к питью, следуя указаниям Мартиниана. Варгос знал почему. Но все еще не понимал, откуда знает Мартиниан.

Девушка шла босиком, закутанная в запасной плащ ремесленника, пряча лицо под капюшоном. Никто из других постояльцев не тронулся в путь, только купцы из Мегария ушли еще раньше, в полной темноте, унося раненого на носилках. Варгос, который уже проснулся и седлал мула при свете факела, видел, как они уходили. Сегодня они не уйдут далеко, но у них не было другого выбора, они вынуждены были идти дальше. Там, где родился Варгос, пойманный с поличным вор был бы первым кандидатом на повешение на Древе Людана.

Здесь могло быть по-другому. Девушка была назначена жертвой. Они могли выбрать другую или могли не отпустить ее, опасаясь в этом случае накликать неудачу на весь год. На юге все было по-другому. Здесь осели разные племена, разные истории оставили свой отпечаток. Способны ли они убить его и батиарца, чтобы отнять ее? Почти наверняка, если она им нужна, а мужчины будут сопротивляться. Это жертвоприношение было самым священным обрядом года в старой вере; попытка помешать ему сулила верную смерть.

Варгос был совершенно уверен, что Мартиниан будет сопротивляться.

Он несколько удивился, ощутив в себе такую же уверенность, холодный гнев взял верх над страхом. Когда они покидали двор, он прошел мимо старшего конюха, Фара, массивной фигуры в тумане. Фар смотрел на них многозначительным взглядом, в его позе не чувствовалось ни малейшего почтения,

и хотя Варгос знал его уже много лет, он не колебался. Он остановился перед этим человеком ровно на столько мгновений, чтобы сильным взмахом нижнего конца посоха ударить его между ног, не произнеся ни звука. Конюх пронзительно завизжал, рухнул в грязь, вцепившись руками в промежность, и стал кататься по холодной, мокрой земле.

Варгос низко нагнулся в тумане и тихо прошептал на ухо задыхающемуся, извивающемуся человеку:

— Предупреждаю. Оставьте ее в покое. Найдите другую, Фар.

Он выпрямился и пошел вперед, не оглядываясь. Он никогда не оглядывался, с тех пор как ушел из дома. Он видел, как смотрят на него Мартиниан и девушка, закутанные в плащи тени на почти невидимой поверхности дороги. Он пожал плечами и сплюнул.

— Мы поссорились, — объяснил он. Он знал, они понимают, что это ложь, но некоторые вещи лучше не произносить вслух, так всегда считал Варгос. Например, он не сказал им, что предполагает встретить смерть еще до полудня.

Ее мать называла ее «эримицу» — «умная» на их диалекте. Ее сестра была «каламицу», что означало «красивая», а брат, конечно, был «сангари», то есть «любимый». Ее брат и отец умерли прошлым летом. Их тела покрылись черными язвами, кровь текла изо рта, когда они пытались кричать, в самом конце. Их похоронили в яме вместе с остальными. Осенью оставшаяся с двумя дочерьми мать, перед лицом наступающей зимы и неизбежного голода, продала одну из дочерей работорговцу: ту, у которой, возможно, хватит ума выжить в далеком, жестоком мире.

У Касии уже была репутация, которая дома лишала ее почти всякой возможности выйти замуж. Чересчур умная и чересчур тощая, по меркам племени, где женщины ценились за пышные бедра и округлые формы, которые сулили тепло во время долгих холодов и легкие роды. Ее мать сделала жестокий и горький выбор, но в тот год, когда первые снега легли на горы над ними, этот случай не был уникальным. Каршитские работорговцы знали, что делали, когда в конце осени отправились в северные деревни Тракезии, а затем Саврадии, неторопливо собирая свой урожай.

Мир полон горя, поняла Касия, когда уже не могла плакать,

пройдя две ночи на юг со скованными руками. Мужчины рождены для горестей, но женщины знают о них больше. Она лежала в темноте, на холодной земле, повернув голову в сторону и наблюдая за последними искрами умирающего костра, когда двое работорговцев лишили ее девственности.

Год жизни на постоялом дворе Моракса не изменил ее мнения, хотя она не голодала и научилась избегать слишком частых побоев. Она выжила. К этому времени ее мать и сестра, возможно, уже умерли. Ей это было неизвестно. Не было способа узнать. Иногда мужчины причиняли ей боль, в верхних комнатах, но не всегда и не многие. Если ты умна, то можешь научиться скрывать свой ум и окутывать себя терпеливым равнодушием, словно плащом. И так проводишь дни и ночи, ночи и дни. Первая зима на этом чужом юге, весна, лето, затем снова наступила осень, с летящими листьями и воспоминаниями, которых хочется избежать.

Стараешься никогда не вспоминать о доме. Как ты была свободна, могла выйти за дверь, когда работа закончена, пойти вдоль ручья на холм, туда, где можно было посидеть в полном одиночестве. Над головой кружили ястребы, а вокруг нее шныряли быстрые лесные зверьки, на которых ястребы охотились. Она слушала биение сердца земли и мечтала среди бела дня с открытыми глазами. Здесь мечтать невозможно. Здесь надо терпеть, закутавшись в плащ. Кто сказал, что земное существование обещает больше?

До того дня, когда понимаешь, что тебя собираются убить, и с искренним изумлением осознаешь, что хочешь жить. Что жизнь почему-то все еще горит внутри, как упрямые угольки в костре, более жгучие, чем страсть или горе.

На почти неразличимой дороге, шагая на восток вместе с двумя мужчинами в сером, поглощающем звуки тумане, в День Мертвых, Касия смотрела, как они пытаются справиться со страхом перед реальной опасностью, и не могла сдержать радости. Она старалась скрыть ее, как скрывала все чувства целый год. Она боялась, что если улыбнется, они сочтут ее дурочкой или сумасшедшей, поэтому держалась поближе к мулу. Она ухватилась рукой за веревку и старалась не встречаться взглядом со спутниками, когда туман рассеивался и открывал их лица.

За ними могут следить. Они могут умереть здесь, на дороге. В этот день совершаются жертвоприношения, и мертвые выходят из могил. Могут бродить демоны в поисках смертных душ.

Ее мать в это верила. Но Касия в тумане перед рассветом сбегала к кузнице и отыскала в тайнике нож. Она сможет убить кого-нибудь или себя, прежде чем они заберут ее для Людана.

Она видела Фара, главного конюха, во дворе, когда они шли мимо. Он напряженно нагнулся вперед, он продолжал следить за ней, как делал это в последние два дня. И хотя его глаза почти скрывал серый туман, она чувствовала его ярость. Внезапно она подумала, не он ли здешний жрец дуба, который вырезает у жертвы сердце.

Потом Варгос, который раньше был просто одним из многих служащих на дороге, человеком, который так часто ночевал у них, не обменявшись с ней ни единым словом, остановился перед Фаром и врезал ему посохом между ног.

Именно тогда, когда Фар со свистом втянул воздух и рухнул на землю, Касии пришлось изо всех сил скрывать свою радость. С каждым шагом, сделанным по дороге после этого удара, она все острее чувствовала себя рожденной заново, созданной заново. Туман окутывал их, словно одеяло, словно материнское лоно, в десяти шагах впереди и позади ничего не было видно.

Это неправильно, она это знала. Сегодня здесь, под открытым небом, бродила смерть, и ни одному человеку в здравом рассудке не следовало здесь находиться. Но смерть уже позвали, она уже ждала ее на постоялом дворе наверняка, а в тумане она могла ее и не найти. С какой стороны ни посмотри, один шанс лучше, чем никакого. И еще у нее есть ее ножик.

Варгос шел впереди, родианин сзади. Они шагали в полной тишине, лишь иногда приглушенно фыркал мул, и поскрипывал груз у него на спине. Они прислушивались, то глядя вперед, то оглядываясь назад. Мир съежился, превратился почти в ничто. Они двигались, ничего не видя, в бесконечной серости по прямой дороге, которую построили родиане пятьсот лет назад во времена расцвета и славы их Империи.

Касия думала о шагающем позади нее родианине. Она должна быть готова умереть за него, за то, что он сделал. Собственно говоря, так оно, может быть, и будет. Но она была «эримицу» и думала слишком много, себе во вред. Так говорила ее мать, и ее отец, и брат, и тетки — почти все.

Она не знала, почему он не прикоснулся к ней ночью. Возможно, он предпочитает мальчиков, или считает ее слишком худой, или просто он устал. Или он проявил доброту. Она почти ничего не знала о доброте.

В середине ночи он позвал кого-то по имени. Касия уже задремала на своей лежанке, полностью одетая, и вдруг проснулась от звука его голоса. Она не могла вспомнить то имя, а он не проснулся, хотя она ждала, прислушиваясь.

Еще она не понимала, откуда он узнал, что надо бежать во двор, а не наверх, вместе со всеми, когда она закричала. Иначе вор мог бы убежать. В комнате было темно; она не могла бы его узнать. Шагая рядом с мулом, Касия вгрызалась в эту загадку, словно собака в косточку с остатками мяса, но в конце концов сдалась. Она плотнее закуталась в плащ Мартиниана. Сырой холод пронизывал до костей. На ней не было обуви, но она к этому привыкла. Касия смотрела налево и направо и ничего не видела за пределами дороги, даже саму дорогу под ногами едва различала. Легко было провалиться в канаву. Она знала, где находится лес, справа от них, и знала, что, когда они уйдут дальше на восток, лес окажется еще ближе.

Примерно в середине утра, насколько они могли судить, они подошли к одной из придорожных часовен. Касия даже не заметила ее, пока Варгос не заговорил вполголоса, и они остановились. Она всмотрелась в серую пелену и разглядела темные очертания крохотной часовни. Они прошли бы мимо, если бы Варгос ее не искал. Мартиниан объявил остановку. Стоя на месте, все время прислушиваясь к звукам со всех сторон, они быстро проглотили по ломтю хлеба с пивом и разделили круг сыра, который Варгос взял со стола для слуг. Когда они покончили с едой, Варгос бросил на Мартиниана вопросительный взгляд. Касия видела, что рыжебородый колеблется, потом он кивнул головой. И повел их в пустую часовню, чтобы помолиться Джаду. Где-то сияло уже вставшее солнце. Касия слушала, как двое мужчин поспешно читали молитву, и вместе с ними повторяла выученные слова: «Да будет Свет для нашей жизни, господи, и Свет вечный, когда придем мы к тебе».

Они снова вышли в туман, отвязали мула и двинулись в путь. Совсем ничего не было видно. Впереди мир заканчивался на Варгосе. Это было похоже на ходьбу во сне, течение времени прекратилось, не было ощущения движения, холодные камни дороги под ногами уводили все дальше и дальше.

У Касии был очень хороший слух. Она услышала голоса раньше мужчин.

Протянула руку, дотронулась до руки Мартиниана и указала назад. В то же самое мгновение Варгос очень тихо сказал:

— Они приближаются. Налево, вон туда. Переходите на ту сторону.

Короткий, плоский мостик для повозок был переброшен через канаву и вел в поля. Она бы его сама не заметила. Они перевели по нему мула, немного прошли по мокрой, покрытой стерней земле в непроницаемо плотном сером тумане и остановились. Прислушались. Теперь сердце Касии стремительно билось. «Они все-таки пришли за мной. Ничего не закончилось. Нам не следовало останавливаться для молитвы», — подумала она.

«Да будет Свет». Света не было. Совсем.

Мартиниан стоял по другую сторону от мула, рыжий цвет его волос и бороды выцвел в сером тумане. Касия видела, как он заколебался, потом молча вынул старый тяжелый меч из веревочных петель у мула на боку. Варгос наблюдал за ним. Они теперь ясно слышали звуки, голоса, приближавшиеся с запада: люди разговаривали слишком громко, чтобы подбодрить себя. На дороге слышались шаги — восьми или десяти человек? — приглушенные, но очень близкие, по ту сторону канавы. Касия старалась их разглядеть и молилась, чтобы ей это не удалось. Если туман рассеется хотя бы на мгновение, они погибли.

Потом она услышала рычание и резкий, настойчивый лай. Они привели собак. Конечно. А все собаки знают ее запах. Они действительно погибли.

Касия одной рукой обхватила мула, почувствовала его нервозность и молча приказала ему не подавать голос. Нащупала свой нож. В ее власти умереть раньше, чем они ее схватят, хотя бы это она может. Ее короткая, безумная радость угасла, исчезла быстро, как птица, в окружающей их серости.

Касия подумала о матери, какой видела ее год назад. Она стояла одна на усыпанной листьями тропинке с маленьким мешочком монет в руках и смотрела, как караван работорговцев уводит ее дочь. Стоял ясный, солнечный день, снег сверкал на вершинах гор, пели птицы, падали красные и золотые листья.

Криспин считал, что он человек достаточно образованный и умеет выражать свои мысли. В течение многих лет после смерти отца у него был учитель, по настоянию матери и дядей. Он проштудировал труды древних авторов по риторике и этике, трагедии Аретэ, величайшего из городов-государств Тракезии, в

которых описывались тысячелетней давности конфликты между богами и людьми, изложенные на почти забытом языке, который теперь называли сарантийским. Произведения из другого мира, существовавшего до того, как Родиас создал свою Империю, а города Тракезии превратились в островки языческой философии, а затем, под конец, перестали быть даже ими, потому что закрылись Школы. Теперь это была всего лишь одна из провинций Сарантия, варвары жили на севере ее и за северной границей, а Аретэ стала деревней, съежившейся в тени ее величественных руин.

Даже больше, чем образование, думал Криспин, пятнадцать лет работы на Мартиниана и рядом с Мартинианом способны отточить мыслительные способности любого человека. Какими бы мягкими ни были манеры его старшего партнера, Мартиниан умел неумолимо и весело подвести рассуждающего человека к нужным выводам. Криспин вынужден был научиться не оставаться в долгу и тоже начал получать определенное удовольствие, выстраивая слова так, чтобы вступительная часть привела к заключению. Цвет, свет и форма всегда были для него главной радостью в жизни, сферой его таланта, но он также гордился умением выстраивать и формулировать свои мысли.

Поэтому он с истинным огорчением понял, еще в начале утра, что не может подобрать слов для выражения того, как ему плохо здесь, в тумане. Он не мог бы даже приблизительно описать, как страстно ему хочется оказаться где угодно, только не здесь, в Саврадии, на почти неразличимой дороге. Он уже перешел грань страха и осознания опасности: теперь это было отчаяние души, которая ощущала себя в совершенно неправильном мире.

А это было еще до того, как они услышали людей и собак.

Теперь они стояли на мокрой земле голого поля и молчали. Он видел рядом с собой девушку, которая положила ладонь на спину мула, успокаивая его, заставляя молчать. Фигура Варгоса силуэтом вырисовывалась в тумане немного впереди. Криспин подумал и осторожно высвободил свой меч из веревок на спине мула. Держа его в руках, он чувствовал себя глупо, неуклюже, и одновременно ему было по-настоящему страшно. Если что-то зависит от боевого искусства Кая Криспина из Варены... Он ожидал, что Линон, висящая на шнурке у него на шее, скажет что-нибудь язвительное, но птица молчала с того момента, как они проснулись сегодня утром.

Он взял с собой меч в последний момент, повинуясь импульсу, и только потому, что он принадлежал его отцу, а Криспин покидал дом и уезжал далеко. Мать ничего не сказала, но ее изогнутые дугой брови, как всегда; выражали бесконечно много. Она послала слугу за тяжелым мечом пешего воина, который брал с собой Хорий, когда его призвали в ополчение.

В доме, где Криспин вырос, он вынул его из ножен и с удивлением отметил, что клинок смазан и ухожен, даже через четверть века. Он ничего на это не сказал, только сам приподнял брови, а потом проделал несколько резких выпадов мечом в гостиной матери, словно насмехаясь над самим собой. Принял боевую стойку, целясь мечом в вазу с яблоками на столе.

Авита Криспина поморщилась при виде этой картины. И сухо заметила:

— Постарайся не пораниться, дорогой.

Криспин рассмеялся и вложил меч в ножны, потом с облегчением взял свою чашу с вином.

— Тебе положено дать мне наказ вернуться с ним или на нем, — возмущенно пробормотал он.

— Это о щите, дорогой, — мягко поправила его мать.

У него не было щита, и он понятия не имел, как биться на мечах, а у этих охотников имелись собаки. Помешает ли им туман? Или вода в канаве у дороги? Или охотничьи псы просто пойдут по знакомому запаху девушки прямо по маленькому мостику и приведут за собой мужчин? В этот момент лай стал резким. Кто-то крикнул, почти перед ними:

— Они пошли в поле! Вперед!

По крайней мере, получен ответ на один вопрос. Криспин вздохнул и поднял отцовский меч. Он не молился. Подумал об Иландре, как всегда, но не помолился. Варгос широко расставил ноги, держа свой посох перед собой обеими руками.

— *Он здесь!* — внезапно произнесла Линон таким тоном, какого Криспин никогда у нее не слышал. — *О, властелин миров, я так и знала! Криспин, не двигайся! И другим не разрешай двигаться.*

— Стойте смирно! — резко приказал Варгосу и девушке Криспин, повинуясь инстинкту.

В это мгновение несколько событий произошло одновременно. Проклятый мул издал резкий крик, напрягся и замер. Торжествующий лай собак стал пронзительным, захлебывающимся, полным паники. А крики людей превратились в визг ужаса, распоровший туман.

Туман, клубящийся над дорогой, на секунду разошелся.

И в это мгновение Криспин увидел нечто невероятное. Существо из страшных снов, из ночных кошмаров. Мозг отключился, в отчаянии отказываясь верить тому, что увидели глаза. Кай услышал, как Варгос что-то хрипит, наверное, молитву. Потом туман снова сдвинулся, словно занавес. Ничего не стало видно. С исчезнувшей дороги все еще раздавались вопли, пронзительные, ужасные. Мул трясся на одеревеневших ногах. Криспин услышал рядом журчание струи его мочи. Собаки скулили, словно щенки, которых стегают кнутом. Судя по звукам, они удирали назад, на запад.

Раздался рокочущий звук, словно сама земля задрожала у них под ногами. Криспин перестал дышать. Впереди, в группе преследователей, тонкий вопль первого человека резко взлетел и оборвался. Рокот прекратился. Криспин слышал, что топот бегущих ног, крики людей и лай собак быстро удаляются назад, туда, откуда они пришли. Варгос упал на колени на холодное, пропитанное водой поле, посох выпал из его пальцев. Девушка цеплялась за дрожащего мула, стараясь успокоить его. Криспин видел, как беспомощно дрожит его рука, держащая меч.

— *Что это? Линон! Что это?*

Но не успела птица у него на шее ответить, как туман перед ними снова раздвинулся. На этот раз он не просто закружился, а отступил, открыв дорогу по ту сторону от узкой канавы впервые за это утро, и Криспин ясно увидел то, что явилось к ним в тот день. Его понимание мира и полумира навсегда изменилось в тот момент, когда он тоже опустился на колени в грязь и отцовский меч выпал из его руки. Девушка осталась стоять возле мула, оцепенев. Это он запомнит.

* * *

Очень далеко на западе в это время осеннее солнце уже давно встало над лесом недалеко от Варены. Небо было голубым, солнечный свет играл на рыжих дубовых листьях и на последних яблоках в саду у дороги, которая немного дальше к югу соединялась с большим трактом, ведущим в Родиас.

Во дворе дома, стоящего в том саду, на каменной скамье у двери сидел старик, закутавшись в шерстяной плащ от холодного ветра, и наслаждался утренним светом и яркими красками. Он держал двумя руками глиняную чашку с травяным чаем,

грел ладони. Слуга кормил кур и ворчал по давней привычке. Две собаки спали у открытых ворот на солнышке. На дальнем поле паслись овцы, без пастуха. День был таким ясным, что на северо-востоке можно было разглядеть башни Варены. На крыше дома звонко щебетала какая-то птица.

Зотик внезапно резко вскочил. Поставил чашку с чаем на скамью, пролив немного жидкости. Можно было заметить, что руки у него дрожат. Но слуга не смотрел на него. Алхимик сделал пару шагов к воротам, потом повернулся лицом на восток с мрачным, напряженным выражением на морщинистом лице.

— Что это? Линон! — громко и резко произнес он. — Что это?

Он не знал, что повторяет вопрос другого человека. И он тоже не получил ответа. Разумеется. Только один из псов встал и вопросительно склонил голову набок.

Зотик долго стоял так, неподвижно, словно к чему-то прислушивался. С закрытыми глазами. Слуга не обращал на него внимания, он уже привык. Куры были накормлены, а потом и коза, и он подоил их единственную корову. Собрал яйца. Сегодня их оказалось шесть штук. Слуга отнес их в дом. Все это время алхимик не двигался. Пес поколебался, потом подошел и улегся рядом с ним. Второй пес остался у ворот, на солнце.

Зотик ждал. Но мир, или полумир, больше ничего ему не послал. После этой единственной, резкой дрожи в душе, в крови, этого дара — или наказания, — посланного человеку, который когда-то ходил и наблюдал в сумраке, неведомом большинству людей.

— Линон, — еще раз позвал он в конце концов, на этот раз тихо, будто вздохнул. Он открыл глаза и посмотрел на далекие деревья леса через калитку ограды. На этот раз обе собаки сели и наблюдали за ним. Он, не глядя, протянул руку и погладил ту, что сидела у его колена. Через какое-то время он вернулся в дом, оставив забытый чай остывать на каменной скамье у дома. Солнце поднималось все выше в ясную, безоблачную голубизну осеннего неба.

* * *

Два раза в жизни Варгосу казалось, что он видит одного из «зубиров», но он никогда не был в этом уверен. Мимолетное видение в полумраке, не более того, саврадийского дикого

быка, хозяина Древней Чащи и всех великих лесов, символа бога.

Однажды на закате летнего дня, когда он работал один на отцовском поле, он поднял взгляд, прищурился и увидел массивного, лохматого зверя на краю леса. День уже угасал, расстояние было большим, но что-то слишком крупное двигалось на фоне темной завесы деревьев, а потом исчезло. Это мог быть олень, но он казался огромным, и Варгос не заметил высоких, ветвистых рогов.

Отец избил его ручкой топора за то, что в тот вечер он посмел высказать предположение, будто видел одного из священных лесных животных. Видеть «зубира» дано не каждому, эта честь принадлежит жрецам и воинам, посвятившим себя Людану. Непочтительным четырнадцатилетним мальчишкам такая честь не может быть оказана в том мировом порядке, каким видели его инициии — и отец Варгоса в том числе.

Второй раз это случилось восемь лет назад, когда он шел в одиночестве на юг с клеймом на щеке и тяжким, не утихающим гневом в душе. Он уснул под вой волков и проснулся при свете луны от рева в лесу. Он услышал ответный рев, раздавшийся еще ближе. Вглядевшись в ночь, ставшую совсем странной из-за этого рева и от света голубой луны, Варгос увидел нечто массивное. Оно прошло по опушке леса и исчезло. Он лежал без сна, прислушиваясь, но рев больше не повторился, и ничто не появлялось в поле его зрения. Голубая луна скатилась на запад вслед за белой, а потом зашла, и осталось усыпанное звездами небо, вой волков вдалеке и журчание темного ручья рядом с Варгосом.

Два раза, и оба раза он не был уверен до конца.

На этот раз сомнений не осталось. Страх пронзил Варгоса и застрял между ребрами, подобно кинжалу. В тумане и во влажном холоде в День Мертвых он стоял на покрытом стерней поле между древней дорогой родиан на Тракезию и южной опушкой бесконечно более древнего леса, а потом упал на колени перед тем, что увидел на дороге, когда туман разошелся.

Там лежал мертвый человек. Остальные уже убежали, и собаки тоже. Варгос увидел, что это Фар, старший конюх Моракса. Он лежал навзничь на спине, широко раскинув ноги и руки, словно кукла, брошенная ребенком. Даже отсюда было видно,

что его кишки вывалились наружу. Вокруг него растекалась кровь. У него были распороты живот и грудная клетка.

Но не это заставило Варгоса упасть на колени, словно от удара. Он и раньше видел ужасную смерть людей. На дороге было нечто другое. То существо, которое расправилось с этим человеком. То был «зубир», — и Варгос знал это в тот момент так же твердо, как знал собственное имя, — нечто большее, чем просто символ, как бы этот символ ни внушал благоговение сам по себе. Представления Варгоса о вере и власти рухнули на том холодном, грязном поле.

Он принял учение о боге Солнца, поклонялся ему и прославлял Джада и Геладикоса, его сына, с того времени, когда впервые попал на юг, оставил богов своего племени и их кровавые обряды, как оставил свой дом.

И вот здесь перед ним стоял сам Людан Древний, божество дуба, в сером, вихрящемся тумане на имперской дороге, в одном из его известных воплощений. «Зубир». Зубр. Хозяин леса.

И этот бог требовал крови. И сегодня был день жертвоприношения. Сердце Варгоса сильно стучало. Он видел, что у него трясутся руки, и не стыдился. Только боялся. Смертный человек, оказавшийся в таком месте, где ему быть не следовало.

Туман снова закружился, окутал дорогу, словно плащом. Огромная туша зубра исчезла. И тут же снова появилась. Он каким-то образом оказался в поле, прямо рядом с ними, громадный и черный. Его присутствие подавляло, от него исходил едкий звериный запах крови, мокрого меха и гниющей земли. Мертвый человек остался один на пустой дороге, разорванный пополам, и сердце его было обнажено перед лицом нынешнего дня.

Касия по-прежнему держала ладонь на шее дрожащего мула. Она видела, как разошелся туман, видела то, что лежало на дороге, и в одно мгновение она прошла сквозь свой страх и вышла за его пределы.

В каком-то бесчувственном трансе она смотрела, как туман снова сгустился, и совершенно не удивилась, когда «зубир» материализовался в поле рядом с ними. Варгос упал на колени.

«Почему, — думала она, — почему нужно удивляться тому, что может сделать бог?» Она внезапно осознала, что мул перестал дрожать и стоит совершенно спокойно, до неестественно-

сти, учитывая запах и размеры чудовищного создания, до которого теперь оставалось шагов десять. Но что странного, что может быть странного, если ты так далеко отклонился от знакомой дороги и попал в мир всемогущих сил? Зубр стоял перед ними, такой огромный, что мог бы заслонить собой половину дороги, если бы она не пропала из виду. Три человека могли усесться между острыми, короткими, изогнутыми рогами. Она видела кровь на этих рогах и липкую, вязкую жидкость, медленно капающую с них. Она видела старшего конюха на дороге, превращенного в кусок мяса.

Сегодня утром она имела глупость думать, что может спастись.

Теперь она знала — да, знала! — что от Людана нет спасения. Ни для умного родианина с его планом. Ни для девушки, предназначенной богу, пусть даже это несправедливо и жестоко. Жестокости не было места здесь, в этом поле. Это слово не имело значения, не имело контекста. Бог есть, он делает то, что делает.

В этом подвешенном состоянии спокойствия Касия смотрела в глаза «зубира», такого темно-карего цвета, что они были почти черными. Она ясно видела их даже в тумане, и при виде этих глаз она отдала волю и смысл своей смертной души древнему богу своего народа. Какой мужчина, а тем более женщина, не подчиняется судьбе? Куда бежать, если твое имя известно богу? Тайный языческий жрец, шепчущиеся крестьяне, толстая жена Моракса с маленькими глазками — все они не имеют никакого значения. Их ждет собственная судьба, или они уже нашли ее. Значение имеет только Людан, и он здесь.

Касия сохранила безмятежное спокойствие, как человек, одурманенный маковым соком, когда зубр двинулся к лесу. Он оглянулся на них троих, медленно повернув назад массивную, лохматую голову. Касии показалось, что она поняла. Ее имя названо. Он ее знает. Нет такой дороги в мире, которая не привела бы ее сюда. Ее босые ноги уверенно ступали по грязи и примятой траве, когда она пошла вслед за ним. Страх остался позади, в другом мире. Интересно, хватит ли у нее времени, чтобы произнести важную молитву, попросить за мать и сестру, если такие вещи дозволены, если они все еще живы, если статус жертвы дает ей такое право. Она знала, не оборачиваясь, что оба мужчины идут следом. Здесь никому из них не предоставлено право выбора.

Они вошли в Древнюю Чащу в День Мертвых вслед за «зубиром», и черные деревья поглотили их, скрыли надежнее, чем прежде туман.

«Людям не положено встречаться с богами, — писал Архилох Аретский девятьсот лет назад. — В самом деле, если боги желают уничтожить человека, им стоит только показаться ему».

Криспин старался забаррикадировать душу учением древних, он отчаянно пытался вызвать в памяти образ мраморного портика, залитого солнцем, и седобородого учителя в белых одеждах, безмятежно объясняющего мир внимательным ученикам в самом прославленном из городов-государств Тракезии.

Но ему это не удалось. Ужас охватил его, завладел им, поглотил его, пока он шел вслед за девушкой и этим поражающим воображение созданием, которое было... кем? Он не в силах был этого осознать. Богом? Воплощением бога? Божественной силой? Ветер дул теперь с его стороны, и от него несло вонью. Какие-то твари ползали в его густой, спутанной шерсти, которая свисала с подбородка, шеи, плеч, даже с колен и груди. Зубр был огромен, до невозможности, выше Криспина, шириной с дом, его громадная рогатая голова внушала ужас. И все же, когда они вошли в лес, и первые деревья окружили их, словно черные часовые, а мокрые листья падали вокруг них и сверху на них, это создание шагало легкой, грациозной походкой. Оно ни разу больше не оглянулось — в уверенности, что они следуют за ним.

Так и было. Если бы существовал выбор, хоть какая-то возможность проявления воли, Кай Крисп Варенский, сын Хория Криспа, каменщика, умер бы на том мокром поле и соединился с женой и дочерьми в другом мире, каким бы он ни оказался, и не вошел бы в Древнюю Чащу живым человеком. Лес пугал его даже издали, при солнечном свете, с безопасного расстояния дороги в Батиаре. В это утро в Саврадии, утро иного мира, он был бы рад оказаться в любом месте на божьей земле, только не здесь, в этой сырой, бесчеловечной чаще, где даже запахи внушают ужас.

Земля бога. Какого бога? Какая сила правит тем миром, который ему известен? Который раньше был ему известен, потому что появление в тумане, на дороге, этого неестественного существа все изменило навсегда. Криспин снова мысленно позвал

птицу, но Линон молчала, как мертвая, висела у него на шее, словно и правда была всего лишь амулетом, безделушкой из металла и кожи, которую носят с собой из сентиментальных побуждений.

Он машинально поднял руку и сжал творение алхимика. И вздрогнул. Птица на ощупь оказалась обжигающе горячей. И именно эта перемена в том, что никак не могло измениться, в числе прочего, заставила Криспина окончательно понять, что он покинул тот мир, который знал, и, наверное, больше никогда в него не вернется. Он сделал свой выбор вчера вечером, он вмешался. Линон его предупреждала. Он вдруг пожалел Варгоса: этот человек, случайно нанятый на пограничном постоялом дворе сопровождать идущего в Тракезию ремесленника, не заслужил такой участи.

«Ни один человек не заслуживает такой участи», — подумал Криспин. У него пересохло горло, трудно было глотать. Туман плыл и кружился, деревья исчезали, потом снова обступали их тесной толпой. Мокрые листья и мокрая земля отмечали безнадежно извилистую тропу. Зубр вел их дальше; лес проглотил их, будто пасть живого существа. Время расплывалось, как расплывался видимый мир. Криспин представления не имел, как далеко они ушли. Не в силах сдержаться, полный благоговения и страха, он снова прикоснулся к птице. И не смог удержать ее в руке. Теперь ее жар проникал даже сквозь плащ и тунику. Он чувствовал ее на своей груди, словно уголек из костра.

— *Линон?* — снова молча позвал он, но в ответ ощутил лишь тишину.

Тут он удивил сам себя — начал молиться без слов Джаду, богу Солнца, о своей душе, о душе матери и друзей и об ушедших душах Иландры и девочек. Он просил Света, для них и для себя.

Прошло чуть меньше двух недель с тех пор, когда он говорил Мартиниану, что больше ничего не хочет от жизни, что у него нет желаний, что он не стремится путешествовать, что ему некуда идти в этом опустевшем, разоренном мире. Он не должен так дрожать, так остро чувствовать изменчивую густоту леса вокруг них и туман, шарящий по лицу, словно липкие пальцы, и так бояться этого существа, которое ведет их все дальше и дальше. Ему следует быть готовым умереть здесь, если он тогда говорил правду. Потрясенный своим открытием, Криспин понял, что это не было правдой. И правда обрушилась

молотом на его сильно бьющееся сердце, разбив иллюзии, которые он больше года копил и лелеял. Кажется, он закончил еще не все дела в своем доме смертного. Кое-что все же еще надо было сделать.

И он даже знал, что именно. Он почти лишился зрения в этом мире и видел только стволы деревьев и изогнутые ветки в сером тумане, тяжелые падающие листья и черную массу зубра впереди. Но зато он видел то, чего он хочет, словно высвеченное огнем. Он был слишком умным человеком, даже полный страха, чтобы не заметить в этом иронии. Всякой иронии. Но он теперь знал, что хочет сделать, в глубине души, и ему хватило мудрости признаться в этом сейчас, в лесу.

На куполе, из стекла, из простых и полудрагоценных камней, из мерцающего, струящегося из окон света и сияния свечей внизу Криспин хотел сотворить произведение непревзойденной красоты, которое останется надолго.

Это творение говорило бы о том, что он, мозаичник Кай Крисп из Варены, родился, прожил жизнь и достиг понимания частицы природы мира, того, что лежит в основе поступков женщин и мужчин, в их душе, в красоте и страдании их короткой жизни под солнцем.

Ему хотелось создать мозаику, которая сохранится в веках, чтобы живущие после знали, что это он ее сделал, и чтили его. А это, думал он, шагая под черными деревьями, с которых падали капли, по пропитанным водой, гниющим листьям леса, означало бы, что он оставил свой след на земле, что он был.

Так странно было сознавать, что только на краю пропасти, на пороге тьмы или святого божьего света, человек способен понять и принять стремление собственного сердца к чему-то большему. К жизни.

Криспин почувствовал, что теперь его страх исчез. Еще одна странность. Он оглянулся на густые тени леса, и они его не испугали. Что бы ни лежало вне поля зрения, там не могло таиться ничего столь же потрясающего, как то создание, которое шагало впереди него. Вместо страха он чувствовал теперь невыразимую грусть. Словно все, кто был рожден в этот мир, чтобы умереть, шагали рядом с ними в тумане, и каждый стремился к чему-то, чего он никогда не узнает. Он снова прикоснулся к птице. Этот жар, жар жизни в сыром, сером холоде. Света не было. Линон оставалась такой же темной и неприметной, как всегда. В Древней Чаще сияния нет.

Только это устрашающее создание, изящное, несмотря на свою массивность, которое вело их среди высоких, молчаливых деревьев неизмеримо долго, пока они не вышли на поляну, один за другим, и без всяких слов или звуков Криспин понял, что это место жертвоприношений. «Архилох Аретский, — подумал он, — родился тогда, когда мужчины и женщины умирали во славу Людана в этом лесу».

Зубр повернулся к ним.

Они стояли в ряд лицом к нему, Касия и двое мужчин по обеим сторонам от нее. Криспин вздохнул. Бросил взгляд на Варгоса через голову девушки. Их взгляды встретились. Туман поднялся вверх, серый и холодный, и здесь все было ясно видно. Он увидел страх в глазах Варгоса и еще увидел, что Варгос борется с ним. И проникся к нему восхищением.

— Прости меня, — произнес он слова, странно прозвучавшие в лесу. Ему показалось важным сказать это. Подтвердить существование мира за пределами этой поляны, этих теснящихся деревьев, с которых молча падали мокрые листья на мокрую, холодную траву. Варгос кивнул головой.

Девушка опустилась на колени. Она казалась очень юной, почти ребенком, утонувшим в его запасном плаще. Жалость шевельнулась в душе Криспина. Он посмотрел на стоящее перед ними существо, в его темные, огромные, древние глаза и тихо сказал:

— Ты уже получил кровь и жизнь на дороге. Неужели тебе нужна и ее жизнь? И наша?

Он не знал, что собирается это сказать. Услышал, как Варгос втянул в себя воздух. Криспин приготовился к смерти. Сейчас земля зарокочет, как недавно. Эти рога вонзятся в его плоть. Он продолжал смотреть в глаза зубра, и это потребовало от него больше мужества, чем когда-либо в жизни.

И ясно увидел в них не гнев, не угрозу, а растерянность.

И в это мгновение Линон наконец заговорила.

— *Ему не нужна девушка,* — произнесла птица очень мягко, почти нежно, у него в голове. — *Он пришел за мной. Положи меня на землю, Криспин.*

— Что? — От изумления он произнес это вслух.

Зубр оставался неподвижным и смотрел на него. Или нет, не на него. На маленькую птичку, висящую у него на шее на потертом кожаном шнурке.

— *Сделай это, дорогой мой. Так было предначертано давным-давно. Ты не первый человек с запада, который пытается отнять у Людана жертву.*

— *Что? Зотик? Что он...*

Мысли у Криспина путались, но он кое-что вспомнил и ухватился за это в поисках опоры. Та долгая беседа в доме алхимика, чашка травяного чая, голос старика: «Только у меня есть доступ к определенным силам. Я нашел его во время странствий, в строго охраняемом месте... и ценой некоторого риска».

Кое-что начало — только начало — проясняться для него. Другого рода туман начал рассеиваться. Он почувствовал биение собственного сердца, своей жизни.

— *Конечно, Зотик,* — по-прежнему мягко ответила Линон. — *Подумай, дорогой мой. Откуда иначе я бы знала об этих обрядах? Времени нет, Криспин. Все еще может измениться. Он ждет, но это место крови. Сними меня с шеи. Положи на землю. Уходи. Уведи остальных. Ты принес меня назад. Я думаю, вам будет позволено уйти.*

У Криспина опять пересохло во рту. Появился вкус пепла. Никто не шевелился после того, как девушка опустилась на колени. На поляне нет ветра, понял он. Туман неподвижно висел над ветвями деревьев. Когда падали листья, казалось, что они спускаются с облаков. Он видел белые клубы тумана от дыхания зубра в холодном воздухе.

— *А ты?* — беззвучно спросил он. — *Спасти ее и бросить тебя здесь?*

Он услышал внутри себя короткий смех. Это было поразительно.

— *О, дорогой мой, спасибо тебе за это. Криспин, мое тело умерло здесь, когда ты был еще маленьким. Зотик думал, что освободившуюся душу можно забрать даром после того, как жертва принесена. В момент проявления той самой силы. Кажется, он был и прав, и не прав. Не жалей меня. Но расскажи Зотику. И передай ему от меня...*

Внутри наступило молчание, такое же, как на серой, застывшей поляне. А потом она продолжила:

— *Это лишнее. Он и так поймет, что бы я сказала. Попрощайся с ним за меня. А теперь положи меня на землю, дорогой. Вы должны уйти сейчас или никогда.*

Криспин посмотрел на зубра. Тот по-прежнему не двигался. Даже сейчас его мозг не в силах был осознать необъятные размеры этого существа, присутствие столь огромной и грубой

силы. В сером свете карие глаза не изменили своего выражения вековой печали, но на рогах застыла кровь. С прерывистым вздохом Криспин медленно поднял руки и снял с шеи маленькую птичку. Потом опустился на колени — ему показалось это уместным — и осторожно положил ее на холодную землю. Он почувствовал, что она уже не горячая, а только теплая, теплая, как живое существо. Жертвоприношение. Он чувствовал боль; ему казалось, что он уже не может испытать подобного горя, после Иландры, после девочек.

А когда он положил ее на землю, птица снова заговорила вслух. Такого голоса Криспин никогда у нее не слышал, то был голос женщины, серьезный и безмятежный.

— Я твоя, повелитель, и всегда была твоей, с того самого времени, когда меня привели сюда.

Тишина, неподвижная, как застывшее время. Затем голова зубра опустилась и снова поднялась, выражая согласие, и время снова начало свой бег. Девушка, Касия, тихонько всхлипнула. Варгос, стоящий рядом, прижал ладонь ко рту, удивительно по-детски.

— *Теперь быстро уходите. Возьми их и уходи. Помни обо мне.* — И теперь в его мозгу Линон говорила тем же мягким женским голосом. Голосом девушки, которую принесли здесь в жертву так давно, вспороли живот, выпотрошили, вырвали еще бьющееся сердце, а алхимик наблюдал за этим, спрятавшись поблизости, а потом совершил то, что Криспин никак не мог понять. Было это искусством или колдовством? Злом или добром? Что значат здесь эти слова? «Одно к другому. Мертвые к живым. Перемещение душ». Он думал о Зотике. О мужестве, которое с трудом мог представить себе, и о самонадеянности, в которую невозможно поверить.

Криспин встал, пошатываясь. Он колебался, ничего не зная о правилах и обрядах в этом полумире, в который он попал, но потом поклонился громадному, внушающему ужас, дурно пахнущему созданию, которое было лесным богом, или живым символом бога. Подхватил Касию, поставил ее на ноги. Она с испугом взглянула на него. Он бросил взгляд на Варгоса и кивнул головой. Тот непонимающе смотрел на него.

— Веди нас, — сказал Криспин Варгосу и прочистил горло. Голос его был странным, тонким. — К дороге. — Сам он заблудился бы в лесу через десять шагов.

Зубр стоял неподвижно. Маленькая птичка лежала на траве.

Щупальца тумана плыли в совершенно неподвижном воздухе. Упал лист, потом еще один.

— *Прощай,* — беззвучно сказал Криспин. — *Я буду помнить.* — Он плакал. В первый раз за год с небольшим.

Они ушли с поляны, Варгос двигался впереди. Зубр медленно повернул свою массивную голову и смотрел им вслед, теперь его темные глаза казались непроницаемыми, рога были мокрыми и окровавленными. Больше он не сделал ни одного движения. Они шли, спотыкаясь, дальше, и он пропал из виду.

Варгос нашел тропинку, и ничто в Древней Чаще не помешало им пройти по ней. Ни лесной хищник, ни демон или дух воздуха, или тьмы. Снова опустился туман, а с ним пришло ощущение движения без течения времени. Тем не менее они вышли в том месте, где вошли, покинули лес и двинулись в поле. Нашли мула, который все так же стоял неподвижно. Криспин нагнулся и поднял меч там, где он упал. Варгос подобрал свой посох. Когда они подошли к дороге по тому же мостику через канаву, то остановились над лежащим там мертвым телом, и Криспин разглядел сквозь кровь, что грудная клетка раскрыта нараспашку, вспорота снизу вверх, от паха, и разведена в обе стороны, а сердце исчезло. Касия отвернулась, и ее стошнило в канаву. Варгос дал ей воды из фляги, у него самого тряслись руки. Она выпила, вытерла лицо. Кивнула головой.

Они двинулись вперед по дороге, одни в сером мире.

Туман начал рассеиваться некоторое время спустя. Потом бледное, слабое, зимнее солнце показалось сквозь расходящиеся тучи, в первый раз за день. Они остановились, не говоря ни слова, глядя на него. И тут из леса к северу от них донесся звук, высокий, чистый: короткая, спетая без слов мелодия. Женским голосом.

— *Линон?* — тревожно и настойчиво позвал про себя Криспин, не в силах сдержаться. — *Линон?*

Ответа не было. Внутренняя тишина стала полной. Эта долгая, неземная нота, казалось, повисла в воздухе между лесом и полем, землей и небом, а потом растаяла, словно туман.

* * *

Позднее в тот же день, ближе к сумеркам, далеко на западе, седовласый и седобородый человек ехал на тряской тележке крестьянина к стенам города Варены.

Крестьянин, у которого его пассажир вылечил не одно животное, был рад иногда оказать ему услугу и подбросить в город. В данный момент нельзя было сказать, что пассажир выглядит счастливым или довольным, он казался озабоченным. Когда они приблизились к городу и слились с потоком других телег, спешащих в Варену и из нее, чтобы успеть до заката, когда закроют ворота, одинокого пассажира узнали многие. Некоторые здоровались с ним с почтительным уважением, другие быстро переходили на противоположную сторону дороги или старались отстать и рисовали в воздухе знак солнечного диска, когда мимо проезжала тележка с алхимиком. Собственно говоря, Зотик давно привык и к тому, и к другому и знал, как реагировать. Но сегодня он почти ничего не замечал.

Сегодня утром он испытал потрясение, которое в значительной степени нарушило то грустное отчуждение, с которым он предпочитал смотреть на мир и все в нем происходящее. Он все еще пытался справиться с этим потрясением, но не слишком успешно.

— *Думаю, тебе следует поехать в город,* — высказалась утром самка сокола. Он назвал ее Терезой, когда забрал ее душу. — *Я думаю, сегодня вечером тебе это принесет пользу.*

— *Поезжай к Мартиниану и Кариссе,* — мягко прибавила малышка Мирелла. — *Ты можешь с ними поговорить.* — Остальные одобрительно зашелестели, словно листья, у него в голове.

— Я могу говорить со всеми вами, — громко сказал он, раздраженный. Его оскорбляло, когда птицы проявляли сочувствие и заботу, словно он с годами становился хрупким и нуждался в опеке. Скоро они начнут напоминать ему, что надо надеть сапоги.

— *Это не то же самое,* — резко возразила Тереза. — *Ты сам знаешь.*

Что было правдой, но ему все равно это не нравилось.

Он пытался читать — Архилоха, по странному совпадению, — но не мог сосредоточиться и бросил чтение, а вместо этого отправился на прогулку в сад. Он чувствовал нечто странное, какую-то пустоту. Линон ушла. Каким-то образом. Конечно, она ушла еще тогда, когда он сам ее отдал, но это было... другое. Он все время жалел, что поддался порыву и предложил птицу мозаичнику, отправляющемуся на восток. Или не просто на восток: в Сарантий. В город, которого он никогда не видел и теперь уже не увидит. В своей жизни он обрел власть, получил

дар — своих птиц. По-видимому, есть другие вещи, которых ему не будет дано.

И птицы ему не принадлежали по-настоящему, не так ли? Но если это так, то как их можно назвать? И где Линон, и как он мог услышать ее голос сегодня утром из такой дали?

И что он делает в саду, дрожа от холода, без плаща и без палки, в ветреный, холодный, осенний день? По крайней мере, он надел сапоги.

Он вернулся в дом, послал недовольного Кловиса к соседу-фермеру Силавину с просьбой и все-таки последовал общему совету птиц.

Он не мог говорить с друзьями о том, что его тревожило, но иногда беседа о других вещах, любых других вещах, сами звуки человеческих голосов, улыбка Кариссы, мягкий юмор Мартиниана, общее тепло очага, постель, предложенная ими для ночлега, утренний визит на шумный базар...

Философия может служить утешением, попыткой объяснить и понять место человека в творении бога. Но она не может помогать всегда. Бывают моменты, когда утешение можно найти только в женском смехе, в знакомом лице и голосе друга, в передаче друг другу сплетен о дворе антов, даже в чем-то совсем простом — в миске горохового супа, съеденного за столом вместе с другими людьми.

Иногда, когда тени полумира подползают слишком близко, человеку необходим мир.

Он расстался с Силавином у городских ворот, поблагодарил и направился к дому Мартиниана. Близился вечер. Его радушно приняли, как он и предвидел. Он редко приезжал к ним, он жил за стенами города. Его пригласили переночевать, и друзья сделали вид, будто он оказывает им большую честь, принимая приглашение. Они видели, что Зотика что-то тревожит, но — как друзья — они никогда не расспрашивали его, только предлагали то, что могли, а это в тот момент было очень много.

Ночью он проснулся в чужой постели, в темноте, и подошел к окну. Во дворце горели огни, на верхних этажах, где должны находиться комнаты юной царицы, живущей в осаде. Кто-то еще не спит. Не его забота. Взгляд его перенесся дальше, на восток. В ту ясную ночь над Вареной светили звезды. Они расплывались перед его глазами, когда он стоял там, обнимая воспоминания, словно ребенка.

Глава 5

Они долго шли, и мир вокруг постепенно становился все более знакомым, по мере того как туман рассеивался. И все же, несмотря на заново проявляющуюся обыкновенность, думал Криспин, ландшафт изменился так, что он не в силах его описать. Там, где у него на шее прежде висела птица, ее отсутствие ощущалось как тяжесть, как ни странно. В полях снова появились вороны, ближе к лесу, а в кустарнике к югу от дороги они слышали голоса певчих птиц. Мелькнул рыжий мех лисы, хотя им не удалось увидеть зайца, за которым она гналась.

Они сделали привал во второй половине дня. Варгос снова развернул еду. Хлеб, сыр, эль для каждого из них. Криспин жадно пил. Он смотрел вдаль, на юг. Снова стали видны горы, просветы в тучах над ними синели, а на пиках лежал снег. Свет, полосы цвета снова возвращались в этот мир.

Он почувствовал, что Касия смотрит на него.

— Она... эта птица умела говорить, — сказала она. На ее лице отражался страх, хотя его не было в лесу, в сером тумане на поле.

Криспин кивнул. Он приготовился к этому, пока они шли молча. Он догадался, что этот вопрос будет задан, что он должен быть задан.

— Я слышал, — ответил он. — Она разговаривала.

— Как, господин?

Варгос наблюдал за ними, держа в руке флягу.

— Не знаю, — солгал Криспин. — Эта птица была талисманом, ее мне подарил человек, о котором говорили, что он алхимик. Мои друзья хотели, чтобы я взял ее с собой как оберег. Они верят в те силы, в которые не верю я. Не верил. Я... почти ничего не понял из того, что произошло сегодня.

И это не было ложью. Это утро уже казалось воспоминанием о том, как туман укутал их вместе с неким существом в Древней Чаще, которая была больше целого мира, больше его понимания мира. В его воспоминаниях сохранился лишь один яркий цвет — красная кровь на рогах зубра.

— Он взял ее вместо... меня.

— Он еще взял Фара, — тихо произнес Варгос и закрыл флягу пробкой. — Мы сегодня видели Людана или его тень. — На его покрытом шрамами лице отразилось чувство, очень по-

хожее на гнев. — Как после этого поклоняться Джаду и его сыну?

«Он по-настоящему страдает», — подумал Криспин и растрогался. Они вместе сегодня кое-что пережили. Совершенно разные пути, которые привели их на эту поляну, значили меньше, чем можно было ожидать.

Он вздохнул.

— Мы поклоняемся им потому, что они обращаются к нашим душам, как нам кажется. — Он сам себя удивил. — Мы делаем это, зная, что в мире, в полумире, а возможно, и в других мирах есть такое, чего мы не в силах понять. Мы это всегда знали. Мы даже не в состоянии отвести смерть от детей, как можем мы надеяться понять истинность вещей? Неужели присутствие одной силы исключает другую силу? — Этот вопрос был задан риторически, ради красного словца, но слова повисли в светлеющем воздухе. Из стерни на поле взлетел грач и полетел прочь, на запад, по низкой, широкой дуге, хлопая крыльями.

— Не знаю, — наконец, сказал Варгос. — Я нигде не учился. Дважды, когда был помоложе, мне показалось, что я вижу «зубира», зубра. Но я не уверен. Может, я тогда был отмечен? И этот день каким-то образом был назначен?

— Не мне на это отвечать, — сказал Криспин.

— Мы теперь... спасены? — спросила девушка.

— До следующего раза, — ответил Криспин, потом, уже мягче, прибавил: — Мы спаслись от тех, кто за нами гнался, как мне кажется. А от того, кто был в лесу? Я думаю — тоже. *«Ему не нужна девушка. Он пришел за мной»*.

Потребовалось определенное усилие воли, но он удержался и не позвал ее еще раз про себя, из тишины. Линон пробыла с ним совсем немного, она оказалась капризной, неуступчивой, но никто, даже Иландра, не существовал настолько *внутри* его. «*Дорогой мой*, — сказала она в конце, — *помни обо мне*».

Если он правильно хоть в чем-то разобрался, Линон была женщиной, предназначенной, как и Касия, в жертву лесному богу, но она умерла в этом лесу давным-давно. У нее вырезали сердце, а тело повесили на священном дереве. А душа? Душу забрал смертный, который следил за происходящим, дерзкий до безумия, а потом воспользовался какой-то колдовской силой, которую Криспин не мог себе представить.

Он неожиданно вспомнил выражение лица Зотика, когда оказалось, что из всех птиц Криспин услышал внутренний го-

лос Линон. «Она была у него первой», — подумал Криспин и понял, что это правда.

«*Попрощайся с ним за меня*», — беззвучно сказала птица в конце голосом, который прежде был ее собственным. Криспин покачал головой. Когда-то он самонадеянно считал, что кое-что понимает в мире мужчин и женщин.

— Мы скоро подойдем к церкви, — сказал Варгос. Криспин с усилием вернулся в реальность и осознал, что они оба смотрят на него. — До заката. Это настоящая церковь, а не просто придорожная часовня.

— Тогда войдем в нее и помолимся, — ответил Криспин.

В привычных, старых обрядах можно найти утешение, осознал он. Возвращение к привычному, к тому месту, где человек прожил свою жизнь. Где он вынужден был прожить жизнь. «Этот день», — подумал он, сделал все, что мог, мир открыл им все, что мог сейчас открыть. Они успокоятся, он приведет в порядок мысли, начнет привыкать к пустоте на груди и в мыслях, начнет обдумывать, что написать в трудном письме Зотику, может быть, даже начнет предвкушать вечерние вино и еду на постоялом дворе. Возвращение к привычному в самом деле очень похоже на возвращение домой из очень долгого путешествия.

Люди, когда они считают, что кризис, момент проявления силы, миновал, становятся наиболее уязвимыми. Опытные военачальники на войне знают это. Любой искусный актер или драматург знает это. А также священники, жрецы, возможно, хироманты. Испытав глубокое потрясение, люди полностью готовы к следующему сверкающему чуду, возникшему из воздуха. Не мгновение рождения — прорыв сквозь скорлупу в мир — накладывает отпечаток на новорожденного птенца, а следующий момент, прозрение, которое приходит потом и отмечает его душу.

Они шли дальше, двое мужчин и одна женщина, сквозь открывающийся мир. Никого на дороге не было. Это был День Мертвых. Осенний свет смягчился, когда солнце перевалило на запад в бледной дымке. Прохладный ветер гнал облака. Над головой появилось больше синих просветов. Вороны в поле, сойки; и еще одна птичка, название которой Криспин не знал, быстро пролетела справа от них, ее хвост был ярко-красным, как кровь. Снег вдали на пиках гор, которые возникали один за другим. Море за ними. Он мог бы плыть морем, если бы курьер...

Они подошли к тому месту, о котором говорил Варгос. Церковь стояла за железными воротами, на некотором расстоянии от дороги с южной стороны. Она была намного больше, чем обычные придорожные часовни. Настоящая церковь, как сказал Варгос: восьмиугольник из серого камня с куполом наверху, аккуратно подстриженной травой вокруг. Рядом — хозяйственные постройки и кладбище. Здесь было очень спокойно. Криспин увидел коров и козу на лугу за могилами.

Если бы он больше думал о месте и времени, если бы его мозг не пытался справиться с невиданными вещами, он мог бы понять, где они находятся, и подготовиться. Но этого не случилось.

Они привязали мула у низкой ограды, вошли в незапертые железные ворота и прошли по мощенной камнем тропинке. Рядом с ней росли поздние осенние цветы, тщательно ухоженные. Криспин увидел слева огород с травами, ближе к лугу. Они открыли тяжелую деревянную дверь и вошли втроем. Криспин посмотрел на стены, его глаза медленно привыкли к приглушенному свету, а потом, шагнув вперед, он посмотрел вверх, на купол.

Разногласия среди верующих в Джада почти с самого начала заканчивались сожжениями, пытками и войнами. Рождение доктрины и ритуалов солнечного бога, заменившего развратных богов и богинь Тракезии в ранний период существования Империи Родиаса, не обошлось без своей доли расколов и ересей и часто жестокой реакции на них. Бог в солнце или за солнцем. Мир рожден в лучах света или освобожден ото льда и тьмы божественным светом. Одно время считалось, что бог умирает зимой и снова рождается весной, но доброго священнослужителя, который это проповедовал, по приказу верховного патриарха в Родиасе привязали между боевыми конями и разорвали на части. В другом месте короткое время господствовало учение о том, что две луны являются детьми Джада. Это учение было очень близко к доктринам киндатов, которые называли луны сестрами бога и равными ему, что внушало тревогу. Для искоренения этого неприятного заблуждения также потребовалось множество смертей.

Различные формы веры в Геладикоса — как в смертного сына, как в наполовину бессмертного ребенка, как в бога — были всего лишь самыми постоянными и стойкими источника-

ми этих войн, которые велись во славу святого имени Джада. Императоры и патриархи, сначала в Родиасе, а затем в Сарантии, колебались, обретали твердость, потом меняли свои позиции и взгляды, и возничий Геладикос то входил в моду, то выходил из моды, его то принимали, то отвергали, подобно тому, как солнце скрывается за облаком и появляется из-за него в ветреный день.

Точно так же среди всех этих яростных войн, ведущихся на словах или с помощью огня и железа, образ самого Джада с годами стал демаркационной линией, полем битвы между искусством и верой, между разными способами изображать бога, который посылает животворящий свет и сражается с темнотой каждую ночь, внизу, под миром, пока люди спят тревожным сном.

И эта скромная, красиво выстроенная старая церковь в тихом, уединенном месте на древней имперской дороге в Саврадии была той самой разделительной линией.

Он не получил никакого предупреждения. Криспин сделал несколько шагов вперед в приглушенном, блеклом освещении церкви, краем глаза отметив старомодный мозаичный узор из переплетенных цветов на стенах, а потом взглянул вверх.

Через мгновение он обнаружил, что лежит на холодных камнях пола, задыхаясь, и смотрит вверх на своего бога.

Ему следовало знать, что ждет его здесь. Еще при выезде из Варены у него мелькнула мысль, что дорога через Саврадию в каком-то месте приведет его к этой церкви. Он точно не знал, где она находится, но знал, что на имперской дороге. Ему не терпелось увидеть, что удалось сделать старым мастерам в их примитивной технике, как они передали образ Джада на восточный манер.

Но напряжение и ужас, испытанные им в то утро в тумане и в лесу, настолько далеко отогнали эту мысль, что он остался совершенно открытым, беззащитным перед величием того, что сотворили смертные на этом куполе. После Древней Чащи, зубра и Линон в душе Криспина не осталось ни преград, ни убежища, и мощь изображения в вышине молотом обрушилась на него, лишила тело всякой силы, и поэтому он упал, словно клоун в пантомиме или беспомощный пьяница в переулке за таверной.

Он лежал на спине, уставившись на фигуру бога: бородатое лицо и верхняя часть торса Джада занимали почти всю поверхность купола. Гигантское лицо, мрачное, утомленное битвами, тяжелый плащ и сгорбленные плечи, придавленные тяжким бременем грехов своих детей. Фигура такая же естественная и устрашающая, какой был зубр: такая же темная, массивная голова на фоне солнца из бледно-золотой смальты позади нее. Казалось, эта фигура готова спуститься сверху, чтобы вершить беспощадный суд. На мозаике были изображены голова, плечи и воздетые вверх руки. Больше ничего, на куполе просто не осталось места ни для чего другого. Вытянутый на слабо освещенном пространстве, взирающий вниз глазами, не уступающими по размерам некоторым из фигур, в свое время созданных Криспином, этот лик настолько нарушал масштаб, что ничего не должно было получиться. И все же Криспин никогда в жизни не видел ни одного произведения, которое могло бы сравниться с этим по силе.

Он и раньше знал, что эта работа находится здесь, это самое западное из всех изображений бога, выполненное с пышной, темной восточной бородой и этими черными, затравленными глазами: Джад в образе судьи, измученного, загнанного воина в смертельной схватке, а не сверкающий, голубоглазый, золотой бог-солнце с запада. Но «знать» и «видеть» настолько далеки друг от друга, будто... будто первое — это мир, а второе — полумир тайных сил.

«Старые мастера. Их примитивная манера».

Так он думал прежде, дома. У Криспина защемило сердце при мысли о размерах собственного недомыслия, о проявленном недостатке понимания и мастерства. Здесь он чувствовал себя обнаженным, он понимал, что по-своему эта работа смертных на куполе церкви была таким же проявлением святости, каким был зубр с окровавленными рогами в лесу, и она так же потрясала. Яростная, дикая сила Людана, принимающего жертвоприношение в своем лесу, соперничала с безграничностью мастерства и понимания, отраженного на этом куполе, где в стекле и камне было изображено божество, внушающее такое же смирение. Как можно перейти от одного из этих полюсов к другому? Как могло человечество жить между этими крайностями?

Ибо глубочайшей тайной, пульсирующим сердцем загадки было то, что, лежа на спине, парализованный этим открытием,

Криспин увидел те же самые глаза. Та мировая скорбь, которую он заметил в глазах «зубира», была и здесь, в глазах бога Солнца. Ее уловили безымянные мастера, ясность видения и вера которых чуть не прикончили его. Криспин на мгновение усомнился, сможет ли он когда-либо подняться, снова овладеть собой, своей волей.

Он силился вычленить отдельные элементы этой работы, чтобы утвердить свое мастерство перед лицом этой мозаики и перед самим собой. Темно-коричневый и блестящий черный цвета смальты в глазах заставляли их выделяться на фоне обрамляющих каштановых волос до плеч. Удлиненное лицо еще больше удлиняли прямые волосы и борода. Морщины бороздили щеки, а кожа между бородой и волосами была такой бледной, что казалась почти серой. Ниже начинался насыщенный, роскошный синий цвет одежды бога под наброшенным плащом, и Криспин видел, что он состоит из бесчисленного количества контрастных цветов, чтобы создать ощущение ткани и намек на игру и силу света для изображения бога, могуществом которого и был свет.

А потом руки. Руки просто потрясали. Искривленные, удлиненные пальцы намекали на духовный аскетизм, но было и нечто большее: то не были руки священнослужителя, который привык к праздности и медитации, обе они были покрыты шрамами. Один палец на левой руке явно сломан — скрюченный, с распухшим суставом: красная и коричневая смальта на фоне белой и серой. Эти руки держали оружие, страдали от ран, мерзли, вели жестокую войну со льдом и черной пустотой, без конца защищая смертных детей, которые понимали... не больше детей.

Скорбь и осуждение в этих черных глазах были связаны с тем, что случилось с этими руками. Подбор цветов — тут мастер в Криспине пришел в восхищение — неизбежно объединял зрительно эти руки и глаза. Яркие, неестественно выпуклые вены на кистях обеих бледных рук были выложены из той же коричневой и черной смальты, что и глаза. Глаза говорили о скорби и осуждении, руки — о страдании и войне. Бог, который стоит между своими недостойными детьми и тьмой и каждое утро в их короткой жизни дарит им солнечный свет, а потом, самым достойным, — свой собственный чистый Свет.

Криспин подумал об Иландре, о девочках, о чуме, опустошающей весь мир, подобно взбесившемуся хищнику. Лежа на

холодном камне под этим образом Джада, он понимал, что бог говорит ему и всем остальным здесь, внизу, что победа света над тьмой не была бесспорной, ее нельзя принимать как нечто само собой разумеющееся. Именно об этом, понял он, неизвестные мастера из давних времен хотели сказать своим братьям, изобразив этого огромного, усталого бога на мягком золотом фоне его солнца.

— Что с тобой? Господин мой! С тобой все в порядке?

До него дошло, что Варгос зовет его настойчиво и тревожно, и это было почти забавным после всего, что они пережили сегодня. Ему не было так уж неудобно лежать на камнях, только холодно. Он неопределенно махнул рукой. Ему все еще было немного трудно дышать. Ему стало лучше, когда он перестал смотреть вверх. Он повернул голову и увидел, что Касия стоит поодаль и смотрит на купол.

Глядя на нее, Криспин понял еще кое-что: Варгос знал это место. Он ходил по этой дороге, взад и вперед, много лет. А девушка тоже никогда не видела этого изображения Джада и, вероятнее всего, никогда о нем не слышала. Она явилась с севера всего год назад, насильно проданная в рабство и обращенная в веру в Джада. Она раньше видела Джада только в образе юного, светловолосого, голубоглазого бога, прямого потомка — хотя этого она знать не могла — солнечного божества, существовавшего в пантеоне тракезийцев много столетий назад.

— Что ты видишь? — спросил Крисп у нее. Голос его звучал хрипло. Варгос обернулся к девушке, следуя за его взглядом. Касия тревожно взглянула на него, потом отвела глаза. Она была очень бледна.

— Я... он... — Она заколебалась. Она услышала шаги. Криспин с трудом сел и увидел священника в белых одеждах ордена Неспящих. Теперь он понял, почему здесь так тихо. Это священнослужители, которые бодрствуют всю ночь и молятся, пока бог сражается с демонами внизу, под миром. Долг человечества, говорила фигура наверху, вести нескончаемую войну. Эти люди верили в это и воплощали в своих обрядах. Этот лик наверху и орден священнослужителей, которые молятся долгими ночами, соответствуют друг другу. Люди, которые очень давно сделали эту мозаику, должны были это понимать.

— Скажи нам, — тихо попросил он Касию, когда к ним приблизился священник в белом, невысокий, круглолицый, с густой бородой.

— Он... он не думает, что победит, — наконец, произнесла она. — В этой битве.

Услышав это, священник остановился. Он серьезно смотрел на всех троих, явно не удивляясь тому, что человек сидит на полу.

— Он не уверен, что победит, — сказал священник Касии на сарантийском языке, на котором говорила она. — У него есть враги, а человек творит зло и содействует им. Нельзя быть ни в чем уверенным в этой битве. Вот почему мы должны в ней участвовать.

— Известно, кому удалось это сделать? — тихо спросил Криспин.

Священник казался удивленным.

— Их имена? Ремесленников? — Он покачал головой. — Нет. Полагаю, их было много. Они были художниками... и на время святой дух вселился в них.

— Да, конечно, — сказал Криспин и встал. Он колебался. — Сегодня здесь День Мертвых, — пробормотал он, не зная, зачем он это говорит. Варгос поддержал его рукой под локоть, потом сделал шаг назад.

— Это я понимаю, — мягко ответил священник. У него было доброе, лишенное морщин лицо. — Мы окружены языческими ересями. Они наносят вред богу.

— И это все, что ты в них видишь? — спросил Криспин. В его голове звучал голос — молодой женщины, искусственной птички, голос души: «Я твоя, господин, как была твоей всегда, с того времени, как меня привели сюда».

— А что еще я должен в них видеть? — спросил человек в белом, поднимая брови.

«Наверное, это справедливый вопрос», — подумал Криспин. Он поймал встревоженный взгляд Варгоса и не стал продолжать.

— Я должен извиниться за то, в каком виде ты меня застал, — сказал он. — На меня так подействовало это изображение.

Священник улыбнулся.

— Ты не первый. Как я догадываюсь, ты с запада, из Батиары?

Криспин кивнул. Нетрудно было сделать такой вывод. Его выдавал акцент.

— Там у вас бог светловолосый и миловидный, с голубыми

глазами, и безмятежный, как летние небеса? — Человек в белых одеждах благодушно улыбался.

— Я знаю, как изображают Джада на западе. — Криспин никогда и никому не позволял читать себе лекции.

— И позволю себе еще одну догадку: ты тоже в некотором роде художник?

Касия казалась изумленной, Варгос насторожился. Криспин холодно посмотрел на священника.

— Верная догадка, — сказал он. — Откуда ты узнал?

Священник сложил руки на животе.

— Как я сказал, ты не первый человек с запада, который так среагировал. И часто сильнее всего этот образ действует на тех, кто сам пытается сделать нечто подобное.

Криспин заморгал. Пусть изображение на куполе заставило его почувствовать смирение, но он не мог пропустить мимо ушей замечание насчет «попыток сделать нечто подобное».

— Ты очень проницателен. Работа тут действительно великолепная. После того как я выполню кое-какие поручения императора в Сарантии, я, возможно, соглашусь вернуться и заняться необходимой реставрацией грунта на этом куполе.

Теперь в свою очередь заморгал священник.

— Эту работу делали святые люди, одаренные божественным предвидением, — возмущенно ответил он.

— Не сомневаюсь в этом. Жаль только, что нам неизвестны их имена, чтобы почтить их, это, во-первых, а во-вторых, им не хватало владения техникой, равной их предвидению. Ты ведь знаешь, что смальта начала сползать к правой стороне купола, если стоять лицом к алтарю. Часть плаща бога и левое предплечье, кажется, собираются отделиться от его величественного тела.

Священник неохотно поднял глаза.

— Конечно, вероятно, ты найдешь этому объяснение в какой-нибудь притче или обрядах, — прибавил Криспин. Каким-то странным образом перепалка с этим человеком возвращала ему равновесие. Возможно, подумал он, ему не следовало так поступать, но именно сейчас он в этом нуждался.

— Ты собираешься изменить фигуру бога? — Священник казался искренне испуганным.

Криспин вздохнул.

— Она уже изменилась, добрый клирик. Когда ваши необычайно набожные ремесленники много веков назад создавали

эту мозаику, у Джада была одежда и левая рука. — Он указал на нужное место. — А не остатки высохшей грунтовки.

Священник покачал головой. Лицо его покраснело.

— Каким надо быть человеком, чтобы смотреть на эту красоту и говорить о том, что он осмелится приложить к ней собственные руки?

Теперь Криспин уже вернул себе хладнокровие.

— Потомком тех мастеров, которые ее сотворили, прежде всего. Возможно, не осененным их благочестием, но зато лучше понимающим технику мозаики. Я бы добавил, что купол также вот-вот потеряет часть золотого солнца слева. Мне необходимо подняться на леса, чтобы убедиться, но мне кажется, некоторые кусочки смальты уже выкрошились. Если так будет продолжаться, то боюсь, волосы бога скоро начнут выпадать. Ты готов к тому, что Джад обрушится на тебя, но не громовым обвалом, а осколками стекла и камней?

— Что за нечестивая ересь! — воскликнул священник и сделал знак солнечного диска.

Криспин вздохнул.

— Мне жаль, если ты так меня понял. Я не собирался тебя провоцировать. Или не только провоцировать. Грунтовка на куполе сделана старым способом. В один слой и, вероятнее всего, из смеси материалов, которые менее долговечны, как мы теперь знаем. Мы все понимаем, что над нами не святой Джад, а его изображение, сделанное смертными. Мы поклоняемся богу, а не его изображению, насколько я понимаю. — Он помолчал. Этот вопрос был предметом острых разногласий в определенных кругах. Священник открыл рот, словно собирался ответить, но потом снова закрыл его.

Криспин продолжал:

— Возможности смертных ограниченны, и это нам тоже всем известно. Иногда открывают нечто новое. Признать эту истину — не значит критиковать тех, кто создал этот купол. Менее талантливые люди способны сохранить работу великих. С умелыми помощниками я мог бы отреставрировать это изображение, и оно бы сохранилось еще на несколько сотен лет. На это уйдет один сезон. Может быть, немного меньше. Или больше. Но могу утверждать, что без такого вмешательства эти глаза, руки и волосы скоро усеют камни вокруг нас. Мне было бы жаль это видеть. Это выдающаяся работа.

— Ей нет равных в мире!

— Я тоже так думаю.

Священник заколебался. Криспин видел, что Касия и Варгос смотрят на него с изумлением. Ему пришло в голову, и эта мысль позабавила его и придала ему сил, что ни у кого из них нет оснований верить, будто он — мастер в своем деле. У мозаичника мало возможностей продемонстрировать свой талант или мастерство во время пешего путешествия по Саврадии.

В этот момент послышался звон упавшего на пол кусочка смальты. Криспин мог бы счесть это вмешательством свыше. Он подавил улыбку и подошел к нему. Опустился на колени, вгляделся и без труда нашел коричневатый квадратик. Перевернул его обратной стороной вверх. Изнанка была сухой и хрупкой. Она раскрошилась в пыль, когда он провел по ней пальцем. Он поднялся, вернулся к остальным и вручил кусочек мозаики священнику.

— Святое послание? — сухо спросил он. — Или просто кусочек темного камня из... — тут он поднял глаза вверх, — вероятнее всего, опять из одежды, с правой стороны.

Священник открыл рот и закрыл, точно так же, как раньше. «Несомненно, — подумал Криспин, — он сожалеет, что сегодня его очередь бодрствовать в дневное время и принимать посетителей в церкви». Криспин снова взглянул наверх, на суровое величие образа, и пожалел о своем шутливом тоне. Подобные попытки были мучительными, но в них не было ничего личного, и ему следовало быть выше подобной мелочности. Особенно сегодня и здесь.

«Людям, — подумал он, — возможно, особенно такому человеку, как Кай Криспин Варенский, так редко удается вырваться из круга забот и мелких обид, из которых состоит их повседневная жизнь». Конечно, ему следовало сегодня вырваться из этого круга. И другая, неожиданная мысль: а может быть, именно потому, что его так далеко унесло за эти рамки, ему и необходимо было найти дорогу назад таким способом?

Он посмотрел на священника, потом снова вверх, на бога. На изображение бога. Это действительно можно сделать при помощи умелых мастеров. Но реальный срок — полгода, самое малое. Он внезапно решил, что они здесь переночуют. Он поговорит с главой Святого ордена, искупит свою иронию и легкомыслие. Если их удастся заставить понять, что происходит на куполе, возможно, когда Криспин доберется до Города с письмом от них, канцлера или кого-нибудь другого удастся убедить

принять участие в спасении этого великолепия. Он подшучивал и дерзил, подумал Криспин. Возможно, он искупит вину при помощи реставрации, в память об этом дне, а может, о своих собственных умерших.

В течение событий, в жизнь человека многое может вмешаться. Точно так же, как ему не суждено было увидеть свой факел Геладикоса в церкви у стен Варены при мерцающих свечах, так и эту задачу Криспину не суждено было выполнить, хотя его намерения в тот момент были глубоко искренними и почти благочестивыми. И еще — им так и не удалось провести ночь рядом с древним святилищем.

Священник сунул коричневый кусочек смальты в карман рясы. Но не успел никто заговорить, как на дороге раздался приближающийся грохот конских копыт.

Священник испуганно посмотрел на дверь. Криспин быстро переглянулся с Варгосом. Затем они услышали, даже сквозь дверь, со стороны дороги громкую команду остановиться. Топот копыт смолк. Послышалось позвякивание, потом на дорожке раздался стук сапог и голоса людей.

Двери распахнулись, копье дневного света влетело внутрь, а за ним вошло полдюжины кавалеристов. Они тяжело топали по камням. Никто не посмотрел вверх, на купол. Их командир, могучий, черноволосый, очень высокий человек, который держал свой шлем под мышкой, остановился перед ними. Он кивнул священнику и уставился на Криспина.

— Карулл, трибун Четвертого саврадийского. Мое почтение. Увидел мула. Мы ищем на этой дороге кое-кого. Ты случайно не Мартиниан Варенский?

Криспин, не сумев придумать подходящей причины, чтобы не отвечать, кивнул головой. Собственно говоря, он потерял дар речи.

Официальное выражение лица Карулла мгновенно сменилось выражением смешанного презрения и торжества — поразительное сочетание, передать его в смальте было бы сложной задачей. Он угрожающе ткнул толстым пальцем в Криспина.

— Проклятие, где это ты шлялся, навозный слизняк из Родиаса? Трахался со всеми конопатыми шлюхами по дороге? Почему ты тащишься по дороге, а не плывешь по морю? Тебя уже много недель ждет в этом трахнутом Городе его трижды возвышенное величество, сам великий император Валерий Второй. Ты дерьмо.

* * *

— Знаешь, родианин, ты все-таки умственно отсталый идиот.

При этих словах Криспина посетило совершенно неожиданное воспоминание, возникшее из какого-то забытого уголка его детства. Поразительно, что можно вытащить из памяти! И в самый абсурдный момент. Когда ему было девять лет, они играли в «осаду» с друзьями вокруг дровяного сарая и на его крыше, и он потерял сознание от удара. Ему не удалось отразить нападение свирепых варваров в лице двух старших мальчишек, и он упал с крыши сарая и приземлился головой вперед среди бревен.

С того самого утра и пока стражники царицы Гизеллы не напялили ему на голову мешок из-под муки и не усмирили его ударом палки по голове, он ничего подобного не испытывал.

А теперь, сквозь туман мучительной головной боли осознал Криспин, это произошло уже второй раз за один осенний сезон. Его мысли сильно путались. На секунду ему показалось, что эти ругательства произнесла Линон. Но Линон скорее издевалась, чем оскорбляла, она называла его недоумком, а не идиотом, говорила на родианском, а не на сарантийском языке, и она исчезла.

Он неосмотрительно открыл глаза. Мир пугающе качался и кружился. Он быстро снова зажмурился, его чуть не вырвало.

— Настоящий дурень, — неумолимо продолжал тяжелый голос. — Тебя нельзя было выпускать за порог. Чего можно ожидать, во имя святого грома, когда чужеземец — и к тому же из Родиаса! — называет трибуна сарантийской кавалерии «вонючим любителем козлов» в присутствии его собственных солдат?

Это не Линон. Это тот солдат.

Карулл. Из Четвертого саврадийского. Так зовут эту свинью.

Свинья продолжала говорить преувеличенно терпеливым тоном:

— Ты имеешь хотя бы малейшее представление о том, в какое положение меня поставил? Имперская армия полностью зависит от уважения к власти... и от регулярного жалованья, конечно, и ты не оставил мне почти никакого выбора. Я не мог обнажить меч в церкви. Не мог ударить тебя кулаком — это

было бы слишком большим проявлением уважения к тебе. Оставалась единственная возможность — вмазать тебе шлемом. Я даже не очень сильно размахнулся. Скажи спасибо, что все знают меня как человека добродушного, ты, сопливый мошенник, и что у тебя борода. Синяк будет не так заметен, пока заживет. Ты останешься таким же уродом, как и раньше, не более того.

Карулл из Четвертого заржал. Буквально заржал.

Удар шлемом. Кай начал вспоминать. В скулу и в челюсть. Быстрый взмах тяжелой руки, и больше ничего. Криспин попытался подвигать челюстью вверх-вниз, потом из стороны в сторону. Острая боль заставила его задохнуться, но, кажется, он мог ею шевелить. Время от времени он предпринимал попытки открыть глаза, но всякий раз окружающий мир начинал кружиться, вызывая тошноту.

— Ничего не сломано, — небрежно произнес Карулл. — Я тебе говорю, я человек добродушный. Это плохо влияет на дисциплину, но так уж получилось. Бог сотворил меня таким, какой я есть. Ты не должен думать, что можешь ходить по дорогам Сарантийской империи и обзывать — пусть и очень изобретательно — военачальников в присутствии их солдат. У меня есть друзья среди трибунов и калиархов, которые вытащили бы тебя наружу и поволокли прямо на кладбище, чтобы потом не надо было никуда тащить труп. С другой стороны, я не полностью разделяю всеобщую ненависть и презрение к ханжеским, трусливым, дерьмовым педикам из Родиаса, присущие большинству солдат Империи. Я иногда даже нахожу ваших людей забавными, и, как я уже говорил, я — человек добрый. Спроси у моих солдат.

По-видимому, Каруллу из Четвертого саврадийского легиона нравились модуляции собственного голоса. Интересно, подумал Криспин, каким способом и как скоро он прикончит этого доброго человека.

— Где... я? — Говорить было больно.

— На носилках. Едешь на восток.

Эта информация принесла значительное облегчение: значит, мир действительно находится в движении, и колеблющийся ландшафт, как и прыгающая рядом вверх-вниз фигура его собеседника не являются просто результатом еще одной встряски мозгов.

Нужно сказать что-то важное. Он напряг силы и вспомнил,

что именно. Заставил себя снова открыть глаза и наконец сообразил, что Карулл едет рядом с ним на темно-сером коне.

— Мой слуга? — спросил Криспин, стараясь как можно меньше шевелить челюстью. — Варгос.

Карулл покачал головой, его рот на гладковыбритом лице сжался в тонкую линию.

— Раба, который ударит солдата — любого солдата, не то что офицера, — подвергают публичному четвертованию. Это всем известно. Он чуть не сбил меня с ног.

— Он не раб, ты, презренный кусок дерьма!

Карулл довольно мягко сказал:

— Осторожно. Мои люди могут тебя услышать, и мне придется ответить. Я знаю, что он не раб. Мы заглянули в его бумаги. Он будет наказан кнутом и кастрирован, когда мы прибудем в лагерь, а не разорван лошадьми.

Тут Криспин почувствовал, как глухо и сильно забилось его сердце.

— Он свободный человек, гражданин Империи, мой слуга по найму. Только тронь его, и ты пропал. Я говорю серьезно. Где девушка? Что случилось с ней?

— А вот она — рабыня, с постоялого двора. И достаточно молода. Она нам пригодится в лагере. Она плюнула мне в лицо, знаешь ли.

Криспин заставил себя успокоиться; от злости его могло опять затошнить, злиться бесполезно.

— Ее продали мне на постоялом дворе. Она принадлежит мне. Ты должен это знать, раз читал эти бумаги, прыщавая ты шишка. Если ее тронут хоть пальцем, или обидят, или если моему человеку причинят какой-либо вред, то моей первой просьбой к императору будет отрезать тебе яйца, покрыть бронзой и сделать из них игральные кости. Будь уверен.

Казалось, Карулла это позабавило.

— Ты что, в самом деле идиот? Хотя «прыщавая шишка» — это ты хорошо выразился, должен признать. Как ты сможешь о чем-то попросить императора, если он получит донесение, что ты и твои спутники обнаружены сегодня нашим отрядом после того, как вас ограбили, изнасиловали всевозможными способами и зверски убили разбойники с большой дороги? Повторяю, с этим слугой и девушкой поступят, как обычно.

Криспин ответил, все еще стараясь сохранить спокойствие:

— Здесь есть идиот, но он сидит на лошади, а не лежит на

носилках. Император получит точный доклад о нашей встрече от Неспящих вместе с нижайшей просьбой о том, чтобы я вернулся к ним и руководил реставрацией изображения Джада на куполе, как мы и договаривались, когда вы ворвались. Нас не ограбили и не убили. Нас схватили в святом месте тупоумные всадники под началом трибуна-растяпы, и человека, которого вызвал к себе в Сарантий лично Валерий Второй, ударили по лицу оружием. Трибун, что ты предпочтешь: выговор, смягченный моим признанием в том, что я тебя спровоцировал, или кастрацию и смерть?

Последовало долгое молчание, к его удовлетворению. Криспин поднял руку и осторожно прикоснулся к челюсти.

Потом посмотрел на всадника, щурясь от света. Какие-то точки и цветные искры хаотично прыгали перед глазами.

— Конечно, — прибавил он, — ты мог бы вернуться назад, убить священников — все они к этому времени уже знают, что произошло, — и заявить, что нас всех ограбили, изнасиловали и убили эти злые разбойники с большой дороги. Ты мог бы это проделать, ты, высушенное крысиное дерьмо.

— Перестань меня оскорблять, — сказал Карулл, но на этот раз вяло. Он еще некоторое время ехал молча. — Я забыл об этих проклятых священниках, — наконец признался он.

— Ты еще забыл, кем подписана моя подорожная, — ответил Криспин. — И кто приказал мне приехать в Город. Ты прочел бумаги. Давай, трибун, дай мне повод простить тебя. Возможно, тебе придется меня умолять.

Вместо этого Карулл из Четвертого саврадийского начал ругаться. Ругался он весьма изобретательно, по правде сказать, и довольно долго. Наконец он соскочил с коня, махнул рукой кому-то, кого Криспин не видел, и вручил поводья солдату, подбежавшему к нему. А сам зашагал рядом с носилками Криспина.

— Чтоб ты лопнул, родианин. Мы не можем допустить, чтобы гражданские, особенно иностранцы, оскорбляли армейских офицеров! Неужели ты не понимаешь? Империя задолжала им жалованье за шесть месяцев. Шесть месяцев, и зима на носу! Все идет на строительство «зданий»! — Он произнес это слово, будто еще одно непристойное ругательство. — Ты имеешь представление, какой у них боевой дух?

— Мой человек. И девушка, — ответил Криспин, не обращая на слова Карулла внимания. — Где они? Они пострадали?

— Они здесь, здесь. Ее пока не тронули, у нас не было времени на игры. Ты опоздал, я тебе говорю. Поэтому мы отправились тебя искать. Самое недостойное поручение, будь оно проклято, из всех, доставшихся нам.

— О, заткнись! Курьер опоздал, а не я. Я свернул дела и отправился в путь через пять дней после его приезда! Сезон навигации уже закончился. Ты думаешь, мне хотелось оказаться на этой дороге? Ты его найди и задавай ему вопросы. Титатик, или как там его. Идиот с красным носом. Убей его своим шлемом. Как Варгос?

Карулл оглянулся через плечо.

— Он на коне.

— Что? Верхом?

Трибун вздохнул.

— Привязан к спине коня. Его немного... помяли. Он ударил меня после того, как ты упал. Это недопустимо!

Криспин попытался сесть, но потерпел позорную неудачу. Закрыл глаза и снова открыл их, когда почувствовал, что может это сделать.

— Слушай меня внимательно. Если этот человек серьезно ранен, я все же добьюсь, чтобы тебя лишили должности и пенсии, если не жизни. Клянусь. Прикажи положить его на носилки, и пусть о нем позаботятся. Где ближайший лекарь, который не убивает людей?

— В лагере. Твой слуга меня ударил, — повторил Карулл жалобным тоном. Но через мгновение повернулся и снова махнул рукой кому-то у себя за спиной. Когда еще один солдат подъехал к ним на коне, Карулл быстрым шепотом выдал ему залп указаний, слишком тихо, чтобы Криспин мог расслышать. Кавалерист что-то уныло пробормотал и поехал исполнять.

— Сделано, — сказал Карулл, поворачиваясь снова к Криспину. — Они говорят, что у него ничего не сломано. Некоторое время ему будет трудно ходить и мочиться, но потом все пройдет. Мы друзья?

— Засунь себе меч в задницу. Когда мы доберемся до вашего лагеря?

— Завтра вечером. С ним все в порядке, уверяю тебя. Я правду говорю.

— Нет, ты просто обгадил свой мундир, когда понял, что совершил самую крупную ошибку в жизни.

— Кровь Джада! Ты ругаешься больше меня! Мартиниан, мы оба виноваты. Я рассуждаю здраво.

— Только потому, что святые отцы видели, что произошло, ты, пердун копченый, шут гороховый.

Карулл неожиданно расхохотался:

— Это правда. Считай, что тебе крупно повезло. Отправляй пожертвования Неспящим до самой смерти. «Пердун копченый» — тоже хорошо, между прочим. Мне нравится. Я это буду использовать. Хочешь выпить?

Ситуация сложилась возмутительная, и состояние здоровья Варгоса продолжало его беспокоить, но ему начинало казаться, что Карулл из Четвертого саврадийского не такой уж неотесанный мужлан, и ему действительно хотелось выпить.

Криспин осторожно кивнул головой.

Ему принесли флягу, а позже, когда они ненадолго остановились на отдых, помощник трибуна достаточно осторожно обмыл его окровавленную щеку и подбородок. Варгоса он тоже увидел во время этой остановки. Его действительно помяли, и весьма сильно, но, очевидно, решили отложить более серьезное наказание до того времени, когда все в их лагере смогут понаблюдать за этим развлечением. Варгос уже очнулся. Его лицо распухло от ударов, на лбу красовалась рваная рана, но теперь он лежал на носилках. Привели Касию. Судя по виду, ее не тронули, но у нее снова появился взгляд испуганной лани, застигнутой ночью охотниками и замершей на месте от ужаса в лучах факелов. Он запомнил, какой увидел ее в первый раз. Вчера, примерно в это же время, в прихожей постоялого двора Моракса. Вчера? Это поразительно. У него опять заболит голова, если он будет думать об этом. Он был идиотом. Кретином.

Линон ушла к своему богу, в тишину Древней Чащи.

— Нам дали сопровождение до военного лагеря, — сообщил им обоим Криспин, все еще стараясь как можно меньше шевелить челюстями. — Я договорился с трибуном. Больше нам не причинят вреда. В ответ я разрешу ему продолжать функционировать как мужчине и как солдату. Мне очень жаль, что вам причинили боль и напугали. По-видимому, меня теперь будут сопровождать до самого Сарантия. Вызов оказался более срочным, чем можно было догадаться, исходя из самого послания и из его доставки. Варгос, они обещали, что завтра вечером придет лагерный лекарь и займется тобой, а потом я освобожу тебя

от службы у меня. Трибун клянется, что тебе не причинят вреда, и я верю в его честность. Он большая свинья, но честная.

Варгос покачал головой. Что-то пробормотал. Криспин не смог понять. Губы Варгоса сильно распухли, слова не выговаривались.

— Он хочет пойти с тобой, — тихо сказала Касия. Солнце уже стояло низко у нее за спиной, почти прямо над дорогой. Становилось холодно, наступали сумерки. — Он говорит, что больше не сможет работать на этой дороге после сегодняшнего утра. Его убьют.

Криспин на мгновение задумался и понял, что это правда. Он вспомнил тот удар, который нанес Варгос в полумраке двора сегодня на рассвете. Варгос тоже вмешался в это жертвоприношение. Кажется, не только его собственная жизнь сейчас меняется. В последних медных лучах солнца, подсветивших облака, он пристально посмотрел на лежащего рядом на носилках мужчину.

— Это правда? Ты хочешь, чтобы я не отказывался от твоих услуг до самого Сарантия?

Варгос кивнул головой.

— Сарантий — это другой мир, ты знаешь, — заметил Криспин.

— Знаю, — ответил Варгос, на этот раз отчетливо. — Твой человек.

Тут Криспин ощутил нечто неожиданное, похожее на столб света, пронзивший все остальные события этого дня. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что это счастье. Криспин протянул руку, и человек на соседних носилках тоже протянул свою руку через пространство между ними и пожал ее.

— Теперь отдыхай, — сказал Криспин, стараясь не закрывать глаза. Голова у него сильно болела. — Все будет в порядке. — Он и сам не очень в это верил, но через мгновение Варгос действительно закрыл глаза и уснул. Криспин еще раз потрогал разбитый подбородок и подавил зевоту: ему было больно так широко открывать рот. Посмотрел на девушку.

— Поговорим вечером, — пробормотал он. — Твою жизнь тоже надо устроить.

Он снова заметил, как в ней вспыхнул страх. И неудивительно. Ее жизнь, то, что случилось с ней в этот год и сегодня утром... Он увидел, что к ним идет Карулл, большими шагами, и за ним по дороге бежит длинная тень. Он и правда неплохой

человек. Всегда готов посмеяться. Криспин действительно его спровоцировал. В присутствии его солдат. Это правда. Не самый разумный поступок. Возможно, позже он ему в этом признается. А может, и нет. Может, лучше не признаваться.

Он уснул раньше, чем трибун подошел к носилкам.

— Не обижай его! — воскликнула Касия, когда офицер подошел, хотя Криспин ее не услышал. Она быстро встала между носилками и трибуном.

— Я не могу его обидеть, девочка, — ответил трибун Четвертого саврадийского, смущенно качая головой. — Он положил мои яйца на кузнечную наковальню и держит в руках молот.

— Хорошо! Не забывай об этом. — Она смотрела на него свирепо, как северянка, и совсем не была похожа на лань в тот момент.

Солдат громко расхохотался.

— Будь проклята та минута, когда я увидел вас троих в церкви, — сказал он. — Теперь девчонка-рабыня из иниции будет указывать мне, что делать? Что вы вообще делали на дороге в День Мертвых? Разве не знаете, что сегодня в Саврадии опасно?

Он увидел, как она побледнела, но ничего не ответила. Здесь что-то кроется, как подсказывал ему инстинкт. Еще он подсказывал Каруллу, что он вряд ли что-нибудь узнает. Он мог бы приказать высечь ее за неуважение, но знал, что не станет этого делать. Он действительно добросердечный человек. Этот родианин не знает, как ему повезло.

У Карулла также возникло ощущение — слабое ощущение, конечно, — что его собственное будущее тоже оказалось под угрозой после этой встречи в церкви. Он прочитал, только слишком поздно, подорожную родианина, увидел подпись под ней и узнал об особых условиях вызова императором некоего Мартиниана из Варены.

Ремесленник. Всего лишь ремесленник, но его лично пригласили в Город, чтобы он применил свое выдающееся умение и знания на строительстве нового императорского Святилища божественной мудрости Джада. Еще одно здание. Еще одно проклятое здание.

Мудрость, божественная или чисто житейская, подсказывала Каруллу, что здесь необходимо проявить некоторую осторожность. Этот человек говорил очень уверенно, и его уверенность подкреплена документами. И он действительно хозяин

этой девушки; ее документы тоже лежали в его кошельке. Но только с прошлого вечера, учтите. Он не узнает начала этой истории, подумал Карулл. Эта девица все еще сердито смотрит на него своими голубыми глазами северянки. У нее сильное и умное лицо. И русые волосы.

Если бы клирики не наблюдали за тем, что произошло, Карулл мог бы приказать убить всех троих и бросить в придорожную канаву. Но, наверное, он бы этого не сделал. Он слишком уж мягок, сказал он себе. Даже не сломал родианину челюсть шлемом. А жаль. Это поколение перестало уважать армию. Вина императора? Возможно, хотя за подобные высказывания можно вылететь со своего поста с порванными ноздрями. Сегодня деньги идут на монументы, на родианских ремесленников, на позорную дань педикам-бассанидам на востоке, а не на жалованье честным солдатам, которые охраняют покой Города и Империи. Ходят слухи, что даже Леонт, любимец армии, златовласый верховный стратиг, теперь все свое время проводит в Городе, в Императорском квартале. Он ходит на задних лапках при дворе императора и императрицы, а по утрам играет в мяч верхом с деревянным молотком, вместо того чтобы наголову разгромить бассанидов или северных врагов и заставить их просить пощады. У него теперь богатая жена. Еще одна награда. «Жены могут принести воину одни неприятности», — подумал Карулл, он так всегда считал. Шлюхи, если они чистые, доставляют гораздо меньше хлопот.

Отряд уже достаточно долго здесь стоит. Он дал знак своим людям. Вечереет, а до следующего постоялого двора еще шагать и шагать. Они могли двигаться с такой скоростью, какую им позволяли носилки. Их связали ремнями, впрягли коней и повели тех в поводу. Девушка в последний раз сердито взглянула на Карулла и пошла между двумя спящими мужчинами, босая, на вид маленькая и хрупкая, в коричневом, длинном не по росту плаще, освещенная последними отблесками света. Она довольно хорошенькая. Худая, на его вкус, но зато смелая, и нельзя же требовать всего сразу. Сегодня ночью ей от ремесленника никакого толку. Следует проявлять определенную сдержанность по отношению к чужим рабыням, но Карулл мимоходом прикинул, не добьется ли он ее расположения своей самой приятной улыбкой. Он попытался поймать ее взгляд, но безуспешно.

* * *

Боль была сильной, но отец и братья когда-то избивали его еще сильнее. Он сегодня ударил трибуна армии в грудь, чуть не сбил его с ног; за это они имели право убить его. Они и собирались, Варгос это понял, когда прибудут в лагерь. Потом каким-то образом вмешался Мартиниан. Мартиниан вел себя... необычно. В темноте переполненной спальни на первом этаже Варгос покачал головой. Столько всего случилось после той последней ночи у Моракса...

Ему показалось, что он сегодня утром видел древнего бога.

Людан, в обличии «зубира», в Древней Чаще. Варгос стоял там, в лесу, на коленях и вернулся оттуда живым на окутанное туманом поле, потому что у Мартиниана из Варены на шее висела какая-то заколдованная птица.

«Зубир». По сравнению с этим воспоминанием что значат синяки, или распухшие губы, или красная струйка, когда он мочился сегодня? Он видел то, что видел, и остался жив. Может, на нем лежит благословение? Может ли благословение быть дано такому человеку, как он? «Или мне послано предостережение, — внезапно подумал он, — приказ отречься от другого бога, того, который за солнцем, от Джада и его сына-возничего?»

Или Мартиниан и в этом тоже прав: одна сила не обязательно отрицает другую? Ни один клирик не согласится с этим, это Варгос понимал, но он уже решил, что к родианину стоит прислушаться. И остаться с ним.

Кажется, до самого Сарантия. Эта мысль немного пугала. Самым большим городом, в котором побывал Варгос, был Мегарий на западном побережье Саврадии, и он ему не понравился. Замкнутые стены, грязные, шумные, многолюдные улицы. Грохот повозок по ночам, пьяные голоса, когда таверны выплескивают пьяных посетителей, ни тишины, ни покоя, даже в темноте, при свете лун. А Варгос слышал, что собой представляет Сарантий: он превосходит провинциальный Мегарий так же, как златовласый Леонт, стратиг Империи, превосходит Варгоса из племени иниции.

Тем не менее здесь ему нельзя оставаться. Это простая истина. Он принял решение в темной прихожей Моракса вчера ночью и скрепил его ударом посоха на предрассветном дворе, среди дымных факелов и тумана. Когда нельзя вернуться и

нельзя остаться на месте, надо идти вперед, тут не о чем даже думать. Нечто подобное сказал бы отец, выпив очередную бутылку домашнего эля и вытирая усы влажным рукавом, а потом махнул бы мощной рукой одной из женщин, чтобы принесла еще пива. Это решение несложно принять, и Варгосу повезло, что есть человек, за которым стоит идти, и есть куда идти.

Варгос лежал на вполне приличном ложе на постоялом дворе, следующем на дороге к востоку от двора Моракса, и прислушивался к храпу солдат и смеху, доносящемуся из общего зала. Они все еще продолжали пить там, Мартиниан и трибун.

Он лежал тихо, не мог уснуть и снова вспоминал Древнюю Чащу. Думал о том, как «зубир», стоявший посредине имперской дороги в водовороте тумана, через мгновение каким-то образом возник прямо рядом с ними в туманном поле. Варгос знал, что будет думать обо всем этом всю оставшуюся жизнь. И помнить, как выглядел Фар на дороге, когда они вышли из леса.

Старший конюх умер до того, как они вошли в лес, но потом, когда они стояли над его телом, они увидели, что еще с ним сделали. Варгос готов был поклясться жизнью матери и собственной душой, что ни один человек не приближался к тому месту, где лежал покойник. Тот, кто забрал сердце этого человека, не принадлежал к числу смертных.

Он слышал, как неживая птичка заговорила с «зубиром» голосом женщины. Он провел мужчину и женщину по Древней Чаще и вывел их из нее. Он даже — и тут Варгос впервые слегка улыбнулся в полной темноте — ударил сарантийского офицера, трибуна, а его лишь слегка помяли, а потом уложили на носилки — на носилки! — и принесли на этот постоялый двор, потому что их заставил Мартиниан. Это воспоминание тоже останется с ним. Хотелось бы ему, чтобы его проклятый Джадом отец посмотрел, как спешиваются кавалеристы и несут его по имперской дороге, словно какого-то сенатора или знатного купца.

Варгос закрыл глаза. Недостойная, тщеславная мысль, и именно сегодня. Сегодня в душе нет места гордости. Он попытался обратиться с подобающей случаю молитвой к Джаду и его сыну, носителю огня, попросить прощения, попросить наставить его на путь истинный. Но перед его мысленным взором снова и снова возникала распоротая грудь мертвого человека, которого он прежде знал, и черный «зубир» с кровью на коротких изогнутых рогах.

Он идет в Город. В Сарантий. Туда, где находится импера-

торский дворец и сам император, тройные стены и ипподром. Сотня святилищ, как он слышал, и полмиллиона людей. В последнее он не очень-то верил. Он уже не был деревенским простаком, чтобы верить таким грубым выдумкам. Люди любят приврать из гордости.

Пока он рос, он никогда не представлял себя живущим где-либо, кроме их деревни. Потом, после того как однажды теплой, кровавой весенней ночью все изменилось, он думал, что проведет всю жизнь, шагая взад и вперед по имперской дороге в Саврадии, пока не станет слишком старым, а потом устроится служить на конюшню или на кузницу одного из постоялых дворов.

«Жизнь полна неожиданностей, — думал в темноте Варгос из племени инициев. — Ты принимаешь решение, или кто-то другой его принимает, и все меняется. Все меняется». Он услышал знакомое шуршание, потом стон и вздох; в дальнем конце комнаты кто-то занимался любовью с женщиной. Он повернулся на бок, очень осторожно. Его пинали ногами в крестец. Вот почему у него моча красная и ему больно переворачиваться.

На имперской дороге говорили: «Он плывет в Сарантий». Так говорили тогда, когда кто-нибудь пускался в явно рискованное предприятие, подвергал себя опасности, менял всю жизнь, так или иначе, словно безрассудный игрок в кости, который ставит на карту все. Именно это он сейчас делает.

Полная неожиданность. Это не в его характере. Но интересно, нужно признать. Он попытался вспомнить, когда ему в последний раз было интересно. Возможно, с девушкой, но не совсем так, это другое. Правда, довольно приятно. Варгос пожалел, что пока чувствует себя плохо. Он близко знаком с парой здешних девушек, и они к нему хорошо относятся. С другой стороны, здесь солдаты. Девушки, наверное, будут заняты всю ночь. Оно и к лучшему. Ему необходимо поспать.

В общем зале продолжали смеяться и даже начали петь. Он чувствовал, что засыпает. Мартиниан сидит там с могучим, гладковыбритым трибуном. Вот неожиданность.

В ту ночь Варгосу снилось, что он летает. Вылетает из постоялого двора и летит через дорогу при свете лун и всех звезд. Сначала на запад, над церковью Неспящих, и слышит их медленные песнопения в ночи, видит в окнах купола горящие свечи. Он пролетел мимо образа святого Джада и повернул на север над Древней Чащей.

Лига за лигой летел он над лесом, на север. И еще дальше на север, все дальше, и видел черные деревья, освещенные смешанным светом лун, на леденящем холоде. Лига за лигой расстилался огромный лес, и Варгос во сне удивился, как может человек не поклоняться той силе, которая обитает в этом лесу.

Затем некоторое время он летел снова на запад, над покрытыми травой склонами пологих холмов и через широкую извилистую реку, медленно текущую на юг рядом с дорогой. Еще один лес на другом берегу сверкающей реки, такой же черный и бесконечный, и Варгос летел над ним все время на север в ясную, холодную ночь. Он видел, где закончились дубы и начались сосны, и наконец при свете лун — горную гряду, которую знал всегда. Теперь он летел над полями, которые сам обрабатывал в детстве, видел речку, где когда-то плавал в летние дни, первые крохотные дома на окраине деревни, свой собственный дом рядом с маленьким святилищем и дом старейшин, над дверью которого была привязана ветка. А потом он увидел во сне кладбище и могилу своего отца.

* * *

Мужчина обычно не пускается в путешествие в сопровождении рабыни, но солдаты Четвертого саврадийского узнали, что ремесленник приобрел девушку лишь прошлой ночью — по слухам, получил в качестве выигрыша, побившись об заклад, — и не было ничего необычного в том, что мужчине захотелось согреться теплым телом в ветреную осеннюю ночь. Зачем платить проститутке, имея собственную женщину для услуг? Правда, эта девушка слишком костлява, чтобы согревать по-настоящему, но зато молодая, светловолосая, а может, у нее есть и другие таланты.

Солдаты уже поняли, что родианин — более важная птица, чем кажется. И еще за ужином у них с трибуном завязались дружеские отношения. Это было само по себе удивительно настолько, что внушало уважение. Девушку проводили, нетронутую, в комнату, отведенную художнику. Им были отданы точные распоряжения. Известно, что Каруллу, который любил перед всеми, кто желал его слушать, похвалиться своей доброй душой, случалось калечить и выгонять подчиненных, которые небрежно выполнили его приказ. Только его первый центурион знал, что это произошло всего лишь один раз, вскоре после

того, как Карулл получил должность трибуна и пятьсот человек под свое начало. Центуриону был отдан постоянно действующий приказ доводить эту историю до сведения каждого нового рекрута, соответственно приукрашенную. Солдатам полезно побаиваться своих командиров.

Касия, которой в первый раз за этот год предстояло ночевать не под крышей Моракса, устроилась у очага в спальне, подбрасывала в него по одному полену и ждала мужчину, который теперь стал ее хозяином. Комната была меньше, чем лучшие комнаты у Моракса, но зато в ней имелся этот очаг. Она сидела на своем плаще — плаще Мартиниана — и смотрела в огонь. Ее бабка владела искусством читать будущее в языках пламени, но Касия не обладала этим даром, и ее мысли путались, когда она смотрела на танцующее пламя. Ей хотелось спать, но в комнате не было лежанки для слуги, только одна постель, и она понятия не имела, чего следует ожидать, когда родианин поднимется наверх. Она слышала доносящееся снизу пение: Мартиниана и того человека, который одним ударом лишил его чувств. Мужчины очень странные. Она вспомнила вчерашнюю ночь, у Моракса, когда ее послали, чтобы она застала вора в комнате Мартиниана, и все изменилось. Он дважды спас ей жизнь. На постоялом дворе и потом, непонятно как, с помощью той волшебной птицы в Древней Чаще.

Сегодня она побывала в Древней Чаще.

Она видела лесное божество, о котором знала лишь из бабушкиных сказок, рассказанных возле другого дымящего очага на севере. Она ушла со священной поляны и из черного леса живой, ее не принесли в жертву, и она увидела, что сердце другого человека вырвали из груди. Человека, которого она знала, с которым ее заставляли спать не один раз. Ей стало совсем плохо, когда она посмотрела на то, что осталось от Фара. Она невольно вспоминала, как он пользовался ее телом. Вспоминала туман в поле, свою руку на шее мула. Голоса собак, которые ее выслеживали. Мартиниана, обнажившего свой меч.

Странно, но сама сцена в лесу уже истиралась, размывалась, терялась в каком-то тумане, ее было трудно схватить и удержать в памяти. Действительно ли Касия видела «зубира» с его темными глазами и огромным телом? Неужели он был такой большой? Касия почти задремала и отчасти погрузилась в транс, глядя на огонь, и у нее возникло очень странное ощущение, будто ей следовало сейчас уже быть мертвой и будто поэтому ее

сущность выкорчевали, и она стала странно легкой... Взлетела искра и упала на плащ; девушка быстро стряхнула ее. Можно ли узнать будущее такого человека? Могла бы ее бабка увидеть хоть что-нибудь в этом пламени или Касия отныне стала пустотой, незаполненной, непознаваемой? Чем-то вроде живого призрака? Или она поэтому лишена судьбы? «Поговорим вечером, — сказал лежащий на носилках Мартиниан, прежде чем снова уснул. — Твою жизнь тоже надо устроить».

Ее жизнь. Снаружи дул северный ветер; ясная ночь сегодня, но очень холодная, за этим ветром идет зима. Касия подбросила еще дров в огонь, что было довольно расточительно. И заметила, что у нее дрожат руки. Она приложила ладонь к груди, чтобы ощутить свое присутствие, биение сердца. Через некоторое время она осознала, что у нее мокрые щеки, и вытерла слезы.

Касия погрузилась в неглубокий, беспокойный сон, но они сильно шумели, поднимаясь по лестнице, и еще один купец из комнаты напротив заорал на них, а солдат в ответ забарабанил кулаком в его дверь, что вызвало еще больший хохот у его товарищей. Поэтому Касия стояла посередине комнаты, когда незапертая дверь распахнулась и в нее ввалился Мартиниан, которого поддерживали, или скорее несли на руках, двое солдат Четвертого саврадийского легиона, а еще двое шли сзади.

Шатаясь из стороны в сторону, они подвели его к постели и свалили на нее с добродушным смехом, несмотря на еще один яростный взрыв негодования из комнаты напротив, или благодаря ему. Уже было очень поздно, а они сильно шумели. Касия все об этом знала: по закону имперский постоялый двор обязан был принять до двадцати солдат одновременно, бесплатно, и тогда платных постояльцев приходилось селить по двое, чтобы освободить им место. Постояльцы вынуждены были мириться с этим, но никто не обязан был радоваться этим беспокойным ночам.

Один из солдат, сориец, судя по цвету его кожи, уставился на Касию при свете очага.

— Он в твоем распоряжении, — сказал он, махнув рукой на распростертого на постели мужчину. — Только от него сейчас мало толку. Хочешь пойти вниз с нами? С воинами, которые умеют пить и умеют ублажить женщину?

— Заткнись, — сказал другой солдат. — Приказ.

Казалось, сориец собирается возразить, но в этот момент человек на постели произнес, довольно ясно, хотя глаза его оставались закрытыми:

— Считается неоспоримым, что риторика Каллимарха играла важную роль в период начала первой войны с бассанидами. При этом условии следует ли более поздним поколениям возлагать вину за такое количество жестоких убийств на покойного философа? Спорный вопрос.

Воцарилось мертвое, растерянное молчание, потом двое из солдат рассмеялись.

— Ложись спать, родианин, — посоветовал один из них. — Если повезет, утром твоя башка опять заработает. Нашему трибуну доводилось вышибать сознание из парней покрепче тебя и побеждать в «кто кого перепьет» тоже.

— Но и то и другое случалось с немногими, — прибавил сориец. — Слава родианину! — Они снова расхохотались. Сориец ухмыльнулся, довольный собой. Они ушли, громко хлопнув дверью.

Касия вздрогнула, потом подошла и задвинула засов. Она слышала, как те четверо по очереди заколотили в дверь напротив, потом их сапоги затопали по лестнице, ведущей на первый этаж, в спальню.

Она поколебалась, потом снова подошла к ложу и с сомнением посмотрела на лежащего человека. Огонь отбрасывал плящущие тени по комнате. С громким треском упало полено в очаге. Мартиниан открыл глаза.

— Я уже начал сомневаться, не театр ли мое призвание, — произнес он на сарантийском, нормальным голосом. — Две ночи подряд мне приходится этим заниматься. Как ты думаешь, я буду иметь успех в пантомиме?

Касия заморгала.

— Ты не... пьян, господин?

— Не слишком.

— Но...

— Полезно было позволить ему превзойти меня хоть в чем-то. А Карулл пить умеет. Мы могли бы просидеть там всю ночь, а мне необходимо поспать.

— Превзойти тебя хоть в чем-то? — услышала Касия свой голос. Этот голос узнали бы ее мать и другие жители деревни. — Он ударил тебя так, что ты потерял сознание, и чуть не сломал тебе челюсть.

— Обычное дело. Ну для него обычное. — Мартиниан рассеянно потер заросшую бородой скулу. — У него было оружие, так что он не слишком отличился. Касия, они меня сюда несли. И несли слугу, который ударил армейского офицера. Я их заставил это сделать. Он сильно уронил свой престиж, этот Карулл. Вполне порядочный человек, для солдата Империи. А я хотел спать. — Он поднял обутую в сапог ногу, и она стащила с нее сапог, потом с другой ноги.

— Говорят, мой отец мог перепить большинство мужчин, и они валились на пол в таверне или сползали со своего ложа на пирах. Наверное, я это унаследовал от него, — невнятно бормотал Мартиниан, стягивая тунику через голову. Касия ничего не ответила. Рабыни не задают вопросов. — Он погиб, — сказал Мартиниан из Варены. — Во время кампании против инициев. В Фериересе. — Он не совсем трезв, поняла Касия, что бы он ни утверждал. Они пили долго. Теперь он сидел по пояс голый, и его грудь была покрыта густой порослью темно-рыжих кудрявых волос. Она заметила это, когда мыла его вчера.

— Я... из инициев, — через секунду сообщила она.

— Знаю. И Варгос тоже. Странно отчасти.

— Племена в Саврадии отличаются от тех, которые ушли на запад, в Фериерес. Те более... дикие.

— Да, я знаю. Поэтому и ушли на запад.

Наступило молчание. Он приподнялся на локте и оглядел комнату при неверном свете.

— Очаг, — сказал он. — Хорошо. Подбрось дров, Касия. — Он не называл ее Котенком. Она быстро подошла, встала на колени, положила еще одно полено и подтолкнула его глубже палкой.

— Тебе не принесли лежанку, — сказал он с другого конца комнаты. — Они решили, что я купил тебя только по одной причине. Должен тебе сообщить, меня внизу подробно проинформировали о том, что девушки инициев, особенно худые, имеют злобный нрав и я выбросил деньги на ветер. Это правда? Карулл предложил освободить меня от обязанности спать с тобой сегодня, пока я еще страдаю от боли. Очень мило с его стороны, подумал я. Им следовало поставить здесь второе ложе.

Касия осталась на месте, глядя в огонь. Иногда трудно было понять его тон.

— Я могу лечь на твоем плаще, — в конце концов ответила она. — Прямо здесь.

Она стала сметать пепел в очаг. «Вероятно, ему действительно нравятся мальчики, — решила она. — Говорят, чистокровные родиане склонны к этому, как бассаниды». Тогда по ночам ей будет легче.

— Касия, где твой дом? — спросил он.

Она вдруг с трудом глотнула. Такого вопроса она не ожидала.

Касия обернулась, не вставая с колен, и посмотрела на него.

— На севере, господин. Почти у самого Карша. — Он закончил снимать одежду, как она заметила, и теперь сидел, закутавшись в одеяло и обхватив руками колени. Отсветы пламени плясали на стене у него за спиной.

— Как тебя захватили? Или тебя продали?

Она сжала руки на коленях.

— Продали. Прошлой осенью. Чума унесла моего отца и брата. У матери не было выбора.

— Это не так, — быстро возразил он. — Всегда есть выбор. Продала свою дочь, чтобы прокормить себя? Как это цивилизованно!

— Нет, — ответила Касия, сжимая кулаки. — Она... мы... это обсудили. Когда пришел караван работорговца. Выбор был между мной и сестрой, или мы бы все погибли зимой. Ты не поймешь. Осталось мало мужчин, чтобы обрабатывать поля и охотиться, урожай не собрали. В моей деревне купили шесть девушек за зерно и монеты для городского рынка. Ведь была чума. Она... все изменила.

— О, я знаю, — тихо произнес он. Потом, помолчав, спросил: — Почему тебя? А не твою сестру?

Этого она тоже не ожидала. Никто не спрашивал о подобных вещах.

— Мать считала, что у нее... больше шансов выйти замуж. Учитывая то, что ей нечего предложить, кроме себя.

— А как ты считала?

Касия снова глотнула. За бородой и в тусклом, неровном свете трудно было понять выражение его лица.

— Почему... какая разница? — осмелилась спросить она.

Он вздохнул.

— Ты права. Никакой. Хочешь домой?

— Что?

— В свою деревню. Я тебя собираюсь отпустить, знаешь ли. Мне совершенно не нужна девушка в Сарантии, а после того,

что произошло с нами сегодня, я не хочу искушать никаких богов, пытаясь на тебе заработать. — Голос родианина, комната, освещенная горящим очагом. Ночь, начало зимы. Мир создается заново.

Он продолжил:

— Я не думаю, что... то, что мы сегодня видели... оставило тебе жизнь для того, чтобы ты убирала дом или грела воду для моей ванны. И я понятия не имею, почему пощадили и мою жизнь. Так что, если ты хочешь вернуться в свою... о, Джад! Кровь Джада! Прекрати это, женщина!

Она старалась, кусала губы, терла испачканными в саже ладонями лицо. Но как не плакать, столкнувшись с этим? Вчера вечером она знала, что сегодня умрет.

— Касия, я серьезно. Я спущу тебя с лестницы и разрешу солдатам Карулла развлечься с тобой по очереди! Ненавижу плачущих женщин!

Она знала, что он преувеличивает. Он только притворялся сердитым и злобным. Касия сама не знала, о чем еще она думала. Иногда все происходит слишком быстро. Как может расколотое дерево объяснить удар молнии?

* * *

Девушка уснула возле очага, греясь у остатков тепла. Она осталась в тунике, завернулась в плащ, под голову вместо подушки подложила другой плащ и накрылась одеялом. Он мог бы заставить ее лечь на кровать, но привычка спать одному после смерти Иландры уже глубоко укоренилась, стала чем-то мистическим, наподобие талисмана. В этом есть нечто болезненное, неправильное, сонно подумал Криспин, но он не собирался освобождаться от этой привычки сегодня ночью, с помощью рабыни, купленной вчера вечером.

Хотя называть ее рабыней, пожалуй, несправедливо. Год назад она была так же свободна, как и он, и стала жертвой той же чумы, которая разрушила и его жизнь. «Жизнь может быть разрушена по-разному», — подумал он.

Линон обозвала бы его недоумком за то, что он позволил девушке спать у очага. Но Линон здесь нет. Сегодня утром он положил ее на мокрую траву под мокрой листвой леса и ушел. *«Помни обо мне».*

Что происходит с лишенной пристанища душой, когда тело

и сердце приносят в жертву богу? Знал ли Зотик ответ на этот вопрос? Что происходит с душой, когда бог в конце концов приходит за ней? Мог ли алхимик это знать? Ему предстоит написать нелегкое письмо. *«Попрощайся с ним за меня»*.

Ставень стучал в стену. Сегодня ветреная ночь, на дороге завтра будет холодно. Девушка пойдет с ним на восток. Кажется, они оба пойдут с ним. Так странно, какие круги и петли появляются в узоре жизни. Или так только кажется. Может быть, люди стараются составить эти узоры ради утешительной иллюзии порядка?

Однажды он подслушал разговор мужчин в харчевне, когда еще был мальчиком. Голова его отца, говорили они, была полностью отделена от тела. Ударом топора. Она отлетела в сторону, а из падающего, обезглавленного тела хлынула кровь. Как красный фонтан, рассказывал один мужчина другому испуганным голосом. Такая смерть была трагичной и пугала даже солдат, она стала легендой: смерть каменотеса Хория Криспина.

Криспину было десять лет, когда он ее услышал. Топор инициев. Племена, которые ушли на запад, к Фериересу, были более дикими. Это все говорили. И девушка так сказала сегодня ночью. Они постоянно вторгались с юга в Батиару, не давали покоя северным фермам и деревням. Анты посылали армии, в том числе и городское ополчение, в Фериерес почти каждый год. Обычно эти походы были успешными, появлялись так необходимые им рабы. Но были и жертвы. Всегда. Инициев, даже при численном перевесе врага, умели драться. Красный фонтан. Не следовало ему этого слышать. Тем более в десять лет. После этого ему долго снились сны, и он не мог рассказать о них матери. Даже тогда он был уверен, что те мужчины в харчевне пришли бы в ужас, если бы узнали, что сын Хория их услышал.

Когда слезы перестали литься, Касия вполне доходчиво объяснила: дома для нее теперь нет места. После того как ее продали, сделали рабыней, которую посылали в комнаты ко всем мужчинам на постоялом дворе, у нее не осталось никаких шансов среди собственного народа. Невозможно вернуться назад, выйти замуж, создать семью, соблюдать обычаи племени. Среди этих традиций нет места таким девушкам, в какую ее превратили, кем бы она ни была раньше, до чумы, когда ее могли защитить отец и брат.

Захваченный в плен и превращенный в раба мужчина мог

убежать и вернуться в деревню с почетом, он сохранял свой статус, становился живой эмблемой мужества. Но не девушка, проданная в рабство за хлеб для зимы. Деревня ее детства теперь была для нее закрыта на замок со стороны прошлого, и ключ потерян.

На многолюдных, шумных улицах Сарантия, среди аркад, мастерских и церквей, где столько людей из многих стран, она, возможно, могла бы начать жизнь сначала. Для женщины это нелегко, и ни в чем нельзя быть уверенным, но она молода, умна и отважна. Не обязательно кому-то знать, что она работала на постоялом дворе в Саврадии, а если и узнают... Что ж, сама императрица Аликсана в свое время мало чем от нее отличалась. Стоила дороже, но занималась тем же, если верить слухам.

Криспин подумал, что за такие слова человеку могут вырвать ноздри или сделать кое-что похуже. Снаружи дул сильный ветер. Он слышал, как стучит ставень, как пронзительно воет ветер. День Мертвых. А ветер ли это?

Очаг немного смягчил холод в комнате, и Криспин лежал под двумя теплыми одеялами. Он внезапно подумал о царице антов, юной и испуганной, о ее ладони на его волосах, когда он преклонил перед ней колени. В тот раз ему тоже разбили голову, как сейчас. Он устал, челюсть болела. Ему не следовало пить сегодня вечером с солдатами. Исключительно глупо. Кое-кто сказал бы — кретинизм. Честный человек, однако, этот Карулл, трибун Четвертого легиона. Что было неожиданностью. Он любит слушать самого себя. Лицо бога на куполе церкви. Его создали мозаичники, художники, как и сам Криспин. Но нет. Они — нечто большее. Жаль, что он не знает их имен, что никто их не знает. Он напишет об этом Мартиниану. И постарается привести в порядок свои мысли. И сейчас он видел мысленным взором глаза бога совершенно ясно. Утром был туман, совсем ничего не видно, все цвета в мире исчезли. Голоса преследователей, собаки, мертвый человек. Лес и то, что увело их в лес. Он с первого взгляда начал бояться этого леса, еще тогда, у границы, и все же вошел в Древнюю Чащу: черные, густые заросли, падающие листья, жертвоприношение на поляне. Нет. Не совсем так. Завершение жертвоприношения.

Как человеку справиться со столькими вещами? Распивать вино с солдатами? Вероятно. Самое старое средство спасения, одно из самых старых. Натянуть одеяло в постели на разбитое

лицо и уснуть, надежно укрывшись от режущего ветра и от ночи? Только не от той ночи, которая теперь царит всегда.

Каю Криспину тоже снился сон в этой холодной темноте, хотя он во сне не летал. Он видел, как идет по гулким коридорам в пустом дворце, и знал, что это за дворец, где он находится. Он был там вместе с Мартинианом много лет назад — во дворце патриарха в Родиасе, самом грандиозном символе религиозной власти — и богатства — Империи. По крайней мере, он им был в свое время.

Криспин увидел его опустошенным, пыльным, заброшенным, через много времени после того, как анты покорили страну. Большинство разграбленных комнат стояли пустыми и запертыми. Они с Мартинианом шли по дворцу вслед за похожим на покойника, кашляющим клириком, чтобы осмотреть знаменитую старую настенную мозаику, которую заказчик хотел воспроизвести в своем летнем доме в Байане, у моря. Их двоих неохотно впустили, благодаря письму, а возможно и некоторой сумме денег, состоятельного заказчика, и теперь они шагали в гулкой, пыльной пустоте.

Верховный патриарх жил, молился, интриговал, диктовал бесконечные послания во все концы известного мира на двух верхних этажах. Он редко отваживался спуститься оттуда, разве что по святым праздникам, когда он переходил реку по крытому мосту, шел к Великому святилищу и проводил богослужения во славу Джада под сияющим золотом куполом.

Они шли втроем по бесконечным пустым коридорам первого этажа, и гулкое эхо их шагов звучало своего рода укором. В конце концов они пришли к помещению, в котором находилась мозаика. Зал приемов, пробормотал клирик, нашарив на поясе кольцо с ключами. Он перепробовал несколько ключей, покашливая, пока нашел нужный ключ. Мозаичники вошли в зал, постояли, потом принялись открывать ставни, хотя оба с первого взгляда поняли, что толку от этого будет мало.

Мозаика, занимающая всю длину и высоту стены, была уничтожена, но не от разрушительного действия времени и не из-за недостатков техники. По ней били молотками и топорами, кинжалами, рукоятями мечей, булавами, палками, каблуками сапог в нижней части, ее царапали пальцами. Когда-то это был морской пейзаж — это они поняли. Они знали студию, которой поручили эту работу, но не знали имен тех, кто ее выполнил: имена художников, как и других ремесленников, не считались достойными запоминания.

Еще сохранились оттенки темно-синего и великолепного зеленого цвета под самым обшитым деревом потолком, как свидетельство первоначального замысла. Здесь должны были использоваться драгоценные камни: в глазах рыб или морских коньков, в блестящей рыбьей чешуе, кораллах, раковинах, в сверкающих угрях или подводных растениях. Все они были уничтожены, а мозаику изрубили на куски. Криспин подумал, что от этого может стать дурно, но в Родиасе после падения подобные картины стали привычными. В какой-то момент этот зал подожгли. Об этом свидетельствовали черные обгоревшие стены.

Они некоторое время молча стояли и смотрели, в носу щипало от поднятой пыли, пляшущей в лучах солнечного света. Потом методично закрыли ставни, ушли вместе с больным клириком по тем же разветвляющимся коридорам и вышли на широкие, почти пустынные просторы города, который был когда-то центром мира, Империи, где кипела бурная, оживленная, жестокая жизнь.

Во сне Криспин шел по этому дворцу один, и там было даже темнее и пустыннее, чем тогда, в тот единственный раз в другой жизни, которая теперь казалась такой далекой. Тогда он только что женился, завоевывал положение в своей гильдии, его благосостояние росло, он приобрел репутацию, и все это освещалось светом невероятной, чудесной истины: он обожал женщину, на которой женился год назад, и она его любила. В коридорах сна он шел по дворцу и искал Иландру, зная, что она мертва.

Одна запертая дверь за другой каким-то образом открывались одним железным ключом, который у него был. В одной пустой комнате за другой он видел лишь пыль и черные обгоревшие стены. Он слышал вой ветра снаружи, один раз увидел голубые косые лучи лунного света сквозь дыры в ставнях. Слышались какие-то звуки. Отдаленный шум праздника? Или это грабят город? «На достаточном удалении, — подумал он во сне, — звуки почти одинаковы».

Одна комната за другой, позади него на давней пыли оставались следы ног. Никого не было видно, все звуки доносились снаружи, из других мест. Этот дворец был несказанно огромным, невыносимо заброшенным. Призраки, воспоминания и звуки откуда-то снаружи. «Это моя жизнь», — подумал Крисп

на ходу. Комнаты, коридоры, случайные движения, никого, кто имел бы хоть какое-то значение, кто мог внести жизнь, свет, даже мысль о смехе в эти пустые пространства, гораздо более обширные, чем нужно.

Он открыл еще одну дверь, ничем не отличающуюся от других, и вошел в следующую комнату, и остановился во сне, увидев «зубира».

Позади него, одетая для пиршества, в прямом платье цвета слоновой кости, отделанном по вороту и подолу темно-синим, с зачесанными назад и украшенными драгоценными камнями волосами, с ожерельем своей матери на шее, стояла его жена.

Даже во сне Криспин понял.

Это было нетрудно, в этом не было никакой хитрости или неясности, какие обычно бывают в сновидениях, для объяснения которых приходится платить деньги гадалкам. Она для него потеряна. Он должен понять, что ее нет. Так же, как и его юности, его отца, великолепия разрушенного дворца, самого Родиаса. Они исчезли. Они ушли куда-то далеко. Об этом заявил «зубир» из Древней Чащи. Между ними лежит пугающая, разделяющая дикость, варварская, абсолютная сила, чернота, спутанный мех, массивная голова и рога и глаза, которые много тысячелетий учат истине. Мимо него невозможно пройти. Ты являешься в мир от него и возвращаешься к нему, и он тебя забирает или отпускает на время, которое невозможно ни измерить, ни предсказать.

Затем, пока Криспин так думал, пытался примириться во сне с этой осознанной истиной и уже поднял было руку в знак прощания с любимой, стоящей позади лесного божества, «зубир» исчез, снова сбив его с толку.

Он исчез так, как тогда, на дороге в тумане, но не появился снова. Криспин во сне стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как в нем стучит молот, и он не знал, что громко кричит в холодной комнате, ночью, в Саврадии.

Иландра во дворце улыбнулась. Они были одни. Никаких барьеров. Ее улыбка вырвала у него сердце. Он мог бы быть телом, лежащим на дороге, с раскрытой грудной клеткой. Но он им не был. Во сне он увидел, как она легко шагнула вперед: между ними ничего не было, ничто теперь не отделяло ее от него.

— На деревьях поют птицы, — сказала его покойная жена и пришла в его объятия, — и мы молоды. — Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Он ощутил вкус соли, услышал свой голос, говорящий нечто очень, ужасно важное, но не мог разобрать слов. Своих собственных слов. Не мог.

Он проснулся и услышал дикий вой ветра за стенами, увидел погасший очаг и девушку из племени иниций — тень, тяжесть, — которая сидела на постели рядом с ним, завернувшись в плащ. Она обхватила себя руками за локти.

— Что? Что такое? — воскликнул он, сбитый с толку, страдающий, с сильно бьющимся сердцем. Она поцеловала...

— Ты кричал, — прошептала девушка.

— О, пресвятой Джад. Иди спать... — Он старался вспомнить ее имя. Он чувствовал себя одурманенным, отяжелевшим, ему хотелось вернуться в тот дворец. Хотелось, как некоторым людям хочется без конца пить маковый сок.

Она сидела молча, не шевелясь.

— Я боюсь, — сказала она.

— Мы все боимся. Иди спать.

— Нет. Я хочу сказать, что я бы тебя утешила, но боюсь.

— Вот как! — Как несправедливо, что ему нужно приводить в порядок мысли. Быть здесь. У него болели челюсть и сердце. — Люди, которых я любил, умерли. Ты не можешь меня утешить. Иди спать.

— Твои... дети?

Каждое произнесенное слово уводило его все дальше от дворца.

— Мои дочери. Прошлым летом. — Он вздохнул. — Мне стыдно быть здесь. Я позволил им умереть. — Он никогда не произносил этих слов. Но это было правдой. Он не оправдал их надежд. И остался жить.

— *Позволил* им умереть? От *чумы*? — недоверчиво переспросила женщина из племени иниций, сидящая на его постели. — Никто не может спасти от нее.

— Я знаю. Джад. Я знаю. Это не имеет значения.

Через секунду она спросила:

— А твоя... их мать?

Он покачал головой.

Проклятый ставень продолжал хлопать. Ему захотелось выйти в эту ужасную ночь и оторвать его от стены, а потом лечь в землю на ледяном ветру вместе с Иландрой.

— Касия, — сказал он. Так ее зовут. — Иди спать. Ты не обязана меня утешать.

— Это не обязанность, — ответила она.

В нем было столько гнева.

— Кровь Джада! Что ты предлагаешь? Свое мастерство в любви, которое даст мне радость?

Она замерла. Потом вздохнула.

— Нет-нет! Нет, я... не владею никаким мастерством. Я не это имела в виду.

Он закрыл глаза. Почему нужно обсуждать сейчас подобные вещи? Такой яркий, такой насыщенный сон: она стояла на цыпочках, в его объятиях, в платье, которое он помнил, в ожерелье, ее аромат, нежные, приоткрытые губы...

Она мертва, она призрак, мертвое тело в могиле. «Я боюсь», — сказала Касия из племени инициев. Криспин прерывисто вздохнул. Ставень продолжал колотить в стену снаружи. Снова, и снова, и снова. Так бессмысленно. Так... обыденно. Он подвинулся на постели.

— Тогда ложись спать здесь, — сказал он. — Тебе нечего бояться. То, что случилось сегодня, уже закончилось. — Ложь. Оно не закончится, пока ты не умрешь. Жизнь — это засада, раны, ожидающие тебя.

Он повернулся на бок, лицом к двери, чтобы дать ей место. Сначала она не шевелилась, потом он почувствовал, как она скользнула под оба одеяла. Ее ступня коснулась его ноги и быстро отодвинулась, но по этому ледяному прикосновению он понял, как она продрогла возле погасшего очага. Был самый глухой час ночи. Кто в этом ветре — духи? Души? Он закрыл глаза. Они могут полежать вместе. Поделиться бренным теплом. Мужчины в зимнюю ночь иногда платят девушкам из таверны только за это.

«Зубир» был там, во дворце, и исчез. Преграда исчезла. Ничто не стоит между ними. Но преграда осталась. Конечно, осталась. *Недоумок*, услышал он чей-то голос. *Недоумок*. Криспин еще одно долгое мгновение лежал неподвижно, потом медленно повернулся.

Она лежала на спине, глядя в темноту, и все еще боялась. Она долго думала, что сегодня умрет. Умрет жестокой смертью. Он попытался понять, каково это — так ждать. Двигаясь, словно сквозь воду или во сне, он положил ладонь на ее плечо, потом на шею, отвел в сторону от ее щеки золотистые пряди длинных волос. Она была такой юной. Он снова вздохнул, все еще совершенно ни в чем не уверенный и все еще наполовину затерянный в другом месте, но тут он дотронулся до одной маленькой, упругой груди под тонкой тканью туники. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Мастерство — всего лишь очень небольшая часть этого, — сказал он. Его собственный голос звучал странно. Потом он поцеловал ее, так нежно, как только сумел.

Он снова ощутил привкус соли, как во сне. Отстранился, посмотрел на нее сверху вниз, на ее слезы. Но она подняла руку, прикоснулась к его волосам, потом заколебалась, словно не зная, что делать дальше, как двигаться — как быть, — когда это совершается по собственному выбору. «Боль других людей», — подумал он. Ночь так темна, когда солнце находится внизу, под миром. Он очень медленно нагнул голову и снова поцеловал ее, потом опустился ниже и провел губами по ее соску под туникой. Ее рука осталась у него на голове, плотнее прижалась к волосам. «Убежище — это сон, — подумал он, — стены, вино, еда, тепло и вот это. И это. Тела смертных в темноте».

— Ты не у Моракса, — сказал он. Ее сердце стучало так быстро, что он его слышал. Этот год, который ей пришлось пережить. Он намеревался быть осторожным, терпеливым, но он так давно не спал с женщиной, и нарастающее нетерпение удивило его, а потом завладело им. После она крепко обнимала его, ее тело оказалось более мягким, чем он полагал, а руки — неожиданно сильными у него на спине. Они спали так некоторое время, а позднее — ближе к утру, когда оба проснулись, — он уже более внимательно руководил их темпом. Он вовремя услышал, как она начала совершать собственные открытия, одно за другим, как перехватывает ее дыхание, словно у путника, который поднялся на одну вершину, потом на другую, еще выше, пока, наконец, солнце бога не взошло, свидетельствуя о новых победах, одержанных, пусть и дорогой ценой, в ночи.

* * *

Старший лекарь армейской базы оказался бассанидом и очень знающим. Первое было совершенно против правил, последнее встречалось так редко — и было столь ценным, — что военный губернатор южной Саврадии махнул рукой на все бюрократические и экуменические правила. Собственно говоря, он не единственный из высшего военного руководства Империи придерживался таких взглядов. Во всей армии служили от-

кровенно языческие лекари: бассаниды, поклоняющиеся Перуну и Анаите, киндаты с их богинями лун. Выбор между правилами и хорошим врачом сделать было совсем несложно.

К несчастью, с практической точки зрения лекарь после тщательного осмотра слуги-иниция, которого «слегка помяли», и изучения образца его красной мочи заявил, что тот две недели не сможет ездить верхом. Это означало, что им придется нанять для него повозку или фургон. А так как девушка тоже едет на восток, а женщины не могут скакать верхом, то этот фургон должен быть достаточно велик для двоих.

Затем художник признался, что очень не любит верховую езду, и так как им все равно надо доставать колесный транспорт...

Военный губернатор заставил секретаря подписать необходимые бумаги, не тратя лишнего времени на подобные мелочи. Император в своей высшей мудрости желает заполучить этого человека для каких-то работ в новом святилище Сарантия. В безумно дорогом святилище. Он приказал, через посредство высочайшей канцелярии, чтобы добрые солдаты тратили свое время на выслеживание на дорогах родианского художника. Военная повозка на четверых стала всего лишь еще одним оскорблением.

Под давлением обстоятельств губернатор поддался почтительным и красноречивым уговорам одного из трибунов Четвертого саврадийского легиона, человека, который нашел этого художника.

Карулл вызвался сопровождать Мартиниана и отправиться вслед за спешно посланным с курьером письмом от губернатора, чтобы устно поддержать прямую личную просьбу к начальнику канцелярии и верховному стратигу Леонту о скорейшей выплате задолженности по жалованью. Видит бог, Карулл говорить умеет, мрачно думал губернатор, диктуя письмо для военного курьера. Пусть использует свой язык во благо.

Выяснилось также, что родианин все-таки не задержался с отъездом после получения приглашения. Почтовый курьер, которому поручили доставку императорского послания, неоправданно долго добирался до Варены. Его имя и номер гражданского служащего стояли, как обычно, на конверте, под сломанной печатью, и секретарь губернатора их записал. Тилитик. Пронобий Тилитик.

Губернатор в раздражении потратил несколько мгновений

на размышления о том, что за глупая мать дала своему сыну имя, почти совпадающее с названием женских половых органов на современном военном жаргоне. Потом продиктовал постскриптум, в котором предлагал начальнику канцелярии наказать курьера. Он не смог удержаться и вдобавок предложил, чтобы доставку всей важной корреспонденции на запад, в царство антов в Батиаре, поручили военным. Несмотря на ставшие постоянными боли в животе, губернатор кисло улыбнулся про себя, диктуя эту часть письма. И отослал курьера.

Художник со своими людьми пробыл в лагере всего две ночи, хотя лекарь такую поспешность не одобрял. Во время этого короткого пребывания родианина навестил нотариус. Он составил и внес в свои архивы документы — их копии должны после быть отправлены в архив гражданских дел Города, — закрепляющие статус свободной женщины Касии, из племени инициев.

В то же время центурион, ведающий набором рекрутов в кавалерию Четвертого саврадийского, составил необходимые протоколы для призыва на военную службу человека по имени Варгос. Эта процедура освободила его от контракта с имперской почтой и дала ему немедленный доступ к вступлению во владение всеми средствами, причитающимися ему по гражданскому контракту. Бумаги, гарантирующие перевод соответствующих сумм военному интенданту Города, также были составлены. Центурион был несказанно рад это сделать. Отношения между военной и гражданской службами были здесь столь же теплыми, как и во всех других местах. То есть отнюдь не дружескими.

Гораздо менее охотно центурион подписал освобождение вышеназванного человека от его слишком короткой военной службы. Если бы полученные на этот счет указания не были такими недвусмысленными, он бы заколебался. Этот человек — сильный и здоровый, и после того, как он оправится от случайно полученных ран, из него выйдет отличный солдат. У них масса дезертиров — неудивительно, раз жалованье запоздало более чем на полгода, — и во всех подразделениях не хватает людей.

Но — увы! И Каруллу, и губернатору, по-видимому, не терпится отправить родианина и его людей дальше. Наверное, причиной тому документы, подписанные самим канцлером Ге-

зием, решил центурион. Отставка губернатора не за горами, и ему очень не хочется вызвать неудовольствие в Городе.

С другой стороны, Карулл, кажется, едет вместе с художником в Сарантий, лично возглавив его эскорт. Центурион понятия не имел почему.

* * *

Собственно говоря, тому было несколько причин, думал трибун Четвертого савradийского, пока они двигались на восток, потом по Тракезии, постепенно сворачивая все дальше к югу. Трибун, который командует пятью сотнями солдат, гораздо важнее любого курьера, несущего письмо с очередной жалобой. Тот мог надеяться лишь на то, что его примут и дадут официальный ответ насчет задержки жалованья армии в Савradии. Начальник канцелярии ответил бы ему обычными отговорками, но Карулл надеялся повидать либо самого Леонта, либо одного из его приближенных и добиться большего.

Кроме того, он уже много лет не бывал в Сарантии и не мог упустить такой удачный шанс посетить Город. Он рассчитал, что они могут прибыть туда — даже если ехать медленно — до последних гонок колесниц на ипподроме в этом сезоне, во время праздника Дайкании. Карулл питал давнюю страсть к колесницам, которую ему не удавалось удовлетворить в Савradии, и болел за Зеленых.

Вдобавок у него возникла непредвиденная, но искренняя симпатия к рыжебородому родианину, которого он тогда пришиб шлемом. Мартиниан Варенский был не особенно разговорчивым — да Карулл и не нуждался в том, чтобы другие поддерживали беседу, — но художник умел пить почти так же хорошо, как солдат, знал множество потрясающе непристойных западных песенок и не вел себя высокомерно, как большинство родиан, по отношению к честному солдату Империи. И еще он ругался так изобретательно, что его пассажи стоило запомнить.

Кроме того, Карулл нехотя вынужден был признаться самому себе, оглядываясь по дороге на некоторых остальных членов их компании, его теперь постоянно одолевали совершенно новые чувства.

Этого он никак не ожидал.

* * *

В течение многих веков путевые дневники и письма опытных путешественников ясно давали понять, что самое большое впечатление Сарантий производит на приезжих, когда они смотрят на него с палубы корабля на закате дня.

Все путешественники сходились во мнении, что когда плывешь на восток, а из-за твоей спины солнце бога освещает купола и башни, сверкает на обращенных в сторону моря стенах и утесах, обрамляющих печально известный канал — Змеиный Зуб, а потом заходишь в прославленную гавань, невозможно не восхищаться величественным Городом. «Око мира, украшение Джада».

Сады Императорского квартала и ровную площадку, на которой императоры сами играли или наблюдали за завезенной бассанидами игрой (в ней участвовали всадники, вооруженные деревянными молотками), можно заметить издалека, с моря, среди дворцов с золотыми и бронзовыми крышами: Траверситового, Аттенинского, Барацианского. Прямо за ними огромный ипподром; а на противоположной стороне площади перед ним — громадный золотой купол, венчающий новое Святилище божественной мудрости Джада.

Если приплыть в Сарантий по морю, все это разворачивается перед путешественником, подобно пиршеству для изголодавшихся очей, слишком ослепительное, слишком многоликое и яркое, чтобы его можно было охватить разумом. Бывали случаи, когда люди закрывали лица плащами в изумлении, отворачивались, падали на колени и молились на палубе корабля, рыдая. «О, Город, Город, когда я тебя вспоминаю, мои глаза всегда увлажняются. Сердце мое — птица, летящая домой».

Потом навстречу кораблю выплывают маленькие суденышки из гавани, на борт поднимаются чиновники, выправляют бумаги, подтверждают таможенные документы, осматривают грузы и назначают пошлину, и, наконец, судну разрешают проплыть по изгибу Змеиного Зуба — толстые цепи в это мирное время убирают. Корабль проплывает между узкими утесами, и путешественники смотрят вверх на стены и на стражников по обеим сторонам, вспоминая о сарантийском огне, который обрушивался на злосчастных врагов, вздумавших захватить священный, охраняемый Джадом Город. Благоговение уступает

место страху — или соединяется с ним. Сарантий — не убежище и не приют для слабых.

Корабль швартуется, следуя инструкциям управляющего портом, передаваемым при помощи сигнальных рожков и световых сигналов, а затем, после нового изучения бумаг, путешественник может, наконец, сойти на берег и попадает в многолюдные, шумные доки и на пристани Сарантия. Можно уйти нетвердой походкой прочь от воды, после стольких дней в море, и войти в Город, который более двухсот лет был как венцом славы Джада и восточной Империи, так и самым жалким, опасным, перенаселенным, неспокойным местом на земле.

Все это так, если приплыть по морю.

Если же вы приближаетесь к Городу по суше, через Тракезию, как это сделал сам император тридцать лет назад, то прежде всего остального вы видите тройные стены.

Находились несогласные, как всегда среди путешественников, — некоторая часть человечества, склонная иметь собственное мнение и громко высказывать его, — которые настаивали, что могущество и масштаб Сарантия более всего проявляются и ошеломляют этими титаническими стенами, сверкающими в лучах восходящего солнца. Такими и увидел их Кай Криспин Варенский утром, ровно через шесть недель после того, как покинул дом по приглашению императора, посланному другому человеку, чтобы найти смысл жизни, — если его не убьют как самозванца.

«В этом заложен парадокс», — думал он, глядя на смелый взлет стен, которые с суши охраняли подступы к Городу, стоящему на мысе. В тот момент у него не было настроения рассматривать парадоксы. Он здесь. На пороге. То, что должно начаться, сейчас может начаться.

Часть II

Залитый светом звезд и лун
Сей купол смотрит свысока
На сущность человека,
На гнев
И грязь его...

Глава 6

Плавт Бонос, распорядитель Сената, шел вместе с женой и незамужними дочерьми к маленькому элитному святилищу Великомучеников рядом с их домом, чтобы вознести господу предрассветные молитвы по случаю второй годовщины подавления восстания в Сарантии. Все его чувства и мысли были необычайно обострены для столь раннего часа.

Он вернулся домой незаметно, в прохладной темноте, смыл с себя аромат своего юного любовника — мальчик пользовался особенно душистой настойкой из трав — и переоделся как раз вовремя, чтобы встретиться с женщинами своего семейства в вестибюле до восхода солнца. Именно тогда, когда Бонос заметил веточки вечнозеленых растений в волосах каждой из трех женщин в честь Дайкании, он вдруг ясно вспомнил, что поступил точно так же (покинув другого мальчика) два года назад утром того дня, когда Город взорвался огнем и кровью.

Стоя в изысканно украшенном святилище, активно участвуя, как и следовало ожидать от человека с его положением, в переменном пении двух хоров, Бонос позволил мыслям убежать в прошлое, но вспоминал он не шелковистое, стройное тело возлюбленного, а кошмар двухлетней давности.

Что бы ни говорили, что бы ни писали историки в будущем — или уже написали, — но Бонос там присутствовал — в Аттенинском дворце, в тронном зале вместе с императором, канцлером Гезием, со стратигом, с начальником канцелярии и всеми остальными. И он знал, кто именно произнес слова, которые обратили вспять волны событий двух дней, уже захлестнувшие ипподром и Великое святилище и докатившиеся до самых Бронзовых Врат Императорского квартала.

Фастин, начальник канцелярии, настойчиво предлагал императору уехать из Города, уплыть в море от потайной пристани, построенной ниже садов, идти через пролив в Деаполис или еще дальше, чтобы переждать хаос, захлестнувший столицу.

Они оказались запертыми внутри квартала со вчерашнего утра. Появление императора на ипподроме, где он должен был бросить платок в знак начала гонок в честь праздника Дайкании, вызвало не приветственные крики, а нарастающий яростный рев, а потом люди хлынули с трибун и столпились под катизмой, крича и жестикулируя. Они хотели получить голову Лисиппа Кализийца, главы налогового управления, и недвусмысленно заявляли об этом императору.

Городскую стражу на ипподроме, как обычно, послали разогнать толпу, но ее смяли и растерзали. После этого привычная жизнь закончилась.

— Победа! — крикнул кто-то, поднимая вверх отрубленную руку стражника, словно знамя. Бонос запомнил этот момент; иногда он ему даже снился. — Слава Синим и Зеленым!

Сторонники обеих партий вместе подхватили этот крик. Что неслыханно. И этот крик разрастался, пока не загремел по всему ипподрому. Людей убивали прямо под ложей императора. В тот момент сочли разумным, чтобы Валерий Второй и императрица ушли из катизмы через заднюю дверь и вернулись по закрытой, приподнятой галерее в Императорский квартал.

Первые убийства для черни всегда самые трудные. После люди словно переступают порог, и положение становится действительно опасным. Перехлестнув через стены ипподрома, кровь и огонь затопили город. Пожар бушевал весь день и всю страшную ночь, а тот день был вторым.

Леонт только что вернулся с окровавленным мечом из вылазки на разведку вместе с Авксилием, командиром Бдительных. Они доложили, что горят целые улицы и Великое святилище. Синие и Зеленые маршируют бок о бок в дыму и распевают песни, считая, что они поставили Сарантий на колени. Называют несколько кандидатов на место императора, тихо сказал стратиг.

— Кто-нибудь из них еще остался на ипподроме? — Валерий стоял рядом с троном и внимательно слушал. Его мягкое, гладковыбритое лицо и серые глаза выражали не отчаяние, а только напряженную сосредоточенность. «Его город горит, — подумал тогда Бонос, — а он выглядит, как ученый одной из

древних школ, решающий задачу на вычисление объемов и площадей».

— По-видимому, да, господин. Один из сенаторов, Симеон. — Леонт, учтивый, как всегда, удержался от взгляда на Боноса. — Некоторые из лидеров факций отвели его в катизму и нарядили в пурпур, а вместо короны надели на голову нечто вроде диадемы. Я считаю, что это произошло помимо его воли. Толпа застала его у собственного дома и схватила.

— Он старый, перепуганный человек, — заметил Бонос. То были его первые слова, произнесенные в этой комнате. — Он не честолюбив. Его просто используют.

— Я знаю, — тихо ответил Валерий.

Командир Бдительных Авксилий сказал:

— Они пытаются заставить выйти к ним Тетрия Далейна. Ворвались в его дом, но прошел слух, что он уже покинул город.

Тут Валерий все же улыбнулся, но улыбка не достигла глаз.

— Конечно. Осторожный молодой человек.

— Или трус, трижды возвышенный повелитель, — произнес Авксилий. На лице командира Бдительных читались гнев и презрение.

— Возможно, он просто сохранил вам преданность, — мягко произнес Леонт, бросив взгляд на воина.

«Возможно, но маловероятно», — подумал про себя Бонос. Благочестивый стратиг, как известно, склонен трактовать поступки других людей в их пользу, как будто можно судить о других по собственным добродетелям. Но самый младший сын убитого Флавия Далейна был предан императору не более, чем первому Валерию. У него должно быть честолюбие, но вряд ли он потянется за чашечкой с игральными костями в самом начале такой крупной игры. Из ближайшего загородного поместья Далейнов он сможет следить за настроением в Городе и вернуться очень быстро.

Бонос, и сам охваченный страхом, не решался поднять глаза и взглянуть на человека, сидящего рядом с ним: на Лисиппа Кализийца, квестора имперского налогового управления, который был причиной всего происходящего.

Главный налоговый чиновник Империи во время всей дискуссии молчал, его внушительное тело перетекало через края резной скамьи, на которой он сидел, грозя раздавить ее. Его лицо покрылось пятнами от напряжения и страха. Темные одежды тоже покрылись пятнами пота. Выразительные зеленые

глаза тревожно перебегали от одного говорящего к следующему. Он должен был знать, что его публичная казнь — или даже решение вышвырнуть его в разъяренную толпу за Бронзовые врата — вполне возможный вариант на данный момент, хотя никто еще не высказал этого вслух. Это был бы не первый случай, когда чиновника по сбору налогов приносили в жертву народу.

Валерий Второй не выказывал никаких признаков подобных намерений. Он всегда был лоялен по отношению к этому толстяку, который так эффективно и неподкупно финансировал его строительные замыслы и дорогостоящий подкуп различных варварских племен. Говорили, что Лисипп участвовал в махинациях, которые привели на трон первого Валерия. Правда это или нет, но честолюбивому императору нужен был безжалостный чиновник по сбору налогов не меньше, чем честный. Однажды Валерий сказал об этом Боносу самым прозаичным тоном, а необъятного кализийца, каким бы порокам он ни предавался в частной жизни, никому еще никогда не удавалось подкупить или склонить к предательству или оспорить полученные им результаты.

Плавт Бонос, распевая молитвы рядом с женой и дочерьми два года спустя, все еще помнил ту смесь восхищения и ужаса, которую испытал в тот день. Шум толпы у ворот квартала проникал даже в зал, где они все собрались вокруг трона, среди дорогих безделушек из сандалового дерева, слоновой кости, золота и полудрагоценных камней.

Бонос знал, что он сам, не колеблясь, отдал бы квестора факциям. При том, что налоги росли каждый квартал в последние полтора года, даже невзирая на разрушительные последствия чумы, Лисиппу не следовало арестовывать и пытать двух известных клириков за то, что они спрятали одного аристократа, скрывающегося от уплаты налогов, которого он разыскивал. Одно дело преследовать богатых, хотя Бонос так не считал. И другое дело преследовать клириков, которые служат народу.

Несомненно, любой здравомыслящий чиновник учел бы беспорядки в Городе и то, насколько неустойчивы настроения в нем накануне осенних празднеств. Дайкания всегда была опасным временем для властей. Императоры проявляли осторожность, умиротворяли Город играми и щедрыми подачками. Они знали, сколько их предшественников потеряли зрение, конечности, жизнь в эти тревожные дни в конце осени, когда Сарантий праздновал — или становился опасно неуправляемым.

Два года спустя Бонос повысил свой сильный голос, выпевая: «Да будет Свет для нас, и для наших мертвых, и для нас, когда мы умрем, господи. Святой Джад, позволь нам укрыться подле тебя и не блуждать во тьме».

Снова приближается зима. Месяцы долгой, сырой, ветреной тьмы. В тот день, два года назад, был свет... красное зарево пожара, безудержно пожиравшего Великое святилище. Потеря настолько огромная, что и представить себе невозможно.

— Северная армия может добраться сюда из Тракезии за четырнадцать дней, — тихим голосом заявил в тот день Фастин, сухо и деловито. — Верховный стратиг это подтвердит. У этой черни нет ни вожака, ни ясной цели. Любая марионетка, которую они объявят императором на ипподроме, будет безнадежно слабой. Симеон — император? Это смехотворно. Уезжайте сейчас, и вы вернетесь в Город с триумфом еще до начала зимы.

Валерий, опираясь рукой на спинку трона, посмотрел сначала на старого канцлера Гезия, потом на Леонта. И канцлер, и златовласый стратиг, его давний соратник, колебались.

Бонос понимал, почему. Фастин, возможно, прав, а может, совершает пагубную ошибку: ни один император, спасавшийся бегством от народа, которым правил, ни разу не вернулся, чтобы править снова. Симеон, возможно, — просто перепуганная кукла, но что остановит появление других, когда станет известно, что Валерий покинул Сарантий? Что, если наследник Далейнов соберется с силами или их ему предоставят?

С другой стороны, совершенно очевидно, что император, разорванный на части воющей толпой, опьяненной собственной властью, также никогда уже не будет править. Бонос хотел сказать это, но промолчал. «Интересно, — подумал он, — если чернь зайдет так далеко, поймет ли она, что распорядитель Сената присутствовал здесь по чисто формальным причинам, что у него нет власти, он не представляет опасности и не причинил им никакого вреда? Что даже с финансовой точки зрения он такая же жертва порочного квестора налогового управления Империи, как и любой из них?»

Сомнительно.

Ни один из мужчин не произнес ни слова в тот решающий момент выбора дальнейшей судьбы. В открытое окно они видели пляшущие языки пламени и черный дым — это горело Вели-

кое святилище. Они слышали глухой, тяжкий рев толпы у ворот и на ипподроме. Леонт и Авксилий сообщили, что на ипподроме и вокруг него собралось, по крайней мере, восемьдесят тысяч человек, и толпа выплеснулась на форум. Еще столько же народу беспорядочно носится по улицам города, начиная от тройных стен внизу, и так было всю прошлую ночь. Таверны и кабаки громят и грабят, рассказывали они. Еще осталось вино, которое находят и достают из погребов, а затем распивают на бурлящих, дымных улицах.

В тронном зале стоял запах страха.

Плавт Бонос, который два года спустя торжественно распевал в соседнем святилище, тогда понял, что никогда не забудет этого мгновения.

Все мужчины молчали. Заговорила единственная в зале женщина.

— Я предпочла бы умереть, одетая в порфир, в этом дворце, — тихо произнесла императрица Аликсана, — чем от старости в ссылке, в любом месте на земле. — Она стояла у восточного окна, пока мужчины спорили, и смотрела на горящий город за садами и дворцами. Теперь она обернулась и смотрела только на Валерия. — Все дети Джада рождаются, чтобы умереть. Императорское облачение — прекрасные погребальные одежды, мой повелитель. Не так ли?

Бонос помнил, как на его глазах побледнело лицо Фастина. Гезий открыл рот, потом закрыл и вдруг показался очень старым, глубокие морщины прорезали серый пергамент его кожи. Он запомнил кое-что еще, чего никогда уже не забудет: император, стоящий у трона, внезапно улыбнулся маленькой, изящной женщине у окна.

Среди многих прочих вещей Плавт Бонос понял, со странным ощущением горечи, что он никогда в жизни не смотрел так ни на мужчину, ни на женщину и не получал ни одного взгляда, даже отдаленно напоминающего тот, которым танцовщица, ставшая потом императрицей, одарила Валерия в ответ.

* * *

— Невозможно вынести, — громко произнес Клеандр, перекрывая шум таверны, — чтобы такой мужчина владел подобной женщиной! — Он выпил и вытер усы, которые пытался отращивать.

— Он ею не владеет, — рассудительно ответил Евтих. — Возможно, он даже не спит с ней. И он действительно выдающийся человек, а ты — головастик.

Клеандр сердито посмотрел на него, а остальные засмеялись.

В «Спине» было очень шумно. Стоял полдень, утренние гонки закончились, послеполуденные гонки колесниц должны были начаться после перерыва. Самые престижные из питейных заведений возле ипподрома заполнила потеющая, охрипшая толпа болельщиков обеих команд.

Самые ярые сторонники Синих и Зеленых отправились в менее дорогие таверны и кабаки, открытые для своих факций. Но хитрые управляющие «Спиной» предлагали бесплатную выпивку отставным и действующим возничим всех цветов со дня своего открытия, и соблазн выпить пива или чашу вина с кумирами с первого дня обеспечил «Спине» решающий успех.

Так и должно быть... они вложили в нее целое состояние. Длинная ось таверны должна была имитировать настоящую спину ипподрома, вокруг которой колесницы неслись в стремительном беге. Вместо грохочущих копытами коней эту спину окружала мраморная стойка, и посетители стояли, облокотившись на нее с обеих сторон, и смотрели на уменьшенные копии статуй и монументов, которые украшали реальную стену на ипподроме. А для более предусмотрительных и платежеспособных клиентов, которые заранее заказывают места, существовали кабинки, вытянувшиеся в ряд до теневой стороны в задней части таверны.

Евтих всегда был предусмотрительным, а Клеандр и Дор — платежеспособными, или скорее таковыми были их отцы. Пятеро юношей — все, разумеется, Зеленые — в дни бегов имели в постоянном пользовании заметную вторую с краю кабинку. Первую кабинку всегда резервировали для возничих или случайных посетителей из Императорского квартала, развлекающихся среди городской толпы.

— Все равно ни один мужчина не может по-настоящему владеть женщиной, — мрачно произнес Гидас. — Он на время получает доступ к ее телу, если повезет, но может лишь мельком заглянуть в ее душу. — Гидас был поэтом или хотел им быть.

— Если у них есть души, — кисло возразил Евтих и выпил свое тщательно разбавленное вино. — В конце концов это вопрос религиозный.

— Уже нет, — запротестовал Поллон. — Совет патриархов решил эту проблему лет сто назад, или около того.

— С перевесом в один голос, — с улыбкой заметил Евтих. Евтих много знал и не скрывал этого факта. — Если бы одному из почтенных клириков накануне ночью не повезло с проституткой, Совет, весьма вероятно, решил бы, что у женщин нет души.

— Наверное, это святотатство, — пробормотал Гидас.

— Упаси меня Геладикос! — рассмеялся Евтих.

— Это действительно святотатство, — сказал Гидас, и на его лице промелькнула улыбка, что случалось нечасто.

— Ее у них нет, — пробормотал Клеандр, не обращая внимания на их спор. — У них нет души. Или у нее нет, если она позволяет этой серой жабе ухаживать за ней. Она отослала обратно мой подарок, вы знаете.

— Мы знаем, Клеандр. Ты нам говорил. Раз десять. — Поллон произнес это добродушно. И взъерошил волосы Клеандра. — Забудь ее. Она для тебя недоступна. Пертений занимает высокое положение в Императорском квартале и среди военных тоже. Жаба он или нет, но именно такие мужчины спят с подобными женщинами... если только кто-нибудь рангом еще выше не вытолкнет его из их постели.

— Положение среди военных? — Голос Клеандра взлетел вверх от возмущения. — Да ты шутишь, клянусь членом Джада! Пертений Евбульский, этот вялый лизоблюд, секретарь надутого стратига, который давно уже растерял свою смелость, с тех пор как взял в жены женщину более высокого происхождения и решил, что ему нравятся мягкие постели и золото.

— Говори тише, идиот! — Поллон схватил Клеандра за руку. — Евтих, разбавь это дерьмовое вино, пока он не затеял драку с половиной армии.

— Слишком поздно, — грустно ответил Евтих. Другие проследили за его взглядом по направлению к мраморной стойке, тянущейся вдоль середины зала. Широкоплечий мужчина в форме офицера, разглядывавший копию статуи возничего Скортия, второй статуи Зеленых, смотрел на них с каменным лицом. Стоящие по бокам от него мужчины — оба гражданские — также взглянули на него, но потом отвернулись и занялись стоящей на стойке выпивкой.

Чувствуя на плече руку Поллона, Клеандр промолчал, только уставился на офицера свирепым взглядом и смотрел до тех пор, пока тот не отвернулся. Клеандр фыркнул.

— Я вам говорил, — сказал он, правда, тихо. — Армия никчемных жуликов, похваляющихся придуманными победами на поле боя.

Евтих в изумлении покачал головой.

— Ты и правда торопыга, головастик, да?

— Не называй меня так.

— Как, торопыгой?

— Нет. По-другому. Мне уже семнадцать, и мне это не нравится.

— Что тебе семнадцать?

— Нет! Это прозвище. Перестань, Евтих. Ты ненамного старше.

— Да, но я не болтаю языком, как мальчишка, у которого первая эрекция. Кто-нибудь тебе его отрежет в один прекрасный день, если не поостережешься.

Дор поморщился:

— Евтих.

Внезапно возле их кабинки возник служитель. Они посмотрели на него. Он принес кувшин с вином.

— Наилучшие пожелания от того офицера у стойки, — сказал он, нервно облизываясь. — Он предлагает вам выпить вместе с ним за здоровье верховного стратига Леонта.

— Я не пью, если мне ставят условия, — ощетинился Клеандр. — Я могу сам купить себе вина, когда захочу.

Солдат не обернулся. У служителя сделался еще более несчастный вид.

— Он, э, велел мне сказать, что если вы не выпьете его вино или откажетесь выпить за здоровье Леонта, он очень огорчится и выразит это, подвесив самого шумного из вас на крюк у входной двери. — Он помолчал. — Нам не нужны неприятности, знаете ли.

— Да имел я его! — громко сказал Клеандр.

Прошла секунда, прежде чем солдат обернулся.

На этот раз вместе с ним обернулись двое крупных мужчин, стоящих по бокам.

Один был рыжеволосый и рыжебородый, непонятного происхождения. Второй — откуда-то с севера, возможно, варвар, хотя его волосы были коротко острижены. Шум в «Спине» не

смолкал. Служитель посмотрел на троих у стойки и успокаивающе махнул рукой.

— Мальчишки меня не могут иметь, — сурово произнес солдат. При этих словах кто-то из стоящих дальше у стойки обернулся. — Мальчишки, носящие волосы на манер варваров, с которыми никогда не сталкивались, и одевающиеся, как бассаниды, которых никогда не видели, делают то, что им говорит воин из действующей армии. — Он оттолкнулся от стойки бара и медленно двинулся к их кабинке. Лицо его сохранило добродушное выражение. — У вас прически, как у врашей. Если бы армия Леонта не стояла сегодня на наших северных и западных границах, копейщики врашей могли уже стоять у ваших стен и грозить вам. Вы знаете, что они любят делать с мальчиками, захваченными в бою? Сказать вам?

Евтих поднял руку и слабо улыбнулся:

— Только не в праздничный день, спасибо. Уверен, что это неприятно. Ты действительно хочешь затеять ссору из-за Пертения Евбульского? Ты его знаешь?

— Его — нет, но я затею ссору, если будут оскорблять моего стратига. Я предоставил вам выбор. Это хорошее вино. Выпейте за Леонта, и я выпью вместе с вами. Потом мы выпьем за старых возничих Зеленых, и один из вас объяснит мне, как эти проклятые Синие умудрились увести у нас Скортия.

Евтих улыбнулся.

— А ты, смею предположить, сторонник великолепных и непревзойденных Зеленых?

— Всю мою жалкую жизнь, — кисло улыбнулся в ответ солдат.

Евтих громко рассмеялся и подвинулся, чтобы тот мог сесть. Разлил подаренное вино. Они выпили за Леонта; никто из них не питал к нему неприязни. Трудно было, даже Клеандру, искренне не замечать такого человека, хотя он и пробормотал, отвернувшись, что-то насчет того, что человек таков, каков у него секретарь.

Они быстро прикончили кувшин трибуна, потом еще два, поднимая тосты за длинную вереницу возничих Зеленых. Солдат многословно вспоминал выступавших за Зеленых во всех городах Империи во времена царствования последних трех императоров. Пятеро юношей никогда не слышали о большинстве из них. Двое друзей солдата наблюдали за ними от стойки бара, прислонясь к ней спиной, и иногда поднимали вместе с ними

тост через проход. Один из них слегка улыбался, второй сохранял невозмутимое выражение лица.

Затем управляющий «Спиной» дал команду трубить в рог, копируя сигнал к началу процессии колесниц на ипподроме, все начали расплачиваться и вывалили шумной толпой наружу, где сияло осеннее солнце и дул ветер. Они влились в толпы из других таверн и бань, устремившиеся через площадь на послеполуденные гонки.

Первый забег после перерыва был главным событием этого дня, и никто не хотел опоздать.

— В этом заезде участвуют все четыре цвета, — объяснял Карулл, пока они поспешно пересекали площадь. — Восемь квадриг, по две каждого цвета, крупный приз. Единственный приз такой же величины бывает в последнем заезде этого дня, когда не участвуют Красные и Белые и соревнуются четыре упряжки от Зеленых и Синих на «бигах» — по два коня в упряжке. Тот заезд более чистый, этот — более опасный. На беговой дорожке, вероятнее всего, прольется кровь. — Он усмехнулся. — Может, кто-нибудь переедет этого темнокожего ублюдка Скортия.

— Тебе бы этого хотелось? — спросил Криспин.

Карулл несколько мгновений обдумывал этот вопрос.

— Нет, — наконец, ответил он. — Слишком большое удовольствие на него смотреть. Хотя я уверен, что он тратит каждый год целое состояние на обереги против табличек с проклятиями и заклинаниями. Действительно, есть много Зеленых, которые были бы рады видеть, как его затопчут кони, за то, что он переметнулся к Синим.

— Те пятеро, с которыми ты пил?

— Во всяком случае, один из них. Самый шумный.

Пятеро юнцов пробирались через форум перед ипподромом впереди них, направляясь к воротам для патрициев, к забронированным местам.

— Кто та женщина, о которой он распространялся?

— Танцовщица. Всегда танцовщица. Последняя любимица Зеленых. Кажется, ее зовут Ширин. Говорят, на нее стоит посмотреть. Они все такие, как правило. Молодые аристократы вечно отталкивают друг друга локтями, чтобы лечь в постель с

модной танцовщицей или актрисой. Давняя традиция. В конце концов император женился на одной из них.

— Ширин? — удивился Криспин. Это имя было записано на клочке пергамента, лежащем в его багаже.

— Да, а что?

— Интересно. Если это та самая, то мне предстоит нанести ей визит. Передать письмо от ее отца. — Сначала Зотик назвал ее проституткой.

Карулл был изумлен.

— Джадов огонь, родианин, вечно ты преподносишь сюрпризы. Не говори об этом моим новым друзьям. Самый молодой может всадить в тебя кинжал — или нанять для этого кого-нибудь, — если услышит, что ты имеешь к ней доступ.

— Или станет моим другом на всю жизнь, если я предложу ему пойти туда вместе со мной.

Карулл рассмеялся.

— Богатый парень. Полезный друг. — Они обменялись насмешливыми взглядами.

Варгос, шагающий рядом с Криспином с другой стороны, внимательно слушал и молчал. Касия осталась на постоялом дворе, где они поселились вчера вечером. Ее приглашали пойти вместе с ними на ипподром — в правление Валерия и Аликсаны женщинам разрешалось посещать ипподром, — но ей, судя по некоторым признаком, было не по себе, когда они оказались в бурлящем хаосе Города. Варгосу тоже, но он уже бывал внутри городских стен и знал, чего ожидать.

Сарантий намного превосходил все ожидания, но их об этом предупреждали.

Вчера долгая дорога от обращенных к суше стен до постоялого двора заметно встревожила Касию. Город праздновал: шум и огромное количество людей на улицах поражали воображение. Они миновали полуголого аскета, неустойчиво устроившегося на вершине квадратного триумфального обелиска. Его длинную белую бороду ветер относил в сторону. Он читал проповедь о царящих в Городе беззакониях окружившей его толпе жителей. Кто-то сказал, что он просидел наверху уже три года. И прибавил, что к нему лучше не приближаться с подветренной стороны.

Несколько проституток работали с краю этой же толпы. Карулл пристально посмотрел на одну из них, затем рассмеялся, когда она улыбнулась ему и медленно пошла прочь, покачивая

бедрами. Он показал пальцем — на отпечатках ее сандалий в пыли довольно четко выделялась надпись: «Иди за мной».

Касия не рассмеялась, вспомнил Криспин.

И она предпочла сегодня остаться на постоялом дворе, чтобы не оказаться так быстро снова на улицах.

— Ты бы и правда затеял с ними драку? — спросил Варгос у Карулла. Это были его первые слова за весь день.

Трибун бросил на него взгляд.

— Конечно, затеял бы. Леонта при мне оскорбил избалованный городской сноб, у которого и усы-то настоящие еще не выросли.

— Тебе придется часто драться, если будешь здесь так ко всему относиться, — заметил Криспин. — Подозреваю, что сарантийцы привыкли свободно высказывать свое мнение.

Карулл фыркнул:

— Ты собираешься рассказывать мне о Городе, родианин?

— Сколько раз ты здесь бывал?

Карулл увял.

— Ну всего два раза, собственно говоря, но...

— Тогда я подозреваю, что знаю о городской жизни намного больше тебя, солдат. Варена — не Сарантий, и Родиас уже не тот, что прежде, но я все же знаю, что если ты будешь вскидываться на дыбы по поводу каждого случайно услышанного мнения, как ты, возможно, поступаешь в своих казармах, то тебе не выжить.

Карулл нахмурился:

— Он нападал на стратига. Моего командира. Я сражался под началом Леонта против бассанидов под Евбулом. Во имя господа, я знаю, какой он. Этот постельный клоп со всеми деньгами его отца и дурацкой восточной одеждой не имеет права даже произносить его имя. Интересно, где был этот мальчишка в этот же день два года назад, когда Леонт подавил мятеж? Вот это была смелость, клянусь кровью Джада! Да, я бы затеял с ними драку. Это... вопрос чести.

Криспин поднял брови.

— Вопрос чести, — повторил он. — В самом деле. Тогда почему тебе было так трудно понять то, что я сделал у стен города вчера, когда мы входили в него?

Карулл фыркнул.

— Это не одно и то же. Ты мог нарваться, тебе бы вырвали ноздри за то, что ты назвал другое имя, а не то, что стояло в тво-

ей подорожной. Преступлением было пользоваться этими бумагами. Во имя Джада, Мартиниан...

— Криспин, — поправил его Криспин.

Дорогу им перебежала группа возбужденных, не вполне трезвых болельщиков Синих, спешащих к своим воротам. Варгос покачнулся, но удержался на ногах. Криспин сказал:

— Я предпочел войти в Сарантий как Кай Криспин — это имя дали мне отец и мать, а не под фальшивым именем. — Он посмотрел на трибуна. — Вопрос чести.

Карулл выразительно покачал головой:

— Единственная причина, по которой этот стражник не посмотрел, как следует, в твои документы и не задержал тебя за несовпадение имен, — это потому, что ты был со мной.

— Я знаю, — внезапно усмехнулся Криспин. — На это я и рассчитывал.

Идущий с другой стороны Варгос фыркнул от смеха, не сумев сдержаться. Карулл гневно уставился на него.

— И ты собираешься назвать собственное имя у Бронзовых Врат? В Аттенинском дворце? Отвести тебя сначала к нотариусу, чтобы ты составил завещание и распорядился своим земным имуществом?

Прославленные ворота Императорского квартала стояли как раз в противоположном конце форума перед ипподромом. За ними виднелись купола и стены дворцов. Неподалеку, к северу от форума, леса, мусор и кирпичи окружали строительную площадку огромного нового Святилища божественной мудрости Джада. Криспина — или Мартиниана — вызвали, чтобы он внес свою лепту.

— Я еще не решил, — ответил Криспин.

Это было правдой. Он не решил. Заявление у ворот таможни было сделано совершенно спонтанно. Даже когда он произносил собственное имя в первый раз после того, как ушел из дома, он уже понял, что, поскольку он явился в компании — фактически под охраной — полудюжины солдат, это могло означать, что перегруженный во время праздника работой стражник не станет смотреть его бумаги. Так и произошло. Карулл устроил Каю гневный, пересыпанный руганью допрос, как только они оказались вне пределов слышимости караулки, но этого следовало ожидать.

Криспин отложил объяснение до тех пор, когда они сняли комнаты в одной известной Каруллу гостинице, неподалеку от

ипподрома и нового Великого святилища. Солдат Четвертого саврадийского послали в казармы с докладом, а одного отправили в Императорский квартал, чтобы доложить, что мозаичник из Родиаса прибыл в Сарантий, следуя приказу.

В гостинице, за вареной рыбой и мягким сыром с фигами и дыней на десерт, Криспин объяснил двум мужчинам и женщине, как получилось, что он путешествовал с имперской подорожной, принадлежащей другому человеку. Или, правильнее сказать, он объяснил очевидные аспекты этого дела. Остальное, имевшее отношение к мертвым и царице варваров, принадлежало лишь ему одному.

Карулл был ошеломлен до такой степени, что молчал во время его рассказа, ел и слушал, не перебивая. Когда Криспин закончил, он лишь сказал:

— Я привык биться об заклад и не боюсь рисковать, но я не поставил бы и медного фолла на то, что ты проживешь хоть один день в Императорском квартале как Кай Криспин, раз некто по имени Мартиниан был приглашен по повелению императора. При дворе не любят... сюрпризов. Подумай об этом.

Криспин обещал подумать. Дать обещание было легко. Он все время думал об этом, не находя ответа, с момента ухода из Варены.

Когда они пересекали форум ипподрома, оставляя за спиной святилище, а справа — Императорский квартал, приземистый, лысеющий человек, стоящий за складным, поспешно собранным столиком, выкрикивал одно за другим имена и числа в толпу идущих мимо людей. Карулл остановился перед ним.

— Расклад дорожек на первый заезд? — спросил он.

— Для всех?

— Конечно, нет. Кресенз и Скортий.

«Жучок» ухмыльнулся, показав черные, неровные зубы.

— Интересный сегодня день. Шестая и восьмая, Скортий на внешней.

— Он не выиграет с восьмой. Какие ставки на Кресенза из команды Зеленых?

— Для честного офицера? Три к двум.

— Трахни свою бабушку. Два к одному.

— За два к одному я это сделаю у нее в могиле, ну, да ладно. Но самая маленькая ставка — серебряный солид. Я не пойду на такой риск за кружку пива.

— Солид? Я солдат, а не жадный «жучок».

— А я принимаю ставки, а не держу кормушку для солдат. Если у тебя есть серебро, ставь его. Или отойди, не загораживай прилавок.

Карулл прикусил нижнюю губу. Это были большие деньги.

Он сунул руку в кошелек, достал, Криспин был уверен, единственную серебряную монету, которая там лежала, и протянул ее через временный прилавок. Взамен он получил зеленый жетон с надписью «Кресенз», а внизу стояло имя «жучка». Этот человек проставил с трудом номер заезда, ставку и выигрыш на обратной стороне.

Они пошли дальше в шумной толпе людей. Карулл молчал, пока они не подошли к высоким воротам ипподрома. Когда они вошли внутрь, он, казалось, ожил. И крепко сжал в кулаке свой жетон.

— Он на восьмой дорожке, последней с внешнего края. Оттуда ему не победить.

— Разве шестая намного лучше? — спросил Криспин, возможно, поступая непредусмотрительно.

— Ха! Одно утро на бегах, и самоуверенный родианин с фальшивым именем думает, что знает ипподром! Молчи, жалкий ремесленник, и учись, как Варгос. Может, чему-то и научишься! Если будешь хорошо вести себя, я вам обоим поставлю красного сайниканского в конце дня, когда получу выигрыш.

* * *

Бонос получал большое удовольствие, наблюдая за колесницами.

В его обязанности входило посещать ипподром и представлять Сенат в императорской катизме. Восемь утренних забегов стали настоящим развлечением: побед досталось поровну Синим и Зеленым, по два забега выиграли новый герой Зеленых Кресенз и поистине великолепный Скортий. Волнующей неожиданностью стал пятый забег, когда предприимчивый парень из Белых втиснулся перед вторым возничим Зеленых на последнем повороте и выиграл забег, который не должен был выиграть. Болельщики Синих приветствовали выигрыш своего младшего напарника так, словно это был блестящий военный триумф. Их ритмичные, хорошо скоординированные насмешливые выкрики в адрес униженных Зеленых и Красных породили множество драк, пока не вмешалась стража и не разняла болельщиков. Бонос подумал, что раскрасневшееся, восторженное лицо юного возничего Белых под соломенными волосами выглядело очень привлекательно, когда тот совершал круг почета. Молодого человека, как ему сказали, звали Уиттик, он был из каршитов. Бонос мысленно взял его на заметку, наклоняясь вперед вместе с другими, сидящими в катизме, и вежливо аплодируя.

Именно такие случаи создавали драматическую атмосферу на ипподроме, в равной степени как и поразительная победа, и возничий, которого уносили со сломанной шеей. Во время драмы с участием колесниц люди могли забыть о голоде, налогах, возрасте, неблагодарных детях, попранной любви.

Бонос знал, что император думает иначе. Валерий с удовольствием бы вовсе не появлялся на ипподроме, посылая вместо себя в катизму высокопоставленных придворных и заезжих послов. Император, обычно столь невозмутимый, сердился и говорил, что у него слишком много дел, чтобы тратить целый рабочий день в ложе, наблюдая за бегом коней. Он имел обыкновение совсем не ложиться после дня, проведенного на ипподроме, чтобы наверстать упущенное время.

Рабочие привычки Валерия были хорошо известны со времени правления его дяди. И тогда и теперь он доводил секретарей и гражданских служащих до состояния безумного ужаса и сомнамбулической истерии. Его называли «ночным императором», рассказывали легенды, как его видели шагающим по залам того или иного дворца в самый глухой час ночи и диктующим письма спотыкающемуся секретарю, а рядом вышагивал раб или стражник с фонарем, который отбрасывал пляшущие тени на высокие стены и потолки. Некоторые утверждали, будто странные огни или призрачные фигуры мелькали в этих тенях в такой час, но Бонос в это не очень-то верил.

Он откинулся на мягкую спинку сиденья в третьем ряду катизмы и взмахом руки потребовал чашу вина в ожидании начала послеполуденной программы. Уже подняв руку, он услышал знакомый шорох за спиной и поспешно вскочил. Тщательно запертая на засов дверь в тыльной части Императорской ложи была отперта и распахнута дежурящими Бдительными, и в ложе появились Валерий и Аликсана вместе с начальником канцелярии, Леонтом и его супругой и еще с десятком других придворных. Бонос опустился на колени рядом с другими, пришедшими раньше, и трижды коснулся лбом пола.

Валерий, явно не в духе, быстро прошел мимо них и встал рядом со стоящим впереди на возвышении троном, на виду у толпы. Он не присутствовал утром, но не посмел вовсе не прийти сегодня. Только не сегодня. Не в конце праздника, на последних гонках в году, и особенно, учитывая то, что память о произошедших здесь два года назад событиях была еще свежей. Ему необходимо было, чтобы его здесь увидели.

Это стало своеобразным извращением, но всемогущие, богоподобные императоры Сарантия были рабами традиции ипподрома и почти мифической силы, обитающей в нем. Император был возлюбленным слугой и смертным наместником Священного Джада. Бог вел свою огненную колесницу по дневному небу, а потом, каждую ночь, внизу, сквозь тьму под миром. Возничие на ипподроме вели борьбу среди смертных в знак уважения к славе бога и его сражениям. Связь между императором Сарантия и людьми, управляющими квадригами на песке внизу, утверждалась художниками, поэтами и даже клириками в течение сотен лет — хотя клирики и возмущались страстью людей к погонщикам колесниц и возникающей вследствие этого тенденцией не заглядывать в церкви. Бонос кисло подумал, что эта проблема — в том или ином виде — существует гораздо дольше чем несколько столетий, она существовала еще до появления в Родиасе веры в Джада.

Но эта основная связь между троном и колесницами глубоко укоренилась в душе сарантийцев, и как ни жаль было Валерию времени, оторванного от работы с документами и планами, его присутствие здесь выходило за рамки дипломатии и затрагивало область божественную. На мозаике на крыше катизмы был изображен Сараний — Основатель в колеснице, запряженной четверкой коней, с венком победителя на голове вместо короны. В этом заключался глубокий смысл, и Валерий это понимал. Он мог жаловаться, но он был здесь, среди своего народа, и смотрел состязания колесниц во славу господа.

Мандатор — герольд императора — поднял свой жезл, стоя в правом углу катизмы. Оглушительный рев тут же вырвался из сотен глоток. Люди наблюдали за катизмой, ожидая этого момента.

— Валерий! — кричали Зеленые, Синие, все, собравшиеся здесь: мужчины, женщины, аристократы, ремесленники, рабочие, подмастерья, лавочники, даже рабы, которым давали день отдыха во время Дайкании. Печально известный своим непостоянством народ Сарантия в последние два года решил, что он снова любит своего императора. Порочный Лисипп исчез, золотой Леонт выиграл войну и покорил земли, простирающиеся до самой пустыни Маджрити, далеко на юг и на запад, возродив память о Родиасе во времена его былого величия. — Слава трижды возвышенному! Слава трижды прославленному императору! Слава императрице Аликсане!

«И недаром народ прославляет ее», — подумал Бонос. Она была одной из них, как никто другой из стоящих в катизме. Живой символ того, как высоко можно подняться даже из кишащей крысами комнатки в недрах ипподрома.

Широким, благодушным, обнимающим всех жестом Валерий Второй Сарантийский поздоровался с приветствующими его подданными и взмахом руки приказал подать императрице платок, который она должна была бросить, чтобы начать процессию колесниц и послеполуденные состязания. Секретарь уже скорчился внизу — скрытый от толпы бортиком катизмы — и приготовился записывать то, что будет непрерывно диктовать император в то время, пока продолжается заезд. Пусть Валерий уступил требованиям этого дня и появился перед своим народом, присоединился к нему здесь, на ипподроме, объединенный с ним искусством и мужеством возничих, которые были отражением Джада в его божественной колеснице, — но он, несомненно, не собирался зря потратить всю вторую половину дня.

Бонос видел, как императрица взяла сверкающий белый прямоугольник из шелка. Аликсана была великолепна. Она всегда была великолепна. Никто не носил — никому не разрешалось носить — драгоценные камни в волосах и на теле так, как это делала Аликсана. Ее духи уникальны, их невозможно спутать ни с какими другими. Ни одна женщина и мечтать не могла скопировать этот аромат, и только одной было разрешено использовать эти же духи: широко разрекламированный подарок, сделанный Аликсаной прошлой весной.

Императрица подняла изящную руку. Бонос при виде этого быстрого, театрального жеста внезапно вспомнил, что видел эту руку так же поднятой пятнадцать лет назад, когда она танцевала на сцене, почти обнаженная.

«Императорское облачение — прекрасные погребальные одежды, мой повелитель. Не так ли?» — она произнесла эти слова в Аттенинском дворце два года назад. Главная роль совсем на другой сцене.

«Я старею», — подумал Плавт Бонос. И вытер глаза. Прошлое все время проникает в настоящее: все, что он сейчас видел, казалось пронизанным картинами того, что он видел раньше. Слишком много воспоминаний. Он умрет в том завтра, которое поджидает его уже сейчас, и тогда все превратится во вчера — в мягком божественном свете, если Джад будет милостив.

Брошенный платок падал, трепеща, как подстреленная птица, на песок внизу. Порыв ветра подхватил его и отнес вправо. «В этом увидят всякие предзнаменования, — подумал Бонос, — а гадатели дадут совершенно противоположные толкования». Он увидел, как ворота в дальнем конце распахнулись, услышал пение рожков, высокий, пронзительный звук флейт, потом звон цимбал и грохот военных барабанов. Танцовщицы и лицедеи вышли на ипподром перед колесницами. Один человек ловко жонглировал заранее подожженными палками, приплясывая и подпрыгивая на песке. Бонос вспомнил огонь.

— Сколько твоих людей потребуется для того, чтобы пробиться на ипподром через катизму? — спросил Валерий два года назад в мертвой тишине, последовавшей за словами императрицы. — Это возможно?

Его настороженные серые глаза смотрели на Леонта. Рука по-прежнему небрежно лежала на спинке трона. Конечно, существовала крытая галерея на столбах из Императорского квартала на ипподром, заканчивающаяся у задней стенки катизмы.

В это мгновение все одновременно втянули в себя воздух. Бонос увидел, как Лисипп, главный сборщик налогов, впервые поднял глаза и посмотрел на императора.

Леонт улыбнулся, кладя ладонь на рукоять своего меча.

— Взять Симеона?

— Да. Он — их главный символ. Приведи его сюда, заставь его сдаться тебе. — Император секунду помолчал. — И я полагаю, нужно будет убить некоторое количество людей.

Леонт кивнул.

— Мы спустимся в толпу? — Он помолчал, задумался. Потом поправил себя: — Нет, сначала стрелы, они не смогут от них уклониться. У них ни лат, ни оружия. И не смогут достать нас. Это вызовет хаос. Они в панике побегут к выходам. — Он снова кивнул. — Это можно сделать, мой повелитель. Зависит

от того, насколько умные люди находятся в катизме и забаррикадировались ли они там, как следует. Авксилий, если я смогу ворваться туда с тридцатью воинами и вызвать некоторое замешательство, ты сумеешь пробиться с оружием отсюда к двум воротам ипподрома с Бдительными и войти туда, когда толпа бросится к выходам?

— Сделаю или умру, — ответил чернобородый, с жесткими глазами Авксилий, оживившись. — Я отсалютую вам, стоя на песке ипподрома. Это рабы и чернь. И мятежники, восставшие против императора.

Валерий подошел к окну, встал рядом с императрицей и стал смотреть на огонь. Лисипп, тяжело дыша, сидел рядом на стонущей под его тяжестью скамье.

— Значит, таков и будет приказ, — тихо произнес император. — Вы сделаете это перед самым закатом. Все зависит от вас двоих. Вручаем вам нашу жизнь и наш трон. А пока, — Валерий повернулся к приближенным, — пусть с Бронзовых Врат провозгласят, что квестор императорского налогового управления лишен должности и чина за излишнее усердие и с позором изгнан в провинцию. Мы поручим мандатору объявить об этом также на ипподроме, если только его смогут услышать. Возьми его с собой, Леонт. Фастин, пусть твои шпионы распространяют этот слух на улицах. Гезий, сообщи патриарху: Закариос и все клирики должны провозгласить это в святилищах, сейчас и вечером. Люди побегут туда, если солдаты справятся со своей задачей. Если клирики нас не поддержат, все рухнет. Никаких убийств в церквях, Леонт.

— Конечно, мой повелитель, — ответил стратиг. Его благочестие было всем известно.

— Мы все — твои слуги. Будет так, как ты приказал, трижды прославленный повелитель, — сказал канцлер Гезий, кланяясь на удивление грациозно для столь старого человека.

Бонос видел, как другие начинают двигаться, реагировать, что-то предпринимать. Он чувствовал себя парализованным серьезностью принятого решения. Валерий собирается сражаться за трон. С горсткой людей. Он знал, что стоило императору и императрице немного пройти на запад от этого дворца, по осеннему безмятежному саду, и они могли бы спуститься по каменной лестнице в скале, сесть на стоящий наготове корабль и уплыть в море, пока никто ни о чем не догадался. Если доклады соответствуют действительности, более ста пятидесяти ты-

сяч человек сейчас вышло на улицы. Леонт попросил тридцать лучников. У Авксилия будут его Бдительные. Возможно, две тысячи человек. Не больше. Он бросил взгляд на императрицу, стоящую очень прямо и неподвижно, как статуя, на фоне окна. Это место выбрано не случайно, как он подозревал. Она знает, как встать, чтобы добиться наилучшего эффекта. Императорские одеяния. Погребальные одежды.

Он вспомнил, как император опустил взгляд на толстого, потеющего мытаря. Ходили истории о том, что Лисипп сделал с двумя клириками в одной из своих комнат в подземелье. Слухи о том, что там происходит, уже давно расползались по Городу. Некрасивые истории. Лисипп Кализиец когда-то был интересным мужчиной. Бонос его помнил: сильные черты лица, красивый голос, необычного зеленого цвета глаза. Но он слишком долго обладал большой властью. Его невозможно было подкупить, дать ему взятку как должностному лицу, это все знали, но все также знали, что подкуп может принимать и другие формы.

Бонос хорошо понимал, что его собственные привычки — на грани приемлемого, но легендарные извращенные забавы толстяка — с мальчиками, соблазненными женами, уголовниками, рабами — вызывали у него отвращение. Кроме того, налоговые реформы Лисиппа, всей тяжестью ложащиеся на самые состоятельные классы, в прошлом лишили Боноса значительных сумм. Он не знал, какие проступки этого человека возмущали его больше. Но зато знал, так как к нему не раз тайно обращались, что за этим мятежом скрывалось нечто большее, чем слепая ярость простых людей. Довольно много патрициев из Сарантия и провинций не возражали бы, если бы Валерий Тракезийский исчез и более... уступчивый человек оказался на Золотом Троне.

Молча наблюдающий Бонос увидел, как император шепнул что-то на ухо человеку, сидящему на скамье рядом с ним. Лисипп быстро поднял глаза. Он с усилием выпрямился и покраснел. Валерий слегка улыбнулся и отошел. Бонос так и не узнал, что сказал император. В это время за воротами возникло бурное движение и раздался громкий стук.

Бонос, которого вызвали на это собрание ради соблюдения чисто протокольной формальности — Сенат официально все еще давал императору советы от имени народа, — теперь стоял в растерянности, никому не нужный, испуганный, между искусно выкованным серебряным деревом и открытым окном,

выходящим на восток. Императрица повернула голову и увидела его. Аликсана улыбнулась.

Сидя сейчас через три ряда от нее в катизме, Плавт Бонос вспомнил и почувствовал, как вспыхнуло его лицо при воспоминании о том, как императрица спросила у него высокомерным, рассеянным тоном праздного любопытства, словно они возлежали рядом на ложах во время пира в честь какого-нибудь посла:

— Скажите, сенатор, прошу вас, удовлетворите мое женское любопытство. Неужели младший сын Регалия Парезиса так же красив без одежды, как и полностью одетый?

* * *

Тарас, четвертый возничий Красных, был недоволен своим местом. Совсем недоволен. Если быть честным, как и должно мужчине, перед самим собой и перед своим богом, он его ненавидел, как скорпиона, забравшегося в сапог.

Пока помощники сдерживали возбужденных коней за железным барьером, Тарас пытался занять себя проверкой узла на поводьях за спиной, чтобы не обращать внимания на язвительные взгляды возницы слева. Поводья следовало привязать крепко. Они чересчур легко выскальзывали из рук в пылу гонки. Потом Тарас проверил, как висит на поясе нож. Не одного возничего унесла смерть из-за того, что он не смог перерезать поводья после того, как колесница перевернулась, и его потащило, словно соломенную игрушку, за лошадьми. «Скачешь от одной катастрофы к другой, — подумал Тарас. — Всегда».

Ему пришло в голову, что для него в этом первом забеге во второй половине праздничного дня дело обстоит именно так. Он стоял на седьмой дорожке — плохое место, но на это не следует обращать внимания. Он выступал за Красных. От него не ждали победы при участии в этом важном заезде как первого, так и второго возниц Синих и Зеленых.

У него была своя роль в каждом заезде, как и у всех возниц Белых и Красных. И эту его функцию Тарасу сейчас сильно осложнял тот неоспоримый факт, что возничие на шестой и восьмой дорожках имели очень большие шансы на выигрыш, несмотря на старт по внешним дорожкам, и на каждого из них возлагали страстные надежды около восьмидесяти тысяч душ на трибунах.

Тарас крепче сжал кнут. На голове каждого из мужчин рядом с ним красовался серебряный церемониальный шлем, отмечавший Первого возничего своего цвета. Теперь они их снимали, как увидел Тарас, украдкой взглянув на них, когда последние аккорды музыки, сопровождавшей процессию, смолкли и начались приготовления к гонкам. Слева и несколько сзади от него, на шестой позиции, Кресенз из команды Зеленых крепко надвинул на голову простой кожаный шлем, а его помощник нежно прижал к груди серебряный. Кресенз быстро бросил сердитый взгляд на Тараса, который не сумел вовремя отвести глаза.

— Если он обгонит тебя у линии, червяк, ты у меня будешь убирать навоз на каком-нибудь убогом ипподроме на промерзшей границе с Каршем. Предупреждаю честно.

Тарас с трудом сглотнул и кивнул головой. «О, очень честно», — подумал он с горечью, но ничего не сказал. Он посмотрел вдоль дорожек за барьер. Линия, нарисованная на песке, находилась шагах в двухстах от них. До этой линии колесница должна была придерживаться своей дорожки, чтобы расписание дорожек могло сыграть свою роль и чтобы предотвратить столкновения прямо у стартовых ворот. После того как колесницы достигнут линии, возницы с внешних дорожек могут начать пробираться внутрь. Если им хватит места.

Конечно, именно в этом все дело.

Тарас в тот момент пожалел, что не остался в Мегарии. Пусть маленький ипподром в его родном городе на западе и не имел такого значения и размером был в десять раз меньше, чем этот, но там он выступал за Зеленых, а не за скромных Красных, прочно занимал второе место, имел все основания получить серебряный шлем после удачного сезона, спал у себя дома и ел материнскую еду. Хорошая была жизнь, а он отбросил ее, словно сломанный кнут, в тот день, когда агент Зеленых из Сарантия приехал на запад, увидел его на гонках и завербовал. Тарасу сказали, что он некоторое время будет выступать за Красных, так начинают в Городе почти все. Если он справится с задачей... ну, примером ему могут служить жизни всех великих возничих.

«Если ты считаешь себя достойным и хочешь добиться успеха, — сказал агент Зеленых, — отправляйся в Сарантий». Все так просто. Тарас знал, что это правда. Он был молод. Это был удобный случай. Люди называют это «плаванием в Сарантий»,

когда кто-нибудь вот так пользуется подвернувшейся возможностью. Его отец гордился. Мать поплакала и уложила для него новый плащ и две запечатанные амфоры заветного лекарства ее бабушки от всех болезней. Самое невкусное пойло на земле. Тарас принимал его по ложке каждый день со времени своего приезда в Сарантий. Они прислала еще две амфоры летом с имперской почтой.

И вот он здесь, здоровый, как молодой конь, в самый последний день своего первого сезона в столице. Ни одной кости не сломал, заработал лишь с десяток новых шрамов и всего один раз серьезно упал с колесницы, после чего у него несколько дней кружилась голова, и он слышал звуки флейты. «Неплохой сезон», — подумал он, учитывая то, что кони Красных и Белых — особенно у менее ценных возниц — были безнадежно слабыми, когда приходилось состязаться на ипподроме с конями Синих и Зеленых. У Тараса был общительный характер, он много трудился, быстро учился и достойно справлялся — по крайней мере, так ему ободряюще говорил его факционарий — с задачами второстепенных цветов. В конце концов в каждом забеге они были одними и теми же. Перекрыть дорожку, сбросить темп, нарушить мелкие правила (крупные нарушения могли стоить твоему главному цвету победы, а ты мог схлопотать временное отстранение и удар кнутом по спине — или по лицу — от Первого возничего в раздевалке), и даже тщательно рассчитанные по времени падения с колесницы, чтобы вызвать падение соперников, настигающих тебя сзади. Фокус заключался в том, чтобы при этом не переломать кости и не погибнуть, конечно.

Он даже три раза побеждал в менее важных заездах, с участием менее сильных возничих Синих и Зеленых, а также Красных и Белых. Их устраивали для развлечения толпы, и тут уж шли в ход бешеная скорость, безрассудно резкие повороты, опасные нагромождения перевернутых колесниц, и молодые возничие стегали друг друга кнутами, стремясь добиться известности. Три победы — это вполне прилично для юноши, который правит четвертой колесницей Красных в Сарантии.

Проблема в том, что «вполне прилично» — этого в данный момент недостаточно. По многим причинам эта гонка имела огромное значение, и Тарас проклинал судьбу за то, что ему выпало оказаться между свирепым Кресензом и тем ураганом, в который превращался Скортий. Он даже не должен был участво-

вать в этой гонке, но второй возничий Красных утром упал и вывихнул плечо, и факционарий предпочел оставить своего третьего для следующего заезда, где у него мог быть шанс на победу.

В результате семнадцатилетний Тарас Мегарийский стоял на линии старта, позади коней, которых слишком плохо знал, зажатый между двумя лучшими возницами этого дня, и один из них дал ему понять, что, если Тарас не заставит сойти с дистанции его соперника, его недолгое пребывание в Городе может на этом закончиться.

«Все это потому, что у него не хватило денег на покупку пристойного оберега от табличек с проклятиями, — думал Тарас. — Но что же делать? Что можно сделать?»

Прозвучал первый горн, предупреждая о скором старте. Конюхи ушли. Тарас наклонился вперед и поговорил со своими конями. Он глубоко вставил ступни в металлические скобы на полу колесницы и нервно посмотрел направо и немного вперед. И тут же снова опустил глаза. Скортий, легко сдерживая на месте свою упряжку, улыбался ему. Гибкий темнокожий сориец всегда улыбался — ходили слухи, что эта улыбка смертельно опасна для женщин Города, — и в данный момент он с насмешкой улыбался Тарасу.

Тарас заставил себя поднять глаза. Нельзя показаться испуганным.

— Плохая позиция, правда? — мягко произнес первый возница Зеленых. — Но ты не слишком волнуйся. Кресенз — добрый человек, только скрывает это. Он знает, что ты не сможешь скакать так быстро, чтобы закрыть мне дорогу.

— Черта с два я добрый, черта с два я знаю! — пролаял Кресенз с другой стороны. — Мне нужен этот заезд, Скортий. Я хочу набрать 75 побед в этом году и хочу выиграть этот заезд. Барас, или как там тебя, держи его на внешней дорожке или привыкай к запаху конского навоза в волосах.

Скортий рассмеялся.

— Мы все к нему привыкли, Кресенз. — Он пощелкал языком, успокаивая свою четверку коней.

Самый крупный из них, величавый гнедой с левого края, звался Серватор. Тарас в глубине души жаждал постоять в колеснице позади этого великолепного животного хотя бы раз в жизни. Все знали, что Скортий — блестящий возничий, но знали также, что большей частью своих успехов — о которых свидетельствовали две статуи, поставленные на спине еще до того, как Скортию исполнилось тридцать лет, — он обязан Серватору. До этого года существовал бронзовый памятник коню во дворе возле пиршественного зала Зеленых. Зимой его расплавили. Когда Зеленые потеряли возницу, они потеряли и коня, потому что в последнем контракте с ними Скортия было оговорено, и это было совершенно необычно, что Серватор принадлежит ему, а не факции.

Он перешел к Синим зимой, за какую сумму и на каких условиях — никто не знал точно, хотя ходили самые дикие слухи. Мускулистый, любящий крепкие выражения Кресенз приехал на север после того, как был первым возницей у Зеленых на ипподроме в Сарнике, втором городе Империи, а этот ипподром славился своими опасными столкновениями во время гонок. Он компенсировал до некоторой степени горе своей факции тем, что был жестким, храбрым и агрессивным и выигрывал гонки. Семьдесят пять — это было бы великолепно для первого сезона нового знаменосца Зеленых.

Семьдесят четыре было бы великолепно — отчаянно хотелось сказать Тарасу, но он промолчал.

Да и времени уже не осталось. Левый конь в его упряжке был с норовом и требовал внимания. Он всего один раз управлял этой четверкой, еще летом. Горнист на старте поднял свою трубу. Помощник поспешил назад и помог Тарасу не сойти с дорожки на старте. Он не взглянул в сторону Кресенза, но слышал, как этот свирепый человек из Амории крикнул:

— Ящик красного с моей родины, если удержишь этого сорийского ублюдка на внешней дорожке на протяжении круга, Карас!

— Его зовут Тарас! — крикнул в ответ Скортий из ненавистных Синих, по-прежнему со смехом, и в ту же секунду прозвучал сигнал, барьеры отскочили в сторону и открыли путь на широкий простор дорожек, к поражению или славе.

* * *

— Следи за стартом!

Карулл схватил Криспина за руку, стараясь перекричать оглушительный шум, когда тридцать два коня подошли к барьерам внизу и прозвучал первый сигнал горна. Криспин следил. Они с Варгосом узнали за это утро много нового; Карулл ока-

зался на удивление сведущим и словоохотливым. Последнее, впрочем, их уже не удивляло. Они поняли, что старт — это почти половина гонки, особенно если в нем участвуют лучшие возничие, и маловероятно, что они наделают ошибок в течение семи кругов вокруг спины. Если один из первых возниц Синих или Зеленых займет лидирующее положение на первом же повороте, то для того, чтобы обогнать его на дорожках, где тесно от колесниц, понадобится удача и много усилий.

Настоящая драма начиналась тогда, когда, как сейчас, двое лучших возниц находились так далеко на внешних дорожках, что могли добиться победы, только обогнав всех и прорвавшись сквозь блоки и ловушки, поставленные соперниками.

Криспин не отрывал глаз от гонщиков на внешних дорожках. Он подумал, что крупная ставка Карулла вполне оправданна: Скортий из Синих находился в очень сложном положении. По обеим сторонам от него двигались колесницы Красных, единственной задачей которых — как он узнал в то утро — было как можно дольше не пропускать лидера Синих на внутренние дорожки. Долгий бег по внешнему кругу на таком поле был большим испытанием для коней. У Кресенза слева скакал партнер из его же факции Зеленых — еще одна удача, несмотря на старт по внешней дорожке. Если Криспин к этому моменту что-нибудь понимал в этом виде спорта, то второй возница Зеленых должен был как можно быстрее удалиться от барьеров, а затем начинать прорыв влево, к внутренним дорожкам. Тогда перед Кресензом открылось бы свободное пространство, и он также смог бы уйти влево, как только они пронесутся мимо линии, отмечающей начало спины и ту границу, за которой начинается хаос маневрирования.

Криспин не ожидал, что его так увлекут гонки, но сейчас его сердце сильно билось, и он много раз в то утро ловил себя на том, что кричит. Восемьдесят тысяч орущих людей могут заставить тебя закричать. Он никогда в жизни не бывал в такой огромной толпе. Толпы обладают собственной силой; они увлекают тебя за собой.

А теперь здесь император: новый элемент, усиливающий праздничное возбуждение ипподрома. Далекая фигура в пурпурных одеждах на западном конце трибун, как раз в том месте, где колесницы совершали первый поворот вокруг спины, представляла собой еще одно измерение силы. Люди внизу, в своих хрупких колесницах, с кнутами в руках и поводьями, обвязанными вокруг крепких, натренированных тел, были третьим измерением. Криспин на мгновение поднял глаза к небу. Солнце стояло высоко, день был ясным и ветреным: бог в своей колеснице мчался над Сарантием. Сила вверху, и внизу, и повсюду вокруг.

Криспин на мгновение прикрыл глаза от солнечного блеска, и в ту же секунду, без всякого предупреждения, словно летящее копье или луч света, перед ним возникла картина. Вся целиком, огромная, незабываемая, совершенно неожиданная — подарок.

И также бремя, каким всегда были для него подобные картины: ужасающе огромное расстояние между произведением искусства, рожденным его мысленным взором, и тем, что человек способен в реальности осуществить в несовершенном мире при помощи несовершенных инструментов и при собственном удручающем несовершенстве.

Сидя здесь, на мраморной скамье сарантийского ипподрома, среди шума и воплей толпы, Кай Криспин Варенский с ужасающей уверенностью осознал, что именно он хотел бы сделать на куполе здешнего святилища, если получит такую возможность. Это вполне вероятно. Они просили прислать мозаичника. Он с трудом глотнул, у него вдруг пересохло горло. Кончики пальцев покалывало. Он открыл глаза и посмотрел на свои исцарапанные, покрытые шрамами ладони.

Прозвучал второй сигнал горна. Криспин поднял голову как раз тогда, когда барьеры внизу отскочили в сторону и колесницы рванулись вперед, как во время военной атаки, отодвинув картину внутри его в глубину сознания, но не прогнали ее прочь, не прогнали.

— Давай, проклятый Красный! Вперед! — ревел Карулл во всю силу своей мощной глотки, и Криспин понимал, почему. Он сосредоточил внимание на бегущих по внешнему кругу колесницах и увидел, что возница Красных ушел с линии старта с необычайно большой скоростью — его упряжка первой вырвалась из-за барьера, как ему показалось. Кресенз почти не отставал от него, а второй возница Зеленых на пятой дорожке изо всех сил стегал коней, готовясь возглавить гонку и повести за собой своего лидера, как только они пересекут белую линию. Криспину показалось, что скачущего по восьмой дорожке Скортия из команды Синих сигнал горна застал врасплох: он как раз повернулся назад и что-то говорил.

— Вперед! — ревел Карулл. — Скачи! Кнута им! Ты молодец, Красный!

Возница Красных уже догнал Скортия, несмотря на то преимущество, которое получила внешняя колесница от задержки на старте. Карулл сегодня утром сказал: судьба половины гонок решается до первого поворота. Похоже, сейчас так и будет. При том, что Красный уже был рядом и теперь, благодаря бурному старту, обгонял чемпиона Синих, тот никак не мог прорваться к внутренней дорожке со своей позиции на внешней. Его сторонникам на внутренних дорожках придется потрудиться, чтобы удержать Кресенза на внешней стороне или заблокировать его, особенно учитывая присутствие второго возницы Зеленых, который расчистит ему путь.

Первые колесницы достигли белой линии. Рука возницы Красных казалась размытым пятном. Он стегал своих коней, гнал их вперед, стремясь оказаться первым у белой линии. Криспин знал: где эта упряжка закончит заезд, не имело значения. Он лишь должен был удерживать Скортия на внешней дорожке как можно дольше.

— Он это сделал! — взвыл Карулл, сжимая, как тисками, левую руку Криспина.

Криспин увидел, как две упряжки Зеленых пересекли линию и тут же начали сворачивать к внутренней стороне круга — у них было для этого свободное пространство. Колесница Белых на четвертой дорожке стартовала недостаточно быстро, чтобы перехватить их. Даже если бы возница Белых налетел на ведущего гонку Зеленого и они оба упали, то это открыло бы еще больше свободного пространства для Кресенза. Все было сделано великолепно; даже Криспин это понимал.

Но тут он увидел кое-что другое.

Скортий, находясь на самой невыгодной, самой дальней дорожке, видя, что возница Красных, полный свирепой решимости, хлещет своих коней в безумной попытке обогнать его, пропустил его колесницу вперед!

Затем возница Синих внезапно наклонился влево, так далеко, что верхняя часть его тела оказалась за пределами платформы колесницы, и из этого положения взмахнул кнутом — в первый раз — и ударил правую пристяжную. Одновременно крупный гнедой, запряженный слева, тот, у кого была кличка Серватор, резко дернул влево, и колесница Синих чуть не описала круг на месте на песке, а Скортий бросил свое тело уже вправо, чтобы восстановить равновесие. Казалось, он не сможет остаться стоять и продолжать движение, но четверка коней обошла сзади все набирающую скорость колесницу Красных под невероятно острым углом, пересекла свободную дорожку и вышла прямо в хвост колесницы Кресенза.

— Да сгноит Джад душу этого человека! — вскрикнул Карулл, словно в предсмертной агонии. — Не могу поверить! Не верю! Это какой-то трюк! Он нарочно так стартовал! Он хотел это сделать! — Он потряс в воздухе сжатыми кулаками, охваченный страстным возмущением. — О, Скортий, сердце мое, зачем ты нас покинул?

Вокруг них, даже на трибунах тех, кто официально не принадлежал ни к одной из факций, мужчины и женщины кричали, как Карулл, настолько поразительным и впечатляющим был этот стремительный, опасный маневр. Криспин услышал, что и Варгос, и он сам кричат вместе со всеми, словно его душа находилась там, внизу, в колеснице, вместе с человеком в синей тунике. Кони стремительно вошли в первый поворот, с громом пронесясь мимо ложи императора. Столбом взвивалась пыль, шум стоял оглушительный. Скортий скакал прямо вслед за своим соперником, четверка его коней чуть не била копытами по заднику колесницы Кресенза. Никто из союзников Кресенза не мог заблокировать Скортия, не подвергая одновременно риску возницу Зеленых, или устроить какой-то подвох так, чтобы их цвет не дисквалифицировали.

Колесницы промчались вдоль дальних трибун, а Криспин и все остальные старались разглядеть их через спину с ее монументами. Второй возница Синих воспользовался своим положением на внутренней дорожке, чтобы перехватить и удержать лидирующее положение, и он первым вошел во второй поворот, стараясь удержать коней, чтобы они не отклонились наружу. Прямо за ним, как это ни удивительно, скакал юный возница Красных с седьмой дорожки. После того как ему не удалось заблокировать Скортия, он сделал единственное, что смог, и сам прорвался к внутренним дорожкам, воспользовавшись тем преимуществом, которое ему дал его впечатляющий — и впечатляюще неудачный — старт из-за барьера.

Первый из семи бронзовых морских коньков наклонился и нырнул сверху в серебряный бассейн с водой, стоящий у одно-

го конца спины. В противоположном конце перевернулась яйцеобразная фишка. Один круг завершен. Осталось пройти еще шесть.

* * *

Именно Пертений Евбульский оставил самое подробное описание событий мятежа. Он был военным секретарем Леонта, откровенным подхалимом и льстецом, но человеком образованным, хитрым и внимательным наблюдателем, и поскольку Бонос сам присутствовал во время многих событий, описанных Евбульским в его истории, то мог засвидетельствовать точность его описания. Пертений фактически был человеком, который умел сделаться настолько бесцветным, настолько незаметным, что о его присутствии забывали. А это означало, что он слышал и видел то, чего могли не услышать и не увидеть другие. Он получал от этого удовольствие и любил этим щегольнуть, иногда делился обрывками информации, явно ожидая ответных откровений. Боносу он не нравился.

Несмотря на это, Бонос склонен был доверять его версии событий на ипподроме, случившихся два года назад. Во всяком случае, ее подтверждало множество других источников.

К концу того дня люди, посланные Фастином в толпу, сумели настроить друг против друга Синих и Зеленых. Неопределенность не способствовала долготерпению, и временный союз факций начал давать трещины. Все знали, что императрица оказывает предпочтение Синим, поскольку сама когда-то была их танцовщицей. Нетрудно было вызвать беспокойство и подозрение у Зеленых на ипподроме по поводу того, что они могут оказаться основными жертвами любой реакции на события двух последних дней. Страх мог объединить людей, он мог также разобщить их.

Леонт и его тридцать лучников бесшумно прошли по крытой галерее из Императорского квартала в заднюю часть катизмы. Затем произошел непонятный инцидент с ипподромными служащими, которые охраняли галерею и людей в ложе. Предположительно, они окончательно не решили, кому хранить верность. По рассказу Пертения, стратиг тихо произнес страстную речь в темной галерее, и они снова перешли на сторону императора.

У Боноса не было веских причин сомневаться в его отчете,

хотя многословие приведенной им речи и ее продолжительность не соответствовали напряженности момента.

Люди стратига, каждый из которых был вооружен и луком, и мечом, затем ворвались через заднюю дверь катизмы вместе с городскими стражниками. Они обнаружили Симеона действительно сидящим в кресле императора. Это был подтвержденный факт: все на ипподроме видели его там. После он оправдывался тем, что у него не было выбора.

Леонт лично сорвал самодельную корону и порфировые одежды со смертельно испуганного сенатора. Тогда Симеон упал на колени и обнял сапоги верховного стратига. Ему оставили жизнь; его униженная, публичная покорность оказалась полезным символом, поскольку все происходящее было ясно видно всему ипподрому.

Солдаты быстро и безжалостно расправились с теми в катизме, кто посадил Симеона в кресло императора. Большинство из них были известными возмутителями спокойствия, хоть и не все. Четверо или пятеро из находящихся в ложе вместе с Симеоном оказались аристократами, которые считали, что у них есть причины убрать независимого императора и взять власть в свои руки при марионетке на троне.

Их изрубленные, окровавленные тела немедленно сбросили вниз, на песок, и они упали прямо на головы и плечи толпы, которая была такой плотной, что люди не могли пошевелиться.

И это, разумеется, стало основной причиной последовавшей массовой резни.

Леонт заставил мандатора объявить о ссылке ненавистного налогового чиновника. В изложении Пертения эта речь также была длинноватой, но, насколько Бонос представлял ситуацию, вряд ли ее кто-нибудь слышал.

Потому что Леонт во время объявления мандатором решения императора велел лучникам открыть стрельбу. Некоторые стрелы были выпущены в тех, кто стоял под самой катизмой; другие летели по высокой дуге и падали смертоносным дождем на незащищенных людей вдалеке от нее. Ни у кого из стоящих на песке не было оружия или доспехов. Непрерывный град стрел, пущенных наугад умелыми стрелками, немедленно вызвал панику. Люди падали, их затаптывали насмерть в этом хаосе, они дрались друг с другом в отчаянной попытке убежать с ипподрома через один из выходов.

Именно в этот момент, как писал Пертений, две тысячи

Бдительных, разделенных на две группы, во главе с Авксилием появились у выходов с противоположных сторон. Один из выходов — этот слух закрепился и вызвал широкий резонанс — назывался Вратами Смерти, тот, через который выносили погибших и раненых возничих.

Бдительные надели свои шлемы с забралами. Они заранее обнажили мечи. То, что началось потом, называлось бойней. Перед ними люди стояли, прижавшись друг к другу так плотно, что даже руку не могли поднять, чтобы защититься. Резня продолжалась после захода солнца, и осенняя тьма сделала ее еще более ужасной. Люди погибали от мечей, от стрел, затоптанные в кровавой давке.

Ночь стояла ясная, старательно отмечают хроники Пертения, звезды и белая луна сияли на небе. Ошеломляющее количество людей погибло на ипподроме в тот вечер и в ту ночь. Мятеж закончился черной рекой крови, пропитавшей песок при лунном свете.

Два года спустя Бонос смотрел, как колесницы несутся вокруг спины по тому же песку. Еще один морской конек нырнул — до недавнего времени вместо них были дельфины, — еще одно яйцо перевернулось. Пройдено пять кругов. Он вспоминал белую луну, висящую в восточном окне тронного зала, когда Леонт — без единой царапины, спокойный, словно мужчина, расслабившийся в любимой бане, со слегка растрепанными, будто от пара, золотыми волосами — вернулся в Аттенинский дворец, ведя за собой совершенно беспомощного, что-то бормочущего Симеона. Престарелый сенатор распростерся ничком на мозаичном полу перед Валерием, рыдая от страха.

Император, теперь сидящий на троне, посмотрел на него сверху вниз.

— Мы считаем, что тебя вынудили силой, — сказал он, пока Симеон выл и бился головой об пол.

Бонос это запомнил.

— Да! О, да, мой дорогой, трижды возвышенный повелитель! Вынудили!

Бонос увидел странное выражение на круглом, гладком лице Валерия. Он не принадлежал к тем людям — и все это знали, — которые получают удовольствие, убивая людей. Он уже заставил изменить судебный кодекс и отменить смертную казнь в наказание за многие преступления. А Симеон был жалкой

жертвой толпы и ничем иным. Бонос готов был биться об заклад, что старого сенатора ждет ссылка.

— Мой повелитель?

Аликсана осталась у окна. Валерий обернулся к ней. Он так и не произнес того, что собирался сказать.

— Мой повелитель, — тихим голосом повторила императрица, — он был коронован. Облачен в порфир перед народом. Добровольно или нет. Поэтому сейчас в этом зале два императора. В городе. Два... живых императора.

Тут даже Симеон замолчал, вспомнил Бонос.

Евнухи канцлера убили старика в ту же ночь. Утром его голое, опозоренное тело было повешено на всеобщее обозрение на стене, рядом с Бронзовыми Вратами, во всей своей дряблой, бледной наготе.

Также утром было сделано новое заявление во всех священных местах Сарантия о том, что император исполнил волю своего горячо любимого народа и ненавистный Лисипп уже изгнан за пределы городских стен.

Двоих арестованных клириков, живых, хоть и пострадавших после пребывания в руках квестора имперского налогового управления, освободили, но лишь после тайного совещания между ними, начальником канцелярии и Закариосом, его святейшеством восточным патриархом Джада, во время которого им дали понять, что они должны оставить при себе подробности того, что с ними сделали. Оба они и так не склонны были распространяться по этому поводу.

Как всегда, важно было привлечь городских клириков к участию в наведении порядка. Однако сотрудничество клириков всегда обходилось Сарантию дорого. Первое официальное заявление о чрезвычайно амбициозном плане императора восстановить Великое святилище было сделано на том же совещании. По сей день Бонос не знал, как Пертений узнал об этом. Тем не менее он мог подтвердить еще один аспект хроники мятежа, написанной историком. Гражданские службы Сарантия всегда стремились к точным цифрам. Бонос в качестве главы Сената видел тот же отчет, что и Пертений.

Тридцать одна тысяча человек погибла на ипподроме под белой луной два года назад.

* * *

Вызвав всеобщий взрыв возбуждения на старте, дальше гонка развивалась с незначительными изменениями в позициях. Три квадриги, стартовавшие по внутренним кругам, понеслись вперед от линии достаточно быстро, чтобы удержать свои позиции. Поскольку это были колесницы Белых, Красных и второго возницы Синих, темп они задали не слишком высокий. Кресенз из Зеленых застрял позади этих троих рядом со своим вторым возницей, который сначала провел его поперек дорожек. Кони Скортия по-прежнему держались позади колесницы соперника. Когда гонщики на пятом круге проносились мимо них, Карулл снова стиснул руку Криспина и прохрипел: «Погоди! Он сейчас отдает приказы!» Криспин попытался что-нибудь разглядеть сквозь клубы пыли и увидел, что Кресенз действительно кричит что-то, повернув голову влево, и второй номер Зеленых передает его слова вперед.

Прямо в начале шестого круга, как только колесницы вышли из поворота, упряжка Красных, скачущая второй, союзник Зеленых, внезапно резко упала и увлекла за собой вторую квадригу Синих, поднимая тучу пыли, под громкие вопли зрителей.

От одной из колесниц отвалилось колесо и покатилось через дорожки. Это произошло прямо напротив Криспина, и единственным, что он ясно видел среди хаоса, было это колесо, безмятежно катящееся вперед, оставив позади колесницу. Он смотрел, как оно катится, чудом не сталкиваясь с подпрыгивающими и виляющими колесницами, пока не упало у внешнего края песка.

Кресенз и второй Зеленый рядом с ним избежали крушения. Скортий тоже, быстро сместившись вправо. Идущая за ним вторая упряжка Белых попыталась обойти упавших, но недостаточно быстро. Запряженная с внутренней стороны лошадь зацепилась за нагромождение колесниц, и возница отчаянным рывком перерезал поводья, затянутые на талии, когда его колесница перевернулась. Он освободился и вылетел на внутреннюю сторону, а потом покатился через дорожки по направлению к спине. У следующих за ним колесниц было больше времени, чтобы разойтись в стороны. После того как возница освобождался от поводьев, ему не грозила опасность. Но один из его коней с внутренней стороны упряжки громко заржал и

упал, он явно сломал ногу. А рядом с обломками первых колесниц на дорожке неподвижно лежал второй возница Синих.

Криспин увидел бегущих по песку служащих ипподрома, чтобы убрать его — и коней — до того, как уцелевшие колесницы вернутся на то же место.

— Это было сделано нарочно! — закричал Карулл, глядя вниз на хаос из коней, людей и колесниц. — Здорово разыграно! Посмотри, он открыл Кресензу дорогу! Вперед, Зеленые!

Как только Криспин оторвал взгляд от упавших колесниц и неподвижно лежащего человека и перевел его на мчащиеся по прямой к императорской ложе квадриги, он увидел, как возница Зеленых номер два, оказавшийся теперь, после несчастного случая, на втором месте, внезапно отклонил свою упряжку вправо, к наружной стороне, а Кресенз, скачущий позади него, изо всех сил стегнул коней. Время было выбрано великолепно, как в танце. Чемпион Зеленых пронесся мимо своего напарника и вдруг оказался прямо рядом с упряжкой Белых, которая до сих пор лидировала в гонке, а потом мимо нее, с внешней стороны, поразительно близко. Это было похоже на взрыв скорости и энергии, и возница Белых не успел среагировать и уйти в сторону от ограждения, чтобы оттеснить Кресенза дальше к внешнему краю при входе в поворот.

Но в тот самый момент, когда Кресенз из Зеленых с блеском пронесся мимо и начал входить в поворот, набирая скорость, колесничий Белых отказался от попытки задержать его, а вместо этого резко натянул поводья своих коней, со всей силы вцепившись в них, и придержал колесницу справа у ограждения — и Скортий этим воспользовался.

Великолепный гнедой пристяжной упряжки чемпиона Синих пронесся мимо внешней пристяжной колесницы Белых так близко, что, казалось, их колеса сошлись в один туманный круг. Через мгновение Криспин снова вскочил на ноги и закричал вместе со всеми на ипподроме.

Кресенз скакал первым, когда они промчались под ложей императора, но яростный рывок заставил его коней двигаться по более широкой дуге. А Скортий из Синих снова безумно далеко перегнулся влево, и все его тело оказалось за пределами подпрыгивающей, несущейся колесницы. Крупный гнедой конь, увлекая за собой остальных трех, вошел в поворот с внутренней стороны всего на полкорпуса сзади. Они стремглав вы-

скочили из поворота на дальнюю прямую под вопли восьмидесяти тысяч вскочивших на ноги зрителей.

Оба чемпиона остались одни впереди всех.

У Криспина саднило горло от крика. Он напрягал зрение, чтобы не упустить ничего. Криспин увидел, как Кресенз из Зеленых хлещет коней, вытянувшись так далеко вперед, что он нависал над самыми их хвостами. Он услышал громовой рев трибун, когда его четверка доблестно выполнила то, что от нее требовалось, и немного оторвалась от преследующих ее коней Синих.

Но здесь и немного было достаточно. «Немного» могло означать выигрыш, так как, снова отвоевав полкорпуса, Кресенз, в свою очередь, перегнулся влево и, бросив один быстрый, оценивающий взгляд назад, пожертвовал малой долей скорости ради резкого поворота вовнутрь и снова занял внутреннюю дорожку.

— Он это сделал! — взвыл Карулл, колотя Криспина по спине. — Ура, Кресенз! Вперед, Зеленые! Вперед!

— Как? — вслух спросил Криспин, ни к кому не обращаясь. Он смотрел, как Скортий запоздало изо всех сил заработал кнутом, стегая свою упряжку, увидел, как кони по очереди среагировали, и обе квадриги полетели вперед по дальней прямой. Кони Синих снова рванулись вперед, их головы оказались рядом с несущейся колесницей Кресенза. Но было уже слишком поздно, они снова шли по внешнему кругу. Возница Зеленых на выходе из поворота сделал блестящий маневр и захватил внутреннюю дорожку, и на этом последнем этапе более короткое расстояние внутри должно было, конечно, сыграть свою роль.

— Святой Джад! — внезапно закричал Варгос с другой стороны от Карулла так, будто эти слова вырывали у него из глотки. — О, клянусь Геладикосом! Он сделал это нарочно! Снова!

— Что? — крикнул Карулл.

— Смотрите! Перед нами! О, Джад, откуда он узнал?

Криспин посмотрел туда, куда указывал Варгос, и сам закричал нечто нечленораздельное, охваченный возбуждением и изумлением. Он вцепился в руку Карулла, услышал, как тот взревел, одновременно от боли и восторга. А потом он просто смотрел, застыв от ужаса, как можно наблюдать за далекой фигуркой человека, несущегося к обрыву, которого он не видит.

Команды служителей ипподрома подчинялись префекту и поэтому решительно не принадлежали к числу болельщиков какой-либо факции. Они очень хорошо справлялись со своими обязанностями. В том числе поддерживать в хорошем состоянии беговые дорожки, стартовые барьеры, следить за честным проведением самого старта, судить о допущенных нарушениях во время гонки, а также охранять конюшни и не допускать отравления лошадей или нападения на возниц — по крайней мере, в пределах самого ипподрома. Нападения за его пределами их не касались.

Одной из самых сложных их обязанностей было расчищать дорожки после столкновения. Служителей учили быстро и ловко уносить колесницы, коней и раненых возниц либо в безопасное место на арене, либо на противоположную сторону, к трибунам. Они умели разделить пару сцепившихся квадриг, обрезать постромки бьющих копытами испуганных коней, убрать с дороги скрученные колеса, и сделать все это вовремя, чтобы уцелевшие колесницы могли вернуться на это место и продолжать гонку без потери скорости.

Тем не менее три упавших и развалившихся квадриги, двенадцать перепутавшихся коней, в том числе и конь со сломанной ногой из упряжки Белых, из-за которого запряженный в одно с ним ярмо конь неловко упал на бок, и потерявший сознание, сильно пострадавший возница представляли собой большую проблему.

Раненого на носилках отнесли к спине. Перерезали постромки шести пристяжных коней и освободили их, разъединили две пары коней в одном ярме. Одну колесницу оттащили к внешнему краю, как можно дальше. Они как раз работали с двумя другими конями, пытаясь отделить испуганную здоровую лошадь от сломавшей ногу, когда раздался предупреждающий крик о том, что лидеры гонки вышли из поворота и очень быстро приближаются. И одетым в желтые туники служителям ипподромной команды пришлось самим мчаться сломя голову в безопасное место.

Столкновение произошло на внутренних дорожках. Оставалось еще много свободного пространства на внешних, чтобы летящие квадриги могли обогнуть обломки.

Был еще один вариант: оставалось место только для одной из них, если они будут мчаться почти бок о бок, а возница на внешней стороне не захочет посторониться и благополучно

пропустить мимо себя ту колесницу, которая находится на внутренней стороне.

Так и случилось: они скакали почти рядом. Скортий из Синих находился с внешней стороны и немного сзади, когда обе квадриги вышли из поворота и морской конек нырнул, отмечая последний круг. Скортий плавно переместился дальше к внешней стороне, когда они вышли на прямую — как раз настолько, чтобы его квадрига могла спокойно обогнуть обломки и двух лошадей, лежащих на дорожке.

Перед Кресензом из Зеленых таким образом, на короткие мгновения, на пике лихорадочного возбуждения, открывались три очевидные, но крайне неприятные возможности. Он мог погубить свою упряжку, и, возможно, самого себя, врезавшись в препятствие. Он мог свернуть ближе к Скортию, пытаясь прорваться по внешнему краю нагромождения на дорожке и тем самым рискуя подвергнуться дисквалификации и отстранению от скачек до конца дня. Или он мог резко натянуть поводья своих исходящих паром коней, пропустить Скортия вперед и снова выехать за спиной другого возницы, признав свое поражение перед самым последним отрезком дистанции.

Он был отважным человеком. Это была поразительная гонка, от которой вскипала кровь.

Он попытался проехать с внутренней стороны.

Две упавшие лошади находились дальше. Всего одна упавшая колесница лежала возле ограждения спины. Кресенз один раз стегнул своего великолепного левого пристяжного, направил его к внутреннему ограждению и втиснул упряжку в эту щель. Левый конь сильно ободрал бок об ограждение. Внешняя пристяжная поранила ногу о вращающееся колесо, но они уже проскочили это узкое место. Колесница чемпиона Зеленых последовала за конями, подпрыгнула так, что на мгновение показалось, будто Кресенз летит по воздуху, словно Геладикос на его изображениях. Но он проскочил. Он опустился на землю, великолепно удержав равновесие, не выпустив из рук ни кнута, ни поводьев, и его кони полетели дальше.

Ему ужасно не повезло после того, как он проявил столько мужества и мастерства. Внешнее колесо его повозки вдруг закачалось и отвалилось, колесница перекосилась и зачертила осью по песку.

Даже самый отважный и умелый возница не может продолжать гонку на колеснице с одним колесом. Кресенз перерезал

поводья, обвязанные вокруг тела. Несколько мгновений стоял прямо в безумно накренившейся колеснице, потом поднял свой нож в коротком, но увиденном всеми салюте вслед удаляющейся фигуре Скортия и спрыгнул на землю.

Он несколько раз перевернулся, так, как учат всех возниц с юных лет, потом поднялся и встал один на песке. Он снял свой кожаный шлем, поклонился императорской ложе — не обращая внимания на другие упряжки, уже показавшиеся из-за поворота, — потом широко развел руки в стороны, словно прося прощения, и так же низко поклонился трибунам Зеленых.

Затем он ушел с дорожек к спине. Принял из рук одного из служащих флягу с водой. Жадно напился, а остаток вылил себе на голову и стоял там, оглашая воздух вокруг монументов залпами непристойных, страстных проклятий, выплескивая свое отчаяние, пока Скортий не повернул на последнюю прямую. После тот выехал, чтобы по-настоящему совершить официальный круг почета и принять венок. При этом Синие позволили себе впасть в дикий восторг, и сам император в катизме — равнодушный император, который не болел ни за одну из факций и даже не любил гонки, — поднял руку, приветствуя триумфатора-возничего, когда тот проезжал мимо.

Скортий не выказывал восторга, не принимал преувеличенно горделивых поз. Он никогда этого не делал. Никогда, на протяжении двенадцати лет и ста шестидесяти триумфов. Он просто соревновался и побеждал и проводил ночи, принимая почести в каком-нибудь дворце аристократа или в постели аристократки.

Кресенз раньше имел доступ к учетным книгам факции. Он знал, какую сумму Зеленые выделяют на защитные заговоры против табличек с проклятиями, которые насылают на Скортия в течение года. Он полагал, что Синие опять в этом году выделили лишь половину этой суммы.

«Было бы правильно, — подумал Кресенз, вытирая грязь и пот с лица, — возненавидеть этого человека». Он представления не имел, как Скортий догадался, что обломки все еще останутся там после простого столкновения двух колесниц. Он так никогда и не задал этого вопроса, но ему очень хотелось знать. Ему позволили занять внутреннюю дорожку после того последнего поворота, и он воспользовался этим разрешением, словно ребенок, который хватает конфетку, когда думает, что наставник отвернулся.

Он отметил, с некоторой долей недовольства, что тот парень, который выступал за Красных на седьмой дорожке — Барас, или Варас, или как его там, — тот, которого Скортий дурачил на старте, действительно догнал уставшую упряжку Белых после последнего поворота и занял второе место, получив довольно значительный приз. Это прекрасный результат для молодого человека, скачущего вторым за Красных, и это помешало победе Синих и Белых стать полной.

Кресенз решил, что, учитывая все обстоятельства, бранить этого парня не следует. Сегодня предстояло еще семь заездов, он участвовал в четырех и все еще хотел довести количество побед до семидесяти пяти.

По дороге назад в раздевалку под трибунами, чтобы отдохнуть перед следующим выступлением, он узнал, что второй возница Синих, Дауз, упавший с колесницы, умер, сломав себе шею.

Смерть всегда участвовала в гонках вместе с ними. Сегодня она показала свое лицо.

На ипподроме они соревновались в честь бога Солнца и императора и чтобы доставить удовольствие людям, а некоторые соревновались в честь доблестного Геладикоса, и все они знали — каждый раз, когда стояли позади своих коней, — что могут погибнуть там, на песке.

Глава 7

Можно ли забыть, как быть свободной?

Этот вопрос пришел Касии в голову в пути и до сих пор оставался без ответа. Может ли год рабства навсегда наложить отпечаток на твою природу? Или сам факт того, что тебя продали? Раньше, дома, она была острой на язык, сообразительной, строгой. «Эримицу». Слишком умна, чтобы выйти замуж, беспокоилась ее мать. Теперь она ощущала страх в самой сердцевине своего существа: встревоженная, растерянная, вздрагивающая при каждом звуке, отводящая глаза. Она провела год, в течение которого любой мужчина, заплативший Мораксу, мог пользоваться ею, как ему угодно. Год, в течение которого ее били за малейшую оплошность или без всякой причины, просто чтобы она помнила свое место.

Они прекратили побои только в самом конце, когда хотели,

чтобы на ней не осталось отметин, чтобы у Касии была гладкая кожа перед смертью в лесу.

Из своей комнаты на постоялом дворе Касия слышала шум на ипподроме. Постоянный шум, похожий на шум падающей воды к северу от ее дома, но иногда он становился громче — в отличие от водопада, — вырастал до оглушительного рева, словно ревел какой-то зверь с множеством глоток, когда там, где бежали лошади, совершался непредвиденный поворот судьбы, ужасный или чудесный.

«Зубир» в чаще не издал ни звука. Там царила тишина, под листьями и над листьями, окутанными туманом и собранными в нем. Мир сжался до ничтожных размеров, до самой малой, одной вещи. Это было ужасно или чудесно, когда ей вернули собственное существование, и это привело ее из Древней Чащи в Сарантий, о котором она никогда и не мечтала. И к свободе, о которой она мечтала каждую ночь этого года.

Сейчас на ипподроме собралось восемьдесят тысяч человек. Карулл так сказал. Ей даже мысленным взором не удавалось охватить такое количество. Почти пятьсот тысяч в Городе, сказал он. Даже после мятежа, случившегося два года назад, и после чумы. Почему все они не трепещут?

Она провела утро в этой маленькой комнате. Хотела приказать принести ей наверх еду и задумалась о той перемене, которую символизировала подобная возможность. Она гадала, какая девушка, забитая и испуганная, явится с подносом для госпожи.

Госпожа с солдатами. С человеком, который собирается во дворец. Она была этой самой госпожой. Карулл позаботился о том, чтобы внизу об этом знали. Здесь, в Сарантии, обслуживание зависело от статуса, как и везде, а Бронзовые Врата, распахнутые перед тобой, давали доступ в целый мир.

Мартиниан туда собирается. Или, вернее, Кай Криспин. Он сказал, чтобы они звали его Криспином, когда никто не слышит. Его зовут Криспин. Он был женат на женщине по имени Иландра. Она умерла, и две его дочери тоже. Он громко выкрикнул ее имя в темноте, в той деревне.

Он не прикасался к Касии с той ночи, после Древней Чащи. Даже тогда он сначала опять уложил ее спать на своем плаще, на полу. Она сама подошла к постели, когда он закричал. Только тогда он повернулся к ней. И только в тот единственный раз. После он следил, чтобы у нее была собственная комната, пока они путешествовали вместе с солдатами сквозь осенние ветра и

падающие листья. Быстрые реки Саврадии и серебряные рудники сменились хлебородными полями Тракезии, а затем впервые им открылась потрясающая картина тройных стен Города.

Пятьсот тысяч душ.

Касия представления не имела, как объяснить то, что она чувствует, ее мир вращался и менялся слишком быстро даже для умной девушки. Ее тоже подхватило всеобщее движение. Она могла заставить себя покраснеть — прямо сейчас, — вспомнив кое-что из того, что она совершенно неожиданно почувствовала на рассвете, в конце той единственной ночи.

Она сидела в своей комнате, слушала шум ипподрома, чинила свой плащ — его плащ — при помощи иголки и нитки. Она не слишком умело обращалась с иголкой, но надо же было чем-то заняться. Она все-таки спустилась в общий зал поесть в полдень. Она была «эримицу», умная, и знала, что если позволит себе остаться в четырех стенах и запрет дверь, то может никогда уже не выйти оттуда. Как бы это ни было трудно, она заставила себя спуститься вниз. Ее обслужили умело, хоть и без особого почтения. Наверное, ничего большего женщина не может ожидать, особенно в Городе.

Она съела плохо прожаренную курицу с луком-пореем и хороший хлеб, и выпила стакан вина, которое разбавила водой больше, чем наполовину. Во время еды, пока она сидела за столиком в углу, ей пришло в голову, что она никогда в жизни этого не делала: не ела в таверне как посетительница, не пила вина. Одна.

Никто ее не беспокоил. Зал был почти пуст. Все ушли на ипподром или праздновали последний день Дайкании на улицах, хватали урывками еду и пили слишком много вина у прилавков уличных торговцев, размахивали трещотками и флажками гильдий или факций. Она слышала их голоса на улице, под солнцем. Она заставляла себя есть медленно, пить вино, даже налила себе второй стакан. Она — свободная гражданка Сарантийской империи в царствование Валерия Второго. Сейчас народные гуляния, праздник. Она заставила себя согласиться, когда служанка спросила, не хочется ли ей дыни.

Волосы этой женщины были того же цвета, что и ее собственные. Только она была старше. У нее на лбу виднелся поблекший шрам. Касия улыбнулась ей, когда та принесла дыню, но женщина не улыбнулась в ответ. Однако немного позже она

принесла чашу с двумя ручками, наполненную горячим вином с пряностями.

— Я этого не заказывала, — встревожилась Касия.

— Я знаю. А нужно было заказать. День холодный. Это тебя успокоит. Твои мужчины скоро вернутся, и они будут возбуждены. Они всегда возбуждены после скачек. У тебя будет много работы, дорогая.

Она ушла, так и не улыбнувшись, и Касия не успела возразить. Но это была доброта. «Дорогая». Она хотела проявить доброту. Значит, это еще случается в городах.

Вино с пряностями оказалось хорошим. От него пахло добрым урожаем и теплом. Касия посидела тихо и выпила его. Она следила за открытой дверью на улицу. Поток людей, туда-сюда, без конца. Из всех концов мира. Она поймала себя на том, что думает о матери, о доме, потом о том, где она находится сейчас, в данный момент. О том месте в господнем мире, где она находится. А затем подумала о той ночи, когда спала с Мартинианом-Криспином, и это воспоминание снова заставило ее покраснеть и почувствовать себя очень странно.

Она сделала так, как велел Карулл, и попросила служанку включить обед в счет за комнаты, а потом вернулась наверх. У нее была своя комната. Закрытая дверь с новым замком. Никто не войдет и не воспользуется ею и не прикажет ей что-то сделать. Такая роскошь, что даже страшно. Она села у маленького окошка, снова с иголкой в руке, плащ теплом окутывал ее колени, но от вина с пряностями после двух других чашек вина ей захотелось спать, и она, должно быть, задремала в косых лучах солнечного света.

Резкий стук в дверь разбудил ее и заставил вздрогнуть, и сердце ее сильно забилось. Она поспешно встала, завернулась в плащ — невольным, обороняющимся жестом — и подошла к запертой двери. Но не открыла ее.

— Кто там? — крикнула она. Она слышала, что голос ее дрожит.

— А! Мне говорили, что он привез с собой шлюху. — Отрывистый, восточный голос, угрюмый голос образованного человека. — Я хочу видеть приезжего с запада, Мартиниана. Открой дверь.

Тогда Касия напомнила себе, что она — «эримицу». Она умная. Она свободная гражданка, имеет права перед лицом закона, хозяин гостиницы и его люди находятся внизу. Сейчас бе-

лый день. Может быть, Мартиниану нужно, чтобы она сейчас сохранила способность соображать. Она достаточно часто слышала, как Моракс разговаривает с купцами и патрициями. Она сумеет это сделать.

Она набрала в грудь воздуха.

— Кто его ищет, позволь спросить?

В ответ раздался короткий сухой смех.

— Я не разговариваю с проститутками через запертую дверь.

Гнев пришел ей на помощь.

— А я не открываю двери дурно воспитанным незнакомцам. Кажется, у нас проблема.

Тишина. Она слышала, как скрипнула половица в коридоре. Тот человек кашлянул.

— Самонадеянная сучка. Я — Сирос. Придворный мозаичник императора. Открой дверь.

Она открыла дверь. Возможно, это было ошибкой, но Марти... Криспина вызвали сюда, чтобы выполнять мозаичные работы для императора, и этот человек...

Этот человек оказался низеньким, пухлым и лысоватым. Он был одет в богатую, темно-синюю полотняную тунику до щиколоток, расшитую дорогой золотой нитью, поверх которой набросил красный плащ со сложным узором на поперечной полосе, также вышитой золотом. У него было круглое самодовольное лицо, темные глаза и длинные пальцы, не вязавшиеся с общим впечатлением округлой мягкости. На его руках она заметила такую же сеть порезов и шрамов, как и на руках Криспина. Он был один, если не считать слуги, стоящего в нескольких шагах за его спиной в пустом коридоре.

— А! — сказал человек по имени Сирос. — Он любит тощих женщин. Мне они не нравятся. Сколько ты берешь за свидание днем?

Важно сохранять спокойствие. Она свободная гражданка.

— Ты оскорбляешь всех женщин, которых встречаешь? Или я тебя чем-то обидела? Мне говорили, что Императорский квартал славится учтивым обхождением. По-видимому, меня неверно информировали. Мне позвать хозяина гостиницы, чтобы вас вышвырнули вон, или просто закричать?

Незнакомец снова заколебался, и на этот раз Касии показалось, что она кое-что заметила, присмотревшись к нему. Это было неожиданно, но она была почти уверена.

— Вышвырнули вон? — Он хрипло рассмеялся: — Ты не самонадеянна, ты невежественна. Где Мартиниан?

«Осторожно», — сказала она себе. Этот человек имеет вес, и возможно, Криспин от него зависит, он будет работать вместе с ним, для него. Она не должна поддаваться ни панике, ни гневу, ни одному из этих чувств.

Она овладела своим голосом, опустила глаза вниз, вспомнила Моракса, лебезящего перед каким-нибудь купцом-толстосумом.

— Прости меня, господин мой. Возможно, я из варваров и не привыкла к Городу, но я не чья-то шлюха. Мартиниан Варенский находится на ипподроме вместе с трибуном Четвертого саврадийского легиона.

Сирос тихо выругался. Она снова уловила это, намек на нечто неожиданное.

«Он боится», — подумала она.

— Когда он вернется?

— Мой господин, я думаю, когда закончатся соревнования. — Они слышали рев, доносящийся через узкие улицы и широкое пространство форума перед ипподромом. Кто-то выиграл забег, кто-то его проиграл. — Ты его подождешь? Или передать ему что-нибудь от тебя?

— Ждать? Вряд ли. Забавно, должен заметить, что родианин считает, будто у него есть время ходить на игры после того, как он так долго добирался сюда.

— Несомненно, это не проступок во время Дайкании, господин? Император и канцлер, оба должны быть на ипподроме, как нам сказали. Никаких представлений ко двору не запланировано.

— А! И кто же вас так подробно информирует?

— Трибун Четвертого саврадийского знает очень много, мой господин.

— Ха! Саврадийцы? Солдат из деревни.

— Да, господин. Конечно, он офицер, и у него назначена встреча с верховным стратигом. Полагаю, ему необходимо знать о том, что происходит в Императорском квартале. Насколько возможно. Конечно, как ты говоришь, он не может знать много.

Касия подняла глаза как раз вовремя и перехватила неуве-

ренный взгляд мозаичника. Она быстро снова опустила глаза. Она сумела это сделать. Все же сумела.

Сирос снова выругался.

— Я не могу ждать невежественного приезжего с запада. После гонок сегодня вечером должно состояться пиршество у императора. У меня там почетное ложе. — Он сделал паузу. — Скажи ему об этом. Скажи ему... что я приходил как коллега, чтобы поприветствовать его прежде, чем он столкнется с... трудностями во время представления ко двору.

Она не поднимала глаз.

— Он будет польщен, я знаю. Мой господин, он будет в отчаянии от того, что ты его не застал.

Мозаичник забросил полу плаща на одно плечо, поправил золотую брошь, которая его скрепляла.

— Не пытайся изображать хорошие манеры или речь. Это не пристало костлявой шлюхе. У меня еще хватит времени, чтобы тебя трахнуть. Полсолида поможет тебе раздеться?

Касия удержалась от колкого ответа. Она уже не боялась, к своему изумлению. Боялся он. Она посмотрела ему в глаза.

— Нет, — ответила она. — Не поможет. Но я расскажу Мартиниану Варенскому, что ты был здесь и предлагал его.

И она начала закрывать дверь.

— Погоди! — Его глаза блеснули. — Шутка. Я пошутил. Деревенские никогда не понимают придворных шуток. Ты... ты случайно не знакома с работами Мартиниана или... э... с его взглядами на... скажем, метод переноса при укладывании смальты?

Этот человек в ужасе. Иногда такие бывают опасными.

— Я не его шлюха, и не его подмастерье, мой господин. Когда он вернется, я скажу ему, что ты приходил, чтобы это узнать.

— Нет! То есть... не беспокойся. Я сам поговорю с ним об этом, естественно. Мне придется, э, удостовериться в его мастерстве. Разумеется.

— Разумеется, — ответила Касия и захлопнула дверь перед придворным мозаичником императора.

Она заперла замок и прислонилась спиной к дереву, а потом, не в силах сдержаться, сначала беззвучно расхохоталась, а потом одновременно расплакалась.

* * *

Если бы он вернулся обратно в гостиницу, как собирался, поговорил с Касией и узнал о ее встрече с посетителем — подробности которой сказали бы ему больше, чем ей, — Криспин почти наверняка повел бы себя иначе в некоторых ситуациях в дальнейшем. Это могло фактически изменить его жизнь, жизни многих других людей и, предположительно, течение событий в Империи.

Это случается чаще, чем думают. Влюбленные впервые встречаются на обеде, который один из них едва не пропустил. Винная бочка падает с телеги и ломает ногу человеку, который выбрал непривычную дорогу к своей любимой бане. Метнувший кинжал убийца промахивается лишь потому, что намеченная жертва случайно оборачивается и замечает его. Так складываются и меняются судьбы и жизни людей в созданном богом мире.

Криспин не вернулся в гостиницу.

Или, вернее, когда они с Каруллом и Варгосом приблизились к ней на закате, пройдя по бурлящим, шумным праздничным улицам, от стены гостиницы отделились несколько стоящих там людей и подошли к ним. Он отметил, что они были одеты в темно-зеленые туники до колен, с изящным узором из коричневых вертикальных полос с обеих сторон и темно-коричневые пояса. У каждого на шее висели одинаковые ожерелья с медальонами — символы их должности. Они были серьезными и собранными и резко выделялись среди окружавшего их хаоса.

Увидев их, Карулл остановился. Он насторожился, но не встревожился. Криспин поэтому стоял спокойно, когда предводитель этих шестерых подошел к ним. Собственно говоря, он любовался покроем их одежды и со вкусом подобранными цветами. Еще перед тем, как этот человек заговорил, Криспин понял, что он — евнух.

— Ты мозаичник? Мартиниан Варенский?

Криспин кивнул.

— Могу я узнать, кто спрашивает?

Стоя у окна наверху, Касия наблюдала. Она высматривала троих мужчин с тех пор, как смолкли радостные крики на ипподроме. Она смотрела вниз, и ей хотелось окликнуть их. Но она этого не сделала. Разумеется.

— Нас прислали из ведомства канцлера. Твое присутствие требуется в Императорском квартале.

— Я это знаю. Поэтому и прибыл в Сарантий.

— Ты не понимаешь. Тебе оказана большая честь. Ты должен явиться сегодня вечером. Сейчас. Скоро начнется пиршество у императора. После него он примет тебя в Аттенинском дворце. Ты понимаешь? Знатнейшие люди ждут приема неделями, месяцами. Иногда послы покидают Город, так и не дождавшись аудиенции. Ты будешь представлен ко двору сегодня ночью. Император очень заинтересован в строительстве нового святилища. Мы должны увести тебя с собой и подготовить тебя.

Карулл тихо присвистнул. Один из евнухов посмотрел на него. Варгос стоял неподвижно и слушал. Криспин ответил:

— Действительно, большая честь. Но так сразу? Меня представят прямо в таком виде?

На лице евнуха промелькнула улыбка.

— В таком виде — вряд ли. — Один из них насмешливо фыркнул.

— Тогда я должен искупаться и переодеться. Я весь день провел на ипподроме.

— Это нам известно. Сомневаюсь, что та одежда, которую ты взял с собой, подойдет для официального визита во дворец. Ты находишься здесь по приглашению канцлера. Поэтому Гезий отвечает за тебя перед императором. Мы займемся твоим внешним видом. Пойдем.

Он пошел. За этим он сюда и прибыл.

Касия смотрела из окна, прикусив губу. Ей очень хотелось позвать его, хотя она не могла бы объяснить, почему. Какое-то предчувствие. Дыхание полумира? Тени. Когда Карулл и Варгос поднялись наверх, она рассказала им о сегодняшнем посетителе и о последнем, особом вопросе, который он задал. Карулл выругался, что усилило ее опасения.

— Ничего не поделаешь, — через мгновение произнес он. — Теперь ему уже никак об этом не расскажешь. Здесь какая-то ловушка, но от этого двора ничего другого нельзя и ожидать. Он быстро соображает, Джад свидетель. Будем надеяться, что он сохранит эту способность.

— Мне надо идти, — сказал Варгос после непродолжительного молчания. — Солнце заходит.

Карулл посмотрел на него, бросил на Касию хитрый взгляд, а потом быстро повел их по многолюдным, быстро темнеющим

улицам к довольно большому святилищу, стоящему неподалеку от тройных стен. Стоя среди множества людей в пространстве между алтарем и солнечным диском на стене за ним, они слушали предзакатные молитвы, которые читал чернобородый, крепкий священник. Касия стояла между двумя мужчинами, опускалась на колени, снова вставала и снова преклоняла колени и старалась не думать о «зубире», о Кае Криспине и обо всех стоящих вокруг нее в такой тесноте людях, здесь, в Городе.

После они поужинали в таверне неподалеку. Снова в толпе. Там было много солдат. Карулл здоровался, и с ним здоровались многие, когда они вошли, но он из сочувствия к Касии выбрал место в самом дальнем углу, подальше от суеты. Он посадил ее спиной к бурлящему залу, так что ей даже не пришлось ни на кого смотреть, кроме Варгоса и его самого. Он заказал еду и вино для всех троих, перебрасываясь легкомысленными шутками со слугой. Касия догадалась, что Карулл проиграл довольно много денег в одном из заездов после полудня. Но не похоже, чтобы он из-за этого притих. Она уже поняла, что его не так-то легко заставить притихнуть.

* * *

Он впал в невыразимую ярость, на него напали, над ним надругались, подорвали в нем понимание того, кто он такой. Он кричал в бессильной ярости, махал руками, поднимая фонтаны воды, выплескивал ее из ванны, и многие из них промокли насквозь.

Они смеялись. И учитывая то, что большой клок у него уже отрезали, пока он, расслабившись, лежал с закрытыми глазами в чудесно теплой, душистой воде, у Криспина не оставалось выбора. Когда Криспин кончил скалиться, ругаться и грозить всевозможными непристойно насильственными действиями, что еще больше их позабавило, ему пришлось позволить им завершить начатое, иначе он бы выглядел, как буйный помешанный.

И они сбрили ему бороду до конца.

Кажется, при дворе Валерия и Аликсаны были в моде мужчины с гладковыбритыми щеками. Волосы на лице носят варвары, солдаты из глубинки, провинциалы, которые ничего не понимают, говорил евнух, орудуя ножницами, а потом сверкающей бритвой, с выражением непередаваемого отвращения. Они похожи на медведей, козлов, зубров и других зверей, считал он.

— Что ты знаешь о зубрах? — с горечью прохрипел Криспин.

— Совсем ничего! И благодарен за это святому Джаду! — с жаром ответил евнух с бритвой и сделал лезвием знак солнечного диска, что вызвало смех его товарищей. — Мужчины при дворе, — терпеливо объяснял он, очень точно орудуя бритвой, — перед богом и императором обязаны являться в цивилизованном виде, насколько это в их силах. Для рыжеволосого человека носить бороду, — твердо прибавил он, — это такой же признак дурного воспитания, как... как пустить ветры во время предрассветной молитвы в императорской часовне.

Несколько позднее, ожидая в приемной Аттенинского дворца, одетый в шелка всего во второй раз в жизни, в мягкой, облегающей кожаной обуви и в коротком темно-зеленом плаще, приколотом к плечу, поверх длинной, жемчужно-серой туники с вытканной черной каймой, Криспин не мог удержаться и все время трогал свое лицо. Его рука то и дело тянулась вверх. В бане ему принесли зеркало: великолепное зеркало, с ручкой из слоновой кости, на тыльной стороне из серебра вытравлен узор из виноградных гроздьев и листьев, а стекло изумительно правильное, почти не искажающее отражения.

Из зеркала на него смотрел незнакомец, мокрый и бледный и очень сердитый. И с гладкими, как у младенца, щеками. Криспин носил бороду с тех пор, как встретил Иландру. Уже больше десяти лет. Он едва узнавал этого странно уязвимого, свирепого человека с квадратным подбородком, которого видел в зеркале. У него оказались ярко-голубые глаза. Он ощущал свой рот — и все лицо — незащищенным, ничем не охраняемым. Он попытался быстро улыбнуться на пробу, но тут же убрал улыбку. Это лицо на вид и на ощупь казалось ему чужим. Он... изменился. Перестал быть самим собой. Опасное ощущение, ведь он готовился быть представленным к самому сложному, полному интриг двору в мире под чужим именем и с тайным посланием.

Ожидая, он все еще гневался, находя в гневе своего рода спасение от растущей тревоги. Он понимал, что люди канцлера отнеслись с неоспоримой снисходительностью и доброжелательной терпимостью к его вспышке ярости в воде. Евнухи действительно хотели, чтобы он произвел хорошее впечатление. Это имело для них значение, как ему дали понять. Подпись Гезия послужила ему вызовом и облегчила путешествие сюда. Теперь он стоял в этой пышной, освещенной свечами приемной и слышал, как в тронный зал с противоположной стороны начинают собираться придворные, а он был, каким-то сложным образом, представителем канцлера; хотя никогда не видел этого человека.

В Императорский квартал, с опозданием понял Криспин, являются, уже встав на чью-нибудь сторону еще до того, как произнесены первые слова и преклонены колена. Ему рассказали о преклонении колен. Инструкции были точными, и еще его заставили это проделать для тренировки. Тогда он невольно почувствовал, как сильно забилось его сердце, и это чувство сейчас снова охватило его, когда он услышал голоса знатных придворных Валерия Второго по другую сторону этой великолепной серебряной двери. То становился громче, то стихал смех, тихим потоком лилась непринужденная беседа. Они должны быть в хорошем настроении после праздничного дня и пира.

Криспин снова потер свой голый подбородок. Его гладкость была возмутительной, она выбивала из колеи. Словно бритый, разодетый в шелка сарантийский придворный стоял в его теле на другом конце света от его дома. Он чувствовал, что лишен того представления о себе, которое приобрел за много лет.

И это чувство, эта навязанная перемена внешности и личности, вероятно, сыграла большую роль в том, что случилось дальше, как он потом решил.

Ничего из этого он не планировал. Это он твердо знал. Он был просто безрассудным, противоречивым человеком. Его мать всегда так говорила и жена. И друзья. Он уже давно перестал с ними спорить. Обычно они смеялись над ним, когда он возражал, поэтому он перестал.

После затянувшегося ожидания, после того, как он долго следил за голубой луной, которая вставала в окне, выходящем на внутренний двор, события начали развиваться очень быстро. Серебряные двери распахнулись. Криспин и представители канцлера быстро обернулись. Два стражника — необычайно высокие, в блестящих серебряных туниках — вышли из тронного зала. Криспин уловил позади них движение и цвет. В воздухе разлилось благоухание ладана. Он услышал музыку, потом она — и движение прекратились. Из-за спин стражников появился человек, одетый в ярко-красное и белое, в руках он держал церемониальный жезл. Один из евнухов кивнул этому чело-

веку, потом посмотрел на Криспина. Улыбнулся — щедрый жест в данный момент — и пробормотал:

— Ты выглядишь вполне приемлемо. Император милостиво ждет тебя. Да пребудет с тобой Джад.

Криспин неуверенно шагнул вперед и встал рядом с герольдом. Тот равнодушно взглянул на него.

— Мартиниан из Варены?

Он действительно не планировал этого заранее.

Уже когда он заговорил, у него мелькнула мысль, что его могут за это казнить. Он потер свой слишком гладкий подбородок.

— Нет, — ответил он спокойно. — Мое имя — Кай Криспин. Но я из Варены.

В несколько иной ситуации изумленное лицо герольда могло показаться комичным. Один из стражников возле Криспина слегка шевельнулся, но и только, он даже не повернул головы.

— Сунь меч себе в задницу! — шепнул глашатай с элегантным произношением восточного аристократа. — Ты думаешь, я объявлю имя, которое не значится в списке? А когда войдешь, делай, что хочешь.

Он шагнул в зал, один раз ударил жезлом об пол. Придворные уже прекратили болтовню и выстроились в ожидании, открыв проход в зал.

— Мартиниан Варенский! — объявил глашатай громким, звучным голосом, и это имя разнеслось по купольному залу.

Криспин двинулся вперед, голова у него кружилась, он воспринимал новые запахи и тысячи оттенков цветов, но пока не различал их ясно. Он сделал три положенных шага, опустился на колени, прикоснулся лбом к полу. Подождал, считая про себя до десяти. Встал. Еще три шага по направлению к человеку, сидящему в ореоле золотого сияния на троне. Снова упал на колени, снова прикоснулся лбом к прохладным камням мозаики на полу. Стал считать про себя, пытаясь унять биение сердца. Встал. Еще три шага, и в третий раз он опустился на колени и поклонился.

В последний раз он остался в этом положении, как его учили, примерно в десяти шагах от трона императора и второго трона, на котором сидела женщина, сверкающая ослепительными драгоценностями. Он не поднимал глаз. Услышал перешептывание придворных, полное легкого любопытства, которые пришли после пира посмотреть на нового родианина при

дворе. Родиане все еще вызывали интерес. Послышалось насмешливое замечание, женский смех, подобный переливу ртути, потом все смолкло.

В тишине тонкий, как бумага, но очень четкий голос произнес:

— Добро пожаловать ко двору императора Сарантии, художник. От имени прославленного императора и императрицы Аликсаны разрешаю тебе встать, Мартиниан Варенский.

Это, должно быть, Гезий, понял Криспин. Канцлер. Его клиент, если только у него есть клиент. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох. И застыл совершенно неподвижно, касаясь лбом пола.

Пауза. Кто-то хихикнул.

— Тебе позволено встать, — повторил тонкий, сухой голос.

Криспин подумал о «зубире» в лесу. А потом о Линон, птице, — душе, — которая говорила с ним мысленно, пусть и недолгое время. Ему хотелось умереть, вспомнил он, когда умерла Иландра.

Криспин сказал, не поднимая глаз, но как можно четче выговаривая слова:

— Я не смею, господин мой.

По залу пронесся шелест голосов и одежд, похожий на шелест листьев. Он чувствовал смесь различных ароматов, прохладу мозаики, а музыка уже не звучала. У него пересохло во рту.

— Ты намерен оставаться распростертым вечно? — В голосе Гезия появился намек на строгость.

— Нет, мой добрый господин. Только до тех пор, пока мне не будет дарована милость предстать перед императором под своим собственным именем. Иначе я останусь обманщиком и заслуживаю смерти.

Это заставило всех замолчать.

Канцлер, казалось, на мгновение растерялся. Голос, прозвучавший в тишине, был изысканным, хорошо поставленным и принадлежал женщине. После Криспин вспомнит, что он вздрогнул, услышав его впервые. Женщина сказала:

— Если бы всех обманщиков в этом зале обрекли на смерть, боюсь, не осталось бы никого, чтобы развлекать нас.

Поразительно, правда, какой разной может быть тишина. Женщина — он знал, что это Аликсана и что этот голос будет отныне звучать в его голове всегда, — после точно отмеренной паузы продолжала:

— Как я понимаю, ты предпочитаешь называться Каем Криспином? Ты — художник, достаточно молодой, чтобы отправиться в дорогу, тогда как твой коллега, вызванный сюда, счел себя слишком немощным для такого путешествия?

У Криспина перехватило дыхание, словно он получил удар под ложечку. Они знали. Они ЗНАЛИ. Как — он понятия не имел. Это будет иметь последствия, пугающе большие последствия, но у него не было возможности подумать о них. Он пытался овладеть собой, касаясь лбом пола.

— Император и императрица читают в душах и сердцах людей, — в конце концов выдавил он. — Я действительно явился вместо моего партнера, чтобы предложить императору свое скромное мастерство. Я встану под собственным именем, которое назвала императрица, оказав мне этим честь, или приму то наказание, которое заслужил своей самонадеянностью.

— Внесем полную ясность. Ты — не Мартиниан Варенский? — Новый голос, аристократический и резкий, раздался рядом с троном.

Карулл в конце их путешествия много времени уделил рассказам о том, что сам знал об этом дворе. Криспин был почти уверен, что это сказал Фастин, начальник канцелярии, соперник Гезия, вероятно, самый могущественный здесь человек после того, который сидит на троне.

Тот, что на троне, пока не произнес ни звука.

— По-видимому, один из твоих курьеров не обеспечил доставку нужному лицу императорского послания, Фастин, — своим сухим, как бумага, голосом, произнес Гезий.

— Скорее евнухи канцлера не проследили, чтобы человек, которого предстоит официально представить ко двору, оказался тем, кем он якобы является, — парировал тот. — Это опасно. Почему ты позволил, чтобы о тебе доложили как о Мартиниане, художник? Это обман.

Трудно возражать, когда голова прижата к полу.

— Я не позволял, — ответил Криспин. — К сожалению, герольд, по-видимому, неправильно произнес мое имя, когда я назвал его. Я сказал, кто я такой. Меня зовут Кай Криспин, сын Хория Криспина. Я — мозаичник и был им всю взрослую жизнь. Мартиниан Варенский — мой коллега и партнер и является им двенадцать лет.

— Мало толку от герольдов, — тихо заметила императрица

своим поразительно бархатным голосом, — если они допускают такие ошибки. Ты согласен, Фастин?

Криспин подумал, что из этих слов понятно, кто назначает здесь герольдов. Мысли его мчались стремительно. Ему пришло в голову, что с каждым произнесенным словом он наживает себе врагов. Он по-прежнему понятия не имел, откуда императрица — а значит, и император — узнала его имя.

— Я в этом разберусь, конечно, трижды возвышенная. — Резкий тон Фастина внезапно смягчился.

— По-моему, здесь нет никаких трудностей, — вмешался новый голос, звучавший грубо и прозаично. — Из Родиаса вызвали художника, и художник откликнулся. Друг и ученик того, кто был вызван. Если он справится с поставленной перед ним задачей, то какая разница? Жаль портить праздник подобными пустяками, мой император. Разве мы собрались сюда не для того, чтобы развлекаться?

Криспин не знал, кто этот человек — первый, напрямую обратившийся к Валерию. Однако он услышал две вещи. Первая, через мгновение, — это ропот облегчения и согласия, вернувший в зал прежнюю атмосферу легкости. Кто бы этот человек ни был, он занимал высокое положение.

А вторым звуком, который он уловил через несколько секунд, было легкое, почти неуловимое потрескивание впереди.

Любому другому в неловком положении Криспина, который прижимался лбом к полу, оно почти ничего не сказало бы. Но мозаичнику оно кое о чем говорило. Он слушал, не веря своим ушам. Услышал сдержанный смех слева и справа, быстрый шепот, подавивший смех. А тихий, потрескивающий звук впереди продолжался.

«Двор сегодня ночью развлекается», — подумал он. Хорошая еда. Вино, флирт, остроумная беседа, без сомнения. Это была праздничная ночь. Он представил себе ладони женщин, опущенные в ожидании на плечи мужчин, надушенные, одетые в шелк тела людей, которые наблюдали, подавшись вперед. Родианин, которого следовало слегка приструнить, мог стать отличным предметом для развлечения.

Ему не хотелось стать для них предметом развлечения.

Он здесь, при сарантийском дворе. Под своим собственным семейным именем, сын отца, который невыразимо гордился бы им в этот момент, и он не был склонен служить предметом насмешек.

Криспин был противоречивым человеком. Он уже признал это, давным-давно. Иногда это наносило вред ему самому. Это он тоже признал. Он также был прямым потомком народа, который правил Империей, гораздо более великой, чем эта, в то время, когда этот Город был просто горсткой продуваемых ветром хижин на скалистом утесе.

— Ну хорошо, — произнес канцлер Гезий, его голос звучал почти так же сухо, но не совсем так же, как прежде. — Тебе позволено подняться, Кай Криспин, родианин. Встань теперь перед лицом всемогущего любимца Джада, высокого и возвышенного императора Сарантия. — Кто-то рассмеялся.

Криспин медленно поднялся. Лицом к двум тронам.

К одному трону. Одна лишь императрица сидела перед ним. Император исчез.

«Высокого и возвышенного, — подумал Криспин. — Ужасно остроумно».

Он понимал, что от него ожидают паники. Что ожидают увидеть его одуревшим, растерянным, даже испуганным. Возможно, он закружится, спотыкаясь, как медведь, разыскивая императора, а когда не найдет, то у него отвиснет челюсть.

Вместо этого он посмотрел вверх непринужденным, оценивающим взглядом. И улыбнулся тому, что увидел. Джад иногда проявляет великодушие даже к незначительным, недостойным смертным.

— Я испытываю невыразимое смирение, — серьезно произнес он, обращаясь к человеку на золотом троне у него над головой, на середине пути к изящному маленькому куполу. — Трижды возвышенный император, я почту за честь оказать помощь в создании любой мозаики, которую ты или твои доверенные слуги сочтете нужным поручить мне. Я также, возможно, сумею предложить некоторые меры для улучшения эффекта твоего вознесения ввысь на славном императорском троне.

— Для улучшения эффекта? — это снова раздался резкий голос Фастина. По комнате пронесся нарастающий гул голосов. Шутка была испорчена. Этого родианина почему-то не удалось надуть.

«Интересно, — подумал Криспин, — какой эффект вызывало это приспособление в течение многих лет». Вожди варваров и правители, торговые посланники, послы бассанидов в длинных одеждах или каршитов в мехах — все они должны были запоздало взглянуть вверх и увидеть императора, помазанника

Джада, парящего в воздухе на троне, удерживаемом невидимым приспособлением, который настолько же выше их в пространстве, насколько могущественнее. Таков был вложенный в это затейливое развлечение смысл.

Он мягко ответил, продолжая смотреть вверх, а не на начальника канцелярии.

— Мозаичник проводит в жизни много времени, поднимаясь и спускаясь на разнообразных платформах или подъемниках. Я могу предложить кое-какие приспособления, которые императорские инженеры смогут использовать, например, приспособление для бесшумной работы этого механизма.

Произнося эти слова, он чувствовал, что императрица смотрит на него со своего трона. На Аликсане была диадема, богато украшенная драгоценностями, более щедро, чем любая вещь, которую он видел за всю свою жизнь.

Он продолжал смотреть вверх.

— Следует добавить, что эффективнее было бы разместить трижды возвышенного императора непосредственно в лунном свете, который сейчас льется через южные и западные окна купола. Видите, сейчас этот свет падает только на ступни прославленного императора. Представьте себе, какой был бы эффект, если бы возлюбленный Джада в этот момент висел в сияющем свете почти полной голубой луны. Всего на полтора оборота тросов меньше, по моим прикидкам, и удалось бы достичь этого эффекта, мой повелитель.

В голосах окружающих появились угрожающие интонации, Криспин их проигнорировал.

— У любого мастера-мозаичника имеются таблицы восходов и заходов обеих лун, и инженеры могут их использовать. Когда нам приходилось выкладывать мозаику на куполе святилища или дворца в Батиаре, то нам — нам с Мартинианом — удавалось добиться хорошего эффекта, зная, когда и куда будет падать лунный свет во все времена года. Я счел бы за честь, — закончил он, — помочь императорским инженерам в этом деле.

Он замолчал, по-прежнему глядя вверх. Перешептывание также прекратилось. В залитом светом свечей зале Аттенинского дворца, среди усыпанных драгоценностями птиц, золотых и серебряных деревьев, курительниц с ладаном, изящных вещиц из слоновой кости, шелка, сандалового дерева и полудрагоценных камней повисла тишина, говорящая об очень многих вещах.

В конце концов ее нарушил смех.

Это Криспин тоже запомнил навсегда. Что первым звуком, услышанным им от Петра Тракезийского, который посадил своего дядю на императорский трон, а потом взял этот трон себе, был смех. Искренним, свободным, чистосердечным хохотом разразился человек, парящий над своим двором, подобно богу, и смеющийся, подобно богу, чуть в стороне от голубого водопада лунного света.

Император подал знак, и его начали опускать, пока трон плавно не встал на место, рядом с императрицей. Криспин стоял неподвижно, вытянув руки по бокам, и сердце его все еще быстро билось. Он смотрел на императора Сарантия. Возлюбленного Джада.

У Валерия Второго было мягкое, довольно невзрачное лицо с внимательными серыми глазами и гладковыбритыми щеками, что и стало причиной покушения на бороду самого Криспина. Он уже начал лысеть со лба, хотя сами волосы оставались каштаново-русыми с проседью. Криспин знал, что ему уже перевалило за сорок пять. Не молодой человек, но и далеко не старый. Он носил тунику из пурпурного шелка с поясом, отделанную по подолу и воротнику полосками затейливого золотого узора. Богатую, но без шика и украшений. Никаких драгоценностей, кроме очень крупного кольца-печатки на левой руке.

У сидящей рядом с ним женщины был другой подход к вопросу об одежде и украшениях. Собственно говоря, до сих пор Криспин избегал прямо смотреть на императрицу. Он не мог бы объяснить — почему. А сейчас посмотрел, ощущая на себе насмешливый взгляд ее темных глаз. Все остальные образы, ауры, понятия пришли в столкновение, когда он на мгновение встретился с этим взглядом, а потом опустил глаза в пол. У него закружилась голова. Он в своей жизни повидал красивых женщин, и гораздо моложе ее. И в этом зале находились изумительные женщины.

Тем не менее императрица притягивала его к себе, и не только благодаря своему положению или истории. Аликсана — некогда просто Алиана из факции Синих, актриса и танцовщица, — была одета в ослепительно красный с золотом шелк, а порфир плаща поверх туники использовался, чтобы подчеркнуть этот цвет и одновременно, несомненно, также ее статус. Диадема, поддерживающая ее очень темные волосы, и ожерелье на шее, как подозревал Криспин, стоили больше, чем все драго-

ценные камни царицы антов, там, дома. В тот момент он ощутил острый укол жалости к Гизелле, молодой, осажденной со всех сторон, сражающейся за свою жизнь.

Императрица Сарантия высоко держала голову, несмотря на тяжесть диадемы, и блистала перед его взором, а умный, все замечающий, насмешливый взгляд ее темных глаз напоминал ему о том, что нет на земле более опасной женщины, чем та, что сидит рядом с императором.

Он увидел, как она открыла рот, чтобы что-то сказать, и когда, к его изумлению, ее опередили, он заметил, потому что смотрел, как она быстро поджала губы, проявив на короткий миг неудовольствие.

— Этот родианин, — произнесла элегантная, светловолосая женщина, стоящая за ее спиной, — самонадеян, чего от него можно было ожидать, и совершенно невоспитан, что несколько неожиданно. По крайней мере, его лишили растительности. Рыжая борода в сочетании с грубоватыми манерами — это было бы уже слишком.

Криспин ничего не ответил. Он увидел, как императрица скупо улыбнулась. Аликсана сказала, не оборачиваясь:

— Ты знала, что он носил бороду? Ты наводила справки, Стилиана? Даже будучи новобрачной? Как это похоже на Далейнов.

Кто-то нервно рассмеялся и быстро затих. На лице крупного, похожего на франка, красивого мужчины, стоящего рядом с женщиной, на короткое мгновение отразилась неловкость. Но по названному имени Криспин понял, кто эти двое. Кусочки картинки становились на свои места. Он питал слабость к решению головоломок. И всегда любил это делать. А сейчас это было необходимо.

Он смотрел на любимого Каруллом стратига, человека, ради встречи с которым трибун приехал из Саврадии, величайшего воина современности. Этот высокий мужчина был Золотым Леонтом, а рядом с ним стояла его жена. Дочь самого богатого семейства в Сарантии. Приз для генерала-победителя. Криспин вынужден был признать, что она была достойным призом. Стилиана Далейна выглядела великолепно, и единственная, совершенно уникальная жемчужина, которая сверкала в золотом ожерелье у нее на шее, могла даже быть...

В этот момент ему в голову пришла идея, рожденная гне-

вом. Он внутренне вздрогнул от собственной пагубной мысли и ничего не сказал. И безрассудство имеет предел.

Стилиану Далейну совершенно не задело замечание императрицы. Так и должно быть, понял Криспин: она с готовностью проявила свою осведомленность на его счет, когда произносила эти оскорбления. Она должна была быть готова к такой отповеди. У Криспина вдруг возникло ощущение, что он — еще одна незначительная фигура в той сложной игре, которую разыгрывали эти две женщины.

Или три. Ведь он принес послание.

— Он может носить бороду, как у юродивого, если пожелает, — мягко произнес император Сарантия, — если только его мастерство поможет создать мозаики для святилища. — Голос Валерия звучал тихо, но он перекрыл все другие звуки. «Так и должно быть, — подумал Криспин. — Все присутствующие в этом зале должны быть настроены на звук его голоса».

Криспин посмотрел на императора, заставляя себя забыть о женщинах.

— Ты убедительно рассказывал о технике и о лунном свете, — сказал Валерий Сарантийский. — Давай немного поговорим о мозаике.

Он разговаривал, как ученый, как академик. И выглядел, как ученый. Говорили, что этот человек никогда не спит. Что он бродит по одному из своих дворцов всю ночь и диктует или сидит и читает донесения при свете фонаря. Что он умеет втягивать философов и военных тактиков в дискуссии, которые выходят за рамки их понимания. Что он встречался с архитекторами, представившими проект нового святилища, и рассмотрел каждый чертеж. Что один из них покончил жизнь самоубийством после того, как император отверг его план, объяснив точно и подробно, почему он это сделал. Эти слухи дошли даже до Варены: в Сарантии теперь правит император, у которого есть вкус к красоте, а не только власть.

— Я здесь именно для этого, трижды возвышенный, — ответил Криспин. Это было более или менее правдой.

— А, — быстро вставила Стилиана Далейна, — еще одна особенность родиан. Он здесь, чтобы вести беседы, а не что-то делать. Вот почему анты победили с такой легкостью. Это так знакомо!

Снова раздался смех. Это второе ее замечание говорило о многом: она должна была чувствовать свою неприкосновенность, свою собственную или мужа, давнего друга императора, чтобы вот так вмешиваться в разговор. Непонятно только, почему эта женщина на него нападает. Криспин не отрывал глаз от императора.

— Родиас пал по многим причинам, — мягко возразил Валерий Второй. — Однако мы в данный момент собираемся обсуждать мозаики. Кай Криспин, какого ты мнения о новом методе обратного переноса после укладки смальты на листы в мастерской?

Несмотря на все то что он слышал об этом человеке, техническая точность этого вопроса, заданного императором после пиршества, среди придворных, застала Криспина врасплох. Он глотнул. Прочистил горло.

— Мой повелитель, этот метод пригоден и полезен для мозаик на очень больших поверхностях стен и полов. Он позволяет ровнее закрепить смальту из стекла или камня там, где мы хотим, и снимает необходимость спешить, укрепляя кусочки смальты на основании, пока оно не засохло. Я могу объяснить, если император желает.

— Нет необходимости. Это я понимаю. А как насчет использования его на куполе?

После Криспин удивлялся, как развернулись бы последующие события, если бы он постарался быть дипломатичным в тот момент. Но он не старался.

— На куполе? — повторил он, повышая голос. — Трижды возвышенный повелитель, только глупец может предложить использовать этот метод на куполе! Ни один мозаичник, достойный этого имени, и не помыслит об этом.

У него за спиной кто-то издал звук, который можно было назвать только бульканьем.

Стилиана Далейна ледяным голосом произнесла:

— Ты находишься в присутствии императора Сарантия. Мы наказываем кнутом или лишаем зрения чужаков, которые позволяют себе подобное.

— И уважаем тех, — своим утонченным голосом возразила императрица Аликсана, — которые делают нам честь, отвечая откровенно на прямой вопрос. Скажи, пожалуйста, почему ты придерживаешься столь... категоричного взгляда, родианин?

Криспин заколебался:

— Двор славного императора в ночь Дайкании... вы действительно хотите этой дискуссии?

— Император хочет, — ответил император.

Криспин опять глотнул. «Мартиниан, — подумал он, — сделал бы это гораздо тактичнее».

Он не был Мартинианом. Прямо перед Валерием Сарантийским он высказал один из своих заветных принципов.

— Мозаика, — сказал он уже мягче, — это мечта о свете. И о цвете. Это игра света НА цвете. Это мастерство... — иногда я дерзал называть его искусством, мой повелитель, — построенное на том, чтобы позволить пламени свечи, фонаря, свету солнца, обеих лун, играть на цветах смальты, драгоценных и полудрагоценных камней, которые мы используем... Чтобы сотворить нечто такое, что передает, пусть слабо, качество движения, которое Джад подарил своим смертным детям и миру. В святилище, господин, это мастерство стремится выразить святость бога и его творения.

Он перевел дыхание. Ему не верилось, что он произносит все это вслух и здесь. Он взглянул на императора.

— Продолжай, — сказал Валерий. Его серые глаза не отрывались от его лица, пристальные, умные, холодные.

— А на куполе, — продолжал Криспин, — на кривизне купола — будь то святилище или дворец — мозаичник получает возможность работать, вдохнуть жизнь в это видение. Стена плоская, пол плоский...

— Ну так и должно быть, — легкомысленно бросила императрица. — Мне доводилось жить в комнатах...

Валерий громко рассмеялся. Криспин, остановленный в своем полете, замолчал и тоже невольно улыбнулся.

— Действительно, милостивая госпожа. Я рассуждаю в принципе, конечно. Это идеи, которые нам редко удается воплотить в жизнь.

— Стена или пол — плоские, в этом их суть, — сказал император. А купол...

— Кривизна и высота купола дают нам иллюзию движения сквозь меняющийся цвет, господин мой. Это бесценная возможность. Естественное место для работы мозаичника. Его... небеса. Нарисованная на плоской стене фреска может дать все те же эффекты, что и мозаика, и даже — пусть в моей гильдии это назовут ересью — иногда даже больше эффектов. Но нигде на земле Джада невозможно добиться того, чего сумеет достичь мозаичник на куполе, если будет класть смальту прямо на его поверхность.

За его спиной раздался голос, утонченный и ворчливый:

— Надеюсь, трижды возвышенный повелитель, мне будет позволено ответить на это глупое невежество с запада?

— Когда мы закончим, Сирос. Если это невежество. Слушай. Тебе зададут несколько вопросов. Будь готов на них ответить.

Сирос. Криспин не знал этого имени. Возможно, следовало знать. Он подготовился не так хорошо, как нужно было, но он не ожидал, что придется явиться ко двору на следующий день после прибытия в Город.

Теперь он тоже рассердился. Невежество? Слишком много оскорблений для одного раза. Он пытался сдержать свой гнев, но это были его самые сокровенные мысли. Он сказал:

— С востока или с запада, это не имеет никакого значения, мой повелитель. Ты назвал обратный перенос новым методом. Боюсь, кто-то ввел тебя в заблуждение. Пятьсот лет назад мозаичники выполняли мозаики на стенах и на полу при помощи таких полотнищ со смальтой в Родиасе, Милазии, Байане. Таких мозаик уже не осталось ни на одном куполе Батиары. Сказать трижды возвышенному императору, почему?

— Скажи мне, почему, — ответил Валерий.

— Потому что пятьсот лет назад мозаичники уже знали, что класть камень, стекло или драгоценные камни на липкие листы, а потом переносить их на купол — значит отказаться от того преимущества, которое дает им купол. Когда кладешь смальту вручную на поверхность, ты ее размещаешь под определенным углом, поворачиваешь. Ты укладываешь ее относительно соседнего кусочка, и следующего, и того, что дальше, в сторону света или прочь от него, льющегося в окна или поднимающегося снизу. Ты можешь слепить из основы рельеф или сделать углубление ради нужного эффекта. Ты можешь — если ты — мозаичник, а не просто человек, который лепит стекло на вязкую поверхность, — позволить всему, что знаешь об этом месте, о количестве свечей в помещении внизу, о расположении окон вокруг основания купола и в вышине, о местоположении этого строения на священной земле Джада, о восходах лун и солнца... ты можешь сделать свет своим инструментом, своим слугой, своим... даром и сотворить божественный образ.

— А если делать по-другому? — Как ни странно, на этот раз вопрос задал канцлер Гезий. Худое, вытянутое лицо престарелого евнуха было задумчивым, словно он пытался уловить в этом обсуждении какой-то нюанс.

Криспин подозревал, что его заинтересовал не сам предмет, а интерес Валерия к нему. Этот человек сумел уцелеть на службе у трех императоров.

— А если делать по-другому, — мягко ответил он, — то ты превратишь этот подарок в виде высокой, изогнутой поверхности в... стену. В плохо сложенную стену, в кривую стену. Ты погубишь игру света, лежащую в основе мозаики. В основе всего, что я делаю. Или всегда старался делать, господин мой. Мой император.

Это циничный, пресыщенный двор. Криспин говорил от всего сердца, слишком страстно. Слишком. Он выглядел смешным. Он чувствовал себя смешным и не совсем понимал, почему дал выход глубоко личным чувствам. Он потер свой бритый подбородок.

— Ты считаешь передачу божественных образов в святилище — игрой? — Это спросил высокий стратиг, Леонт. И по этому прямому вопросу солдата, по тону его голоса Криспин понял, что это тот человек, который вмешался в разговор чуть раньше. «Все западные ремесленники похожи друг на друга, — сказал он тогда. — Какая нам разница, который из них приехал?»

Криспин набрал в грудь воздуха.

— Я считаю свет источником гордости. Источником радости и благодарности. Разве предрассветная молитва не то же самое, мой господин? Утрата солнца — серьезная потеря. Тьма не может быть другом никому из детей Джада, а мозаичнику — тем более.

Леонт смотрел на него, и на его красивом лбу появилась легкая морщинка. Волосы у него были цвета спелой пшеницы.

— Солдаты убивают, — тихо произнес Криспин. — Возможно, это необходимо, но это не возвышает бога. Мне кажется, ты должен согласиться, мой господин.

Леонт покачал головой:

— Нет. Конечно, нет. Если мы побеждаем и ниспровергаем варваров и еретиков, тех, кто высмеивает и отвергает Джада, бога солнца, разве мы не возвышаем его? — Криспин увидел, что какой-то худой человек с болезненным лицом подался вперед и внимательно слушает.

— Разве насаждать веру означает возвышать нашего бога? — Более десяти лет споров с Мартинианом отточили его мастерство в таких вещах. Он мог бы даже забыть, где находится.

Почти.

— Каким крайне утомительным вдруг стал этот разговор! — воскликнула императрица, ее тон был воплощением капризной скуки. — Он еще хуже, чем разговор о том, как именно укладывать кусочки стекла на какое-то липкое полотно. Не думаю, что здесь подобает говорить о липком полотне. В конце концов Стилиана — новобрачная.

Покраснел стратиг, а не его элегантная супруга. Задумчивое лицо императора расплылось в улыбке, а по комнате пронесся смех, в котором слышалась злоба.

Криспин подождал, пока он стихнет. И сказал, не совсем понимая, почему говорит это:

— Именно трижды возвышенная императрица попросила меня защитить свои взгляды. Мои убеждения, как она их назвала. Некто другой назвал их глупостью. В присутствии столь великих людей я не смею выбирать предмет разговора, лишь отвечаю на вопросы, как умею. И стараюсь избегать бездн глупости.

Выразительный рот Аликсаны слегка дрогнул, но ее темные глаза оставались непроницаемыми. Она была невысокого роста, изящно сложена.

— У тебя хорошая память, родианин. Я ведь и правда тебя попросила, а?

Криспин склонил голову.

— Императрица милостиво вспомнила об этом. Разумеется, менее выдающимся смертным не остается ничего другого, как вспоминать каждое слово, которое она соблаговолит вымолвить.

Он сам себя поражал почти каждым словом, произнесенным сегодня вечером.

Валерий, который теперь сидел, откинувшись на спинку трона, захлопал в ладоши.

— Хорошо сказано, хоть и нескромно. Пришельцы с запада еще могут поучить наших придворных кое-чему, кроме инженерного дела и мозаичной техники.

— Мой господин император! Ты ведь не принял всерьез его болтовню насчет переноса...

Непринужденность исчезла с лица императора. Взгляд серых глаз, как клинок кинжала, пронесся мимо Криспина.

— Сирос, когда ты представил свои чертежи и планы нашим архитекторам и нам, ты ведь сказал, что этот метод новый, не так ли?

Атмосфера в зале резко изменилась. Император произнес эти слова ледяным тоном. Он по-прежнему сидел, откинувшись на спинку трона, но его глаза стали другими.

Криспину хотелось обернуться и посмотреть, кто этот второй мозаичник, но он не смел пошевелиться. Человек у него за спиной, заикаясь, ответил:

— Мой повелитель... трижды возвышенный повелитель, он никогда прежде не применялся в Сарантии. Никогда, ни на одном из куполов. Я предложил...

— А что мы услышали от родианина? Пятьсот лет назад? И почему именно? Ты это учел?

— Мой повелитель, это дела падшего запада...

— Что? — Тут Валерий Второй сел прямо. Подался вперед. Его указательный палец пронзал воздух, пока он говорил: — Это был Родиас, ремесленник! Не надо говорить нам о падшем западе. Это была Родианская империя в самом расцвете! Во имя бога! Как Сараний назвал этот город, когда провел линию своим мечом от канала до океана, намечая первую стену? Скажи мне!

— Он... он... Сарантий, трижды возвышенный.

— А еще как? Еще как? Скажи это, Сирос!

— Он... он назвал его Новым Родиасом, трижды возвышенный повелитель. — Голос патриция охрип. — Славный император, мы знаем, мы все знаем, что не было еще на земле святилища, которое могло бы сравниться с тем, которое ты задумал построить. Оно прославит мир Джада. Купол, купол его не сравним по размерам, по великолепию...

— Мы сможем построить его, только если наши слуги разбираются в своем деле. Купол, спроектированный Артибасом, слишком велик, чтобы применить нужную технику мозаики, так ты теперь говоришь? Правильно, Сирос?

— Мой господин, нет!

— Тебе не выделяют достаточно средств из казны императора? У тебя мало подмастерьев и мастеров? Или твое вознаграждение слишком мало, Сирос? — Голос был жесткий и холодный, как камень в разгар зимы.

Криспин почувствовал страх и жалость. Он даже не видел человека, которого так безжалостно уничтожали, но услышал за спиной, как кто-то упал на колени.

— Щедрость императора превосходит мои заслуги, как он

сам превосходит всех присутствующих в величии, мой трижды возвышенный повелитель.

— Мы считаем, что это правда, собственно говоря, — ледяным тоном заметил Валерий. — Нам следует пересмотреть определенные аспекты наших строительных планов. Ты можешь идти, Сирос. Мы благодарны госпоже Стилиане Далейне за то, что она познакомила нас с твоими талантами. Но нам начинает казаться, что размах святилища тебе не по силам. Это бывает, это бывает. Ты будешь вознагражден соответствующим образом за то, что сделал до сих пор. Не бойся.

Еще один кусочек головоломки. Супруга-аристократка стратига ходатайствовала за этого другого мозаичника перед императором. Появление сегодня вечером Криспина, его поспешный вызов ко двору были угрозой для этого человека, а поэтому — и для нее.

То, что он представлял себе раньше, оказалось пугающей правдой: он явился сюда, и у него появились враги и обязательства раньше, чем он успел открыть рот или приподнять голову от пола. «Меня здесь могут убить», — внезапно подумал он.

Он слышал, как у него за спиной открылись серебряные двери. Послышались шаги. Пауза. Изгнанный художник выполнял свои поклоны.

Двери снова закрылись. Мигнуло на сквозняке пламя свечей. Заколебалось. Потом успокоилось. В тронном зале все молчали, придворные были напуганы, получив выговор. Сирос, кем бы он ни был, ушел. Криспин только что погубил человека, ответив на один вопрос честно, не проявив такта, не прибегая к дипломатии. Честность при дворе вещь опасная, для других и для самого себя. Он снова не отрывал глаз от мозаики пола. В центре была изображена сцена охоты. Какой-то император древности, в лесу, с луком, олень в прыжке, стрела императора летит к нему. Надвигающаяся смерть, если бы эта сцена получила продолжение.

Сцена получила продолжение.

Аликсана сказала:

— Если эта грустная привычка портить праздничный вечер сохранится, любимый, я присоединюсь к храброму Леонту и начну сожалеть о твоем новом святилище. Должна сказать, что своевременность выплаты жалованья солдатам вызывает куда меньше суматохи.

Император казался невозмутимым.

— Солдатам заплатят. Святилище должно стать частью нашего наследия. Частью того, что сохранит наши имена в веках.

— Слишком высокие устремления, чтобы взвалить это бремя на плечи непроверенного пришельца с запада с дурными манерами, — произнесла Стилиана Далейна, голос ее звучал резко.

Император взглянул на нее с непроницаемым выражением лица. «У нее есть мужество, — вынужден был признать Криспин, — если она бросает вызов, когда он в таком настроении».

— Это было бы правдой, если бы это бремя лежало на его плечах. Святилище уже построено тем не менее. Наш великолепный Артибас, который спроектировал и построил его для нас, несет это бремя, словно некий полубог из тракезийского пантеона. Родианин, если у него есть для этого способности, попробует украсить для нас святилище в той манере, которая будет приятна Джаду и нам.

— Тогда остается надеяться, трижды возвышенный, что он сумеет найти в себе более приятные для всех манеры, — ответила светловолосая женщина.

Валерий неожиданно улыбнулся.

— Умно сказано, — заметил он. Император, как начинал понимать Криспин, был человеком, который очень ценит ум. — Кай Криспин, боюсь, ты вызвал неудовольствие одной из жемчужин нашего двора. Ты должен постараться, пока будешь работать у нас, возместить ей ущерб.

Собственно говоря, ему вовсе не хотелось возмещать ей ущерб. Она по каким-то своим соображениям поддержала некомпетентного художника и теперь пыталась свалить последствия на Криспина.

— Я уже сожалею об этом, — пробормотал он. — У меня нет сомнений, что госпожа Стилиана — жемчужина среди женщин. В самом деле, та жемчужина у нее на шее, более крупная, чем любое украшение из тех, которые я вижу здесь на женщинах, отражает этот факт и служит ему свидетельством.

На этот раз Кай понимал, что делает.

Это было опасно, опрометчиво, но ему было все равно. Ему не нравилась эта высокомерная женщина с безупречно правильными чертами лица, с золотистыми волосами, с холодными глазами и жалящим языком.

Он услышал, как все ахнули, и безошибочно увидел гнев, внезапно вспыхнувший в глазах этой женщины. Но Криспин

ждал реакции другой женщины и, повернувшись к ней, нашел то, что искал: короткую вспышку удивления и насмешливое понимание в темных глазах императрицы Сарантия.

В неловком молчании, наступившем после того, как он открыто заявил о том, что госпожа Стилиана предпочла бы не афишировать, императрица с обманчивой мягкостью сказала:

— Наше общество украшают многие. Сейчас мне пришло в голову, что еще один из таких людей обещал нам рассудить пари, предложенное во время пиршества. Скортий, перед тем как уснуть сегодня, чтобы мой сон был спокойным, я должна знать ответ на вопрос императора. Никто не изъявил желания получить предложенную драгоценность. Ты нам скажешь, возничий?

На этот раз Криспин все же оглянулся и посмотрел, когда блистающая толпа придворных справа от него раздалась в стороны, сверкая шелками, и невысокий, поджарый мужчина подошел, аккуратно и уверенно шагая, и встал рядом с канделябром. Криспин слегка посторонился, чтобы Скортий из команды Синих остался один перед тронами. Он невольно смотрел на этого человека во все глаза.

У сорийского возницы, который в тот день на арене ипподрома творил чудеса, были глубоко посаженные глаза на смуглом лице, слегка подчеркнутые — а в одном-двух местах и не слегка — шрамами. Его непринужденные манеры свидетельствовали о том, что он был своим во дворце. На нем была полотняная туника до колен натурального, почти белого цвета, и по ней спускались с плеч темно-синие полосы, окаймленные золотом. Мягкая синяя шапочка покрывала его черные волосы. Пояс из простого золота был очень дорогим. На шее висела одна цепочка, на которой на уровне груди находился золотой конь с драгоценными камнями вместо глаз.

— Мы все стараемся во всем, что делаем, угодить императрице, — серьезно произнес возничий. Он намеренно сделал паузу, потом его белые зубы блеснули. — А потом императору, разумеется.

Валерий рассмеялся.

— Вложи в ножны свое смертельное обаяние, Скортий. Или прибереги его для той, которую ты сейчас соблазняешь.

Послышался женский смех. Некоторые мужчины, как заметил Криспин, не смеялись. Аликсана прошептала, и ее темные глаза вспыхнули:

— Но мне нравится, когда он достает его из ножен, мой повелитель.

Криспин не смог удержаться от внезапного смеха, это замечание застало его врасплох. Это не имело значения. Валерий и придворные вокруг него хохотали, а возничий низко поклонился императрице и невозмутимо улыбнулся. При этом дворе, наконец-то понял Криспин, многое определяли женщины.

И разумеется, женщина, сидящая на троне. К императору явно вернулось непритворно хорошее настроение. Глядя на два трона, Криспин внезапно подумал об Иландре, со странной внутренней болью, словно удар клинка, которая все еще в таких случаях поражала его. Если бы его жена сделала подобное открыто провокационное замечание, он тоже счел бы его смешным, настолько он был в ней уверен. И Валерий был так же уверен в императрице. Криспин не в первый раз задал себе вопрос, каково это — быть женатым на женщине, которой нельзя доверять. Он бросил взгляд на стратига, Леонта. Высокий мужчина не смеялся. И его аристократка-жена тоже. Но для этого могло быть много причин.

— Драгоценный камень все еще предлагается в награду, пока Скортий не раскрыл свой секрет, — заметил император. — Жаль, что наш родианин не видел этого события, кажется, у него есть для нас много ответов.

— Сегодняшние гонки, мой повелитель? Я их видел. Великолепное зрелище. — Криспину пришло в голову, немного поздновато, что он, возможно, совершает еще одну ошибку.

Валерий состроил кислую мину.

— А! Ты болельщик? Конечно, мы окружены ими.

Криспин покачал головой:

— Едва ли болельщик, мой повелитель. Сегодня я впервые побывал на ипподроме. Мой сопровождающий, Карулл из Четвертого саврадийского легиона, который прибыл сюда, чтобы встретиться с верховным стратигом, стал мне хорошим гидом. — Каруллу не может повредить, если он упомянет здесь его имя, решил Криспин.

— А, ну тогда, как новичок, ты все равно не сможешь решить эту задачу. Давай, Скортий. Мы ждем, когда ты нас просветишь.

— О, нет. Нет, давайте спросим у него, мой повелитель, — возразила Стилиана Далейна. В ее холодной красоте и правда было что-то злое. — Как говорит наш трижды возвышенный

император, этот художник знает так много. Почему гонки колесниц должны оказаться за пределами его понимания?

— Столько всего лежит за пределами моих возможностей, госпожа, — ответил Криспин так мягко, как только мог. — Но я попытаюсь... удовлетворить вас. — Он коротко улыбнулся в ответ. Он расплачивался за то, что нечаянно сделал с ее художником, и за преднамеренное упоминание о ее жемчужине. Ему оставалось лишь надеяться, что эта плата ограничится обменом колкостями.

Аликсана со своего трона сказала:

— Вот вопрос, который мы обсуждали за ужином, родианин: как Скортий сообразил отдать первую дорожку в первом заезде после перерыва? Он позволил колеснице Зеленых оказаться на внутреннем круге нарочно и привел несчастного Кресенза прямо к катастрофе.

— Я это помню, моя госпожа. Это также привело к финансовой катастрофе трибуна Четвертого легиона.

Слабая острота. Императрица не улыбнулась.

— Как это грустно для него. Но никто из нас не смог предложить объяснения, совпавшего с тем ответом, который наш великолепный возничий держит в тайне. Он обещал сообщить его нам. Хочешь рискнуть и высказать предположение, перед тем как он даст свой ответ?

— Нет позора в неведении, — прибавил Валерий. — Особенно если это твой первый поход на ипподром.

Ему и в голову не пришло не отвечать. Вероятно, должно было прийти. Вероятно, более осторожный человек, учтя все нюансы, уклонился бы от ответа. Таким человеком почти наверняка был бы Мартиниан.

— У меня есть одна мысль, мой господин, моя госпожа. Возможно, я ошибаюсь, конечно. Вероятно, я ошибаюсь.

Стоящий рядом Скортий взглянул на него. Он слегка приподнял брови, но его карие внимательные глаза смотрели учтиво и заинтересованно.

Криспин в свою очередь посмотрел на него и улыбнулся.

— Одно дело сидеть над беговой дорожкой и размышлять, как это сделано, и совсем другое — делать это на песке, на всем скаку. Прав я или нет, позволь мне приветствовать тебя. Я не ожидал, что так разволнуюсь сегодня, но это произошло.

— Ты делаешь мне слишком много чести, — пробормотал Скортий.

— Так что скажешь? — спросил Император. — Твоя мысль, родианин? В награду тебя ждет афганский рубин!

Криспин взглянул на него и сглотнул. Он не знал, конечно, каков приз. Это был не обычный приз; это было целое состояние, с самого дальнего востока. Он снова повернулся к Скортию, прочищая горло.

— Свет и тень в толпе сыграли свою роль?

И по улыбке, тут же появившейся на лице возничего, понял, что выиграл. Выиграл. Он умел решать головоломки. Всю жизнь.

В полной ожидания тишине Криспин заговорил со все возрастающей уверенностью:

— Я бы сказал, что многоопытного Скортия навел на эту мысль темный цвет толпы, когда он достиг поворота перед императорской ложей, мой повелитель. Наверное, он знал много другого, о чем я не могу даже догадаться, но рискну предположить, что это было самым важным.

— Темный цвет толпы, — сердито воскликнул начальник канцелярии Фастин. — Что за чушь?

— Надеюсь, это не чушь, мой господин. Я имею в виду их лица, конечно. — Больше Криспин ничего не сказал. Он смотрел на возничего, стоящего рядом. Теперь на него смотрели все.

— Кажется, — наконец, произнес Скортий, — у нас тут стоит возница. — Он рассмеялся, показывая белые, ровные зубы. — Боюсь, этот родианин — вовсе не мозаичник. Он — опасный обманщик, мой повелитель.

— Он прав? — резко спросил император.

— Совершенно прав, о трижды возвышенный повелитель.

— Объясни! — Приказ прозвучал, как удар кнута.

— Польщен, что мне задан этот вопрос, — спокойно ответил чемпион Синих.

— Не тебе. Кай Криспин Варенский, объясни, что ты имеешь в виду.

Скортий впервые смутился. Криспин понял, что император по-настоящему раздражен, и догадался, почему: в этом зале явно находился еще один любитель решать головоломки.

Криспин осторожно сказал:

— Иногда человек, который видит что-то впервые, может заметить то, что уже не дано видеть другим, более сведущим. Признаюсь, что я устал за тот длинный день к моменту поздних

заездов, и мой взгляд блуждал по сторонам. Он упал на трибуны по ту сторону спины.

— И это подсказало тебе, как выиграть гонку? — Короткое раздражение Валерия прошло. Он снова бросился в бой, понял Криспин. Взгляд сидящей рядом с ним Аликсаны казался непроницаемым.

— Это подсказало мне, как человек, более отважный, чем я, мог бы это сделать. Мозаичник, как я уже говорил, мой повелитель, видит изменения цвета и света в божьем мире с... большой точностью. Он должен это уметь, иначе не добьется успеха в своей работе. Я провел часть дня, наблюдая, что происходит, когда колесницы мчатся мимо дальних трибун и люди поворачивают головы, следя за их бегом.

Валерий сидел, подавшись вперед и сосредоточенно нахмурив брови. Внезапно он поднял руку.

— Погоди! Я попробую сам. Погоди. Да... когда они смотрят прямо перед собой, возникает впечатление чего-то более яркого, светлого, так как их лица обращены вперед, а когда головы повернуты в противоположную сторону, когда ты видишь волосы и головные уборы, возникает впечатление более темного цвета.

Криспин ничего не сказал. Только поклонился. Стоящий рядом Скортий из команды Синих молча повторил его движение.

— Ты сам заслужил свой рубин, мой повелитель, — сказал возничий.

— Не заслужил. Я все еще... Теперь ты, Скортий. Объясни!

Сориец произнес:

— Когда я достиг поворота у катизмы, мой повелитель, трибуны справа от меня были разноцветными и довольно темными. В эти секунды я миновал Кресенза и выехал на внутреннюю дорожку. Они не должны были так выглядеть, потому что первые возницы Зеленых и Синих находились прямо под ними. Лица должны были быть обращены прямо к нам, когда мы промчались мимо, и на солнце казались бы светлыми пятнами. Во время заезда не удается различить сами лица, только поймать общее впечатление, как сказал родианин, более светлого или более темного цвета. Трибуны перед поворотом были темными. Это означало, что зрители отвернулись от нас. Почему они отвернулись?

— Столкновение позади тебя, — произнес император Са-

рантия, медленно кивая головой. Теперь он сцепил пальцы рук, а локти положил на подлокотники трона. — Нечто более увлекательное, даже более драматичное, чем дуэль двух колесниц.

— Сокрушительное столкновение, мой повелитель. Только это могло отвлечь их, заставить повернуть туда головы. Ты помнишь, что первые колесницы столкнулись ДО того, как подъехали мы с Кресензом. Происшествие казалось незначительным, мы оба его заметили и объехали препятствие. Толпа это тоже видела. Чтобы ипподром от нас отвернулся, должно было произойти нечто ужасное уже после этого первого столкновения. И если третья — или четвертая — колесница врезалась в первые две, тогда команда служащих ипподрома не смогла бы расчистить дорожку.

— А первое столкновение произошло на внутренней дорожке, — снова кивнул головой император. Теперь он удовлетворенно улыбался, его серые глаза остро поблескивали. — Родианин, ты понял это все?

Криспин быстро покачал головой:

— Не так, мой повелитель. Я догадался лишь о самом простом. Меня приводит в смущение то, что я оказался прав. А Скортий сообразил все это во время гонки, управляя четверкой коней на большой скорости, сражаясь с соперником. Это выше моего понимания.

— Собственно говоря, я понял слишком поздно, — признался Скортий с грустным видом. — Если бы я был наготове, я бы не стал обгонять Кресенза с внутренней стороны. Я бы остался на внешней от него дорожке и так прошел бы поворот и дальнюю прямую. Так было бы правильно. Иногда, — прошептал он, — мы добиваемся успеха лишь благодаря счастливому случаю и милости божьей.

Никто на это ничего не ответил, но Криспин заметил, как верховный стратиг Леонт сделал знак солнечного диска. Через мгновение Валерий поднял глаза и кивнул канцлеру. Гезий, в свою очередь, сделал знак другому человеку, который вышел из одностворчатой двери позади трона. Он нес черную шелковую подушечку. На ней лежал рубин в простой золотой оправе. Он подошел к Криспину. Еще издали Криспин увидел, что этот сверкающий приз, назначенный скучающим императором на пиршестве ради развлечения, стоит больше денег, чем он имел за всю свою жизнь. Слуга остановился перед ним. Скортий,

стоя справа от Криспина, широко улыбался. Счастливый случай и божья милость.

— Ни один человек не был менее достоин такого дара, хотя я надеюсь угодить императору другими способами у него на службе, — сказал Криспин.

— Это не дар, родианин. Это приз. Любой мужчина — или женщина — мог его выиграть. У всех была такая возможность сегодня вечером.

Криспин склонил голову. Внезапно его осенила идея, и, не успев ей воспротивиться, он услышал собственный голос:

— Могу ли я... будет ли мне позволено подарить этот камень, мой повелитель? — Он с трудом произнес эти слова. Он преуспевал, но не был богат. И его стареющая мать, и Мартиниан с женой тоже не были.

— Он твой, — ответил император после короткого, тяжелого молчания. — Можно подарить то, чем владеешь.

Конечно, это было правдой. Но чем человек действительно владеет, если жизнь, если любовь можно отнять и отдать тьме? Разве ВСЕ это не является только займом, арендой, столь же преходящим, как свеча?

Здесь не место и сейчас не время для этого.

Криспин набрал в грудь воздуха, выталкивая себя из теней к ясности. И сказал, понимая, что, вероятно, совершает еще одну ошибку:

— Тогда я счел бы за честь, если бы госпожа Стилиана приняла его от меня. Я бы даже не получил возможности изложить здесь решение этой трудной задачи, если бы она не оценила так высоко мои качества. И боюсь, мои слишком откровенные высказывания ранее огорчили коллегу-художника, которого она ценит. Возможно, этот подарок поможет загладить мою вину? — Он чувствовал на себе взгляд стоящего рядом возничего, у которого отвисла челюсть, слышал ропот изумления среди придворных.

— Благородные слова! — воскликнул Фастин со стороны двух тронов.

Криспину пришло в голову, что начальник канцелярии, под властью которого находятся все гражданские службы, вероятно, не особенно проницательный человек. Ему также одновременно пришло в голову — когда он заметил задумчивое выражение лица Гезия и неожиданно лукавое, хитрое выражение лица императора, — что это, возможно, не случайно.

Он кивнул слуге, одетому в блестящие серебряные одежды, и тот отнес подушечку золотоволосой госпоже, стоящей возле тронов. Криспин видел, что стратиг рядом со Стилианой Далейной улыбается, но сама она побледнела. Это и в самом деле могло оказаться ошибкой; здесь он не мог доверять своим инстинктам.

Тем не менее она протянула руку, взяла кольцо с рубином и держала его на раскрытой ладони. У нее не было выбора. Каким бы изысканным ни был этот камень, рядом с потрясающей жемчужиной на ее шее он казался почти безделушкой. Она была дочерью самого богатого семейства Империи. Даже Криспин это знал. Ей нужен этот рубин, как Криспину... кубок вина.

«Неудачная аналогия», — подумал он. Ему и в самом деле нужен кубок вина, просто необходим.

Стилиана Далейна долгое мгновение смотрела на него через пространство зала, само совершенство, полное ледяного самообладания, а потом сказала:

— Ты, в свою очередь, оказываешь мне слишком большую честь, и такой щедростью делаешь честь памяти Империи Родиаса. Благодарю тебя. — Она не улыбнулась. Сомкнула длинные пальцы и сжала в ладони рубин.

Криспин поклонился.

— Должна заметить, — жалобным голосом вмешалась императрица Сарантия, — что я сейчас в таком отчаянии — просто слов не хватает. Ведь и я тоже заставляла тебя высказаться, родианин. Не так ли? Разве я не остановила нашего любимого Скортия, чтобы дать тебе возможность показать свой ум? А какой подарок ты сделаешь мне, смею спросить?

— А ты жестока, любовь моя, — сказал сидящий рядом с ней император. Он снова казался веселым.

— Меня жестоко обидели и мною пренебрегли, — возразила его жена.

Криспин с трудом глотнул.

— Я готов служить императрице во всем, что в моих силах для нее сделать.

— Хорошо! — ответила Аликсана Сарантийская, ее голос звучал резко, изменившись в одно мгновение, словно именно это она и хотела услышать. — Очень хорошо. Гезий, прикажи проводить родианина ко мне в комнаты. Я желаю обсудить с ним мозаики прежде, чем лечь спать.

Снова шорох и движение среди придворных. Свет фонарей заколебался. Криспин увидел, как человек с впалыми щеками рядом со стратигом вдруг поджал губы. Император, все еще веселясь, заметил только:

— Я вызвал его для работы в святилище, дорогая. Все другие посторонние дела должны быть отложены на последующее время.

— Я не посторонняя, — ответила императрица Сарантия, выгибая свои великолепные брови дугой.

Однако она при этом улыбнулась, и смех пронесся по тронному залу, словно гончая, вслед за этой улыбкой.

Валерий встал:

— Родианин, добро пожаловать в Сарантий. Ты появился среди нас не без шума. — Он поднял руку. Аликсана положила на нее свою руку, сверкающую кольцами, и поднялась. Они вместе ждали, пока придворные опускались на колени. Затем повернулись и вышли из зала через одностворчатую дверь, которую заметил Криспин позади тронов.

Выпрямившись, а затем снова поднявшись на ноги, он на мгновение прикрыл глаза, выбитый из колеи стремительностью событий. Он чувствовал себя, как человек в несущейся колеснице, которой он совсем не умеет управлять.

Когда он снова открыл глаза, то увидел, что на него смотрит настоящий возничий, Скортий.

— Будь очень осторожен, — тихо прошептал сориец. — Со всеми ними.

— Как? — успел спросить Криспин, и тут старый, тощий канцлер налетел на него, как на приз. Гезий положил тонкие пальцы на плечо Криспина жестом собственника и плавно повел его из зала, по мозаике с изображением императорской охоты, мимо серебряных деревьев и осыпанных драгоценными камнями птиц на их ветках и мимо жадных взоров разряженных в шелк сарантийских царедворцев.

Когда он снова вышел через серебряные двери в приемную, кто-то за его спиной три раза громко хлопнул в ладоши, и тогда, сквозь гул возобновившейся беседы и утомленного поздним временем смеха, Криспин услышал, как запели механические птицы императора.

Глава 8

— Да сварит Джад этого ублюдка в его собственном рыбном соусе! — тихо выругался Разик, чистя грязный горшок. — С таким же успехом мы могли стать Неспящими и заработать хотя бы милость бога за то, что не спим всю ночь!

Кирос, помешивающий длинной деревянной ложкой суп на огне, делал вид, что не слушает. Все равно в рыбном соусе ничего не варят. Струмос славится исключительно острым слухом, и ходят сплетни, будто однажды, много лет назад, эксцентричный повар бросил задремавшего поваренка в огромный железный котел, когда суп, оставленный в этом котле без присмотра, вскипел.

Кирос был совершенно уверен, что это сказки, но он сам видел, как толстый шеф-повар вонзил нож для резки овощей в стол на расстоянии пальца от руки помощника повара, который неаккуратно чистил лук-порей. Нож застрял, вибрируя, в доске стола. Помощник посмотрел на него, потом на свои пальцы в опасной близости от ножа и упал без чувств. «Бросьте его в колоду для коней», — приказал тогда Струмос. Искалеченная нога Кироса избавила его от необходимости исполнять эту повинность, но четверо других это сделали. Они вынесли бесчувственного повара из кухни и понесли вниз по ступеням портика. Тогда стояла зима, день был очень холодный и серый. Вода в колодце в конце двора покрылась льдом. Помощник повара сразу же пришел в себя, когда его туда бросили. Это было живописное зрелище.

Работать под началом повара, известного в Городе своим темпераментом, было не самым легким делом.

И все же Кирос за эти полтора года с удивлением открыл для себя, что ему нравится кухня. В приготовлении пищи скрывались свои тайны, и Кирос обнаружил, что размышляет о них. То, что это была не простая кухня и не простой шеф-повар, сыграло свою роль. Невысокий раздражительный человек с большим животом, который руководил здесь приготовлением пищи, был в Городе легендой. Некоторые считали, что он слишком много значения придает этому факту, но если повар может быть художником, то Струмос им был. А его кухня обслуживала пиршественный зал Синих в Сарантии, где иногда по вечерам задавались пиры на две сотни гостей.

Сегодня вечером Струмос, во всем блеске таланта, среди управляемого хаоса и зубодробительной ругани, руководил приготовлением восьми изысканных блюд для кулинарного празднества. Его кульминацией стала процессия из пятидесяти мальчиков — для этой цели вызвали и отмыли мальчишек с конюшни, — которые пронесли огромные серебряные подносы с сигами, фаршированными креветками под его знаменитым соусом вокруг банкетного зала под бурные аплодисменты и восторженные крики. Трубили трубы и развевались голубые знамена. Клар, главный мужчина-танцор Синих, в полном восторге вскочил со своего места за высоким столом и побежал целовать в губы Струмоса, стоящего в дверях кухни. Под крики и непристойный смех толстяк сделал вид, будто шлепком отгоняет маленького танцора, а потом склонился в поклоне в ответ на аплодисменты и свист.

Это была последняя ночь Дайкании, окончание еще одного сезона соревнований колесниц, и победоносные, прославленные Синие еще раз задали жару жалким неудачникам Зеленым как во время долгого сезона, так и сегодня. Ошеломляющая победа Скортия в первом забеге после перерыва станет одним из тех триумфов, о которых будут рассказывать вечно.

Вино лилось рекой всю ночь, как и сопровождающие его тосты. Поэт факции, Харделос, встал, пошатываясь, уперся ладонью в стол и прочел импровизированные стихи, подняв вверх бутылку:

Под громкие крики бурлящей толпы
Скортий летит, подобно орлу,
Под орлиным гнездом катизмы!
Слава прославленному императору!
Слава быстрому сорийцу и его коням!
Слава непобедимым Синим!

Кирос почувствовал, как мурашки побежали от восторга у него по спине. «Летит, подобно орлу». Это прекрасно! Глаза его затуманились от прилива чувств. Струмос, стоящий рядом с ним в дверях кухни во время короткого затишья, тихо фыркнул.

— Слабый стихоплет, — пробормотал он так тихо, что его услышал только Кирос. Он часто так поступал. — Старые фразы и избитые. Нужно поговорить с Асторгом. Возницы великолепны, кухня несравненная, как всем нам известно. Танцоры достаточно хороши. А вот поэта надо убрать. Надо убрать.

Кирос поднял взгляд и вспыхнул, поймав на себе взгляд маленьких, острых глаз Струмоса.

— Часть твоего образования, парень. Не поддавайся соблазну дешевых сантиментов, как и увлечению специями. Есть разница между похвалами масс и одобрением знатоков. — Он повернулся и потопал в жаркую кухню. Кирос быстро последовал за ним.

Позже Асторг произнес речь. Его лицо было покрыто шрамами. Когда-то он сам был самым прославленным возничим Города, а теперь стал факционарием Синих. Он объявил об установке новой статуи Скортия на стене ипподрома. Там уже стояло две его статуи, но обе были поставлены этими мерзкими Зелеными. Эта же статуя, как заявил Асторг, будет отлита из серебра, а не из бронзы, к вящей славе и Синих, и возничего. Раздался оглушительный рев одобрения. Один из младших поварят на кухне, испуганный этим шумом, уронил блюдо с засахаренными фруктами, которые приготовился нести в зал. Струмос осыпал ударами деревянной ложки на длинной ручке его голову и плечи, сломав при этом ложку. Эта ложка легко ломалась. Кирос заметил, что повар редко наносил серьезные повреждения, несмотря на всю кажущуюся силу его ударов.

Когда выдался свободный момент, Кирос снова остановился у дверей, глядя на Асторга. Факционарий пил непрерывно, но это мало отражалось на нем. У него находились улыбка и шутка для каждого, кто останавливался у его места за столом. Спокойный, внушающий доверие человек. Струмос сказал, что Асторг был главной причиной нынешнего успеха Синих на скачках и во многих других областях. Это он переманил Скортия и самого Струмоса, по слухам, все время разрабатывал новые хитроумные планы. «Интересно, — подумал Кирос, — каково это — быть известным в качестве главы факции, если сам когда-то был лучшим возничим, если в твою честь воздвигали статуи, произносили восторженные речи и писали стихи, сравнивая тебя с орлами и львами или с великими героями ипподрома всех времен? Тяжело? Наверное», — подумал он, но он не мог знать наверняка, не мог понять, глядя на Асторга.

Пиршество медленно приближалось к завершению, как всегда бывает с подобными мероприятиями. Вспыхнуло несколько ссор, кого-то сильно тошнило в углу зала. Колумелла, лошадиный лекарь, угрюмо сгорбился на своем сиденье, монотонно распевая древние песни Тракезии. Поздно ночью это

было его обычное состояние. Он знал больше старой поэзии, чем Харделос. Сидящие по обеим сторонам от него крепко спали, уронив головы на стол среди блюд. Одна из молодых танцовщиц выполняла в одиночестве одну и ту же последовательность движений, снова и снова, с напряженным лицом, и руки ее трепетали, словно пара птиц, а затем падали по сторонам тела, и она начинала вращаться. Кирос, кажется, был единственным, кто на нее смотрел. «Она красивая», — подумал он. Другая пара танцоров увела ее с собой, покидая зал. Затем ушел Асторг, поддерживая Колумеллу, и вскоре в зале никого не осталось. С тех пор уже прошло некоторое время.

Насколько мог судить Кирос, пир удался. Скортия на нем не было, разумеется. Его пригласили в Императорский квартал, и поэтому ему простили его отсутствие. Приглашение от императора приносило славу всем остальным тоже.

С другой стороны, именно из-за этого великолепного возничего Струмос — измученный, угрожающе раздражительный — и горстка несчастных мальчиков и поваров все еще бодрствовали на кухне в глухую осеннюю ночь после того, как даже самые страстные из болельщиков разошлись по своим домам и легли спать. Управляющие и служащие факции Синих уже спали в противоположном конце двора в спальном корпусе или в своих личных домах, если они были им положены по рангу. На улицах и площадях за воротами лагеря стояла тишина, праздник подходил к концу. Рабы из хозяйства городского префекта уже должны были выйти на уборку улиц. Уже сильно похолодало; пронизывающий северный ветер налетел из Тракезии, неся зиму.

Обычная жизнь возобновится утром. Празднества закончились.

Но, кажется, Скортий торжественно пообещал шеф-повару Синих зайти на кухню после пира у императора, попробовать сегодняшние блюда и сравнить их с угощением в Императорском квартале. Он опаздывал. Было уже поздно. Очень поздно. Снаружи не было слышно приближения чьих-то шагов.

Все они радовались перспективе провести конец этого славного дня и ночь со Скортием, но это было уже давно. Кирос подавил зевок. Он смотрел на слабый огонь и помешивал рыбный суп, не давая ему закипеть. Попробовал его и решил не добавлять больше морской соли. Для поваренка было большой честью, если ему доверяли следить за приготовлением блюда, и

когда Киросу поручали подобные задания, хотя он всего год, как служил на кухне, это вызывало возмущение. Сам Кирос был поражен; он даже не знал, что Струмос осведомлен о его существовании.

Сначала он даже не хотел работать здесь. В детстве он, разумеется, собирался стать возничим, как все. Позже надеялся стать укротителем зверей у Синих, как отец, но реальность убила эту мечту, когда Кирос был еще совсем маленьким. Укротитель, подволакивающий перебитую ногу, не имел шансов уцелеть хотя бы в течение одного сезона среди крупных кошек и медведей. Отец Кироса обратился к руководству факции с просьбой подыскать сыну другое место, когда Кирос достиг нужного возраста. Синие обычно заботились о своих людях. Колеса администрации повернулись, и Кироса записали в ученики на большую кухню, к только что нанятому шеф-повару. Там не приходится бегать и уворачиваться от опасных зверей.

Если не считать самого повара.

Струмос снова появился в дверном проеме, ведущем из портика. Разик со своим обостренным инстинктом самосохранения тут же перестал ворчать, даже не оглядываясь. Шеф, казалось, пребывает в лихорадочном возбуждении, но он часто бывал в таком состоянии, так что это почти не имело значения. Мать Кироса побледнела бы, увидев, как Струмос мечется из жаркой кухни на холодный двор и обратно в такое время суток. Она твердо верила, что если пагубный воздух не прикончит тебя в черных глубинах ночи, то это сделают духи полумира.

Струмос из Амории был нанят Синими — говорили, за неслыханную цену, — из кухни ссыльного Лисиппа, бывшего квестора императорского налогового управления, изгнанного после мятежа. Две факции соперничали друг с другом на ипподроме — в беге колесниц, в театрах Империи — в поэтической декламации и групповом пении и — довольно часто — на улицах и в переулках при помощи дубинок и клинков. Хитрый Асторг решил перенести соперничество в лагерные кухни факций, и вербовка Струмоса — хотя он и оказался колючим, как растение из пустынь Сорийи, — была блестящим ходом. Город несколько месяцев только и говорил об этом; многие патриции открыли в себе прежде неизвестную преданность Синим и с радостью толстели на банкетах в пиршественном зале факции. Они также вносили пожертвования, от которых толстел кошелек Асторга, что помогало его участию в лошадиных аукционах

и переманиванию танцоров и возниц. Синие, по-видимому, нашли еще один способ бороться с Зелеными и побеждать их.

Синие и Зеленые сражались плечом к плечу два года назад, во время мятежа, но этот поразительный, почти беспрецедентный факт никак не уберег их от гибели, когда на ипподром пришли солдаты. Кирос, конечно, помнил этот мятеж. Один из его дядей был убит мечом на форуме перед ипподромом, и его мать после этого слегла на две недели в постель. В доме Кироса, как и во многих других домах всех рангов и классов, при упоминании имени Лисиппа Кализийца плевались.

Главный мытарь императора был безжалостным, но они все такие. Дело было не только в этом. О том, что творилось в его городском дворце после захода солнца, ходили страшные слухи. Всякий раз, когда пропадали молодые люди обоего пола, взгляды обращались к этим слепым, лишенным окон каменным стенам. Непослушных детей пугали толстым кализийцем, чтобы принудить к покорности.

Струмос ничего не прибавил к этим слухам, он был необычайно сдержан в отношении своего бывшего хозяина. Он явился на кухни и в погреба Синих и провел день, сердито изучая то, что там находилось. Потом выбросил почти все инструменты, большую часть вина, уволил всех, кроме двух младших поваров, до смерти запугал этих мальчишек, и не прошло и нескольких дней, как он начал творить блюда, которые потрясали и поражали.

Конечно, он никогда не был доволен: без конца жаловался, словесно и физически издевался над работниками, которых нанял, требовал у Асторга больше денег, высказывал свое мнение по любому поводу — от поэтов до правильного питания лошадей, — стонал насчет невозможности готовить изысканную еду, потому что приходится кормить так много необразованных пожирателей пищи. И все же, как заметил Кирос, несмотря на поток жалоб, блюда, которые они готовили на большой кухне, все время менялись, и Струмос не слишком стеснял себя в затратах во время утренних закупок на рынке.

Это было одним из самых любимых занятий Кироса — сопровождать повара на базар сразу же после утренней молитвы в часовне, смотреть, как он оценивает овощи, рыбу и фрукты, нажимает на продукты и нюхает их, иногда даже прислушивается к ним. Кирос изобретал меню на день прямо на месте, исходя из того, что находил на прилавках.

Собственно говоря, вероятнее всего, именно благодаря его откровенному интересу в такие моменты, как потом решил Кирос, повар и возвысил его, мойщика тарелок и бутылок, до положения ответственного за приготовление некоторых супов и бульонов. Струмос почти никогда не обращался к Киросу напрямую, но этот свирепый, толстый человек вечно разговаривал сам с собой на базаре, быстро переходя от прилавка к прилавку. А Кирос, как только мог, поспевал за ним на своей больной ноге. Он многое услышал и постарался запомнить. Например, он никогда раньше не представлял себе, что разница во вкусе между одним и тем же видом рыбы, пойманной на противоположном конце залива, у Диаполя и на этой стороне, у скал к востоку от Города, может быть так велика.

В тот день, когда Струмос нашел морского окуня из Спинадии на базаре, Кирос впервые увидел, как мужчина рыдает при виде пищи. Пальцы Струмоса, когда он ласкал блестящую рыбину, напомнили Киросу пальцы юродивого, сжимающие солнечный диск. Ему и всем остальным на кухне позволили попробовать блюдо из этой рыбы — слегка запеченной в соли и приправленной травами — после окончания вечеринки. Попробовав его, Кирос начал понимать определенный стиль жизни. Иногда он был склонен отсчитывать начало своей взрослой жизни от этого вечера.

В другое время он считал, что его юность закончилась после завершения Дайкании в конце этого же года, когда они ждали Скортия в конце холодной ночи и когда услышали внезапный, резкий крик, а потом топот бегущих ног во дворе.

Кирос неуклюже обернулся и посмотрел на входную дверь. Струмос быстро поставил чашу и бутылку вина, которые держал в руках. Три человека заслонили телами дверной проем, потом ворвались в комнату, и ее пространство внезапно показалось тесным. Одним из них был Скортий. В разорванной одежде, с кинжалом в руке. Другой сжимал обнаженный меч: крупный человек, привидение, капающее кровью, с кровью на мече.

Кирос, у которого отвисла челюсть, услышал, как гордость Синих, их любимый Скортий хрипло гаркнул:

— За нами гонятся! Зовите на помощь. Быстро! — Он выкрикнул это на одном дыхании.

Только позже Киросу пришло в голову, что если бы Скортий был другим человеком, он мог бы и сам позвать на помощь. Но вместо него вскочил Разик, бросился к внутренним дверям

и через пиршественный зал помчался к выходу, ведущему к спальному корпусу, крича голосом, от которого кровь стыла в жилах:

— Синие! Синие! На нас напали! На кухню! Вставайте!

Струмос Аморийский уже схватил свой любимый нож для резки овощей. В его глазах загорелся безумный огонек. Кирос оглянулся, схватил швабру и выставил ее конец в сторону входной двери. Снаружи, из темноты, уже доносился какой-то шум. Бежали люди, лаяли собаки.

Скортий и два его спутника отошли в глубину помещения. Раненый с мечом спокойно ждал, стоя ближе всех к двери. Он стал бы первой мишенью для нападающих.

Затем движение во дворе прекратилось. Несколько секунд никто не появлялся. Возникла пауза, казавшаяся неестественной после взрыва событий. Кирос заметил, что двое поварят и другие мальчики вооружились, кто чем мог. Один схватил железную кочергу у очага. Кровь раненого все время капала на пол у его ног. Собаки продолжали лаять.

В темноте портика появилась чья-то тень. Еще один очень крупный человек. Кирос увидел темные очертания его меча. Тень заговорила с акцентом северянина:

— Нам нужен только родианин. Никакой ссоры с Синими и с двумя другими. Если вы его заставите выйти к нам, сохраните жизни.

Струмос громко расхохотался.

— Глупец! Ты понимаешь, где находишься, кем бы ты ни был? Неотесанная деревенщина! Даже император не посылает солдат в этот лагерь!

— У нас нет охоты здесь находиться. Выдайте родианина, и мы уйдем. Я придержу своих людей, чтобы вы...

Человек на крыльце — кем бы он ни был — не закончил эту фразу и ни одну другую под солнцем Джада, или под двумя лунами, или под звездами.

— Вперед, Синие! — услышал Кирос крик во дворе. Дикий, яростный крик из многих глоток. — Вперед! На нас напали!

Из северного конца внутреннего двора донесся вой. Не собачий, людской. Кирос увидел, как стоявший на крыльце человек с мечом шагнул назад и обернулся. Потом вдруг качнулся в сторону. И упал с грохотом и звоном. Его спутники прыгали на портик. Взлетел и опустился на упавшего человека тяжелый по-

сох, темный на фоне темноты, один раз, потом еще раз. Послышался хруст. Кирос отвернулся и с трудом глотнул.

— Невежественные люди, независимо от того, кто они такие. Или кем были, — произнес Струмос безразличным тоном. И положил нож на стол, абсолютно невозмутимый.

— Солдаты. Получили увольнение в Город. Их наняли за деньги. Их легко было уговорить, если они пили на занятые деньги. — Это сказал раненый. Глядя на него, Кирос увидел, что он ранен в плечо и в бедро. Он сам был солдатом. Теперь его глаза стали жесткими, сердитыми. Шум снаружи нарастал. Другие разбойники дрались, стремясь вырваться из лагеря. Появились факелы, от них во дворе плясали потоки оранжевого света и дыма.

— Невежды, как я сказал, — заметил Струмос. — Погнаться за вами сюда!

— Они убили двух моих людей и вашего товарища у ворот, — сообщил солдат. — Он пытался их остановить.

Услышав это, Кирос шаркающими шагами подошел к табуретке и тяжело опустился на нее. Он знал, кто дежурил сегодня у ворот. Короткая соломинка в ночь пиршества. Его начало подташнивать.

Струмос никак не среагировал. Он посмотрел на третьего человека в кухне, гладковыбритого, очень хорошо одетого, с огненно-рыжими волосами и мрачным лицом.

— Это ты — родианин, который был им нужен?

Человек коротко кивнул.

— Конечно, это ты. Скажи мне, умоляю тебя, — сказал шеф-повар Синих, пока люди дрались и умирали в темноте за стенами его кухни, — ты когда-нибудь пробовал миног из озера в окрестностях Байаны?

В комнате на несколько мгновений воцарилось молчание. Кирос и другие были отчасти знакомы с подобными вещами; но другие — нет.

— Я... э... мне очень жаль, — в конце концов ответил рыжеволосый со сдержанностью, которая делала ему честь. — Не пробовал.

Струмос с сожалением покачал головой.

— Какая жалость, — пробормотал он. — Я тоже не пробовал. Легендарное блюдо, ты должен понимать. Аспалий писал о нем четыреста лет назад. Он использовал белый соус. Я лично его не использую. Только не с миногами.

Это высказывание породило еще одну, такую же паузу. Теперь во дворе пылало множество факелов, и появлялось все больше Синих в поспешно наброшенной одежде и сапогах. Уже никто не сопротивлялся. Кто-то утихомирил собак. Кирос, выглянув в дверной проем, увидел Асторга, который быстро пересек двор и поднялся по трем ступенькам портика. Там факционарий на мгновение остановился, глядя на убитых, потом вошел в кухню.

— Там шестеро мертвых бандитов, — сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. Его лицо выражало гнев, но на нем не было усталости.

— Все мертвы? — Это спросил могучий солдат. — Мне очень жаль. У меня к ним были вопросы.

— Они вошли в наш лагерь, — резко ответил Асторг. — С мечами. Никто не смеет этого делать. Здесь наши кони. — Он несколько секунд смотрел на раненого, оценивая. Затем бросил через плечо:

— Вышвырните тела за ворота и известите чиновников городского префекта. Я с ними поговорю, когда они явятся. Позовите меня, когда придут. Кто-нибудь, приведите сюда Колумеллу и пошлите за лекарем. — Он повернулся к Скортию.

Кирос не сумел разгадать выражение его лица. Мужчины смотрели друг на друга, как ему показалось, долго. Пятнадцать лет назад Асторг был тем, чем был сейчас Скортий: самым прославленным возничим Империи.

— Что случилось? — спросил наконец старший из них. — Ревнивый муж? Опять?

* * *

Собственно говоря, сначала он так и подумал.

Отчасти его успех в темноте после гонок и пиров всегда объяснялся тем, что он был не из тех мужчин, которые активно добиваются женщин. Несмотря на это, было бы неверно предположить, будто Скортий страстно не желал их или что его сердцебиение не ускорялось, когда он находил у себя дома некие приглашения после возвращения с ипподрома или из конюшен.

В тот вечер — конец веселью Дайкании, конец сезону гонок, — когда он пришел домой переодеться перед императорским пиршеством, среди ожидающих его на мраморном столи-

ке в коридоре записок была короткая, ненадушенная записка без подписи. Ему не нужны были ни подпись, ни духи. Лаконичные, очень характерные фразы сказали ему о том, что сегодня днем он одержал победу не только над Кресензом из команды Зеленых.

«Если ты умеешь так же искусно избегать опасностей другого рода, — было написано аккуратным, мелким почерком, — то моя служанка будет ждать тебя с восточной стороны Траверситового дворца после пира у императора. Ты ее узнаешь. Ей можно доверять. А тебе?»

И ни слова больше.

Остальные письма он отложил. Он уже давно хотел эту женщину. Его привлекало в ней остроумие, выражение безмятежного, насмешливого равнодушия, ее аура... труднодоступности. Он был совершенно уверен, что замкнутость — это лишь маска для публики. Что за этой официальной суровостью спрятано нечто гораздо большее. Что, возможно, даже ее очень влиятельный супруг никогда об этом не догадывался.

Он подумал, что сегодня ночью может узнать — или начать узнавать, — так ли это. Эта перспектива наполнила весь пир у императора тайным, нетерпеливым предвкушением. Тайна была при этом главной. Скортий был самым неболтливым из мужчин: еще одна причина, почему на него сыпались записки и почему его до сих пор еще не убили.

Попытки были — или предостережения. Однажды его избили, когда он был намного моложе и не пользовался защитой знатных людей и собственного богатства. По правде говоря, он уже давно смирился с мыслью о том, что ему вряд ли доведется умереть в собственной постели, но он мог умереть в чужой постели. Смерть, Девятый Возница, настигнет его, или меч в ночи, когда он будет выходить из той спальни, куда ему не следовало заходить.

Поэтому он сегодня и предположил, что столкнулся с подобной угрозой, когда выскользнул в холодную осеннюю ночь из маленькой, запертой на замок, редко используемой калитки в одной из стен Императорского квартала.

Скортий получил ключ от этой калитки благодаря любезности дочери одного из килиархов Бдительных. Это было несколько лет назад. Теперь эта дама замужем, мать троих детей, очень добродетельная. Когда-то у нее была очаровательная

улыбка, и она имела привычку вскрикивать, а потом прикусывать нижнюю губку, словно удивляясь самой себе в темноте.

Скортий не часто пользовался этим ключом, но было уже очень поздно. Неожиданно для себя он очень бурно провел время в комнате, куда привела его служанка: то была не спальня дамы, хотя там стоял диван, подали вино и зажгли ароматные свечи, пока он ждал. Он гадал, кроется ли под придворной маской холодной вежливости страсть и нежность. Когда она пришла, все еще одетая в то платье, в котором была на пиру и потом в тронном зале, он обнаружил и то и другое, но затем слишком ясно почувствовал то же самое в себе — когда проведенные вместе часы заставили отступить образы этого дня, — и это вызвало у него тревогу.

Такие чувства представляли особенную опасность. В его жизни — жизни, которую он выбрал, — необходимость в занятиях любовью, в прикосновениях, аромате и нетерпении женщины в его объятиях была главным фактором, но возникновение у него желания продлить любую связь становилось угрозой.

Для этих дам из Императорского квартала, из домов городских патрициев он был игрушкой и понимал это. Они дразнили его желание, а он утолял желания, которые некоторые из них даже не подозревали в себе. Своего рода сделка. Он участвовал в ней уже пятнадцать лет.

Собственно говоря, неожиданно настигшая его этой ночью уязвимость, нежелание оставить ее и уйти в холодную ночь были первым намеком — словно звук далекого горна — на то, что он, возможно, стареет. Это внушало тревогу.

Скортий тихо запер за собой калитку и повернулся, вглядываясь в темноту, прежде чем двинуться дальше. Он уже был знаком с этим временем суток: в этот час на улицах Сарантия небезопасно.

Лагерь Синих, куда он направлялся, выполняя данное Струмосу Аморийскому обещание, находился неподалеку. Нужно было лишь пересечь усыпанную мусором, заваленную разными предметами строительную площадку перед новым святилищем, тянущуюся вдоль северной стороны форума перед ипподромом, потом пройти от ее дальнего конца, где стоит колонна со статуей первого Валерия, вверх, к воротам лагеря. За ними он надеялся найти горящий на кухне очаг и свирепого, негодующего шеф-повара, который ждал от него уверений в том, что ни одно из блюд, поданных в Аттенинском дворце, не

может сравниться с тем, что ему предложат на обыкновенной теплой кухне Синих перед рассветом.

Вероятно, это правда. Струмос был своего рода гением. Возничий даже искренне предвкушал эту позднюю трапезу, несмотря на всю свою усталость и тревожные чувства, с которыми пытался разобраться. Завтра можно спать весь день. Наверное, так он и сделает.

Если останется жив. Следуя давно укоренившейся привычке, Скортий некоторое время не шевелился, скрываясь за кустами и низкими деревьями у стены, и внимательно осматривал открытое пространство, которое ему предстояло пересечь, глядя налево, направо, а потом снова налево.

Он не увидел ни демонов, ни духов, ни мелькающих огоньков на камнях мостовой, но под мраморной крышей почти законченного портика Великого святилища стояло трое мужчин.

Их там не должно быть, в такой час ночи. К тому же они рассредоточились, словно солдаты. Сориец бы не удивился, если бы увидел пьянчуг, припозднившихся после окончания Дайкании, которые бредут, шатаясь, через площадь перед Бронзовыми Вратами, но эта молчаливая группа людей, которые считали, будто их скрывают колонны, плащи и темнота, наводила на другие мысли. С того места, где они стояли, им были хорошо видны ворота. Когда Скортий сделает первый шаг в сторону от стены, то окажется на открытом месте, даже если эти трое не знают о существовании маленькой калитки.

Он больше не чувствовал усталости.

Опасность и вызов были опьяняющим, неразбавленным вином в жизни Скортия Сорийского; и еще он жил ради скорости и крови на беговой дорожке и ради этих тайных свиданий в Императорском квартале или вне его. Он это знал, по правде говоря, знал уже много лет.

Он быстро и тихо произнес запрещенную молитву Геладикосу и начал обдумывать свои шансы. Эти люди в тени, конечно, вооружены. Они здесь с какой-то целью. У него при себе только кинжал. Он мог бы побежать через открытое пространство к форуму, неожиданно для них, но их позиция была более выгодной. Если кто-то из них умеет бегать, ему отрежут путь. И потом бежать — значит потерять чувство собственного достоинства.

Скортий неохотно пришел к выводу, что единственно разумный выход теперь, когда он их заметил, — это незаметно

вернуться назад, в квартал. Он мог переночевать у Бдительных, в их казарме, они бы гордились такой честью и не стали бы задавать вопросов. Или он мог открыто подойти к Бронзовым Вратам изнутри, что в такой час вызвало бы нежелательные пересуды, и попросить отнести в лагерь Синих записку. И через очень короткое время за ним прислали бы охрану.

В любом случае открылось бы, что он задержался здесь дольше положенного, а ему не хотелось предавать это гласности. Не то чтобы его ночные привычки были такой уж тайной, но он гордился тем, что старался ничем не привлекать внимания к отдельным эпизодам. Достоинство опять-таки и уважение к женщинам, ему доверявшим. Большая часть его жизни проходила на глазах всего общества. Он предпочитал, чтобы некоторые подробности принадлежали ему одному, а не становились собственностью каждого завистливого сплетника в банях, казармах и тавернах Сарантия.

Увы, выбор был невелик. Либо стремительно бежать по улицам, подобно подмастерью, спасающемуся от дубинки хозяина, либо тихонько вернуться назад и просить помощи у Бдительных или у стражи.

Он совсем не собирался бежать. Он уже снова достал ключ из кожаного мешочка, как вдруг увидел вспышку света на портике святилища. Одна из массивных створок двери распахнулась. Три человека вышли наружу, ясно выделяясь на фоне яркого света у них за спиной. Уже очень поздно, и все это было чрезвычайно странно. Великое святилище еще не открыли для публики; только рабочие и архитекторы заходили внутрь. Наблюдая из своего укрытия, Скортий увидел, что поджидающая группа мужчин на портике тут же среагировала. Они бесшумно двинулись вперед и начали расходиться в стороны. Он стоял слишком далеко, чтобы что-то слышать или кого-то узнать, но увидел, как двое из трех мужчин у двери повернулись и поклонились третьему, который затем вошел внутрь. И это послужило ему еще одним предостережением.

Полоска света сузилась и исчезла, когда закрылась тяжелая дверь. Два человека стояли одни, у всех на виду, на крыльце, среди строительного мусора, в продуваемой ветром темноте. Один из них обернулся и что-то сказал второму. Они явно не подозревали о людях с мечами, которые их окружали.

Ночью в Городе люди все время умирают.

Люди ходили на могилы погибших насильственной смер-

тью с табличками от астрологов, невзирая на упреки священников. Они призывали смерть или увечья на возничих и их коней, страстную любовь желанной женщины, болезнь ребенка или мула ненавистного соседа, шторм для судна купца-соперника. Кровь и магия, огоньки, мелькающие на ночных улицах. Огни Геладикоса. Он их видел.

На той стороне площади мечи держали в руках настоящие люди, что бы ни говорили об окружающих их со всех сторон духах полумира. Скортий стоял в темноте — луны уже закатились, а звезды то и дело скрывались за быстро несущимися облаками. Холодный ветер дул с севера, оттуда, где, как рассказывают старые сказки Сорийи, обитает Смерть. Эти сказки рассказывали до того, как Джад пришел к людям юга вместе с легендой о своем сыне.

То, что происходит на этом портике, — не его дело, его подстерегают на улицах свои собственные опасности. Он не вооружен, если не считать обычного ножа, и едва ли сможет помочь двум беззащитным людям против нападающих с мечами.

Некоторые ситуации требуют чувства самосохранения.

Увы, этого чувства ему всегда не хватало.

— Берегись! — взревел он во всю глотку, бросаясь вперед из-под прикрывающих его деревьев.

На ходу он выхватил свой маленький ножик. Спокойно решив секунду назад, что не станет бегать, он все же побежал, но совсем не туда. Ему пришло в голову — запоздалый признак работы мысли, — что он поступает безрассудно.

— Убийцы! — крикнул он. — Уходите внутрь!

Два человека на портике повернулись к нему, бегущему через площадь. Он вовремя заметил низкую, накрытую груду кирпичей и прыгнул через нее, зацепился ногой и чуть не упал, приземляясь. Выругался, как матрос в портовой таверне, проклиная себя и их медленную реакцию. Он бежал, стараясь следить на ходу за противниками, за своими движениями, за другими проклятыми кирпичами. Он увидел, как ближайший солдат, стоящий у западной стороны портика, оглянулся и вытащил меч из ножен. Он уже был достаточно близко, чтобы расслышать шорох скользнувшего из ножен клинка.

Он страстно надеялся — но просчитался — на то, что третий мужчина не запер на засов дверь святилища, что они смогут скрыться внутри раньше, чем убийцы окажутся рядом. Его поразила, слишком поздно, мысль, что он мог бы предупредить их криком, не нужно было бросаться самому очертя голову, словно школяр, в гущу событий. За его здоровье пил весь Сарантий, император приглашал его на пир, он был славой Синих, и его состояние превосходило все его юношеские мечты.

Кажется, он остался тем же человеком, что и пятнадцать лет назад. Возможно, к несчастью.

Он вспрыгнул на крыльцо, поморщившись от боли в разбитой лодыжке, проскочил мимо тех двоих и схватился за ручку массивной двери. Сжал ее, повернул.

Заперто. Он бесполезно дергал и тянул ручку, один раз стукнул в дверь кулаком, потом обернулся. И в первый раз ясно увидел тех двоих. Он знал их обоих. Ни один из них не предпринял ни одного разумного ответного действия. Они парализованы страхом, оба. Скортий снова выругался.

Солдаты окружили их. Этого следовало ожидать. Их предводитель, крупный, мускулистый мужчина, стоял прямо перед ступеньками портика между грудами чего-то, похожего на ткань, и смотрел на них троих снизу. Глаза его были черными в темноте. Он легко держал тяжелый меч, словно тот совсем ничего не весил.

— Скортий из команды Синих! — произнес он со странным выражением.

Последовало молчание. Скортий не отвечал, быстро соображая.

Солдат продолжал все еще тем же озадаченным тоном:

— Сегодня днем я потерял из-за тебя целое состояние, знаешь ли. — Выговор тракезийца. Он уже догадался, кто они такие: солдаты, получившие отпуск в Город и нанятые в кабаке, чтобы убить и исчезнуть.

— Оба эти человека находятся под защитой императора, — ледяным тоном произнес Скортий. — Только троньте кого-нибудь из них или меня, и это будет стоить вам жизни. Никто вас не сможет защитить. Ни в Империи, ни за ее пределами. Ты меня понимаешь?

Человек с мечом не шевельнулся. Но голос его стал выше от удивления:

— Что? Ты думал, мы пришли, чтобы напасть на них?

Скортий сглотнул. Рука с кинжалом упала вниз. Двое других на портике смотрели на него с любопытством. Как и солда-

ты внизу. Дул ветер, шевелил ткань на холмиках сложенного кирпича и инструментов. Листья катились через площадь. Скортий открыл рот, потом закрыл его, не найдя слов.

Он сделал несколько различных предположений, очень быстро, после того как вышел из Императорского квартала и увидел ожидающих в темноте людей. Как оказалось, ни одно из них не было верным.

— Э, возничий, позволь представить тебе Карулла, трибуна Четвертого саврадийского легиона, — произнес рыжеволосый мозаичник, так как это он стоял на портике. — Он сопровождал меня на последнем отрезке путешествия, а теперь охраняет меня в Городе. Он действительно проиграл сегодня много денег на первом забеге.

— Мне очень жаль, — задумчиво ответил Скортий. Он посмотрел на Кая Криспина Варенского, потом на знаменитого архитектора, Артибаса, стоящего рядом с ним, взъерошенного, с внимательными глазами. Строителя нового святилища.

И теперь он был совершенно уверен в том, что знает, кому они кланялись, пока он наблюдал за ними с противоположной стороны площади.

Снова наступило молчание. Северный ветер свистел в колоннах, снова захлопали ткани на грудах кирпича и инструментах каменщиков. Никакого движения не было заметно у Бронзовых Врат. Они должны были услышать его крики, но не стали ничего предпринимать. События за стенами Императорского квартала редко беспокоили стражников; в их обязанности входило удерживать эти события снаружи. Он только что бежал через открытую площадь, орал, как сумасшедший, размахивал кинжалом, ушиб лодыжку... и все это зря. Пока Скортий стоял в темноте на еще не завершенном портике Великого святилища божественной мудрости Джада, перед его внутренним взором вдруг снова быстро промелькнул тревожащий образ элегантной женщины, которую он недавно покинул. Ее аромат и ее прикосновение.

Он представил себе, что она сейчас за ним наблюдает. И поморщился от этой мысли, вообразив ее приподнятые брови, насмешливо изогнутые губы, а затем — не видя никакого другого очевидного выхода — он расхохотался.

* * *

Немного раньше, шагая с эскортом от Аттенинского к Траверситовому дворцу, где находились любимые осенние и зимние апартаменты императрицы Сарантия, Криспин поймал себя на том, что думает о жене.

Это происходило все время, но разница — и он это сознавал — заключалась в том, что теперь в его воображении Иландра была щитом, защитой, хотя он и не знал точно, чего боялся. В садах было ветрено и холодно, он кутался в плащ, который ему дали.

Под охраной умершей, прячась за воспоминанием о любви, он подошел к меньшему из двух дворцов под быстро бегущими облаками и низко опустившимися лунами.

Его ждали. Ближайший солдат стражи кивнул головой, без всякого выражения, и открыл дверь. Криспин вошел в помещение, где сиял свет очага, свечей и золота. Евнухи и солдаты остались за дверью. Двери закрылись за ним. Образ Иландры медленно потускнел, когда к нему подошла служанка в шелках и домашних туфлях и протянула серебряную чашу с вином.

Кай принял его с искренней благодарностью. Служанка взяла у него плащ и положила его на скамью у стены рядом с очагом. Затем она мимоходом улыбнулась ему и вышла во внутреннюю дверь. Криспин стоял один и оглядывался при свете множества свечей. Комната была отделана с отменным вкусом; немного слишком роскошно для западного наблюдателя, но Сарантий склонен к роскоши. Потом у него захватило дух.

На длинном столе у стены слева от него лежала золотая роза. Изящная, как живой цветок, она казалась такой же гибкой, с четырьмя бутонами и на длинном стебле, с колючками между маленькими, правильной формы листочками, и все это из золота. Все четыре бутона были на разных стадиях расцвета, а пятый цветок, на вершине, полностью распустился, и каждый из тонких, изящных лепестков был чудом искусства кузнеца. В центре цветка сверкал рубин, яркий, как огонь свечи.

Его душа заболела от такой красоты и от ее ужасной хрупкости. Стоит только взять этот длинный стебель двумя пальцами и сжать его, как он согнется, потеряет форму, перекосится. Казалось, цветок слегка колышется на ветру, которого здесь нет. Столько совершенства, такого преходящего, такого уязвимого. У Криспина сердце разрывалось при виде такого искусства —

такого слияния времени, любви и мастерства — и от понимания, что это искусство, это мастерство так же мимолетно, как... как любая радость в жизни смертного.

Возможно, как роза, которая погибла на ветру или умерла в конце лета.

Он вдруг вспомнил о молодой царице антов и о послании, которое принес, и почувствовал в себе жалость, страх и одиночество.

Огоньки свечей в серебряных подсвечниках дрожали на столе возле розы. Он ничего не услышал, но легкое колебание их пламени заставило обернуться.

Аликсана в молодости выступала на сцене и очень хорошо умела — даже сейчас — двигаться бесшумно и с грацией танцовщицы. Она была невысокой, стройной, темноволосой, черноглазой, утонченной, как роза. Шипами она ранила душу, пускала кровь, опасность таилась в сердце красоты.

Она переоделась в ночную одежду темно-красного цвета, служанки сняли с нее эффектный головной убор и драгоценности с запястий и шеи. Теперь ее волосы были распущены на ночь, густые, длинные, темные, волнующие. В ушах у нее все еще висели бриллианты, ее единственное украшение, отражая свет. Ее окутывал аромат духов, плыл к нему через окружающее ее пространство, и еще ее окружала аура власти и насмешливого ума и чего-то еще, что Криспин не мог назвать, но знал, что боится этого, и правильно боится.

— Насколько хорошо ты знаком с личными апартаментами правителей, родианин? — Ее голос был тихим, лукавым, потрясающе интимным.

«Будь осторожен, очень осторожен», — сказал он себе, поставил чашу с вином и низко поклонился, неторопливостью движений пытаясь скрыть приступ тревоги. Выпрямился. Прочистил горло.

— Совсем не знаком, моя госпожа. Я польщен и чувствую себя не в своей тарелке.

— Батиарец вдали от своей провинции? Рыба, выхваченная сетями из воды? Каков ты на вкус, Кай Криспин Варенский? — Она не двигалась. Свет очага отражался в ее черных глазах и в висящих рядом бриллиантах. Он сверкал на бриллиантах и тонул в ее глазах. Она улыбалась.

Она играла с ним. Он это понимал, но все равно у него пересохло в горле. Он снова откашлялся и сказал:

— Представления не имею. Я к твоим услугам в любом смысле, трижды возвышенная.

— Ты это уже говорил. Тебе сбрили бороду, как я поняла. Бедняга. — Она рассмеялась, подошла поближе, прямо к нему, потом мимо него, когда он затаил дыхание. Остановилась у длинного стола, глядя на розу. — Ты любовался моим цветком? — Ее голос напоминал мед или шелк.

— От всей души, моя госпожа. Это работа большой красоты и печали.

— Печали? — Она повернула голову и посмотрела на него.

Он заколебался.

— Розы умирают. Столь тонкое искусство напоминает нам о... непостоянстве всех вещей. Всех прекрасных вещей.

Аликсана некоторое время не отвечала. Она уже не была молодой женщиной. Ее темные, подведенные глаза удерживали его взгляд, пока он не отвел его в сторону и вниз. Ее аромат, такой близкий, опьянял его, напоминал о востоке, он наводил его на мысли о цвете, как и многое другое: этот цвет близок к красному цвету ее одежды, но глубже, темнее, в нем больше пурпура. Королевского пурпура. Он смотрел вниз и гадал, специально ли это сделано или это видит только он, человек, превращающий в цвета звуки и вкусовые ощущения? В Сарантии существуют тайные искусства, о которых он ничего не знает. Он находится в Городе Городов, украшении мира, оке вселенной. Здесь свои тайны.

— Непостоянство прекрасного. Хорошо сказано. Именно поэтому, — прошептала императрица, — она лежит здесь, разумеется. Умный человек. Ты мог бы, родианин, сделать мне из мозаики что-нибудь такое, что наводило бы на противоположные мысли: намек на то, что останется после всего преходящего?

Все же она не зря пригласила его сюда. Он поднял взгляд.

— И что же наводит на такие мысли тебя, императрица?

— Дельфины, — произнесла она без всякого предупреждения.

Он почувствовал, что бледнеет.

Она повернулась к нему лицом и смотрела на него, облокотившись о столик из слоновой кости, упираясь в него ладонями с расставленными пальцами. Выражение ее лица было задумчивым, оценивающим; это смущало его больше, чем смутила бы ирония.

— Пей свое вино, — сказала императрица. — Оно очень хорошее. — Он выпил. Правда, хорошее.

Но оно ему не помогло. Тут вино бессильно.

На этом этапе истории мира дельфины таили в себе смертельную опасность. Они были чем-то гораздо большим, чем просто морскими животными, совершающими прыжки из воды в воздух, грациозные и живописные. Таких животных любая женщина была бы рада увидеть на стенах своей комнаты. Дельфины были связаны с язычеством, они запутались в сетях ереси Геладикоса.

Они несли души из царства смертных через гулкие чертоги моря в царство мертвых, на страшный суд. В это очень давно верили древние в Тракезии — и в Родиасе, до появления учения Джада. Дельфины служили богу мира мертвых, у которого было много имен, они были проводниками душ умерших, пересекающими размытое пространство между жизнью и тем, что будет после.

И кое-что из этого старого, неистребимого язычества совершило переход — через размытое пространство другого рода — в веру Джада и его сына Геладикоса, который погиб на колеснице, неся огонь людям. Когда колесница Геладикоса рухнула, пылая, подобно факелу, в море (так гласили мрачные предания), именно дельфины приплыли и понесли его погубленную красоту на своих спинах. Они сделали из самих себя живые носилки и отнесли тело к самому краю самого дальнего моря навстречу его отцу, низко спустившемуся в сумерках. И Джад забрал своего сына, и положил его в свою колесницу, и унес его вниз — как и каждую ночь, — в темноту. В ту ночь темнота была глубже и холоднее, ибо умер Геладикос.

И поэтому говорили, что дельфины были последними созданиями живого мира, которые видели возлюбленного Геладикоса и прикасались к нему, и за эту услугу они были священны для тех, кто верил в смертного сына Джада.

Можно выбрать свой собственный смертный грех, свое святотатство. Дельфины несли души темному богу Смерти из древнего языческого пантеона, или они несли тело единственного сына единого бога, что теперь стало запрещенной ересью.

В любом случае, при любом значении, художник, который изображал дельфинов на потолке или на стене, привлекал к себе смертельно опасное внимание со стороны клириков, проявляющих все большую бдительность. Когда-то на ипподроме

были дельфины, они ныряли, отсчитывая число пройденных кругов. Их убрали, расплавили. Теперь круги отсчитывали морские коньки.

Именно нынешний император, Валерий Второй, добился совместной декларации от Атана, верховного патриарха в Родиасе, и Закариоса, восточного патриарха здесь, в Городе. Валерию пришлось немало потрудиться, чтобы добиться этого редкостного соглашения. Этот документ положил на бумаге конец двум сотням лет яростных, смертельных споров о догматах веры. Но ценой за те выгоды, которые получил от него честолюбивый император и лишь на поверхностный взгляд объединившиеся клирики, было то, что все верящие в Геладикоса стали еретиками. Им грозило отлучение, ритуальные проклятия в церквях и святилищах, костры. В Империи Валерия редко казнили за нарушение законов человеческих, но людей сжигали за ересь.

И именно императрица, супруга Валерия, надушенная и сверкающая при свечах в своих красным с золотом одеждах, просила его теперь изобразить в ее комнатах дельфинов.

Криспин чувствовал себя слишком опустошенным всеми событиями этой ночи, чтобы как следует разобраться в этом. Он осторожно сказал, пытаясь выиграть время:

— Они — красивые создания, действительно, особенно когда выпрыгивают из волн.

Аликсана улыбнулась ему.

— Конечно, красивые. — Улыбка ее стала шире. — И еще они унесли Геладикоса к тому месту, где море соединяется с землей в сумерках.

Вот теперь все ясно. По крайней мере, он знает, за какой грех его могут сжечь.

Однако она облегчила ему задачу. Он посмотрел ей в глаза, которые не отрывались от его лица.

— Оба патриарха запретили подобные верования, императрица. Император дал клятву в старом Святилище мудрости Джада поддержать их в этом.

— Вы об этом слышали? Даже в Батиаре? При антах?

— Конечно, слышали. Верховный патриарх находится в Родиасе, госпожа.

— А царь антов... или его дочь после... тоже дали подобную клятву?

Потрясающе опасная женщина.

— Вы знаете, что не давали, госпожа. Анты пришли к Джаду через веру в Геладикоса.

— И не изменили своих убеждений, увы.

Криспин резко обернулся.

Императрица лишь повернула голову и улыбнулась мужчине, который вошел совершенно бесшумно и произнес эти слова от самой дальней в комнате двери.

Во второй раз, с сильно бьющимся сердцем, Криспин поставил свое вино и поклонился, чтобы скрыть нарастающую тревогу. Валерий не сменил ни одежду, ни манеру поведения. Он сам подошел к стене и налил себе чашу вина. Три человека были в комнате одни, никаких слуг.

Император отпил из чаши и выжидательно посмотрел на Криспина. Кажется, от него ждали ответа.

Было уже очень поздно. Совершенно неожиданное настроение охватило Криспина, хотя и мать, и друзья могли бы утверждать, что знакомы с ним. Он тихо произнес:

— Один из самых почтенных клириков антов писал, что ереси, в отличие от одежды и бород, господин мой, не входят в моду и не выходят из моды каждый сезон или каждый год.

Аликсана громко рассмеялась. Валерий слегка улыбнулся, но его серые глаза оставались внимательными на круглом, мягком лице.

— Я это читал, — сказал он. — Сибард Варенский. «Ответ на декларацию». Умный человек. Я написал ему, сказал об этом и пригласил приехать сюда.

Криспин этого не знал. Конечно, он этого не знал.

Но он знал — и все знали, — что ясно выраженные амбиции Валерия на Батиарском полуострове опираются на религиозные распри и на заявленную им необходимость спасти полуостров от «заблуждения». Это было странно и в то же время соответствовало тому, что он уже узнал об этом человеке. Император мог строить основание для возможного завоевания Родиаса и запада на религии и в то же время превозносить священника антов, работа которого пункт за пунктом бросала вызов документу, давшему ему это основание.

— Он отклонил приглашение, — тихо заметила Аликсана, — и в очень резких выражениях. Твой партнер Мартиниан также отклонил наше приглашение. Почему, родианин, никто из вас не хочет приехать к нам?

— Несправедливо, любимая. Кай Криспин приехал по холодным осенним дорогам, не побоялся ни бритвы брадобрея, ни нашего двора... А теперь его осаждает шалунья-императрица своими нечестивыми просьбами.

— Лучше мои шалости, чем злоба Стилианы, — резко ответила Аликсана, все еще опираясь на столик. Ее тон изменился, стал лукавым. Интересно: Криспин уже разбирался в оттенках этого голоса. Ему казалось, что он всегда в них разбирался. — Если ереси меняются в зависимости от времени года, — прошептала она, — разве не могут меняться украшения моих стен, господин мой император? В любом случае здесь ты уже одержал победу.

Она ласково улыбнулась им обоим. Повисло короткое молчание.

— Какой бедняга смеет надеяться, что у него хватит ума, чтобы с тобой спорить? — ответил, наконец, император с задумчивым выражением лица.

Улыбка императрицы стала шире.

— Хорошо. Значит, я могу это сделать? Мне очень хочется иметь здесь этих дельфинов. Я распоряжусь, чтобы наш родианин...

Она осеклась. Император вскинул руку повелительным жестом судьи и остановил ее.

— После, — сурово произнес Валерий. — После святилища. И если он согласится на такую работу. Это ересь, модная или нет, и тяжесть последствий, если все откроется, ляжет на художника, а не на императрицу. Подумай. И реши после.

— После, — возразила недовольная Аликсана, — наверное, наступит еще очень нескоро. Ты построил очень большое святилище, мой повелитель. Мои палаты здесь прискорбно малы.

У Криспина возникло ощущение, что эти пререкания — одновременно обычная игра между этими двумя людьми и нечто, задуманное для отвлечения его внимания. Зачем это им понадобилось, он не знал, но эта мысль оказала на него обратное действие: он оставался смущенным и настороженным.

И как раз в этот момент раздался стук в наружную дверь.

Император Сарантия быстро поднял взгляд и улыбнулся. Улыбаясь, он выглядел моложе, почти мальчишкой.

— А! Возможно, я все же достаточно умен. Приятная мысль. Кажется, я сейчас выиграю пари, — пробормотал он. — Моя госпожа, с нетерпением буду ждать обещанной платы.

Аликсана казалась обескураженной.

— Не могу поверить, что она это сделала. Это, должно быть, что-то другое. Что-то... — Голос ее затих, она прикусила нижнюю губу. Во внутренних дверях появилась ее служанка и вопросительно подняла брови. Император поставил свою чашу, молча прошел мимо нее и скрылся в дальней комнате. Криспин заметил, что он улыбается.

Аликсана кивнула женщине. Та поколебалась, указала рукой на хозяйку, потом на собственные волосы.

— Госпожа?..

Императрица пожала плечами, по ее лицу скользнуло нетерпение.

— Люди видели не только мои распущенные волосы, Кризомалло. Оставь.

Криспин машинально отступил назад, к столику с розой, когда дверь открылась. Аликсана стояла неподалеку, надменная, несмотря на свой домашний наряд. Он подумал о том, что кем бы ни был этот посетитель, он не мог быть посторонним, иначе его бы не пропустили ко дворцу, не говоря уже о том, чтобы заставить стражников постучать в дверь так поздно ночью.

Женщина немного отступила назад, и в комнату вошел мужчина, всего на два шага отстав от нее. Он держал двумя руками маленький ящичек из слоновой кости. Отдал его Кризомалло, а потом, повернувшись к императрице, выполнил полный придворный поклон, три раза коснувшись лбом пола. Криспин не знал наверняка, но у него возникло ощущение, что подобная церемония в данном случае была излишней, преувеличенной. Когда посетитель наконец выпрямился, а потом встал, повинуясь жесту Аликсаны, Криспин узнал его. Тот худой, узколицый человек, который стоял за спиной стратига Леонта в зале приемов.

— Ты пришел поздно, секретарь. Это твой личный подарок или Леонт хочет передать мне нечто по секрету? — Тон императрицы было трудно понять: идеально вежливый, но не более того.

— Это хочет передать его супруга, трижды возвышенная. Я принес маленький подарок от Стилианы Далейны глубоко почитаемой и любимой императрице. Она сочтет за честь, превышающую ее достоинства, если ты милостиво согласишься его принять. — Человек быстро оглянулся, закончив говорить, и у Криспина возникло явственное ощущение, что секретарь старается запомнить эту комнату. От его взгляда не могли укрыться ни распущенные волосы императрицы, ни интимность обстановки. Аликсану это явно нисколько не встревожило. Криспин снова спросил себя, в какой игре его сделали незначительной фигурой, куда его двинут сейчас и с какой целью.

Императрица кивнула Кризомалло, которая расстегнула золотой замочек коробки и открыла ее. И не смогла сдержать своего изумления. Она достала лежащий там предмет. Маленький подарок. Воцарилось молчание.

— Какая жалость! — сказала тихо императрица Сарантия. — Я проиграла пари.

— Моя госпожа? — Брови секретаря сдвинулись. Он не это ожидал услышать.

— Неважно. Передай госпоже Стилиане, что мы довольны ее поступком и... быстротой, с которой она прислала нам подарок, заставив усердного писаря сыграть роль посыльного и бодрствовать так поздно. Ты можешь идти.

И это все. Учтивость, краткость, приказ удалиться. Криспин все еще пытался осознать тот факт, что поразительно роскошное жемчужное ожерелье, которое он видел на Стилиане Далейне, — то, к которому привлек нежелательное внимание, — только что подарено императрице. Его цену невозможно было даже вообразить. Но у него возникла уверенность — полная уверенность, — что если бы он не сказал того, что сказал ранее, этого не произошло бы.

— Благодарю тебя, милостивая госпожа. Я поспешу передать твои добрые слова. Если бы я знал, что помешаю...

— Брось, Пертений. Она знала, что ты помешаешь, и ты тоже. Вы оба слышали в тронном зале, как я пригласила родианина.

Гость замолчал, опустив глаза в пол. Он сглотнул от смущения. Криспин осознал, что ему до странности приятно видеть, как Аликсана Сарантийская приводит в смущение кого-то другого.

— Я думал... госпожа. Она думала, что вы...

— Пертений, бедняга. Лучше тебе отправиться с Леонтом на поле боя и писать о кавалерийских атаках. Иди спать. Скажи Стилиане, что я с радостью приняла ее подарок, и что родианин действительно все еще у меня, как ей и хотелось, и что он видел, как она преподнесла подарок, превосходящий тот, который он ей сделал. Ты можешь также передать ей, — прибавила

императрица, — что мои волосы по-прежнему доходят до поясницы в распущенном виде. — Она медленно повернулась, словно для того, чтобы секретарь в этом убедился, и подошла к столу, на котором стояла бутылка с вином. Она взяла чашу, которую поставил на стол Валерий.

Кризомалло открыла дверь. За секунду до того, как человек по имени Пертений — где он слышал сегодня это имя? — повернулся к выходу, Криспин заметил, как что-то сверкнуло в его глазах и быстро исчезло. Он повторил тройной поклон и удалился.

Аликсана не обернулась, пока не закрылась дверь.

— Да наградит тебя Джад катарактой и лысиной, — в ярости произнесла она своим низким, совершенно великолепным голосом.

Император Сарантия, вернувшийся в комнату и встреченный этими словами своей жены, засмеялся от восторга.

— Я уже лысею, — ответил он. — Ты зря истратила проклятие. А если у меня появится катаракта, тебе придется отдать меня для лечения лекарям или водить по жизни, шепча все время на ухо.

Выражение лица Аликсаны, которую Криспин видел в профиль, на мгновение привлекло его внимание. Он был совершенно уверен, что это было нечаянное выражение, нечто пугающе интимное. Сердце его сжалось, прошлое зацепилось за настоящее.

— Как было мудро с твоей стороны, дорогой, предвидеть это, — тихо сказала Аликсана.

Валерий пожал плечами:

— Не особенно. Наш родианин пристыдил ее своим щедрым подарком после того, как привлек всеобщее внимание к ее самонадеянному поступку. Ей не следовало надевать драгоценности, превосходящие украшения императрицы, и она это понимала.

— Конечно, понимала. Но кто бы сказал об этом, в такой компании?

Оба повернулись, словно по команде, и посмотрели на Криспина. На этот раз оба улыбались.

Криспин прочистил горло.

— Невежественный мозаичник из Варены, который сейчас хотел бы узнать, не суждено ли ему умереть за свои прегрешения.

— О, конечно, ты умрешь. Когда-нибудь, — ответила Аликсана, продолжая улыбаться. — Мы все умрем. Тем не менее, спасибо. Я обязана тебе этим неожиданным подарком, и я безмерно восхищаюсь этой жемчужиной. Слабость. Кризомалло?

Служанка, сама улыбаясь от удовольствия, подошла к ней со шкатулкой. Она снова достала ожерелье, расстегнула застежку и зашла за спину императрицы.

— Пока подожди, — сказал Валерий, прикасаясь к плечу женщины. — Я бы хотел, чтобы Гезий приказал его осмотреть перед тем, как ты его наденешь.

Императрица казалась удивленной.

— Что? Правда? Петр, ты думаешь?..

— По правде сказать, не думаю. Но пусть его осмотрят. Мелочь.

— Едва ли яд можно назвать мелочью, дорогой.

Криспин увидел, как Кризомалло заморгала и поспешно положила ожерелье в шкатулку. Потом нервно вытерла пальцы о ткань своей одежды. Императрица казалась больше заинтригованной и совсем не выглядела испуганной — насколько он мог судить.

— Мы живем среди подобных вещей, — тихо произнесла Аликсана Сарантийская. — Не беспокойся, родианин. Что касается твоей собственной безопасности... ты поставил в неловкое положение много людей сегодня вечером. Я думаю, что охранник ему не помешает, Петр?

Произнося эти слова, она повернулась к императору. Валерий просто сказал:

— Охрана уже на месте. Я поговорил с Гезием перед тем, как пришел сюда.

Криспин вздохнул. Время убыстряло свое движение рядом с этими двоими людьми, как он начинал понимать.

— Я бы чувствовал себя... неловко, если бы за мной повсюду следовал охранник. Если мне позволено сделать предложение...

Император наклонил голову. Криспин сказал:

— Я упоминал о воине, который привез меня сюда. Его зовут...

— ...Карулл, из Четвертого саврадийского, приехал поговорить с Леонтом. Вероятно, насчет солдатского жалованья. Ты действительно о нем упоминал. Я назначил его и его людей твоими охранниками.

Криспин сглотнул. Император имел полное право не помнить о существовании, не говоря уже об имени, офицера, упомянутого всего один раз, мимоходом. Но об этом человеке говорили, что он ничего не забывает, никогда не спит и что он — подумать только! — беседует, советуется с духами полумира, со своими умершими предшественниками, когда бродит по коридорам дворцов по ночам.

— Благодарю тебя, мой повелитель, — сказал Криспин и поклонился. — Карулл мне стал почти другом. Его компания здесь, в Городе, мне очень пригодится. С ним мне будет спокойнее.

— Мне это на руку, конечно, — с легкой улыбкой заметил император. — Я хочу, чтобы твое внимание было отдано работе. Ты хочешь посмотреть новое святилище?

— Мне не терпится его увидеть, мой повелитель. В первое же утро, когда мне будет позволено...

— Зачем ждать? Мы пойдем сейчас.

Уже давно миновала полночь. Даже празднование Дайкании уже должно было завершиться. Пекари у своих печей, Неспящие на своей вахте, метельщики, городские стражники, проститутки обоего пола и их клиенты — вот кто еще не лег и не вернулся домой. Но это был император, который никогда не спит. Так гласили легенды.

— Мне следовало этого ожидать, — сказала Аликсана возмущенным тоном. — Я привожу умного человека в свои комнаты, чтобы заполучить все... доступное ему умение, а ты его уводишь. — Она фыркнула. — Найду убежище в ванной и в постели, мой господин.

Валерий внезапно улыбнулся и снова стал похож на мальчишку.

— Ты проиграла пари, любимая. Не засыпай.

С подлинным изумлением Криспин увидел, как покраснели щеки императрицы Сарантия. Она кротко поклонилась.

— Мой господин император может отдавать своим подданным какие угодно приказы.

— Конечно, — ответил Валерий.

— Я вас покину, — произнесла императрица, отворачиваясь. Кризомалло первой прошла во внутреннюю дверь. Криспин успел заметить еще один очаг и широкую постель в глубине, фрески и разноцветные панно из ткани на стенах. В тот момент он понял, что сейчас останется наедине с императором.

У него во рту опять пересохло, когда он подумал о том, что это означает.

Аликсана обернулась в дверях. Остановилась, словно в задумчивости. Затем приложила палец к щеке и покачала головой, будто упрекая себя.

— Чуть не забыла, — сказала она. — Как это глупо с моей стороны. Слишком отвлекли меня жемчужина и мысли о дельфинах. Передай же нам, родианин, послание от царицы антов. Что сказала Гизелла?

Криспин, только что испугавшийся необходимости остаться наедине с Валерием и передать ему именно это послание, почувствовал, что у него под ногами разверзлась пропасть, причем этот мелодичный голос сыграл роль рычага. Сердце Криспина подпрыгнуло; ему показалось, что он падает в пустоту.

— Послание? — тупо повторил он.

Император тихо заметил:

— Дорогая, ты капризна, жестока и ужасно несправедлива. Если Гизелла и передала что-то с Каем Криспином, то это предназначено только для моих ушей.

«Святой Джад, — подумал Криспин беспомощно. — Они слишком быстро соображают, мне за ними не угнаться. И знают слишком много. Это потрясающе».

— Конечно, она передала послание. — Тон Аликсаны был мягким, но глаза не отрывались от лица Криспина, внимательные и задумчивые, и теперь в них не было смеха.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Он видел в Древней Чаще «зубира». Он вошел в лес, ожидая смерти, и вышел оттуда живым, после встречи с тем, что выходит за рамки понимания смертного. Каждый момент жизни после того дня в тумане был даром. Он обнаружил, что воспоминание об этом помогло ему справиться со страхом.

Криспин тихо сказал:

— Поэтому ты пригласила меня сюда, госпожа?

Губы императрицы дрогнули в лукавой улыбке.

— Поэтому и из-за дельфинов. Мне действительно хочется их получить.

Валерий безразличным тоном сказал:

— Разумеется, у нас есть свои люди в Варене. Несколько личных стражников царицы были убиты однажды ночью, осенью. Убиты во сне. Довольно необычно. Такое случается только тогда, когда необходимо сохранить тайну. Наши люди в Варене

занялись этим делом. Им нетрудно было узнать о прибытии курьера с нашим приглашением, о нем много говорили. Кажется, он при всех передал его содержание? И по причинам не совсем понятным ты взял это приглашение себе, вместо Мартиниана, обманным путем. Это было интересно. Люди видели, как ты вернулся домой очень поздно в ту ночь, с королевским сопровождением. Встречался с кем-то во дворце? Затем последовала смерть в ночи. Из всего этого сделали соответствующие выводы и сообщили нам по почте.

Он рассказывал так спокойно и точно, словно диктовал военный отчет. Криспин подумал о царице Гизелле, осажденной со всех сторон, пытающейся найти выход, место для себя, уцелеть. Но силы были слишком неравными.

Если у него и был выбор, он о нем не знал. Он перевел взгляд с императора на императрицу Сарантия, встретил на этот раз пристальный взгляд Аликсаны и ничего не сказал.

Кажется, ему и не надо было ничего говорить. Императрица спокойно произнесла:

— Она просила тебя передать императору, что он бы вернее получил Батиару в качестве свадебного подарка, чем в результате вторжения, и меньше крови пролилось бы с обеих сторон.

В самом деле, так мало смысла сопротивляться, но он все еще не заговорил. Он опустил голову, но перед этим увидел ее внезапную лучезарную улыбку. И услышал, как Валерий воскликнул:

— Будь я проклят! В ту единственную ночь, когда я выиграл пари, она выиграла еще более крупное пари!

Императрица сказала:

— Она действительно хотела, чтобы ты передал это только императору, правда?

Криспин поднял голову и снова ничего не ответил.

Он понимал, что может умереть сейчас.

— Конечно, хотела. Что еще ей оставалось делать? — Тон Аликсаны был небрежным, лишенным каких-либо эмоций. — Она хотела избежать вторжения любой ценой.

— Она хотела, и я хотел, — в конце концов произнес Криспин так спокойно, как только мог. — Разве не любой мужчина этого захотел бы? И не любая женщина? — Он набрал в грудь воздуха. — Я скажу одну вещь, в которую я сам верю: Батиару можно завоевать, но ее нельзя удержать. Дни одной-единственной Империи, западной или восточной, закончились. Мир не тот, каким был прежде.

— Я тоже так считаю, — заметила Аликсана, снова удивив его.

— А я не считаю, — резко возразил император. — Иначе я не строил бы таких планов. Когда-нибудь я умру и буду лежать в гробнице, и я хочу, чтобы люди говорили о Валерии Втором: за свою жизнь под солнцем Джада он сделал две вещи. Принес мир и процветание враждующим религиям и святилищам бога и вернул Родиасу статус Империи и былую славу. Если это сбудется, я упокоюсь с миром.

— А если нет? — Императрица повернулась к мужу. У Криспина возникло ощущение, что он стал свидетелем давнего разговора, часто повторяющегося.

— Я не допускаю такой мысли, — ответил Валерий. — Тебе это известно, дорогая. Никогда не допускал.

— Тогда женись на ней, — сказала его жена очень тихо.

— Я женат, — ответил император.

— Даже ради того, чтобы упокоиться с миром после того, как умрешь? — Темные глаза смотрели прямо в холодные серые глаза в комнате, где сверкали свечи и золото. Криспину мучительно захотелось оказаться в другом месте, где угодно, только не здесь. Он не сказал ни слова о поручении Гизеллы, но, казалось, они все уже знают, словно его молчание не имело никакого значения. Разве только для него самого.

— Даже ради этого, — ответил Валерий. — Неужели ты действительно сомневаешься?

После долгого мгновения она покачала головой.

— Не сомневаюсь. — Императрица Аликсана продолжила: — Тем не менее в этом случае нам следует подумать о том, чтобы пригласить ее сюда. Если она каким-то образом сумеет уцелеть и выбраться оттуда, ее царское происхождение станет орудием против того, кто узурпирует трон антов — а кто-нибудь это наверняка сделает — когда она уедет.

Тут Валерий улыбнулся, и Криспин — сразу не осознав причины — ощутил дуновение холода, словно погас огонь. Теперь император не выглядел мальчишкой.

— Приглашение уже послано на запад некоторое время назад, дорогая. Я приказал Гезию послать его.

Аликсана замерла, затем качнула головой назад и вперед, выражение ее лица теперь стало несколько странным.

— Мы все глупы, пытаясь угнаться за тобой, не так ли, мой повелитель? И в шутках, и в пари, которые ты любишь. Ты не устал быть умнее всех?

Криспин, ужаснувшийся тому, что он только что услышал, выпалил:

— Она не может приехать! Ее убьют, стоит ей только заикнуться об этом!

— Или позволят уехать на восток, объявят предательницей и используют это как предлог для захвата трона, не проливая королевской крови. Полезно, чтобы держать вас, родиан, в узде, разве нет?

Взгляд Валерия был холодным, далеким, словно он решал какую-то задачу на шахматной доске поздно ночью.

— Интересно, хватит ли ума у знати антов поступить именно так. Я в этом сомневаюсь.

«Но ведь речь идет о реальных жизнях, — подумал Криспин, ужасаясь, — о юной царице, о народе страны, раздираемой войной, опустошенной чумой. О его доме».

— Разве они только части головоломки, мой повелитель? Все те, кто живет в Батиаре, твоя армия, твой собственный народ, который останется не защищенным на востоке, если солдаты уйдут на запад? Что сделает Царь Царей в Бассании, когда увидит, что твои армии покидают границу? — Криспин и сам слышал в своем голосе безрассудный гнев.

Валерий остался невозмутимым. Он задумчиво ответил:

— Ширван и бассаниды получают четыреста сорок золотых солидов в год из нашего казначейства. Ему нужны эти деньги. Его теснят с севера и с юга, и он тоже ведет строительство в Кабадхе. Может быть, я отправлю к нему мозаичника.

— Сироса? — сухо спросила императрица.

Валерий слегка улыбнулся.

— Возможно.

— Я подозреваю, что у тебя не будет такого шанса, — сказала Аликсана.

Император несколько мгновений смотрел на нее. Потом снова повернулся к Криспину:

— У меня еще раньше, в тронном зале, возникло впечатление, что у тебя такой же склад ума, как и у меня, когда ты разгадал загадку Скортия. Разве смальта — это не кусочки головоломки, как ты выразился?

Криспин покачал головой.

— Это стекло и камень, а не души смертных, мой повелитель.

— Это правда, — согласился Валерий, — но, с другой стороны, ты не император. Когда правишь, кусочки становятся другими. Скажи спасибо, что твое искусство избавляет тебя от принятия некоторых решений.

Говорили — тихо говорили в течение нескольких лет, — что этот человек организовал убийство Флавия Далейна в тот день, когда его дядя надел на себя пурпурные одежды. В тот момент Криспину легко было в это поверить.

Он взглянул на женщину. Он сознавал, что они вдвоем сегодня ночью играли на нем, как на музыкальном инструменте, но он также почувствовал, что в этом не было злобы. Кажется, здесь присутствовало небрежное веселье и некоторая доля откровенности, которая могла отражать доверие или уважение к наследию Родиаса, а возможно, просто высокомерное безразличие к тому, что он думал и чувствовал.

— Я, — решительно произнесла Аликсана, — собираюсь принять ванну и лечь в постель. По-видимому, наши пари аннулировали друг друга, мой повелитель. Если ты вернешься очень поздно, поговори с Кризомалло или с тем, кто не будет спать, чтобы выяснить мое... состояние. — Она улыбнулась мужу, снова полностью владея собой, и повернулась к Криспину: — Не бойся меня, родианин. Я обязана тебе этим ожерельем и легким развлечением, а когда-нибудь, возможно, получу от тебя еще что-нибудь.

— Дельфинов, госпожа? — спросил он.

Она не ответила. Прошла в открытую внутреннюю дверь, и Кризомалло закрыла ее.

— Допей свое вино, — через секунду сказал император. — У тебя такой вид, будто тебе это необходимо. Потом я покажу тебе чудо света.

«Я уже видел чудо света, — подумал Криспин. — Ее аромат остался в воздухе».

Ему пришло в голову, что он мог бы свободно произнести это вслух, но не сделал этого. Они оба выпили. Карулл рассказал ему где-то по дороге сюда, что в Городе издан указ о том, что ни одна из других женщин не должна пользоваться духами императрицы Аликсаны. «А как насчет мужчин?» — легкомысленно спросил тогда Криспин, чем вызвал гулкий смех солдата. Кажется, это было давно.

Сейчас он так запутался во всех этих сложностях, что даже не мог как следует понять, что происходит. Криспин снова взял свой плащ и последовал за Валерием Вторым Сарантийским прочь из личных покоев императрицы, по коридорам, в которых очень скоро перестал ориентироваться. Они вышли наружу, хотя и не через главный вход, и стражники императора провели их с факелами через темный сад, по каменной дорожке. Вокруг них были разбросаны статуи, которые то надвигались, то удалялись в ветреной темноте под тучами. Криспин слышал шум моря.

Они подошли к стене Императорского квартала, двинулись вдоль нее по дорожке, потом подошли к часовне и вошли в нее.

Там, среди горящих свечей, бодрствовал священник — один из Неспящих, судя по его белой одежде. Он не выказал удивления, увидев императора в такое время ночи. Он упал на колени, а потом — без слов — отстегнул от пояса ключи и повел их к маленькой, темной дверце в задней части, позади алтаря, за золотым солнечным диском.

Дверь открылась в короткий коридор из камня, и Криспин, нагнувшись, чтобы уберечь голову, понял, что они проходят сквозь стену. В конце короткого прохода была еще одна дверь. Священник отпер ее тем же ключом и отступил в сторону.

Солдаты тоже остановились, и поэтому только Криспин проследовал за императором в Святилище божественной мудрости Джада. Стояла глубокая ночь.

Он выпрямился и огляделся. Куда бы он ни посмотрел, горели огни, тысячи огней, хотя это помещение еще не было закончено и освящено. Взгляд его поднялся выше, потом еще выше, он медленно осознал ошеломляющее, необычайное величие купола, который удалось здесь создать. Стоя неподвижно на том месте, где они остановились, Криспин понял, что здесь находится то место, где он мог бы осуществить свое заветное желание, и что именно за этим он приехал в Сарантий.

Он рухнул на пол в маленькой придорожной церкви в Савradии, лишившись сил перед могуществом бога, образ которого сумели создать наверху, сурового бога, несущего бремя судьи и воина. Здесь он не упал и не почувствовал в себе такого желания. Ему хотелось воспарить, получить дар полета — смертельный подарок Геладикосу от его отца, — чтобы он мог пролететь мимо всех этих пылающих огней и нежно приложить пальцы к огромной, божественной поверхности этого купола.

Подавленный всем этим — прошлым, настоящим, быстрыми и яркими видениями того, что могло бы быть, — Криспин стоял и смотрел вверх, пока за ними закрывалась металлическая дверь. Он чувствовал, как его захлестывают волны, — словно маленькое суденышко в шторм, — волны желания и благоговения. Император молча стоял рядом с ним, наблюдал за его лицом в неверном свете тысяч свечей, горящих под куполом, самым огромным из всех когда-либо построенных в мире.

В конце концов через долгое время Криспин произнес первое, что пришло на ум среди множества бурлящих мыслей, и произнес шепотом, чтобы не потревожить чистоту этого места:

— Вам не нужно отвоевывать Батиару, мой повелитель. Вы и тот, кто это построил, получили свое бессмертие.

Казалось, святилище уходит в бесконечность, так высоки были четыре арки, на которых покоился огромный купол, так обширно было пространство под этим куполом и половинками куполов, поддерживающими его, так далеко в темноту и мигающий свет уходили нефы и пролеты между колоннами. Криспин видел в одном направлении зеленый мрамор, цвета моря — основного цвета святилища; в других местах это был белый мрамор с синими прожилками, бледно-зеленый, светло-серый, красный, черный. Его везли сюда из каменоломен всего мира. Он даже представить себе не мог его стоимость. Две из огромных арок покоились на возносящихся ввысь двумя ярусами мраморных колоннах с балконами, разделяющими два ряда кладки, и при виде затейливой кладки камней на этих балюстрадах — еще при первом взгляде на них — Криспину захотелось зарыдать, так как он вдруг вспомнил об отце и о его искусстве.

Над вторым ярусом колонн восточная и западная арки были пронизаны десятком окон, и Криспин уже представлял себе, стоя здесь ночью, при свечах, что могут сделать со святилищем лучи заходящего и восходящего солнца, вонзаясь, подобно мечам, в эти окна. А также более мягким, рассеянным светом проникая сквозь верхние окна на самом куполе. Подвешенный в воздухе, словно символ небес Джада, купол у основания был охвачен непрерывным кольцом маленьких, изящных арочных окон. Криспин также увидел, что с купола в пространство под ним свисали цепи, держащие железные канделябры, в которых горели свечи.

Здесь будет свет, днем и ночью, изменчивый и восхитительный. Что бы ни изобразили мозаичники на куполе, на полуку-

полах, на арках и на стенах, эти картины будут освещены так, как никакие другие поверхности в мире. Здесь было величие, не поддающееся описанию, воздушность, распределение пространства, благодаря которому массивные колонны и колоссальные арочные опоры были приведены к пропорции и гармонии. Святилище разветвлялось во всех направлениях от центрального колодца под куполом — круг на квадрате, понял Криспин, и сердце его дрогнуло, когда он попытался понять, как это сделано, и не смог, — и в нем были углубления и ниши, и часовни в тени для уединения, и тайны, и веры, и спокойствия.

«Здесь можно поверить, — подумал он, — в святость Джада и смертных существ, которых он создал».

Император не ответил на слова, которые Кай прошептал. Криспин даже не смотрел на него. Его взгляд все еще стремился ввысь — словно мысли тоскующей души, — мимо висящих канделябров и кольца из круглых темных окошек, за которыми были ветер и ночь, к мерцанию, блеску и обещанию самого купола, ожидающего его.

Наконец, Валерий произнес:

— Здесь ставка больше, чем увековечение имени, родианин, но мне кажется, я знаю, о чем ты говоришь, и, мне кажется, понимаю. Ты доволен тем, что предложено здесь мозаичнику? Ты не жалеешь, что приехал?

Криспин потер голый подбородок.

— Никогда не видел ничего, даже отдаленно похожего на это. Нет ничего в Родиасе, ничего в мире, что могло бы... Не понимаю, как такой купол построен. Как он посмел с таким размахом... И кто это сделал, мой повелитель? — Они все еще стояли возле дверцы, которая вела сквозь стену в простую часовню и в Императорский квартал.

— Мне представляется, что он придет сюда, когда услышит наши голоса. Он большинство ночей здесь проводит. Вот почему с лета я приказал зажигать здесь свечи. Говорят, что я не сплю, знаешь ли. Это неправда, хотя мне полезно, чтобы так говорили. Но я думаю — это правда в отношении Артибаса: мне кажется, он бродит здесь, осматривая сделанное, или склоняется над своими чертежами всю ночь напролет. — Трудно было понять выражение лица императора. — Ты не боишься, родианин? Он не слишком велик для тебя?

Криспин поколебался, глядя на Валерия.

— Только глупец не испугается такого купола, как этот. Когда твой архитектор заглянет к нам, спроси его, не боится ли он собственного проекта.

— Я уже спрашивал. Он говорит, что был в ужасе и сейчас еще в ужасе. Говорит, что не спит по ночам, потому что если он ложится спать дома, ему снятся кошмары, в которых купол падает. — Валерий помолчал. — Что ты изобразишь для меня на куполе моего святилища, Кай Криспин?

Криспин услышал громкое биение собственного сердца. Он почти ожидал этого вопроса. И покачал головой.

— Ты должен простить меня. Слишком рано, мой повелитель.

Собственно говоря, это была ложь.

Еще до того, как Криспин пришел сюда, он уже знал, что хочет здесь изобразить. Мечту, дар, нечто, вынесенное из Древней Чащи в День Мертвых. Сегодня, среди воплей на ипподроме, ему был послан этот образ. В этом тоже было нечто от полумира.

— Чересчур рано, — раздался новый, ворчливый голос. Звуки здесь отражались эхом. — Кто этот человек и что случилось с Сиросом, мой повелитель?

Официальное обращение прозвучало с опозданием, мимоходом. Низенький, помятый, пожилой человечек в столь же помятой тунике появился из-за ряда свечей у них за спиной. Его светлые, как солома, волосы в беспорядке торчали космами. Он босыми ногами ступал по ледяному мраморному полу, как увидел Криспин. Сандалии он нес в одной руке.

— Артибас, — сказал император. Криспин видел, что он улыбается. — Должен сказать, что ты выглядишь точно так, как должен выглядеть главный архитектор Империи. Твои волосы соревнуются с куполом в их устремленности к небу.

Человечек рассеянно провел ладонью по волосам, что привело их в еще больший беспорядок.

— Я уснул, — сказал он. — Потом проснулся. И мне в голову пришла удачная мысль. — Он поднял свои сандалии, словно этот жест что-то объяснял. — Я бродил по святилищу.

— В самом деле? — спросил Валерий терпеливо.

— Ну да, — ответил Артибас. — Это понятно. Поэтому я босой.

Последовало короткое молчание.

— Понятно, — повторил император с некоторой укоризной.

Криспин уже знал, что этот человек не любит, когда ему что-нибудь непонятно. Все равно — что.

— Отмечаешь шершавые мраморные плитки? — рискнул высказать предположение Криспин. — Полагаю, это один из способов их отличить. Я бы сказал, что в более теплое время года это сделать легче.

— Я проснулся с одной мыслью, — сказал Артибас, бросая на Криспина острый взгляд. — Хотел посмотреть, получится ли. Получается! Я отметил десяток плит, которые каменотесы должны отшлифовать.

— Ты ожидаешь, что люди будут входить сюда босиком? — спросил император с задумчивым выражением лица.

— Возможно. Не все верующие будут обуты. Но дело не в этом. Я хочу, чтобы мрамор был идеальным, знает ли кто-нибудь об этом или нет. Мой повелитель. — Маленький архитектор прищурился и посмотрел на Криспина. Выражением лица он напоминал сову. — Кто этот человек?

— Мозаичник, — ответил император, проявляя терпение, удивившее Криспина.

— Понятно, — сказал архитектор. — Я об этом слышал.

— Из Родиаса, — прибавил Валерий.

— Это все слышали, — сказал Артибас, все еще глядя снизу вверх на Криспина.

Император рассмеялся.

— Кай Крисп Варенский, это Артибас Сарантийский, человек, обладающий некоторыми незначительными способностями и всей учтивостью человека, рожденного в Городе. Почему я тебя терплю, архитектор?

— Потому что ты любишь, чтобы все делалось, как следует. Понятно. — Кажется, это было любимым словом этого человека. — Этот человек будет работать вместе с Сиросом?

— Он будет работать вместо Сироса. По-видимому, Сирос ввел нас в заблуждение относительно своих идей об обратном переносе мозаик на купол. Он случайно не обсуждал их с тобой, Артибас?

Это было сказано мягко, но архитектор повернулся и посмотрел на императора, прежде чем ответить, и заколебался в первый раз.

— Я — проектировщик и строитель, мой повелитель. Я строю тебе святилище. То, как его нарядят, — это область художников. Меня это мало интересует, и мне некогда заниматься этим. Мне не нравится Сирос и его покровительница тоже, но это тоже вряд ли имеет значение, не так ли? — Он снова посмотрел на Криспина. — Сомневаюсь, чтобы и этот мне понравился. Он слишком высокий, и у него рыжие волосы.

— Сегодня вечером мне сбрили бороду, — сообщил ему Криспин, ему было смешно. — Боюсь, что в противном случае у тебя бы не осталось никаких сомнений. Скажи, вы обсуждали, как нужно подготовить поверхности под мозаику?

Человечек замер.

— Зачем бы я стал обсуждать строительную деталь с декоратором?

Улыбка Криспина слегка угасла.

— Возможно, — мягко произнес он, — в один из ближайших дней мы посидим за бутылкой вина и рассмотрим другой подход к этому вопросу? Я был бы тебе благодарен.

Артибас скорчил гримасу.

— Полагаю, мне следует проявить вежливость. Ты здесь новичок, и все такое. Собираешься высказать пожелания насчет штукатурки? Понятно. Я вижу. Ты из тех любителей во все вмешиваться, у которых есть свое мнение, но отсутствуют знания?

Криспину прежде доводилось работать с подобными людьми.

— У меня есть твердое мнение насчет вина, — ответил он, — но нет знаний о том, где найти лучшее вино в Сарантии. Я оставлю решение последнего вопроса за тобой, если ты позволишь мне высказать некоторые мысли по поводу штукатурки.

Архитектор несколько мгновений стоял неподвижно, потом позволил себе улыбнуться — чуть-чуть.

— По крайней мере, ты умен. — Он переступил босыми ногами на холодном мраморном полу, стараясь подавить зевок.

Валерий сказал, по-прежнему своим лукавым, терпеливым тоном:

— Артибас, я сейчас отдам тебе приказ. Будь внимателен. Надень свои сандалии — ты мне окажешь плохую услугу, если умрешь от ночного холода. Найди свой плащ. Потом иди домой спать. Домой. От тебя полусонного и измученного тоже нет никакого толку. Утро совсем близко. Кая Криспина за воротами ждут сопровождающие, или должны ждать. Они тебя тоже проводят домой. Ложись спать. Купол не упадет.

Маленький архитектор неожиданно резко сделал жест, оберегающий от зла. Кажется, он собирался возразить, потом запо-

здало вспомнил, что говорит с императором. Он закрыл рот и снова запустил пальцы в волосы, встопорщив их еще больше.

— Приказ, — добродушно повторил Валерий.

— Понятно, — согласился Артибас Сарантийский.

Тем не менее он стоял неподвижно, пока император не протянул руку и — очень осторожно — не пригладил его песочного цвета спутанные волосы, почти как мать, старающаяся привести в порядок своего ребенка.

Валерий проводил их до главного входа — двери были из серебра, вдвое выше человеческого роста, как увидел Криспин, — а потом на портик, где дул ветер. Там они оба повернулись и поклонились ему, и Криспин заметил, что маленький человечек рядом с ним кланяется так же официально, как и он сам. Император вернулся в помещение и сам закрыл массивную дверь. Они услышали, как задвинулся массивный засов.

Оба они повернулись и стояли на ветру, глядя на неосвещенную площадь перед святилищем. Император полагал, что Карулл должен уже быть здесь. Криспин никого не видел. Он вдруг почувствовал, как устал. Он видел огни на дальнем конце площади, у Бронзовых Врат, где должна была находиться императорская стража. Тяжелые тучи закрывали небо. Было очень тихо.

Пока ночь не разорвал крик — предостережение, — и они увидели, как какой-то человек, словно безумный, мчится через заваленную мусором площадь прямо к портику. Этот человек взбежал по лестнице, прыгнул через три ступеньки, неловко приземлился, пробежал мимо Артибаса и стал крутить и дергать ручку запертой на засов двери.

Потом он обернулся, яростно выругался, держа в руке нож, и Криспин — пытающийся понять, что происходит, — узнал его. У него отвисла челюсть. Слишком много сюрпризов за одну ночь. Вокруг них теперь возникло движение, появились звуки. Криспин быстро обернулся и вздохнул с облегчением, увидев знакомую фигуру Карулла, который шагал к лестнице с обнаженным мечом в руке.

— Скортий из факции Синих! — воскликнул солдат через мгновение. — Сегодня днем я потерял из-за тебя целое состояние, знаешь ли.

Возничий, напряженный и разъяренный, крикнул что-то странное насчет защиты императора, распространяющейся на них троих. Карулл заморгал.

— Ты думаешь, мы пришли, чтобы напасть на них? — спросил он. Меч он держал опущенным.

Нож в руке возничего медленно опустился. До Криспина наконец дошло, что здесь произошло недоразумение. Он посмотрел на стройную фигурку рядом с собой, потом снова на своего широкоплечего друга, стоящего у подножия лестницы. И представил всех друг другу, что было явно необходимо.

Через секунду Скортий Сорийский начал хохотать.

Карулл присоединился к нему. Даже Артибас позволил себе слегка улыбнуться. Когда веселье стихло, было сделано приглашение. Кажется, несмотря на столь абсурдный час, чемпиона Синих сейчас ожидали на кухне в лагере факции для небольшой трапезы. Скортий объяснил, что он слишком труслив, чтобы сердить шеф-повара Струмоса, да к тому же он, непонятно почему, чувствует голод.

Артибас напомнил, что у него приказ прямо от самого императора, который только что покинул их. Ему велели ложиться спать. Карулл в ответ уставился на него, запоздало осознав, кто стоял на портике, когда он с солдатами наблюдал из своего укрытия. Скортий запротестовал. Криспин посмотрел на низенького архитектора.

— Ты думаешь, он говорил серьезно? — спросил он. — И считал это настоящим приказом?

— Может быть, — ответил Артибас. — Валерий не самый предсказуемый из людей, а это здание — его наследие.

«Часть наследия», — подумал Криспин.

Он вспомнил о своем доме и о юной царице, послание которой сегодня перестало быть тайной. Конечно, он сам в этом не виноват. Но когда он остался наедине с Валерием и Аликсаной, его вынудили осознать, что они так далеко опередили всех в этой игре дворов и интриг, что... это была вовсе не игра. И это заставило его гадать, каково его место, его роль. Может ли он надеяться удалиться и заняться своей смальтой и этим великолепным куполом? Позволят ли ему? В сказке этой ночи было так много запутанных деталей, что он не знал, удастся ли ему когда-нибудь распутать этот клубок, в темноте или на рассвете.

Трем воинам Карулла поручили отвести архитектора домой. Карулл с двумя солдатами остался с Криспином и Скортием. Они двинулись наискосок через продуваемую ветром площадь, прочь от Бронзовых Врат и конной статуи, через форум перед ипподромом, по направлению к улице, которая вела к лагерю

Синих. Криспин обнаружил по дороге, что он в равной степени перевозбудился и устал. Ему необходимо поспать, но он понимал, что не уснет. Мысленный образ купола сменял образ императора, заслоняя собой воспоминание о прикосновении царицы.

Дельфины, вот чего хотела Аликсана. Он вздохнул, вспомнив худого секретаря, принесшего ожерелье, лицо этого человека, когда он переводил взгляд с Криспина — он полагал, что застал его наедине с императрицей в ее личных покоях, — на саму женщину с распущенными темными волосами. «Под этим быстро исчезнувшим выражением лица скрывалось множество слоев», — подумал Криспин. И они тоже пока выше его понимания.

Он снова вспомнил святилище и человека, который привел его туда по низкому каменному туннелю, через дверь, прямо в это великолепие. Мысленным взором он все еще видел этот купол, полукружия куполов вокруг него и арки, их поддерживающие, мрамор на мраморе, и он видел там свою собственную работу, которая появится когда-нибудь. «Святилище позади нас является наследием Артибаса, — подумал он, — и возможно, в конце концов оно станет тем, за что будут помнить императора Валерия Второго. И возможно — возможно! — мир однажды узнает о том, что некогда жил такой мозаичник из Родиаса — Кай Криспин, единственный сын Хория Криспина Варенского и его жены Авиты, который с честью выполнил работу под солнцем Джада и двумя лунами».

Он думал об этом в тот момент, когда на них напали.

За несколько секунд до этого он гадал, будет ли ему позволено удалиться к своей смальте: стекло и мрамор, золото и перламутр, поделочные камни, простые камни, создание образов на лесах, в воздухе, высоко над интригами, войнами и желаниями мужчин и женщин.

Кажется, этому не суждено сбыться, так как ночь превратилась в железо и кровь.

* * *

Когда-то Струмос ему сказал — то есть, по правде говоря, он сказал это торговцу рыбой на базаре, а Кирос стоял рядом, — что можно многое узнать о человеке, наблюдая, как он впервые пробует необычайно вкусную или очень плохую еду. Кирос

стал наблюдать за случайными гостями Струмоса на кухне, когда выдавалась такая возможность.

Сегодня он тоже наблюдал. Было очень поздно, а предыдущие события оказались столь необычайными, что в кухне царило неожиданно интимное настроение пережитой вместе опасности и радости по поводу того, что удалось уцелеть.

Тела нападавших выбросили за ворота, а двух солдат, которые погибли, защищая Скортия и мозаичника во время первого нападения на улице, внесли внутрь вместе с погибшим привратником и оставили ждать погребения. Всего девять тел, и все эти люди погибли насильственной смертью. Сегодня и завтра астрологи Города будут заняты по горло составлением заказанных табличек с проклятиями, которые потом положат на могилы. Недавно умершие были посыльными полумира. Асторг держал в своем штате двух астрологов, платил им жалованье, и они составляли охранные заклинания против тех, кто просил злых духов тьмы, чтобы возничие Синих искалечились или погибли или чтобы та же участь постигла коней.

Кирос горевал из-за привратника.

Сегодня днем после гонок Нистер играл в «коня и лиса» на одной из досок в общей комнате. А теперь стал мертвым телом и лежит под тканью в холодном дворе. У него двое маленьких детей. Асторг поручил кому-то пойти к его жене, но приказал подождать до конца предрассветной молитвы. Пускай женщина поспит в эту ночь. Успеет еще погоревать потом, когда в дверь постучат с черной вестью.

Сам Асторг, мрачный и нервный, пошел встречать чиновников городского префекта. Кирос не хотел бы оказаться на месте того человека, которому поручено иметь дело с факционарием Синих.

Главного лекаря факции — проворного, бородатого киндата — разбудили, чтобы он занялся раненым солдатом, которого звали Карулл. Раны его оказались впечатляющими, но не опасными. Этот человек сидел с непроницаемым лицом, пока ему промывали и бинтовали раны, свободной рукой держал чашу с вином и пил его, когда лекарь обрабатывал его плечо. Он один на бегу отбивался от шестерых нападавших в темном переулке, что дало Скортию и родианину возможность добраться до ворот лагеря. Карулл все еще сердился, что всех нападавших убили, понимал Кирос. Теперь будет непросто узнать, кто их нанял.

Когда лекарь позволил ему сесть за стол, трибун Четвертого

саврадийского доказал, что аппетит его почти не пострадал. Ни раны, ни гнев не отвлекали его внимания от стоящих перед ним мисок и тарелок. Сегодня ночью он потерял двух своих солдат, двух человек убил сам, но Кирос догадывался, что военному приходится к этому привыкать и жить дальше. Это оставшиеся дома иногда сходили с ума, как сошла с ума сестра матери Кироса три года назад, когда ее сына убили во время осады бассанидами Азена, неподалеку от Евбула. Мать Кироса была уверена, что именно горе сделало ее беззащитной перед чумой, разразившейся год спустя. Его тетка умерла одной из первых. Азен бассаниды вернули следующей весной по договору, который принес мир восточным границам, что сделало осаду и гибель людей еще более бессмысленными. Города вечно брали и снова отдавали по обеим сторонам от изменчивой границы.

Но люди не возвращались к жизни, даже когда возвращался город. Человек жил дальше, как этот офицер, который жадно подбирал остатки рыбного супа толстой коркой хлеба. Что еще можно сделать? Проклинать бога, рвать на себе одежду, удалиться, подобно святому отшельнику, в какую-нибудь церковь, или на скалу в пустыне, или в горы? Последнее возможно, полагал Кирос, но с тех пор, как он пришел на эту кухню, он обнаружил, что у него появилось стремление к дарам и опасностям этого мира — можно сказать, появился вкус к ним. Пусть он никогда не станет возницей, дрессировщиком, солдатом — он будет тащить за собой искалеченную ногу до конца дней, — но все равно ему предстояло прожить жизнь. Жизнь в этом мире.

И как раз в этот момент Скортий, первый возничий Синих, статую в честь которого сегодня обещали воздвигнуть на спине ипподрома, поднял глаза, держа в руке суповую ложку, и тихо сказал Струмосу:

— Что я могу сказать, друг мой? Этот суп достоин пиршества богов.

— Это правда, — эхом отозвался рыжий родианин, сидящий рядом с ним. — Он великолепен. — У него было такое восторженное лицо, выдававшее его чувства, какими и бывают лица людей в подобный момент, по словам Струмоса.

Струмос теперь совсем расслабился, сидя во главе стола и подливая вина троим гостям. Он благожелательно склонил голову к плечу.

— Юный Кирос, вон тот, варил его, — сказал он. — У него задатки повара.

Две фразы. Простые слова. Кирос боялся расплакаться от радости и гордости. Но, конечно, сдержался. Ведь он уже не ребенок. К сожалению, он покраснел и опустил голову, видя их одобрительные улыбки. А потом начал страстно ждать того момента, когда его отпустят, и он останется наедине с самим собой, на ложе в комнате учеников, и сможет снова и снова вспоминать волшебные слова и выражение лиц после них. Скортий сказал. Затем родианин прибавил. Потом Струмос сказал...

На следующий день Кирос и Разик получили выходной; неожиданный выходной, в награду за то, что накануне работали всю ночь. Разик, насвистывая, отправился в сторону гавани, чтобы развлечься с проституткой. Кирос воспользовался свободным временем, чтобы пойти в жилище родителей в тесном, остро пахнущем лабиринте ипподрома, где он вырос. Он застенчиво рассказал им о том, что было сказано прошлой ночью. Его отец, немногословный человек, прикоснулся к плечу сына покрытой шрамами и укусами рукой, а потом ушел кормить своих зверей. А мать, менее сдержанная, раплакалась.

Потом она бросилась из их крошечной каморки, чтобы рассказать новость всем подругам, а затем купить и зажечь целый ряд благодарственных свечей в часовне ипподрома. На этот раз Киросу не показалось, что она перестаралась.

Задатки повара.

Сам Струмос это сказал!

* * *

В ту ночь они так и не легли спать. В этой восхитительно теплой, освещенной огнем очага кухне была еда, достойная дворцов бога за солнцем, и вино, равное ей. Они закончили трапезу травяным чаем перед самым восходом солнца, что напомнило Криспину о чае, которым поил его Зотик перед началом путешествия. А это напомнило ему о Линон, а потом о доме, а это опять-таки навело на мысль о том, как далеко он от него ушел, оставшись в одиночестве среди чужих людей. Хотя Криспин чувствовал, что после этой ночи они уже не такие чужие. Он прихлебывал горячий чай и отдавался легкому головокружению от крайней усталости, позволяя ощущению расстояния, слов и

движений медленно вплывать в его сознание откуда-то издалека.

Скортий уже сходил на конюшню, чтобы проведать своего лучшего коня. Теперь он вернулся назад, потирая руки после предрассветного холода в воздухе, и снова сел на скамью рядом с Криспином. Спокойный человек, проворный и скромный, несмотря на все его богатство и известность. Щедрая душа. Он прибежал в темноте, как безумный, чтобы предупредить их об опасности. Это кое о чем говорит.

Криспин посмотрел на Карулла через каменный стол. Назвать этого человека чужим теперь было бы неправдой. Помимо прочего, он уже достаточно хорошо знал трибуна и понимал, что тот старается скрыть плохое самочувствие. Раны не были опасными, как их заверил лекарь, но сейчас они должны сильно болеть, и от обеих у Карулла останутся новые шрамы. Сегодня ночью он потерял людей, которых знал давно. Может быть, он даже винит себя в этом; Криспин не был уверен.

Они не имели понятия, кто заплатил за это нападение. Солдат в увольнении можно было нанять в Городе довольно дешево. Нужно было только обладать некоторой решимостью, чтобы организовать похищение или даже убийство. Послали гонца от Карулла к оставшимся солдатам, тем, которые провожали домой архитектора и должны были ожидать их на постоялом дворе. Криспин подумал, что это станет для них грустным известием. Карулл, командир, потерял двух своих подчиненных, а солдаты потеряли товарищей. В этом вся разница.

Чиновник городского префекта был вежлив и официален с Криспином, когда явился вместе с факционарием. Они побеседовали наедине в большом зале, где вечером проходил пир. Этот человек глубоко не копал, и Криспин понял, что чиновник не хочет слишком много знать о попытке убийства. Повинуясь интуиции, Криспин ничего не сказал о мозаичнике, уволенном императором, и об аристократке, которая могла счесть себя этим униженной или поставленной в неловкое положение упоминанием об ожерелье. И то и другое произошло публично: этот человек узнал бы обо всем, если бы захотел.

Неужели кто-то может за это убить?

Император не позволил жене надеть ожерелье, когда его принесли.

Тут надо было распутывать и рассматривать множество нитей, но они не дадутся ему, пока мозг устал и затуманен вином и бессонной ночью.

Когда на востоке замаячил серый рассвет, они покинули кухню и пересекли двор, чтобы присоединиться к Синим в часовне на утренней молитве. Криспин обнаружил в себе искреннюю благодарность, почти набожность, пока пел молитвы. Благодарность за сохраненную жизнь, еще раз; за подаренный ему сегодня купол; за друга, которым был ему Карулл, и за возничего, который, возможно, станет другом; за то, что он пережил знакомство с двором, вопросы в палатах императрицы и мечи в темноте.

И наконец, — потому что мелкие подарки судьбы действительно много значили для него, — за вкус фаршированного креветками сига под соусом, похожий на сон наяву.

Скортий не стал возвращаться домой. Он пожелал им доброго дня у часовни, а потом ушел спать в комнату, закрепленную за ним в лагере. Солнце только поднималось. Небольшая компания Синих проводила Криспина и Карулла до их постоялого двора, а вокруг начали звенеть колокола других церквей, призывая жителей Сарантия на более позднюю утреннюю молитву.

Облака исчезли, унеслись на юг; день обещал быть холодным и ясным. Город просыпался, пока они шли, собирался с силами для возобновления повседневной жизни после окончания праздника. На улицах валялся мусор, но немного: ночью уборщики потрудились. Криспин видел мужчин и женщин, идущих к часовням, подмастерьев, бегущих с поручениями. Шумно открывался продуктовый базар, лавки и палатки, предлагающие свои товары под колоннадами. Рабы и дети спешили мимо с водой и батонами хлеба. У стоек с едой уже стояли очереди, люди торопливо поглощали первую трапезу. Седобородый босоногий юродивый в покрытой пятнами и рваной желтой одежде шаркал к своему, вероятно, обычному месту, чтобы обличать тех, кто не пошел на молитву.

Они добрались до постоялого двора. Их провожатые повернули обратно в лагерь. Криспин и Карулл вошли внутрь. Общий зал был открыт, огонь в очаге горел, несколько человек ели. Двое мужчин прошли мимо двери и поднялись по лестнице, медленно шагая.

— Поговорим позже? — пробормотал Карулл.

— Конечно. С тобой все в порядке? — спросил Криспин.

Солдат устало что-то проворчал и отпер дверь своей комнаты.

Криспин кивнул головой, хотя тот уже закрыл за собой дверь. Он достал свой ключ и направился к собственной комнате дальше по коридору. Казалось, он удивительно долго туда добирался. Шум доносился с улицы внизу. Все еще звонили колокола. Все-таки это было утро. Он попытался вспомнить, когда в последний раз провел всю ночь без сна. Стал нащупывать замок. Для этого потребовалось сделать усилие и сосредоточиться, но ему удалось отпереть дверь. Ставни, к счастью, были закрыты и не пропускали утренний свет, хотя полосы солнечных лучей проникали в щели и пунктиром пронизывали темноту.

Он бросил ключ на маленький столик у двери и, пошатываясь, двинулся к ложу, уже наполовину во сне. Тут он понял — слишком поздно, чтобы прекратить движение, — что в комнате, на постели, кто-то лежит и смотрит на него. А затем, в полосах приглушенного света, он увидел, как взлетело обнаженное лезвие.

* * *

Несколько раньше, когда небо еще было затянуто тучами, один из ожидающих солдат подал подбитый мехом плащ императору Сарантия, и тот вышел в ветреную, холодную ночь из маленькой часовни и каменного туннеля, проложенного сквозь стены Императорского квартала.

Император, который еще помнил, хотя уже и с трудом, как пришел в Город зимой в одной короткой тунике и рваных, промокших сапогах по приказу дяди, с благодарностью принял тепло плаща. Идти обратно в Траверситовый дворец совсем недалеко, но у него личный иммунитет к усталости, а не к холоду.

«Я старею», — подумал он, уже не в первый раз. У него нет наследника. Не потому, что он не прикладывал усилий, или испытывал недостаток в медицинских консультациях, или не молил о помощи и бога, и полумир. «Хорошо было бы иметь сына», — подумал Петр, но он уже смирился с тем, что сына нет. Его дядя передал трон ему: по крайней мере, в семье есть некий прецедент. К несчастью, сыновья его сестры — полные ничтожества, и все четверо живут в Тракезии по его строгому распоряжению.

Они, разумеется, не подняли бы никакого бунта. Такие

вещи требуют мужества и инициативы, а ни у одного из них их нет. Однако они могли бы стать марионетками в чьих-то руках, а видит бог, в Сарантии достаточно людей, стремящихся к власти. Он мог бы приказать убить их, но считал, что в этом нет необходимости.

Императора била дрожь, пока он шагал по саду. Это всего лишь холод и сырость. Он не боится, нисколько. Он испугался только один раз в своей взрослой жизни, насколько мог вспомнить: во время мятежа два года назад, в тот момент, когда узнал, что Синие и Зеленые объединились и выступили плечом к плечу на ипподроме и на горящих улицах. Это было слишком неожиданное развитие событий, далеко выходящие за рамки предсказуемого и рационального. Он был — и остался — человеком, который полагается на упорядоченное поведение и строит на нем свое существование и свое мышление. Нечто настолько маловероятное, как объединение факций друг с другом, делало его уязвимым, лишало опоры, словно корабль, который шторм сорвал с якоря.

Он уже был готов последовать совету своих самых старых советников в тот день. Сесть на маленькое судно в бухточке у Императорского квартала и бежать из ловушки, в которую превратился его Город. Этот глупый, нелогичный мятеж из-за небольшого повышения налогов и предполагаемых пороков квестора имперского налогового управления грозил погубить планы и достижения целой жизни. Он был испуган и разъярен. Это воспоминание было гораздо ярче того, давнего, о зимней дороге в Город.

Он подошел к меньшему из двух главных дворцов и поднялся по широким ступеням. Стражники распахнули перед ним двери. Он помедлил на пороге, глядя вверх, на серо-черные тучи на западе, над морем, потом вошел во дворец и пошел посмотреть, бодрствует ли еще женщина, чьи слова спасли их всех в тот день, два года назад, или уснула — как грозилась.

Говорят, что Гизелла — дочь Гильдриха, царица антов — молода и даже красива, хотя последнее едва ли имеет значение для его планов. Очень возможно, что она могла бы родить ему наследника, но менее вероятно, что она действительно может стать альтернативой вторжению в Батиару. Если бы она приехала на восток, чтобы стать супругой императора Сарантия, анты сочли бы ее поступок предательством. Был бы назван преемник, или сам бы появился.

«Все равно преемники среди антов быстро сменяют друг друга, — подумал он, — мечи и яд быстро отсеивают претендентов». Это правда, что Гизелла стала бы предлогом для вторжения армий сарантийцев, сделала бы его законным. Это не пустяк. Можно не без основания ожидать одобрения верховного патриарха от имени царицы, а оно имеет вес среди родиан — и многих антов, — что изменило бы баланс сил в войне. Юная царица, другими словами, не совсем ошибается насчет того, что она могла бы для него значить. Ни один человек, который может похвастаться логикой и способностью к анализу и предвидению, не станет этого отрицать.

Женитьба на ней — если ее удастся вытащить из Варены живой — открыла бы поистине ослепительные возможности. А она в самом деле достаточно молода, чтобы родить, и не один раз. Да и он сам не так стар, хотя иногда и чувствует себя старым.

Император Сарантия приходит в апартаменты жены по внутренним коридорам, как всегда. Там он сбрасывает плащ. Солдат берет его у императора. Он сам стучит в дверь. Он искренне не уверен, что Алиана не уснула. Она ценит свой сон больше, чем он, — как и большинство людей. Он надеется, что она его дождалась. Сегодняшняя ночь была интересной — неожиданно интересной, он совсем не устал, и ему не терпится поговорить.

Кризомалло открывает дверь и впускает его в самую центральную из комнат императрицы. Здесь четыре двери. Архитекторы превратили это крыло в лабиринт из женских спален. Он и сам не знает, куда ведут все эти коридоры и ответвления. Солдаты остаются за дверью. Здесь горят свечи, это намек. Он поворачивается к ее давней горничной, вопросительно поднимая брови, но Кризомалло не успевает заговорить, как дверь в спальню открывается, и появляется Алиана, императрица Аликсана, его жизнь.

Он говорит:

— Ты все-таки не спишь. Это приятно.

Она мягко шепчет в ответ:

— Похоже, ты продрог. Иди ближе к огню. Я обдумывала, какие предметы одежды взять с собой в ссылку, в которую ты меня собираешься отправить.

Кризомалло улыбается и быстро опускает голову в тщетной попытке скрыть улыбку. Не дожидаясь приказа, она поворачивается и уходит в другую часть лабиринта из комнат. Император ждет, пока закроется дверь.

— А почему, — спрашивает он, сурово и сдержанно, у женщины, которая остается с ним, — ты полагаешь, что тебе позволят взять что-то с собой, когда ты уйдешь?

— А! — произносит она с притворным облегчением и прижимает дрожащую ладонь к груди. — Это значит, что ты не собираешься меня убить.

Он качает головой.

— Едва ли это необходимо. Я могу позволить сделать это Стилиане, когда ты станешь беспомощной изгнанницей.

У нее вытягивается лицо, пока она обдумывает эту новую возможность.

— Еще одно ожерелье?

— Или цепи, — любезно подсказал он. — Отравленные кандалы для твоей камеры в ссылке.

— По крайней мере, срок унижения сократится. — Она вздыхает. — Холодная ночь?

— Очень холодная, — соглашается он. — Слишком ветрено для моих старых костей. Но к утру тучи рассеются. Мы увидим солнце.

— Тракезийцы всегда знают погоду. Они только не понимают женщин. Наверное, нельзя обладать всеми талантами. С каким это стариком ты беседовал? — Она улыбнулась. Он тоже. — Выпьешь чашу вина, мой повелитель?

Он кивает.

— Я совершенно уверен, что с ожерельем все в порядке, — прибавляет он.

— Знаю. Ты хотел, чтобы художник понял, что ее следует остерегаться.

Он в ответ улыбается.

— Ты меня слишком хорошо знаешь.

Она качает головой, подходя к нему с чашей.

— Никто тебя хорошо не знает. Мне известна твоя склонность к кое-каким поступкам. После сегодняшней ночи он станет знаменитостью, и ты хотел пробудить в нем осторожность.

— Мне кажется, он осторожный человек.

— Этот город полон соблазнов.

Он внезапно усмехается. Иногда он все еще выглядит мальчишкой.

— Еще каким!

Она смеется и подает ему вино.

— Он рассказал нам слишком рано? — Она опускается на мягкие подушки сиденья. — Насчет Гизеллы? В этом его слабость?

Император подходит к ней и легко садится — в этом движении нет никаких признаков старости — на пол у ее ног среди подушек. В очаге рядом с ее креслом с низкой спинкой пылает старательно разведенный огонь. В комнате тепло, вино очень хорошее и разбавлено по его вкусу. Ветер и весь мир остались снаружи.

Валерий, который был Петром, когда она с ним познакомилась, и который продолжал им быть, когда они оставались наедине, качает головой.

— Он умный парень. И даже очень умный. Я этого не ожидал. Он ведь нам ничего не рассказал в действительности, если ты помнишь. Хранил молчание. Ты слишком точно ставила вопросы и говорила сама, высказывала предположения. Он сделал свои выводы и действовал, исходя из этого. Я бы назвал его наблюдательным, а не слабым. Кроме того, к этому моменту он уже должен был влюбиться в тебя. — Он улыбается ей снизу вверх и делает глоток вина.

— Хорошо сложенный мужчина, — бормочет она. — Хотя мне бы ни за что не хотелось увидеть ту рыжую бороду, с которой он, по слухам, приехал. — Она слегка вздрагивает. — Но, увы, мне нравятся мужчины гораздо моложе, чем он.

Петр смеется.

— Зачем же ты позвала его сюда?

— Мне захотелось дельфинов. Ты же слышал.

— Слышал. Ты их получишь, когда я закончу святилище. А другие причины?

Императрица приподнимает одно плечо, движением, которое ему всегда очень нравилось. Ее темные волосы переливаются, отражая свет.

— Ты сам сказал, что он стал знаменитостью после того, как дискредитировал Сироса и разгадал загадку возничего.

— И преподнес подарок Стилиане. Леонту это не слишком понравилось.

— Ему не это не понравилось, Петр. И ей совсем не понравилось, что пришлось соревноваться с ним в щедрости.

— У него будет охрана. По крайней мере, на первое время.

Стилиана все же покровительствовала тому, другому художнику.

Она кивает головой.

— Я тебе говорила, и не раз, что этот брак — ошибка.

Император хмурится. Пьет вино. Женщина пристально наблюдает за ним, хотя выглядит совершенно спокойной.

— Он это заслужил, Алиана. В битвах против бассанидов и маджритов.

— Он заслужил подобающие почести. Стилиана Далейна не была для него подходящей наградой, дорогой. Далейны и так тебя ненавидят.

— Не могу себе представить, почему, — шепчет он, потом прибавляет: — Леонт был мечтой всех женщин Империи.

— Всех женщин, кроме двух, — тихо произнесла она. — Той, которая сейчас с тобой, и той, которую заставили выйти за него замуж.

— Тогда мне остается лишь предоставить ему изменить ее мнение.

— Или наблюдать, как она изменит его самого?

Он качает головой.

— Я полагаю, что Леонт тоже знает, как проводить подобные осады. И он застрахован от предательства. Тому порукой он сам и его образ Джада.

Она открывает рот, чтобы прибавить что-то еще, но молчит. Но он замечает и улыбается.

— Я знаю, — шепчет он. — Заплатить солдатам. Отложить строительство святилища.

— Среди всего прочего, — соглашается она. — Но что понимает женщина во всех этих великих делах?

— Вот именно, — с нажимом отвечает он. — Занимайся своей благотворительностью и предрассветными молитвами.

Они оба смеются. Императрица славится своей привычкой поздно вставать. Воцаряется молчание. Он приканчивает свое вино. Она плавно встает, берет его чашу, снова наполняет ее и возвращается к нему. Подает ему чашу и садится рядом. Он кладет руку на ее ступню в домашней туфельке, стоящую на подушке рядом с ним. Они некоторое время смотрят в огонь.

— Гизелла, царица антов, может родить тебе детей, — тихо произносит она.

Он продолжает смотреть на пламя. Потом кивает.

— И от нее будет гораздо меньше хлопот, следует признать.

— Должна ли я опять заняться отбором гардероба для ссылки? Можно взять с собой ожерелье?

Император продолжает смотреть на языки пламени. Дар Геладикоса, как утверждает ересь, которую он согласился искоренить ради гармонии веры в Джада. Гадалки утверждают, что умеют читать будущее в языках пламени, видеть знаки судьбы. Их также надо искоренить. Всех язычников. Он даже закрыл старые языческие Школы — немногие знали, как ему этого не хотелось. Тысячи лет учения. Даже дельфины Алианы являются прегрешением против веры. Есть люди, готовые сжечь или заклеймить художника за то, что он их создаст, если он это сделает.

Император не видит никаких мистических знаков в этом пламени поздно ночью, сидя у ног женщины, одной рукой касаясь ее ноги в усыпанной драгоценными камнями сандалии. Он говорит:

— Никогда не покидай меня.

— Куда же я пойду? — шепчет она через мгновение. Она пытается произнести эти слова легкомысленным тоном, но ей это не удается.

Он поднимает глаза.

— Никогда не покидай меня, — снова повторяет он, на этот раз его серые глаза смотрят прямо в ее глаза.

Он умеет оказывать на нее такое действие: дыхание замирает у нее в груди, горло сжимается. Ее охватывает страстное желание. После всех этих лет.

— Никогда в жизни, — отвечает она.

Глава 9

Касия очнулась от сна на рассвете. Она лежала в постели, полусонная, сбитая с толку, и только постепенно начала осознавать, что на улице звонят колокола. Дома колокола Джада не звонили, там боги обитали в черном лесу, или у рек, или на хлебных полях, и их умиротворяли кровью. Звон колоколов святилищ был частью городской жизни. Она в Сарантии. Полмиллиона людей, сказал Карулл. Он сказал, что она привыкнет к толпе, научится спать под звон колоколов, если захочет.

Ей снился водопад дома, летом. Она сидела на берегу пруда, ниже водопада, в тени лиственных деревьев, низко склонившихся над водой. С ней рядом находился мужчина, чего никогда не случалось в настоящей жизни там, дома.

Во сне ей не удалось разглядеть его лицо.

Колокола продолжали звонить, призывая сарантийцев на молитву. Джад, бог Солнца, поднимался в своей колеснице на небо. Все, кто искал защиты у бога при жизни и заступничества после смерти, должны были подниматься вместе с ним и идти, уже сейчас, в часовни и святилища.

Касия лежала очень тихо, вспоминая свой сон. Она чувствовала себя странно, тревожно; ведь что-то заставило ее проснуться. Потом она вспомнила: мужчины не вернулись вчера ночью, по крайней мере, до того как она уснула. И еще этот неприятный визит придворного мозаичника. Нервный человек, испуганный. Она не сумела предупредить о нем Криспина до того, как его увели ко двору. Карулл уверял ее, что это не имеет значения, что родианин сумеет постоять за себя в Императорском квартале, что у него там есть защитники.

Касия поняла: само понятие защитника означает, что там может оказаться человек, от которого нужно иметь защиту, но не произнесла этого вслух. Они с Каруллом и Варгосом поужинали вместе, а потом вернулись назад по очень шумным улицам, чтобы спокойно выпить по чаше вина. Касия знала, что трибун с большой радостью побродил бы по городу в последнюю ночь Дайкании с бутылкой эля в руке, что он остался в гостинице ради нее. Она была ему благодарна за доброту, за его веселый рассказ. Несколько рассказов. Он заставил ее улыбнуться и сам ухмыльнулся в ответ. Он свалил Криспина с ног железным шлемом, так что тот лишился чувств, в первый момент их встречи. А Варгоса сильно избили его люди. Многое изменилось за короткое время.

Позднее из праздничного хаоса на улицах в зал деловито вошел гонец. Он искал солдат: им следовало идти к Императорскому кварталу и ждать у Бронзовых Врат — или там, где им прикажут, когда они туда явятся, — и сопровождать домой родианского мозаичника, Кая Криспина Варенского, когда его отпустят. То было распоряжение канцлера.

Карулл улыбнулся Касии через стол.

— Я тебе говорил, — сказал он. — Защитники. И ему сошло с рук то, что он явился туда под собственным именем. Это хорошие новости, девушка. — Он и пятеро его людей взяли оружие и ушли.

Варгос, привыкший рано ложиться и рано вставать, уже отправился в постель. Касия снова осталась одна. Она не испытывала страха за себя. Или не совсем так. Она понятия не имела, что будет с ее жизнью. Страх мог появиться, если бы она позволила себе задуматься.

Она оставила недопитое вино на столе, ушла к себе в комнату, заперла дверь, разделась и в конце концов уснула. Ей снились сны всю ночь, она просыпалась от случайного шума на улице, прислушивалась к шагам внизу, в коридоре.

Но их она не слышала.

Сейчас она встала, вымыла лицо и тело до пояса над тазиком в комнате, оделась в то платье, которое носила в дороге и после прибытия в город. Криспин как-то заметил, что надо купить ей одежду. Это замечание снова напомнило ей о неприятном вопросе насчет ее будущего.

Колокола, кажется, смолкли. Она с трудом расчесала спутанные волосы пальцами и вышла в коридор. Там она заколебалась, потом решила, что ей позволительно заглянуть к нему, рассказать о том мозаичнике, который приходил, узнать, что произошло ночью. Если непозволительно, лучше ей узнать об этом сейчас, подумала Касия. Она свободна. Гражданка Сарантийской империи. Была рабыней меньше года. «Это не определяет твою жизнь», — сказала она себе.

Его дверь оказалась запертой, конечно. Она подняла руку, чтобы постучать, и услышала за дверью голоса.

Сердце у нее подпрыгнуло, что очень ее удивило, хотя после она перестала удивляться. Тем не менее слова, которые она услышала, повергли ее в шок, как и ответ Криспина. Касия залилась краской, ее поднятая рука задрожала в воздухе.

Она не постучала. Повернулась в страшном замешательстве, чтобы спуститься вниз.

На лестнице она встретила двух людей Карулла, которые поднимались наверх. Они рассказали ей о ночном нападении.

Слушая их, Касия прислонилась к стене. У нее почему-то подгибались ноги. Двое солдат погибли, маленький сориец и Ферикс из Амории, люди, которых она уже хорошо знала. Все шесть нападавших убиты, кто они — неизвестно. С Криспином все в порядке. Карулл ранен. Эти двое только что вернулись, на рассвете. Их видели, когда они поднимались по лестнице, но они не остановились, чтобы поговорить.

Нет, сказали солдаты, с ними никого не было.

Она не слышала их шаги в коридоре. Или, возможно, слышала, и это — а не колокола — вырвало ее из сна или повлияло на ее сон. Безликий человек у водопада. Люди Карулла, суровые и хмурые, прошли мимо нее в свою общую комнату, чтобы взять оружие. Они теперь повсюду будут брать с собой оружие, поняла она. Гибель людей все изменила.

Касия помедлила на площадке лестницы, потрясенная и растерянная. Варгос уже в часовне, внизу ей не с кем побыть. Ей пришло в голову, что враг мог уже оказаться наверху, но в голосе Криспина она не услышала тревоги. Ей пришло в голову, что следовало рассказать кому-нибудь или самой проверить, рискуя попасть в неловкое положение. Кто-то пытался убить его сегодня ночью. И убил двух человек. Она глубоко вздохнула. Камень стены под ее плечом был шершавым. Голос Криспина действительно не казался встревоженным. А второй голос принадлежал женщине.

Она повернула обратно и пошла к комнате Карулла. Они сказали, что он ранен. Касия решительно постучала к нему. Он откликнулся усталым голосом. Она назвала свое имя. Дверь открылась.

Мелочи способны изменить жизнь. Изменить жизни.

* * *

Криспин резко нырнул в сторону, уходя от нацеленного на него кинжала. Он крепко схватился за столб в ногах кровати, чтобы не упасть.

— А! — произнес женский голос в полумраке спальни за закрытыми ставнями. — Это ты, родианин. Хорошо, а то я опасалась за свою честь.

Она положила кинжал. Позже он вспомнил, как подумал тогда, что это не то оружие, которое ей необходимо. А тогда он потерял дар речи.

— Итак, — сказала Стилиана Далейна, непринужденно сидя на постели, — мне рассказали, что эта маленькая актриса распустила для тебя волосы в своих покоях. А она опускалась на колени, как обычно, по слухам, поступала еще на сцене, чтобы доставить тебе удовольствие?

Она улыбалась, полностью владея собой.

Криспин почувствовал, что бледнеет, глядя на нее. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы обрести голос.

— По-видимому, тебя неправильно информировали. В лагере Синих не было актрис, когда я пришел туда, — очень осторожно произнес он. Он понимал, что она имеет в виду. Но не собирался в этом признаваться. — И я был только на кухне, а не в чьих-то личных апартаментах. Что ты делаешь в моей спальне? — Ему следовало называть ее «госпожой».

Она уже успела переодеться. Придворный наряд исчез. На ней была темно-синяя одежда с капюшоном, откинутым сейчас назад и обрамлявшим ее золотистые волосы, которые она заколола наверх, но уже без всяких украшений. Он подумал, что ей пришлось надеть капюшон, чтобы пройти по улицам и войти сюда. Она кого-то подкупила? Ей пришлось это сделать, не так ли?

Она не ответила на заданный им вслух вопрос. По крайней мере, не ответила словами. Она долгое мгновение смотрела на него с постели, затем встала. Очень высокая женщина, голубоглазая, светловолосая, окруженная ароматом духов: Криспин подумал о цветах на горном лугу, с легкой примесью опьяняющего мака. Сердце у него сильно билось: опасность и — быстро нарастающее против его воли — желание. Выражение ее лица было задумчивым, оценивающим. Не спеша, она подняла одну руку и провела пальцем по его бритому подбородку. Прикоснулась к его уху, провела по его краю. Потом привстала на цыпочки и поцеловала в губы.

Он не шевелился. Он мог бы отстраниться, подумал он позже, мог сделать шаг назад. Он не был невинным мальчиком и понял, несмотря на усталость, этот оценивающий взгляд, когда она стояла в полосах тени и света его комнаты. Он не сделал этого шага. Но все же сдержался и не стал отвечать, насколько ему это удалось, даже когда ее язык...

Казалось, ей все равно. По-видимому, она находила даже забавным, что он себя сдерживает, стоя неподвижно перед ней. Она не торопилась, очень медленно прижалась к нему всем телом, ее язык скользил по его губам, раздвинул их, потом проник внутрь, к самому горлу. Он услышал тихий смех, ее теплое дыхание касалось его кожи.

— Надеюсь все же, что она оставила в тебе немного жизни, — пробормотала аристократка — жена верховного стратига Империи, и ее ладонь скользнула в разрез его туники вниз, до талии — и мимо нее, — словно спрашивала позволения.

На этот раз Криспин все же шагнул назад, тяжело дыша, но

она успела прикоснуться к нему сквозь шелк его одежды. Он увидел ее улыбку, маленькие, ровные зубы. Она была изящна, эта Стилиана Далейна, как бледное стекло, как светлая слоновая кость, как клинок одного из кинжалов, сделанного далеко на западе, в Эсперанье, где подобные вещи изготавливали как произведения искусства, а не только как орудия смерти.

— Хорошо, — снова повторила она. Она смотрела на него, уверенная, насмешливая, дочь богатства и власти, обвенчанная с ней. Он ощущал ее вкус, чувствовал то место, где ее губы скользили по его шее. Она задумчиво произнесла:

— Теперь я боюсь, что разочарую тебя. Как могу я соревноваться в этом с актрисой? Говорят, она в молодости жаловалась, что святой Джад дал ей слишком мало отверстий для акта любви.

— Перестань! — хрипло ответил Криспин. — Это игра. Зачем ты играешь в нее? Зачем ты здесь? — Она снова улыбнулась. Белые зубы, руки, взлетевшие к волосам, длинные широкие рукава одежды, которые соскользнули и обнажили тонкие руки. Он гневно произнес, борясь с желанием: — Кто-то пытался убить меня сегодня ночью.

— Я знаю, — ответила Стилиана Далейна. — Это тебя возбуждает? Надеюсь, что возбуждает.

— Ты знаешь? А что еще ты об этом знаешь? — спросил Криспин. Пока он говорил, она начала вынимать шпильки из золотистых волос.

Она остановилась. Посмотрела на него, на этот раз выражение ее глаз изменилось.

— Родианин, если бы я желала тебе смерти, ты бы был мертв. К чему члену семейства Далейнов нанимать пьяниц в таверне? Зачем мне утруждать себя убийством художника?

— Зачем тебе утруждать себя и приходить незваной в эту комнату? — резко ответил Криспин.

В ответ она снова рассмеялась. Ее руки еще несколько секунд занимались волосами, вынимали шпильки; затем она тряхнула головой, и роскошные волосы хлынули вниз, рассыпались по плечам, заполнили капюшон ее одежды.

— Разве актриса должна получать всех интересных людей? — сказала она.

Криспин покачал головой, знакомый гнев снова охватил его. Он искал в нем убежище.

— Я повторю: ты играешь в какую-то игру. Ты здесь не по-

тому, что хочешь переспать с художником из чужой страны. — Она не отступила. Между ними оставалось очень мало пространства, и ее аромат окутывал их обоих. Темно-красный аромат, пьянящий, как маки, как неразбавленное вино. Совсем не похожий на аромат императрицы. Так и должно быть. Карулл, а потом евнухи рассказывали ему об этом.

Криспин медленно сел на деревянный сундук, стоящий под окном. Набрал в грудь воздуха.

— Я задал несколько вопросов. При данных обстоятельствах они кажутся разумными. Я жду, — произнес он, потом прибавил: — Моя госпожа.

— И я тоже, — пробормотала она, одной рукой отводя назад волосы. Но ее голос снова изменился в ответ на его тон. В комнате повисло молчание. Криспин слышал, как по улице внизу прогрохотала повозка. Кто-то закричал. Наступило утро. Полосы света и тени ложились на ее тело. «Эффект, — подумал он, — получился очень красивым».

Она сказала:

— Возможно, ты склонен себя недооценивать, родианин. Ты слабо разбираешься в обстановке нашего двора. Никого прежде не приглашали во дворец так быстро, как тебя. Послы ждут неделями, художник. Но император одержим своим святилищем. За одну ночь тебя позвали ко двору, поручили твоим заботам все мозаики, ты удостоился беседы наедине с императрицей, и из-за тебя отправили в отставку человека, который делал эту работу до тебя.

— Твоего человека, — заметил Криспин.

— В некотором смысле, — небрежно согласилась она. — Он выполнил для нас кое-какую работу. Я считала, что будет полезно сделать Валерия нашим должником, найдя ему мастера. Леонт с этим не соглашался, но у него имелись свои причины предпочесть Сироса. У него... свои взгляды на то, что следует позволять делать в святилищах тебе и другим художникам.

Криспин заморгал. Надо будет задуматься над этим. Позже.

— Значит, это Сирос нанял тех солдат? — высказал он догадку. — У меня не было намерений разрушить чью-то карьеру.

— Тем не менее ты это сделал, — ответила женщина. Холодность аристократки, которую он запомнил с прошлого раза, снова звучала в голосе Стилианы. — И очень успешно. Но нет, я могу засвидетельствовать, что Сирос не мог нанять убийц сегодня ночью. Поверь мне.

Криспин сглотнул. В ее тоне не было ничего утешительного, но он звучал правдиво. Он решил, что ему не хочется спрашивать, почему она так в этом уверена.

— Так кто же тогда?

Стилиана Далейна подняла руки ладонями наружу — элегантным, равнодушным жестом.

— Понятия не имею. Проверь список своих врагов. Выбери имя. Понравилось ли актрисе мое ожерелье? Она его надела?

— Император ей не позволил, — медленно ответил Криспин.

И увидел, что удивил ее.

— Валерий был там?

— Он там был. И она не опускалась на колени.

У Стилианы было поразительное самообладание. Ее жизнь проходила среди интриг и людей, намного ниже себя. Она слегка улыбнулась.

— Пока нет, — сказала она, тембр ее голоса стал ниже, взгляд прямым. Это была игра. И Криспин это понимал, но совершенно против воли снова почувствовал, как в нем шевельнулось желание.

Он сказал, как можно осторожнее:

— Я не привык, чтобы мне предлагали заняться любовью после столь краткого знакомства, разве только проститутки. Моя госпожа, я вообще-то и их предложений обычно не принимаю.

Она смотрела на него, и у Криспина возникло ощущение, что — возможно, впервые — она затрудняется в оценке находящегося с ней в комнате человека. До этого она стояла. Теперь она опустилась на край постели, рядом с сундуком, на котором он сидел. Ее колени задели его колени, потом слегка отодвинулись.

— Тебе доставило бы удовольствие, — прошептала она, — обращаться со мной, как с проституткой, родианин? Уткнуть меня лицом в подушку, овладеть мною сзади? Держать меня за волосы, пока я буду говорить тебе шокирующие, волнующие слова? Рассказать тебе, что любит делать Леонт? Возможно, это тебя удивит. Ему нравится...

— Нет! — хрипло и с некоторым отчаянием воскликнул Криспин. — Что все это значит? Тебя забавляет игра в распутницу? Ты бродишь по улицам, заманивая любовников? В этой гостинице есть и другие комнаты.

Выражение ее лица невозможно было прочесть. Он надеялся, что туника скрывает свидетельство его возбуждения. Но не смел опустить глаза, чтобы проверить.

Она ответила:

— Он спрашивает, что все это значит. Я считала тебя умным, родианин. В тронном зале ты проявил некоторые признаки ума. Или ты отупел от усталости? Не можешь догадаться, что в этом городе есть люди, которые считают вторжение в Батиару губительным безумием? Которые могли предположить, что ты, будучи родианином, можешь разделять эти убеждения и испытывать желание спасти свою семью и свою страну от последствий вторжения?

Эти слова были похожи на кинжалы, острые и точные, как боевое оружие, в своей прямоте. Тем же тоном она прибавила:

— Прежде чем ты безнадежно запутаешься в сетях актрисы и ее мужа, имело смысл оценить тебя.

Криспин провел ладонью по глазам и по лбу. Она все же дала ему частичное объяснение. Новый прилив гнева прогнал усталость.

— Ты ложишься в постель со всеми, кого хочешь привлечь на свою сторону? — холодно глядя на нее, спросил он.

Она покачала головой:

— Тебе не хватает учтивости, родианин. Я ложусь там, куда приводит меня желание. — Криспина не тронул ее упрек. «Она говорит, — подумал он, — с безграничной уверенностью человека, никогда не сдерживавшего своих желаний». «Актриса и ее муж».

— И строишь заговор, чтобы сорвать планы своего императора?

— Он убил моего отца, — напрямик ответила Стилиана Далейна, сидя на его постели. Светлые волосы обрамляли ее тонкое лицо патрицианки. — Сжег «его сарантийским огнем».

— Старый слух, — сказал Криспин, но он был потрясен и пытался скрыть это. — Зачем ты мне рассказываешь?

Она совершенно неожиданно улыбнулась.

— Чтобы возбудить тебя?

И ему пришлось рассмеяться. Как он ни пытался сдержаться, непринужденная смена тона, ее шутка оказались слишком остроумными.

— Боюсь, жертвоприношение меня не возбуждает. Если я

правильно понял, верховный стратиг разделяет мнение, что не следует вести войну с Батиарой? Это он послал тебя сюда?

Она заморгала:

— Ничего подобного. Леонт сделает то, что скажет ему Валерий. Он вторгнется к вам, как вторгся в пустыню маджритов или в северные степи или как осаждал города бассанидов на востоке.

— И все это время его молодая, любимая жена будет действовать против него?

Она впервые заколебалась.

— Его новый приз, вот нужное тебе выражение, родианин. Открой глаза и уши, есть вещи, которые тебе следует узнать перед тем, как Петр Тракезиец и его маленькая танцовщица примут тебя к себе на службу.

В ее аристократическом голосе звучало неприкрытое презрение. Криспин понял, что у нее не было выбора в вопросе о браке. Однако стратиг молод, знаменит, он был победителем и неоспоримо красивым мужчиной. Криспин смотрел на женщину, сидящую рядом с ним в этой комнате, и у него возникло ощущение, что он вошел в темную воду с невообразимо сложными течениями, которые пытаются затянуть его вниз. Он сказал:

— Я всего лишь мозаичник, моя госпожа. Меня привезли сюда, чтобы помочь создать картины на стенах и куполе святилища.

— Расскажи мне, — ответила Стилиана Далейна, словно он ничего не говорил, — о царице антов. Она тоже предлагала тебе свое тело в обмен на услугу? Ты сейчас пресытился из-за этого? Я пришла слишком поздно и не привлекаю тебя? Ты отвергаешь меня, как менее ценный товар? Мне следует зарыдать?

Темные воды закружились. Это должно быть блефом, догадкой. Эта тайная встреча поздней ночью не может быть настолько широко известна. Криспина посетило воспоминание: другая рука в его волосах, когда он опустился на колени, чтобы поцеловать протянутую ступню. Другая женщина, еще моложе этой, также знакомая с коридорами власти и интригами. Или, возможно... нет. Запад и восток. Может ли Варена когда-нибудь достичь коварства Сарантия? Или любой другой город мира?

Он покачал головой.

— Мне неведомы мысли или... милости правителей нашего мира. Эта встреча в моем жизненном опыте уникальна, моя гос-

пожа. — Это была ложь, и все же, когда он смотрел на нее сквозь полосы света и тьмы, падающие из щелей в ставнях, это была совсем не ложь.

Снова улыбка, уверенная, сбивающая с толку. «Кажется, — подумал Кай, — Стилиана способна переходить от имперских интриг к интригам спален без паузы».

— Как мило, — произнесла она. — Мне нравится быть уникальной. И все же ты понимаешь, что для дамы унизительно предлагать себя и получить отказ? Я тебе сказала, я ложусь в постель там, куда приводит меня удовольствие, а не необходимость. — Она помолчала. — Или скорее там, куда притягивает меня необходимость другого рода.

Криспин сглотнул. Он не верил ей, но ее колено под простой синей одеждой находилось на расстоянии ладони от его колена. Он отчаянно цеплялся за свой гнев, за ощущение, что его используют.

— Гордого человека унижает, когда его считают фигурой в игре.

Ее брови быстро выгнулись дугой, а тон снова изменился.

— Но ты и есть фигура, глупец. Конечно, фигура. Гордость не имеет к этому никакого отношения. Все при дворе имеют гордость, и все — фигуры в игре. Во многих играх сразу — одни игры связаны с убийством, другие — со страстью, — но лишь одна игра имеет значение в конечном счете, а все другие — лишь часть ее.

Что, наверное, и было ответом на его мысль. Ее колено прикоснулось к его колену. Намеренно. В этой женщине не было ничего случайного, в этом он был уверен. «Другие — со страстью».

— Почему ты считаешь себя не таким, как все? — тихо прибавила Стилиана Далейна.

— Потому что я не желаю быть им, — ответил он, удивив себя.

— Ты становишься интересным, родианин, должна признать, но это почти наверняка самообман. Я подозреваю, что актриса уже очаровала тебя, а ты даже не знаешь об этом. Наверное, я и правда заплачу. — Выражение ее лица изменилось, но никаких слез не было видно. Она внезапно встала, в три шага пересекла комнату и оказалась у двери, а там обернулась.

Криспин тоже встал. Теперь, когда она отошла от него, он ощутил хаос эмоций: страх, сожаление, любопытство, пугающей силы желание. Он так долго не испытывал желания! Под его взглядом она снова набросила капюшон, пряча рассыпавшееся золото волос.

— Я также пришла поблагодарить тебя за драгоценный камень, конечно. Это был... интересный жест. Меня нетрудно найти, художник, если у тебя появятся какие-нибудь мысли насчет твоего дома и о перспективах войны. Скоро тебе станет ясно, полагаю, что человек, который призвал тебя сюда, чтобы создать для него святые образы, также намеревается применить насилие к Батиаре исключительно ради собственной славы.

Криспин кашлянул.

— Рад узнать, что ты сочла мой скромный дар достойным благодарности. — Он помолчал. — Я всего лишь художник, моя госпожа.

Она покачала головой, выражение ее лица снова стало холодным.

— Это в тебе говорит трус, который прячется от правды жизни, родианин.

Ее ум вызывал восхищение. Как недавно ум императрицы. У Кая мелькнула мысль, что если бы он не познакомился сначала с Аликсаной, то не смог бы защититься от этой женщины. Стилиана Далейна, в конце концов, могла быть права. Интересно, подумала ли об этом императрица. Может быть, он именно поэтому сразу же получил приглашение в Траверситовый дворец. Неужели эти женщины так быстро соображают и столь коварны? У него болела голова.

— Я пробыл здесь два дня, моя госпожа, и сегодня не спал. Ты настраиваешь меня против императора, который пригласил меня в Сарантий, и даже против твоего мужа, если я правильно понял. Разве меня можно подкупить женскими волосами на моей подушке на одну ночь или утро? — Он заколебался. — Даже твоими.

Ответом на это стала улыбка, загадочная и соблазнительная.

— Это бывает, — прошептала она. — Иногда это длиннее, чем ночь... длиннее, чем обычная ночь. Время движется странно при некоторых обстоятельствах. Ты никогда этого не замечал, Кай Криспин?

Он не посмел ответить. Но она и не ждала ответа. Сказала:

— Можем продолжить этот разговор в другой раз. — Она помолчала. Ему показалось, что она борется с чем-то. Потом

она прибавила: — Насчет твоих мозаик. Купола и стены? Не слишком... увлекайся своей работой здесь, родианин. Я говорю это из добрых побуждений, вероятно, мне не следовало этого делать. Это проявление слабости.

Он шагнул к ней. Она подняла руку.

— Никаких вопросов.

Он остановился. Она стояла в его комнате, словно воплощение ледяной, далекой красоты. Но она не была далекой. Ее язык касался его языка, ее руки, скользящие вниз...

И эта женщина, кажется, умела читать его мысли. Она снова улыбнулась.

— Теперь ты взволнован? Заинтригован? Тебе нравится, когда женщина проявляет слабость, родианин? Мне следует это запомнить и подушку тоже?

Он вспыхнул, но встретил ее насмешливый взгляд.

— Мне нравятся люди, которые немного приоткрывают... самих себя. Нерасчетливые. Движения вне тех игр, о которых ты упоминала. Да, это меня привлекает.

Теперь настала ее очередь промолчать, стоя неподвижно возле двери. Солнечный свет, скользящий сквозь ставни, падал полосами бледного утреннего золота на стену, на пол и на ее синее платье.

Наконец она сказала:

— Боюсь, что этого нельзя ожидать в Сарантии. — Похоже, она собиралась что-то прибавить, но затем покачала головой и только прошептала: — Ложись спать, родианин.

Она открыла дверь, вышла, закрыла ее и исчезла, остался лишь аромат, легкий беспорядок на постели и большой беспорядок в душе Криспа.

Он рухнул на кровать в одежде. Лежал с открытыми глазами, сперва ни о чем не думая, потом думал о высоких, величественных стенах с мраморными колоннами поверх мраморных колонн, о подавляющем, грациозном размахе купола, который отдали ему, а потом он долго думал о некоторых женщинах, живых и мертвых, а потом закрыл глаза и уснул.

Тем не менее, пока солнце вставало за окном и освещало ветреное, ясное, осеннее утро, ему приснился сон. Сначала снился «зубир», заслонивший собой время и мир в тумане, а затем только одна женщина.

* * *

— Да будет Свет для нас, — пел Варгос вместе со всеми в маленькой церкви по соседству. Служба приближалась к концу. Клирик в своей бледно-желтой одежде поднял две руки в жесте солнечного благословения, который был принят в Городе, а затем люди снова начали разговаривать и быстро устремились к выходу на утреннюю улицу.

Варгос вышел вместе с ними и несколько секунд постоял, моргая от яркого света. Ночной ветер сдул прочь облака; день обещал быть хоть и холодным, но ясным. Женщина, держащая на бедре маленького мальчика, а на плече кувшин с водой, улыбнулась ему, проходя мимо. Однорукий нищий приближался к нему сквозь толпу, но сменил курс, когда Варгос покачал головой. В Сарантии достаточно нуждающихся, нечего подавать милостыню человеку, которому отрубили руку за воровство. Варгос придерживался твердых убеждений на этот счет.

Он не был бедным. Накопленные сбережения и задолженность по жалованью, которые ему нехотя вернул начальник имперской почтовой службы перед тем, как они покинули Саврадию благодаря вмешательству центуриона Карулла, позволяли Варгосу купить еду, зимний плащ, женщину, флягу эля или вина.

Собственно говоря, он проголодался. Он не позавтракал в гостинице перед молитвой, и запах ягненка, жарящегося на решетке на открытом воздухе через дорогу, напомнил ему об этом. Он пересек улицу, пропустив тележку с дровами и стайку хихикающих служанок, направляющихся к колодцу в конце переулка, и купил за медную монету вертел с мясом. Поел, стоя и рассматривая других клиентов маленького, худого торговца — из Сорийи или Амории, судя по цвету его кожи, — пока они наскоро перекусывали, торопясь туда, куда им было нужно. Маленький торговец трудился в поте лица. Люди в Городе двигаются быстро, к такому заключению пришел Варгос. Ему совсем не нравились толпы и шум, но он находился здесь по собственному выбору, и в свое время он приспособился к еще более трудным вещам.

Варгос покончил с мясом, вытер подбородок, бросил вертел в кучу рядом с жаровней торговца. Затем расправил плечи, глубоко вздохнул и зашагал прочь, к гавани, искать убийцу.

Слух о нападении дошел до постоялого двора из лагеря Си-

них ночью, пока Варгос спал в неведении. Он чувствовал себя виноватым, хоть и понимал, что это чувство ничем не обосновано. Он узнал о ночных событиях от троих солдат, спустившись вниз на рассвете, когда зазвонили колокола: на Криспина напали, трибун ранен. Ферикс и Сигер погибли. Шесть нападавших убиты трибуном и людьми из факции Синих, в их лагере. Никто не знает, кто заказал это нападение. Люди городского префекта ведут расследование, сказали ему. Люди редко разговаривают с ними откровенно, сказали ему. Солдат слишком легко нанять на подобное дело. Возможно, больше ничего не удастся узнать — до следующего нападения. Варгос видел, что люди Карулла взяли с собой оружие.

Криспин и трибун еще не вернулись, сказали они. Однако они оба находятся у Синих, в безопасности. Провели там ночь. Колокола все еще звонили. Варгос отправился в маленькую церковь дальше по улице — никто из солдат с ним не пошел — и сосредоточился на мыслях о боге, помолился за души двоих убитых солдат, чтобы они нашли убежище в Свете.

Теперь с молитвами было покончено, и Варгос из племени иниции, добровольно связавший себя с родианским художником за его милосердный и мужественный поступок, ходивший с ним в Древнюю Чащу и покинувший ее живым, отправился на поиски того, кто желал Криспину смерти. Иниции — непримиримые враги, и, кем бы ни был этот человек, у него теперь появился враг.

Варгос не мог этого знать — и ему бы не понравилось такое сравнение, — но в тот момент он был очень похож на своего отца, когда шагал по середине улицы. Люди быстро уступали ему дорогу. Даже всадник на муле поспешно убрался с его пути. Варгос этого даже не заметил. Он думал.

Он не сказал бы, что умеет строить планы. Скорее он реагировал на события, а не предвидел и не вызывал их. На имперской дороге в Савралии не было особой необходимости что-то продумывать заранее, когда он ходил по ней взад и вперед долгие годы с разными путешественниками. Требовалась выносливость, приветливость, сила, некоторые навыки обращения с повозками и животными, умение владеть боевым посохом, вера в Джада.

Из всего этого, возможно, только последнее могло пригодиться для поисков того, кто нанял этих солдат. Варгос, за неимением лучшей идеи, решил направиться в гавань и потратить

несколько монет в какой-нибудь подозрительной таверне. Возможно, он что-то услышит, или кто-нибудь предложит купить сведения. Посетители там рабы, слуги, подмастерья, солдаты, стремящиеся заработать пару медных фоллов. Кружка-другая их обрадует. Ему пришло в голову, что это может быть опасным. Но не пришло в голову из-за этого изменить свой план.

Миновала лишь часть утра, а он уже убедился, что Сарантий похож на север или на имперскую дорогу по крайней мере в одном: люди в тавернах не были склонны отвечать на вопросы, задаваемые незнакомыми людьми, если речь шла о насилии или о том, чтобы поделиться информацией.

Никто в этом опасном районе не хотел указывать на кого-то другого, а Варгос не так свободно владел речью и не был достаточно хитрым, чтобы незаметно подвести человека к разговору о происшествии вчерашней ночью в лагере Синих. Кажется, все о нем знали — вооруженные солдаты ворвались в лагерь факции и там были убиты, событие заметное даже в этом порочном городе, — но все соглашались говорить только о самом очевидном. На Варгоса бросали мрачные взгляды и замолкали, если он настаивал. Шесть погибших солдат приехали в отпуск из Кализия: они охраняли там границу с бассанидами. Они пили по всему городу несколько дней, тратили взятые в долг деньги. Так поступают почти все солдаты. Это всем известно. Вопрос в том, кто их подкупил, а этого никто не знал или не хотел говорить.

Люди префекта уже появлялись в этом районе, как понял Варгос. Он начал подозревать, после того как кто-то нарочно перевернул его эль в одном баре для моряков, что они узнали так же мало, как и он. Он не боялся ввязаться в драку, но это ничего бы не дало. Он ничего не сказал, заплатил за пролитый эль и пошел дальше под ярким полуденным солнцем.

Он шел по очередному извилистому переулку, направляясь к шумной береговой линии, где на холодном ветру раскачивались мачты кораблей, когда ему была послана одна мысль вместе с воспоминанием об армейском лагере Карулла.

Так он это потом описывал и себе и другим. Ему была послана мысль. Словно она пришла к нему извне, пугающая своей неожиданностью. Он приписал ее богу и оставил в тайне свое воспоминание о той роще в Древней Чаще.

Варгос спросил дорогу у двух подмастерьев, вытерпел их ухмылки по поводу своего акцента и послушно свернул к стенам со стороны суши. Дорога через большой город была долгой, но

мальчики оказались честными и не обманули, и в конце концов Варгос увидел вывеску «Отдых курьера». То, что эта гостиница находится возле тройных стен, имело смысл: с этой стороны в Город въезжали имперские курьеры.

Он уже давно слышал об этой гостинице. Разные курьеры приглашали его туда, если ему случится бывать в Городе, чтобы вместе распить с ними бутылку-другую-третью. Когда он был помоложе, он понимал, что выпить с некоторыми из них означает подняться потом наверх, чтобы уединиться, а это его никогда не привлекало. Когда он стал старше, эти приглашения потеряли этот подтекст и просто означали, что он полезный и приятный собутыльник для тех, кто постоянно терпит лишения в дороге.

Варгос задержался на пороге прежде, чем вошел, его глаза медленно привыкали к закрытым ставням и отсутствию света. Первая часть его новой мысли была не особенно сложной: опыт, приобретенный этим утром, подсказывал, что у него больше шансов узнать что-либо у того, кто с ним знаком, чем продолжая задавать вопросы мрачным незнакомцам у гавани. Варгосу пришлось признать, что он и сам не стал бы отвечать на такие вопросы. Ни людям городского префекта, ни любопытному иницию, новичку в городе.

Более глубокая мысль — та, что была ему послана на улице, — заключалась в том, что теперь он искал конкретного человека и считал, что может найти его здесь или узнать о нем что-нибудь.

«Отдых курьера» был довольно большой гостиницей, но в такой час народу в нем оказалось немного. Несколько человек доедали позднюю полуденную трапезу, сидя за столами поодиночке или парами. Человек за каменной стойкой посмотрел на Варгоса и вежливо кивнул. Это не таверна; он ушел очень далеко от гавани. Здесь можно ожидать любезного обхождения.

— Дать пинка в задницу этому варвару, — произнес кто-то в полумраке. — Что он здесь делает?

Варгос вздрогнул, не в силах сдержаться. Страх, бесспорно, но также и нечто другое. В тот момент он почувствовал, как совсем близко мимо него проскользнула тень полумира, запретное колдовство, примитивная тьма посреди Города в ясный холодный день. «Надо будет еще раз помолиться, — подумал он, — когда это закончится».

Он знал этот голос, помнил его.

— Он выпьет или поест, если захочет, ты, пьяное дерьмо. А что ты тут делаешь, позволь спросить? — Человек, подающий еду и питье, сердито посмотрел из-за стойки на темную фигуру.

— Что я здесь делаю? Это была моя гостиница с тех пор, как я поступил на почту!

— А теперь ты не служащий почты. Заметь, я не вышвырнул тебя вон. А у меня руки чесались! Так что следи за своим грязным языком, Тилитик.

Варгос никогда не говорил, что быстро соображает. Ему необходимо было... разобраться. Даже после того, как он услышал знакомый голос, а затем подтверждающее его догадку имя, он подошел к стойке, заказал чашу вина, разбавил его, заплатил, сделал первый глоток, пока все не улеглось как следует у него в голове и узнанный голос не слился с воспоминанием из армейского лагеря. Он обернулся. Еще раз мысленно вознес благодарственную молитву, а потом заговорил.

Теперь он уже был совершенно уверен в себе.

— Пронобий Тилитик?

— Да пошел ты в задницу, — ответила смутная фигура, сидящая в углу за столиком.

Несколько человек повернулись и посмотрели на этого человека, на их лицах читалось отвращение.

— Я тебя помню, — сказал Варгос. — По Саврадии. Ты — имперский курьер. Я там работал на дороге.

Человек в углу рассмеялся, слишком громко. Он явно был нетрезвым.

— Значит, ты и я, мы оба. Я тоже работал на дороге. На лошади, на женщине. Скакал по дороге. — Он снова рассмеялся.

Варгос кивнул. Теперь он более отчетливо видел в приглушенном свете. Тилитик сидел за столом один, перед ним стояли две бутылки, никакой еды.

— Ты больше не курьер?

Он уже хорошо знал ответ, а также еще кое-что. Святой Джад послал его сюда. По крайней мере, он надеялся, что это Джад.

— Ув-в-волен, — отозвался Тилитик. — Пять дней назад. Последнее жалованье, без уведомления. Ув-в-волен. Просто так. Хочешь выпить, варвар?

— У меня есть выпивка, — ответил Варгос. Теперь он ощущал в себе нечто холодное: гнев, но не такой, к которому он привык. — За что тебя уволили? — Ему надо убедиться.

— Опоздал с доставкой почты, хотя это никого не касается.

— Все это знают, — мрачно заявил другой посетитель. — Ты еще расскажи, как жульничал в больнице, выбросил отправленные с тобой письма и распространял болезнь, раз уж заговорил об этом.

— Иди в задницу, — сказал Пронобий Тилитик. — Будто ты сам никогда не спал с заразной шлюхой? Это все не имело бы значения, если бы родианский извращенец не... — Он замолчал.

— Если бы родианин не — что? — тихо спросил Варгос.

И теперь он действительно испугался, ибо очень трудно было понять, почему бог помог ему в этом деле. Он изо всех сил старался не думать об этом, но все время думал о Древней Чаще о «зубире» и о той птице из кожи и металла, которую Криспин носил на шее и оставил там.

Человек за столом в углу не ответил. Это не имело значения. Варгос оттолкнулся руками от стойки бара и снова вышел на улицу. Огляделся, щурясь на солнце, и увидел одного из людей префекта в коричнево-черной одежде. Он подошел к нему и доложил, что человека, нанявшего солдат, которые убили троих вчера ночью, можно найти за столом справа от двери в «Отдыхе курьера». Варгос назвал себя и сообщил, где его можно найти, если понадобится. Он посмотрел, как молодой чиновник зашел в таверну, а потом отправился назад, к себе в гостиницу. По дороге он остановился у другой церкви, больших размеров, отделанной мрамором и украшенной нарисованными картинами, а также остатками настенной фрески за алтарем, на которой летел Геладикос. Фреска была почти полностью стерта. В полумраке и в тишине между службами он молился перед солнечным диском и алтарем, прося указать ему путь, чтобы выйти из полумира, в который он, по-видимому, проник.

Он хотел молиться «зубиру», какую бы древнюю силу его собственного народа тот ни олицетворял, но в душе Варгос ощущал его пугающее присутствие, огромное и темное. Лес на границе в его детстве.

* * *

Карулл все еще не выходил из своей комнаты, очевидно, лечил сном раны, когда Криспин спустился вниз сразу же после полудня. Он чувствовал себя одуревшим от сна и плохо соображающим, и не только от вина, которое выпил вчера ночью.

Собственно говоря, вино было самой слабой причиной его недомогания. Он пытался обдумать своей больной головой некоторые вещи, которые произошли в двух дворцах, в святилище и потом на улице, а затем переварить то, кого именно он нашел в своей комнате, когда ввалился в нее на рассвете. Возникший в его воображении образ Стилианы Далейны, прекрасной, как икона на эмали, поверг его в еще большее смятение. Он сделал то, что всегда делал в подобных случаях дома. Пошел в бани.

Хозяин гостиницы понимающе посмотрел на хмурое, небритое лицо Криспина и подсказал, куда можно отправиться. Криспин огляделся в поисках Варгоса, но тот также необъяснимым образом отсутствовал. Он пожал плечами и, в дурном настроении, ворча, пошел один, мигая и щурясь в раздражающе ярком свете осеннего дня.

Не совсем один, правда. Двое солдат Карулла пошли с ним, вложив мечи в ножны. Приказ императора действовал с прошлой ночи. Теперь ему придется ходить с охраной. Кто-то желает его смерти. Не другой мозаичник и не та госпожа, если ей можно верить. Он ей верил, но сознавал, что у него нет для этого достаточно веских причин.

По дороге, проходя мимо фасада без окон женского монастыря, он подумал о Касии, а потом отогнал от себя и эту мысль. Не сегодня. Сегодня он не станет принимать никаких важных решений. Однако ей необходима одежда, это он понимал. Подумал о том, чтобы послать одного из солдат на базар купить ей какой-нибудь наряд, пока он моется в бане, и в первый раз в тот день слабо улыбнулся, представив себе одного из людей Карулла, придирчиво выбирающего женскую одежду на уличном прилавке.

Тем не менее одна полезная идея его осенила, и в банях он попросил бумагу и стило. Он отправил гонца с запиской в Императорский квартал к евнухам из ведомства канцлера. Умные люди, которые побрили и нарядили его вчера вечером, лучше других подберут одежду для молодой женщины, только что прибывшей в город. Криспин просил их о помощи. Еще немного подумав, он назначил сумму расходов.

Позже, днем, к Касии, которая сама пыталась справиться с некоторыми неожиданными для нее открытиями, явилась целая группа надушенных евнухов из Императорского квартала в

развевающихся одеждах. Они увели ее с собой и приступили к удивительно захватывающему занятию — приобретению подходящей одежды для жизни в Сарантии. Они шутили и были полны готовности помочь, явно наслаждаясь этим делом и своими собственными непристойно остроумными пререканиями о том, что ей больше идет. У Касии горели щеки, и она даже смеялась во время этой эскапады. Никто из них не поинтересовался, какой будет ее жизнь в Сарантии, что было большим облегчением, потому что она этого не знала.

* * *

В банях Криспина натерли маслом, сделали ему массаж, потерли щетками, а потом он погрузился в блаженство успокаивающего, ароматного, горячего бассейна. Там было несколько других людей, которые тихо беседовали. Знакомое гудение тихих голосов чуть снова не усыпило его. Он освежился, нырнув в прохладный соседний бассейн, затем, завернутый в белую простыню, похожий на призрак, двинулся в парную, где, открыв дверь, увидел сквозь пар полдюжины людей в таких же одеяниях, расположившихся на мраморных скамьях.

Кто-то молча подвинулся, освобождая ему место. Другой человек махнул кому-то рукой, и голый слуга плеснул еще ковшик воды на горячие камни. С шипением взвился пар и еще плотнее окутал маленькую комнату. Криспин прогнал от себя всплывшую в мозгу картину окутанного туманом утра в Саврадии, привалился спиной к стене и закрыл глаза.

Беседа вокруг него текла прерывистая и несвязная. Люди редко вкладывают в беседу много энергии среди обволакивающего жара парной. Легче было уплывать с закрытыми глазами в дрему. Он слышал, как двигались и поднимались одни, другие входили и садились, а более прохладный воздух быстро проникал через открытую дверь; потом жар возвращался. Его тело стало скользким от пота, отяжелело от расслабляющего покоя. Такие бани, как эти, решил Кай, входят в число определяющих достижений современной цивилизации.

«Собственно говоря, — сонно думал он, — здесь туман не имеет ничего общего с холодным туманом полумира в той далекой глуши, в Саврадии». Он снова услышал шипение пара, когда кто-то плеснул еще воды, и усмехнулся про себя. Он в Сарантии, в оке мира, и уже многое началось.

— Мне было бы очень интересно узнать твое мнение по поводу неделимости природы Джада, — тихо произнес чей-то голос.

Криспин даже не открыл глаз. Ему рассказывали о подобных вещах. Говорили, что сарантийцы готовы страстно обсуждать до бесконечности три темы: колесницы, танцы и религию. Торговцы фруктами, предостерегал его Карулл, начнут произносить перед ним речи о скрытом смысле образа бородатого или безбородого Джада; сапожники будут высказывать резкие и твердые суждения насчет последней декларации патриархов о Геладикосе; шлюха захочет узнать его мнение о статусе икон святых великомучеников прежде, чем соблаговолит раздеться.

Поэтому он не удивился, услышав, как хорошо воспитанный мужчина в парной выражается подобным образом. Что его удивило, так это то, что его толкнули ногой в лодыжку, и тот же голос прибавил:

— Поистине неразумно уснуть в парной.

Криспин открыл глаза.

В клубящемся тумане их осталось всего двое. Вопрос о боге был адресован ему.

Задавший его, тоже свободно закутанный в белую простыню, сидел и смотрел на него очень голубыми глазами. У него были великолепные золотистые волосы, точеные черты лица, покрытое шрамами, тренированное тело, и он был верховным стратигом Империи.

Криспин поспешно сел.

— Мой господин! — воскликнул он.

Леонт улыбнулся.

— Удобный случай поговорить, — пробормотал он. И вытер пот со лба краем простыни.

— Это совпадение? — настороженно спросил Криспин.

Его собеседник рассмеялся.

— Едва ли. Город слишком велик для этого. Я подумал, что надо организовать встречу, чтобы узнать твои взгляды по некоторым интересующим меня вопросам.

Его манеры были до крайности учтивыми. Солдаты его любят, говорил Карулл. Готовы умереть за него. И умирали — на полях сражений далеко на западе, в пустынях маджритов, и на дальнем севере, у Карша и Москава.

В нем не было ни капли высокомерия. В отличие от его жены. Но все равно самонадеянная уверенность, с которой

была устроена эта встреча, вызывала протест. Всего несколько мгновений назад в парной находилось, по крайней мере, шесть человек и прислуживающий раб...

— Интересующие вопросы? Например, мое мнение об антах и их готовности к вторжению? — Он понимал, что это слишком резкий ответ и, вероятно, неразумный. С другой стороны, дома всем известен его характер, пускай его узнают и здесь.

Леонт казался просто озадаченным.

— Зачем мне у тебя спрашивать об этом? Ты получил военное образование?

Криспин покачал головой.

Стратиг посмотрел на него.

— Может быть, ты обладаешь сведениями о городских стенах, водных источниках, состоянии дорог, о тропах через горы? Кто из их военачальников применяет необычное построение войск? Сколько стрел их лучники носят в колчанах? Кто командует их флотом в этом году и насколько хорошо он знает гавани?

Леонт внезапно улыбнулся. У него была ослепительная улыбка.

— Не могу представить себе, что ты можешь мне действительно помочь, даже если бы захотел. Даже если такие вещи, как вторжение, планируются. Нет-нет, признаюсь, меня больше интересуют твоя вера и твои взгляды на изображение бога.

Тут одно воспоминание стало на место, словно щелкнул ключ в замке. Раздражение сменилось другим чувством.

— Ты их не одобряешь, если мне позволено будет высказать предположение?

Красивое лицо Леонта осталось невозмутимым.

— Не одобряю. Я разделяю мнение, что создавать святые образы — значит принижать чистоту бога.

— А те, кто почитает их или поклоняется таким образам? — спросил Криспин. Он уже знал ответ. Он уже вел подобные разговоры. Только не потея в парной и не с таким человеком.

Леонт сказал:

— Это, разумеется, идолопоклонство. Возвращение к варварству. А ты что об этом думаешь?

— Людям нужна тропинка к их богу, — тихо ответил Криспин. — Но, признаюсь, я предпочитаю не высказывать свои взгляды по таким вопросам. — Он выдавил из себя улыбку. —

Как ни странно для Сарантия проявлять сдержанность в высказывании своих взглядов насчет веры. Господин мой, я нахожусь здесь по распоряжению императора и буду стараться угодить ему своей работой.

— А партиархам? Им тоже постараешься угодить?

— Человек всегда надеется угодить сильным мира сего, — тихо произнес Криспин. Он вытер краем простыни пот со лба. Сквозь пар, как ему показалось, он заметил, как голубые глаза сверкнули, а губы слегка дрогнули. Леонт все же обладал чувством юмора. Это было некоторым облегчением. Криспин никак не мог прогнать от себя мысль о том, что они здесь одни и что жена этого человека сегодня утром была в комнате у Криспина и сказала... то, что сказала. Он решил, что утренняя встреча не имеет отношения к этой встрече.

Он выдавил из себя еще одну улыбку.

— Если ты находишь меня неподходящим собеседником по военным вопросам — и я понимаю почему, — с чего ты решил, что нам нужно обсуждать мою работу в святилище? Смальту и ее форму? Ты разбираешься в окраске стекла или хочешь больше узнать об этом? О способах его резки? Какого ты мнения о достоинствах и методах размещения смальты под разными углами на известковом основании? У тебя есть свои взгляды на использование гладких камней для изображения человеческого тела?

Стратиг смотрел на него серьезно, без всякого выражения. Криспин помолчал, потом сбавил тон:

— У каждого из нас есть своя область приложения усилий, мой господин. Твоя область имеет гораздо большее значение, по-моему, но моя, может быть, сохранится дольше. Наверное, нам лучше всего беседовать — если ты окажешь мне такую честь — совсем о другом. Ты был вчера на ипподроме?

Леонт слегка изменил позу на своей скамье; его белая простыня сползла на бедра. Свежий шрам тянулся по диагонали от ключицы до талии багровой линией, как шов. Он наклонился и вылил еще один ковш воды на камни. На мгновение пар окутал комнату.

— Сирос не испытывал затруднений, рассказывая нам о своих замыслах и намерениях, — заметил стратиг.

«Нам», — подумал Криспин.

— Как я понял, госпожа ваша супруга ему покровительство-

вала, — пробормотал он. — И я полагаю, он выполнял для вас частный заказ.

— Да, деревья и цветы в мозаике. Для наших супружеских покоев. Олень у ручья, кабаны и охотничьи собаки и тому подобное. Конечно, такие изображения у меня не вызывают вопросов. — Он говорил очень серьезно.

— Конечно. Прекрасная работа, я уверен, — мягко сказал Криспин.

Последовало короткое молчание.

— Откуда мне знать, — ответил Леонт. — Полагаю, она достаточно искусная. — Его зубы опять блеснули в улыбке. — Как ты говоришь, я могу судить об этом не больше, чем ты можешь оценить тактику боя.

— Ты же спишь в этой комнате, — ответил Криспин, противореча собственным аргументам. — И смотришь на мозаику каждую ночь.

— Не каждую, — коротко возразил Леонт. — Я не слишком обращаю внимание на цветы на стенах.

— Но тебя до такой степени волнует бог в святилище, что ты даже организовал эту встречу?

Леонт кивнул головой.

— Это другое. Ты намереваешься создать изображение бога на потолке?

— На куполе. Мне кажется, что именно этого от меня и ожидают, мой господин. Если не будет других указаний императора или патриархов, как ты сказал, я должен буду его создать.

— Ты не боишься запятнать себя ересью?

— Я создавал образы бога с тех пор, как был еще подмастерьем, мой господин. Если это теперь официально признано ересью и перестало быть предметом текущих споров, то никто не сообщил мне об этой перемене. Неужели армия занялась формированием религиозной доктрины? И мы теперь станем обсуждать, как сделать пролом во вражеских стенах при помощи пения молитв Джаду? Или будем запускать в катапультах юродивых?

Кажется, он зашел слишком далеко. Лицо Леонта потемнело.

— Ты дерзок, родианин.

— Надеюсь, что нет, мой господин. Но я хочу указать тебе, что нахожу выбранный тобой предмет беседы нетактичным.

Я не сарантиец, мой господин. Я — гражданин Родиаса, приглашенный сюда в качестве гостя Империи.

Неожиданно для него Леонт снова улыбнулся.

— Совершенно справедливо. Прости меня. Твое появление среди нас вчера ночью было весьма... эффектным, и должен сознаться, я не так беспокоился насчет украшения святилища, зная, что его будет делать Сирос и что моя жена знакома с его идеями. Он задумал картину, на которой не было бы... изображения Джада.

— Понятно, — тихо произнес Криспин.

Это было неожиданностью и позволяло разгадать еще одну часть головоломки.

— Мне говорили, что эта отставка может огорчить госпожу твою жену. Я вижу, что тебя это тоже озаботило, по другим причинам.

Леонт поколебался.

— Я серьезно отношусь к вопросам веры.

Гнев Криспина улетучился. Он сказал:

— Это весьма разумно, мой господин. Мы все — дети бога и должны чтить его... каждый по-своему. — Теперь он ощущал некоторую усталость. Он явился на восток только для того, чтобы хоть немного избавиться от горя и найти утешение в важной работе. Запутанные сложности мира здесь, в Сарантии, окружали его со всех сторон.

Сидящий на противоположной скамье Леонт откинулся назад и не ответил. Через мгновение он протянул руку и постучал в дверь. По этому сигналу ее кто-то распахнул, впустив струю холодного воздуха, затем дверь закрылась. Кажется, только один человек ждал возможности войти. Он прошлепал, припадая на одну ногу, мимо стратига и сел на сиденье напротив Криспина.

— Банщика нет? — проворчал он.

— Ему позволили выйти на несколько минут, чтобы немного охладиться, — вежливо ответил Леонт. — Он должен вот-вот вернуться, или придет другой. Плеснуть для тебя воды?

— Давай, — равнодушно ответил пришедший.

«Очевидно, — подумал Криспин, — он представления не имеет о том, кто только что вызвался заменить для него банщика». Леонт взял ковшик, опустил его в кадку и плеснул водой на горячие камни, раз, потом второй. Зашипел и затрещал пар. Волна влажного жара накатила на Криспина, словно нечто ося-

заемое, вызвала стеснение в груди, перед глазами все расплылось.

Он угрюмо посмотрел на стратига.

— Вторая профессия?

Леонт рассмеялся.

— Менее опасная. Но и менее прибыльная, заметь. Я вынужден оставить тебя отдыхать здесь. Надеюсь, ты как-нибудь зайдешь поужинать? Моя жена получит удовольствие от беседы с тобой. Она... коллекционирует умных людей.

— Меня еще никогда не коллекционировали, — пробормотал Криспин.

Третий человек сидел молча, не обращая на них внимания, плотно завернувшись в простыню. Леонт бросил на него быстрый взгляд, потом встал. В маленькой комнатке он казался даже выше ростом, чем во дворце прошлой ночью. У него на спине виднелись еще шрамы, и перекатывались бугры мышц. У двери он обернулся.

— Оружие сюда приносить запрещено, — мрачно произнес он. — Если ты отдашь тот клинок, что у тебя под ступней, то будешь виновен лишь в незначительном нарушении закона. Если нет, суд приговорит тебя к отсечению руки или к чему-нибудь похуже, после того как я дам свидетельские показания в суде.

Криспин моргнул. А потом стал действовать очень быстро.

Ему пришлось действовать быстро. Человек на скамье напротив оскалился и выхватил из-под подошвы левой ноги тонкое, как бумага, лезвие. Он держал его умело, повернув тыльную сторону ладони вверх, и сделал выпад прямо в сторону Криспина, без предупреждения, без вызова.

Леонт стоял неподвижно у двери и наблюдал с бесстрастным интересом.

Криспин качнулся в сторону, стаскивая простыню с плеча, чтобы набросить ее на приближающийся клинок. Человек напротив яростно выругался. Он распорол простыню ножом снизу вверх, стараясь освободить нож, но Криспин вскочил со скамьи и одновременно обмотал большую простыню одним движением, словно могильный саван, вокруг рук и торса нападающего. Не раздумывая — не успевая подумать, — но чувствуя в груди огромную, удушливую ярость, он изо всех сил ударил противника локтем в висок. Услышал сдавленный стон. Нож упал на пол с тонким звоном. Криспин развернулся, чтобы сохранить равновесие, затем размахнулся, левой рукой описал

дугу и обрушил кулак прямо на лицо противника. Почувствовал, как зубы у того рассыпались мелкими камушками, услышал хруст кости и застонал от боли в собственной руке.

Человек упал на колени и слабо закашлял. Прежде чем он успел подобрать оброненный нож, Криспин два раза ударил его ногой по ребрам, а потом, когда нападавший боком сполз на мокрый пол, нанес удар в голову. Человек лег и больше не двигался.

Криспин, тяжело дыша, рухнул, обнаженный, на каменную скамью. Пот лил с него ручьями, он стал скользким от пота. Закрыл глаза, потом снова открыл их. Сердце его бешено билось. Он посмотрел на Леонта, который все так же неподвижно стоял у двери.

— Так мило... с твоей стороны... что помог мне, — задыхаясь, произнес Криспин. Его левая рука уже начала опухать. Он гневно смотрел на собеседника сквозь клубящийся туман влажного жара.

Золотоволосый воин улыбнулся. Все его идеально сложенное тело блестело, покрытое тонкой пленкой пота.

— Мужчине важно уметь себя защитить. И приятно узнать, что ты это умеешь. Разве ты не чувствуешь себя лучше, справившись с ним самостоятельно?

Криспин постарался унять дыхание. Он сердито покачал головой. Пот заливал ему глаза. На каменном полу образовалась лужица крови, пропитывая белую простыню, в которой запутался лежащий человек.

— Ты должен так чувствовать, — серьезно сказал Леонт. — Немаловажно уметь защитить самого себя и тех, кого ты любишь.

— Пошел ты! Скажи это чумным язвам, — огрызнулся Криспин. Его тошнило, он изо всех сил старался взять себя в руки.

— Помилуй! Ты не можешь так со мной разговаривать, — мягко удивился стратиг. — Ты ведь знаешь, кто я такой. Кроме того, я пригласил тебя к себе домой... ты не должен так со мной разговаривать. — Он говорил так, будто Криспин нарушил правила поведения, нормы цивилизованного протокола. Это могло бы быть смешно, подумал Криспин, если бы его так сильно не тошнило в этой удушающей, влажной жаре, а темная кровь незнакомца не продолжала бы пропитывать белую простыню у его ног.

— Что ты собираешься со мной сделать? — прохрипел Криспин сквозь сжатые зубы. — Убьешь скрытым клинком? Пошлешь жену отравить меня?

Леонт благодушно рассмеялся.

— У меня нет причин убивать тебя. А репутация Стилианы гораздо хуже, чем ее характер. Увидишь, когда придешь к нам на ужин. А пока лучше тебе выйти из этой жары. И ты можешь гордиться: этот человек наверняка расскажет, кто его нанял. Мои люди доставят его к префекту. Он очень хорошо умеет допрашивать. Ты сам разгадал загадку прошлой ночи, художник. Ценой всего лишь ушибленной руки. Тебе следует испытывать удовлетворение.

«Пошел ты», — чуть было снова не ответил Криспин, но сдержался. «Загадка прошлой ночи». Кажется, всем уже известно о нападении. Он посмотрел на высокого командующего всеми армиями Сарантия. Насмешливый взор Леонта встретился с его взглядом сквозь клубы пара.

— Это и есть то, что приносит тебе удовлетворение? — с горечью спросил Криспин. — Забить человека до потери сознания, убить его? Так должен поступать мужчина, чтобы оправдать свое место в мире, сотворенном Джадом?

Леонт секунду молчал.

— Ты его не убил. Мир, сотворенный Джадом, — это опасное место, где смертным не хватает воздуха, художник. Скажи мне, как долго просуществовали славные достижения Родиаса после того, как вы не смогли защитить их от антов?

Конечно, они превратились в руины. Криспин это знал. Он видел обгоревшие остатки мозаик, полюбоваться которыми некогда съезжались со всего мира и превозносили их до небес.

Леонт прибавил по-прежнему мягко:

— Я был бы жалким существом, если бы ценил только кровопролитие и войну. Да, я выбрал этот мир, и я бы хотел оставить после себя гордое имя, но я считаю, что человек заслуживает почета, если служит своему Городу и императору, растит детей и убеждает свою жену выполнять те же обязанности.

Криспин подумал о Стилиане Далейне. «Я ложусь там, куда приводит меня желание». Он прогнал от себя эту мысль. И сказал:

— А прекрасные вещи? Те, что отличают нас от иниции с их жертвоприношениями или от каршитов, пьющих медвежью кровь и покрывающих шрамами лица? Или нас от них отличает

только лучшее оружие и тактика? — По правде говоря, Криспин слишком ослабел и уже не испытывал подлинного гнева. Ему пришло в голову, что мозаичники — да и все художники — никогда не оставляют после себя имен, гордых или иных. Это удел людей, которые машут мечами или топорами, которые могут одним взмахом отделить голову от тела. Он хотел это сказать, но не сказал.

— Красота — это роскошь, родианин. Ей нужны стены и... да, лучшее оружие и тактика. То, что делаешь ты, зависит от того, что делаю я. — Леонт помолчал. — Или от того, что ты только что сделал с этим человеком, который мог бы убить тебя. Какие мозаики ты бы сотворил, если бы умер на полу парной? Какие произведения сохранились бы здесь, если бы Робаз, командующий армиями бассанидов, завоевал нас для Царя Царей? Или если бы нас покорили северяне, опьяневшие от медвежьей крови? Или какая-то другая сила, другая вера, какой-то враг, о котором мы даже еще не знаем? — Леонт снова вытер пот с глаз. — Тому, что мы строим, — даже святилищу императора, — постоянно грозит опасность, и его нужно охранять.

Криспин смотрел на него. Ему не хотелось все это слушать.

— А солдаты слишком долго ждут свое жалованье? Из-за святилища? Как же шлюхи Империи зарабатывают себе на жизнь? — с горечью спросил он.

Леонт нахмурился. И несколько мгновений смотрел на Криспина сквозь туман.

— Мне надо идти. Мои стражники разберутся с этим парнем. Мне очень жаль, — прибавил он, — что чума унесла твоих близких. Но в конце концов человек оставляет позади свои потери.

Он открыл дверь и вышел, прежде чем Криспин мог ответить хоть на одно из его замечаний.

Криспин покинул бани несколько позже. Банщики в холодной комнате морщились и щелкали языками над его распухшей рукой и настояли, чтобы он опустил ее в воду, пока не придет вызванный лекарь. Лекарь, бормоча нечто ободряющее, втягивал с присвистом воздух, ощупывая его руку, но убедился, что внутри ничего не сломано. Он рекомендовал сделать кровопускание из правого бедра, чтобы предотвратить скопление плохой крови вокруг ушиба, но Криспин отказался. Лекарь, качая го-

ловой по поводу невежества некоторых пациентов, оставил микстуру из трав, которую следовало подмешивать в вино, чтобы рука не болела. Криспин ему за нее заплатил.

Он решил микстуру не пить, но нашел место в винном зале бани и опустошил бутылку светлого вина. Он уже почти решил, что у него нет ни малейшей надежды разобраться в том, что только что произошло. Боль была тупой и постоянной, но терпимой. Человека, которого он так зверски избил, забрала, как и было обещано, личная охрана стратига. Двое солдат Карулла побледнели, как полотно, когда узнали, что случилось, но они ничего бы не могли поделать, разве только следовали бы за ним по пятам от бассейна к бассейну и в парную.

Собственно говоря, вынужден был признать Криспин, он чувствовал себя в целом неплохо. Нельзя отрицать, что он испытывал облегчение, так как уцелел после еще одного нападения, и была вероятность, что преступник выдаст заказчика этих покушений. Было правдой даже то — хотя ему и не хотелось это признавать, — что Леонт не ошибся, Криспину принес определенное удовлетворение тот факт, что он сам справился с нападавшим.

Криспин рассеянно потер подбородок, потом повторил этот жест и сделал невеселый вывод. Он спросил у служащего дорогу и, прихватив с собой чашу вина, мужественно отправился в соседнюю комнату. Подождал на скамье, пока обслужат двух других мужчин, затем мрачно уселся на табуретку к брадобрею.

Надушенная простыня, повязанная вокруг шеи, сильно напоминала по ощущению веревку убийцы. И ему придется делать это каждый день. «Весьма вероятно, — подумал Криспин, — что какой-нибудь брадобрей в Городе случайно перережет мне глотку, рассказывая анекдот ожидающим клиентам. Тот, кто платит убийцам, просто зря тратит деньги; все сделают за него». Ему очень хотелось, чтобы этот человек не подчеркивал свое остроумие, размахивая бритвой. Криспин закрыл глаза.

Тем не менее он получил всего несколько небольших порезов и вовремя успел отказаться от предложенных духов. Криспин чувствовал удивительный прилив энергии, оживление, готовность приступить к работе над своим куполом в святилище. В мыслях это был уже его купол, как он с грустью осознал. Стилиана Далейна высказала по этому поводу предостережение,

вспомнил он, но какой художник, если он хоть чего-нибудь стоит, обратит на него внимание?

Ему необходимо снова увидеть святилище. Он решил пойти в ту сторону прежде, чем вернется в гостиницу. «Интересно, — подумал он, — там ли Артибас; наверное, там. Этот человек практически живет в своем здании, как сказал император». Криспин подозревал, что он в конце концов станет таким же. Ему хотелось поговорить с архитектором насчет известкового основания для своих мозаик. Надо будет найти стекольные мастерские Сарантия, а потом заняться оценкой — и, возможно, заменить частично бригаду мастеров и подмастерьев, набранную Сиросом. Надо будет изучить правила гильдий и придерживаться их. И ему надо начать делать наброски. Нет смысла носить в голове идеи, если их никто не видит. Нужно получить одобрение. Некоторые вещи он уже решил не вносить в рисунки. Не обязательно всем знать каждую его идею.

Работы предстоит очень много. Ведь он здесь именно поэтому, в конце концов. Он согнул руку. Она распухла, но с ней все будет в порядке. Он поблагодарил Джада за инстинкт, который заставил его пустить в ход левый кулак. Здоровая рука для мозаичника — это его жизнь.

Выходя из бани, он остановился у мраморной стойки в фойе. И чисто импульсивно спросил у служащего насчет адреса, который получил давным-давно. Оказалось, что это место недалеко. Он почему-то так и думал. Это был приличный район.

Криспин решил нанести визит. Выполнить свой долг. Покончить с этим, сказал он себе, пока работа не затянула его, как это бывало всегда. Потирая свой гладкий подбородок, он вышел из бань на свет вечернего солнца.

Двое мрачных солдат решительно шагали за ним, Каем Криспином Варенским, по направлению к дому и улице, указанным на оторванном кусочке пергамента, который ему дали в деревенском доме недалеко от Варены. В конце концов, свернув с красивой площади на широкую улицу с великолепными каменными домами по обеим сторонам, он поднялся по ступенькам крытого портика и решительно постучал в дверь здоровой рукой.

Он еще не решил, что скажет, что может сказать. Может возникнуть некоторая неловкость. Ожидая появления служанки, Криспин оглядывался по сторонам. На мраморной плинфе

у двери стоял бюст великомученицы Эладии, покровительницы дев. Учитывая то, что он слышал раньше, Кай заподозрил, что она поставлена здесь в насмешку. На улице было тихо; он и двое солдат были единственными людьми, не считая юноши, который чистил кобылу, привязанную неподалеку. Дома выглядели ухоженными и вполне процветающими. На стенах фасада и на портиках установлены факелы, обещая освещение и безопасность после наступления темноты.

Можно было, стоя среди этих гладких фасадов, представить себе более спокойную жизнь в Сарантии, чем те полные насилия хитросплетения, с которыми он до сих пор сталкивался. Криспин поймал себя на том, что представляет себе фрески нежных полутонов внутри пропорционально размещенных комнат, слоновую кость, алебастр, хорошо выточенные деревянные табуреты, шкафы и скамьи, хорошее вино, свечи в серебряных подсвечниках, возможно, бережно хранимый манускрипт древних, который читают у огня зимой или в тиши внутреннего дворика среди летних цветов и жужжания пчел. Предметы цивилизованной жизни в городе, который был центром мира за своими тройными стенами и под охраной моря. Черные леса Саврадии казались бесконечно далекими.

Он повернулся, готовый назвать свое имя и попросить доложить о себе. И увидел на пороге стройную женщину, одетую в красное, черноволосую, темноглазую, тонкокостную. Он едва успел все это заметить и осознать, что это не служанка, как женщина вскрикнула, бросилась к нему в объятия и начала целовать с жадной страстью. Ее пальцы вцепились ему в волосы, пригибая вниз его голову. Не успел он как-то разумно среагировать, под изумленными взглядами солдат, которые смотрели на них с открытым ртом, как ее губы прижались к его уху. Криспин ощутил ее язык, затем услышал ее яростный шепот:

— Во имя Джада, сделай вид, что мы любовники, умоляю тебя! Ты не пожалеешь, обещаю!

— *Что ты делаешь?* — услышал Криспин ошеломляюще знакомый голос, раздавшийся ниоткуда. Сердце его подпрыгнуло. Он ахнул от изумления, затем рот женщины снова накрыл его губы. Его здоровая рука поднялась — послушно или невольно, он не мог понять, — и обняла ее, пока она целовала его, будто потерянную и вновь найденную любовь.

— *О, нет!* — услышал он внутри себя голос: ужасно знакомый голос, но тон его был новым, печальным. — *Нет, нет, нет!*

Это не получится! Ты добьешься только, что его изобьют или убьют, кем бы он ни был.

В этот момент некто, стоящий в прихожей дома, за спиной у женщины в объятиях Криспина, откашлялся.

Женщина в красной тунике до колен оторвалась от родианина, словно с превеликой неохотой, и после этого Криспин испытал еще один шок: он с опозданием понял, что ему знаком запах ее духов. Это был аромат, который, по слухам, могла использовать лишь одна женщина в Городе. А эта женщина явно не была императрицей Аликсаной.

Эта женщина — разве что его ввели в большое заблуждение, — Ширин, главная танцовщица факции Зеленых, прославленный предмет страстного желания, по крайней мере, одного юного аристократа, которого Криспин встретил вчера в таверне, а также, весьма вероятно, еще очень многих других людей, и молодых, и не очень. И еще она — дочь Зотика из Варены.

А тот скорбный, встревоженный внутренний голос, который он только что слышал дважды, принадлежал Линон.

У Криспина внезапно снова разболелась голова. Он поймал себя на мысли, что лучше ему было не покидать бани, или гостиницу. Или свой дом.

Женщина отступила назад, ее рука медленно скользнула по груди его туники, словно ей не хотелось отпускать его, и повернулась к человеку, который только что кашлянул.

Проследив за ее взглядом, ошеломленный сразу множеством вещей, Криспин вдруг с трудом удержался от смеха, словно ребенок или слабоумный дурачок.

— *О!* — *воскликнула женщина и в изумлении прикрыла ладонью рот.* — Я не слышала, что ты идешь следом! Дорогой друг, прости меня, но я не сумела сдержаться. Понимаешь, это...

— Кажется, ты умудряешься проникать повсюду, родианин, — заметил Пертений Евбульский, секретарь верховного стратига.

Пертений сегодня был очень хорошо одет, в тонкое расшитое полотно, голубое с серебром, темно-синий плащ и мягкую шапку в тон. Худое, длинноносое лицо секретаря было бледным, и — что неудивительно при данных обстоятельствах — в его прищуренных зорких глазах не наблюдалось особой приветливости, пока они оценивали сцену у двери.

— Вы... знакомы? — спросила женщина неуверенно. Крис-

пин отметил, все еще стараясь справиться со смехом, что теперь она тоже побледнела.

— Художник из Родиаса был представлен ко двору вчера ночью, — сказал Пертений. — Он только что приехал в Город, — веско прибавил он.

Женщина прикусила губу.

— *Я тебя предупреждала! Предупреждала! Ты сама во всем виновата,* — произнес патрицианский голос, раньше принадлежавший Линон. Он доносился издалека, но Криспин слышал его внутри себя, как и прежде.

Голос разговаривал не с ним.

Он заставил себя не думать о последствиях этого факта и, глядя на темноволосую дочь алхимика, преисполнился жалости. Конечно, он никак не мог сделать вид, будто они любовники или даже близкие друзья, но...

— Признаюсь, что не ожидал столь горячего приема, — легкомысленно произнес он. — Ты, должно быть, очень любишь своего дорогого папу, Ширин. — И продолжал с улыбкой, чтобы дать ей время усвоить сказанное: — Добрый день, секретарь. Действительно, кажется, мы посещаем одни и те же дома. Любопытно. Мне следовало поискать тебя в банях, где я только был, чтобы вместе выпить чашу вина. Я там беседовал со стратигом, который оказал мне честь своим обществом. Ты хорошо себя чувствуешь после того, как ходил с поручением вчера поздно ночью?

У секретаря отвисла челюсть. И он стал очень похож на рыбу. Конечно, он ухаживает за этой женщиной. Это очевидно. Даже если бы тот юный болельщик Зеленых в «Спине» не сказал об этом вчера.

— Стратиг? — переспросил Пертений. — Ее отец?

— Мой отец! — повторила Ширин неопределенным тоном, что было на руку Криспину.

— Ее отец, — благодушно подтвердил Криспин. — Зотик Варенский, я привез от него вести и советы, как и предупредил раньше в своей записке. — Он улыбнулся секретарю с любезной прямотой и повернулся к женщине, которая теперь смотрела на него с непритворным изумлением. — Надеюсь, я не помешал назначенному свиданию?

— Нет-нет! — поспешно ответила она, слегка покраснев. — О, нет. Пертений просто случайно оказался в этом квартале, как он сказал. Он... оказал мне честь, навестив меня. Так он

сказал. — «Она быстро соображает», — понял Криспин. — Я как раз собиралась объяснить ему... когда мы услышали твой стук в дверь, но в волнении...

Улыбка Криспина выражала благожелательное понимание.

— ...ты устроила мне незабываемую встречу. Ради еще одной такой встречи я готов вернуться назад в далекую Варену и опять прийти с новыми вестями от Зотика.

Она покраснела еще больше. Он подумал, что она заслужила эту неловкость, ему все еще было смешно.

— *Ты не заслуживаешь подобной удачи,* — услышал он внутри себя, а затем, после паузы: — *Нет, я не стану варить себя в горшке на обед. Я тебе говорила, чтобы ты не пыталась совершить этот явно смехотворный...*

Внезапно наступило молчание, внутренний голос смолк.

Криспин догадался, что стало тому причиной, он сам проделывал это много раз в дороге. Но все равно, он понятия не имел, что здесь происходит. Он не должен был слышать этот голос.

— Ты из Родиаса? — На лице Пертения, когда он смотрел на стройную девушку, отражалось жадное любопытство. — Я этого не знал.

— Частично, — согласилась Ширин, овладев собой. Криспин вспомнил, что всегда становилось легче это сделать, когда птица умолкала. — Мой отец из Батиары.

— А твоя мать? — спросил секретарь.

Ширин улыбнулась и тряхнула головой.

— Перестань. Неужели ты хочешь проникнуть во все женские тайны? — Ее брошенный искоса взгляд был очаровательным. Пертений сглотнул и снова откашлялся. «Ответом, конечно, было «да», но он едва ли мог так ответить», — подумал Криспин. Сам он хранил молчание и быстро оглядывал прихожую. Птицы нигде не было видно.

Дочь Зотика взяла его за локоть — на этот раз жест был гораздо более официальным, как он отметил, и они сделали несколько шагов внутрь дома.

— Пертений, дорогой друг, ты позволишь мне в полной мере насладиться визитом этого человека? Прошло так много времени с тех пор, как я беседовала с кем-нибудь, кто видел моего дорогого отца.

Она отпустила Криспина, повернулась, взяла под руку сек-

ретаря, тем же твердым и дружеским жестом, и плавно повела его в противоположную сторону, к все еще открытой двери.

— Так мило с твоей стороны было зайти только для того, чтобы проверить, не слишком ли утомило меня празднование Дайкании. Ты такой верный друг. Мне так повезло, что столь могущественный человек интересуется моим здоровьем.

— Не такой уж могущественный, — сказал секретарь, неловко махнув свободной рукой, — но — да, очень, в самом деле меня очень интересует твое благополучие. Дорогая девочка. — Она отпустила его руку. Похоже, он собирался задержаться, посмотрел на нее, затем на Криспина, который стоял, сложив руки на груди, и приветливо улыбался ему в ответ.

— Мы, э, должны как-нибудь вместе поужинать, родианин, — сказал Пертений через секунду.

— Обязательно, — с энтузиазмом согласился Криспин. — Леонт так прекрасно отзывался о тебе.

Секретарь Леонта еще секунду поколебался, хмуря высокий лоб. У него был такой вид, словно ему хотелось задать великое множество вопросов, но затем он поклонился Ширин и вышел на портик. Она тщательно закрыла за ним дверь и постояла, прислонившись к ней лбом, спиной к Криспину. Оба молчали. Они услышали с улицы звяканье сбруи и приглушенный стук копыт коня отъезжающего Пертения.

— О, Джад! — сказала дочь Зотика, голос ее звучал приглушенно от дубовой двери. — Что ты должен был обо мне подумать?

— Я и правда не знаю, — осторожно ответил Криспин. — Что я должен был о тебе подумать? Что ты тепло встречаешь друзей? Говорят, в Сарантии танцовщицы опасны и аморальны.

При этих словах она обернулась, прислонясь спиной к двери.

— Я не такая. Люди хотели бы видеть меня такой, но я не такая. — Она не носила украшений, не красила лицо. Ее темные волосы были подстрижены довольно коротко. Она выглядела очень молодо.

Он помнил ее поцелуй. Притворство, но умелое притворство.

— Неужели?

Она снова покраснела, но кивнула:

— Правда. Ты должен был догадаться, почему я сделала то, что сделала. Он приходит почти каждый день с конца лета. По-

ловина мужчин в Императорском квартале считает, что танцовщица должна опрокинуться на спину и раздвинуть ноги, стоит им только помахать ей драгоценным камнем или куском шелка.

Криспин не улыбнулся.

— Они то же самое говорили об императрице в свое время, не так ли?

Ее лицо стало печальным; он внезапно увидел в этом выражении лицо ее отца.

— В свое время это могло быть правдой. Когда она встретила Петра, она изменилась. Это мне понятно. — Она оттолкнулась руками от двери. — Я неблагодарная. Твой ум только что выручил меня из очень неловкого положения. Спасибо. Пертений безобиден, но он разносит сплетни.

Криспин посмотрел на нее. Он вспомнил жадное выражение лица секретаря вчерашней ночью, его глаза, перебегающие с императрицы на него и снова на Аликсану с ее длинными распущенными волосами.

— Возможно, он не столь безобиден. Сплетники не безобидны, знаешь ли, особенно если они обижены.

Она пожала плечами.

— Я — танцовщица. Всегда ходят разные слухи. Выпьешь вина? Ты действительно приехал от этого негодяя, моего так называемого отца?

Эти слова были произнесены легко, небрежно.

Криспин заморгал.

— Да, выпью. Да, от него. Я бы не сумел придумать такую небылицу, — ответил он так же мягко.

Ширин прошла мимо него, и он двинулся вслед за ней по коридору. В конце коридора находилась дверь, выходящая во внутренний двор, с маленьким фонтаном и каменными скамьями, но сидеть под открытым небом было слишком холодно. Ширин свернула в красивую комнату, где в очаге горел огонь. Она один раз хлопнула в ладоши и шепотом отдала приказ служанке, которая тут же появилась в комнате. Кажется, к ней полностью вернулось самообладание.

Зато Криспин обнаружил, что ему не просто сохранять свое.

На деревянном, обитом бронзой сундуке, стоящем у стены рядом с очагом, на спине, словно брошенная и забытая игрушка, лежала птица из кожи и металла.

Ширин отвернулась от служанки и проследила за его взглядом.

— Это, собственно говоря, подарок от моего бесконечно заботливого отца. — Она бледно улыбнулась. — Единственная вещь, которую я получила от него за всю жизнь. Много лет назад. Я написала ему, что приехала в Сарантий и меня приняли танцовщицей к Зеленым. Не знаю, зачем я ему об этом сообщила, но он действительно ответил. В тот единственный раз. Он мне велел не становиться проституткой и прислал детскую игрушку. Она поет, если ее завести. Он их делает, как я понимаю. Своего рода увлечение. Ты когда-нибудь видел такую птицу?

Криспин сглотнул и кивнул головой. Он слышал в тот момент, — не мог не услышать, — голос, вскрикнувший в Саврадии.

— Видел, — в конце концов ответил он. — Когда навестил его перед тем, как покинуть Варену. — Он поколебался, потом сел на ближайший к очагу стул, на который она указала. *Любезность гостю в холодный день. Она села на стул напротив,* скромно сдвинув ноги, в безупречной позе танцовщицы. Он продолжал:

— Зотик, твой отец... собственно говоря, он друг моего коллеги. Мартиниана. Я никогда раньше не встречался с ним, если быть честным. По правде говоря, я не слишком много могу тебе рассказать, только сообщить, что он выглядел вполне здоровым, когда я его видел. Очень ученый человек. Мы... провели вместе часть дня. Он был так любезен, что снабдил меня некоторыми сведениями о дороге.

— Он раньше много путешествовал, насколько я понимаю, — сказала Ширин. Выражение ее лица снова стало грустным. — Иначе меня не было бы, наверное.

Криспин колебался. История этой женщины его не касалась. Но была еще птица, которой приказали молчать, лежащая на сундуке. «Своего рода увлечение».

— Твоя мать... рассказывала тебе об этом?

Ширин кивнула. От этого движения короткие черные волосы качнулись над ее плечами. Криспин видел, чем она привлекает: грация танцовщицы, быстрота, энергичность, живость. Он мог представить ее себе в театре, в танце, изящную, соблазнительную.

— Если быть справедливой, — сказала она, — то моя мать никогда не говорила о нем ничего плохого, насколько я помню. *Он любил женщин,* говорила она. Наверное. Был красивым мужчиной и умел убеждать. Моя мать собиралась уйти от мира

и присоединиться к дочерям Джада, когда он проходил через нашу деревню.

— А после? — спросил Криспин, думая о седобородом язычнике-алхимике на уединенной ферме среди своих пергаментов и искусственных птиц.

— О, она все-таки ушла к ним. Она сейчас там. Я родилась и выросла среди святых женщин. Они научили меня молитвам и грамоте. Наверное, я была... их общей дочерью.

— Тогда как...

— Я сбежала.

Ширин, танцовщица факции Зеленых, коротко улыбнулась. Возможно, она и была молодой, но ее улыбку нельзя было назвать невинной. Появилась служанка с подносом. Вино, вода, ваза с поздними фруктами. Дочь Зотика отпустила ее и сама разбавила вино, а потом поднесла ему чашу. Он снова уловил ее аромат, аромат императрицы.

Ширин снова села и через комнату оценивающим взглядом смотрела на него.

— Кто ты? — задала она вполне оправданный вопрос. Она слегка склонила голову набок. Ее взгляд на мгновение ушел в сторону, потом вернулся.

— Это новый порядок? Ты заставляешь меня молчать до тех пор, пока тебе не понадобится мое мнение? Как милостиво. И в самом деле, кто этот вульгарный на вид человек?

Криспин сглотнул. Аристократический голос птицы теперь совершенно ясно звучал у него в голове. Они находились в одной комнате. Он заколебался, потом послал мысль: «Ты слышишь, что я говорю?»

Никакого ответа. Ширин смотрела на него и ждала.

Он прочистил горло.

— Мое имя — Кай Криспин. Я из Варены. Я художник. Мозаичник. Приглашен сюда, чтобы помочь на строительстве Великого святилища.

Она быстро прикрыла ладонью рот.

— Ох! Ты тот, кого пытались убить прошлой ночью!

— Правда? Прекрасно! Должна заметить, это как раз подходящий человек, чтобы остаться с ним наедине.

Криспин попытался не обращать внимания.

— Слухи разносятся так быстро?

— В Сарантии — да, особенно если дело касается факций. — Криспин вдруг вспомнил, что эта женщина, главная

танцовщица, играет для Зеленых такую же важную, по-своему, роль, как Скортий — для Синих. Если смотреть с этой стороны, тогда ее осведомленность не вызывает удивления. Она немного откинулась назад, на ее лице отразилось откровенное любопытство, она наблюдала за лицом Криспина.

— Не может быть, что ты это серьезно. С такими волосами? С такими руками? И посмотри на левую руку, он недавно дрался. На него напали? Ха. Наверное, тебе везет в этом месяце.

Криспин почувствовал, что краснеет. Он невольно опустил взгляд на свои большие, покрытые шрамами руки. Левая явно выглядела распухшей. Он чувствовал себя невыносимо неловко. Он слышал птицу, но не ответы Ширин, и они обе понятия не имели о том, что он слышит половину их переговоров.

Казалось, Ширин позабавил неожиданно проступивший на его лице румянец. Она сказала:

— Тебе не нравится, когда о тебе говорят? Знаешь, это может оказаться полезным. Особенно если ты новичок в Городе.

Криспин почувствовал, что ему нужно выпить, и сделал глоток вина.

— Полагаю, это зависит от того, что именно говорят.

Она улыбнулась. У нее была очень хорошая улыбка.

— Наверное. Надеюсь, ты не ранен?

— Это родианский акцент? Правда? Держи ножки сомкнутыми, девушка. Мы ничего не знаем об этом человеке.

Криспину захотелось, чтобы Ширин приказала птице замолчать или чтобы у него самого была возможность это сделать. Он тряхнул головой, стараясь сосредоточиться.

— Не ранен, нет, благодарю. Но два моих спутника погибли и молодой человек у ворот лагеря Синих. Понятия не имею, кто нанял этих солдат. — Скоро они узнают, подумал он. Он только что избил человека до потери сознания.

— Ты, наверное, ужасно опасный мозаичник? — Темные глаза Ширин сверкнули. В ее голосе звучала дразнящая насмешка. Сообщение о смерти ее не взволновало. Это Сарантий, напомнил он себе.

— О, боги! Почему бы тебе не раздеться здесь же и не улечься? Ты могла бы сэкономить время...

У Криспина вырвался вздох облегчения, когда птицу снова заставили замолчать. Он опустил глаза на чашу с вином и опустошил ее. Ширин плавно поднялась, взяла чашу. На этот раз она налила в чашу меньше воды, как заметил Криспин.

— Я думаю, что я совсем не опасен, — сказал он, когда она принесла ему вино и снова села.

Ее улыбка опять стала дразнящей.

— Твоя жена так не думает?

Он был рад молчанию птицы.

— Моя жена умерла два года назад, и дочери тоже.

Выражение ее лица изменилось.

— Чума?

Он кивнул.

— Мне очень жаль. — Она несколько мгновений смотрела на него. — Поэтому ты приехал?

Святой Джад! Еще одна слишком умная сарантийская женщина. Криспин серьезно ответил:

— Поэтому я чуть было не остался дома. На этом настояли другие. Приглашение в действительности пришло Мартиниану, моему напарнику. Я выдавал себя за него в пути.

Она высоко подняла брови.

— Ты явился ко двору императора под чужим именем? И остался жив? О, ты действительно опасный человек, родианин.

Он снова выпил.

— Не совсем так. Я назвал им собственное имя. — Ему пришла в голову одна мысль. — По правде говоря, герольд, который объявлял мое имя, возможно, тоже потерял свое место из-за меня.

— Тоже?

Ему внезапно стало трудно. После вина в банях, а теперь здесь голова уже не была такой ясной, как нужно.

— Предыдущий мозаичник святилища был уволен императором вчера ночью.

Ширин из факции Зеленых пристально смотрела на него. Воцарилось короткое молчание. В очаге треснуло полено. Она произнесла задумчиво:

— Значит, людей, которые могли бы нанять тех солдат, хватает. Это нетрудно, знаешь ли.

— Начинаю это понимать, — вздохнул он.

Это было не все, разумеется, но он решил не упоминать о Стилиане Далейне или о потайном клинке в парной. Он оглядел комнату и снова увидел птицу. Голос Линон — тот же патрицианский акцент, что и у всех птиц алхимика, — но совершенно другой характер. Ничего удивительного. Он теперь знал,

кем были эти птицы или кем они были когда-то. Он также был совершенно уверен в том, что женщина этого не знает. Он понятия не имел, что ему делать.

Ширин сказала:

— Итак, прежде чем кто-нибудь явится, чтобы напасть на тебя в моем доме под тем или иным благовидным предлогом, может, расскажешь, какое послание передал любящий отец своей дочери?

Криспин покачал головой:

— Боюсь, никакого. Он дал мне твое имя на тот случай, если мне понадобится помощь.

Он заметил ее разочарование, хотя она попыталась его скрыть. Дети, отсутствующие родители. Душевное бремя, которое несут по жизни.

— Он сказал что-нибудь обо мне, по крайней мере?

«Она проститутка», — вспомнил Криспин тихий голос алхимика. Тот произнес это с невозмутимым лицом. А потом слегка исправил это определение. Он снова прочистил горло.

— Он сказал, что ты — танцовщица. Но он и сам не знал никаких подробностей.

Она покраснела от гнева.

— Разумеется, он знает подробности. Он знает, что я — первая танцовщица Зеленых. Я писала ему об этом, когда мне присвоили это звание. А он так и не ответил. — Она вздернула голову. — Конечно, у него так много детей, разбросанных по всему миру. После его путешествий. Полагаю, мы все пишем письма, а он отвечает только самым любимым.

Криспин покачал головой:

— Он говорил, что дети ему не пишут. Я не мог понять, серьезно ли он это сказал.

— Он никогда не отвечает, — резко бросила Ширин. — Два письма и одна птица, вот и все, что я получила от моего отца за всю жизнь. — Она взяла свою чашу с вином. — Наверное, он посылает птиц всем нам.

Криспин неожиданно кое-что вспомнил.

— Я так не думаю.

— Да? А откуда тебе известно? — Гнев в ее голосе.

— Он сказал мне, что подарил только одну из этих птиц.

Она замерла.

— Он так сказал?

Криспин кивнул.

— Но почему? То есть...

Собственно говоря, у него была одна догадка. Он сказал:

— В этом Городе живет кто-нибудь из твоих... братьев или сестер?

Она покачала головой.

— Я о них не знаю.

— Может быть, поэтому. Он сказал, что всегда собирался съездить в Сарантий, но так и не поехал. И это было для него разочарованием. Возможно, то, что ты здесь?..

Ширин бросила взгляд на свою птицу, потом снова перевела взгляд на Криспина. Какая-то мысль посетила ее. Она сказала, равнодушно пожав плечами:

— Ну понятия не имею, почему ему было так важно послать механическую игрушку.

Криспин отвел глаза. Она притворяется, но ей приходится это делать. И ему тоже, между прочим. «Мне понадобится время, — подумал он, — чтобы с этим тоже разобраться». Каждая встреча в этом Городе ставила перед ним те или иные сложные задачи. Он сурово напомнил себе, что приехал сюда работать. На куполе. На необыкновенном куполе, вознесшемся высоко над всем миром, который был даром императора и бога. Он ни за что не позволит впутать себя в интриги этого Города. Подумав так, он решительно встал. Он был намерен пойти в святилище сегодня днем. Этот визит должен был стать небольшой паузой, визитом вежливости.

— Мне не следует злоупотреблять твоим радушием по отношению к незнакомцу, явившемуся без приглашения.

Она быстро встала, впервые сделав неловкое движение. От этого она показалась моложе.

Он подошел к ней и снова почувствовал аромат ее духов. И, отбросив благоразумие, спросил:

— Мне... дали понять, что только императрица Аликсана имеет право на этот... аромат. Не будет ли нескромным вопрос?..

Ширин внезапно улыбнулась, явно довольная.

— Ты заметил? Она увидела, как я танцевала, весной. Прислала личного гонца с запиской и флаконом. Было объявлено, что в знак восхищения моим танцем императрица разрешает мне пользоваться духами, которые принадлежат ей одной. Даже, несмотря на то что она, как всем известно, благоволит к Синим.

Криспин посмотрел на нее сверху вниз. Маленькая, быстрая, темноглазая женщина, очень юная.

— Большая честь. — Он поколебался. — Они идут тебе так же, как и ей.

На ее лице отразилась ирония. «Она, должно быть, привыкла к комплиментам», — понял он.

— Приятно, когда тебя ассоциируют с власть имущими, правда? — сухо пробормотала она.

Криспин громко рассмеялся.

— Кровь Джада! Если все женщины в Сарантии такие же умные, как те, с которыми я уже познакомился...

— Да? — сказала она, искоса глядя на него. — И что отсюда следует, Кай Криспин? — Ее тон был нарочито высокомерным и опять дразнящим. Это действует, вынужден был признать Криспин.

Он не смог придумать ответа. Она рассмеялась.

— Тебе придется рассказать мне о других, конечно. Нужно знать своих соперниц в городе.

Криспин посмотрел на нее. Он мог представить себе, что сказала бы на это ее птица. И был благодарен, что она молчит. Иначе...

— *О, боги! Ты просто ужасна! Ты навлечешь позор на... все!*

Криспин поморщился и быстро прикрыл рот ладонью. Очевидно, она не получила приказа замолчать. Было ясно, что у дочери Зотика есть свои методы управлять птицей. Она играла ими обоими, подумал он. Ширин повернулась, улыбаясь про себя, и пошла впереди него по коридору к передней.

— Я зайду еще, — пробормотал Криспин, обернувшись к ней в прихожей. — Можно?

— Конечно. Ты просто обязан зайти. Я приглашу нескольких гостей на ужин ради тебя. Где ты остановился?

Он назвал ей гостиницу.

— Буду искать дом. Полагаю, чиновники канцлера должны мне его подыскать.

— Гезия? Правда? А Леонт встречался с тобой в банях? У тебя влиятельные друзья, родианин. Мой отец ошибся. Тебе не нужна такая женщина, как я, для... чего бы то ни было. — Она снова улыбнулась, понимающее выражение на ее лице опровергало ее слова. — Приходи посмотреть, как я танцую. Гонки колесниц закончились, начался театральный сезон.

Криспин кивнул. Она открыла дверь и отступила в сторону, давая ему пройти.

— Еще раз спасибо за приветствие, — сказал он. Он не знал, почему он так сказал. Поддразнивал. Больше всего. Она сама достаточно его дразнила.

— Вот как! — прошептала Ширин. — Мне не позволяют забыть об этом, да? Мой любимый папочка стыдился бы меня. Он ведь не так меня воспитывал, разумеется. До свидания, Кай Криспин, — прибавила она, на этот раз, выдерживая небольшое, но ясно различимое расстояние между ними. После ее шуточек в его адрес он был доволен, что она хотя бы так среагировала.

— *Не целуй его! Не надо! Дверь открыта?*

Короткая пауза, затем:

— *Нет, этого я не знаю, Ширин! С тобой я никогда не знаю наверняка.*

Снова пауза, пока Ширин говорила что-то птице, а потом Криспин услышал, как птица произнесла совсем другим тоном:

— *Прекрасно. Да, дорогая. Да, я знаю. Я это знаю.*

В голосе звучала нежность, которая перенесла его прямо в Древнюю Чащу. Линон. «*Помни обо мне*».

Криспин поклонился, чувствуя, как его внезапно накрыла волна горя. Дочь Зотика улыбнулась, и дверь закрылась. Он стоял на портике и размышлял, хоть и не слишком связно. Солдаты Карулла ждали, смотрели на него и оглядывали улицу, которая сейчас была пустынной. Дул ветер. Было холодно, позднее солнце спряталось за крышами домов на западе. Криспин глубоко вздохнул, потом опять постучал в дверь.

Через несколько мгновений она распахнулась. Ширин широко раскрыла глаза. Она открыла было рот, но, видя выражение его лица, ничего не сказала. Криспин шагнул в дом. Он сам захлопнул дверь на улицу.

Она смотрела на него.

— Ширин, прошу прощения, но я слышу твою птицу, — сказал он. — Нам надо кое о чем поговорить.

* * *

Городская стража во времена правления императора Валерия Второго находилась в ведении начальника канцелярии Фастина, как и все гражданские службы, и он управлял ею со

всей своей прославленной энергичностью и вниманием к деталям.

Эти черты ярко проявились, когда бывший курьер и подозреваемый в убийстве Пронобий Тилитик был доставлен на допрос в печально известное здание без окон неподалеку от форума Мезароса. Новые положения протокола, установленные квестором правосудия Валерия Марселлином, неукоснительно соблюдались: в присутствии писаря и нотариуса палач разложил свои орудия.

В конце концов ни подвешенные грузы, ни металлические штыри, ни более хитрые приспособления не понадобились. Тилитик сделал полное и подробное признание, как только палач, смерив объект опытным взглядом, внезапно схватил и отрезал клок его волос кривым, зазубренным лезвием. Когда локоны Тилитика упали на каменный пол, он завопил так, словно это его проткнули зазубренным ножом. Затем он начал говорить и выболтал гораздо больше, чем было необходимо. Секретарь все записал; нотариус засвидетельствовал протокол и приложил свою печать. Палач, не выказывая никаких признаков разочарования, удалился. В других комнатах его ждали другие клиенты.

Подробные откровения сделали излишним официальный допрос солдата из Амории, которого остановил и задержал лично верховный стратиг, когда тот предпринял еще одну попытку напасть на родианского художника в общественных банях.

В соответствии с новым протоколом члену суда было приказано немедленно явиться в городскую префектуру. По прибытии туда судье предъявили признание бывшего курьера и те подробности, которые удалось узнать о событиях прошлой ночи и сегодняшнего дня.

По новому Уголовному кодексу Марселлина судья имел широкий выбор. Смертных казней старались в основном избегать как противоречащих духу созидания Джада и в свете милосердия императора, проявленного после мятежа, но существовало множество штрафов, отсечение органов, нанесение увечий, различные сроки ссылки или тюремного заключения.

Дежурный судья в тот вечер оказался болельщиком Зеленых. Убийство двух простых солдат и болельщика Синих было делом серьезным, конечно, но родианин, который был единственной важной фигурой в этой истории, не пострадал, а курьер добровольно признался в своих преступлениях. Шестеро преступников убиты. Судья едва успел сбросить тяжелый плащ и сделать глоток-другой вина из принесенной ему чаши, как уже постановил, что вырвать Тилитику глаз и порвать ноздри, чтобы заклеймить его как преступника, будет подходящим и достаточным наказанием. Вместе с пожизненной ссылкой, разумеется. Такому типу нельзя позволить остаться в Городе. Он может дурно повлиять на благочестивых граждан.

Солдату из Амории, как обычно, поставили на лоб клеймо раскаленным железом как потенциальному убийце и — конечно — лишили места в армии и пенсии. Его тоже отправили в ссылку.

Все это было проделано быстро и эффективно, и судья даже успел допить вино и обсудить с нотариусом смачные сплетни о молодом актере пантомимы и одном очень знатном сенаторе. Он вернулся домой как раз к вечерней трапезе.

В тот же вечер был вызван хирург, работавший по контракту в городской префектуре, и Пронобий Тилитик лишился левого глаза, а его ноздри выжгли раскаленным кинжалом. Эту и следующую ночь ему предстояло лежать в больнице префектуры, а потом его в кандалах должны были переправить через гавань в порт Деаполис и там отпустить, после чего он, одноглазый и заклейменный, должен был отправиться скитаться по просторам Империи или господнего мира за ее пределами, куда ему вздумается.

Собственно говоря, он отправился, как потом предстояло узнать господнему миру, на юг, через Аморию, в Сорийю. Он быстро прожил ту скудную сумму, которую его отец сумел собрать для него в столь короткое время, и опустился до того, что выпрашивал объедки у дверей часовни вместе с другими убогими и искалеченными, сиротами и женщинами, слишком старыми, чтобы торговать телом ради пропитания.

Из этих глубин он был спасен следующей осенью — как гласит история — добродетельным клириком из деревни у пустыни Аммуза. Осененный божественным просветлением, Пронобий Тилитик ушел один далеко в пустыню следующей весной, взяв с собой только солнечный диск, нашел отвесную, похожую на зуб скалу и взобрался на нее. Подъем был нелегким, но он совершил его всего один раз.

Он прожил там в общей сложности сорок лет, поддерживаемый сначала припасами, присланными скромным клириком, который привел его к Джаду, а позже паломниками, которые

отыскивали его иглоподобный утес среди песков и приносили корзины с едой и вином. Эти корзины поднимал на устройстве из веревок и блоков, а потом спускал вниз пустыми одноглазый отшельник с длинной, грязной бородой, в истлевшей одежде.

Множество людей, которых приносили на носилках, потому что они не могли ходить или были серьезно больны, и немало женщин, страдающих от бесплодия, потом утверждали, приводя свидетельства очевидцев, что они излечились от болезней после того, как съели наполовину обглоданные кусочки пищи блаженного анахорета, милостиво сброшенные им вниз с опасного насеста. Когда люди внизу досаждали ему мольбами о предсказаниях и божественных наставлениях, Пронобий Тилитик разражался краткими, мрачными пророчествами и резкими предостережениями о печальном будущем.

Конечно, он оказывался в основном прав и достиг бессмертия тем, что стал первым святым, убитым фанатиками-язычниками в песках, когда они налетели с юга на Сорийю, следуя за собственным провидцем, вдохновленным звездами, и за его новым аскетичным учением.

Когда авангард этой армии пустыни достиг скалы-кинжала, на которой по-прежнему восседал отшельник — к тому времени превратившийся в старика, нечленораздельно излагающего свои убеждения и гневные проповеди и, по-видимому, неподвластного ветру и жгучему солнцу, — они некоторое время слушали его гневные обличения и забавлялись. Когда он начал кричать и плеваться в них, веселье угасло. Лучники нашпиговали его стрелами, как какое-то гротескное, колючее животное. Он упал со своего насеста, и падал долго. Отрезав, по своему обычаю, его половые органы, они бросили его в песках на поживу стервятникам.

Через два поколения великий патриарх Евмедий официально провозгласил его святым, обитающим среди святых страстотерпцев у Вечного Света, мудрецом, который совершал подтвержденные свидетелями чудеса.

В его официальном «Житии», составленном по заказу патриархом, рассказывалось, как Тилитик провел несколько тяжелых лет, отважно и верно служил своему императору в рядах имперской почты. Потом услышал гораздо более мощный зов и подчинился ему. В «Житии» трогательно повествуется о том, как святой человек потерял глаз в битве с диким львом в пустыне, спасая от гибели заблудившуюся девочку.

«Человек видит святого Джада внутренним взором, а не глазами этого мира», — так он якобы сказал рыдающей девочке и ее матери, одежды которой, запачканные кровью из ран мудреца, вошли потом в число священных реликвий Великого святилища в самом Сарантии.

В то время когда было написано «Житие святого Тилитика», клирики-летописцы то ли забыли, то ли сочли несущественной ту роль, которую сыграл мелкий родианский художник в путешествии святого человека к вечному Свету бога. Военный жаргон также приходит и уходит, изменяется и развивается. Никаких грубых, непристойных ассоциаций к тому времени уже не возникало при произнесении имени возлюбленного Джадом Пронобия.

Глава 10

В тот самый день, когда мозаичник Кай Криспин Варенский пережил два покушения на свою жизнь, впервые увидел купол Святилища божественной мудрости Джада в Сарантии и познакомился с людьми, которым предстояло определить грядущие дни его жизни под солнцем бога, далеко на западе, неподалеку от стен его родного города, состоялась церемония в гораздо меньшем по размеру святилище, для отделки которого наняли его с партнером, мастерами и подмастерьями.

Среди лесов Саврадии народ антов — вместе с врашами, инициями и другими языческими племенами этих диких земель — поклонялся своим предкам в День Мертвых и совершал кровавые обряды. Но, проникнув с боями на запад и на юг в Батиару, когда рухнула Родианская империя, они приняли веру в Джада, а также многие обычаи и обряды побежденных. Царь Гильдрих, в частности, во время своего долгого правления значительно продвинулся в деле консолидации своего народа на полуострове и достижения некоторой гармонии с покоренными, но все еще высокомерными родианами.

Считалось чрезвычайно неудачным, что Гильдрих Великий не оставил других живых наследников, кроме дочери.

Пускай анты теперь почитают Джада и доблестного Геладикоса, носят солнечные диски, строят и восстанавливают церкви, посещают бани и даже театры, заключили договор с могущественной Сарантийской империей в качестве суверенного

государства, а не кучки племен, но они остались народом, который прославился краткостью правления своих лидеров и совершенно не приемлющим женского главенства. В определенных кругах не переставали изумляться тому, что царицу Гизеллу до сих пор не заставили выйти замуж или не убили.

По мнению вдумчивых наблюдателей, только неустойчивое равновесие между соперничающими группировками у власти поддерживало эту явно неприемлемую ситуацию до самого долго ожидаемого дня освящения мемориала Гильдриха у стен Варены.

Церемония состоялась поздней осенью, сразу же после завершения трехдневного праздника Дайкании, когда родиане имели обычай отдавать долг своим собственным предкам. У них были цивилизованные вера и общество: зажигали свечи, читали молитвы, но не проливали кровь.

Тем не менее довольно большое количество людей, тесно набившихся в расширенное и богато украшенное святилище, чувствовали себя плохо после излишеств Дайкании и втайне жалели, что сами не умерли. Среди многих родианских празднеств и святых дней в течение всего года пьяные гульбища Дайкании были восприняты антами с совершенно предсказуемым энтузиазмом.

В полумраке лишенного солнца рассвета придворные из Варены в меховых плащах и те из антских дворян, которые приехали издалека, собрались здесь и смешались со знатными родианами и множеством клириков, более или менее высокопоставленных. Небольшое количество мест оставили для простого народа из Варены и ее окрестностей, и многие заняли очередь со вчерашней ночи, чтобы попасть туда сегодня. Большинство, конечно, не попало внутрь, но они толпились снаружи, на холоде, болтая, покупая еду и вино со специями, а также безделушки в быстро выросших на траве вокруг святилища палатках.

В северной части двора мрачно и неумолимо маячил все еще голый холм земли, скрывающий под собой жертв последней чумы. Можно было видеть, как некоторые мужчины и женщины иногда подходят к нему и молча стоят на холодном ветру.

Ходили упорные слухи, будто сам верховный патриарх совершит путешествие из Родиаса на север, чтобы почтить память царя Гильдриха, но этого не случилось. Разговоры как внутри святилища, так и вне его ясно объясняли, почему он не приехал.

Мозаичники — знаменитая пара, жители Варены, — покорные воле юной царицы, изобразили на куполе Геладикоса.

Атан, верховный патриарх, который подписал — под давлением с востока, как все считали, — совместную декларацию, запрещающую изображать смертного сына Джада, вряд ли мог посетить святилище, в котором так дерзко пошли против его воли. С другой стороны, в реальной обстановке батиарского полуострова при правлении антов он также не мог проигнорировать подобную церемонию. Анты приняли веру в Джада и его сына в равной степени, и они не собирались отказываться от Геладикоса, что бы ни говорили оба патриарха. Это создавало некоторые затруднения.

В результате нашли окольное решение этой проблемы, и полдюжины старших клириков совершили путешествие из Родиаса по покрытым грязью дорогам и прибыли двумя днями раньше, в разгар праздника Дайкании.

Теперь они сидели с мрачными, несчастными лицами в передней части святилища, перед алтарем и солнечным диском, стараясь не смотреть на купол, где можно было увидеть изображение золотого Джада и столь же яркое, запретное изображение его сына в падающей колеснице с огненным факелом в руке.

Те, кто разбирался в подобных вещах, уже сочли мозаики очень красивыми, хотя некоторые ругали качество использованной смальты. Что важнее, новые картины над головой заставили набожных жителей Варены, которые ждали дольше всех и получили в награду места в дальнем конце, перешептываться в искреннем изумлении и благоговении. В мерцании свечей, которые царица приказала зажечь ради своего могущественного отца, факел Геладикоса, казалось, сверкает и излучает собственный свет, а сияющий бог и его обреченный на смерть сын смотрят сверху на собравшихся внизу людей.

После многие провели слишком очевидные аналогии и сделали сложные и противоречивые выводы из жестоких событий того утра, которое началось в холодной, ветреной серости и закончилось кровью на алтаре и на солнечном диске за ним.

Пардос уже решил, что это самый важный день в его жизни. Он даже почти решил, немного испугав самого себя масштабами этой мысли, что он, возможно, навсегда останется самым

важным днем в его жизни. И ничто никогда не сможет сравниться с этим утром.

Вместе с Радульфом, Куври и другими он сидел — они сидели, а не стояли! — в секторе, отведенном ремесленникам: плотникам, каменщикам, каменотесам, мастерам по металлу, рисовальщикам фресок, стекольщикам, мозаичникам, всем остальным.

В последние несколько дней рабочие по указанию двора внесли и тщательно расставили деревянные скамьи по всему святилищу. Ощущение было странным — сидеть в помещении, где поклоняются богу. Одетый в новую коричневую тунику, Пардос изо всех сил старался выглядеть одновременно спокойным и взрослым, не упуская при этом ни единой мелочи из происходящих вокруг событий.

Пардос понимал, что ему необходимо выглядеть невозмутимым: он уже не был подмастерьем. Мартиниан подписал документы на него, Радульфа и Куври вчера после обеда. Они официально получили звание мастеров, могли служить у любого мозаичника, который захочет их нанять, и даже — хоть это было бы глупо — искать собственные заказы. Радульф собирался вернуться домой, в Байану; он всегда говорил, что вернется. На этом летнем курорте можно найти массу работы. Он был родианином, его семья знала нужных людей. Пардос был антом и никого не знал за пределами Варены. Они с Куври собирались остаться с Мартинианом — и с Криспином, если и когда тот вернется из славного и ужасного Города на востоке. Пардос не ожидал, что будет так сильно скучать по человеку, который вечно угрожал ему побоями и увечьями, но он по нему очень скучал.

Мартиниан учил его терпению, дисциплине, порядку, равновесию между воображаемым и возможным. Криспин учил Пардоса видеть.

Сейчас он старался применять эти уроки, рассматривая цвет одежды могучих вождей антов и тех высокородных родиан, которые здесь присутствовали, и мужчин, и женщин. На сидящей рядом жене Мартиниана была наброшена шаль чудесного глубокого красного цвета поверх темно-серого платья. Этот цвет напоминал летнее вино. Мать Криспина, сидящая по другую сторону от Мартиниана, надела длинный синий плащ, такой темный, что ее седые волосы, казалось, сверкали в пламени свечей. Авита Криспина была невысокой женщиной, сдержанной, с прямой спиной; ее окутывал аромат лаванды. Она поздоровалась с Пардосом, Радульфом и Куври по именам и поздравила их, когда они вошли вместе: никто из них понятия не имел о том, что она знает об их существовании.

Слева от алтарного возвышения, близко от того места, где сегодня прозвучат ритуальные песнопения и клирики будут отправлять службу в память о Гильдрихе, сидели самые важные члены двора рядом с царицей и у нее за спиной. Мужчины были бородатыми, неулыбчивыми, одетыми в темные коричневые, рыжеватые темно-зеленые тона — цвета охотников, подумал Пардос. Он узнал Евдриха, с соломенными волосами и боевыми шрамами, — но, несмотря на это, красивого, — бывшего командующего северными когортами, которые сражались с инициями, ставшего теперь первым министром царства антов. Большинства других он не знал. Он подумал, что некоторые из мужчин явно чувствуют себя неловко без своих мечей. Оружие в церкви было, конечно, запрещено, и Пардос видел, как их руки беспокойно шарили у золотых и серебряных поясов, ничего там не находя.

Сама царица сидела на возвышении в середине первого ряда новых деревянных скамей с этой стороны. Она выглядела изящной и немного пугающей в белых траурных одеждах и белой шелковой вуали, скрывающей ее лицо. Только сам импровизированный трон и единственная полоса темного пурпура на мягкой шапочке, придерживавшей вуаль, служили сегодня признаками ее царского статуса. Жены, матери и дочери всегда носили вуали, рассказывал им Мартиниан, во времена расцвета Родиаса, когда человека хоронили или во время поминальной службы. Царица, одетая и скрытая таким образом, возвышающаяся над всеми остальными, казалась Пардосу фигурой из истории или из сказок о других, фантастических мирах, которые рассказывали у очага по вечерам.

Конечно, Мартиниан был единственным из них, кто разговаривал с ней во дворце, когда они с Криспином получали заказ на эту работу, и потом, когда приходил просить денег и отчитаться о ходе работ. Радульф видел ее один раз вблизи, когда она проезжала по городу, возвращаясь верхом после королевской охоты за его стенами. Пардос никогда ее не видел. Радульф сказал, что она красивая.

«Как ни странно, это можно определить даже сейчас, хотя ее лица не видно», — подумал Пардос. Ему пришло в голову,

что белые одежды среди более темных осенних цветов — эффективный способ привлечь внимание. Он обдумал, как это можно использовать, и вспомнил о Криспине.

Послышался шорох, и он быстро повернулся к алтарю. Три священника, которым предстояло вести службу — знаменитый Сибард Варенский от царского двора и двое из святилища, — вышли вперед из-за солнечного диска и остановились, в желтом, в голубом, в желтом. Перешептывание постепенно стихло, потом прекратилось. В мигающем свете свечей и ламп на оливковом масле, под богом и его сыном на маленьком куполе, они воздели руки, шесть ладоней, повернутых к толпе в знак благословения Джада.

Но дальнейшие события нельзя было назвать праведными.

Позже Пардос понял, что жест священников был выбран в качестве сигнала. Нужен был какой-то знак для координации действий, а все знали, как начнется эта церемония.

Широкоплечий человек с темно-каштановой бородой, который встал как раз тогда, когда священники собирались начать обряд, был военный антов Агила, хотя Пардос узнал об этом только потом. Огромный ант в тяжелых сапогах прошел вперед к алтарю от своего места рядом с царицей и на виду у всех собравшихся откинул полу подбитого мехом плаща.

Он сильно потел, щеки его покраснели, и при нем был меч.

Руки священников замерли в воздухе, словно шесть забытых придатков, они сбились и замолчали. Четверо других мужчин, увидел Пардос, и сердце его сильно забилось, также встали в задних рядах царского сектора и вышли в проход между рядами скамей. Их плащи тоже были откинуты; четыре меча открыты взорам, а затем вынуты из ножен. Это была ересь, нарушение обычаев. И даже хуже.

— Что ты делаешь? — резко спросил придворный священник в гневе. Царица Гизелла не шевелилась. Большой, бородатый мужчина стоял прямо перед ней, но лицом к святилищу.

Пардос услышал, как Мартиниан тихо сказал:

— Защити нас Джад. Ее стража осталась снаружи. Разумеется.

Разумеется. Пардос знал о слухах, о страхах и угрозах, все знали. Он знал, что молодая царица принимает еду и питье, только если их приготовили и попробовали ее собственные люди, что она никогда не ходит даже по собственному дворцу без охраны своей гвардии. Но не здесь. В святилище, под траурной вуалью, в день памяти ее отца, на глазах у своего народа, знатных и простых людей, а также священников и всевидящего бога, в этом святом месте, куда запрещено приходить с оружием, она могла считать себя в безопасности.

Но она ошибалась.

Мускулистый, потный человек, стоящий перед царицей, прохрипел, не обращая внимания на священников:

— Что скажет Батиара о предательстве? Что делают анты с правителями, которые их предают? — Эти слова резко прозвучали в святом пространстве, вознеслись к куполу.

— О чем ты говоришь? Как ты посмел явиться в святилище с оружием? — Голос того же священника. «Смелый человек», — подумал Пардос. Говорили, что Сибард бросил вызов императору Сарантия по вопросу веры в письменной форме. «Он и сейчас не испугается», — подумал Пардос. У него самого дрожали руки.

Бородатый ант сунул руку под плащ и достал сверток пергаментов.

— У меня есть бумаги! — крикнул он. — Бумаги, которые доказывают, что эта фальшивая царица, фальшивая дочь, фальшивая шлюха готовилась предать нас всех инициям!

— Это, — ответил Сибард с поразительным самообладанием, когда по святилищу пронеслась волна потрясенного ропота, — без сомнения, ложь. И даже если бы это было не так, здесь не место и сейчас не время говорить об этом.

— Замолчи, ты, кастрированный прихвостень шлюхи! Дело воинов антов решать, когда и где лживая сука должна встретить свой конец!

Пардос с трудом сглотнул. Он был ошеломлен. Эти слова были дикими, немыслимыми. Он говорил так о царице!

Потом две вещи случились очень быстро, почти одновременно. Бородач выхватил свой меч, а за спиной царицы поднялся еще более крупный мужчина с бритой головой и шагнул вперед, встав прямо перед ней. Его лицо было бесстрастным.

— Отойди, немой, или я тебя убью, — сказал человек с мечом. Люди по всему святилищу вскакивали и бросались к выходу. Вокруг стоял скрежет скамей, гул голосов.

Второй мужчина не двинулся с места, загораживая царицу собственным телом. Он был безоружен.

— Опустите мечи! — снова крикнул священник у алтаря. — Это безумие в святом месте!

— Убейте же ее, наконец, — услышал Пардос ровный, тихий, но явственно различимый голос из рядов антов рядом с Гизеллой.

Тут кто-то закричал. От движения воздуха за убегающими людьми пламя свечей колебалось. Казалось, мозаики над головой шевелятся и меняются в колеблющемся свете.

Царица антов встала.

Держа спину прямой, как древко копья, она подняла обе руки и откинула вуаль, а затем сняла мягкую шапочку с королевской эмблемой и осторожно положила ее на приподнятое сиденье, так, чтобы все могли увидеть ее лицо.

Это была не царица.

Царица молода, с золотистыми волосами. Это все знали. Эта женщина была уже не молодой, а ее волосы были темно-каштановыми с проседью. Тем не менее в ее глазах горела холодная, царственная ярость, когда она обратилась к стоящему перед ней мужчине поверх головы немого.

— Ты уличен в предательстве, Агила. Отдай себя в руки правосудия.

Пардос наблюдал за потеющим человеком по имени Агила, который потерял остатки самообладания. Он видел, как это произошло: отвисшая челюсть, широко раскрытые изумленные глаза, потом дикий, непристойный вопль ярости.

Безоружный немой погиб первым, так как стоял ближе всех. Меч Агилы обрушился на него наотмашь, наискось разрубив грудную клетку и войдя глубоко в шею. Агила вырвал клинок из тела, и человек бесшумно упал. Пардос увидел, как его кровь брызнула через освященное пространство и запачкала священников, алтарь, священный диск. Агила перешагнул через упавшее тело и вонзил меч прямо в сердце женщины, которая заняла место царицы, сорвав его планы.

Она вскрикнула, умирая, забилась в агонии и упала назад, на скамью рядом со своим креслом. Одной рукой она схватилась за клинок в своей груди, словно хотела прижать его к себе. Пардос видел, как Агила яростно дернул его назад, распоров ей ладонь.

К этому моменту крики раздавались повсюду. Движение к дверям превратилось в отчаянную давку, близкую к безумию. Пардос увидел, как один знакомый подмастерье споткнулся, упал и пропал из виду. Он видел, что Мартиниан крепко схватил за локти свою жену и мать Криспина, когда они влились в

эту лихорадочную давку и двинулись вместе с остальными к выходу. Куври и Радульф держались прямо за их спинами. Затем Куври пробился вперед на глазах у Пардоса и взял Авиту Криспину за другую руку, защищая ее.

Пардос остался на месте и стоял неподвижно.

Потом он не мог объяснить, почему, только говорил, что он наблюдал, что кто-то должен был наблюдать.

И наблюдая таким образом, — с довольно близкого расстояния, неподвижная точка в бурлящем хаосе, — Пардос увидел, как первый министр Евдрих Златовласый шагнул вперед от своего места рядом с упавшей женщиной и звучным голосом произнес:

— Положи свой меч, Агила, или его у тебя отберут. То, что ты сделал, — безбожно, это предательство, и тебе не позволят убежать и остаться в живых.

«Он держится с поразительным спокойствием», — подумал Пардос. Агила быстро повернулся к этому человеку. Пространство расчистилось, люди спасались бегством из святилища.

— Заткни свой кинжал себе в задницу, Евдрих! Ты, кусок конского навоза! Мы сделали это вместе, ты не посмеешь теперь это отрицать. Только жребий решит, кто из нас будет здесь стоять. Отдать меч? Глупец! Мне позвать своих солдат, чтобы они с тобой расправились?

— Зови их, лжец, — ответил второй мужчина. Его голос звучал ровно, почти степенно. Их отделяло друг от друга меньше пяти шагов. — Ты не услышишь ответа. Мои люди уже расправились с твоими — в том лесу, где ты задумал тайно разместить их.

— Что? Ты проклятый предатель!

— Как забавно, что ты это говоришь при данных обстоятельствах, — заметил Евдрих. Затем быстро отступил назад и тревожно крикнул: — Винселас! — Глаза Агилы стали безумными, он сделал выпад мечом через разделяющее их пространство.

Наверху находился мостик, не особенно высоко, место, где могли играть невидимые музыканты или где осенью и зимой могли спокойно прогуливаться и предаваться размышлениям священники, когда снаружи стоял холод и шли дожди. Стрела, убившая Агилу, прилетела оттуда. Он рухнул, будто дерево, и его меч с грохотом упал на пол у ног Евдриха.

Пардос посмотрел вверх. Полдюжины лучников стояли на мостике. У него на глазах четверо с обнаженными мечами —

люди Агилы — медленно опустили, а затем бросили свое оружие.

Так они и погибли, сдавшись, когда просвистели еще шесть стрел.

Пардос осознал, что стоит совсем один в секторе, отведенном для ремесленников. Он чувствовал себя совершенно беззащитным. Он не ушел, но все-таки сел. Ладони у него взмокли, ноги подгибались.

— Приношу свои извинения, — непринужденно произнес Евдрих, поднимая глаза от мертвых людей на трех священников, все еще стоящих перед алтарем. Их лица приобрели изжелта-бледный цвет. Евдрих помолчал и поправил воротник туники, а затем тяжелое золотое ожерелье на шее: — Теперь нам необходимо быстро восстановить порядок, успокоить людей, вернуть их назад в святилище. Это политическое дело и очень прискорбное. Вас оно совсем не касается. Вы, разумеется, продолжите церемонию.

— Что? Мы этого не сделаем! — возразил придворный священник, Сибард, сжав зубы. — Само это предложение позорно и безбожно. Где царица? Что с ней сделали?

— Могу заверить, что меня гораздо больше интересует ответ на этот вопрос, чем тебя, — ответил Евдрих Златовласый. В ушах у пристально наблюдающего Пардоса все еще звучали слова Агилы: «Мы сделали это вместе».

— Остается догадываться, — непринужденно добавил Евдрих, не обращаясь ни к кому конкретно и ко всем, кто оставался в святилище, — что до нее донеслись слухи о подлом заговоре Агилы, и она предпочла спастись и не присутствовать на поминальной службе в честь отца. Трудно винить в этом женщину. Но, естественно, это вызывает некоторые... вопросы. — Он улыбнулся.

Пардос запомнит эту улыбку. Евдрих продолжал после паузы:

— Я предлагаю восстановить здесь порядок, а затем навести его во дворце — от имени царицы, конечно, — пока мы не узнаем точно, где она находится. Затем, — сказал канцлер с соломенными волосами, — нам надо будет определить, что делать дальше здесь, в Варене, и во всей Батиаре. А пока, — продолжал он, и голос его внезапно стал холодным, не допускающим возражений, — ты сам впал в заблуждение, добрый клирик. Послушай: я не просил тебя что-то сделать, я тебе приказал. Вы трое

продолжите траурную церемонию и ритуал освящения, иначе ваша собственная смерть последует за теми, которые вы уже видели. Поверь мне, Сибард. Я не хочу с тобой ссориться, но ты можешь умереть здесь или остаться жить и достичь тех целей, которые поставил для себя и нашего народа. Святые места освящались кровью и раньше, не только сегодня.

Сибард Варенский, длинноногий и длинношеий, несколько мгновений смотрел на него.

— Нет таких целей, к которым я смог бы праведно стремиться, если бы выполнил твой приказ, — ответил он. — Мне надо совершить похоронные обряды над убитыми здесь и принести утешение их семьям. Убей меня, если хочешь. — И он сошел с возвышения перед алтарем и вышел через боковую дверь. Глаза Евдриха превратились в узкие щелочки, как увидел Пардос, но он ничего не сказал. Антский вельможа пониже ростом, гладковыбритый, но с длинными каштановыми усами, теперь стоял рядом с ним, и Пардос видел, как этот человек положил ладонь на плечо Евдриха, успокаивая его, когда Сибард прошел рядом с ними.

Евдрих смотрел прямо перед собой, тяжело дыша. Теперь именно низкорослый человек отдавал резкие команды. Стражники начали вытирать кровь на тех местах, где погибли немой и женщина, собственными плащами. Крови было много. Они вынесли их тела через боковой выход, потом тела Агилы и его убитых людей.

Другие солдаты вышли во двор, где все еще толпились испуганные люди. Они получили приказ вернуть всех назад. Сообщить, что церемония будет продолжена.

Пардоса изумило, когда он позднее размышлял над этим, что большинство тех, кто выбежал наружу, давя друг друга от ужаса, все-таки вернулись. Он не знал, что это говорит о людях, как это характеризует мир, в котором они живут. Куври вернулся, Радульф. Мартиниан и обе женщины не вернулись. Пардос понял, что рад этому.

Он остался на своем месте. Его взгляд перебегал от Евдриха и человека рядом с ним к двум священникам, оставшимся перед алтарем. Один из священников оглянулся назад, на солнечный диск, затем подошел к нему и краем собственной одежды вытер с него кровь, а затем стер кровь с алтаря. Когда он снова вернулся назад, Пардос увидел темное пятно размазанной крови на его желтой одежде и еще увидел, что этот человек плачет.

Евдрих и стоящий рядом с ним мужчина сели на свои места, точно так же, как и раньше. Два священника нервно посмотрели на них, а затем еще раз подняли руки ладонями вперед и заговорили в унисон, совершая обряд.

— Святой Джад, — произносили они, — да будет Свет для всех твоих детей, собравшихся здесь, теперь и в грядущие дни. — И люди в святилище произносили ответные слова, сначала нестройно, потом более четко. Затем один из священников снова заговорил, и снова раздался ответ.

Пардос тихо встал, когда начался обряд, прошел мимо Куври и Радульфа и тех, кто сидел за ними, направился к восточному проходу, а потом миновал всех людей, собравшихся под мозаикой Джада и Геладикоса с его огненным даром, и вышел из дверей на холодный двор. Спустился по тропинке, за ворота и зашагал прочь.

* * *

В тот момент, когда мужчина и женщина, которых она любила с детства, умирали в святилище ее отца, царица антов стояла в меховом плаще с капюшоном на корме корабля, плывущего на восток из Милазии по неспокойному морю. Она смотрела назад, на северо-запад, на землю, где находилась Варена, далеко за полями и лесами. В ее глазах не было слез. Раньше были, но здесь она не одна, а для царицы явные проявления горя возможны только в уединении.

Над головой, на главной мачте узкого, надраенного до блеска корабля, подгоняемого крепким бризом, развевался стяг с красным львом и солнечным диском на голубом поле: то было знамя Сарантийской империи.

Горстка пассажиров из Империи — курьеры, офицеры армии, сборщики налогов, инженеры — должна была сойти в Мегарии, благодаря бога за благополучное путешествие сквозь ветер и белые волны. Уже было слишком поздно для плавания по морю, даже на короткое расстояние через залив.

Гизеллы не будет среди тех, кто покинет корабль. Она отправится дальше. Она плывет в Сарантий.

Почти все остальные на борту находились там в качестве заслона, маскировки, чтобы обмануть портовые власти антов в Милазии. Если бы этого корабля не было в гавани, другие пассажиры отправились бы верхом по имперской дороге на северо-восток, в Саврадию, затем повернули бы на юг, к Мегарию. Или сели бы на другой, менее богатый корабль, чем этот, если бы сочли море безопасным для короткого плавания через бухту.

Этот корабль, с экипажем из опытных моряков, стоял на якоре в Милазии и ждал всего одну пассажирку, если она решится на это путешествие.

Валерий Второй, божественный император Сарантия, послал исключительно частное приглашение царице антов в Батиаре и предложил ей посетить великий Город, центр Империи, славу мира, обещая принять ее с почестями и, может быть, обсудить с ней насущные проблемы как Батиары, так и Сарантия, возникшие в этом мире в тот год. Шесть дней назад царица отправила — тайно — свое согласие капитану корабля в порт Милазию.

В противном случае ей грозила смерть.

Вероятно, она умрет в любом случае, думала Гизелла, глядя назад, поверх моря в белых барашках волн, на удаляющуюся береговую линию своей родины и вытирая слезы, вызванные ветром на корме, но не только ветром. Сердце ее болело, словно от раны, а перед глазами стоял суровый образ отца с тяжелым взглядом, так как она знала, что бы он подумал и сказал об этом бегстве. Это было горе. Горе в ряду многих других в ее жизни.

Порыв соленого ветра сбросил с нее капюшон, открыв лицо стихиям и людским взорам, и ее волосы заструились по ветру. Это не имело значения. Находящиеся на борту знали, кто она. Необходимость в крайней осторожности отпала, когда корабль поднял якорь на рассвете, унося ее прочь от трона, от ее народа, от ее жизни.

Существует ли возможность вернуться? Каким курсом можно пройти мимо скал яростного мятежа дома и скал на востоке, где почти наверняка армия уже готовится захватить Родиас? А если такой курс есть, если он существует в божьем мире, хватит ли ей мудрости его отыскать? И позволят ли ей прожить так долго?

Она услышала шаги на палубе у себя за спиной. Ее женщины находились внизу, их обеих ужасно тошнило. С ней отправились шесть ее стражников. Только шесть для такого далекого путешествия, и не было Фароса, молчаливого человека, который так нужен был ей рядом, — но он всегда был рядом с царицей, и обман не удался бы, если бы он не остался во дворце.

Сейчас к ней подошел не один из стражников и не капитан

корабля, который проявлял учтивость и почтение в должной пропорции. Это был другой человек, тот, кого она вызвала во дворец, чтобы он помог ей осуществить это бегство, тот, который объяснил, почему Фаросу придется остаться в Варене. Она вспомнила, что заплакала тогда.

Она повернула голову и посмотрела на него. Среднего роста, длинные, почти седые волосы и борода, резкие черты лица и глубоко посаженные голубые глаза, в руках рябиновый посох. Он был язычником. «Он и должен им быть, — подумала она, — чтобы быть тем, кто он есть».

— Мне сказали, что ветер хороший, — сказал алхимик Зотик. У него был низкий, медленный голос. — Он быстро домчит нас до Мегария, моя госпожа.

— И ты меня там покинешь?

Очень прямой вопрос, но у нее почти не осталось выбора. Она попала в отчаянно трудное положение; сейчас ей было не до вежливых дорожных разговоров. Все и всех, кто мог стать орудиями, нужно было сделать орудиями, если удастся.

Алхимик с резкими чертами лица подошел к поручням и остановился на почтительном расстоянии от нее. Он задрожал и закутался в плащ, потом кивнул головой.

— Мне очень жаль, моя госпожа. Как я сказал с самого начала, у меня в Саврадии есть дела, которыми я должен заняться. Я благодарен за возможность проделать этот путь по морю. Если ветер не усилится. В этом случае мою благодарность испортит мой желудок. — Он улыбнулся ей.

Она не ответила на улыбку. Она могла приказать своим воинам связать его, не позволить ему сойти в Мегарии; вряд ли матросы императора стали бы вмешиваться. Но какой в этом смысл? Она может связать этого человека веревками, но не привяжет к себе его ум и его душу, а именно это ей нужно от него. От кого-нибудь.

— Но не настолько благодарен, чтобы остаться с твоей царицей, которая в тебе нуждается? — Она не скрывала упрека. В юности этот мужчина питал слабость к женщинам, вспомнила она. Кто-то ей об этом говорил. Она размышляла, нельзя ли придумать еще что-нибудь, чтобы удержать его. Станет ли приманкой ее девственность? «Возможно, он спал с девственницами, но никогда с царицей», — с горечью подумала она. Ей было больно смотреть, как серая береговая линия удаляется и сливается с серым морем. Они сейчас уже должны быть в святилище,

начинать поминальный обряд по ее отцу, при свете свечей и ламп.

Алхимик не отвел взгляда, хотя ее глаза были холодными, как лед. Неужели это ее первая расплата, и она вынуждена будет и дальше платить, подумала Гизелла. И эта расплата состоит в том, что царица, плывущая на корабле другого правителя, лишь в сопровождении горстки солдат, оставив трон во власти других людей, не в состоянии заставить уважать себя и исполнить долг по отношению к ней?

Или это просто такой человек? Надо отдать ему справедливость, в нем не было неуважения, только прямая откровенность. Он серьезно сказал:

— Я служил тебе, царица, всем, чем мог. Я старик, а Сарантий очень далеко. Не в моей власти помочь тебе там.

— У тебя есть мудрость, тайное искусство и преданность... я все еще верю в это.

— И ты права, что веришь. Мне совсем не хочется, как и тебе, госпожа моя, видеть Батиару ввергнутой в новую войну.

Она убрала развевающуюся прядь волос. Ветер резко бил ей в лицо. Она не обращала на него внимания.

— Ты понимаешь, что поэтому я здесь? Не ради собственного спасения? Это... не бегство.

— Понимаю, — ответил Зотик.

— Вопрос не просто в том, кто из нас будет править в Варене. Все дело в Сарантии. Никто во дворце этого не понимает.

— Я знаю, — ответил Зотик. — Они уничтожат друг друга и откроют дорогу для сил с востока. — Он заколебался. — Могу я спросить, чего ты надеешься добиться в Сарантии? Ты говорила о возвращении домой... как ты вернешься, без армии?

Трудный вопрос. Она не знала ответа. Сказала:

— Бывают разные армии. Есть разные степени подчинения. Ты знаешь, что представляет собой сейчас Родиас. Знаешь, что... мы с ним сделали, когда завоевали его. Возможно, мне удастся сделать так, чтобы Варена и остальные части полуострова не были разрушены таким же образом. — Она поколебалась. — Возможно, я даже их остановлю. Как-нибудь.

Он не улыбнулся и не отмахнулся от этих слов.

Только повторил:

— Как-нибудь. Но тогда и ты не вернешься, не так ли?

Она об этом тоже думала.

— Возможно. Наверное, я готова заплатить эту цену. Алхи-

мик, если бы я знала все пути в будущее, я бы не спрашивала совета. Останься со мной. Ты знаешь, что я пытаюсь спасти.

В ответ он поклонился, но проигнорировал повторную просьбу.

— Я знаю, моя госпожа. Для меня было большой честью и остается большой честью, что ты позвала меня.

Это случилось десять дней назад. Она приказала привести его к ней под тем благовидным предлогом, чтобы он снова воспользовался заклинаниями полумира и помог получить облегчение душам мертвых в чумном кургане и душе ее отца тоже, ввиду приближения дня его памяти. Он в первый раз приходил во дворец более года назад, когда насыпали тот курган.

Она запомнила его с того раза: немолодой мужчина, но степенный и наблюдательный, его манеры внушали уверенность. Никакой похвальбы, никакого обещания чудес. Его язычество не имело для нее значения. Анты прежде тоже были язычниками, не так давно, в темных лесах Саврадии и на соседних полях, засеянных кровью.

Говорили, будто Зотик беседует с душами усопших. Поэтому она и позвала его два года назад. То было время всеобщего страха и горя: чума, яростное вторжение племен иниции после нее, короткая, кровавая гражданская война после смерти ее отца. Все отчаянно нуждались в исцелении и в утешении, откуда бы оно ни пришло.

В те первые дни на троне Гизелла искала помощи повсюду, где только могла, чтобы успокоить живых и мертвых. Она приказала этому человеку присоединить свой голос к тем, кто хотел успокоить души мертвых в могильном кургане позади святилища. Тогда, на закате, он присоединился во дворе святилища к хиромантам в высоких шляпах с надписями, пришедшим со своими куриными потрохами, после того как священники прочитали свои молитвы и благочестиво удалились внутрь. Она не знала, что он там говорил или делал, но ей доложили, что он покинул двор последним, при свете встающих лун.

Она вспомнила о нем десять дней назад, после того как Фарос принес ей новости, ужасные, но, по правде сказать, не совсем неожиданные. Алхимик пришел, официально поклонился и стоял, опираясь на свой посох. Они были одни, не считая Фароса.

Она надела корону, что редко делала в одиночестве. Почему-то тогда ей показалось важным надеть ее. Она все еще была

царицей. Она помнила свои первые слова, и ей казалось теперь, на палубе, что он их тоже помнит.

— Меня должны убить в святилище, — сказала она тогда, — на следующий день после Дайканнии, во время поминального обряда по отцу. Так решили Евдрих, Агила и Кердас, эта змея. Они все же объединились. Никогда не думала, что они смогут выступить вместе. Они будут править втроем, как мне сказали, когда я умру. Скажут, что я вела тайные переговоры с инициями.

— Глупая ложь, — заметил Зотик. Он держался очень спокойно, его голубые глаза смотрели мягко и настороженно поверх седой бороды. Она понимала: никого в Варене не может удивить, что ее жизни грозит опасность.

— Она и не должна быть убедительной. Предлог, не более того. Ты понимаешь, что за этим последует?

— Ты хочешь, чтобы я рискнул высказать догадку? Я бы предположил, что Евдрих устранит остальных в течение года.

Она пожала плечами:

— Возможно. Не надо недооценивать Кердаса, но это едва ли имеет значение.

— А, — тихо произнес он тут. Проницательный человек. — Валерий?

— Конечно, Валерий. Валерий и Сарантий. Если наши люди будут разобщены и начнут убивать друг друга в гражданской войне, что остановит его, подумай?

— Несколько вещей могут остановить его, в конце концов, — мрачно ответил он. — Но не сначала. Стратиг, не помню его имени, будет здесь к лету.

— Леонт. Да. К лету. Я должна жить, должна остановить их. Я не хочу падения Батиары, не хочу, чтобы ее снова утопили в крови.

— Никто из людей не может этого желать, царица.

— Тогда ты мне поможешь, — сказала она. Она была опасно откровенной, она уже решила, что у нее нет другого выбора. — Я не доверяю никому из своего двора. Не могу арестовать всех троих, каждый из них повсюду ходит с маленькой армией. Если я обручусь с одним из них, другие на следующий день открыто взбунтуются.

— И тебя низвергнут, ничего тебе не оставят, как только ты объявишь об этом. Они будут убивать друг друга на улицах каждого города и в полях за городскими стенами.

Она смотрела на него, в страхе и тревоге, стараясь не слишком надеяться.

— Значит, ты это понимаешь?

— Конечно, понимаю, — ответил он и улыбнулся ей: — Тебе следовало быть мужчиной, моя госпожа, царем, в котором мы нуждаемся. Но, разумеется, это сделало бы нас всех беднее в другом смысле.

Это была лесть, лесть мужчины женщине. У нее на это не было времени.

— Как мне выбраться отсюда? — напрямик спросила она. — Я должна уехать и остаться в живых, чтобы вернуться. Помоги мне.

Он снова поклонился.

— Я польщен, — сказал он, вынужден был сказать. А затем спросил: — Куда, моя госпожа?

— В Сарантий, — смело ответила она. — Есть корабль.

И увидела, что ей все-таки удалось его удивить. Это даже доставило ей некое удовольствие, несмотря на глубокую тревогу, которая жила в ней и ходила за ней, как тень или как дух из полумира, все ночи и дни.

Она спросила, может ли он убить для нее людей. Она уже задавала этот вопрос раньше, когда они насыпали чумной курган. Тогда она задала этот вопрос мимоходом, просто чтобы знать. Не то, что в этот раз, но его ответ оказался таким же.

— Клинком — конечно, хотя я это плохо умею делать. Ядами, но не более охотно, чем многие из людей, которых ты можешь призвать. Алхимия занимается превращениями, моя госпожа, она не делает вид, будто обладает той властью, на которую претендуют шарлатаны.

— Смерть, — заметила она тогда, — это то, во что превращается жизнь, не так ли?

Она запомнила его улыбку, голубые глаза смотрели ей в лицо с неожиданной нежностью. «Когда-то он был красивым мужчиной, — подумала она, — да он и сейчас красив». Ей пришло в голову, что алхимик чем-то обеспокоен, что на нем лежит какое-то бремя. Она это видела, но никак не могла повлиять на этот факт. Кто в мире Джада живет, не зная горя?

Он сказал:

— Можно смотреть на это и так или иначе, моя госпожа. Можно рассматривать ее, как то же самое путешествие в другом плаще. Тебе необходимо, — прошептал он, меняя тон, — по

крайней мере, провести день и ночь вне этих стен, пока обнаружат твое исчезновение, чтобы благополучно добраться до Милазии. Моя госпожа, для этого требуется, чтобы кто-то, кому ты доверяешь, изображал царицу в день церемонии.

Он умен. Ей это необходимо. Он продолжал. Она слушала.

Она сможет покинуть город переодетой, на вторую ночь Дайкании, когда ворота открыты в честь праздника. Царица наденет на церемонию белый траурный наряд с густой вуалью, как требует родианский поминальный обряд, и это позволит кому-нибудь занять ее место. Она может объявить о намерении удалиться от посторонних взоров в свои личные покои за день до освящения, чтобы помолиться о душе отца. Ее стражники — небольшое количество избранных людей — будут ждать за стенами города и встретят ее на дороге. Одна или две женщины будут ждать вместе с ними, сказал он. Действительно, ей надо будет взять с собой служанок. Двое других стражников, в праздничных маскарадных костюмах, выйдут вместе с ней за ворота в ночной хаос Дайкании и присоединятся к остальным за городом. Они могут даже встретиться у него в доме, сказал Зотик, если это ее устроит. Затем им придется скакать верхом во весь опор до Милазии. Это можно проделать за ночь, день и вечер. Полдюжины стражников будут надежной охраной на дороге. Она умеет скакать верхом? — спросил он.

Она умела. Она ведь была из антов. Ее посадили в седло еще в раннем детстве.

Это было не так уж давно.

Гизелла заставила его повторить план, обсуждая детали, шаг за шагом. Кое-что изменила, кое-что добавила. Ей пришлось это сделать, он плохо знал обычную жизнь во дворце. В качестве дополнительного предлога для своего затворничества перед освящением она прибавила женское недомогание. Анты издавна испытывали страх перед женской кровью. Никто не станет вторгаться к ней.

Она жестом приказала Фаросу налить алхимику вина, и он сидел и ждал, пока она наконец не придумала, кто будет играть ее роль. Кто мог это сделать? И кто захочет? Ни она, ни седобородый мужчина, по глоточку пьющий вино, об этом не говорили, но оба понимали, что эта женщина почти наверняка погибнет.

В конце концов было названо только одно имя. Гизелла ду-

мала, что заплачет при мысли об Аниссе, которая ее вынянчила, но не заплакала. Потом Зотик, глядя на Фароса, прошептал:

— Ему тоже придется остаться, чтобы охранять женщину, переодетую тобой. Даже мне известно, что он никогда тебя не покидает.

Именно Фарос сообщил ей о трехглавом заговоре. Сейчас он посмотрел от двери на мужчину и решительно кивнул головой, потом подошел и встал рядом с Гизеллой. Ее убежище. Ее щит. Всю жизнь. Она посмотрела на него снизу вверх, повернулась к алхимику, открыла рот для возражений, а потом закрыла, словно подавив боль, и ничего не сказала.

Старик говорил правду. Ранящую правду. Фарос всегда был рядом с ней или рядом с дверью ее комнаты, если она находилась внутри. Его должны видеть во дворце, а потом в святилище, пока она будет спасаться бегством, чтобы она могла убежать. Тогда она подняла руку и положила ее на мускулистое предплечье немого гладковыбритого гиганта, который ради нее убивал и был готов умереть за нее, погубить, если надо, ради нее свою душу. Вот тогда полились слезы, но она отвернулась и вытерла их. Непозволительная роскошь.

Очевидно, она рождена в этот мир не для покоя и радости и не для прочной власти — она даже не может удержать подле себя тех немногих, кто ее любит.

* * *

Вот так случилось, что царица антов оказалась почти в одиночестве, когда во вторую ночь Дайкании выбралась, переодетая, из дворца, прошла через город, мимо костров на площадях и пляшущих факелов, и миновала открытые ворота среди буйной, пьяной толпы. А потом, два утра спустя, под серым небом, грозящим дождем, покинула ту единственную землю, которую знала, и уплыла по осеннему морю на восток.

Алхимик, который явился по ее вызову и организовал ее бегство, ждал в Милазии. Перед тем как покинуть свой дом десять дней назад, он попросил подбросить его в Саврадию на корабле императора. Ему тоже надо уладить дело с превращениями, объяснил он. Дело, которое осталось незавершенным очень давно.

Он полагал, что она никогда не узнает, как глубоко растрогала его.

Девочка-царица, одна, противоестественно серьезная, шарахающаяся от теней, от слов, от самого ветра. И какой мужчина посмеет винить ее за это? Ее осадили со всех сторон, угрожали, в ее собственном городе открыто бились об заклад, в какое время года она умрет. И все же достаточно мудрая — одна во всем дворце, — чтобы понять, что племенные дрязги антов должны прекратиться, иначе они снова станут всего лишь одним из племен и будут изгнаны с полуострова, на который предъявляли права, начнут рубить друг друга в куски, сражаясь с другими племенами варваров за жизненное пространство. Сейчас он стоял на причале в гавани Мегария, закутавшись в плащ, и смотрел, как сарантийский корабль снова уходит в море, унося царицу антов в тот мир, который почти наверняка окажется слишком опасным и сложным даже для ее блестящего ума. Некоторые истины жестоки.

«Она доплывет туда», — подумал Зотик; он уже оценил этот корабль и капитана. В свое время он много путешествовал, знал дороги и море. Торговое судно, широкое, неуклюжее, с глубоким трюмом, подвергалось бы серьезному риску в такое время года. Торговое судно не доплыло бы. Но это был корабль, посланный специально за царицей.

Она доберется до Сарантия, увидит Город, которого он сам никогда не видел, но он не замечал в ней никакой радости по этому поводу. Однако дома ее ждала только смерть, верная смерть, а она еще достаточно молода — страшно молода, — чтобы цепляться за жизнь и за ту надежду, которая еще осталась в поджидающей тьме или в свете ее бога, возможной награде после жизни.

Его боги другие. Он намного старше. «Не всегда нужно бояться долгой тьмы», — подумал он. Продолжать жить — не бесспорное благо. Следует искать гармонию, равновесие. Всему свое время. «То же самое путешествие в другом плаще», — подумал он. Сейчас осень, и не только в буквальном смысле.

Они стояли на борту корабля и смотрели, как исчезает Батиара в серой мгле за кормой, и был такой момент, когда он увидел, как она прикидывает, не попытаться ли соблазнить его. Это надорвало его сердце. В тот момент ради Гизеллы, ради юной царицы народа, к которому он не принадлежал, Зотик мог

бы отказаться от своих собственных дел, от истины, которую он познал в душе, и плыть в Сарантий.

Но в мире существуют силы более могущественные, чем правители, и он отправился в путь, чтобы встретиться с одной из них в знакомом ему месте. Мартиниан и нотариус получили необходимые документы. Иногда в его сердце проникал страх, после того как к нему пришло решение, — только тщеславный глупец стал бы это отрицать, — но ни малейшей тени сомнения, что нужно это сделать.

В начале осени он услышал внутри себя крик, знакомый голос с далекого востока, невообразимо далекого. И тогда же, некоторое время спустя, пришло письмо от друга Мартиниана, того художника, которому он отдал птицу. Линон. И читая осторожные слова, вникая в смысл, скрытый в уклончивых, туманных фразах, он понял, что это был за крик. Линон. Первая, малышка. Это действительно было прощание, и даже нечто большее.

В ту ночь, когда принесли письмо, сон не шел к нему. Он встал с постели, сел на стул с высокой спинкой, потом встал в дверном проеме и стоял там, завернувшись в одеяло и глядя на смешанный свет осенних лун и звезд в ясной ночи. Все в этом мире — его комнаты, его огород, сад за ним, каменная стена, поля и леса за лентой дороги, две луны, которые поднимались все выше, а затем садились, пока он стоял у распахнутой двери, бледный восход, когда он наконец наступил, — все это показалось Зотику почти невыносимо дорогим, непостижимым, необыкновенным, окутанным славой богов и богинь, которые существуют, все еще существуют.

К рассвету он принял решение, или, правильнее сказать, оно было принято за него. Ему придется уйти, снова уложить в свой дорожный мешок — из старого, покрытого пятнами, брезента, с ремешками из эсперанской кожи, купленный тридцать лет назад, — дорожные припасы и другие вещи, которые ему придется нести, и пуститься в долгий путь пешком в Саврадию, в первый раз почти за двадцать лет.

Но в то же самое утро — так невидимые силы полумира иногда имеют обыкновение дать знать человеку, что он явился в нужное место, пришел к правильному пониманию, — прибыл гонец из Варены, из дворца, от юной царицы, и он отправился к ней.

Он выслушал то, что она ему сказала, без удивления, потом

на короткое время удивился. Он продумал для Гизеллы так тщательно, как мог, план побега и объяснил его ей, как будто делал подарок. Она была моложе его никогда не виденных дочерей и сыновей, но в то же время, возможно, старше, чем когда-либо станет любой из них. Он пожалел ее и справился со своими мрачными мыслями и страхом, с растущим пониманием того, что она сделала давно и собирается сделать сейчас.

Затем он спросил, позволит ли она ему плыть вместе с ней до Мегария.

И вот он стоит здесь и смотрит на юг, за линию ветра и белых волн, а холодный дождь хлещет его по лицу. Мешок лежит у него в ногах на каменном пирсе, так как он хорошо знает жизнь гаваней. Он уже не молод, а пристани повсюду являются опасным местом. Но он не чувствовал страха; во всяком случае, страха перед этим миром.

Этот мир окружал его со всех сторон, даже под осенним дождем: моряки, чайки, торговцы едой, таможенники, нищие, утренние проститутки, укрывшиеся на портиках, рыбаки с удочками, ловящие с причала осьминогов, дети гавани, за брошенную монетку привязывающие корабельные канаты. Летом они ныряют. Но сейчас слишком холодно. Он уже бывал здесь раньше, много раз. Тогда он был другим человеком. Молодым, гордым, гоняющимся за тайнами и загадками бессмертия, которые можно открыть, подобно устрице, и найти внутри жемчужину.

Он подумал о том, что у него почти наверняка есть здесь дети. Ему не пришло в голову отыскать их. Нет смысла, не время. «Это будет означать потерю целостности», — подумал он. Чистой сентиментальностью. Престарелый отец во время последнего, долгого путешествии пришел обнять своих дорогих детей.

Это не о нем. Он никогда не принадлежал к таким людям. Он предпочел объятия полумира.

— *Он ушел?* — спросила Тереза из мешка. Все семеро лежали там, невидимые, но не получившие приказа молчать. Он никогда не приказывал им молчать.

— *Корабль? Да, ушел. На юг.*

— *А мы?* — Тереза обычно говорила за остальных, когда они соблюдали порядок: привилегия сокола.

— *Мы тоже уходим, моя дорогая. Уходим прямо сейчас.*

— *В дождь?*

— *Мы и раньше ходили под дождем.*

Он нагнулся, вскинул на плечо мешок, гладкие, гибкие кожаные ремни легко пристроились на плече. Груз не казался тяжелым, даже через столько лет. «Так и должно быть», — подумал он. У него там одна смена одежды, немного еды и питья, нож, одна книга и птицы. Все птицы, все отобранные и искусно изготовленные птичьи души — результат его смелости и темного мастерства.

На столбике сидел мальчишка лет восьми и наблюдал, как он смотрит вслед кораблю. Зотик улыбнулся, сунул руку в кошелек у пояса и бросил ему серебряную монету. Мальчик ловко поймал ее и широко раскрытыми глазами уставился на серебро.

— За что? — спросил он.

— На счастье. Поставь за меня свечку, малыш.

Он зашагал прочь, опираясь на посох, сквозь дождь, с высоко поднятой головой и прямой спиной, на северо-восток через город, чтобы выйти на имперскую дорогу через обращенные к суше ворота, как поступал столько раз давным-давно. Но теперь ему предстояло сделать нечто совсем другое: закончить тридцатилетнюю историю, историю жизни, которую невозможно рассказать, вернуть птиц домой, чтобы их призванные и собранные им души могли обрести свободу.

Тот крик вдалеке был посланным ему сообщением. Он думал, когда был молод, читая древних авторов, работая над необыкновенным, устрашающим опытом по алхимии, что жертвоприношение в лесу Саврадии имеет здесь самое важное значение, дань уважения силе, которой поклонялись в этом лесу. Что души тех, кого отдали лесному богу, — всего лишь отходы, что они не важны, их можно свободно забрать, если овладеть соответствующим темным искусством.

Но это не так. Все наоборот. Он действительно открыл, что обладает этим знанием, внушающей ужас и восторг способностью совершать перемещение душ. Но в начале этой осени, стоя во дворе своего дома утром, он услышал внутри себя голос, позвавший из Древней Чащи. Линон, своим собственным, женским голосом, — он слышал его только один раз, сидя в укрытии, когда ее убили в лесу, — и он, уже старый человек, понял, в чем ошибался много лет назад.

То, что обитало в том лесу, требовало отдать души. Их нельзя было забирать.

Что ждет его самого среди деревьев, Зотик не знал, хотя он когда-то взял нечто, ему не предназначенное, а равновесие и возмещение лежали в основе его собственного искусства и тех наук, которые он изучал. Только глупец не признается в своем страхе. Дар предсказания не входил в перечень его достоинств. В мире существуют силы, более могучие, чем правители.

Он думал о юной царице, плывущей на корабле. Он думал о Линон: о том самом первом разе, пронизывающем до костей страхе, о силе и благоговении. Холодный дождь, хлеставший сейчас ему в лицо, был тем поводком, который привязывал его к этому миру. Он прошел по Мегарию и достиг стен, увидел дорогу, ведущую в открытые ворота, и в серой дали впереди замаячила Древняя Чаща.

Тут он остановился, всего на мгновение, глядя на нее, и почувствовал сильное биение смертного сердца в своей груди. Кто-то налетел на него сзади, выругался по-сарантийски и пошел дальше.

— *Что там?* — спросила Тереза. Сокол, который быстро соображает.

— *Ничего, дорогая. Воспоминание.*

— *Почему воспоминание — это ничего?*

Действительно, почему? Он не ответил, пошел дальше с посохом в руке, через ворота. Переждал в канаве, пока проедет компания купцов на конях со своими нагруженными мулами, потом снова зашагал. Столько раз он шагал здесь один осенним утром, он уже смутно это помнил, в поисках славы, знаний, скрытых тайн мира. Полумира.

К полудню он уже шел по главной дороге, бегущей на восток, и огромный лес шагал вместе с ним, с северной стороны, очень близко.

Он оставался там на протяжении всех следующих дней пути, под дождем, под бледными, недолгими проблесками солнечного света. Мокрые, тяжелые, разноцветные листья почти все уже опали. Из угольных ям поднимался дым, вдалеке стучали топоры, слышалось журчание невидимого ручья, южнее дороги паслись овцы и козы, стоял одинокий пастух. Однажды из леса выскочил дикий кабан, а затем, ошеломленный внезапным светом, так как облака открыли солнце, метнулся назад, в темноту, и исчез. Лес оставался на месте и по ночам, за закрытыми ставнями постоялых дворов, где Зотика уже никто не помнил в общем зале и никто не узнавал после столь долгого перерыва.

Там алхимик ел и пил в одиночестве и не водил наверх девушек, как когда-то, а с первыми лучами рассвета уже шагал дальше.

И лес был там, на расстоянии броска камня мальчишки от дороги, ближе к вечеру последнего дня, когда вечерний мелкий дождь уже кончился и заходящее солнце стояло низкое и красное у самой земли. Зотик отбрасывал длинную тень вперед, когда проходил через деревню, которую помнил. Сейчас, в конце холодного дня, ставни были закрыты, и на единственной улице не оказалось ни души. Тень привела его вскоре после деревни к постоялому двору, где он всегда останавливался до того, как выходил в темноте, перед рассветом, и делал то, что он делал в День Мертвых.

Зотик в нерешительности остановился на дороге возле постоялого двора. Из-за забора доносились разные звуки. Ржание коней, потрескивание катящейся телеги, стук молота на кузнице, болтовня конюхов. Залаяла собака. Кто-то рассмеялся. Подножия гор, которые загораживали береговую линию и море, поднимались за постоялым двором, луг в сумерках был усеян козами. Ветер стих. Зотик оглянулся назад, на красное солнце и подсвеченные красным облака на горизонте. Они обещали завтра лучший день. В гостинице должен гореть очаг, там подогревают вино с пряностями, чтобы согреться.

— *Мы боимся*, — услышал он.

Не Тереза. Мирель, которая никогда не разговаривает. Он сделал ее малиновкой, с медной грудкой, маленькой, как Линон. Все они имели один и тот же голос, с кислыми патрицианскими интонациями того юриста, рядом со свежей могилой которого он проводил свои темные обряды. В этом была неожиданная ирония... в том, что девять душ саврадийских девушек, принесенных в жертву в роще Древней Чащи, разговаривают голосом высокомерного судьи из Родиаса, убитого перепившим пьяницей. Одинаковые голоса, но он знал тембр голоса каждой души так же хорошо, как собственный.

— *О, дорогие мои,* — мягко произнес он, — *не надо бояться.*

— *Не за себя.* — Это сказала Тереза. С оттенком нетерпения. — *Мы знаем, где находимся. Мы боимся за тебя.*

Этого он не ожидал. И не нашел, что ответить. Он снова оглянулся на дорогу, потом посмотрел вперед, на восток. Никто не ехал по ней, никто не шел. Все здравомыслящие смертные спрятались за стенами в конце дня, под крышами, закрыли ставнями окна, зажгли огонь от холода и уже почти полной тем-

ноты. Его тень лежала на имперской дороге, рядом с тенью посоха. Испуганный заяц выскочил с поля и понесся зигзагами в косых лучах к мокрой придорожной канаве. Солнце и облака на западе над ним были красными, как огонь, как последние отблески огня.

Нет никакого смысла ждать утра, каким бы погожим оно ни оказалось.

Зотик зашагал дальше, один на дороге, оставив позади огни постоялого двора, и вскоре подошел к маленькому, плоскому мостику через придорожный ров с северной стороны дороги. Он узнал это место, прошел по мостику, как много, очень много лет назад, и зашагал по мокрой, темной, осенней траве поля, а когда подошел к черной опушке леса, то не остановился, а вошел в давящую, поджидающую темноту этих древних деревьев, вместе с семью душами и своей собственной душой.

За его спиной, в мире, село солнце.

В Древней Чаще царила тьма, и ночь не порождала ее, а углубляла. Утро было чем-то далеким, доступным лишь интуитивному ощущению, а не сменой пространства или времени. Луны узнавались по притяжению, а не по сиянию, хотя иногда их можно было мельком увидеть, а иногда звезда сверкала среди черных ветвей и трепещущих листьев, над клочьями тумана.

На той поляне, где каждую осень жрецы в масках проливали кровь, совершая обряд настолько древний, что никто не знал, как он начался, эти истины менялись, становились мелкими. Деревья здесь расступались как раз настолько, чтобы позволить проникнуть свету, когда щупальца тумана отступали. Полуденное солнце могло окрасить листья весной и летом в зеленый цвет или в красно-золотой после осенних заморозков. Белая луна в разгар зимы придавала черным ветвям холодную, скромную красоту, голубая снова возвращала их в чуждый полумир. И можно было видеть различные вещи.

Например, растоптанную траву, опавшие листья и землю. По ней только что ступали копыта, которые должны были быть слишком тяжелыми для земли. Или семь птиц, лежащих на твердой земле, искусственных птиц. Или человека рядом с ними. Правильнее сказать, то, что осталось от человека. Лицо его осталось нетронутым. Выражение его при свете голубой в

тот момент луны было безмятежным, смирившимся, запечатлевшим покой.

Он вернулся по своей воле: это учитывалось, принималось в расчет, снимало часть долга. Тело его было окровавлено, вспорото от паха до грудины. Кровь и внутренности открыты свету, и кровавый след тянулся по траве прочь, туда, куда вели отпечатки копыт.

Старый, потрепанный дорожный мешок лежал на земле немного поодаль. С широким кожаным эсперанским ремнем, изношенным до мягкости.

На поляне стояла тишина. Время текло. Голубая луна скользнула через открытые участки наверху и убежала прочь от этого зрелища. Ни ветра, ни звука в голых ветвях, ни шороха опавших листьев. Ни одна сова не кричала в Древней Чаще, не пел соловей, не раздавались тяжелые шаги зверя или возвращающегося бога. Теперь уже нет. Это было и прошло. И повторится снова и снова, но не сегодня ночью.

Затем в эту тишину в холодной ночи ворвался разговор. Говорили птицы на траве и одновременно не они. В воздухе, во тьме, слышались голоса женщин, мягкие, как листья, женщин, которые умерли здесь давным-давно.

— *Ты его ненавидишь?*

— *Сейчас? Посмотри, что с ним сделали.*

— *Не только сейчас. Всегда. Прежде. Я никогда не питала к нему ненависти.*

Снова настала тишина, на некоторое время. Время здесь мало значило, его трудно было понять, разве только по звездам, ускользающим из виду, когда их можно было видеть.

— *И я.*

— *И я. А следовало?*

— *Как это?*

— *Правда. Как это?*

— *И посмотрите только,* — сказала Линон, то были ее первые слова, и она была первой из них, кого увели отсюда, а затем вернули, — *посмотрите, как он заплатил.*

— *Но он не боялся, правда?* — Тереза.

— *Нет, боялся,* — возразила Линон. Дыхание в тишине. — *Но уже не боится.*

— *Где он?* — Мирель.

Никто на это не ответил.

— *А! Это я знаю. Мы уже там. Нас нет. Стоит только попрощаться, и нас нет,* — сказала Линон.

— *Тогда прощайте,* — сказала Тереза. Сокол.

— *Прощайте,* — прошептала Мирель.

Друг за другом они прощались, шелестели слова в темном воздухе, и души улетали. В конце Линон, которая была самой первой из всех, осталась одна, и в тишине рощи она сказала последние слова человеку, лежащему рядом с ней на траве, хотя он теперь не мог ее слышать, а потом произнесла кое-что еще. Более нежное, чем прощание, а потом, наконец, ее душа обрела освобождение, в котором ей так долго отказывали.

И вот так это тайное знание и эти переселенные души ушли из созданного богом мира, где жили и умирали мужчины и женщины, и птиц алхимика Зотика больше никто не видел под солнцем и лунами. Кроме одной.

Когда осень снова пришла в мир смертных, уже сильно изменившийся, те, кто явился на рассвете в День Мертвых, чтобы совершить древние, запретные обряды, не нашли ни мертвого человека, ни искусственных птиц в траве. Там был посох и пустой мешок с кожаным ремнем, и они удивились этим вещам. Один человек взял посох, другой — мешок, когда покончили с тем делом, ради которого пришли сюда.

Случилось так, что этим двоим потом всю жизнь сопутствовала удача, а потом их детям, которым достались посох и мешок после смерти родителей, а потом детям их детей.

В мире существуют силы, более могущественные, чем правители.

* * *

— Я был бы чрезвычайно благодарен, — сказал священник Максимий, главный советник восточного патриарха, — если бы кто-нибудь объяснил нам, почему столь абсурдно крупную корову надо изображать на куполе Святилища божественной мудрости Джада. Что этот родианин выдумывает?

Ненадолго воцарилось молчание, достойное высокомерных, язвительных интонаций, с которыми было сделано данное замечание.

— Я полагаю, — серьезно произнес архитектор Артибас,

бросив взгляд на императора, — что это животное, собственно говоря, бык.

Максимий фыркнул.

— Я, конечно, готов с радостью склониться перед твоими познаниями, но вопрос тем не менее остается.

Патриарх, сидящий на мягком сиденье со спинкой, позволил себе слегка улыбнуться под прикрытием седой бороды. Лицо императора осталось бесстрастным.

— Смирение тебе к лицу, — достаточно мягким тоном ответил Артибас. — Возможно, тебе стоит его культивировать. Обычно у людей принято — возможно, у клириков дело обстоит иначе, — приобретать знания до того, как высказывать свое мнение.

На этот раз улыбнулся Валерий. Был поздний вечер. Все знали о рабочем дне императора, и Закариос, восточный патриарх, давно уже приспособился к нему. Между этими двумя людьми установились отношения, построенные на неожиданной личной привязанности и подлинной напряженности между их ведомствами и их ролями. Напряженность проявлялась в действиях и высказываниях их подчиненных. Это также развивалось годами. Они оба знали об этом.

Не считая слуг и двух зевающих секретарей императора, стоящих в тени неподалеку, в этом помещении, в палате небольшого Траверситового дворца, находилось пять человек, и все они раньше потратили некоторое время, рассматривая рисунки, из-за которых они здесь собрались. Мозаичника с ними не было. Считалось, что ему присутствовать незачем. Пятый человек, Пертений Евбульский, секретарь верховного стратига, делал заметки, изучая наброски. Неудивительно: задачей историка было описывать строительные проекты императора, а Великое святилище было жемчужиной среди них.

И это придавало предварительным рисункам мозаик для купола исключительную важность как эстетическую, так и теологическую.

Закариос, сложив свои толстые, короткие пальцы домиком, покачал головой, когда слуга предложил ему вина.

— Бык или корова, — сказал он, — это необычно... большая часть рисунка необычна. Ты согласен, мой повелитель? — Он поправил наушник своей шапки. Он понимал, что этот необычный головной убор с болтающимися под подбородком завязками его не украшает, но он уже вышел из того возраста, когда подобные вещи имеют значение, и его больше волновало то, что еще не наступила зима, а он уже все время мерзнет, даже в помещении.

— Едва ли можно с этим не согласиться, — пробормотал Валерий. Он был одет в темно-синюю шерстяную тунику и новомодные штаны с поясом, заправленные в черные сапоги. Рабочая одежда, ни короны, ни драгоценностей. Из всех находящихся в комнате он единственный, казалось, не замечал позднего времени. Голубая луна уже высоко поднялась на западе, над морем. — Должны ли мы предпочесть более «обычные» рисунки для этого святилища?

— Этот купол служит божественным целям, — твердо заявил патриарх. — Изображения на нем — в самой высшей точке святилища — должны внушать верующим благочестивые мысли. Это не дворец для смертных, мой повелитель, это олицетворение дворца Джада.

— И тебе кажется, — спросил Валерий, — что предложение родианина ему не соответствует? Правда? — Вопрос прозвучал резко.

Патриарх колебался. У императора была неприятная привычка задавать такие прямые вопросы, минуя детали и переходя к главному. Дело в том, что наброски углем будущих мозаик были ошеломляющими. Невозможно подобрать для них другого простого определения, во всяком случае, ничего другого не приходило в голову патриарху в столь поздний час.

Ну можно найти еще одно определение: они внушали смирение.

«Это хорошо», — подумал он. Не так ли? Этот купол венчал святилище — помещение, предназначенное для воздаяния почестей богу, как дворец дает кров и возвышает смертного правителя. Возвышение бога должно быть более грандиозным, ибо император — всего лишь его наместник на земле. Последнее, что он слышит перед смертью, — это голос посланника Джада: «Покинь престол свой, повелитель императоров ждет тебя».

Чтобы верующие чувствовали благоговение, огромную силу над собой...

— Рисунок необыкновенный, — откровенно сказал Закариос — с Валерием рискованно не быть откровенным. Он опустил руки на колени. — Он также внушает... тревогу. Хотим ли мы, чтобы верующим было не по себе в доме бога?

— Я даже не знаю, где нахожусь, когда смотрю на это, —

обиженным голосом произнес Максимий, подходя к широкому столу, где стоял над рисунками Пертений Евбульский.

— Ты находишься в Траверситовом дворце, — с готовностью подсказал маленький архитектор Артибас. Максимий бросил на него полный злобы взгляд.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Закариос. Его главный советник был чопорным, колючим, педантичным человеком, но хорошо справлялся со своей работой.

— Ну смотрите, — ответил Максимий. — Мы должны представить себе, что стоим под куполом, внутри святилища. Но вдоль, я полагаю... восточного края родианин разместил, очевидно, Город... и показал само святилище, видимое издалека...

— Да, словно с моря, — тихо согласился Валерий.

— ...итак, мы будем находиться внутри святилища, но должны представить себя смотрящими на него издалека. Это... у меня это вызывает головную боль, — решительно закончил Максимий. Он прикоснулся ко лбу, словно для того, чтобы подчеркнуть эту боль. Пертений бросил на него косой взгляд.

Снова ненадолго все замолчали. Император посмотрел на Артибаса. Архитектор объяснил с неожиданным терпением:

— Он показывает нам Город, придавая ему очень большое значение. Сарантий, царь всех городов, слава мира, и в таком изображении присутствует святилище, как и должно быть, вместе с ипподромом, дворцами Императоркого квартала, стенами со стороны суши, гаванью, кораблями в гавани...

— Но, — возразил Максимий, тыча пальцем вверх, — при всем уважении к нашему славному императору, Сарантий — слава этого мира, в то время как дом бога славит миры над этим миром... так должно быть. — Он оглянулся на патриарха в поисках одобрения.

— А что находится над ним? — мягко спросил император.

Максимий быстро обернулся:

— Мой повелитель? Прости... над чем?

— Над Городом, священник. Что там?

Максимий сглотнул.

— Джад, мой император, — ответил историк Пертений. Патриарх подумал, что голос секретаря звучит отчужденно, словно ему не хочется участвовать во всем этом. Только записывать события. Тем не менее он сказал правду.

Закариос видел рисунки со своего места. Бог действительно находился над Сарантием, величественный и царственный в

своей солнечной колеснице, он поднимался, подобно солнечному восходу, прямо вверх, и у него была безукоризненная борода по восточной моде. Закариос почти ожидал, что придется выступать против смазливого золоченого западного образа, но родианин не сделал Джада таким. Джад на его куполе был темным и суровым, каким его знали восточные верующие, он заполнял собой одну часть купола, почти до его вершины. Если это можно сделать, получится великолепно.

— Действительно, Джад, — сказал император Валерий. — Родианин показывает наш Город во всем величии — Новый Родиас, как назвал его Сараний вначале, как он был задуман, — а над ним, там, где он должен быть и где всегда находится, художник изобразил нам бога. — Он повернулся к Закариосу. — Господин патриарх, какой непонятный смысл заложен в этом? Что ощутит в своем сердце ткач, или башмачник, или солдат, стоя под этим изображением и глядя вверх?

— Более того, мой повелитель, — тихо прибавил Артибас. — Посмотри на западный обод купола, который показывает нам Родиас в руинах, — напоминание о том, как непрочны достижения смертных. И взгляни — вдоль северного края будет изображен мир таким, каким создал его бог, во всем его великолепии и разнообразии: мужчины и женщины, маленькие дети, различные животные, птицы, холмы, леса. Представьте себе эти деревья в осеннем лесу, господа, как указано в примечаниях. Представьте себе листья в цвете над головой, освещенные светильниками или солнцем. Этот бык — часть этой картины, часть того, что сотворил Джад, так же, как море у южного края купола, омывающее Город. Мой император, мой патриарх, родианин предлагает нам в мозаике на куполе передать такую широкую картину божьего мира, что я... я должен признаться, что нахожу это потрясающим.

Голос его замер. Историк Пертений бросил на него странный взгляд. Никто сразу не заговорил. Даже Максимий молчал. Закариос провел рукой по бороде и посмотрел на императора. Они знали друг друга уже давно.

— Потрясающим, — повторил патриарх, словно брал себе это слово. — Не слишком ли амбициозно?

И увидел, что попал в больное место. Валерий несколько мгновений смотрел прямо на него, потом пожал плечами:

— Он нарисовал это и берется сделать, если мы дадим ему

людей и материалы. — Он снова пожал плечами. — Я могу отрубить ему руки и ослепить его, если он потерпит неудачу.

При этих словах Пертений поднял взгляд, его худое лицо ничего не выражало. Потом он снова перевел взгляд на рисунки, которые продолжал рассматривать.

— Можно задать вопрос? — тихо спросил он. — Не отсутствует ли здесь равновесие, мой повелитель? Бог всегда находится в центре купола. Но здесь Джад и Город находятся на востоке, бог поднимается вверх с этой стороны к вершине... Но на западе нет ничего, равного ему. Даже кажется, что этот рисунок... требует с другой стороны какой-то фигуры.

— Он даст нам небо, — сказал Артибас, подходя к нему. — Земля, море и небо. В примечаниях описывается закат, на западе, над Родиасом. Представьте это себе в цвете.

— Даже в этом случае я вижу затруднение, — сказал длинноликий секретарь Леонта. Он положил ухоженный палец на угольный набросок. — Со всем уважением, господа, вы могли бы предложить ему что-нибудь здесь разместить. Более, гм, ну... что-нибудь. Равновесие. Ибо, как всем нам известно, равновесие — это все для добродетельного человека. — Он быстро поджал свои тонкие губы, приняв набожный вид.

«Вероятно, это сказал кто-то из языческих философов», — кисло подумал Закариос. Ему не нравился историк. Этот человек всегда присутствует, наблюдает и никогда не выдает своих мыслей.

— Пусть это так, — произнес Максимий слишком капризным тоном, — но моя головная боль от этого не утихает, могу вам сказать.

— И мы все очень благодарны, что ты нам об этом сообщил, священник, — тихо заметил Валерий.

Максимий вспыхнул под своей черной бородой, а затем, при виде ледяного выражения лица Валерия, не вязавшегося с его мягким тоном, побледнел. «Иногда слишком легко забыть, — подумал Закариос, сочувствуя своему помощнику, — из-за любезных манер и открытого поведения императора, как Валерий посадил на престол своего дядю и как он сам удержал власть».

Патриарх вмешался в разговор:

— Готов заявить, что я доволен. Мы не видим здесь ереси. Богу оказаны все почести, и земная слава Города должным образом изображена под покровительством Джада. Если импера-

тор и его советники удовлетворены, мы одобрим этот рисунок от имени клириков господа и благословим работу и ее завершение.

— Благодарю, — произнес Валерий. Его кивок был быстрым, официальным. — Мы надеялись, что ты это скажешь. Это изображение достойно святилища, как мы считаем.

— Если это можно сделать, — заметил Закариос.

— Такая опасность всегда существует, — ответил Валерий. — Многое из того, что люди стремятся осуществить, заканчивается неудачей. Выпьешь еще вина?

Было уже очень поздно. И еще позднее, когда двое священников, архитектор и историк удалились, сопровождаемые Бдительными, которые должны были проводить их из квартала. Когда они покидали комнату, Закариос увидел, как Валерий подозвал одного из своих секретарей. Тот бросился к нему, спотыкаясь, из тени у стены. Дверь еще не успела закрыться, а император уже начал диктовать ему.

Закариос вспомнил эту картину, а также свое ощущение, глубокой ночью, пробудившись от сна.

Он редко видел сны, но в этом сне он стоял под куполом, сделанным родианином. Он был готов, завершен, и, глядя вверх при свете висящих канделябров, масляных ламп и массы свечей, Закариос понял его целиком, как единое целое, и осознал, что происходит на западной стороне, где напротив бога не было ничего, кроме заката.

Закат в то время, когда восходит Джад? Напротив бога? «Здесь все-таки есть ересь», — подумал он, внезапно садясь на постели, проснувшийся и растерянный. Но он не мог вспомнить, что это за ересь, и снова провалился в беспокойный сон. К утру он забыл все, кроме того момента, когда он вдруг вскочил в темноте, а сон о мозаике, залитой светом свечей, ускользнул от него в ночи, подобно воде в стремительном потоке, подобно падающим летним звездам, подобно прикосновению любимых, которые умерли и исчезли.

* * *

Все дело в том, чтобы видеть, всегда говорил Мартиниан, и Криспин учил тому же всех подмастерьев много лет, страстно в это веря. Ты видишь внутренним взором, смотришь с пристальным вниманием на мир и на то, что он тебе являет, тщательно

подбираешь кусочки смальты, камня и — если они есть — полудрагоценных камней. Стоишь или сидишь в палате дворца, или в церкви, или в спальне, или в пиршественном зале, где предстоит работать, и наблюдаешь, что происходит в течение дня при смене освещения, а потом ночью зажигаешь свечи или лампы, оплачивая их из своего кармана, если надо.

Ты подходишь вплотную к той поверхности, над которой будешь работать, прикасаешься к ней — как он делает сейчас, стоя на помосте на головокружительной высоте над полированными мраморными полами Святилища Артибаса в Сарантии, — и снова и снова осматриваешь и ощупываешь пальцами поверхность, предоставленную тебе. Никакая стена не бывает совершенно гладкой, никакая арка купола не может достичь совершенства. Дети Джада не созданы для совершенства. Но ты можешь воспользоваться недостатками. Можешь их компенсировать и даже превратить в достоинства... если ты знаешь, какие они и где они находятся.

Криспин вознамерился запомнить кривизну этого купола, на вид и на ощупь, прежде чем позволит уложить хотя бы нижний слой грубой штукатурки. Он победил в первом споре с Артибасом, получив неожиданную поддержку главы гильдии каменщиков. Влага — враг мозаик. Они должны наложить защитный слой смолы на все кирпичи и начать эту работу, как только он покончит с этим участком. Затем бригада плотников вобьет тысячи гвоздей с плоскими шляпками в этот слой и между кирпичами, оставив слегка выступающие шляпки, чтобы помочь схватиться первому, грубому слою штукатурки — шероховатой смеси песка с толченым кирпичом. Этот способ почти всегда применяют в Батиаре, но он практически неизвестен здесь, на востоке, и Криспин горячо настаивал, чтобы гвозди вошли глубоко, и тогда штукатурка прочно схватится, особенно на кривизне купола. Он собирался заставить их сделать то же самое и на стенах, хотя пока не сказал об этом Артибасу и плотникам. Кроме того, насчет стен у него были и другие идеи. О них он тоже пока не говорил.

После первого слоя штукатурки будет еще два, как они договорились, тонкий, а потом еще тоньше. И на последнем слое он будет работать вместе с выбранными им самим мастерами и подмастерьями, следуя рисункам, которые представил и которые уже одобрены двором и клириками. И в процессе работы

будет стремиться изобразить здесь ту часть мира, какая ему известна и какую он сможет объять в одной мозаике. Не меньше.

Ибо правда в том, что он и Мартиниан все эти годы ошибались, или были не совсем правы.

Это была одна из самых трудных истин, которые Криспин узнал во время путешествия. Он покинул дом с горечью и перешел в другое состояние, которое пока не мог определить. Умение видеть действительно лежит в основе этого искусства света и цвета — так и должно быть, но это еще не все. Человек должен смотреть, но в основе его видения должно лежать страстное желание, необходимость, предвидение. Если ему когда-либо суждено добиться чего-то, хотя бы приблизиться к незабываемому образу Джада, который он видел в той маленькой церкви у дороги, то ему необходимо найти в себе глубину чувства, близкую к той, что была у неизвестных, страстно верующих людей, которые создали там образ бога.

У него никогда не будет их чистой, непоколебимой уверенности, но ему казалось, что у него в душе сейчас чудесным образом существует нечто, равное ей. Он пришел из-за городских стен на угасающем западе, неся в своем сердце три мертвых души и птичью душу на шее, и пришел к более высоким стенам здесь, на востоке. Из города в Город, прошел через глушь и туман, вошел в лес, внушающий ужас — он не мог не внушать ужас, — и вышел живым. Ему подарили жизнь или, возможно, правильнее сказать, что его жизнь, и жизнь Варгоса и Касии куплена ценой души Линон, оставленной там, на траве, по ее собственному приказу.

Он видел создание в Древней Чаще и его сохранит в себе до конца дней. Так же, как Иландра будет в нем, и девочки. Ты движешься сквозь время, и что-то остается позади и все же остается с тобой, такова природа жизни человека. Криспин пытался этого избежать, спрятаться после их смерти. Это невозможно.

— Ты не сделаешь им чести, если будешь жить так, словно и ты тоже умер, — сказал ему тогда Мартиниан, вызвав гнев, граничащий с яростью. Криспин ощутил глубокий прилив нежности к своему далекому другу. Именно сейчас, высоко над хаосом Сарантия, ему казалось, что есть так много всего, чему он хотел бы воздать почести, или возвысить — или поставить своей задачей это сделать. Ибо нет необходимости, нет справедливости в том, чтобы дети умирали от чумы, или юных девушек раз-

резали на куски в лесу, или продавали в горький час за хлеб на зиму.

Если это и есть мир, каким бог — или боги — создал его, тогда смертный человек, этот смертный человек, может признать его и почтить силу и бесконечное величие, которые в нем существуют. Но он не признает, что это правильный мир, и не покорится, будто он — всего лишь пыль или ломкий лист, сорванный с осеннего дерева, беспомощно летящий по ветру.

Может быть, так и есть, все мужчины и женщины могут быть столь же беспомощными, как этот лист, но он не признает этого, и он сделает здесь, на куполе, нечто такое, что будет рассказывать — или внушать мысли — обо всем этом, и не только об этом.

Криспин совершил путешествие сюда, чтобы сотворить свой мир. Совершил свое плавание и, вероятно, все еще плывет, и он вложит в мозаики этого святилища столько от настоящего путешествия и того, что было в нем и за ним, сколько сможет передать его желание и его мастерство.

Он даже изобразил бы здесь Геладикоса, хотя знает, что его могут за это искалечить или ослепить. Пусть в замаскированном виде, намеком, в луче закатного света, самим отсутствием. Кто-нибудь посмотрит вверх, кто-нибудь настроится определенным образом на изображение и сможет сам поместить сына Джада туда, где картина требует его присутствия, падающего на павшем западе с факелом в руке. А факел обязательно будет там, копье света из низких закатных облаков, пронзившее небо или летящее с небес к земле, где живут смертные.

Он изобразит здесь Иландру и девочек, свою мать, лица его жизни, так как для таких образов есть место, и место их здесь, они — часть путешествия, его собственного и всех людей. Фигуры из жизни людей и есть суть их жизни. То, что ты нашел, любил, оставил позади, унес с собой.

Его Джад будет бородатым восточным богом из той церкви в Саврадии, но языческий «зубир» будет стоять здесь же, на куполе, животное, спрятанное среди других животных, которых он изобразит. И все же не совсем так: только он один будет выложен из черных и белых камней в стиле первых мозаик древнего Родиаса. И Криспин знал то, чего не знали те, кто одобрил его рисунки углем: как это изображение саврадийского зубра будет выделяться среди всех цветов, которые он здесь использует. А Линон с сияющими драгоценными камнями вместо глаз

будет лежать на траве рядом — и пускай люди дивятся. Пускай они называют «зубира» быком, если хотят, пускай гадают насчет птицы в траве. Чудо и тайна — часть веры, разве не так? Он им это скажет, если его спросят.

На помосте он стоял один, вдали от всех, глядя на каменную кладку, и проводил по ней руками снова и снова, как слепой. Он сознавал, что выглядит смешным, как всегда, когда занимался этим, и время от времени жестами показывал стоящим внизу подмастерьям, что надо передвинуть его помост на колесах. Помост качался при движении, ему приходилось держаться за перила, но Криспин провел большую часть своей рабочей жизни на таких платформах, как эта, и не испытывал страха перед высотой. По правде говоря, это было своего рода убежище. Высоко над миром, над живыми и умирающими, над интригами дворов, мужчин и женщин, наций, племен и факций и над человеческим сердцем, пойманным в ловушку времени и стремящимся достичь большего, чем ему позволено. Криспин не желал быть снова втянутым в беспорядочную ярость всего этого, он хотел теперь жить — как заставлял его Мартиниан, — но вдали от этой смутной борьбы, чтобы передать свое видение мира на куполе. Все остальное было преходящим, эфемерным. Он — мозаичник, как он все время повторял людям, и этот высокий помост — его небеса, его источник и место его назначения, все сразу. И если ему повезет и бог благословит, он, возможно, сделает здесь нечто такое, что прославит его имя.

Так Криспин думал в тот момент, когда взглянул вниз с такой огромной высоты над миром, чтобы проверить, закрепили ли подмастерья снова колеса помоста, и увидел, как в серебряные двери святилища вошла женщина. Она посмотрела вверх, она искала его, и, хотя не было сказано ни единого слова и не было сделано ни единого жеста, Криспин почувствовал обратное притяжение мира, как нечто яростное и физическое, повелительное, требовательное, насмехающееся над иллюзиями аскетизма. Он не создан для того, чтобы прожить свою жизнь святым в неприкосновенном месте. Лучше всего признать это сейчас. Совершенство, как он только что подумал, недостижимо для людей. Несовершенство может быть превращено в преимущество. Возможно.

Стоя на помосте, он еще на одно мгновение приложил обе ладони к холодным кирпичам купола и закрыл глаза. На такой

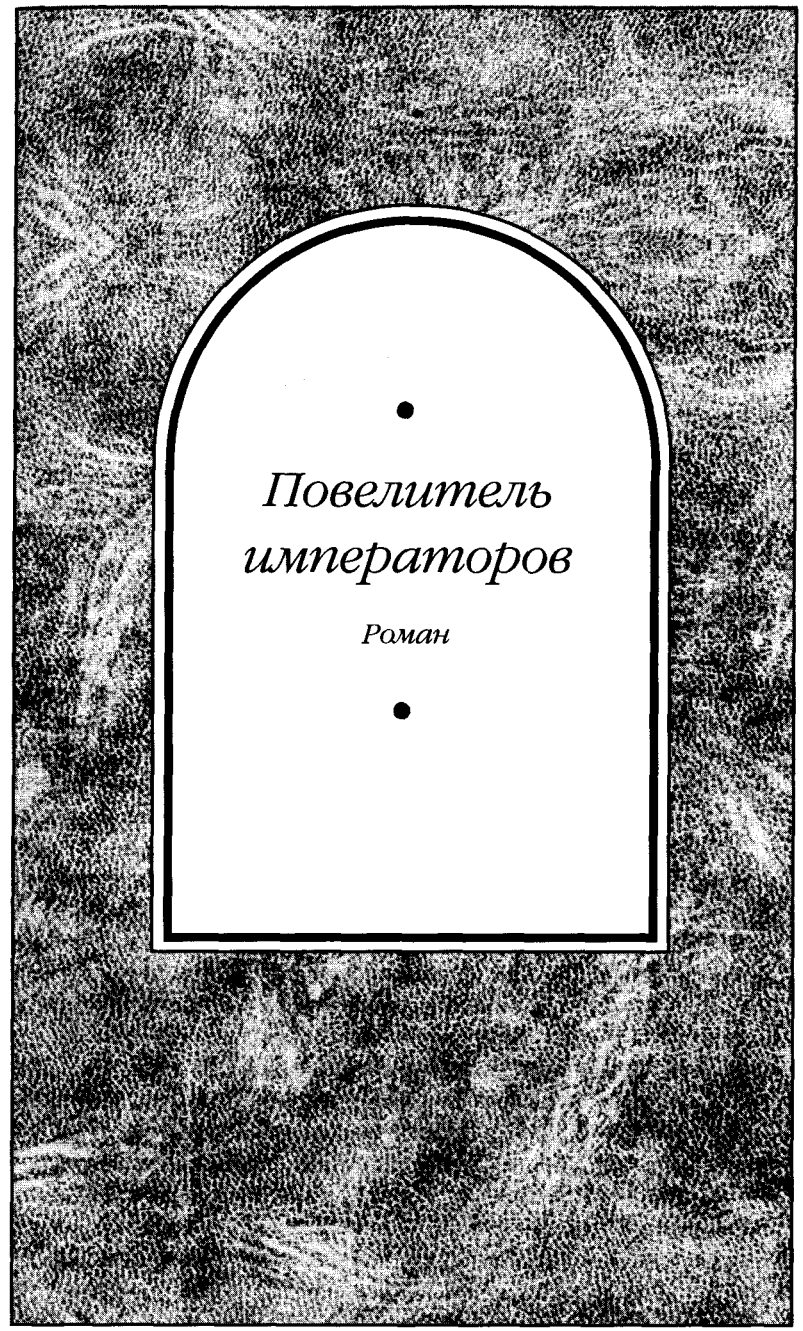
высоте стояла глубокая тишина, безмятежная, одинокая. Мир, принадлежащий ему одному, возможность совершить акт творения. Этого должно было быть достаточно. Почему же этого недостаточно? Руки его опустились. Затем он пожал плечами — жест, известный его матери, его друзьям и его покойной жене, — и, подав знак стоящим внизу придержать помост, начал долгий спуск вниз.

Он находился в мире, а не над ним, не отгороженный больше от него стенами. Если он и приплыл куда-нибудь, то именно к этой истине. Он выполнит свою работу или потерпит неудачу, как человек, живущий в свое время, среди друзей, врагов, возможно, любовниц и, возможно, с любовью, в Варене под антами или здесь, в Сарантии, Городе Городов, оке мира, во времена царствования великого и славного, трижды возвышенного императора Валерия Второго, наместника Джада на земле, и императрицы Аликсаны.

Это был долгий, медленный спуск, рука — нога, знакомые движения, снова и снова. По привычке быть осторожным он выбросил из головы все мысли, пока спускался вниз: случалось, люди погибали, если проявляли небрежность, а этот купол был выше всех, какие Криспу встречались. Тем не менее во время движения он ощущал притяжение: мир притягивал его назад, к себе.

Он достиг деревянного основания передвижной платформы, стоящей на колесах на мраморном полу. Обернулся и мгновение постоял на основании, на этом незначительном расстоянии от земли. Затем кивнул головой женщине, стоящей там, которая не произнесла ни одного слова и не сделала ни одного жеста, но которая пришла сюда и вернула его им всем. «Интересно, — подумал он, — понимала ли она, что делает это». Могла понимать. Это соответствовало тому, что он уже о ней знал.

Он вздохнул и шагнул вниз с платформы. Она улыбнулась.

Часть I

ЦАРСТВА СВЕТА И ТЬМЫ

Посвящаю Сэму и Мэтью,
«учителям пения моей души».
Это принадлежит им,
от начала и до конца

Кружась по спирали, витки которой все шире...

Глава 1

Когда подули первые зимние ветра, Царь Царей Бассании, Ширван Великий, Брат солнца и лун, Меч Перуна, Бич Черного Азала покинул свой окруженный стенами город Кабадх и отправился на юго-запад в сопровождении большей части своих придворных, чтобы проверить состояние укреплений в подвластных ему землях, принести жертву у древнего Священного Огня в замке священников и поохотиться на львов в пустыне. В первое же утро первой охоты его поразила стрела, вонзившаяся под ключицу.

Стрела вошла глубоко, и никто там, в песках, не посмел попытаться ее извлечь. Царя Царей отнесли на носилках в ближайшую крепость Керакек. Опасались, что он умрет.

Несчастные случаи на охоте происходили часто. При дворе бассанидов было достаточно любителей стрельбы из лука, не отличающихся меткостью. Поэтому весьма вероятной становилась невыявленная попытка покушения. Ширван был бы не первым правителем, убитым в суматохе на королевской охоте.

В качестве меры предосторожности Мазендар, визирь Ширвана, приказал установить наблюдение за тремя старшими сыновьями царя, которые отправились на юг вместе с ним. Полезное выражение, маскирующее правду: их взяли под стражу в Керакеке. Одновременно визирь послал гонцов в Кабадх с приказом взять под стражу и их матерей во дворце. Этой зимой будет двадцать семь лет, как Великий Ширван правит Бассанией. Его орлиный взор оставался ясным, заплетенная в косы боро-

да — все еще черной, никакого намека на приближение седовласой старости. Следовало ожидать роста нетерпения со стороны взрослых сыновей, как и смертельно опасных интриг среди царских жен.

Обычные люди могут надеяться найти счастье в детях, поддержку и утешение в кругу семьи. Но существование Царя Царей отличается от жизни других смертных. Ему суждено нести бремя божественности и царственности, а враг людей Азал всегда поблизости и всегда действует.

В Керакеке трех царских лекарей, которые отправились на юг вместе со всем двором, вызвали в ту комнату, где уложили на постель великого царя. Один за другим они осмотрели рану и стрелу. Потрогали кожу вокруг раны, попытались покачать вонзившееся древко и побледнели от увиденного. Стрелы, использовавшиеся для охоты на львов, были самыми тяжелыми. Если сейчас отломить оперение и протолкнуть стрелу сквозь грудную клетку, чтобы вытащить с другой стороны, внутренние повреждения будут огромными, смертельными. А назад стрелу невозможно вытащить, так глубоко она проникла внутрь и таким широким был железный наконечник стрелы. Тот, кто попытался бы его вытащить, разорвал бы царскую плоть, и земная жизнь вытекла бы из него вместе с кровью.

Если бы лекарям показали другого пациента в таком состоянии, все они произнесли бы слова официального отказа: «С этим недугом я не буду бороться». В этом случае никто не мог обвинить их в смерти пациента.

Разумеется, произносить эту фразу недопустимо, когда пострадавший — правитель.

Имея дело с Братом солнца и лун, лекари вынуждены взять на себя обязанность лечить его, вести битву с раной или болезнью любыми средствами и способами. В случае с обычным человеком установлены штрафы в качестве компенсации его семье. В этом же случае следовало ожидать, что лекарей сожгут заживо на погребальном костре великого Царя.

Те, кому предлагали должность лекаря при дворе со всеми сопутствующими ей благами и почестями, это очень хорошо знали. Если бы царь умер в пустыне, его лекарей — этих троих, находящихся в комнате, и тех, кто остался в Кабадхе, пригласили бы в числе почетных гостей в священный замок на церемонию у Священного Огня. Теперь все изменилось.

Лекари у окна шепотом посовещались. Их всех учили на-

ставники — давным-давно, — как важно сохранять невозмутимое выражение лица в присутствии пациента. Но при данных обстоятельствах им плохо удавалось выглядеть спокойными. Когда в поток времени попадает собственная жизнь — подобно окровавленной стреле, — трудно сохранять самообладание и спокойствие.

Один за другим, по старшинству, все трое во второй раз приблизились к человеку на постели. Один за другим они преклонили колени, поднялись, снова прикоснулись к черной стреле, к запястью царя, к его лбу, посмотрели в его глаза, открытые и полные ярости. Один за другим дрожащими голосами они произнесли, как и положено: «С этим недугом я буду бороться».

Когда третий лекарь произнес эти слова и неуверенно отступил назад, в комнате повисло молчание, хотя в ней собрались десять человек при свете ламп и жаркого пламени очага. Снаружи поднялся ветер.

В этой тишине раздался низкий голос самого Ширвана, тихий, но ясно слышный, похожий на голос бога. Царь Царей произнес:

— Они ничего не могут сделать. Это написано на их лицах. Рты их от страха пересохли, их мысли подобны струям песка. Они понятия не имеют, что надо делать. Уведите всех троих и убейте их. Они недостойны. Сделайте это. Найдите нашего сына Дамнацеса и посадите на кол в пустыне, на поживу зверям. Его мать нужно отдать рабам. Сделайте это. Потом пойдите к нашему сыну Мурашу и приведите его к нам. — Ширван сделал паузу, чтобы перевести дыхание и избавиться от унизительной слабости, вызванной болью.

— Еще приведите к нам священника с угольком Священного Огня. Кажется, нам суждено умереть в Керакеке. Все происходит по божественной воле Перуна. Анаита ждет всех нас. Так было предначертано, и так происходит. Сделай это, Мазендар.

— Совсем никаких лекарей, о великий господин? — спросил маленький пухлый визирь. Голос его звучал сухо, глаза были сухими.

— В Керакеке? — сказал Царь Царей, в его голосе звучали горечь и гнев. — В этой пустыне? Вспомни, где мы находимся. — Когда он говорил, из раны, там, где торчала стрела, текла

кровь. Древко стрелы было черным, с черным оперением. Борода царя испачкалась в его собственной темной крови.

Визирь склонил голову. Пришли люди, чтобы увести трех приговоренных лекарей из комнаты. Они не протестовали, не сопротивлялись. Зимним днем в Бассании, в дальней крепости у края песков, солнце уже миновало высшую точку и начало опускаться. Время шло вперед.

Иногда, внезапно, к собственному удивлению, люди проявляют смелость и меняют течение собственной жизни и ход времени. Человек, который опустился на колени у постели, прижавшись лбом к ковру на полу, был комендантом крепости Керакек. Мудрость, скромность, инстинкт самосохранения — все требовало, чтобы он в тот день хранил молчание среди лощеных, опасных придворных. После он не мог объяснить, почему все же заговорил. Он дрожал как в лихорадке, вспоминая об этом, и пил много вина, даже в дни воздержания.

— Мой повелитель, — произнес он в освещенной огнем комнате, — у нас в деревне рядом с крепостью есть один лекарь, который много путешествовал. Может, позвать его?

Казалось, взор Царя Царей уже блуждает в ином месте, у Перуна и Богини, вдали от мелких забот земной жизни. Он сказал:

— Зачем губить еще одного человека?

О Ширване говорили, писали на пергаменте и вырезали на плитах из камня, что никогда еще на троне в Кабадхе со скипетром и цветком в руке не сидел более милосердный и полный сострадания муж, проникшийся духом богини Анаиты. Но Анаиту еще называли Жницей, ибо она призывала людей к завершению жизни.

Визирь тихо прошептал:

— Почему бы и нет? Какое это может иметь значение, господин? Можно, я пошлю за ним?

Царь Царей еще несколько мгновений лежал неподвижно, потом махнул рукой в знак согласия, коротко и равнодушно. Казалось, гнев его улетучился. Его взгляд из-под отяжелевших век переместился на огонь и остался там. Кто-то вышел по знаку визиря.

Время шло. В пустыне за крепостью и деревней рядом поднялся северный ветер. Он пронесся по пескам, сдувая и перемещая их, стирая одни дюны, насыпая другие, и львы, на которых

никто не охотился, искали убежища в своих пещерах среди скал в ожидании ночи.

Голубая луна, луна Анаиты, поднялась ближе к вечеру, уравновесив бледное солнце. В крепости Керакек люди вышли на этот сухой ветер, чтобы убить трех лекарей, убить сына царя, вызвать сына царя, отнести послания в Кабадх, вызвать священника со Священным Огнем для Царя Царей, лежащего в комнате.

И чтобы найти и привести еще одного человека.

* * *

Рустем Керакекский, сын Зораха, сидел, скрестив ноги, на тканом афганском коврике, как всегда, когда учительствовал. Он читал, иногда поднимая глаза, чтобы посмотреть на своих четырех учеников, пока они тщательно переписывали отрывок из одного из его драгоценных текстов. Сейчас они изучали трактат Меровия о катарактах. Каждый студент должен был переписать свою страницу. Потом они будут меняться страницами, пока все не получат полный экземпляр трактата. Рустем придерживался мнения, что западный подход древних тракезийцев предпочтительнее при лечении большинства — хоть и не всех — глазных болезней.

Из окна, выходящего на пыльную дорогу, в комнату подул ветер. Он был пока слабым, даже приятным, но Рустем чувствовал в нем бурю. Надвигалась песчаная буря. В деревне Керакек, у крепости, песок проникает повсюду, когда прилетает ветер из пустыни. Они к нему привыкли, к его привкусу в пище, к покалыванию песка под одеждой и на простынях.

За спинами учеников, под аркой внутренней двери, ведущей в жилые помещения, Рустем услышал легкое шуршание, потом заметил на полу промелькнувшую тень. Шаски занял свой обычный пост за занавеской из бусин и ждет начала самой интересной части дневных занятий. Его сын в свои семь лет проявлял терпение и упорство. Немного меньше года назад он начал вытаскивать из спальни свой маленький коврик и класть его возле комнаты для занятий. Он сидел на нем, скрестив ноги, и проводил столько времени, сколько ему позволяли, слушая сквозь занавеску, как его отец наставляет своих учеников. Если его уводила мать или кто-то из слуг, он пробирался обратно в коридор, как только ему удавалось убежать.

Обе жены Рустема считали, что маленькому ребенку не следует слушать подробные описания кровавых ран и телесных потоков, но лекарь находил интерес мальчика забавным и договорился с женами, чтобы Шаски позволили сидеть за дверью, если он уже приготовил свои уроки и выполнил поручения по дому. Ученикам тоже нравилось невидимое присутствие мальчика в коридоре, а один или два раза они предлагали ему ответить на вопросы его отца.

Даже осторожного, сдержанного человека умиляло то, как семилетний мальчик произносит необходимую фразу: «С этим недугом я буду бороться», а потом подробно описывает свой способ лечения воспаленного, больного пальца или кашля с кровью и мокротой. Интересно то, думал Рустем, машинально поглаживая свою аккуратную остроконечную бородку, что ответы Шаски часто оказывались верными. Один раз он даже позволил мальчику ответить на вопрос, чтобы поставить в неловкое положение ученика, который не приготовил урок после ночного загула, хотя потом, вечером, он пожалел об этом. Молодым людям положено время от времени посещать таверны. Это позволяет им больше узнать о жизни и удовольствиях простых людей и не дает слишком быстро состариться. Лекарю необходимо знать природу людей и их слабости и не осуждать обыкновенные глупости. Судить — это право Перуна и Анаиты.

Прикосновение к бороде напомнило ему то, о чем он думал прошлой ночью: пора снова ее красить. Интересно, подумал он, есть ли еще необходимость добавлять седину в свои светло-каштановые волосы? Когда он вернулся из Афганистана и с Аджбарских островов четыре года назад, обосновался в своем родном городе и открыл медицинскую практику и школу, он решил завоевать доверие пациентов, внешне слегка состарившись. На востоке афганские лекари-жрецы опирались на трости при ходьбе, хоть и не нуждались в них, намеренно набирали вес, размеренно цедили скупые слова или смотрели куда-то внутрь себя, и все это для того, чтобы создать нужный образ достойного и преуспевающего лекаря.

Действительно, для человека двадцати семи лет самонадеянно выступать в качестве преподавателя медицины в том возрасте, когда многие лишь начинают учиться. И правда, в тот первый год двое из его учеников были старше его. Интересно, знали ли они об этом?

Но разве опыт учителя и лекаря не говорит сам за себя по

достижении определенного рубежа? В Керакеке, на краю южных пустынь, Рустема уважали и даже почитали жители деревни, и его часто звали в крепость лечить раны и болезни солдат, что вызывало огорчение и гнев часто меняющихся военных лекарей. Вряд ли ученики, которые писали ему, а затем приезжали в такую даль учиться у него, — некоторые были даже приверженцами веры в Джада из Сарантия, — развернулись бы и уехали обратно, обнаружив, что Рустем Керакекский не престарелый мудрец, а молодой муж и отец, одаренный талантом лекаря, который больше многих других путешествовал и читал.

Возможно. Ученики или потенциальные ученики могли вести себя непредсказуемым образом, а доход Рустема от преподавания необходим мужчине, у которого уже две жены и двое детей, особенно учитывая то, что обе женщины хотят еще одного ребенка, а живут они в тесном доме. Не многие жители Керакека могли заплатить лекарю как положено. В деревне был еще один лекарь, которого Рустем почти открыто презирал, но с ним приходилось делить ту скудную прибыль, которую удавалось здесь получить. В целом, может быть, лучше не менять то, что приносит успех. Если седые прядки в бороде убеждают хотя бы одного-двух возможных учеников или военных командиров в крепости, которые имеют обыкновение платить, то стоит по-прежнему пользоваться краской.

Рустем снова взглянул в окно. Небо над маленьким огородом с лечебными травами уже потемнело. Если начнется настоящая буря, отсутствие освещения и шум будут мешать занятиям и затруднят работу в приемной. Он откашлялся. Четыре ученика, знакомые с его привычками, положили письменные принадлежности и подняли глаза. Рустем кивнул, и ближний к двери ученик подошел и открыл ее, впустив первого пациента из толпы ожидающих в крытом дворике.

Ему больше нравилось принимать больных с утра и проводить занятия после полуденного отдыха, но те крестьяне, которые не могли заплатить, часто соглашались приходить к Рустему и его ученикам во второй половине дня и помогать процессу обучения. Многим льстило внимание, некоторые смущались, но в Керакеке знали, что таким образом можно попасть к молодому лекарю, который учился на легендарном востоке и привез оттуда знание секретов таинственного мира.

У женщины, которая вошла и неуверенно остановилась у стены, где Рустем развесил травы и расставил на полках ма-

ленькие горшочки и полотняные мешочки с лекарствами, была на правом глазу катаракта. Рустем это знал; он уже видел ее раньше и оценил болезнь. Он заранее готовился и, если заболевания крестьян позволяли, предлагал ученикам практический опыт и наблюдения в дополнение к трактатам, которые они переписывали и заучивали. Какой смысл заучивать высказывания Аль-Хазри об ампутации, любил повторять он, если не умеешь пользоваться пилой.

Он сам провел шесть недель со своим восточным учителем в неудачном походе афганцев против мятежников на северо-восточной границе.

Он также повидал столько насильственных смертей и ужасных мучений в то лето, что решил вернуться домой к жене и маленькому ребенку, которого едва успел увидеть перед отъездом на восток. Этот дом и сад на краю деревни, а потом еще одна жена и дочь появились уже после его возвращения. Маленькому мальчику, которого он тогда оставил, теперь уже семь лет, и он сидит на коврике за дверью приемной, слушая лекции отца.

А лекарю Рустему все еще снилось в ночной темноте поле боя на востоке. Он помнил, как отрезал конечности у кричащих людей при чадящем, неверном свете факелов на ветру, когда солнце садилось и продолжалась бойня. Он помнил черные фонтаны крови, сгустки и брызги крови, пропитавшие его одежду, лицо, волосы, руки, грудь. Он сам превращался в кошмарное кровавое создание, его руки становились такими скользкими, что едва удерживали инструменты, которыми он резал, пилил и прижигал, а раненых без конца все подносили и подносили к ним без остановки, даже после наступления ночи.

Бывают вещи похуже деревенской практики в Бассании, решил он на следующее утро, и с тех пор ни разу не усомнился в этом, хотя иногда проснувшееся честолюбие, манящее и опасное, как куртизанка из Кабадха, пыталось убедить его в обратном. Рустем провел большую часть взрослой жизни, стараясь казаться старше своих лет. Но он еще не стар. Пока не стар. И он спрашивал себя не раз в сумерках, когда обычно являются подобные мысли, как бы он поступил, если бы в его дверь постучали благоприятный случай и риск.

После, оглядываясь назад, он не мог вспомнить, раздался ли в тот день стук в дверь. Все последующие события происходили с головокружительной быстротой, и он мог его не запомнить. Однако ему казалось, что наружная дверь просто с грохотом распахнулась без предупреждения, чуть не ударив пациентку, ожидающую у стены, и внутрь ворвались солдаты, до отказа наполнив тихую комнату хаосом внешнего мира.

Рустем знал одного из них — командира: тот уже давно служил в Керакеке. Сейчас лицо этого человека было искажено, глаза выпучены, вид возбужденный. Когда он заговорил, его голос визжал, как пила дровосека. Он крикнул:

— Ты должен идти! Немедленно! В крепость!

— Несчастный случай? — спросил Рустем со своего коврика, нарочно сдержанно, не обращая внимания на властный тон солдата и пытаясь восстановить спокойствие при помощи собственного хладнокровия. Это входило в курс обучения лекаря, и он хотел, чтобы его студенты увидели, как он это делает. Приходящие к ним люди часто бывали возбуждены, а лекарь не мог себе этого позволить. Он отметил, что лицо солдата обращено на восток, когда он произнес первые слова. Нейтральное знамение. Этот человек принадлежит к касте воинов, конечно, а это может быть и хорошо, и плохо, в зависимости от касты заболевшего человека. Ветер дует с севера — это нехорошо, но за окном не видно и не слышно птиц, а это служит некоторым противовесом.

— Несчастье! Да! — выкрикнул солдат, его никак нельзя было назвать спокойным. — Пойдем! Это Царь Царей! Стрела!

Хладнокровие покинуло Рустема, словно новобранца, оказавшегося лицом к лицу с сарантийской кавалерией. Один из учеников потрясенно ахнул. Женщина с катарактой взвыла и рухнула на пол бесформенной грудой. Рустем быстро встал, стараясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Вошли четыре человека. Несчастливое число. Вместе с женщиной пять. Можно ли ее сосчитать, чтобы избежать дурного предзнаменования?

Быстро подсчитывая добрые знаки, он подошел к большому столу у двери и схватил свою маленькую полотняную сумку. Поспешно уложил в нее несколько трав и горшочков и взял кожаный футляр с хирургическими инструментами. Обычно он посылал вперед ученика или слугу со своей сумкой, чтобы успокоить находящихся в крепости и чтобы его самого не увидели поспешно выбегающим из дома, но при данных обстоятельствах нельзя было вести себя, как обычно. *Это же Царь Царей!*

Рустем чувствовал, как сильно бьется его сердце. Он старался дышать ровно. У него кружилась голова. По правде говоря, он боялся. По многим причинам. Важно было не подавать виду.

Он взял посох, нарочно медленно двигаясь, надел на голову шляпу. Повернулся к солдату, лицом на север, и сказал:

— Я готов. Мы можем идти.

Четверо солдат выскочили из дверей впереди него. Рустем задержался и сделал попытку сохранить какой-то порядок в комнате, которую покидал. Бхарай, его лучший ученик, смотрел на него.

— Вы можете попрактиковаться с хирургическими инструментами на овощах, а потом на кусочках дерева, используя щупы, — сказал Рустем. — Оценивайте друг друга по очереди. Отошлите больных домой. Закройте ставни, если ветер усилится. Разрешаю вам развести огонь в очаге и зажечь масляные светильники.

— Хорошо, учитель, — с поклоном ответил Бхарай.

Рустем вышел вслед за солдатами.

Он остановился в саду, снова повернулся лицом на север, сдвинув ступни, и сорвал три побега бамбука. Они могут понадобиться ему в качестве зондов. Солдаты нетерпеливо ждали на дороге, возбужденные и испуганные. Воздух вибрировал от их тревоги. Рустем выпрямился, шепотом помолился Перуну и Богине и повернулся к солдатам. В этот момент он заметил Катиун и Яриту у входа в дом. В их глазах застыл страх. Глаза Яриты казались огромными, даже издалека. Наверное, один из солдат рассказал женщинам, что происходит.

Он ободряюще кивнул обеим и увидел, как Катиун хладнокровно кивнула ему в ответ, обнимая за плечи Яриту. С ними все будет в порядке. Если он вернется.

Он вышел через маленькую калитку на дорогу, сделал первый шаг правой ногой и взглянул вверх, не будет ли знамений от птиц. Но ни одной не было видно: все они укрылись от поднимающегося ветра. Никаких знамений. Жаль, что прислали четырех солдат. Кому-то следовало быть умнее. Однако с этим уже ничего не поделаешь. В крепости он сожжет благовония, чтобы умилостивить богов. Рустем покрепче сжал посох и постарался принять невозмутимый вид. Он сомневался, что ему это удалось. Царь Царей. Стрела.

Внезапно он остановился на пыльной дороге.

И в то самое мгновение, когда он остановился, обозвав себя глупцом, и собрался вернуться в приемную, хотя знал, что это очень дурная примета, у него за спиной раздался голос.

— Папа! — позвал этот тоненький голосок.

Рустем обернулся и увидел, *что* держит его сын в обеих руках. Сердце его на мгновение остановилось, по крайней мере, ему так показалось. Он с трудом сглотнул, замер у самой калитки и заставил себя еще раз сделать глубокий вдох.

— Да, Шаски, — тихо ответил он. Он посмотрел на маленького мальчика в саду, и на него снизошло странное спокойствие. На него смотрели ученики и пациенты, стоящие тесной кучкой на крыльце, солдаты на дороге, женщины у дверей. Дул ветер.

— Этот человек сказал... Он сказал — стрела, папа.

И Шаски протянул вперед маленькие ручки и подал отцу хирургический инструмент, который вынес во двор.

— Он действительно так сказал, — серьезно ответил Рустем. — Значит, мне надо взять это с собой, не так ли?

Шаски кивнул головой. Его темно-карие глаза смотрели серьезно, он держался очень прямо, словно жрец с жертвоприношением в руках. «Ему семь лет, — подумал Рустем. — Да хранит его Анаита».

Он снова вошел через деревянную калитку, наклонился и взял у мальчика тонкий инструмент в кожаном футляре. Он когда-то привез его из Афганистана, прощальный подарок от тамошнего учителя.

Солдат действительно упомянул о стреле. Рустема охватило неожиданное желание положить руку на голову сына, на темно-каштановые кудрявые волосы, ощутить тепло маленькой головки. Конечно, все дело в том, что он, возможно, не вернется из крепости. Это могло стать последним прощанием. Невозможно отказаться лечить Царя Царей, а в зависимости от того, куда вошла стрела...

У Шаски было такое напряженное лицо, словно он каким-то сверхъестественным образом это понимал. Конечно, он не мог понимать, но мальчик только что избавил его от необходимости возвращаться в приемную, после того как он уже вышел за калитку и сорвал бамбуковые побеги, а это было очень плохой приметой. Или ему пришлось бы послать кого-нибудь за инструментом.

Рустем обнаружил, что не в состоянии говорить. Он еще секунду смотрел вниз, на Шаски, потом поднял взгляд на жен. Им он тоже не успевал ничего сказать. Мир все же ворвался в дверь их дома. То, чему суждено случиться, произойдет.

Рустем повернулся и быстро вышел в калитку, а потом за-

шагал вместе с солдатами по круто уходящей вверх дороге под порывами северного ветра. Он не оглядывался назад, зная, что это дурная примета, но был уверен, что Шаски все еще стоит там и смотрит на него, один в саду, прямой, как копье, маленький, как тростинка на речном берегу.

* * *

Винаж, сын Винажа, комендант южной крепости Керакек, родился еще южнее, в крохотном пальмовом оазисе к востоку от Кандира, питаемом родниками островке редкой растительности, окруженном со всех сторон пустыней. Конечно, в этой деревне был базар. Смуглые мрачные жители песков обменивались с ее жителями товарами и услугами. Они приезжали верхом на верблюдах, потом снова уезжали, исчезая вдали за колеблющейся линией горизонта.

Винаж вырос в семье купца и довольно хорошо знал кочевые племена, как во времена мирной торговли, так и тогда, когда великий Царь посылал на юг армии ради еще одной бесплодной попытки пробиться к западному морю по ту сторону песков. Пустыня и дикие племена, кочующие по ее просторам, раз за разом срывали его планы. Ни пески, ни те, кто в них жил, не были склонны покориться.

Но проведенное на юге детство сделало Винажа, который предпочел армию жизни торговца, самым подходящим кандидатом на пост коменданта одной из крепостей в пустыне. Начальники в Кабадхе проявили редкую для них ясность мышления и, когда он поднялся до достаточно высокого чина, поставили его командовать Керакеком, а не, скажем, солдатами, охраняющими рыболовецкий порт на севере, где ему пришлось бы иметь дело с одетыми в меха купцами и разбойниками из Москава. Иногда военным удается сделать что-нибудь так, как надо, почти против своей воли. Винаж знал пустыню и относился к ней и к ее обитателям с должным уважением. Он смог освоить несколько диалектов кочевников, немного говорил на языке киндатов, и его не смущал песок в постели, в одежде или в складках кожи.

И все же ничто в биографии этого человека не давало оснований предположить, что солдат Винаж, сын торговца, может настолько забыть об осторожности, чтобы заговорить в присутствии высших лиц Бассании и по собственному почину предложить вызвать к умирающему Царю Царей этого лекаря из маленького городка. Ведь он даже не принадлежал к касте священников.

Помимо всего, произнеся эти слова, комендант рисковал собственной жизнью. Он пропал, если кто-нибудь потом решит, что лечение сельского врача ускорило смерть царя — пусть даже Великий Ширван уже повернулся лицом к очагу, словно смотрел в пламя бога грома Перуна или на темную фигуру Богини.

Стрела сидела в его теле очень глубоко. Кровь продолжала медленно сочиться из раны, пропитывала простыни на постели и повязку вокруг нее. Собственно говоря, казалось чудом, что царь еще дышит, еще остается с ними, пристально глядя на пляску языков пламени. Поднялся ветер из пустыни. Небо потемнело.

По-видимому, Ширван не собирался обращаться к своим придворным с последними напутственными словами и называть преемника, хотя он сделал жест, позволявший догадаться о его выборе. Третий сын царя Мюраш посыпал свою голову и плечи горячим пеплом из очага и теперь стоял на коленях рядом с постелью и молился, раскачиваясь взад и вперед. Все остальные сыновья царя отсутствовали. Голос Мюраша, то громче, то тише бормочущий молитвы, был единственным издаваемым человеком звуком в комнате, не считая тяжелого дыхания великого Царя.

В этой тишине сквозь завывание ветра ясно послышался топот сапог, который наконец-то раздался в коридоре. Винаж втянул воздух и на короткое мгновение прикрыл глаза, призывая Перуна и посылая ритуальные проклятия на голову вечного Врага Азала. Потом он оглянулся и увидел, как открылась дверь и вошел лекарь, который вылечил его от весьма неудобной сыпи, подхваченной им во время осеннего разведывательного рейда в район приграничных сарантийских поселений и крепостей.

Лекарь вслед за перепуганным начальником охраны вошел в комнату. Он остановился, опираясь на свой посох, окинул взглядом комнату и только потом посмотрел на лежащего на постели человека. С ним не было слуги — наверное, он покинул дом в большой спешке: инструкции, данные капитану Винажем, были недвусмысленными, — поэтому сам нес свою сумку. Не оглядываясь, он протянул назад полотняную сумку, посох и

какой-то инструмент в чехле, и начальник охраны проворно принял их у него. Лекарь — его звали Рустем — держался очень сдержанно, без тени улыбки, что не слишком нравилось Винажу, но этот человек учился в Афганистане и, по-видимому, не имел привычки убивать людей. И он действительно вылечил ту сыпь.

Лекарь пригладил одной рукой бороду с проседью, опустился на колени и коснулся лбом пола, чем выказал неожиданно привычку к хорошим манерам. Получив разрешение визиря, встал. Царь не отрывал глаз от огня, юный принц не переставал молиться. Лекарь поклонился визирю, потом осторожно повернулся, — встав лицом на запад, как и положено, отметил Винаж, — и отрывисто произнес:

— С этим недугом я буду бороться.

Он еще даже не приблизился к пациенту, — не то чтобы осмотрел его, — но у него и не было выбора. Он обязан был сделать все, что сможет. «Зачем убивать еще одного человека?» — спросил недавно царь. Винаж почти наверняка именно это и сделал, предложив привести сюда лекаря.

Лекарь обернулся и посмотрел на Винажа:

— Если комендант гарнизона останется и поможет мне, я буду ему благодарен. Мне может пригодиться опыт солдата. Всем остальным, почтенные и милостивые господа, необходимо немедленно покинуть комнату, прошу вас.

Не поднимаясь с колен, принц с яростью произнес:

— Я не покину своего отца.

Этот человек почти наверняка вот-вот станет Царем Царей, мечом Перуна, когда человек на кровати перестанет дышать.

— Понятное желание, господин принц, — хладнокровно ответил лекарь. — Но если вы желаете добра своему любимому отцу, в чем я убежден, и хотите помочь ему сейчас, вы окажете мне честь и подождете снаружи. Хирургическую операцию нельзя проводить в толпе людей.

— Не будет никакой... толпы, — возразил визирь. Произнося слово «толпа», Мазендар скривил губу. — Останется принц Мюраш и я сам. Ты не из касты священников, разумеется, и комендант тоже. Поэтому мы должны остаться здесь. Все другие выйдут, как ты просил.

Лекарь просто покачал головой:

— Нет, мой господин. Убейте меня сразу, если пожелаете. Но меня учили, и я тоже так считаю, что члены семьи и близкие

друзья не должны присутствовать, когда врач лечит больного. Царский лекарь должен принадлежать к касте священнослужителей, я знаю. Но я не занимаю такого положения... Я просто пытаюсь помочь великому Царю, потому что меня попросили. Если я буду бороться с этим недугом, то должен поступать так, как меня учили. Иначе я ничем не помогу Царю Царей, и в этом случае моя собственная жизнь станет для меня тяжким бременем.

Этот человек — самодовольный педант со слишком ранней сединой, подумал Винаж, но в мужестве ему не откажешь. Он увидел, как принц Мюраш поднял взгляд и его черные глаза вспыхнули. Однако не успел принц заговорить, как слабый холодный голос с постели тихо произнес:

— Вы слышали, что сказал лекарь. Его привели сюда ради его искусства. Почему в моем присутствии пререкаются? Убирайтесь. Все.

Воцарилось молчание.

— Конечно, милостивый господин, — ответил визирь Мазендар, а принц неуверенно встал, открывая и закрывая рот. Царь по-прежнему смотрел в огонь. Винажу показалось, что его голос уже доносится откуда-то из-за пределов царства живых. Он умрет, лекарь умрет, весьма вероятно, что Винаж тоже умрет. Он глупец, глупец, и дни его кончаются.

Люди занервничали и устремились в коридор, где уже зажгли факелы на стенах. Свистел ветер, тоскливо, словно голос другого мира. Винаж видел, как его начальник стражи положил вещи лекаря и поспешно вышел. Юный принц остановился прямо перед худым лекарем, который стоял совершенно неподвижно, ожидая, когда они уйдут. Мюраш поднял руки и прошептал тихо и яростно:

— Спаси его, не то эти пальцы лишат тебя жизни. Клянусь громом Перуна.

Лекарь ничего не ответил, просто кивнул, хладнокровно рассматривая ладони принца, которые перед его лицом сжались в кулаки, потом снова раскрылись, а пальцы скрючились, словно душили жертву. Мюраш еще мгновение колебался, потом оглянулся на отца. Винаж подумал, что, возможно, он видит его в последний раз, и в его мозгу промелькнуло болезненное воспоминание о его собственном отце на смертном одре, там, на юге. Затем принц зашагал прочь из комнаты, а все остальные расту-

пались перед ним. Он услышал, как голос принца снова начал читать молитву в коридоре.

Мазендар вышел последним. Он задержался у постели, бросил взгляд на Винажа и лекаря, и впервые на его лице отразилась неуверенность. Он прошептал:

— У вас есть для меня приказания, мой господин?

— Я их уже отдал, — тихо ответил человек на постели. — Ты видел, кто здесь был. Служи ему верно, если он позволит. Может и не позволить. Если это так, то да сохранят твою душу Повелитель грома и Богиня.

Визирь с трудом сглотнул:

— И твою, мой господин, если мы больше не встретимся.

Царь не ответил. Мазендар вышел. Кто-то закрыл дверь из коридора.

Лекарь немедленно начал быстро действовать. Он открыл полотняную сумку и вынул маленький мешочек. Подошел к огню и бросил в него содержимое мешочка.

Огонь стал синим, и аромат диких цветов внезапно наполнил комнату, словно весной на востоке. Винаж заморгал. Фигура на постели шевельнулась.

— Афганские? — спросил Царь Царей.

Лекарь удивился:

— Да, милостивый господин мой. Я не думал, что ты...

— У меня был лекарь с Аджбарских островов. Очень знающий. К сожалению, он ухаживал за женщиной, которую ему лучше было бы не трогать. Он пользовался этим благовонием, я помню.

Рустем подошел к постели.

— Наука гласит, что обстановка в комнате, где проходит лечение, действует на ход лечения. Такие вещи влияют на нас, господин мой.

— Но не на стрелы, — ответил Царь. Но он слегка повернулся, чтобы посмотреть на лекаря, как заметил Винаж.

— Может, это и так, — невозмутимо произнес лекарь.

Рустем в первый раз подошел вплотную к постели, нагнулся, чтобы осмотреть древко и рану, и Винаж увидел, как он неожиданно замер. По его бородатому лицу проскользнуло странное выражение. Он опустил руки. Потом посмотрел на Винажа.

— Комендант, необходимо, чтобы ты достал мне перчатки. Самые лучшие кожаные перчатки, какие есть в крепости, и как можно скорее.

Винаж не стал задавать вопросов. Вероятно, он умрет, если умрет Царь. Он вышел, закрыл за собой дверь и поспешно двинулся по коридору, мимо ожидающих там людей, потом побежал вниз по лестнице за собственными перчатками для верховой езды.

Когда Рустем вошел, его охватил ужас, и ему пришлось призвать на помощь все остатки самообладания, чтобы не показать этого. Он едва не уронил свои инструменты и испугался, что кто-нибудь заметит его дрожащие руки. Хорошо, что начальник стражи быстро подошел и взял у него вещи. Он воспользовался процедурой официального коленопреклонения, чтобы произнести про себя успокаивающую молитву.

Поднявшись на ноги, он заговорил более резко, чем следовало бы, прося придворных — вместе с визирем и принцем! — покинуть комнату. Но он всегда разговаривал резким, деловым тоном, чтобы создать образ не по годам опытного лекаря, а сейчас не время и не место изменять своим привычным методам. Если ему суждено умереть, то едва ли имеет значение, что о нем подумают. Он попросил коменданта остаться. Солдата не могут смутить поток крови и вопли, а кому-то, возможно, придется придерживать раненого.

Раненый. Царь Царей. Меч Перуна. Брат солнца и лун.

Рустем заставил себя прогнать подобные мысли. Это пациент. Раненый человек. Только это имеет значение. Придворные ушли. Принц — Рустем не знал, который это из сыновей царя, — остановился перед ним и наглядно, движениями кистей рук, продемонстрировал угрозу смерти, которая шла рядом с Рустемом с того самого мгновения, когда он вышел из своего сада.

Нельзя придавать этому значения. Все будет так, как предначертано.

Он бросил аджбарский порошок в огонь, чтобы настроить комнату на взаимодействие с гармоничными духами, потом подошел к постели с намерением осмотреть стрелу и рану.

И почувствовал запах каабы.

Мысли его закружились от потрясения, потому что этот запах подтолкнул воспоминание, уже медлившее на краю сознания, а потом еще одно воспоминание, от которого ему стало

страшно. Он послал коменданта за перчатками. Они были ему необходимы.

Если бы он прикоснулся к древку стрелы, он бы умер.

Оставшись наедине с Царем Царей, Рустем обнаружил, что его страх теперь — это страх лекаря, а не жалкого подданного. Он размышлял о том, как высказать то, что у него на уме.

Теперь глаза царя смотрели прямо ему в лицо, темные и холодные. Рустем увидел в них ярость.

— На древке стрелы — яд, — сказал Ширван.

Рустем наклонил голову:

— Да, мой господин. Кааба. Из растения фиджана. — Он набрал в грудь воздуха и спросил: — А твои лекари трогали стрелу?

Царь очень медленно кивнул головой. Не было и намека на то, что гнев его стал меньше. Он должен был испытывать сильную боль сейчас, но не показывал этого.

— Все трое. Забавно. Я приказал казнить их за некомпетентность, но они и так скоро умерли бы, не так ли? Ни один из них не заметил яда.

— Здесь он редкость, — заметил Рустем, стараясь собрать разбегающиеся мысли.

— Не такая уж редкость. Я принимаю его малыми дозами уже двадцать пять лет, — сказал царь. — Каабу и другие ядовитые вещества. Анаита призовет нас к себе, когда пожелает, но люди все равно должны заботиться о своей жизни, а правители обязаны это делать.

Рустем с трудом глотнул. Теперь он получил объяснение того, почему его пациент до сих пор жив. Двадцать пять лет? Перед его мысленным взором возникла картина: молодой царь дотрагивается, — со страхом, несомненно, — до крупинки смертельно опасного порошка. Потом ему становится плохо, но он повторяет то же самое позднее, потом еще раз, и еще, а потом начинает пробовать яд во все больших количествах. Он покачал головой.

— Правитель вынес многое ради своего народа, — сказал он. Он думал о придворных лекарях. Кааба перехватывает горло, а потом добирается до сердца. Человек погибает в агонии, задыхаясь. Он видел подобное на востоке. Официальный способ казни.

— Забавно, — сказал царь.

Теперь у него в голове вертелась еще одна мысль. Но он изо всех сил старался пока отогнать ее от себя.

— Все равно, — сказал царь. Его голос звучал так, как и ожидал Рустем: холодно, сурово, без всяких эмоций. — Это стрела для охоты на львов. Защита от яда не поможет, если стрелу не удастся извлечь.

В дверь постучали. Она открылась, и вошел запыхавшийся Винаж, комендант гарнизона; похоже, он бежал. Он принес перчатки для верховой езды из коричневой кожи. Они были слишком толстыми, и работать ими будет трудно, понял Рустем, но выбора не было. Он надел их. Развязал шнурок чехла, в котором лежал длинный тонкий металлический инструмент. Тот, который вынес ему сын из сада. Он сказал: «Стрела, папа».

— Иногда есть способ извлечь даже такую стрелу, — сказал Рустем, стараясь не думать о Шаски. Повернулся лицом на запад, закрыл глаза и начал молиться про себя, мысленно перебирая при этом сегодняшние предзнаменования, хорошие и дурные, и подсчитывая дни после последнего лунного затмения. Закончив подсчеты, разложил необходимые талисманы и охранные амулеты. Предложил царю выпить притупляющую ощущения траву от боли, которую ему придется испытать. Но тот отказался. Рустем подозвал коменданта к постели и объяснил ему, что надо делать, чтобы держать пациента неподвижно. Теперь он не называл его царем. Это был раненый. Рустем был лекарем, при нем — помощник, и ему предстояло извлечь стрелу, если он сумеет. Сейчас он начал войну с Азалом, врагом, который может погасить луны и солнце, оборвать жизнь.

В этом случае комендант не понадобился, как и трава. Рустем сначала отломил почерневшее древко как можно ближе к входному отверстию раны, потом при помощи набора зондов и ножа расширил рану. Он знал, что эта процедура крайне болезненна. Некоторые не в состоянии выдержать, даже приняв обезболивающие лекарства. Они мечутся и кричат или теряют сознание. Ширван Бассанийский ни разу не закрыл глаза и не шелохнулся, только дышал часто и неглубоко. На лбу у него выступили капли пота, а челюсти сжались под заплетенной в косички бородой. Когда Рустем счел отверстие достаточно широким, он смазал маслом длинную тонкую металлическую ложку Эниати и ввел ее в рану, к застрявшему там наконечнику стрелы.

Трудно было действовать точно в толстых перчатках, уже

пропитанных кровью, но теперь он мог видеть расположение выступа наконечника и знал, под каким углом вводить вогнутую часть ложки Эниати. Мелкая ложка скользнула к фланцу сквозь плоть царя, и у того перехватило дыхание, но он по-прежнему лежал не шевелясь. Рустем слегка повернул ложку и почувствовал, как она охватила самую широкую часть наконечника, прижавшись к нему. Он протолкнул ее чуть дальше и сам перестал дышать в самый ответственный момент, молясь Богине в образе Целительницы, а потом снова повернул ложку и осторожно слегка потянул назад.

Тут царь охнул и приподнял одну руку, словно в знак протеста, но Рустем почувствовал, что наконечник вошел в ложку, и теперь она его закрывает собой. Он сделал это с первой попытки. Он знал одного человека — учителя на далеком востоке, который был бы им очень доволен. Теперь только смазанные маслом бока ложки соприкасались с поверхностью раны, а зазубренный край наконечника надежно спрятан внутри.

Рустем заморгал. Он хотел было смахнуть со лба пот тыльной стороной окровавленной перчатки, но вспомнил — в самый последний момент, — что если сделает это, то умрет. Сердце его глухо билось.

— Мы уже почти закончили, уже почти все, — пробормотал он. — Ты готов, дорогой мой господин? — Это выражение использовал визирь. В этот момент, глядя, как лежащий на постели человек молча справляется с ужасной болью, Рустем испытывал к нему именно такое чувство. Комендант Винаж удивил его: он подошел к изголовью кровати, наклонился и положил ладонь на лоб царя, не касаясь раны и крови. Это было больше похоже на ласку, чем на попытку придержать больного.

— Кто может быть готов к такому? — простонал Ширван Великий, и в этих словах Рустем, к своему изумлению, уловил тень сардонической насмешки. Услышав это, он повернул носки ступней на запад, произнес афганское слово, выгравированное на инструменте, сжал его обеими руками в перчатках и выдернул из смертного тела Царя Царей.

— Насколько я понимаю, я буду жить?

Они были одни в комнате. Прошло немного времени, за окнами полностью стемнело. Ветер дул по-прежнему. По приказу царя Винаж вышел и объявил всем остальным, что лечение продолжается и Ширван еще жив. Больше ничего. Солдат не задавал вопросов, и Рустем тоже.

Главная опасность всегда — сильное кровотечение. Он заполнил расширенное отверстие раны корпией и чистой губкой. И оставил рану открытой. Самой распространенной ошибкой лекарей было слишком поспешно закрыть рану, и пациенты умирали. Позднее, если все пойдет хорошо, он сведет края раны самыми маленькими шпильками вместо швов, оставив отверстие для дренажа. Но пока еще рано. Пока он забинтовал заполненную корпией рану чистой тканью, пропустив ее под мышкой, потом через грудную клетку, потом наверх и вокруг шеи предписанным треугольником. Закончил он повязку наверху и завязал узел так, чтобы он смотрел, как положено, вниз, по направлению к сердцу. Ему нужно получить свежее постельное белье и ткань, чистые перчатки для себя и горячую воду. Окровавленные перчатки коменданта он бросил в огонь. К ним нельзя прикасаться.

Голос царя, задавшего вопрос, звучал слабо, но четко. Добрый знак. На этот раз он выпил успокаивающую травку из сумки Рустема. Его черные глаза смотрели спокойно, взгляд фокусировался, зрачки не были излишне расширены. Рустем старался сдержать радость. Следующей опасностью, как всегда, был зеленый гной, хотя раны от стрел заживают лучше, чем нанесенные мечом. Позже он положит свежую корпию, промоет рану и сменит мазь и повязку до конца ночи. Этот метод был его собственным изобретением. Большинство лекарей оставляли первую повязку на два-три дня.

— Мой повелитель, я считаю — да. Стрела извлечена, рана заживет, если будет на то воля Перуна, а я буду действовать осторожно, чтобы избежать вредных выделений. — Он помедлил. — И у тебя имеется... собственная защита от яда, который проник в нее.

— Я хочу поговорить с тобой об этом.

Рустем с трудом сглотнул:

— Мой повелитель?

— Ты определил присутствие яда фиджаны по запаху? Несмотря на аромат от твоих душистых трав в очаге?

Рустем боялся этого вопроса. Он умел искусно уходить от ответа — большинство лекарей это умели, — но ведь это его правитель, смертный родственник солнца и лун.

— Я встречался с ним раньше, — ответил он. — Я учился в Афганистане, господин мой, там растет это растение.

— Я знаю, где оно растет, — сказал Царь Царей. — Что еще ты можешь мне сказать, лекарь?

По-видимому, уйти от ответа невозможно. Рустем сделал глубокий вдох.

— Я также почувствовал его запах в другом месте в этой комнате, великий правитель. До того, как я бросил благовоние в огонь.

Воцарилось молчание.

— Я так и предполагал. — Ширван Великий холодно смотрел на него. — Где? — Всего одно слово, тяжелое, как кузнечный молот.

Рустем опять сглотнул. Ощутил какой-то горький привкус — осознание собственной смертности. Но разве у него оставался выбор? Он ответил:

— На руках принца, великий царь. Когда он приказывал мне спасти твою жизнь под страхом потерять свою собственную.

Ширван Бассанийский на мгновение прикрыл глаза. Когда он их открыл, Рустем снова увидел в их глубине черную ярость, несмотря на наркотик, который он ему дал.

— Это... горе для меня, — очень мягко произнес Царь Царей. Однако то, что слышал Рустем в его голосе, не было похоже на горе. Он вдруг задал себе вопрос, не обнаружил ли сам царь каабу на наконечнике и древке стрелы. Ширван принимал этот яд в течение двадцати пяти лет. Если он знал о яде, то сегодня позволил трем лекарям дотрагиваться до него, не предупредив их, и собирался позволить Рустему сделать то же самое. Проверка на компетентность? Находясь на грани смерти? Каким человеком надо быть... Рустем содрогнулся, не смог сдержаться.

— Кажется, кто-то еще, кроме меня, защищал себя от возможности быть отравленным, вырабатывая сопротивляемость к яду, — сказал Великий Ширван. — Умно. Должен сказать, это умно. — Он надолго замолчал, потом прибавил: — Мюраш. Из него действительно получился бы хороший правитель.

Он отвернулся и посмотрел в окно. В темноте ничего не было видно. Они слышали вой ветра, дующего из пустыни.

— По-видимому, — сказал царь, — я приказал убить не того

сына и не ту мать. — Снова короткое молчание. — Это горе для меня, — снова повторил он.

— А эти приказы нельзя отменить, великий царь? — неуверенно спросил Рустем.

— Конечно, нет, — ответил Царь Царей.

Категоричность его тихого голоса, позже решил Рустем, пугала ничуть не меньше, чем остальные события того дня.

— Позови визиря, — сказал Ширван Бассанийский, глядя в ночь. — И моего сына.

Лекарь Рустем, сын Зораха, страстно желал в тот момент оказаться в своем маленьком домике, укрыться от ветра и темноты вместе с Катиун, Яритой и двумя мирно спящими малышами. Чтобы перед сном под рукой стояла чаша вина с травами, огонь пылал в очаге и чтобы окружающий мир никогда не стучался в его дверь.

Он поклонился лежащему на кровати человеку и пошел к двери.

— Лекарь, — позвал Царь Царей.

Рустем обернулся. Он чувствовал страх, это была до ужаса чужая стихия.

— Я по-прежнему твой пациент. И ты отвечаешь за мое благополучие. Поступай соответственно. — Это звучало как приказ, в голосе слышалась холодная ярость.

Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, что это может означать.

Еще сегодня днем, в час, когда поднялся ветер в пустыне, он сидел в своей скромной приемной, готовился объяснять четырем ученикам способы лечения простой катаракты в соответствии с научными методами, разработанными Меровием Тракезийским.

Он открыл дверь. В освещенном факелами коридоре увидел десяток усталых придворных. Слуги или солдаты принесли скамьи, некоторые из ожидающих людей сидели, привалившись к каменным стенам. Некоторые спали. Другие увидели его и встали. Рустем кивнул Мазендару, визирю, а потом юному принцу, стоящему немного в стороне от остальных. Он стоял лицом к темному узкому окну-щели и молился.

Комендант гарнизона Винаж — единственный человек, которого знал Рустем, — без слов вопросительно поднял брови и шагнул вперед. Рустем покачал головой, потом передумал. «Ты

отвечаешь за мое благополучие, — сказал Царь Царей. — Поступай соответственно».

Рустем отступил в сторону, чтобы визирь и принц могли войти в комнату. Потом сделал знак коменданту тоже войти. Он ничего не сказал, но мгновение смотрел прямо в глаза Винажа, пока те двое проходили в комнату. Рустем вошел следом и закрыл дверь.

— Отец! — вскричал принц.

— То, чему суждено случиться, произойдет, — хладнокровно произнес Ширван Бассанийский тихим голосом. Он сидел, опираясь спиной на подушки, его обнаженная грудь была забинтована полотняной тканью. — По милости Перуна и Богини планы Черного Азала пока удалось сорвать. Лекарь извлек стрелу.

Визирь, заметно растроганный, провел ладонью перед лицом, упал на колени и прикоснулся лбом к полу. Принц Мюраш посмотрел на отца широко раскрытыми глазами и быстро повернулся к Рустему.

— Да славится Перун! — воскликнул он, пересек комнату, схватил двумя ладонями руки Рустема и сжал их. — Ты получишь награду, лекарь! — воскликнул принц.

Только благодаря огромному самообладанию и отчаянной вере в собственные знания Рустем удержался и не отпрянул. Сердце его отчаянно билось.

— Да славится Перун! — повторил принц Мюраш, повернулся к кровати и упал на колени, как это только что сделал визирь.

— Во веки веков, — тихо согласился царь. — Сын мой, стрела убийцы лежит там, на сундуке под окном. На ней был яд. Кааба. Брось ее в огонь, прошу тебя.

Рустем затаил дыхание. Он быстро взглянул прямо в глаза Винажа, потом снова перевел взгляд на принца.

Мюраш поднялся.

— Я с радостью сделаю это, мой отец и царь. Но яд? — сказал он. — Как это может быть? — Он подошел к окну и осторожно потянулся к лежащему рядом куску ткани.

— Возьми ее руками, сын мой, — приказал Ширван Бассанийский, Царь Царей, Меч Перуна. — Возьми ее снова голыми руками.

Очень медленно принц повернулся к постели. Визирь уже встал и пристально смотрел на него.

— Я не понимаю. Ты думаешь, что я брал в руки эту стрелу? — спросил принц Мюраш.

— На твоих руках остался запах, сын мой, — мрачно произнес Ширван. Рустем осторожно сделал шаг к царю. Принц обернулся — внешне озадаченный, не более того, — посмотрел на свои руки, потом на Рустема.

— Но тогда я и лекаря тоже отравил, — сказал он.

Ширван повернул голову и посмотрел на Рустема. Черная борода над светлой полотняной повязкой, глаза черные и холодные. «Поступай соответственно», — сказал он раньше. Рустем прочистил горло.

— Ты и попытался это сделать, — сказал он. Сердце его сильно билось. — Если ты брал в руки стрелу, когда выстрелил в царя, тогда кааба проникла сквозь кожу, и теперь она внутри тебя. Твое прикосновение безвредно, принц Мюраш. Уже безвредно.

Он верил, что это правда. Его учили, что это так. Он ни разу не проверял это на практике. Он ощущал странное головокружение, комната слегка покачивалась, словно колыбель младенца.

Затем он увидел, как глаза принца почернели, точно так же, как глаза его отца. Мюраш потянулся рукой к поясу, выхватил кинжал и повернулся к постели.

Визирь вскрикнул. Рустем, безоружный, шагнул вперед.

Винаж, комендант гарнизона в Керакеке, убил принца Мюраша, третьего из девяти сыновей Ширвана Великого, своим собственным кинжалом, метнув его от двери.

Принц с клинком в горле выпустил оружие из безжизненных пальцев и медленно повалился поперек кровати, уткнувшись лицом в колени отца, и светлые простыни покрылись красными пятнами его крови.

Ширван не шевелился. И все остальные тоже.

После долгого мгновения неподвижности царь перевел взгляд с мертвого сына на Винажа, потом на Рустема. Медленно кивнул головой каждому из них.

— Лекарь, твоего отца как звали?.. — спросил он равнодушным тоном с оттенком легкого любопытства.

Рустем заморгал:

— Зорах, великий царь.

— Это имя члена касты воинов.

— Да, господин. Он был солдатом.

— Ты выбрал другую жизнь?

Эта беседа казалась неправдоподобной до жути. У Рустема от нее закружилась голова. Поперек тела того, с кем он вел эту беседу, распростерся мертвец, его сын.

— Я воюю с болезнями и ранами, мой повелитель. — Так он всегда говорил.

Царь снова кивнул, задумчиво, словно удовлетворенный чем-то.

— Ты знаешь, разумеется, чтобы стать царским лекарем, необходимо принадлежать в касте священнослужителей.

Разумеется. Мир все же стучится к нему в дверь.

Рустем опустил голову. Ничего не ответил.

— Мы организуем это на следующей церемонии Возвышения перед Священным Огнем в день летнего солнцестояния.

Рустем с трудом сглотнул. Кажется, он делает это всю ночь. Он откашлялся.

— Одна из моих жен из касты простолюдинов, великий царь.

— Ей дадут щедрую компенсацию. Ребенок есть?

— Да, девочка, мой повелитель.

Царь пожал плечами:

— Подберем добросердечного мужа. Мазендар, позаботься об этом.

Ярита. Ее имя означает «озеро в пустыне». Черные глаза, черные волосы, легкие шаги, когда она входит в комнату или выходит из нее, словно боится потревожить воздух в помещении. Легчайшее прикосновение на свете. И Инисса, малышка, которую они зовут Исса. Рустем закрыл глаза.

— Твоя вторая жена из касты воинов?

Рустем кивнул:

— Да, мой повелитель. И сын тоже.

— Их можно возвысить вместе с тобой на той же церемонии. И переедешь в Кабадх. Если пожелаешь взять вторую жену, это можно устроить.

Снова Рустем закрыл глаза.

Окружающий мир молотом колотит в его дверь, врывается в дом подобно ветру.

— Все это может произойти только после середины лета, разумеется. Я хочу использовать тебя раньше. Ты кажешься мне человеком умелым. Их всегда не хватает. Ты будешь лечить меня здесь. Потом предпримешь зимнее путешествие по моему

заданию. Кажется, ты наблюдателен. Можешь послужить своему царю еще до принятия в новую касту. Ты уедешь, как только сочтешь, что я достаточно здоров, чтобы вернуться в Кабадх.

Тут Рустем открыл глаза. Медленно поднял взгляд:

— Куда я должен ехать, великий царь?

— В Сарантий, — ответил Ширван Бассанийский.

* * *

Когда Царь Царей уснул, Рустем ненадолго зашел домой, чтобы сменить окровавленную одежду и пополнить запас трав и лекарств. Темнота была ветреной и холодной. Визирь дал ему охрану из солдат. Кажется, он стал важной персоной. Собственно говоря, это неудивительно, не считая того, что теперь все удивительно.

Обе женщины не спали, хотя было уже очень поздно. В передней комнате горели масляные лампы — лишняя трата. В обычную ночь он бы сделал Катиун за это выговор. Он вошел в дом. Они обе быстро поднялись навстречу. Глаза Яриты наполнились слезами.

— Хвала Перуну, — сказала Катиун. Рустем переводил взгляд с одной на другую.

— Папа, — раздался сонный голос.

Рустем посмотрел и увидел маленькую сгорбленную фигурку, встающую с коврика у очага. Шаски тер глаза. Он уснул, но ждал здесь вместе со своими матерями.

— Папа, — повторил он неуверенно. Катиун подошла и положила руку ему на плечи, словно боялась, что Рустем будет бранить мальчика за то, что он остался здесь и не спит так поздно.

Рустем почувствовал странное стеснение в горле. Не от каабы. От чего-то другого. Он осторожно произнес:

— Все в порядке, Шаски. Я уже дома.

— Стрела? — спросил сын. — Они сказали — стрела?

Странно, как трудно стало говорить. Ярита плакала.

— Стрела благополучно извлечена. Я использовал ложку Эниати. Ту, которую ты мне принес. Ты правильно сделал, Шаски.

Тут мальчик улыбнулся, застенчиво, сонно, прижавшись головой к животу матери. Рука Катиун погладила его волосы,

нежно, как лунный свет. Ее глаза искали взгляд Рустема, и в них было слишком много вопросов.

И отвечать на них было слишком долго.

— Теперь иди спать, Шаски. Я поговорю с твоими матерями, а потом вернусь к пациенту. Увидимся завтра. Все хорошо.

Это было и так, и не так. Быть возведенным в касту священнослужителей — вещь поразительная, просто чудо. Касты в Бассании неподвижны, как горы, разве что Царь Царей пожелает их сдвинуть. Положение придворного лекаря означало обеспеченность, надежное положение, доступ к библиотекам и ученым людям. Больше не надо будет беспокоиться о покупке более просторного дома для семьи или о том, что слишком много масла сгорает в лампах по ночам. Границы будущего Шаски внезапно раздвинулись, превосходя все надежды.

Но что можно сказать жене, которую придется бросить по приказу Царя Царей и отдать другому человеку? А малышка? Исса, которая спит сейчас в своей колыбельке? Малышка уйдет от него.

— Все хорошо, — снова повторил Рустем, стараясь заставить себя поверить в это.

Дверь уже отворилась, и на пороге появился внешний мир. Добро и зло идут рука об руку, их нельзя отделить друг от друга. Перуну всегда противостоит Азал. Оба бога вместе появились во Времени, и ни один не может выйти из него без другого. Так учили священники в каждом храме Бассании.

Женщины вместе отвели ребенка в его комнату. Шаски держал их за руки, заявляя права на них обеих. «Они его слишком балуют», — подумал Рустем. Но сегодняшняя ночь не для таких размышлений.

Он стоял один в передней комнате своего небольшого домика при свете от ламп и от очага и думал о судьбе и о мгновениях случайности, которые определяют жизнь человека, и о Сарантии.

Глава 2

Пардосу никогда не нравились собственные руки. Пальцы слишком толстые, короткие, как обрубки. Они не похожи на руки мозаичника, хотя на них видна та же сетка из порезов и царапин, что и у всех остальных.

У него было много времени на размышления об этом и о многом другом во время долгого путешествия, в дождь и ветер, когда осень неуклонно превращалась в зиму. Пальцы Мартиниана, или Криспина, или лучшего друга Пардоса Куври — вот они правильной формы. Они большие и длинные, выглядят ловкими и умелыми. Пардос думал, что его руки похожи на руки крестьянина, рабочего, человека, для профессии которого едва ли имеет значение ловкость. Временами это его тревожило.

Но он ведь действительно мозаичник, не так ли? Он учился у двух знаменитых мастеров в этой области и был официально принят в гильдию в Варене. У него в кошельке лежат соответствующие бумаги, дома его имя внесено в списки. Поэтому внешность не играет особой роли, в конце концов. Его короткие толстые пальцы достаточно проворны, чтобы делать то, что необходимо. Важны глаз и ум, говаривал Криспин до того, как уехал, а пальцы могут научиться делать то, что им велят.

По-видимому, это правда. Они делают то, что нужно здесь делать, хотя Пардос никогда не представлял себе, что его первый труд в качестве полноправного мозаичника будет выполнен в далекой, насквозь промерзшей глуши Саврадии.

Он даже никогда не представлял себе, что может забраться так далеко от дома, совсем один. Он не из тех молодых людей, которые воображают себе приключения в дальних странах. Он был набожным, осторожным, склонным к тревоге и вовсе не импульсивным.

Но ведь он покинул Варену, свой дом, — единственное знакомое ему место в мире, созданном Джадом, — почти сразу же после убийства в святилище, и это был самый импульсивный из всех возможных поступков.

Ему не казалось, что он поступает безрассудно, скорее он был убежден, что у него нет другого выхода. Пардос удивлялся, почему другие этого не понимают. Когда на него наседали друзья, и Мартиниан, и его заботливая, добросердечная жена, Пардос лишь отвечал, снова и снова, что не может оставаться там, где происходят такие вещи. Когда ему говорили, с насмешкой или грустью, что такие вещи происходят всюду, Пардос отвечал очень просто, что он их видел не всюду, а только в святилище у стен Варены, перестроенном для того, чтобы перенести в него останки царя Гилдриха.

День освящения этого святилища начинался как самый чудесный день в его жизни. Во время церемонии он вместе с ос-

тальными бывшими подмастерьями, только что принятыми в гильдию, сидел на почетных местах рядом с Мартинианом, его женой и седовласой матерью Криспина. Все могущественные правители государства антов присутствовали на ней, и многие из самых знатных родиан, включая представителей самого верховного патриарха, прибыли из далекого Родиаса в Варену. Царица Гизелла, под вуалью, одетая в снежно-белые траурные одежды, сидела так близко, что Пардос мог бы заговорить с ней.

Только то была не царица. То была женщина, изображавшая ее, ее приближенная. Эта женщина умерла в святилище, как и огромный немой охранник царицы. Их зарубили мечом, которому не место в святом храме. Потом и сам владелец меча, Агила, царедворец, был убит на месте, у алтаря, стрелами, выпущенными сверху. Другие тоже погибли от стрел, под вопли людей, которые ринулись к выходам, топча друг друга. И кровь забрызгала солнечный диск под мозаикой, над которой трудились Криспин, Мартиниан, Пардос, Радульф, Куври и все остальные во славу бога.

Насилие, безобразное и нечестивое, в святой церкви, осквернение этого места и самого Джада. Пардос чувствовал себя нечистым, ему было стыдно. Он с горечью сознавал, что тоже ант, что он одной крови и даже, по воле случая, одного племени с тем мерзавцем, который встал с запретным мечом, оскорбил молодую царицу непристойными злобными словами, а затем умер вслед за теми, кого только что убил.

Пардос вышел из двойных дверей святилища, когда возобновилась церемония — по приказу первого министра Евдриха Златовласого. Он прошел мимо печей во дворе, где провел все лето и осень за гашением извести для основы, вышел за ворота и двинулся по дороге назад, в город. Не успев еще дойти до стен Варены, он уже принял решение покинуть этот город. И почти сразу же после этого понял, как далеко собрался идти, хотя никогда в жизни не уезжал из дома и наступала зима.

Позже его пытались отговорить, но Пардос был упрямым юношей, и его нелегко было поколебать, когда он уже принял решение умом и сердцем. Ему необходимо уйти подальше от того, что произошло в святилище, от того, что сделали люди одного с ним рода и племени. Ни один из его коллег и друзей не был антом, все они родились в Родиасе. Возможно, именно поэтому они не так остро чувствовали позор, как он.

Зимние дороги на восток сулили опасность, но Пардос считал, что они не могли быть хуже того, что вот-вот произойдет здесь, среди его народа, после того, как исчезла царица и были обнажены мечи в святой церкви.

Ему хотелось снова увидеть Криспина, поработать с ним вдали от племенных войн, которые вот-вот начнутся. Снова начнутся. Они, анты, уже проходили по этой темной тропе. На этот раз Пардос пойдет в другую сторону.

Они не получали известий от младшего, энергичного партнера Мартиниана после единственного послания, переданного из военного лагеря в Саврадии. Это письмо даже не было адресовано им, оно было доставлено алхимику, другу Мартиниана. Этот человек, по имени Зотик, передал им, что с Криспином все в порядке, по крайней мере, на этом этапе его путешествия. Почему он написал старику, а не собственному напарнику или матери, никто не объяснил; во всяком случае, Пардосу не объяснили.

С тех пор — ничего, хотя Криспин, вероятно, уже добрался до Сарантия, если добрался. Пардос, который теперь уже твердо принял решение уехать, сосредоточился на образе бывшего учителя и объявил о своем намерении отправиться вслед за ним в столицу Империи.

Когда Мартиниан и его жена Карисса поняли, что отговорить ученика не удастся, они приложили немало сил, чтобы как следует подготовить его к путешествию. Мартиниан посетовал на недавний — и очень внезапный — отъезд своего друга-алхимика, человека, который явно много знал о дорогах на восток. Но ему удалось собрать мнения и подсказки у опытных путешественников-купцов, своих бывших клиентов. Пардос, который гордился своей грамотностью, получил тщательно составленные списки мест, где следует останавливаться, и мест, которых следует избегать. Выбор у него был, разумеется, ограниченным, так как он не мог позволить себе взятки, чтобы получить доступ на имперские постоялые дворы на дороге, но все равно полезно знать о тех тавернах и притонах, где путешественника подстерегает опасность быть ограбленным или убитым.

Однажды утром, после предрассветной молитвы в маленькой древней часовне неподалеку от жилья, которое он снимал вместе с Куври и Радульфом, Пардос отправился к хироманту, испытывая некоторое смущение.

Приемная этого человека находилась ближе к дворцовому кварталу. Некоторые подмастерья и мастеровые, работавшие в

святилище, имели обыкновение советоваться с ним по поводу азартных игр и любовных дел, но неловкость Пардоса это не уменьшало.

Хиромантия была осуждаемой ересью, конечно, но клирики Джада здесь, в Батиаре, среди антов, действовали осторожно, и завоеватели так никогда полностью и не отказались от некоторых прошлых верований. Над дверью открыто висела вывеска с изображением пентаграммы. Когда он открыл дверь, зазвенел звонок, но никто не появился. Пардос вошел в маленькую темную переднюю комнату, подождал немного и постучал по шаткому столику, стоящему там. Ясновидящий вышел из-за занавески из бусин и, ни слова не говоря, повел его в заднюю комнату без окон, которую обогревала маленькая жаровня и освещали свечи. Он подождал по-прежнему молча, пока Пардос положит на стол три медных фолла и задаст свой вопрос. Хиромант указал на скамью. Пардос осторожно присел: скамья была очень старой.

Этот человек был худым как жердь, одет в черное, и у него не хватало мизинца на левой руке. Он взял короткую широкую руку Пардоса и склонился над ней, долго изучал ладонь при свете свечей и чадящей жаровни. Иногда он покашливал. Пардос чувствовал странную смесь страха, гнева и презрения к самому себе, пока хиромант пристально разглядывал его руку. Затем хиромант — он так и не заговорил — заставил Пардоса бросить на грязный стол высушенные куриные кости. Долго их рассматривал, а потом объявил высоким хриплым голосом, что Пардос не погибнет во время путешествия на восток и что его на дороге ждут.

Последнее не имело совсем никакого смысла, и Пардос спросил, что это значит. Хиромант покачал головой и зашелся в кашле. Он прижимал ко рту кусок ткани, покрытый пятнами. Когда приступ кашля утих, он сказал, что дальнейшие подробности трудно рассмотреть. Он ждет еще денег, понял Пардос, но не захотел платить больше и вышел на яркий утренний свет. Интересно, думал он, так ли беден этот человек, как кажется, или его убогая одежда и дом — это средство привлечь к себе внимание? Хироманты, безусловно, не оставались без работы в Варене. Кашель и простуженный голос казались настоящими, но богатые могут болеть точно так же, как и бедные.

Все еще ощущая неловкость за свой поступок и понимая, как отнесется священник, отправляющий службу в его церкви, к визиту к ясновидящему, Пардос решил рассказать о нем Куври.

— Если меня все же убьют, — сказал он, — пойди и возьми эти фоллы назад, хорошо?

Куври согласился без своих обычных шуточек.

В ночь перед уходом Пардоса Куври и Радульф повели его выпить в их любимую винную лавку. Радульф тоже скоро собирался уехать, но только на юг, в Байану возле Родиаса, где жила его семья и где он надеялся найти постоянную работу по украшению домов и летних жилищ у моря. Этим надеждам, возможно, не суждено сбыться, если разразится гражданская война или начнется вторжение с востока, но они решили не говорить об этом в последний совместный вечер. Во время этого прощания за чаркой вина Радульф и Куври выражали горькое сожаление, что не могут пойти вместе с Пардосом. Теперь, когда они смирились с его внезапным уходом, это путешествие начало казаться им замечательным приключением.

Пардос вовсе так не считал, но он не собирался разочаровывать друзей, заявляя об этом. Он растрогался, когда Куври развернул сверток, принесенный с собой, и они подарили Пардосу новую пару сапог в дорогу. Ночью, пока он спал, они измерили его сандалии, объяснил Радульф, чтобы подобрать правильный размер.

Таверна закрывалась рано по приказу Евдриха Златовласого, бывшего министра, который провозгласил себя регентом в отсутствие царицы. После этого заявления начались беспорядки. Много людей погибло за последние несколько дней в уличных потасовках. Напряжение уже было большим и будет еще расти.

Среди всего прочего, казалось, никто понятия не имеет, куда уехала царица, и это явно тревожило тех, кто теперь обосновался во дворце.

Пардос просто надеялся, что с ней все в порядке, где бы она ни находилась, и что она когда-нибудь вернется. Анты не признавали женщин-правителей, но Пардос считал, что дочь Гилдриха гораздо лучше любого из тех, кто может теперь занять ее место.

Он покинул дом на следующее утро, сразу же после предрассветной молитвы, и двинулся по дороге на восток, в Саврадию.

Самой большой для него проблемой были собаки. Они избегали крупных компаний, но пару-тройку раз на рассвете и в сумерках Пардос оказывался на дороге в одиночестве, а одна особенно неприятная ночь застала его вдали от постоялых дворов. И тогда на него набросились дикие собаки. Он отбивался своим посохом, удивляясь жестокости собственных ударов и грязной ругани, но и ему досталось немало укусов. По-видимому, ни одна из собак не оказалась больной, и хорошо, не то он к этому времени уже умер бы и Куври пришлось бы идти за деньгами к предсказателю.

Постоялые дворы обычно были грязными и холодными, пища имела неопределенное происхождение, но дома комната Пардоса тоже не напоминала дворец, и ему уже попадались в постели маленькие кусачие насекомые. Ему встретилось множество подозрительных личностей, которые пили слишком много плохого вина в сырые ночи, но было очевидно, что тихий молодой человек не владеет ни деньгами, ни товарами, которые стоило бы украсть, и они оставляли его в покое. Все же он из предосторожности испачкал грязью свои новые сапоги, чтобы они выглядели более старыми.

Ему нравились сапоги. И он не слишком страдал от холода и долгой ходьбы. Огромный черный лес на севере — Древняя Чаща — вызывал у него странное волнение. Ему нравилось пытаться проследить и определить оттенки темно-зеленого и серого, бурого и черного цветов, когда свет скользил по опушке леса и менял ее расцветку. Ему пришло в голову, что его предки и их предки могли жить в этом лесу. Вероятно, поэтому его влекло к нему. Анты уже давно обосновались в Саврадии, среди иниций, врашей и других враждующих племен, но потом начали великое переселение на юго-запад, в Батиару, где рушилась Империя, уже готовая пасть. Вероятно, деревья, тянущиеся вдоль имперской дороги, пробуждали нечто древнее в его крови. Хиромант сказал, что его ждут на дороге. Он не сказал, что именно его ждет.

Он искал себе попутчиков, как наставлял его Мартиниан, но после нескольких первых дней не слишком тревожился, если никого не находил. Он изо всех сил старался не пропускать предрассветных и предзакатных молитв, искал придорожные церкви, чтобы их прочесть, поэтому часто отставал от менее набожных спутников, когда ему все же удавалось ими обзавестись.

Один гладко выбритый торговец вином из Мегария предложил Пардосу деньги, если тот разделит с ним ложе — даже на имперском постоялом дворе, — и потребовалось стукнуть его посохом под коленки, чтобы он перестал хватать Пардоса за интимные места под покровом сумерек, настигших их компанию в дороге. Пардос встревожился, как бы друзья этого человека не отозвались на его вопль и не напали на него, но, кажется, им были известны повадки их товарища, и они не доставили Пардосу неприятностей. Один из них даже извинился, что его удивило. Их компания отправилась на ночлег на имперский постоялый двор, который замаячил в темноте впереди, большой, освещенный факелами, приветливый, а Пардос продолжил путь в одиночестве. В ту ночь он в конце концов скорчился с южной стороны каменной ограды на жгучем холоде, и ему пришлось драться с дикими псами при свете белой луны. Стена должна была защитить его от собак. Но в ней было слишком много проломов. Пардос знал, что это означает. Здесь тоже побывала чума в недавно минувшие годы. Когда люди умирают в таких количествах, всегда не хватает рабочих рук, чтобы сделать все необходимое.

Та единственная ночь была очень тяжелой, и он действительно подумал, дрожа от холода и стараясь не спать, не суждено ли ему умереть здесь. Он спрашивал себя, что он делает так далеко от всего, что ему знакомо. У него нечем было разжечь огонь, и он смотрел в темноту, следил, не появятся ли тонкие извивающиеся привидения, которые могут погубить его, если он пропустит их приближение. Он слышал другие звуки, из леса, с противоположной стороны стены и дороги: низкое раскатистое рычание, вой, а один раз топот какого-то очень крупного животного. Он не поднялся, чтобы посмотреть, что это такое, но после этого собаки ушли, слава Джаду. Пардос сидел, съежившись под своим плащом, прислонившись к мешку и шершавой стене, смотрел на далекие звезды и на единственную белую луну и думал о том, где он находится в мире, сотворенном Джадом. Где это маленькое ничтожное существо — Пардос из племени антов — проводит холодную ночь в этом мире. Звезды в темноте были твердыми и яркими, как алмазы.

Позже он решил, что после той долгой ночи он смог по-новому оценить бога, если это не слишком самонадеянная мысль, ибо как смеет такой человек, как он, говорить об оценке бога? Но мысль осталась с ним: разве Джад не совершает каждую ночь нечто бесконечно более трудное, сражаясь в одиночку

против врагов и зла среди жгучего холода и темноты? И — следующая правда — разве бог не делает это ради блага других, ради своих смертных детей, а вовсе не ради себя самого? А Пардос просто боролся за собственную жизнь, а не за других живущих.

В какой-то момент, в темноте, после захода белой луны, он подумал о Неспящих, о тех святых клириках, которые молятся всю ночь, в знак понимания того, что бог совершает в ночи. Потом он провалился в беспокойный сон без сновидений.

И на следующий же день, продрогший, весь окоченевший и очень уставший, он подошел к церкви тех самых Неспящих, стоящей немного в стороне от дороги. Он вошел с благодарностью, желая помолиться и выразить свою благодарность, возможно, найти немного тепла в холодное ветреное утро, а потом увидел то, что находилось наверху.

Один из священников не спал, он вышел и приветливо поздоровался с Пардосом, и они вместе произнесли предрассветные молитвы перед диском и под внушающей благоговение фигурой темного бородатого бога на куполе над их головой. Потом Пардос неуверенно рассказал священнику, что он из Варены, мозаичник, и что изображение на куполе — правда! — самое поразительное из всего, что он когда-либо видел.

Одетый в белые одежды священник поколебался, в свою очередь, и спросил у Пардоса, не знаком ли он с еще одним западным мозаичником, человеком по имени Мартиниан, который проходил мимо них в начале осени? И Пардос вспомнил, как раз вовремя, что Криспин отправился на восток под именем своего партнера, и сказал: да, он действительно знает Мартиниана, был его учеником и теперь идет на восток, чтобы присоединиться к нему в Сарантии.

После этого худощавый клирик снова поколебался, а потом попросил Пардоса подождать несколько секунд. Он вышел через маленькую дверцу в боковой стене церкви и вернулся вместе с другим человеком, постарше, седобородым. Этот человек смущенно объяснил, что другой художник, Мартиниан, высказал предположение, будто изображение Джада наверху нуждается в некотором... внимании, если они хотят сохранить его должным образом.

И Пардос, снова посмотрев вверх, увидел то, что заметил Криспин, и, кивнув головой, сказал, что это действительно так.

Затем они спросили его, не захочет ли он помочь им в этом. Пардос заморгал в страхе и, заикаясь, стал говорить что-то насчет того, что необходимо иметь большое количество смальты, такой же, как та, что использована наверху, для этой сложной, почти невыполнимой задачи. Ему потребовалось бы снаряжение мозаичника, и инструменты, и помост...

Священники переглянулись, а потом повели Пардоса через церковь в одно из хозяйственных строений и по скрипучим ступенькам в подвал. И там при свете факела Пардос увидел разобранные части помоста и инструменты для своей профессии. Вдоль каменных стен стояла дюжина сундуков, и священники их открыли, один за другим, и Пардос увидел смальту такого качества, такого блеска, что еле удержался, чтобы не заплакать, вспомнив мутное некачественное стекло, которым все время приходилось пользоваться Криспину и Мартиниану в Варене. Это была та самая смальта, которой выложили изображение Джада на куполе: священники хранили ее здесь, внизу, все эти сотни лет.

Два священника смотрели на него и ждали, ничего не говоря, и наконец Пардос просто кивнул головой.

— Да, — сказал он. И еще: — Кому-нибудь из вас придется мне помогать.

— Ты должен научить нас, что надо делать, — сказал второй священник, поднимая повыше факел и глядя вниз на сверкающее стекло в древних сундуках, в котором играл отражающийся свет.

Пардос в конце концов остался там. Он работал вместе с этими благочестивыми людьми и жил с ними почти всю зиму. Как ни странно, по-видимому, его здесь ждали.

Настало время, когда он достиг пределов того, что, как он считал, в его силах сделать при отсутствии руководства и большего опыта для этого божественного, великолепного произведения, и он сказал об этом священникам. Они к тому времени преисполнились к нему уважения, признали его благочестие и старание, и он даже думал, что понравился им. Никто не возражал. Надев подаренные ему белые одежды, Пардос в последнюю ночь бодрствовал вместе с Неспящими и с дрожью услышал собственное имя, пропетое святыми клириками во время молитвы как имя человека добродетельного и достойного, для которого они просили милости у бога. Они поднесли ему по-

дарки — новый плащ, солнечный диск, — и он снова, со своим посохом и мешком, ясным утром вышел на дорогу и под пение птиц, возвещающих весну, продолжил свой путь в Сарантий.

* * *

Если быть честным, то Рустему пришлось бы признать, что его самолюбию нанесен удар. С течением времени, решил он, эта болезненная тревога и обида утихнут и он, возможно, сочтет реакцию своих жен и свою собственную забавной и поучительной, но пока прошло слишком мало времени.

Кажется, он тешил себя иллюзиями насчет своей семьи. Не он первый. Стройная хрупкая Ярита, от которой Рустема Керакекского вынуждали отказаться, которую заставляли бросить по желанию Царя Царей, чтобы его можно было возвысить до касты священнослужителей, казалась очень довольной, когда ей сообщили об этой перемене в жизни, как только ей пообещали найти подходящего, доброго мужа. Единственное, о чем она просила, это отвезти ее в Кабадх.

Наверное, его вторая хрупкая жена ненавидела пустыню, песок и жару больше, чем показывала, и ей очень хотелось увидеть бурную и волнующую жизнь столичного города и пожить в нем. Рустем невозмутимо заметил, что, вероятно, ее желание можно будет удовлетворить. Ярита радостно, даже страстно, поцеловала его и ушла к своей малышке в детскую.

Катиун, его первая жена, — хладнокровная, сдержанная Катиун, которой оказали честь, как и ее сыну, обещанием принять в самую высшую из трех каст, что сулило немыслимое благосостояние и возможности, — разразилась горестными рыданиями, когда услышала эти новости. Она никак не хотела успокоиться, причитала и заливалась слезами.

Катиун совсем не нравились большие города, она никогда не видела ни одного из них — и не имела ни малейшего желания увидеть. Песок в одежде и волосах был мелкой неприятностью; жаркое солнце пустыни можно выдержать, если знать необходимые правила жизни. В маленьком окраинном Керакеке жить приятно, если ты жена уважаемого лекаря и занимаешь соответствующее этому положение.

Кабадх, двор, знаменитые водяные сады, танцевальный зал с красными колоннами, полный цветов, — все это места, где женщины ходят раскрашенные и надушенные, наряженные в

тонкие шелка и славятся хорошими манерами и давно отточенным коварством. Женщина из пустынных провинций среди этих?..

Катиун рыдала на своей кровати, крепко закрывала глаза и даже не желала смотреть на него, когда Рустем пытался успокоить ее разговорами о том, какие возможности откроет для Шаски эта невероятная щедрость царя, как и для всех других детей, которые у них могут теперь родиться.

Последнее он сказал импульсивно, он не собирался этого говорить, но его слова вызвали новые потоки слез. Катиун хотелось еще одного ребенка, и Рустем знал это. С переездом в Кабадх, когда он займет высокий пост придворного лекаря, он больше не сможет приводить доводы против идеи завести еще одного ребенка, мотивируя их недостатком жизненного пространства или средств.

В душе он все еще страдал. Ярита слишком легко примирилась с перспективой быть брошенной вместе с дочерью. А Катиун, по-видимому, не понимала, насколько поразительна эта перемена в их положении, не гордилась ею и не радовалась их новой судьбе.

Его слова о возможности иметь еще одного ребенка ее все-таки утешили. Она вытерла глаза, села на постели, задумчиво посмотрела на него, даже сумела слегка улыбнуться. Рустем провел вместе с ней остаток ночи. Катиун, не столь утонченно красивая, как Ярита, и менее застенчивая, чем вторая жена, умела более искусно возбуждать его различными способами. Перед рассветом его заставили, еще полусонного, предпринять первую попытку зачать обещанного ребенка. Прикосновения Катиун и ее шепот на ухо были бальзамом для его гордости.

На рассвете он вернулся в крепость, чтобы проверить состояние царственного пациента. Все шло хорошо. Ширван быстро поправлялся, что свидетельствовало о его железном здоровье и о стечении благоприятных знамений. Рустем не слишком полагался на первое, но изо всех сил старался следить за вторым и действовать соответственно.

Между посещениями царя он запирался с визирем Мазендаром, иногда к ним присоединялись другие люди. Рустема быстро вводили в курс определенных аспектов событий в мире той зимой, и особое внимание уделялось характеру и возможным намерениям Валерия Второго Сарантийского, которого некоторые называли «ночным императором».

Если ему предстоит отправиться туда, да еще и с определенной целью, он должен многое знать.

Когда он наконец двинулся в путь, поспешно договорившись, чтобы его ученики продолжали занятия с одним знакомым лекарем в Кандире, расположенном еще дальше к югу, зима была уже в разгаре.

Самым трудным — и это стало полной неожиданностью — было прощание с Шаски. Женщины примирились с происходящим, сумели понять; девочка была еще слишком мала. Его сын, слишком чувствительный, как считал Рустем, явно старался удержаться от слез, когда Рустем однажды утром затянул лямки своего заплечного мешка и повернулся, чтобы в последний раз со всеми проститься.

Шаски прошел несколько шагов вперед по дорожке. Он тер глаза сжатыми кулачками. Рустему пришлось признать, что он старался. Он старался не заплакать. Но какой мальчик так сильно привязывается к своему отцу? Это признак слабости. Шаски еще в том возрасте, когда мир, который ему положено знать и который ему необходим, — это мир женщин. Отец должен обеспечивать пищу и кров, духовное руководство и дисциплину в доме. Возможно, Рустем все-таки совершил ошибку, позволив ребенку слушать его уроки из коридора. Шаски не должен был так реагировать. И солдаты наблюдали за ними: воинам из крепости предстояло проделать с ним первую часть пути в знак особой милости.

Рустем открыл рот, чтобы сделать мальчику выговор, и обнаружил, к своему стыду, что у него в горле застрял комок, а сердце сжалось в груди так, что стало трудно говорить. Он закашлялся.

— Слушайся своих матерей, — произнес он более хриплым голосом, чем ожидал.

Шаски кивнул головой.

— Я буду слушаться, — прошептал он. Он все еще не плакал. Маленькие ручки были прижаты к бокам и сжаты в кулачки. — Когда ты вернешься домой, папа?

— Когда сделаю то, что должен сделать.

Шаски сделал еще два шага к калитке, где стоял Рустем. Они были одни, на полпути между женщинами у двери и военными на дороге. Он мог бы дотронуться до мальчика, если бы протянул руку. Одна птица пела в то ясное холодное зимнее утро.

Его сын глубоко вздохнул, явно собирая все свое мужество.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, ты знаешь, — сказал Шаски.

Рустем старался рассердиться. Дети не должны так разговаривать. Да еще с отцами. Потом увидел, что мальчик это понимает: он опустил глаза и сгорбился, словно ожидал выговора.

Рустем посмотрел на него и сглотнул, потом отвернулся и так ничего и не сказал. Несколько шагов он сам нес свой дорожный мешок, потом один из солдат спрыгнул с коня, взял мешок и ловко привязал к спине мула. Рустем наблюдал за ним. Командир солдат посмотрел на него и вопросительно приподнял бровь, махнув рукой в сторону предоставленного ему коня.

Рустем кивнул, внезапно его охватило раздражение. Он шагнул к коню, потом неожиданно обернулся и посмотрел на калитку. Шаски все еще стоял там. Он поднял руку, помахал мальчику и слегка улыбнулся, неловко, ему хотелось, чтобы ребенок понял, что отец не сердится за его слова, хотя и должен сердиться. Шаски смотрел Рустему в лицо. Он все еще не плакал. И все еще казалось, что он вот-вот расплачется. Рустем еще несколько мгновений смотрел на него, впитывая образ этой маленькой фигурки, потом кивнул головой, резко повернулся, схватился за протянутую руку и вскочил в седло. Они поскакали прочь. Некоторое время он испытывал стеснение в груди, потом это прошло.

Стражники сопровождали его до границы, а потом Рустем продолжил путь на запад, в сарантийские земли, — впервые в жизни, — один, не считая бородатого черноглазого слуги по имени Ниишик. Он отдал коня солдатам и ехал на муле: это больше соответствовало его роли.

Слуга тоже был не настоящий. Точно так же, как Рустем в данный момент был не просто учителем и лекарем, путешествующим в поисках рукописей и ученых бесед с западными коллегами, так и слуга был не просто слугой. Ниишик был солдатом, ветераном, закаленным в боях и умеющим выживать. В крепости Рустема убеждали, что подобные навыки могут очень пригодиться в его путешествии, а возможно, еще больше пригодятся, когда он доберется до места назначения. Все-таки он был шпионом.

Они остановились в Сарнике, не делая тайны из своего прибытия и не скрывая роли Рустема в спасении Царя Царей и

его будущего возвышения. Это было слишком важное событие: известие о покушении на царя раньше их пересекло границу, даже зимой.

Правитель Амории попросил Рустема посетить его и с подобающим ужасом выслушал подробности об убийственном предательстве в семье царя Бассании. После официального приема правитель отпустил своих приближенных и наедине пожаловался Рустему, что у него возникли некоторые трудности в выполнении его обязанностей как с женой, так и с любимой наложницей. Он признался с некоторым смущением, что зашел так далеко, что даже советовался с хиромантом, но безуспешно. Молитвы также не помогали.

Рустем воздержался от комментариев по поводу этих методов, осмотрел язык и пощупал пульс правителя, после чего посоветовал ему употреблять на ужин хорошо прожаренную баранью или говяжью печень в тот вечер, когда он собирается иметь сношение с одной из своих женщин. Отметив багровый цвет лица правителя, он также предложил воздержаться от употребления вина во время этой важной трапезы. Он выразил твердую уверенность, что все это поможет. Уверенность, разумеется, это половина лечения. Правитель рассыпался в благодарностях и отдал распоряжение, чтобы Рустему помогали во всех его делах, пока он находится в Сарнике. Через два дня он прислал в гостиницу в подарок Рустему шелковые одежды и богато изукрашенный солнечный диск джадитов. Диск, хоть и красивый, едва ли подобало дарить бассаниду, но Рустем сделал вывод, что его советы ночью оказались полезными.

Живя в Сарнике, Рустем посетил одного из своих бывших учеников и встретился с двумя лекарями, с которыми раньше переписывался. Он приобрел текст Кадестеса о кожных язвах и заплатил за переписку еще одной рукописи, копию которой должны были потом переслать ему в Кабадх. Он рассказал этим двум лекарям, что именно произошло в Керакеке и о том, как спас жизнь царя, в результате чего скоро станет придворным лекарем. А пока, объяснил он им, он попросил разрешения совершить познавательное путешествие, чтобы обогатить себя знаниями и письменными источниками с запада, и это разрешение ему было дано.

Он прочел утреннюю лекцию, на которую, к его удовольствию, собралось много народа, об афганских методах приема трудных родов и еще одну — об ампутации конечностей в том

случае, если в результате раны возникают воспаление и гнойные выделения. Рустем пробыл там почти месяц и уехал после прощального ужина, любезно устроенного гильдией лекарей. Ему назвали имена нескольких врачей в столице Империи, к которым настоятельно советовали зайти, и адрес респектабельной гостиницы, где предпочитали останавливаться его коллеги по профессии, когда бывали в Сарантии.

Пища по дороге на север оказалась отвратительной, а удобства еще хуже, но учитывая то, что стоял конец зимы и еще не наступила весна и в это время все мало-мальски умные люди вообще избегают путешествовать, путешествие прошло в основном без приключений. Чего нельзя сказать об их прибытии в Сарантий. Рустем не ожидал, что в первый же день встретится со смертью и попадет на свадьбу.

* * *

Уже много лет Паппион, управляющий имперской мастерской стеклодувов, сам не занимался выдуванием стекла или моделированием изделий. Его обязанности теперь были чисто административными и дипломатическими, связанными с координацией поставок и производством и доставкой смальты и плоских листов стекла мастерам, которые в них нуждались, в Городе и за его пределами. Самой трудной из его обязанностей было определить приоритеты и утихомирить разъяренных художников. Художники, как убедился на собственном опыте Паппион, склонны впадать в ярость.

У него была разработана собственная система. Императорские проекты стояли на первом месте, и Паппион сам проводил их оценку — насколько важна данная мозаика по сравнению с остальными. Поэтому приходилось иногда осторожно наводить справки в Императорском квартале, но у него имелся для этого свой штат, и он сам приобрел достаточно приличные манеры и мог посетить некоторых высших гражданских чиновников, когда возникала необходимость. Его гильдия не была самой важной из всех — это место принадлежало, конечно, шелковой гильдии, — но и не числилась среди самых незначительных, и при нынешнем императоре, с его пышными строительными проектами, Паппиона можно было назвать важной персоной. Во всяком случае, к нему относились с уважением.

Частные заказы шли после императорских, но здесь была

одна сложность: художники, занятые работой для императора, получали материалы бесплатно, в то время как те, кто делал мозаики и другие работы из стекла для частных лиц, вынуждены были покупать смальту или листы стекла. Ожидалось, что имперская мастерская стеклодувов теперь будет себя окупать в соответствии с современной схемой, предложенной трижды возвышенным Валерием Вторым и его советниками. Следовательно, Паппион не мог позволить себе полностью игнорировать просьбы мозаичников, нуждающихся в смальте для потолков, стен и полов в частных домах. Откровенно говоря, ему не было никакого смысла отказываться от всех тайно предложенных сумм, предназначенных для собственного кошелька. У мужчины есть обязанности по отношению к семье, не так ли?

Но кроме всех этих нюансов, Паппион прежде всего учитывал интересы тех мастеров или заказчиков, которые принадлежали к числу болельщиков Зеленых.

Великолепные Зеленые, прославленные великими достижениями, являлись его любимой факцией, и одним из огромных удовольствий, сопутствующих его высокому положению в гильдии, было то, что теперь в его власти было субсидировать факцию, за что его узнавали и уважали соответственно в ее пиршественном зале и на Ипподроме. Он перестал быть скромным болельщиком. Он стал почетным гостем, присутствовал на пирах, сидел в первых рядах в театре среди тех, кто занимал лучшие места на гонках колесниц. Давно миновали те дни, когда он занимал очередь еще до рассвета у ворот Ипподрома, чтобы получить стоячее место и посмотреть гонки.

Паппион не мог слишком открыто проявлять свои предпочтения — люди императора присутствовали всюду и бдительно наблюдали, — но он все же старался, чтобы при равенстве всех прочих факторов мозаичник из Зеленых не ушел с пустыми руками, если его конкурентом в получении смальты редких цветов или полудрагоценных камней был известный болельщик проклятых Синих или даже человек, не имеющий явных пристрастий.

Все это было в порядке вещей. Паппион получил свою должность благодаря тому, что болел за Зеленых. Его предшественник на посту главы гильдии и управляющего мастерской по производству стекла — также горячий поклонник Зеленых — выбрал его именно по этой причине. Паппион знал, что когда он захочет уйти от дел, то передаст свой пост кому-нибудь из

Зеленых. Так происходило всегда, во всех гильдиях, кроме шелковой. То был особый случай, за которым пристально наблюдали из Императорского квартала. Большинство гильдий контролировала та или иная факция, и редко этот контроль удавалось вырвать из ее рук. Нужно стать вызывающе продажным, чтобы люди императора вмешались.

Паппион не имел намерения вести себя вызывающе ни в чем, и его несколько смутил удивительный заказ, только что полученный им, и весьма значительная сумма, сопровождавшая этот заказ, хотя он еще даже не сделал предварительных набросков для заказанной стеклянной чаши.

Он понял, что в данном случае оплачивается его высокое положение. Что подарок приобретет большую ценность, так как будет изготовлен самим главой гильдии, который уже давно не занимается подобными вещами. Он также знал, что человек, сделавший ему этот заказ — свадебный подарок, насколько он понимал, — может себе это позволить. Не надо было наводить справок, чтобы узнать, что первый секретарь верховного стратига, историк, который также ведет летопись строительных проектов императора, имеет достаточно средств, чтобы купить роскошную чашу. Этот человек явно требовал к себе все большего почтения. Паппиону не нравился желтолицый худощавый неулыбчивый секретарь, но какое отношение имеют симпатии к делам?

Сложнее было вычислить, почему Пертений Евбульский покупает этот подарок. Пришлось задать кое-кому деликатные вопросы, прежде чем Паппион решил, что нашел ответ. Он оказался достаточно простым в конце концов — одна из самых старых историй в мире — и не имел никакого отношения ни к жениху, ни к невесте.

Пертений старался произвести впечатление на другого человека. И поскольку этот человек был дорог также и сердцу Паппиона, то ему пришлось подавить в себе негодование, представив стройную и великолепную, как сокол, женщину в объятиях худых рук унылого секретаря, чтобы сосредоточиться на уже ставшем непривычным занятии. Однако он заставил себя это сделать в меру своих сил.

В конце концов он хотел, чтобы первая танцовщица его любимых Зеленых считала его образцовым художником. Возможно, мечтал он, она даже закажет ему сама еще какую-нибудь работу, увидев его чашу. Паппион представлял себе встречи, кон-

сультации, их склоненные над рисунками головы, ее знаменитые духи, которые разрешены только двум женщинам во всем Сарантии, обволакивающие его, доверчивую ручку на его плече...

Паппион, уже немолодой человек, был толст, лыс, женат и имел троих взрослых детей, но истина заключалась в том, что некоторые женщины окружены магией и на сцене, и вне ее и желание сопровождает их повсюду, куда бы они ни шли. Нельзя перестать мечтать о таких только потому, что ты уже немолод. Если Пертений мог стараться завоевать восхищение броским подарком, сделанным людям, глубоко ему безразличным, почему нельзя Паппиону попытаться показать прекрасной Ширин, что может сделать управляющий имперской стекольной мастерской, вложив свой труд, мысли и частицу сердца в это древнейшее ремесло?

Она увидит чашу, когда ее доставят к ней в дом. Кажется, невеста живет у нее.

Немного поразмыслив и сделав утром наброски, Паппион решил сделать чашу зеленой со вставками из кусочков ярко-желтого стекла, похожего на луговые цветы весной, которая наконец-то наступала.

Сердце его забилось быстрее, когда он начал работать, но не труд, и не мастерство его волновали, и даже не образ женщины теперь. Нечто совершенно иное. Если весна уже почти пришла к ним, думал Паппион, напевая под нос выходной марш процессии, то и колесницы, и колесницы, и колесницы снова придут.

* * *

Каждое утро, во время предрассветных молитв в элегантной часовне, которую любила посещать молодая царица антов, она перебирала в уме и отмечала, словно секретарь на своей грифельной доске, те вещи, за которые ей следовало быть благодарной. Их оказалось много, если рассматривать события в определенном свете.

Она избежала покушения на свою жизнь, пережила плавание по морю в Сарантий поздней осенью, а потом первые этапы устройства жизни в городе — процесс более трудный, чем ей хотелось бы признать. Ей стоило больших усилий сохранить подобающе высокомерный вид, когда она впервые увидела гавань

и стены. Несмотря на то что Гизелла заранее знала, что Сарантий может внушить чрезмерное благоговение, и готовилась к этому, но, когда солнце в то утро взошло над столицей Империи, она поняла, что иногда подготовиться должным образом невозможно.

Она была благодарна отцовскому воспитанию и той самодисциплине, которую выработала в ней жизнь: кажется, никто не заметил, насколько она испугана.

И не только за это следовало ей благодарить святого Джада или тех языческих лесных богов антов, которых она помнила. От щедрот императора и императрицы она получила вполне респектабельный маленький дворец неподалеку от тройных стен. По прибытии она очень быстро сумела собрать достаточно собственных средств: потребовала заем на царские нужды у купцов из Батиары, торгующих на востоке. Несмотря на необычность ее внезапного приезда, без предупреждения, на императорском корабле, в сопровождении малочисленной свиты из охранников и служанок, никто из батиарцев не посмел отказать ей в просьбе, высказанной как нечто само собой разумеющееся. Если бы она промедлила, понимала Гизелла, все могло сложиться иначе. Когда оставшиеся в Варене — и, несомненно, предъявляющие права на ее трон или сражающиеся теперь за него, — узнают, где она, они пошлют на восток собственные распоряжения. И достать денег станет сложнее. А еще важнее то, что они попытаются ее убить.

У нее был слишком большой опыт в этих делах — опыт царствования и выживания, — чтобы иметь глупость медлить. Получив деньги, она наняла дюжину каршитских наемников в качестве личных телохранителей и нарядила их в красно-белые одежды, в цвета боевого знамени своего отца.

Ее отец всегда любил брать в охранники каршитов. Если запретить им пить на дежурстве и разрешить исчезать в притонах в свободные часы, то они становятся преданными стражами. Она также согласилась взять еще трех служанок, присланных императрицей Аликсаной, а также повара и домоправителя из Императорского квартала. Она налаживала домашнее хозяйство; ей были необходимы соответствующие условия и штат прислуги. Гизелла очень хорошо понимала, что среди них есть шпионы, но с этим она тоже была знакома. И знала способы их избегать или вводить в заблуждение.

Ее приняли при дворе вскоре после прибытия с подобаю-

щей учтивостью и уважением. Она встретилась и обменялась официальными приветствиями с сероглазым круглолицым императором и маленькой изящной бездетной танцовщицей, которая стала императрицей. Оба они вели себя исключительно вежливо, хотя никаких личных бесед или встреч ни с Валерием, ни с Аликсаной не последовало. Гизелла не была уверена, надо ожидать их или нет. Это зависело от планов императора. Когда-то события зависели от ее планов. Теперь нет.

Она принимала в своем маленьком городском дворце придворных и сановников из Императорского квартала, которые в первое время шли непрерывным потоком. Некоторые приходили из чистого любопытства, Гизелла это понимала: она была новостью, развлечением среди зимы. Царица варваров, убежавшая от своего народа. Возможно, они испытали разочарование, когда их милостиво принимала сдержанная, со вкусом одетая в шелка молодая женщина без малейших признаков медвежьего сала в соломенных волосах.

Меньшинство из них предпринимало далекое путешествие через многолюдный город по более глубоким причинам — чтобы оценить ее и ту роль, которую она может сыграть в меняющейся расстановке сил при этом сложном дворе. Престарелый, с ясными глазами канцлер Гезий приказал пронести себя по улицам на носилках до ее дома и привез подарки: шелк для одежды и гребень из слоновой кости. Они говорили о ее отце, с которым Гезий, кажется, переписывался много лет, а потом о театре — он уговаривал ее сходить туда — и, наконец, о том прискорбном влиянии, которое оказывает сырая погода на суставы его пальцев и колени. Гизелле он почти понравился, но она была слишком опытной, чтобы позволить себе подобные чувства.

Начальник канцелярии, более молодой чопорный человек по имени Фастин, явился на следующее утро, явно в ответ на визит Гезия, словно эти двое следили за действиями друг друга. Вероятно, так и было. Двор Валерия Второго в этом смысле не отличался от двора отца Гизеллы или ее собственного. Фастин пил травяной чай и задавал множество на первый взгляд безобидных вопросов о том, как ведутся дела у нее при дворе. Он был чиновником, и такие вещи его интересовали. Он также честолюбив, решила Гизелла, но лишь в той степени, в какой честолюбие свойственно консервативным людям, которые боятся

лишиться привычного распорядка своей жизни. В нем не было огня.

А вот в женщине, которая явилась через несколько дней, тлел скрытый огонь, спрятанный под холодными манерами патрицианки, и Гизелла почувствовала одновременно и жар, и холод. Эта встреча ее встревожила. Она слышала, конечно, о Далейнах, самой богатой семье в Империи. Ее отец и брат погибли, еще один брат, по слухам, страшно изуродован и спрятан где-то вдалеке от людей, а третьего брата из осторожности держат за пределами Города. Стилиана Далейна, ставшая женой Верховного стратига, оставалась единственной представительницей своей аристократической семьи в Сарантии, и ее никак нельзя было назвать безобидной. Гизелла поняла это в самом начале их беседы.

Они почти ровесницы, решила она, и жизнь их обеих лишила детства очень рано. Стилиана держалась и вела себя безупречно, внешний лоск и утонченная вежливость не выдавали никаких ее мыслей.

Пока она сама этого не желала. За сушеными фигами и небольшой чашей подогретого подслащенного вина бессвязный разговор о модах в одежде на западе внезапно закончился очень прямым вопросом о троне Гизеллы и ее бегстве и о том, чего она надеется добиться, приняв приглашение императора приехать на восток.

— Я жива, — мягко ответила Гизелла, встретив оценивающий взгляд голубых глаз этой женщины. — Ты, наверное, слышала, что произошло в святилище в день его освящения.

— Это было неприятно, я понимаю, — заметила Стилиана Далейна небрежно, имея в виду убийство и предательство. И презрительно махнула рукой: — А это — приятно? Эта красивая клетка?

— Мои гости служат утешением для меня, — тихо ответила Гизелла, безжалостно подавив в себе гнев. — Скажи, мне настойчиво советовали как-нибудь вечером сходить в театр. Ты можешь что-нибудь подсказать? — Она улыбнулась, прямодушная, юная, откровенно беззаботная. Царица варваров, меньше двух поколений отделяло ее от лесов, где женщины раскрашивали красками свою обнаженную грудь.

«Не только ты умеешь скрывать свои мысли за пустой болтовней», — подумала Гизелла, наклонившись вперед, чтобы выбрать инжир.

Вскоре Стилиана Далейна ушла, но, уже стоя у двери, заметила, что при дворе считают, будто первая танцовщица и актриса факции Зеленых — самая талантливая из всех нынешних актрис. Гизелла поблагодарила ее и пообещала когда-нибудь отдать долг ответным визитом. Возможно, она действительно это сделает: подобные словесные поединки доставляли ей какое-то горькое удовлетворение. Интересно, можно ли найти в Сарантии медвежье сало, подумала она.

Приходили и другие посетители. Восточный патриарх прислал своего первого секретаря, угодливого клирика, от которого пахло чем-то кислым. Он задал подготовленные вопросы о западной вере, а потом читал ей лекцию о Геладикосе до тех пор, пока не понял, что она не слушает. Некоторые члены здешней батиарской общины — в основном купцы, наемные солдаты, несколько ремесленников — первое время регулярно навещали ее. Потом, в разгар зимы, они перестали приходить, и Гизелла пришла к выводу, что Евдрих или Кердас прислали из дома весточку или даже приказ. Агила мертв; теперь они уже знали об этом. Он умер в месте захоронения ее отца, в утро освящения. Вместе с Фаросом и Аниссой, единственными людьми на свете, которые, может быть, любили царицу. Она выслушала это известие с сухими глазами и наняла еще полдюжины телохранителей.

Посетители из императорского двора еще некоторое время продолжали приходить. Некоторые из мужчин явно хотели ее соблазнить: несомненно, это стало бы для них триумфом.

Она осталась девственницей и иногда жалела об этом. Скука была главной проблемой ее новой жизни. Это даже нельзя было назвать настоящей жизнью. Это было ожидание решения: сможет ли жизнь продолжаться или начаться заново.

И это, к сожалению, каждое утро в часовне мешало ее попыткам ощутить должную благодарность, когда заканчивались молитвы священному Джаду. Дома ее существование, пусть и полное опасностей, давало ей реальную власть. Царица, правящая народом, победившим Империю. Верховный патриарх в Родиасе склонялся перед ней, как склонялся перед ее отцом. Здесь, в Сарантии, ей приходится выслушивать лекции мелкого клирика. Она стала всего лишь сверкающей безделушкой, неким украшением для императора и его двора, не выполняла никаких функций, не играла никакой роли. Она была, выражаясь

совсем просто, возможным предлогом для вторжения в Батиару, не более того.

Эти коварные придворные, которые являлись верхом или на занавешенных носилках через весь город, чтобы повидать ее, кажется, постепенно пришли к такому же мнению. Ее дворец у тройных стен находился далеко от Императорского квартала. В середине зимы визиты придворных тоже стали редкими. Гизелла не удивилась. Иногда ее даже огорчало то, как мало вещей способно ее удивить.

Один из потенциальных любовников — более настойчивый, чем другие, — продолжал навещать ее после того, как другие перестали появляться. Гизелла позволила ему один раз поцеловать ей ладонь, а не тыльную сторону руки. Ощущение было довольно приятным, но, поразмыслив, она предпочла сослаться на занятость во время его следующего визита, а потом следующего. Третьего визита не последовало.

Правда, у нее почти не было выбора. Ее молодость, красота, желание мужчин обладать ею — вот немногие оставшиеся в ее распоряжении средства после того, как она оставила трон. Она гадала, когда Евдрих или Кердас попытаются подослать к ней убийц. И будет ли Валерий всерьез стараться помешать им. Она считала, что более полезна императору живой, но были и доводы в пользу обратного, и еще следовало принять во внимание императрицу.

Все эти расчеты ей приходилось делать самой. У нее не было здесь никого, чьим советам она могла бы доверять. Да и дома у нее не осталось такого человека. Иногда ее охватывали гнев и обида, когда она вспоминала о седовласом алхимике, который помог ей с побегом, но потом бросил ее ради собственных дел, какими бы они ни были. Она видела его в последний раз на пристани в Мегарии, стоящим под дождем, когда ее корабль уходил в море.

Гизелла, вернувшись домой из часовни, сидела в красивом солярии над тихой улицей. Она заметила, что восходящее солнце теперь стоит над крышами домов напротив. Она позвонила в маленький колокольчик, стоящий рядом с ее стулом, и одна из хорошо вышколенных женщин, присланных императрицей, появилась в дверях. Пора было начинать готовиться к выходу. Случались, правда, и неожиданные события.

После одного из них, участницей которого была танцовщица, оказавшаяся дочерью того самого седовласого человека, по-

кинувшего царицу в Мегарии, Гизелла приняла приглашение на этот вечер.

И это напомнило ей о другом человеке, которого она призвала к себе на службу еще дома, — о рыжеволосом мозаичнике. Кай Криспин сегодня тоже там будет.

Она удостоверилась, что он находится в Сарантии, вскоре после того, как сама туда прибыла. Ей необходимо было это знать; его самого следовало принимать во внимание. Она доверила ему опасное личное послание и понятия не имела, передал ли он его и вообще пытался ли передать. Она помнила его обиженным, мрачным, умным, вопреки ожиданиям. Ей необходимо было поговорить с ним.

Она не стала приглашать его к себе — ведь для всего мира они с ним никогда не встречались. Шесть человек умерли ради сохранения этой иллюзии. Вместо этого она отправилась посмотреть, как продвигается строительство нового Святилища божественной мудрости Джада, которое сооружал император. Святилище еще не было открыто для всех, но посещение его было абсолютно подобающим — и даже благочестивым — поступком для гостящей в Городе царицы. В этом никто не мог усомниться. Войдя туда, она решила, повинуясь какому-то импульсу, подойти к этому делу необычным образом.

Вспоминая события того утра в начале зимы, пока женщины готовили ей ванну, Гизелла поймала себя на том, что тайком улыбается. Видит Джад, она не склонна уступать своим порывам и очень редко находит повод для смеха, но тогда она вела себя в этом потрясающем месте отнюдь не с подобающим показным благочестием и вынуждена была признать, что развлекалась от души.

Сейчас по Сарантию об этом посещении уже ходят слухи. Это входило в ее намерения.

* * *

Человек на помосте под куполом, со стеклом в руках, пытающийся создать бога. И не одного бога, если говорить правду, хотя эту правду он не собирался открывать. Криспин в тот день — ранней зимой в священном городе Джада, Сарантии, — был счастлив тем, что жив. И не стремился быть сожженным за ересь. Ирония заключалась в том, что он еще не понял или не осознал своего счастья. Он уже давно не испытывал этого чув-

ства; теперь ему было чуждо подобное настроение, и он бы впал в раздражение и набросился с оскорблениями на любого, кто посмел бы заметить, что он доволен своей судьбой.

Неосознанно нахмурив брови, сосредоточенно сжав губы в тонкую полоску, он старался окончательно подобрать цвета для лика Джада над намечающейся линией горизонта Сарантия на куполе. Другие художники под его руководством создавали Город; сам он выкладывал фигуры и начал с Джада, чтобы образ бога смотрел вниз на всех входящих, пока будут делать мозаики на куполе, полукуполах и стенах. Ему хотелось, чтобы созданный им бог был отражением того образа, который он видел в маленькой церкви, в Саврадии, но не рабским подражанием, не слишком явной копией, а данью молчаливого поклонения. Он работал в другом масштабе, его Джад был главным элементом более крупной сцены, а не занимал весь купол, и следовало решить проблемы равновесия и пропорций.

В данный момент он думал о глазах и морщинах на коже над ними и под ними, вспоминая истощенное, страдающее лицо Джада в той церкви в День Мертвых. Кай Криспин тогда упал. Буквально рухнул, потеряв сознание, под этой худой, внушающей благоговение фигурой.

Он очень хорошо запоминал цвета. Практически идеально, и признавал это без ложной скромности. Он тесно сотрудничал с главой императорских стекольных мастерских, чтобы найти такие оттенки, которые наиболее точно соответствовали тем, в Саврадии. Ему помогало то, что теперь он руководил созданием мозаик для самого важного из всех строительных проектов Валерия Второго. Предыдущий мозаичник — некий Сирос — был изгнан с позором, и каким-то образом в ту же ночь ему сломали пальцы на обеих руках в результате необъяснимого несчастного случая. Криспин случайно кое-что узнал об этом. Лучше бы не знал. Он помнил, как высокая светловолосая женщина в его комнате на рассвете прошептала: «Могу тебя заверить, что Сиросу сегодня ночью не до того, чтобы нанимать убийц». И прибавила очень спокойно: «Поверь мне».

Он поверил. В этом, если не в остальном. Однако именно император, а не светловолосая женщина, показал Криспину этот купол и предложил его украсить. Теперь, что бы Криспин ни попросил, он обычно получал, по крайней мере если речь шла о смальте.

В других сферах своей жизни, там, внизу, среди мужчин и

женщин Города, он даже еще не решил, чего ему хочется. Он только знал, что у него есть жизнь еще и внизу, под этим помостом, с друзьями, врагами — на его жизнь покушались через несколько дней после приезда — и сложностями, которые могли, если он позволит, отвлечь его от того, что он должен сделать на этом куполе, предоставленном ему императором и гениальным архитектором.

Он запустил пальцы в густые рыжие волосы, растрепав их еще больше обыкновенного, и решил, что глаза его бога будут черными, как обсидиан, подобно глазам бога в Саврадии, но что он не станет копировать бледность того, другого Джада, используя серые оттенки на коже лица. Он выберет снова те два цвета, которыми выложит длинные тонкие руки, но они не будут такими натруженными, как у того бога. Отражение элементов, а не копирование. Именно об этом он думал, перед тем как снова поднялся сюда, и теперь придерживался первого, инстинктивного решения.

Остановившись на этом, Криспин глубоко вздохнул и расслабился. Значит, он сможет начать завтра. Подумав так, он почувствовал слабое дрожание помоста, раскачивание. Это означало, что кто-то поднимается к нему.

Это запрещалось. Категорически запрещалось подмастерьям и ремесленникам. Всем, собственно говоря, включая Артибаса, который построил это Святилище. Правило гласило: когда Криспин наверху, никто не должен подниматься на помост. Он угрожал им увечьями, лишением конечностей, гибелью. Варгос, оказавшийся столь же умелым помощником здесь, как в дороге, тщательно охранял Святилище Криспина под куполом.

Криспин посмотрел вниз, больше изумленный этим нарушением, чем чем-либо другим, и увидел, что по перекладинам лестницы к нему поднимается женщина — она сбросила плащ, чтобы легче было взбираться. Среди стоящих на мраморных плитах внизу он увидел Варгоса. Его друг-иниций беспомощно развел руками. Криспин снова посмотрел на поднимающуюся женщину. Потом заморгал, у него перехватило дыхание, и он крепко вцепился обеими руками в перила.

Однажды он уже смотрел вниз с этой колоссальной высоты, сразу же после приезда сюда, когда пальцами словно слепой ощупывал этот купол, на котором намеревался создать мир. И в этот момент он увидел далеко внизу женщину и ощутил ее присутствие как непреодолимое притяжение — силу и притяжение того мира, где жили своими жизнями мужчины и женщины.

В тот раз это была императрица.

Он спустился к ней. Этой женщине невозможно было сопротивляться, даже если она просто стояла внизу и ждала. Он спустился поговорить о дельфинах и о других вещах, чтобы воссоединиться с живым миром и уйти оттуда, куда его завела любовь, проигранная смерти.

На этот раз, глядя в немом изумлении на ловко и уверенно поднимающуюся наверх женщину, Криспин пытался убедить себя в том, что не ошибся, что это именно она. Он был слишком удивлен, чтобы позвать ее, он даже не знал, как реагировать, просто ждал с сильно бьющимся сердцем, пока его царица поднимется к нему, стоящему высоко над миром, но на виду у всех, кто внизу.

Она добралась до последней перекладины лестницы, потом до самого помоста и, не обращая внимания на протянутую руку, шагнула на него, слегка раскрасневшаяся и запыхавшаяся, но явно довольная собой, с блестящими глазами, бесстрашная. Этот неустойчивый помост под самым куполом оказался самым укромным местом для беседы наедине. Сколько бы любопытных ушей ни нашлось в грозном Сарантии, здесь их никто не мог подслушать.

Криспин опустился на колени и склонил голову. Он видел эту юную женщину в последний раз в осаде, во дворце в его родном городе далеко на западе. Поцеловал ее ступню на прощание и почувствовал, как она погладила его рукой по волосам. Затем он уехал, пообещав передать послание императору. И узнал, что на следующее утро после их встречи она приказала убить шестерых собственных стражников — просто для того, чтобы сохранить эту встречу в тайне.

На помосте под куполом Гизелла из племени антов снова погладила его по волосам легким, медленным жестом. Он задрожал, стоя на коленях.

— На этот раз муки нет, — тихо произнесла царица. — Это уже лучше, художник. Но борода мне нравилась больше. Неужели восток так быстро тебя захватил? И ты для нас потерян? Ты можешь встать, Кай Криспин, и рассказать то, что должен рассказать.

— Моя повелительница, — заикаясь, пробормотал Криспин, поднимаясь, краснея и чувствуя себя ужасно смущенным.

Мир настиг его, даже здесь. — Это место... находиться здесь опасно для тебя!

Гизелла улыбнулась:

— Ты так опасен, художник?

Он не опасен. Это она опасна. Он хотел сказать это. Ее волосы отливали золотом, глаза имели памятный ему глубокий синий цвет. Собственно говоря, ее волосы и глаза были того же цвета, что у другой очень опасной женщины, с которой он здесь встретился. Но Стилиана Далейна — это остро отточенный, жестоко ранящий лед, а в Гизелле, дочери Гилдриха Великого, чувствовалось нечто более дикое и печальное одновременно.

Он знал, конечно, что она в Городе. Все слышали о приезде царицы антов. Он гадал, пошлет ли она за ним. Она не послала. Вместо этого она поднялась наверх, к нему, грациозно и уверенно, как опытный мозаичник. Это дочь Гилдриха. Из племени антов. Она умеет охотиться, скакать верхом, вероятно, может убить кинжалом, спрятанным под одеждой. Вовсе не изнеженная, утонченная придворная дама.

— Я жду, художник, — сказала она. — В конце концов, я проделала долгий путь, чтобы тебя повидать.

Он склонил голову. И рассказал ей, без прикрас и ничего важного не скрывая, о своем разговоре с Валерием и Аликсаной, когда маленькая сверкающая фигурка императрицы Сарантия повернулась в дверях своих внутренних покоев и задала вопрос — с притворной небрежностью — насчет предложения о браке, которое он, несомненно, принес из Варены.

Он понял, что Гизелла встревожена. Она старалась скрыть это, и с менее наблюдательным человеком ей бы это удалось. Когда он закончил, она некоторое время молчала.

— Кто догадался, она или он? — спросила Гизелла.

Криспин подумал.

— Они оба, я думаю. Вместе или каждый в отдельности. — Он заколебался. — Она... исключительная женщина, моя госпожа.

Синие глаза Гизеллы на мгновение встретились с его взглядом, потом она быстро отвела их. Она так молода, подумал он.

— Интересно, что бы произошло, — прошептала она, — если бы я не приказала убить стражников.

«Они были бы живы», — хотелось ответить Криспину, но он промолчал. Еще осенью он бы произнес это, но теперь он уже

перестал быть тем сердитым, желчным человеком, каким был в начале осени. С тех пор он совершил путешествие.

Снова молчание. Она сказала:

— Ты знаешь, почему я здесь? В Сарантии?

Он кивнул. Об этом говорил весь Город.

— Ты бежала от покушения на твою жизнь. В святилище. Я в ужасе, моя госпожа.

— Конечно, — бросила царица и улыбнулась, почти рассеянно. Несмотря на все ужасные нюансы того, о чем они говорили и что с ней случилось, казалось, вокруг нее царило странное настроение в танце лучей солнечного света, льющегося в высокие окна вокруг купола. Он пытался понять, что она должна чувствовать, убежав от своего трона и народа, принятая здесь из милости, лишенная собственной власти. Но даже не мог себе этого представить.

— Мне нравится здесь, наверху, — вдруг сказала царица. Она подошла к низким перилам и посмотрела вниз. Казалось, ее не смущает эта огромная высота. Криспин видел, как люди теряли сознание и падали, цепляясь за доски помоста.

Вдоль восточного периметра купола стояли другие помосты, на которых начали выкладывать мозаики по наброскам Криспина, создавая городской пейзаж и сине-зеленое море, но в тот момент на них никого не было. Гизелла, царица антов, посмотрела на свои руки, лежащие на перилах, потом повернулась и протянула их к Криспину.

— Я могла бы стать мозаичником, как ты считаешь? — Она рассмеялась. Он с отчаянием и страхом прислушивался, но слышал только искреннее веселье.

— Это всего лишь ремесло, недостойное тебя, моя повелительница.

Она какое-то время оглядывалась вокруг, не отвечая.

— Нет. Это не так, — в конце концов произнесла она. И обвела рукой купол Артибаса и начало его собственной мозаики на нем. — Это достойно любого человека. Ты теперь рад, что приехал сюда, Кай Криспин? Я помню, ты не хотел ехать.

И в ответ на этот прямой вопрос Криспин кивнул головой, впервые признавая это.

— Не хотел, но этот купол — подарок всей жизни для таких, как я.

Она кивнула. Ее настроение быстро изменилось.

— Хорошо. Я тоже рада, что ты здесь. В этом городе я не многим могу доверять. Ты один из них?

Она тоже впервые говорила откровенно. Криспин прочистил горло. Она одна в Сарантии. Двор будет использовать ее в качестве орудия, а жестокие мужчины на родине будут желать ее смерти. Он сказал:

— Я буду помогать тебе, госпожа, как только смогу.

— Хорошо, — повторила она. Он увидел, что румянец ее стал ярче. Глаза блестели. — Интересно, как мы это сделаем? Должна ли я сейчас приказать тебе приблизиться и поцеловать меня, чтобы увидели те, кто внизу?

Криспин заморгал, сглотнул, машинально провел рукой по волосам.

— Ты не улучшаешь свой внешний вид, когда так делаешь, ты знаешь? — заметила царица. — Думай, художник. Должна быть какая-то причина моего появления у тебя наверху. Твой успех у женщин этого города вырастет, если тебя будут считать возлюбленным царицы, или это сделает тебя... неприкасаемым? — Тут она улыбнулась.

— Я... у меня нет... моя госпожа, я...

— Ты не хочешь меня поцеловать? — спросила она. Такое веселье само по себе было опасным. Она стояла неподвижно и ждала ответа.

Он совершенно растерялся. Глубоко вздохнул, потом шагнул вперед.

И она рассмеялась.

— Если поразмыслить, в этом нет необходимости, не так ли? Хватит и моей руки, художник. Ты можешь поцеловать мне руку.

Она подала ему руку. Криспин взял ее и поднес к губам, и в это мгновение она повернула ее в его руке, и он поцеловал ее ладонь, нежную и теплую.

— Интересно, — сказала царица антов, — видел ли кто-нибудь, как я это сделала? — И она снова улыбнулась.

Криспин тяжело дышал. Он выпрямился. Она осталась стоять очень близко, подняла обе руки и пригладила его растрепанные волосы.

— Я тебя покидаю, — произнесла она с поразительным самообладанием, чересчур веселое настроение покинуло ее так же быстро, как и нахлынуло, хотя щеки по-прежнему оставались румяными. — Ты можешь теперь приходить ко мне, разумеется.

Все будут думать, что они знают, зачем. Собственно говоря, мне хочется сходить в театр.

— Госпожа... — сказал Криспин, стараясь вернуть хоть частицу хладнокровия. — Ты — царица антов, Батиары, почетная гостья императора. Художник никак не может сопровождать тебя в театр. Тебе придется сидеть в ложе императора. Тебя должны там видеть. Есть правила...

Она нахмурилась, словно ей только теперь пришла в голову эта мысль.

— Знаешь, я думаю, ты прав. Мне придется послать записку канцлеру. Но в таком случае я пришла сюда без всякой причины, Кай Криспин. — Она посмотрела на него снизу вверх. — Ты должен позаботиться и найти для это причину. — И она отвернулась.

Криспин был так потрясен, что она спустилась на пять ступенек по лестнице, прежде чем он пошевелился. Он даже не предложил помочь ей.

Это не имело значения. Она спустилась на мраморный пол так же легко, как поднялась наверх. Ему пришло в голову, пока он наблюдал, как она спускается навстречу людям, которые смотрят на нее с бесстыдным любопытством, что если он теперь считается ее любовником или даже просто доверенным лицом, то его матери и друзьям может грозить опасность, когда слух об этом долетит до запада. Гизелла спаслась от покушения на ее жизнь. Есть люди, которые хотели бы занять ее трон, а это означает, что надо лишить ее возможности снова отобрать его. Все, кто хоть как-то связан с ней, будут под подозрением. В чем именно — не имеет значения.

Анты в таких вопросах неразборчивы.

И эта неразборчивость, решил Криспин, глядя вниз, также присуща той женщине, которая сейчас уже почти спустилась на землю. Пусть она молода и страшно уязвима, но она выжила, просидев год на троне среди мужчин, которые стремились убить ее или подчинить своей воле, и ей удалось ускользнуть от них, когда они действительно попытались ее убить. И она — дочь своего отца. Гизелла, царица антов, будет поступать так, как ей нужно, думал он, добиваться своих целей до тех пор, пока кто-нибудь не оборвет ее жизнь. Ей и в голову не придет думать о последствиях для других людей.

Он вспомнил об императоре Валерии, который переставляет простых смертных словно фигуры на игровом поле. Форми-

рует ли власть такой образ мыслей или только те, кто уже привык так думать, могут добиться власти на земле?

Криспин смотрел, как царица спускается на мраморный пол, как ей кланяются и подают плащ, и ему пришло в голову, что уже три женщины в этом городе предлагали ему интимную близость и каждый раз причиной были интриги и лицемерие. Ни одна из них не прикасалась к нему с подлинной нежностью или заботой или даже с искренней страстью.

Возможно, насчет последнего он ошибался. Когда Криспин вернулся в тот день домой, в то жилище, которое к этому времени люди канцлера для него подобрали, его ждала записка. В этом городе новости распространялись с удивительной быстротой — по крайней мере, новости определенного сорта. Записка была без подписи, и он никогда раньше не видел этот круглый плавный почерк, но написана она была на поразительно тонкой, роскошной бумаге. Прочтя ее, он понял, что никакой подписи не требовалось, что она просто невозможна.

«Ты говорил мне, — писала Стилиана Далейна, — что не бываешь в личных покоях царских особ».

Больше ничего. Ни упрека, ни прямого обвинения в том, что он ее обманул, ни насмешки или вызова. Простая констатация факта.

Криспин, который собирался пообедать дома, а затем вернуться в Святилище, вместо этого пошел в любимую таверну, а потом в бани. В каждом из этих мест он выпил больше вина, чем ему следовало.

Его друг Карулл, трибун Четвертого саврадийского легиона, нашел его ближе к вечеру в «Спине». Могучий солдат сел напротив Криспина, жестом потребовал чашу вина для себя и усмехнулся. Криспин не пожелал улыбнуться в ответ.

— Две новости, мой необъяснимо пьяный друг, — весело произнес Карулл. И поднял палец: — Первая: я встретился с верховным стратигом. Я с ним встретился, и Леонт обещал, что половину задолженности по жалованью для западной армии пришлют до середины зимы, а остальное к весне. Лично обещал! Криспин, я это сделал!

Криспин смотрел на него, стараясь разделить восторг своего друга, но потерпел полную неудачу. Однако это действительно была очень важная новость: все знали о волнениях в армии и о задержке жалованья. Именно по этой причине Карулл

приехал в Город, если не считать желания увидеть гонки колесниц на Ипподроме.

— Нет, ты этого не сделал, — мрачно произнес он. — Это означает, что надвигается война, Валерий все-таки посылает Леонта в Батиару. Нельзя начать вторжение, не заплатив солдатам.

Карулл только улыбнулся:

— Я это знаю, ты, пьяный идиот. Но кому припишут эту заслугу, парень? Кто напишет своему начальнику утром, что он добился выдачи денег, когда все остальные потерпели неудачу?

Криспин кивнул и снова потянулся к вину.

— Рад за тебя, — сказал он. — Правда. Прости, если я не рад также тому, что моим друзьям и матери теперь предстоит пережить вторжение.

Карулл пожал плечами:

— Предупреди их. Скажи, чтобы они покинули Варену.

— Провались ты, — ответил Криспин, что было несправедливо. Карулл не виноват во всем происходящем и дал хороший совет, а в свете утренних событий на помосте тем более.

— Что у тебя на уме? Я слышал насчет твоего посетителя сегодня утром. У тебя там, на помосте, есть подушки? Я дам тебе протрезветь, но утром жду от тебя очень подробного объяснения, друг мой. — Карулл облизнулся.

Криспин еще раз выругался:

— Это было представление. Театр. Она хотела поговорить со мной, и ей надо было дать людям пищу для размышлений.

— Разумеется, — согласился Карулл, высоко приподняв брови. — Поговорить с тобой? Ах ты, мошенник! Говорят, она великолепна. Поговорить? Ха. Возможно, утром ты убедишь меня в этом. А пока, — прибавил он после неожиданной паузы, — это... э... напомнило мне о второй новости. Полагаю, я больше не буду участвовать в подобных играх. В самом деле.

Криспин поднял мутный взгляд от чаши с вином:

— Что?

— Ну, собственно говоря, я женюсь, — сообщил Карулл, трибун Четвертого легиона.

— Что? — с нажимом переспросил Криспин.

— Знаю, знаю, — продолжал трибун. — Неожиданно, удивительно, забавно и все такое. Хороший повод всем посмеяться. Но это бывает, правда? — Он покраснел. — Ну, бывает, знаешь ли.

Криспин озадаченно кивнул головой, с усилием удержавшись от того, чтобы не повторить «что?» в третий раз.

— И... э... ты не возражаешь, если Касия покинет твой дом сейчас? Это будет выглядеть неприличным, после того как мы объявим о помолвке в церкви.

— Что? — беспомощно повторил Криспин.

— Свадьба состоится весной, — продолжал Карулл, и глаза его сияли. — Я обещал матери, когда уехал из дома, что если когда-нибудь женюсь, то сделаю все как следует. Священники будут объявлять о свадьбе весь сезон, на тот случай, если кто-либо захочет выдвинуть возражения, а потом состоится настоящая свадебная церемония.

— Касия? — произнес Криспин, до которого наконец дошло имя. — Касия?

Его мозг с опозданием начал работать, переваривать эту потрясающую новость, и Криспин снова затряс головой, словно для того, чтобы в ней прояснилось, и сказал:

— Позволь мне убедиться, что я правильно понял, ты, надутый мешок дерьма. Касия согласилась выйти за тебя замуж? Я этому не верю! Клянусь костями Джада! Ты ублюдок! Ты не спросил у меня разрешения, и ты ее недостоин, армейский бандит!

Он уже широко улыбался, потом протянул руку через стол и стиснул плечо друга.

— Конечно, я ее достоин, — ответил Карулл. — У меня блестящее будущее. — Но он тоже улыбался с нескрываемой радостью.

Женщина, о которой шла речь, родом из племени северных инициев, была продана матерью в рабство немногим более года назад. Криспин вызволил ее и спас от языческого жертвоприношения во время своего путешествия. Она была слишком худой и слишком умной и обладала слишком сильной волей, хотя ей было не по себе в Городе. Во время их первой встречи она плюнула в лицо солдату, который сейчас восторженно улыбался, объявляя, что она согласна выйти за него замуж.

На самом деле оба они знали ей настоящую цену.

* * *

И вот в ясный ветреный день в начале весны множество людей готовилось прийти в дом первой танцовщицы факции Зеленых, где свадебная церемония должна была начаться с обычного шествия к избранной церкви, а затем продолжиться праздничным застольем.

Ни невеста, ни жених не могли похвастаться хорошим происхождением, хотя солдат подавал надежды стать важной персоной, но у Ширин, танцовщицы Зеленых, имелся блестящий круг знакомых и поклонников, и ей захотелось превратить эту свадьбу в изысканное празднество. Она пользовалась большим успехом в этом зимнем театральном сезоне.

Кроме того, близким другом новобрачного (и, очевидно, новобрачной, как шепотом говорили некоторые, многозначительно приподнимая брови) был новый мозаичник императора, родианин, создающий роскошные мозаики в Святилище божественной мудрости Джада, а с таким человеком стоило подружиться. Ходили слухи, что на свадьбу могут явиться и другие высокопоставленные лица, если не на саму церемонию, то на пиршество в доме Ширин.

Также все говорили о том, что еду готовит на кухне танцовщицы повар факции Синих. А некоторые жители Города готовы были последовать за Струмосом даже в пустыню, если он захватит туда свои горшки, сковородки и соусы.

Любопытным, во многом уникальным событием стала эта свадьба, организованная совместно Зелеными и Синими. И все это ради офицера среднего ранга и светловолосой саврадийской девицы из племени варваров, только что приехавших в город, совершенно неизвестного происхождения. Она довольно хорошенькая, говорили те, кто видел ее у Ширин, но не красавица, какими бывают те девушки, которые на удивление удачно выходят замуж. С другой стороны, она выходит замуж не за слишком важную персону, не так ли?

Потом пронесся слух, что Паппион, пользующийся все более широкой известностью глава императорских стекольных мастерских, лично изготовил чашу, заказанную в качестве подарка для счастливой пары. Кажется, он не занимался своим ремеслом уже много лет. Этого тоже никто не мог понять. Сарантий полнился слухами. Гонки колесниц должны были начаться только через несколько дней, так что время для свадьбы выбрали удачно: Город любил, когда было о чем поговорить.

— *Меня все это не радует*, — произнесла маленькая неприметная искусственная птичка голосом патриция, который слы-

шала только хозяйка дома, где должно было состояться это событие. Женщина критическим взглядом смотрела на свое отражение в круглом зеркале в серебряной раме, которое держала служанка.

— *Ох, Данис, меня тоже!* — молча ответила ей Ширин. — *Все женщины из Императорского квартала и из театра наденут ослепительные наряды и украшения, а я выгляжу так, словно не спала много дней.*

— *Я не это имела в виду.*

— *Конечно, не это. Ты никогда не думаешь о важных вещах. Скажи, как ты думаешь, он меня заметит?*

Тон птицы стал язвительным:

— *Который из них? Возница или мозаичник?*

Ширин громко рассмеялась, перепугав служанку.

— *Один из них,* — молча ответила она. Потом ее улыбка стала озорной. — *Или, может быть, оба, сегодня вечером? Будет что потом вспомнить, а?*

— *Ширин!* — Птица, казалось, была искренне шокирована.

— *Я шучу, глупая. Ты же меня хорошо знаешь. Теперь скажи мне, почему тебя все это не радует? Сегодня свадьба, и это брак по любви. Никто их не женил, они сами выбрали друг друга.* — Ее тон был теперь на удивление добрым, терпимым.

— *Мне кажется, что-то случится.*

Темноволосая женщина, сидящая перед маленьким зеркалом, которая в действительности вовсе не выглядела так, будто нуждалась во сне или в чем-то ином, кроме преувеличенного восхищения, кивнула головой, и служанка, улыбаясь, положила зеркало и потянулась за бутылочкой, где хранились особые духи. Птица лежала на столике рядом.

— *Данис, в самом деле, что это будет за свадьба, если на ней ничего не случится?*

Птица ничего не ответила.

У двери послышался какой-то шум. Ширин оглянулась через плечо.

Там стоял маленький, кругленький, свирепый на вид человек, одетый в синюю тунику и очень большой фартук, напоминающий слюнявчик, завязанный у шеи и вокруг его внушительной талии. На этом слюнявчике виднелись разнообразные пятна от пищи, а на лбу человека желтела полоска, вероятно, от шафрана. Он держал деревянную ложку, за пояс фартука был заткнут тяжелый нож, а лицо его было расстроенным.

— Струмос! — радостно воскликнула танцовщица.

— Нет морской соли, — произнес повар таким голосом, словно отсутствие соли являлось ересью, равной запрещенному Геладикосу или отъявленному язычеству.

— Нет соли? Неужели? — переспросила танцовщица, грациозно поднимаясь со своего места.

— Нет морской соли! — повторил шеф. — Как может в цивилизованном доме не быть морской соли?

— Кошмарное упущение, — согласилась Ширин, жестом пытаясь его утихомирить. — Я чувствую себя просто ужасно.

— Прошу позволения одну из твоих служанок послать в лагерь Синих немедленно. Мои помощники нужны мне здесь. Ты понимаешь, как мало времени у нас осталось?

— Ты можешь сегодня распоряжаться моими слугами, как тебе будет угодно, — ответила Ширин, — если только не станешь их жарить.

По выражению лица повара было понятно, что может дойти и до этого.

— *Вот совершенно гнусный человек,* — молча заметила птица. — *По крайней мере, я могу предположить, что к нему ты не испытываешь влечения.*

Ширин молча рассмеялась.

— *Он гений, Данис. Все так говорят. К гениям надо быть снисходительной. А теперь развеселись и скажи мне, какая я красивая.*

В коридоре за спиной Струмоса послышался шум. Повар обернулся, потом опустил деревянную ложку. Выражение его лица изменилось и стало почти благожелательным. Можно было даже с некоторой натяжкой сказать, что он улыбнулся. Он отступил назад, в комнату, освобождая проход, и в дверной проем неуверенно шагнула бледная светловолосая женщина.

Ширин широко улыбнулась и прижала ладонь к щеке.

— Ох, Касия! — воскликнула она. — Ты такая красивая!

Глава 3

В то же утро, только раньше, очень рано, императора Сарантия Валерия Второго, племянника императора, сына хлебороба из Тракезии, можно было застать за пением последних строк пре́драссветной молитвы в императорской часовне Тра-

верситового дворца, где находились личные покои императора и императрицы.

Служба в императорской церкви начинается в Городе одной из первых, еще в темноте, а заканчивается с появлением на небе возродившегося солнца, когда колокола остальных церквей и святилищ только начинают звонить. В этот час императрицы с ним нет. Императрица спит. У императрицы есть собственный священник, прикрепленный к ее покоям, человек, известный своим либеральным отношением к часу утренней молитвы и столь же либеральными взглядами, хотя они не так широко известны, на ересь Геладикоса, смертного (или наполовину смертного, или бессмертного) сына Джада. О подобных вещах в Императорском квартале не говорят, разумеется. Во всяком случае, открыто.

Император тщательно соблюдает обряды веры. Он ведет долгие переговоры с обоими патриархами, верховным и восточным, в попытке примирить множество источников ереси в единой доктрине Бога Солнца, не только из благочестия, но и из любви к интеллектуальным дискуссиям. Валерий — человек противоречивый и загадочный и не склонен раскрывать свои тайны придворным и народу, считая их благом.

Его забавляет то, что некоторые называют его «ночным императором» и говорят, будто он ведет беседу с запретными духами полумира в освещенных лампами покоях и залитых лунным светом коридорах дворцов. Это его забавляет, так как это чистая ложь и так как он приходит сюда, как и каждый день, на заре, проснувшись раньше многих своих подданных, и совершает утвержденные обряды веры. По правде сказать, он скорее «утренний император».

Сон наводит на него скуку и немного пугает в последнее время, наполняет его ощущением — во сне или на пороге сна — стремительного бега времени. Он совсем не старый человек, но достаточно много прожил, чтобы слышать по ночам топот коней и грохот колесниц — ясно различимых предвестников конца земного существования. Ему еще многое хочется успеть, прежде чем он услышит — как слышат, говорят, все истинные императоры — голос бога или посланника бога: «Покинь престол свой, повелитель всех императоров ждет тебя».

Он знает, что его императрица рассказала бы о дельфинах, рассекающих поверхность моря, а не о скачущих в темноте ко-

нях, но только ему одному, потому что дельфины — в древности носители душ — являются запрещенным символом Геладикоса.

Его императрица спит. Она встанет через какое-то время после восхода солнца, позавтракает в постели, примет у себя только своего святого наставника, а затем служанки приготовят ей ванну, придет секретарь, и она неторопливо начнет готовиться к предстоящему дню. В молодости она была актрисой, танцовщицей по имени Алиана и привыкла поздно ложиться и поздно вставать.

Он обычно делит с ней поздние вечера, но после проведенных вместе лет не хочет вторгаться к ней в этот час. В любом случае у него много дел.

Служба заканчивается. Он произносит последние слова молитвы. Смутный свет просачивается в высокие окна. Снаружи наступает холодное утро. Он не любит холода в последнее время. Валерий покидает церковь, поклонившись солнечному диску и алтарю и быстрым взмахом руки попрощавшись со священником. Из коридора он спускается вниз по лестнице, шагая быстро, как всегда. Его секретари торопятся в другую сторону, выходят наружу и идут по дорожкам через сад — холодный и влажный — в Аттенинский дворец, где им предстоит заняться дневными делами. Только императору и отобранным им стражникам дозволено пользоваться туннелем между двумя дворцами — мера предосторожности, введенная очень давно.

В туннеле через равные промежутки горят факелы, которые зажигают и за которыми присматривают стражники. В нем хорошая вентиляция, приятно тепло даже зимой или, как сейчас, в начале весны. Бодрящее время года, время для войны. Валерий кивает двум стражникам и один входит в туннель. В действительности ему нравится эта короткая прогулка. Его жизнь не оставляет ему никакой возможности для уединения. Даже в спальне всегда спит на походной кровати секретарь, а у двери дремлет гонец. Может быть, возникнет необходимость что-то продиктовать, кого-то вызвать или послать гонца с распоряжениями через ночной город, полный тайн и привидений.

И он по-прежнему много ночей проводит с Аликсаной в запутанном лабиринте ее покоев. Там царят комфорт и уединение и нечто более глубокое и редкое, чем комфорт и уединение, — но он все равно не один. Он никогда не остается один. Одиночество и тишина бывают лишь во время этой прогулки в туннеле под землей. До этого коридора его провожает один караул

гвардейцев, а на противоположном конце встречают двое других Бдительных.

Когда он стучит и открывается дверь в Аттенинский дворец, его, как обычно, ждет много людей. В их числе престарелый канцлер Гезий, златовласый стратиг Леонт, начальник канцелярии Фастин и квестор налогового управления по имени Вертиг, которым император не слишком доволен. Валерий кивает им всем и быстро поднимается по ступеням, а они встают с колен и цепочкой идут за ним. Гезию теперь иногда требуется помощь, особенно в сырую погоду, но нет никаких признаков угасания умственных способностей канцлера, и Валерий доверяет ему больше, чем всей остальной свите.

Именно Вертигу он задает резкие, неприятные для того вопросы в это утро, когда они приходят в зал приемов. Этот человек вовсе не глупец, иначе его бы уже давно сменили, но его нельзя назвать изобретательным, а почти все, чего желает добиться император в Городе, Империи и за ее пределами, требует денег. К сожалению, сейчас мало компетентных людей. Валерий тратит большие деньги на строительство зданий, очень большие деньги платит бассанидам, и он только что поддался (как и планировал) многочисленным просьбам и выплатил последнюю часть жалованья за прошлый год западной армии.

Денег всегда не хватает, а те меры, которые были приняты в последний раз, чтобы увеличить сборы, вызвали бунт в Сарантии, и это едва не стоило ему трона и жизни и всех его планов. Тридцать тысяч человек расстались с жизнью, чтобы этого избежать. Валерий надеется, что его невиданное, почти достроенное Великое Святилище божественной мудрости Джада послужит оправданием этих смертей перед богом, — как и некоторых других поступков, — когда наступит день расплаты, как наступает всегда. Учитывая это, постройкой Святилища он преследует не одну цель.

Как и в большинстве случаев.

* * *

Ей было трудно. Она видела, что Карулл любит ее и что на удивление много людей считают их свадьбу поводом для праздника, словно свадьба девушки из племени иниции и тракезийского солдата такое уж значительное событие. Их обвенчают в изящной патрицианской часовне рядом с домом Ширин — ее

регулярно посещает распорядитель Сената со своей семьей. Пиршество состоится здесь, в доме первой танцовщицы Зеленых. И круглый сердитый человечек, которого все называли лучшим поваром Империи, готовит еду для свадебного пира Касии.

В это трудно было поверить. Она почти и не верила, просто плыла по течению, словно во сне, будто сейчас проснется на постоялом дворе Моракса в холодном тумане, а День Мертвых еще впереди.

Мать считала Касию умной, считала, что ей не суждено выйти замуж, и продала дочь работорговцам. Касия понимала, что вся эта излишняя пышность имеет отношение к знакомым им людям: Криспину и его друзьям, возничему Скортию и Ширин, в чей дом Касия переехала после оглашения помолвки в начале зимы. Карулл действительно встречался — уже дважды — с самим Верховным стратигом и добился выплаты задержанного жалованья солдатам. Ходили слухи, что Леонт, возможно, даже появится на свадьбе у трибуна. На ее свадьбе.

Другая часть этого преувеличенного внимания, как она поняла, была связана с тем, что, несмотря на свой хваленый цинизм (или, возможно, благодаря ему), сарантийцы были по натуре почти всегда очень эмоциональными, будто жизнь здесь, в центре мира, усиливала и повышала значение каждого события. То, что они с Каруллом женятся по любви, выбрав друг друга, имело необычайную привлекательность в глазах окружающих их людей. У Ширин, при всем ее остроумии и насмешливости, при одной мысли об этом туманились глаза.

Таких браков обычно не бывает.

Такого не было и здесь, что бы ни думали люди, хотя об этом было известно лишь одной Касии. Как она надеялась.

Мужчина, которого она страстно желала — и любила, хотя что-то в ней сопротивлялось этому слову, — должен стоять сегодня рядом с ними в церкви и держать символический венец над головой друга. Эта истина ей не нравилась, но она ничего не могла с ней поделать.

Ширин должна стоять за спиной Касии с другим венцом в руках, а гости, одетые в белые одежды, люди из театра, придворные и множество грубоватых военных будут одобрительно улыбаться и перешептываться, а потом все они вернутся сюда есть и пить: рыбу, и устриц, и зимнюю дичь, и вино из Кандарии и Мегария.

Кто из женщин, в самом деле, выходил замуж исключительно по собственному выбору? Каким стал бы мир, если это могло случиться? Даже аристократы и царские особы не могли позволить себе подобную роскошь, как же могла на это рассчитывать девушка из племени варваров, целый ужасный год прожившая рабыней в Саврадии, воспоминание о котором останется в ее душе бог знает как долго?

Она выходит замуж, потому что ее захотел взять в жены порядочный человек и сделал ей предложение. Потому что он обещал ей защиту и поддержку и был по-настоящему добрым и потому что, отказавшись от этого брака, какую жизнь она могла бы вести здесь? Зависеть от других до конца жизни? Быть служанкой у танцовщицы, пока та сама не выберет себе подходящего мужа? Вступить в одну из сект — дочерей Джада — и принести вечную клятву богу, в которого Касия по-настоящему не верит?

Как она может верить, после того как ее предназначили в жертву Людану и она видела «зубира», создание давней веры ее племени, в глубине Древней Чащи?

— Ты такая красивая, — сказала Ширин, которая беседовала с поваром, поворачиваясь к Касии, стоящей в дверном проеме.

Касия устало улыбнулась. Она по-настоящему в это не верила, но это даже могло быть правдой. Слуги в доме Ширин умело вели хозяйство. Касия прожила с ней всю зиму скорее как гостья и подруга, чем в каком-либо другом качестве, ела лучшую пищу и спала на более мягкой постели, чем когда-либо в прежней жизни. Ширин была живой, веселой, наблюдательной, всегда что-то затевала, хорошо сознавая свое положение в Сарантии — как преимущества славы, так и ее мимолетность.

Но в ней было гораздо больше всего этого, потому что все это ничего не говорило о том, какой она становилась на сцене.

Касия видела ее танец. После того первого визита в театр, в начале зимнего сезона, она поняла славу этой женщины. Увидев массу цветов, которые бросали на сцену после танца, услышав восторженные приветственные крики — как ритуальные вопли факции Зеленых, так и спонтанные крики тех, кто пришел в восторг от увиденного, — она прониклась к Ширин благоговением. Ее даже слегка испугала та перемена, которая произошла, когда танцовщица вступила в этот мир, и еще больше

то, как она изменилась, когда встала между факелами и для нее зазвучала музыка.

Она бы не смогла добровольно выставить себя на всеобщее обозрение, как это делала Ширин каждый раз во время выступления, одетая в струящиеся шелка, которые почти не скрывали ее гибкой фигурки, или проделывать смешные, почти непристойные штуки к бурному восторгу тех, кто сидит на недорогих, далеких от сцены местах. Но ей никогда в жизни не дано двигаться так, как двигалась танцовщица Зеленых, как она прыгала и кружилась или застывала с распростертыми, словно крылья чайки, руками, а затем торжественно двигалась вперед, и ее босые ноги были изогнуты, словно охотничий лук, в более древних, более торжественных танцах, которые заставляли мужчин плакать. Одни и те же шелка могли трепетать у нее за спиной подобно крыльям или окутывать ее, будто шаль, когда она опускалась на колени и оплакивала потерю, или будто саван, когда она умирала и в театре становилось тихо, как на кладбище в зимнюю ночь.

Ширин менялась, когда танцевала, и меняла тех, кто ее видел.

После, дома, она становилась прежней. Здесь она любила поболтать о Криспине. Она поселила у себя Касию в качестве гостьи, делая одолжение родианину. Он знал ее отца, объяснила она Касии. Но дело не только в этом. Совершенно очевидно, что танцовщица часто думала о нем, несмотря на всех этих мужчин — молодых и не очень, часто женатых, придворных, аристократов и офицеров армии, — которые все время ее навещали. После этих визитов Ширин любила поболтать с Касией. Она была посвящена в подробности их положения, ранга и перспектив: тонкие нюансы ее благосклонности составляли часть того сложного танца, который ей приходилось исполнять, ведя жизнь танцовщицы в Сарантии. У Касии возникло ощущение, что независимо от того, как начались их отношения, Ширин была искренне рада ее присутствию в доме, что дружба и доверие прежде не были составляющими жизни танцовщицы. Как и ее собственной жизни, впрочем.

В течение зимы Карулл заходил почти каждый день, когда бывал в Городе. Он отсутствовал месяц, во время дождей, уезжал сопровождать — с триумфом — первую часть задержанного жалованья западной армии до своего лагеря в Саврадии. Когда он вернулся, то был задумчив и рассказал Касии, что видел

весьма красноречивые доказательства надвигающейся на запад войны. Это не стало большим сюрпризом, но есть разница между слухами и надвигающейся реальностью. Пока она его слушала, ей пришло в голову, что, если ему придется отправиться туда вместе с Леонтом, он может погибнуть. Она взяла его за руку. Он любил, когда она держала его за руку.

Они редко виделись с Криспином в эту зиму. Он поспешно подобрал себе бригаду мозаичников и все время проводил на помосте, работал с самого окончания утренних молитв до поздней ночи при свете поднятых вверх факелов. Иногда он оставался ночевать на походной кровати в Святилище, как рассказывал Варгос, и даже не возвращался в тот дом, который нашли и обставили для него евнухи канцлера.

Варгос тоже работал в Святилище и приносил им самые интересные истории. Одна из них была о подмастерье, за которым Криспин гонялся с ревом и руганью, размахивая ножом, по всему Святилищу божественной мудрости Джада, за то, что тот однажды утром испортил какое-то вещество под названием гашеная известь. Варгос начал было объяснять насчет извести, но Ширин притворно закричала, что ей ужасно скучно, и начала швырять в него оливками, пока он не замолчал.

Варгос заходил регулярно и водил Касию по утрам в часовню, если она соглашалась с ним пойти. Она часто соглашалась. Она старалась приучить себя к шуму и толпам народа, и эти утренние походы с Варгосом были частью тренировки. Вот еще один добрый человек — Варгос. Она встретила троих таких людей в Саврадии, и один из них предложил ей выйти за него замуж. Она не заслужила такой удачи.

Иногда Ширин ходила вместе с ними. Полезно соблюдать приличия, объяснила она Касии. Священники Джада не одобряют театр даже больше, чем колесницы и те бурные страсти и языческую магию, которые связаны с ними. Полезно, чтобы Ширин видели в темной одежде, без броских украшений, со стянутыми сзади и покрытыми волосами, за пением утренних молитв перед солнечным диском и алтарем.

Иногда Ширин водила их в более элегантную часовню, чем часовня Варгоса, ближе к ее дому. Однажды утром после службы она смиренно приняла благословение священника, а потом представила Касию двум другим посетителям церкви: распорядителю Сената и его жене, женщине, намного моложе его. Сенатор, Плавт Бонос, был мрачным на вид, немного рассеянным

человеком. Его жена казалась сдержанной и настороженной. Ширин пригласила их на свадебную церемонию и последующее за ней пиршество. Она упомянула некоторых других ожидающихся гостей, а затем небрежно прибавила, что Струмос из Амории будет готовить еду.

Распорядитель Сената при этих словах заморгал и быстро принял приглашение. Похоже, этот человек любил наслаждаться излишествами роскоши. Позднее в то утро, уже дома, за вином с пряностями, Ширин поведала Касии о некоторых скандальных происшествиях, связанных с именем Боноса. Они могут объяснить, подумала тогда Касия, очень холодную и сдержанную манеру его молодой второй жены. Она поняла, что для Ширин было чем-то вроде удачного хода собрать так много знатных людей в доме танцовщицы, то было свидетельством и утверждением ее превосходства. Конечно, для Карулла это тоже полезно, — а значит, и для Касии. Все это она понимала. Но все происходящее по-прежнему окружала аура нереальности.

Ее только что приветствовал распорядитель Сената Саранция в церкви, полной аристократов. Он собирается прийти на ее свадебную церемонию. Она была рабыней в начале осени, и ее швыряли на матрац крестьяне, солдаты и курьеры, у которых завелись лишние монетки.

Утро свадьбы подходило к концу. Скоро они пойдут в церковь. Музыканты дадут сигнал, так как Карулл придет вместе с ними, чтобы отвести туда свою невесту. Касия стояла перед танцовщицей и поваром, которые проводили последнюю проверку. Она была одета в белое, как и все участники праздничной церемонии и гости, но с красным шелковым кушаком невесты на талии. Ширин вчера вечером подарила ей этот кушак и показала, как его завязывать. И в процессе примерки отпустила лукавую шуточку. Касия знала, что позже будет еще больше шуток и непристойных песенок. В этом смысле все происходит одинаково здесь, в Городе Городов, и дома, в ее деревне. Некоторые вещи не меняются, куда бы ты ни попал в этом мире. Красный цвет символизировал ее девственность, которую она должна была потерять сегодня ночью.

По правде сказать, ее девственность больше года назад уже отнял работорговец-каршит в поле, далеко на севере. И мужчина, за которого она сегодня выходит замуж, был хорошо знаком

с ее телом, хотя это произошло лишь один раз, утром, после той ночи, когда Карулл чуть не погиб, защищая Криспина и Скортия от убийц.

Жизнь творит странные вещи, правда?

В то утро она шла в комнату Криспина, не зная точно, что хочет сказать или сделать, но услышала женский голос за дверью и ушла, так и не постучав. И узнала на лестнице от двух солдат о нападении минувшей ночью, о гибели их товарищей и о ранении Карулла. Импульсивный порыв, тревога, растерянность или веление судьбы — ее мать назвала бы последнее и сделала бы знак, отводящий беду, — заставил Касию повернуться после того, как ушли солдаты, пройти назад по длинному коридору и постучать в дверь трибуна.

Карулл открыл, уже полураздетый, у него был явно измученный вид. Она увидела окровавленную повязку на одном плече и на груди, а потом увидела и вдруг поняла — она ведь была умная — выражение его глаз, когда он увидел ее.

Он не был тем мужчиной, который вызволил ее с постоялого двора Моракса, а потом спас от смерти в лесу, который однажды темной ночью показал ей, какими могут быть мужчины, когда они не покупают тебя, — думала Касия после, лежа рядом с Каруллом в его постели, — но он мог бы стать тем, кто спасет ее от жизни после спасения. В старых сказках никогда не говорится об этом времени.

Она думала тогда, в то утро, глядя, как встает солнце, и слушая, как его дыхание становится мерным, когда он погрузился в необходимый ему сон рядом с ней как ребенок, что могла бы стать его любовницей. В мире бывают вещи похуже.

Но прошло совсем немного времени, и еще до того, как началась зима с полуночной церемонии Непобежденного Джада, он попросил ее стать его женой.

Когда она согласилась, улыбаясь сквозь слезы, которых он не мог понять, Карулл поднял руку и поклялся половыми органами Джада, что больше не прикоснется к ней до их первой брачной ночи.

Он очень давно дал обещание, объяснил он. Он рассказывал ей (и не раз) о матери и отце, о детстве в Тракезии, в местечке, почти не отличающемся от ее собственной деревни. Рассказывал о набегах каршитов, о смерти старшего брата, о своем путешествии на юг и поступлении в армию императора. Карулл говорил много, но забавно, и теперь она знала, что неожиданная

доброта, которую она чувствовала в этом могучем, грубом солдате, была подлинной. Касия подумала о своей матери, как она зарыдала бы, узнав, что ее дочь жива и начинает благополучную жизнь так невообразимо далеко, во всех отношениях, от их деревни и фермы.

Послать ей весточку было невозможно. В обычные маршруты имперской почты Валерия Второго не входили фермы возле Карша. С точки зрения матери, Касия уже умерла.

А с точки зрения Касии, ее мать и сестра тоже умерли.

Ее новая жизнь — здесь или там, куда назначат служить Карулла как трибуна Четвертого саврадийского легиона, и Касия — в белом платье, с красным кушаком невесты на талии в день своей свадьбы — знала, что должна всю жизнь благодарить за это всех богов, каких сумеет вспомнить.

— Спасибо, — сказала она Ширин, которая только что сообщила ей, что она очень красивая, и сейчас смотрела на нее и улыбалась. Повар, подвижный человечек, кажется, изо всех сил сдерживал улыбку. Уголки его рта дрожали и все время приподнимались. У него на лбу виднелось пятно от соуса. Повинуясь внезапному порыву, Касия пальцами стерла его. Тут он все же улыбнулся и протянул ей край фартука. Она вытерла им пальцы. Она размышляла о том, придет ли Криспин вместе с Каруллом, когда ее жених явится, чтобы отвести ее в церковь, и что он скажет, и что она ответит, и какие люди странные, если даже самый прекрасный день в жизни не обходится без грусти.

* * *

Рустем не обращал внимания на то, куда они идут и кто их окружает, и позже он винил себя в этом, хотя в его обязанности не входила забота об их безопасности. В конце концов, именно для этого в сопровождающие к странствующему лекарю определили Нишика, ворчливого и сурового воина.

Но когда они пересекли бурный пролив, отплыв из широко раскинувшегося Деаполиса на юго-восточном берегу, и вошли в мутные воды сарантийского порта на другом берегу, миновав маленький поросший густым лесом островок и лавируя между качающимися на волнах судами и сетями рыболовецких лодок, когда высоко поднялись купола и башни Города за пеленой дыма из очагов многочисленных домов, гостиниц и лавок, тянущихся до самых стен на другом конце, Рустема сначала охва-

тило неожиданно сильное изумление, а потом его отвлекли мысли о семье.

Он привык путешествовать. Например, он побывал гораздо дальше на востоке, чем любой из его знакомых, но Сарантий, даже после двух опустошительных эпидемий чумы, оставался самым большим и богатым городом в мире. Известная истина, но до этого дня он до конца не сознавал ее. Ярита была бы в восторге и даже, возможно, возбудилась бы, размышлял он, стоя на пароме и глядя на приближающиеся золотые купола. А Катиун пришла бы в ужас, если его новое представление о ней было верным.

Он уже предъявил свои бумаги и фальшивые документы Нишика и разобрался с имперской таможней на пристани в Деаполисе перед посадкой на корабль. Попасть на пристань было целой историей: там скопилось невероятное количество солдат, и повсюду слышался шум, поднятый строителями кораблей. Скрыть происходящее было невозможно, даже если бы захотели скрыть.

Таможенная пошлина оказалась большой, но не чрезмерной: время было мирное, и богатство Сарантия основывалось главным образом на торговле и путешествиях. Таможенные служащие императора это хорошо знали. Скромная, разумная сумма денег для смягчения их строгости на нелегкой работе — вот и все, что понадобилось, чтобы они пропустили бассанидского лекаря, его слугу и мула, при осмотре которого не обнаружили ни шелка, ни пряностей, ни других облагаемых пошлиной или незаконных товаров.

Когда они высадились в городе Валерия, Рустем постарался убедиться, что с левой стороны не летают птицы, и сначала ступил на причал правой ногой, точно так же, как при посадке сначала ступил на паром левой. Здесь тоже было шумно. Снова солдаты, корабли, стук молотков и крики. Они спросили дорогу у паромщика и пошли вдоль деревянной пристани. Нишик вел мула, оба они кутались в плащи от резкого весеннего ветра. Они пересекли широкую улицу, пропустив грохочущие телеги, и зашагали по более узкому переулку, мимо обычной толпы отталкивающих на вид портовых моряков, проституток, нищих и солдат в увольнении.

По дороге Рустем смутно отметил все это и подумал, что все порты отсюда до Афганистана выглядят одинаковыми. Но в основном он думал о сыне, когда они шли прочь от доков, оставляя шум позади. Шаски сейчас шел бы с широко раскрытыми глазами и открытым ртом, впитывая все окружающее, как иссохшая почва впитывает дождь. У мальчика было такое качество — Рустем думал о сыне больше, чем мужчина должен размышлять о своем оставленном дома малыше, — способность впитывать какие-то вещи, а затем стараться сделать их своими, понять, как и когда применить это знание.

Как еще объяснить тот странный момент, когда семилетний мальчик выбежал вслед за отцом в сад и принес ему инструмент, который в конечном счете спас жизнь Царю Царей? И тем самым принес богатство своей семье. Рустем покачал головой, вспоминая об этом утром в Сарантии, пока шел вместе со слугой-солдатом по направлению к форуму, куда им указали дорогу, и к гостинице рядом с ним, где они собирались остановиться, если там найдутся свободные комнаты.

Ему дали указание не устанавливать непосредственного контакта с посланником Бассании, только послать обычное уведомление о своем прибытии. Рустем — лекарь, приехавший за медицинскими трактатами и знаниями. Вот и все. Он найдет других лекарей — ему дали их имена в Сарнике, и он сам знал несколько имен до отъезда. Он завяжет знакомства, будет посещать лекции, возможно, сам будет их читать. Купит манускрипты или заплатит писарям за копии. Проживет в городе до лета. Будет наблюдать и увидит все, что сможет.

Будет наблюдать и увидит *все*, что сможет, а не только то, что связано с профессией лекаря и трактатами по медицине. Есть некоторые вещи, о которых хотят знать в Кабадхе.

Рустем Керакекский не должен привлекать никакого внимания во времена гармонии между императором и Царем Царей (Валерий дорого заплатил за этот мир), и лишь пограничный или торговый инцидент иногда нарушал эту гармонию.

По крайней мере, так должно было быть.

Бородатый молодой человек в неописуемой одежде, нетвердыми шагами приближающийся к Рустему от дверей таверны, когда они с Нишиком поднимались по крутой и, к несчастью, пустынной улочке, направляясь к форуму, понятия не имел об этих серьезных размышлениях.

То же самое касалось трех его друзей, одетых и украшенных так же, которые следовали за ним. Все четверо были почему-то одеты в стиле бассанидов, но в ушах и на шее висели грубые зо-

лотые украшения, а неопрятные длинные волосы падали на спину.

Рустем остановился — выбора у него не было. Четверо юношей преградили им путь в узком переулке. Вожак слегка качнулся в сторону, потом с усилием выпрямился.

— Зеленые или Синие? — прохрипел он, дыша винными парами. — Отвечай, или будешь бит нещадно!

Этот вопрос имел какое-то отношение к лошадям. Рустем это понимал, но понятия не имел, как лучше ответить.

— Прошу снисхождения, — пробормотал он на сарантийском, которым, как он уже убедился, владел вполне прилично. — Мы здесь чужие и не разбираемся в таких вещах. Вы нам загораживаете дорогу.

— Неужели? Ты наблюдателен, бассанид, любитель задниц, — ответил молодой человек, с готовностью переключаясь на другую тему. О происхождении Рустема и Нишика явственно свидетельствовала их одежда, они не предприняли никаких усилий, чтобы его скрыть. Вульгарность происходящего огорчила Рустема, а от кислого винного перегара, исходящего от молодого человека столь ранним утром, Рустема слегка затошнило. Этот парень наносит вред своему здоровью. Даже самые зеленые новобранцы, сменившиеся с дежурства в крепости, не пьют так рано.

— Придержи свой грязный язык! — громко воскликнул Нишик, играя роль верного слуги, но его голос прозвучал слишком резко. — Это Рустем Керакекский, уважаемый лекарь. Дайте дорогу!

— Доктор? Бассанид? Спасает жизни проклятым подонкам, которые убивают наших солдат? И не подумаю уступить тебе дорогу, раб-кастрат с козлиной мордой! — С этими словами молодой человек выхватил короткий довольно элегантный меч, что изменило характер и без того неприятного столкновения.

Рустем ахнул, но заметил, что и других юношей это встревожило. «Они не такие уж пьяные, — подумал он. — Есть еще надежда».

Надежда была, пока Нишик, в свою очередь выругавшись, не повернулся неосторожно к мулу, который стойко проделал вместе с ними весь этот путь, и не схватился за свой меч, привязанный к боку животного. Рустем был уверен, что понял намерения солдата: Нишик, разъяренный оскорблениями и помехой со стороны гражданского лица и к тому же джадита, вознамерился быстро разоружить и проучить его. Несомненно, тот заслужил такой урок. Но тогда им не удастся тихо войти в Сарантий.

Это было бы неразумно и по совсем другим причинам. Человек с обнаженным мечом умел им владеть, его обучали этому искусству с самого раннего возраста в городском доме отца и в загородном поместье. Он так же, как заметил Рустем, давно уже перешел ту грань, когда мог трезво оценивать собственное поведение и поведение других людей.

Молодой человек со своим изящным клинком сделал один шаг вперед и нанес Нишику удар между третьим и четвертым ребром, пока бассанид вынимал свое оружие из веревочных петель на боку у мула.

Случайная встреча, чистейшая случайность: они свернули не в тот переулок и в неподходящий момент в городе, полном переулков, улиц и дорожек. Если бы они опоздали на паром, если бы их задержали таможенники, если бы они остановились поесть, если бы пошли другой дорогой, в этот момент все сложилось бы иначе. Но мир, — охраняемый Перуном и Анаитой и находящийся под постоянной угрозой Черного Азала, — каким-то образом достиг этой точки: Нишик лежал на земле, в луже крови, а дрожащий кончик обнаженного меча целился в Рустема. Он попытался вспомнить, какой несчастливый знак пропустил, почему все сложилось так скверно.

Но, даже размышляя над этим, пытаясь справиться с внезапностью случайной смерти, Рустем почувствовал, как в нем нарастает холодная, редкая для него ярость, и он поднял свой дорожный посох. Пока юный владелец меча смотрел то ли с пьяной растерянностью, то ли с удовлетворением на упавшего человека, Рустем нанес ему быстрый, резкий удар посохом по предплечью. Он ожидал услышать треск сломанной кости и был разочарован, не услышав его, хотя агрессивный юноша издал вопль, и его меч со звоном упал.

Все трое остальных, к сожалению, тут же выхватили свое оружие. К несчастью, переулок в то утро оказался совершенно безлюдным.

— Помогите! — крикнул Рустем без всякой надежды. — Убийцы! — Он быстро взглянул вниз. Нишик не шевелился. Все шло до ужаса неправильно, катастрофа разрасталась из ничего. Сердце Рустема сильно билось.

Он снова поднял взгляд, выставив перед собой посох. Чело-

век, которого он обезоружил, держался за свой локоть и в ребяческой ярости кричал на своих друзей. Лицо его было искажено болью. Друзья двинулись вперед. У двоих были кинжалы, у третьего короткий меч. Рустем понял, что ему надо бежать. Люди умирают на городских улицах вот так, без всякой причины, без смысла. Он повернулся, чтобы убежать, и уловил уголком глаза какое-то смутное движение. Он снова резко обернулся и поднял свой посох. Но замеченный им человек метил не в него.

Человек выбежал из крохотной церкви с плоской крышей, которая стояла в переулке немного дальше, и теперь, не замедляя бега, налетел сзади на трех вооруженных парней. Сам он был вооружен одним лишь дорожным посохом, почти таким же, как у Рустема. Он тут же пустил его в ход и нанес человеку с мечом сильный удар под колени. Тот закричал и повалился лицом вперед, а новый участник стычки остановился, развернулся на месте и нанес своим посохом удар в другую сторону, попав второму из нападающих по голове. У юноши вырвался обиженный крик, больше похожий на крик ребенка, и он упал, уронив свой кинжал и схватившись обеими руками за голову. Рустем видел, как у него между пальцами потекла кровь.

Третий парень — единственный, кто остался с оружием, — посмотрел на этого собранного, свирепого нового участника драки, потом перевел взгляд на Рустема, а после на лежащего неподвижно на мостовой Нишика.

— Проклятье святого Джада! — произнес он, ринулся мимо Рустема, завернул за угол и исчез.

— Советую сделать то же самое, — сказал Рустем тем двум, которых поверг наземь вмешавшийся в драку человек. — А ты останься! — Он ткнул дрожащим пальцем в того, кто заколол Нишика. — Стой на месте. Если мой человек умер, я заставлю тебя ответить перед законом за убийство.

— Как бы не так, свинья, — ответил юноша, все еще сжимая свой локоть. — Подними мой меч, Тикос. Пойдем.

Тот, кого назвали Тикосом, сделал движение к мечу, но человек, спасший Рустема, быстро шагнул вперед и наступил на него обутой в сапог ногой. Вожак еще раз грязно выругался, и трое молодых людей быстро последовали за своим убежавшим другом по переулку.

Рустем позволил им уйти. Он был слишком ошеломлен. Он чувствовал, как громко стучит его сердце, и старался взять себя

в руки, делая глубокие вдохи. Но, прежде чем завернуть за угол, их противник остановился и посмотрел назад, отбрасывая с лица длинные волосы, потом сделал непристойный жест здоровой рукой.

— Не думай, что все кончено, бассанид. Я тебя еще достану!

Рустем заморгал, потом рявкнул в ответ, что было ему совсем не свойственно:

— Иди в задницу!

Молодой человек исчез.

Рустем еще секунду смотрел ему вслед, потом быстро опустился на колени, положил посох и приложил два пальца к шее Нишика. Через мгновение он закрыл глаза и отнял руку.

— Да хранит его Анаита, да хранит его Перун, да не узнает никогда Азал его имени, — тихо произнес он на родном языке. Он так часто произносил эти слова. Он был на войне, видел смерть стольких людей. Здесь все иначе. Это городская улица, залитая утренним светом. Они просто шли по ней. И жизнь закончилась.

Он поднял глаза, огляделся и понял, что за ними все же наблюдали из глубоких дверных проемов и маленьких окошек лавок и таверн, из жилых помещений на верхних этажах домов вдоль улицы.

«Развлечение, — с горечью подумал он. — Им будет о чем поговорить».

Он услышал какой-то звук. Коренастый молодой человек, который вмешался в драку, уже поднял дорожный мешок, который, наверное, уронил. Теперь он пристраивал меч первого нападавшего в веревочные петли на спину мула, стоящего рядом с Нишиком.

— Приметный меч, — коротко заметил он. — Посмотри на рукоять. Его можно опознать по этому мечу. — Он говорил по-сарантийски с сильным акцентом. На нем была дорожная одежда, поношенная коричневая туника, плащ, высоко стянутый поясом, и грязные сапоги. Свой мешок он закинул себе за спину.

— Он мертв, — без необходимости сказал Рустем. — Они его убили.

— Я вижу, — ответил незнакомец. — Пойдем. Они могут вернуться. Они пьяны и не владеют собой.

— Я не могу бросить его на улице, — возразил Рустем.

Молодой человек оглянулся через плечо.

— Сюда, — сказал он, опустился на колени и подсунул ладони под плечи Нишика. Его туника испачкалась кровью, но он, кажется, этого не заметил. Рустем наклонился и взял Нишика за ноги. Вместе они донесли его до маленькой церкви. Никто им не помог, никто даже не вышел на улицу.

Когда они подошли к входу, священник в желтой одежде, покрытой пятнами, поспешно вышел им навстречу и вытянул вперед руки.

— Нам он не нужен! — воскликнул он.

Молодой человек просто не обратил на него внимания и прошел мимо клирика, который поспешил за ними, продолжая протестовать. Они внесли Нишика в холодное сумрачное помещение и положили возле двери. Рустем увидел в полумраке маленький солнечный диск и алтарь. Припортовая церковь. Проститутки и моряки встречаются здесь, подумал он. Весьма вероятно, что это скорее место, где совершаются сделки и передают друг другу болезни, чем дом для молитв.

— И что нам с этим делать? — раздраженным шепотом протестовал священник, входя следом за ними. Внутри находилось несколько человек.

— Помолитесь за его душу, — ответил молодой человек, — зажгите свечи. Кто-нибудь придет за ним. — Он многозначительно взглянул на Рустема, который полез за кошельком и вынул несколько медных фоллов.

— На свечи, — сказал Рустем, протягивая их священнику. — Я пришлю за ним кого-нибудь.

«Монеты исчезли в руке священника с такой легкостью, которая не должна быть свойственна святому человеку», — кисло подумал Рустем, коротко кивнув.

— Этим же утром, — сказал священник. — К полудню его вышвырнут на улицу. В конце концов, это бассанид.

Значит, он все слышал. И ничего не сделал. Рустем бросил на него холодный взгляд.

— Он был живой душой. А теперь мертв. Прояви уважение хотя бы к своему собственному сану и к своему богу.

Священник разинул рот. Молодой человек положил ладонь на плечо Рустема и вывел его на улицу.

Они вернулись обратно, и Рустем взялся за повод мула. Он увидел кровь на камнях, там, где лежал Нишик, и прочистил горло.

— Я перед тобой в большом долгу, — сказал он.

Не успел его новый знакомый ответить, как раздался звон железа. Они резко обернулись.

Целая дюжина длинноволосых юнцов выбежала из-за угла и остановилась, затормозив на камнях.

— Вот они! — кровожадно воскликнул тот, кто напал первым, и торжествующе показал на них пальцем.

— Бежим! — рявкнул молодой человек рядом с Рустемом.

Рустем схватил свой дорожный мешок со спины мула, тот, в котором лежали его бумаги из дома и манускрипты, купленные им в Сарнике, и пустился бежать вверх по холму, бросив мула, одежду, посох, оба меча и все остатки собственного достоинства, которое, по его мнению, у него было, когда он вошел в Сарантий.

* * *

В тот же час в Траверситовом дворце Императорского квартала императрица Сарантия лежит в ароматной ванне, в теплой, выложенной плитками комнате, в которой медленно кружатся струйки пара. Ее секретарь сидит на скамье, старательно повернувшись спиной к лежащей в ванне обнаженной императрице, и читает ей вслух письмо, в котором предводитель самого крупного из мятежных племен в Москаве просит ее уговорить императора финансировать его давно задуманное восстание.

В этом письме также автор весьма откровенно обещает лично заняться удовлетворением физических потребностей императрицы и доставить ей несказанное наслаждение в будущем, если ей удастся уговорить Валерия. Этот документ заканчивается выражением сочувствия по поводу того, что столь прекрасная женщина, как императрица, вынуждена терпеть ухаживания такого беспомощного императора, не способного справиться с делами собственного государства.

Аликсана вытягивает над головой руки, вынув их из воды, и позволяет себе улыбнуться. Смотрит вниз, на выпуклость своей груди. В ее время была другая мода на танцовщиц. Многие из девушек теперь очень похожи на мужчин-танцоров: маленькие груди, узкие бедра, мальчишеская внешность. Это описание не подходит женщине в ванне. Она уже прожила больше тридцати весьма разнообразных лет, но, когда она входит в комнату, все разговоры по-прежнему прекращаются, а сердца начинают биться вдвое чаще.

Она это знает, разумеется. Это полезно, всегда было полезно. В данный момент, однако, она вспоминает девочку лет восьми, впервые принимающую настоящую ванну. Ее привели из переулка к югу от Ипподрома, где она возилась вместе с тремя другими детьми в пыли и отбросах. Она вспоминает, как одна из «дочерей Джада», женщина с суровым лицом и решительным подбородком, седая и неулыбчивая, выдернула Алиану из кучки дерущихся детей работников Ипподрома, а потом увела с собой. Остальные смотрели им вслед, открыв рты.

В мрачном каменном здании без окон, где обитали священнослужительницы, она отвела теперь молчаливую и испуганную девочку в маленькую комнатку, приказала принести горячую воду и полотенца, раздела ее, а потом искупала в бронзовой ванне, одну. Она не прикасалась к Алиане, по крайней мере в сексуальном смысле. Эта женщина вымыла ее сальные волосы и отскребла грязь с пальцев и ногтей, но выражение ее лица не менялось ни во время мытья, ни потом, когда она откинулась назад на трехногом деревянном табурете и просто долго смотрела на девочку в ванне.

Вспоминая об этом, императрица хорошо понимала сложные причины поступка священнослужительницы в тот день, тайные, подавленные инстинкты, проснувшиеся в ней, когда она мыла неразвитое обнаженное тельце девочки в ванне, а потом смотрела на нее. Но тогда она чувствовала только страх, который медленно уступал поразительному ощущению роскоши: горячая вода и теплая комната, руки другого человека, моющие ее.

Пять лет спустя она стала официальной танцовщицей Синих, приобретающей все большую известность, и малолетней любовницей аристократа, одного из самых известных покровителей факции. И уже тогда славилась своей любовью к купаниям. Дважды в день в банях, когда удавалось, среди расслабляющих ароматов, тепла и струек пара, которые означали для нее комфорт и убежище в той жизни, где не существовало ни того, ни другого.

В этом смысле все осталось по-прежнему, хотя теперь ей знакомы проявления самого большого комфорта. Но для нее самым поразительным во всем этом остается то, как живо, как ярко она все еще помнит ощущения той девочки в маленькой ванне.

Следующее письмо, которое она слушает, пока ее вытирают, припудривают, накрашивают и одевают придворные дамы, пришло от религиозного лидера кочевников, из пустыни к югу от Сорийи. Некоторое количество этих пустынных скитальцев приняло веру джадитов, отказавшись от своего непонятного наследия, основанного на духах ветра и священных линиях, невидимых глазу, которые сеткой покрывают пески, сплетаясь и пересекаясь, и отмечают священные места и связь между ними.

Все племена пустынь, уверовавшие в Джада, также приняли веру в сына бога. Это часто случается с теми, кто принял веру в солнечного бога: Геладикос — это путь к его отцу. Официально император и патриархи запретили в него верить. Считается, что императрица симпатизирует этим опальным доктринам, между ней и племенами идет обмен письмами и подарками. Полезно, чтобы так считали. Племена могут играть важную роль, часто так и случается. Даже во время купленного дорогой ценой мира с бассанидами в неспокойных южных районах их союзники непостоянны, но имеют большое значение. Из них набирают наемников, оттуда привозят золото и «сильфий» — очень дорогой вид пряностей, — и еще через них проходят маршруты караванов, по которым везут восточные товары в обход Бассании.

В конце этого письма нет обещаний физических наслаждений. Императрица сдерживается и не выказывает разочарования. У ее нынешнего секретаря нет чувства юмора, а служанки отвлекаются, когда смеются. Все же лидер из пустыни обещает ей помолиться о том, чтобы душа ее пребывала в свете.

Аликсана, уже одетая, по глоточку пьет подслащенное медом вино и диктует ответы на оба послания. Едва успевает она покончить со вторым, как дверь без стука распахивается. Она поднимает глаза.

— Слишком поздно, — тихо произносит она. — Мои любовники убежали, и я, как видишь, в совершенно пристойном виде.

— Я уничтожу леса и города, чтобы их найти, — отвечает трижды возвышенный император, наместник святого Джада на земле, садясь на мягкую скамью, и принимает из рук одной из женщин чашу вина (без меда). — Я сотру их кости в порошок. Прошу тебя, позволь мне объявить, что я застал тебя с Вертигом и приказал четвертовать его, привязав к лошадям.

Императрица смеется, потом коротко машет рукой. Секретарь и служанки выходят из комнаты.

— Снова деньги? Могу продать свои драгоценности, — говорит она, когда они остаются одни.

Он улыбается. Первая его улыбка за день, который для него начался уже довольно давно. Она встает и приносит ему блюдо с сыром, свежим хлебом и холодными закусками. Так у них принято, они проводят так каждое утро, если позволяют обстоятельства. Она целует его в лоб и ставит блюдо. Он касается ее руки, вдыхает ее аромат. В некотором смысле, думает он, после того как он это сделает, начинается новая часть его дня. Каждое утро.

— Я бы больше заработал, продавая тебя, — говорит он.

— Как интересно. Гунарх из Москава заплатил бы.

— Ты ему не по карману. — Валерий обводит взглядом ванну, красно-белый мрамор и слоновую кость, золото, усыпанные драгоценными камнями кубки и чашки, алебастровые шкатулки на столах. Горят два очага; масляные лампы свисают с потолка в корзинках из серебряной проволоки. — Ты — очень дорогая женщина.

— Конечно. Да, кстати. Мне по-прежнему хочется иметь дельфинов. — Она показывает рукой на верхнюю часть стены в дальнем конце комнаты. — Когда ты освободишь родианина? Я хочу, чтобы он начал работать у меня.

Валерий с упреком смотрит на нее и ничего не отвечает.

Она улыбается — сама невинность с широко распахнутыми глазами.

— Гунарх из Москава пишет, что мог бы предложить мне наслаждение, которое мне может лишь присниться в темноте.

Валерий рассеянно кивает головой:

— Не сомневаюсь.

— Кстати, о снах... — продолжает императрица. Император улавливает перемену в ее голосе — она хорошо владеет искусством менять тон, конечно, — и смотрит на нее. Она возвращается на свое место.

— Полагаю, мы о них и говорили, — отвечает он. Они ненадолго замолкают. — Лучше, чем говорить о запрещенных дельфинах. Что теперь, любимая?

Она слегка пожимает плечами:

— Какой ты умный. Сон был именно о дельфинах.

Лицо императора становится кислым.

— Какой я умный. Меня просто только что направили, как лодку, туда, куда тебе хочется.

Она улыбается, но глаза ее не улыбаются.

— Не совсем так. Сон был грустный.

Валерий смотрит на нее.

— Ты и правда хочешь иметь их на этой стене?

Он притворяется, будто не понимает, и она это знает. Так уже бывало. Он не любит говорить о ее снах. Она в них верит, а он нет или говорит, что не верит.

— Я хочу их только на стенах, — отвечает она. — Или в море, и еще очень далеко от нас.

Он делает глоток вина. Берет кусочек сыра с хлебом. Деревенская еда, он предпочитает ее в этот час. Его звали Петром в Тракезии.

— Никто из нас не знает, куда уносятся наши души, — в конце концов произносит он, — в жизни или после нее. — Он ждет, когда она поднимет глаза, и встречается с ней взглядом. Лицо у него круглое, гладкое, безобидное. Это никого не обманывает, уже не обманывает. — Но меня не удастся поколебать в вопросе о войне на западе, любовь моя, невозможно переубедить никакими снами или аргументами.

Немного погодя она кивает головой. Эта беседа ведется не в первый раз и заканчивается одинаково. Но ее ночной сон был настоящим. Ей всегда снятся сны, которые остаются с ней.

Они беседуют о государственных делах: о налогах, о двух патриархах, о церемонии открытия Ипподрома, которое намечается через несколько дней. Она рассказывает ему о забавной свадьбе, которая состоится сегодня, и об удивительно респектабельном составе гостей.

— Ходят слухи, — шепчет она, наливая ему еще вина, — что Лисиппа видели в городе. — Выражение ее лица вдруг становится лукавым.

Он выглядит смущенным, словно его застали врасплох.

Она громко смеется:

— Я так и знала! Это ты их распускаешь?

Он кивает:

— Мне следовало сказать тебе уже давно. У меня нет секретов. Да, я... запустил пробный камень.

— Ты действительно хочешь его вернуть?

Лисипп Кализиец, человек непомерной толщины и аппетита, был тем не менее самым умелым и неподкупным главой имперского налогового управления, который когда-либо служил у Валерия. Говорили, что он очень давно связан с императором и

что в их отношениях имеются такие подробности, о которых вряд ли когда-нибудь станет известно. Императрица никогда об этом даже не спрашивала, ей и не хотелось знать. У нее были свои воспоминания, — а иногда и сны — о криках, раздавшихся на улице однажды утром под теми комнатами, которые он снимал для нее в дорогом районе в те дни, когда они были молоды и императором был Апий. Она не слишком чувствительна к таким вещам, не может быть чувствительной после детства на Ипподроме и в театре, но это воспоминание — с запахом горящей плоти — осталось и никак не уходило.

Кализийца отправили в ссылку почти три года назад, после мятежа «Победа».

— Я бы его вернул, — отвечает император. — Если мне позволят. Мне нужно, чтобы патриарх отпустил ему грехи и чтобы проклятые факции отнеслись к этому спокойно. Лучше всего во время сезона гонок, когда у них есть другой повод покричать.

Она слегка улыбается. Он не любит гонок, это ни для кого не секрет.

— И где же он сейчас?

Валерий пожимает плечами:

— Все еще на севере, полагаю. Он пишет из поместья неподалеку от Евбула. У него достаточно средств, чтобы делать все, что он пожелает. Вероятно, ему скучно. Наводит ужас на сельскую округу. Ворует детей в безлунные ночи.

Она морщится при этих словах.

— Не слишком приятный человек.

Он кивает:

— Совсем не приятный. Отвратительные привычки. Но мне нужны деньги, любимая, а от Вертига почти никакого толку.

— О, я согласна, — тихо говорит она. — Ты и представить себе не можешь, насколько мало от него толку. — Она облизывает языком губы. — Я думаю, Гунарх из Москава доставит мне куда больше удовольствия. — Но она что-то скрывает. Ощущение, отдаленное предчувствие. Дельфины, сны и души.

Он смеется, вынужден рассмеяться, и в конце концов уходит, закончив свой скудный завтрак. В Аттенинском дворце его ждут отчеты от военных и гражданских властей, которые надо прочесть и на которые надо ответить. Она должна принять делегацию клириков и священнослужительниц из Амории в собственной приемной, потом выйдет в гавань под парусом, если ветер будет благоприятным. Ей нравится плавать на острова в

проливе или внутреннем море, а так как зима закончилась, она снова может это делать в теплый день. Сегодня вечером не ожидается официального пиршества. Они поужинают вместе в небольшой компании придворных, слушая музыканта из Кандарии.

Они будут наслаждаться ускользающими, тягучими звуками музыкального инструмента, но после к ним зайдут выпить вина (некоторые могли бы подумать — неожиданно) верховный стратиг Леонт и его высокая светловолосая супруга и еще третье лицо — женщина королевской крови.

* * *

Пардос бежал изо всех сил, не переставая ругать себя. Он всю жизнь провел в опасных кварталах Варены, города, где полно пьяных солдат-антов и драчливых подмастерьев. Он понимал, что совершил колоссальную глупость, когда вмешался, но обнаженный меч и убитый средь бела дня человек выходили за рамки обычной потасовки. Он налетел, не успев подумать, сам нанес несколько ударов и теперь мчался сломя голову рядом с седеющим бассанидом через Город, которого совсем не знал, а за ними по пятам гналась орущая банда молодых аристократов. Он даже потерял свой посох.

Дома его знали как осторожного юношу, но осторожность не всегда может уберечь от беды. Он знал, что им надо делать, и только молился, чтобы ноги более пожилого доктора выдержали такой темп.

Пардос вылетел из переулка, свернул налево, на более широкую улицу, и перевернул первую тележку — торговца рыбой, которую увидел. Однажды это проделал Куври при похожих обстоятельствах. Вопль ярости раздался у него за спиной; он не оглянулся. Толпа и хаос — это именно то, что им нужно, чтобы замести следы и немного отодвинуть неизбежную расправу, если их поймают, хотя он не знал, насколько легко удастся задержать преследователей.

Лучше не проверять.

Кажется, лекарь не отставал от него, он даже протянул руку, когда они сворачивали за следующий угол, и сдернул навес над крыльцом лавочки, где торговали иконами. Не самый мудрый выбор для бассанида, но ему действительно удалось опрокинуть столик, уставленный фигурками великомучеников, и рассыпать

их по грязной улице. Собравшиеся вокруг столика нищие разбежались, создавая позади них еще больший беспорядок. Пардос бросил на лекаря взгляд, тот с мрачным лицом усиленно работал ногами.

На бегу Пардос все время искал взглядом одного из стражников городского префекта. Несомненно, они должны были быть где-то здесь, в этом опасном квартале. Разве носить мечи в Городе не запрещено? Юные патриции, преследующие их, кажется, так не думали или им было наплевать. Он внезапно решил бежать к церкви, более крупной, чем та убогая дыра, в которой он читал утренние молитвы после прибытия в Город на рассвете, по пути от тройных стен. Он планировал снять недорогую комнату рядом с гаванью — это всегда самая дешевая часть города, — а затем отправиться на встречу, о которой думал с того времени, как ушел из дома.

С комнатой придется подождать.

Теперь по улицам двигалась густая толпа, и им приходилось лавировать и уворачиваться по мере сил. Вслед им неслись проклятия, а один солдат-отпускник нанес с опозданием удар, целясь в Пардоса. Но это означало, что их преследователи теперь наверняка растянулись в цепочку и, возможно, даже потеряют их из виду, если Пардосу и лекарю — он и правда очень хорошо бежал для такого седобородого человека — удастся все время хаотично менять направление.

Постоянно бросая взгляды вверх, чтобы сориентироваться, Пардос увидел в промежутке между многоэтажными домами золотой купол, больший, чем он видел когда-либо прежде, и он резко изменил свой план на бегу.

— Туда! — задыхаясь, крикнул он, указывая пальцем.

— Почему мы бежим? — выпалил бассанид. — Здесь вокруг люди! Они не посмеют...

— Посмеют! Они убьют нас и заплатят штраф! Бежим!

Доктор больше ничего не сказал: он берег дыхание. Когда Пардос резко свернул с улицы, по которой они бежали, и помчался наискосок через широкую площадь, он последовал за ним. Они пронеслись мимо оборванного юродивого и небольшой толпы вокруг него, попав в струю дурного запаха от грязного, немытого тела этого человека. Пардос услышал сзади резкий крик: некоторые из преследователей по-прежнему не теряли их из виду. Мимо его головы просвистел камень. Он оглянулся.

Один преследователь. Всего один. Это меняло дело.

Пардос остановился, потом обернулся.

То же самое сделал лекарь. Разъяренный на вид, но очень юный молодой человек в зеленой восточной одежде, серьгах и золотом ожерелье и с длинными неухоженными волосами — его не было среди напавших в первый раз — неуверенно замедлил бег, потом пошарил у пояса и вытащил короткий меч. Пардос огляделся, выругался, потом бросился к юродивому. Отважно игнорируя гнилостную вонь, исходящую от этого человека, он схватил его дубовый посох, извинившись через плечо. И побежал прямо на их юного преследователя.

— Ты идиот! — крикнул он, яростно размахивая посохом. — Ты один! А нас двое!

Молодой человек с опозданием осознал эту грозную истину, быстро оглянувшись через плечо. Не увидев приближающегося подкрепления, он стал казаться менее свирепым.

— Беги! — крикнул доктор рядом с Пардосом, потрясая кинжалом.

Молодой человек посмотрел на них обоих и предпочел последовать совету. Он побежал.

Пардос бросил одолженный посох обратно юродивому, стоящему на маленьком помосте.

— Вперед! — прохрипел он доктору. — Бежим к Святилищу! — Он указал направление. Они вместе повернулись, пересекли площадь и побежали теперь по другому переулку, выходящему из ее дальнего конца.

Оставалось совсем немного, когда переулок, к счастью ровный, внезапно уперся в огромную площадь с арочными портиками и лавками вокруг нее. Пардос промчался мимо двух мальчишек, играющих с обручем, и мужчины, продающего жареные орешки у жаровни. Увидел нависшую громаду Ипподрома слева и пару громадных бронзовых ворот в стене. Наверное, то были ворота Императорского квартала. Перед воротами возвышалась колоссальная конная статуя. Он не обратил на эти достопримечательности внимания и побежал изо всех сил наискосок через форум к длинному широкому крытому портику. За ним виднелись еще две громадные двери, а при виде купола, вознесшегося над ними и за ними, у него могло бы перехватить дыхание, если бы в нем еще осталось хоть какое-то дыхание.

Они с бассанидом миновали каменщиков и их повозки, перепрыгивая через груды кирпича и огибая их и — знакомое зре-

лище! — печь для гашения извести возле портика. Добравшись до ступенек, Пардос услышал, как за спиной снова раздались крики преследователей. Они с лекарем бок о бок взлетели по лестнице и остановились, тяжело дыша, перед дверью.

— Сюда никому нельзя! — рявкнул стражник. Их было двое. — Внутри ведутся работы!

— Мозаичник, — прохрипел Пардос. — Прибыл из Батиары! Вон те молодые люди гонятся за нами! — Он махнул рукой в сторону площади. — Они уже убили одного человека! Мечами!

Стражники посмотрели туда. Полдюжины юных преследователей добрались до форума и бежали тесной кучкой. Они держали обнаженные мечи — средь бела дня, на форуме! В это невозможно было поверить. Или они настолько богаты, что им наплевать? Пардос схватился за ручку одной из тяжелых дверных створок, распахнул ее и быстро втолкнул лекаря внутрь. Услышал пронзительный, радующий душу свист стражника, зовущего на помощь. Пока что они здесь будут в безопасности, он был уверен. Лекарь согнулся пополам, упираясь ладонями в колени, и тяжело дышал. Он искоса бросил на Пардоса взгляд и кивнул — очевидно, ему пришла в голову та же мысль.

Позднее, гораздо позднее Пардос задумается о том, что утренние события, его вмешательство в них, его действия свидетельствовали о переменах в нем самом, но в тот момент он только двигался и реагировал.

Он взглянул вверх. Среагировал, но не двинулся с места.

Собственно говоря, он внезапно почувствовал, что его сапоги прилипли к мраморному полу, как... смальта к основе, которой предстояло продержаться многие века.

Так он стоял, застыв на месте, и пытался сначала освоиться с самими размерами этого пространства, сумрачными просторными проходами и нишами, уходящими в кажущуюся бесконечность коридоров из бледного, струящегося света. Он увидел массивные колонны, поставленные друг на друга, словно игрушки сказочных гигантов Финабара, потерянного первого мира из языческих верований антов, где боги ходили среди людей.

Потрясенный Пардос посмотрел вниз, на безукоризненно отполированные мраморные плиты пола, а потом сделал глубокий вдох и снова поднял глаза вверх и увидел огромный парящий купол, невыразимо огромный. А на нем уже обретало форму то, что его учитель Кай Криспин Варенский создавал в этом святом месте.

Белая и золотая смальта на синем фоне — такого синего цвета Пардос никогда не видел в Батиаре и не надеялся увидеть никогда в жизни — создавала небесный свод. Пардос сразу же узнал его руку и стиль. Кто бы ни руководил этими работами, когда Криспин приехал с запада, уже не он был здесь художником.

Пардос учился у человека, который это делал, он был его подмастерьем.

Он еще не охватил — и знал, что ему понадобится долго смотреть, чтобы хотя бы начать, — колоссальных масштабов того, что делал Криспин на этом куполе. Изображение не уступало по грандиозности величине купола.

Рядом с ним лекарь прислонился к мраморной колонне, все еще пытаясь отдышаться. Мрамор в приглушенном свете был зеленовато-голубым, цвета моря облачным утром. Бассанид молчал, медленно оглядывался вокруг. Глаза над бородой с проседью были широко открыты. О святилище Валерия ходили слухи и разговоры по всему миру, и сейчас они стояли внутри него. Повсюду трудились рабочие, многие в углах настолько далеких, что их не было видно, а только слышно. Но даже шум строительства менялся из-за огромного пространства, порождающего гулкое эхо. Он попытался представить себе, как здесь зазвучат песнопения, и у него комок встал в горле.

Пыль плясала в косых лучах солнечного света, которые падали вниз из окон, расположенных высоко на стенах и вокруг всего купола. Глядя вверх, мимо висящих масляных ламп из бронзы и серебра, Пардос увидел высокие помосты возле покрытых мрамором стен, на которых выкладывали мозаичные узоры из цветочных гирлянд и орнаментов. Только один помост возносился к самому куполу, к северной стороне большой дуги, напротив входа. И в мягком, нежном утреннем свете в Святилище божественной мудрости Джада Пардос увидел на этом высоком помосте маленькую фигурку человека, вслед за которым проделал весь этот путь на восток, непрошеный и нежеланный, так как Криспин наотрез отказался взять с собой кого-либо из учеников, когда отправлялся в путешествие.

Пардос еще раз вздохнул, чтобы успокоиться, и сделал знак солнечного диска. Это святилище официально еще не освящено — здесь отсутствовали алтарь и подвешенный за ним золо-

той диск, — но для него это уже была святая земля, и его путешествие, или эта его часть, закончилось. Он в душе возблагодарил Джада, вспоминая кровь на алтаре в Варене, диких собак той жутко холодной ночью в Савралии, когда он решил, что умрет. Он жив, и он здесь.

Пардос слышал голоса стражников снаружи — теперь их было больше. Голос молодого человека сорвался на гневный крик и резко оборвался после ответа солдата. Он взглянул на лекаря и позволил себе криво усмехнуться. Потом вспомнил, что слуга бассанида мертв. Они спаслись, но радоваться еще не время, во всяком случае лекарю.

Неподалеку от них стояли два мозаичника, и Пардос решил, что если он заставит ноги повиноваться ему, то подойдет и поговорит с ними. Но не успел сделать этого, так как услышал их встревоженные голоса:

— Где Варгос? Он бы смог это сделать.

— Ушел переодеваться. Ты же знаешь. Его тоже пригласили.

— Святой Джад! Может быть... э... один из подмастерьев каменщика сможет это сделать? Или каменотеса? Возможно, они его не знают?

— Никаких шансов. Они все слышали эти истории. Нам придется самим, Сосио, и прямо сейчас. Уже поздно! Бросим жребий.

— Нет! Я туда не полезу. Криспин убивает людей.

— Он говорит, что убивает. Не думаю, чтобы он кого-нибудь убил.

— Ты так думаешь? Хорошо. Тогда ты и полезай.

— Я сказал: бросим жребий, Сосио.

— А я сказал, что не полезу. И не хочу, чтобы ты туда поднимался. Кроме тебя, у меня нет братьев.

— Он же опоздает. Он убьет нас за то, что мы позволили ему опоздать.

Пардос обнаружил, что способен двигаться и что, несмотря на утренние события, старается сдержать улыбку. Слишком много воспоминаний пробудилось в нем, неожиданных и ярких.

Он прошел вперед по мрамору в неярком свете. Шаги его ног в сапогах отдавались тихим эхом. Братья — они оказались близнецами, совершенно одинаковыми — обернулись и посмотрели на него. Вдалеке кто-то уронил молоток или резец, и инструмент зазвенел мягко, почти музыкально.

— Насколько я понимаю, — серьезно произнес Пардос, — проблема в том, чтобы прервать работу Криспина на этом помосте?

— Кая Криспина, да, — быстро ответил тот, которого звали Сосио. — Ты его знаешь?

— Он должен быть на свадьбе, — сказал второй брат.

— Прямо сейчас! Он участвует в церемонии.

— Но он никому не разрешает отрывать его от работы!

— Никогда! Он за это кого-то однажды уже убил!

— Еще в Варене. Говорят, мастерком! В святой церкви! — На лице Силано отразился ужас.

Пардос с сочувствием кивнул:

— Знаю, знаю. Он это сделал. В церкви! Собственно говоря, этим человеком был я. Это было ужасно — умереть вот так! Мастерком! — Он помолчал и подмигнул, когда у них обоих одинаково отвисла челюсть. — Все в порядке, я его позову вместо вас.

Он прошел вперед, пока улыбка, которую он просто не мог больше сдерживать, не выдала его с головой. Он прошел прямо под потрясающе огромным пространством купола. Посмотрел вверх и увидел изображенного Криспином Джада на востоке, над проявляющимися деталями Сарантия, словно возникающего на горизонте. И поскольку Пардос провел всю зиму в некой церкви в Савралии, он сразу же заметил, *что* учитель делает со своим собственным изображением бога. Криспин тоже там побывал. Неспящие ему об этом сказали.

Он подошел к помосту. Два молодых подмастерья стояли там, придерживая его, как всегда. Обычно те, кто выполнял эту задачу, скучали и бездельничали. Эта пара выглядела перепуганной. Пардос никак не мог удержаться от улыбки.

— Придержите помост для меня, пожалуйста, — попросил он.

— Туда нельзя! — в ужасе ахнул один из парней. — Он там, наверху!

— Я так и понял, — ответил Пардос. Он легко вспомнил, что чувствовал себя точно так же, как этот побледневший подмастерье, и, наверное, выглядел точно так же. — Но ему надо кое-что передать.

И он схватился за перекладины лестницы и стал подниматься. Он знал, что высоко над ним Криспин скоро почувствует,

если сразу же не почувствовал, толчки и покачивание. Пардос смотрел на свои руки, как их всех учили, и поднимался.

Он добрался до половины пути, когда услышал хорошо знакомый голос. Он прошел полмира, чтобы снова услышать этот холодный, разъяренный голос:

— Еще на одну ступеньку поднимешься, и я тебя прикончу, несчастный, а кости растолку в порошок и замешаю в известку.

«Это сильно сказано, — подумал Пардос. — Что-то новенькое».

Он взглянул вверх.

— А ты заткнись! — крикнул он. — Или я отрежу тебе задницу куском стекла и скормлю ее тебе по частям!

Последовало молчание.

— Это же мои слова, лопни твои глаза! Кто там? — раздалось в ответ.

Пардос продолжал подниматься, не отвечая.

Он почувствовал, как платформа над ним заколебалась, когда Криспин подошел к краю и посмотрел вниз.

— Кто ты? — Снова молчание, потом: — Пардос? ПАРДОС?

Пардос молчал, продолжая подниматься. Сердце его пело. Он добрался до верха и шагнул через низкие перила на площадку под мозаичными звездами на темно-синем мозаичном небе.

И попал в крепкие объятия, из-за чего они оба чуть не упали.

— Чтоб тебя, Пардос! Почему ты так задержался? Ты мне был здесь нужен! Мне написали, что ты ушел еще осенью! Полгода назад! Ты знаешь, как сильно ты опоздал?

Оставив пока в стороне тот факт, что Криспин, уезжая, наотрез отказался от сопровождения, Пардос высвободился из его объятий.

— А ты знаешь, как сильно ты сам опоздал? — спросил он.

— Что? Я?

— Свадьба, — весело произнес Пардос, наблюдая за ним.

Потом ему доставляло еще большее удовольствие вспоминать ужас, отразившийся на неожиданно гладко выбритом лице Криспина.

— Ах! Ах! Святой Джад! Они меня убьют! Я покойник! Если Карулл не убьет, то проклятая Ширин это сделает! Почему ни один из этих идиотов там, внизу, не сказал мне?

Не дожидаясь совершенно очевидного ответа, Криспин бросился мимо Пардоса, рискуя жизнью, перевалил через ограждение и начал поспешно спускаться по лестнице, скорее

скользя, чем ступая по ступенькам. Перед тем как последовать за ним, Пардос взглянул на то место, над которым работал Криспин. Он увидел зубра в осеннем лесу, громадного, выложенного черной смальтой и окаймленного белым цветом. Он будет сильно выделяться на фоне кричаще ярких листьев вокруг него, станет доминирующим образом. Это сделано специально. Криспин однажды водил учеников посмотреть на мозаику на полу одной усадьбы к югу от Варены, в которой вот так использовали черный и белый цвет на разноцветном фоне. Пардос в задумчивости стал спускаться вниз.

Криспин ждал его внизу, гримасничал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Быстрее, ты, идиот! Мы так опаздываем, что меня убьют! Непременно убьют! Давай! Почему ты так долго сюда добирался?

Пардос осторожно спустился с последней ступеньки.

— Я останавливался в Саврадии, — ответил он. — Там у дороги есть церковь. Они сказали, что ты туда тоже заходил, до меня.

Выражение лица Криспина быстро изменилось. Он пристально посмотрел на Пардоса.

— Заходил, — помолчав, сказал он. — Я там был. Я им объяснил, что им придется... А ты... Пардос, ты ее реставрировал?

Пардос медленно кивнул:

— Насколько в моих силах было сделать это одному.

Выражение лица Криспина снова изменилось, потеплело, словно луч солнца согрел сырое утро.

— Я рад, — произнес его учитель. — Очень рад. Мы потом об этом поговорим. А пока пойдем, нам надо бежать.

— Я уже бежал. Через весь Сарантий, как мне показалось. За дверью стоит кучка молодых людей, достаточно богатых, чтобы не думать о законах. Они пытались убить меня и этого бассанидского лекаря. — Он показал рукой на лекаря, который приближался к ним вместе с братьями-подмастерьями. Лица близнецов выражали одинаковое смятение. — Они убили его слугу. Мы не можем так просто выйти отсюда.

— А тело моего слуги кое-кто из ваших благочестивых клириков выбросит на улицу, если за ним не придут до полудня. — Доктор говорил на сарантийском лучше, чем Пардос. Он все еще был сердит.

— Где он? — спросил Криспин. — Сосио и Силано могут сходить за ним.

— Я понятия не имею, как называется...

— Часовня Святой Игнасии, — быстро вставил Пардос. — Возле порта.

— Что? — переспросил близнец по имени Сосио.

— Что вы там делали? — одновременно спросил его брат. — Это страшное место! Воры и шлюхи!

— Откуда тебе это так хорошо известно? — хитро спросил Криспин, потом вспомнил, что надо спешить.

— Возьмите с собой двух императорских стражников. Люди Карулла все уже ушли на эту проклятую свадьбу. Объясните им, что это для меня и почему. А вы двое, — повернулся он к Пардосу и доктору, — пошли со мной! Сегодня утром вы побудете со мной, у меня есть охрана. — Знакомая Пардосу картина: Криспин, отдающий распоряжения. Его настроение всегда менялось вот так резко. — Мы выйдем через боковой ход, и нам надо пошевеливаться! Вам надо будет надеть что-нибудь белое, это же свадьба! Идиоты! — Он рванулся с места, и они побежали за ним. У них не было выбора.

Вот так мозаичник Пардос из Варены и лекарь Рустем из Керакека, наряженные в белые верхние туники из гардероба Криспина, попали на официальную церемонию, а потом на свадебный пир в день своего прибытия в священный и царственный город Джада Сарантий.

Они все трое опоздали, но не слишком сильно.

Музыканты стояли снаружи. Солдат, с беспокойством ждущий у дверей, увидел их приближение и поспешил внутрь, чтобы объявить о нем. Криспин, быстро пробормотав извинения во все стороны, сумел поспешно занять свое место перед алтарем как раз вовремя, поднял тонкий золотой венец над головой жениха и держал его во время церемонии. Его собственные волосы были сильно растрепаны, но такими они были почти всегда. Пардос заметил, как очень красивая женщина, которая держала венец над невестой, стукнула его учителя кулаком под ребра как раз перед началом церемонии. По церкви прокатился смех. Главный клирик был шокирован; жених улыбнулся и одобрительно кивнул головой.

Лицо невесты Пардос увидел только после церемонии. В церкви оно было скрыто под фатой, пока священник произносил слова обряда, а новобрачные повторяли их в унисон. Пардос понятия не имел, кто они такие. У Криспина не было времени объяснять. Пардос даже не знал имени бассанида,

стоящего рядом с ним: события разворачивались с такой невероятной быстротой в то утро, и был убит человек.

Церковь выглядела роскошно: много золота и серебра, колонны из мрамора с прожилками, великолепный алтарь из угольно-черного камня. Над головой, на маленьком куполе Пардос увидел — с удивлением — золотистую фигуру Геладикоса, несущего горящий факел. Он падал в колеснице своего отца. Теперь верить в сына бога запретили, его изображения оба патриарха считали ересью. Кажется, прихожане этой патрицианской церкви имели достаточно влияния и пока не позволили уничтожить мозаику. Пардос, который принял веру в светоносного сына бога вместе с верой в самого бога, как все анты на западе, ощутил прилив тепла и радости. Хороший знак, подумал он. Как неожиданно и утешительно, что его здесь ждал Возничий.

Затем, где-то в середине церемонии, бассанид дотронулся до руки Пардоса и вытянул руку. Пардос посмотрел туда. И заморгал. Человек, который убил слугу доктора, только что вошел в церковь. Он был спокоен и собран, одет в изящно задрапированный белый шелк с поясом из золотых звеньев и в темно-зеленый плащ. Его волосы были аккуратно заправлены под мягкую зеленую отделанную мехом шапочку. Безвкусные украшения исчезли. Он скромно прошел вперед и занял свое место между пожилым красивым мужчиной и женщиной гораздо моложе его. Сейчас он не выглядел пьяным. Он выглядел юным принцем, моделью образа Геладикоса, летящего во всем великолепии над их головами.

* * *

В Императорском квартале и среди высших чиновников были активные сторонники той или другой факции или обеих сразу. Плавт Бонос, распорядитель Сената, не принадлежал к их числу. Он придерживался той точки зрения, что благожелательная отстраненность как от Зеленых, так и от Синих лучше всего соответствует его положению. Кроме того, он не был по натуре склонен осаждать девушек-танцовщиц, и поэтому обаяние знаменитой Ширин из факции Зеленых затрагивало его только с эстетической точки зрения, не вызывая соблазнов и вожделения.

Поэтому он бы никогда не пошел на эту свадьбу, если бы не

два фактора. Одним был его сын: Клеандр отчаянно настаивал, чтобы он туда пошел и взял его с собой, а так как его сын обычно не проявлял ни малейшего интереса к цивилизованным сборищам, Боносу не хотелось упускать возможности представить сына обществу в пристойном виде.

Вторым фактором, скорее из области чревоугодия, стало то, о чем ему сообщила танцовщица, когда приглашала на свадьбу: еду для пиршества в ее доме будет готовить Струмос Аморийский.

У Боноса были свои слабости. Очаровательные мальчики и запоминающиеся блюда, возможно, возглавляли их список.

Двух незамужних дочерей они, разумеется, оставили дома. Бонос и его вторая жена явились — скрупулезно пунктуально — на церемонию в ту церковь по соседству, которую сами посещали. Клеандр явился с опозданием, но чистым и одетым соответствующим образом. Глядя с некоторым изумлением на стоящего рядом сына, Бонос почти вспомнил того послушного умного мальчика, которым он был всего два года назад. Правая рука Клеандра казалась припухшей, но отец предпочел не задавать ему вопросов. Он не хотел ничего знать. Они присоединились к процессии из людей в белых одеждах и музыкантов (очень хороших музыкантов, из театра) и быстро прошли по холодным улицам к дому танцовщицы.

Он почувствовал себя несколько неловко, когда музыкальный парад по улицам закончился у портика с хорошо выполненной копией классического тракезийского женского бюста. Он знал, что должна чувствовать его жена, входя в этот дом. Она, конечно, ничего не сказала, но он знал. Они входили в жилище танцовщицы-простолюдинки, и тем самым его официальное положение придавало символическое достоинство этой женщине и ее дому.

Одному Джаду известно, что происходит здесь по ночам после театральных представлений. Тенаис была безупречна, как всегда, и не выказывала ни намека на неодобрение. Его вторая жена была значительно моложе его, безукоризненно воспитана и славилась своей сдержанностью. Он выбрал ее за оба эти качества после того, как три года назад, летом, умерла от чумы Элина, оставив его с тремя детьми и без всякой помощи по ведению хозяйства.

Тенаис улыбнулась Ширин, стройной и оживленной, которая встречала их у дверей, и тихо произнесла несколько вежливых фраз. Клеандр, стоящий между отцом и мачехой, густо покраснел, когда Бонос его представил, и не поднимал глаз от пола. Танцовщица в знак приветствия легонько коснулась его руки.

«Одна загадка разгадана, — подумал сенатор, с насмешливым удивлением глядя на мальчика. — По крайней мере у него хороший вкус». Настроение сенатора стало еще лучше, когда слуга подал ему вино, которое оказалось великолепным кандарийским, а другая женщина ловко поднесла ему тарелку с маленькими ломтиками рыбных деликатесов.

Восприятие Боносом этого мира и этого дня стало совсем солнечным, когда он попробовал первый образец искусства Струмоса. Он испустил явственный вздох удовлетворения и благосклонно огляделся кругом. Хозяйка дома из Зеленых, повар Синих на кухне, много гостей из Императорского квартала (когда он заметил их присутствие и кивком поздоровался с одним из таких гостей, то почувствовал себя менее заметным), различная театральная публика, в том числе один его кудрявый бывший любовник, от которого он тут же решил держаться подальше.

Он увидел пухлого главу шелковой гильдии (этот человек посещал вечеринки во всех домах Города), секретаря Верховного стратига Пертения Евбульского, на удивление хорошо одетого, и коренастого крючконосого факционария Зеленых, имени которого никак не мог запомнить. В другом конце комнаты стоял пользующийся большой благосклонностью императора родианский мозаичник вместе с приземистым молодым человеком с жесткой бородой и другим, постарше, тоже бородатым, явно бассанидом. А затем сенатор заметил еще одного неожиданного, заслуживающего внимания гостя.

— Здесь Скортий, — шепнул он жене, пробуя крохотного маринованного морского ежа, приправленного «сильфием» и еще чем-то незнакомым, что придавало поразительный привкус имбиря и востока. — Он вместе с гонщиком Зеленых из Сарники, Кресензом.

— Да, эксцентричное сборище, — ответила Тенаис, даже не глядя в ту сторону, где стояли двое возничих в окружении кучки почитателей. Бонос слегка улыбнулся. Ему нравилась жена. Он даже спал с ней время от времени.

— Попробуй вина, — предложил он.

— Я попробовала. Кандарийское. Ты будешь счастлив.

— Я уже счастлив, — радостно ответил Бонос.

И он был счастлив, пока тот бассанид, которого он видел рядом с мозаичником, не подошел к нему и не обвинил Клеандра в убийстве своим восточным голосом. Он выражался достаточно ясно, но, к счастью, говорил тихо, и это исключало всякую возможность избежать неприятностей.

Глава 4

Рустем знал Нишика совсем недолго — столько, сколько занял их путь сюда, — и нельзя сказать, чтобы ему нравился этот человек. Коренастый солдат был плохим слугой и не проявлял уважения к своему спутнику. Он даже не старался скрыть, что относится к Рустему как всего лишь к навязанному ему штатскому; такое отношение свойственно солдатам. Рустем в первые дни пробовал несколько раз упомянуть о своих прошлых путешествиях, но не получил ответа и перестал говорить о них, решив, что попытки произвести впечатление на простого солдата ниже его достоинства.

Признавая все это, оставалось отметить, что случайное убийство спутника, любил он его или нет, нельзя оставлять безнаказанным, и Рустем не собирался этого делать. Он все еще был в ярости из-за смертельно опасного утреннего столкновения и своего унизительного бегства по городу джадитов.

Все это он рассказал могучему рыжеволосому художнику на свадебной церемонии, на которую его привели. Он держал в руке чашу отличного вина, но не ощущал радости от своего прибытия — наконец-то! — в сарантийскую столицу после тяжелого путешествия по зимним дорогам. Присутствие убийцы на той же свадьбе убивало подобные чувства и разжигало еще больше его гнев. Молодой человек, теперь одетый не хуже любого отпрыска знатного сарантийского вельможи, совсем не походил на того грубого пьяного хулигана, который напал на них вместе с дружками в переулке. По-видимому, он даже не узнал Рустема.

Рустем указал на парня по просьбе мозаичника, который оказался человеком умным и серьезным, хотя при первом знакомстве произвел на Рустема впечатление неуравновешенного невротика. Художник тихо выругался и быстро подвел их к маленькой группке людей вокруг новобрачного.

— Клеандр опять вляпался в дерьмо, — мрачно произнес мозаичник по имени Криспин. Кажется, он имел привычку употреблять вульгарные выражения.

— Попытался схватить Ширин в коридоре? — Лицо новобрачного оставалось чрезвычайно веселым.

— Хотел бы я, чтобы дело было в этом. Нет, сегодня утром он убил на улице слугу этого человека при свидетелях. В их числе и мой друг Пардос, который только что прибыл в Город. Потом они с бандой Зеленых гнались за ними обоими до самого Святилища с обнаженными мечами.

— Вот дерьмо, — с чувством произнес солдат. Выражение его лица изменилось. — Эти глупые мальчишки...

— Они не мальчишки, — холодно возразил Рустем. — Им не по десять лет. Этот парень был пьян уже на рассвете и убил человека мечом.

Мощный солдат впервые внимательно посмотрел на Рустема.

— Это я понял. Он еще очень молод. Потерял мать в неподходящее время и променял умных друзей на компанию необузданных юнцов из болельщиков факции. Еще он безнадежно влюблен в нашу хозяйку дома и пил сегодня все утро, потому что до смерти боялся идти к ней на праздник.

— А! — ответил Рустем с жестом, хорошо знакомым его ученикам. — Теперь понятно, почему Нишик должен был умереть! Конечно, простите, что упомянул об этой истории.

— Не лезь в бутылку, бассанид, — сказал солдат, и глаза его на мгновение стали жесткими. — Мы попытаемся что-нибудь сделать. Я объясняю, а не оправдываю убийство. Мне также следовало упомянуть о том, что этот парень — сын Плавта Боноса. Необходимо действовать осторожно.

— Кто такой?..

— Распорядитель Сената, — ответил мозаичник. — Вон он, рядом с женой. Оставь это нам, лекарь. Клеандра не мешает хорошенько припугнуть, и могу тебе обещать, что мы этим займемся.

— Припугнуть? — переспросил Рустем. Его снова охватил гнев.

Рыжеволосый мужчина ответил ему прямым взглядом.

— Скажи мне, лекарь, придворного Царя Царей могли бы наказать более строго за убийство слуги в уличной драке? Слуги сарантийца?

— Понятия не имею, — ответил Рустем. Но это было неправдой.

Резко повернувшись, он прошел мимо светловолосой новобрачной в белых одеждах с красным поясом и подошел к убийце и пожилому человеку, на которого указал художник. Он понимал, что его быстрое движение среди веселящихся людей привлечет внимание. Служанка, возможно, почуяв что-то неладное, возникла прямо перед ним с подносом, уставленным маленькими тарелочками, и улыбнулась. Рустем вынужден был остановиться: она преградила ему путь. Он глубоко вздохнул и, не видя другого выхода, взял из ее рук одну из предложенных тарелочек. Женщина — молодая, пышнотелая и темноволосая — продолжала стоять у него на дороге. Она перехватила круглый поднос одной рукой и взяла у него чашу с вином, освободив ему обе руки. Ее пальцы прикоснулись к его руке.

— Попробуй это, — шепнула она, продолжая улыбаться. Она носила тунику с соблазнительно глубоким вырезом. Эта мода еще не дошла до Кералека.

Рустем последовал ее совету. Это оказался какой-то рулет из рыбы в тесте, с соусом на тарелочке. Он откусил кусочек и ощутил во рту легкий взрыв тонких вкусовых ощущений. Рустем не сумел сдержать изумленного стона от удовольствия. Он посмотрел на тарелку в руке, а потом на стоящую перед ним девушку. Окунул палец в соус и еще раз с любопытством попробовал его.

У танцовщицы, хозяйки этого приема, несомненно, имелся повар. И красивые служанки. Темноволосая девушка смотрела на него, на ее щеках играли ямочки от удовольствия. Она протянула ему кусочек ткани, чтобы он вытер рот, и взяла у него тарелочку по-прежнему с улыбкой. Потом вернула ему вино.

Рустем обнаружил, что приступ охватившего его гнева прошел. Но когда служанка что-то прошептала и повернулась к другому гостю, он снова взглянул на сенатора и его сына, и его осенила одна мысль. Он постоял неподвижно еще секунду, поглаживая бороду, а затем двинулся вперед, уже медленнее.

Он остановился перед слегка обрюзгшим распорядителем Сената Сарантия. С одной стороны от него он видел очень красивую, сурового вида женщину, а с другой стороны — что важнее — его сына. Он поклонился мужчине и женщине и официально представился.

Выпрямившись, Рустем увидел, что парень наконец его узнал и побелел. Сын сенатора бросил быстрый взгляд в тот конец комнаты, где хозяйка дома, танцовщица, встречала у входа опоздавших гостей. «Тебе не удастся сбежать», — холодно подумал Рустем и предъявил обвинение отцу намеренно тихим, спокойным голосом.

Мозаичник, конечно, был прав: необходимо действовать без шума и с достоинством, когда дело касается людей с высоким положением. Рустем не испытывал желания связываться со здешним правосудием; он намеревался сам разобраться с этим сенатором. Ему только что пришла в голову мысль: хотя лекарь может многое узнать о сарантийской медицине и, вероятно, подслушать некоторые разговоры о делах государства, но человек, перед которым в долгу распорядитель Сената, может оказаться в совсем другом положении — более выгодном для Царя Царей в Кабадхе, который желал именно сейчас кое-что узнать насчет Сарантия.

Рустем не понимал, почему бедный Ниширк должен был умереть напрасно.

Сенатор, к удовольствию Рустема, бросил на сына ядовитый взгляд и тихо переспросил:

— Убил? Святой Джад! Я возмущен, разумеется. Ты должен позволить мне...

— Он тоже собирался обнажить свой меч! — воскликнул парень тихо и гневно. — Он...

— Замолчи! — приказал Плавт Бонос несколько громче, чем намеревался. Два человека, стоящие поблизости, посмотрели в его сторону. Его жена, воплощение сдержанности и собранности, казалось, равнодушно оглядывала комнату, не обращая внимания на своих родных. Тем не менее она слушала, Рустем это видел.

— Как я начал говорить, — продолжал Плавт Бонос уже тише, снова поворачиваясь к Рустему и покраснев еще больше, — ты должен позволить мне предложить тебе выпить чашу вина в нашем доме после этой очаровательной свадьбы. Конечно, я благодарен тебе за то, что ты обратился прямо ко мне.

— Конечно, — серьезно ответил Рустем.

— Где мы можем найти твоего несчастного слугу? — спросил сенатор. Практичный человек.

— О теле уже позаботились, — тихо ответил Рустем.

— Вот как! Значит, об этом уже знают и другие?

— Молодые люди гнались за нами по улицам, размахивая

мечами, во главе с твоим сыном, — сказал Рустем, позволив себе произнести это с легким нажимом. — Да, я представляю себе, что многие заметили нас по дороге. Нам оказал помощь мозаичник императора в новом Святилище.

— Вот как! — снова произнес Плавт Бонос, оглядывая комнату. — Родианин. Он всюду успевает. Ну, если этим делом уже занимаются...

— Мой мул и все мои вещи, — сказал Рустем, — были брошены, когда нам пришлось бежать. Видите ли, я только сегодня утром прибыл в Сарантий.

Тут женщина повернулась и задумчиво посмотрела на него. Рустем на мгновение встретился с ней взглядом и отвернулся. Здесь присутствие женщин ощущалось сильнее, чем в других местах, где ему доводилось бывать. Интересно, не связано ли это с императрицей, с той властью, которую ей приписывают. Когда-то она была простой танцовщицей. Необыкновенная история, правда.

Сенатор повернулся к сыну:

— Клеандр, ты извинишься перед нашей хозяйкой и уйдешь сейчас же, пока не подали ужин. Найдешь животное этого человека и его вещи и доставишь к нам домой. Потом будешь ждать моего возвращения.

— Уйти? Так рано? — воскликнул парень, и голос его сорвался. — Но я даже не...

— Клеандр, тебя за это вполне могут заклеймить или сослать. Найди этого проклятого мула, — приказал отец.

Его жена положила ладонь на его руку.

— Шшш! — прошептала она. — Смотри.

В большой комнате, полной оживленных, ищущих развлечений сарантийцев, воцарилась тишина. Плавт Бонос посмотрел через плечо Рустема и удивленно заморгал.

— А они-то как оказались здесь? — спросил он, ни к кому в особенности не обращаясь.

Рустем оглянулся. Тишину нарушил тихий шелест, так как собравшиеся — пятьдесят человек или больше, — кланялись или низко приседали, приветствуя мужчину и женщину, которые сейчас стояли в дверном проеме. За их спинами виднелась хозяйка дома.

Мужчина был очень высок, гладко выбрит и неотразимо красив. Вопреки обыкновению, он был без головного убора, и густые золотистые волосы очень его красили. На нем была темно-синяя туника до колен, с отделанными золотом разрезами по бокам, золотистые лосины, черные сапоги, похожие на солдатские, и темно-зеленый плащ с каймой, заколотый на плече пряжкой с крупной голубой жемчужиной, величиной с ноготь большого пальца. В одной руке он держал белый цветок, принесенный на свадьбу.

Светлые волосы стоящей рядом с ним женщины были распущенными, они ниспадали из-под белой сетчатой шапочки красиво завитыми локонами. Ее платье до полу было красным, по подолу украшенным драгоценными камнями. В ее ушах сверкало золото, золотым было ожерелье с жемчужинами, и плащ был золотистого цвета. Ростом она почти не уступала мужчине. Худой мужчина с желтоватым лицом материализовался рядом с вновь прибывшим и быстро что-то шептал ему на ухо, пока присутствующие разгибались после поклона.

— Леонт, — тихо сказал сенатор Рустему. — Стратиг.

Это была любезность. Рустем не мог знать этого человека, хотя уже много лет слышал о нем — и боялся его, как все в Бассании. «Прославленных людей окружает особенное сияние, — подумал Рустем, — почти ощутимое на ощупь». Это был Золотой Леонт (и теперь стало ясным, почему его так называют), который наголову разбил последнюю многочисленную армию северян к востоку от Азена, едва не взял в плен генерала бассанидов и навязал им унизительный мир. Генералу посоветовали покончить с собой, когда он вернулся в Кабадх, что он и сделал.

Именно Леонт завоевал для Валерия земли (а также новых граждан, производителей и налогоплательщиков) на огромном пространстве, протянувшемся к юго-западу от пустынь маджритов. Он жестоко подавил вторжения со стороны Москава и Карша и был удостоен — об этом слышали даже в Керакеке — самого пышного триумфа из всех, которыми прежде императоры чествовали вернувшихся с войны стратигов со времен основания Саранием этого города.

И ему отдали в качестве награды эту высокую, элегантную, холодную как лед женщину, которая стояла сейчас рядом с ним. В Бассании знали о Далейнах — даже в Керакеке, который все-таки находился на одном из южных торговых путей. Богатству этой семьи положила начало монополия на торговлю пряностями, а восточные пряности обычно возили через Бассанию, на юг или на север. Десять или пятнадцать лет назад Флавия Далейна убили каким-то ужасным способом во время

смены императоров. Каким-то огнем, вспомнил Рустем. Его старший сын погиб или был изувечен во время того же нападения, а дочь... стоит здесь, в этой комнате, как сверкающий золотом военный приз.

Стратиг коротко взмахнул рукой, и темноволосая служанка поспешила к нему с вином с горящими от волнения щеками. Его жена также приняла чашу, но осталась позади своего мужа, когда он шагнул вперед. Теперь он стоял один, как актер на сцене. Рустем увидел, как Стилиана Далейна медленно обвела взглядом комнату. Рустем был уверен, что она заметила всех присутствующих и их размещение в комнате, которое ему ни о чем не говорило. Выражение ее лица осталось таким же непроницаемым, как и у жены сенатора, но эти две женщины производили совершенно разное впечатление. Жена Плавта Боноса была сдержанной и отчужденной, а аристократическая супруга самого могущественного воина Империи — холодной и сверкающей и даже внушала некоторый страх. Ее происхождение таило в себе пугающее богатство, огромную власть и насильственную смерть. Рустем успел отвести от нее взгляд в тот момент, когда стратиг начал говорить.

— Лизург Матаниос когда-то сказал, что увидеть удачно женатого друга приятнее, чем выпить самого редкого вина, — произнес Леонт, поднимая свою чашу. — Сегодня мы рады насладиться и тем, и другим, — прибавил он и сделал глоток вина. Раздался смех — сдержанный смех придворных и более развязный — людей из театра и из армии.

— Он всегда приводит эту цитату, — сухо прошептал Бонос Рустему. — Но хотелось бы мне знать, почему он здесь?

Словно отвечая на этот вопрос, стратиг продолжал:

— Мне показалось уместным зайти и поднять чашу в честь женитьбы единственного в армии человека, который умеет говорить так много и так хорошо, и так много и... так много, что добился выплаты задолженности солдатам из сундуков Империи. Не советую никому оказаться в таком положении, когда трибун Четвертого саврадийского легиона станет его в чем-либо убеждать... разве что у него будет очень много свободного времени.

Снова все рассмеялись. Этот человек говорил гладко, как придворный, но откровенно и очень просто, с грубым и свободным юмором солдата. Рустем наблюдал за военными, присутствующими в этой комнате, когда они смотрели на своего стратига. На их лицах было написано обожание. Его жена, неподвижная словно статуя, казалось, немного скучала.

— Но боюсь, — продолжал Леонт, — что сегодня у нас времени мало, поэтому мы с госпожой Стилианой не сможем вместе с вами попробовать лакомства, приготовленные Струмосом, лучшим поваром Синих в доме одного из членов факции Зеленых. Но я поздравляю факции со столь редким единением и надеюсь, что это сулит нам мирный сезон гонок. — Он сделал паузу, приподняв одну бровь, чтобы подчеркнуть свое замечание. В конце концов, он был представителем власти. — Мы пришли, чтобы приветствовать молодоженов по милости святого Джада и сообщить новость, которая, возможно, сделает сегодняшний праздник еще более радостным.

Он снова сделал паузу после еще одного глотка вина.

— Я только что назвал жениха трибуном Четвертого саврадийского. Собственно говоря, это уже устаревшие сведения. Кажется, некий Верховный стратиг, в стремлении отправить одного обладателя сладкозвучного голоса подальше от своих усталых ушей, сегодня утром опрометчиво подписал бумаги на повышение по службе трибуна Карулла Тракезийского. Он получает новое звание и назначается... килиархом Второго кализийского легиона. Ему предписано вступить в должность через тридцать дней, что позволит новому килиарху провести здесь достаточно времени со своей молодой женой, а также проиграть часть новой прибавки к жалованью на Ипподроме.

Раздались радостные крики и смех, почти заглушившие последние слова. Новобрачный, сильно покраснев, быстро вышел вперед и опустился на колени перед стратигом.

— Мой господин! — сказал он, глядя снизу вверх. — Я... я не нахожу слов!

Что вызвало новый взрыв смеха у тех, кто знал этого человека.

— Тем не менее, — прибавил Карулл, поднимая руку, — я должен задать один вопрос.

— Без слов? — спросила Стилиана Далейна из-за спины мужа. Это было ее первое замечание, произнесенное тихим голосом, но его услышали все. Некоторым людям нет нужды повышать голос, чтобы быть услышанными.

— Такими способностями я не обладаю, госпожа. Мне приходится пользоваться своим языком, хотя и не так искусно, как

это делают мои начальники. Я только хотел спросить, нельзя ли отказаться от этого повышения?

Воцарилось молчание. Леонт заморгал.

— Вот так сюрприз, — сказал он. — Я думал, что... — Он не закончил предложения.

— Мой дорогой господин, мой командир, если ты хочешь наградить недостойного солдата, то позволь ему в своем прежнем звании сражаться рядом с тобой в следующей кампании. Я не считаю, что скажу нечто неуместное, если выскажу предположение, что Кализий после подписания вечного мира на востоке не станет местом проведения такой кампании. Нет ли где-нибудь на... на западе места, где я мог бы служить вместе с тобой, мой стратиг?

При упоминании о Бассании Рустем услышал, как стоящий рядом с ним сенатор смущенно шевельнулся и тихо прочистил горло. Но пока ничего примечательного не было сказано. Пока.

Теперь стратиг слегка улыбался, самообладание вернулось к нему. Он протянул руку и почти отцовским жестом взъерошил волосы стоящего перед ним на коленях солдата. Говорят, подчиненные его любят как бога.

— Пока не объявлено ни о какой кампании, килиарх. И не в моих правилах посылать только что женившихся офицеров на фронт, когда есть другие возможности, а они есть всегда.

— Значит, я могу остаться с тобой, поскольку нет фронта военных действий, — сказал Карулл и невинно улыбнулся. Рустем фыркнул — этот человек обнаглел.

— Заткнись, идиот! — Все в комнате услышали рыжеволосого мозаичника. Это подтвердил взрыв хохота. Разумеется, это было сделано намеренно. Рустем уже начал понимать, как много из сказанного и сделанного было тщательно спланировано или явилось результатом умной импровизации, как в театре. Сарантий, решил он, это сцена для представлений. Неудивительно, что актриса может обладать здесь такой огромной властью и собрать в своем доме стольких известных людей. Или стать императрицей, если уж на то пошло. В Бассании такое немыслимо, конечно. Совершенно немыслимо.

Стратиг уже опять улыбался. Рустем подумал, что этот человек чувствует себя совершенно свободно, уверенный в своем боге и в себе самом. Добродетельный человек. Леонт взглянул на мозаичника и поднял чашу, приветствуя его.

— Хороший совет, солдат, — сказал он Каруллу, все еще

стоящему перед ним на коленях. — Ты почувствуешь разницу между жалованьем легата и килиарха. Теперь у тебя есть жена и очень скоро должны появиться здоровые дети, которых надо растить во славу Джада и ради служения ему.

Он немного поколебался.

— Если в этом году состоится кампания, — а позволь мне заверить тебя, что император пока ни словом об этом не обмолвился, — то она может начаться ради этой несчастной, несправедливо обиженной царицы антов, а это значит — в Батиаре. Туда я не возьму с собой новобрачного. Восток — вот где ты мне сейчас нужен, солдат, так что больше не будем об этом говорить.

«Это сказано напрямую, почти по-отечески, хотя стратиг не старше стоящего перед ним солдата», — подумал Рустем.

— Вставай, вставай, приведи свою молодую жену, чтобы мы могли приветствовать ее перед уходом.

— Я так и вижу, как Стилиана это делает, — тихо прошептал рядом с Рустемом сенатор.

— Тише, — вдруг произнесла его жена. — Смотри дальше.

Рустем тоже увидел.

Теперь вперед вышла чья-то грациозная фигурка, прошла мимо Стилианы Далейны, мгновение помедлив рядом с ней. Рустем надолго запомнил этих двух женщин, золотую рядом с золотой.

— Не может ли несчастная, несправедливо обиженная царица антов высказать по этому поводу свое мнение? Насчет начала войны в ее собственной стране от ее имени, — произнесла вновь прибывшая. Ее голос, говоривший по-сарантийски, но с западным акцентом, был чистым как колокольчик, в нем чувствовался гнев, и он прорезал комнату, как нож разрезает шелк.

Стратиг обернулся, явно пораженный, но поспешил это скрыть. Через мгновение он склонился в официальном поклоне. Его жена, как заметил Рустем, незаметно улыбнулась и с непревзойденной грацией опустилась на колени, и все в комнате последовали ее примеру.

Женщина помедлила, ожидая окончания этого приветствия. Ее не было на церемонии бракосочетания, наверное, она явилась только сейчас. Она также надела белую одежду, драгоценное ожерелье и столу. Ее волосы были собраны под мягкой темно-зеленой шапочкой, и когда она сбросила на руки служанки того же цвета плащ, стало видно, что сбоку по ее длинно-

му, до полу, одеянию тянется одна вертикальная полоса, и она пурпурного цвета, царского цвета во всем мире.

Когда гости с шелестом поднялись, Рустем увидел, что мозаичник и молодой человек из Батиары, который спас Рустема в то утро, остались стоять на коленях на полу в комнате танцовщицы. Коренастый юноша поднял глаза, и Рустем с изумлением увидел на его лице слезы.

— Царица антов, — шепнул ему на ухо сенатор. — Дочь Гилдриха. — Эти слова были лишними, они лишь подтвердили его догадку. Лекарь уже сделал вывод на основе собранных сведений. Об этой женщине говорили и в Сарнике, о ее осеннем бегстве от убийц, и отплытии в Сарантий, в ссылку. Заложница императора, повод для войны, если таковой ему понадобится.

Он услышал, как сенатор снова сказал что-то своему сыну. Клеандр что-то пробормотал, сердито и злобно, за его спиной, но вышел из комнаты, повинуясь отцовскому приказу. В данный момент мальчик едва ли имел значение. Рустем во все глаза смотрел на царицу антов, одинокую, оказавшуюся так далеко от своей родины. Она была спокойной, неожиданно юной, с царственной осанкой и стояла, оглядывая блестящую толпу сарантийцев. Но лекарь в Рустеме — а по сути своей он был лекарем — увидел в ясных голубых глазах северянки, стоящей в противоположном конце комнаты, что в ней скрыто еще кое-что.

— О господи! — прошептал он невольно и тут заметил, что жена Плавта Боноса снова смотрит на него.

* * *

Кирос знал, что еда для пиршества на пятьдесят человек не требовала от Струмоса особого напряжения сил, принимая во внимание, что они часто готовили на вчетверо большее количество людей в пиршественном зале Синих. Некоторые неудобства доставляла чужая кухня, но они побывали здесь за несколько дней до этого, и Кирос, которому давали все более ответственные поручения, провел инвентаризацию и проследил за необходимыми приготовлениями.

Почему-то он не заметил отсутствия морской соли и знал, что Струмос не скоро простит ему это. И повар, мягко выражаясь, не был склонен терпимо относиться к чужим ошибкам. Кирос сам сбегал бы в их лагерь за солью, но как раз бегать он не мог, потому что ему приходилось волочить больную ногу. Все

равно к тому времени он уже был занят овощами для своего супа, а у других поварят и кухонных слуг были свои обязанности. Вместо них за солью отправилась одна из служанок дома — хорошенькая темноволосая девушка, о которой говорили все остальные, когда ее не было рядом.

Кирос редко участвовал в подобной болтовне. Он держал свои желания при себе. Дело в том, что в последние несколько дней, со времени их первого посещения этого дома, он только и грезил о танцовщице, которая здесь жила. Возможно, это предательство по отношению к его собственной факции, но ни одна из танцовщиц Синих не двигалась, не пела и не выглядела так, как Ширин из факции Зеленых. Когда он слышал переливы ее смеха в соседней комнате, сердце его начинало биться быстрее, а мысли по ночам устремлялись в коридоры желания.

Но она оказывала такое действие на большинство мужчин в Городе, и Кирос это знал. Струмос заявил бы, что у него тривиальный вкус, слишком просто, никакой тонкости. Лучшая танцовщица в Сарантии? Вот уж оригинальный предмет страсти! Кирос так и слышал язвительный голос шефа и его насмешливые аплодисменты: тот имел привычку хлопать тыльной стороной одной руки о ладонь другой.

Пиршество почти закончилось. Кабан, начиненный дроздами, лесными голубями и перепелиными яйцами, поданный целиком на деревянном блюде, вызвал шумное одобрение, доносившееся даже до кухни. Ширин немного раньше прислала темноволосую девушку сообщить, что ее гости в полном восторге от осетра — короля всех рыб! — поданного на ложе из цветов, и от кролика с фигами и оливками из Сорийи. Еще раньше их хозяйка передала свое впечатление от супа. Точные слова, принесенные той же девушкой с ямочками от улыбки на щеках, гласили, что танцовщица Зеленых намеревается выйти замуж за человека, который его приготовил, еще до конца этого дня. Струмос ложкой указал на Кироса, и темноволосая девушка улыбнулась и подмигнула ему.

Кирос быстро нагнул голову над травами, которые нарезал, а вокруг раздались грубые шуточки. Больше всех старался его друг Разик. Он почувствовал, как у него загорелись кончики ушей, но упорно не поднимал глаз. Струмос, проходя мимо, дал ему легкий подзатыльник своей ложкой на длинной ручке: так шеф выражал свое одобрение и благосклонность. Струмос у себя на кухне сломал множество деревянных ложек. Если он

стукнул тебя так слабо, что ложка не сломалась, можно сделать вывод, что он доволен.

Кажется, морская соль забыта или его простили.

Ужин начался шумно, гости бурно обсуждали приезд и быстрый уход Верховного стратига и его жены вместе с молодой царицей с запада. Гизелла, царица антов, прибыла, чтобы присутствовать на пиршестве. Ее появления никто не ожидал, это был своего рода подарок Ширин остальным гостям — шанс поужинать в компании царицы. Но потом царица приняла приглашение стратига вернуться вместе с ним в Императорский квартал, чтобы там обсудить кое с кем проблему Батиары — в конце концов, это ведь ее собственная страна.

Это предложение подразумевало, — что не укрылось от присутствующих, а потом об этом рассказала очень заинтересованному Струмосу на кухне умная темноволосая девушка, — что «кое-кем» мог быть сам император.

Леонт выразил огорчение и удивление, сказала девушка, по поводу того, что с царицей не посоветовались и даже не известили ее об этом, и поклялся исправить это упущение. Он был потрясающе очарователен, прибавила девушка.

Поэтому в столовой за составленными буквой «П» столами совсем не оказалось высоких особ, только воспоминание о высокой особе и ее резком, укоризненном замечании в адрес самого важного солдата Империи. Струмос, узнав об отъезде царицы, был, естественно, разочарован, но потом вдруг впал в задумчивость. Кирос просто жалел, что ему не удалось ее увидеть. Иногда на кухне многое пропускаешь, доставляя удовольствие другим.

Служанки танцовщицы и нанятые ею на этот день слуги, а также мальчики, которых они привели с собой из лагеря, кажется, закончили убирать со стола. Струмос внимательно осмотрел их, когда они собрались теперь вместе, разглаживая туники, вытирая пятна со щек и с одежды.

Один высокий хорошо сложенный парень с очень черными волосами — Кирос его не знал — встретился с шефом глазами, когда Струмос остановился перед ним, и пробормотал со странной кривой улыбкой:

— Ты знаешь, что Лисипп вернулся?

Это было сказано тихо, но Кирос стоял рядом с поваром, и хотя он быстро отвернулся и занялся подносами с десертом, но слух у него был хороший.

Он услышал, как Струмос после паузы ответил лишь:

— Я не стану спрашивать, откуда тебе это известно. У тебя на лбу соус. Вытри его, перед тем как снова пойдешь в столовую.

Струмос прошел дальше вдоль шеренги. Кирос обнаружил, что ему трудно дышать. Лисиппа Кализийца, непомерно разжиревшего министра по налогам, после мятежа отправили в ссылку. Личные привычки Кализийца вызывали страх и отвращение, его именем пугали непослушных детей.

И еще до ссылки он был хозяином Струмоса.

Кирос бросил мимолетный взгляд на шефа, который расставлял последних мальчишек-слуг. Это просто слух, напомнил себе Кирос, и это известие, возможно, новость лишь для него, а не для Струмоса. В любом случае ему никак не понять, что это может означать, и его это никоим образом не касается. Но он встревожился.

Струмос закончил расставлять мальчиков в нужном порядке и послал их обратно к гостям с кувшинами подслащенного вина и огромным выбором десертов: кунжутными кексами, засахаренными фруктами, рисовым пудингом в меду, мускусной дыней, мочеными грушами, финиками и изюмом, миндалем и каштанами, виноградом в вине, и с огромными блюдами сыров — горных и равнинных, белых и золотистых, мягких и твердых — вместе с медом, чтобы в него макать сыр, а также с собственным ореховым хлебом. Специально испеченный круглый хлеб поднесли жениху и невесте. В нем были запечены два серебряных кольца — подарок от Струмоса.

Когда последнее блюдо, поднос, бутылку, кувшин вынесли в столовую и из столовой не донеслось никаких звуков, говорящих о катастрофе, Струмос наконец позволил себе сесть на табурет и поставить перед собой чашу с вином. Он не улыбался, но положил свою деревянную ложку. Искоса наблюдая за ним, Кирос вздохнул. Все они знали, что означала эта положенная на стол ложка. Он позволил себе расслабиться.

— Полагаю, — обратился Струмос ко всем находящимся в кухне, — что мы сделали достаточно, чтобы остаток свадебного дня прошел весело и ночь была такой, как следует. — Он цитировал какого-то поэта. Он часто их цитировал. Встретив взгляд Кироса, Струмос тихо прибавил: — Слухи о Лисиппе вскипают, подобно пузырькам в молоке, слишком часто. Пока император не вернет его из ссылки, его здесь не будет.

Это значило — он понял, что Кирос услышал те слова. От него ничто не может укрыться, от Струмоса. Повар отвел взгляд и обвел глазами тесную кухню. И сказал уже громче:

— Вы все проделали достойную работу. Танцовщица должна остаться довольной.

* * *

— Она просит передать тебе, что, если ты сейчас же не придешь к ней на помощь, она закричит на своем собственном пиршестве и обвинит в этом тебя. Ты понимаешь, — молча прибавила птица, *— что мне не нравится, когда меня заставляют разговаривать с тобой вот так. Это неестественно.*

«Как будто в этих молчаливых разговорах есть хоть что-то естественное», — подумал Криспин, пытаясь сосредоточиться на беседе с окружающими его людьми.

Он слышал птицу Ширин так же ясно, как раньше слышал Линон, если только они с танцовщицей находились достаточно близко друг от друга. На расстоянии беззвучный голос Данис слабел, а потом исчезал. Ни одной мысли, посланной им птице, ни она, ни Ширин не слышали. Собственно говоря, Данис права. Это действительно неестественно.

Большинство гостей вернулись в гостиную Ширин. На востоке не соблюдали родианскую традицию оставаться за столом или на ложе на старомодных пиршествах. Когда все было съедено и допиты последние чаши разбавленного или подслащенного медом вина, сарантийцы имели обыкновение вставать из-за стола, иногда пошатываясь.

Криспин оглядел комнату и не смог сдержать усмешку. Он быстро прикрыл ладонью рот. Ширин, на шее которой висела птица, прижал к стене между красивым сундуком из дерева и бронзы и большой декоративной вазой секретарь Верховного стратига. Пертений размахивал руками в приступе красноречия и не обращал никакого внимания на ее попытки вырваться и вернуться к гостям.

Она самостоятельная, опытная женщина, весело решил Криспин. Может справиться со своими поклонниками, нравятся они ей или нет. Он снова стал слушать беседу между Скортием и мускулистым возничим Зеленых, Кресензом, которые обсуждали варианты расположения коней в квадриге. Карулл оставил свою молодую жену и жадно ловил каждое слово, как и

многие другие гости. Сезон гонок должен был вот-вот начаться. Эта дискуссия заметно подогревала аппетиты. Святых и возничих почитают в Сарантии больше всех остальных. Криспин вспомнил, что слышал об этом еще до того, как отправился в путешествие. Он уже понял, что это правда — по крайней мере, в отношении возничих.

Неподалеку от них стояла Касия в компании двух-трех молодых танцовщиц Зеленых. Варгос держался поблизости, оберегая ее. Наверное, танцовщицы дразнили ее разговорами о предстоящей брачной ночи, это входило в свадебную традицию. Но подобные шуточки, должно быть, звучат ужасно для этой новобрачной. Криспину пришло в голову, что ему самому следует подойти и как следует поздравить ее.

— Теперь она говорит, что предложит тебе такие удовольствия, какие ты только можешь себе представить, если ты всего лишь подойдешь к ней, — внезапно произнесла птица танцовщицы у него в голове. Потом прибавила: *— Терпеть не могу, когда она это делает.*

Криспин громко рассмеялся, и те, кто слушал спор, стоя рядом с ним, с любопытством посмотрели на него. Криспин превратил смех в кашель и снова посмотрел в дальний конец комнаты. Рот Ширин застыл в улыбке. Их взгляды встретились через плечо худого бледного секретаря. Взгляд Ширин был убийственным. Он вовсе не сулил наслаждения, ни плотского, ни духовного. Криспин с опозданием понял, что Пертений, должно быть, сильно пьян. Это его тоже позабавило. Секретарь Леонта обычно владел собой лучше всех.

Все равно Ширин справится, решил он. Все это очень забавно, собственно говоря. Он поднял руку и приветливо помахал танцовщице, а потом снова повернулся к спорящим.

Они с дочерью Зотика достигли понимания, основанного на его способности слышать птицу и на том, что он рассказал ей о Линон. Она спросила его тогда, в тот холодный осенний день, — кажется, это было так давно! — означает ли то, как он поступил с птицей, что она тоже должна отпустить Данис таким же образом. На это он не смог ответить. Последовало молчание, которое Криспин понял, а потом услышал, как птица тихо сказала у него в голове: «*Если мне это надоест, я тебе скажу. Обещаю. Если это произойдет, отнеси меня назад*».

Криспин тогда содрогнулся, вспомнив поляну, где Линон отдала свою душу и спасла им жизнь в тумане полумира. Отне-

сти одну из птиц алхимика назад в Древнюю Чащу было бы непростым делом, но он ни тогда, ни потом ничего об этом не сказал.

Даже когда Ширин пришло письмо от Мартиниана и она послала за Криспином в Святилище. Он пришел и прочел письмо. По-видимому, Зотик оставил инструкции своему старому другу: если он не вернется из неожиданного осеннего путешествия к середине зимы или не пришлет весточку, Мартиниан должен действовать так, словно он умер, и разделить наследство алхимика в соответствии с оставленными распоряжениями. О слугах он позаботился, некоторые названные им предметы и документы сожгли.

Дом неподалеку от Варены и все, что в нем осталось, он оставил своей дочери Ширин, чтобы она распорядилась им так, как сочтет нужным.

— Почему он это сделал? Что мне делать с домом в Батиаре, во имя Джада? — воскликнула девушка, обращаясь к Криспину. Они сидели в ее гостиной, а птица лежала на сундуке у очага.

Она была сбита с толку и расстроена. Криспин знал, что она никогда в жизни не встречалась с отцом. И не была его единственным ребенком.

— Продай его, — посоветовал он. — Мартиниан для тебя это сделает. Он самый честный человек в мире.

— Почему отец оставил дом мне? — спросила она.

Криспин пожал плечами:

— Я его совсем не знал.

— Почему они считают, что он умер? Куда он отправился?

Ему казалось, что он знает ответ на этот вопрос. Это была не сложная головоломка, но, зная ответ, жить было не легче. Мартиниан писал, что Зотик внезапно отправился поздней осенью в путешествие в Саврадию. Криспин раньше написал алхимику о Линон и описал ему то, что случилось на поляне, в осторожных выражениях, намеками.

Зотик должен был понять, что произошло, и даже больше, чем понял Криспин. Он был совершенно уверен, куда отправился отец Ширин. И с большой вероятностью мог предположить, что случилось, когда он туда добрался.

Он не стал рассказывать об этом девушке. Унес эти непростые мысли на зимний холод и под косой дождь, а потом вечером хорошенько напился в «Спине», а после — в более тихой таверне. Приставленные к нему стражники следовали за ним,

охраняя ценного императорского художника-мозаичника от возможных опасностей. От опасностей этого мира. Существуют и другие опасности. Вино не произвело того эффекта, которого он ожидал. Воспоминанию о «зубире», о его темной громадной туше, по-видимому, навсегда суждено остаться с ним.

Сама Ширин возвращала ему душевное равновесие. Он пришел к этой мысли в течение зимы. Он представлял себе ее смех, быстрые, как у колибри, движения, а ее ум и щедрость были необычными для столь прославленной женщины. Она даже не могла выйти из дома в Город без наемных телохранителей, которые отгоняли от нее поклонников.

Оказалось — и он узнал об этом только сегодня, — что у танцовщицы завязались какие-то отношения с Гизеллой, молодой царицей антов. Он понятия не имел, когда это началось. Они ему, разумеется, ничего не сказали. Женщины, которых он здесь знал, были... непростыми.

Где-то в середине дня наступил такой момент, когда Криспин остро осознал присутствие в комнате четырех женщин, которые недавно установили с ним довольно близкие отношения: царица, танцовщица, замужняя аристократка... И та, которую он вызволил из рабства, сегодняшняя невеста.

Только одна Касия тронула его душу, подумал он, своей нежностью в ту ветреную, черную, полную ночных кошмаров ночь в Саврадии. От этого воспоминания ему стало не по себе. В ушах у него еще стоял стук ставня на ветру за окном, он помнил Иландру в своем сне и стоящего между ними «зубира», который затем исчез. Он проснулся и закричал, и Касия оказалась рядом с ним в постели в той холодной комнате, она звала его.

Он посмотрел на нее, только что ставшую женой его самого близкого здесь друга, а потом быстро отвел взгляд, когда увидел, что она тоже смотрит на него.

И это также было эхом другого обмена взглядами, в тот же день, но раньше, с другой женщиной.

В тот момент, когда Золотой Леонт разговаривал с Карулом и гости ловили его слова, словно слова проповеди, Криспин не смог удержаться и взглянул на еще одну недавнюю новобрачную.

«Его награда» — так назвала себя Стилиана прошлой осенью в полумраке комнаты Криспина. Сейчас, слушая Леонта, Криспин кое-что понял, вспомнив откровенные слова стратига и его поведение в Аттенинском дворце в ту ночь, когда Крис-

пин в первый раз явился туда. Леонт разговаривал с придворными с солдатской прямотой, а с солдатами и простыми гражданами — с благосклонностью придворного, и у него это очень хорошо получалось.

Это безупречное сочетание обаяния, благочестия и открытости захватило и удерживало внимание смешанного сборища, словно осажденную крепость. И тут Криспин заметил, что Стилиана Далейна смотрит на него и словно ждет, когда он посмотрит на нее.

Она слегка приподняла плечи, грациозно, словно хотела без слов сказать: «Теперь видишь? Я живу с этим совершенством в качестве украшения». И Криспин смог выдержать взгляд этих голубых глаз всего одну секунду, а потом вынужден был отвернуться.

Гизелла, его царица, пробыла так недолго, что даже не успела заметить его среди присутствующих, не то что снова разыграть якобы существующие между ними близкие отношения. Он дважды навещал ее за зиму — когда ему приказывали — в маленьком дворце у городских стен, и каждый раз царица вела себя по-царски холодно, равнодушно. Они не высказывали своих мыслей или догадок по поводу их страны и вторжения. Она еще не получила личной аудиенции у императора. Или у императрицы. Он видел, что ее нервирует эта жизнь почти без вестей из дома и без какой-либо возможности что-то сделать, чего-то добиться.

Криспин безуспешно пытался представить себе, как прошла бы встреча между императрицей Аликсаной и юной царицей, которая послала его сюда с тайным поручением полгода тому назад, осенью. Как и о чем они могли бы беседовать.

Теперь, в гостиной Ширин, когда мир стоял на пороге весны, его мысли вернулись к новобрачной. Он вспомнил, как впервые увидел ее в прихожей постоялого двора Моракса. «Завтра меня собираются убить. Пожалуйста, увези меня отсюда».

Он все еще чувствовал себя ответственным за нее: это бремя сваливается на тебя, когда спасаешь человека, и полностью меняет жизнь. В те дни, когда они жили вместе с ней, Варгосом и слугами, которых прислали евнухи канцлера, она обычно смотрела на него, и в ее глазах было полно вопросов, которые повергали его в глубокое смущение. А потом однажды ночью Карулл нашел его за вином в «Спине» и объявил, что собирается жениться на ней.

Это заявление собрало их всех сегодня здесь, и свадьба постепенно приближалась к концу. Светало, скоро должны зазвучать старинные грубоватые песни, перед тем как новобрачные отправятся на свадебную постель под пологом, сбрызнутую шафраном, чтобы подогреть желание.

Он снова посмотрел в сторону Ширин, в дальний конец комнаты. И ухмыльнулся, увидев, что к Пертению присоединился еще один мужчина. Наверное, еще один страстный поклонник. В Городе их был легион. Можно было бы сформировать полк из тех, кто испытывал острое желание заполучить танцовщицу Зеленых. Они писали плохие стихи, по ночам посылали к ее дому музыкантов, затевали уличные драки, покупали у хиромантов любовные таблички и бросали их через стену в ее садик. Некоторые из табличек она показывала Криспину: «Духи недавно умерших, ушедших в странствие, придите мне на помощь! Пошлите убивающее сон, опустошающее душу томление в постель Ширин, танцовщицы Зеленых, чтобы все ее мысли во тьме устремились ко мне. Пусть она выйдет из своего дома в сумеречный час перед восходом солнца и смело, без стеснения, полная желания, придет в мой дом...»

Можно испугаться и встревожиться, читая подобные вещи.

Криспин никогда не прикасался к ней, и она не заигрывала с ним, не выходила за рамки шутливого флирта. Он не мог объяснить, почему, собственно говоря: они не были ни с кем связаны и ни с кем из живых людей не делились тайной полумира. Но что-то удерживало его, и он не мог смотреть на дочь Зотика определенным образом.

Возможно, дело было в птице, в памяти об ее отце, в мрачной сложности их общей тайны. Или в мысли о том, как она, должно быть, устала от преследующих ее мужчин: толпы потенциальных любовников на улице, эти каменные таблички в саду, взывающие к названным и неназванным языческим божествам только для того, чтобы переспать с ней.

Нет, Криспин вынужден был признать, что в данный момент он не радовался при виде того, как ее загнали в угол ухажеры в ее собственном доме. Третий мужчина присоединился к двум первым. «Интересно, — подумал он, — не начнется ли драка?»

— Она говорит, что убьет тебя сразу же после того, как убьет этих двух купцов и несчастного писаку, — произнесла пти-

ца. — *Говорит, чтобы я вопила у тебя в голове, когда буду передавать это.*

— Мой дражайший родианин, — в тот же момент с противоположной стороны раздался чей-то бархатный голос. — Как я понял, ты вмешался и спас этого гостя нашего города от беды. Это очень благородно с твоей стороны.

Криспин обернулся, увидел распорядителя Сената с женой и бассанида рядом с ними. Плавт Бонос был хорошо известен благодаря как своим слабостям, так и занимаемому им достойному месту в обществе. Сенат был чисто символическим органом, но говорили, что Бонос поддерживает в делах Сената порядок и стиль, а также что он человек благоразумный и осторожный. Его красивая вторая жена была безупречно добродетельна, еще молода, но скромна и полна чувства собственного достоинства не по годам. У Криспина промелькнула мысль: интересно, чем она себя утешает, когда ее муж проводит ночи с мальчиками? Ему трудно было представить себе, что она поддастся страстям. Сейчас она вежливо улыбалась двум стоящим поблизости возничим, которых окружали почитатели. Они оба поклонились ей и сенатору. Скортия это слегка отвлекло, и он продолжил нить своих аргументов только через несколько секунд.

Криспин видел, как Пардос отделился от толпы, окружавшей возничих, и подошел поближе. Он изменился за полгода, но в этом Криспин разберется, когда останется наедине со своим бывшим учеником. Однако он помнил, что испытал искреннюю радость, увидев именно Пардоса на лестнице сегодня утром.

Редко можно было найти искренность или испытать искренние чувства здесь, в лабиринте всяких сложностей в городе Валерия. Именно поэтому он по-прежнему предпочитал жить на своем помосте в вышине, с золотистой и разноцветной смальтой и картиной мира, которую предстояло создать. Ему этого хотелось, но он уже знал Город и себя самого достаточно хорошо и понимал, что это ему не удастся. Сарантий — не то место, где можно найти убежище, даже в погоне за мечтой. Мир здесь предъявляет на тебя свои права, втягивает в свой круговорот. Как сейчас.

Он почтительно кивнул Боносу и его жене и тихо ответил:

— Как я понимаю, у вас могут быть личные причины уладить это дело с лекарем. Счастлив передать его в ваши руки,

если наш восточный друг, — тут он вежливо взглянул на лекаря, — согласен с таким решением.

Бассанид, преждевременно поседевший, довольно чопорный человек, кивнул головой.

— Я удовлетворен, — сказал он на очень чистом сарантийском языке. — Сенатор был настолько щедр, что предложил мне жилье, пока я буду заниматься здесь своими научными исследованиями. Я предоставлю ему и людям более сведущим, чем я, в законах Сарантия решать, как следует поступить с теми, кто убил моего слугу.

Криспин сохранил невинное выражение лица и кивнул головой. Бассаниду дают взятку, конечно: дом — это первый взнос. Мальчишке отец назначит какое-нибудь наказание, мертвого слугу быстро похоронят в могиле за стенами города.

Ночью на могилу будут бросать таблички с заклятиями. Скоро начнется сезон гонок: хироманты и другие самозваные специалисты по связям с богами полумира уже составляют заклинания с пожеланиями несчастий коням и людям, а также защитные заклинания от этих пожеланий. Шарлатану могут заплатить за то, чтобы прославленная лошадь сломала ногу, а на следующий день — за то, чтобы обеспечить защиту того же самого животного. Место захоронения убитого язычника-бассанида, подумал Криспин, вероятно, будет считаться обладающим еще большей силой, чем обычные могилы.

— Правосудие свершится, — торжественно произнес Бонос.

— Я на это рассчитываю, — ответил бассанид. Он посмотрел на Пардоса. — Мы встретимся снова? Я перед тобой в долгу и хотел бы вознаградить тебя за храбрость.

«Чопорный человек, — подумал Криспин, — но достаточно учтивый, знает, что надо сказать».

— В этом нет необходимости, но меня зовут Пардос, — сказал молодой человек. — Меня легко будет найти в Святилище, если Криспин не убьет меня за то, что я выбрал неправильный угол для смальты.

— А ты не выбирай неправильный угол, — буркнул Криспин.

Губы сенатора дрогнули.

— Я — Рустем Керакекский, — представился бассанид, — приехал, чтобы встретиться со своими западными коллегами, поделиться знаниями и продолжить обучение, если смогу, чтобы лучше лечить своих пациентов. — Он поколебался, потом

впервые позволил себе улыбнуться. — Я уже путешествовал по востоку. Пора совершить путешествие на запад.

— Он будет жить в одном из моих домов, — сказал Плавт Бонос. — В доме с двумя круглыми окнами на улице Харделос. Это честь для нас, разумеется.

Криспина вдруг окатило волной холода. Казалось, в него проник порыв ветра, холодный, сырой воздух из полумира, который прикоснулся к его душе смертного.

— Рустем. Улица Харделос, — тупо повторил он.

— Ты ее знаешь? — улыбнулся сенатор.

— Я... слышал это название. — Он с трудом глотнул.

— *Ширин, не надо так говорить!* — услышал он внутри себя голос, все еще борясь с внезапным страхом. Последовало молчание, потом Данис снова заговорила: — *Не можешь же ты ждать от меня, чтобы...*

— Это приятный дом, — говорил сенатор. — Немного маловат для семьи, но находится рядом с городскими стенами, а это было удобно в те дни, когда я больше путешествовал.

Криспин рассеянно кивнул. Потом услышал:

— *Она велит сказать тебе, что ты должен представить себе ее руки прямо сейчас, когда стоишь перед этим потрепанным любителем мальчиков и его слишком чопорной женой. Думай о пальцах, которые забираются под твою тунику сзади, а потом спускаются по телу внутрь нижней одежды. Думай о них сейчас, как они легонько касаются твоего обнаженного тела, возбуждая тебя. Она велит сказать, что... Ширин! Нет!*

Криспин кашлянул. Он почувствовал, что краснеет. Слишком чопорная, как все считали, жена сенатора с легким интересом посмотрела на него. Криспин прочистил горло.

Сенатор, обладающий огромным опытом ведения бессмысленной беседы, продолжал говорить:

— Он, собственно говоря, находится очень близко от дворца Евстафия, того, который Сараний построил возле стен. Знаете, он любил охоту, и ему не хотелось долго ехать через город от Императорского квартала в погожее утро.

— *Она хочет, чтобы ты думал сейчас, стоя вместе с ними, о том, как она прикасается к тебе, как ее пальцы гладят твои самые нежные места, ниже, еще ниже, прямо на глазах у стоящей напротив тебя женщины, и она не может отвести взгляд, ее губы приоткрываются, глаза широко распахиваются.*

— В самом деле! — выдавил Криспин сдавленным голосом. — Любил охотиться! Да!

Пардос бросил на него удивленный взгляд.

— *Она... она говорит, что теперь ты чувствуешь спиной ее соски. Твердые, что свидетельствует о ее возбуждении. А что внизу... что она... Ширин, я наотрез отказываюсь это произносить!*

— И поэтому Сараний имел обыкновение проводить ночь в этом дворце, — говорил Плавт Бонос. — Брал с собой любимых спутников, нескольких девушек, когда был помоложе, и к восходу солнца уже выезжал за стены с луками и копьями.

— *Она говорит, что ее пальцы теперь касаются твоего... твоего... э... члена, сзади... э... гладят его и... э... скользят? Она говорит, что молодая жена сенатора смотрит на тебя с открытым ртом, когда твой твердый... Нет!*

Голос птицы перешел в беззвучный вопль, потом, к счастью, смолк. Криспин, пытаясь сохранить остатки самообладания, отчаянно надеялся, что никто не смотрит вниз, на его пах. Ширин! Да проклянет ее Джад!

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил бассанид. Выражение его лица изменилось; теперь оно выражало внимание, сочувствие и озабоченность. Лекарь. Возможно, теперь он посмотрит вниз, в отчаянии подумал Криспин. Жена сенатора продолжала пристально смотреть на него. К счастью, губы у нее приоткрылись.

— Мне... немного жарко, да, это несерьезно, я уверен. Очень надеюсь, что мы снова встретимся, — быстро произнес Криспин и поспешно поклонился. — Прошу всех меня простить... э... мне нужно заняться свадебными делами. Необходимо... кое-что обсудить.

— Какими делами? — спросил проклятый Карулл, отрывая взгляд от Скортия.

Криспин даже не потрудился ответить. Он уже шагал через комнату туда, где стройная женщина по-прежнему стояла у дальней стены. Фигуры троих мужчин почти скрывали ее от остальных.

— *Она велит передать тебе, что теперь навечно перед тобой в долгу,* — произнесла птица, когда он приблизился. — *Что ты герой, подобный героям былых времен, и что в нижней части твоей туники наблюдаются признаки беспорядка.*

На этот раз он услышал насмешку даже в тоне Данис: в том

единственном голосе, которым алхимик Зотик наделил все захваченные им души, в том числе и душу этой юной девушки, убитой, как и все они, давным-давно, осенним утром, на поляне в Саврадии.

Она смеется над ним.

Возможно, он и сам бы посмеялся, даже борясь со смущением, но произошло еще кое-что, а он не знал, как к этому отнестись. Более грубо, чем намеревался, он втиснулся между Пертением и толстым купцом — почти наверняка греческого происхождения, — стоящим слева. Они сердито уставились на него.

— Простите, друзья. Простите. Ширин, у нас маленькая проблема, ты не пойдешь со мной? — Он взял танцовщицу за локоть, не слишком ласково, и увел ее от стены, от окруживших ее мужчин.

— Проблема? — любезно переспросила Ширин. — О господи! Какая...

Пока они вместе шли через комнату, Криспин видел, что на них смотрят, и от всего сердца надеялся, что его туника к этому моменту приобрела пристойный вид. Ширин с непритворной радостью улыбалась гостям.

Не придумав ничего лучшего, сознавая, что он не в состоянии ясно соображать, Криспин повел ее в открытую дверь назад в столовую, где еще оставалось с полдесятка людей, а затем дальше, на кухню.

Они остановились прямо у дверей: две одетые в белое фигуры среди послепиршественного беспорядка и хаоса кухни, усталых поваров и подавальщиков. Когда их увидели, разговоры смолкли.

— Приветствую! — весело воскликнула Ширин, так как Криспин лишился дара речи.

— И вас тоже, — ответил маленький пухлый круглолицый человек, которого Криспин впервые встретил перед рассветом на кухне, несколько большей по размерам, чем эта. В ту ночь погибли люди. Было покушение на жизнь самого Криспина. Он помнил, как Струмос держал в руке кухонный нож с толстой ручкой, готовый вонзить его в любого вторгшегося в его владения.

Сейчас повар улыбался. Он встал с табурета и подошел к ним.

— Мы угодили тебе, моя госпожа?

— Ты знаешь, что угодили, — ответила Ширин. — Что мне предложить тебе, чтобы ты перебрался жить ко мне? — Она тоже улыбалась.

Струмос кисло посмотрел на нее:

— В действительности я собирался предложить тебе то же самое.

Она подняла брови.

— Здесь очень тесно, — сказал повар, жестом обводя нагромождение приборов и тарелок и множество людей, стоящих на кухне. Хозяйка и гость последовали за ним в меньшую комнату, где хранились продукты и блюда. Здесь была еще одна дверь, выходящая на внутренний двор. Но на улице стало слишком холодно. Солнце садилось на западе, темнело. Струмос захлопнул двери на кухню. Внезапно стало тихо. Криспин прислонился спиной к стене. Он на мгновение прикрыл глаза, потом снова открыл, пожалел, что не догадался прихватить чашу с вином. Два имени эхом отдавались в его голове.

Ширин застенчиво улыбнулась маленькому повару.

— Что скажут о нас люди? Ты делаешь мне предложение как раз тогда, когда я стараюсь тебя завоевать, дорогой мой?

— Для пользы дела, — серьезно ответил повар. — Сколько должны заплатить тебе Синие, чтобы ты стала их первой танцовщицей?

— А! — ответила Ширин. Улыбка ее погасла. Она взглянула на Криспина. Потом снова на повара. Затем покачала головой. — Это невозможно, — прошептала она.

— Ни за какую цену? Асторг щедр.

— Я понимаю. Надеюсь, он платит тебе столько, сколько ты заслуживаешь.

Повар поколебался, потом откровенно назвал сумму.

— Надеюсь, Зеленые платят тебе не меньше.

Ширин смотрела в пол, и Криспин видел, что она смущена. Не глядя в глаза Струмосу, она только и сказала:

— Не меньше.

Понятно, что она подразумевала, хоть и не высказала вслух. Струмос покраснел. Воцарилось молчание.

— Ну, — сказал он с иронией, — это только справедливо. Главная танцовщица более... выдающаяся фигура, чем повар. Она больше на виду. Другой уровень славы.

— Но не более талантлива, — возразила Ширин, поднимая глаза. Она тронула маленького человечка за плечо: — Для меня

это не вопрос оплаты. Это... нечто другое. — Она помолчала, прикусила губу, потом сказала: — Императрица, когда послала мне свои духи, дала понять, что я могу пользоваться ими только до тех пор, пока остаюсь у Зеленых. Это было сразу после того, как от нас ушел Скортий.

Молчание.

— Понимаю, — тихо сказал Струмос. — Равновесие между факциями? Она... они очень умны, не так ли?

Тут Криспин хотел что-то сказать, но промолчал. «Очень умны» — тем не менее не слишком подходящая фраза. Она почти ничего не выражает. Он был уверен, что этот ход придумала исключительно Аликсана. У императора не хватает терпения на дела факций, это всем известно. Это чуть не стоило ему трона во время мятежа, как рассказывал Скортий. Но императрица, которая была танцовщицей Синих в молодости, чувствует такие тонкости, как никто другой в Императорском квартале. И если Синие позволили переманить лучшего возничего современности, то Зеленые должны сохранить самую прославленную танцовщицу. Духи — никому в Империи не позволено пользоваться ими — и связанное с ними условие — это ее способ удостовериться, что Ширин это знает.

— Жаль, — задумчиво произнес маленький повар, — но, наверное, в этом есть смысл. Если смотреть на всех нас сверху.

Криспин подумал, что примерно так и есть.

Струмос сменил тему:

— Вы пришли на кухню не без причины?

— Чтобы поздравить тебя, конечно, — быстро ответила Ширин.

Повар переводил взгляд с одного собеседника на другого. Криспину все еще было трудно сосредоточиться. Струмос слегка улыбнулся:

— Я вас оставлю на минутку вдвоем. Между прочим, если тебе действительно нужен тот парень, который сегодня варил суп, он будет готов к самостоятельной работе ближе к концу года. Его зовут Кирос. Тот, у кого больная нога. Молодой, но очень многообещающий парень, и умный.

— Я запомню, — ответила Ширин и улыбнулась в ответ.

Струмос ушел на кухню. И закрыл за собой дверь.

Ширин взглянула на Криспина.

— Спасибо, — сказала она. — Ты негодяй.

— Ты мне отомстила, — вздохнул он. — Половина гостей

запомнит меня в виде какого-то языческого бога плодородия, готового к действию.

Она рассмеялась:

— Тебе это полезно. Слишком многие тебя боятся.

— Только не ты, — рассеянно ответил он.

Выражение ее лица изменилось, она пристально посмотрела на него.

— Что случилось? Ты плохо выглядишь. Неужели я...

Он покачал головой.

— Не ты. Это твой отец. — Он вздохнул.

— Мой отец умер, — сказала Ширин.

— Знаю. Но полгода назад он назвал мне имена двух человек, которые, по его словам, могут помочь мне в Сарантии. Одно имя — твое.

Теперь она не отрывала от него взгляда.

— А еще?

— А второе было именем лекаря, с указанием улицы и дома, где я могу его найти.

— Доктора полезны.

Криспин еще раз глубоко вздохнул:

— Ширин, человек, которого он назвал мне осенью, только сегодня утром прибыл в Сарантий, и ему предложили жилье на указанной улице сегодня, только что, здесь, в твоем доме.

Дочь алхимика тихо охнула.

Последовало молчание. И они оба услышали голос.

— *Но почему вас это так тревожит?* — спросила Данис. — *Вам должно быть известно, что он умел делать подобные вещи.*

Конечно, это правда. Они действительно знали это. Данис сама служила тому доказательством. Они слышали внутренний голос искусственной птицы, которая была душой убитой женщины. Какое нужно еще доказательство могущества? Но есть разное знание у этих границ полумира, а Криспин точно помнил, как Зотик сказал, что не умеет предсказывать будущее, когда он спросил его об этом. Солгал ли он? Возможно. Почему он должен был сказать правду сердитому мозаичнику, которого почти не знал?

Но почему тогда он отдал этому незнакомцу самую первую из сделанных им птиц, самую дорогую для него?

«Мертвые остаются с нами», — подумал Криспин.

Он посмотрел на Ширин и ее птицу и вспомнил о жене. Он вдруг осознал, что уже несколько дней не вспоминал об Иланд-

ре, чего раньше никогда не случалось. Он ощутил грусть и смятение и почувствовал, что выпил слишком много вина.

— Нам лучше вернуться, — сказала Ширин. — Наверное, уже наступило время провожать новобрачных в постель.

Криспин кивнул:

— Наверное.

Она прикоснулась к его руке и открыла дверь в кухню. Они снова вышли к гостям.

Немного позже Криспин оказался на темнеющей улице в окружении факелов, музыкантов и непристойных песенок, в компании солдат, людей из театра и обычных зевак, которые примкнули к шумной процессии, провожающей Карулла и Касию в их новый дом. Все колотили во что попало, пели, кричали. Гремел хохот. Конечно, шум — это хорошо: он отпугивает злых духов, которые могут навредить брачному ложу. Криспин попытался присоединиться к общему веселью, но не смог. Кажется, никто этого не заметил. Спускалась ночь, и все остальные достаточно громко шумели. Интересно, подумал он, как относится ко всему этому Касия?

Он поцеловал новобрачных, обоих, у входа в дом. Карулл снял апартаменты в хорошем квартале. Друг, теперь ставший офицером высокого ранга, крепко прижал к себе Криспина, и Криспин ответил ему тем же. Он понимал, что и он, и Карулл не совсем трезвы. Когда он нагнулся к Касии, то почувствовал нечто новое и почти неуловимое, а потом испытал шок, когда понял, что это: запах духов, тех самых, которые разрешены только императрице и танцовщице.

Касия увидела в темноте выражение его лица. Они стояли очень близко.

— Она сказала, что это последний подарок, — застенчиво шепнула Касия.

Он способен это понять. Это в духе Ширин. Касия на эту ночь уподобится особе царской крови. Теперь его окатила волна нежности к этой девушке.

— Да благоволит к тебе Джад, а твои боги защищают тебя, — горячо прошептал он. — Ты спаслась из могилы не для печали.

Он не мог знать, правда ли это, но он хотел этого. Она прикусила губу, глядя на него снизу вверх, но ничего не ответила. Криспин отступил назад. Пардос и Варгос стояли рядом. Похолодало.

Он остановился рядом с Ширин и приподнял брови.

— Рискованный подарок? — спросил он.

Она поняла, о чем он говорит.

— Всего на одну ночь, — тихо ответила она. — В спальне первой брачной ночи. Пусть она будет императрицей. Пусть он обнимает императрицу.

«А те, кто обнимает тебя, тоже обнимают императрицу?» — внезапно подумал он, но не произнес вслух. Но, должно быть, эта мысль отразилась на его лице, так как Ширин резко отвела взгляд, не зная, что ответить. Он подошел к Пардосу. Они смотрели, как новобрачные стоят на пороге своего дома под градом шуток и приветственных возгласов.

— Пошли, — сказал Криспин.

— *Погоди!* — произнесла птица.

Он оглянулся. Ширин, накинувшая плащ с капюшоном, в темноте снова подошла к нему и положила на его локоть руку. И попросила так, чтобы окружающие слышали:

— Я хочу попросить тебя о последней услуге. Не проводишь до дома одного моего дорогого друга? Он слегка... не в форме, а отвлекать солдат от праздника сейчас будет несправедливо.

Криспин посмотрел поверх ее головы. Неуверенно покачиваясь, с широкой, совершенно не свойственной ему улыбкой на лице, с остекленевшими глазами, словно изображение на иконе из эмали какого-то святого, стоял Пертений Евбульский.

— Конечно! — ровным голосом ответил Криспин. Ширин улыбнулась. К ней очень быстро вернулось самообладание. Она была актрисой, танцовщицей, прошла хорошую школу.

— *Она говорит, что ты не должен пользоваться жалким состоянием этого человека и сексуально домогаться его.* — Даже эта проклятая птица опять насмехается над ним. Криспин заскрипел зубами и ничего не ответил. Карулл и Касия скрылись в доме под последние непристойные выкрики музыкантов и солдат.

— Нет-нет-нет! — произнес секретарь, слишком быстро шагнув из-за спины Ширин. — Дорогая моя! Я в полном порядке, в полном! Собственно говоря, я... я сам провожу тебя домой! Почту за честь!

Варгосу, оказавшемуся ближе всех, удалось подхватить секретаря, раньше чем тот упал, демонстрируя свое отличное состояние.

Криспин вздохнул. Этому парню действительно нужен про-

вожатый, и Ширин права насчет солдат, которые все пьяны не меньше секретаря и громко заявляют о намерении продолжить праздник в честь новоявленного килиарха сарантийской армии.

Он отослал Варгоса с Пардосом назад в свой дом и двинулся — по необходимости медленно — вместе с секретарем к жилищу Пертения, находящемуся рядом с городской резиденцией стратига. Ему не нужно было показывать дорогу: кроме отданного в его распоряжение целого крыла в одном из дворцов Императорского квартала, Леонт владел одним из самых больших особняков в Сарантии. Он случайно оказался недалеко от дома самого Криспина, и отсюда дорога к нему поднималась вверх по холму. Ширин, конечно, об этом знала. Ему пришло в голову, что она действительно одержала верх во всех их сегодняшних стычках. Вероятно, его это должно было раздражать сильнее. Но он все еще был растроган ее поступком с духами.

Держа в руке факел, он оглянулся через плечо и убедился, что танцовщица Зеленых не испытывает недостатка в желающих проводить ее до дома, находящегося совсем рядом.

Было холодно. Он, конечно, не догадался прихватить плащ, так как безумно спешил переодеться и вовремя успеть на свадьбу.

— Проклятый Джад! — тихо выругался он.

Пертений хихикнул и чуть не упал.

— Проклятый! — согласился он, снова хихикнул, словно поражаясь самому себе. Криспин фыркнул; обычно владеющие собой люди становятся забавными в пьяном виде.

Он придержал секретаря за локоть. Они шли вперед, как кузены, как братья, в белых одеждах под белой луной. Иногда краем глаза Криспин замечал, как на улице мелькают и исчезают язычки пламени. Ночью в Сарантии их всегда видят; никто даже не говорит о них, прожив в Городе какое-то время.

Немного позже, когда они прошли мимо задней стены Святилища и свернули на широкую улицу, которая должна была привести их к дому секретаря, они увидели перед собой роскошные носилки с задернутыми занавесками. Тем не менее они оба знали, где находятся и кто почти наверняка сидит внутри.

Но оба ничего не сказали, только Пертений вдруг глубоко вдохнул холодный ночной воздух, расправил плечи и прошел самостоятельно несколько шагов с преувеличенной торжественностью. Но потом опять споткнулся и принял поддерживающую руку Криспина. Они миновали часового городской

префектуры и серьезно кивнули ему — два подвыпивших человека, оказавшихся на улице позднее, чем требовала безопасность, но хорошо одетых, как и подобает в этом квартале. Они увидели, как впереди носилки внесли в залитый светом факелов двор, ворота которого распахнули слуги, а потом быстро закрыли.

Голубая луна теперь поднялась над домами в виде полумесяца. Слабая белая огненная линия пробежала поперек переулка в том месте, где он встретился с более широкой улицей, а потом исчезла.

— Ты должен зайти! — сказал Пертений Евбульский, когда они миновали массивный каменный дом и закрытые ворота, куда впустили носилки, и подошли к его двери. — Это случай поговорить. Вдали от уличной толпы, от солдат. От актеров. Невежественный сброд.

— О нет, — возразил Криспин. Ему удалось улыбнуться. Было нечто жалкое и смешное в этом человеке, который говорил таким тоном в его теперешнем состоянии. — Нам обоим нужно поспать, друг. — Он тоже чувствовал влияние вина и других вещей. Неспокойная весна. Ночь. Свадьба. Присутствие прошлого. Не с этим человеком ему хотелось бы побыть сейчас. Он не знал, с каким именно.

— Должен! — настаивал секретарь. — Поговорить. Моя задача. Писать о сооружениях императора, о Святилище. О твоей работе. Вопросы! Почему зубр? Эти женщины? На куполе? Почему так много... так много тебя, родианин? — Его взгляд при лунном свете на какой-то момент стал пугающе прямым, его даже можно было назвать ясным.

Криспин моргнул. Он не ожидал такого от этого человека в этот момент. После долгого колебания, мысленно пожав плечами, он подошел к двери вместе с секретарем Леонта и вошел, когда слуга впустил их. Пертений споткнулся на собственном пороге, но потом, тяжело ступая, повел его наверх по лестнице. Криспин услышал, как внизу закрылась дверь.

За их спинами на ночных улицах Города язычки пламени появлялись и исчезали, как всегда, видимые или невидимые. Их не зажигали ни искры, ни свечи, они были непостижимы, как залитое луной море или желания мужчин и женщин между рождением и смертью.

Глава 5

Первое, что стало ясно Гизелле, когда она, стратиг и его восхитительно высокомерная супруга явились к императору и императрице Сарантия, — их ждали.

Она не должна была догадаться об этом, поняла Гизелла. Они хотели, чтобы она поверила, будто Леонт повиновался внезапному порыву, пригласив ее сюда, и это стало для Валерия и Аликсаны неожиданностью. Она должна была оставаться в заблуждении, осмелеть, делать ошибки. Но она прожила при дворе всю жизнь, и что бы там эти высокомерные восточные правители ни думали об антах в Батиаре, между ее дворцовым комплексом в Варене и здешним Императорским кварталом было столько же сходства, сколько и различия.

Быстро взвесив возможные варианты, пока музыканты опустили инструменты, а император и очень небольшая группа придворных повернулись к ней, Гизелла предпочла выполнить полный придворный поклон, коснувшись лбом пола. Валерий, гладко выбритый, вежливый, с добродушным лицом, посмотрел на Леонта, потом снова на Гизеллу, когда она поднялась. Его губы неуверенно сложились в приветливую улыбку. Аликсана, которая сидела на стуле из слоновой кости с низкой спинкой, одетая в темно-красное платье и украшенная драгоценностями, одарила ее милостивой улыбкой.

И именно от непринужденности этих двоих, от легкости этого общего обмана, Гизелле вдруг стало страшно, словно стены этой теплой комнаты рухнули и за ними открылось бескрайнее холодное море.

Полгода назад Гизелла послала к этому человеку художника с предложением своей руки. Эта женщина, императрица, знала об этом. Художник ей рассказал. Они оба предвидели это или догадались, сказал Кай Криспин, еще до того, как он заговорил с ними. Гизелла ему верила. Видя их сейчас, видя, как император притворяется удивленным, а Аликсана создает иллюзию радушного гостеприимства, она ему поверила безоговорочно.

— Прости нас, о трижды возвышенный, за это непредусмотренное вторжение, — быстро произнес Леонт. — Я привел к тебе особу царской крови, царицу антов. По моему мнению, давно пора ей появиться среди нас. Готов признать свою вину, если я ошибся.

Он говорил прямо, без околичностей. Ни следа тех учтивых, обходительных манер придворного или того тона, которые он демонстрировал в доме танцовщицы. Но он-то должен знать, что его поступок не был неожиданным? Или она ошибается? Гизелла украдкой бросила быстрый взгляд на Стилиану Далейну, но на этом лице ничего невозможно было прочесть.

Император рассеянно взмахнул рукой, и слуги поспешили предложить обеим женщинам сиденья. Стилиана слегка улыбалась себе самой, потешаясь чему-то втайне. Она прошла через комнату и приняла чашу вина и стул.

Гизелла тоже села. Она смотрела на императрицу. При этом она чувствовала слабый, но подлинный ужас по поводу своей безумной ошибки, совершенной год назад. Она тогда предположила, что от этой женщины — старой, бездетной, наверняка уже потрепанной жизнью и надоевшей — захотят избавиться.

Безумной — не совсем подходящее слово. Аликсана Сарантийская, словно гладкая, отполированная жемчужина, так и излучала свет, который отражался в драгоценностях и в ее темных глазах. В ней тоже чувствовалась насмешка, но совсем другого сорта, чем у жены стратига.

— Это не вторжение, Леонт, — тихо заговорила она первой. Голос у нее был низкий, медоточивый, спокойный. — Вы трое оказали нам честь. Вы пришли со свадьбы, как я вижу. Выпейте вина и послушайте музыку вместе с нами, а потом расскажите о свадьбе, прошу вас.

— Пожалуйста, — серьезно прибавил Валерий Второй, властелин половины мира. — Считайте себя приглашенными и почетными гостями.

Они безупречны, эти двое. Гизелла приняла решение.

Не обращая внимания на предложенную чашу, она плавно поднялась со стула, сжала ладони перед грудью и тихо произнесла:

— Император и императрица слишком добры. Они даже позволили мне польстить себя иллюзией, что этого визита не ждали. Будто что-нибудь из происходящего в великом Сарантии может пройти незамеченным, мимо их всевидящих глаз. Я глубоко благодарна за эту любезность.

Она увидела, как лицо престарелого канцлера Гезия, греющегося у огня, вдруг стало задумчивым. Гостей было всего пятеро, все превосходно одетые и подстриженные, и один лысеющий пухлый музыкант. Леонт казался разгневанным, хотя это

наверняка он предупредил Валерия об их приходе. Стилиана снова улыбалась, прячась за чашей вина и кольцами на пальцах.

Валерий и Аликсана громко расхохотались. Оба.

— Вот нам урок, — сказал император, потирая рукой мягкий подбородок. — Словно озорные дети, пойманные наставником. Родиас старше Сарантия, запад существовал задолго до востока, и царица антов, которая была дочерью царя до того, как стала править сама, наверное, давно знакома с придворными уловками.

— Ты умна и красива, девочка, — сказала Аликсана. — Я хотела бы иметь такую дочь.

Гизелла втянула воздух. В этом не может быть ничего искреннего, но эта женщина только что небрежно привлекла всеобщее внимание к их возрасту, к своей бездетности, к внешности Гизеллы.

— Дочери редко пользуются спросом при дворе, — тихо ответила она, стараясь соображать быстрее. — В большинстве случаев мы годимся лишь для замужества. А в остальном только создаем трудности, если нет еще и сыновей, чтобы обеспечить передачу власти без осложнений. — Если Аликсана умеет быть откровенной, то и она тоже. В ней ощутимо нарастало возбуждение: она прожила здесь почти полгода в бездействии, застыв, словно насекомое в тракезийском янтаре. То, что она сейчас делает, может привести к гибели, но она чувствовала, что готова приветствовать ее.

Она увидела, что на этот раз улыбнулся Гезий. И почувствовала на себе его оценивающий взгляд.

— Конечно, мы знаем о твоих трудностях дома, — сказал Валерий. — Мы всю зиму думали, как с ними справиться.

Не отвечать на это тоже было бессмысленно.

— Я тоже всю зиму думала об этом, — тихо ответила Гизелла. — Возможно, нам следует подумать об этом вместе? Я ведь приняла приглашение приехать сюда именно для этого.

— В самом деле? Это правда? Насколько я понял, — вмешался мужчина, одетый в темно-зеленый тисненый шелк, — это именно наше приглашение и императорский корабль спасли тебе жизнь, царица антов. — Его тон, тон восточного патриция, едва ли был уместным в этом обществе. Начальник канцелярии помолчал, потом прибавил: — В конце концов, история твоего племени действительно полна жестокости.

Этого она не может спустить. Снова восток и павший запад? Победоносные сарантийские наследники Родиаса, примитивные варвары из северных лесов? Еще нет, и не здесь. Гизелла посмотрела на него.

— В какой-то степени, — холодно согласилась она. — Мы народ воинственный, склонный к завоеваниям. Конечно, передача власти здесь, в Сарантии, всегда проходит планомерно. При смене императоров никто не погибает, не так ли?

Она знала, что говорит. Ненадолго воцарилось молчание. Гизелла увидела, как некоторые бросают быстрые взгляды на сидящую рядом с императрицей Стилиану Далейну, потом так же быстро отводят их. Она постаралась не смотреть туда.

Канцлер кашлянул, прикрывшись ладонью. Один из сидящих мужчин быстро взглянул на него и махнул рукой. Музыкант с явным облегчением проворно упал на колени, потом вышел из комнаты вместе со своим инструментом. Никто не обратил на него никакого внимания. Гизелла все еще гневно смотрела на начальника канцелярии.

Император задумчивым тоном произнес:

— Царица права, конечно, Фастин. Действительно, даже восшествие на престол моего дяди сопровождалось насилием. Погиб отец Стилианы.

Все это было так умно. «Он не тот человек, — подумала Гизелла, — который может упустить хотя бы малейший нюанс, если способен обратить его в свою пользу». Ей это было понятно: ее отец во многом был таким же. Это придавало ей уверенности, хотя сердце ее сильно билось. Эти люди опасны и коварны, но она сама — дочь такого же человека. Возможно, она сама такая? Они могли бы ее убить, может быть, еще убьют, но не могут лишить ее гордости и наследства. Тем не менее она сознавала горькую иронию: она защищает свой народ от обвинения в кровожадности и варварстве, в то время как сама едва не пала жертвой покушения на убийство, да еще в священном месте.

— Время перемен редко обходится без жертв, — мягко произнес канцлер. Это были его первые слова. Его голос был тонким, как бумага, очень ясным.

— То же следует сказать о войне, — вызывающим тоном произнесла Гизелла. Она не позволит этому разговору превратиться в вечернюю дискуссию философов. Она приплыла сюда с определенной целью, а не только для того, чтобы спасти свою жизнь, что бы они ни думали и ни говорили. Леонт смотрел на нее, на его лице отражалось удивление.

— Это правда, — медленно кивнула головой Аликсана. — Один человек сгорает и умирает или тысячи тысяч людей. Мы делаем свой выбор, не так ли?

«Один человек сгорает и умирает». На этот раз Гизелла быстро взглянула на Стилиану. Но ничего не увидела. Она знала эту историю, все знали. «Сарантийский огонь» на утренней улице.

Валерий отрицательно покачал головой:

— Выбор, да, любовь моя, но не случайный, если мы люди благородные. Мы служим богу в меру своего разумения.

— Действительно, мой повелитель, — резко бросил Леонт, словно попытался разрубить мечом соблазнительную мягкость слов императрицы. — Война во имя святого Джада не то что другие войны. — Он снова взглянул на Гизеллу: — Нельзя также сказать, что антам чужды завоевания.

Конечно, не чужды. Она сама имела это в виду. Ее народ завоевал полуостров Батиара, разграбил Родиас, сжег его. Поэтому трудно возражать против идеи о вторжении армии или просить о пощаде. Она этого не делает. Она пытается подвести разговор к той истине, которая ей известна: если они вторгнутся в ее страну и даже если этот высокий златовласый командующий сначала добьется успеха, они ее не удержат. Им никогда не выстоять против антов, имея на границах иниции и если Бассания откроет еще один фронт, когда осознает последствия воссоединения Империи. Нет, возврат Родиаса может произойти только одним способом. И именно она, ее молодость, ее жизнь, которую может оборвать чаша отравленного вина или бесшумный тайный удар кинжала, и есть этот способ.

Здесь ей предстоит пройти по такой узкой извилистой тропе. Леонт, красивый благочестивый воин, который сейчас пристально смотрит на нее, — именно он принесет гибель ее стране, если император ему прикажет. «Во имя святого Джада», — сказал он. Станут ли от этого мертвые менее мертвыми? Она могла бы задать ему этот вопрос, но сейчас он не имел значения.

— Почему вы раньше не поговорили со мной? — спросила Гизелла, борясь с приступом внезапной паники, и снова посмотрела на Валерия, на этого спокойного человека с добрым лицом, которому она предложила жениться на себе. Ей все еще было трудно встретиться взглядом с императрицей, хотя Аликсана обращалась с ней приветливее всех присутствующих. Здесь

ничего нельзя принимать за чистую монету, твердила себе Гизелла. Если и есть какая-то истина, за которую следует держаться, то она именно в этом.

— Мы вели переговоры с узурпаторами, — с грубой откровенностью ответил Валерий.

«Он использует прямоту как орудие», — подумала она.

— Вот как! — произнесла она, стараясь изо всех сил скрыть неловкость. — Неужели? Как это... предусмотрительно.

Валерий пожал плечами:

— Это очевидный ход. Была зима. Армии не передвигаются, зато ездят курьеры. Глупо не узнать о захвативших власть в Варене как можно больше. И они бы, разумеется, узнали о наших делах, если бы мы приняли тебя официально. Поэтому мы воздержались. Но мы следили за тобой, охраняли от убийц всю зиму. Должно быть, ты это знала. У них есть шпионы — как были и у тебя.

Гизелла не обратила внимания на последние слова.

— Они бы не узнали, если бы мы встретились так, как сейчас, — возразила она. Сердце ее все еще сильно билось.

— Мы полагали, — мягко сказала императрица, — что ты откажешься быть принятой в любом другом качестве, а не как царица, приехавшая в гости. И это твое право.

Гизелла покачала головой:

— Неужели я стану настаивать на соблюдении церемоний, когда погибают люди?

— Мы все так поступаем, — ответил Валерий. — Больше у нас ничего не остается в такое время, правда? Это все церемонии.

Гизелла посмотрела на него. Их взгляды встретились. Она внезапно вспомнила о хиромантах, об усталых клириках и о старом алхимике на кладбище за городскими стенами. О ритуалах и молитвах, когда насыпали могильный курган.

— Ты должна знать, — продолжал император все еще мягким голосом, — что Евдрих в Варене, который, между прочим, называет себя теперь наместником, предложил принести нам клятву верности и — нечто новое — начать платить официальную дань два раза в год. Кроме того, он предложил нам прислать советников к его двору, и военных, и священников.

Подробности, очень много подробностей. Гизелла закрыла глаза. «Ты должна знать». Конечно, она не знала этого. Она находится на расстоянии в полмира от собственного дома и про-

вела зиму в ожидании приема здесь, во дворце, чтобы получить роль в пьесе, чтобы оправдать свое бегство. Значит, Евдрих победил. Она всегда это предвидела.

— Его условия, — продолжал император, — можно было предугадать: чтобы мы признали его царем и организовали одну смерть.

Она открыла глаза и снова посмотрела на него, не дрогнув. Это была знакомая территория, здесь ей было легче, чем они могли предположить. Дома заключали пари, доживет ли она до зимы. Ее пытались убить в Святилище. Двое людей, которых она любила, погибли там вместо нее.

Гизелла была дочерью своего отца. Она вздернула подбородок и смело сказала:

— В самом деле, мой император? «Сарантийский огонь»? Или мне хватит просто кинжала в ночи? Небольшая плата за такую громкую славу, правда? Клятва верности! Дань, советники? Священники и военные? Хвала святому Джаду! Поэты будут воспевать это достижение в веках. Как ты можешь отказаться от такого выгодного предложения?

Воцарилась мертвая тишина. Выражение лица Валерия изменилось чуть-чуть, но, глядя в его серые глаза, Гизелла поняла, почему люди боятся этого человека. Она слышала в тишине потрескивание огня.

Как и следовало ожидать, молчание нарушила Аликсана.

— Ты побежден, любовь моя, — весело сказала она. — Она слишком умна для тебя. Теперь я понимаю, почему ты не захотел избавиться от меня и жениться на ней или хотя бы должным образом принять ее при дворе.

Кто-то сдавленно охнул. Гизелла с трудом сглотнула.

Валерий повернулся к жене.

Он ничего не сказал, но выражение его лица опять изменилось, стало до странности интимным. А через мгновение Аликсана слегка покраснела и опустила глаза.

— Понимаю, — тихо сказала она. — Я не думала, что... — Она прочистила горло и потрогала ожерелье на шее. — В этом не было... необходимости, — прошептала она, все еще глядя в пол. — Я не настолько хрупкая, мой повелитель.

Гизелла понятия не имела, что это значит, и подозревала, что этого не знает никто. Глубоко личный разговор в присутствии посторонних. Она снова по очереди посмотрела на них и

вдруг совершенно неожиданно поняла. С полной уверенностью.

Дела обстояли не так, как она думала.

Ее не приглашали в Императорский квартал до нынешней ночи не из-за переговоров с узурпаторами из Варены или каких-то ограничений протокола, а потому, что император Валерий оберегал жену от встречи с юной Гизеллой и от того, — в чисто формальном смысле, — что эта встреча означала или могла означать.

Все они понимали, что есть способ упростить завоевание родины Империи. Не она одна это понимала, посылая художника в долгое путешествие сюда с тайным посланием. Логика, здравый смысл этого брака были внушительными аргументами. И супруг одержал верх над императором. Поразительно.

Если она права, думая так, это означает, что ее приняли сегодня только потому... потому что принято другое решение.

Весна идет. Она уже пришла. Гизелла набрала в грудь воздуха.

— Вы собираетесь начать вторжение, не так ли? — напрямик спросила она.

Валерий Сарантийский отвел взгляд от жены и посмотрел на Гизеллу. Выражение его лица снова стало торжественным, как у священника, и задумчивым, как у академика. Он просто ответил:

— Да, действительно, собираемся. От твоего имени и от имени бога. Полагаю, ты это одобришь?

Конечно, он не спрашивал. Он ставил ее в известность. И не только ее. Гизелла услышала, почти ощутила, как по этой маленькой роскошной комнате пронесся шорох, когда люди, сидящие или стоящие, шевельнулись на своих местах. Ноздри стратига раздулись, как у скакового коня, услышавшего зов трубы. Он предполагал, предвидел, но не знал. До этого момента. Она поняла. Это был момент, который Валерий выбрал для того, чтобы им сообщить, руководствуясь развитием событий, настроением, ее появлением здесь. Или, возможно, весь этот вечер музыки среди близких ему людей на самом пороге весны был устроен ради этого мгновения, и никто другой этого не знал, даже его жена. Человек, дергающий за скрытые ниточки, заставлял плясать других, как ему хочется, или умирать.

Она взглянула на Аликсану и увидела, что упорный взгляд этой женщины уже ждет ее взгляда. Гизелла, глядя в эту глуби-

ну, представляя себе, что эти темные глаза могут сделать с мужчиной или с женщиной определенного сорта, поняла еще кое-что, совершенно неожиданное: как это ни невероятно, но у нее есть союзница, человек, который хочет найти способ уберечь их всех от вторжения и того, чем оно грозит. Но это тоже не имеет значения.

— Императора надо поздравить, — вмешался голос третьей женщины. Тон Стилианы был холодным, как ночной ветер за окнами. — Кажется, его сборщики налогов действовали более прилежно, чем говорят. Господь бог и его наместник на земле просто совершили чудо, если в казне все же появились нужные средства.

Воцарилась хрупкая тишина. Стилиана, подумала Гизелла, должна быть чрезвычайно уверена в своем положении, чтобы так разговаривать. Но это так и есть. По праву рождения и замужества — и по своему характеру.

Валерий повернулся и посмотрел на нее, и выражение его лица, что примечательно, было насмешливым.

— Император получает ту помощь, какую заслуживает, когда-то сказал Сараний. Я не знаю, что это должно означать в отношении меня и моих слуг, но на войну деньги есть. Мы решили отменить выплату жалованья восточной армии в этом году. Нет смысла платить Бассании за мир и одновременно платить солдатам, чтобы охранять его.

Леонт казался потрясенным. Он откашлялся.

— Так было решено, мой повелитель? — Очевидно, с ним не посоветовались.

— Финансовый вопрос, стратиг. Но я действительно хотел бы встретиться с тобой завтра, чтобы обсудить возможность предложить солдатам земли на востоке для поселения. Мы уже это обсуждали раньше, и теперь канцлер предложил нам сделать это.

Леонт был слишком опытен, чтобы и дальше демонстрировать свое удивление.

— Конечно, мой повелитель, я буду здесь на рассвете. Однако сожалею, что меня сделали лжецом, ведь я сделал заявление сегодня на свадьбе. Я дал новобрачному повышение и назначил на должность на востоке. Теперь он теряет не только обещанное ему повышение жалованья, но и весь свой доход.

Валерий пожал плечами:

— Дай ему другую должность. Возьми этого парня с собой на запад. Это все мелочи.

Леонт покачал головой:

— Наверное. Но я никогда не беру в поход недавно женившихся солдат.

— Похвально, Леонт, — сказала императрица. — Но я уверена, что можно сделать исключение.

— Это плохо для армии, моя повелительница.

— Упрямство тоже, — заметила его собственная жена со своего места рядом с императрицей. Она поставила свою чашу с вином. — Дорогой, в самом деле. Ты, очевидно, высоко ценишь этого солдата. Возьми его в свою личную гвардию, плати ему сам, как платишь другим, дай ему послужить на востоке от Евбула в качестве твоего наблюдателя в течение года — или до тех пор, пока не сочтешь нужным вызвать его на запад, где его убьют на войне.

«Такая деловая четкость в женщине, — подумала Гизелла, переводя взгляд с одного лица на другое, — должна, несомненно, раздражать присутствующих мужчин». Потом изменила мнение, глядя на императрицу. Должно быть, здесь к подобным вещам привыкли, — не то что при ее собственном дворе, где женщину, заговорившую так властно, тут же приговорили бы к смерти.

С другой стороны, Гизелла правила в Варене от своего собственного имени. Ни одна из этих женщин не была правительницей. Это имело большое значение. И словно для того, чтобы подчеркнуть это, Стилиана Далейна заговорила снова:

— Простите мне, мои господа, эту самонадеянность. Я всегда слишком спешила высказать свое мнение. — Однако в ее тоне не слышалось искреннего раскаяния.

— Это в тебе от отца, — тихо ответил император. — Это... не всегда недостаток.

«Не всегда», — подумала Гизелла. Казалось, комнату заполнил лабиринт переплетений прошлого и настоящего и того, что наступит в будущем. Нюансы свивались в кольца и расползались во все стороны, словно запах благовоний, неуловимый и настойчивый.

Стилиана встала и грациозно поклонилась:

— Благодарю тебя, мой повелитель. Я прошу позволения у тебя и императрицы удалиться. Если здесь будут обсуждать дела военные и политические, то мне подобает уйти.

Конечно, она была права. Никто не попытался ее удержать. Гизелла подумала о том, ожидала ли Стилиана, что кто-нибудь станет уговаривать ее остаться. Ее супруг? Если это так, то она должна быть разочарована. Леонт проводил жену до двери, но, когда она вышла, вернулся в комнату. Он посмотрел на императора и улыбнулся.

«Эти два человека давно знают друг друга, — вспомнила Гизелла, — еще до того дня, когда первый Валерий взошел на трон. Наверное, Леонт тогда был совсем молодым».

— Мой дорогой повелитель, — сказал Леонт, и его голос невольно задрожал, несмотря на все усилия, — могу я просить, чтобы все здесь присутствующие не разглашали пока эту информацию? Я смогу воспользоваться преимуществом во времени.

— О, дорогой мой, — сказала супруга императора, — они начали готовиться к встрече с тобой задолго до того, как это дитя убежало со своего трона. Спроси у нее, если тебе это необходимо.

Гизелла не обратила внимания ни на слово «дитя», ни на слово «убежало». Она увидела, что Валерий смотрит на нее, и с опозданием поняла, что он продолжает ждать ответа на заданный ей вопрос. «Полагаю, ты это одобришь?»

«Формальность, любезность, — подумала она. — По-видимому, такие вещи имеют для него значение. Это следует запомнить. Он всегда будет учтивым, этот человек на Золотом Троне. Даже когда делает именно то, что хочет, и принимает — или даже приветствует — любые последствия, которые могут обрушиться на других людей».

— Одобряю ли я? — повторила она. — Конечно, мой повелитель, — солгала она. — Иначе зачем я приплыла в Сарантий?

Гизелла снова низко поклонилась, главным образом для того, чтобы скрыть лицо и выражение глаз. Она снова видела могильный курган, а не эту роскошную, залитую светом ламп комнату, вспоминала гражданскую войну и голод, гноящиеся чумные язвы и ужасно горевала о том, что не осталось ни одной живой души, которой она могла бы доверять. Ей почти захотелось, чтобы она умерла тогда в Варене и не дожила до этого вопроса, заданного ей теперь, когда она стоит совершенно одна в чужой стране, где ее ответ — правдивый или фальшивый — не имеет никакого веса, никакого значения в этом мире.

* * *

— Мне и правда что-то нехорошо, — произнес Пертений Евбульский, тщательно отделяя одно слово от другого.

Они находились в скромной комнате на верхнем этаже дома секретаря. Пертений раскинулся на темно-зеленом ложе, одной рукой прикрывая глаза, а другой держась за живот. Криспин стоял у маленького окошка и смотрел вниз, на пустынную улицу. Звезды уже погасли, дул ветер. В очаге горел огонь. На письменном столе у стены между ложем и окном лежали всевозможные документы, книги, письменные принадлежности, бумаги различных цветов и качества.

Среди них Криспин заметил, как только вошел в комнату, свои собственные наброски для купола и стен Великого Святилища.

Интересно, как они тут очутились? — удивился он, а потом вспомнил, что секретарь Леонта был также официальным летописцем строительных проектов Валерия. Работа Криспина отчасти попадала в его сферу интересов, и это внушало тревогу.

— Почему зубр? — спросил Пертений, пошатываясь, на улице у двери своего дома. — Почему на куполе так много тебя?

Оба эти вопроса были очень хитрыми. Криспин, который не принадлежал к почитателям этого сухаря-секретаря, вошел в дом и поднялся по лестнице. Принимая вызов, или заинтересовавшись, или то и другое? «Вероятно, пустая трата времени», — подумал он, бросив взгляд на лежащего секретаря. Пертений выглядел по-настоящему больным. Если бы ему этот человек нравился, он мог бы ему посочувствовать.

— Слишком большое количество вина, выпитого в вечернее время, может так подействовать на человека, — мягко произнес он. — Особенно если он обычно не пьет.

— Я не пью, — ответил Пертений. Последовало молчание. — Ты ей нравишься, — прибавил секретарь. — Больше, чем я.

Криспин отвернулся от окна. Пертений открыл глаза и смотрел на Криспина. Его взгляд и тон были совершенно равнодушными: констатация факта историком, а не жалоба соперника.

Но Криспин не впал в заблуждение. Не тот случай. Он покачал головой и прислонился к стене у окна.

— Ширин? Да, я ей нравлюсь, как связующее звено между

ней и ее отцом. Но не более того. — Он был не вполне уверен, что это правда, но по большей части считал именно так. «*Представь себе, как ее рука поднимает твою тунику сзади, а потом скользит вниз по телу*». Криспин снова покачал головой, на этот раз по другой причине. Он поколебался, потом сказал: — Сказать тебе, что я думаю?

Пертений ждал. Этот человек предпочитал слушать, он был слишком скрытным и по натуре, и по профессии. Он действительно плохо выглядел.

Криспин внезапно пожалел, что зашел сюда. Не такую беседу ему хотелось бы вести сейчас. Мысленно пожав плечами и ощутив вспышку раздражения от того, что его поставили в такое положение — или он сам себя поставил, — он сказал:

— Я думаю, Ширин устала, потому что ее осаждают мужчины всякий раз, как она выходит из дома. Это тяжелая жизнь, хотя некоторые женщины думают, что им хочется вести такую жизнь.

Пертений медленно, с трудом кивнул отяжелевшей головой. Закрыл глаза, потом с усилием снова их открыл.

— Смертные ищут славы, — философски сказал он, — не понимая, что все это значит. Ей нужен... защитник. Человек, который будет их держать на расстоянии.

Разумеется, это было правдой. Криспин решил не говорить, что секретарь и историк, став признанным любовником, может оказаться сдерживающим фактором и обеспечить ей защиту. Вместо этого он пробормотал, чтобы выиграть время:

— Знаешь, некоторые заказали хиромантам любовные заговоры.

Пертений сделал кислую мину.

— Фу! — сказал он. — Магия. Это грех.

— И это бесполезно, — прибавил Криспин.

— Ты точно знаешь? — спросил его собеседник. Его взгляд на мгновение прояснился.

Внезапно осознав необходимость быть осторожным, Криспин ответил:

— Клирики нас учат, что это так, друг. — Снова почувствовав раздражение, он прибавил: — Во всяком случае, ты когда-нибудь видел, чтобы Ширин бродила по улицам до рассвета против своей воли и желания, с распущенными волосами, вынужденная идти туда, где ее ждет мужчина у дверей своего дома?

— О, Джад! — с чувством произнес Пертений и застонал. — Головная боль и страсть — чудовищная смесь.

Криспин подавил улыбку. Он снова выглянул в приоткрытое окно. Воздух был прохладным. Улица внизу — пустынна и тиха. Он решил уйти и подумал, не попросить ли дать ему провожатых. Небезопасно ходить по Городу ночью одному, а его дом довольно далеко отсюда.

Он сказал:

— Тебе надо немного поспать. Мы можем поговорить в другой...

— Ты знаешь, что в Саврадии поклоняются зубру? — внезапно спросил Пертений. — Об этом пишет Метракт в «Истории родианских войн».

И снова Криспин ощутил вспышку тревоги. И еще сильнее пожалел, что пришел сюда.

— Я помню Метракта, — небрежно ответил он. — Меня заставляли учить его наизусть, когда я был маленьким. Тоска зеленая.

Пертений обиделся:

— Ничего подобного, родианин! Прекрасный историк. Образец для моих собственных произведений.

— Прошу прощения, — быстро ответил Криспин. — Он... э... очень плодовит, конечно.

— Всеобъемлющ, — поправил его Пертений. Он снова закрыл глаза и заслонил их рукой. — Это ощущение пройдет? — жалобно спросил он.

— Утром, — ответил Криспин. — Когда выспишься. Вряд ли можно сделать что-то еще.

— Меня будет тошнить?

— Конечно, это возможно. Хочешь постоять у окна?

— Слишком далеко. Расскажи мне о зубре.

Криспин вздохнул. Пертений снова открыл глаза и уставился на него.

— Нечего рассказывать. Или слишком много. Как это можно объяснить? Если бы я мог выразить все словами, то не был бы мозаичником. Он, как олени, и кролики, и птицы, и рыбы, и лисы, и хлеба в полях. Я хотел поместить их всех на моем куполе. У тебя здесь лежат наброски, секретарь. Ты можешь увидеть всю картину. Джад создал мир животных, как и мир смертных людей. Этот мир лежит между одними стенами и другими, между западом и востоком, под рукой и оком бога.

Все это правильно, но не правда.

Пертений попытался сделать знак солнечного диска. Он явно изо всех сил старался не уснуть.

— Ты сделал его очень большим.

— Они большие, — ответил Криспин, стараясь не выдать голосом раздражения.

— А? Ты видел его? И Родиас тоже там, наверху? «Мой купол», — сказал ты. Благочестиво ли так говорить? Подобает ли изображать такое в святилище?

Криспин стоял спиной к окну, прислонившись к подоконнику. Он собирался ответить или попытаться ответить, как вдруг понял, что в этом уже нет необходимости. Секретарь уже спал на зеленом ложе, не сняв сандалий и белых одежд свадебного гостя.

Криспин глубоко вздохнул и явственно почувствовал облегчение. Это спасение. Пора уходить, с провожатыми или без, пока этот человек не проснулся и не начал снова задавать свои пугающе едкие вопросы. Он безвреден, сказала тогда Ширин Криспину, в первый день их знакомства. Криспин с ней не согласился. Он и сейчас думал иначе. Криспин отошел от окна и направился к двери. Он пошлет наверх слугу, чтобы тот позаботился о своем хозяине.

Если бы он не заметил надпись от руки на своем собственном наброске на столе, то вышел бы из комнаты. Однако искушение было непреодолимым. Он остановился, снова быстро взглянул на спящего. Рот Пертения был открыт. Криспин нагнулся над набросками.

Пертений — наверняка это он — сделал несколько загадочных надписей на набросках Криспина для мозаик на стенах и куполе. Надписи были корявыми, почти неразборчивыми. Заметки для себя, которые не имеет смысла выписывать тщательно. Нет ничего особо примечательного в предложениях, сделанных начерно.

Криспин выпрямился и собрался уходить. И в этот момент его взгляд упал на еще одну страницу, полускрытую под одним из рисунков, написанную тем же почерком, но более тщательно, даже элегантно, и на этот раз он сумел разобрать слова:

«Мне рассказал один из чиновников начальника канцелярии (имя которого нельзя здесь назвать ради его безопасности), что императрица осталась такой же развратной, какой была в молодости. Известно, что она приказывает приводить к ней не-

которых молодых Бдительных во время утренней ванны. Это делают ее дамы, выбранные, разумеется, в соответствии с ее собственными порочными наклонностями. Она принимает этих мужчин бесстыдно обнаженной, как тогда, когда совокуплялась с животными на сцене, и приказывает сорвать с солдат одежду».

Криспин обнаружил, что ему трудно дышать. Очень осторожно, бросив еще один взгляд на ложе, он слегка сдвинул листок и стал читать дальше, не веря своим глазам:

«Она совокупляется с этими мужчинами ненасытно, иногда с двумя одновременно. Они используют ее как шлюху в ее собственной ванне, а остальные женщины ласкают себя и друг друга и похотливо подзадоривают их. Одна добродетельная девушка из Евбула, сообщил мне этот чиновник под большим секретом, была отравлена императрицей за то, что посмела сказать, что такое поведение неправедно. Ее тела так и не нашли. Неописуемая шлюха, которая теперь является нашей императрицей, всегда по утрам заставляет ждать своих священников под дверью своей бани, пока солдат не выведут через потайную внутреннюю дверь. Затем она принимает священников, полунагая, окруженная запахом похоти, превращая в насмешку утренние молитвы святому Джаду».

Криспин с трудом сглотнул. Он чувствовал, как у него стучит кровь в висках. Он посмотрел на спящего человека. Теперь Пертений храпел. Он казался больным, посеревшим и беспомощным. Криспин почувствовал, что у него трясутся руки, и уронил лист бумаги, когда тот начал шуршать в его пальцах. Он чувствовал ярость и страх, а под ними, словно бой барабана, растущий ужас. Ему казалось, что его сейчас стошнит.

Он понимал, что должен уйти. Ему необходимо уйти отсюда. Но в этом изысканно изложенном поношении, в этой злобе была сила, которая заставила его — почти против воли, словно на него наложили темное заклятие, — найти следующую страницу:

«Когда тракезийский крестьянин, который совершил грязное убийство, чтобы захватить трон для своего неграмотного родственника, в конце концов уселся на него сам, хотя и не под своим крестьянским именем (ибо он избавился от него, как тщетно пытался избавиться от запаха навоза с полей), он начал более открыто совершать свои обряды в честь демонов и темных духов. Не обращая внимания на отчаянные мольбы своих

клириков, безжалостно уничтожая тех, кто не желал молчать, Петр Тракезийский, «ночной император», превратил семь дворцов Императорского квартала в обитель порока, где совершались дикие ритуалы и лилась кровь с наступлением ночи. Затем, злобно насмехаясь над благочестием, он объявил о намерении построить новое, обширное Святилище бога. Он призвал порочных безбожников — многие из них иностранцы, — чтобы построить и украсить его, зная, что они никогда не посмеют противоречить его темным намерениям. В это время многие в Городе действительно верили, что сам тракезиец совершает обряды человеческих жертвоприношений в недостроенном Святилище по ночам, когда в него никого не пускают, кроме его доверенных лиц. Говорят, что императрица, запятнанная кровью невинных жертв, танцует для него среди свечей, зажженных в насмешку над святостью Джада. Затем, нагая, на глазах у императора и других, эта шлюха берет с алтаря еще не зажженную свечу, как делала в молодости на сцене, ложится на виду у всех и...»

Криспин поспешно сложил бумаги, как они были. Достаточно. Более чем достаточно. Ему и в самом деле стало плохо. Этот елейный, наблюдательный, такой скромный секретарь стратига, этот официальный летописец войн Валерия и его строительных проектов, занимающий почетное положение в Императорском квартале, в этой комнате выплевывал накопленную грязь, желчь и ненависть.

Криспин подумал о том, предназначены ли эти слова для того, чтобы их когда-нибудь прочли. И когда? Поверят ли им люди? Могут ли они в грядущие времена показаться правдой тем, кто никогда не знал тех людей, к которым относятся эти чудовищные слова? Возможно ли это?

Ему пришло в голову, что будет, если он выйдет отсюда с выбранными наугад некоторыми из этих листков в руках? Пертений Евбульский будет заклеймен позором и отправлен в ссылку.

Или, весьма вероятно, казнен. И эта смерть будет на совести Криспина. Все равно в его мозгу засела мысль сделать это. Он стоял над заваленным бумагами столом, тяжело дыша, представляя себе эти страницы кроваво-красными от ненависти, слушая храп спящего человека, потрескивание огня и слабые, далекие звуки ночного города. Он вспомнил Валерия в ту первую ночь, стоящего под ошеломляющим куполом Артибаса. Ум

и учтивость императора, который терпеливо ждал, пока Криспин сможет уложить в своем сознании эту поверхность, приготовленную для его искусства.

Он вспомнил Аликсану в ее палатах. Розу из золота на столе. Ужасающую самонадеянность красоты. Все преходяще. «Сделай для меня что-нибудь такое, что останется», — сказала тогда она.

Мозаика: стремление к вечности. Он тогда осознал, что она это понимает. И понял уже тогда, в ту первую ночь, что эта женщина всегда будет с ним в каком-то смысле. Это было перед тем, как человек, спящий сейчас на ложе с открытым ртом, постучал и вошел, доставив подарок от Стилианы Далейны.

Криспин вспомнил — и теперь понял совсем иначе — тот жадный взгляд, которым Пертений окинул тогда маленькую, богато обставленную, залитую светом комнату Аликсаны, и выражение его глаз, когда он увидел императрицу с распущенными волосами и, как казалось, наедине с Криспином поздней ночью. «Шлюха, которая теперь является нашей императрицей».

Криспин резко повернулся и вышел из комнаты.

Он быстро спустился по лестнице. Слуга дремал на табурете в прихожей под железным светильником на стене. Он рывком проснулся от звука шагов. Вскочил на ноги.

— Твой хозяин уснул в одежде, — коротко сказал Криспин. — Займись им.

Он отпер входную дверь и вышел на холод, в темноту, которая пугала его гораздо меньше, чем то, что он только что прочел при свете очага. Он остановился посередине улицы, посмотрел наверх, увидел звезды — такие далекие, такие чуждые жизни смертных, что их никто не мог бы призвать на помощь. Он обрадовался холоду, сильно потер лицо обеими ладонями, словно хотел отмыть его.

Ему вдруг очень сильно захотелось очутиться дома. Не в том доме, который ему здесь дали, а на другом конце света. В своем настоящем доме. За Тракезией, Саврадией, за черными лесами и пустыми пространствами, снова в Варене. Ему нужны были Мартиниан, его мать, его друзья, которыми он слишком пренебрегал эти два последних года, утешение давно знакомой жизни.

Фальшивое убежище. Он это понял, не успев сформулировать мысль. Варена стала теперь выгребной ямой в той же степени или даже больше, чем Сарантий, городом убийств и наси-

лия и черных подозрений во дворце. В ней даже не осталось возможности возрождения, которая здесь воплотилась в куполе Святилища у Криспина над головой. В самом деле, негде спрятаться от того, во что превратился мир, разве только стать юродивым и убежать куда-нибудь в пустыню или взобраться на скалу. И действительно, какое значение, в крупном масштабе и соотношении вещей, — он еще раз глубоко вдохнул холодный ночной воздух, — имеет полная страха и горечи злоба секретаря и его распутная бесчестность по сравнению со смертью детей? Никакого. Совсем никакого.

Ему пришла в голову мысль, что иногда человек не приходит к определенному выводу о своей жизни, а просто обнаруживает, что это произошло раньше. Он не собирался бежать от всего этого, отращивать длинные волосы, носить одежду, провонявшую потом и экскрементами, в пустыне, обжигать кожу до волдырей. Человек живет в мире. Ищет ту небольшую милость, которую может найти, пускай она для всех разная, и смиряется с тем, что в мире, созданном Джадом — или Люданом, «зубиром», или любым божеством, которому он поклоняется, — смертным мужчинам и женщинам не суждено обрести легкость и покой. Возможно, существуют другие миры — некоторые это проповедуют, — лучше этого, где подобная гармония возможна, но он живет не в таком мире и никогда не будет в нем жить.

И думая так, Криспин повернулся и посмотрел вдоль улицы и увидел неподалеку залитую светом факелов стену огромного дома, прилегающего к дому Пертения, и закрытые ворота двора, в которые некоторое время назад внесли элегантные носилки. В освещенной звездами темноте он увидел, что парадная дверь этого дома сейчас распахнута в ночь и там стоит служанка, закутанная от холода, со свечой в руке и смотрит на него.

Женщина увидела, что он ее заметил. Она молча подняла свечу и махнула рукой в сторону открытой двери.

Криспин уже повернулся в другую сторону, прежде чем до него дошло, что он это сделал, его движение было совершенно непроизвольным. Он постоял спиной к этому зовущему свету, совершенно неподвижно, но открытая дверь уже все изменила, полностью изменила. Слева от него, над красивыми каменными и кирпичными фасадами домов, поднималась освещенная звездами дуга купола, безмятежно возвышающаяся выпуклость над всеми этими изломанными, извилистыми скучными линиями и острыми краями, полная презрения к ним в своей чистоте.

Но купол был создан смертным. Одним из тех, кто жил здесь, внизу, среди всех ранящих человека взаимоотношений с женой, детьми, друзьями, заказчиками, врагами, среди сердитых, равнодушных, обиженных, слепых, умирающих.

Криспин ощутил порыв ветра, представил себе худенькую служанку, заслоняющую ладонью свечку в проеме распахнутых дверей у него за спиной. Представил себе, как он сам подходит к ней, входит в эту дверь. И почувствовал, как сильно бьется его сердце. «Я не готов к этому», — подумал он и понял, что, с одной стороны, это просто неправда, а с другой — что он никогда не будет готов к тому, что лежит за этой дверью, поэтому эта мысль лишена смысла. Но он также понял в одиночестве звездной ночью в Сарантии, что ему необходимо войти в этот дом.

Необходимость имеет много обличий, и страсть — одно из них. Острые края смертного существования. Дверь, к которой его привела жизнь в конце концов. Он повернулся.

Девушка еще стояла там в ожидании. Ей велено было ждать. Он направился к ней. Никакие сверхъестественные огоньки не мелькали и не вспыхивали сейчас на ночной улице. Ни один человеческий голос не доносился до него, ни крик сторожа, ни песня ночного прохожего, ни крики болельщиков факций из дальней таверны над крышами домов. Четыре факела в железных кронштейнах горели через равные промежутки вдоль красивой каменной стены большого дома. Звезды ярко светили над ним, море осталось сзади, почти так же далеко. Криспин увидел, что женщина в дверях очень молода, совсем девочка, и когда он приблизился к ней, то заметил в ее глазах страх.

Она протянула ему свою свечу и безмолвно снова показала рукой в дом, на лестницу, совсем не освещенную лампами. Он вдохнул воздух, почувствовал где-то глубоко внутри сильное биение и осознал отчасти в тяжелом потоке этого мгновения, что оно означает. Ярость смертного существования. Темнота, немного света, но очень немного.

Он взял огонек из холодных пальцев девушки и поднялся по лестнице.

Никакого света, кроме его огонька. Он отбрасывал на стену шевелящуюся тень, пока Криспин не добрался до верхней площадки, повернул и увидел свет — оранжевый, алый, желтый, переливающийся золотом — из слегка приоткрытой двери комнаты дальше по коридору. Криспин долгое мгновение стоял неподвижно, затем задул свечу и поставил на столик — мраморная

крышка с голубыми прожилками и медные ножки в виде львиных лап. Он пошел по коридору, думая о звездах и холодном ветре снаружи и о своей жене, умершей и еще живой. А потом о ночи прошлой осенью, когда одна женщина на рассвете ждала его в его комнате с кинжалом в руке.

По темному дому он подошел к двери, толкнул ее, вошел, увидел лампы, огонь в очаге, красный и слабый, широкое ложе. Прислонился спиной к двери, закрывая ее своим телом. Сердце его молотом билось в груди, во рту пересохло. Она стояла у окна, выходящего на внутренний двор, потом обернулась.

Ее длинные светлые золотистые волосы были распущены, она сняла все драгоценности. На ней было платье из белейшего шелка — *ночное одеяние новобрачной. В знак горькой иронии* или страсти?

У Криспина помутилось в глазах от страха и желания, дыхание стало быстрым и прерывистым. Он боялся этой женщины и почти ненавидел ее, но чувствовал, что умрет, если не овладеет ею.

Она встретила его на середине комнаты. Он даже не понял, что идет вперед, время двигалось судорожными рывками, как в лихорадочном сновидении. Они оба молчали. Он увидел яркую, жесткую синеву ее глаз, но она внезапно отвернулась, склонила голову и открыла шею, как делает волк или собака в знак покорности. И не успел он даже среагировать, ответить, попытаться понять, как она снова подняла голову, посмотрела на него пронизывающим взглядом и впилась ртом в его губы, как когда-то, полгода назад.

На этот раз она его укусила. Криспин выругался, почувствовав вкус собственной крови. Она рассмеялась, сделала движение, чтобы отстраниться. Он снова выругался, возбужденный сверх всякой меры, опьяненный, и удержал ее, схватил за распущенные волосы и снова притянул к себе. И на этот раз, когда они целовались, он увидел, как закрылись ее глаза, приоткрылись губы, запульсировала жилка на шее, и лицо Стилианы в мерцающем свете комнаты было белым, как ее платье, как флаг капитуляции.

Но это было не так. Никакой капитуляции. Он никогда прежде не занимался любовью словно битвой. Каждый поцелуй, прикосновение, слияние, разделение, чтобы вдохнуть воздух, превращались в схватку, желание переплеталось с гневом и боязнью невозможности отступления, невозможности снова вернуть власть над собой. Она без усилий провоцировала его, приближалась, прикасалась, отстранялась, возвращалась, еще один раз склонила голову тем же покорным жестом. Ее шея была длинной и стройной, кожа гладкой ароматной и юной, и он внезапно с изумлением почувствовал, как искренняя нежность переплетается с гневом и желанием. Но тут она снова подняла голову, глаза ее сияли, рот широко раскрылся, ее руки впивались в его спину во время поцелуя. Потом, очень быстро, она подняла его руку, извернулась и укусила его ладонь.

Он работал с мозаикой, со стеклом, с плитками и светом. Его руки были его жизнью. Он прорычал нечто нечленораздельное, подхватил женщину на руки и понес на высокое ложе под балдахином. Там он несколько мгновений стоял, держа ее на руках, потом опустил на ложе. Она смотрела на него снизу вверх, свет отражался в ее глазах и менял их. Ее платье порвалось на одном плече. Это сделал он. Он видел выпуклость ее груди там, где на нее падал свет.

— Ты уверен? — спросила она.

Он моргнул:

— Что?

Он запомнил, как она улыбнулась и все, что означала и что говорила о Стилиане эта улыбка. Она прошептала, насмешливо, уверенно, но горько, как горек пепел давно погасшего огня:

— Уверен, что хочешь не императрицу или царицу, родианин?

На мгновение он лишился дара речи, глядя на нее сверху вниз, дыхание его прервалось, словно зацепившись за рыболовный крючок, вонзившийся ему в грудь. Он почувствовал, что у него дрожат руки.

— Совершенно уверен, — хрипло прошептал он и стянул через голову свою белую тунику. Она мгновение лежала неподвижно, потом подняла одну руку и легонько, медленно провела длинным пальцем по его телу сверху вниз, одним прямым движением, создающим иллюзию простоты, порядка в мире. Он видел, что она сама изо всех сил пытается сохранить самообладание, и это разжигало его желание.

«Совершенно уверен». Это было действительно так и все же совсем не так, ибо можно ли быть уверенным в чем-то в том мире, где они живут? Чистое, прямое движение ее пальца — это не движение их жизни. Это неважно, сказал он себе. Сегодня — неважно.

Он прогнал от себя все вопросы и потери. Лег на нее, и она направила его твердой рукой внутрь себя. Затем ее длинные тонкие руки и длинные ноги обвились вокруг его тела, пальцы вцепились ему в волосы, а потом заскользили по его спине вверх и вниз, а ее губы шептали ему в ухо, снова и снова, быстро и настойчиво, пока ее дыхание не стало таким же прерывистым и быстрым, как его собственное. Он знал, что делает ей больно, но услышал ее хриплый крик только тогда, когда ее тело дугой выгнулось вверх и подняло его вместе с ней, прочь от всех острых краев и ломаных линий.

Он увидел, как на ее скулах засверкали слезы подобно бриллиантам, и понял — понял! — что даже сжигаемая желанием подобно факелу, она злится на себя за это проявление слабости, за то, что выдала силу своей страсти. Сейчас она могла бы убить его, подумал он, так же легко, как снова поцеловать. Это не рай — эта женщина, эта комната, — и вовсе не убежище, но то место назначения, куда ему совершенно необходимо было попасть и от которого он ни за что не мог бы отказаться: такова горькая, яростная сложность человеческих желаний, здесь, внизу, под идеальным куполом и под звездами.

— Я полагаю, ты не боишься высоты?

Они лежали рядом. Пряди ее золотистых волос покоились на его лице и слегка щекотали. Одна ее рука лежала на его бедре. Лицо она отвернула в сторону, он видел лишь ее профиль. Она смотрела в потолок. Там была мозаика, как он теперь заметил, и он вдруг вспомнил Сириоса, который ее создал и которому сломали руки по приказу этой женщины в наказание за его промахи.

— Боязнь высоты? Это помешало бы моей работе. А что?

— Ты выйдешь отсюда через окно. Он может скоро вернуться вместе со своими слугами. Спустишься по стене и пройдешь через двор в дальний конец, к улице. Там есть дерево, на которое нужно влезть. По нему доберешься до верха внешней стены.

— Мне уже уходить?

Она повернула к нему голову. Он увидел, что ее губы слегка улыбаются.

— Надеюсь, что нет, — прошептала она. — Хотя тебе, возможно, придется поспешно удалиться, если мы слишком долго будем медлить.

— Он... зайдет сюда?

Она покачала головой:

— Это маловероятно.

— Люди погибают из-за маловероятных вещей.

В ответ она рассмеялась.

— Это правда. А он будет чувствовать себя обязанным тебя убить, как мне кажется.

Это его слегка удивило. Он почему-то пришел к заключению, что эти двое — стратиг и его аристократический приз — достигли взаимопонимания в вопросах о верности. Эта служанка со своей свечкой, которую было видно с улицы в проеме открытых дверей...

Он молчал.

— Я тебя пугаю? — Теперь она смотрела на него.

Криспин повернулся к ней лицом. Притворяться не имело смысла. Он кивнул головой.

— Но ты сама, а не твой муж. — Она мгновение смотрела ему в глаза, потом неожиданно отвела взгляд. Помолчав, он сказал: — Хотел бы я, чтобы ты мне больше нравилась.

— Нравилась? Тривиальное чувство, — слишком быстро ответила она. — Оно почти не имеет к этому отношения.

Он покачал головой:

— С него начинается дружба, если не страсть.

Стилиана снова повернулась к нему.

— Я была тебе лучшим другом, чем ты думаешь, — сказала она. — С самого начала. Я ведь предупреждала тебя, чтобы ты не слишком увлекался работой над этим куполом.

Она действительно так сказала, ничего не объясняя. Он открыл рот, но она подняла палец и прижала к его губам.

— Никаких вопросов. Но запомни это.

— Это невозможно, — сказал он. — Не увлекаться.

Она пожала плечами:

— Вот как! Ну, против того, что невозможно, я бессильна, конечно.

Она вдруг содрогнулась, почувствовав дуновение холодного воздуха, ведь кожа ее еще была влажной от любовных игр. Он посмотрел в противоположный конец комнаты. Встал с ложа и занялся гаснущим очагом, подбросил дров, помешал угли. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы разжечь его снова. Когда он поднялся, нагой и согревшийся, то увидел, что она лежит, опираясь на локоть, и смотрит на него откровенно оцени-

вающим взглядом. Он вдруг смутился и увидел, как она улыбнулась, заметив это.

Он вернулся к постели и остановился рядом с ней, глядя на нее сверху. Она лежала, без одежды и неприкрытая, не стыдясь и не пытаясь укрыться, и позволяла ему скользить взглядом по выпуклостям и линиям ее тела, по изгибу бедер, груди, по изящным чертам лица. Он снова ощутил вспыхнувшее желание, непреодолимое, как морской прилив.

Ее взгляд скользнул вниз, и улыбка стала шире. Когда она заговорила, ее голос снова звучал хрипло:

— Я действительно надеялась, что ты не станешь спешить на поиски двора и дерева. — И она потянулась к нему одной рукой, погладила его и потянула на ложе, к себе.

И на этот раз, во время более медленного, более сложного танца, она показала ему — как предлагала полгода назад, — как Леонт любит использовать подушку, а он открыл нечто новое о себе и об иллюзиях цивилизованности. В какой-то момент, позже, он делал с ней такое, что раньше делал только для Иландры. И ему пришла в голову мысль, когда он почувствовал, как она вцепилась ему в волосы, и услышал ее бессвязный шепот, словно она по принуждению произносила эти слова, что можно ощущать горе потери, разлуки, лишившись любви и крова, но не позволять молниям этой трагедии непрерывно пожирать и уничтожать себя. Продолжение жизни не обязательно означает предательство.

Он знал, что некоторые пытались сказать ему об этом раньше.

Тут у нее вырвался более высокий звук, на вдохе, словно от боли или словно она боролась с чем-то. Она снова повела его в себя, крепко зажмурив глаза, прижимала его к себе руками, а потом быстро перевернулась вместе с его телом, так что теперь она оказалась на нем верхом, и мчалась быстрее и быстрее, все настойчивее, и тело ее блестело при свете очага. Он протянул руки вверх и потрогал ее груди, произнес ее имя один раз: он сопротивлялся, но не мог устоять, как и она. Затем он сжал ее бедра и позволил ей вести их обоих и наконец услышал ее громкий крик и открыл глаза, чтобы еще раз увидеть ее изогнувшееся дугой тело и туго натянутую на ребрах кожу. На ее щеках блестели слезы, как и раньше, но на этот раз он поднял руку, медленно привлек ее к себе и поцеловал в щеки, и она ему позволила это сделать.

И именно в тот момент, лежа на нем, когда все ее тело дрожало, и его тоже, а ее волосы почти скрывали их обоих, Стилиана прошептала без предупреждения, со странной нежностью, как он потом вспоминал:

— Они собираются вторгнуться в твою страну в конце весны. Никто еще не знает. Об этом объявили некоторым из нас сегодня ночью во дворце. Теперь должны произойти определенные события. Не стану утверждать, что мне жаль. То, что было сделано когда-то, влечет за собой все остальное. Запомни эту комнату, родианин. Что бы еще... что бы я потом ни сделала.

В своем смятении, так как его мозг еще не начал работать как следует, ощущая внезапно пронзивший его страх, он смог лишь ответить:

— Родианин? Только так? Все еще?

Она лежала на нем и не двигалась. Он чувствовал биение ее сердца.

— Родианин, — повторила она, бросив на него задумчивый взгляд. — Я такая, какой меня вынудили стать. Не надо заблуждаться.

«Почему ты плакала?» — хотелось ему спросить, но он не спросил. Эти слова он тоже запомнил, все слова, и ее выгнутое дугой тело, и эти горькие слезы из-за открыто проявленной ею страсти. Но в тишине, которая наступила после ее слов, они оба услышали, как парадная дверь внизу захлопнулась с тяжелым стуком.

Стилиана слегка шевельнулась. Он почему-то знал, что она улыбается своей кривой, насмешливой улыбкой.

— Хороший муж. Он всегда дает мне знать, когда возвращается домой.

Криспин уставился на нее. Она ответила ему взглядом широко открытых глаз, по-прежнему забавляясь.

— О, это правда. Ты думаешь, Леонту хочется убивать по ночам людей? Здесь где-то есть кинжал. Ты хочешь сразиться с ним в мою честь?

Значит, между ними действительно существует договоренность. Своего рода. Он совсем не понимает этих двоих. Теперь Криспин чувствовал себя уставшим, голова его отяжелела, он боялся: «То, что было сделано когда-то». Но дверь внизу уже хлопнула, не оставляя возможности разобраться. Он вскочил с постели и начал одеваться. Она спокойно наблюдала за ним,

разглаживая вокруг себя простыни, ее волосы рассыпались по подушке. Он увидел, как она бросила разорванное платье на пол, не пытаясь его спрятать подальше.

Он оправил тунику и пояс, встал на колени и быстро зашнуровал сандалии. Когда он снова встал, свечи уже догорели. Ее обнаженное тело было целомудренно прикрыто простынями. Она, опираясь на подушки, сидела неподвижно под его взглядом и тоже смотрела на него. И Криспин вдруг понял, что в этом есть некий вызов наряду со всем прочим, понял, что она очень молода и как легко было об этом забыть.

— Ты себя тоже не обманывай, — сказал он. — Ты так упорно пытаешься всех нас контролировать. Ты ведь не просто сумма твоих планов. — Он и сам не совсем понимал, что это означает.

Она нетерпеливо покачала головой:

— Все это не имеет значения. Я — орудие.

Он ответил угрюмо:

— Приз, как ты мне сказала в прошлый раз. А сегодня — орудие. Что еще мне положено знать? — Но теперь он ощущал неожиданную, странную боль, глядя на нее.

Она открыла рот, потом закрыла. Он видел, что застал ее врасплох, и слышал в коридоре за дверью шаги.

— Криспин, — сказала она, указывая на окно. — Уходи. Пожалуйста.

И только когда он шел через двор, мимо фонтана, направляясь к указанной оливе в углу, он осознал, что она произнесла его имя.

Он взобрался на дерево, перелез на гребень стены. Белая луна уже встала, она имела форму полумесяца. Он сидел на каменной стене над пустой темной улицей и вспоминал Зотика и того мальчика, которым был сам когда-то, который перебирался со стены на дерево. Мальчик, а потом мужчина. Он вспомнил о Линон, почти услышал, как она комментирует то, что только что произошло. Или, может быть, он ошибался: возможно, она бы поняла, что здесь есть более сложные составляющие, чем просто физическое желание.

Потом он тихо рассмеялся про себя, с грустью. Потому что это тоже было не так: в физическом желании нет ничего простого. Он посмотрел вверх и увидел силуэт в том окне, из которого только что вылез. Леонт. Окно захлопнулось, занавески задернулись в спальне Стилианы. Криспин сидел неподвижно, невидимый на стене.

Он посмотрел на противоположную сторону улицы и увидел купол, поднимающийся над домами. Купол Артибаса, императора, Джада. Самого Криспина? Внизу на границе его зрения что-то мелькнуло — одна из необъяснимых вспышек пламени, которые были характерны для ночного Сарантия, появилась на улице и исчезла, словно сны или жизни людей и их воспоминания. Что еще, спросил себя Криспин, остается потом?

«Они собираются вторгнуться в твою страну в конце весны».

Он не пошел домой. Дом был очень далеко. Он спрыгнул со стены, пересек улицу, прошел по длинному темному переулку. Из тени его окликнула проститутка, ее голос в ночи звучал как песня. Он шел дальше, следуя поворотам переулка, и в конце концов пришел туда, где переулок выходил на площадь напротив ворот Императорского квартала. Направо возвышался фасад Святилища. На портике стояли стражники всю ночь. Они его узнали, когда он подошел, кивнули, открыли одну половинку массивных дверей. Внутри горел свет. Достаточно яркий, чтобы он мог работать.

Глава 6

В тот же час ночи, на том же ветру, четыре человека шагали по Городу под этой восходящей луной.

После наступления ночи в Сарантии всегда было небезопасно, но компания из четырех человек могла чувствовать себя относительно спокойно. Двое держали в руках тяжелые палки. Они шагали довольно быстро из-за холода, но им пришлось немного сбавить темп, когда дорога сначала пошла вниз, потом снова вверх, из-за выпитого вина и одного из спутников, который волочил больную ногу. Самый старший, маленький и толстый, кутался в плотный плащ до подбородка, но ругался каждый раз, когда порывы ветра гнали по темной улице мусор.

Еще на улицах были женщины; они укрывались в дверных проемах, так как одежда, свойственная их профессии, была скудной. Многие грелись вместе с бездомными нищими у теплых печей хлебопеков.

Один из молодых мужчин хотел было замедлить здесь шаги, но закутанный в плащ человек хрипло выругался, и они пошли дальше. Одна женщина — совсем девочка — некоторое время шла вслед за ними, потом остановилась, постояла одна посреди улицы и вернулась к теплу. На обратном пути она увидела, как из-за угла показались громадные носилки — их несли восемь носильщиков вместо обычных четырех или шести, — и двинулись по улице вслед за четырьмя мужчинами. Она не стала окликать этого аристократа. Если такие, как этот, хотят получить женщину, они сами делают выбор. Если бы одну из девушек и позвали к носилкам, то ей могла грозить опасность. У богатых собственные правила и здесь, и везде.

Ни один из шагающих по улицам мужчин не был трезвым. Их угостила вином в конце свадебного пира хозяйка дома, и они только что вышли из шумной таверны, где старший поставил всем еще несколько бутылок вина.

Теперь им предстояло долго идти пешком, но Кирос не возражал. Струмос в таверне вел себя на удивление добродушно, многословно рассуждал об угрях и оленине и о правильном подборе соуса к основному блюду, описанному Аспалием четыреста лет назад. Кирос и остальные уже поняли, что их начальник доволен тем, как прошел день.

Или был доволен, пока они не вышли на улицу и не увидели, что сильно похолодало и уже очень поздно, а ведь им предстояло еще долго идти по продуваемым ветром улицам до лагеря Синих.

Кирос, который оказался не очень чувствительным к холоду, был слишком возбужден, чтобы обращать на него внимание; он находился под впечатлением от удачного пиршества, большого количества вина, ярких воспоминаний о хозяйке дома — ее аромат, улыбка, ее мнение о его работе на кухне, — и от веселого, благодушного настроения Струмоса в таверне. Это был один из очень удачных дней, решил Кирос. Он жалел, что он не поэт и не смог бы выразить хоть часть своих смятенных чувств словами.

Впереди послышался шум. Полдесятка молодых людей вывалились из низких дверей таверны. Было слишком темно, чтобы разглядеть их: если они из Зеленых, это опасно, ведь скоро начнется сезон, и страсти накаляются. Кирос понимал, что, если им придется бежать, он станет помехой. Четверо мужчин теснее придвинулись друг к другу.

Оказалось, в этом нет необходимости. Компания из таверны беспорядочной толпой двинулась вниз по холму к морю, пытаясь петь дежурный марш. Это не Зеленые. Солдаты в увольнении в Городе. Кирос облегченно вздохнул. Он оглянулся через плечо, и поэтому именно он увидел носилки, плывущие вслед за ними в темноте. Он ничего не сказал и пошел дальше вместе со всеми. Послушно рассмеялся в ответ на слишком громкую шутку Разика в адрес пьяных солдат — один из них остановился, и его стошнило у входа в лавку. Кирос снова оглянулся, когда они сворачивали за угол, миновав лавку торговца сандалиями и прилавок торговца простоквашей. Оба заведения давно закрылись на ночь. Носилки показались из-за угла, не отставая от них. Они были очень большими. Их несли восемь человек. Занавески были задернуты с обеих сторон.

Кирос ощутил тошнотворный страх. Носилки ночью не были чем-то необычным, богатые люди имели обыкновение ими пользоваться, особенно в холодное время. Но скорость движения этих носилок точно совпадала с их скоростью, и они двигались именно туда, куда шли они. Когда носилки последовали за ними по диагонали через площадь, вокруг фонтана в центре, а потом вверх по крутой улице, по противоположной стороне, Кирос откашлялся и тронул Струмоса за руку.

— Мне кажется... — начал он, когда тот взглянул на него. И проглотил слюну. — Возможно, нас преследуют.

Трое его спутников остановились и оглянулись. Носилки тут же замерли, носильщики в темной одежде стояли неподвижно, молча. Улица вокруг них была пустынной. Закрытые двери, закрытые окна лавок, четыре человека рядом, носилки патриция с задернутыми занавесками, больше ничего.

Белая луна висела в небе над медным куполом маленькой церкви. Издали донесся внезапный взрыв грубого хохота. Еще одна таверна, из которой выходят посетители. Потом и этот звук стих.

В тишине трое молодых людей услышали, как Струмос Аморийский сделал долгий выдох, потом выругался тихо, но с большим чувством.

— Оставайтесь на месте, — сказал он им. И двинулся назад, к носилкам.

— Дерьмо, — прошептал Разик, не придумав ничего лучшего. Кирос тоже ощутил нависшую угрозу.

Они молча следили за маленьким поваром. Струмос подо-

шел к носилкам. Никто из носильщиков не шевельнулся и не заговорил. Повар остановился у задернутых занавесок с одной стороны. По-видимому, он что-то говорил, но они не слышали ни его, ни ответа из носилок. Затем Кирос увидел, что занавески приподнялись и слегка раздвинулись. Он понятия не имел, кто сидит внутри, мужчина или женщина или не один человек — носилки достаточно большие. Но теперь он точно знал, что боится.

— Дерьмо, — снова выругался Разик, глядя в ту сторону.

— Дерьмо, — эхом отозвался Мергий.

— Заткнитесь, — сказал Кирос, что было совсем не похоже на него. — Вы оба.

Кажется, Струмос снова заговорил, потом стал слушать. Потом он скрестил на груди руки и прибавил еще несколько слов. Через мгновение занавески задернулись, а еще через мгновение носилки развернулись и двинулись в противоположном направлении, назад, к площади. Струмос остался на месте, глядя им вслед, пока они не скрылись за фонтаном. Потом вернулся к трем юношам. Кирос видел, что он обеспокоен, но не посмел ни о чем спросить.

— Кто это был, во имя бога? — спросил Разик. Он не чувствовал себя таким скованным.

Струмос проигнорировал вопрос Разика, словно тот ничего не спросил. Он зашагал дальше; они последовали за ним. Больше никто ничего не сказал, даже Разик. Они дошли до лагеря без дальнейших приключений, их узнали при свете факелов и впустили.

— Спокойной ночи, — пожелал Струмос всем троим у входа в спальни. Затем ушел, не ожидая ответа.

Разик и Мергий поднялись по лестнице и вошли в дом, а Кирос задержался на крыльце. Он видел, что Струмос не пошел к своим личным комнатам. Вместо этого он пересек двор и направился к кухне. Через несколько секунд Кирос увидел, что там зажглись лампы. Ему хотелось пойти туда, но он этого не сделал. Это было бы слишком большой самонадеянностью. Еще через секунду он в последний раз вдохнул холодный воздух и вошел внутрь вслед за остальными. И лег в постель. Но еще долго не спал. Очень хороший день и вечер таинственным образом превратились в нечто иное.

Струмос Аморийский ходил по кухне, точными движениями разжег очаг, зажег лампы, налил себе чашу вина. Он предусмотрительно разбавил вино, затем взял нож, наточил его и ритмичными ударами нарезал овощи. Разбил два яйца, добавил овощи, морскую соль и щедрую щепотку дорогого восточного перца. Взбил смесь в маленькой щербатой мисочке, которая служила ему долгие годы и которую он использовал только для себя лично. Нагрел кастрюльку на решетке над очагом, брызнул на нее оливкового масла и поджарил себе плоский омлет, помешивая наугад. Поставил кастрюльку на каменную поверхность и выбрал на полке тарелку с бело-синим узором. Переложил свое творение на тарелку, украсил его цветочными лепестками и листиками мяты и на секунду замер, оценивая эффект. «Повар, который не заботится о собственном питании, — любил он повторять своим помощникам, — будет плохо кормить других людей».

Он совсем не был голоден, но его мучила тревога, и ему необходимо было что-то приготовить, а если уж блюдо приготовлено, то большое преступление не насладиться им — такова была его философия в этом мире, созданном Джадом. Он сел на высокий табурет у рабочей стойки в центре кухни и начал есть в одиночестве, запивая еду вином и снова наполняя чашу, глядя, как свет белой луны заливает двор за окном. Он думал, что Кирос может прийти сюда, и не возражал бы против его общества, но мальчику не хватило уверенности в себе, чтобы поступить так, как ему подсказывала его проницательность.

Струмос заметил, что его чаша с вином снова опустела. Он поколебался, потом еще раз наполнил ее, добавив на этот раз меньше воды. Он редко пил так много, но ведь не часто случались встречи на улице, подобные той, которая произошла недавно.

Ему предложили работу, а он отказался. Слишком много предложений ему сделали сегодня. Сначала молодая танцовщица, а потом только что, в темноте. Дело было не в самих предложениях. Это часто случалось. Люди знали о нем, жаждали заполучить его услуги, у некоторых были деньги, чтобы ему заплатить. Однако он был счастлив здесь, в лагере Синих. Не аристократическая кухня, но достаточно значительная, и у него есть возможность сыграть свою роль в изменении представлений о своем искусстве и о предмете своей страсти. Говорят, Зе-

леные тоже сейчас ищут повара. Струмоса это забавляло и радовало.

Но лицо, которое сделало ему предложение из роскошных носилок, — совсем другое дело. Его он знал очень хорошо, и теперь в нем пробудились воспоминания, в том числе воспоминания о своем собственном поведении, о молчаливом, почтительном соучастии в определенные моменты в прошлом. «Прошлое не покидает нас, пока мы не умрем, — очень давно написал Протоний, — и тогда мы становимся воспоминаниями других людей, пока они не умрут. Для большинства — это все, что после них остается. Так устроили боги».

«Сейчас и сами старые боги почти исчезли, — подумал Струмос, глядя на чашу с вином. — А сколько живых душ помнят Протония Тракезийского? Как человеку оставить после себя имя?»

Он вздохнул, оглядывая знакомую кухню, где продуман каждый уголок, — воплощение порядка в этом мире. «Что-то должно случиться», — внезапно понял маленький повар, сидя в одиночестве в кругу света от ламп. Ему казалось, он знает — что, и он не стеснялся высказывать свои взгляды. Война на западе — кто из мыслящих людей может не заметить ее признаков?

Но иногда мысли и наблюдательность не являются ключом. Иногда запертые двери открывает нечто присутствующее в крови, в душе, во сне.

Он уже больше не был уверен, что именно приближается. Но зато знал, что, если Лисипп Кализиец снова в Сарантии и передвигается по городу на своих носилках в темноте, кровь и сон станут участниками событий.

«Воспоминаниями других людей, пока они не умрут».

Он не опасался за себя, но у него действительно промелькнула мысль, что, возможно, опасаться следует.

Пора идти спать. Но спать не хотелось. В конце концов он задремал прямо на своем табурете, положив голову на согнутые руки и отодвинув тарелку и чашу. Лампы медленно догорели, погрузив спящего Струмоса в темноту.

* * *

В середине той самой ночи, когда ветер за окнами стал таким резким, что казалось, бог не пускает весну в этот мир, мужчина и женщина пили вино с пряностями у очага в свою первую брачную ночь.

Женщина сидела на мягком табурете, а мужчина на полу у ее ног, прислонившись головой к ее бедру. Они смотрели на языки пламени и молчали, что было характерно для нее, но необычно для него. День был очень долгим. Ее ладонь легонько покоилась на его плече. Они оба вспоминали другой огонь и другие комнаты, и некая неловкость витала в воздухе из-за того, что еще одна комната — и кровать в ней — находилась прямо за арочным дверным проемом, закрытым занавесом из бусин.

Наконец он сказал:

— Раньше ты не душилась этими духами. Обычно ты вообще не душишься. Правда?

Она покачала головой, потом вспомнила, что он ее не видит, и пробормотала:

— Да. — И, поколебавшись, прибавила: — Это духи Ширин. Она настояла, чтобы я ими надушилась сегодня вечером.

Тут он повернул голову и посмотрел на нее снизу вверх широко раскрытыми глазами.

— Ее духи? Но, значит, это духи императрицы?

Касия кивнула головой.

— Ширин сказала, что я должна сегодня ночью чувствовать себя королевой. — Ей удалось улыбнуться. — Я думаю, это безопасно. Если ты не пригласил гостей.

Гости оставили их недавно у парадного входа и удалились с грубыми шуточками, солдаты нестройным хором распевали одну особенно непристойную песенку.

Карулл, только что назначенный килиарх кавалерии Второго кализийского легиона, коротко рассмеялся.

— Не могу вообразить, чтобы мне сейчас захотелось видеть кого-нибудь здесь, рядом, — тихо ответил он. И прибавил: — И тебе не нужны духи Аликсаны, чтобы быть королевой.

На лице Касии появилось лукавое выражение из прошлой жизни в родном доме. Кажется, она снова обретала свой прежний нрав, хоть и медленно.

— Ты льстец, солдат. Это действовало на девушек в тавернах?

Раньше она тоже была девушкой в таверне.

Он покачал головой, серьезный и напряженный:

— Я этого никому не говорил. У меня никогда не было жены.

Выражение ее лица изменилось, но он опять смотрел в огонь и не мог этого видеть. Она смотрела на него сверху. На

этого солдата, на своего мужа. Крупный мужчина, черные волосы, широкие плечи, мощные руки и грудная клетка. И она вдруг осознала с удивлением, что он ее боится, боится обидеть или огорчить ее.

Языки пламени плясали, и в Касии что-то странно дрогнуло. Где-то далеко на севере когда-то было озеро. Она ходила туда одна. «Эримицу», умная. Слишком умная, высокомерная. До чумы и до той осенней дороги, когда ее мать стояла среди падающих листьев и смотрела, как ее уводят прочь, связанную веревкой с другими девушками.

Боги севера, этих открытых всем ветрам пространств, или Джад, или «зубир» из южных лесов Древней Чащи, — кто-то или что-то привело ее в эту комнату. Кажется, здесь она нашла укрытие. Очаг, стены. Мужчину, сидящего тихо у ее ног. Место, защищенное от ветра хоть раз в жизни.

Это дар, это дар. Сердце ее сжалось сильнее, пока она смотрела вниз. Дар. Ее рука сжала его плечо, потом погладила по голове.

— Ты же знаешь, — сказала она. — Теперь у тебя есть жена. Ты отведешь ее в постель?

— О, Джад! — Он выдохнул эти слова, словно очень долго сдерживал дыхание.

Она рассмеялась. Еще один дар.

* * *

Мардок, пехотинец Первого аморийского легиона, был вызван на север из приграничных земель в Деаполис вместе со своей ротой. Никто из офицеров не мог с уверенностью сказать, зачем, хотя каждый высказывал свои предположения. Мардок был почти уверен, что отравился чем-то съеденным в таверне, которую они посетили сегодня вечером. Как не повезло! Его самое первое увольнение в Город после шести месяцев службы в армии императора, и он болен, как бассанидский пес, а старшие над ним смеются.

Товарищи ждали его первые два раза, когда он был вынужден остановиться и опорожнить желудок в дверном проеме каких-то лавок. Но когда у него снова закрутило в животе и он медленно пришел в себя и выпрямился, пошатываясь, вытирая подбородок и дрожа под напором ледяного ветра, то обнаружил, что эти негодяи на этот раз ушли дальше без него. Он прислушался, услышал пение где-то впереди и оттолкнулся от стены, чтобы догнать их.

Он был далеко не трезв в добавление к сильному расстройству внутренних органов. Вскоре он перестал слышать пение и не имел понятия, где находится. Он решил отправиться обратно к морю — в любом случае они бы пошли туда, — и найти или другую таверну, или их гостиницу, или девушку. Белая луна должна находиться на востоке, что указывало ему направление. Он уже не чувствовал себя таким больным, слава пресветлому Геладикосу, вечному другу солдата.

На холоде тем не менее дорога вниз по холму казалась длиннее, а переулки более извилистыми, чем в начале вечера. Странно, как трудно идти в нужном направлении. Он все время видел эти призрачные язычки пламени, они то появлялись, то исчезали. О них нельзя было говорить, но они его очень пугали. Он просто подпрыгивал от страха. Мардок продолжал путь, тихо ругаясь.

Когда с ним поравнялись носилки, которых он не заметил и не услышал, и резкий голос аристократа изнутри спросил, не может ли гражданин помочь храброму солдату Империи, он был просто счастлив принять помощь.

Ему удалось поклониться, затем он забрался на носилки, когда один из могучих носильщиков отодвинул для него занавеску. Мардок уселся на пышные подушки и внезапно почувствовал свой собственный неаппетитный запах. Мужчина, сидящий внутри, оказался еще более крупным, чем носильщик, — поразительно крупным. Он был огромен. Когда опустилась занавеска, стало совершенно темно, и Мардок ощутил сладковатый запах каких-то духов, отчего его желудок чуть не скрутил новый приступ.

— Ты направляешься к берегу, как я полагаю? — спросил патриций.

— Конечно, — фыркнул Мардок. — Где же еще солдату найти шлюху, которая ему по карману? Прошу прощения у вашей милости.

— С тамошними женщинами лучше быть осторожным, — сказал тот человек. Он говорил четко, его голос оказался до странности высоким и очень ясным.

— Все так говорят, — пожал плечами Мардок. Здесь было тепло, подушки были поразительно мягкими. Он чуть не уснул.

В темноте он с трудом различал черты лица своего спутника. Видел только огромное тело этого человека.

— Все проявляют мудрость. Выпьешь вина?

Два дня спустя, на перекличке солдат Первого аморийского в Деаполисе, Мардок Сарникский оказался среди троих отсутствующих и по обычаю объявлен дезертиром. Так действительно случалось, когда молодые солдаты из деревни попадали в Город и подвергались испытанию тамошними соблазнами. Их всех предупреждали, конечно, перед тем как отпустить в увольнение. Пойманным дезертирам грозило наказание в виде ослепления или увечья — это зависело от воли командира. За первый проступок, если они вернутся добровольно, могли просто выпороть кнутом. Но поскольку вероятность войны возросла, а на верфях в Деаполисе кипело строительство, как и на противоположном берегу пролива, за маленькими лесистыми островками, солдаты знали, что те, кто не вернется по собственной воле, могут ждать гораздо худшего, если их выследят. В военное время за дезертирство казнили.

В течение пары дней слухи стали более конкретными. Восточная армия лишалась половины жалованья. Потом кто-то услышал, что они лишатся всего жалованья. И что-то насчет обещанной земли в качестве компенсации. Земельные наделы на краю пустыни? Никто не находил это забавным. Говорили, что их получат те, кто останется на востоке. Остальные отправятся на войну — на тех кораблях, которые клепали слишком быстро, что тревожило пехотинцев. Вот почему их перевели в Деаполис. Чтобы плыть далеко на запад, прочь от дома, в Батиару, сражаться с антами и инициями, этими племенами дикарей и безбожников, которые поедают жареную плоть своих врагов и пьют их горячую кровь или вспарывают солдатам животы кинжалами и насилуют их туда, перед тем как оскопить, содрать кожу и повесить на дубах за волосы.

Двое из трех солдат вернулись на второй день, бледные и испуганные после пьяного загула. Они выдержали порку, а потом их вылечил лекарь легиона при помощи вина, вылитого на раны и влитого в глотки. Мардок из Сарники не вернулся, его так и не нашли. Повезло гаду, решили некоторые из его товарищей, с тревогой глядя на строящиеся корабли.

— Выпьешь вина? — услышал Мардок высокий резкий голос в сумрачном тепле закрытых носилок. Походка носильщиков была ровной, убаюкивающей.

Глупо спрашивать об этом солдата. Конечно, он выпьет вина. Чаша оказалась тяжелой, украшенной драгоценными камнями. Вино — темным и добрым. Человек смотрел на Мардока, пока тот пил из чаши.

Когда он протянул ее снова за вином, огромный патриций медленно покачал головой в замкнутой душистой полутьме.

— Этого хватит, мне кажется, — сказал он. Мардок заморгал. Ему смутно казалось, что на его бедре лежит ладонь, и не его ладонь.

Ему показалось, будто он произнес:

— Отвали.

* * *

Рустем был лекарем и провел много времени в Афганистане, поэтому его не шокировали и не удивили железные кольца, вделанные в столбики кровати, и другие, более деликатные приспособления, которые он обнаружил в комнате, куда его проводили, в маленьком роскошном гостевом доме сенатора неподалеку от тройных стен.

Он пришел к выводу, что в этой спальне Плавт Бонос любил развлекаться вдали от уюта — и надзора — своей семьи.

В этом не было ничего неожиданного: аристократы всего мира занимались одним и тем же в разных вариантах, если обстоятельства их жизни позволяли уединиться. В Кераке не имелось таких домов, разумеется. Все в деревне знали о том, что делают все остальные, начиная с крепости.

Рустем вернул набор тонких золотых колец — он с опозданием понял, что они по размеру соответствуют мужским половым органам разной величины, — в предназначенный для них кожаный мешочек. Затянул завязки и положил мешочек вместе с шелковыми шарфами и мотками тонкой веревки, а также многими другими непонятными предметами в обитый медью сундук, из которого достал все это. Сундук оказался незапертым, а комната теперь принадлежала ему как гостю сенатора. Он не чувствовал себя виноватым в том, что осмотрел ее, пока размещал собственные вещи. Он ведь шпион Царя Царей. Ему нужно совершенствоваться в этом искусстве. От щепетильности

придется отказаться. Будет ли великому Ширвану и его советникам интересно узнать о ночных пристрастиях распорядителя Сената в Сарантии?

Рустем закрыл сундук и бросил взгляд на гаснущий огонь. Конечно, он мог бы сам его раздуть, но принял другое решение. Те предметы, которые он только что обнаружил и держал в руках, вызвали в нем необычные чувства, он вдруг осознал, как далеко он от своих жен. Несмотря на усталость после долгого и бурного дня — с гибелью человека в самом его начале, — Рустем отметил в себе, как профессионал, признаки возбуждения.

Он подошел к двери, открыл ее и крикнул вниз, чтобы кто-нибудь развел огонь. Дом был маленький. С первого этажа немедленно донесся ответ. Через несколько секунд он с удовлетворением увидел молодую служанку — чуть раньше она назвала себя Элитой, — которая вошла в комнату, почтительно опустив глаза. Он думал, что явится довольно чопорный управляющий, но подобные обязанности явно были ниже достоинства этого парня, и, возможно, он уже спит. Час поздний.

Рустем сидел на подоконнике и смотрел, как женщина раздувает огонь и подметает пепел. Когда она закончила и поднялась с колен, он мягко произнес:

— По ночам я мерзну, девушка. Я бы предпочел, чтобы ты осталась.

Она покраснела, но не стала возражать. Он знал, что так и будет в доме такого сорта. Ведь он — почетный гость.

Она оказалась мягкой, приятно теплой, податливой, хоть и не слишком искусной. В каком-то смысле ему так больше нравилось. Если бы он захотел приобрести новый чувственный опыт, он бы потребовал опытную проститутку. Это Сарантий. Говорят, здесь можно достать все. Все, что угодно. Он по-доброму отнесся к девушке, позволил ей остаться в постели вместе с ним после. Ее постель, несомненно, представляла собой всего лишь лежанку в холодной комнате внизу, а они слышали, как снаружи завывает ветер.

Ему пришло в голову, когда сознание уже начинало туманиться, что слугам, возможно, приказали внимательно следить за приезжим бассанидом, и это лучше всего объясняло уступчивость девушки. Но он слишком устал, чтобы размышлять об этом. Он уснул. Ему снилась его дочь, которую он должен потерять, так как Царь Царей возвысил его до касты жрецов.

Девушка Элита все еще находилась у него позже, в самый разгар ночи, когда весь дом проснулся от настойчивого стука и криков у двери.

* * *

Пока ее несли на носилках сквозь темноту из Императорского квартала в собственный городской дом, а рядом ехал верхом неожиданный провожатый, Гизелла задолго до прибытия на место решила, как ей поступить.

Она подумала, что со временем этот факт мог бы вернуть ей немного потерянной гордости: это был ее выбор, ее решение. Это не значило, что у нее все непременно получится. При наличии стольких других планов и замыслов — и здесь, и дома — шансы против нее явно перевешивают. Так было всегда, с того времени, когда умер ее отец и анты неохотно короновали его единственного оставшегося в живых ребенка. Но по крайней мере она могла думать, действовать, а не качаться, подобно утлой лодочке, на волнах больших событий.

Она точно знала, например, что делает, когда послала полного горечи и гнева художника на другой конец света с предложением ее руки императору Сарантия. Она вспомнила, как стояла пред этим человеком, Каем Криспином, одна, ночью, в своем дворце и позволяла ему смотреть — даже требовала, чтобы он как следует рассмотрел ее.

«Ты можешь сказать императору, что видел царицу антов очень близко».

Она вспыхнула при этом воспоминании. После того, с чем она столкнулась сегодня ночью во дворце, ей стала ясна вся глубина ее наивности. Давно пора ей расстаться с частью своего неведения. Но она даже не могла бы сказать, к появлению какого плана приведет сегодняшнее решение, в котором все еще присутствовал недостойный страх. Она знала только, что осуществит его.

Она слегка приподняла занавеску и увидела коня, все еще идущего шагом рядом с носилками. Она узнала дверь в часовню. Они приближались к ее дому. Гизелла глубоко вздохнула, попыталась посмеяться над своей тревогой, над этим примитивным страхом.

Речь идет всего лишь о введении в игру чего-то нового, сказала она себе, того, что идет от нее. Посмотрим, какие круги

пойдут по воде. В этом стремительном потоке событий приходится использовать то, что подвернется под руку или что на ум взбредет, как всегда, и она решила превратить собственное тело в фигуру в этой игре.

В самом деле, для царицы недоступная роскошь думать о себе иначе. Сегодня ночью в пышном зале дворца император Сарантия отнял у нее еще сохранившиеся иллюзии насчет консультаций, переговоров, дипломатии — всего, что могло бы отодвинуть наступление на Батиару железной лавины войны.

После того как Гизелла видела его в изящной маленькой комнате вместе с императрицей и видела ее саму, некоторые другие иллюзии тоже исчезли. В этой поразительной комнате, с ее тканями, коврами на стенах и серебряными подсвечниками, среди красного и сандалового дерева, кож из Сорийи и благовоний, с золотистым солнечным диском на стене над каждой дверью и с золотым деревом, на котором сидело с десяток усыпанных драгоценными камнями птиц, у Гизеллы возникло ощущение, будто души в этой комнате находятся в самом центре вращающегося мира. Здесь был центр событий. Неожиданные, полные насилия образы будущего, казалось, пляшут и кружатся в освещенном воздухе, проносятся мимо, вдоль стен с головокружительной скоростью, а комната в то же время почему-то остается неподвижной, как эти птицы на золотых ветвях дерева императора.

Валерий собирается завоевать Батиару.

Он уже давно принял решение, наконец поняла Гизелла. Этот человек сам принимает решения, и его взгляд устремлен на поколения, которым еще предстоит родиться, в той же степени, как на те, которыми он правит сегодня. Теперь она встретилась с ним и увидела это.

Сама она, ее присутствие здесь могло ему помочь или нет. Тактическое орудие. Оно не имеет значения при столь огромном масштабе. Как и мнение других людей, стратига, канцлера, даже Аликсаны.

Император Сарантия, задумчивый, учтивый и очень уверенный в себе, видел Родиас возрожденным, разрушенную Империю восстановленной. Видения такого масштаба могут быть опасными; подобное честолюбие иногда сметает все на своем пути. «Он хочет оставить после себя имя, — думала Гизелла, опускаясь перед ним на колени, чтобы скрыть лицо, а потом

снова поднимаясь и сохраняя самообладание. — Он хочет, чтобы его запомнили благодаря этому».

Таковы мужчины. Даже самые мудрые. Ее отец не был исключением. Страх умереть и быть забытым. Потерянным для памяти мира, который безжалостно пойдет вперед без него. Гизелла поискала в своей душе и не обнаружила там столь жгучего желания. Ей не хотелось, чтобы ее ненавидели или обвиняли, когда Джад призовет ее к себе, на другую сторону от солнца. Но она не ощущала страстного желания, чтобы ее имя пели в течение бесконечной череды грядущих лет или чтобы ее лицо и фигура сохранились в мозаике или в мраморе навечно — или столько, сколько продержатся камень и стекло.

Ей хотелось бы, с тоской подумала она, отдохнуть в конце, когда он наступит. Чтобы ее тело лежало рядом с телом отца в том скромном святилище у стен Варены, а душа обрела благодать во владениях бога, веру в которого приняли анты. Дозволена ли подобная благодать? И возможна ли?

Раньше, во дворце, Гизелла на мгновение поймала пристальный взгляд евнуха — канцлера Гезия и, как ей показалось, увидела в нем и жалость, и понимание. Человек, переживший трех императоров, должен разбираться в коловращении жизни.

Но Гизелла еще участвует в этом коловращении, она еще молода и жива, далека от небесной безмятежности и благодати. У нее перехватило горло от гнева. Ей была ненавистна сама мысль о том, что кто-то может ее жалеть. Женщину из племени антов, царицу антов? Дочь Гилдриха? Жалеть? За это можно и убить.

Но сегодня ночью убийство невозможно. Зато возможно другое, в том числе — пролить собственную кровь. Насмешка? Конечно, это насмешка.

Мир полон таких насмешек.

Носилки остановились. Она снова приподняла занавеску, увидела дверь собственного дома, ночные факелы, горящие на стенах по обеим сторонам от нее. Она услышала, как ее провожатый спрыгнул с коня, потом рядом с ней появилось его лицо. В холодном ночном воздухе у него изо рта вырвалось облачко пара.

— Мы прибыли, милостивая госпожа. Жаль, что так холодно. Можно помочь тебе сойти?

Она улыбнулась ему. Оказалось, улыбаться ей совсем не трудно.

— Зайди и погрейся. Я прикажу подогреть для тебя вина с пряностями, перед тем как ты поедешь назад по холоду. — Она смотрела ему прямо в глаза.

Последовала короткая пауза.

— Для меня это большая честь, — ответил золотой Леонт, Верховный стратиг войск Сарантия. Тоном, который заставлял ему поверить. А почему бы и не поверить? Она — царица.

Он помог ей сойти с носилок. Ее управляющий уже открыл входную дверь. Ветер дул порывами и поднимал вихри. Они вошли в дом. Она приказала слугам развести огонь в очагах первого этажа и наверху и приготовить подогретого вина с пряностями. Они сели у большого очага в гостиной и поговорили об обязательных пустяках. О колесницах и танцовщицах, о сегодняшней свадьбе в доме танцовщицы.

Надвигалась война.

Валерий сказал им об этом сегодня и тем самым изменил мир.

Они поговорили о гонках колесниц на Ипподроме, о том, как не по сезону ветрено на улицах, ведь зима уже должна была закончиться. Леонт, веселый и общительный, рассказал о юродивом, который только что устроился на скале рядом с одними из ворот, ведущими в сторону суши, и поклялся, что не сойдет вниз до тех пор, пока все язычники, еретики и киндаты не будут изгнаны из Города. Благочестивый человек, сказал Леонт, качая головой, но он не понимает реальностей нашего мира.

Очень важно понимать реальности нашего мира, согласилась она.

Принесли вино на серебряном подносе, в серебряных чашах. Он произнес официальный тост на родианском языке. Его учтивость была безупречной. Она знала, что он будет учтивым, даже когда поведет армию грабить ее дом, даже если сожжет Варену до основания, выроет из земли кости ее отца. Он, конечно, предпочел бы ничего не сжигать. Но сделает это, если придется. Во имя бога.

Сердце Гизеллы сильно билось, но руки, как она видела, не дрожали, ничего не выдавали. Она отпустила своих женщин, а потом управляющего. Через несколько секунд после их ухода она встала, поставила свою чашу — ее решение, ее действие — и подошла к нему. Остановилась перед его стулом, глядя на него сверху вниз. Прикусила нижнюю губу, затем улыбнулась. Она увидела его ответную улыбку, потом он допил свое вино и встал

совершенно непринужденно — он к этому привык. Золотой мужчина. Она взяла его за руку и повела наверх, к своей постели.

Он сделал ей больно, не ожидая встретить невинность, но женщинам с начала времен знакома эта боль, и Гизелла заставила себя приветствовать ее. Он был поражен, а потом явно обрадован, увидев ее кровь на простынях. Тщеславие. «Царская крепость завоевана», — подумала она.

Он благородно заговорил о том, какая это честь для него, о своем изумлении. Придворный, по крайней мере, в той же мере, что и солдат. Шелк над узлами мышц, искренняя вера в бога за кровопролитием и пожарами. Она улыбнулась и ничего не ответила. Заставила себя потянуться к нему, к этому твердому, покрытому шрамами телу солдата, чтобы это могло произойти снова.

Она знала, что делает. Понятия не имела, чего можно этим добиться. В игре, на доске, — ее тело. Во второй раз, уткнувшись лицом в подушку, она закричала в темноте, в ночи, и для этого было так много причин.

* * *

Он думал пойти на конюшню, но бывают такие ситуации, такое состояние души, когда не помог бы даже визит к Сервато-ру, в загон из красного дерева, который Синие соорудили для его коня.

Было время — давно, но не так уж давно, — когда ему только и хотелось находиться среди коней, в их мире. А теперь он еще не стар, почти по всем меркам, и самый прекрасный жеребец из всех известных в мире принадлежит ему, и он — самый почитаемый возничий на созданной богом земле, и все же почему-то сегодня ночью эти осуществленные мечты не могут его утешить.

Пугающая истина.

Сегодня Скортий присутствовал на свадебной церемонии, смотрел, как солдат, которого он знал и любил, женится на женщине, явно его достойной. Возничий слегка перебрал вина в компании общительных людей. И он видел — сначала на церемонии, потом во время приема — женщину, которая не давала ему спать по ночам. Разумеется, она была с мужем.

Он не знал, что Плавт Бонос и его вторая жена будут среди гостей. Почти целый день в ее присутствии. Это было... сложно.

И поэтому, по-видимому, его неоспоримой удачи в жизни недостаточно, чтобы справиться с тем, что его сейчас мучает. Неужели он так страшно жаден? Завистлив? В этом все дело? Избалован, как капризный ребенок, требует слишком многого от бога и его сына?

Сегодня ночью он нарушил собственное правило, установленное очень давно. Он пошел к ее дому в темноте после окончания свадебной вечеринки. Он был совершенно уверен в том, что Бонос находится в другом месте, что после веселой свадьбы и рожденного ею игривого настроения хорошо известные, хоть и не афишируемые привычки сенатора возьмут верх и он проведет ночь в маленьком доме, который держит для личных нужд.

Но он ошибся, необъяснимым образом ошибся. Скортий увидел сверкающие огни за зарешеченными окнами фасада дома сенатора Боноса. Дрожащий слуга, зажигающий задутые ветром факелы на стенах, спустился с приставной лестницы и за небольшую сумму охотно сообщил, что хозяин действительно дома и заперся вместе с женой и сыном.

Скортий прикрывал лицо плащом, пока не отошел подальше от дома по узким улицам Города. Из одной дверной ниши его окликнула женщина, когда он проходил мимо:

— Давай я тебя согрею, солдат! Пойдем со мной! Сегодня не такая ночь, чтобы спать одному.

Это правда, видит Джад. Он чувствовал себя старым. Отчасти из-за ветра и холода: его левая рука, сломанная много лет назад — одна из многочисленных травм, — ныла, когда дул резкий ветер. Унизительная слабость пожилого человека, подумал он, ненавистная слабость. Словно он — один из тех ковыляющих с костылем старых солдат, которым разрешали посидеть на табурете у огня в таверне для военных. Они сидят там всю ночь и надоедают неосторожным посетителям, в десятый раз рассказывая одну и ту же историю о какой-нибудь незначительной кампании тридцатилетней давности, еще в то время, когда великий и славный Апий был возлюбленным Джадом императором, и мы не докатились до нынешнего жалкого состояния, и не дадут ли старому солдату промочить горло?

Он тоже может стать таким, уныло подумал Скортий. Беззубым и небритым и рассказывать в кабинке «Спины» о прежних

славных днях гонок, давным-давно, во время правления Валерия Второго, когда он...

Он поймал себя на том, что потирает плечо, остановился и выругался вслух. Плечо болело, по-настоящему болело. Зимой не бывает гонок. Иначе у него были бы проблемы с управлением квадригой на поворотах. Кресенз из факции Зеленых сегодня вечером совсем не выглядел больным, хотя за все эти годы, наверное, получил много травм. Как и все возничие. Первый гонщик Зеленых был явно готов к своему второму сезону на Ипподроме. Уверенный в себе, даже заносчивый, но так и должно быть.

У Зеленых также появилось несколько новых лошадей, привезенных с юга, эту услугу им оказал какой-то высокопоставленный болельщик из военных. По сведениям Асторга, две или три из них исключительно хороши. Скортий знал, что один новый, выдающийся конь у них точно есть — правый пристяжной, которого отдали им Синие. На эту сделку Асторга подбил Скортий. Приходится отказываться от чего-то, чтобы получить что-то взамен, в данном случае — возницу. Но если он прав насчет лошади и насчет Кресенза, то знаменосец Зеленых быстро заберет жеребца для своей собственной упряжки и станет намного сильнее.

Скортия это не тревожило. Он даже радовался тому, что кто-то думает, будто может бросить ему вызов. Это заново разжигало в нем огонь, который необходимо было раздувать после стольких лет восхождения к вершине. Могучий Кресенз полезен ему, полезен Ипподрому. Это легко понять. Но сегодня ночью Скортию нелегко. И это не имеет отношения ни к лошадям, ни к его плечу.

«Сегодня не такая ночь, чтобы спать одному».

Конечно, это правда, но иногда любовь, купленная в подворотне или в других местах, не может принести удовлетворения. На столике у него дома лежат записки от женщин, которые были бы несказанно рады облегчить ему бремя одиночества сегодня ночью, даже сейчас, даже так поздно. Но ему было нужно совсем не это, хотя очень долго его это устраивало.

Та женщина, ради встречи с которой он с трудом пробрался на холм сквозь пронизывающий ветер, заперлась вместе с мужем, как сказал слуга. Что это может означать?

Он опять яростно выругался. Почему это проклятый распорядитель Сената не ушел играть в ночные игры со своим маль-

чиком, выбранным на этот сезон? Что случилось с Боносом, во имя Джада?

Именно в этот момент, шагая в одиночестве (несколько безрассудно, но обычно не берут с собой спутников, отправляясь ночью к любовнице и намереваясь перелезть через стену), Скортий решил пойти на конюшню. Он находился недалеко от лагеря. Там у них тепло; конские ночные запахи и звуки он знал и любил всю жизнь. Возможно, он даже найдет кого-нибудь на кухне, кто еще не спит и предложит ему выпить последнюю чашу вина и перекусить в тишине.

Ему не хотелось ни еды, ни вина. Ни даже присутствия его любимых коней. В том, чего ему хотелось, ему отказано, и сила его отчаяния, вероятно, более всего остального тревожила его. Это как-то по-детски. Губы его насмешливо скривились. Так как он себя чувствует — молодым, старым или тем и другим? Давно пора решить, не так ли? Он задумался и решил: ему хочется снова стать мальчиком, простодушным, как мальчик, или, если это невозможно, ему хочется остаться в комнате наедине с Тенаис.

Он увидел белую луну, когда она взошла. Он как раз шел мимо часовни Неспящих, направляясь на восток, и услышал пение внутри. Он мог бы войти, на несколько минут спастись от холода и помолиться среди святых людей, но бог и его сын именно в этот момент тоже ничего ему не подсказали.

Возможно, и подсказали бы, если бы он был лучшим, более благочестивым человеком, но это не так, и они не ответили, вот и все. Он увидел быстро промелькнувший по улице впереди синий язычок пламени — напоминание о присутствии полумира среди людей, который в Городе всегда рядом, и в это мгновение Скортий вдруг принял неожиданное решение.

Есть другая стена, через которую он может перелезть.

Если он не спит, бродит по городу и никак не может успокоиться, то может использовать такое настроение. С этой мыслью, не давая себе времени усомниться, он развернулся и зашагал по переулку, под углом отходящему от улицы.

Он шагал быстро, держался в тени, застыл неподвижно у одной двери при виде компании пьяных поющих солдат, которые вывалились из таверны. Стоя там, он увидел массивные носилки, появившиеся из темноты в противоположном конце улицы, которые потом свернули за угол и двинулись по крутому спуску к гавани. На секунду Скортий задумался, потом пожал

плечами. Ночью всегда что-то происходит. Люди умирают, рождаются, находят любовь или горе.

Он двинулся в другую сторону, снова вверх по холму, время от времени потирая плечо, и снова подошел к улице, а потом к дому, где провел большую часть дня и вечер на свадебном торжестве.

Дом, который Зеленые подарили своей лучшей танцовщице, был красивым и ухоженным и находился в очень хорошем районе. Он имел широкий портик и таких же размеров солярий с балконом, выходящим на улицу. Скортий бывал в этом доме и до сегодняшнего дня и даже поднимался наверх, когда приходил к его прежним обитателям. Иногда эти прежние хозяева размещали спальню в передней части дома, делая солярий ее продолжением, местом, откуда можно наблюдать за жизнью внизу. Иногда эта передняя комната становилась гостиной, а спальня размещалась в задней части, над внутренним двориком. Скортий мог полагаться лишь на свой инстинкт, поэтому решил, что Ширин не из тех, кто устраивает спальню над улицей. Она достаточно времени, днем и вечером, проводит, глядя на людей со сцены. К несчастью, дома здесь стояли так тесно, что во внутренний двор никак нельзя проникнуть с улицы.

Он окинул взглядом пустынную улицу. Факелы мигали на стенах; некоторые из них ветер задул. Возничий посмотрел наверх и вздохнул. Бесшумно, потому что он проделывал подобные вещи много раз, подошел к концу портика, залез на каменное ограждение, поднял над головой обе руки, ухватился, а потом подтянулся наверх одним плавным движением и очутился на крыше портика.

Когда много лет правишь четверкой коней, запряженных в колесницу, верхняя часть туловища и ноги становятся очень сильными.

И еще получаешь травмы. Он помедлил и тихо застонал от боли в плече. Он и правда становится слишком старым для подобных вещей.

Чтобы перебраться с крыши портика на балкон солярия, надо было совершить короткий вертикальный прыжок, еще раз крепко ухватиться и подтянуться прямо вверх, чтобы опереться коленом. Было бы легче, если бы Ширин все же выбрала эту комнату для своей спальни. Но она не ее выбрала, как Скортий и предполагал. Один взгляд внутрь, и он увидел темную комна-

ту, скамьи, драпировки на стенах над шкафчиками. Это была гостиная.

Он опять выругался, затем залез на перила балкона, стараясь сохранить равновесие. Крыша сверху была плоской, как во всех окрестных домах, без всякого бортика, чтобы стекала дождевая вода. Не за что ухватиться. И это он тоже помнил по другим местам. По другим домам. Он мог упасть, если соскользнут руки. А до земли далеко. Он представил себе, как слуга или раб найдет его утром на улице со сломанной шеей. Его внезапно охватил приступ буйного веселья. Он вел себя невероятно безрассудно и понимал это.

Тенаис должна была быть одна. А она была не одна. И вот он здесь, карабкается на крышу дома другой женщины на ветру.

На улице внизу послышались шаги. Скортий застыл неподвижно, стоя двумя ногами на перилах, ухватившись рукой за угловую колонну, чтобы сохранить равновесие, пока шаги не удалились прочь. Затем отпустил колонну и снова прыгнул. Раскинул руки по крыше ладонями вниз — единственный способ проделать это — и со стоном подтянулся наверх, на крышу. Движение далось ему с трудом.

Он лежал там некоторое время на спине, решительно подавляя желание потереть плечо, глядя на звезды и белую луну. Дул ветер. Джад создал людей глупыми созданиями, решил он. Женщины мудрее в целом. Они по ночам спят. Или сидят взаперти со своими мужьями. Что бы это ни означало.

На этот раз он тихо рассмеялся над самим собой и встал. Двинулся, легко ступая, к тому месту, где крыша кончалась, со стороны внутреннего дворика. Увидел маленький фонтан, еще без воды в конце зимы, вокруг него каменные скамьи, голые деревья. Сияли белая луна и звезды. Ветреная ночь, необычайно ясная. Он внезапно осознал, что чувствует себя счастливым. И очень живым.

Он точно знал, где должна быть спальня, увидел внизу узкий балкон. Еще раз бросил взгляд на бледную луну. Сестра бога, как называют ее киндаты. Ересь, но иногда, для себя самого, это можно понять. Он заглянул за край крыши. Спускаться должно быть легче. Он лег на живот, перебросил ноги через край, спустился как можно ниже на вытянутых руках. Потом аккуратно приземлился на балкон, бесшумно, как любовник или вор. Выпрямился, тихо шагнул вперед и заглянул сквозь застекленные двери в комнату женщины. Одна половинка двери,

как ни странно в такую холодную ночь, была приоткрыта. Он посмотрел на кровать. Там никого не было.

— Стрела из лука нацелена тебе в сердце. Стой где стоишь. Мой слуга с радостью убьет тебя, если ты не назовешь свое имя, — произнесла Ширин, танцовщица Зеленых.

Благоразумно будет оставаться на месте.

Он представления не имел, как она узнала, что он здесь, как успела вызвать телохранителя. Еще он — с большим опозданием — задал себе вопрос: почему он решил, что она спит одна?

«Назови свое имя», — приказала она. Он относился к себе с уважением.

— Я — Геладикос, сын Джада, — торжественно произнес он. — Здесь колесница моего отца. Поедем покататься?

Воцарилось молчание.

— Боже! — воскликнула Ширин уже другим голосом. — Это ты?

Она быстро и тихо отпустила телохранителя. Когда он ушел, она сама распахнула балконную дверь, и Скортий, поклонившись ей, вошел в спальню. Во внутреннюю дверь легонько постучали. Ширин подошла к ней, слегка приоткрыла, взяла из рук служанки зажженную свечу, потом снова закрыла дверь. И сама обошла комнату, зажигая свечи и лампы.

Скортий увидел смятые покрывала на кровати. Она и правда спала, но сейчас на ней было темно-зеленое платье, застегнутое до шеи, поверх той одежды, если она вообще спала в одежде. Темные коротко остриженные волосы Ширин доставали как раз до плеч. Новая мода — Ширин устанавливала моды для женщин Сарантия. Босыми ногами с высоким подъемом она ступала по полу с легкостью танцовщицы. Глядя на нее, он почувствовал быстро растущее желание. Она была очень привлекательной женщиной. Скортий развязал плащ и уронил его на пол за спиной. В тепле он начинал чувствовать, как к нему возвращается самообладание. Ему было все известно о подобных встречах. Ширин закончила зажигать свечи и повернулась к нему:

— Как я понимаю, Тенаис заперлась со своим мужем?

Этот вопрос был задан с такой невинной улыбкой и широко распахнутыми глазами.

Он с трудом глотнул. Открыл рот. Потом закрыл. Смотрел, как она села, продолжая улыбаться, на мягкое сиденье у гаснущего огня.

— Садись же, возничий, — тихо сказала она, держа спину очень прямо и полностью владея собой. — Служанка принесет нам вина.

В большой растерянности и с подлинным облегчением он опустился на указанное сиденье.

Проблема была в том, что он поразительно привлекательный мужчина. Сбросив свой плащ, все еще одетый в белое после свадьбы, Скортий выглядел вечно молодым, свободным для всех бед, сомнений и недостатков простых смертных.

Она спала одна, по собственному выбору, разумеется. Видит Джад, существовало немало мужчин, которые предложили бы ей свой вариант утешения в темноте, если бы она их попросила или позволила им. Но Ширин обнаружила, что самая большая роскошь высокого положения, настоящая привилегия, которую оно дает, — это иметь возможность не позволять и просить только там и тогда, когда ей этого действительно хочется.

Наступит время, когда будет иметь смысл обзавестись покровителем, возможно даже занимающим высокое положение мужем из военных или богатых купцов или даже из Императорского квартала. Здравствующая императрица является доказательством такой возможности. Но не сейчас. Она еще молода, на пике славы в театре и не нуждается в опекуне — пока.

Она и так под охраной — своей славы и других вещей. Среди этих других вещей и то, что кое-кто мог предупредить ее о появлении людей, пытающихся проникнуть в ее комнату после наступления темноты.

— *Насколько я понимаю, его нельзя убить, но почему этот человек расселся здесь и ждет, когда принесут вино? Просвети меня, прошу тебя.*

— *Данис, Данис. Разве он не великолепен?* — молча спросила Ширин, зная, что ответит на это птица.

— *О! Прекрасно. Подождешь, когда он еще раз улыбнется, а потом потащишь в постель, ты это задумала?*

Скортий Сорийский смущенно улыбнулся:

— Почему... гм... ты думаешь, что я... э...

— Тенаис? — спросила она. — О, женщины знают о таких вещах, дорогой мой. Я видела, как ты смотрел на нее сегодня вечером. Должна сказать, что она прелестна.

— Гм, нет! То есть я бы скорее сказал, что... женщины могут увидеть то, чего на самом деле не существует. — Его улыбка стала более уверенной. — Хотя должен заметить, что ты действительно прелестна.

— *Видишь? Я так и знала!* — воскликнула Данис. — *Ты знаешь, что это за человек! Оставайся на месте. Не надо ему улыбаться!*

Ширин улыбнулась. Скромно опустила глаза, сложила руки на коленях.

— Ты слишком любезен, возничий.

Снова кто-то царапается в дверь. Чтобы сохранить в тайне личность гостя — и избежать урагана слухов, который вызовет этот визит, — Ширин поднялась и сама взяла поднос у Фаризы, не впуская ее в комнату. Она поставила его на столик у кровати и налила им обоим вина, хотя, видит Джад, в такой час ей совсем не стоило снова пить вино. Ее охватило легкое возбуждение, которого она не могла подавить. Весь Город — от дворца и церкви до береговой таверны — был бы ошеломлен, если бы узнал об этом свидании первого возничего Синих и первой танцовщицы Зеленых. И этот человек...

— *Долей еще воды в свою чашу!* — резко приказала Данис.

— *Тихо, ты. В ней и так полно воды.*

Птица фыркнула.

— *Не знаю, к чему было предупреждать тебя о шуме на крыше. Могла бы с таким же успехом дать ему застать тебя голой в постели. Это облегчило бы ему задачу.*

— *Мы же не знали, кто это,* — рассудительно ответила Ширин.

— Как ты... э... догадалась, что я здесь? — спросил Скортий, когда она протянула ему чашу. Она смотрела, как он сделал большой глоток.

— Ты шумел, как четверка лошадей, приземляясь на крышу, Геладикос, — рассмеялась она. Ложь, но правда не для него и вообще ни для кого. Правда — это птица, которую прислал ей отец, обладающая душой, никогда не спящая, сверхъестественно бдительная, подарок полумира, где обитают духи.

— *Не шути!* — пожаловалась Данис. — *Ты его поощряешь! Ты знаешь, что говорят об этом мужчине!*

— *Конечно, знаю,* — молча шепнула Ширин. — *Давай проверим, дорогая? Он славится своим умением хранить тайны.*

«Интересно, как и когда он собирается начать меня соблаз-

нять», — подумала Ширин. Снова села на свое место, в противоположном от него конце комнаты, и улыбнулась. Ей было легко и весело, но в ней таилось волнение, глубоко спрятанное, как душа в этой птице. Оно приходило нечасто, это чувство, правда, нечасто.

— Ты ведь знаешь, — сказал Скортий из факции Синих, не вставая с места, — что мой визит совершенно благопристоен, пусть и... необычен. Ты в полной безопасности, мои неуправляемые желания тебе не грозят. — Блеснула его улыбка, он поставил свою чашу на стол уверенной рукой. — Я здесь только для того, чтобы сделать тебе предложение, Ширин, деловое предложение.

Она с трудом глотнула, задумчиво склонила голову к плечу.

— Ты... э... умеешь управлять неуправляемым? — прошептала она. Остроумие может стать ширмой.

Он снова непринужденно рассмеялся.

— Попробуй править четверкой коней, стоя на тряской колеснице, — ответил он. — Ты научишься.

— *О чем говорит этот человек?* — возмутилась Данис.

— *Тихо. Я могу обидеться.*

— Да, — холодно ответила она и села прямо, осторожно держа чашу с вином. — Не сомневаюсь. Продолжай. — Она понизила голос, сменила тембр. Интересно, заметил ли он.

Невозможно было ошибиться — ее тон изменился. Она актриса, она умеет передать многое, лишь чуть-чуть изменив голос или позу. И она только что это сделала. Он снова спросил себя, почему он решил, что она будет одна. И что это говорит о ней или о его представлении о ней. Он чувствовал в ней женскую гордость, самостоятельность, желание самой делать свой выбор.

Ну, это будет ее собственный выбор, что бы она ни выбрала. В конце концов, именно это он пришел ей сказать, и он это сказал, осторожно подбирая слова:

— Асторг, наш факционарий, вслух задавал вопрос, и не раз, как можно заставить тебя поменять факцию.

Тут она снова изменила позу — быстро встала, словно развернулась тугая пружина. Поставила свою чашу и холодно посмотрела на него:

— И для этого ты пришел в мою спальню среди ночи?

Эта идея представлялась ему все более неудачной.

Он ответил, оправдываясь:

— Ну, такое предложение нельзя делать при всех...

— Письмо? Вечерний визит? Обмен несколькими фразами в укромном месте во время сегодняшнего приема?

Он посмотрел на нее снизу вверх, прочел холодный гнев и замолчал, хотя в нем при виде ее ярости возникло другое чувство, и он снова ощутил вспышку желания. Будучи тем мужчиной, каким он был, он понял причину ее возмущения.

Она сказала, гневно глядя на него сверху вниз:

— Собственно говоря, именно так поступил сегодня Струмос.

— Я этого не знал, — сказал он.

— Похоже на то, — запальчиво ответила она.

— Ты согласилась? — спросил он, чуть-чуть слишком весело.

Она не собиралась позволить ему так легко отделаться.

— Зачем ты здесь?

Скортий, глядя на нее, понял, что под шелком ее темно-зеленого платья совсем ничего нет. Он откашлялся.

— Почему мы делаем то, что делаем? — в свою очередь, спросил он. Один вопрос за другим вместо ответа. — Понимаем ли мы когда-нибудь до конца?

Собственно говоря, он не собирался этого говорить. Увидел, как изменилось выражение ее лица. И прибавил:

— Я беспокоился, не мог спать. Не был готов идти домой, в постель. На улицах было холодно. Я видел пьяных солдат, проститутку, темные носилки, которые почему-то меня встревожили. Когда взошла луна, я решил идти сюда. Подумал, что мог бы попытаться... чего-то добиться, раз все равно не сплю. — Он посмотрел на нее. — Мне очень жаль.

— Добиться чего-нибудь, — сухо повторила Ширин, но он видел, что ее гнев исчезает. — Почему ты решил, что я буду одна?

Он боялся, что она его об этом спросит.

— Не знаю, — признался он. — Я только что задавал себе тот же вопрос. Наверное, потому что с тобой не связано имя ни одного мужчины и я никогда не слышал, чтобы ты... — Голос его замер.

И увидел тень улыбки в уголках ее рта.

— Увлекалась мужчинами?

Он быстро покачал головой.

— Не так. Проводила ночи с безрассудством?

Она кивнула. Воцарилось молчание. Сейчас ему необходимо было выпить еще вина, но он не хотел, чтобы она это заметила.

Она тихо сказала:

— Я сказала Струмосу, что не могу сменить факцию.

— Не можешь?

Она кивнула головой:

— Императрица ясно дала мне это понять.

И когда она это сказала, это показалось совершенно очевидным. Ему следовало знать, и Асторгу тоже. Конечно, двор хотел сохранить равновесие между факциями. А эта танцовщица пользовалась духами самой Аликсаны.

Ширин не шевелилась и молчала. Он огляделся, размышляя, увидел драпировки на стенах, хорошую мебель, цветы в алебастровой вазе, маленькую искусственную птичку на столе, вызывающий смущение беспорядок на постели. Снова перевел взгляд на Ширин, стоящую перед ним.

Он тоже встал:

— Теперь я чувствую себя глупо, помимо всего прочего. Мне следовало понять это, прежде чем тревожить тебя ночью. — Он слегка развел руками. — Императорский квартал не позволит нам быть вместе, тебе и мне. Прими мои глубочайшие извинения за это вторжение. Теперь я уйду.

Выражение ее лица снова изменилось: озарилось улыбкой, потом оно помрачнело, потом опять стало другим.

— Нет, не уйдешь, — возразила Ширин, танцовщица Зеленых. — Ты передо мной в долгу за прерванный сон.

Скортий открыл рот, закрыл, потом снова открыл, когда она подошла, обхватила ладонями его затылок и поцеловала его.

— Есть предел запретам двора. А если образы других людей лягут в постель вместе с нами, — прошептала она, увлекая его на кровать, — то это будет не в первый раз в истории мужчин и женщин.

Неожиданно рот у него пересох от волнения. Она взяла его руки и обняла ими свое тело. Она была гладкой, упругой, желанной. Он больше не чувствовал себя старым. Он чувствовал себя юным возничим-гонщиком, приехавшим с юга, новичком

среди блеска великого Города, который находил нежный прием в освещенных свечами домах, где вовсе не надеялся найти ничего подобного. Сердце его стремительно билось.

— Говори за себя, — удалось пробормотать ему.

— А я и говорю за себя, — тихо и загадочно ответила она, прежде чем упала на кровать и увлекла его за собой, окутав тем самым ароматом духов, на который имели право только две женщины в мире.

— Благодарю тебя за то, что у тебя хватило порядочности заставить меня замолчать до того, как...

— Ох, Данис, пожалуйста. Пожалуйста. Будь добрее.

— Ха! А он был добрым?

Внутренний голос Ширин звучал лениво и протяжно:

— Иногда.

— В самом деле. — Птица возмущенно фыркнула.

— А я — нет, — через секунду прибавила танцовщица.

— Я не желаю этого знать! Когда ты ведешь себя...

— Данис, будь добрее. Я не девственница, и у меня этого уже давно не было.

— Посмотри на него, как он спит. В твоей постели. Совершенно беззаботно.

— У него есть заботы, поверь мне. У всех есть. Но я смотрю. Ох, Данис, правда, он красивый?

Последовало долгое молчание. Потом птица беззвучно ответила «*Да*»; птица, которая когда-то была девушкой, убитой однажды осенью, на рассвете, в роще Саврадии.

— Да, он красивый.

Снова молчание. Они слышали, как дует ветер в текучей ночной темноте. Действительно, мужчина спал, лежа на спине, с взлохмаченными волосами.

— А мой отец? — внезапно спросила Ширин.

— Что твой отец?

— Он был красивым?

— А! — Снова тишина, в доме и за стенами, свечи догорели, и в комнате стало темно. Потом птица снова ответила:

— Да. Да; он был красивым, дорогая моя. Ширин, поспи. Тебе завтра танцевать.

— Спасибо, Данис. — Женщина на кровати тихо вздохнула. Мужчина спал. *— Я знаю. Сейчас усну.*

Танцовщица спала, когда он проснулся все еще в темноте. Он долго тренировался, чтобы этому научиться: задерживаться до рассвета в чужой постели опасно. И хотя здесь ему как будто не угрожает ни любовник, ни муж, будет крайне неловко, если его утром увидят выходящим из дома Ширин из факции Зеленых и об этом станет всем известно.

Он несколько мгновений смотрел на женщину с легкой улыбкой. Потом встал. Быстро оделся, еще раз окинул взглядом тихую комнату. Когда его взгляд вернулся к постели, она уже проснулась и смотрела на него. Чуткий сон? Интересно, что ее разбудило? Потом он снова подумал о том, как она узнала, что он на крыше.

— Вор в ночи? — сонно пробормотала она. — Бери что хочешь и уходи.

Он покачал головой:

— Преисполненный благодарности мужчина.

Она улыбнулась:

— Передай Асторгу, что ты сделал все от тебя зависящее, чтобы меня убедить.

Он вздохнул не слишком громко:

— Ты полагаешь, это все, на что я способен?

Теперь пришла ее очередь рассмеяться с тихим удовольствием.

— Иди, — сказала она, — пока я не позвала тебя обратно, чтобы проверить.

— Спокойной ночи, — ответил он. — Да хранит тебя Джад, танцовщица.

— И тебя тоже. На песчаной дорожке и в других местах.

Скортий вышел на балкон, закрыл за собой дверь, влез на балюстраду. Подпрыгнул вверх и подтянулся на крышу. Дул холодный ветер, но он его не чувствовал. Белая луна клонилась к западу, хотя ночи еще оставалось бежать долго, пока бог закончит свою битву внизу, под миром, и наступит рассвет. Звезды над головой светили ярко, облаков не было. Стоя на крыше дома Ширин, в возвышенной части огромного города, он видел раскинувшийся перед ним Сарантий, купола, особняки и башни, редкие факелы на каменных стенах, сгрудившиеся, покосившиеся деревянные дома, фасады закрытых лавок, площади и статуи на них, оранжевые отсветы пламени в тех местах, где находились стекольные мастерские или булочные, круто уходящие вниз улочки, а за ними, за всем этим, — гавань и море, огромное, темное и глубокое, взбаламученное ветром, напоминающее о вечности.

Охваченный настроением, которое не могло быть не чем иным, как радостным возбуждением, — он помнил его с давних времен, но уже давно не испытывал, — Скортий повторил свой путь в обратном порядке, к переднему краю крыши, спустился на верхний балкон, а затем, двигаясь бесшумно, на портик. И вышел на улицу, улыбаясь под прикрытием плаща, натянутого на лицо.

— Проклятье! — услышал он. — Этот ублюдок! Смотрите! Он спустился с ее балкона!

Радостное возбуждение может быть опасным. Оно делает человека беспечным. Он быстро обернулся, увидел полдюжины темных фигур и повернулся, чтобы бежать. Ему не нравилось убегать, но в данной ситуации выбора не было. Он чувствовал себя сильным, знал, что быстро бегает, и был уверен, что сумеет удрать от нападавших, кем бы они ни были.

Весьма вероятно, он бы и удрал, если бы множество других не бросилось на него с другой стороны. Увернувшись, Скортий увидел блеск кинжалов, деревянный посох, а потом совершенно противозаконный обнаженный меч.

Они собирались спеть для нее. Планировали собраться на улице, под окнами, как они полагали, ее спальни над портиком и исполнить музыку в ее честь. Они даже принесли музыкальные инструменты. Тем не менее план принадлежал Клеандру — он был их вожаком, — и когда выяснилось, что его отец запер его в доме в наказание за случайное убийство слуги бассанида, юные болельщики Зеленых отправились пить, без всякой цели, от раздражения, в свою обычную таверну. Говорили о лошадях и проститутках.

Но ни один уважающий себя молодой человек высокого происхождения не мог покорно подчиниться и остаться в заточении весенней ночью, в ту самую неделю, когда снова должны были начаться гонки колесниц. Когда появился Клеандр, тем, кто его хорошо знал, он показался слегка смущенным; но он широко улыбался им, стоя в дверях, и они встретили его приветственными криками. Он действительно убил сегодня человека. Это, несомненно, произвело на них большое впечатление. Клеандр быстро выпил две чаши неразбавленного вина и вы-

сказал определенное мнение насчет одной женщины, чей дом находился неподалеку от дома его отца. Она слишком дорого стоила для большинства из них, поэтому никто не мог опровергнуть его замечаний.

Затем он напомнил им, что они собирались хором воспеть неувядающую славу Ширин. Он не видел причин, по которым поздний час мог им помешать. Они окажут ей честь, уверял он остальных. Они ведь не собираются вторгаться к ней, всего лишь воздадут ей должное, стоя на улице. Он рассказал им, во что она была одета на свадьбе в тот день, когда здоровалась с ним лично.

Кто-то упомянул о соседях танцовщицы и стражниках городского префекта, но большинство уже имели с ними дело, и они смехом и криками заставили трусов замолчать.

Они вышли на улицу. Десять-двенадцать молодых людей (нескольких по дороге потеряли) двигались, пошатываясь, разнообразно одетой компанией. Один нес струнный инструмент, двое — флейты. Они поднимались на холм под резким холодным ветром. Если бы один из стражников и оказался где-то поблизости, он бы предусмотрительно предпочел не показываться. Болельщики обеих факций пользовались дурной славой забияк, а на этой неделе начнутся гонки. Конец зимы. Начало сезона на Ипподроме. Весна оказывает влияние на молодежь повсюду. Пусть сегодня ночью весной и не пахло, но она пришла.

Они добрались до улицы Ширин, разделились пополам и встали с двух сторон от ее широкого портика, откуда все могли видеть балкон солярия, на тот случай, если Ширин появится над ними подобно видению во время их пения. Парень со струнным инструментом ругал холод, от которого у него онемели пальцы. Другие деловито сплевывали, откашливались и нервно бормотали строчки выбранной Клеандром песни, когда один из них заметил мужчину, слезающего с того самого балкона на портик.

Это было непристойно, возмутительно. Это оскорбляло чистоту Ширин, ее честь. Какое право имел кто-то другой спускаться из ее спальни среди ночи?

Презренный трус повернулся и хотел убежать, как только они закричали.

У него не было оружия, и он далеко не ушел. Посох Марцелла тяжело ударил его в плечо, когда он попытался обогнуть

их группу с юга. Потом быстрый, гибкий Дарий ударил его кинжалом в бок и рванул лезвие снизу вверх, а один из близнецов пнул его ногой в ребра с той же стороны, в тот момент, когда этот негодяй ударом кулака заставил Дария распластаться на мостовой. Дарий застонал. Клеандр подбежал к ним с обнаженным мечом — у него единственного хватило безрассудства взять с собой меч. Он уже убил сегодня человека, и это он был знаком с Ширин.

Другие попятились назад от мужчины, который теперь лежал на земле, держась за распоротый бок. Дарий поднялся на колени, потом отполз в сторону. Они замолчали, их охватило чувство благоговейного страха, когда они осознали значимость этого момента. Они все смотрели на меч. Факелы на стенах не горели — ветер задул их. Не видно и не слышно было ночной стражи. Звезды, ветер и белая луна на западе.

— Мне бы не хотелось убить человека, не зная, кто он такой, — произнес Клеандр самым торжественным голосом.

— Я — Геладикос, сын Джада, — ответил негодяй, лежащий на дороге. Поразительно, но казалось, он пытается подавить приступ веселья. Он истекал кровью. Они видели темную кровь на дороге. — Все люди должны умереть. Бей, парень. Два человека в один день? Слуга бассанида и сын бога? Это почти делает тебя воином. — Он каким-то образом удержал плащ на лице, даже во время падения.

Кто-то ахнул. Клеандр испуганно вздрогнул:

— Откуда тебе известно?..

Клеандр подошел, опустился на колени. Приставив меч к раненому, он отвел плащ от его лица. Человек на земле не пошевелился. Клеандр одно мгновение смотрел на него, потом плащ выпал из его пальцев, словно он обжегся. Света не было. Остальные не увидели того, что видел он.

Но они услышали слова Клеандра, когда плащ опять упал на лицо поверженного человека.

— Вот дерьмо! — произнес единственный сын Плавта Боноса, распорядителя Сената Сарантия. Он встал. — О нет. Вот дерьмо! О святой Джад!

— Мой великий отец! — весело произнес раненый.

Неудивительно, что после этого воцарилась тишина. Кто-то нервно кашлянул.

— Значит, мы не будем петь? — жалобно спросил Деклан.

— Убирайтесь отсюда. Все! — хриплым голосом приказал

Клеандр через плечо. — Идите! Исчезните! Мой отец меня убьет!

— Кто это? — резко спросил Марцелл.

— Вы не знаете. Вам не нужно знать. Ничего не было. Идите домой, идите куда угодно, иначе мы все погибли! Святой Джад!

— Какого?..

— Уходите!

В окне наверху зажегся свет. Кто-то стал звать стражу — женский голос. Они ушли.

Слава Джаду, у мальчишки хватало ума и он не был безнадежно пьян. Он быстро прикрыл лицо Скортия после того, как их взгляды в темноте встретились. Никто из остальных — в этом он был уверен — не узнал, на кого они напали.

Есть шанс выйти из этого положения.

Если возничий выживет. Кинжал вошел в левый бок и распорол его, а потом удар ногой с той же стороны сломал Скортию ребра. Он их и раньше ломал. И знал, что при этом чувствуют.

Чувствовал он себя плохо. Мягко выражаясь, дышать было нелегко. Он прижимал ладонь к боку и чувствовал, как из раны сквозь пальцы сочится кровь. Парень дернул кинжал вверх после того, как нанес удар.

Но они ушли. Благодарение Джаду, они ушли. Оставили только одного. Кто-то из окна звал стражу.

— Святой Джад, — прошептал сын Боноса. — Скортий. Я клянусь... мы понятия не имели...

— Я знаю. Вы думали, что... просто кого-то убиваете. — Безответственно чувствовать такое веселье, но все это настолько абсурдно. Умереть, вот так?

— Нет. Мы не убивали! То есть...

Собственно говоря, для иронии не было времени.

— Подними меня, пока кто-нибудь не пришел.

— Ты можешь... можешь идти?

— Конечно. Я могу идти. — Возможно, это ложь.

— Я отведу тебя в дом отца, — сказал мальчик. Храбрый поступок. Возничий догадывался, какие последствия ждут Клеандра, когда он появится на пороге вместе с раненым.

Заперся вместе с женой и сыном.

Внезапно кое-что прояснилось. Вот почему они сегодня ночью были вместе. А потом ему стало ясным еще кое-что, и его веселое настроение совершенно испарилось.

— Только не в ваш дом. Святой Джад, нет!

Он не собирался появиться перед Тенаис в такой час ночи, раненный болельщиками после того, как спустился из спальни Ширин. Представив себе ее лицо при этом известии, он вздрогнул. На нем появится не выражение ярости, а полное отсутствие всякого выражения. Она снова станет чужой, ироничной и холодной.

— Но тебе нужен лекарь. Кровь течет. А мой отец может...

— Только не к тебе домой.

— Тогда куда? О! В лагерь Синих! Мы можем...

Хорошая мысль, но...

— Не поможет. Наш доктор сегодня был на свадьбе и, наверное, пьян до бесчувствия. И с ним множество других людей. Мы должны сохранить все в тайне. Ради... ради дамы. А теперь помолчи и дай мне...

— Погоди! Я знаю. Бассанид! — воскликнул Клеандр.

Это была и в самом деле хорошая мысль.

И в результате они вдвоем явились после поистине тяжкого путешествия по городу к маленькому дому, который Бонос держал для собственных нужд неподалеку от тройных стен. По дороге они снова встретили огромные темные носилки. Скортий увидел, как они остановились, и понял, что кто-то следит за ними изнутри, не выказывая ни малейшего намерения им помочь. Что-то заставило его содрогнуться, он не мог бы сказать, что именно.

Он потерял довольно много крови к тому времени, когда они добрались до места. Казалось, от каждого шага левой ногой сломанные ребра прогибаются внутрь, вызывая страшную боль. Он не позволил мальчишке попросить помощи в какой-нибудь таверне. Никто не должен об этом знать. Клеандр почти нес его на руках в конце пути. Парень был в ужасе, без сил, но он привел его к нужному дому.

— Спасибо, — удалось произнести Скортию, когда управляющий в ночной рубашке, со стоящими дыбом волосами, со свечой в руке открыл дверь в ответ на их громкий стук. — Ты хорошо справился. Расскажи отцу. Но больше никому!

Он надеялся, что тот все понял. Увидел бассанида, который подошел и остановился за спиной управляющего, поднял одну

руку, извиняясь и приветствуя его. Ему пришло в голову, что если бы сегодня ночью в этом доме оказался Плавт Бонос, а не этот восточный лекарь, то ничего этого не произошло бы. И тут он действительно потерял сознание.

* * *

Она не спит у себя в комнате с золотой розой, которую сделали для нее давным-давно. Знает, что он сегодня ночью придет к ней. Смотрит на розу и думает о хрупкости, когда дверь открывается, звучат знакомые шаги и голос, который всегда с ней:

— Ты на меня сердишься, я знаю.

Она качает головой:

— Немного боюсь того, что надвигается. Но не сержусь, мой повелитель.

Она наливает ему вина, разбавляет водой. Он берет вино и ее руку, целует ладонь. Его движения спокойны и непринужденны, но она знает его лучше, чем кого-либо из живущих людей, и замечает признаки возбуждения.

— В конце концов нам пригодилось то, что мы следили за царицей все это время, — говорит она.

Он кивает:

— Она умна, правда? Она знала, что для нас это не было неожиданностью.

— Я заметила. Как ты думаешь, с ней будет трудно?

Он поднимает глаза, улыбается:

— Возможно.

Конечно, он подразумевает, что это не имеет значения. Он знает, что хочет сделать и чего хочет от других. Никто из них не узнает всех подробностей, даже его императрица. И, уж конечно, не Леонт, который возглавит армию завоевателей. Внезапно она думает о том, сколько человек пошлет ее муж, и у нее мелькает одна мысль. Она отгоняет ее, потом эта мысль возвращается: Валерий очень хитер и осторожен даже с самыми верными друзьями.

Она не рассказывает ему, что и ее тоже предупредили о том, что Леонт собирается привести сегодня во дворец Гизеллу. Аликсана уверена: ее муж знает, что она следит за Леонтом и его женой, и уже довольно долгое время, но это одна из тех тем, которые они не обсуждают. Один из способов оставаться партнерами.

Большую часть времени.

Давно уже наблюдались признаки — никто не сможет утверждать, что его застали врасплох, — но без всякого предупреждения, ни с кем не советуясь, император только что объявил о намерении начать войну этой весной. Они вели войны почти все время его правления, на востоке, на севере, на юго-востоке, далеко в маджритских пустынях. Это другое. Это Батиара, Родиас. Сердце Империи. Отнятое, потерянное за морскими просторами.

— Ты в этом уверен? — спрашивает она.

Он качает головой.

— Уверен ли в последствиях? Конечно, нет. Ни один из смертных не может претендовать на то, что ему известно неизвестное, то, что может случиться, — тихо отвечает ее супруг, все еще держа ее руку. — Мы живем с этой неуверенностью. — Он смотрит на нее. — Ты все-таки сердишься на меня. За то, что я тебе не сказал.

Она снова качает головой.

— Как я могу сердиться? — спрашивает она и действительно говорит искренне. — Ты всегда этого хотел, а я всегда говорила, что этого нельзя делать. Ты считаешь иначе, и ты мудрее, чем любой из нас.

Он смотрит снизу вверх добрыми серыми глазами.

— Я допускаю ошибки, любимая. Возможно, это тоже ошибка. Но мне нужно попытаться, и сейчас пришло время это сделать, когда бассаниды подкуплены, чтобы сидели тихо, на западе хаос, а молодая царица здесь, с нами. В этом заложен слишком большой... смысл.

Так работает его мозг. Отчасти.

Отчасти. Она вздыхает и шепчет:

— Тебе бы понадобилось это делать, если бы у нас был сын?

Сердце ее сильно бьется. Такого теперь почти никогда не случается. Она наблюдает за ним. Видит, что он поражен, потом удивление сменяется другим чувством: его мозг начинает работать, он размышляет, а не пытается уйти от ответа.

После долгого молчания он отвечает:

— Это неожиданный вопрос.

— Я знаю. Мне пришло это в голову, пока я ждала тебя здесь. — Это не совсем правда. В первый раз это пришло ей в голову уже давно.

— Ты думаешь, если бы он у нас был, то из-за риска...

Она кивает головой.

— Если бы у тебя был наследник. Тот, кому ты все это оставишь. — Она не нуждается в жестах. Это больше, чем можно охватить любым жестом. *Это* Империя. Наследство столетий.

Он вздыхает. Он все еще не отпустил ее руку. И говорит мягко, глядя в огонь:

— Может, и так, любимая. Я не знаю.

Признание. Он сказал так много. Нет сыновей, никого, кто придет после, унаследует трон, зажжет свечи в годовщину их смерти. В ней просыпается старая боль.

Он говорит по-прежнему тихо:

— Есть вещи, которых мне всегда хотелось. Мне бы хотелось оставить после себя возрожденный Родиас, новое Святилище с его куполом, и... и, возможно, какую-то память о том, чем мы были, ты и я.

— Три вещи, — говорит она, не в состоянии придумать в тот момент ничего более умного. Ей кажется, что она сейчас заплачет, если не поостережется. Императрица не должна плакать.

— Три вещи, — повторяет он. — Перед тем как все закончится, как кончается всегда.

Говорят, что, когда заканчивается жизнь помазанника святого Джада, раздается голос: «Покинь престол сей, повелитель всех императоров ждет тебя».

Никто не может сказать, правда ли это, действительно ли звучат эти слова и слышны ли они. Мир бога так устроен, что мужчины и женщины живут в тумане, в колеблющемся свете и никогда не знают наверняка, что их ждет.

— Еще вина? — спрашивает она.

Он смотрит на нее, кивает головой, отпускает ее руку. Она берет его чашу, наполняет ее, приносит назад. Чаша из серебра, инкрустированная золотом и рубинами по кругу.

— Прости меня, — говорит он. — Прости меня, любимая.

Он и сам не знает, почему говорит так, но его охватывает странное чувство: что-то такое есть в ее лице, что-то парит в воздухе этой изящной комнаты, похожее на птицу; она заколдована и невидима, пение ее не слышно, но тем не менее она существует.

* * *

Неподалеку от той комнаты во дворце, где не поет птица, мужчина, поднявшись в воздух на такую высоту, где летают птицы, работает на помосте под куполом. Наружная поверхность купола сделана из меди, блестящей под луной и звездами. А внутренняя принадлежит ему.

Здесь, в Святилище, горит свет, горит всегда по приказу императора. Мозаичник сегодня работает своим собственным подмастерьем, сам смешивает известь для основы, сам поднимается с ней по приставной лестнице. Извести не много, сегодня ночью ему не нужен большой участок. Он сделает совсем чуть-чуть. Только лицо своей жены, умершей уже почти два года назад.

Никто на него не смотрит. У входа дежурят стражники, как всегда, даже в такой холод, а маленький взъерошенный архитектор спит где-то среди этого пространства, заполненного светом ламп и тенями, но Криспин работает в тишине, в одиночестве, насколько может быть одиноким человек в Сарантии.

Если бы кто-то смотрел на него и знал, что он делает, то им потребовалось бы истинное понимание его искусства (и даже всех подобных видов искусства), чтобы не прийти к выводу, будто он — жесткий, холодный человек, равнодушный в жизни к женщине, которую так безмятежно изображает. Его глаза смотрят ясно, руки двигаются твердо, придирчиво выбирая смальту на стоящих перед ним подносах. Выражение его лица отстраненное, суровое: он всего лишь решает технические задачи со стеклом и камнем.

Всего лишь? Сердце иногда не может сказать, но рука и глаз — если они достаточно тверды и достаточно ясны — могут сотворить окно для тех, кто придет после. Когда-нибудь кто-нибудь, возможно, посмотрит наверх, когда все бодрствующие или спящие в Сарантии этой ночью давно уже умрут, и узнает, что эта женщина была прекрасна и очень любима неизвестным мужчиной, который поместил ее наверху. Говорят, так древние боги Тракезии помещали своих смертных возлюбленных на небо в виде звезд.

Часть II

ДЕВЯТЫЙ ВОЗНИЦА

Глава 7

Люди всегда видели сны в темноте. Большая часть ночных образов исчезала с восходом солнца или раньше, если спящий просыпался от этих сновидений. Сны были страстными желаниями, предостережениями или пророчествами. Они были даром или проклятием, их посылали силы благожелательные или злонамеренные, ибо все знали — независимо от веры, к которой принадлежали от рождения, — что смертные, мужчины и женщины, живут в одном мире с силами, которых не понимают.

Многие в городе или в сельской местности сделали своим ремеслом толкование этих тревожных снов, рассказывали, что они могут означать. Небольшая их часть считала некоторые сны реальными воспоминаниями о другом мире, не о том, где родился человек, которому снился сон и который слушал его толкование, и где ему предстояло умереть, но в большинстве религий это считалось черной ересью.

Когда зима в тот год повернула на весну, множество людей начало видеть сны, которые им суждено было запомнить.

* * *

Безлунная ночь, конец зимы. У водопоя на далеком юге, там, где пересекаются пути верблюжьих караванов в Аммузе, неподалеку от установленной людьми границы с Сорийей, — словно текучие, гонимые ветром пески могли знать границы, — один человек, вождь племени, проснулся в своем шатре. Оделся и вышел в темноту.

Он прошел мимо шатров, где спали его жены и дети, его братья и их жены и дети, и подошел, все еще полусонный, но странным образом встревоженный, к границе оазиса, где последняя зелень уступала место бесконечным пескам.

Он стоял там, под аркой небес. Под таким множеством

звезд, что ему вдруг показалось невозможным осознать их количество в небе над людьми и над миром. Сердце его, он и сам не понял почему, забилось быстрее. Несколько минут назад он спал крепким сном. И все еще не понимал, как и почему он оказался сейчас здесь. Сон. Он видел сон.

Он снова взглянул вверх. Это была теплая ночь, щедрая, начиналась весна. За ней придет лето, обжигающее, убийственное солнце, а вода станет мечтой, предметом молитвы. Легкий порыв ветра взметнулся и закружился в теплой темноте, обдал лицо живительной прохладой. Вождь слышал за спиной звуки, издаваемые верблюдами, козами и лошадьми. Его стада велики; к нему судьба благоволит.

Он обернулся и увидел мальчика, одного из верблюжьих пастухов, стоящего неподалеку. Он стоял на страже, потому что безлунные ночи опасны. Мальчика звали Тариф. Это имя будут помнить, оно станет известным летописцам еще не рожденных поколений благодаря устным преданиям будущего.

Вождь вздохнул, расправил складки своих белых одежд. Потом жестом велел мальчику приблизиться и приказал ему, осторожно подбирая слова, найти своего родного брата Музафу в его шатре. Разбудить его, извиниться и передать, что с восхода солнца Музафа должен взять на себя командование и ответственность за их народ. И что ему дается особое поручение — ради памяти их отца и от его имени позаботиться о благополучии жен и детей отсутствующего брата.

— Куда вы идете, господин? — спросил Тариф, и эти несколько слов принесли ему бессмертие. Сотни тысяч детей будут помнить его имя в грядущие годы.

— В пески, — ответил человек, которого звали Ашар ибн Ашар. — Я могу там задержаться на некоторое время.

Он прикоснулся ко лбу мальчика, потом повернулся спиной к нему, к пальмам и ночным цветам, к воде, к шатрам и животным, к движимому имуществу своего народа и зашагал один под звездами.

«Их так много, — снова подумал он. — Как их может быть так много? Что это может значить, если звезд так много?» Сердце его было наполнено, как тыква с водой, их присутствием наверху. Ему захотелось прочесть молитву, но что-то его остановило. Он решил, что будет молчать, откроется всему тому, что лежит вокруг него и над ним, а не будет навязывать себя. Он

оторвал полоску ткани от одежды и нарочно завязал ею рот на ходу.

Он отсутствовал очень долго, и к тому времени, когда вернулся к своему народу, его считали мертвым. За это время он сильно изменился.

И вскоре после этого изменился весь мир.

* * *

Когда Шаски убежал из дома в третий раз за ту зиму, его нашли на дороге к западу от Керакека. Он шагал медленно, но упорно, неся на спине слишком большой для него мешок.

Патрульный солдат из крепости, который привел его обратно, забавляясь, вызвался выпороть хорошенько этого ребенка вместо матерей, так как отцовской руки ему явно не хватало.

Обе женщины, встревоженные и взволнованные, поспешно отказались, но согласились, что необходимо его как следует наказать. Один такой поступок — это мальчишеская страсть к приключениям, но три — это совсем другое дело. Они сами этим займутся, пообещали они солдату и еще раз извинились за доставленные хлопоты.

«Никаких хлопот», — ответил тот и действительно так думал. Стояла зима, купленный мир принес тишину на границу на всем ее протяжении от Аммуза и Сорийи до Москава на морозном севере. Гарнизон в Керакеке скучал. Вино и азартные игры не могли надолго развлечь солдат гарнизона в такой безнадежной глуши. Не разрешалось даже выезжать за стены, чтобы поохотиться на кочевников или найти пару женщин в их стойбищах. Люди пустыни имеют большое значение для Бассании, это им дали ясно понять. Большее значение, по-видимому, чем сами солдаты. Жалованье снова задержали.

Младшая из двух женщин была хорошенькой, темноглазой, пусть в тот момент и расстроенной. Муж, как уже отмечалось, отсутствовал. Солдату показалось, что стоит подумать о повторном визите, просто для того, чтобы убедиться, что все в порядке. Можно принести парню игрушку. Имея дело с молодыми матерями, учишься подобным приемам.

Шаски, стоящий между обеими матерями внутри огороженного забором маленького дворика, холодно смотрел на сидящего на коне мужчину. В то утро этот солдат со смехом держал его за лодыжки вниз головой над дорогой до тех пор, пока у него

голова не закружилась от прилива крови и он не сказал ему, где живет. Когда ему только что велели сказать «спасибо», он сказал без всякого выражения. Солдат уехал, но сначала улыбнулся его маме Ярите. Шаски эта улыбка не понравилась.

После его допрашивали в доме обе матери — выговор включал энергичное встряхивание и потоки слез (их слез, не его), — и Шаски просто повторил то, что уже говорил много раз: он хочет к отцу. Ему снятся сны. Отец в нем нуждается. Им необходимо поехать туда, где находится отец.

— Ты знаешь, как это далеко? — крикнула его мама Катиун и набросилась на него с упреками. Это было хуже всего: обычно она такая спокойная. Ему совсем не нравится, когда она так огорчается. Это был к тому же трудный вопрос. Он действительно не знал, как далеко его отец.

— Я взял одежду, — сказал он, показывая на свой мешок на полу. — И второй теплый жилет, который вы мне сшили. И несколько яблок. И свой нож на тот случай, если встречу плохого человека.

— Защити нас Перун! — воскликнула мама Ярита. Она вытерла глаза. — Что нам делать? Этому мальчику еще нет и восьми лет!

Шаски не понял, какое отношение это имеет ко всему остальному.

Мама Катиун опустилась на колени на ковер перед ним. Взяла его руку в свои.

— Шаски, дорогой, малыш, послушай меня. Это слишком далеко. У нас нет летающих созданий, чтобы нас туда отнести, мы не знаем заклинаний или магии, которые могли бы нас туда доставить.

— Мы можем идти пешком.

— Мы не можем, Шаски, в нашем мире. — Она продолжала держать его руки. — Мы ему сейчас не нужны. Он помогает Царю Царей в каком-то городе на западе. Он встретится с нами в Кабадхе летом. Тогда ты его увидишь.

Они все еще не поняли. Странно, до чего взрослые не умеют понять, хотя они должны знать больше детей, они все время твердят об этом.

— До лета слишком далеко, — сказал он, — и мы не должны ехать в Кабадх. Вот о чем нам надо сказать отцу. А если он слишком далеко, чтобы дойти пешком, давай достанем лошадей. Или мулов. У моего отца есть мул. Я умею на нем ездить.

Мы все умеем. Вы можете по очереди держать на руках малышку, сидя верхом.

— Держать малышку? — воскликнула мама Ярита. — Во имя богини, ты хочешь, чтобы мы все совершили этот безумный поступок?

Шаски посмотрел на нее.

— Я уже говорил это. Раньше.

В самом деле. Матери. Они когда-нибудь слушают? Неужели они думали, что ему хочется сделать это одному? Он даже понятия не имел, куда шел. Только знал, что его отец уехал из города по одной из дорог, поэтому он пошел по этой дороге, и что город, где он находится, называется Сарантий или как-то так и он очень далеко. Все об этом твердили. Он понимал, что может не успеть туда до темноты, если пойдет пешком один, а сейчас он не любил темноту из-за снов.

Воцарилось молчание. Мама Ярита медленно вытерла глаза. Мама Катиун смотрела на него странным взглядом. Она выпустила его руки.

— Шаски, — в конце концов спросила она, — скажи мне, почему мы не должны ехать в Кабадх?

Она никогда раньше его об этом не спрашивала.

Объясняя своим матерям, как он видит сны и как чувствует определенные вещи, он узнал, что с другими людьми этого не происходит. Его смущало, что настойчивое стремление уехать и другие чувства, например, ощущение черного облака, нависающего всякий раз, когда они произносили слово «Кабадх», недоступны его матерям, что они этих чувств даже не понимают.

Они испугались, понял Шаски, и сам тоже испугался. Глядя на их застывшие лица, когда он закончил говорить, он в конце концов заплакал; лицо его сморщилось, он тер кулачками глаза.

Вот тогда, увидев своего сына в слезах, — сына, который никогда не плакал, — Катиун поняла наконец, что здесь действуют какие-то могущественные силы, пусть даже они выше ее понимания. Возможно, богиня Анаита явилась в Кералек, в этот незначительный городок у крепости на краю пустыни, и возложила свой палец на ее дорогого сыночка Шаски. А прикосновение богини может отметить человека, это всем известно.

— Храни нас всех Перун! — прошептала Ярита. Лицо ее побелело. — Да не узнает никогда Азул этого дома!

Но он уже его знает, если то, о чем рассказал им Шаски,

правда хотя бы отчасти. Как Кералек и даже Кабадх. Облако, тень, сказал Шаски. Откуда ребенку знать о таких тенях? А Рустему, ее мужу, они нужны на западе. Скорее на севере, чем на западе, собственно говоря. Среди неверных в Сарантии, которые поклоняются горящему богу на солнце. Никто из людей, знакомых с пустыней, никогда бы не стал ему поклоняться.

Катиун вздохнула. Она чувствовала, что здесь таится ловушка для нее, нечто соблазнительное и опасное. Ей не хотелось ехать в Кабадх. Ей никогда не хотелось ехать туда. Как она сумеет выжить при дворе? Среди женщин того сорта, которые живут при дворе? Одна мысль об этом не давала ей уснуть по ночам, бросала в дрожь, вызывала тошноту в желудке или приносила сны, ее собственные тени.

Она взглянула на Яриту, которая проявила большое мужество, скрыв черную волну горя, когда узнала о приеме Рустема в высшую касту и о переводе его ко двору. Это означало, что ей найдут другого мужа, другой дом, другого отца для Иниссы, маленькой Иссы.

Ярита совершила поступок, на который сама Катиун считала себя не способной. Она сделала так, что Рустем, ее любимый муж, отправился в путешествие, считая, что она примирилась с этим, что ей это даже нравится, чтобы сердце его не болело после такой великой новости.

Великий Перун, чего только не делают женщины!

Катиун это совсем не нравилось. Сердце ее разрывалось на части. Катиун это знала. Она слышала, как плакала Ярита темными ночами, когда обе женщины лежали без сна в маленьком домике. Рустем должен был заметить обман, но мужчины — даже умные мужчины — обычно таких вещей не замечают, а он был так занят лечением царя, потом мыслями о принятии его в новую касту и о своей поездке на запад. Он просто хотел поверить в обман Яриты, поэтому и поверил. И в любом случае невозможно отказать Царю Царей.

Катиун перевела взгляд с Шаски на Яриту. В ночь перед отъездом Рустем сказал ей, что ей придется принимать решения в семье, что он на нее полагается. Даже ученики ушли к другим учителям. Теперь она осталась наедине со всем этим и с прочими вещами.

Малышка заплакала в соседней комнате, проснувшись после дневного сна в деревянной колыбельке у очага.

Кералек. Кабадх. Тень Черного Азала. Палец богини, при-

коснувшийся к ним. То, что Шаски... чувствует все это. Поздно пришедшее понимание того, что он всегда отличался от других известных им детей. Она это и раньше видела, но не хотела знать. Возможно, так же, как Рустем не хотел знать истинных чувств Яриты: ему хотелось верить, что она счастлива, пусть даже это задевает его гордость. Бедная Ярита, такая хрупкая и такая красивая. Иногда и в пустыне цветут цветы, но очень редко и очень недолго.

Сарантий. Говорят, он еще больше Кабадха. Катиун прикусила губу.

Она обняла Шаски и послала его на кухню попросить у кухарки что-нибудь поесть. Он еще не завтракал, ушел из дома затемно, пока они спали. Ярита, все еще бледная, как жрица в ночь Священного Огня, пошла к малышке.

Катиун сидела одна и напряженно думала. Потом позвала слугу и послала его в крепость, попросить коменданта гарнизона оказать им честь своим посещением, когда у него выдастся свободное время.

Скука. Ощущение несправедливости. Мир, купленный золотом. Все сошлось вместе для Винажа, сына Винажа, в ту горькую зиму.

Никогда прежде он не считал скучной свою жизнь в Керакеке. Ему нравились пустыня, юг; он их знал, это был мир его детства. Ему доставляли удовольствие визиты кочевников на верблюдах, нравилось ездить к ним, чтобы выпить с ними пальмового вина в их шатрах, медленные жесты, молчание, слова, отмеряемые тщательно, как капли воды.

Он никогда не представлял себя на более высоком месте или в более важной роли. Он был комендантом гарнизона в том мире, который достаточно хорошо понимал. До недавнего времени эта жизнь его устраивала.

Но этой зимой в Керакек приехал царский двор, и большая его часть вместе с самим царем задержалась здесь, пока не зажила рана от стрелы и пока не улеглось волнение, вызванное казнями (и заслуженными, и незаслуженными) сыновей и жен царя.

Винаж, который сыграл немаловажную роль в событиях того ужасного дня, обнаружил после отъезда Ширвана и его двора, что он сам изменился. Крепость показалась ему пустой.

Мрачной и гулкой. Городок остался таким, каким был всегда, — пыльной кучкой домишек, где ничего не происходит. И ветер все время дул из пустыни. В тревожные ночи ему снились сны.

Беспокойство поселилось в душе коменданта Винажа. Зима тянулась, как непреодолимая пропасть, день проходил мучительно медленно, потом опускалась темнота. Песок, который никогда в жизни его не беспокоил, теперь все время повсюду бросался ему в глаза, просачивался в трещины окон и под дверь, проникал в одежду, еду, складки кожи, в волосы и бороду и даже... в мысли.

Он слишком много пил, и начинал пить слишком ранним утром. Он был достаточно умен и понимал, чем это грозит.

И вследствие всего этого, когда слуга доктора вскарабкался по извилистой тропе и по ступенькам из городка и передал просьбу от его домашних навестить их, когда появится такая возможность, возможность появилась почти сразу же.

Винаж совершенно не представлял себе, чего они хотят. Но это была перемена, нечто новое в мрачной, тупой каждодневной жизни. Этого оказалось достаточно. Доктор уехал уже давно. Он планировал провести несколько дней в Сарнике, насколько помнил Винаж. В зависимости от того, надолго ли он там задержался, он, возможно, уже в Сарантии. Женщины у доктора красивые, вспомнил он, обе.

Он отослал слугу обратно с монеткой и велел передать, что спустится сегодня же, немного позднее. Собственно говоря, легко согласиться исполнить просьбу, если она исходит из дома человека, которого сам Царь Царей собирается перевести в высшую касту и взять ко двору. Трудно даже поверить в такую честь.

А вот Винажа, сына Винажа, никуда не призвали, он не получил повышения и не был удостоен почестей. Ничего этого не произошло. Кажется, никто не обратил никакого внимания, пока двор находился здесь, на то, кто догадался обратиться к этим могущественным людям и кто настоял на вызове местного лекаря к постели царя в тот ужасный день в начале зимы — с большим риском для собственной жизни. И кто потом помогал лекарю и убил преступного принца собственным кинжалом.

У него мелькала мысль, не наказывают ли его — хоть и несправедливо — за тот брошенный кинжал, который остановил сына-предателя.

Возможно. Никто этого не сказал, никто даже не разговаривал с ним, но кто-нибудь вроде округлого хитрого визиря мог

сказать, что если он еще жив после подобного поступка, то само это следует считать достаточно щедрой наградой. Он убил особу царской крови. Кровь от крови Великого Царя. Кинжалом, обнаженным и брошенным в присутствии царя, священного Брата солнца и лун. Да-да, он это сделал, но ему приказали быть начеку, когда Мюраш вернулся в комнату. Он всего лишь исполнил свой долг.

Неужели ему суждено быть покинутым, забытым здесь, в пустыне, за то, что он спас жизнь царя?

Это случается. Мир Перуна и Богини нельзя назвать тем местом, где людей ждет справедливая награда. Существование Врага Азала означало, что так будет всегда, пока само Время не подойдет к концу.

Винаж был солдатом. Он знал, что это правда. В армии процветают несправедливость и продажность. А чиновники — надушенные, развратные придворные советники, коварные и льстивые — могут преградить путь честным грубым солдатам по собственным соображениям. Так все устроено. Но от понимания не становится легче терпеть, если именно так все и происходит.

Его отец никогда не хотел, чтобы он стал военным. Если бы он остался купцом в Квандире, ничего этого с ним бы не случилось.

Он находил бы песок в чашах с вином и в постели, но не обращал бы на него внимания.

Люди меняются, решил Винаж, все так просто и так сложно. Кажется, он сам теперь изменился. Происходят события, мелкие и крупные, или просто проходит время, и ты просыпаешься однажды утром уже другим человеком. Возможно, было время, думал он, когда Мюраш был доволен своим положением принца Бассании, сына великого отца.

Трудные мысли для солдата. Лучше бы стоять вместе с армией на поле боя, перед строем противника. Но сражаться не с кем, делать нечего, а ветер все дует. И сейчас в его чаше песок, крупинки в вине.

Они должны были по достоинству оценить его за то, что он сделал. Правда, должны были.

Где-то после полудня он спустился с холма и направил коня к дому доктора. Две женщины приняли его в комнате с очагом. Младшая была и правда очень хорошенькая, с очень темными

глазами. Старшая лучше владела собой. Она вела всю беседу, скромно понизив голос. Но то, что она сказала, внезапно заставило Винажа забыть о собственных делах.

Судьба, случай, случайность? Заступничество Перуна? Кто возьмет на себя смелость ответить? Но простая истина заключалась в том, что солдат, сын купца из Квандира, который в то время был комендантом гарнизона в Керакеке, оказался человеком, склонным поверить тому, о чем рассказала ему женщина в тот зимний день. Сущность мира далеко выходит за рамки понимания людей, это всем известно. А здесь, на юге, рядом с народами пустыни, с их непонятными племенными обрядами, такие случаи известны.

В какой-то момент послали за мальчиком по просьбе Винажа. Винаж задал ему несколько вопросов, потом они отослали его обратно. Он отвечал уверенно, серьезный мальчик. Теперь он лучше всего чувствует себя в пустой приемной и кабинете отца, объяснила одна из женщин почти виноватым тоном. Они разрешают ему играть там. Ему почти восемь лет, сообщили они в ответ на вопрос Винажа.

Комендант отказался от предложенного вина, но принял чашу травяного чая, обдумывая услышанное. У кочевников существовали предания и названия на их языках для таких людей, как этот ребенок. Винаж слышал эти истории еще в детстве. Его няня любила их рассказывать. Он и сам видел одного сновидца, когда путешествовал по пустыне вместе с отцом, мельком: клапан шатра опустился тогда не сразу. Крупный мягкотелый человек среди худых людей. Голова совсем без волос. И глубокие параллельные шрамы на обеих щеках, вспомнил он.

Поэтому Винаж не был склонен отвергать рассказ женщин с порога. Но хотя этот рассказ его заинтересовал, он не понимал, чего именно они от него ждут, зачем ему все это рассказали. Поэтому он спросил, и они ему ответили.

Он громко рассмеялся, в испуге и изумлении, потом замолчал, переводя взгляд с одного застывшего женского лица на другое. Он понял, что они говорят серьезно. Они действительно этого хотели. Он услышал какой-то звук: мальчик стоял у двери. Он все-таки не ушел в приемную. Этот ребенок любит слушать. Винаж и сам был таким. Шаски вошел, когда его позвали, и ждал, стоя у занавески из бусин на двери. Винаж пристально посмотрел на него.

Потом снова перевел взгляд на старшую из матерей, ту, ко-

торая говорила, и сказал как можно мягче, что никак не может сделать то, о чем она просит.

— Почему? — неожиданно спросила младшая, красивая женщина. — Вы же иногда сопровождаете караваны купцов на запад.

Собственно говоря, это правда. Винаж, как человек честный, под взглядами двух привлекательных женщин, которые в упор смотрели на него, вынужден был согласиться.

Он снова посмотрел на мальчика. Тот все еще ждал, стоя в дверях. Их молчание смущало Винажа. Он неожиданно задал себе вопрос: действительно, почему? Почему не может быть и речи о том, чтобы обеспечить их охраной? Желание жен отправиться в путешествие вслед за мужем не нарушает никакого закона. Если этот человек рассердится, когда они приедут к нему, то это, несомненно, их проблема или его. Но не охраны. Винаж полагал, что доктор оставил этим женщинам достаточно денег, чтобы оплатить путешествие. А когда все они окажутся при дворе в Кабадхе, деньги для этой семьи перестанут быть проблемой. Может оказаться полезным, если эти люди будут ему обязаны. В конце концов, по-видимому, больше никто не чувствует себя обязанным Винажу. Командир подавил желание нахмуриться. Он отпил глоток чая и совершил ошибку, снова взглянув на мальчика. Серьезное, внимательное лицо. Он ждет его решения. Дети. Этому мальчику следовало бы играть на улице или где-нибудь еще.

При любых обычных обстоятельствах, размышлял Винаж, он ничего не пожелал бы предпринимать в связи с этой историей. Но эта зима не была... обычной.

А слишком откровенное доверие в глазах мальчика мешало ему думать. Он сравнил его со своим собственным душевным состоянием последних дней. Ему грозила опасность пропить репутацию, которую он создавал себе годами. Обида способна погубить человека. Или ребенка? Он отпил еще чаю. Женщины наблюдали за ним. Мальчик наблюдал за ним.

В качестве коменданта гарнизона он имел право выделять солдат для сопровождения частных лиц. Обычно это были купцы, пересекающие границу со своими товарами в мирное время. Мирное время не означало, что дороги безопасны, разумеется. Обычно караван купцов платил за военное сопровождение, но не всегда. Иногда у командира имелись свои причины послать солдат через границу. Это обеспечивало скучающим

людям какое-то занятие, позволяло испытать новичков, разлучить тех солдат, которые проявляли склонность проводить вместе слишком много времени. Он ведь отправил Нишика с доктором, не так ли?

Комендант гарнизона в Керакеке не знал — никак не мог знать, — о тех предложениях, которые были сделаны в отношении младшей жены и ее дочери. Если бы знал, то, возможно, поступил бы иначе.

Но он принял решение. Собственно говоря, он изменил решение. Быстро и круто, как подобает человеку его ранга. Он сделал выбор, который любому постороннему наблюдателю мог бы показаться совершенным безумием. Когда он сообщил о нем, обе женщины заплакали. А мальчик нет. Мальчик вышел из комнаты. Потом они услышали, как он ходит по кабинету и приемной отца.

— Да хранит нас Перун. Он собирает вещи, — сказала младшая мать, все еще плача.

Безумное решение Винажа, сына Винажа, привело к тому, что в конце той же недели две женщины, двое детей, комендант гарнизона (в конце концов, именно в этом было все дело, а его заместителю пригодится опыт, полученный во время исполнения обязанностей коменданта) и три отобранных им солдата по пыльной, продуваемой ветром дороге, ведущей к границе Амории, отправились в Сарантий.

Собственно говоря, лекарь Рустем, не подозревающий, как все путешественники, о событиях у них за спиной, все еще находился в Сарнике в тот день, когда его семья отправилась его искать. Он покупал рукописи, читал лекции и не собирался покидать этот город еще целую неделю. Фактически они не так уж сильно от него отстали.

План состоял в том, что четверо солдат проводят женщин и детей и будут вести тайные наблюдения по дороге на северо-запад через Аморию. Лекарю придется самому решать, что делать с семьей, когда они до него доберутся. Это будет его задачей — доставить их всех в Кабадх, когда придет время. И женщинам предстоит объяснить ему свое внезапное появление. Наверное, забавно будет увидеть их первую встречу, думал Винаж, когда ехал на запад по дороге. Любопытно, что он чувствовал себя гораздо лучше с того момента, как принял решение покинуть Ке-

ракек. Женщины лекаря, ребенок, эта просьба — все это было в каком-то смысле подарком судьбы, решил он.

Они с тремя солдатами просто поедут на север с этой маленькой компанией и повернут обратно, но путешествовать, даже зимой, гораздо лучше, чем сидеть в песках, на ветру, среди пустоты. Мужчине необходимо что-то делать, когда рано темнеет, и за окном, и в мыслях.

Он пошлет письменный отчет в Кабадх, когда они вернутся, изложит свои наблюдения. Это путешествие можно описать и представить как нечто рутинное. Почти. Он после решит, упоминать ли о мальчике. Не стоит с этим спешить. Во-первых, тот факт, что такие люди существуют, не означает, что этот ребенок, Шаски, сын Рустема, является одним из них. Винажу еще надо в этом убедиться. Конечно, если ребенок не тот, за которого его принимает его мать, тогда все они предприняли абсурдное зимнее путешествие просто потому, что маленький мальчик соскучился по отцу и из-за этого видел плохие сны. Лучше пока об этом не думать, решил Винаж.

Это оказалось довольно просто. Энергия, необходимая для путешествия, для дороги, пробудила спящие чувства в командире. Некоторые боятся открытых пространств, тягот путешествия. Он не из таких людей. Отправившись в дорогу в день, такой теплый, что казалось, Перун и Богиня благословили их путь, Винаж был счастлив.

Шаски тоже был очень счастлив.

Только когда они приближались к Сарантию, некоторое время спустя, его настроение изменилось. Он никогда не был болтливым ребенком, но имел привычку иногда напевать себе под нос в дороге или успокаивать свою маленькую сестричку по ночам. Пение прекратилось примерно за неделю до их прибытия в Сарнику. А вскоре после этого мальчик совсем замолчал, стал бледным и болезненным на вид, хотя ни на что не жаловался. Через несколько дней они наконец прибыли в Деаполис на южном берегу знаменитого пролива, увидели черный дым на противоположной стороне и огонь.

* * *

В Кабадхе, в великолепном дворце над садами, которые каким-то чудом свешиваются со склона горы до самого речного русла, где искусственные водопады струятся среди цветов, а деревья растут верх корнями, Ширван Великий, Царь Царей, Брат солнца и лун, ложился в ту зиму спать с одной из своих жен или любимых наложниц, но сон его был тревожен и некрепок, несмотря на напитки и порошки, которые готовили для него лекари, и молитвы жрецов, которые пели у изголовья и в ногах его постели, перед тем как он ложился почивать.

Это продолжалось уже долго.

Собственно говоря, каждую ночь после его возвращения с юга, где он чуть не погиб. Ходили тайные разговоры — хотя об этом никогда не упоминали в присутствии самого великого царя, — что темные сны перед рассветом часто приходят к тому, кто пережил великую опасность и кто постоянно сознает близкое присутствие Врага Азала, чувствует прикосновение его черных крыльев.

Тем не менее однажды утром Ширван проснулся и сел на постели, по пояс обнаженный, с красным рубцом от раны на ключице. Глаза его уставились на нечто невидимое в воздухе, и он произнес вслух пару фраз. Молодая жена, лежавшая рядом с ним, вскочила с постели и, дрожа, опустилась на колени, на пушистый ковер, нагая, какой пришла в мир вечного противоборства Перуна с Азалом.

Два человека, которые были удостоены чести находиться ночью в спальне царя, даже когда он спал с женщиной, тоже упали на колени, отводя глаза от прекрасных форм обнаженной девушки на ковре. Они научились не обращать внимания на подобные сцены и помалкивать о том, что еще видели и слышали. Или о большей части того, что видели и слышали.

Глаза Царя Царей в то утро напоминали холодное железо, позже с восхищением рассказывал один из них: жестокие и смертельно опасные, как меч правосудия. Его голос был голосом судьи, который взвешивает жизни людей после их смерти. Об этом рассказывать считалось дозволенным.

Слова, которые произнес Ширван и повторил снова, когда поспешно вызванные советники встретились с ним в прилегающей комнате, звучали так:

— Этого нельзя допустить. Мы будем воевать.

Часто случается так, что решение, которого стараются избежать, с которым борются, которое вызывает сильную тревогу и не дает спать по ночам, представляется очевидным, после того

как оно уже принято. Человек с изумлением и испугом оглядывается на свои долгие колебания, удивляясь, что могло удерживать его от такого ясного, такого очевидного решения.

Так было и с Царем Царей в то утро, хотя его советникам, не разделявшим с ним его зимних снов, пришлось изложить все словами, чтобы они поняли. Конечно, можно было просто сказать им, что надо делать, ничего не объясняя, но Ширван правил уже давно и знал, что большинство людей действуют более эффективно, восприняв определенные идеи.

Существовало два факта, которые требовали начать войну, и третий элемент, который означал, что им придется сделать это самим.

Первое: сарантийцы строили корабли. Много кораблей. Торговцы с запада и шпионы (часто одни и те же люди) сообщали об этом с начала осени. Верфи Сарантия и Деаполиса сотрясал грохот молотов и визг пил. Ширван слышал стук этих молотов во тьме ночей.

Второе: царица антов находилась в Сарантии. Живое орудие в руке Валерия. Молот другого рода. Как императору это удалось (а видит Перун, Ширван уважал этого правителя так же сильно, как и ненавидел), никто не мог сказать, но она находилась там.

Все это вместе говорило о вторжении на запад любому, кто умел читать подобные знаки. Кому еще непонятно, что огромные суммы в золоте, присланные Валерием — уже два раза — в сундуки Бассании, были предназначены для того, чтобы добиться стабильности на восточной границе, пока он отправит свою армию на запад?

Конечно, Ширван взял деньги. Подписал договор о вечном мире, как они его назвали, и скрепил своей печатью. У него самого были проблемы на границах на севере и на востоке и свои трудности с выплатой жалованья неспокойной армии. А у какого правителя их нет?

Но Царю Царей теперь не нужен был толкователь, чтобы открыть ему значение ночных снов. Шарлатаны могли пытаться истолковать стук молотков, языки пламени и тревогу как вызванные раной на шее от стрелы и ядом. Но он-то знал.

Самый сильный яд находился не в стреле его сына, а ждал своего часа: отравой было то огромное могущество, которое получит Сарантий, если Батиара попадет в его руки. А это возможно. Это может случиться. Очень долгое время ему почти хотелось, чтобы сарантийцы двинулись на запад, он полагал, что они не смогут добиться успеха. Теперь он уже так не думал.

Потерянные земли Империи плодородны и богаты, иначе зачем племена антов переселились туда? Если золотой стратиг, ненавистный Леонт, сможет присоединить это богатство к сокровищам Валерия, обеспечить процветание и спокойствие на западе и если войска больше не будут привязаны к Саврадии, тогда...

Тогда сидящий на троне в Кабадхе будет чувствовать себя под угрозой осады.

Нельзя позволить событиям развернуться таким образом. Во всем этом действительно есть яд, убийственно смертоносный.

Часть присутствующих, возможно, надеются, что некоторая доля сарантийских денег, если их направить в Москав, могла бы оплатить летние набеги на севере, что заставило бы Валерия оставить там часть своих войск и обескровить вторжение.

Пустая мысль, не более того. Одетые в меха варвары из Москава могут с тем же успехом взять предложенные деньги и наброситься на деревянные стены Мирбора в самой Бассании. Они нападают, когда им скучно. У этих диких северян нет чувства чести, чувства порядочности, настолько они уверены в безопасности в своих диких бескрайних землях. Подкуп, соглашение ничего для них не значат.

Нет, если надо остановить Валерия, им придется сделать это самим. Ширван не чувствовал никаких угрызений совести. Нельзя ожидать, что правителя, который по-настоящему любит и охраняет свою страну, может остановить такая мелочь, как договор о вечном мире.

Ширван Бассанийский был не таким человеком, чтобы, приняв решение, тратить время на обдумывание подобных нюансов.

Предлог будет создан — какое-нибудь инсценированное вторжение на северной границе. Набег сарантийцев из Азена. Можно убить несколько своих людей из касты священнослужителей, сжечь небольшой храм, сказать, что это сделали сарантийцы, нарушив договор о мире. Все это обычные вещи.

Азен, который уже десять раз сжигали, грабили и выменивали друг у друга, снова должен стать очевидной мишенью. Но на этот раз замыслы Ширвана простирались дальше, в них было нечто новое.

— Идите дальше на запад, — приказал Царь Царей генералам своим низким холодным голосом, взглянув сначала на Робазеса, а потом на остальных. — Азен — ничто. Разменная монета. Вы должны заставить Валерия послать армию. И поэтому на этот раз вы дойдете до Евбула, уморите его голодом и разрушите. И принесете мне сокровища, хранящиеся за его стенами.

Воцарилось молчание. Всегда царило молчание, когда говорил Царь Царей, но на этот раз оно было другим. Во время всех войн с Валерием, и с его дядей до него, и с Апием до него, Евбул никогда не брали, его даже не подвергали осаде. Как и их собственный крупный город Мирбор. Сражения между Сарантием и Бассанией велись исключительно из-за золота. Приграничные набеги на север и на юг совершались ради грабежей, выкупа, денег за сокровища каждой из сторон, жалованья армии. Завоевание, разграбление крупных городов никогда не являлось целью.

Ширван переводил взгляд с одного генерала на другого. Он знал, что заставляет их изменить образ мыслей, а это всегда рискованно с солдатами. Он увидел, что Робазес, как он и ожидал, первым осознал последствия.

Он сказал:

— Помните, если они действительно собираются в Батиару, Леонт будет находиться на западе. Его не будет у Евбула, чтобы противостоять вам. А если мы лишим его армию вторжения достаточного количества солдат, потому что они должны будут отправиться на север, чтобы встретиться с вами, то он потерпит поражение на западе. Он может... погибнуть. — Он произнес последнее слово очень медленно, давая ему время проникнуть в сознание. Необходимо, чтобы они это поняли.

Леонт будет находиться на западе. Их проклятие. Слишком яркий образ в их снах, золотой, как солнце, которому поклоняются сарантийцы. Военачальники Бассании переглянулись. Страх и волнение царили теперь в этой комнате, медленное осознание, первое понимание открывающихся возможностей.

Потом также пришло понимание некоторых других вещей. Что нарушение мирного договора поставит под угрозу жизнь бассанидов, находящихся в западных землях, — большую часть купцов, горстку других людей. Но такое всегда случалось, когда начиналась война, и в любом случае их не так уж много. Подобные соображения не должны ничего изменить. Купцы всегда знали, что поездки на запад рискованны (или на восток, в Афганистан). Вот почему они назначали такую высокую цену за привезенные товары, вот как они сколачивали свои состояния.

Когда Ширван жестом отпустил всех и собравшиеся преклонили колени и начали расходиться, один человек рискнул заговорить — Мазендар, визирь, который имел постоянное разрешение высказываться в присутствии царя. Маленький округлый человек с голосом столь же легким и сухим, сколь низким и мрачным был голос царя, внес два небольших предложения.

Первое касалось времени.

— Великий царь, ты предполагаешь, что мы должны атаковать до того, как они отплывут на запад?

Ширван прищурился.

— Это одна из возможностей, — осторожно произнес он. И стал ждать.

— Действительно, мой великий господин, — пробормотал Мазендар. — Я вижу блеск твоих могучих мыслей. Мы можем это сделать или подождать, пока они отплывут на запад, а затем перейти границу и двинуться на Евбул. Вслед Леонту пошлют быстрые корабли с паническими известиями. Возможно, ему прикажут отослать часть кораблей домой. Остальные будут чувствовать себя лишенными защиты и обескураженными. Или он может продолжить двигаться дальше, постоянно опасаясь того, что мы делаем за его спиной. А Сарантий будет чувствовать себя совершенно незащищенным. Предпочитает ли Царь Царей такой подход другому? Твои советники ждут, когда на них прольется свет твоей мудрости.

Мазендар был единственным из всех, кого стоило слушать. Робазес умел сражаться и мог возглавить армию, а Мазендар был умен. Ширван мрачно ответил:

— Нам потребуется некоторое время, чтобы собрать армию для похода на север. Мы будем следить за событиями на западе и примем соответствующее решение.

— Как велика будет эта армия, мой повелитель? — Робазес задал вопрос как солдат. И ошеломленно заморгал, когда Ширван назвал цифру. Они еще никогда не посылали столько человек на войну.

Ширван сохранял мрачное и жесткое выражение лица. Люди должны видеть это выражение Царя Царей, запомнить его и рассказать о нем. Валерий Сарантийский — не единственный правитель, который умеет собирать большие армии. Царь

снова посмотрел на Мазендара. Тот говорил о двух предложениях.

Второе касалось царицы антов, живущей в Сарантии.

Выслушав, царь медленно кивнул головой. Он с милостивым удовольствием согласился, что это предложение имеет свои достоинства. И дал согласие.

Мужчины вышли из комнаты. События начали развиваться быстро. Первые сигнальные костры зажглись с наступлением темноты в тот же день, посылая огненные сообщения от одной вершины горы к башне крепости на следующей вершине, во всех нужных направлениях.

Царь Царей большую часть дня провел с Мазендаром, Робазесом, генералами более низкого ранга и с чиновниками казначейства, а вечер — в молитве перед углями Священного Огня во дворце. К ужину он почувствовал себя заболевшим, его лихорадило. Он никому об этом не сказал, конечно, но, ложась на ложе за обедом, он вдруг вспомнил — с опозданием — того неожиданно умелого лекаря, который должен прибыть летом в Кабадх. Он приказал этому человеку находиться в Сарантии до того времени, когда произойдет необходимое присвоение ему высшей касты. Он наблюдательный человек, и царь искал способ использовать его. Царю это необходимо. Полезных людей следует использовать.

Ширван сделал глоток из чаши с зеленым чаем, потом покачал головой. От этого движения у него закружилась голова, и он остановился. Доктор уже должен был отправиться за запад. Непосредственно в Сарантий. Теперь это неподходящее для него место.

Но ничего уже нельзя сделать. Даже здоровье и удобства правителя должны уступить интересам его народа. Власть правителя приносит бремя обязанностей, и Царь Царей все их знает. Личные заботы должны иногда отступить. Кроме того, в Бассании просто должны быть и другие умелые лекари. Он решил поручить Мазендару начать поиски... собственно говоря, он этим никогда раньше не занимался.

Но человек стареет, здоровье становится менее крепким. Азал парит на черных крыльях. Перун и Богиня ждут всех людей на свой суд. Тем не менее не надо торопить их раньше времени.

Когда ужин закончился и он удалился в свои покои, ему в голову пришла одна мысль. Голова у него продолжала болеть.

Тем не менее он послал за Мазендаром. Визирь явился почти тотчас же. Иногда Ширвану казалось, что этот человек живет прямо у него за дверью, так быстро он всегда появлялся.

Царь напомнил своему визирю о той мысли, которую Мазендар высказал утром: насчет царицы антов. Потом он напомнил ему о том лекаре с юга, который находится в Сарантии или прибудет туда очень скоро. Он забыл имя этого человека. Но это не имело значения; Мазендар его должен знать. Визирь, обладающий намного более острым умом, чем все окружающие царя придворные, медленно улыбнулся и погладил свою маленькую бородку.

— Царь — поистине брат творцов наших, — сказал он. — Очи царя подобны глазам орла, а его мысли глубоки, как море. Я начну действовать немедленно.

Ширван кивнул, потом потер лоб и в конце концов вызвал своих лекарей. Он не доверял ни одному из них, после того как приказал казнить в Керакеке троих, считавшихся лучшими, за их ошибки, но ведь эти, оставшиеся при дворе, наверное, способны приготовить какое-нибудь зелье, которое может унять боль в его голове и помочь ему уснуть.

Действительно, они справились. Царь Царей в ту ночь не видел снов, в первый раз за долгое время.

Глава 8

Зимой в Сарантии, когда громаду Ипподрома окутывала тишина, соперничество факций перемещалось в театры. Танцоры, актеры, жонглеры, клоуны соперничали между собой, а члены факций, разместившись в отведенных для них секторах, выражали свое шумное одобрение (или громкое недовольство), проявляя все большую изобретательность. Репетиции по подготовке этих спонтанных демонстраций иногда отнимали много сил. Если вы умели следовать указаниям, обладали приемлемым голосом и были готовы уделять тренировкам много свободного времени, то могли обеспечить себе хорошее место на представлениях и привилегированный доступ на пиршества факции и другие мероприятия. В желающих недостатка не было.

Синих и Зеленых в театрах отделяли друг от друга, как и на Ипподроме. Они стояли по бокам полукруглого пространства

для зрителей, нигде не соприкасаясь. Городской префектуре хватило элементарного здравого смысла, а Императорский квартал дал ясно понять, что из-за проявлений излишнего насилия театры могут закрыть на всю зиму. Мрачная перспектива, достаточно мрачная, чтобы обеспечить определенный уровень приличий — в большинстве случаев.

Только придворным и приезжим знаменитостям наряду с высокопоставленными гражданскими служащими и военными чинами предоставлялись сидячие места внизу, посередине. За ними находились стоячие места для зрителей, не принадлежащих к факциям, в первую очередь для высших членов гильдий или военных, здесь же можно было найти курьеров имперской почты. Выше, в середине, стояли обыкновенные солдаты, моряки, жители города и в это просвещенное правление (что возмущало самых ревностных клириков) даже киндаты в синих одеждах и серебристых шапочках. Изредка появлялись купцы, бассаниды или язычники из Карша или Москава, которым было любопытно посмотреть, что здесь происходит; для них было выделено немного места дальше всего от сцены.

Сами клирики никогда не заходили в театр, разумеется. Женщины там иногда выступали почти обнаженными. Приходилось быть начеку с северянами: девушки могли слишком сильно возбудить этих приезжих, и тогда возникали беспорядки другого сорта.

Первые танцоры — Ширин и Тих из факции Зеленых, Клар и Элаина из факции Синих — выступали на сцене раза два в неделю как солисты. Назначенные «музыканты» координировали выражение одобрения, молодые болельщики подстрекали друг друга и затевали пьяные драки в дымных притонах и тавернах, а лидеры двух факций проводили зиму, активно готовясь к весне и к действительно важным для Сарантия событиям.

Гонки колесниц были смыслом жизни Города, и все это знали.

По правде говоря, за зиму надо было сделать очень многое. В провинциях набирали новых возниц, некоторых увольняли или отсылали прочь по различным причинам либо посылали на дополнительное обучение. Возницы помоложе, например, без конца тренировались, учились, как падать с колесницы и как при необходимости организовать такое падение. Коней оценивали, отправляли на покой, приводили в порядок и водили на тренировки; агенты покупали новых. Хироманты факций все

еще творили свои заклинания, накликающие и отводящие беду, и следили за подходящими смертями и появлением свежих могил за городской стеной.

Часто управляющие двух факций встречались в какой-нибудь нейтральной таверне или бане и осторожно вели переговоры за сильно разбавленным вином насчет какого-нибудь обмена. Обычно речь шла о менее важных цветах — Красном или Белом, так как ни один из лидеров не хотел явно проиграть при подобном обмене.

Собственно говоря, так и обменяли юного Тараса из факции Красных. Вскоре после окончания его первого сезона в Городе, однажды утром, после службы в церкви, факционарий Зеленых ворчливо сообщил ему о том, что его отдали Синим и Белым в обмен на правого пристяжного и два бочонка сарникского вина и он должен в то же утро собрать свое снаряжение и отправиться в лагерь Синих.

Это было сказано без неприязни. Коротко, совершенно равнодушно, и когда до Тараса полностью дошел смысл сказанного, факционарий уже отвернулся, чтобы обсудить новые поставки аримонданской кожи с кем-то еще. Тарас, спотыкаясь, вышел из полного людей кабинета факционария. Все старались не встречаться с ним глазами.

Правда, Тарас пробыл у них недолго и выступал только за Красных да еще был застенчив по натуре, так что он, конечно, не стал в лагере хорошо известной фигурой. Но ему все же казалось, так как он был молод и еще не привык к жестокости Города, что его бывшие товарищи могли бы демонстрировать немного меньше радости, когда весть об обмене достигла обеденного зала и главных казарм. Было неприятно слышать радостные возгласы людей, когда им сообщали эту новость. Пусть этот конь, по слухам, очень хорош, но Тарас все же человек, возничий, его кровать стояла в одной с ними комнате, он обедал за их столом и весь год работал изо всех сил в этом сложном, опасном городе, вдали от дома.

Только один-два конюха дали себе труд подойти и пожелать ему удачи, когда он собирал свои вещи, да еще поваренок, с которым он иногда ходил выпить, и один из возниц Красных. Справедливости ради следует отметить, что Кресенз, их могучий первый возничий, оторвался от выпивки на время, достаточное, чтобы заметить, как Тарас идет по пиршественному

залу с вещами, и попрощался с ним, отпустив веселую шуточку через переполненную комнату.

Он перепутал имя Тараса, но он всегда его путал.

На улице шел дождь. Шагая через двор, Тарас натянул глубже шляпу и поднял воротник. Он с опозданием вспомнил, что забыл взять лекарство матери от всех возможных болезней. Вероятно, теперь он заболеет в придачу ко всему остальному.

Конь. Его обменяли на коня. У Тараса слегка сосало под ложечкой. Он еще помнил, как гордились его родные, когда вербовщик Зеленых год назад, в Мегарии, пригласил его в Город.

— Трудись усердно, и кто знает, что может случиться, — сказал тогда тот человек.

У входа в лагерь один из стражников вышел из сторожки и отпер калитку. Небрежно махнул рукой и нырнул обратно, прячась от дождя. Возможно, они еще не знают, что произошло. Тарас им не стал говорить. У ворот в переулке стояли и мокли двое мальчишек в синих туниках.

— Ты — Тарас? — спросил один из них, прожевывая кусок ягненка, жаренного на вертеле.

Тарас кивнул.

— Тогда пошли. Мы тебя проводим. — Мальчик бросил остатки мяса в канаву, полную дождевой воды.

Эскорт. Пара уличных мальчишек. Как лестно, подумал Тарас.

— Я знаю, где лагерь Синих, — буркнул он себе под нос. У него горели щеки, голова кружилась. Ему хотелось остаться одному. Не хотелось ни на кого смотреть. Как он расскажет об этом матери? От одной мысли о том, что надо будет диктовать такое письмо писарю, его сердце болезненно сжалось.

Один из мальчиков шагал рядом с ним по лужам; второй исчез через некоторое время за пеленой дождя — очевидно, устал или просто замерз. Значит, всего один уличный мальчишка. Триумфальная процессия в честь великого возничего, только что приобретенного в обмен на коня и вино.

У ворот лагеря Синих — теперь это его новый дом, как ни тяжело ему так думать, — Тарасу пришлось дважды повторить свое имя, потом мучительно объяснять, что он возничий и его... приняли в их факцию. На лицах у стражников отразилось сомнение.

Мальчик, стоящий рядом с Тарасом, сплюнул на дорогу.

— Открывайте, чтоб вас. Идет дождь, а он именно тот, за кого себя выдает.

В такой последовательности, мрачно подумал Тарас. Вода капала с его шапки и стекала за шиворот. Металлические ворота неохотно распахнулись. Конечно, ни одного приветливого слова. Стражники даже не поверили, что он возничий. Двор лагеря — почти такой же, как двор Зеленых, — был грязным и пустынным в то мокрое холодное утро.

— Будешь жить в той казарме, — сказал мальчишка, показывая направо. — Не знаю, какая кровать твоя. Асторг сказал, чтобы ты положил свои вещи и пришел к нему. Он будет завтракать. Пиршественный зал вон там. — И ушел по грязи, не оглядываясь.

Тарас понес свои пожитки в указанное здание. Длинная низкая спальня, снова очень похожая на ту, где он жил весь прошлый год. Несколько слуг ходили по ней, убирали, застилали постели и подбирали брошенную одежду. Один из них равнодушно поднял взгляд, когда Тарас появился в дверях. Тарас хотел спросить, которая кровать его, но внезапно это показалось ему слишком унизительным. С этим можно подождать. Он бросил свой мокрый мешок возле двери.

— Присмотри за моими вещами, — крикнул он властным, как ему хотелось бы думать, голосом. — Я буду здесь спать.

Он стряхнул воду с шапки, снова надел ее на голову и вышел. Огибая самые глубокие лужи, второй раз пересек двор, направляясь к тому зданию, на которое указал мальчик. Факционарий Асторг предположительно находился там.

Тарас вошел в маленькую, но красиво отделанную прихожую. Двойные двери, ведущие в сам зал, были закрыты; за ними было тихо в этот час, серым, мокрым утром. Он огляделся. На всех четырех стенах имелись мозаики, изображающие великих возниц прошлого — конечно, выступавших за Синих. Прославленные личности. Тарас знал их всех. Все молодые возницы их знали; они наполняли их сны своим сиянием.

«Трудись усердно, и кто знает, что может случиться».

Тарасу стало нехорошо. Он увидел человека, который грелся у двух очагов, сидя на высоком табурете возле дверей, ведущих в сам обеденный зал. У его локтя стояла лампа. Он что-то писал, потом поднял глаза и выгнул одну бровь.

— Промок, да? — заметил он.

— Дождь обычно бывает мокрым, — коротко ответил Та-

рас. — Я Тарас из... Я Тарас из Мегария. Новый возница. Из факции Белых.

— Правда? — сказал этот человек. — Слыхал о тебе. — По крайней мере, хоть кто-то слышал о нем, подумал Тарас. Человек смерил Тараса взглядом, но не хихикнул и не стал потешаться. — Асторг внутри. Избавься от этой шапки и заходи.

Тарас оглянулся, куда бы положить шапку.

— Давай мне. — Секретарь, или кем он там был, взял ее двумя пальцами, словно это тухлая рыба, и бросил на скамью за своим столом. Вытер пальцы об одежду и снова склонился над своей писаниной. Тарас вдохнул, убрал волосы с глаз и открыл тяжелую дубовую дверь в пиршественный зал. И замер.

Он увидел огромную ярко освещенную комнату, где за всеми столами сидело множество людей. Утренняя тишина разлетелась вдребезги от внезапного громоподобного рева, словно взорвался вулкан, такого громкого, что чуть не рухнули стропила. Он увидел, неподвижно стоя на пороге, с бьющимся в горле сердцем, что все они вскакивают на ноги — мужчины и женщины — и тянут к нему чаши и бутылки. Они выкрикивали его имя так громко, что он мог представить себе, что это слышит его мать на другом конце света, в Мегарии.

Ошеломленный, застывший на месте, Тарас отчаянно пытался понять, что происходит.

Он увидел поджарого, украшенного многочисленными шрамами человека, который бросил свою чашу на пол, и та отскочила от пола, расплескивая налитое в нее вино, и зашагал к нему через зал.

— Клянусь бородой безбородого Джада! — вскричал прославленный Асторг, предводитель всех Синих. — Поверить не могу, что эти идиоты тебя отпустили! Ха! Ха! Добро пожаловать, Тарас Мегарийский, мы гордимся тем, что ты с нами! — Он заключил Тараса в мощные объятия, от которых ребра затрещали, потом отступил, широко улыбаясь.

Шум в зале не утихал. Тарас увидел, что сам Скортий — великий Скортий — улыбается ему с высоко поднятой чашей. Те два мальчика, которые привели его, оба находились здесь, смеялись вместе в углу, совали пальцы в рот и пронзительно свистели. И в этот момент секретарь и один из стражников, стоявших у ворот, вошли вслед за Тарасом, и каждый сильно хлопнул его по спине.

Тарас почувствовал, что у него раскрыт рот. Он его закрыл.

Юная девушка, танцовщица, вышла вперед, вручила ему чашу с вином и расцеловала в обе щеки. Тарас с трудом сделал глоток. Посмотрел на свою чашу, неуверенно отсалютовал ею залу, а потом опрокинул в себя одним махом, что вызвало еще более громкие крики одобрения и свист всего зала. Они все еще выкрикивали его имя.

Он вдруг испугался, что расплачется.

Он сосредоточил внимание на Асторге. Постарался выглядеть спокойным. Прочистил горло.

— Это... это щедрый прием для нового возницы Белых, — сказал он.

— Белых? Каких еще Белых? Я люблю команду своих Белых, как отец любит младшего ребенка, но ты не принадлежишь к ним, парень. Ты теперь возничий Синих. Второй после Скортия. Вот почему мы празднуем!

Тарас, быстро мигая, внезапно решил, что ему надо поскорее попасть в церковь. Кого-то же надо поблагодарить, и начать, несомненно, лучше всего с Джада.

Когда Тарас приближался к барьеру на своей квадриге, управляя капризными конями на второй день сезона гонок, под весенним солнцем, заливающим орущую толпу на Ипподроме, он не испытывал ни малейшего сожаления о той благодарности и о тех свечах, которые зажег несколько месяцев назад. Но сегодня утром он был в ужасе, так как понимал, что задача ему не по силам, и каждое мгновение ощущал страшное напряжение.

Он теперь хорошо понимал, о чем думали Асторг и Скортий, когда организовали его переход к Синим. Вторым возницей в последние два года был человек по имени Руланий из Сарники (как и многие возницы), но он начал создавать проблемы. Ему казалось, что он лучше, чем был на самом деле, и поэтому слишком много пил.

Роль второго возницы заключалась главным образом в выполнении тактических задач. Он не побеждал в гонках (разве только в незначительных, в которых не участвуют лидеры), он старался сделать так, чтобы первому вознице не мешали выигрывать.

Приходилось устраивать блокировку (очень тонко), удерживать дорожку, не пропуская Зеленых, оттеснять их подальше на поворотах, сбрасывать скорость, чтобы задержать остальных,

или резко отставать в точно рассчитанный момент, чтобы дать прорваться вперед твоему лидеру. Иногда даже устраивать столкновения в подходящее время, а это было сопряжено с довольно большим риском. Нужно было быть наблюдательным, настороженным, готовым получать удары и синяки, внимательно ловить зашифрованные приказы Скортия, брошенные тебе на дорожке, и навсегда примириться с тем, что ты лишь помощник лидера. Приветственные крики тебе никогда не достанутся.

Руланий же не хотел с этим мириться, и чем дальше, тем больше.

Это становилось все более очевидным в течение прошлого сезона. Он был слишком опытным, чтобы его просто уволить, а факционарию приходилось думать не только о Сарантии. Было принято решение отправить его на север, в Евбул, второй город Империи, где он мог стать первым возничим на менее крупном ипподроме. Понижение — и повышение. Как ни назови, это убирало его с дороги. Предупреждение насчет выпивки, однако, было очень определенным. Беговая дорожка — не место для людей, находящихся не в самой лучшей форме все утро, весь день. Смерть — Девятый Возница скачет слишком близко от них всегда.

Но после решения этой проблемы осталась другая. Нынешний третий возничий Синих был постарше возрастом и вполне доволен своим жребием в жизни: участвовать в незначительных гонках, иногда помогать Руланию. Асторг счел, что он явно не соответствует тактическим требованиям и не способен на постоянное столкновение с Кресензом из факции Зеленых и его агрессивным вторым номером.

Они могли найти кого-то другого из менее крупного города или попробовать другой подход. Они выбрали второй вариант.

Оказывается, Тарас произвел впечатление, большое впечатление, особенно во время одного памятного заезда в самом конце прошлого года. То, что сам он счел полным провалом, когда его бурный старт был сорван эффектным проходом Скортия по диагонали за его спиной, Синие сочли блестящей попыткой, которая не удалась лишь из-за гениальных действий их первого возницы. А потом Тарас пришел вторым в той же гонке — крупное достижение, ведь он плохо знал своих коней и его упряжка выбилась из сил после напряженного старта.

Итак, они втайне навели о нем справки, провели несколько обсуждений внутри факции и приняли решение, что он подходит на роль второго возницы. Он придет в восторг от риска и не будет нервничать из-за него. Он понравится толпе, так как он молод. Здесь для Синих заложены большие возможности — к такому выводу пришел Асторг.

Он начал переговоры об обмене. Конь, как узнал Тарас, был очень хорошим. Кресенз поспешно потребовал его себе в качестве правого пристяжного. Теперь он будет выступать с еще большим блеском, и они это знали.

Понимание этого возложило дополнительное бремя тревоги на плечи Тараса, несмотря на великолепный прием и тщательное обучение тактике у Асторга, который, в конце концов, был самым великим возничим в мире в свое время.

Но эта тревога и постоянная ответственность, которые он чувствовал с самого начала, оказались пустяком по сравнению тем, с чем ему пришлось столкнуться сейчас, когда колесницы вышли на парад, на песок Ипподрома, перед послеполуденными гонками второго дня нового сезона.

Зимние тренировки потеряли почти всякий смысл, все тактические дискуссии превратились в чистую абстракцию. Он не был вторым. Перед ним в первой упряжке вместе с тремя другими конями левым пристяжным скакал великолепный, прославленный Серватор. На голове у Тараса сиял серебряный шлем. Он был первым возничим Синих.

Скортий исчез. Исчез за неделю до начала сезона.

День открытия обернулся жестоким потрясением. Тарас продвинулся от положения четвертого возницы малозначительной факции Красных до носителя серебряного шлема могучих Синих и возглавлял большой парад, а потом соревновался с Кресензом на глазах у восьмидесяти тысяч людей, которые никогда о нем не слышали. Его дважды сильно стошнило в перерывах между заездами. Он умылся, выслушал страстные слова ободрения Асторга и снова вышел на песок, где может разбиться сердце.

Он умудрился прийти вторым четыре раза из шести в первый день и три раза из четырех этим утром. Кресенз из факции Зеленых, уверенный, кровожадно агрессивный, похваляющийся своим великолепным новым правым пристяжным, выиграл семь заездов в день открытия и еще четыре сегодня утром. Одиннадцать побед за полтора дня! Зеленые были вне себя от восторга. Мысль о несправедливом преимуществе даже не возникает, когда сезон начинается с таким блеском.

Никто до сих пор не знал, где Скортий. Или если кто-то и знал, то молчал.

Тараса накрыло волнами с головой, но он старался удержаться на плаву.

* * *

Несколько человек действительно знали, но не так много, как можно было бы предположить. Как сохранить все в тайне — вот первый вопрос, который они обсудили с распорядителем Сената, когда тот пришел в ответ на настойчивую просьбу в свой собственный небольшой дом. По правде говоря, перед этим Бонос считал, что есть несколько различных способов разыграть эту ситуацию, но непреклонная настойчивость раненого положила конец обсуждению. Поэтому Асторг и сам Бонос были единственными облеченными властью лицами, которые знали, где сейчас Скортий. Недавно прибывший в Город (и, слава богу, компетентный) лекарь-бассанид тоже был в курсе дела, как и слуги в доме. Последние славились своей неразговорчивостью, а доктор вряд ли мог предать доверие пациента.

Сенатор не знал, что его собственный сын посвящен в эти очень необычные обстоятельства и даже принимал в них участие. Как не знал и того, что еще один человек получил короткую записку:

«Совершенно очевидно, что ты — опасная личность, и твоя улица более опасна, чем можно предположить. Кажется, я пока еще не отправлюсь к богу, чтобы пожаловаться, и полагаю, наши неудачные переговоры останутся в тайне. Возможно, когда-нибудь их придется продолжить».

Еще одна записка, написанная тем же почерком, была доставлена через Асторга и одного из посыльных из лагеря Синих в особняк Плавта Боноса, но не сенатору. В ней говорилось:

«Надеюсь, я когда-нибудь расскажу тебе, какие большие неудобства мне доставил твой семейный совет той ночью».

Женщина, которая ее читала, не улыбалась при этом. Она сожгла записку в своем очаге.

Городской префектуре тайно дали знать, что возничий жив, но получил рану во время свидания, о котором предпочитает умолчать. Это часто случалось. Власти не сочли нужным вмешиваться. Вскоре после этого они были по горло заняты поддержанием порядка на улицах: болельщики Синих, взбудораженные исчезновением своего героя и эффектными победами Зеленых в день открытия, были в отвратительном настроении. После первого дня гонок случилось больше ранений и смертей, чем обычно, но в целом — в связи с присутствием в Городе такого количества солдат — настроение в Сарантии оставалось настороженным и полным скорее напряжения, чем открытой ярости.

Имейте в виду, семена уже были посеяны. Самый прославленный возничий Империи не мог просто исчезнуть, не вызвав серьезных беспорядков. Бдительных известили, что их услуги еще могут понадобиться.

Все это было частью последствий. В ту ночь, когда тяжело раненный человек появился у дверей дома, едва держась на ногах, но вежливо извинился за вторжение, в городском доме Плавта Боноса возникли новые проблемы. И в первую очередь для Рустема из Керакека.

Сначала он думал, что потеряет этого человека, и втайне радовался, что находится в Сарантии, а не у себя дома: там, взявшись за лечение, он принял бы на себя большую материальную ответственность, а может быть, расплатился бы жизнью за смерть возничего. Этот человек был очень значительной фигурой. В Бассании не нашлось никого, с кем он мог провести параллель, но невозможно не заметить, какие ошеломленные лица были у управляющего и у отпрыска сенатора, когда они помогали этому человеку по имени Скортий забраться на стол в ту ночь.

Рустем видел, что рана нехорошая — глубокий удар, потом рывок вверх под углом. Попыткам закрыть рану, уменьшить сильное кровотечение очень мешали сломанные ребра — три или четыре ребра — с той же стороны. Возничий задыхался — этого следовало ожидать. Вполне вероятно, что было задето легкое. Это могло привести к смерти, а могло и не привести. Рустем с изумлением узнал, что возничий пришел сюда пешком по улицам с такими ранами. Он внимательно наблюдал за дыханием лежащего на столе человека, опасно поверхностным, словно он с опозданием начал ощущать боль.

Рустем принялся за работу. Болеутоляющее из его дорожной сумки, полотенца, горячая вода, чистые простыни, уксус на губке, чтобы очистить рану (сильная боль), ингредиенты с кухни, которые слуги по его инструкциям смешали и прокипятили для временной повязки. Как только Рустем занялся работой

при свете ламп, которые для него зажгли, он перестал думать о последствиях. Колесничий вскрикнул дважды: один раз от уксуса (Рустем мог бы использовать вино, от него не так больно, но оно менее эффективно, и он решил, что этот человек сумеет вытерпеть боль), а потом еще раз, и по его лицу потекли капли пота, когда Рустем попытался определить, насколько глубоко проникли в рану сломанные ребра. После этого он замолчал, но дышал очень часто. Возможно, обезболивающее помогло, но сознания пациент не потерял.

В конце концов кровотечение удалось остановить с помощью корпии в ране. После Рустем осторожно удалил все из раны (по крайней мере, в этом он следовал указаниям Галинуса) и вставил трубку для дренажа. Она тоже причиняла боль. Полилась непрерывная струйка окрашенной кровью жидкости. Более обильная, чем ему хотелось бы. Раненый даже не пошевелился. В конце концов струйка ослабела. Рустем посмотрел на кухонные вертела и прищепки, которые ему принесли, — все, что было в его распоряжении, чтобы зашить рану. Он решил пока оставить ее открытой. При таком количестве жидкости ему еще раз может понадобиться поставить дренаж. Он хотел наблюдать за легкими, за дыханием.

Он приложил быстро приготовленную домашнюю припарку (хорошо сделанную, на хорошей ткани, как он заметил) и плотно обернул больного простыней в качестве первой повязки. Он хотел бы иметь лучшее средство для раны, в таких случаях он любил применять киноварь — в скромных количествах, так как знал, что в больших дозах она ядовита. Утром он постарается найти нужные ингредиенты.

Еще ему необходимо добыть дренажные трубки. Ребрам потребуется более крепкая опора, но в первые дни необходимо иметь доступ к ране для наблюдения. Знаменитый квартет признаков опасности Меровия: покраснение и опухоль, сопровождаемые жаром и болью. Их лекарь узнает первым делом, и на востоке, и на западе.

Они перенесли возничего наверх на крышке стола. Снова началось слабое кровотечение, но этого следовало ожидать. Рустем приготовил более сильную дозу обычного обезболивающего и сидел у постели раненого до тех пор, пока тот не уснул.

Уже перед тем как уснуть, с закрытыми глазами, возничий тихо пробормотал бесцветным, сухим тоном, который тем не

менее позволял предположить, что он пытается что-то объяснить: «Понимаешь, она уединилась со своей семьей».

Не было ничего необычного в том, что снотворное заставляет человека произносить бессмысленные фразы. Рустем оставил одного из слуг дежурить, приказав позвать его немедленно, если случится что-нибудь необычное, потом пошел спать. Элита уже была там — он сказал ей, что она должна лечь в его комнате. Кровать была удобной, согретой теплом ее тела. Он уснул почти сразу. Лекари должны уметь это делать, помимо всего прочего.

Когда он утром проснулся, девушки рядом с ним уже не было, но огонь снова горел в очаге, и ванна с водой согревалась рядом. Простыня и его одежда тоже были приготовлены у огня. Несколько мгновений Рустем лежал неподвижно, приходя в себя, потом сделал первый жест, вытянув правую руку на восток, и шепотом произнес имя богини.

В дверь постучали. Три раза. Первый звук имеет большое значение. Звук и число «3» — благоприятные знамения на этот день. Он ответил, и вошел управляющий. Этот человек выглядел встревоженным и озабоченным. Неудивительно, если вспомнить события прошлой ночи.

Но, как оказалось, дело было не только в них.

К Рустему уже явились пациенты. Много пациентов, и некоторые из них весьма знатные люди. После вчерашней свадьбы с молниеносной быстротой разнеслись слухи о прибытии в Город бассанидского лекаря и учителя, который на время поселился в городском доме распорядителя Сената. И пусть пьяные молодые болельщики с Ипподрома с яростью набрасываются на всех иностранцев, страждущие душой и телом иначе относятся к магической восточной мудрости.

Рустем совсем не думал о подобной возможности, но вряд ли такой поворот событий можно считать неблагоприятным. Он мог оказаться полезным. Сидя на кровати, он погладил бороду, быстро соображая, и приказал управляющему, который явно стал более почтительным со вчерашнего дня, попросить клиентов прийти после полудня. Он также попросил его просветить их насчет того, что Рустем берет очень высокую плату, чтобы они были к этому готовы. Пускай все решат, что он всего

лишь жадный бассанид и приехал сюда просто с намерением подзаработать.

Ему нужны были высокопоставленные и состоятельные пациенты. Те, кто может заплатить много. Те, кто может знать о важных вещах и посвятить в них доктора. Люди так поступают везде, а он находится здесь с определенной целью. Он спросил о раненом, и управляющий доложил, что тот все еще спит. Рустем распорядился, чтобы кто-нибудь время от времени заглядывал к парню и чтобы ему доложили, когда он проснется, но без лишнего шума. Никто не должен знать, что этот человек здесь. Рустема все еще забавляло то, каким благоговением преисполнился этот суровый, благовоспитанный управляющий вчера ночью при появлении простого спортсмена, участника игр.

— Джад, владыка святого Солнца! — закричал он, когда возничий, поддерживаемый мальчишкой, перешагнул через порог. Управляющий рукой описал круг, символ веры, и по его тону можно было предположить, что он воочию видит упомянутого бога, а не просто призывает его.

«Святые и возничие — вот кого почитают в Сарантии», — гласит старая пословица. Кажется, это правда. Забавно.

После того как Рустем оделся, умылся и съел легкий завтрак, он велел слугам сделать перестановку в двух комнатах на первом этаже, превратив их в приемные, и доставить туда некоторые необходимые вещи. Управляющий оказался человеком умелым и собранным. Возможно, люди Боноса за ним шпионили, но они были хорошо вышколены, и к тому времени, когда солнце поднялось высоко в тот теплый и благодатный день ранней весны, у Рустема появились нужные помещения и инструменты. Он официально вошел в эти две комнаты, переступив порог каждой из них левой ногой и призывая Перуна и Богиню. Поклонился всем четырем углам начиная с восточного, огляделся и объявил, что доволен.

Перед самым полуднем тот парень, сын сенатора, который привел к нему прошлой ночью атлета, снова явился. Его лицо было бледно-серым от переживаний. Едва ли он спал этой ночью. Рустем быстро послал его покупать белье и материалы для перевязок. Мальчишке необходимы эти поручения. Собственно говоря, теперь приходилось напоминать себе, что это именно он убил Нишика вчера утром. Кажется, здесь все меняется очень быстро.

Парень выглядел одновременно обрадованным и напуганным.

— Гм, прошу вас... Мой отец не узнает, что это я... привел его сюда? Пожалуйста!

Вчера ночью он это уже говорил. Кажется, мальчик удрал из дома без разрешения. Ну конечно, он ведь утром убил человека. Рустем тогда кивнул головой и сейчас кивнул еще раз. Тайная сеть растет, и это может оказаться полезным, решил он. Все больше людей перед ним в долгу. День начинается удачно.

Потом надо будет обзавестись одним-двумя учениками для соблюдения хорошего тона и придания себе веса, но с этим можно подождать. Пока он приказал Элите одеться в длинную темно-зеленую тунику и показал ей, как сопровождать к нему пациентов во внутреннюю комнату, пока остальные будут ждать в соседней. Он объяснил, что она должна оставаться вместе с ним, если пациент — женщина. Лекарям иногда предъявляют дикие обвинения, рожденные воспаленным воображением, и присутствие второй женщины — необходимая предосторожность, если у лекаря нет учеников.

Сразу же после полудня управляющий сообщил, что уже собралось более двадцати человек — кое-кто прислал вместо себя слуг — на улице у двери. Соседи уже начали жаловаться, доложил он. Это благопристойный район.

Рустем велел управляющему немедленно принести извинения соседям, потом узнать имена ожидающих пациентов и установить норму: шесть человек в день. Это необходимо, если он собирается заниматься и другими делами, которые наметил для себя в этом городе. Когда у него появятся ученики, они смогут начать процесс отбора тех, кто больше нуждается в его помощи. В самом деле, лечить обычные катаракты было бы пустой тратой времени. В конце концов, он применяет методы Меровия Тракезийского, и здесь, на западе, должны знать его методику.

Элита, очень привлекательная в зеленой тунике и уже не столь застенчивая, поспешно вошла в комнату. Пациент наверху проснулся. Рустем быстро поднялся наверх и вошел в комнату, переступив порог левой ногой.

Раненый сидел, подложив под спину подушки. Он был очень бледен, но глаза были ясные, и дыхание стало менее поверхностным.

— Доктор, я должен тебя поблагодарить. Мне через пять дней необходимо участвовать в гонках колесниц, — без всякой

преамбулы сказал он. — Или через двенадцать дней, самое большее. Ты можешь это сделать?

— Участвовать в гонках? Конечно, не могу, — мягко ответил Рустем. Он подошел к пациенту и более внимательно вгляделся в него. Для человека, который мог прошлой ночью умереть, он выглядел очень живым. Его дыхание после пристального осмотра оказалось не таким хорошим, как хотелось бы Рустему. Неудивительно.

Через секунду пациент криво улыбнулся. Они немного помолчали.

— Ты намекаешь, что я должен придержать коней, как я подозреваю?

Ему нанесли глубокую рваную рану, которая почти проникла до точки «марамата» и едва не прикончила его. Его пинали ногами в те самые ребра, между которыми проник кинжал, что должно было причинить ужасную боль. Весьма вероятно, что легкое оторвалось от того места, где оно должно находиться в грудной клетке.

Рустем не переставал изумляться, как этот парень сам дошел до его дома. Неясно, как ему удавалось дышать и не терять сознание. Атлеты умеют переносить сильную боль, но даже в этом случае...

Рустем взял левое запястье больного и начал считать показания пульса.

— Ты мочился сегодня утром?

— Я не вставал с постели.

— И не встанешь. На столе лежит бутылка.

Мужчина скорчил гримасу:

— Но я не могу...

— Не можешь? Тогда я прекращаю лечение. Я знаю, что у вашей команды есть свои лекари. С удовольствием пошлю за ними, и тебя перенесут на носилках. — С некоторыми людьми приходится разговаривать именно так. Показания пульса были нормальными, только свидетельствовали о более возбужденном состоянии, чем полезно больному.

Человек по имени Скортий заморгал.

— Ты привык все делать по-своему, да? — Он попробовал сесть немного прямее, охнул и отказался от этой попытки.

Рустем покачал головой. И сказал самым размеренным, успокаивающим тоном:

— Галинус здесь, на западе, учил, что в любом недомогании

есть три составляющих: болезнь, пациент и лекарь. Ты сильнее большинства людей, я в это верю. Но ты — всего одна из трех частей, а рана очень серьезная. Весь твой левый бок... нестабилен. Я не могу забинтовать ребра, как надо, пока не буду уверен в состоянии колотой раны и в твоем дыхании. Привык ли я все делать по-своему? В большинстве случаев — нет. Что такое человек? Но при лечении больного лекарь обязан настоять на своем. — Он заговорил еще мягче: — Ты ведь знаешь, в Бассании нас могут оштрафовать и даже казнить, если пациент, за лечение которого мы взялись, умрет. — Иногда откровенность приносит плоды.

Через мгновение возничий кивнул головой. Это был невысокий поразительно красивый мужчина. Рустем видел сеть шрамов на его теле вчера ночью. Судя по цвету кожи, он родился на юге. На тех пустынных просторах, которые хорошо знал Рустем. Опасные места, они закаляют людей.

— Я забыл. Но ты далеко от своего дома, правда?

Рустем пожал плечами:

— Раны и болезни почти не меняются.

— Меняются обстоятельства. Я не хочу создавать трудности, но сейчас не могу позволить себе вернуться в лагерь, где придется отвечать на вопросы, и мне необходимо участвовать в гонках. Ипподром откроется через пять дней, это... сложное время.

— Может быть, и так, но я могу поклясться тебе моими или твоими богами, что ни один из здравствующих лекарей не согласится на это и не сможет этого добиться. — Он помолчал. — Разве что ты хочешь просто встать на колесницу и умереть на дорожке от потери крови или когда твои сломанные ребра вонзятся в легкие и ты перестанешь дышать? Героическая смерть? Ты этого хочешь?

Раненый покачал головой слишком энергично. Он сморщился и прижал ладонь к боку. Потом выругался с большим чувством, проклял и своего бога, и запрещенного сына бога джадитов.

— Тогда к следующей неделе? Ко второму дню гонок?

— Ты будешь лежать в постели двадцать или тридцать дней, возничий, потом начнешь очень осторожно ходить и делать другие движения. В этой постели или в другой, мне все равно. Дело не только в ребрах. Ты получил удар кинжалом, знаешь ли.

— Ну да, я знаю. Было больно.

— И рана должна зажить чисто, или ты умрешь от воспаления. Повязку нужно осматривать и менять через день в течение двух недель, прикладывать свежие припарки, нельзя допускать дальнейшего кровотечения. В любом случае мне придется еще раз поставить дренаж на рану. Я даже еще не наложил швы и еще несколько дней не стану их накладывать. Некоторое время тебе придется испытывать большие неудобства.

Парень пристально смотрел на него. С некоторыми людьми лучше всего быть полностью откровенным. Рустем помолчал.

— Я понимаю, что игры на вашем Ипподроме имеют большое значение. Но ты не сможешь в них участвовать до лета, и было бы лучше, если бы ты с этим смирился. Разве не то же самое произошло бы, если бы ты упал и сломал ногу?

Колесничий закрыл глаза.

— Не совсем то же самое, но я понял тебя. — Он снова посмотрел на Рустема. Его глаза были ясными, это обнадеживало. — Я не поблагодарил тебя должным образом. Стояла глухая ночь, и ты совсем не был готов. Кажется, я жив. — Он криво усмехнулся. — И даже могу с тобой спорить. Прими мою благодарность. Окажи мне любезность, пусть кто-нибудь принесет бумагу и пускай управляющий пошлет тайного гонца к сенатору Боносу с сообщением, что я нахожусь здесь.

Этот человек умеет говорить. Совсем не то что те борцы, акробаты или наездники, выступления которых Рустем видел дома.

Пациент послушно выдал образец мочи, и Рустем определил, что она имеет предсказуемо красный цвет, но не настолько красный, чтобы вызвать тревогу. Он смешал еще одну дозу своего снотворного, и возничий весьма покорно его выпил. Потом он снова провел дренаж раны, тщательно следя за количеством и цветом жидкости. Пока ничего особенно тревожного.

«Такие люди, как этот, которые регулярно испытывают боль, понимают потребности собственного тела», — подумал Рустем. Он сменил повязку, внимательно рассмотрел запекшуюся вокруг раны кровь. Рана еще кровоточила, но не сильно. Он позволил затеплиться легкому огоньку удовлетворения. Но им еще предстоял долгий путь.

Рустем спустился вниз. Его ждали пациенты. Он позволил прийти шестерым. Сегодня это были первые шесть человек из очереди; им как можно скорее надо придумать лучшую систему.

Первые добрые предзнаменования этого утра сбылись, даже здесь, среди неверующих джадитов. События складывались очень удачно.

В то первое утро он осмотрел купца, умирающего от опухоли, пожирающей его желудок. Рустем ничего не мог ему предложить, даже свою обычную микстуру от такой сильной боли, так как не взял ее с собой, а здесь он не знал людей, которые готовят лекарства для частных лекарей. Еще одна задача на ближайшие дни. Он воспользуется услугами сына сенатора. Пускай поработает на него вместо убитого им слуги. Это потешит его чувство иронии.

Глядя на худого, истаявшего купца, Рустем с сожалением произнес необходимые слова: «С этим я не буду бороться». Он объяснил, как поступают в таких случаях бассаниды. Больной не удивился, вел себя спокойно. Смерть смотрела из его глаз. К этому привыкаешь, но привыкнуть все же невозможно. Черный Азал всегда действует среди живущих в мире, который сотворил Перун. Лекарь — всего лишь ничтожный солдат в этой бесконечной войне.

Следующей вошла надушенная, умело накрашенная придворная дама, которой, кажется, просто захотелось посмотреть, как он выглядит. Ее слуга занял для нее очередь еще в предрассветный час.

Такие вещи случались часто, особенно когда доктор приезжал на новое место. Скучающим аристократам хотелось развлечься. Она хихикала и болтала во время осмотра даже в присутствии Элиты. Прикусила нижнюю губку и посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы, когда он взял ее за надушенное запястье, чтобы посчитать пульс. Она болтала о вчерашней свадьбе — той самой, на которую попал Рустем. Сама она там не была, и казалось, это задело ее самолюбие. Еще больше она была недовольна, когда он сообщил, что у нее нет никаких болезней, требующих его вмешательства или следующего визита.

Потом вошли еще две женщины — одна явно богатая, другая из простых, — они обе жаловались на бесплодие. Это тоже нормально, когда лекарь приезжает на новое место. Бесконечные поиски кого-нибудь, кто сможет помочь. Он проверил, смогла ли заплатить управляющему вторая женщина, и в присутствии Элиты осмотрел по очереди обеих, как это делают врачи в Афганистане (но не в Бассании, где лекарям запрещено ви-

деть женщин без одежды). Обеих женщин это ничуть не смутило, но наблюдающая Элита залилась краской. Следуя привычной процедуре, Рустем задал обычные вопросы и в обоих случаях быстро сделал выводы. Ни одна из женщин не выглядела удивленной, что часто бывало в подобных случаях, хотя только одна из них могла найти утешение в том, что он сказал.

Далее он принял еще двоих, диагностировал катаракты — как и ожидал — и вскрыл их собственными инструментами, взяв деньги за осмотр и за саму операцию, и назначил намеренно вздутую цену за последующие визиты к ним на дом.

К середине дня он выслушал множество сплетен и узнал гораздо больше, чем хотел знать о предстоящем сезоне на Ипподроме, который должен был вскоре начаться. Синие и Зеленые, *Синие и Зеленые, Скортий и Кресенз*. Даже умирающий мужчина упомянул этих двух возничих. Все сарантийцы страдают одной навязчивой идеей, решил Рустем.

В какой-то момент Элита выскользнула из комнаты, а по возвращении сообщила, что тот парень наверху, о котором все говорят, опять спит. Рустем ненадолго отвлекся, представив себе реакцию людей, если они узнают, что он здесь.

Все болтали, но сообщали только пустяковые сведения. Это изменится, подумал Рустем. Люди посвящают лекарей в свои тайны. Это многообещающая профессия. Он зашел так далеко, что улыбнулся Элите и похвалил ее за помощь. Она снова покраснела, глядя в пол. Когда ушел последний пациент, Рустем вышел из приемной весьма довольный собой.

Его ждала делегация из гильдии лекарей в составе двух человек.

У него тут же испортилось настроение.

Оба посетителя, судя по их виду и речам, были вне себя от ярости, обнаружив, что иностранец занялся врачебной практикой в Сарантии, в частном доме, даже не нанеся визит в гильдию и не испросив разрешения. Учитывая то, что он явился сюда под предлогом чтения лекций, учебы и покупки рукописей, а также для того, чтобы поделиться знаниями с западными коллегами, весьма вероятно, что их гнев мог вызвать осложнения.

Рустем, сердясь на самого себя за очевидный промах, постарался прикрыться невежеством и стал горячо просить прощения. Он приехал из маленького городка, он понятия не имел о том, как все сложно в большом городе, у него не было намерения никого оскорбить или нарушить правила. Пациенты собрались у дома без какого-либо объявления с его стороны. Управляющий это подтвердит. Его клятва — как и их собственная, в традициях великого Галинуса с запада, — требовала от него, чтобы он постарался им помочь. Он сочтет за честь явиться в гильдию. Немедленно, если ему разрешат. Он, конечно, прекратит принимать больных, если они ему это рекомендуют. Все зависит только от них. И, кстати, не пожелают ли достойные посетители отправиться вместе с ним на обед к распорядителю Сената сегодня вечером?

Эта последняя фраза подействовала на них больше всего остального. Разумеется, они отклонили приглашение, но отметили его, как и то, где бассанид поселился. Чей это дом. Доступ в коридоры власти. Возможно, этого человека лучше не обижать.

В самом деле, как это забавно. Люди одинаковы повсюду в мире.

Рустем проводил сарантийских лекарей до двери, пообещал явиться завтра утром в помещение гильдии. Попросил их квалифицированной помощи во всех здешних делах. Поклонился. Снова выразил сожаление и огромную благодарность за их визит, сказал, что с *большим нетерпением ждет, когда они поделятся* с ним своими знаниями. Снова поклонился.

Управляющий с непроницаемым лицом закрыл дверь. Рустем, которого охватило игривое настроение, подмигнул ему.

Затем он поднялся наверх, чтобы опять заняться своей бородой (она нуждалась в регулярном уходе) и переодеться к обеду в доме сенатора. Пациент просил Боноса прийти сюда. Вероятно, сенатор придет. К этому моменту Рустем уже хорошо понял всю значительность раненого человека, спящего в соседней комнате. «Возничие и святые». Интересно, сможет ли он повернуть разговор сегодня за обедом на вероятность войны? Слишком рано, решил он. Он только что приехал, весна только начинается. События не могут развиваться так быстро, ничего не произойдет. Кроме гонок, подумал он. Все в Сарантии — даже умирающие — думают о колесницах. Легкомысленные люди? Он покачал головой: слишком поспешная оценка, вероятно, она ошибочна. Но в своей новой роли наблюдателя в Сарантии по поручению Царя Царей ему придется посетить Ипподром, решил он, как пациент посещает больного.

Ему внезапно пришла в голову мысль: любит ли Шаски ко-

ней? Он понял, что не знает и что, находясь так далеко от дома, не может спросить его об этом.

Это изменило его ощущение нынешнего дня на какое-то время.

Когда пришел сенатор, он держался серьезно и деловито. Отметил перемены в комнатах внизу без комментариев, выслушал рассказ Рустема о событиях прошлой ночи (тот не упомянул о мальчике, как и обещал), а потом вошел в комнату Скортия и плотно прикрыл за собой дверь.

Рустем настаивал, чтобы его визит был недолгим, и Бонос подчинился. Он вышел через короткое время. Конечно, он ничего не сказал о беседе, которая состоялась в комнате. Их отнесли на носилках в основную резиденцию Боноса. Во время обеда сенатор оставался крайне рассеянным.

Тем не менее вечер прошел весьма цивилизованно. Очаровательные дочери сенатора подали гостям вино сразу по прибытии. Они явно были детьми от прежней жены, присутствовавшая там супруга выглядела слишком молодой, чтобы быть их матерью. Обе девушки удалились до того, как гостей проводили на обеденные ложа.

Рустем приобрел больше опыта в таких вещах в землях Афганистана, чем у себя дома. Керакек — не то место, где весь вечер тихо играют невидимые музыканты, а безукоризненно вышколенные слуги стоят за каждым ложем, чтобы удовлетворить любой намек на желание гостя. По подсказке хорошо воспитанной жены сенатора Рустема принимали вместе с другими гостями: торговцем шелком из Бассании (учтивый жест!) и двумя сарантийскими патрициями и их женами. Жена сенатора и две другие женщины, все элегантные, уравновешенные и раскованные, принимали большее участие в беседе, чем афганские женщины на подобных вечеринках. Они задали ему множество вопросов о его обучении, о его семье, заставили рассказать о приключениях в Афганистане. Тайны дальнего востока, слухи о волшебных и сказочных животных явно пользовались здесь популярностью. Все учтиво избегали упоминать о драматическом появлении Рустема в Сарантии утром предыдущего дня; в конце концов, виновником этой драмы был сын сенатора. А он не показывался на глаза.

Стало ясно, что никто не знает о тех не менее драматичных

событиях поздней ночи, в которых участвовал возничий. Бонос ничего не сказал. Рустем не собирался затрагивать эту тему.

Лекарь обязан хранить тайну пациента.

•

Нарядившись в лучшие одежды и с дорожным посохом в руках, он на следующее утро посетил гильдию в сопровождении одного из слуг дома, который доставил рекомендательное письмо, предложенное ему сенатором за последней чашей вина накануне вечером.

Рустем проделал все необходимые жесты, произнес все необходимые фразы и был принят с учтивостью. Время было мирное, а эти люди занимались той же профессией. Он не собирался оставаться здесь так долго, чтобы представлять для них угрозу, и мог оказаться им полезным. Договорились, что он прочтет лекцию через две недели в помещении гильдии. Они дали согласие на прием горстки пациентов в день в той приемной, которую он организовал, и ему дали имена двух аптекарей и травников, где можно получить правильно смешанные лекарства. Вопрос об учениках отложили (возможно, ученики означали бы постоянное проживание?), но Рустем и так уже решил, что ему придется с этим подождать, пока Скортий находится в его доме.

И таким образом он привел в движение — и с большей легкостью, чем мог ожидать, — свою жизнь, распорядок своих дней в расцветающем весеннем Сарантии. Он посетил общественные бани вместе со вчерашним бассанидским купцом и узнал, что этот человек знает гонцов, ездящих в Кабадх. Ничего прямо не говорилось, но многое подразумевалось.

Через несколько дней после этого пришло послание из Кабадха, и многое изменилось.

Его принес еще один бассанид. Сначала, когда управляющий сообщил Рустему о присутствии одного из его земляков в очереди утренних пациентов, Рустем просто предположил, что какой-то восточный купец предпочел лечиться у лекаря, знакомого с восточными методами лечения. Этот человек стоял третьим в очереди.

Когда он вошел, в темной одежде, с аккуратной бородкой, Рустем повернулся, вопросительно посмотрел на него и спросил о здоровье на их родном языке. Пациент ничего не ответил, просто достал из складок одежды пергамент и протянул ему.

На письме отсутствовала официальная печать, которая могла бы послужить предупреждением.

Рустем развернул пергамент и прочел. Читая послание, он сел, чувствуя, что бледнеет. Он ощущал, что этот мнимый пациент пристально наблюдает за ним. Закончив чтение, он поднял взгляд на этого человека.

Говорить было трудно. Он прочистил горло.

— Ты... знаешь, что здесь написано?

Человек кивнул.

— Теперь сожги его, — приказал он. Он говорил голосом культурного человека.

В комнате стояла жаровня; по утрам еще было холодно. Рустем подошел к ней, сунул пергамент в огонь и смотрел, пока он не сгорел.

Потом оглянулся на человека из Кабадха.

— Я... я думал, что нахожусь здесь в качестве наблюдателя.

Человек пожал плечами.

— Потребности меняются, — ответил он и встал. — Спасибо за помощь, доктор. Уверен, ты справишься с моими... затруднениями. — И вышел.

Рустем долго стоял на одном месте, потом вспомнил, что слуги Плавта Боноса почти наверняка доносят на него, и заставил себя двигаться, снова занялся обычными делами, хотя все изменилось.

Лекарь, давший клятву, должен стремиться лечить больных, вести битву с Азалом, когда Враг осаждает тела смертных мужчин и женщин.

Вместо этого царь, Брат солнца и лун, только что попросил его убить человека.

Важно было скрыть признаки тревоги. Он сосредоточился на работе. Утро проходило, и он убедил себя, что возможность совершить то, о чем его просили, так ничтожна, что его не могут обвинить, если это ему не удастся. Он может так и сказать, когда приедет домой.

Или, правильнее сказать, он *почти* убедил себя в этом.

Он видел Царя Царей в Керакеке. Невозможно поверить, что Великий Ширван склонен проявлять снисходительность к тому, кто сошлется на трудности при исполнении его приказов.

В маленьком домике Плавта Боноса он закончил прием утренних пациентов и поднялся наверх. Он решил, что пора наложить швы на рану возничего. Теперь у него появились нужные

приспособления с зажимами на концах. Он выполнил эту процедуру. Привычно, без всяких усилий. Она не требовала напряжения мыслей, и это было хорошо.

•

Он продолжал следить, не появится ли зеленый гной, и испытывал облегчение, не видя его. После того как рана заживала в течение нескольких дней, он решил, что пора потуже забинтовать ребра. Пациент во всем ему помогал, хотя и проявлял оправданное беспокойство. Активные, физически сильные люди плохо переносят заточение, как показывал опыт Рустема, а этот человек не мог даже принимать обычных посетителей, учитывая тайну, окружавшую его пребывание здесь.

Бонос приходил дважды под предлогом визита к своему гостю из Бассании, а однажды ночью появился закутанный в плащ человек, который оказался Асторгом, явно важной фигурой среди Синих. Кажется, первый день гонок закончился какими-то печальными результатами. Рустем не спрашивал о подробностях, но в тот вечер смешал более сильное снотворное для своего пациента, отметив признаки возбуждения. К подобным вещам он был готов.

Но не был готов, совсем не был готов к тому, что пройдет по коридору однажды утром, на второй неделе после появления среди ночи возничего, и найдет спальню пустой, а окно распахнутым.

Под флягой с мочой лежала сложенная записка.

«Приходи на Ипподром, — говорилось в ней. — Я обещаю тебе небольшое развлечение».

Фляга была наполнена как положено. Рустем нахмурил брови, бросил быстрый взгляд на жидкость и остался доволен ее цветом. Он подошел к окну, увидел совсем близко от него дерево с толстыми ветками, еще не скрытыми распустившимися листьями. Сильному человеку совсем не сложно перелезть на него и спуститься вниз. А человеку с плохо забинтованными переломанными ребрами и глубокой, еще не зажившей колотой раной...

Посмотрев на подоконник, Рустем увидел кровь.

Внимательно посмотрев вниз, на маленький дворик, он заметил тонкую полоску крови, тянущуюся по камням до выходящей на улицу стены. Внезапно рассердившись, он поднял глаза к небу. Перун и Богиня знают, что лекарь может делать только

то, что умеет. Он покачал головой. И осознал, что утро стоит прекрасное. Он решил, что после приема пациентов пойдет на Ипподром посмотреть гонки второй половины дня. «Я обещаю тебе небольшое развлечение». Он отправил гонца к распорядителю Сената с просьбой: не поможет ли ему Бонос достать пропуск?

Конечно, он был очень наивен, хотя его можно извинить, ведь он в Сарантии новичок.

Плавт Бонос к тому времени уже находился на Ипподроме, в катизме — императорской ложе, как сообщил ему по возвращении слуга. Сам император присутствует на утренних гонках, а в полдень удалится, чтобы заняться более важными делами во дворце. Распорядитель Сената останется там на весь день как представитель государства.

«Более важные дела». Из гавани доносились крики, стук молотков, они были слышны даже так далеко, у самых стен со стороны суши.

Корабли готовят к выходу в море. Говорят, что здесь и в Деаполисе за проливом собрались две тысячи солдат — пехотинцев и кавалеристов. Столько же скопилось в Мегарии, на западе, как сказал Рустему один пациент несколько дней назад. Империя явно стояла на пороге войны, вторжения, чего-то неописуемо драматичного и волнующего, хотя пока ни о чем не было объявлено.

Где-то в Городе занималась своими обычными делами женщина, которую Рустему велели убить.

Восемь тысяч сарантийцев собрались на Ипподроме смотреть на гонки колесниц. Интересно, подумал Рустем, будет ли она там?

Глава 9

Криспин начинал работать над изображением своих дочерей на куполе, и его охватило настроение, которому не хотелось подбирать определения. Но в то утро императрица Сарантия явилась за ним и увезла его посмотреть на дельфинов, резвящихся среди островов в проливе.

Когда Пардос, который работал рядом с ним, тронул его за руку и показал вниз, он опустил взгляд и явственно ощутил присутствие Аликсаны. Он снова на мгновение перевел взгляд

на Иландру, на то место, где разместил ее на куполе, чтобы она стала частью этого святилища и его образов. Потом посмотрел на пустое пространство рядом с ней, на котором ему предстояло изобразить дочерей, создать их своей памятью и любовью. Он даст дочерям другой облик, из света и стекла, как Зотик давал душам телесную оболочку искусственных птиц при помощи своей алхимии.

Стоящий у перил Пардос бросал тревожные взгляды вниз, потом на Криспина, потом снова вниз. Его ученик — а теперь напарник — пробыл в городе менее двух недель, но уже хорошо понимал, что значит заставлять ждать императрицу на мраморном полу внизу.

Криспин вместе с архитектором Артибасом в течение зимы получил приглашение на два больших пиршества в Аттенинском дворце, но не беседовал с самой Аликсаной с осени. Она один раз приходила сюда и стояла тогда почти на том же месте, где стоит сейчас, чтобы посмотреть на то, что делают на куполе. Он вспомнил, как спустился к ней и ко всем остальным.

Сейчас он не мог унять быстрое биение сердца. Он, как мог, стер с ладоней штукатурку и известку, вытер порезанный палец, который слегка кровоточил, тканью, заткнутой за пояс. Отбросил тряпку и даже позволил Пардосу одернуть и отряхнуть его тунику, но оттолкнул юношу, когда тот потянулся к волосам Криспина.

Тем не менее, спускаясь вниз по лестнице, он остановился и сам запустил пальцы в волосы. Помогло ли это, он понятия не имел.

Очевидно, не помогло. Императрица Сарантия, одетая в богатые, хотя и темные одежды — длинную синюю тунику с золотым поясом и пурпурный плащ, доходящий до колен, украшенная только кольцами и серьгами, насмешливо улыбнулась, посмотрев на него. Когда он преклонил перед ней колени, она протянула руку и сама поправила его непокорные волосы так, как ей нравилось.

— Конечно, ветер в проливе уничтожит все мои усилия, — тихо произнесла она своим мгновенно запоминающимся голосом.

— В каком проливе? — спросил Криспин, поднимаясь по ее знаку с колен.

И тут он узнал, что она не забыла тех дельфинов, о которых говорила в ту первую ночь во дворце полгода назад. Она повер-

нулась и безмятежно зашагала мимо десятка стоящих на коленях ремесленников и рабочих. Криспин шел следом, испытывая волнение и ощущая опасность — как с самого начала в присутствии этой женщины.

Снаружи ждали воины в мундирах императорской гвардии. Даже для него приготовили плащ на носилках, куда он сел вместе с императрицей Сарантия. Все это произошло очень быстро. Когда их подняли и понесли, она спокойно и деловито объяснила, что если он собирается изображать для нее дельфинов, выскакивающих из моря, то ему следует сначала на них посмотреть. И приветливо улыбнулась ему, сидя напротив, в задернутых занавесками носилках. Криспин попытался улыбнуться в ответ, но не смог. Некуда было деться от аромата ее духов в тепле устланных подушками носилок.

Через короткое время Криспин уже плыл на длинном узком императорском корабле, рассекающем воду переполненной гавани, мимо неразберихи строительства, мимо судов, грузящих и разгружающих бочки и ящики с товарами. Потом шум утих, и чистый ветер заполнил паруса.

Стоя на палубе у поручней, Аликсана смотрела назад, на гавань. За ней поднимался Сарантий, сверкающий на солнце, купола и башни, нагромождение домов из дерева и камня. Теперь до них доносился и другой звук: сегодня на Ипподроме соревновались колесницы. Криспин посмотрел на солнце. Вероятно, сейчас идет шестой или седьмой забег, скоро начнется полуденный перерыв, а потом послеполуденные гонки. Вчера ночью Скортий из факции Синих еще не появился. В Городе об этом говорили не меньше, чем о войне.

Криспин стоял в нерешительности поодаль от императрицы. Он не любил корабли, но этот легко скользил по морю, подчиняясь умелым действиям команды, а ветер дул еще не сильно. Он понял, что они — единственные пассажиры. Криспин сосредоточился и постарался мысленно вернуться с помоста, от своих дочерей, от тех задач, которые, как он недавно думал, сегодня стояли перед ним.

Не поворачивая головы, Аликсана спросила:

— Ты послал письма в Варену, чтобы предупредить о надвигающихся событиях? Твоим друзьям, родственникам?

Очевидно, сегодня перед ним стоят другие задачи.

Он помнил об этом по прежним встречам: она использовала

откровенность как оружие, когда ей этого хотелось. Он с трудом сглотнул. Какой смысл хитрить?

— Я написал два письма, матери и лучшему другу... но в этом нет особого смысла. Все они знают об угрозе.

— Конечно, знают. Вот почему хорошенькая юная царица отправила тебя сюда с посланием, а потом и сама приехала. А что она говорит обо всем этом? — Императрица показала на корабли, скопившиеся позади них в гавани. Чайки кружили в небе, пересекали след их судна в море.

— Понятия не имею, — искренне ответил Криспин. — Я полагал, что тебе это известно гораздо лучше, чем мне, трижды возвышенная.

Тут она бросила на него взгляд через плечо. И слегка улыбнулась.

— Тебе будет лучше видно у поручней, если только тебя не тошнит от вида волн внизу. Мне следовало спросить об этом раньше...

Он покачал головой, решительно подошел и встал рядом с ней. Белые волны расходились от боков корабля. Солнце стояло высоко, сверкало на брызгах, создавало радуги прямо у него на глазах. Он услышал хлопок, посмотрел вверх и увидел наполненный парус. Они набирали скорость. Криспин взялся обеими руками за поручень.

Аликсана тихо спросила:

— Ты их предупредил, полагаю? В этих двух письмах?

Он ответил, не скрывая горечи:

— Какое это имеет значение — послал ли я предупреждение? Императрица, что могут сделать обычные люди, если начинается вторжение? Они не обладают никакой властью, никаким влиянием в этом мире. Они — моя мать и мой лучший друг.

Она опять несколько мгновений молча смотрела на него. Теперь у нее на голове был капюшон, темные волосы забраны под золотую сетку. Суровость внешнего облика подчеркивала черты ее лица — высокие скулы, идеальную кожу, огромные черные глаза. Он внезапно вспомнил изящную искусственную розу, которую видел в ее комнате. Она просила его тогда создать нечто более постоянное, ибо золотая роза говорила о хрупкости красивых вещей, а мозаика давала намек на то, что могло бы уцелеть. Это вид искусства, который надеется прожить долго.

Он вспомнил о Джаде, который медленно разрушался на

куполе саврадийской церкви на границе с Древней Чащей, о кусочках смальты, падавших вниз в слабых лучах света.

— На мир можно повлиять самым неожиданным образом, Кай Криспин, — произнесла императрица. — Собственно говоря, император надеялся, что письма посланы. Поэтому я и спросила. Он верит, что наивные родиане будут приветствовать его приход, учитывая нынешний хаос в Варене. И поскольку мы действуем от имени вашей царицы, есть некоторая надежда, что многие из самих антов не станут сражаться. Он хочет, чтобы у них было время обдумать возможные... действия.

Ему вдруг пришло в голову, что она говорит так, словно он уже знает об объявленном вторжении. Но объявления не было. Криспин посмотрел на нее, и его снова охватило раздражение.

— Понимаю. Значит, даже письма домой, к любимым людям, являются частью этого замысла?

Она встретилась с ним взглядом.

— А почему бы и нет? Он так мыслит. Если мы так не можем, разве это делает его неправым? Император пытается изменить тот мир, который мы знаем. Разве это грех — свести воедино все возможные составляющие столь крупного замысла?

Криспин покачал головой и снова перевел взгляд на море.

— Я тебе уже говорил полгода назад, повелительница, я — художник. Я даже не могу строить догадки о подобных вещах.

— Я тебя и не просила, — ответила она довольно мягко. Криспин почувствовал, что краснеет. Она колебалась. И тоже смотрела на волны. Потом сказала, почти жестко: — Глашатай объявит об этом официально сегодня во второй половине дня. На Ипподроме, после последнего забега. Вторжение в Батиару от имени царицы Гизеллы, чтобы вернуть Родиас и возродить разрушенную Империю. Правда, великолепно звучит?

Криспин задрожал в теплых лучах дневного солнца, потом его словно обожгло, словно к нему прикоснулось что-то, вроде клейма. Он закрыл глаза, неожиданно увидев яркую картину: пламя, пожирающее Варену, поглощающее деревянные дома, как хворост в летнем костре.

Они все знали, но...

Но в голосе стоящей рядом с ним женщины звучали странные нотки, и что-то такое было в ее профиле, даже под темным капюшоном. Он с трудом сглотнул и спросил:

— Великолепно? Почему мне кажется, что ты так не думаешь?

Никакого ответа, хотя он пристально наблюдал за ней. Она сказала:

— Потому что я позволяю тебе это увидеть, Кай Криспин. Хотя, если быть до конца откровенной, я не знаю, почему. Признаюсь тебе... Смотри!

Она так и не закончила свою мысль.

Замолчала и вытянула руку. Он еще успел вспомнить, что она — актриса, а потом он посмотрел туда. Увидел, как дельфины вспороли поверхность моря, разрезали ее. Их тела выгибались, словно идеальная дуга купола, они мчались наперегонки с кораблем по неспокойной воде. Их было полдюжины, они выныривали на поверхность один за другим, словно исполняя танец, поставленный хореографом, один, потом два, потом пауза, потом опять — плавный высокий прыжок и всплеск падения.

Игривые, как... дети? Изящные, как танцоры, как танцовщица, стоящая рядом с ним. Перевозчики душ умерших, которые несли Геладикоса, когда он упал, горящий, в море вместе с колесницей солнца. Их парадокс и тайна. Смех и тьма. Милость и смерть. Ей хотелось иметь у себя в комнате дельфинов.

Они долго наблюдали за ними, потом наступил момент, когда дельфины не выпрыгнули из воды рядом с ними, и море продолжало катиться под кораблем и рядом с кораблем, нетронутое, скрывающее собой все, как скрывает всегда.

— Они не любят слишком близко подходить к острову, — сказала императрица Аликсана, поворачивая голову к носу судна.

Криспин тоже повернулся.

— К острову? — переспросил он.

Он неожиданно близко увидел землю, поросшую густым лесом из вечнозеленых деревьев. Каменистый берег, деревянный причал для лодок, где их ждали два человека в императорских ливреях. Никаких других признаков человеческой жизни. Чайки кричали вокруг в утреннем небе.

— У меня была еще одна причина совершить это плавание сегодня утром, — произнесла стоящая рядом с ним женщина, и теперь она не улыбалась. Она сбросила капюшон. — Император не любит, когда я это делаю. Он считает, что это... неправильно. Но я хочу кое-кого повидать до отплытия армии. Чтобы... убедиться. Ты и дельфины сегодня стали моим оправданием. Я верила, что тебе можно доверять, Кай Криспин. Ты не возражаешь?

Она не ждала ответа, конечно, а просто сообщила ему то,

что, по ее мнению, он должен знать. Крупицы, взятые из хорошо оберегаемого хранилища их знаний. Валерия и Аликсаны. Он хотел рассердиться, но в ее манере и в настроении, с которым она заявила права на него, было нечто необычное. Она считала, что ему можно доверять, но не сказала, почему ей хотелось ему доверять.

Он не собирался задавать вопросы. Она все равно уже отвернулась и прошла к противоположному борту корабля, где матросы готовились причаливать.

Криспин пошел следом, его сердце снова билось слишком сильно, картина большого пожара в Варене заслоняла воспоминания, которые он пытался вызвать сегодня утром, чтобы воссоздать их. Две юные девушки, часть мира, созданного богом. Их юность и их смерть. Он собирался уйти туда. А вместо этого сейчас перед ним это обманчивое спокойствие синего моря, и небо, и темно-зеленые деревья в утреннем свете. «Ты и дельфины сегодня стали моим оправданием».

Оправданием чего?

Корабль причалил безупречно, почти бесшумно. Плеск волн и крики птиц в небе. Спустили сходни, для императрицы разостлали красный ковер. Формальности: она то, что она есть. Об этом никогда нельзя забывать. О ней нельзя думать никак иначе.

Они сошли по сходням на берег. Четверо солдат шагали следом немного сзади. Они вооружены, заметил Криспин, бросив взгляд через плечо.

Императрица, ни разу не оглянувшись, повела его от моря по тропинке, идущей от белых круглых валунов к соснам, которые скоро заслонили солнце. Криспин закутался в плащ, когда померк дневной свет.

Здесь не было бога или его эмблемы, символа, воплощения. Была одна-единственная смертная женщина, невысокая, прямо держащая спину, за которой надо было следовать по хвойным иглам, среди запаха хвои. Через некоторое время — остров оказался небольшим — тропинка и сосны закончились, и Криспин увидел несколько строений. Один дом, три-четыре хижины, крохотная часовня, над дверью которой вырезан солнечный диск. Императрица остановилась, сделав несколько шагов по открытому пространству между деревьями и домами, построенными людьми, и повернулась к подошедшему Криспину.

— Мне неприятно говорить это, — сказала она, — но должна предупредить, что, если ты расскажешь о том, что здесь увидишь, тебя убьют.

Криспин сжал кулаки. Его снова охватил гнев, несмотря ни на что. Он тоже то, что он есть, такой, каким его сделали бог и утраты.

— Ты сама себе противоречишь, трижды возвышенная.

— Каким образом? — Ее голос стал ломким. Он видел, что она напряжена теперь, когда они добрались до этого места. Он не понимал этого, ничего не понимал, и ему было наплевать. Он собирался провести сегодняшний день на помосте, наедине со своим искусством и воспоминаниями о девочках.

— Ты только что сказала, будто думаешь, что мне можно доверять. Очевидно, это не так. Почему ты не оставила меня на корабле? Императрица, почему я здесь, перед лицом подобной угрозы? Чтобы самому стать угрозой? Какую роль я играю во всем этом?

Она молча смотрела на него. Ее лицо стало совсем белым. Бдительные почтительно остановились на некотором расстоянии от них, у опушки леса. Теперь Криспин видел и других солдат, которые появились у дверей маленьких хижин. Четверо носили форму городской префектуры. У большого дома никто не появился. Дым поднимался из труб, плыл в воздухе.

— Я не знаю, — наконец ответила императрица Аликсана. Она в упор смотрела на него. — Справедливый вопрос, но я не знаю ответа. Я знаю, что... мне больше не нравится сюда приезжать. Он пугает меня, навевает сны. Это одна из причин, почему Петр... почему император не хочет, чтобы я сюда приезжала.

В тишине на поляне и вокруг этого единственного большого дома было нечто потустороннее. Криспин увидел, что все ставни закрыты. Солнечный свет туда не проникал.

— Во имя Джада, кто здесь живет? — спросил он слишком громко. Его голос разорвал застывший в ожидании воздух.

Черные глаза Аликсаны были огромными.

— Джад почти не имеет к нему отношения, — сказала она. — Здесь живет Далейн. Брат Стилианы. Старший сын.

* * *

Рустем предпочел бы это отрицать, но обе его жены и все учителя характеризовали его (иногда с насмешкой) как упрямого, своенравного человека. Не так-то просто было заставить его отказаться от засевшей в его голове идеи.

Поэтому, когда слуга Плавта Боноса вернулся в дом у стен и сообщил, что сенатор уже находится среди зрителей на Ипподроме и ничем не сможет помочь, Рустем пожал плечами и снова занялся лекцией, которую ему предстояло вскоре прочесть. Но он быстро отложил ее в сторону, нетерпеливо натянул сапоги и плащ и с двумя телохранителями сам отправился в жилище Боноса.

Улицы были пустынны, почти неестественно пустынны. Многие лавки закрыты досками, на базарах тишина, таверны и харчевни пусты. Издалека до Рустема доносился приглушенный настойчивый шум, ровный гул, время от времени усиливающийся. «Можно испугаться, если не знаешь, что это, — подумал он. — Собственно говоря, можешь испугаться, даже если знаешь».

Теперь ему хотелось увидеть эти гонки. Узнать, что делает его пациент. Он даже считал себя в какой-то мере обязанным присутствовать там. И если этот джадит-возничий собирается убить себя — и никакой лекарь не сумеет ничего с этим поделать при определенных обстоятельствах, — Рустему интересно увидеть, как именно он собирается это сделать. В конце концов, он приехал на запад, чтобы попытаться понять этих людей. Во всяком случае, за этим он сюда ехал, такой он считал тогда свою роль. О более позднем задании он старался не думать. У него была смутная надежда, что обстоятельства могут каким-то образом его... отменить.

Разумеется, приезжий бассанид не может просто прийти к Ипподрому и войти внутрь. Гильдия медиков могла бы помочь, если бы он обратился туда заранее, но ведь Рустем никак не мог заранее знать, что его пациент покинет свою комнату через окно, перелезет на дерево, а потом на стену ограды, оставляя за собой кровавый след.

В делах такого сорта необходимо использовать более действенные связи личного характера. Рустем искал Клеандра.

Он знал от самого парня, что Бонос запретил сыну присутствовать на первых пяти гонках сезона в качестве наказания за тот несчастный случай, когда погиб Нишик. Можно оспаривать равноценность гибели человека (пусть даже иностранца, даже слуги) и пяти дней развлечений, но сегодня Рустема это не волновало.

Сегодня он хотел убедить мачеху Клеандра отменить запрет мужа. Он хорошо знал из комментариев к текстам западных ле-

карей, что в древнем Родиасе воля мужчины была абсолютно непререкаемой, вплоть до наказания смертью, для его жен и детей. Когда-то отец мог добиться у государства казни сына за простое непослушание.

В старые времена в истории запада был короткий промежуток времени, когда это считалось демонстрацией добродетели, примером дисциплинированности и праведности, на которых покоится Империя. Рустем считал, что в современном Сарантии Валерия и императрицы Аликсаны женщины пользуются в семье гораздо большим авторитетом. Он имел возможность убедиться, что мальчик был страстным любителем гонок колесниц. Если кто-то и знает, как попасть на Ипподром — хотя бы после полудня, так как уже наступило позднее утро, — то это Клеандр. Но нужно получить согласие его мачехи.

Управляющий сенатора быстро доложил хозяйке о приходе Рустема. Тенаис Систина, совершенно невозмутимая, холодно элегантная, приветствовала его в своей утренней приемной легкой улыбкой, отложив в сторону перо и бумагу. Рустем отметил, что она, по-видимому, женщина образованная.

Он извинился, поговорил о теплой погоде и объяснил, что хотел бы посмотреть на гонки.

Тут она все же слегка удивилась, что выразилось лишь в том, что в ее глазах мелькнул огонек и она моргнула.

— В самом деле? — тихо произнесла она. — Не ожидала, что тебе нравятся эти игры. Признаюсь, меня они не слишком привлекают. Шум и грязь, и часто на трибунах возникают драки.

— Все это меня тоже не привлекает, — согласился Рустем.

— Но я полагаю, в них есть элемент зрелищности. Конечно, я сообщу моему супругу, что ты бы хотел сопровождать его в следующий день игр. Это будет через неделю или две, если я правильно понимаю этот процесс.

Рустем покачал головой:

— Мне бы очень хотелось попасть туда сегодня.

Тенаис Систина изобразила на лице отчаяние.

— Не вижу никакой возможности успеть передать супругу записку вовремя. Он сидит вместе с придворными императора в катизме.

— Это я понимаю. Я подумал, не сможет ли Клеандр?.. Он оказал бы мне большую услугу.

Жена сенатора долгое мгновение смотрела на него.

— Почему так срочно, именно сегодня, могу я спросить?

Ответить означало бы открыть чужую тайну. Но, учитывая открытое утром окно и то, что она жена Боноса, а Бонос уже знает, Рустем счел себя оправданным. Лечащий врач обязан наблюдать за пациентом. Никто другой не знает так хорошо раны своего больного. Можно сказать, что у него есть свои обязанности, и он их нарушит, если не приложит все усилия, чтобы попасть на Ипподром.

Поэтому он рассказал жене Плавта Боноса под строжайшим секретом, что его пациент, Скортий Сорийский, нарушил медицинские предписания и покинул свою постель в городском доме сенатора, где оправлялся от ран. Учитывая то, что сегодня день гонок, нетрудно понять, почему он так поступил и где его искать.

Женщина никак не среагировала на это известие. Весь Сарантий говорит о пропавшем вознице, но то ли она уже знала, где он, от своего мужа, то ли ей была искренне безразлична судьба этих спортсменов. Тем не менее она вызвала пасынка.

Мрачный Клеандр появился в дверях очень быстро. Рустему пришло в голову, что парень мог бы нарушить родительский приказ и удрать из дома, но, кажется, на сына Боноса очень повлияли эти два случая насилия в течение одних суток, и пока что он решил слушаться отца.

Его мачеха, задав несколько поразительно точно поставленных вопросов, узнала у покрасневшего юноши, что именно Клеандр привел возничего ночью к Рустему, и откуда, и при каких обстоятельствах. Рустем этого не ожидал. Она проявила поразительную способность к логическим выводам.

Он невольно отметил смущение парня, но знал, что сам не выдал никаких его тайн. Он даже не знал, что тот инцидент произошел перед домом танцовщицы. Он не спрашивал, да его это и не волновало.

Эта женщина оказалась на удивление умной, вот и все. Рустем решил, что поэтому она держится с таким спокойствием и самообладанием. Те, кто способен держать в узде и контролировать душевные порывы, смотреть на мир холодными глазами, лучше всех способны все продумать. Конечно, эта холодность, возможно, является причиной того, почему ее муж держит в сундуке определенные приспособления и игрушки в другом доме, в отдаленной части города. В целом, однако, решил Рустем, он одобряет жену сенатора. Собственно говоря, он и сам

пытался вести себя так же во время исполнения профессиональных обязанностей.

Но он не ожидал встретить эти качества у женщины.

Он также не ожидал, что поедет на Ипподром вместе с ней.

Крайнее смущение Клеандра сменилось — как это свойственно слишком нервным юношам — изумлением и восторгом, когда он понял, что его мачеха берется частично отменить назначенное ему наказание ради долга перед гостем и обязательств самого Рустема перед пациентом. Она сказала, что будет сопровождать их, чтобы проследить за хорошим поведением Клеандра и его быстрым возвращением домой и чтобы помочь лекарю, если потребуется ее вмешательство. Ипподром может оказаться опасным местом для иностранца, сказала она.

Клеандр немедленно пойдет вперед, взяв с собой управляющего, и воспользуется именем матери, если потребуются расходы, а также своими сомнительными знакомствами на Ипподроме и прилегающем к нему форуме, чтобы достать подходящие места после полуденного перерыва — не стоячие и, уж конечно, не на трибунах для болельщиков факций или личностей, не умеющих себя прилично вести. И ни в коем случае он не должен надевать зеленые цвета. Понял ли Клеандр?

Клеандр понял.

Не пожелает ли Рустем из Керакека разделить с ней скромную полуденную трапезу, пока Клеандр будет решать вопросы, связанные с их проходом на Ипподром и получением подходящих мест?

Рустем согласился.

У них полно времени на обед, а потом ей понадобится более подходящая одежда для выхода на люди, сказала она, откладывая в сторону свое письмо и поднимаясь с сиденья без спинки. Ее движения были спокойными, точными, умелыми, а осанка безупречной. Она напоминала ему знаменитых матрон Родиаса в прежние времена, до того, как Империя пришла в упадок и рухнула.

Он внезапно подумал о том, — поразив самого себя, — смогли бы Катиун или Ярита выработать в себе подобную выдержку и властность, если бы выросли в другом мире. В Афганистане не было подобных женщин, и, уж конечно, их не было в Бассании. Дворцовые интриги среди запертых в гарем жен Царя Царей — совсем другое дело. Потом он подумал о своей малышке, о своей девочке — и заставил себя остановиться.

Иниссу у него собираются отнять, ее уже нет — вот что принес ему счастливый случай.

Перун и Анаита правят миром, Азала необходимо постоянно сдерживать. Ни один человек не может предвидеть, куда его приведут собственные шаги. Щедрость следует приветствовать, даже если приходится платить определенную цену. Некоторые дары дважды не предлагают. Он не может позволить себе думать об Иссе и о ее матери.

Он может думать о Шаски и Катиун, так как он увидится с ними в Кабадхе довольно скоро. «Если будет на то воля Богини», — поспешно прибавил он про себя и быстро повернулся лицом на восток. Ему дали задание кое-кого здесь убить. Теперь за щедрый дар требуют выполнения определенных условий.

Жена Плавта Боноса смотрела на него, слегка приподняв брови. Но она была слишком хорошо воспитана, чтобы высказаться.

Рустем неуверенно пробормотал:

— Я отводил беду... как требует моя вера... на востоке. Мне пришла в голову безрассудная мысль.

— А! — ответила Тенаис Систина и кивнула головой, как будто теперь ей все стало совершенно понятно. — Это случается со всеми время от времени. — Она вышла из комнаты, и Рустем последовал за ней.

* * *

В катизме группа тщательно подобранных придворных деловито выполняла предписанные ей задачи. Гезий ясно распорядился, чтобы в это утро под рукой оказалось именно такое количество видных обитателей Императорского квартала, пышно разодетых, сверкающих яркими красками и драгоценностями.

Они умудрялись — с легкостью, привитой воспитанием, — одновременно развлекаться и прикрывать своей ясно видимой и слышимой реакцией на события на дорожках отсутствие императрицы, верховного стратига, канцлера и начальника канцелярии. Они также маскировали тот факт, что император непрерывно тихим голосом что-то диктовал секретарям, которые сидели, скорчившись, у передней стенки ложи, невидимые с трибун.

Валерий бросил белый платок, давая сигнал к началу гонок,

ответил на приветственные возгласы народа древним жестом всех императоров, уселся на мягкое сиденье и сразу же принялся за работу, не обращая внимания на бег колесниц внизу и стоящий вокруг шум. Всякий раз, когда вышколенный мандатор шептал ему что-то на ухо, Валерий вставал и приветствовал очередного победителя, совершающего круг почета. В то утро это почти всегда был Кресенз из факции Зеленых. Кажется, император этого не замечал или ему было все равно.

На мозаичном панно на крыше катизмы был изображен Сараний, основавший этот город и назвавший его в свою честь, который правил квадригой, увенчанный не золотой короной, а лавровым венком победителя гонок. Звенья этой символической цепочки были необычайно прочными: Джад в своей колеснице, император — смертный слуга и священный символ бога, возничие на песке Ипподрома — любимцы народа. «Но только, — подумал Бонос, — этот преемник в длинной цепочке императоров некоторым образом... отделил себя от этой цепочки ассоциаций».

Или пытался отделить. Народ вернул его обратно. Ведь он все-таки здесь, смотрит гонки колесниц, даже сегодня. У Боноса имелась своя теория насчет привлекательности гонок. И он готов был поделиться ею с другими, если его попросят и даже если не попросят. По сути, считал он, Ипподром является идеальным противовесом ритуалам Императорского квартала. Придворная жизнь полностью строится вокруг ритуалов, предсказуемых как ничто на свете. Для всего установлен порядок начиная с первого приветствия императора при пробуждении (кто, в каком порядке) до последовательности зажигания ламп в Палате Приемов и процессии с подарками императору в первый день нового года. Слова и жесты, установленные и записанные, заученные и отрепетированные, никогда не меняющиеся.

«А на Ипподроме, напротив...» — подумал Бонос и пожал плечами. Остальная часть мысли совершенно понятна всем. На Ипподроме все непредсказуемо. Неведомое — сама его сущность, так он мог бы выразиться.

Бонос этим утром, беседуя и издавая крики вместе с остальными в ложе императора, испытывал гордость по поводу далеких перспектив такого рода. Несмотря на преклонный возраст, он не мог полностью справиться с возбуждением, которое охва-

тило его сегодня, и оно не имело ничего общего с непредсказуемостью коней или юных возничих.

Он никогда не видел Валерия таким.

Император всегда был очень напряженным, когда занимался государственными делами, и всегда раздраженно рассеянным, когда вынужден был присутствовать на Ипподроме, но в это утро в его свирепой сосредоточенности и в бесконечном потоке заметок и распоряжений, тихим голосом продиктованных секретарям — их было двое, они чередовались, чтобы поспеть за ним, — чувствовался ритм, непреодолимый темп, который в мыслях у распорядителя Сената ассоциировался с настойчивым грохотом копыт на дорожках Ипподрома.

На песке дорожек Зеленые одерживали одну победу за другой, как и неделю назад. Скортий, возничий Синих, по-прежнему отсутствовал, и Бонос один из немногих в Городе знал, где он и что он не появится на Ипподроме еще несколько недель. Этот человек настаивал на сохранении тайны, и он занимал достаточно высокое положение в Сарантии, чтобы его желание исполнилось.

Сенатор решил, что здесь, вероятно, замешана женщина. В случае со Скортием такое предположение сделать нетрудно. Бонос вовсе не жалел о том, что возничий воспользовался его собственным маленьким домом для выздоровления. Ему очень нравилось участвовать в тайных событиях. В конце концов, должность распорядителя Сената не имела такого уж большого значения. Его второй дом теперь не мог стать местом для развлечений, пока в нем живет этот сухопарый бассанидский лекарь. Этим он обязан Клеандру, создающему проблемы, которые вскоре потребуют его вмешательства. Варварские прически и возмутительная одежда болельщика факции — это одно, а убийство людей на улицах — совсем другое дело.

Сегодня факции могут стать опасными, понимал Бонос. Интересно, сознает ли это Валерий? Зеленые вне себя от восторга. Синие кипят от унижения и тревоги. Он решил, что надо будет все же поговорить со Скортием, возможно, сегодня же вечером. Таинственность в собственных делах следует принести в жертву порядку в Городе, особенно учитывая неотвратимо надвигающиеся события. Если бы обе факции знали, что с возничим все в порядке, что он вернется в некий назначенный срок, то напряжение немного спало бы.

А пока Боносу было жаль юношу, который выступал за первого возничего Синих. Мальчик явно был прирожденным лидером, обладал инстинктом и мужеством, но Бонос видел у него три проблемы, а видит бог, он должен уметь замечать такие вещи на песке Ипподрома, учитывая то, сколько лет он сюда ходит.

Первой проблемой был Кресенз, возничий Зеленых. Мускулистый возница из Сарники, совершенно уверенный в себе, уже год прожил в Сарантии и идеально управлял своей новой квадригой. И он не из тех, кто способен проявить милосердие к растерянным Синим.

Эта растерянность составляла другую трудность. Этот юноша — его звали Тарас, очевидно, он саврадиец, — не только не привык править первой колесницей, он даже не был знаком с конями упряжки лидера. Как ни великолепен жеребец Сервator, любой конь нуждается в руке возничего, который знает его возможности. И, кроме того, юному Тарасу, надевшему серебряный шлем Синих, никто не оказывал никакой поддержки, так как именно его тренировали для гонок на второй колеснице, и он знал именно эту упряжку.

Учитывая все это, временный лидер Синих добился очень большого успеха, заняв второе место, и при этом он три раза отразил агрессивную, скоординированную атаку со стороны обоих возничих Зеленых. Одному Джаду известно, каким станет настроение толпы, если Зеленым удастся выиграть еще раз или два. Их победы в первой и второй гонках вызвали бурные восторги одной факции и мрачное отчаяние другой. Это еще может повториться до конца дня. Юный возничий Синих очень вынослив, но его силы могут истощиться. Бонос считал, что после полудня так и произойдет. В другой день он, возможно, побился бы об заклад.

Выражаясь литературным языком, внизу назревало грандиозное кровопролитие. По своему характеру Бонос был склонен именно так рассматривать ситуацию, с иронией, как некое предвкушение объявления имперской войны, которое прозвучит в конце дня.

Последний утренний заезд завершился, как обычно, мелким, хаотичным соревнованием между колесницами Красных и Белых, запряженными парой коней. Ведущий возница Белых вышел победителем из типично неряшливой схватки, но эта победа была встречена Синими и Белыми с энтузиазмом (в значительной степени наигранным, как показалось Боносу). Опреде-

ленно возничий Белых не привык к подобному энтузиазму. Удивился он или нет, но эта победа явно доставила ему большое удовольствие.

Император прекратил диктовать и встал, повинуясь произнесенной шепотом подсказке мандатора. Он быстро приветствовал парня, как раз в тот момент проезжающего внизу, и повернулся к выходу. Один из Бдительных уже отодвинул засов на двери в глубине катизмы. Валерий должен был вернуться по коридору в Императорский квартал для последних консультаций перед послеполуденным объявлением: сначала в Аттенинский дворец на встречу с канцлером, начальниками канцелярии и налогового управления, потом по старому туннелю под садом в Траверситовый дворец на встречу с Леонтом и генералами. Его обычный маршрут был известен всем. Некоторые — и среди них Бонос — полагали, что угадали причину таких отдельных совещаний. Однако опасно предполагать, будто ты понимаешь, что думает этот император. Все встали и скромно отступили в сторону, а Валерий задержался возле Боноса.

— Возьми на себя выполнение моих обязанностей, сенатор, после полудня. Если ничего непредвиденного не произойдет, я вернусь вместе с остальными перед последним заездом. — Он придвинулся поближе и понизил голос: — И заставь городского префекта выяснить, где Скортий. Неудачное время для таких вещей, тебе не кажется? Возможно, было бы ошибкой их игнорировать.

«От него ничего не укрылось», — подумал Бонос.

— Я знаю, где он, — тихо ответил он, без зазрения совести нарушив обещание. Это же император!

Валерий даже не поднял брови.

— Хорошо. Сообщи городскому префекту, а после расскажешь мне.

И пока восемьдесят тысяч зрителей по-разному реагировали на круг почета возничего Белых и только начинали вставать с мест, потягиваться и подумывать о трапезе и вине, император покинул катизму и это бурлящее место, где так часто звучали объявления и происходили события, определяющие судьбу Империи.

Еще не успев войти в открытую дверь, Валерий начал снимать торжественный наряд, который ему приходилось носить на публике.

Слуги начали накрывать большие столы по бокам и круглые

столики поменьше возле кресел. Некоторые из сидящих в катизме предпочли вернуться на обед во дворцы, а люди помоложе могли рискнуть выйти в Город, чтобы ощутить возбуждение в тавернах, но остаться здесь тоже было приятно, если погода хорошая, а сегодня она была хорошей.

Бонос обнаружил, к своему удивлению, что испытывает и голод, и жажду. Он вытянул ноги — теперь места оказалось достаточно, — и протянул свою чашу, чтобы ему налили вина.

Ему пришло в голову, что во время следующей трапезы он уже будет сенатором воюющей Империи. И речь идет не просто об обычных весенних стычках. Это вторжение. Родиас. Давняя мечта Валерия.

Несомненно, эта мысль возбуждала, будила различные... чувства. Бонос внезапно пожалел, что сегодня ночью в его маленьком доме будут находиться бассанидский лекарь и выздоравливающий возничий. Несомненно, гости способны стать обузой.

* * *

— Сначала ему разрешили удалиться в поместье Далейнов. На этот остров — он давно использовался в качестве тюрьмы — Лекана привезли только после того, как он попытался организовать убийство первого Валерия, когда тот принимал ванну.

Криспин посмотрел на императрицу. Они стояли на поляне одни. У них за спиной находились ее Бдительные, и четыре охранника ждали возле дверей маленьких хижин. Большой дом оставался темным, двери заперты снаружи, все окна закрыты ставнями, не пропускающими мягкий свет солнца. Странно, но почему-то Криспину было трудно даже смотреть на него. Что-то угнетало, какая-то тяжесть таилась там. Ветер почти стих среди окружающих их деревьев.

Он сказал:

— Я думал, людей за это убивают.

— Его и следовало убить, — ответила Аликсана.

Он посмотрел на нее. Она не отрывала глаз от дома, стоящего перед ними.

— Петр, который тогда был советником своего дяди, не позволил. Сказал, что с Далейнами и их сторонниками нужно обращаться с осторожностью. Император послушался. Он обычно его слушался. Лекана привезли сюда. Он был наказан, но избе-

жал казни. Самый младший, Тетрий, был еще ребенком. Ему позволили остаться в поместье, чтобы потом управлять делами семейства. Стилиане разрешили остаться в Городе, когда она выросла, взяли ко двору и даже позволили посещать этот остров, хотя и под наблюдением. Лекан продолжал плести заговоры. Даже с этого острова продолжал пытаться ее убедить. В конце концов ее визиты запретили. — Императрица помолчала, посмотрела на него, потом снова на дом. — Собственно говоря, это я сделала. Это я организовала за ними тайное наблюдение. Потом заставила императора совсем запретить ее приезды сюда, незадолго до ее свадьбы.

— Значит, теперь сюда никто не приезжает? — Криспин видел столбы дыма, поднимающиеся из очагов хижин и большого дома, прямые, как деревья, пока они не достигали той высоты, где дует ветер, и не уносились прочь.

— Я приезжаю, — ответила Аликсана. — В определенном смысле. Ты увидишь.

— И меня убьют, если я кому-нибудь расскажу. Понимаю.

Она снова взглянула на него. Он видел, как она напряжена.

— Я уже выслушала твое мнение. Оставь, Криспин. Тебе доверяют. Ты здесь со мной.

В первый раз она назвала его так.

Аликсана двинулась вперед, не дав ему возможности ответить. Все равно он не мог придумать никакого ответа.

Один из четырех охранников низко поклонился, потом подошел к закрытой двери дома и отпер ее. Дверь бесшумно распахнулась наружу. Внутри было почти совсем темно. Охранник вошел внутрь, и через секунду внутри зажегся свет лампы, потом еще одной. Второй охранник вошел вслед за первым. И громко кашлянул на пороге.

— Ты одет, Далейн? Она пришла тебя навестить.

Изнутри донесся хрип, почти нечленораздельный, больше похожий на звуки, издаваемые животным, чем на человеческую речь. Стражник ничего не сказал и вошел в дом вслед за первым человеком. Он распахнул деревянные ставни на двух забранных решетками окнах, впустив воздух и свет. Потом оба стражника вышли из дома.

Императрица кивнула им. Они снова поклонились и ушли по направлению к хижинам. Теперь поблизости не было никого, кто мог бы их услышать, по крайней мере, Криспин никого не видел. Аликсана на мгновение встретилась взглядом с Криспином, затем расправила плечи, как актриса перед выходом на сцену, и вошла в дом.

Криспин молча последовал за ней, покинув яркий солнечный свет. Он чувствовал стеснение в груди. Сердце сильно билось. Он не понимал почему. Это все его почти не касалось. Но он думал о Стилиане, о той последней ночи, когда видел ее, о том, *что* он в ней увидел. И пытался вспомнить все, что ему известно о гибели Флавия Далейна в тот день, когда первый Валерий был провозглашен императором Сарантия.

Он остановился у самой двери. Довольно большая гостиная. Из нее ведут две двери: одна в спальню, а вторая, справа, неизвестно куда. Очаг у стены слева, два стула, кушетка у дальней стены, скамья, стол, закрытый и запертый сундук, на стенах ничего нет, даже солнечного диска. Он понял, что хриплый звук издает человек, который странно дышит.

Потом глаза Криспина медленно приспособились к полумраку, и он увидел шевелящуюся на кушетке фигуру человека, который садится и поворачивается к ним. Итак, он увидел человека, который жил — который был заточен — в этом доме, на этом острове, в собственном теле, и действительно кое-что вспомнил, и его охватил тошнотворный, судорожный ужас. Он прислонился к стене у двери, и его рука невольно потянулась к лицу.

«Сарантийский огонь» плохо действует на людей, даже когда им удается выжить.

Отец погиб. Его двоюродный брат тоже, насколько помнил Криспин. Лекан Далейн остался жить. В определенном смысле. Глядя на этого слепого человека, на сгоревшие остатки того, что было его лицом, на обожженные, изуродованные руки, представляя себе сгоревшее тело под невзрачной коричневой туникой, Криспин спрашивал себя искренне, как этот человек еще живет и почему, какая цель, желание, необходимость удержали и не дали ему уже давно покончить с собой. Он не думал, что дело в богобоязненности. Здесь не было ни малейшего намека на бога. Ни на одного из богов.

Потом он вспомнил, что сказала Аликсана, и ему показалось, что он понял. Ненависть может быть целью, месть — необходимостью. Почти божеством.

Он изо всех сил старался сдержать тошноту. Закрыл глаза.

И в этот момент услышал голос Стилианы Далейны — хо-

лодный как лед голос аристократки, совершенно не тронутой внешним видом брата, который тихо произнес рядом с ним:

— От тебя дурно пахнет, брат. В комнате дурно пахнет. Я знаю, что тебе приносят воду и ванну. Прояви уважение к самому себе и воспользуйся ими.

У Криспина отвисла челюсть. Он открыл глаза и резко повернулся к ней.

Он увидел императрицу Сарантия, выпрямившуюся во весь рост, чтобы стать почти такой же высокой, как другая женщина. И снова услышал, как она заговорила, и ее голос, тон и манеры были пугающе точными, ужасающе идентичными.

— Я уже говорила тебе это раньше. Ты — Далейн. Даже если никто не видит и не знает, ты должен знать это, иначе ты опозоришь нашу кровь.

Уродливое, страшное лицо на кушетке зашевелилось. Невозможно было различить, что хотели изобразить эти расплавленные руины. Глазницы были пустыми, черными провалами. Нос превратился в пятно, это он издавал свистящие звуки во время дыхания. Криспин молчал, пытаясь сглотнуть.

— Мне... очень... жаль, сестра, — произнес слепой. Слова он произносил медленно, плохо выговаривал их, но понять было можно. — Я тебя... разочаровал... дорогая... сестра. Готов зарыдать.

— Ты не умеешь рыдать. Но можешь приказать убрать и проветрить эту комнату, и я надеюсь, ты это сделаешь. — Если бы Криспин зажмурился, он бы поклялся святым Джадом и всеми великомучениками, что здесь стоит Стилиана, самоуверенная, полная презрения, вызывающе умная и гордая. «Актриса» — этим эпитетом наградила она Аликсану помимо всех прочих.

И теперь он знал, почему императрица приехала сюда и почему ее лицо так напряжено.

«Я хочу повидать кое-кого до того, как армия отплывет».

Она боялась этого человека. И приезжала только ради Валерия, несмотря на страх, чтобы посмотреть, что Лекан здесь затевает, в этой дарованной ему ими жизни. Но этот незрячий, безносый человек был здесь один, даже сестра больше не приезжала к нему, только эта безупречная, наводящая ужас имитация Стилианы, которая стремилась вытянуть его на откровенность. Надо ли страшиться этого человека в настоящем или только ис-

пытывать чувство вины, призраком обитающей в душе с давних пор?

С кушетки донесся звук, его издавал этот почти невыносимый человек. Через секунду Криспин понял, что слышит смех. Такой звук создает скольжение по битому стеклу.

— Иди сюда, сестра, — произнес Лекан Далейн, некогда наследник блестящего патрицианского рода и несметных богатств. — Нет... времени! Разденься! Дай мне... прикоснуться! Торопись!

Криспин снова закрыл глаза.

— *Хорошо, хорошо!* — раздался третий голос, который поверг его в шок. У него в голове. — *Ей это очень не нравится. Она не знает, что думать. Кто-то пришел вместе с ней. Рыжие волосы. Понятия не имею, кто это. Ему от тебя становится дурно. Ты так уродлив! Шлюха сейчас смотрит на него.*

Криспин почувствовал, как мир зашатался и завертелся, словно корабль под ударом огромной волны. Он крепко прижал ладони к стене за спиной. И лихорадочно огляделся.

И почти сразу же увидел птицу на подоконнике.

— *Я не знаю, почему она пришла сюда сегодня! Как я могу на это ответить? Спокойно! Возможно, она всего лишь беспокоится. Возможно, она...*

Аликсана громко рассмеялась. Снова иллюзия оказалась пугающей. Это был смех другой женщины, не ее собственный. Криспин вспомнил Стилиану в своей спальне, ее тихий издевательский смех, точно такой же, как этот.

— Ты намеренно ведешь себя отвратительно, — сказала императрица. — Карикатура на самого себя, словно дешевая кукла в пантомиме. Разве нет ничего лучшего, что ты мог бы предложить или попросить, кроме как щупать меня в твоей темноте?

— Что же еще я... могу... тебе предложить, дорогая сестра? Жена Верховного стратига. Он ублажал тебя вчера ночью, в твоей темноте? Или кто-то другой? О, скажи мне! Скажи! — Его надорванный голос, пробивающийся сквозь свистящие звуки, задыхался, словно звукам пришлось пробираться по какому-то запутанному, полузасыпанному туннелю, ведущему вниз, под землю.

— *Хорошо!* — снова услышал Криспин в молчании полумира. — *Я думаю, что я права. Она тебя просто проверяет. Начинается война. Это просто случайность. Она всего лишь встревоже-*

на. Ты был бы доволен — она выглядит измученной, словно ее использовали рабы. Старой!

Борясь с тошнотой, Криспин стоял на месте и старался дышать тихо, хотя теперь его присутствие перестало быть тайной. Мысли его кружились беспорядочным вихрем. Из этого хаоса вырвался вопрос, и он ухватился за него: откуда этому человеку и его птице известно здесь, сейчас о войне?

Здесь происходит нечто отвратительное. Эта птица не похожа ни на одну из тех, которых он видел и слышал раньше. Этот внутренний голос создан не Зотиком. Эта птичья душа говорила женским голосом, злобным и жестоким, голосом откуда-то из-за пределов Бассании, из Афганистана, или Аджбара, или из земель, названия которых ему неизвестны. Она была темного цвета, маленькой, как Линон, но совсем не похожей на Линон.

Он вспомнил, что Далейны разбогатели благодаря монополии на торговлю пряностями с востоком. Он посмотрел на человека на кушетке, так страшно обожженного, превратившегося в кошмар, и снова подумал: как он живет?

И снова пришел тот же ответ, и Криспина охватил страх.

— *Я знаю*, — внезапно произнесла птица в ответ на неслышный вопрос. — *Я знаю! Я знаю! Я знаю!* — И теперь в этом тихом хриплом голосе Криспин услышал ликование, неистовое, как ярость.

— Я не испытываю удовольствия от всего этого, — сказала императрица тем же ледяным, резким голосом Стилианы, — и не вижу причин развлекать тебя. Я предпочитаю сама развлекаться, братец. Я пришла, чтобы спросить, не испытываешь ли ты нужду в чем-либо... в данный момент. — Она подчеркнула последнее слово. — Ты ведь помнишь, брат, что нас оставляют наедине только на короткое время.

— Конечно... помню. Вот почему ты так жестока... и все еще... одета. Сестренка, подойди ближе... и скажи мне. Скажи мне... как он... овладел тобой... вчера ночью?

Борясь с тошнотой, Криспин увидел, как рука искалеченного человека, напоминающая клешню, скользнула под тунику, к паху. И услышал беззвучный смех птицы с востока.

— Подумай об отце, — сказала Аликсана. — И о своих предках. Если ты теперь стал таким, я не вернусь. Подумай об этом, Лекан. Я в прошлый раз тебя предупреждала. Сейчас я прогуляюсь и перекушу на солнышке где-нибудь на острове. А перед тем как отплыть, вернусь. И если ты останешься таким же, у

меня не найдется времени на поездки сюда, и я больше к тебе не приеду.

— Ох! Ох! — застонал человек на кушетке. — Я в отчаянии! Я обидел мою дорогую сестру! Нашу невинную... прекрасную девочку!

Криспин увидел, как Аликсана прикусила губу и пристально всматривается в сидящего перед ней человека, словно пытается взглядом проникнуть в его душу. Она не может знать, подумал Криспин. Она не может знать, почему ее безупречный, блестящий обман разоблачен с такой легкостью. Но она чувствует, что ее планы срываются, что Лекан играет с ней, и, возможно, именно поэтому ее так пугает эта комната. И поэтому она продолжает сюда приезжать.

Она больше ничего не сказала, вышла из комнаты и из дома, высоко подняв голову, расправив плечи, как и прежде. Актриса, императрица, гордая, как богиня из древнего пантеона, глядя на нее ничего нельзя было прочесть, если только не вглядываться очень и очень пристально.

Криспин шел следом за ней, и в его голове звучал пронзительный смех птицы. Когда он выходил на солнечный свет, закрыв глаза, временно ослепший, то услышал:

— *Я хочу быть там! Лекан, я хочу быть там вместе с тобой!*

Ответа он, разумеется, не услышал.

— Стилиана никогда его не ублажала, если тебя это интересует. Она развратна по-своему, но этого она никогда не делала.

Криспин спрашивал себя, как много стало известно насчет одной недавней ночи, потом решил не думать об этом. Они находились на южной стороне острова, обращенной к Деаполису, лежащему по ту сторону пролива. Бдительные сопровождали их, пока они шли через лес, мимо второй поляны, где стояли другие дома и хижины. Они были пусты. Наверное, когда-то здесь жили другие заключенные. Но теперь Лекан Далейн получил остров в свое распоряжение вместе с горсткой охранников.

Судя по положению солнца, уже перевалило за полдень. На Ипподроме снова скоро начнутся гонки, если уже не начались, неумолимо приближался момент объявления войны. Криспин понял, что императрица просто хочет потянуть время до того, как вернется назад в дом на поляне, чтобы посмотреть, ничего ли не изменилось.

Он знал, что ничего не изменится. Он только не знал, говорить ли ей об этом. Придется предать многих: Зотика, Ширин и ее птицу и выдать свою собственную тайну, его подарок. Линон. В то же время последние беззвучные слова птицы с востока все еще звучали в его голове, и в них явственно слышался сигнал опасности.

Ему совсем не хотелось есть, когда они сели за трапезу, и он рассеянно перебирал пирожки с рыбой и оливки. Пил вино. Попросил, чтобы его разбавили водой. Императрица почти все время молчала с тех пор, как они покинули поляну. Она даже ушла прочь одна, когда они пришли на этот мыс, превратилась в маленькую закутанную в пурпурный плащ точку вдали, на каменистом берегу. Два солдата следовали за ней на расстоянии. Криспин сел на траву между деревьями и камнями и стал смотреть на меняющее цвет море. Зеленое, синее, бирюзовое, серое.

Наконец она вернулась, знаком приказала ему не подниматься и грациозно села на свое место, на разостланный для нее квадрат шелка. На другом куске ткани разложили еду, в этом спокойном месте, которое должно было утешать самой своей приветливой красотой, стать олицетворением наступающей весны.

Через некоторое время Криспин произнес:

— Насколько я понимаю, ты наблюдала за ними, когда они встречались. Стилиана и... ее брат.

Императрица тоже ничего не ела. Она кивнула:

— Конечно. Пришлось. Как бы я иначе узнала, как и что говорить, изображая ее? — Она посмотрела на него.

Это так очевидно, если смотреть с этой стороны. Актриса, которая учит свою роль. Криспин снова посмотрел в море. Деаполис ясно был виден на той стороне пролива. Но в той гавани стояли другие корабли. Флот для армии, отплывающей на запад, к его дому. Он предупредил мать и Мартиниана с Кариссой. Это ничего не значило. Что они могут сделать? В нем засел тупой страх, и воспоминание о птице в темном доме теперь стало частью этого страха.

Он сказал:

— И ты делаешь это... ты приезжаешь сюда, потому...

— Потому что Валерий не позволил его убить. Я хотела сама сделать это, но для императора он имеет большое значение. Зримая рука милосердия, потому что эта семья... так пострадала, когда те... неизвестные сожгли Флавия. Поэтому я приезжаю сюда и разыгрываю этот... спектакль, но мне ничего не удается узнать. Если поверить ему, то Лекан сломлен, отвратителен и бесполезен. — Она помолчала. — Я не могу прекратить приезжать сюда.

— Почему он его не убил? В нем должно быть столько ненависти. Я знаю, считают, что император... приказал это сделать. Сжечь их. — Он никогда не думал, что задаст этот вопрос кому бы то ни было и уж никак не императрице Сарантия. Да еще с этим ужасным ощущением, что, возможно, этого человека уже следовало убить. Возможно, даже из милосердия. Он с тоской подумал о помосте в воздухе, о сверкающих кусочках стекла и камня, о воспоминаниях, о своих девочках.

Скорбеть легче, чем так жить. Эта мысль неожиданно пришла ему в голову. Жестокая правда.

Аликсана долго молчала. Он ждал. Ощутил аромат ее духов. Это заставило его на мгновение задуматься, потом он решил, что Лекан не мог знать о личной принадлежности этих духов. Он слишком долго здесь живет. А потом понял, что дело не в этом: у этого человека нет носа. Императрица должна это понимать. Криспин содрогнулся. Она это увидела. И отвела взгляд.

— Ты не можешь представить себе, что здесь происходило в то время, когда умирал Апий.

— Уверен в этом, — ответил он.

— Он приказал ослепить и заточить на этом острове собственных племянников. — Голос ее звучал ровно, безжизненно. Он никогда не слышал у нее такого голоса. — Наследника не было. Флавий Далейн повел себя словно будущий император еще за несколько месяцев до смерти Апия. Принимал придворных у себя в поместье и даже в городском доме, в приемной, сидя в кресле, стоящем на красном ковре. Некоторые преклоняли перед ним колени.

Криспин молчал.

— Петр... считал, что Далейн — совершенно неподходящий, даже опасный кандидат в императоры. По многим причинам. — Она смотрела на него, ее темные глаза искали его взгляда. И он понял, что его так смущает: он представления не имел, как реагировать, когда она говорила или смотрела как женщина, как личность, а не как императрица, власть которой выше его понимания.

Он сказал:

— Поэтому он помог взойти на трон своему дяде вместо Далейна. Я знаю. Все знают.

Она упорно не отводила глаз.

— Все знают. А Флавий Далейн погиб в «сарантийском огне» на улице у своего дома. Он был одет в порфир. Он направлялся в Сенат, Криспин.

Вся одежда сгорела, сказал ему Карулл, но ходили слухи, что на ней имелась пурпурная отделка. Криспин, сидя на берегу острова столько лет спустя, не сомневался в истинности того, о чем рассказывала императрица.

Он вздохнул и сказал:

— Я в растерянности, госпожа. Я не понимаю, что я здесь делаю, почему я слушаю это. Мне полагается называть тебя трижды возвышенной и падать на колени.

Тут она слегка улыбнулась в первый раз.

— Действительно, художник. Я чуть не забыла. Ты ничего такого не делал сегодня, правда?

— Я понятия не имею, как... поступать.

Она пожала плечами, выражение ее лица оставалось насмешливым, но в ее голосе зазвучали другие нотки.

— Откуда тебе знать? Я капризна и несправедлива, открываю тебе тайны и создаю иллюзию близости. Но могла бы приказать убить тебя и закопать здесь, стоит мне только сказать слово солдатам. Почему ты решил, что можешь знать, как себя вести?

Она протянула руку и взяла оливку с вынутой косточкой.

— Конечно, этого ты тоже не можешь знать, но этот искалеченный человек, которого мы только что видели, был лучшим из них всех. Умный и храбрый, блестящий, красивый мужчина. Он сам ездил на восток много раз с караванами пряностей, мимо Бассании, чтобы узнать все, что можно. Я сожалею, что он пострадал от огня больше, чем его отец. Ему следовало умереть, а не остаться жить и стать... таким.

Криспин снова сглотнул.

— Почему огонь? Почему таким способом?

Взгляд Аликсаны не дрогнул. Он ощущал в ней мужество... и одновременно понимал, что она, может быть, демонстрирует ему свое мужество, позволяет ему увидеть его в собственных целях. Он был растерян и испуган, постоянно сознавал, сколько непредвиденного скрыто в этой женщине. Он содрогнулся. Она

еще не успела ответить, а он уже пожалел, что задал этот вопрос.

Она сказала:

— Империям нужны символы. Новые императоры нуждаются в мощных символах. В том мгновении, когда все меняется, когда бог говорит ясным голосом. В тот день, когда Валерий Первый был провозглашен императором на Ипподроме, Флавий Далейн вышел на улицу в пурпурных одеждах, вышел, чтобы потребовать себе Золотой Трон, словно он имел на это право. Он умер ужасной смертью, как будто пораженный ударом молнии Джада, ударом с небес, в наказание за подобную самонадеянность, и это должны были запомнить все. — Она продолжала смотреть ему прямо в глаза. — Если бы его зарезал какой-нибудь солдат в переулке, все было бы иначе.

Криспин обнаружил, что не может отвести от нее глаз. За ее красотой скрывался точный светский ум. Он открыл рот и понял, что не может говорить. Она это увидела и улыбнулась.

— Ты снова собираешься сказать, что ты всего лишь художник, — сказала императрица Аликсана, — и что ты не хочешь иметь с этим ничего общего. Я права, Кай Криспин?

Он закрыл рот. Сделал глубокий прерывистый вдох. Она может ошибаться и на этот раз ошиблась. Сердце его сильно билось, странный рев стоял в ушах. Криспин услышал собственный голос:

— Ты не можешь обмануть человека в том доме, моя госпожа, хотя он и слепой. У него там есть искусственное создание, которое умеет видеть и беззвучно разговаривает с ним. Существо из полумира. Он знает, что это ты, императрица, а не его сестра.

Она побелела. Он навсегда запомнил это. Стала белой, как саван. Как то длинное полотнище, в которое заворачивают мертвых перед погребением. Вскочила. Слишком поспешно, чуть не упала, и это было ее единственное лишенное грации движение, которое довелось увидеть Криспину.

Он тоже вскочил, рев у него в голове был подобен грохоту прибоя во время шторма. Он продолжал:

— Он спрашивал птицу — это птица, — почему ты появилась здесь именно сегодня. Они решили, что это случайность. Что ты всего лишь тревожишься. Затем птица сказала, что... что она хочет присутствовать, когда... что-то произойдет.

— О, милостивый Джад, — произнесла императрица Саран-

тия, и ее безупречный голос треснул, будто тарелка, упавшая на камень. А потом: — Ох, любовь моя.

Она повернулась и пошла, почти побежала обратно по тропинке между деревьев. Криспин следовал за ней. Бдительные, насторожившиеся, как только она встала, последовали за ними обоими. Один из них забежал вперед, чтобы охранять тропинку.

Никто не заговорил. Они вернулись на поляну. На ней было тихо, как и раньше. Дым поднимался, как и раньше. Никакого движения не было видно.

Но дверь в дом, где находился в заточении Лекан Далейн, стояла распахнутой, а на земле лежали два мертвых охранника.

Аликсана замерла, застыла на месте, словно одна из сосен в безветренном воздухе. Ее лицо исказило страдание, словно дерево поразил удар молнии. Издавна существовали древние легенды о женщинах, духах леса, превращенных в деревья. Криспин вспомнил их, глядя на нее. У него самого в груди возникло ужасное, давящее ощущение, и рев в ушах не прекращался.

Один из Бдительных яростно выругался, разорвав тишину. Все четверо бросились через открытое пространство, выхватывая мечи, и по двое опустились на колени возле убитых. Криспин пошел дальше — он увидел, что стражники убиты ударами меча в спину — и снова вошел в тихий открытый дом.

Лампы исчезли. Передняя комната была пуста. Он быстро прошел в заднюю комнату и на кухню сбоку. Никого. Он снова вернулся в главную комнату, посмотрел на подоконник у двери. Птица тоже исчезла.

Криспин снова вышел из дома на мягкий, обманчивый солнечный свет. Императрица стояла одна, все еще застыв на месте возле окружающих поляну деревьев. «Это опасно», — успел подумать он, и тут один из Бдительных возле ближайшего к нему мертвеца встал и зашел за спину своего товарища. Он все еще держал обнаженный меч. Второй солдат стоял на коленях, осматривая тело стражника. Обнаженный меч взлетел вверх, металл сверкнул на солнце.

— Нет! — крикнул Криспин.

Это были Бдительные, императорская стража, лучшие солдаты Империи. Стоящий на коленях воин не оглянулся и не поднял взгляд. Вместо этого он бросился в сторону прямо с колен, резко перекатившись через лезвие собственного меча. Клинок, летящий вниз, чтобы поразить его сзади, вонзился в тело уже убитого стражника. Нападавший грубо выругался, выдернул меч и повернулся лицом к другому солдату — к командиру четверки, — который уже вскочил и выставил перед собой свой меч.

Криспин видел, что возле императрицы по-прежнему никого нет. Двое Бдительных двигались по кругу лицом друг к другу в солнечном свете, широко расставив ноги для равновесия. Двое других солдат на середине поляны уже вскочили на ноги, но они застыли словно в шоке.

Сейчас здесь была смерть. И не только смерть.

Кай Криспин Варенский, человек в этом мире, человек из этого мира, быстро помолился про себя богу своих отцов, сделал три огромных прыжка и, собрав все силы, врезался плечом в поясницу предателя, стоящего перед ним. Криспин не был воином, но он был крупным человеком. Из груди этого человека толчком вырвался воздух, голова запрокинулась, руки беспомощно взлетели в стороны, и меч выпал из разжавшихся пальцев.

Криспин упал на землю вместе с ним, на него и быстро откатился в сторону. Рывком приподнялся. И успел увидеть, как человек, которому он спас жизнь, без дальнейших церемоний вонзил свой меч прямо в спину солдата, лежащего на земле, и убил его.

Бдительный бросил на Криспина один быстрый испытующий взгляд, затем круто развернулся и побежал к императрице с окровавленным мечом в руке. Поднимаясь с колен, с бьющимся в горле сердцем, Криспин смотрел ему вслед. Аликсана стояла неподвижно, словно жертва, на поляне, принимая свою судьбу.

Солдат остановился перед ней и развернулся, чтобы защищать свою императрицу.

Криспин услышал странный звук, вырвавшийся из его собственного горла. Рядом с ним на поляне лежали два покойника. Он побежал, спотыкаясь, к Аликсане. Он видел, что лицо ее остается белым как мел.

Двое других Бдительных быстро подошли, тоже с обнаженными мечами, на лицах обоих был написан ужас. Командир, стоя перед императрицей, ждал их, вертел головой и бросал по сторонам взгляды на поляну и тени от сосен.

— Мечи в ножны! — резко приказал он. — Построиться. Быстро.

Они повиновались и встали в ряд. Он остановился перед

ними, свирепо глядя на них. Посмотрел на одного, потом на второго.

Затем вонзил окровавленный меч в живот второго солдата.

Криспин ахнул, его опущенные по бокам руки сжались в кулаки.

Командир Бдительных проводил взглядом падающую жертву, затем снова повернулся и посмотрел на императрицу.

Аликсана не пошевелилась. Сказала голосом, лишенным всякого выражения, почти нечеловеческим:

— Его тоже купили, Мариск?

Тот ответил:

— Моя повелительница, я не был уверен. В Нерии я уверен. — Он головой кивнул на оставшегося солдата. Испытующим взглядом посмотрел на Криспина.

— Ты доверяешь родианину? — спросил он.

— Я доверяю родианину, — ответила Аликсана Сарантийская. В ее голосе не было жизни, и в лице тоже. — Полагаю, он спас тебя.

Солдат на это никак не среагировал. Он сказал:

— Я не понимаю, что здесь произошло. Но тебе грозит опасность, моя госпожа.

Аликсана рассмеялась. Этот звук Криспин тоже будет помнить.

— О, я знаю, — ответила она. — Я знаю. Мне грозит опасность. Но теперь уже слишком поздно. — Она закрыла глаза. Криспин видел, что ее руки опущены. Его собственные руки сжимались в кулаки, двигались, отражая бурю в его душе. — Теперь все так очевидно, но слишком поздно. Сегодня, наверное, тот день, когда сменяются стражники городского префекта, готова биться об заклад. Я думаю, они уже находились здесь и наблюдали, когда мы приплыли поздно утром, ждали, когда мы покинем поляну.

Криспин и двое солдат смотрели на нее.

— Здесь двое мертвых, — продолжала Аликсана. — Значит, двое из людей префекта были подкуплены. И те четверо новых стражников, которые приплыли на своей маленькой лодке, тоже должны быть подкуплены, иначе не было бы смысла. И ты думаешь, что двое из Бдительных — тоже. — По ее лицу пробежала судорога. Снова лицо превратилось в маску. — Он, наверное, отплыл, как только мы ушли. Они уже добрались до Города. Некоторое время назад.

Никто из трех мужчин не произнес ни слова. У Криспина щемило сердце. Это не его народ, Сарантий не его город на земле Джада, но он понимал, о чем она говорит. Мир меняется. Возможно, уже изменился.

Тут Аликсана открыла глаза. И посмотрела прямо на него.

— У него есть нечто, позволяющее ему видеть? — В ее тоне не было упрека. Ничего не было. Если бы он сказал ей сразу...

Он кивнул. Оба солдата ничего не понимали. Они ничего не значили. Она значила. Она значила очень много, он понял это, глядя на нее. Она повернулась и посмотрела мимо него на двух убитых возле дома заключенного.

А потом повернулась совсем в другую сторону, прочь от стоящих с ней мужчин, от мертвецов на поляне. Посмотрела на север, расправив плечи, как всегда, слегка приподняв голову, словно хотела заглянуть за высокие сосны, через пролив с дельфинами, кораблями и белыми барашками волн, за гавань, городские стены, бронзовые ворота, за настоящее и прошлое, за мир и полумир.

— Я думаю, — произнесла Аликсана Сарантийская, — возможно, все уже кончено.

Она снова повернулась к ним. Ее глаза были сухими.

— Я подвергла тебя смертельной опасности, родианин. Мне очень жаль. Тебе придется вернуться обратно на императорском корабле одному. Тебе, возможно, будут задавать трудные вопросы, как только ты пристанешь к берегу. Но, вероятнее всего, позже, сегодня вечером. Они узнают, что ты сегодня был вместе со мной до того, как я исчезла.

— Моя госпожа, — сказал он, — ты не знаешь, что случилось. — Он помолчал, с трудом сглотнул. — Он умнее всех живущих людей. — А потом ее последнее слово проникло в его сознание, и он переспросил: — Исчезла?

Она посмотрела на него.

— Я не знаю наверняка, ты прав. Но если обстоятельства сложились определенным образом, Империя, которую мы знали, закончилась, и за мной придут. Мне было бы все равно, но... — Она снова закрыла глаза. — Но есть еще одна или две вещи, которые мне надо сделать. Я не могу позволить им найти себя раньше. Мариск отвезет меня обратно, — на этом острове должен быть маленький корабль, — и я исчезну.

Она замолчала и вздохнула.

— Я знаю, его, должно быть, убили, — сказала она. — И дальше: — Криспин, Кай Криспин, если я права, от Гезия

тебе теперь не дождаться помощи. — Ее губы дрогнули. Глупец мог бы назвать это улыбкой. — Тебе понадобится Стилиана. Она, возможно, сумеет защитить тебя. По-моему, она к тебе питает какие-то чувства.

Он не понимал, откуда императрица может это знать. Его совсем не это волновало сейчас. Он спросил:

— А ты, моя госпожа?

— Что я к тебе испытываю, родианин? — В ее голосе послышался намек на насмешку.

Он сильно прикусил губу:

— Нет-нет. Моя госпожа, что ты будешь делать? Могу ли я... можем ли мы помочь?

Она покачала головой:

— Это не твоя роль. И ничья. Если я права насчет того, что произошло, мне надо выполнить одну задачу, перед тем как я умру, а потом все может закончиться. — Она посмотрела на Криспина, стоя очень близко от него и одновременно в другом месте, *почти в другом мире*. — Скажи мне, когда умерла твоя жена... как ты жил дальше?

Он открыл рот, закрыл и не ответил. Она отвернулась. Они снова вышли через лес к морю. На каменистом берегу острова он все еще не мог заговорить. Он смотрел, как она отстегнула свой пурпурный плащ, скинула его, потом бросила брошь, которая его скрепляла, повернулась и пошла прочь среди белых камней. Человек по имени Мариск следовал за ней. Потом они пропали из виду.

«Как ты жил дальше?»

Ответ на этот вопрос не пришел к нему и на корабле, когда они с уцелевшим Бдительным взошли на него и матросы подняли якорь, повинуясь резкому приказу солдата, и корабль поплыл обратно в Сарантий.

Плащ императрицы и золотая брошь остались на острове, и они все еще лежали там в ту ночь, когда зажглись звезды и луна.

Глава 10

Кажется, Клеандр все устроил как надо.

Они сидели не среди огромной массы болельщиков Зеленых — его мать категорически была против этого, — но у парня,

по-видимому, уже имелось достаточно связей на Ипподроме, и он получил отличные места в нижнем ряду недалеко от линии старта. Некоторые зрители из состоятельных классов были склонны посещать Ипподром только утром и не возвращались после полудня. И, таким образом, Клеандр нашел три места. Им было ясно видно с близкого расстояния место старта и шеренгу статуй вдоль спины. Они даже могли заглянуть во внутреннее крытое пространство, где в этот момент возницы и артисты ждали сигнала перед выходом на дневной парад. За этим пространством Клеандр показал им еще один вход в обширные помещения под трибунами. Он назвал его Вратами Смерти с явным восторгом.

Клеандр, одетый в идеально строгую, коричневую с золотом тунику, подпоясанную кожаным ремнем, с зачесанными назад длинными, как у варвара, волосами, с готовностью объяснял все происходящее мачехе и лекарю, слугу которого убил две недели назад. Он выглядит безудержно счастливым и очень юным, думал Рустем, сознавая всю иронию ситуации.

С Тенаис уже поздоровались полдюжины мужчин и женщин, сидящих поблизости, и она совершенно официально представила им Рустема. Никто не спросил, почему она не сидит в катизме вместе с мужем. Это был хорошо одетый, хорошо воспитанный сектор Ипподрома. Над ними, на стоячих местах, люди кричали и толкались, но не здесь, внизу.

Возможно, подумал Рустем, все изменится, когда снова начнутся гонки. Он с профессиональным интересом отметил в себе растущее возбуждение, лишавшее его хладнокровия стороннего наблюдателя. Настроение толпы — он никогда в жизни не находился среди такого количества людей, — несомненно, передавалось и ему.

Прозвучал горн.

— Вот они идут, — сказал Клеандр, сидящий с другой стороны, рядом с матерью. — У Зеленых самый замечательный жонглер, вы его увидите сразу же за конем префекта.

— Прекрати разговаривать как болельщик факции, — тихо произнесла Тенаис, глядя на дорожки, где действительно появился всадник.

— Ничего подобного, — возразил парень. — Я же просто... вам рассказываю.

В этот момент стало трудно рассказывать — или слушать — что бы то ни было, так как толпа разразилась громогласными

приветствиями, словно стала одним зверем и взревела одним голосом.

За одиноким всадником высыпала группа пестро одетых, разноцветных артистов. Тот жонглер, о котором говорил Клеандр, подбрасывал горящие факелы. Рядом с ним и позади него выделывали антраша танцоры в синих и зеленых, а потом красных и белых одеждах, крутили сальто и ходили колесом. Одна из танцовщиц шла на руках, так вывернув плечи, что Рустем поморщился. «К сорока годам она не сможет поднять чашку, не испытывая боли», — подумал доктор. Еще один артист, пригнув голову, чтобы не задеть крышу туннеля, вышел на высоких палках, которые вознесли его на гигантскую высоту, и он еще ухитрялся танцевать на этих палках. Он явно был фаворитом, его появление вызвало еще более громкие крики одобрения. Затем появились музыканты с барабанами, флейтами и цимбалами. Потом мимо пронеслись другие танцоры, перекрестными рядами, в руках они держали длинные флаги из цветной ткани, развевающиеся на ветру. Их одежда тоже развевалась по ветру, а ее и так было не слишком много. «В Бассании женщин побили бы камнями за появление на публике почти обнаженными», — подумал Рустем.

А сразу же после них выехали колесницы.

— Это Кресенз! Гордость Зеленых! — закричал Клеандр, нарушив запрет матери, и указал на мужчину в серебряном шлеме. — А рядом с ним, вон тот, молодой. Тарас. Из факции Синих. Он снова правит первой колесницей. — Он бросил быстрый взгляд на Рустема. — Скортия здесь нет.

— Что? — вмешался багровый рыжеволосый мужчина, сидящий за спиной Тенаис. Он наклонился вперед и задел ее. Мачеха Клеандра отодвинулась в сторону, чтобы избежать соприкосновения, она с бесстрастным лицом наблюдала, как из широкого туннеля слева от них выезжают колесницы. — А ты его ожидал? Никто представления не имеет, где он, парень.

Клеандр ничего не ответил, слава богу. Мальчик не совсем лишен здравого смысла. Вслед за двумя ведущими колесницами быстро выкатились остальные, а впереди артисты танцевали и кувыркались на длинном прямом отрезке, двигаясь к катизме в дальнем конце. Невозможно было разглядеть, кто в ней сидит, но Рустем знал, что Плавт Бонос находится среди элиты в этой крытой ложе. Парень ему чуть раньше объяснил с неожиданной

ноткой гордости, что его отец иногда бросает белый платок, давая сигнал к началу игр, если император отсутствует.

Последние колесницы, возницы которых надели белое и красное поверх кожаных доспехов, выкатились из туннеля. Одинокий всадник и первые танцоры уже находились в дальнем конце, за монументами, и должны были выйти через другие ворота у дальних трибун, после того как проведут процессию мимо трибун.

— Полагаю, — сказала Тенаис Систина, — что мне нужно на несколько минут укрыться от солнца. Если выйти в те ворота, там продают какие-нибудь освежающие напитки? — Она показала рукой туда, откуда появились кони.

— Да, — ответил Клеандр. — Там, внутри, полно всяких прилавков с едой. Но, чтобы попасть туда, тебе придется вернуться наверх, а потом опять спуститься. Через Врата Процессий нельзя пройти, там стоит охранник.

— Да, действительно, — ответила его мачеха. — Я его вижу. Полагаю, он меня пропустит, чтобы избавить женщину от необходимости долго идти кругом.

— Ты не пройдешь. И, уж конечно, тебе нельзя идти одной, Тенаис. Это Ипподром.

— Спасибо, Клеандр. Я ценю то, что ты за меня тревожишься, ведь там могут оказаться... неуправляемые люди. — Выражение ее лица оставалось непроницаемым, но парень залился краской. — Я не собираюсь идти туда, куда поскакали все эти кони, и мне бы в голову не пришло идти одной. Доктор, не будешь ли ты так любезен?..

Рустем встал с большей неохотой, чем ему хотелось бы признаться, сжимая в руке свой посох. Теперь он может пропустить старт.

— Конечно, моя госпожа, — тихо ответил он. — Тебе нехорошо?

— Несколько минут в тени и какой-нибудь прохладительный напиток — этого будет достаточно, — сказала женщина. — Клеандр, оставайся здесь и веди себя достойно. Мы вернемся, разумеется. — Она встала, прошла мимо Рустема в проход, спустилась на две ступеньки вниз и потом двинулась по узкому пространству между первым рядом и барьером, ограждающим песок. Она на ходу накинула на голову капюшон, пряча под ним лицо.

Рустем шел следом с посохом в руке. Никто не обращал на

них никакого внимания. Он видел, что повсюду по Ипподрому ходят люди, занимают свои места или идут к прилавкам с напитками либо к уборным. Все глаза были устремлены на шумную процессию внизу. Остановившись на почтительном расстоянии от жены сенатора, он видел, как она обратилась к стражнику у калитки. Она была проделана в низкой ограде, там, где заканчивалась дорожка, возле широких Врат Процессий, которые находились на несколько ступенек ниже.

Первоначальное выражение хамского равнодушия на лице стражника быстро смягчилось, после того как Тенаис что-то ему сказала. Он быстро огляделся, нет ли кого-нибудь поблизости, а потом открыл низкую калитку в конце дорожки и пропустил ее в крытое пространство под трибунами. Рустем вошел следом, на ходу сунув стражнику монету.

И только после того, как Рустем вошел в сводчатый тоннель, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на доказательство того, что здесь только что прошли кони, он увидел мужчину, одиноко стоящего в тени атриума. Он носил кожаный наряд возничего и синюю тунику.

Женщина остановилась внутри и подождала Рустема. Потом тихо произнесла из-под своего капюшона:

— Ты был прав, лекарь. Кажется, твой пациент, нежданный гость в нашем доме, действительно здесь. Дай мне несколько секунд переговорить с ним наедине, хорошо?

И, не дожидаясь ответа, она зашагала к мужчине, стоящему в одиночестве в туннеле. У широких высоких ворот, неподалеку от калитки, где стоял Рустем, находились двое служителей в желтых одеждах. Они явно только что собирались захлопнуть ворота. И явно, судя по тому, как они смотрели на Скортия, теперь уже этого делать не собирались.

Его пока больше никто не заметил. Должно быть, он прятался здесь, в тени, пока не выкатились колесницы. От этого широкого атриума ответвлялись три главных туннеля и полдюжины меньших. Рустем понял, что внутреннее пространство Ипподрома обширно, напоминает пещеры и может вместить больше людей, чем обитает в Керакеке. Здесь люди жили своей жизнью в жилищах, выходящих в эти коридоры. Здесь должны быть конюшни, лавки, прилавки с едой и питейные заведения, лекари, шлюхи, хироманты. Город в Городе. А этот просторный атриум с высокой крышей обычно оживленное, шумное место, полное людей. Таким оно снова станет через несколько минут,

догадался Рустем, когда артисты вернутся через туннели с дальнего конца Ипподрома.

В этот момент туннель был почти пустым и казался темным и пыльным после солнечного света снаружи. Он увидел, как жена сенатора подошла к возничему. Откинула с головы капюшон. Он увидел, как Скортий повернул голову — слишком поздно — и заметил ее, и тут Рустем отметил внезапную перемену в его позе и поведении, и ему кое-что стало понятно.

Все-таки он человек наблюдательный. Хороший лекарь должен быть наблюдательным. Ведь поэтому Царь Царей и отправил его в Сарантий.

Он ожидал, что все может случиться, в том числе и то, что он может свалиться, не добравшись до Ипподрома, но никак не ожидал появления Тенаис в пустом, гулком пространстве атриума для процессий.

Двое служащих у ворот заметили его, как только он вышел из одного из жилых туннелей после выезда последних колесниц. Прижав палец к губам, он сразу же призвал их к молчанию, хотя они и раскрыли рты от изумления. Он знал, что сегодня вечером они допоздна будут пить и рассказывать всем о его появлении. И еще много вечеров после.

Он ждал подходящего момента для выхода. Знал, что сегодня он способен осилить — в лучшем случае — только один заезд и использовать его нужно с максимальной пользой: поддержать Синих, предотвратить возникновение беспорядков, дать знать о себе Кресензу и остальным.

И удовлетворить собственную гордость. Ему необходимо снова участвовать в гонках, напомнить им всем: каких бы успехов ни удалось добиться Зеленым на открытии сезона, Скортий пока еще среди них и остался тем же, кем был прежде.

Если это правда.

Возможно, он совершил ошибку. Это необходимо признать. Медленное долгое пешее путешествие от дома Боноса у стен города оказалось поразительно тяжелым, и в какой-то момент рана опять открылась. Он даже не заметил этого, пока не увидел на тунике кровь. Ему не хватало воздуха, а когда он пытался вздохнуть поглубже, грудь пронзала боль. Ему следовало нанять носилки или договориться с Асторгом, чтобы он их прислал, но Скортий даже не сообщил факционарию, что собирается так

поступить. За упрямство всегда приходится платить — почему сейчас должно быть иначе? Это появление на Ипподроме перед началом первого послеполуденного заезда, этот выход пешим на песок, к линии старта, были полностью его инициативой. Никто в Сарантии не знал, что он собирается прийти сюда.

Во всяком случае, так он думал. Потом увидел Тенаис, приближающуюся к нему в тусклом свете, и сердце его глухо забилось о сломанные ребра. Она никогда не ходила на Ипподром. Если она здесь, то потому, что искала его, и он понятия не имел, как...

Тут он увидел бассанида у нее за спиной, седобородого, стройного, с посохом в руке, который он носил ради придания себе большего веса. И в это мгновение Скортий Сорийский молча и с большим чувством выругался.

Теперь он понял. Проклятого лекаря, должно быть, мучило чувство профессионального долга. Он обнаружил его отсутствие, догадался, что сегодня день гонок, искал способ пройти сюда, и...

На этот раз он выругался вслух, как солдат в таверне, хотя и тихо.

Этот человек, разумеется, должен был пойти в дом Боноса.

К Клеандру. Которому отец запретил посещать гонки этой весной — так он им сам сказал. А это означало, что им пришлось обратиться к Тенаис. Что означало...

Она остановилась прямо перед ним. Ее окружал хорошо памятный ему аромат духов. Он посмотрел на нее, встретил ясный взгляд, почувствовал, как перехватило горло. Она выглядела спокойной, уравновешенной, а он ощущал силу ее гнева, словно дыхание пламени в печи.

— Все в Сарантии, — тихо произнесла она, — будут ликовать, снова увидев тебя здоровым, возничий.

Они стояли одни среди обширного пространства. Но это продлится недолго. Парад заканчивается, и скоро шумная толпа вернется сюда по другим туннелям.

— Польщен, что ты первая мне об этом говоришь, — ответил он. — Госпожа, я надеюсь, ты получила мою записку.

— Так заботливо с твоей стороны было написать мне, — ответила она. Официальный, резкий тон ее ответа говорил сам за себя. — Конечно, я прошу прощения за то, что была со своей семьей в тот вечер, когда ты ощутил настолько настоятельную потребность в моем обществе. — Она сделала паузу. — Или в

обществе любой другой женщины, готовой предложить свое тело прославленному возничему.

— Тенаис, — произнес он.

И замолчал. Он с опозданием заметил у нее в правой руке кинжал. И наконец понял подлинное значение этой встречи. Он закрыл глаза. Такая возможность всегда существовала при той жизни, которую он вел.

— Да? — спросила она голосом, как всегда, равнодушным и сдержанным. — Мне показалось, что кто-то произнес мое имя.

Он посмотрел на нее. Он не смог бы назвать имена тех женщин, с которыми проводил ночи в течение многих лет, или даже сосчитать их. За столько лет. Ни одна из них не умела лишить его покоя так, как эта, и сейчас она действовала на него так же. Он внезапно почувствовал себя старым и усталым. Заболела рана. Он помнил, что чувствовал то же самое, когда искал ее в ту ночь. Тогда плечо разболелось на ночном ветру.

— Это я, — тихо ответил он. — Я произнес твое имя. Я произношу его почти каждую ночь, Тенаис.

— Неужели? Наверное, это очень забавляет женщин, которые в этот момент лежат с тобой в постели.

Оба сторожа у ворот наблюдали за ними. У одного рот так и остался открытым. Это могло бы показаться забавным. Проклятый лекарь продолжал сохранять точно отмеренную, продиктованную вежливостью дистанцию. Вероятно, никто из них не замечал кинжала при слабом освещении.

Скортий сказал:

— Я пошел в дом Ширин, танцовщицы Зеленых, чтобы передать ей предложение от Асторга.

— Вот как! Это он хотел с ней переспать?

— Ты несправедлива.

Ее глаза полыхнули таким огнем, что он вздрогнул и заново осознал, как она разъярена.

Она всю жизнь носила маску самообладания, абсолютной, безупречной сдержанности. Что происходит с таким человеком, когда что-то прорывается сквозь эту маску? Он сделал слишком глубокий вдох, ощутил страшный приступ боли в ребрах и сказал:

— Он хотел предложить ей негласно вступить в факцию Синих. Я обещал присоединить свой голос к его предложению.

— Твой голос, — повторила она. Глаза ее сверкали. Он никогда раньше не замечал этого блеска. — Всего лишь голос?

Среди ночи. Забравшись к ней в спальню. Как это... убедительно.

— Это правда, — возразил он.

— В самом деле. И ты с ней переспал?

Она не имела права задавать этот вопрос. Ответить означало бы предать другую женщину, которая одарила его остроумием, добротой и разделила с ним наслаждение.

Ему и в голову не пришло, что можно не ответить или солгать.

— Да. Неожиданно.

— Вот как! Неожиданно. — Кинжал в ее руке оставался неподвижным.

— Куда тебя ранили? — спросила она.

Из одного из туннелей послышался шум. Первые танцоры покинули поле Ипподрома. За ее спиной, за Вратами Процессий, он видел, как восемь колесниц — участниц первого заезда — разворачиваются и направляются к косой стартовой линии.

И вдруг ему показалось, что того, что он сделал в своей жизни, возможно, уже достаточно. Выражение глаз женщины говорило о той боли, которую он причинил, — возможно, то было несправедливое бремя, но разве в жизни есть справедливость? — и он может умереть здесь, принять от нее смерть в этом месте. Он никогда и не надеялся дожить до старости.

— В левый бок, — ответил он. — Колотая рана, вокруг сломанные ребра.

Когда-то, очень давно, у него было одно желание — участвовать в гонках колесниц.

Она кивнула, задумчиво прикусила нижнюю губу, единственная морщинка прорезала ее лоб.

— Как неудачно! У меня есть кинжал.

— Я заметил.

— Если бы я захотела причинить тебе очень, очень сильную боль перед тем, как ты умрешь...

— Ты бы ударила меня вот сюда, — продолжил он и показал ей. — Все равно, там уже была кровь.

Можно было видеть, как она сочится сквозь синюю тунику.

Она посмотрела на него:

— Ты хочешь умереть?

Он задумался.

— Нет, по-настоящему — нет. Но я не хочу жить, если это причиняет тебе такое большое горе.

Тут она глубоко вздохнула. Мужество, боль и нечто вроде... безумия. Этот яростный, никогда прежде не виданный блеск в ее глазах.

— Ты ведь не думаешь, что я надолго задержусь здесь после тебя?

Он снова закрыл глаза, открыл их.

— Тенаис, все это так... неправильно. Но я готов ко всему, что ты пожелаешь.

Кинжал по-прежнему оставался неподвижным.

— Тебе следовало солгать мне. Когда я спросила.

Он был таким маленьким, в тот первый раз, когда отец посадил его верхом на жеребца. Им пришлось поднять его на руках, и ноги торчали почти под прямым углом, когда его усадили на большого коня. Все смеялись. Потом внезапно стоящие вокруг мужчины замолчали, увидев, что животное замерло неподвижно от прикосновения ребенка на его спине. В Сорийе. Далеко отсюда. Давным-давно.

Целая жизнь прошла. Он покачал головой.

— Ты не должна была спрашивать, — сказал он. Это правда, он не хотел лгать.

Тогда она занесла кинжал. Он смотрел прямо ей в глаза, на то ужасное, что в них появилось, когда накопленное за целую жизнь самообладание разлетелось в пыль.

И поэтому, почти утонув в ее взгляде, погруженный в нее и в собственные воспоминания, не замечая даже резкого взмаха маленькой руки, держащей кинжал, он не увидел, как сзади к Тенаис быстрыми шагами подошел человек и схватил ее за запястье, прикрывая этот жест от чужих взглядов собственным телом.

Вывернул кисть. Кинжал упал.

Она не издала ни звука, только всхлипнула от неожиданности.

— Госпожа, — произнес Кресенз из факции Зеленых, — прошу прощения.

Она смотрела на него. Скортий смотрел на него. Все трое стояли одни посреди громадного тускло освещенного пространства. Кресенз сказал:

— Ни один мужчина на свете не стоит того, чем тебе это грозит. Накинь капюшон, прошу тебя, госпожа. Сюда очень

скоро придут люди. Если он нанес оскорбление, среди нас найдется немало тех, кто охотно этим займется.

Выражение ее лица изменилось со сверхъестественной быстротой, и Скортий запомнил это на всю жизнь. Как наглухо закрылся тот туннель, откуда выплескивалось наружу ее лихорадочное возбуждение, когда Тенаис посмотрела на возничего Зеленых. Она даже не подала виду, что у нее болит запястье, хотя оно должно было болеть. Он очень быстро схватил ее за руку и вывернул ее с силой.

— Ты неправильно понял, — тихо ответила она. И даже улыбнулась. Безупречной придворной улыбкой, равнодушной и бессмысленной. Железные решетки самообладания снова с грохотом опустились. Скортий даже вздрогнул, увидев это, услышав этот другой голос. Почувствовал, как быстро бьется его сердце. Мгновение назад он действительно ожидал...

Она опустила капюшон. Сказала:

— По-видимому, мой непутевый пасынок сыграл свою роль в ранении нашего общего друга. Он поведал моему супругу свою версию этой истории. Но мы не поверили. Перед тем как наказать мальчика, — а сенатор, конечно, в ярости, — я хотела узнать у самого Скортия, что произошло. Видишь ли, предположительно речь идет об ударе ножом.

Полная чепуха. Слова, произнесенные ради самих слов. Сказка, в которую невозможно поверить, если только не хочешь в нее поверить. Пускай Кресенз из факции Зеленых был грубым, жестким человеком на дорожке, в таверне и в лагере и он всего лишь один год прожил в Сарантии, но он был первым возничим Зеленых, и его уже приглашали ко двору, он провел зиму в аристократических кругах, хорошо знакомых ведущим гонщикам. Он тоже побывал во многих спальнях, подумал Скортий.

Этот человек знал, с чем столкнулся и как себя вести.

Он тут же начал бурно извиняться, но недолго, потому что в южных туннелях уже раздавался громкий шум.

— Умоляю, разреши мне зайти к тебе, чтобы выразить сожаление подобающим образом. По-видимому, я совершил грубую ошибку, словно какой-нибудь неотесанный провинциал. Моя госпожа, я полон стыда. — Он оглянулся. — И я должен вернуться на поле, а тебе следует — если я могу настаивать, — позволить твоему провожатому увести тебя с этого места, которое через несколько мгновений станет совсем неподходящим для дамы.

Они уже слышали грохот колес и взрывы смеха за темным поворотом самого большого туннеля. Скортий ничего не сказал, даже не пошевелился. Кинжал лежал на земле. Он осторожно наклонился и поднял его правой рукой. Протянул Тенаис. Их пальцы соприкоснулись.

Она улыбнулась улыбкой тонкой, как лед на северной реке, пока зимний мороз еще не сковал ее надежно.

— Благодарю, — сказала она. — Благодарю вас обоих. — И оглянулась через плечо. Лекарь-бассанид стоял там же, где и раньше, на протяжении всей этой сцены. Теперь он вышел вперед с идеально серьезным видом.

Сначала он взглянул на Скортия. На своего подопечного.

— Ты понимаешь, что твой приход сюда... все изменил?

— Понимаю, — ответил тот. — Мне очень жаль.

Лекарь кивнул головой.

— С этим я бороться не буду. — Он произнес эти слова с категоричной решимостью.

— Я понимаю, — сказал Скортий. — И благодарен тебе за все, что ты делал до сих пор.

Доктор отвернулся:

— Могу ли я сопровождать тебя, госпожа? Ты говорила о прохладительных напитках?

— Да, — согласилась она. — Да, спасибо. — Она задумчиво посмотрела на бассанида, словно обдумывая новую информацию, затем снова повернулась к Скортию. — Надеюсь, ты выиграешь этот заезд, — тихо произнесла она. — Судя по рассказам моего сына, Кресенз уже достаточно побед одержал в твое отсутствие.

И с этими словами она повернулась и ушла вместе с лекарем по направлению к лестнице и к рядам лотков и прилавков на верхнем уровне.

Два возничих стояли и смотрели друг на друга.

— О чем это он говорил? — Кресенз указал подбородком на удаляющуюся фигуру лекаря.

— Слагал с себя ответственность, на тот случай, если я умру.

— А!

— Так поступают в Бассании. Ты вышел отлить?

Возница Зеленых кивнул.

— Я всегда так делаю после обеда.

— Я знаю.

— Увидел тебя. Подошел поздороваться. Увидел кинжал. Ты истекаешь кровью.

— Знаю.

— Ты вернулся... окончательно?

Скортий заколебался:

— Наверное, пока нет. Учти, я выздоравливаю быстро. По крайней мере, так было раньше.

Кресенз кисло улыбнулся:

— Все мы раньше быстро выздоравливали.

Настала его очередь колебаться. В любой момент сюда могли прийти люди. Они оба это знали.

— Она не могла бы тебя ударить, если бы ты ей не позволил.

— Да, ну, это... Скажи, как твой новый пристяжной?

Кресенз несколько мгновений смотрел на него, потом кивнул головой в знак согласия.

— Мне нравится. Ваш молодой возница...

— Тарас.

— Тарас. У этого негодника задатки гонщика. В прошлом году я этого не заметил. — Он ухмыльнулся по-волчьи. — Этой весной я собираюсь задать ему жару.

— Не сомневаюсь.

Улыбка возницы Зеленых стала шире.

— Ты хотел предстать перед публикой в одиночестве, а? Вернувшийся герой один шагает по дорожкам. Клянусь Геладикосом, вот это выход!

Скортий сделал лукавое лицо:

— Я об этом думал.

Но в действительности он думал о женщине, и ее образ переплетался с воспоминаниями детства, как это ни удивительно, и с тем чувством, которое он испытал, глядя ей в глаза, перед тем взмахом ножа. «Тебе следовало мне солгать». Он собирался позволить ей заколоть себя. Кресенз прав. Он чувствовал себя в другом мире, в такое состояние она его ввергла этими сверкающими глазами в пыльном полумраке. Всего несколько минут прошло после этих событий, а они уже казались сном. Он подумал, что этот сон всегда будет его преследовать.

Кресенз сказал:

— Не могу позволить тебе такой выход. Извини. Спасти твою проклятую жизнь — одно дело. Пустяк. Но позволить тебе

вот так вернуться — другое дело. Это сильно подорвало бы боевой дух Зеленых.

Пришлось улыбнуться. Он снова на Ипподроме. В особом мире, созданном внутри большого мира.

— Я понимаю. Тогда пойдем вместе.

Они пошли вместе как раз в тот момент, когда первые танцоры появились из темноты туннеля слева от них.

— Кстати, спасибо, — прибавил Скортий, когда они подошли к двум служащим в желтых одеждах у ворот.

«Надеюсь, ты выиграешь этот заезд», — сказала она. После того как доктор официально снял с себя ответственность на тот случай, если он себя угробит. Она пришла под трибуны с кинжалом. Она пришла на Ипподром с кинжалом. Она знала, что говорит. «Ты же не думаешь, что я надолго задержусь после тебя». Он давно думал, еще не зная ее по-настоящему, что под этой прославленной сдержанностью скрывается нечто необыкновенное. Потом он самонадеянно считал, что нашел это нечто и понял его. Он ошибался. Там было намного больше. Следовало ли ему это знать?

— Спасибо? Не стоит благодарности, — ответил Кресенз. — Здесь слишком скучно без тебя — выигрывать у детей. Имей в виду, я хочу продолжать выигрывать.

И когда они миновали двух стражников, прямо перед тем как шагнули вместе на яркий песок, под взоры восьмидесяти тысяч зрителей, он без всякого предупреждения изо всех сил ударил раненого локтем в левый бок.

Скортий задохнулся и зашатался. Мир закружился, кровавая пелена застлала глаза.

— Ох! Прости! — воскликнул Кресенз. — Ты в порядке?

Скортий согнулся пополам, прижимая руки к боку. Они уже стояли у выхода. Еще пара шагов, и их увидят. Содрогнувшись от колоссального усилия, он заставил себя выпрямиться и снова зашагал вперед, собрав всю силу воли. Он все еще отчаянно задыхался. Услышал, как в бреду, первый рев с ближайших к нему трибун.

Началось. Шум нарастал, нарастал, катился вдоль первого отрезка прямой, подобно волне, звук его имени. Кресенз был рядом с ним, но это оказалось ошибкой с его стороны, так как звучало только одно имя, снова и снова. Вопль. Скортий пытался дышать, не теряя сознания, продолжать двигаться, не сгибаться пополам, не прижимать руку к ране.

— Я ужасный человек, — весело произнес рядом с ним Кресенз, махая рукой толпе, словно это он лично вернул из мертвых второго возницу, как некий герой из древних сказаний. — Клянусь Геладикосом, ужасный.

Скортию хотелось одновременно убить его и смеяться. Смех, вероятно, убьет его самого. Он вернулся на Ипподром. В свой мир. Вышел на песок. Увидел впереди коней. Спросил себя, как он сумеет дойти так далеко.

И знал, что он это сделает, как-нибудь.

И в то же мгновение, увидев впереди возниц, которые обернулись назад и уставились на них, глядя на упряжки и на их расположение, особенно одной из них, у него возникла идея, быстрая, как скачущий конь, как дар свыше. Он даже улыбнулся, скаля зубы, хотя дышать было очень трудно. Здесь не один волк, подумал он. Клянусь Геладикосом, не один.

— Вот увидишь, — сказал он тогда второму возничему, себе самому, тому мальчику, который когда-то сидел верхом на жеребце в Сорийе, всем, богу и его сыну, всему миру. Он увидел, как Кресенз бросил на него быстрый взгляд. И заметил с торжеством сквозь красную пелену острой боли внезапную тревогу на лице возничего.

Он — Скортий. Он по-прежнему Скортий. Ипподром принадлежит ему. Здесь ему воздвигли монументы. Неважно, что случилось в другом месте, в темноте, когда солнце находилось под миром.

— Вот увидишь, — повторил он.

* * *

Немного западнее от того места, где два возничих покидают свой туннель, не так уже далеко, император Сарантия направляется к своему туннелю. Он собирается пройти под садами Императорского квартала из одного дворца в другой, чтобы закончить последние приготовления к войне, которую задумал еще тогда, когда посадил на Золотой Трон своего дядю.

Когда-то Империя была единым целым, потом ее разделили, а потом половину потеряли, как можно потерять ребенка. Или, лучше сказать, отца. У него нет детей. Его отец умер, когда он был еще совсем молодым. Имеют ли значение подобные вещи? Имели ли они вообще значение? Или сейчас? Сейчас,

когда он взрослый человек, уже стареет и создает государства во имя святого Джада?

Так думает Алиана, она задает себе такие вопросы. Недавно, ночью, она прямо спросила его об этом. Не рискует ли он столь многим, стремясь оставить после себя яркий, значительный след в мире, лишь потому, что у него нет наследника, для которого стоило бы сохранить то, что они уже имеют?

Он этого не знал. Он не считал, что это так. Он мечтал о Родиасе так давно — мечтал о том, чтобы сделать его снова единым целым. И чтобы сделал это он. Возможно, он слишком много знал о прошлом. Когда-то какое-то короткое бурное время здесь правили три императора, потом два — здесь и в Родиасе. Они правили долгие годы, которые их разделили; потом остался только один, здесь, в Городе, созданном Саранием, а запад был потерян и лежал в руинах.

Ему это казалось неправильным. Это должно казаться неправильным любому человеку, который знает о былой славе.

Но это, думает он, шагая по нижнему уровню Аттенинского дворца со свитой придворных, старающихся поспеть за ним, всего лишь риторический прием. Конечно, есть люди, которые знают прошлое не хуже его, но смотрят на вещи иначе. И есть такие — например, его жена, — которые видят расцвет славы здесь, на востоке, в существующем мире Джада.

Никто из них, даже Алиана, не правит Сарантием. Правит он. Он привел их всех к этому моменту, у него в руках все нити, и он ясно видит всех участников игры. Он надеется добиться успеха. Обычно добивается.

Он подходит к туннелю. Двое Бдительных в шлемах быстро вытягиваются по стойке «смирно». Повинуясь его кивку, один быстро отпирает замок и распахивает дверь. Стоящие за спиной Валерия канцлер, начальник канцелярии и ни на что не годный начальник налогового управления сгибаются в поклоне. Он решил все вопросы с ними здесь, в Аттенинском дворце, за короткой полуденной трапезой. Отдал приказы, выслушал доклады.

Он ждал одного особого сообщения с северо-востока, но оно не пришло. Он даже разочаровался в Царе Царей.

Он ждал, что Ширван Бассанийский к этому времени предпримет атаку на Кализий, чтобы привести в движение другую часть этого грандиозного предприятия. Об этой части никто не знает, разве что Алиана догадалась или, может быть, Гезий, отличающийся необычайной проницательностью.

Но пока не поступило никаких сообщений о нарушении границы. Он дал им достаточно доказательств своих намерений и даже указаний на время их осуществления. Ширван уже должен был послать армию через границу, нарушив купленный мир, и попытаться сорвать западную кампанию.

В результате ему придется проводить другую политику в отношениях с Леонтом и с генералами. Это решаемая проблема, но он бы предпочел элегантный ход событий, а для этого бассаниды должны были уже начать наступление. И тогда все выглядело бы так, будто он вынужден послать туда часть войск до того, как флот выйдет в море.

В конце концов, он преследует здесь не одну цель.

Можно сказать, что это один из недостатков его характера. Он всегда преследует не одну цель, вплетает так много нитей и узоров во все свои действия. Даже эта долгожданная война за возвращение земель на западе не является совершенно отдельным предприятием.

Алиана поняла бы, это ее даже позабавило бы. Но она против этой кампании, и он облегчил задачу для них обоих — по крайней мере, так он считает, — тем, что не стал ее обсуждать. Он подозревает, что она знает, что он делает. Он также знает о ее тревоге и о причине этой тревоги. Это его огорчает.

Простая правда в том, что он любит ее больше, чем бога, и нуждается в ней не меньше, чем в нем.

У открытой двери туннеля он на мгновение останавливается. Видит впереди пламя факелов, колеблющееся от потока воздуха. Ширван еще не напал. Жаль. Ему придется теперь улаживать это дело с военными на противоположном конце туннеля. Он знает, что им сказать. Гордость Леонта, гордость военного, — его самое большое достоинство и его основная слабость, и император считает, что этот молодой человек должен усвоить один урок до того, как будут предприняты следующие шаги. Сначала усмирить безрассудную гордость, затем умерить религиозный пыл.

Он над этими вопросами тоже думал. Конечно, думал. У него нет детей, и стоит вопрос о наследнике.

Он быстро оборачивается, отвечает на поклоны своих советников, а затем входит в туннель один, как обычно. Они уже повернули назад, а дверь еще не успела закрыться; он задал им сегодня большую работу, которую надо закончить до того, как они все соберутся в катизме в конце гонок, чтобы объявить Ипподрому и всему миру, что Сарантий отплывает к Родиасу. Он слышит, как закрывается за ним дверь и ключ поворачивается в замке.

Он шагает по мозаичным плиткам пола, по следам давно умерших императоров, беседует с ними, ведет мысленные диалоги. Он наслаждается этой тишиной, до боли редким уединением в этом длинном извилистом коридоре между дворцами и людьми. Освещение ровное, система вентиляции тщательно отрегулирована. Одиночество доставляет ему радость. Он, смертный слуга и олицетворение Джада, проводит жизнь на виду у всего света и никогда не остается один, только здесь. Даже ночью в его палатах присутствуют стражники или женщины в комнатах императрицы, когда он бывает у нее. Он бы хотел задержаться в этом туннеле, но ему тоже надо так много сделать на другом конце, а время уходит. Этого дня он ждал с тех пор... с тех пор, как приехал на юг из Тракезии вместе со своим дядей-военным.

Это преувеличение, но в нем есть правда.

Он идет быстрым шагом, как обычно. Он уже прошел некоторое расстояние по туннелю, под равномерно расположенными факелами в железных кронштейнах на каменных стенах, когда услышал в этой полной тишине, как поворачивается за его спиной тяжелый ключ в замке, а затем открывается дверь, а потом звук других шагов, неспешных.

Так меняется мир.

Он меняется каждое мгновение, разумеется, но существуют... разные степени перемен.

Полсотни мыслей — так Валерию кажется — проносится в его мозгу между двумя шагами. Первая мысль и последняя — об Алиане. Между этими мыслями он уже понял, что происходит. Он всегда славился быстротой соображения, и поэтому его боялись. Он чрезмерно гордился этим всю жизнь. Но ум и быстрота, возможно, теперь потеряли значение. Он идет дальше, только чуть быстрее, чем раньше.

Туннель плавно изгибается, в форме буквы S, первой буквы имени Сарания — тщеславный замысел строителей. Он проходит глубоко под садами, вдали от света. Здесь не имеет смысла кричать, император не успеет подобраться достаточно близко к любой из двух дверей, чтобы его услышали в нижних коридорах дворцов. Он уже понял, что бежать бессмысленно, потому что

те, у него за спиной, не бегут; это значит, разумеется, что впереди его тоже ждут.

Они должны были войти до того, как придут солдаты, которые встречают его в другом дворце, и ждать под землей в течение некоторого времени. Или, возможно... они могли войти в ту же дверь, что и он сам, и пройти вперед, в противоположный конец, чтобы ждать там? Так ведь проще? Придется подкупить всего двух стражников. Он вспоминает: да, он помнит лица двух Бдительных у двери за его спиной. Они ему знакомы. Это его люди. Очень... неудачно. Император ощущает гнев, любопытство и на удивление острую печаль.

* * *

Такого чувства облегчения, которое охватило Тараса, когда он услышал быстро нарастающий шквал криков и оглянулся назад, он не испытывал никогда в жизни.

Он спасен, исполнение приговора отсрочено, его избавили от огромного бремени, которое навалилось на его плечи грузом непосильным, но слишком важным, чтобы можно было от него отказаться.

Среди шума, поразительного даже для Ипподрома, к нему подходил Скортий, и он улыбался.

Краем глаза Тарас заметил, что к ним спешит Асторг, его квадратное, грубое лицо было покрыто тревожными морщинами. Скортий подошел первым. Когда Тарас поспешно размотал с себя поводья первой колесницы и спрыгнул на землю, стаскивая серебряный шлем, он с опозданием увидел, что Скортий шагает и дышит с трудом, несмотря на улыбку. А потом заметил кровь.

— Привет. Трудное было утро? — весело спросил Скортий. Он не протянул руку за шлемом.

Тарас прочистил горло.

— Я... не слишком преуспел. Не смог...

— Он прекрасно справился! — сказал, подходя к ним, Асторг. — Что это ты тут делаешь?

Скортий улыбнулся:

— Справедливый вопрос. Но на него нет достойного ответа. Послушайте, вы оба. Возможно, у меня хватит сил на один заезд. Нам необходимо его использовать. Тарас, ты останешься в этой колеснице. Я буду твоим вторым. Мы выиграем этот заезд

и засунем Кресенза в стенку, или в спину, или в его собственную толстую задницу. Понятно?

Все-таки его не собираются спасать. Или, возможно, собираются, но по-другому.

— Я остаюсь первым возничим? — промямлил Тарас.

— Придется. Я могу не продержаться семь кругов.

— Забудь об этом. Твой лекарь знает, что ты здесь? — спросил Асторг.

— Совершенно случайно знает.

— Что? Он... разрешил тебе?

— Вряд ли. Он от меня отказался. Сказал, что не будет отвечать, если я здесь умру.

— О, прекрасно, — сказал Асторг. — Это я должен отвечать?

Скортий рассмеялся или попытался рассмеяться. Непроизвольно схватился рукой за бок. Тарас увидел, что к ним подходит распорядитель трека. Обычно такую задержку из-за разговоров на старте не допустили бы, но распорядитель был ветераном и знал, что имеет дело с чем-то необычным. Люди продолжали кричать. Все равно, они должны немного успокоиться, перед тем как можно будет начать заезд.

— С возвращением, Скортий, — деловито произнес он. — Ты участвуешь в этом заезде?

— Да, — ответил Скортий. — Как твоя жена, Дарвос?

Распорядитель улыбнулся:

— Лучше, спасибо. Мальчик выбывает?

— Мальчик будет править первой колесницей, — сообщил Скортий. — А я — второй. Исант выбывает. Асторг, сообщи ему, пожалуйста. И пусть перепрягут пристяжных так, как я люблю, хорошо?

Распорядитель кивнул головой и пошел предупредить людей на старте. Асторг продолжал смотреть на Скортия. Он не шевельнулся.

— Ты уверен? — спросил он. — Стоит ли? Ради одного заезда?

— Важного заезда, — ответил раненый. — На то есть несколько причин. Ты их не все знаешь. — Он слабо улыбнулся, но на этот раз глаза его не улыбались. Асторг еще мгновение поколебался, затем медленно наклонил голову и пошел ко второй колеснице Синих. Скортий снова повернулся к Тарасу.

— Хорошо. Значит, так. Две вещи, — тихо произнес «гордость Синих». — Первое, Серватор — лучший пристяжной Им-

перии, но только если его попросят. Иначе он самодоволен и ленив. Любит снижать скорость и смотреть на наши статуи. Накричи на него. — Он улыбнулся. — Мне потребовалось много времени, чтобы понять, чего я могу от него добиться. Если он будет бежать по внутренней стороне, ты сможешь получить такую скорость на поворотах, какой от него никогда бы не ожидал. Я и то не сразу поверил. На старте будь очень внимателен. Помнишь, как он умеет заставить остальных троих резко изменить направление?

Тарас помнил. Прошлой осенью это проделали с ним. Он кивнул, сосредоточился. Это был деловой разговор, профессиональный.

— Когда мне его стегать кнутом?

— Когда приблизишься к повороту. Бей с правой стороны. И все время выкрикивай его имя. Он слушает. Сосредоточься на Серваторе, с остальными тремя он справится сам.

Тарас кивнул.

— Слушай меня во время заезда. — Скортий снова прижал руку к боку и выругался, он старался дышать осторожно. — Ты из Мегария? Хоть немного говоришь на языке иниций?

— Немного. Все немного говорят.

— Хорошо. Если понадобится, я буду кричать тебе на этом языке.

— Как ты узнал...

Лицо старшего возницы внезапно стало лукавым.

— От женщины. Откуда еще мы узнаем все важные вещи в жизни?

Тарас попытался рассмеяться. У него пересохло во рту. В самом деле, рев толпы просто оглушал. На всем Ипподроме люди вскакивали на ноги.

— Ты сказал — две вещи?

— Да. Слушай внимательно. Мы хотели заполучить тебя к нам, потому что я знал, что ты возничий не хуже любого другого или даже лучше. Ты попал в ужасное положение, это несправедливо, ты никогда раньше не управлял этой квадригой, тебе пришлось сражаться с Кресензом и его вторым возничим. Ты просто полный кретин, если думаешь, что плохо выступал. Я бы тебе дал по башке, но мне будет очень больно. Ты выступил потрясающе, и любой человек, у которого есть хоть капля мозгов, это понимает, ты, саврадийская деревенщина.

Такое ощущение возникает, когда хлебнешь горячего вина с

пряностями в таверне в сырой зимний день. Именно так подействовали на Тараса эти слова. Собрав все свое самообладание, он ответил:

— Я знаю, что выступил потрясающе. Но тебе пора было вернуться и помочь мне.

Скортий хохотнул и скривился от боли.

— Молодец, парень. Ты на пятой дорожке, а я — на второй? — Тарас кивнул. — Хорошо. Когда будешь у линии, тебе хватит места, чтобы пойти наперерез. Следи за мной, доверься Серватору, а мне предоставь разделаться с Кресензом. — Он улыбнулся слабой улыбкой, в которой не было ни капли веселья.

Тарас посмотрел на мускулистого первого возничего Зеленых, который наматывал на туловище поводья на шестой дорожке.

— Конечно. Это твоя работа, — согласился Тарас. — Смотри, не подведи.

Скортий снова ухмыльнулся, затем взял парадный серебряный шлем, который все еще держал в руках Тарас, и отдал стоящему рядом с ними служителю. Взамен он взял у него потрепанный гоночный шлем. Сам надел его на голову Тараса, словно мальчишка-конюх. Рев на трибунах стал еще более оглушительным. За ними наблюдали, конечно, каждое их движение изучали, как хироманты изучают внутренности животных или звезды.

Тарас боялся, что сейчас расплачется.

— С тобой все в порядке? — спросил он. Сквозь тунику Скортия проступала кровь.

— С нами со всеми все будет в порядке, — ответил Скортий. — Если меня не арестуют за то, что я собираюсь сделать с Кресензом.

Он подошел к Серватору, несколько секунд гладил коня по голове и шептал ему что-то на ухо. Затем повернулся и прошел по диагональной линии ко второй колеснице Синих, с которой уже слез Исант — на его лице отражалось такое же облегчение, какое только что испытал Тарас, — и где служители поспешно перепрягали коней в соответствии с хорошо известными предпочтениями Скортия.

Скортий не сразу вскочил на колесницу. Он остановился возле четверки коней, потрогал каждого из них, пошептал, почти прижимаясь губами к их головам. У них сменился возница, и

им необходимо было это знать. Тарас, наблюдающий за ним, заметил, что он держался к жеребцам только правым боком и трогал их правой рукой, пряча от них кровь.

Тарас снова вскочил в свою колесницу. Снова начал наматывать на себя поводья. Стоящий рядом с Тарасом служитель отдал серебряный шлем другому конюху и поспешил ему на помощь, лицо его сияло от волнения. Кони вели себя беспокойно. Они видели своего привычного возницу, но сейчас он покинул их. Тарас взял в руку кнут. Вложил его пока в чехол рядом с собой. Сделал глубокий вдох.

— Слушайте, вы, тупые толстые клячи, — произнес он, обращаясь к самой прославленной гоночной упряжке в мире, тем мягким, успокаивающим тоном, которым всегда разговаривал с конями, — если вы на этот раз не будете бежать ради меня как следует, я сам отведу вас на живодерню, слышите?

Как здорово было это говорить! И чувствовать, что он может это сделать.

Последовавший за этим заезд помнили очень долго. Даже на фоне событий, случившихся в тот день и сразу же после него, первый послеполуденный забег второго дня гонок на Ипподроме в том году стал легендой. Посланник из Москава, который сопровождал великого князя и остался на всю зиму для ведения неспешных переговоров по поводу пошлин, присутствовал на Ипподроме и описал этот заезд в своем дневнике, и этой записи суждено было чудом уцелеть после трех пожаров в трех городах, между которыми прошло полторы сотни лет.

В тот день на Ипподроме находились люди, для которых гонки были важнее самых великих войн, смены власти и святой веры. Так бывает всегда. Подмастерье, десятки лет спустя, может вспомнить, что войну объявили в тот день, когда горничная наконец-то согласилась забраться с ним на сеновал. Рождение долгожданного здорового младенца родителям запоминается лучше, чем сообщение о вторжении вражеской армии или об освящении храма. Необходимость закончить жатву до морозов подавляет любую реакцию на смерть правителей. Расстройство желудка заставляет забыть о самых весомых декларациях патриархов церкви. Великие события эпохи представляются живущим в это время всего лишь декорациями для гораздо более

важных событий их собственной жизни. Да и как может быть иначе?

Точно так же многие мужчины и женщины, присутствовавшие на Ипподроме (а также те, которые не присутствовали, но позже заявляли об этом), придерживались своего собственного представления о случившемся. Это могли быть совершенно различные вещи, различные моменты, так как у каждого из нас есть в душе свои струны, и на нас играют по-разному, как на музыкальных инструментах. Да и как может быть иначе?

Карулл, который прежде был трибуном Четвертого саврадийского легиона и очень ненадолго стал килиархом кавалерии Второго кализийского, совсем недавно получил новое назначение. Он так и не отправился на север по причинам, пока ему непонятным, а стал личным гвардейцем Верховного стратига Леонта и получал жалованье (довольно солидное) из личных денег стратига.

Поэтому он все еще находился в Городе и сидел вместе с женой в военном секторе Ипподрома, смирившись с тем, что его новое положение и ранг не позволяют ему теперь стоять или сидеть среди болельщиков Зеленых. Среди окружавших их военных ощущалось скрытое, но заметное напряжение, и оно не было связано с гонками. Им дали понять, что сегодня здесь будет сделано важное объявление. Нетрудно догадаться, каким оно будет. Леонт пока еще не появился в катизме, императора тоже не было после полудня, но до вечера еще далеко.

Карулл бросил взгляд на жену. Касия впервые пришла на Ипподром и явно чувствовала себя неуютно в толпе. Конечно, сектор для военных не отличался такой несдержанностью, как стоячие места для Зеленых, но он все же тревожился за нее. Ему хотелось, чтобы ей понравилось, чтобы она присутствовала в конце дня, когда наступит памятный момент. Сам он побывал здесь утром и во время полуденного перерыва зашел за ней домой: требовать от Касии провести на Ипподроме весь день было бы слишком. Несмотря на все его надежды, он понимал, что она пришла сюда только из снисхождения к нему и его страсти к гонкам колесниц.

Собственно говоря, просто чудо, что женщина на такое способна.

К военным, особенно к тем, которые служат стратигу, в Го-

роде относились хорошо. У них были великолепные места, почти на уровне середины первого отрезка прямой и в самом низу. Большая часть толпы осталась позади и выше их, так что Касия могла сосредоточиться на лошадях и возницах внизу. Ему казалось, что это хорошо.

Находясь так близко и учитывая неровную линию старта, из-за чего внешние квадриги располагались на дорожках впереди, они сидели совсем рядом с последними тремя упряжками. Кресенз из команды Зеленых стартовал по шестой дорожке. Карулл указал на него жене и напомнил, что этот гонщик был среди гостей на их свадьбе, потом отпустил шуточку, когда первый возничий Зеленых ушел под трибуны перед самым началом заезда, оставив упряжку на попечение помощников. Касия слегка улыбнулась; один из офицеров рассмеялся.

Карулл изо всех сил старался сдерживаться, хотя был очень взволнован и очень счастлив, и не рассказывать своей жене обо всем происходящем. Она знала, что Скортий пропал. Это знали все в Сарантии. Однако он уже понял к этому моменту, что его голос успокаивает ее, как и его присутствие, поэтому все же кратко объяснил ей (так кратко, как только мог) тот обмен, в результате которого правого пристяжного в квадриге Кресенза обменяли на молодого возницу, который сейчас находился на пятой дорожке в серебряном шлеме Синих. О правых пристяжных он ей тоже рассказал. А это само собой повлекло рассказ о левых пристяжных, что, в свою очередь...

Кое-что из этого ее заинтересовало, хотя не так, как он ожидал. Она больше расспрашивала его о том, как можно продать парня из одной команды в другую и понравилось ли ему это или нет. Карулл заметил, что никто не заставлял его участвовать в гонках или оставаться в Сарантии, но ему почему-то показалось, что он не ответил на то, что скрывалось в ее вопросе. Он сменил тему, указав ей на ряд статуй за дорожками.

Затем зрители взревели, он быстро повернулся к туннелю, и у него отвисла челюсть, когда Скортий и Кресенз вместе вышли на песок.

Люди видят разные вещи, запоминают разные вещи, хотя все могут смотреть в одном направлении. Карулл был солдатом, он всю свою взрослую жизнь был им. Он увидел, как шагает Скортий, и тут же сделал выводы, еще до того, как они подошли ближе и он заметил кровь на левом боку этого человека. Это повлияло на все, что он увидел и почувствовал, когда начался забег, и на все, что он потом вспоминал: вся вторая половина дня приобрела оттенок красного цвета, с самого начала, прежде чем они обо всем узнали.

Касия ничего этого не заметила. Она наблюдала за другим человеком — он находился совсем близко от них, — за тем из Зеленых, который сейчас снова встал на свою колесницу: мускулистым, уверенным в себе, окруженным вниманием. Люди вокруг него смеялись его шуткам, как смеются, когда шутит некто важный, вне зависимости от того, смешные ли это шутки.

Кресенз из команды Зеленых находился на самом пике своей профессиональной карьеры, как ей рассказал Карулл (среди многих других вещей), на прошлой неделе и сегодня утром он победил в очень важных гонках в отсутствие Скортия. Зеленые были в восторге, купались в лучах его славы, а сам он откровенно торжествовал.

Касию искренне заинтересовало то, как легко она смогла заметить в нем страх.

Он стоял прямо под ними в своей колеснице, методично наматывая поводья вокруг тела. Это Карулл ей тоже объяснил. Но всадник Зеленых все время оглядывался назад и налево, где другой возничий, Скортий, сейчас залезал в колесницу, ближе к тому месту, где стояли все статуи. Интересно, подумала Касия, видят ли остальные эту тревогу или просто дело в том, что после года, прожитого у Моракса, она настроена на подобные вещи. Неужели так будет всегда?

— Святой Джад на солнце, он скачет на второй колеснице! — выдохнул Карулл, словно читал молитву. В его голосе звучало восхищение; на лице, когда она бросила на него взгляд, застыло выражение, похожее на страдание.

Она так заинтересовалась, что задала вопрос. Он объяснил ей и это тоже. И объяснил быстро, потому что как только все поводья были на месте и помощники отбежали прочь на внешнюю и внутреннюю стороны дорожек и то же самое сделали служители в желтых одеждах, распорядитель Сената в катизме уронил белый платок. Горн протрубил единственную ноту, серебряный морской конек нырнул сверху вниз, и гонки начались.

И тогда взметнулась туча пыли.

В тот день Клеандр Бонос перестал быть болельщиком Зеленых. Он не перешел в другую факцию, а скорее — как часто объяснял потом, в том числе в своей памятной речи на суде по обвинению в убийстве, — почувствовал, что поднялся *над* приверженностью к одной факции во время первого заезда, после полудня во второй день гонок на Ипподроме, той весной.

Возможно, это произошло еще до начала заезда, когда он увидел, как человек, которого его друзья пырнули ножом и избили ногами на темной улице, человек, которому, как он сам слышал, велели лежать в постели до лета, вышел на песок и заявил свои права на вторую колесницу Синих. А не на серебряный шлем, принадлежащий ему по праву.

Или даже еще раньше, можно сказать и так. Ибо Клеандр, который искал глазами свою мать и бассанидского лекаря, всматривался в глубину туннеля, а не любовался возничими, занимающими свои места на дорожках. Он сидел внизу и достаточно близко, поэтому он — может быть, единственный из восьмидесяти тысяч зрителей, — заметил, как Кресенз, возничий Зеленых, изо всех сил ткнул локтем в бок какого-то человека, как раз тогда, когда они вышли на свет, а затем он увидел, кто этот человек.

Это он запомнил навсегда. Его сердце сильно забилось и продолжало молотом стучать в груди все время до старта заезда, который начался как раз в тот момент, когда его мать и лекарь вернулись на свои места. Они оба, когда он бросил на них взгляд, показались ему неожиданно напряженными, но Клеандру некогда было задуматься над этим. Шли гонки, и Скортий вернулся.

Морской конек нырнул вниз. Восемь квадриг рванулись с изломанной стартовой линии к белой отметке на дорожке, после которой они могут покинуть свои дорожки и начать свои опасные маневры.

Инстинктивно и по привычке взгляд Клеандра метнулся к Кресензу, когда первый возничий Зеленых стегнул свою упряжку кнутом, стартуя по шестой дорожке. Неудачная стартовая позиция, но парень, управляющий первой колесницей Синих, находился на пятой, так что это не имело особого значения. Скортий стоял гораздо дальше, на второй дорожке, и его упряжка была слабее. Клеандр не понял, как и почему это произошло. Второй возничий Зеленых получил дорожку у самого

ограждения и должен был постараться удержать ее, пока Кресенз не пробьется к нему.

Так обычно разворачивались события при подобном распределении мест на старте.

Но на этот раз, кажется, Кресензу предстояло двигаться по более медленному маршруту. Упряжка Тараса, первого возничего Синих, по крайней мере не уступала в скорости упряжке Кресенза. Кресенз не мог подрезать его у белой линии, не перевернув и не подставив собственную упряжку. Две другие первые упряжки подоспеют вместе, и тогда Зеленые вдвоем возьмут в оборот возницу Синих, как они делали все утро. Заезд длинный, семь кругов. Времени полно.

Но все знали, что старт имеет громадное значение. Гонка могла закончиться раньше, чем будет пройден первый участок. А в этом заезде участвовал Скортий.

Клеандр повернулся, чтобы посмотреть, что происходит со второй упряжкой Синих, и больше не отрывал от нее глаз. Скортий точно предвидел время появления платка и сигнал горна, превосходно провел старт и уже яростно хлестал коней. Он вихрем пересек линию, увеличивая расстояние между собой и Зелеными у ограждения. Возможно, ему даже удастся занять внутреннюю дорожку, как только они достигнут белой полосы. Она уже близко.

— Который из них он? — спросила сидящая рядом мачеха.

— На второй дорожке, — хрипло ответил Клеандр и показал рукой, не отрывая взгляда от трека. Только позднее ему пришло в голову, что называть имя не возникло необходимости. — Он правит второй колесницей, а не первой! Смотри, как он попытается занять внутреннюю дорожку.

Копыта коней ударили по белой полосе. Скортий не стал пытаться пробиться к ограждению.

Вместо этого он резко повернул вправо, двинулся к краю дорожек, далеко обогнав менее быстрые квадриги Белых и Красных на третьей и четвертой дорожках. Оба возницы воспользовались неожиданно появившимся свободным пространством и рванулись позади него влево, пожертвовав скоростью ради жизненно важных внутренних дорожек.

Позднее Клеандр поймет, какую это сыграло роль. Они ушли влево, для этого им пришлось снизить скорость, и, таким образом, образовалось свободное пространство. Все дело было в пространстве. Клеандру потом казалось, когда он вспоминал

эти события, что эти гремящие, скученные на старте колесницы, вращающиеся колеса, тридцать два несущихся коня, машущие кнутами напряженные люди были маленькими деревянными фигурками, которыми мальчишка играет в Ипподром на полу своей спальни. И этим подобным богу мальчишкой был Скортий.

— Берегись! — крикнул чей-то голос прямо у них за спиной. И не без основания. Две квадриги Синих шли пересекающимся курсом, мальчик на первой колеснице, как и ожидалось, рвался к внутренней стороне, Кресенз скакал рядом с ним, а Скортий устремился прямо на них обоих, совершенно не в том направлении, прочь от ограждения. Клеандр видел, что рот Скортия широко раскрыт и он что-то кричит в этом хаосе пыли, скорости и неожиданности.

Затем все стало понятным, ибо произошло нечто изумительное, все стало ясно, насколько что-то может быть ясным в ярости и грязи человеческой жизни, если разбираться в ней настолько, чтобы это увидеть.

И тщательно вглядываясь в свои воспоминания, возвращаясь назад по дуге своих чувств, Клеандр в конце концов решил, что это и был тот истинный момент, когда верность и преданность уступили место чему-то иному в его душе. Это желание никогда не покидало его, всю жизнь: увидеть еще раз такой блеск мастерства, грации и мужества, в каких бы цветах он ни был представлен, в момент ослепительного, освещенного солнцем торжества на дорожках Ипподрома.

В каком-то смысле его детство закончилось, когда Скортий направил колесницу к внешней, а не к внутренней дорожке.

Его мачеха видела только ту же тучу пыли и бешеное движение в начале, что и Касия, и сидела почти на том же уровне, только немного дальше. В ней бушевало смятение, и она совершенно не в состоянии была отличить хаос внизу от хаоса внутри себя. Ей было нехорошо, ей казалось, что ее сейчас стошнит, а это было бы унизительно в публичном месте. Она ощущала присутствие бассанидского лекаря с другой стороны, и ей хотелось осыпать его проклятиями за то, что из-за него она оказалась здесь, и за то, что он видел... Хотя что мог он увидеть в тусклом свете под трибунами?

Если он произнесет хоть одно слово, решила Тенаис, хотя бы спросит, как она себя чувствует, она... она не знала, что сделает.

И это было так возмутительно, так непривычно для нее — не знать точно, что ей делать. Он молчал. Слава богу. Положил рядом с собой посох, — смехотворный обман, почти такой же нелепый, как его крашеная борода, — и вместе со всеми остальными, казалось, был поглощен колесницами. Для этого они все и пришли сюда, не так ли? Ну, это так, все, кроме нее.

«Надеюсь, ты выиграешь этот заезд», — сказала она ему. В том странном рассеянном свете. После того, как пыталась его убить. Она представления не имела, почему произнесла эти слова, они просто родились из смятения в ее душе. С ней никогда не происходило ничего подобного.

В святых церквах Джада провозглашали и учили, что демоны полумира всегда находятся совсем рядом со смертными мужчинами и женщинами и они могут войти в тебя, сделать тебя не такой, какой ты была всегда. Кинжал снова спрятан у нее под плащом. Он вернул его ей. Она задрожала под лучами солнца.

Тут лекарь посмотрел на нее. Но ничего не сказал. К счастью. И снова повернулся к дорожкам.

— Который из них он? — спросила она у Клеандра.

Он ответил, показал рукой, не отрывая глаз от невероятного столпотворения внизу.

— Он правит второй колесницей, а не первой! — крикнул он.

Очевидно, это что-то означало, но она не имела ни малейшего представления, что именно. Как и о том, что это отчасти имело отношение к ней и к тому, что она сказала насчет победы в этом заезде.

Рустем нашел глазами своего пациента и стал наблюдать за ним с самого начала, как только спустился вниз и сел на место, сразу же после сигнала горна. Увидел, как он правит четырьмя мчащимися лошадьми левой рукой, со стороны раны в боку, а правой работает кнутом, абсурдно далеко вытянувшись вперед на неустойчивой, подпрыгивающей платформе, на которой стоят возницы. Затем увидел, как Скортий сильно откинулся вправо, и Рустему показалось, что возничий тащит свою упряжку в

ту сторону своим собственным искалеченным телом, вытянутым над сверкающими вращающимися колесами.

Внезапно, вопреки ожиданиям, он почувствовал, что волнуется. Тот кинжал, который у него на глазах сверкнул и упал на землю под трибунами, оказался, собственно говоря, совершенно ненужным, подумал он.

Этот человек вознамерился убить себя на глазах у всех.

В свое время он принадлежал к числу самых прославленных возничих, которые когда-либо правили квадригами на Ипподроме.

На спине стояло три его статуи, и одна из них — из серебра. Первый император Валерий — дядя нынешнего — дважды был вынужден возвращать его после выхода в отставку, так настойчиво его умоляли завсегдатаи Ипподрома. В третий и последний раз, когда он покидал дорожку, они устроили ему шествие от форума перед Ипподромом до стен города со стороны суши, и на всем пути вдоль улиц стояли люди в несколько рядов. Две тысячи человек — так, по крайней мере, сообщалось в отчете городской префектуры.

Асторг, факционарий Синих (некогда принадлежавший к факции Зеленых), не страдал ни ложной скромностью, ни чрезмерным восхищением перед собственными достижениями на этом песке, где он сражался и побеждал и снова побеждал неизменно все новых противников и Девятого Возницу на протяжении двух десятков лет.

Теперь перед ним был самый последний из этих противников — тот, из-за которого он ушел в отставку, — и он правил второй колесницей со сломанными ребрами и открытой раной и был уже не молод. Из всех тех, кто наблюдал за первыми мгновениями гонки, именно факционарий Асторг — грубый, покрытый шрамами, невероятно опытный и славящийся своей сдержанностью — первым понял, что происходит. Он одним взглядом оценил восемь квадриг, их скорость, угол движения, возниц и их возможности. И тогда он вслух вознес яростную быструю молитву запрещенному, святотатственному, необходимому им Геладикосу, сыну бога.

Он стоял у внешней стены во время старта, там, где стоял всегда, на расстоянии двух третей прямого отрезка от меловой линии, в безопасной зоне, отведенной служащим Ипподрома

между внешним ограждением и первыми рядами сидений, которые здесь установлены. Поэтому у него возникла иллюзия, что Скортий мчится прямо на него, когда тот предпринял этот абсурдный, беспрецедентный рывок к внешней стороне, а не к внутреннему ограждению.

Он услышал, как «гордость Синих» (он, который и сам был некогда этой «гордостью») кричит, перекрывая гром и рев, и он стоял достаточно близко и понял, что тот кричит на языке инициев, который немногие из них знали. Асторг был одним из тех, кто знал. Этот мальчик, Тарас из Мегария, оказался вторым. Асторг увидел, как парень быстро дернул головой влево и среагировал мгновенно, ни на секунду не задумываясь над тем, что делает. Асторг перестал дышать, бросил молиться, только смотрел.

Парень тоже закричал — выкрикнул имя Серватора — и сильно хлестнул кнутом коня по правому боку. Это произошло на головокружительной, совершенно безумной скорости, в опасной близости от толчеи старта, среди тридцати двух жеребцов, которые молотили копытами как сумасшедшие.

В одну и ту же точно рассчитанную долю секунды без всякого запаса пространства, так близко друг от друга, что между колесами не видно было ни малейшего просвета, Скортий и Тарас перебросили свои тела влево, увлекая за собой свои упряжки и колесницы. Грохот оглушал, пыль стояла удушающим облаком.

И сквозь эту пыль, прямо перед собой, словно все это было проделано ради его личного развлечения — словно танцоров нанял на вечер аристократ, — Асторг увидел, что произошло дальше. Он был растроган и преисполнен восхищения, так как знал: несмотря на все, что он сделал здесь за всю свою карьеру, под бурные аплодисменты двух тысяч зрителей, выкрикивающих его имя, даже в дни своего расцвета, на пике славы, он не мог бы задумать то, что осуществил сейчас Скортий.

Тарас поворачивал к внешней стороне, а Скортий — к внутренней. Прямо навстречу друг другу. Когда парень резко натянул поводья влево, великолепный Серватор потянул трех других коней и колесницу поперек дорожек точно таким же маневром, который еще помнили посетители Ипподрома по последнему дню осенних гонок, когда Скортий проделал это с ним самим. И в этом была внушающая уважение элегантность, совершенст-

во. Знакомая цитата, повторенная и использованная еще раз, но по-новому.

А Скортий одновременно бросил свою упряжку так же резко влево, точно в нужное мгновение, иначе эти две колесницы разнесли бы друг друга в щепки, кони с диким ржанием столкнулись бы, а возницы взлетели бы в воздух и превратились в груду переломанных костей. Его упряжка повернула — колеса заскользили, потом вонзились в колею — и выпрямилась с потрясающей точностью прямо рядом с Кресензом и его упряжкой. На полном скаку.

Тем временем упряжки на третьей и четвертой дорожках устремились к внутреннему краю.

Конечно, так и должно было быть. Для них освободилось место, когда Скортий рванул со старта и пошел наискосок. Они замедлили темп, ухватившись за эту удивительную возможность, и разошлись, словно двустворчатые двери во дворце, перед Тарасом, открывая ему путь для яростного рывка влево, а потом обратно. И таким образом он обнаружил перед собой свободное, чистое, замечательное пространство открытой дорожки у внутреннего ограждения.

Он оказался прямо позади номера второго Зеленых, а затем, — опять прибегнув к помощи кнута, — рядом с ним, на входе в самый первый поворот под катизмой. Он шел по более широкой дуге, но у него была лучше упряжка, он все еще держал сильный наклон влево и выкрикивал имя своего великолепного ведущего жеребца, позволяя Серватору скакать вплотную к Зеленым, а затем обогнал их на выходе из поворота. И вот перед ним не осталось ничего и никого на дорожке, когда они вышли на дальнюю сторону... И все это было проделано одним-единственным рывком.

Асторг плакал. Он был потрясен, словно лицезрел нечто божественное в святилище, и понимал, что только что видел произведение не менее совершенное, чем творение любого художника: ваза, драгоценный камень, поэма, мозаика, настенное панно, золотой браслет, усыпанная камнями искусственная птица.

И еще он понимал, что такой образец искусства проживет не дольше созидающего мгновения, и о нем будут говорить только те, кто вспомнит, правильно или неправильно, кто видел, видел неточно или совсем не видел, что эти воспоминания

будут искажены памятью, желанием или невежеством и что это достижение записано будто на воде или на песке.

Это было ужасно важно, но в данный момент — совсем неважно. Может ли подобная хрупкость, лежащее в основе непостоянство придать еще большее величие такому творению? Тому, что исчезнет, как только будет создано? В этот момент, думал Асторг, сжимая своими большими руками деревянные перила, — в это единственное, безупречное, алмазное мгновение, предложенное временем, — именно эти два возничих, юноша и направляющий его гений, были властелинами мира на божьей земле, повелителями императоров, всех мужчин и женщин, подверженных ошибкам и несовершенных, которые однажды потерпят поражение и умрут, ничего не оставив после себя, исчезнут в момент своего создания.

Плавт Бонос вскочил в императорской ложе, когда две первые колесницы понеслись по направлению к ним и вместе вошли в первый поворот, грохоча колесами. Он был необъяснимо взволнован происходящим и на короткое мгновение смутился, но тут же заметил, что еще полдюжины сверхвоспитанных, пресыщенных придворных тоже вскочили с мест. Он молча переглянулся с императорским шталмейстером и снова повернулся лицом к дорожкам.

У них над головами, на изогнутом потолке катизмы, была изображена квадрига. На ней стоял мозаичный Сараний, увенчанный лаврами победителя. Внизу юноша-возничий Синих, которому, несмотря на проявленное мужество, не хватило мастерства на прошлой неделе и сегодня утром, сейчас вопил, как варвар, на своих коней и хлестал их кнутом. Он пронесся мимо второй колесницы Зеленых еще на повороте у катизмы.

Это иногда случается, это можно сделать, но не так просто и нечасто, и те, кто разбирается в гонках, сознают связанные с этим риск и мастерство. Бонос наблюдал. Теперь нельзя было сказать, что этому мальчику Тарасу недостает мастерства или уверенности в себе.

Его колесница теперь неслась не за упряжкой Зеленых и не рядом с ней.

Он стартовал по пятой дорожке. Вышел вперед на пол-упряжки после первого поворота, а потом на целую длину упряжки, а затем плавно, как скользит по коже восточный шелк, дал

Серватору проскользнуть к ограждению на дальнем отрезке прямой.

Бонос инстинктивно повернулся назад и посмотрел на Скортия и Кресенза. Они подошли к повороту бок о бок, но по самой широкой части трека, так как Скортий отказывался пропустить внутрь второго возничего и сам не высказывал ни малейшего желания сместиться туда. Он правил второй квадригой. Его задачей было обеспечить победу первому возничему своей команды. Как можно дольше держать Кресенза на расстоянии было способом добиться именно этого.

— Другие Зеленые их догоняют, — хриплым голосом произнес императорский шталмейстер. Бонос взглянул и увидел, что это правда. Второй возничий Зеленых, оказавшись перед жалким выбором — гнаться за молодым лидером Синих или вернуться на помощь своей первой квадриге — выбрал последнее. Помимо прочего, Кресенз Сарникский славился своим горячим нравом и привычкой пускать в ход кнут, чтобы проучить других возниц, забывших, кто первый возничий Зеленых.

— Теперь они попытаются занять второе и третье место, — произнес Бонос, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Он может догнать этого парня, если быстро освободится. Мы даже еще не закончили круг. — Шталмейстер был заметно взволнован. И Бонос тоже. При всем том, что еще должно было случиться сегодня, включая войну, которая изменит их мир, драма внизу захватывала.

Второй номер Зеленых сбрасывал скорость, отставал, оглядываясь через правое плечо, чтобы прикинуть угол. Когда двое прославленных возниц показались из-за поворота, по-прежнему на приличном расстоянии друг от друга, вторая упряжка Зеленых начала сдвигаться по направлению к Скортию. И оказалась впереди. Возница Зеленых мог безнаказанно занять положение прямо перед ним. Это было дело тонкое — ему надо было остановить продвижение квадриги Синих и найти способ дать свободу своему лидеру, чтобы тот резко свернул к внутреннему ограждению и бросился догонять мальчишку, возглавившего гонку. Именно этим и занимались вторые упряжки, именно этому их обучали.

Все три квадриги начали сближаться, сливаться в одну фигуру о шести колесах, с двенадцатью конями, посреди пыльного вихря и оглушительного шума.

— Полагаю, — вдруг сказал Бонос, — что Скортий это тоже предвидел.

— Что? Невозможно, — ответил императорский шталмейстер в тот самый момент, который доказал, что он ошибается.

Ему приходилось быть осторожным, крайне осторожным. Если Скортий сейчас нарушит правила, заденет одного из этих двоих, победу Синих аннулируют. Эта возможность всегда ограничивала действия вторых возниц или возниц второстепенных цветов. Одетые в желтое чиновники стоят вдоль всего трека, наблюдая за ними.

Кроме того, он остро сознавал, что хотя ему, возможно, и удастся продержаться семь кругов и не рухнуть, но на маневры сил у него немного. Каждый неглубокий вдох сопровождался болью. Сама мысль о том, чтобы снова натянуть поводья упряжки, заставила его пожалеть, что он еще не умер.

Он знал, что вокруг его ступней натекла лужа крови, опасно скользкая. Он не смотрел вниз.

Он следил за второй упряжкой Зеленых, которая возвращалась к ним. Он знал, что так будет. Кресенза товарищи по команде боялись. И если они не уверены в том, что надо делать, то должны прийти к нему на помощь. Неплохая привычка в целом, но бывают моменты, когда она подводит. Скортий намерен сделать так, чтобы на этот раз их выбор оказался неудачным.

Он рисовал себе эту картину с той секунды, когда вышел на трек и увидел, что на новом правом пристяжном в упряжке Кресенза на шестой дорожке нет шор.

Скортий знал коня, которого они обменяли. Очень хорошо знал. Еще зимой отложил про запас в голову кое-какие сведения. Очевидно, это не выплыло во время гонок на прошлой неделе или этим утром: упряжка Кресенза редко оказывалась на крайней внешней дорожке.

А теперь она может оказаться там с минуты на минуту.

Вторая упряжка теперь находилась прямо перед ними, но не слишком близко, что давало возможность отойти дальше в сторону и заставить Скортия сделать то же самое. Кресенз также находился немного впереди от него с внешней стороны, что увеличивало риск нарушить правила, если он слишком далеко отойдет в сторону и заденет другую упряжку. Зеленые пытались

заставить его осадить коней. Как только он это сделает, вторая упряжка перед ним сделает то же самое, а Кресенз пустит в ход кнут и вырвется вперед, обогнав их обоих. Они это умели делать. Это была тонкая работа, требующая большой точности на огромной скорости, но они были опытными возницами, проработавшими вместе целый год.

Это не имело значения.

Он позволил упряжке продвинуться чуть вперед, совсем немного. Кресенз быстро оглянулся, выругался, оскалил зубы. Если вторую упряжку Зеленых заподозрят в том, что она оттеснила Скортия, то нельзя будет обвинить соперника в нарушении правил. Особенно вернувшегося чемпиона: все трое знали, что сегодня это тоже было частью игры.

Кресенз ушел немного дальше, ближе к ограждению.

Скортий и второй номер Зеленых последовали за ним. Они уже прошли большую часть дальнего отрезка прямой. Скортий соскользнул еще правее, совсем чуть-чуть. Ему приходилось быть очень осторожным, ведь это не его привычная упряжка. Все три колесницы теперь мчались устрашающе близко друг от друга. Если бы их колеса были снабжены шипами, как бывало в древности, в Родиасе, кто-нибудь уже вылетел бы из разбитой колесницы.

Кресенз еще раз проревел проклятие в адрес своего товарища по команде и отодвинулся еще дальше. Собственно говоря, дальше уже было невозможно, он летел по самой крайней дорожке, у самого ограждения, мимо бушующей, орущей, потрясающей кулаками толпы, вскочившей на ноги.

Новому правому пристяжному Зеленых не понравилось, что рядом с ним так громко кричат и размахивают кулаками. Совсем не понравилось. Этому коню нужны шоры справа. Этого еще никто не понял. Кресенз никогда не скакал на нем по крайней дорожке, это всего вторая их встреча в этом году. Зеленые еще не успели ничего понять.

И допустили ошибку.

Скортий держался на том же уровне, выжидая подходящий момент. На лице Кресенза застыла напряженная, мрачная улыбка, квадриги неслись на полной скорости. Теперь, когда он был у самого ограждения, любое дальнейшее движение Скортия по направлению к нему сочли бы нарушением правил. Вторая колесница Зеленых, все еще скачущая впереди, могла без

риска проскользнуть немного дальше и сбросить скорость, и Скортию пришлось бы резко натянуть поводья.

Отработанная стратегия, разумный расчет. Могло получиться, если бы правый пристяжной как раз в этот момент не дернул головой, ослепленный паникой, близостью ревущей толпы, и не сбился с шага, безнадежно сбив трех остальных коней. Это произошло именно в ту секунду, когда второй номер Зеленых выполнял совершенно правильный тактический маневр, сдвигаясь немного вправо и слегка замедляя темп.

Скортий все же натянул поводья изо всех сил, как им хотелось, даже немного раньше, чем они ожидали, словно испугался или проявил слабость.

И при этом он смог очень ясно и с близкого расстояния рассмотреть столкновение. Квадрига Кресенза устремилась к внутренним дорожкам, куда ее потянул впавший в панику, бесспорно могучий новый правый пристяжной конь, а другая упряжка продолжала движение к внешней стороне. К несчастью, они столкнулись.

Два колеса отлетели мгновенно. Одно повисло в воздухе, подобно метательному диску, и полетело, вращаясь, к спине. Один конь заржал и споткнулся, увлекая за собой в падении остальных. Колесницу занесло боком, она врезалась в ограждение, а потом отскочила в противоположную сторону, и Скортий, резко поворачивая влево (и на этот раз он громко закричал от боли при этом усилии), увидел, как сверкнул нож Кресенза, когда тот перерубил поводья и отчаянным прыжком выскочил из колесницы.

Он промчался мимо и не увидел, что случилось со вторым возницей Зеленых и с конями, но знал, что они упали.

Он прошел поворот, потом оглянулся. Увидел, что теперь Красные и Белые скачут за ним, все четверо, тесной группой, работая изо всех сил. У него возникла новая идея. Его взор снова закрыла эта странная красная пелена, но он внезапно решил, что, возможно, ему хватит сил внести еще один, последний элемент в бессмертную славу этого дня.

Впереди него этот мальчик, Тарас, тормозил колесницу, глядя назад. Он поднял руку с кнутом и махнул Скортию, показывая вперед, предлагая возглавить гонку и одержать победу.

Но этого он как раз не хотел по нескольким причинам. Он покачал головой и, когда приблизился к молодому вознице, крикнул на языке инициев:

— Я тебя кастрирую тупым ножом, если ты не выиграешь этот заезд. Вперед!

Парень улыбнулся. Он понимал, что они только что сделали. Все великолепие этого маневра. Ведь он был профессионалом. Он рванулся вперед. Пересек линию финиша и выиграл первые крупные гонки в своей жизни.

Первая из следующих тысячи шестисот сорока пяти побед для Синих. К тому времени, через восемнадцать лет, когда парень в той колеснице вышел в отставку, только два человека в долгой истории сарантийского Ипподрома выиграют больше гонок, и никто из его преемников не достигнет такого результата. Три статуи Тараса Мегарийского на спине будут повержены вместе с остальными семьсот лет спустя, когда наступят большие перемены.

Первый возница Белых пришел в этом заезде вторым, второй возница Белых пришел третьим. Отчет о гонках в тот день, как всегда, тщательно составленный чиновниками, свидетельствовал, что Скортий, возница Синих, намного отстал от них в единственном для него в тот день заезде.

Конечно, отчеты способны упустить главное. Очень многое зависит от того, что еще сохранилось — в письменном виде, в искусстве, в памяти, и насколько верно, или неверно, или смутно.

Факция Синих, вместе со своими напарниками Белыми, заняла первое, второе и третье места. И четвертое. Четвертое в заезде, который, принимая во внимание все обстоятельства, мог считаться самым блестящим триумфом за всю его карьеру на Ипподроме, занял Скортий Сорийский, который заставил упряжки Белых обогнать его и уйти вперед, аккуратно заблокировав двух невезучих возничих Красных — все, что осталось от команды факции Зеленых.

Он должен был умереть, когда закончилась эта гонка. В каком-то смысле ему следовало умереть, как он думал иногда потом, долгими ночами, чтобы его жизнь гонщика получила идеальное завершение.

Люди, подбежавшие к нему после заезда, увидели вокруг его промокших сандалий лужу крови. Вся платформа колесницы стала скользкой от крови. На последних метрах гонки Девятый Возница скакал рядом с ним, совсем близко, начиная с того момента, когда нырнул пятый морской конек, а на последнем отрезке прямой приблизился совсем вплотную, пока он выписывал зигзаги, сдерживая Красных, и уже почти не мог дышать. В конце концов он остался один на дорожке, его товарищи по команде уже завершили гонку, а квадриги Красных отстали.

Один, не считая этого невидимого Девятого рядом с ним. Они соприкасались колесами, и Девятый Возница был черным, каким его описывали приметы, но еще и красным, как этот день. Но потом необъяснимым образом он отстал и предоставил этому безрассудному смертному мчаться дальше в потоке солнечного света, собранного в этом колоссальном, бурлящем котле из звуков, в который превратился Ипподром.

Никто этого не знал, никто из восьмидесяти тысяч собравшихся там не мог знать, но в тот день в Сарантии ему предстояло найти себе жертву более высокого ранга.

Он еще успеет забрать возничего.

Скортий сбросил скорость прямо на линии финиша, и зашатался, а квадрига постепенно, неуклюже остановилась. Он был не в силах даже начать выпутываться из поводьев, которые тоже уже насквозь пропитались кровью. Он был один, стоял неподвижно, полностью обессиленный.

Ему пришли на помощь, прибежали со всех ног через дорожки, оставив мальчика и две квадриги Белых совершать круг почета. Асторг и два служителя перерезали поводья и освободили его, нежно, словно он был младенцем. Он увидел с некоторым удивлением, что все трое плачут, как и другие люди, подбежавшие следом, даже распорядители. Попытался что-нибудь сказать по этому поводу, пошутить, но не смог говорить. Очень трудно было дышать. Он терпел, пока они помогали ему добираться назад, под трибуны, сквозь окрашенный красным воздух.

Они прошли мимо Кресенза, стоящего в отведенном Зеленым пространстве вдоль спины. Кажется, с ним все в порядке, и другой возница Зеленых тоже стоял там. У них были странные лица, словно они боролись с каким-то чувством. Правда, стоял ужасный шум. Даже больший, чем обычно. Его провели, — а скорее пронесли, — через Врата Процессий в тускло освещенный атриум. Здесь было несколько тише, но ненамного.

Там оказался бассанид. Еще одна неожиданность. Рядом с ним стояли носилки.

— Положите его, — резко приказал он. — На спину.

— Я думал... ты от меня отказался, — удалось выговорить Скортию. Первые слова. Ему было так больно. Его положили на спину.

— Я тоже, — ответил седой лекарь с востока. Он сердито отбросил свой посох. — Теперь здесь два глупца, правда?

— О, по крайней мере, — ответил Скортий и тут наконец-то по великой милости Геладикоса потерял сознание.

Глава 11

Невозможно отрицать ту истину, что главные события века происходят, лишь краем задевая течение жизни большинства людей. Знаменитая пьеса первых лет существования восточной империи начинается с того, что пастухи ссорятся из-за перемешавшихся стад, и в это время один из них замечает вспышку света на востоке, где что-то падает с неба. Пастухи на склоне холма ненадолго прерывают спор, чтобы обсудить это событие, потом возвращаются к прежним делам.

Гибель упавшей колесницы Геладикоса, который нес людям огонь своего отца, не может сравниться по значению с кражей овцы. Драма Софенидоса (позднее запрещенная церковниками как еретическая) после такого начала переходит к рассмотрению вопросов веры, власти и величия, и в ней содержится знаменитая речь Гонца о дельфинах и Геладикосе. Но начинается пьеса на том склоне холма и заканчивается там же принесением в жертву той самой спорной овцы — с использованием только что полученного в дар огня.

Тем не менее, несмотря на всю правдивость наблюдения Софенидоса о том, что крупные мировые события могут и не казаться таковыми живущим в данное время, также правда и то, что бывают мгновения и места, которые следует по праву считать центральными для всей эпохи.

В тот день, ранней весной, на земле было два таких места, находящихся далеко друг от друга. Одно лежало в пустыне Сорийи, где человек в капюшоне, прикрыв полоской ткани рот, хранил молчание среди сыпучих песков. Он всю предшествующую ночь не спал, постился и смотрел на звезды.

Вторым местом был туннель в Сарантии между дворцами.

Он стоит там, где стены и пол делают поворот, глядя на факелы и на потолок, где нарисовано ночное небо, на мозаичных зайцев, фазанов и других лесных животных на лесной поляне на полу — иллюзия художника, изобразившего мир природы здесь, под землей, внутри городских стен. Он знает, что языческие верования говорят о присутствии в земле темных сил и мертвые лежат под землей, если их не сжигают.

Впереди его поджидают люди, которых здесь быть не должно. Он догадался об этом по размеренным, неспешным шагам за спиной. Преследователи не опасаются, что он от них убежит.

Его охватывает любопытство, которое можно считать определяющей чертой характера императора Сарантия, чей мозг без конца занят трудными задачами и загадками мира, созданного богом. Гнев, который он ощущает, менее характерен для него, но не менее силен сейчас, а непрерывно пульсирующая в нем печаль, похожая на тяжелое сердцебиение, посещает его очень редко.

Было — и есть — так много всего, что он хотел сделать.

Через секунду он делает вот что: вместо того, чтобы продолжать ждать, подобно одному из зайцев, замерших на мозаичной поляне, он поворачивается и идет назад, к людям сзади. Иногда человек может выбрать момент и место своей смерти, думает тот, кого мать назвала Петром в Тракезии, почти полвека назад, и чей дядя — солдат — вызвал его в Сарантий в начале его взрослой жизни.

Однако он не смирился со смертью. Джад ждет всех живущих мужчин и женщин, но императора он наверняка может подождать еще немного. Наверняка может.

Он считает, что сумеет справиться даже с этой неожиданностью, какой бы она ни оказалась. Ему нечем защищаться, если не считать простого довольно тупого кинжала у пояса, который он использует, чтобы вскрывать печати на посланиях. Это не оружие. И он не воин.

Он совершенно уверен, что знает, кто явился в туннель, и быстро выстраивает свои мысли (они и есть оружие), пока идет назад по туннелю, проходит поворот и видит, на краткий миг испытав мелочное удовлетворение, изумленные лица тех, кто шел вслед за ним. Они останавливаются.

Их четверо. Два солдата в шлемах, чтобы их не узнали, но он их знает — это те двое, что охраняли вход. Еще один человек, закутанный в плащ, — как все эти тайные убийцы, даже если их

никто не видит, — и еще кто-то выходит вперед, не прячась, нетерпеливо, почти сияя от угаданного Валерием страстного желания. Он не видит того, кого опасался увидеть — и очень сильно.

Это приносит некоторое облегчение, хотя он, возможно, находится среди тех, кто ждет на другом конце коридора. Гнев и печаль.

— Не терпится встретить конец? — спрашивает высокая женщина, останавливаясь перед ним. Ее удивление было коротким, она быстро овладела собой. Ее глаза мечут голубое пламя, как глаза призрака. Она одета в красную тунику с золотым поясом, волосы схвачены черной сеткой. Золото волос сверкает сквозь нее при свете факелов.

Валерий улыбается:

— Не так сильно, как тебе, смею заметить. Зачем ты это делаешь, Стилиана?

Она моргает, искренне изумленная. Она была еще ребенком, когда все это случилось. Он всегда об этом помнил и этим руководствовался, гораздо в большей степени, чем Алиана.

Он думает о жене. В своем сердце, в чистой тишине сердца, он сейчас говорит и с ней, где бы она ни находилась под солнцем на небе. Она всегда убеждала его, что он ошибся, когда приблизил эту женщину ко двору и даже когда позволил ей остаться в живых. Дочь своего отца. Флавия. Император Сарантия молча говорит танцовщице, на которой он женился, что она была права, а он ошибался, и знает, что она его услышит, очень скоро, даже если его мысли не долетят, не смогут долететь *сквозь стены и пространство туда, где она находится.*

— Зачем я это делаю? А для чего еще я живу? — отвечает дочь Флавия Далейна.

— Чтобы прожить собственную жизнь, — резко отвечает он. Философ древней академии, отчитывающий ученика. (Он сам закрыл академию. Жаль, но патриарх требовал, чтобы он это сделал. Слишком много язычников.) — Своей собственной жизнью, со своими ее дарами, которыми ты располагаешь и которые ты получила. Очень просто, Стилиана. — Он смотрит мимо нее, когда в ее глазах вспыхивает ярость. Намеренно игнорирует ее. Обращается к двум солдатам: — Вы понимаете, что вас здесь убьют?

— Я их предупредила, что ты так скажешь, — говорит Стилиана.

— А ты им сказала, что это правда?

Она умна, и ей знакома такая огромная ненависть. Ярость человека, который выжил? Он считал — ставил на то, что ум может победить, в конце концов, он искренне нуждался в ней, выделил ей место. Алиана предостерегала, что он ошибается, обвиняла его в том, что он пытается слишком многое контролировать. Известный всем недостаток.

«Она все еще так молода», — думает император, снова глядя на высокую женщину, которая пришла, чтобы убить его здесь, под все еще холодной весенней землей. Ему не хочется умирать.

— Я им сказала то, что было — и остается — очевидной истиной: новому двору на высокие должности потребуются Бдительные, доказавшие свою верность.

— Нарушившие клятву и предавшие своего императора? Ты надеешься, что обученные солдаты в это поверят?

— Они здесь, с нами.

— И вы их убьете. Что говорит убийство о...

— Да, — наконец заговорил человек в плаще, все еще не поднимая капюшон с лица, голосом, низким от волнения. — В самом деле. Что говорит убийство? Даже много лет спустя?

Он не снял капюшон. Это не имеет значения. Валерий качает головой.

— Тетрий Далейн, тебе запрещено появляться в Городе, и ты это знаешь. Стражники, арестуйте этого человека. Он изгнан из Сарантия как предатель. — Голос его полон энергии; им всем знаком этот его повелительный тон.

Конечно, именно Стилиана разрушает эффект своим смехом. «Мне очень жаль, — думает император. — Любовь моя, ты никогда не узнаешь, как мне жаль».

Они слышат звук приближающихся с другого конца шагов. Он оборачивается, снова охваченный страхом. В сердце боль, предчувствие.

Потом видит, кто подошел — и кто не подошел, — и боль ускользает. Для него важно то, что одного человека здесь нет. Странно, наверное, но это действительно очень важно. И страх быстро сменяется другим чувством.

На этот раз именно император Сарантия, окруженный врагами и так далеко от поверхности земли и теплого света бога, как далеко его собственное детство, громко смеется.

— Кровь Джада, ты еще больше растолстел, Лисипп! — восклицает он. — Я готов был держать пари, что это невозможно.

Тебе пока рано возвращаться в Сарантий. Я намеревался вызвать тебя после того, как флот поднимет паруса.

— Что? Даже сейчас ты играешь в игры? О, перестань умничать, Петр, — отвечает толстый зеленоглазый человек, который раньше был начальником налогового управления, потом его отправили в ссылку, больше двух лет назад, после мятежа, закончившегося большой кровью.

Истории, думает император. У нас у всех свои истории, и они нас не оставляют. Только несколько мужчин и женщин на свете называют его именем, данным при рождении. Этот массивный человек, окруженный знакомым, слишком приторным ароматом духов, с мясистым лицом, круглым, как луна, — один из них. За ним маячит еще одна фигура, почти скрытая расплывшимся туловищем Лисиппа, однако это не тот, кого он боится увидеть, потому что он тоже в капюшоне.

Леонт не надел бы капюшона.

— Ты мне не веришь? — спрашивает император у обширной потной туши Кализийца. Он искренне возмущен, ему нет нужды притворяться. Теперь он совсем повернулся спиной к женщине, ее закутанному в плащ трусливому брату и двум предателям-стражникам. Они его не зарежут. Он в этом уверен. Стилиана хочет устроить спектакль, церемонию, не просто убийство. Искупление длиной в целую жизнь? Для истории. Но в этом танце еще есть другие па. Его танцовщица где-то в другом месте, наверху, на свету.

Они не позволят ей остаться в живых.

Ради этого, как и ради всего остального, он будет продолжать свои попытки здесь, под землей, прощупывать почву, быстрый и хитроумный, как лосось, которого почитают как божество на севере, среди язычников, какими некогда были и люди его страны, перед тем как к ним пришел Джад. И Геладикос, его сын, который упал.

— Поверить, что ты собирался позвать меня обратно? — Лисипп качает головой, щеки его трясутся. Голос его остался необычным, запоминающимся. Этого человека, повстречав один раз, невозможно забыть. Вкусы его порочны, отвратительны, но ни один человек никогда не распоряжался финансами империи так честно и умело. Парадокс, так до конца и непонятый. — Неужели даже сейчас ты считаешь всех остальных глупцами?

Валерий пристально смотрит на него. Когда-то он был хорошо сложенным мужчиной, когда они впервые встретились, красивым, образованным, друг-патриций юного прилежного племянника командира Бдительных. Он сыграл свою роль на Ипподроме и в других местах в тот день, когда умер Апий, и мир изменился. В награду он получил богатство и реальную власть, а на то, что он творил у себя во дворце или на носилках, на которых передвигался ночью по улицам, закрывали глаза. Затем его по необходимости сослали в сельскую местность после мятежа. Конечно, ему там было скучно. Его неудержимо тянуло в Город, к темным делам, к крови. Поэтому он здесь.

Император знает, как с ним обращаться, или знал прежде. Он говорит:

— Если они ведут себя как глупцы, то считаю. Подумай, разве ты в деревне совсем отупел? Зачем я распустил слухи, что ты вернулся в Город?

— Ты их распустил? Я уже вернулся в Город, Петр.

— А ты был в Городе два месяца назад? По-моему, нет. Иди и спроси в лагерях факций, друг. — Он намеренно произнес последнее слово. — Я попрошу Гезия назвать тебе имена. Полдюжины имен. Спроси, когда впервые начали появляться слухи, что ты, возможно, здесь. Я прощупывал почву, Лисипп! Среди народа и клириков. Конечно, я хочу, чтобы ты вернулся. Нам надо выиграть войну — возможно, на два фронта.

Крупица новой информации, брошенная здесь для них. Намек, поддразнивание. Чтобы танец продолжался любым путем. Продолжать держаться за жизнь.

Он очень хорошо знает Лисиппа. Факелы горят ярко в том месте, где они стоят, и он видит, как эта информация проникает в мозг, как доходит намек, а затем в необычных зеленых глазах появляется сомнение, которого он ждал.

— Зачем спрашивать? В этом нет никакой необходимости, — говорит Стилиана Далейна за его спиной и разбивает настроение, подобно бокалу, брошенному на камень, на мелкие осколки.

Ее голос теперь напоминает кинжал, точный, как меч палача.

— Это чистая правда. Умелый лжец подмешивает правду в свой яд. Именно тогда, когда до меня впервые дошли эти слухи и я поняла, что происходит, я ухватилась за шанс вернуть тебя и предложить присоединиться к нам. Элегантное решение. Если

тракезиец и его шлюха услышат разговоры о твоем возвращении, они подумают, что это их собственные фальшивые слухи.

Именно так и произошло. Он слышит это слово «шлюха», конечно, и понимает, чего она так страстно от него добивается. Он не пойдет ей навстречу, но думает о том, что она более чем умна. Он оборачивается. Солдаты не сняли шлемы, ее брат не сбросил капюшон. Стилиана чуть не светится от напряжения. Он смотрит на нее, здесь, под землей, где обитают старые божества. Он думает, что ей бы хотелось распустить свои волосы и вырвать у него из груди бьющееся сердце своими когтями, как это делали опьяненные богом дикие женщины на осенних холмах много веков назад.

Он спокойно отвечает:

— Ты грязно ругаешься, это не пристало такой воспитанной женщине, как ты. Но это действительно элегантное решение. Прими мои поздравления, это очень умно. Это Тетрий придумал? — В его тоне слышится легкий упрек, совсем не то, чего она хочет. — Всеми ненавидимого, порочного Кализийца заманили, чтобы сделать из него идеального козла отпущения за убийство священного императора. Он умрет здесь вместе со мной и этими солдатами или вы загоните его в угол и вынудите сделать признание после того, как тебя и беднягу Леонта коронуют?

Один из людей в шлеме за его спиной беспокойно шевельнулся. Он слушает.

— Бедняга Леонт? — На этот раз она заставляет себя притворно рассмеяться, но ей совсем не весело.

И поэтому он рискует.

— Конечно, Леонт ничего об этом не знает. Он все еще ждет меня у дальней двери. Это дело одних Далейнов, и ты думаешь, что потом сможешь с ним справиться, не так ли? Каков ваш план? Тетрий станет канцлером? — Его глаза блестят. Он громко смеется. — Как это забавно! Или нет, должно быть, я ошибаюсь. Конечно, ошибаюсь. Все это для вящего блага Империи, разумеется.

Трусливый брат, дважды упомянутый, открывает рот под капюшоном, потом снова закрывает. Валерий улыбается:

— О нет-нет. Погоди. Конечно! Ты обещала этот пост Лисиппу, чтобы заманить его сюда, правда? Он никогда его не получит. Кого-то же надо назначить виновным и казнить за это.

Стилиана смотрит на него.

— Ты думаешь, все считают других людей расходным материалом, как ты сам?

Теперь его очередь моргать, он впервые чувствует замешательство.

— И это говорит девочка, которую я оставил в живых, вопреки всем советам, взял ко двору, окружил почетом?

И тогда Стилиана наконец произносит четким, ледяным голосом, слова, медленные, как время, неотвратимые, как движение звезд по ночному небу, обвинение, несущее бремя долгих лет (долгих ночей без сна?):

— Ты сжег моего отца заживо. И хотел купить меня, дав мужа и место у трона за спиной шлюхи?

Тут наступило молчание. Император ощутил тяжесть всей земли и камней между ними и солнцем.

— Кто рассказал тебе эту абсурдную историю? — спрашивает Валерий. Голос его звучит непринужденно, но на этот раз ему это кое-чего стоит.

И все же он действует быстро, когда она взмахивает рукой, чтобы дать ему пощечину. Он перехватывает ее руку, хотя она яростно вырывается, и, в свою очередь, произносит сквозь зубы:

— Твой отец вышел на улицу в пурпуре в тот день, когда умер император. Он направлялся в Сенат. Его мог убить любой человек в Сарантии, который уважал традиции, и сожжение было достойной карой за подобное богохульство.

— Он не был одет в пурпур, — возражает Стилиана Далейна, вырывая у него руку. Ее кожа почти прозрачна; он видит красные следы от своих пальцев на ее запястье. — Это ложь, — говорит она.

Тут император улыбается:

— Клянусь святым именем бога, ты меня поражаешь. Я понятия не имел. Совершенно. Все эти годы? Ты всерьез веришь, что...

— Она действительно... в это... верит. — Еще один голос, сзади. Новый голос. — Она ошибается, но это... ничего... не меняет.

Но этот свистящий голос, нечленораздельно выговаривающий слова, меняет все. Холод пронизывает императора до самых костей, словно в него проник ветер из полумира, реально несущий смерть в туннель, где стены, штукатурка и краски скрывают грубую поверхность земли. Он снова поворачивается

и видит, кто это сказал, кто вышел из-за заслонявшей его туши Кализийца.

Этот человек что-то держит в руках. Собственно говоря, эта вещь привязана к его запястьям, так как у него изуродованы руки. Похожее на трубку приспособление, прикрепленное к аппарату, который катится на маленькой тележке за ним, император узнает и вспоминает, и, лишь приложив большое усилие, Валерий остается неподвижным и не выдает своих чувств.

Тем не менее в нем поднимается страх, впервые после того, как он услышал у себя за спиной скрип открывающейся двери и понял, что не один. История повторяется. Знак солнечного диска, сделанный для человека, дежурящего на улице под солярием много лет назад. Потом крики внизу. У него есть основания знать, что это нелегкая смерть. Он бросает быстрый взгляд на Лисиппа и по выражению его лица понимает еще кое-что: Кализиец благодаря своей натуре пришел бы сюда только для того, чтобы увидеть это орудие в действии, даже если бы у него не было других причин. Император с трудом глотает слюну. Еще одно воспоминание всплывает в нем, из еще большего далека, из детства: сказки о старых мрачных богах, которые живут в земле и ничего не забывают.

Высокий зудящий звук этого нового голоса внушает ужас, особенно если помнить, — а Валерий помнит, — каким он был прежде. Теперь капюшон откинут. Человек без глаз, с изуродованным, оплавленным лицом говорит:

— Если он... и надел пурпур... чтобы предстать... перед народом, то сделал это... как законный... преемник императора... *который не назначил... такового.*

— Он не надевал пурпура, — повторяет Стилиана с легким отчаянием.

— Замолчи, сестра, — произносит странный свистящий голос с поразительной властностью. — Подведи сюда Тетрия... если ноги ему... еще повинуются. Встань позади меня. — На шее у слепого, изуродованного человека висит некрасивый, неуместный амулет в виде маленькой птички. Он движением плеч сбрасывает на мозаичный пол свой плащ. Возможно, стоящие в туннеле люди хотели бы, чтобы он этого не делал, чтобы не снимал капюшон, но только не Лисипп. Император видит, что он смотрит на уродливую фигуру Лекана Далейна широко раскрытыми влажными глазами, полными нежности, как на предмет вожделения или страсти.

Значит, все трое Далейнов. Теперь все ясно вырисовывается. Гезий намекал, косвенно, туманно, что ими нужно заняться, в то время когда первый Валерий занял трон. Он тогда высказал мнение, что судьбу потомков Далейнов следует решить в чисто административном плане, что они недостойны внимания императора или его племянника. «Некоторые вопросы, — тихо произнес Гезий, — не стоят того, чтобы их решали правители. Они несут бремя гораздо более крупных проблем, трудятся на благо своего народа и во имя бога».

Дядя предоставил решение ему. Он оставлял большинство подобных дел племяннику. Петр не захотел их убивать. У него были свои причины, в каждом случае разные.

Тетрий был ребенком, а потом оказался таким трусом, не играющим никакой роли, даже во время мятежа. Стилиане он с самого начала придавал большое значение, и все большее на протяжении тех десяти лет, пока она росла. У него были в отношении ее свои планы, и в центре стоял ее брак с Леонтом. Он думал — самонадеянно? — что сможет использовать ее агрессивный ум и привить ей более широкий кругозор. Ему казалось, что у него это получается, пускай медленно, что она понимает этапы развития игры, которая в конце концов должна была сделать ее императрицей. Когда-нибудь. У них с Алианой нет наследника. Ему казалось, что она все это понимает.

Лекан, самый старший из троих, — дело другое. Он был одним из тех, кто снился императору по ночам, когда он все же засыпал. Казалось, он стоит уродливой, черной тенью между ним и обещанным светом бога. Неужели вера и набожность всегда порождают страх? Может быть, эту тайну знают все клирики, обещая вечную тьму и лед под миром для тех, кто отступился от божьего света?

Валерий отдал приказ, чтобы Лекана не убивали, что бы тот ни сделал, хотя знал, что для реальной жизни, по любым честным меркам, старший сын Флавия Далейна, намного превосходящий своего отца во всем, погиб на улице у дверей их дома вместе с отцом. Он просто продолжал существовать. Смерть в жизни, жизнь в смерти.

А то, что он сейчас держит, что привязано к его запястьям, чтобы ему было проще управляться с этим, — это один из сифонов, которые извергают такое же жидкое пламя из катящейся за ним канистры. Точно такой же использовали в то утро, много лет назад, чтобы с неопровержимостью, доступной каждому

мужчине и каждой женщине Империи, заявить о смерти старого императора и о приходе нового.

Валерию кажется, что все они перенеслись прямо из того давнего солнечного утра в этот освещенный факелами туннель без всякого перерыва. Время кажется императору странным, годы сливаются. Он думает о боге, потом о своем недостроенном Святилище. О многом, что задумано и не закончено. А потом снова об Алиане там, наверху, где-то посреди этого дня.

Он не готов умереть и позволить умереть ей.

Он прекращает поток сливающихся воспоминаний, быстро соображает. Лекан подозвал к себе брата и сестру. Ошибка.

Валерий говорит:

— Только их двоих, Далейн? Не этих верных стражников, которые впустили тебя сюда? Ты им сказал, что случается с теми, кто попадет под струю пламени? Покажи им все свои ожоги, почему ты этого не делаешь? Они хоть знают, что это «сарантийский огонь»?

Он слышит у себя за спиной звук, вырвавшийся у одного из солдат.

— Шевелись, сестра! Тетрий, давай!

Валерий смотрит вниз, на сопло на конце черной трубки, таящей самую ужасную из известных ему смертей, снова смеется и поворачивается к младшим брату и сестре. Тетрий сделал неуверенный шаг вперед, теперь двинулась Стилиана. Валерий пятится назад, чтобы оказаться прямо рядом с ней. У солдат есть мечи. Он знает, что у Лисиппа тоже есть клинок. Этот крупный человек гораздо проворнее, чем можно предположить.

— Держите их обоих, — резко приказывает император Бдительным. — Ради бога, разве вы так глупы, что желаете собственной смерти? Это же огонь. Они вас сейчас сожгут.

Тогда один из солдат делает неуверенный шаг назад. Глупец. Второй нерешительно кладет руку на рукоять меча.

— У вас есть ключ? — быстро спрашивает император. Ближайший к нему солдат качает головой.

— Она его отобрала, мой повелитель.

«Мой повелитель». Святой Джад! Он еще может спастись.

Тетрий Далейн внезапно поворачивается и по стенке туннеля проскальзывает вперед, к брату. Валерий его не задерживает. Он не солдат, но сейчас на карту поставлена его жизнь, и жизнь Алианы, и та картина мира, наследство, которое создается. Он хватает женщину, Стилиану, за предплечье, раньше чем она успевает миновать его, другой рукой выхватывает свой маленький кинжал и прижимает острие к ее спине. Такое лезвие не способно проткнуть даже кожу, но они этого не могут знать.

Но Стилиана, которая совсем не сопротивляется, которая даже не пытается уклониться от его руки, смотрит на него, и император видит в ее взгляде торжество, граничащее с безумием. Он снова вспоминает о тех женщинах из мифа на склонах холма.

Слышит, как она говорит с пугающим спокойствием:

— Ты снова ошибаешься, если считаешь, что мой брат не станет сжигать тебя, чтобы спасти меня. И равным образом ошибаешься, думая, что мне не все равно. Лишь бы ты сгорел, как сгорел мой отец. Давай, брат. Покончи с этим.

Валерий потрясен до глубины души, он онемел от изумления. Он умеет распознать правду, когда слышит ее: она не лукавит. «Покончи с этим». Во внезапно снизошедшем на его душу спокойствии он слышит слабый звук, напоминающий один-единственный удар колокола.

Он всегда думал, он верил, что интеллект может взять верх над ненавистью с течением времени и при должном воспитании. Теперь он видит, что ошибался, но уже слишком поздно. Алиана была права. Гезий был прав. Стилиана, блестящая, как алмаз, могла радоваться власти и пользоваться ею вместе с Леонтом, но не она была ей нужна, не она главное для этой женщины. Главное под ее ледяным панцирем — это огонь.

Слепой человек, сверхъестественно точно нацелив сифон, растягивает щель рта, что, как понимает Валерий, должно означать улыбку. И говорит:

— Увы, какая... бесполезная трата. Такая кожа. Я должен это сделать... дорогая сестра? Так тому и быть.

И император понимает, что он это сделает, видит злобную жажду на жирном лице Кализийца, стоящего рядом с искалеченным Далейном. Внезапным яростным движением, — неуклюжим, так как он не привык к активным действиям, — он срывает с пояса женщины кошелек и сильно толкает ее вперед, так что она спотыкается, налетает на слепого брата, и они оба падают. Огня нет. Пока.

Пятясь назад, он слышит, что оба стражника отступают вместе с ним, и понимает, что ему удалось переубедить их. Он бы вознес молитву, но времени нет. Совсем.

— Быстрее! — резко приказывает он. — Хватайте сифон!

Они оба прыгают мимо него вперед. Лисипп, который никогда не был трусом, а теперь сделал ставку на Далейнов, хватается за меч. Император, наблюдая за ними, теперь быстро отходит назад, шарит в кошельке из ткани, находит тяжелый ключ, узнает его. И теперь возносит благодарную молитву. Стилиана уже вскочила и поднимает Лекана.

Первый Бдительный уже возле них, замахнулся мечом. Лисипп прыгает вперед, наносит удар, который тот парирует. Лекан еще стоит на коленях, произносит нечто бессвязное, нечленораздельное. Тянет руку к спусковому крючку аппарата.

И именно в этот момент, именно тогда, когда он это видит, император Сарантия Валерий Второй, возлюбленный Джада и святейший наместник его на земле, трижды возвышенный пастырь своего народа, чувствует, как нечто обжигающе раскаленное пронзает его сзади, пока он пятится к двери, к безопасности, к свету. Он падает, падает, с беззвучно открытым ртом, с ключом в руке.

Никто не записал, так как этого никто не мог сделать, слышал ли он, умирая, неумолимый, оглушительный, нескончаемый голос, который сказал ему, ему одному в том коридоре под дворцами и садами, под Городом и всем миром: «Покинь престол свой, повелитель всех императоров ждет тебя».

Также неизвестно, приплыли ли за его душой дельфины, когда он отправился в путь, ибо он отправился в тот миг, лишенный своей обители, в долгое путешествие. Только одному человеку в господнем мире известно, что последняя мысль в его жизни была о жене, он позвал ее по имени. И известно это потому, что она его слышит. А услышав каким-то непонятным образом, понимает, что он уходит, уходит от нее, уже ушел, что все кончено, что бесповоротно подошел к концу тот блестящий танец, который начался давным-давно, когда он был Петром, а она — Алианой, танцовщицей Синих, и такой молодой. И полуденное солнце ярко сияет над ней, над всеми ними, в безоблачном весеннем небе Сарантия.

* * *

Она обрезала большую часть волос, пока они плыли обратно от острова на маленькой гребной лодке.

Если она ошибается насчет того, что означает исчезновение Далейна и убийство стражников, то остриженные волосы можно скрыть, они снова отрастут. Она не верила, что ошибается, даже тогда, в море. Мир накрыла чернота, под ярким солнцем, над синими волнами.

Чтобы обрезать волосы, в ее распоряжении имелся только кинжал Мариска, и в лодке это было делать сложно. Она срезала неровные пряди и бросала их в воду. Жертвоприношение. Глаза ее оставались сухими. Покончив с волосами, она перегнулась через борт и соленой водой смыла крем, краску и душистое масло с лица, уничтожила слабый аромат своих духов. Серьги и кольца положила в карман одежды (деньги понадобятся). Потом снова достала одно из колец и отдала Мариску, сидящему на веслах.

— Возможно, тебе придется делать выбор, — сказала она ему, — когда мы доберемся до гавани. Как бы ты ни поступил, я тебя прощаю. Это моя благодарность тебе за это поручение и за все, что было раньше.

Он с трудом сглотнул. Дрожащей рукой взял у нее кольцо. Оно стоило больше, чем он мог бы заработать за целую жизнь на службе в Императорской гвардии.

Она велела ему избавиться от кожаных доспехов, верхней туники Бдительных и меча. Он повиновался. Все это полетело за борт. Всю дорогу он молчал, греб изо всех сил, покрывался потом, и в глазах его стоял страх. Кольцо он спрятал в сапог. Сапоги были слишком дорогими для рыбака, но ей оставалось надеяться, что никто этого не заметит.

Она снова воспользовалась его ножом, чтобы обрезать подол платья, сделала это неровно, порвала в нескольких местах. Сняла свои кожаные сандалии, и их тоже швырнула за борт. Посмотрела на свои босые ноги, на крашеные ногти на пальцах. Решила, что с этим все в порядке. Уличные женщины тоже красятся, не только придворные дамы. Она снова опустила руки в воду и стала тереть их, чтобы они огрубели. Стянула последнее кольцо, то, которое никогда не снимала, и смотрела, как оно тонет в море. Рассказывают сказки о народах моря, правители которых таким образом обручились с морем.

Ее поступок означал нечто иное.

Остаток пути до гавани она провела, обкусывая и обрезая ногти на руках, измазала жидкой грязью со дна лодки порванное платье, а потом и щеки. Руки и цвет лица, если их так оставить, выдадут ее прежде всего остального.

К этому времени в воде вокруг них появились другие не-

большие лодки, так что ей приходилось действовать осторожно. Рыбаки, паромщики, маленькие суденышки, везущие товары из Деаполиса и в Деаполис, лавировали между нависающими над ними корпусами больших кораблей, которые должны отплыть на войну. Планировалось объявить об этом сегодня, но здесь никто этого не знал. Это должен был сделать император из катизмы на Ипподроме после последнего заезда, в присутствии всех высших лиц Империи. Разумеется, она рассчитала время своей утренней поездки так, чтобы прибыть туда вовремя.

Но теперь все изменилось. Теперь она чувствовала впереди ауру смерти, ауру конца. Два года назад, во дворце, когда горел Сарантий, она сказала, что предпочитает смерть в императорском облачении бегству и жизни в изгнании.

Тогда это было правдой. Теперь правдой стало нечто иное. Правда более холодная, более тяжелая. Если они сегодня убили Петра, если это сделали Далейны, она сама должна прожить столько, чтобы увидеть их мертвыми. Как-нибудь потом? Потом она сама о себе позаботится, как надо. Концы бывают разные.

Она не могла знать, хотя всегда следила за собой и своей внешностью, какой она представлялась в тот момент воину, сидящему вместе с ней в лодке и гребущему к Сарантию.

Они подошли к причалу в самом дальнем конце, маневрируя среди других шныряющих туда-сюда лодок. Над водой летали непристойные шутки. У Мариска едва хватало умения подвести лодку к причалу. Их громко обругали, она выругалась в ответ, грубо, голосом, которым не разговаривала уже пятнадцать лет, и отпустила соленую шуточку. Потный Мариск бросил на нее быстрый взгляд, потом снова согнулся над веслами. Кто-то в другой лодке громко рассмеялся, гребком подал лодку назад и освободил им проход, потом спросил, чем она ему отплатит.

Ее ответ заставил их покатиться со смеху.

Они причалили. Мариск выскочил из лодки, привязал ее. Алиана быстро вылезла сама, пока он не успел подать ей руку. Произнесла быстро и тихо:

— Если все хорошо, то ты заработал больше, чем мог мечтать, и мою благодарность на всю жизнь. Если плохо, то я ни о чем больше тебя не прошу, кроме того, что ты уже сделал. Храни тебя Джад, солдат.

Он быстро заморгал. Она с удивлением поняла, что он пытается сдержать слезы.

— От меня они ничего не узнают, моя госпожа. Но могу ли я еще что-нибудь...

— Больше ничего, — быстро ответила она и пошла прочь.

Он говорил серьезно и был храбрым человеком, но, конечно, они узнают все, что ему известно, если у них хватит ума разыскать его и расспросить. Иногда люди так трогательно верят в свою способность выдержать профессиональный допрос.

Она зашагала по длинному причалу одна, босая, ее украшения исчезли или спрятаны в длинном платье, оборванном и грязном, превращенном в короткую тунику (она все еще слишком хороша для ее теперешнего положения, скоро ей понадобится другая). Один мужчина остановился и уставился на нее, и у нее подпрыгнуло сердце. Потом он громко сделал ей предложение, и она расслабилась.

— Денег у тебя не хватит, да и мужчина ты хилый, — ответила императрица Сарантия, меряя моряка взглядом. Она взмахом головы отбросила свои неровно остриженные волосы и решительно отвернулась. — Найди себе осла за такую цену.

Его обиженные протесты потонули в хохоте.

Она пошла дальше по кишащей народом, шумной гавани, но тишина внутри нее была такой глубокой, что рождала эхо. Она пошла вверх по узкой улочке, ей незнакомой. Многое изменилось за пятнадцать лет. У нее уже болели ноги. Она давно не ходила босиком.

Она увидела маленькую часовню и остановилась. Собралась было зайти в нее и попытаться привести в порядок мысли, помолиться, но в это мгновение услышала внутри себя, как знакомый голос произнес ее имя.

Она застыла на месте, не оглядывалась. Это был голос ниоткуда и отовсюду, голос человека, принадлежащего только ей. Принадлежавшего только ей.

Она почувствовала, как пустота вторгается в нее подобно армии захватчиков. Стоя неподвижно на этой маленькой крутой улочке, среди толкотни и суеты, лишенная возможности уединиться, она в последний раз простилась, назвав имя, данное при рождении, а не имя императора, с душой любимого, которая покидала ее, уже покинула ее и этот мир.

Она хотела иметь у себя в комнате запретных дельфинов. Сегодня утром повезла мозаичника, Криспина, посмотреть на

них. В это самое утро. Петр... нашел их первым. Или они нашли его, и не на мозаичной стене. Возможно, его душу сейчас несут туда, куда обычно носят души на пути к Джаду. Она надеялась, что они добры к нему, что путь его легок, что боль не была слишком сильной.

Никто не видел, как она плакала. Слез не было. Она стала шлюхой в Городе, и ей предстояло убить некоторых людей раньше, чем они найдут и убьют ее.

Она представления не имела, куда ей идти.

* * *

В туннеле двое стражников совершили поразительно глупую ошибку: они оглянулись через плечо, когда император упал. Вся эта обстановка, этот ужас заставили их забыть все, чему их учили, сорвали их с якоря, как корабли срывает с якоря в шторм. За свою ошибку они сгорели. Погибли, издавая жуткие вопли, так как слепой нащупал и нажал на спуск на трубке и оттуда вылетел жидкий огонь. Лекан Далейн рыдал и тонким голосом сыпал нечленораздельные проклятия, завывая как безумный в своей смертной агонии, но он с ужасающей точностью прицелился прямо в солдат, мимо сестры и брата.

Они находились под землей, далеко от жизни, от мира. Никто не слышал их воплей, шипения и потрескивания расплавленной плоти, кроме трех Далейнов и толстого жадно наблюдающего человека, стоящего рядом, и еще одного, стоящего позади мертвого императора, но достаточно далеко. Его обдало влажной волной жара, пронесшейся по туннелю, и он затрясся от страха, но его даже не опалило этим огнем из далекого прошлого.

Он осознал, когда жар спал, а крики и стоны стихли, что они смотрят на него. Далейны и толстяк, которого он очень хорошо помнил, но не знал, что он в Городе. Ему было обидно, что такое могло произойти без его ведома.

Но сейчас имелись более серьезные поводы для огорчения.

Он прочистил горло, посмотрел на окровавленный, липкий кинжал в своей руке. На нем прежде никогда не было крови, никогда. Секретарь носил кинжал для вида, не более того. Он посмотрел вниз, на мертвого человека у своих ног.

А затем Пертений Евбульский с чувством произнес:

— Это ужасно. Так ужасно. Каждый согласится, что историк не должен вмешиваться в события, которые он описывает. Вы понимаете, он теряет свой авторитет.

Они уставились на него. Никто ничего не говорил. Возможно, находились под впечатлением истины его слов.

Слепой Лекан плакал, издавая сдавленные, жалкие звуки горлом. Он все еще стоял на коленях. Туннель заполнил запах горелого мяса. Солдаты. Пертений боялся, что его стошнит.

— Как ты сюда попал? — спросил Лисипп.

Стилиана смотрела на императора. На мертвеца у ног Пертения. Она держала руку на плече плачущего брата, но теперь сняла ее, прошла мимо сгоревших солдат и остановилась, глядя на секретаря своего мужа.

Пертений вовсе не был уверен, что должен отвечать такому ссыльному чудовищу, как этот Кализиец, но сейчас не время было задумываться над этим. Он сказал, глядя на жену своего хозяина:

— Стратиг послал меня посмотреть, что задержало... императора. Пришло... только что пришло известие... — Он никогда так не заикался. Перевел дух. — Только что пришло известие, и он считал, что император должен знать.

Император был мертв.

— Как ты вошел? — На этот раз тот же вопрос задала Стилиана. На ее лице было странное выражение. Глаза не сфокусированы. Она смотрела на него, но не совсем на него. Он ей не нравится. Пертений это знал. Но ей никто не нравится, так что это не имеет большого значения.

Он снова прочистил горло, пригладил спереди тунику.

— У меня случайно оказались ключи. Которые... открывают замки.

— Разумеется, — тихо произнесла Стилиана. Он хорошо знал ее иронию, ее жало, но на этот раз ее тон был бескровным, небрежным. Она снова посмотрела вниз, на мертвого человека, неряшливо растянувшегося на полу. На кровь на мозаичных плитках.

— Стражников не было, — объяснил Пертений, хотя они и не спрашивали. — Никого не было в коридоре снаружи. А должны были быть. Я подумал...

— Ты подумал, что-то происходит, и захотел это увидеть, — сказал Лисипп. Четкие, резкие интонации. Он улыбался, складки кожи на его лице шевелились. — Ну, так ты увидел, правда? И что дальше, историк?

Историк. На его кинжале кровь. Насмешка в голосе Кализийца. Запах мяса. Женщина снова смотрела на него, ждала.

И Пертений Евбульский, глядя на нее, а не на Лисиппа, сделал самое простое. Он опустился на колени рядом с телом помазанного императора, которого ненавидел и убил, и, положив на землю кинжал, тихо спросил:

— Госпожа, что ты хочешь, чтобы я сказал стратигу?

Она выдохнула воздух. Секретарю, пристально наблюдавшему за ней, показалось, что она превратилась в опустошенную фигуру, лишенную сил и энергии. Это его заинтересовало.

Она даже не ответила. Ответил ее брат, подняв свое безобразное лицо.

— Я убил его, — сказал Лекан Далейн. — Я один. Мой младший брат и сестра... пришли и... убили меня за это. Такие они добродетельные! Расскажи об этом так... в своем отчете, секретарь. Напиши это. — Присвист в его голосе стал более отчетливым, чем раньше. — Напиши это... в правление императора Леонта и его славной императрицы... и детей Далейнов... которые придут после них.

Прошло мгновение, другое. А потом Пертений улыбнулся. Он понял, и все стало таким, каким должно было быть. Наконец-то. Тракезийский крестьянин мертв. Шлюха мертва или будет мертва. Империя возвращается назад — наконец-то! — на положенное ей место.

— Напишу, — ответил он. — Верьте мне, напишу.

— Лекан? — Это снова заговорил Лисипп. — Ты обещал! Ты мне обещал. — В его голосе слышалось страстное желание, безошибочно плотская страсть.

— Сначала тракезийца, потом меня, — сказал Лекан Далейн.

— Конечно, — с готовностью ответил Лисипп. — Конечно, Лекан. — Он дергался и кланялся. Пертений видел, как трепещет от нетерпения, от жажды его жирное тело, словно в судорогах религиозного или любовного экстаза.

— Святой Джад! Я ухожу, — поспешно произнес Тетрий. Его сестра отошла в сторону, а младший Далейн быстро двинулся вдоль туннеля, почти бегом. Она не последовала за ним, а повернулась и посмотрела на своего искалеченного брата и на Кализийца, который быстро дышал открытым ртом. Потом наклонилась и что-то тихо сказала Лекану. Пертений не расслышал, что именно. Это его очень огорчило. Брат ничего не ответил.

Пертений медлил. Он успел увидеть, как слепой протянул Кализийцу сопло и спусковой механизм и как тот дрожал, пока отвязывал их от изуродованных рук Далейна. Потом ощутил приступ тошноты. Он поднял нож, вложил его в ножны и быстро пошел к двери, которую незадолго перед этим отпер. Он не оглядывался.

Все равно он не собирался об этом писать. Этого никогда не происходило, этого не было в истории, ему нет необходимости смотреть, говорил он себе. Имеет значение только то, что написано.

Где-то люди соревновались на колесницах, пахали поля, дети играли, плакали или решали трудные жизненные задачи. Плыли корабли, шел дождь, снег, летел песок по пустыне, покупали еду и питье, шутили, проклинали в порыве благочестия или ярости. Деньги переходили из рук в руки. Женщина за закрытыми ставнями выкрикнула чье-то имя. Звучали молитвы в часовнях, в лесах и перед священным охраняемым огнем. Дельфины прыгали в синем море. Человек выкладывал мозаику на стене. Кувшин разбился о край колодца, и служанка знала, что ее за это побьют. Мужчины проигрывали и выигрывали в кости, в любви, в битве. Хироманты готовили таблички с мольбами о страстной любви, плодородии или огромном богатстве. Или о смерти для того, кого страстно ненавидели с незапамятных времен.

Пертений Евбульский, покидая туннель, ощутил вдалеке еще одну волну жара, но на этот раз не услышал криков.

Он снова вышел в нижнюю часть Аттенинского дворца, подземную. Широкая лестница вела наверх, коридор тянулся в обе стороны, к другим коридорам и лестницам. Стражников не было. Совсем никого. Тетрий Далейн уже убежал наверх. Неизвестно, куда. Пошлый, незначительный человечек, подумал Пертений. Конечно, теперь эту мысль не запишешь, во всяком случае, в документе, предназначенном для... публики.

Он вздохнул, одернул тунику и приготовился идти наверх, наружу, вернуться через сад, а потом войти в другой дворец и рассказать Леонту о том, что произошло.

Но оказалось, что ходить никуда не надо.

Он услышал звон оружия и взглянул вверх как раз в тот момент, когда из туннеля у него за спиной донесся далекий приглушенный крик и прилетела последняя волна жара, пронесшаяся по всему коридору, где он стоял один.

Он не оглянулся. Он смотрел вверх. Леонт спускался по ступенькам, шагая быстро, как всегда, за ним шли солдаты, тоже как всегда.

— Пертений! Что тебя так задержало, ради святого Джада? Где император? Почему дверь... где стражники?

Пертений с трудом сглотнул. Расправил тунику.

— Мой господин, — произнес он, — произошло нечто ужасное.

— Что? Там? — Стратиг остановился.

— Мой господин, не ходите туда. Это... ужасно. — И это было чистой правдой.

И вызвало предсказуемую реакцию. Леонт бросил взгляд на своих гвардейцев.

— Ждите здесь. — И златовласый предводитель армий Сарантия вошел в туннель.

Поэтому, разумеется, Пертению пришлось также вернуться. Об этом тоже никогда нельзя будет написать, но летописцу невозможно не присутствовать при том, что сейчас произойдет. Он тщательно закрыл за собой дверь.

Леонт шагал быстро. К тому времени, когда Пертений вернулся по туннелю и снова подошел к повороту, стратиг уже стоял на коленях рядом с обугленным телом императора.

Некоторое время никто не двигался. Затем Леонт расстегнул пряжку у шеи, снял свой темно-синий плащ и осторожно накрыл им мертвого человека. Поднял взгляд.

Пертений стоял сзади и не мог видеть выражение его лица. Отвратительно пахло сгоревшей плотью. Перед ними неподвижно стояли два других оставшихся в живых человека. Пертений остался на месте, у поворота туннеля, полускрытый стеной.

Он увидел, как встал с колен стратиг. Увидел стоящую перед ним Стилиану с высоко поднятой головой. Рядом с ней стоял Лисипп Кализиец. Кажется, он только сейчас осознал, что все еще держит в руках сопло устройства, изрыгающего огонь. И бросил его. На его лице тоже появилось странное выражение. Рядом с ним лежало три мертвых тела, обугленных и почерневших. Двое стражников. И Лекан Далейн, который в первый раз сгорел много лет назад вместе с отцом.

Леонт ничего не говорил. Он очень медленно двинулся вперед. Остановился перед женой и Кализийцем.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у Лисиппа.

Стилиана напоминала лед или мрамор. Пертений увидел, что Кализиец смотрит на стратига, словно не понимает, откуда тот взялся.

— А на что это похоже? — ответил он. Памятный голос. — Я любуюсь мозаичными полами.

Леонт, командующий войсками Сарантия, был совсем не таким человеком, как лежащий за его спиной мертвый император. Он выхватил меч. Это движение он проделывал столько раз, что и сосчитать невозможно. Не произнеся больше ни слова, он вонзил клинок в тело и в сердце человека, стоящего рядом с его женой.

Лисипп даже не успел шевельнуться, у него не было шанса защититься. Пертений сделал шаг вперед, не в силах сдержаться, и увидел изумление в глазах Кализийца до того, как из него рывком выдернули меч и он с грохотом упал.

Эхо этого падения долго не затихало. Среди вони горелого мяса и трупов пятерых человек муж и жена стояли друг против друга под землей, и Пертений содрогнулся, глядя на них.

— Зачем ты это сделал? — спросила Стилиана Далейна.

Он дал ей пощечину тяжелой рукой солдата. Голова ее дернулась в сторону.

— Отвечай кратко и точно, — приказал ей муж. — Кто это сделал?

Стилиана даже не поднесла руку к щеке. Она смотрела на мужа. Она была готова сгореть заживо, вспомнил секретарь, всего несколько минут назад. В ней не чувствовалось страха. Ни малейшего намека на страх.

— Мой брат, — ответила она. — Лекан. Он отомстил за нашего отца. Сегодня утром он прислал мне сказать, что придет сюда. Очевидно, подкупил стражников на острове, а через них Бдительных здесь, у входа.

— И ты пришла?

— Конечно, пришла. Но слишком поздно и не успела ему помешать. Император был уже мертв. И двое солдат. А Кализиец уже успел убить Лекана.

Ложь, такая непринужденная, такая необходимая. Слова, благодаря которым все может получиться, у них у всех.

Она сказала:

— Мой брат умер.

— Да сгниет его злобная душа, — резко ответил ее муж. — Что здесь делал Кализиец?

— Об этом надо было спросить у него, — ответила Стилиана. Ее левая щека, там, где он ее ударил, покраснела. — Мы могли бы получить ответ, если бы кто-то опрометчиво не махал мечом.

— Берегись, жена. Меч все еще у меня в руке. Ты из семьи Далейнов, и, по твоему собственному утверждению, твой родственник только что убил божественного императора.

— Да, муж мой, — сказала она. — Убил. Ты меня убьешь, дорогой?

Леонт молчал. В первый раз оглянулся назад. Увидел ожидающего Пертения. Выражение его лица не изменилось. Он снова повернулся к жене.

— Война вот-вот начнется. Сегодня. Об этом должны были объявить. А теперь пришло известие, что бассаниды перешли границу на севере, нарушив мир. А император мертв. У нас нет императора, Стилиана.

Тут Стилиана Далейна улыбнулась. Пертений это видел. Женщина такой красоты, что можно задохнуться.

— У нас он будет, — ответила она. — Очень скоро будет. Мой повелитель.

И опустилась на колени перед мужем, изящная, золотая, среди почерневших тел мертвецов.

Пертений отошел от стены, приблизился на несколько шагов и сделал то же самое: упал на колени, прижал голову к полу. В туннеле надолго воцарилось молчание.

— Пертений, — наконец произнес Леонт, — надо многое сделать. Надо созвать заседание Сената. Иди в катизму на Ипподром. Немедленно. Скажи Боносу, чтобы пришел сюда вместе с тобой. Не рассказывай ему зачем, но дай ясно понять, что он должен прийти.

— Да, мой повелитель.

Стилиана посмотрела на него. Она все еще стояла на коленях.

— Ты понял? Никому не говори, что здесь произошло и о нападении бассанидов. Мы должны сегодня ночью сохранить в Городе порядок, удержать ситуацию под контролем.

— Да, моя госпожа.

Леонт посмотрел на нее.

— Армия здесь. Все будет не так, как в последний раз, когда... не было наследника.

Жена посмотрела на него, потом на брата, лежащего рядом с ней на земле.

— Да, — сказала она. — Не так. — И повторила снова: — Не так.

Тут Пертений увидел, как стратиг протянул руку и помог ей встать. Его рука поднялась к ее покрасневшей щеке, на этот раз с нежностью. Она не шевелилась, но смотрела ему прямо в глаза. Они такие золотые, они оба, подумал Пертений, такие высокие. Сердце его переполняли чувства.

Он встал, повернулся и ушел. Ему надо было выполнить приказ.

Он совершенно забыл, что его кинжал в крови, и весь день не вытирал его, но никто не обратил на него никакого внимания, так что это не имело значения.

Его так редко замечали. Историк, летописец событий, неприметный и серенький, он присутствовал везде, но никогда не играл никакой роли в развитии событий.

Быстро поднимаясь по ступенькам, потом шагая по дворцу к верхней лестнице и гулкой галерее, которая вела к задней части катизмы, он уже размышлял над формулировками, над тем, как начать. Так важно было выдержать нужный тон, равнодушный и задумчивый в начале хроники. «Даже самое поверхностное изучение событий прошлого учит нас, что справедливое возмездие Джада безбожникам и порочным людям может задержаться надолго, но...»

Он вдруг остановился, и один из евнухов в коридоре быстро обогнал его. Он подумал о том, где сейчас шлюха. Маловероятно, что она находится в катизме, хотя за этим надо будет проследить. Возможно, она все еще у себя в ванной, в другом дворце, обнаженная и скользкая, с одним из солдат? Он расправил тунику. Стилиана ею займется, подумал он.

«Мы должны сегодня ночью сохранить в Городе порядок», — сказала она.

Он понял, что она имела в виду. Да и как он мог не понять? Когда умер последний император, Апий, не оставивший наследника, во время последовавшего кровопролития — на Ипподроме, на улицах и даже в палате Сената — невежественный крестьянин из Тракезии, выдвинутый низким сбродом, был поднят на щит и одет в пурпур. Сейчас порядок имел огромное

значение, как и спокойствие восьмидесяти тысяч зрителей на Ипподроме.

У него промелькнула мысль, что если все пойдет как надо, то к концу дня его ждет значительное повышение. Тут он подумал о другой женщине и снова одернул тунику.

Он был очень счастлив, состояние для него редкое, почти невозможное, пока нес чрезвычайные, потрясающие мир вести в катизму, с окровавленным кинжалом за поясом.

Солнце уже высоко стояло над Городом, пройдя высшую точку, оно опускалось, но тот день — и ночь — закончится в Сарантии еще не скоро.

В туннеле, среди мертвецов, две золотые фигуры стояли и молча смотрели друг на друга, потом медленно поднялись по широкой лестнице, не прикасаясь друг к другу, но бок о бок.

На камнях за ними, на мозаичных камешках под синим плащом лежал Валерий Сарантийский, второй император, носивший это имя. Его тело. То, что от него осталось. Его душа унеслась к дельфинам, к богу, туда, куда уносятся души.

* * *

Где-то в мире в тот самый момент родился долгожданный ребенок, а где-то умер работник, оставив ферму без рабочих рук, а весенние поля еще предстояло вспахать, и хлеб надо было посеять. Беда, которую не выразить словами.

Глава 12

Императорский корабль пересек пролив — на этот раз дельфины не показывались, — и обеспокоенная команда безукоризненно пришвартовала его к пирсу. Не один Криспин с тревогой наблюдал за портом во время приближения к нему.

На острове были убиты люди. По крайней мере, двое из числа самих Бдительных оказались предателями. Далейн бежал. Императрица уплыла от них на гребной шлюпке. Опасность таилась в сверкающем воздухе.

Однако их никто не ждал. Ни враги, ни друзья — никто. Они вошли в док, и портовые моряки привязали корабль канатами, а потом отступили назад, ожидая, когда императрица сойдет на берег.

Криспин подумал, что какой бы заговор ни составили на острове или в Императорском квартале, его не слишком тщательно продумали и не учли возможности того, что императрица предпримет развлекательную прогулку с приезжим художником, чтобы посмотреть на дельфинов и навестить заключенного на острове.

Аликсана, подумал он, могла бы приплыть назад вместе с ними. Но что потом? Приказать отнести ее назад, в Аттенинский или в Траверситовый дворец и справиться там, успел ли Лекан Далейн вместе с подкупленными Бдительными напасть на ее мужа и убить его и каковы их ближайшие планы насчет нее самой?

Он понял, что именно участие Бдительных внушило ей уверенность в том, что здесь разворачивается большой заговор. Если Императорская гвардия или хотя бы часть ее перешла на другую сторону, то смертельная опасность близка. Это не просто бегство заключенного, стремящегося выйти на свободу.

Нет, он понимал, почему она оставила на берегу свой плащ, чтобы тайно вернуться в Город. Увидит ли он ее снова, подумал Криспин. Или императора. А потом спросил себя, — пришлось спросить, — что произойдет с ним самим, когда узнают, а узнают наверняка, что он совершил это утреннее путешествие через пролив вместе с императрицей. Они спросят у него, что ему известно. Он не знал, что скажет. Он пока не знал, кто его будет спрашивать.

Тогда он подумал о Стилиане. Вспомнил, что она сказала ему, перед тем как он ушел от нее ночью через окно, выходящее во двор. «Теперь должны произойти определенные события. Я не скажу, что мне жаль. Но запомни эту комнату, родианин. Что бы я потом ни сделала».

Он не был так наивен, чтобы поверить, что искалеченный брат на острове, даже со своей птицей-душой, мог устроить побег в одиночку. Криспин удивлялся, куда испарился его гнев? Это чувство определяло все его существование в течение двух лет. Гнев, подумал он, это в каком-то смысле роскошь. Он дает простые ответы. А в этом нет ничего простого. «То, что было сделано когда-то, — сказала она тогда, — влечет за собой все остальное».

Все остальное. Империя, мир, все, кто живет в этом мире. События прошлого определяют события настоящего. «Не скажу, что мне жаль».

Он вспомнил, как поднимался по темной лестнице и желание бурлило в нем, как воды реки. Ее горечь и сложные чувства. Помнил, как теперь навсегда запомнит Аликсану. Образы порождают образы. Императрица на каменистом берегу. «Шлюха», как называл ее Пертений в своих тайных записях. Злобных, полных ненависти. «Гнев переносить легче», — подумал Криспин.

Он посмотрел вниз. Матросы на причале стояли навытяжку, все еще ждали императрицу. Бдительные и моряки на борту в нерешительности переглядывались, потом посмотрели на Криспина в ожидании указаний, ведь их начальник уплыл с императрицей. Это было бы смешно, если бы в мире осталось место для смеха.

Криспин покачал головой.

— Представления не имею, — сказал он. — Возвращайтесь на свои посты. Наверное, вам надо доложить о случившемся. Или что вы там делаете, когда происходят подобные вещи.

«Подобные вещи». Он чувствовал себя идиотом. Линон бы ему так и сказала.

Карулл знал бы, что им сказать. Но Криспин не был солдатом. И его отец тоже им не был. Хотя это не помешало Хорию Криспину погибнуть в бою, не так ли? Отец Стилианы сгорел. Это чудовище на острове когда-то было красивым гордым человеком. Криспин подумал об образе бога на куполе в Саврадии, с серым лицом, с пальцами, искалеченными в борьбе со злом.

На причал спустили широкий трап. Но ковер не разостлали. Императрицы здесь нет. Криспин сошел вниз и пошел прочь среди толчеи гавани, готовящейся к войне, и никто его не остановил, никто даже не заметил его ухода.

Шагая прочь от моря, он слышал рев голосов в отдалении. Ипподром. Мужчины и женщины ради удовольствия смотрели на скачущих коней. Его мутило, день был полон черным предчувствием. «Теперь должны произойти определенные события».

Он представления не имел, куда идти, что делать. В тавернах должно быть тихо, так как многие на Ипподроме, но ему не хотелось сидеть где-то и пить. Пока. Раз идут гонки колесниц, Карулла дома нет, подумал он, и Ширин тоже. Артибас должен быть в Святилище, Пардос и Варгос тоже, почти наверняка. Он мог пойти на работу. Он всегда мог это сделать. Он ведь работал сегодня утром, когда она пришла за ним. Он тогда пытался ощутить дистанцию и ясность в душе, чтобы изобразить на куполе дочерей. Чтобы они могли остаться там так близко к вечности, как только мог мечтать художник.

Теперь в нем ничего этого не осталось. Ни девочек, ни дистанции, ни ясности. Не осталось даже простоты гнева. В первый раз за все время, сколько Криспин себя помнил, у него вызывала отвращение мысль о том, чтобы подняться наверх и погрузиться в свою работу. Сегодня утром он видел смерть людей и сам нанес удар. Сейчас подняться по лестнице было бы трусливым отступлением. Сегодня он бы запорол любую работу, которую попытался бы сделать.

С Ипподрома донесся очередной взрыв воплей. Он шагал в ту сторону. Вышел на форум Ипподрома, увидел это огромное сооружение, Святилище напротив, статую первого Валерия и Бронзовые Врата за ней, ведущие в Императорский квартал.

Там сейчас происходят события или уже произошли. Криспин посмотрел на эти ворота, стоя неподвижно на огромном пространстве. Представил себе, как подойдет к ним и потребует, чтобы его впустили. Срочно нужно поговорить с императором. Насчет какого-нибудь дела, связанного с куполом, с выбором цветов, с углом размещения смальты. Возможно, о его приходе объявят и проведут к императору?

Криспин почувствовал, что во рту у него все пересохло, а сердце больно стучит в груди. Он — родианин, из поверженной, побежденной страны, в которой Валерий опять собирается затеять разрушительную войну. Он послал письма домой, матери, друзьям, зная, что они ничего не значат, ничего не смогут изменить.

Он должен ненавидеть человека, который готовит этот флот, этих солдат. Но почему-то вспомнил, как Валерий однажды ночью в Святилище провел рукой по волосам растрепанного архитектора словно мать и сказал ему — приказал — идти домой спать.

Может быть, анты лучше того, что может принести на полуостров Сарантий? Особенно те анты, какими они стали сейчас, во время беспощадной гражданской войны. Люди будут еще гибнуть, поплывет ли туда армия Валерия или нет.

Покушение на убийство свойственно не только таким варварам, как анты, подумал Криспин, глядя на гордое великолепие Бронзовых Врат. Он гадал, умер ли Валерий, снова подумал об Аликсане. Она спросила недавно на берегу, среди омытых

прибоем камней: «Когда умерла твоя жена... как ты жил дальше?»

Как она догадалась спросить об этом?

Ему не следует принимать это так близко к сердцу. Он должен оставаться здесь чужим, далеким от этих блестящих, опасных людей и всего того, что происходит сегодня. Эти люди — мужчины и женщины — настолько далеки от него, что движутся по совершенно иному пространству в мире, созданном Джадом. Он — художник. Слой стекла и камней. Кто бы ни правил страной, однажды сказал он Мартиниану в гневе, для мозаичников найдется работа, так стоит ли волноваться по поводу интриг во дворцах?

Он — человек случайный, он идет по обочине... и несет бремя образов. Криспин посмотрел на Бронзовые Врата, все еще колеблясь, все еще представляя себе, как подойдет к ним, но затем повернулся и ушел.

Он пошел в церковь. Выбрал наугад первую, которая встретилась ему в переулке, ведущем вниз, на восток. Этой улицы он не знал. Церковь была маленькой, тихой, почти пустой; горстка женщин, в основном пожилых, казалась шепчущими силуэтами в полумраке. В это время дня священник отсутствовал. Колесницы увели всех людей. Старая, старая битва. Здесь солнечный свет превратился в бледное сияние, которое просачивалось в слишком маленькие окошки вокруг купола. Никаких украшений. Мозаики стоят дорого и фрески тоже. Очевидно, состоятельные люди в эту церковь не ходят и не дарят подарков священникам ради спасения своих душ. Над головой висели лампы, в одну линию от алтаря до дверей, еще несколько в боковых алтарях, но только немногие горели: в конце зимы масло экономят.

Криспин некоторое время стоял лицом к алтарю и к диску, потом опустился на колени — подушек здесь не было — на твердый пол и закрыл глаза. Среди молящихся женщин он думал о матери, маленькой, храброй, изящной, всегда окруженной ароматом лаванды, так давно живущей в одиночестве после смерти отца. Он чувствовал, как он далеко от нее.

Кто-то встал, сделал знак диска и вышел. Старуха, сгорбленная годами. Криспин услышал, как за его спиной открылась и захлопнулась дверь. Было очень тихо. А потом в этой тишине кто-то запел.

Он поднял глаза. Больше никто не пошевелился. Голос,

нежный и жалобный, доносился откуда-то слева. Криспину показалось, что он видит там смутную фигуру, у одного из боковых алтарей, где лампы не горели. Там горело несколько свечек, но он не мог даже разглядеть, была ли это девушка или пожилая женщина, таким тусклым был свет.

Через мгновение он понял, собрав разбегающиеся мысли, что голос поет на тракезийском языке, что было совсем странно. Здесь в церкви всегда пели на сарантийском.

Он плохо знал тракезийский — древний язык народа, который правил большей частью мира до Родиаса, — но, вслушиваясь, Криспин понял, что это похоронная песнь.

Никто больше не двигался. Никто не входил. Он стоял на коленях среди молящихся женщин в тускло освещенном святом месте и слушал голос, поющий о горе на древнем языке, и ему пришло в голову, что музыка — это одна из тех вещей, которые отсутствовали в его жизни после смерти Иландры. Когда она пела песни девочкам перед сном, она пела и для него тоже, а он слушал из другой комнаты.

«Кто знает любовь?

Кто скажет, что знает любовь?»

Эта женщина, эта тень, почти невидимая, голос без тела, пела не колыбельную киндатов. То был плач, как в конце концов понял Криспин, на чисто языческую тему: о деве из колосьев и рогатом боге, о жертве и добыче охотника. В церкви Джада. Образы, которые считались древними уже в то время, когда Тракезия была великой.

Криспин содрогнулся, стоя коленями на камне. Он опять посмотрел налево, напрягая зрение, чтобы проникнуть в сумрак. Только тень. Только голос. Никто не двигался.

И, почувствовав аромат невидимых духов, парящий в полумраке, он вдруг вспомнил, что император Валерий прежде был Петром Тракезийским, перед тем как приехал на юг вместе с дядей с северных полей, и что он, наверное, знал эту песню.

А вслед за этой мыслью пришла другая, и Криспин снова закрыл глаза и обозвал себя глупцом. Ибо если это правда, — а так, конечно, и было, — то Валерий также должен был хорошо знать, что за зубр изображен на набросках Криспина для Святилища. Он сам был родом из северной Тракезии, из лесов и полей, тех мест, где языческие корни хранились в земле долгие века.

Валерий должен был узнать «зубира», как только увидел его на рисунке.

А он ничего не сказал. Отдал наброски восточному патриарху, одобрил их для купола, своего наследия, своего Святилища божественной мудрости Джада. Осознание налетело на Криспина словно порыв ветра. Потрясенный, он запустил пальцы в волосы.

Какой человек осмелился сделать попытку примирить так много разных вещей на протяжении одной жизни, подумал он. Снова сблизить восток и запад, привести север к югу, сделать танцовщицу императрицей. Дочь врага и... жертву выдать замуж за собственного друга и стратига. «Зубира» из Древней Чащи, огромного и дикого — олицетворение дикой природы — позволить поместить на купол, посвященный Джаду, в самом сердце Города за тройными стенами.

Валерий. Валерий пытался. Здесь существовал какой-то... узор. Криспин почувствовал, что вот-вот его увидит, вот-вот поймет. Он и сам был творцом узоров, когда работал со смальтой и светом. Император работал с людскими душами и со всем миром.

В церкви плакал голос:

> Неужели прекрасная дева с волосами, как спелая нива,
> Никогда больше в поле не выйдет?
> Может Бог на рогах держать голубую луну,
> Но Охотница пустит стрелу — и тогда Он умрет.
>
> Как, дети времени, мы сможем дальше жить,
> Когда мы знаем, что умрут те Двое?
> Как мы, потери дети, можем знать,
> Что позади себя мы оставляем?
>
> Раздастся в дебрях леса зверя рев,
> Тогда земли заплачут дети.
> Когда выходит в поле этот зверь,
> Должны погибнуть Дети крови.

Он с трудом понимал тракезийские слова и все же понял инстинктивно так много: точно так же он тогда посмотрел вверх, в той церкви в Саврадии, в День Мертвых, и осознал истину о Джаде и о мире на куполе. Сердце Криспина заболело от переполнивших его чувств. Загадки потрясали его. Он чувствовал себя маленьким, смертным, пронзенным этой песней словно мечом.

Прошло какое-то время, и он вдруг понял, что одинокий

голос уже умолк. Он снова взглянул туда. Никаких следов поющей. Никого. Совсем никого. Он быстро повернулся к выходу. Никто не выходил. Во всей церкви не было никакого движения, никаких шагов. Никто из остальных людей в тусклом сочащемся свете даже не шелохнулся, ни во время пения, ни сейчас. Словно они даже не слышали песни.

Криспин снова невольно вздрогнул, почувствовав, как нечто невидимое мимоходом коснулось его, его жизни. Руки у него тряслись. Он уставился на них, словно они принадлежали другому человеку. Кто пел эту похоронную песнь? Что он оплакивал языческими словами в церкви Джада? Криспин вспомнил Линон в сером тумане на холодной траве. «*Помни обо мне*». Неужели полумир остается с человеком навсегда, стоит только один раз войти в него? Он не знал. Не знал.

Он стиснул руки и смотрел на них — царапины, порезы, старые шрамы, — пока они не перестали дрожать. Прочел молитву Джаду в тишине и сумраке, сделал знак солнечного диска, а потом попросил у бога милосердия и света для мертвых и живых, которых знал здесь и далеко отсюда. А потом встал и снова вышел на свет дня и пошел домой по улицам и переулкам, через площади, под крытыми колоннадами. По дороге он слышал шум с Ипподрома за спиной — очень громкий теперь. Там что-то происходило. Он увидел бегущих со всех сторон людей, они держали палки и ножи. Увидел у одного меч. Сердце продолжало выбивать барабанную дробь, так что болело в груди.

Это было начало. Или, если смотреть с другой стороны, — конец. Его это не должно так сильно волновать. Но волновало сильнее, чем можно выразить словами. Невозможно отрицать эту истину. Но для него в этой пьесе не осталось никакой роли.

В этом он ошибался.

Когда он пришел домой, Ширин ждала его. С Данис на шее.

* * *

Мятеж вспыхнул с невероятной быстротой. Только что Синие совершали свой круг почета, а в следующее мгновение крики изменились, стали злобными, и на Ипподроме вспыхнула яростная драка.

Клеандр, стоя в туннеле, где лежал Скортий, посмотрел назад, за Врата Процессий, и увидел мужчин, дерущихся кулака-

ми, а потом ножами. Факции прорвались через нейтральные трибуны и добрались друг до друга. Тех, кто пытался убраться с дороги, затаптывали. Он видел, как кого-то подняли и подбросили в воздух и он упал на головы других несколькими рядами ниже. На его глазах женщина, пытаясь увернуться от кучки противников, упала на колени, и Клеандру показалось, даже на таком расстоянии и среди такого шума, что он слышит ее вопли, когда ее затоптали. Люди в отчаянии ринулись к выходам, где началась жестокая давка.

Он посмотрел на мачеху, потом на катизму в дальнем конце Ипподрома. Его отец там, слишком далеко, и не сможет им ничем помочь. Он даже не знал, что они придут сюда сегодня. Клеандр глубоко вздохнул. Бросил последний взгляд на лекарей, склонившихся над распростертым телом Скортия, и ушел. Он осторожно взял мачеху за локоть и повел в глубь туннеля. Она шла покорно, не говоря ни слова. Он очень хорошо знал это место. В конце концов они подошли к маленькой запертой дверце. Клеандр взломал замок (это было несложно, он проделывал такое и раньше), а потом отодвинул засов, и они вышли наружу у самого восточного конца Ипподрома.

Тенаис была покорной, странно далекой, казалось, она не замечала царящей вокруг паники. Клеандр заглянул за угол в поисках ее носилок, которые остались у главных ворот, где они вошли, но тут же понял, что нет смысла к ним пробираться: драка уже выплеснулась за пределы Ипподрома. Факции теперь сражались на форуме. Со всех сторон сбегались новые люди. Шум внутри был оглушительным, страшным. Он снова взял мачеху за локоть, и они двинулись в другую сторону, так быстро, как только ему удавалось заставить ее идти.

Перед его глазами стояла картина: лицо Асторга, когда одетый в желтое служитель у ворот подошел и сообщил о том, что видел сам Клеандр, но о чем решил никому не говорить. Асторг застыл, лицо его превратилось в маску. Простояв так несколько мгновений, факционарий Синих резко повернулся, не говоря ни слова, и пошел назад, на песчаные дорожки.

Там все еще праздновали Синие — молодой возничий, который совершал круг почета вместе с двумя возничими Белых. Скортий лежал без сознания в туннеле. Его лекарь-бассанид при помощи лекаря факции Синих отчаянно старался остановить кровотечение и удержать Скортия среди живых, заставить

его продолжать дышать. К тому моменту они сами тоже были залиты кровью.

Через несколько секунд находящиеся в туннеле услышали, как радостные крики на трибунах превратились в нечто иное, в низкий пугающий гул, а затем началась драка. В тот момент они не знали почему и что сделал Асторг.

Клеандр поспешно вел мачеху к колоннаде, пропустил кучку молодых людей, с криками пробежавших мимо них по улице, размахивая дубинками и ножами. Он увидел человека с мечом. Две недели назад он сам мог быть этим человеком, бегущим туда, где лилась кровь, с оружием в руке. Теперь он рассматривал их всех как угрозу, глаза у них были дикие, они не владели собой. С ним что-то случилось. Он продолжал держать мачеху под руку.

Клеандр услышал, как кто-то окликнул его по имени. Он быстро повернулся на громкий голос, и его охватило чувство облегчения. Это был тот солдат, Карулл: тот, с которым он познакомился в «Спине» прошлой осенью и который недавно справлял свою свадьбу в доме Ширин. Карулл левой рукой обнимал жену, а в правой держал кинжал. Они быстро взбежали по ступенькам колоннады.

— Держись за мной, парень, — сказал он резко, но совершенно спокойно. — Отведем женщин домой, чтобы они могли выпить чашечку чего-нибудь теплого в приятный весенний день. Правда, прекрасный день? Люблю это время года.

Клеандр несказанно обрадовался. Карулл был крупным, устрашающего вида мужчиной, и шагал он как воин. Никто не потревожил их по дороге, хотя они видели, как один человек ударил посохом по голове другого прямо рядом с ними на улице. Посох сломался; человек неуклюже упал.

Карулл поморщился.

— Шея сломана, — равнодушно заметил он, оглядываясь назад, но подгоняя их вперед. — Он уже не встанет.

Они снова вышли на дорогу в конце колоннады. Кто-то швырнул из окна наверху горшок, чуть не попал в них. Карулл нагнулся и поднял его.

— Свадебный подарок! Как неожиданно! Он лучше того, который у нас дома, любимая? — спросил он у жены с улыбкой.

Женщина покачала головой, ей удалось улыбнуться. В ее глазах стоял ужас. Карулл бросил горшок через плечо. Клеандр взглянул на мачеху. В ней не было страха. Совсем ничего не

было. Похоже, она даже не слышала и не видела ничего: ни появления попутчиков, ни поверженного — убитого — человека прямо рядом с ними. Казалось, она находится совсем в другом мире.

Они продолжили путь без дальнейших приключений, хотя улицы заполнились бегущими, кричащими людьми, и Клеандр видел, как лавочники поспешно закрывают витрины и двери, заколачивают их досками. Они добрались до их дома. Слуги их уже поджидали. Хорошо обученные, они начали строить баррикаду у ворот во двор, а те, кто ждал у дверей, держали в руках тяжелые палки. Это был уже не первый мятеж на их памяти.

Мачеха Клеандра вошла в дом, не сказав ни слова. Она не разговаривала с тех пор, как они покинули Ипподром. Даже с начала гонок, как он вдруг вспомнил. Ему самому пришлось благодарить солдата. Он произнес слова благодарности, заикаясь, пригласил их войти. Карулл с улыбкой отказался.

— Мне лучше явиться к стратигу, сразу же после того, как я отведу жену домой. Маленький совет: сиди сегодня дома, парень. Бдительные наверняка выйдут на улицы, и они не очень-то будут выбирать, куда наносить удары в темноте.

— Я так и сделаю, — ответил Клеандр. Он подумал об отце, но решил, что беспокоиться нет причин: из катизмы можно вернуться в Императорский квартал. Отец мог переждать там или вернуться домой под охраной. Его долг — оставаться здесь с мачехой и сестрами. Охранять их.

Через сорок лет, диктуя свои знаменитые «Размышления», Клеандр Бонос опишет тот день, когда Далейнами был убит император Валерий Второй, тот день, когда его мачеха покончила с собой в ванне — перерезала вены на руках маленьким кинжалом, о существовании которого никто не знал, — как день, когда он стал мужчиной. Школьники будут изучать и переписывать знаменитые фразы или запоминать их наизусть для декламации: «Как бедствия закаляют дух народа, точно так же бедствия могут укрепить душу одного человека. То, с чем мы справились, становится нашим достоянием».

* * *

Перебирать сложные, а иногда очень давние события, чтобы установить причину мятежа, — задача нелегкая, но это входило в прямые обязанности городского префекта под руководством начальника канцелярии, а он уже сталкивался с подобным разбирательством.

И, конечно, в его распоряжении были опытные профессионалы — и их орудия, — когда настало время задавать важные вопросы.

Собственно говоря, более пристрастные методы не понадобились (к разочарованию некоторых) в случае расследования мятежа, который вспыхнул в тот день, когда был убит император Валерий Второй.

Волнения на Ипподроме начались до того, как люди узнали об этой смерти. Это установлено точно. Они начались с нападения на возничего, и на этот раз Синие и Зеленые не объединились, как два года назад. Совсем наоборот.

Расследование установило, что один из служащих Ипподрома рассказал, будто чемпион Синих, Скортий, получил сокрушительный удар от Кресенза, возничего Зеленых, перед самым первым заездом после полудня. Очевидно, Кресенз первым заметил появление соперника на Ипподроме.

Служащий, дежуривший у Ворот Процессий, позже поклялся в том, что он это видел. Юный сын сенатора Плавта Боноса тоже помог следствию, хотя и неохотно. Этот парень, что делает ему честь, в то время промолчал, но позже подтвердил, что видел, как Кресенз ударил локтем другого возничего с той стороны, где, как ему было известно, у того уже были сломаны ребра. Он объяснил свое молчание тем, что предвидел возможные последствия этого инцидента.

Этот парень получил официальное одобрение своих действий в письменном виде. Достойно сожаления, что служитель Ипподрома не проявил такого же здравого смысла, но его нельзя было наказать за то, что он сделал. Служителям беговых дорожек полагалось сохранять строгий нейтралитет, но это из области сказок. Тот привратник, как оказалось, болел за Синих. Нейтралитет на Ипподроме не характерен для Сарантия.

Соответственно было установлено, к удовлетворению городского префекта, — и отражено в его докладе начальнику канцелярии, — что Кресенз, возничий Зеленых, нанес незаметно, как он полагал, удар второму возничему, раненому. Он явно пытался испортить впечатление от эффектного возвращения Скортия.

Это в какой-то мере объясняло, но едва ли полностью оправдывало то, что произошло дальше. Асторг, факционарий

Синих, человек опытный и честный, которому так поступать не следовало, пошел через песок к спине, где все еще находился Кресенз после неудачного падения во время последнего заезда, и нанес ему удары по лицу и телу, сломал нож и вывихнул плечо на глазах у восьмидесяти тысяч чрезвычайно возбужденных зрителей.

Невозможно отрицать, что его спровоцировали. По его словам, он думал, что Скортий умрет. Но все равно, это был безответственный поступок. Когда хочешь кого-то избить, сделай это ночью, если у тебя есть хоть капля здравого смысла.

Кресенз теперь не будет участвовать в гонках месяца два, но он не умер. И Скортий тоже.

Однако более трех тысяч человек отправились к богу на Ипподроме и на улицах в тот день и в ту ночь. Начальник канцелярии всегда требовал точных цифр, но узнать их всегда было сложно. Количество жертв оказалось значительным, но не чрезмерным для мятежа, но после наступления темноты начались пожары и грабежи. По сравнению с последним крупным пожаром, во время которого были убиты тридцать тысяч человек, этот оказался гораздо менее значительным событием. В квартале киндатов подожгли несколько домов, как обычно, и несколько иностранцев — в основном купцов-бассанидов — были убиты, но этого следовало ожидать, учитывая подлое нарушение Вечного Мира, о котором объявили в Городе в сумерках, вместе с объявлением о смерти императора. Испуганные люди совершают нехорошие поступки.

Большинство убийств произошло после наступления темноты, когда Бдительные с факелами и мечами вышли из Императорского квартала, чтобы утихомирить улицы. К тому времени все солдаты уже знали, что у них новый император и что на земли Сарантия напали с северо-востока. Без сомнения, избыток рвения, вызванный этими фактами, привел к некоторому количеству жертв среди гражданских лиц и к гибели нескольких бассанидов.

Едва ли стоило обращать на это внимание. Нельзя ожидать, что армия с терпением отнесется к буйным гражданам. Их и не обвиняли. Командиру Бдительных даже вынесли поощрение за быстрое подавление ночных беспорядков.

Гораздо позже и Асторга, и Кресенза вызывали в суд по поводу их стычки. Это было первое громкое судебное заседание при новом императоре. Оба они вели себя достойно и выразили

искреннее раскаяние в своих поступках. Обоим вынесли порицание и наложили штраф, конечно, в одинаковом размере. После этого дело закрыли. Они были важными людьми в жизни Города. Сарантию нужны были оба, живыми и невредимыми, на Ипподроме, чтобы граждане не лишились удовольствия.

* * *

В прошлый раз, когда император умер, не оставив наследника, думал Плавт Бонос, чернь ломилась в двери Палаты Сената и с боем прорвалась внутрь. На этот раз настоящий мятеж бушевал на улицах, а люди даже не знали о смерти императора. «В этом скрыт некий парадокс, — насмешливо думал Бонос, — который стоит записать».

Парадоксы бывают многослойными, ирония может быть обоюдоострой. Он еще не знал о смерти жены.

В Палате Сената ждали прибытия других ее членов, которым пришлось добираться по бурлящим улицам. Бдительные трудились изо всех сил, заходили за сенаторами и доставляли их в Палату со всей возможной быстротой. Такая спешка неудивительна. Большинство людей в Городе не знали о смерти императора, пока не знали. Это неведение долго продолжаться не могло, даже во время мятежа, в таком городе, как Сарантий! Возможно, особенно в Сарантии, думал Бонос в разгар мятежа, откинувшись на спинку кресла.

Множество воспоминаний теснилось в его голове, и еще он старался — безуспешно — примириться с тем, что Валерий мертв. Император убит. Такого не случалось уже очень давно. Бонос был слишком осмотрителен, чтобы задавать вопросы.

У солдат были основания желать, чтобы Сенат собрался как можно быстрее. Какой бы ни оказалась история смерти Валерия, уже объявили о том, что сосланный Лисипп вернулся в Город и имел к ней отношение, как и изгнанный, содержавшийся в заключении Лекан Далейн. Но насчет преемника убитого императора ни у кого не было почти никаких вопросов.

Или, выражаясь немного иначе, думал Бонос, у Леонта есть основания действовать быстро, до того, как могут возникнуть подобные вопросы.

Верховный стратиг все же женат на Далейне, и могли найтись люди, которые задумались бы над убийством его предшественника на Золотом Троне. Особенно если учесть, что убитый

был его собственным наставником и другом. И что это произошло накануне войны. Можно было бы назвать этот поступок подлым предательством, но для этого надо было быть человеком, гораздо более безрассудным, чем Плавт Бонос.

Мысли Боноса вихрем кружились в голове. Слишком много потрясений в один день. Возвращение Скортия, эти потрясающие гонки, которые в одно мгновение превратились из торжества в мятеж. А затем, как раз в тот момент, когда вспыхнула драка, у него над ухом раздался голос серого секретаря Леонта:

— Тебя немедленно требуют во дворец.

Он не сказал, кто требует. Это не имело значения. Сенаторы делают то, что им говорят. Бонос поднялся, чтобы идти, и в ту же секунду увидел, что у «Спины» что-то произошло — позже он узнал подробности, — и услышал низкий рев взорвавшегося Ипподрома.

Он подозревал, вспоминая потом, что Леонт (или его жена?) хотел, чтобы он пришел к ним один, в качестве распорядителя Сената, чтобы узнать новости раньше других. Это дало бы им время тихо созвать Сенат и проконтролировать распространение ужасной новости.

Но получилось не так.

Когда трибуны взорвались яростью и люди побежали к выходам, сидящие в императорской ложе вскочили на ноги и все вместе ринулись к дверям, ведущим в Аттенинский дворец. Бонос запомнил выражение на бледном лице секретаря: недовольное, изумленное, испуганное.

Когда Бонос и Пертений все же добрались по длинному переходу до Палаты приемов во дворце, она была полна шумными перепуганными придворными, которые бежали из катизмы впереди них. Приходили все новые люди. В центре — у тронов из серебряного дерева — стояли Леонт и Стилиана.

Стратиг поднял руку, требуя тишины. Не начальник канцелярии, не канцлер. Гезий только что вошел в зал через маленькую дверцу за двумя тронами. Остановился там, недоуменно нахмурив брови. В тишине, воцарившейся после его жеста, Леонт произнес мрачно и без всякой преамбулы:

— Мне очень жаль, но это нужно сказать. Мы потеряли сегодня нашего отца. Священный император, возлюбленный Джада, умер.

Послышался ропот недоверия. Вскрикнула женщина. Кто-то рядом с Боносом сделал знак солнечного диска, за ним остальные. Кто-то опустился на колени, потом все, и при этом

раздался шорох, похожий на шум моря. Все, кроме Стилианы и Леонта. И Гезия, заметил Бонос. Теперь канцлер уже не выглядел озадаченным. На его лице появилось другое выражение. Он протянул руку к столу, чтобы сохранить равновесие, и спросил прямо из-за спин этих высоких людей, из-за спинок тронов:

— Как? Как это случилось? И как ты об этом узнал?

Тонкий, четкий голос прорезал тишину зала. Это Сарантий. Императорский квартал. Не то место, где легко контролировать определенные вещи. Здесь слишком много конкурирующих интересов и умных мужчин.

И женщин. Именно Стилиана повернулась лицом к канцлеру. Стилиана ответила голосом, до странности бессильным — словно лекарь только что пустил ей кровь, подумал Бонос:

— Его убили в туннеле между дворцами. Сожгли «сарантийским огнем».

Бонос помнил, как он при этих словах закрыл глаза. Прошлое и настоящее слились воедино с такой силой, что у него закружилась голова. Он открыл глаза. Пертений, стоявший на коленях рядом с ним, побелел.

— Кто? — Гезий отпустил стол и шагнул вперед. Он стоял один, немного в стороне от всех остальных. Человек, который служил трем императорам, пережил две смены власти.

Маловероятно, что он переживет третью, если будет задавать подобные вопросы. Сенатору пришло в голову, что старого канцлера это не волнует.

Леонт бросил взгляд на жену, и опять ответила Стилиана:

— Мой брат Лекан. И сосланный Кализиец, Лисипп. По-видимому, они подкупили стражников у дверей туннеля. А мой брат — охрану на острове.

Снова раздался ропот. Лекан Далейн и огонь. «Прошлое здесь, вместе с ними, в этом зале», — подумал Бонос.

— Понятно, — сказал Гезий, его шелестящий голос был настолько лишен всякого выражения, что это само по себе было очень выразительным. — Только эти двое?

— Кажется, да, — хладнокровно произнес Леонт. — Конечно, нужно будет провести расследование.

— Конечно, — согласился Гезий, и снова по его тону ничего нельзя было понять. — Так мудро с твоей стороны было указать нам на это, стратиг. Мы могли об этом не подумать. Я полагаю, госпожу Стилиану брат предупредил о своем преступном наме-

рении, но она явилась, к несчастью, слишком поздно и не смогла их остановить?

Ненадолго воцарилось молчание. «Слишком много людей их слушает, — подумал Бонос. — Это разнесется по всему Городу еще до заката. А в Сарантии и так уже вспыхнуло насилие». Ему стало страшно.

Император умер.

— Канцлер, как всегда, самый мудрый из нас, — тихо сказала Стилиана. — Все было так, как он сказал. Прошу вас, представьте себе мое горе и стыд. Мой брат тоже был мертв к тому моменту, когда мы пришли. И стратиг убил Лисиппа, когда мы увидели его там, стоящим над трупами.

— Убил его, — пробормотал Гезий. Он слабо улыбнулся, как человек, бесконечно искушенный в дворцовых интригах. — В самом деле? А те солдаты, о которых ты упомянула?

— Они уже были сожжены, — ответил Леонт.

На этот раз Гезий ничего не сказал, только опять улыбнулся, позволяя молчанию говорить за себя. Кто-то в переполненной комнате рыдал.

— Мы должны действовать. На Ипподроме возник бунт, — сказал Фастин. Начальник канцелярии наконец-то подал голос. Бонос видел, что он одеревенел от напряжения. — А что насчет объявления войны?

— Сейчас не будет никакого объявления, — категорично заявил Леонт. Хладнокровный, уверенный. Лидер. — А этот бунт не должен нас волновать.

— Нет? Почему? — Фастин посмотрел на него.

— Потому что здесь армия, — тихо ответил Леонт и медленно обвел взглядом зал, полный придворных.

Именно в тот момент, думал потом Бонос, он сам начал смотреть на происходящее по-другому. Возможно, Далейны спланировали это убийство по собственным причинам. Он ни на секунду не поверил, что Стилиана появилась слишком поздно в том туннеле, что ее слепой, искалеченный брат был способен спланировать и осуществить подобное со своего острова. «Сарантийский огонь» говорил о мести больше всего остального. Но если дети Далейна также полагали, что супруг-солдат Стилианы станет полезной фигурой на троне, средством для удовлетворения их собственных амбиций... Бонос решил, что они ошибались.

Он смотрел, как Стилиана повернулась к высокому мужчине, за которого вышла замуж по приказу Валерия. Плавт Бонос был человеком наблюдательным, провел много лет, расшифровывая еле заметные сигналы, особенно при дворе. «Она постепенно приходит к такому же выводу», — подумал он.

«Здесь армия». Два слова, но в них заложен огромный смысл. Армия может подавить гражданский бунт. Это очевидно. Но не только это. Войска находились на расстоянии двух недель пути и были разделены между командующими, когда умер Апий, не оставив преемника. Теперь они здесь, сосредоточены в Городе и его окрестностях, готовые отплыть на запад.

И человек, который сейчас говорит с ними, золотой человек рядом с Золотым Троном — их горячо любимый стратиг. Армия здесь, армия принадлежит ему, и все решит армия.

— Я займусь телом императора, — очень тихо произнес Гезий. Все головы снова повернулись к нему. — Кто-то же должен, — прибавил он и вышел.

К ночи того дня Сенат Сарантия собрался на срочное заседание в своей красивой, увенчанной куполом Палате. Они выслушали официальное сообщение городского префекта, который надел черное и говорил очень нервно о безвременной кончине возлюбленного Джадом Валерия Второго. Открытым голосованием было принято постановление, чтобы городской префект совместно с начальником канцелярии провел полное расследование обстоятельств этого подлого убийства.

Городской префект поклонился и удалился.

Под звон оружия и крики на улице Плавт Бонос произнес официальную формулу, призывающую Сенат общим мудрым решением выбрать преемника для Золотого Трона.

Три человека выходили на звезду из мозаики в центре круга, образованного сиденьями, и предлагали кандидатов. Выступил хранитель Святого дворца, затем первый советник восточного патриарха и наконец Авксилий, командир Бдительных, невысокий, смуглый, энергичный человек. Два года назад он вместе с Леонтом подавил мятеж. Все три оратора с разной степенью красноречивости призвали Сенат выбрать одного и того же человека.

После их выступлений Бонос предложил присутствующим назвать других кандидатов. Их не было. Тогда он предложил коллегам выступить с речами и замечаниями. Никто не встал.

Один сенатор предложил немедленно проголосовать. Они слышали, что у самых дверей Сената возобновилась схватка.

Поскольку никто не высказал ни малейших возражений против этого предложения, Бонос предложил начать голосование. Всем присутствующим раздали по два камушка: белый означал согласие с кандидатурой единственного выдвинутого претендента, а черный указывал на желание продолжить дебаты и рассмотреть другие кандидатуры.

В результате голосования сорок девять сенаторов проголосовали «за», один предпочел воздержаться. Авксилий, который стоял на галерее для гостей, поспешно покинул Палату.

После официальных выборов Плавт Бонос приказал клеркам Сената составить документ с печатью, в котором говорилось: достославный Сенат Сарантия считает, что преемником горячо оплакиваемого Валерия Второго, священного милостью Джада императора, наместника бога на земле, должен стать Леонт, в данный момент с честью исполняющий обязанности верховного стратига сарантийской армии. Клеркам поручили выразить общую горячую надежду Сената, что бог благословит его правление славой и удачей.

Заседание Сената закончилось.

В ту же ночь в Императорской часовне за стенами квартала восточный патриарх помазал на царство Леонта, которого часто называли «золотым». Эту часовню построил Сараний. В ней покоились его останки.

Было решено, что, если Город за ночь успокоится, на следующий день на Ипподроме будет проведена публичная церемония, на которой коронуют как императора, так и императрицу. Так делали всегда. Народ должен это видеть.

Плавт Бонос, которого в ту ночь сопровождал до дома отряд Бдительных, теребил пальцами в кармане неиспользованный белый камешек. Подумав, он выбросил его в темноте.

К тому времени на улицах в самом деле стало тише. Пожары потушили. На закате в Город прислали отряды солдат из гавани и временных казарм у городских стен. В присутствии хорошо вооруженных солдат, марширующих по улицам, насилие очень быстро прекратилось. Сегодня все прошло гладко, подумал Бонос. Не так, как в прошлый раз, когда не было наследника. Он пытался понять, почему ощущает такую горечь. Ведь не было никого, кто был бы более достоин носить пурпурные одежды императора, чем Леонт. Значит, дело не в этом. Или в этом?

Солдаты все еще ходили по улицам, действуя умело и эффективно. Он не помнил, когда еще армия так открыто действовала в Городе. Шагая вместе со своими охранниками (от носилок он отказался), Бонос видел, как патрули стучатся в двери, заходят в дома.

Он понимал зачем. И чувствовал тяжесть под ложечкой. Он старался прогнать некоторые мысли, но не слишком преуспел. Он слишком хорошо понимал, что происходит. Такое случается, такое должно случаться, когда происходит насильственная смена власти. Валерий, в отличие от своего предшественника Апия или от собственного дяди, не отправился к богу с миром, в старости, и его не выставили для торжественного прощания в Порфировом зале, нарядив в роскошные одежды. Его убили. Определенные события — смерть других людей, если Бонос хочет быть честным перед самим собой, должна последовать за этой.

В частности, одного человека.

И поэтому солдаты, наводнившие город своими факелами, прочесывают улицы и переулки у гавани, дворы богачей, лабиринты Ипподрома, церкви, таверны, притоны (хотя их и приказали закрыть сегодня ночью), гостиницы, дома гильдий, цеха, пекарни и бордели, возможно, даже цистерны с водой... и входят ночью в дома горожан. Тяжелый стук в дверь в темноте.

Кое-кто исчез, этого человека надо найти.

Приближаясь к собственной двери, Бонос увидел, что дом должным образом забаррикадирован от мятежников. Командир его стражников постучал, вежливо в данном случае, и назвался.

Засовы отодвинули. Двери открыли. Бонос увидел сына. Клеандр плакал, глаза у него покраснели и опухли. Бонос без всякого дурного предчувствия спросил его почему, и тот ему ответил.

Бонос вошел в дом. Клеандр поблагодарил стражников, и они ушли. Он закрыл дверь. Бонос тяжело опустился на скамью в прихожей. Мысли перестали вихрем носиться в его голове. У него не осталось мыслей. Только пустота.

Императоры умирают до срока. И другие люди тоже. И другие тоже. Мир таков, какой он есть.

* * *

— На Ипподроме бунт. И сегодня в Городе была еще одна птица! — с жаром воскликнула Ширин, как только Криспин вошел в свой дом и увидел ее. Она ждала его в гостиной, шагая

взад-вперед перед очагом. Она была возбуждена: произнесла эти слова, хотя слуга еще стоял в коридоре.

— *Еще одна птица!* — молча повторила за ней Данис, почти так же встревоженная. «Мыши и кровь!» — сказала бы Линон. И назвала бы его недоумком за то, что он в такое время один ходит по улицам.

Криспин глубоко вздохнул. Полумир. Можно ли покинуть его, войдя в него один раз? Может ли он покинуть тебя?

— Я знаю о стычках, — сказал он. — Теперь они идут на улицах. — Он повернулся и отпустил слугу. Потом до него дошло. — Ты сказала, что птица *была* здесь. А сейчас ее нет?

— *Сейчас я ее не чувствую*, — произнесла в его голове Данис. — *Она была здесь, а потом она... исчезла.*

— Исчезла? Из Города?

Он видел тревогу женщины, чувствовал, что она исходит от птицы.

— *Думаю, даже более того. Я думаю, что ее... нет. Просто была, а потом ее не стало.*

Криспину необходимо было выпить вина. Он видел, что Ширин пристально смотрит на него. Умный, все замечающий взгляд. Всякая игривость и показной блеск слетели с нее сейчас.

— Ты что-то знаешь об этом, — сказала она. Это не был вопрос. Дочь Зотика. — Ты не выглядишь... удивленным.

Он кивнул:

— Кое-что знаю. Не слишком много.

Она казалась бледной и озябшей, даже стоя у огня. Обхватила себя руками и сказала:

— Я получила два отдельных послания, от двух моих... осведомителей. Они оба говорят, что Сенат собирается на заседание. Они также говорят... говорят, что император, возможно, мертв. — Он не был уверен, но ему показалось, что она плакала. Дальше в тишине раздался неслышный голос Данис:

— *Они сказали, что он убит.*

Криспин вздохнул. Он чувствовал, как бьется его сердце, все еще слишком быстро. Посмотрел на Ширин, стройную, грациозную, испуганную. И сказал:

— Я подозревал... что это правда.

«Но Охотница пустит стрелу — и тогда Он умрет».

Он испытывал горе, более сильное, чем ожидал.

Она прикусила губу.

— Эта птица, которую почувствовала Данис... Она сказала, что это... злое существо.

Нет оснований, в самом деле, чтобы не рассказать ей об этом. Ей можно. Она здесь, с ним, в полумире. Ее отец ввел в него их обоих.

— Она принадлежала Лекану Далейну. Который сегодня убежал из тюрьмы и прибыл сюда.

Ширин внезапно села на ближайшую скамью. Она все еще обнимала себя руками. Она была очень бледна.

— Слепой? Обгоревший? Он покинул остров?

— Очевидно, ему помогли.

— Кто?

Криспин еще раз вздохнул:

— Ширин, дорогая моя. Если твои вести верны и Валерий мертв, то обо мне будут задавать вопросы. Из-за того, где я находился сегодня утром. Тебе лучше не знать. Можешь сказать, что ты не знаешь. Что я отказался тебе рассказывать.

Выражение ее лица изменилось.

— Ты был на том острове? О Джад! Криспин, они... ты ведь не собираешься делать глупости, правда?

Ему удалось слабо улыбнуться:

— Для разнообразия, ты хочешь сказать?

Она энергично затрясла головой:

— Не надо шутить. Не надо! Если Далейны убили Валерия, они... — Он увидел, что ей пришла в голову другая мысль. — Где Аликсана? Если они убили Валерия...

Она оставила эту мысль в воздухе, и там она растаяла. Мужчины и женщины живут и умирают. Он не знал, что сказать. Что он может сказать. Плащ, сброшенный на каменистый берег. Они его найдут. Возможно, уже нашли. «Неужели прекрасная дева с волосами, как спелая нива, никогда больше в поле не выйдет?»

— Тебе лучше остаться у меня до утра, — наконец сказал он. — На улицах опасно. Тебе не следовало выходить, ты знаешь.

Она кивнула.

— Знаю. — И через секунду спросила: — У тебя есть вино?

Потрясающе умная женщина. Он отдал распоряжение слуге принести вина, воды и еды. Евнухи прислуживали у него в доме. Они были очень хорошими слугами. На вечерних улицах дрались. Солдаты собирали сенаторов и сопровождали их в Па-

лату Сената, потом возвращались на улицы, чтобы поддерживать порядок в это опасное время.

Вскоре после наступления темноты они его установили и приступили к выполнению следующей задачи.

Когда раздался громкий стук в дверь, Криспин его уже ждал. Он покинул Ширин ровно на столько времени, сколько нужно, чтобы помыться и переодеться. На нем все еще была та потрепанная туника, которую он надел на работу и в которой плавал на остров. Он надел лучшую тунику и штаны с кожаным поясом, не совсем понимая, почему так поступает. Он сам пошел открывать, кивком приказав слуге отойти в сторону. Распахнул дверь, и его на мгновение ослепило пламя факелов.

— Приложить тебя шлемом? — спросил с порога Карулл.

Воспоминания. Облегчение. А потом мимолетная грусть: здесь так безнадежно пересекалась преданность разным людям. Он и со своей собственной не мог разобраться. Он понимал, что Карулл, наверное, сам попросился руководить этим визитом в его дом. Интересно, кто дал ему это разрешение? И где сейчас Стилиана?

— Твоя жена, — спокойно ответил он, — наверное, огорчится, если ты это сделаешь. В прошлый раз она огорчилась, помнишь?

— Поверь мне, я помню. — Карулл вошел в дом. Он что-то сказал своим людям, и они остались ждать на пороге. — Мы проводим обыски во всем городе. В каждом доме, не только в твоем.

— Вот как! А почему мой выделен особо?

— Потому что ты был сегодня утром с имп... с Аликсаной.

Криспин посмотрел на друга. Увидел тревогу в глазах гиганта и еще кое-что — отчетливое возбуждение. Волнующие времена, самые волнующие, какие можно себе вообразить, а он сейчас — один из личных гвардейцев Леонта.

— Я был с императрицей. — Криспин подчеркнул это слово, сознавая, что ведет себя неправильно. — Она взяла меня с собой посмотреть на дельфинов, а потом на тюремный остров. Мы видели Лекана Далейна утром, а когда вернулись назад, после того, как поели в другом месте, его уже не было. Двое дежурных охранников оказались убитыми. Императрица уплыла

оттуда с одним солдатом. Она не вернулась на корабль. Все это уже должно быть известно во дворце. Что случилось, Карулл?

— Дельфинов? — спросил тот, словно больше ничего не слышал.

— Дельфинов. Для мозаики.

— Это ересь. Они запрещены.

— Ее за это сожгут? — холодно спросил Криспин. Не смог сдержаться.

Он увидел, как блеснули глаза его друга.

— Не будь идиотом. Что случилось? — сказал Криспин. — Скажи мне.

Карулл шагнул мимо него в комнату, увидел там Ширин у очага. Захлопал глазами.

— Добрый вечер, солдат, — тихо сказала она. — Не видела тебя со дня твоей свадьбы. У тебя все в порядке? А у Касии?

— Я... да... э... да, у нас все хорошо. Спасибо. — Карулл заикался, ему впервые не хватило слов.

— Мне сказали, что сегодня был убит император, — сказала она, не давая ему опомниться. — Это правда? Скажи мне, что это не так.

Карулл заколебался, потом покачал головой:

— Хотел бы я это сказать. Его сожгли в туннеле между дворцами. Лекан Далейн, который действительно сбежал сегодня с острова. И Лисипп, Кализиец, который был сослан, как вам известно, но тайно проскользнул обратно в Город.

— Больше никто?

— С ними были двое... Бдительных. — Карулл смутился.

— Значит, обширный заговор. Только эти четверо? — Лицо Ширин сохраняло простодушное выражение. — Теперь мы в безопасности? Я слышала, что Сенат собрался на заседание.

— Ты хорошо осведомлена, госпожа. Это правда.

— И что? — спросил Криспин.

— Они объявили перерыв на ночь. Назначили преемником Леонта, и сегодня ночью его помажут на царство. Завтра утром об этом объявят, коронация его и новой императрицы состоится в катизме.

Снова эта интонация, волнение, которого этот человек не мог подавить. Карулл любил Леонта, и Криспин это знал. Стратиг даже пришел к нему на свадьбу, лично объявил о повышении, а потом взял в свою личную гвардию.

— А тем временем, — произнес Криспин, не пытаясь

скрыть горечь, — все солдаты в Сарантии охотятся за прежней императрицей.

Карулл посмотрел на него:

— Прошу тебя, скажи мне, что ты не знаешь, где она, мой друг.

В груди у Криспина образовался тяжелый ком боли, подобный камню.

— Я не знаю, где она, мой друг.

Они молча смотрели друг на друга.

— *Она просит тебя быть осторожным. И справедливым.*

Криспину захотелось выругаться. Но он этого не сделал. Данис — или Ширин — права. Он махнул рукой.

— Обыщи дом, прикажи им обыскать.

Карулл откашлялся и кивнул. Криспин посмотрел на него и прибавил:

— И спасибо, что взялся за это сам. Тебе нужно, чтобы я явился куда-нибудь для допроса?

— *Ну, это уж слишком!* — возмущенно воскликнула Данис.

Карулл еще мгновение поколебался, потом покачал головой. Он вернулся в прихожую и открыл наружную дверь. Они слышали, как он отдает приказы. Вошли шесть человек. Двое поднялись наверх, остальные двинулись в задние комнаты на первом этаже.

Карулл вернулся в гостиную.

— Возможно, тебя допросят позже. У меня нет пока насчет этого приказа. Ты ездил на остров вместе с императрицей, видел Лекана, потом он исчез, а потом уехала она. Как?

— Я тебе уже сказал. С одним из Бдительных. Не знаю его имени. Я даже не знаю, уехала ли она. Она, возможно, все еще находится на острове, Карулл. Ее убьют, когда найдут, не так ли?

Его друг с трудом сглотнул. Он выглядел совершенно подавленным.

— Понятия не имею, — ответил он.

— Еще как имеешь, — резко сказала Ширин. — Просто ты в этом не виноват, хочешь ты сказать. И Леонт тоже, конечно. Он ни в чем не виноват.

— Я не... Я действительно считаю, что он не имел никакого отношения ко всему этому, — ответил могучий солдат.

Криспин посмотрел на него. Его самый близкий друг в этом городе. Честный и порядочный, как ему известно.

— Да, я думаю, он ничего об этом не знал.

— Бедняжка, беспомощный. Значит, это Стилиана, — фыркнула Ширин, все еще разъяренная. — Она — из оставшихся Далейнов. Один брат слепой и в заточении, второй — круглый дурак.

Криспин посмотрел на нее. Карулл тоже. Мужчины переглянулись. Криспин сказал:

— Дорогая, прошу тебя, оставь эту мысль в этой комнате. Ты меня недавно просила не быть глупцом. Позволь мне сказать тебе то же самое.

— Он прав, — мрачно согласился Карулл.

— *Да сгноит вас обоих Джад!* — в тишине воскликнула Данис, и Криспин услышал в голосе птицы боль, которую не могла выразить женщина.

— Нам всем сегодня грустно, — прибавил Карулл. — Нелегкое время.

— *Грустно? Не смешите! Этот человек просто светится от восторга!* — сказала Данис с яростью, прежде ей не свойственной.

Это была неправда или не совсем правда, но Криспин не мог сказать об этом вслух. Он посмотрел на Ширин и с опозданием понял при свете лампы, что она плачет.

— Вы загоните ее как какого-то зверя, — с горечью сказала она. — Вы все. Армия солдат будет охотиться за одной женщиной, чьего мужа только что убили и чья жизнь закончилась вместе с его жизнью. А что потом? Отошлете ее назад, в лачугу на Ипподроме? Заставите танцевать обнаженной ради забавы? Или вам приказано тихо убить ее, когда вы ее найдете? И избавить бедного добродетельного Леонта от подробностей?

Это говорит женщина, не актриса, понял наконец Криспин. Страх и неожиданной силы ярость при мысли о другой танцовщице, которая бросила вызов Городу и миру.

Но даже здесь было гораздо больше слоев смысла, потому что если Леонт не подозревал о происходящем, то Стилиана знала. Речь шла не о преследовании мужчинами беспомощной женщины. Речь шла также о двух воюющих женщинах, и только одна могла теперь остаться в живых.

— Я не знаю, что они сделают, — сказал Карулл, и даже Ширин, подняв лицо, не пряча слез, не могла не услышать в его голосе отчаяния.

Послышались шаги. Солдат появился в арочном проеме

двери. Он доложил, что ни в доме, ни во внутреннем дворе никто не прячется. Другие прошли мимо него и снова вышли на улицу.

Карулл посмотрел на Криспина. Казалось, он хотел сказать еще что-то, но промолчал. Он повернулся к Ширин:

— Можем мы проводить вас домой, госпожа?

— Нет, — ответила она.

Он сглотнул:

— Приказано всем оставаться в домах. На улицах много солдат... некоторые из них... не привыкли к городу. Будет безопаснее, если...

— Нет, — повторила она.

Карулл замолчал. Еще через секунду он поклонился ей и вышел.

Криспин проводил его к двери. Там Карулл остановился.

— Им... приказано найти ее сегодня ночью, как ты сказал. Подозреваю, что во время поисков возникнут неприятности.

Криспин кивнул. «Неприятности». Уклончивое слово придворного. Происходят перемены, пока проходит ночь и восходят луны. Но Карулл ни в чем не виноват.

— Я... понимаю. И благодарен тебе, что именно ты пришел ко мне. Храни тебя Джад.

— И тебя, друг мой. Не выходи из дома.

— Не выйду.

Он действительно имел такое намерение. Но разве можно предугадать, кто придет и застанет тебя врасплох?

Прошлой осенью, дома, это был императорский курьер, доставивший вызов из Сарантия. Сегодня ночью это было нечто иное. Но это опять был вызов, так как снова раздался стук в дверь, более тихий, вскоре после того, как ушли солдаты.

Криспин опять пошел открывать сам. На этот раз факелы не горели и вооруженных людей не было. Был человек, один, в плаще с капюшоном. Женщина, которая тяжело дышала после быстрого бега и от страха. Она спросила, как его зовут. Он ответил, не думая, отступил в сторону, она быстро вошла, бросив взгляд через плечо в темноту. Он закрыл дверь. У входа в комнату она молча протянула ему записку, потом пошарила в складках одежды и достала кольцо.

Он взял и то, и другое. Ее руки дрожали. Он узнал кольцо и почувствовал, как сильно стукнуло его сердце один раз.

Он забыл об еще одном человеке.

Криспин сломал печать на письме и развернул его. Оно содержало приказ, не просьбу, и отдал его человек, которому, как считал Криспин, он обязан повиноваться, какой бы горькой ни была растерянность, какие бы узы верности ни порвались в этот ужасный день и ночь. Он стоял и чувствовал, как его сердце снова забилось ровно.

Это также означало, что ему необходимо опять выйти из дома.

Ширин появилась в проеме двери.

— В чем дело?

Он ей сказал. Не знал почему, но он ей сказал.

— Я тебя отвезу, — сказала она.

Он попытался отказаться. Пустая трата времени.

У нее есть носилки и охрана, напомнила она. Ее знают, и эта известность ее охраняет. Она может мирно направляться домой с другом, даже если выходить на улицы запрещено. У него не хватило сил отказаться. Что она будет делать? Сидеть в доме, пока его не будет?

У Ширин были двухместные носилки. Криспин приказал позаботиться о посыльной, дать ей поесть и предоставить кровать для ночлега, если пожелает. Глаза женщины выдали ее облегчение: она явно ужасно боялась, что ей придется вернуться на улицу. Криспин надел свой плащ, затем открыл дверь, подождал, пока на улице станет тихо, а потом они вышли из дома. Темнота таила в себе угрозу, ясную, как звезды, тяжелую, как земля на груди мертвецов. Валерий погиб в туннеле, сказал Карулл.

Носильщики вышли к ним из тени в конце портика. Ширин приказала им отнести ее и мозаичника к ней домой. Они двинулись по улице. Глядя из-за незадернутых занавесок, Криспин видел странные маленькие язычки пламени на углах, возникающие без всякой видимой причины, вспыхивающие и исчезающие. Души, духи, эхо огня Геладикоса, необъяснимое.

Но эти огоньки всегда видят по ночам в Сарантии.

Непривычными были шум и факелы повсюду, дымящие, горящие оранжевым неровным светом. Отовсюду доносился топот ног, обутых в сапоги. Бегущих, не марширующих. Ночь кружилась от ощущения скорости, настойчивости. Стук в две-

ри, приказы открыть. Поиск. Одной женщины. Мимо галопом проскакали два всадника, послышались резкие команды, проклятия. Криспину внезапно пришло в голову, что большая часть этих солдат не имеет ни малейшего представления о том, как выглядит Аликсана. Он снова подумал об императорской мантии, брошенной на острове. На женщине не будет одежды и украшений императрицы. Не так-то легко найти ее, если ее не предадут. Такая возможность, конечно, существует.

Они не делали попыток скрываться, по дороге их дважды останавливали. Оба раза это были люди городского префекта, что удачно, так как эти солдаты тут же узнавали первую танцовщицу Зеленых, и им разрешали продолжать путь к ее дому.

Они двигались не к ее дому. Когда они уже подошли к ее улице, Ширин выглянула и отдала другое распоряжение, велела носильщикам двигаться на восток, по направлению к стенам. С этого момента опасность возросла, стала реальной, так как она уже не могла утверждать, что направляется домой, но их больше не останавливали. Обыски сюда еще не добрались; они распространялись от Императорского квартала и от гавани вверх. Обыскивали улицу за улицей, дом за домом в темноте.

В конце концов они прибыли к дому, стоящему неподалеку от тройных стен. Ширин велела носильщикам остановиться. Сидящие на носилках молчали.

— Спасибо, — сказал наконец Криспин. Она смотрела на него. Данис, висящая на цепочке у нее на шее, молчала.

Он вылез. Посмотрел на закрытые двери перед ним, потом вверх, на ночные звезды. Затем снова повернулся. Ширин по-прежнему молчала. Он нагнулся к носилкам и нежно поцеловал ее в губы. Он помнил тот день, когда они впервые встретились, то страстное объятие в дверях, протесты Данис, Пертения Евбульского, появившегося у Ширин за спиной.

Вот человек, который должен быть сегодня счастлив, вдруг подумал Криспин с горечью.

Потом он отвернулся и постучал — еще один стук в дверь в Сарантии той ночью — в дверь человека, который его вызвал. Слуга открыл мгновенно; он явно ждал, понял Криспин. И вошел. Слуга нервно махнул рукой. Криспин прошел вперед.

Царица антов ждала в гостиной справа от прихожей.

Он увидел, что она стоит у очага, сверкающая, с драгоценными камнями в ушах и на шее, на пальцах и в волосах, одетая в шелковистое платье, пурпурное с золотом. Сегодня пурпур —

знак царского достоинства. Высокая и прекрасная и ослепительно царственная. Ее окружало нестерпимое сверкание, как драгоценные камни, которые она надела. Дух захватывало при взгляде на нее. Криспин поклонился, а потом, преисполнившись благоговения, опустился на колени на деревянный пол.

— На этот раз мешок из-под муки не понадобился, художник. Я прибегла к более мягким методам, как видишь.

— Благодарю, моя госпожа. — Он больше ничего не мог придумать. Тогда, прежде, ему тоже казалось, что она умеет читать его мысли.

— Говорят, император умер. — Прямая, как всегда. Она — из антов, не из Сарантия. Другой мир. Запад с точки зрения востока. Она родилась среди лесов и полей, а не среди этих тройных стен, Бронзовых Врат и золотых деревьев во дворцах. — Это правда, Валерий мертв?

Это спрашивает его царица.

— Полагаю, он мертв, — ответил Криспин, откашливаясь. — У меня нет...

— Убит?

Криспин сглотнул. Кивнул головой.

— Далейны?

Он снова кивнул. Стоя на коленях, глядя на нее, стоящую у огня, он думал, что никогда еще не видел ее такой. Он никого не видел, кто выглядел бы так, как сейчас Гизелла. Существо, почти пылающее, словно языки пламени у нее за спиной, не совсем человеческое существо.

Она смотрела на него своими знаменитыми, широко расставленными синими глазами. У Криспина пересохло во рту. Она сказала:

— В таком случае, Кай Криспин, ты должен доставить меня в Императорский квартал. Сегодня ночью.

— Я? — выразительно переспросил Криспин.

Гизелла слабо улыбнулась.

— Я не сумела вспомнить никого другого, — сказала она. — И не могу доверять никому другому. Я беспомощная женщина, одинокая, вдали от своего дома.

Он снова с трудом сглотнул и не нашел ответа. Он вдруг подумал о том, что может погибнуть сегодня ночью и что он ошибался, рассматривая этот ужасный день и ужасную ночь как арену борьбы между двумя женщинами. Он ошибался. И теперь это понял. Их было три, а не две.

Действительно, они все о ней забыли. Такой недосмотр мог иметь огромное значение, изменить многое в этом мире, но, возможно, не сразу, не так явно для некоторых людей, например, для той семьи крестьян на севере, в которой лучший работник только что внезапно умер совсем молодым, и все поля остались незасеянными.

ГЛАВА 13

В лагере Синих царил такой страх, какого Кирос никогда раньше не наблюдал. Словно все они были конями, еще не объезженными, и потели от страха, дрожали от страха.

Скортий оказался не единственным пострадавшим. Всю вторую половину дня в лагерь прибывали раненые члены факции, кто-то легко, кто-то смертельно. Здесь царил хаос. Раненым занимался Амплиар, новый лекарь факции, с бледным лицом, и Колумелла, который был вообще-то лошадиным лекарем, но внушал большинству из них больше доверия, чем Амплиар. Был еще седобородый лекарь-бассанид, которого никто не знал, но который, как оказалось, лечил Скортия в каком-то другом месте во время его отсутствия. Загадка, но задуматься над ней было некогда.

За воротами на закате все еще раздавались топот бегущих ног и крики людей, слышались тяжелая поступь марширующих солдат, звон металла, грохот конских копыт, а иногда вопли. Обитателям лагеря строго запретили выходить за ворота.

Тревогу усиливало еще и то, что в самом конце дня — когда небо на западе, над линией облаков, покраснело — Асторг еще не вернулся.

Его схватили люди городского префекта, когда начались беспорядки, и увели к себе для допроса. А все знали, что может произойти с человеком, которого допрашивают в здании без окон через площадь от Ипподрома.

В отсутствие факционария управление лагерем обычно переходило к Колумелле, но он был целиком занят лечением раненых. Вместо него эти обязанности взял на себя маленький толстый повар. Струмос хладнокровно и быстро отдавал распоряжения, обеспечивал постоянный запас чистых простынь и белья для раненых, отправил всех здоровых — конюхов, слуг, жонглеров, танцовщиков — на помощь трем врачам, расставил

дополнительную охрану у ворот лагеря. Его слушались. Действительно, необходимо было чувствовать, что кто-то все держит под контролем.

Струмос заставил своих помощников — поваров, поварят и подавальщиков — трудиться не покладая рук, готовить супы, жареное мясо и овощи, носить раненым и слишком возбужденным людям вино, хорошо разбавленное водой. В такое время людям нужна еда, говорил им повар на кухне. Он был поразительно спокоен для человека, славящегося своим взрывным темпераментом. Как питание, так и иллюзия порядка играет свою роль, назидательно говорил он, словно читал лекцию в тихий послеобеденный час.

Кирос подумал, что это правда. Само приготовление пищи производило успокаивающее действие. Он сам чувствовал, как отступает страх, когда он занимался обычными, не требующими особых размышлений делами: выбирал, нарезал и рубил овощи для супа, заправлял его травами и солью, пробовал и еще добавлял приправ и видел, что все остальные тоже заняты своими обычными делами на кухне.

Можно было вообразить, что предстоит пиршество и все они готовят его в обычной суете.

Но этому кое-что мешало. Они слышали, как кричат люди от гнева и боли, когда им помогают войти во двор с обезумевших улиц за воротами. Кирос уже слышал имена десятка людей, знакомых ему, которые погибли сегодня на Ипподроме или в стычках за его пределами.

Разик на своем рабочем месте рядом с Киросом беспрерывно сыпал проклятиями и рубил овощи с едва сдерживаемой яростью. Он обращался с луком и свеклой так, словно это были Зеленые или военные. Утром он ходил на Ипподром, но вернулся до того, как после полудня вспыхнул мятеж. Работникам кухни, вытянувшим счастливые соломинки и получившим разрешение сходить на первые заезды, всегда вменяли в обязанность возвращаться перед последним утренним заездом, чтобы помочь приготовить полуденную трапезу.

Кирос пытался не обращать внимания на друга. В его сердце были тяжесть и страх, но не гнев. Снаружи царило насилие. Людей калечили и убивали. Он тревожился за мать и отца, за Скортия, за Асторга.

А император умер.

Император умер. Кирос был совсем маленьким, когда умер

Апий, и еще подростком, когда Валерий отправился к богу. И оба они ушли из этого мира в своей постели. А сегодня говорят о подлом убийстве, убийстве помазанника божьего, наместника бога на земле.

Это бросает тень на все, думал Кирос, словно замеченный краем глаза призрак парит над колоннадой или над куполом церкви и заслоняет поток солнечного света. И это определяет день и грядущую ночь.

К наступлению темноты зажгли факелы и лампы. Помещения факции стали похожи на ночной лагерь у поля боя. Казармы уже были полны раненых, и Струмос приказал накрыть столы в обеденном зале простынями и использовать их как временные постели для тех, кто в них нуждается. Он сам успевал повсюду, быстрый, сосредоточенный, невозмутимый.

Проходя по кухне, он остановился и огляделся. Жестом подозвал Кироса, Разика и еще двоих.

— Отдохните немного, — сказал он. — Поешьте, или ложитесь, или вытяните ноги. Как хотите.

Кирос вытер со лба пот. Они работали почти непрерывно с самого полудня, а сейчас совсем стемнело.

Ему не хотелось ни есть, ни ложиться. Разику тоже. Они вышли из жаркой кухни в холодный сумрак двора, освещенного факелами. Кирос ощутил холод, что для него было необычно. Он пожалел, что не набросил плащ поверх пропотевшей туники. Разик захотел пойти к воротам, и они зашагали туда. Кирос волочил за собой ногу, стараясь не отстать от друга. Над головой появились звезды. Луны еще не взошли. Сейчас здесь ощущалось временное затишье. Никто в этот момент не кричал, никого не вносили с улицы, никто не бежал с поручением от лекарей в бараки или в обеденный зал.

Они подошли к воротам, к стоящим там охранникам. Кирос увидел, что эти люди вооружены мечами и копьями и надели нагрудники. И шлемы, словно солдаты. Оружие и латы гражданским лицам носить на улицах запрещалось, но в лагерях факций действовали свои законы, им было разрешено защищаться.

Здесь тоже стояла тишина. Они посмотрели за железные ворота на темную улицу. Вдалеке двигались люди, раздавались какие-то звуки, одинокий голос кого-то звал, мелькал огонь факела. Разик спросил о новостях. Один из охранников сказал, что Сенат созвали на заседание.

— Зачем? — фыркнул Разик. — Сборище бесполезных толстых задниц. Чтобы голосованием добыть себе еще вина и каршитских мальчиков?

— Они выбирают императора, — ответил стражник. — Если у тебя маловато мозгов, поваренок, держи рот на замке, чтобы никто не догадался.

— Пошел ты! — огрызнулся Разик.

— Заткнись, Разик, — быстро сказал Кирос. — Он расстроен, — объяснил он охраннику.

— Мы все расстроены, — отрезал тот. Кирос его не знал.

Они услышали шаги, приближающиеся сзади, обернулись. При свете факелов, прикрепленных к стене, Кирос узнал возничего.

— Тарас! — произнес второй охранник, и в его голосе прозвучало уважение.

Они уже слышали обо всем, на кухне. Тарас, самый новый их возница, победил в заезде после полудня каким-то чудесным способом на пару с чудом вернувшимся Скортием. Они заняли первое, второе, третье и четвертое места, полностью затмив триумфы Зеленых прошлого дня гонок и заездов этого утра.

А затем вспыхнула драка во время круга почета.

Молодой возница кивнул головой, подошел и встал рядом с Киросом у ворот.

— Есть известия о факционарии? — спросил он.

— Еще нет, — ответил третий охранник. Он сплюнул куда-то в темноту за пределами круга света от лампы. — Эти сволочи из конторы городского префекта не хотят ничего говорить, даже когда приходят сюда.

— Вероятно, сами не знают, — заметил Кирос. Вспыхнул факел, рассыпав искры, и он отвел взгляд. Ему казалось, что только он один всегда старается быть рассудительным, а остальные считают это ненужным. Интересно, каково было бы бежать по улицам, размахивая мечом, и кричать от ярости? Он покачал головой. Не тот человек, не та жизнь. И не та нога, если уж на то пошло.

— Как Скортий? — спросил он, глядя на возничего. У Тараса был рассечен лоб, а на щеке красовался уродливый синяк.

Тарас покачал головой:

— Сейчас спит, как мне сказали. Ему что-то дали, чтобы он

спал. Ему было очень больно, из-за тех ребер, которые он сломал раньше.

— Он умрет? — спросил Разик. Кирос быстро сделал знак солнечного диска в темноте и увидел, что его повторили двое из охранников.

Тарас пожал плечами:

— Они не знают или не хотят говорить. Лекарь-бассанид очень сердит.

— В задницу бассанида, — выругался Разик, как и следовало ожидать. — Кто он такой?

За воротами внезапно что-то загремело, послышался резкий, хриплый голос, отдающий приказ. Они быстро повернулись и посмотрели на улицу.

— Еще наши возвращаются, — сказал первый охранник. — Откройте ворота.

Кирос увидел группу мужчин — примерно дюжину, — которых солдаты грубо гнали перед собой по улице. Один из них не мог идти, его с двух сторон поддерживали два человека. Солдаты с обнаженными мечами гнали Синих вперед. Он увидел, как один из них замахнулся мечом и плашмя ударил споткнувшегося человека, выругавшись с акцентом северянина.

Ворота распахнулись. Огонь факелов и ламп заколебался от ветра. Человек, которого ударил солдат, споткнулся и упал на булыжную мостовую. Солдат снова выругался и сильно ткнул его острием клинка.

— Поднимайся, кусок конского дерьма!

Человек неуклюже привстал на колено, пока остальные поспешно вбегали в ворота. Кирос, не задумываясь, вышел, прихрамывая, вперед и опустился на колени рядом с упавшим человеком.

Он закинул правую руку упавшего к себе на плечо. От этого человека пахло потом, кровью и мочой. Кирос встал и покачнулся, поддерживая пострадавшего. Он понятия не имел, кто это, не разглядел в темноте, но это был один из Синих, как все они, и он был ранен.

— Шевелись, колченогий, если не хочешь, чтобы я воткнул меч тебе в задницу, — сказал солдат. Кто-то рассмеялся. — «Они выполняют приказ, — сказал себе Кирос. — В столице — бунт. Император умер. Они тоже боятся».

Ему показались очень длинными эти десять шагов до ворот лагеря. Он увидел, как Разик бежит к нему на помощь. Разик

поднял другую руку раненого и положил к себе на плечи, но при этом человек между ними закричал от боли, и они поняли, что он ранен мечом в эту руку.

— Мерзавцы! — оскалился Разик, в ярости поворачиваясь к солдатам. — Он безоружен! Вы, козлы! Нечего было...

Ближний солдат, тот, который рассмеялся, повернулся к Разику и — на этот раз без всякого выражения — замахнулся мечом. Механическое, точное движение, не похожее на движение человека.

— Нет! — крикнул Кирос и, быстро изогнувшись, все еще поддерживая раненого, свободной рукой попытался схватить Разика. Под тяжестью раненого его качнуло в сторону от этого слишком поспешного движения, он попытался удержать равновесие.

И в это мгновение, вскоре после наступления темноты в тот день, когда умер император Валерий Второй, Кирос из факции Синих, родившийся на Ипподроме, который, разумеется, никогда не считал себя возлюбленным бога и никогда не видел вблизи святого наместника бога на земле, трижды возвышенного пастыря народа, тоже почувствовал, как нечто обжигающе горячее вонзилось в него сзади. Он упал, как Валерий, и в его голове также молнией пронеслись мысли о тех многих вещах, к которым он стремился, но так и не совершил.

Это может быть общим у людей, даже если между ними нет совсем ничего общего.

Тарас, ругая себя за тупость и медлительность, выскочил из ворот, пробежав мимо охранников, которых могли зарубить мечами, если бы они вышли на улицу с оружием.

Парень по имени Разик стоял, застыв как статуя, с открытым ртом и смотрел вниз, на своего упавшего друга. Тарас схватил его за плечи и почти отшвырнул назад, к воротам и стоящим там стражникам, пока его самого не зарубили. Потом опустился на колени, сделав ладонями быстрый умиротворяющий жест в сторону солдат, и поднял человека, которому пытался помочь Кирос. Раненый опять вскрикнул, но Тарас стиснул зубы и почти волоком потащил его к воротам. Отдал его охранникам и снова обернулся. Он собирался вернуться на улицу, но что-то заставило его остановиться.

Кирос лежал лицом вниз на булыжниках мостовой и не двигался. Кровь, черная в темноте, текла из раны в спине.

Солдат, который проткнул его мечом, равнодушно посмотрел на тело, потом в сторону ворот, где стояли, сгрудившись, Синие в колеблющемся свете факелов.

— Не тот кусок дерьма, — пренебрежительно сказал он. — Неважно. Будет вам урок. С солдатами так не разговаривают. Или кто-то умрет.

— Ты... иди сюда, повтори, козел! Синие! Синие! — Разик с искаженным лицом беспомощно звал, выкрикивал непристойности, заикался.

Солдат тяжело шагнул вперед.

— Нет! — резко крикнул другой, с тем же сильным акцентом, повелительным тоном. — Приказ. Не входить. Пошли отсюда.

Разик продолжал рыдать, звать на помощь, разразился в беспомощной ярости грязными ругательствами. Собственно говоря, Тарасу хотелось сделать то же самое. Когда солдаты уже уходили и один из них перешагивал прямо через тело зарубленного повара, он услышал шаги. За их спинами в лагере появились новые факелы.

— В чем дело? Что здесь произошло? — Это были Струмос, лекарь-бассанид, а с ними множество людей с огнем.

— Привели еще десяток наших, — ответил один из охранников. — По крайней мере, двое серьезно ранены, вероятно, солдатами. И они только что...

— Это Кирос! — закричал Разик, хватая повара за рукав. — Струмос, смотри! Теперь они убили Кироса!

— Что? — Тарас увидел, как изменилось лицо маленького человечка. — Эй, вы! Стоять! — крикнул он, и солдаты, к его изумлению, обернулись к нему. — Несите свет! — приказал Струмос через плечо и вышел за ворота. Тарас мгновение поколебался, потом последовал за ним, немного позади.

— Вы, грязные подонки! Я хочу знать имя и звание вашего командира! — произнес маленький повар с едва сдерживаемой яростью в голосе. — Сейчас же! Отвечайте!

— Кто ты такой, чтобы приказывать?..

— Я говорю от имени официально зарегистрированной фракции Синих, а вы находитесь у ворот нашего лагеря, скоты! Насчет этого существуют правила, и они существуют сто лет

или больше. Я хочу знать твое имя, если ты — командир этих пьяных болванов, позорящих нашу армию.

— Толстяк, — сказал солдат, — ты слишком много болтаешь. — И он рассмеялся, повернулся и ушел, не оглядываясь.

— Разик, Тарас, вы их сможете узнать? — Струмос застыл на месте, стиснув кулаки.

— Думаю, смогу, — ответил Тарас. Он помнил, как стоял на коленях, поднимая раненого, и смотрел прямо в лицо того солдата, который зарезал Кироса.

— Тогда они за это ответят. Они сегодня убили одаренного парня, эти грязные, невежественные скоты.

Тарас увидел, как доктор шагнул вперед.

— Это хуже, чем убить обыкновенного человека? Или сотню людей? — Голос бассанида звучал еле слышно, выдавая степень его усталости. — В чем одаренного?

— Он уже становился поваром. Настоящим, — ответил Струмос. — Мастером.

— Вот как? — переспросил доктор. — Мастером? Он слишком молод. — Он посмотрел на лежащего Кироса.

— А ты никогда не видел талант, дар, проявившийся рано? Разве ты сам не молод, несмотря на твои фальшивые крашеные волосы и эту смехотворную палку?

Тарас увидел, как доктор поднял глаза, и при свете факелов и фонарей заметил, как что-то — воспоминание? — промелькнуло на лице бассанида.

Но он ничего не сказал. Вся его одежда была испачкана кровью, и на щеке виднелось пятно крови. Сейчас он не выглядел молодым.

— Этот мальчик был моим наследством, — продолжал Струмос. — У меня нет сыновей, нет наследников. Он бы... превзошел меня, потом. Его бы запомнили.

Доктор снова заколебался. Он еще раз посмотрел на тело. Через секунду он вздохнул.

— Его еще могут запомнить, — пробормотал он. — Кто решил, что он мертв? Он не выживет, если его оставить лежать на камнях, но Колумелла сможет очистить рану и перевязать ее — он видел, как я это делаю. И он умеет зашивать раны. А потом...

— Он жив! — закричал Разик и бросился вперед, падая на колени рядом с Киросом.

— Осторожно! — рявкнул доктор. — Принесите доску и положите его на доску. И ни в коем случае не позволяйте этому

идиоту Амплиару пустить ему кровь. Если он это предложит, вышвырните его из комнаты. Отдайте его Колумелле. А теперь, — сказал он, поворачиваясь к Струмосу, — где мои провожатые? Я готов идти домой. Я... очень устал. — И он оперся на свою палку.

Повар посмотрел на него.

— Еще один пациент. Вот этот. Прошу тебя. Я тебе сказал, у меня нет сыновей. Я верю, что он... я верю... Разве у тебя нет детей? Ты понимаешь, что я говорю?

— Здесь есть лекари. Ни один из этих людей сегодня не является моим пациентом. Я мог бы даже не приходить к Скортию. Если люди упорно делают глупости...

— То они всего лишь такие, какими их создал бог, или Перун и Богиня. Доктор, если этот мальчик умрет, это будет торжеством Азала. Останься. Исполни свой профессиональный долг.

— Колумелла...

— ... лечит наших коней. Прошу тебя.

Бассанид долгое мгновение смотрел на него, потом покачал головой:

— Мне обещали провожатых. Не такой медициной я занимаюсь, не такой образ жизни веду.

— Никто из нас не ведет такой образ жизни по собственному выбору, — произнес Струмос таким голосом, какого никто еще от него не слышал. — Кто выбирает насилие в темноте?

Воцарилось молчание. Лицо бассанида оставалось бесстрастным. Струмос долго смотрел на него. Когда он снова заговорил, его голос больше напоминал шепот:

— Если ты решил, мы тебя не станем удерживать, разумеется. Я сожалею о своих недобрых словах. Синие Сарантия благодарят тебя за помощь, оказанную сегодня днем и ночью. Ты не останешься без вознаграждения. — Он оглянулся через плечо. — Пускай двое из вас пройдут вперед по улице с факелами. Никуда не сворачивайте. Крикните людей городского префекта. Они должны быть недалеко. Они проводят доктора домой. Разик, беги в лагерь и приведи четверых, пусть возьмут столешницу. Скажи, чтобы Колумелла нас ждал.

Всеобщее оцепенение прошло, люди бросились выполнять его приказы. Доктор повернулся к ним спиной и стоял, глядя на улицу. Тарас видел по его позе, что он совершенно обессилел.

Теперь его посох казался вещью необходимой, а не взятой для вида. Тарасу было знакомо такое ощущение: в конце дня гонок простой проход от песка дорожек по туннелю до раздевалок, казалось, требовал больше сил, чем у него оставалось.

Он тоже смотрел мимо бассанида на улицу. И в эту секунду увидел, как в начале улицы промелькнули роскошные носилки — видение, поразительное воплощение золоченого изящества и красоты в безобразной ночи. Два человека с факелами подошли к концу улицы; носилки ненадолго осветил золотистый свет, потом они исчезли, уплыли по направлению к Ипподрому, Императорскому кварталу, Великому Святилищу, нереальное видение, мимолетное как сон явление из другого мира. Тарас моргнул и с трудом сглотнул.

Двое посланных начали звать людей городского префекта. Они сегодня ночью были на всех улицах. Тарас снова посмотрел на восточного лекаря, и вдруг — совсем не к месту — перед ним возник образ его матери, воспоминание из детства. Он увидел ее стоящей точно так же перед кухонным очагом. Она только что не позволила ему снова уйти из дома и вернуться в конюшни или на местный ипподром (чтобы наблюдать за рождением жеребенка, или за тем, как жеребца приучают к поводьям и колеснице, или еще за чем-нибудь, связанным с лошадьми), а потом глубоко вздохнула и передумала из любви, снисхождения или понимания того, что он сам только начинал осознавать. Она повернулась к сыну и сказала: «Ладно. Но сначала выпей эликсира, уже холодно, и надень теплый плащ...»

Бассанид глубоко вздохнул. Повернулся. В темноте Тарас вспомнил о своей матери, далеко отсюда, давно. Доктор посмотрел на Струмоса.

— Ладно, — тихо произнес он. — Еще один пациент. Потому что я тоже глупец. Проследи, чтобы его положили на доску лицом вниз и сначала подняли левую сторону.

Сердце Тараса сильно билось. Он увидел, как Струмос посмотрел на доктора. Свет факела был неровным, мигающим. Теперь в ночи слышался шум, впереди и сзади, — это Разик привел подмогу. Дунул холодный ветер и пустил струю дыма между двумя мужчинами.

— Значит, у тебя есть сын? — спросил Струмос Аморийский так тихо, что Тарас едва услышал.

— Да, — ответил бассанид через мгновение.

Тут поспешно подошли носильщики, вслед за Разиком они несли доску из обеденного зала. Кироса подняли на нее, осторожно, так, как было приказано, и они все вернулись в лагерь. Бассанид помедлил у ворот и переступил порог левой ногой.

Тарас следовал за ним последним, он все еще думал о матери, у которой тоже есть сын.

* * *

Ей казалось, что большую часть жизни здесь, в городе, который называли центром мира, она провела у окна, выходящего на улицу, в той или иной комнате. Она наблюдала, но ничего не делала. Это не обязательно плохо, думала Касия, ведь обязанности на постоялом дворе или дома (особенно после того, как умерли мужчины) никак нельзя было назвать приятными. Но все же иногда возникало странное чувство, что здесь, предположительно в самом центре мировых событий, она — всего лишь зритель, словно весь Сарантий — это театр или ипподром, а она сидит на одном месте и смотрит вниз.

С другой стороны, какую активную роль могла играть здесь женщина? И, конечно, нельзя сказать, чтобы у нее возникало хоть малейшее желание оказаться сейчас на улице. В городе было так много движения, так мало спокойствия, столько людей, которых она совсем не знала. Неудивительно, что люди возбуждены: что могло заставить их чувствовать себя в безопасности или внушить уверенность? Если император был их отцом каким-то сложным образом, почему они не должны были стать неуправляемыми, когда он умер? Стоя у окна, Касия решила, что хорошо бы иметь ребенка, полный дом детей, и поскорее. Семья может стать защитой, — как и ты для нее, — от внешнего мира.

Уже стемнело, звезды сияли наверху между домами, факелы пылали внизу, маршировали и кричали солдаты. Белая луна скоро взойдет за домом: даже в городе Касия знала фазы лун. Стычки этого дня почти прекратились. Таверны закрыли, проституткам велели убраться с улиц. Она думала о том, куда деваться нищим и бездомным. И о том, когда вернется Карулл. Она наблюдала, не зажигая ламп в комнате, и ее не видно было снизу.

Она боялась меньше, чем ожидала. Это пришло со временем. Человек может приспособиться ко многому, если ему дать

достаточно времени: к толпам, солдатам, вони и шуму, хаосу города и полному отсутствию зелени и тишины, если не считать тишины, которая иногда днем стояла в церквах, а ей не нравились церкви Джада.

Ее все еще поражало, что здешние жители видят огненные шары, которые появляются по ночам и катятся, мерцая, вдоль улиц. Они служили доказательством существования сил, не подвластных богу джадитов, но все их полностью игнорировали. Словно существование того, что невозможно объяснить, нельзя признавать. Люди свободно рассуждали о привидениях, духах, и она знала, что многие прибегают к языческой магии, заклятиям, что бы там ни говорили священники, но никто и никогда не говорил об этих огнях на ночных улицах.

Стоя у окна, Касия наблюдала за ними и считала их. Казалось, их больше, чем обычно. Она слушала крики солдат внизу. Немного раньше она видела, как они входили в темноте в дома на их улице, слышала стук в двери. Перемены в воздухе, перемены в мире. Карулл взволнован. Он любит Леонта, а Леонт станет новым императором. Это для них хорошо, сказал он, когда ненадолго заглянул домой перед заходом солнца. Она ему улыбнулась. Он поцеловал ее и снова ушел. Они кого-то ищут. Касия знала кого.

С тех пор прошло несколько часов. Теперь, стоя у окна в темноте, она ждала, наблюдала и увидела нечто совершенно неожиданное. Касия увидела на их тихой малолюдной улице, как увидел несколькими минутами раньше Тарас из факции Синих, золотые носилки, появившиеся из темноты. Некое видение, как те огни, нечто совершенно не гармонирующее с остальными событиями ночи.

Конечно, она представления не имела, кто находится внутри, но знала, что этим людям не полагается быть на улицах и что они это тоже знают. Никто не бежал впереди с факелом, как принято. Кто бы ни сидел в носилках, он старался остаться незамеченным. Касия следила за ними, пока носильщики не добрались до конца улицы, свернули за угол и пропали из виду.

Утром она решила, что, должно быть, уснула у окна и ей приснилось нечто золотое, промелькнувшее внизу в темноте, полной солдат, проклятий и стука в двери. Иначе как она могла увидеть, что носилки золотые, ведь света не было?

* * *

Благородный и просвещенный, благословенный и почтенный восточный патриарх святого Джада, бога Солнца, Закариос в этот поздний час тоже не спал в своих покоях в Патриаршем дворце и пребывал в некотором душевном и телесном расстройстве.

Резиденция патриарха располагалась за пределами Императорского квартала, прямо позади строительной площадки Великого Святилища — как старого, которое сгорело, так и гораздо более крупного, теперь возведенного на его месте. Сараний Великий, основавший этот город, считал полезным, чтобы люди не видели одновременно клириков и дворцовых чиновников.

Некоторые из его преемников с этим не соглашались, желая надежно держать патриархов под каблуком, но Валерий Второй не принадлежал к их числу. Закариос, только что вернувшийся после осмотра тела императора, который лежал в убранстве для торжественных похорон в Порфировом зале Аттенинского дворца, размышлял об этом и о нем самом. По правде сказать, он его оплакивал.

Дело в том, что он не видел самого тела. Кажется, его видели только Бдительные и канцлер, а потом Гезий решил закрыть тело Валерия — полностью закутать его в пурпурную мантию — и никому не показывать.

Его сожгли «сарантийским огнем».

Закариос обнаружил, что ему больно об этом думать. Никакая сила веры, никакой политический опыт или сочетание того и другого не могли помочь ему легко примириться с превращением Валерия в почерневшую, обугленную плоть. Это очень плохо. При одной мысли об этом у него начинались спазмы в желудке.

Как положено и необходимо, он произнес святые молитвы успения в Порфировом зале, а потом вошел в высокие серебряные двери Палаты приемов того же дворца. И там совершил обряд святого помазания над Леонтом, который по решению Сената в тот день стал императором Сарантия.

Леонт — человек глубоко набожный, любой патриарх мог только пожелать подобного правителя на Золотом Троне, стоя на коленях, произносил нужные слова без подсказки, с глубоким чувством. Его супруга Стилиана стояла на некотором расстоянии, и ее лицо ничего не выражало. Все крупные чиновники двора присутствовали там, хотя Закариос заметил, что Гезий, престарелый канцлер («Еще старше, чем я», — подумал патриарх), также стоял в стороне от остальных, у дверей. Патриарх достаточно давно занимал свой пост и знал, что в Императорском квартале в ближайшие дни быстро сменятся высшие чиновники, еще до окончания траурных обрядов.

Завтра должна состояться публичная коронация супругов на Ипподроме, так сообщил новый император патриарху после обряда помазания. Закариос серьезно попросил позволения присутствовать в катизме и принять участие в церемонии. В такое время, как сейчас, тихо ответил Леонт, особенно важно показать народу, что святые отцы и двор едины. Это было высказано как просьба, но просьбой не было. Говоря это, Леонт сидел на троне в первый раз, высокий, золотой, торжественный. Патриарх склонил голову в знак согласия. Стилиана Далейна, которая скоро должна стать императрицей Сарантия, одарила его мимолетной улыбкой, первой за эту ночь. Она похожа на своего покойного отца. Закариос всегда так считал.

Патриарх понял из рассказа своего личного советника, священника Максимия, что именно ее брат, ссыльный Лекан, стоял за этим подлым, предательским злодеянием, вместе с также сосланным Лисиппом, человеком, которого не без причины ненавидели и боялись городские священники.

Оба эти человека мертвы, сообщил Максимий. Леонт сам прикончил толстого Кализийца, так как он — могучий воин. Сегодня Максимий выглядел очень счастливым, подумал Закариос, и даже не пытался это скрыть. Советник и сейчас находился с ним, несмотря на поздний час. Максимий стоял на балконе, выходящем на город. Через дорогу высился купол нового Великого Святилища. Святилища Валерия. Его огромная честолюбивая мечта. Одна из многих.

Леонт сказал, что императора похоронят в Святилище: справедливо, чтобы он стал первым человеком, который обретет в нем покой. Его сожаление выглядело искренним; Закариос знал, что его благочестие искренне. Новый император имел свои взгляды на некоторые спорные вопросы святой веры. Закариос знал, что отчасти именно поэтому Максимий сейчас доволен и что он сам тоже должен быть доволен. Но это было не так. Человек, которого он глубоко уважал, мертв, а Закариос чувствовал себя слишком старым для той борьбы, которая мог-

ла сейчас вспыхнуть в святилищах и церквах, даже если они получат поддержку Императорского квартала.

Патриарх ощутил спазмы в животе и поморщился. Он встал и вышел на балкон, опустив наушники своей шапки. Максимий посмотрел на него и улыбнулся.

— На улицах уже тихо, святейший, слава Джаду. Я видел только солдат и стражников городского префекта. Мы должны быть вечно благодарны богу, что в это опасное время он окружил нас своей заботой.

— Жаль, что он не занялся моим желудком, — ответил Закариос, проявив черную неблагодарность.

Максимий изобразил на лице сочувствие.

— Может быть, чашка травяного отвара...

— Да, — ответил Закариос. — Может быть.

Сегодня он без причины злился на своего советника. Максимий был слишком весел. Император умер, убит. Валерий неоднократно за эти годы ставил Максимия на место, и самому Закариосу следовало делать это чаще.

Сейчас лицо священника ничего не выдало, никакой реакции на резкость патриарха — это он хорошо умел. Он многое хорошо умел делать. Закариос часто жалел, что этот человек так ему необходим. Максимий поклонился и вернулся в комнату, чтобы вызвать слугу и приказать приготовить отвар.

Закариос остался один у каменного ограждения высокого балкона. Он слегка дрожал, так как ночь была холодной, а он стал чувствителен к холоду, но в то же время воздух бодрил, возвращал силы. Напоминал о том, внезапно подумал он, что если другие умерли, то он сам жив по милости бога. Он все еще здесь, чтобы служить, ощущать ветер на лице, видеть в вышине грандиозный купол, звезды и белую луну на востоке.

Он взглянул вниз. И увидел еще кое-что.

По темной улице, где сейчас не было солдат, двигались носилки, появившиеся из-за угла узкой улочки. Двигались быстро, не освещенные факелами слуг, к одной из маленьких дверок с тыльной стороны Святилища. Конечно, они были всегда заперты. Строители еще не закончили, и декораторы тоже. Внутри стояли леса, лежали инструменты, отделочные материалы, кое-что представляло опасность, кое-что было ценным. Никому не разрешалось входить туда без надобности, и тем более ночью.

Закариос со странным, неожиданным чувством смотрел,

как раздвинулись занавески носилок. Появились два человека. Света не хватало, и патриарх не мог их разглядеть: они оба были закутаны в плащи — темные фигуры в темноте.

Один из них подошел к запертой двери.

Через мгновение она открылась. Ключ? Закариос не видел. Оба вошли внутрь. Дверь закрылась. Носильщики не стали дожидаться, а унесли изящные носилки прочь, обратно, туда, откуда пришли, и через секунду улица снова опустела. Словно ничего и не было, и весь этот короткий загадочный эпизод был плодом его воображения под освещенным звездами и луной куполом.

— Отвар готовят, ваше святейшество, — деловито сообщил Максимий, появляясь на балконе. — Молю бога, чтобы он принес вам облегчение.

Закариос, задумчиво глядя вниз из-под шапки с наушниками, не ответил.

— Что там? — спросил Максимий, подходя к нему.

— Ничего, — ответил восточный патриарх. — Там ничего нет. — Он не знал, почему так ответил, но это была правда, не так ли?

В этот момент он увидел один из маленьких летучих огоньков на том самом углу, за которым исчезли носилки несколько секунд назад. И он тоже исчез через мгновение. Они всегда исчезали.

* * *

Она вошла в Святилище впереди него, после того как он повернул в замках два ключа, распахнул маленькую дубовую дверцу и отступил в сторону, пропуская ее. Вошел следом, быстро закрыл дверь и запер на замок. Привычка, рутина, все, что он делал каждый обычный день. Повернуть ключ, отпереть или запереть дверь, войти туда, где он работает, оглядеться, посмотреть вверх.

У него дрожали руки. Им удалось добраться до этого места.

Он не верил, что удастся. Учитывая то, что сегодня творится в Городе.

В маленькой крытой галерее под одним из полукуполов позади огромного купола, преподнесенного миру Артибасом, идущая впереди Гизелла, царица антов, сбросила с головы капюшон.

— Нет! — резко воскликнул Криспин. — Не снимай!

Золотые волосы, усыпанные драгоценностями. Синие глаза, сияющие, словно драгоценные камни в залитом светом Святилище. Лампы здесь горели повсюду: горели на стенах, и на цепях под потолком, и под всеми куполами, и свечи в боковых алтарях, хотя возведенное Валерием Святилище еще не было открыто и освящено.

Она несколько мгновений смотрела на него, потом, как ни удивительно, подчинилась. Он сознавал, что заговорил с ней повелительным тоном. Но причиной был страх, а не самонадеянность. Интересно, подумал он, что стало с его гневом? Кажется, где-то потерял его сегодня днем и ночью, отбросил, как Аликсана отбросила свой плащ на острове.

Капюшон низко опустился и снова закрыл лицо Гизеллы, скрыл ее сейчас почти пугающую, сияющую красоту, словно эта женщина рядом с ним сама стала одним из источников света в Святилище.

Сидя внутри носилок, Криспин почувствовал желание, запретное и невозможное, как полет смертного, как огонь, зажженный раньше дара Геладикоса. Оно едва шевельнулось в нем, совершенно иррациональное, но безошибочное. Сидя рядом с ней, ощущая рядом ее тело, ее присутствие, он вспомнил, как Гизелла пришла к нему вскоре после своего приезда в Город, поднялась на помост, где он стоял один, и заставила его поцеловать ее ладонь на виду у всех, кто стоял внизу и глазел на них. Она хотела создать повод, фальшивый, как монета из сплава, который позволил бы ему приходить к ней — к одинокой женщине, без советников и союзников, без людей, которым можно доверять, запутанной в игры стран с необычайно высокими ставками.

Он потом понял, что Гизелла, царица антов, пыталась защитить не свою репутацию. Он мог бы уважать ее за это, даже понимая, что его используют, с ним играют. Он помнил руку, задержавшуюся на его волосах в ту первую ночь в ее дворце. Она была царицей, которая собирает свои войска. Он был для нее орудием, подданным, который получит точный приказ, когда понадобится.

Кажется, сейчас он понадобился.

«Ты должен доставить меня в Императорский квартал. Сегодня ночью».

В ночь, когда на улице грохотали шаги солдат, занятых по-

исками пропавшей императрицы. В ночь после того дня, когда в Сарантии вспыхнул бунт и произошло убийство. Когда Императорский квартал должно было охватить лихорадочное, безумное напряжение: один император мертв, другого предстояло провозгласить. Когда началось вторжение с севера, когда Батиаре должны были объявить войну.

Он выслушал слова Гизеллы, но почти не услышал их, такими невероятными они ему показались. Но он не ответил ей, как отвечал столько раз сам себе и другим: «Я художник, не более того».

Это было бы ложью, после того что случилось сегодня утром. Он окончательно сошел с помоста, его спустили вниз некоторое время назад. И в эту ночь смерти и перемен царица антов, забытая всеми, словно незначительная гостья на пиру, попросила отвести ее во дворцы.

Путешествие почти через весь Город, в темноте, на носилках, которые оказались позолоченными, устланными пышными подушками. Два человека могли сидеть в них в разных концах, но их тела оказывались в пугающей близости друг от друга. Один из этих людей горел вдохновенной целеустремленностью, другой сознавал собственный страх, но помнил — и это кое-что говорило о его характере, — что менее года назад у него не оставалось никакого желания жить и он почти решился искать собственной смерти.

Сегодня ее очень легко найти, думал он, сидя на носилках. Он указывал носильщикам дорогу и запретил зажигать факелы. Они его слушались, как слушались подмастерья, и несли носилки быстро, почти бесшумно, по улицам, держась в тени, останавливаясь, когда слышался топот сапог или появлялись огни факелов. Они огибали площади по периметру, один раз остановились у входа в часовню, пережидая, пока четыре вооруженных всадника галопом пересекали форум Мезароса. Криспин отодвинул занавеску носилок, чтобы наблюдать, и потом делал это еще несколько раз, глядя на звезды и запертые на засов двери и витрины лавок, пока они двигались по ночному городу. Он видел, как странные «сарантийские огни» вспыхивали и исчезали у них на пути: то было путешествие и по залитому звездным светом полумиру, и по реальному миру. Возникало ощущение, что они путешествуют бесконечно, что сам Сарантий каким-то образом выпал из времени. Он спрашивал себя, может ли

кто-нибудь увидеть их в темноте, действительно ли они находятся здесь.

Гизелла хранила молчание, почти не шевелилась, что усиливало это странное ощущение. Она не выглядывала наружу, когда он отдергивал занавески. Напряженная, сжатая в ожидании как пружина. Носилки пахли сандалом и чем-то еще, чего он не узнавал. Этот аромат заставил его вспомнить о слоновой кости, ведь ему все напоминало какие-то цвета. Одна из ее лодыжек прижималась к его бедру. Она этого не чувствовала. Он был почти уверен, что она этого не чувствует.

Наконец они оказались у двери в Великое Святилище, и Криспин, когда они покинули замкнутый мир носилок, привел в действие, снова вернувшись в реальное время, следующую часть так называемого плана, хотя, если честно, никакого плана у него не было.

Некоторые загадки разрешить невозможно даже любителю загадок. Некоторые загадки могут уничтожить тебя, если ты попытаешься их решить, как те хитроумные коробочки, которые, по слухам, изобрели в Афганистане: если их неправильно повернуть, выскакивают клинки и убивают или калечат неосторожных.

Гизелла, царица антов, вручила ему такую коробочку. Или, если посмотреть с другой точки зрения, повернуть коробочку немного иначе, она сама стала такой коробочкой сегодня ночью.

Криспин глубоко вздохнул и осознал, что они уже не одни. Гизелла остановилась у него за спиной, глядя вверх. Он обернулся, проследил за ее взглядом, устремленным к куполу, который построил Артибас и который Валерий отдал ему — Каю Криспину, вдовцу, единственному сыну Хория Криспина, каменотеса из Варены.

Горели лампы, свисающие на серебряных и бронзовых цепях и укрепленные в держателях на стенах вдоль рядов окон. Свет восходящей белой луны лился с востока, бросая благословенные лучи на ту часть работы, которую он успел проделать здесь, в Сарантии, после прибытия.

Он будет помнить, всегда будет помнить, что в ту ночь, когда сама царица антов горела решительной целеустремленностью, подобно лучу солнечного света, сфокусированному в одной точке при помощи стекла, она все же остановилась под его мозаикой на куполе и посмотрела на нее при свете ламп и луны.

В конце концов она сказала:

— Я помню, ты жаловался мне на несовершенство материалов в церкви моего отца. Теперь я понимаю.

Он ничего не ответил. Склонил голову. Она снова взглянула вверх, на его образ Джада над этим Городом, на его леса и поля (зеленые, как весна, в одном месте, красно-золотисто-коричневые, как осень, в другом), на его «зубира» на краю темного леса, на его моря и плывущие корабли, на его людей (там уже была Иландра, и он собирался в то утро начать изображать девочек, просеивая память и любовь сквозь сито мастерства и искусства), его летящих и плывущих, бегущих и наблюдающих зверей и на то место (еще не сделанное), где закат на западе над развалинами Родиаса должен был стать запретным факелом падающего Геладикоса. Это была его жизнь, все жизни под властью бога в этом мире, столько, сколько он мог передать, сам будучи смертным, связанный своими ограничениями.

Многое уже сделано, еще кое-что предстоит сделать при помощи других людей — подмастерьев Пардоса, Силано и Сосио и Варгоса, работающего теперь с ними. Все это возникало под его руководством на стенах и половинках куполов. Но саму суть, главный рисунок, уже можно было видеть, и Гизелла стояла и смотрела.

Когда ее взгляд снова вернулся к нему, он понял, что она хочет сказать что-то еще. Но не сказала. На ее лице появилось совершенно неожиданное выражение, и много времени спустя ему показалось, будто он понял то, что она чуть было тогда не сказала.

— Криспин! Святой Джад, с тобой все в порядке! Мы боялись...

Он поднял ладонь повелительным жестом императора — от волнения. Пардос, устремившийся к нему, остановился как вкопанный и замолчал. Варгос стоял у него за спиной. Криспин тоже почувствовал мимолетное облегчение: очевидно, они предпочли оставаться здесь весь день и всю ночь, здесь было безопасно. Он был уверен, что Артибас тоже находится где-то поблизости.

— Вы меня не видели, — прошептал он. — Вы спите. Идите. Ложитесь спать. Скажите то же самое Артибасу, если он забредет сюда. Никто меня не видел. — Они оба смотрели на стоя-

щую рядом с ним фигуру под капюшоном. — И никого другого, — прибавил он. Он изо всех сил надеялся, что ее нельзя узнать.

Пардос открыл и закрыл рот.

— Идите, — сказал Криспин. — Если у меня будет возможность, я вам потом все объясню.

Варгос тихо подошел и встал рядом с Пардосом: мощный, надежный, внушающий уверенность человек, вместе с которым они видели «зубира». Который вывел их из Древней Чащи в День Мертвых. Он тихо сказал:

— Мы ничем не можем тебе помочь? Что бы ты ни задумал.

Криспин подумал, что ему бы очень этого хотелось. Но покачал головой.

— Не сегодня. Я рад, что с вами все в порядке. — Он поколебался. — Помолитесь за меня. — Он никогда раньше не говорил ничего подобного. Слегка улыбнулся: — Хотя вы меня и не видели.

Никто не улыбнулся в ответ. Варгос шевельнулся первым, взял Пардоса за локоть и повел прочь, в полумрак Святилища.

Гизелла взглянула на него. Ничего не сказала. Он повел ее по мраморному полу, через обширное пространство под куполом в боковую галерею на другой стороне, затем к низкой дверце в дальней стене. Там он сделал глубокий вдох и постучал — четыре быстрых удара, два медленных, — а затем постучал снова, вспоминая.

Тишина, время ожидания, долгое, как ночь. Он смотрел на множество свечей у алтаря справа от них и думал, что надо помолиться. Гизелла стояла рядом с ним неподвижно. Если ему это не удастся, то у него в запасе ничего не остается.

Потом он услышал, как с другой стороны в замке поворачивается ключ. И низкая дверца — часть единственного плана, который он сумел придумать, распахнулась перед ними. Он увидел священника в белой одежде, который открыл ее, одного из Неспящих, стоящего в коротком каменном туннеле за алтарем в задней части маленькой часовни, сооруженной в стене Императорского квартала. Он знал этого человека и от всей души возблагодарил бога, вспомнив, что проходил через эту дверь в первый раз вместе с Валерием, который уже умер.

Священник тоже его знал. Это был условный стук императора, который передал его Артибасу, а затем Криспину. При свете ламп они не раз открывали эту дверь Валерию зимними

ночами, когда он приходил в конце своих дневных трудов взглянуть на их труд. Много позже, чем сейчас, много раз. Его называли «ночным императором»; говорили, он никогда не спит.

К счастью, священник оставался невозмутимым, он только молча приподнял брови. Криспин сказал:

— Я пришел с человеком, который хочет вместе со мной отдать последний долг императору. Мы помолимся у его тела и снова вернемся сюда вместе с тобой.

— Он в Порфировом зале, — сказал священник. — Ужасное время.

— Это так, — с чувством согласился Криспин.

Священник не отступил в сторону.

— Почему твоя спутница не снимает капюшон? — спросил он.

— Чтобы простые люди ее не увидели, — прошептал Криспин. — Это было бы неуместно.

— Почему?

Это означало, что больше ничего не остается. Криспин повернулся к Гизелле, но она уже сбросила капюшон. Священник поднял фонарь. Свет упал на ее лицо, на золотистые волосы.

— Я — царица антов, — тихо прошептала она. Она была напряжена, как туго натянутая тетива лука. У Криспина возникло ощущение, что, если к ней прикоснуться, она завибрирует. — Добрый клирик, неужели ты думаешь, что женщине можно открыто ходить сегодня ночью по улицам?

Священник, явно преисполнившись благоговения, — и глядя на царицу, Криспин понимал почему, — покачал головой и выдавил:

— Нет, конечно... нет, нет! Опасно! Ужасное время!

— Император Валерий привез меня сюда. Спас мне жизнь. Предполагал вернуть мне мой трон, как тебе, вероятно, известно. Уместно ли будет, перед лицом Джада, чтобы я с ним попрощалась? Мне не будет покоя, если я этого не сделаю.

Маленький священник в белой одежде попятился перед ней, затем поклонился и отодвинулся в сторону. И произнес с большим достоинством:

— Это будет достойным поступком, госпожа. Да пошлет Джад свет тебе и ему.

— Всем нам, — произнесла Гизелла и пошла вперед, теперь впереди Криспина, пригнув голову под аркой низкого каменно-

го туннеля, потом через маленькую часовню вышла в Императорский квартал.

Они были на месте.

Когда Криспин был моложе и учился своей профессии, Мартиниан часто наставлял его по поводу преимуществ прямого подхода, необходимости избегать ненужных изысков. Криспин долгие годы и сам много раз повторял это их ученикам. «Если прославленный воин приходит к скульптору и заказывает в свою честь статую, то будет несказанной глупостью не поступить очевидным образом. Посадите человека на коня, дайте ему шлем и меч. — Тут Мартиниан обычно делал паузу. И Криспин тоже, потом продолжал: — Пусть это вам кажется надоевшим, избитым, но вы должны спросить себя, в чем смысл такого заказа. Удастся ли вам чего-либо добиться, если заказчик не почувствует себя возвеличенным работой, которая должна его возвеличить?»

Тонкие идеи, блестящие находки всегда сопряжены с риском. Иногда этот риск полностью уничтожает требования момента. В этом все дело.

Криспин вывел царицу из часовни назад, в ночь, и не просил ее снова набросить капюшон. Они не делали никаких попыток скрываться. Они шагали по ухоженным дорожкам, по хрустящему под ногами гравию, мимо скульптур императоров и воинов (выполненных искусно) в залитых светом звезд и лун садах и никого не встретили, и их никто не потревожил по дороге.

Те, кто здесь жил, считали, что сегодня ночью опасность грозит им по ту сторону Бронзовых Врат, в лабиринтах Города.

Они прошли мимо фонтана, еще не работающего так рано по весне, а потом мимо длинного портика шелковой гильдии, а потом до их ушей донесся шум моря, и Криспин повел царицу к входу в Аттенинский дворец, сегодня освещенному лампами. Здесь стояла охрана, но двойные двери были широко распахнуты. Он поднялся по ступенькам прямо к ним и здесь увидел стоящего у самых дверей, за спинами стражников, человека из людей канцлера, в зелено-коричневой одежде евнуха.

Он остановился перед стражниками, царица стояла рядом. Они настороженно смотрели на него. Он не обратил на них внимания, а ткнул пальцем в евнуха:

— Ты! — рявкнул он. — Нам необходимо сопровождение для царицы антов.

Евнух обернулся, он был безупречно обучен и не выказал никакого удивления, а вышел на крыльцо. Стражники переводили взгляд с Криспина на царицу. Человек канцлера поклонился Гизелле, и мгновение спустя они тоже поклонились. Криспин перевел дыхание.

— Родианин! — произнес евнух, выпрямляясь. Он улыбался. — Тебе снова нужно побриться. — И с чувством огромного облегчения, с чувством, что его благословят, защитят и помогут, Криспин узнал этого человека: это он брил ему бороду в тот первый раз, когда мозаичник явился во дворец.

— Наверное, — признался Криспин. — Но в данный момент царица желает видеть канцлера и отдать последнюю дань уважения Валерию.

— Она может сделать и то и другое одновременно. Я к твоим услугам, повелительница. Канцлер находится в Порфировом зале, у тела покойного. Я отведу вас туда. — Стражники даже не пошевелились, когда они прошли мимо, так царственно держалась Гизелла, так уверенно шагал человек, сопровождающий ее.

Идти оказалось недалеко. Порфировый зал, в котором рожали императрицы Сарантия и где выставляли императоров для последнего прощания, когда их призывал к себе бог, находился на том же уровне, чуть дальше по прямому коридору. В нем горели через равные промежутки лампы, между ними лежали тени, и не было ни души. Казалось, Императорский квартал, дворец, коридор были заколдованы неким алхимиком, такие в них царили тишина и спокойствие. Их шаги отдавались гулким эхом. Они одни со своим провожатым шли навестить покойника.

Человек, провожавший их, остановился у двустворчатых дверей. Двери из серебра, с узором из золотых корон и мечей. Здесь тоже стояли двое стражников. Кажется, они знали человека Гезия. Кивнули ему. Евнух тихо стукнул один раз и сам открыл двери. Жестом пригласил их войти внутрь.

Гизелла снова вошла первой. Криспин в нерешительности остановился в дверях. Зал оказался меньше, чем он ожидал. На стенах висели пурпурные ткани, стояло искусственное дерево из кованого золота, у дальней стены — кровать под балдахином, а в центре теперь находился погребальный помост с закутанным в саван телом на нем. Повсюду горели свечи, и один чело-

век стоял на коленях — на подушке, как заметил Криспин, — а два священника тихо пели похоронные молитвы.

Стоящий на коленях человек поднял взгляд. Это был Гезий, желтовато-бледный, как пергамент, худой, как стило писаря, он выглядел очень старым. Криспин увидел, что он узнал царицу.

— Я очень рада, что нашла тебя, господин, — сказала Гизелла. — Я хочу помолиться о душе Валерия, который нас покинул, и поговорить с тобой. Наедине. — Она подошла к кувшину на столике и полила воды на руки, выполняя ритуал очищения, потом вытерла их тканью.

Криспин увидел, как на лице старика, который смотрел на нее, что-то промелькнуло.

— Конечно, повелительница. Я полностью к твоим услугам.

Гизелла бросила быстрый взгляд на священников. Гезий махнул рукой. Они прервали свои песнопения и вышли через дверь в дальнем конце зала, рядом с кроватью. Дверь закрылась, огоньки свеч мигнули от ветра.

— Ты можешь идти, Кай Криспин. — Царица не обернулась. Криспин взглянул на евнуха, который их сопровождал. Этот человек невозмутимо повернулся и вышел. Криспин собрался уже последовать за ним, но потом заколебался и повернул назад.

Он прошел вперед мимо Гизеллы и, в свою очередь, налил воды, бормоча слова, которые принято произносить в присутствии покойников. Потом вытер руки. Затем он опустился на колени у погребального возвышения, рядом с телом мертвого императора. Ощутил сквозь аромат благовоний в комнате запах чего-то горелого и обугленного и закрыл глаза.

Существовали слова молитвы, подобающие этому моменту. Но он их не произнес. Сначала в голове у него было пусто, потом в его воображении возник образ Валерия. Человека честолюбивого до такой степени, что Криспин и представить себе не мог. Круглолицего, с мягкими чертами лица, голосом и манерами.

Даже сейчас Криспин понимал, что ему следовало бояться и ненавидеть этого человека. Но если и было ему дано понять истину здесь, внизу, среди живых, у подножия помоста, то заключалась она в том, что ненависть, страх, любовь — все это не бывает таким простым, как хотелось бы. Он не произнес никаких официальных слов молитвы, а молча попрощался с образом,

возникшим в его воображении. Это все, что он считал своим долгом сделать.

Криспин встал и пошел к двери. Выходя, он услышал, как Гизелла тихо сказала канцлеру — и потом всегда гадал, не нарочно ли она позволила ему услышать эти слова, в качестве своего рода подарка:

— Мертвые покинули нас. Теперь мы можем говорить только о том, что произойдет дальше. Мне надо кое-что рассказать.

Дверь захлопнулась. Стоя в коридоре, Криспин внезапно ощутил невероятную усталость. Он закрыл глаза. Покачнулся. Евнух тут же оказался рядом. И сказал голосом мягким, как дождь:

— Пойдем, родианин. Ванна, бритва, вино.

Криспин открыл глаза. Покачал головой. Но одновременно услышал свой голос:

— Хорошо.

У него не осталось сил. Он это знал.

Они прошли обратно по коридору, повернули, еще раз повернули. Он представления не имел, где они находятся. Подошли к какой-то лестнице.

— Родианин!

Криспин посмотрел вверх. К ним приближался мужчина, худой и серый, шагающий быстрой, угловатой походкой. Больше никого в коридоре не было, и на лестнице тоже.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Пертений Евбульский.

Он и правда очень устал.

— Вечно я попадаюсь под руку, да?

— Это точно.

— Отдавал дань уважения покойнику, — сказал Криспин.

Пертений явственно фыркнул.

— Умнее отдать ее живым, — сказал он. Потом улыбнулся широким тонким ртом. Криспин попытался вспомнить, улыбался ли этот человек подобным образом раньше, и не смог. — Есть вести с улиц? — спросил Пертений. — Ее еще не загнали в угол? Конечно, она не сможет долго бегать.

Это было неразумно. Крайне неразумно. Криспин это понимал, уже начиная движение. Это было, по правде говоря, чистейшим, саморазрушительным безумием. Но в тот момент, кажется, он все-таки обрел свой гнев, и в то мгновение, когда он его обрел, он размахнулся и изо всех сил обрушил кулак на

лицо секретаря только что помазанного императора. Тот от удара отлетел назад и неподвижно растянулся на мраморном полу.

Воцарилось почти невыносимое, тяжелое молчание

— Бедная, бедная твоя рука, — мягко произнес евнух. — Пойдем, пойдем, полечим ее. — И повел Криспина наверх, не оглядываясь на лежащего без чувств человека. Криспин покорно шел следом.

Его приветливо встретили в комнатах на верхнем этаже, где жил канцлер со своей свитой. Многие со смехом вспоминали его первый вечер здесь, полгода назад. Его выкупали, как и обещали, дали вина и даже побрили, хотя сегодня обошлось без шуток. Кто-то играл на струнном инструменте. Он понимал, что эти люди — все люди Гезия — сами стоят на пороге очень больших перемен. Если канцлер падет, а так почти наверняка и произойдет, их собственное будущее под угрозой. Он ничего не сказал. Да и что он мог сказать?

В конце концов он уснул в мягкой постели в тихой комнате, которую ему отвели. Так он провел одну ночь своей жизни в Атенинском дворце Сарантия, совсем рядом с живым императором и с мертвым. Ему снилась жена, которая тоже умерла, но также и другая женщина, все бегущая и бегущая, убегающая от преследования по бесконечному открытому берегу из гладких твердых камней под слишком ярким лунным светом, а из черного сверкающего моря выпрыгивали дельфины.

Когда двери закрылись за спиной Криспина и евнуха, в зале с задрапированными стенами, золотым деревом и почерневшим телом в саване, старик, который и сам ожидал, что сегодня ночью встретит смерть, и был преисполнен решимости встретить ее с достоинством в том самом зале, где он молился о трех умерших императорах, слушал молодую женщину — женщину, о которой сегодня забыл, как забыли они все. С каждым произнесенным словом ему казалось, что его воля оживает, а разум постигает новые возможности и создает их.

К тому моменту, когда она замолчала и теперь смотрела на него, оживленная и энергичная, Гезий снова обрел надежду на возможность продолжения жизни после восхода солнца.

Для себя, если не для других.

И как раз в это мгновение, не успел он еще ничего сказать в ответ, маленькая внутренняя дверца в Порфировом зале открылась без стука и, словно притянутый туда чем-то сверхъестественным, предопределенным в ночи, полной могущества и тайн, вошел высокий широкоплечий золотоволосый человек. Он пришел один.

Трижды возвышенный Леонт, ставший теперь наместником Джада — бога Солнца на земле, только что провозглашенный императором, благочестивый, как священник, пришел помолиться при свечах с солнечным диском в руке о душе своего предшественника, которая отправилась в путь. Он остановился на пороге и быстро взглянул на евнуха, которого ожидал увидеть, а потом на женщину, стоящую у возвышения, которую совсем не ожидал увидеть.

Гезий распростерся на полу.

Гизелла, царица антов, не последовала его примеру, по крайней мере — не сразу.

Сначала она улыбнулась. А затем сказала (по-прежнему стоя, дочь своего отца, храбрая и прямая, как клинок):

— Великий властитель, хвала Джаду, что ты пришел. Милосердие бога далеко превосходит наши заслуги. Я здесь для того, чтобы сказать тебе, что запад теперь твой, мой повелитель, как и пожизненная свобода от черного безбожного зла, свершившегося сегодня. Тебе стоит лишь сделать выбор.

И Леонт, который не был готов ни к чему подобному, после долгого молчания сказал:

— Объяснись, госпожа.

Она смотрела на него, не двигаясь, высокая и прекрасная, сверкающая, как бриллиант. Она сама — объяснение, подумал канцлер, храня полное молчание и почти не дыша.

Только тогда она все же опустилась на колени, очень грациозно, и прикоснулась лбом к полу в знак покорности. А затем, выпрямившись, но по-прежнему стоя на коленях перед императором с драгоценностями в волосах, на руках, на шее, всюду, — она объяснила.

Когда она закончила, Леонт долго молчал.

Его красивое лицо оставалось мрачным, когда он в конце концов посмотрел на канцлера и задал один вопрос:

— Ты согласен? Лекан Далейн не мог сам осуществить этот план со своего острова?

И Гезий, про себя сказав богу, что недостоин такой милости, ответил лишь, с видом спокойным и невозмутимым, как темная вода в безветренное утро:

— Да, мой великий господин. Наверняка не мог.

— И мы знаем, что Тетрий — трус и глупец.

На этот раз это не был вопрос. Ни канцлер, ни женщина не произнесли ни слова. Гезий дышал с трудом и пытался это скрыть. У него возникло ощущение, что в воздухе этой комнаты над пламенем свечей парят весы.

Леонт повернулся к мертвому телу под шелковой тканью на помосте.

— Они его сожгли. «Сарантийским огнем». Мы все знаем, что это означает.

Они знали. Вопрос прежде стоял так: признается ли когда-нибудь в этом Леонт сам себе? Гезию ответ представлялся отрицательным до тех пор, пока эта женщина — другая высокая светловолосая женщина с голубыми глазами — не пришла и не изменила все. Она предложила канцлеру поговорить с новым императором, сообщила, что нужно сказать. Он собирался это сделать, ведь терять ему было совершенно нечего, — и тут новый император пришел сам. Бог — таинственный, непознаваемый, непостижимый. Как могут люди не преисполниться смирения?

Леонт, играя мускулами под туникой, подошел к возвышению, где лежал Валерий Второй, закутанный с ног до головы в пурпурный шелк. Канцлер знал, что под тканью в скрещенных руках он держит солнечный диск: он сам поместил его туда, а также монеты на глаза Валерия.

Леонт несколько секунд стоял между высокими свечами, глядя вниз, а затем быстрым яростным движением сорвал ткань с тела покойника.

Женщина поспешно отвела глаза от открывшегося ужасного зрелища. Канцлер тоже, хотя он уже сегодня это видел. Только новопомазанный император Сарантия, участник полусотни сражений, видевший смерть в стольких формах и обличиях, смог вынести это зрелище. Как будто, думал Гезий, мрачно глядя в мраморный пол, ему оно было необходимо.

В конце концов они услышали, как Леонт снова набросил саван, прикрыв покойника как подобает.

Он отступил назад. Вздохнул. Последняя гирька решительно опустилась на чашу парящих в воздухе весов.

Леонт сказал голосом, не допускающим возможности сомнения, ошибки:

— Грязное и чудовищное преступление перед лицом Джада. Он был помазанником божьим, великим и святым. Канцлер, прикажи найти Тетрия Далейна, где бы он ни был, и доставить сюда в оковах для казни. И прикажи привести ко мне сюда, в этот зал, женщину, которая была моей женой, чтобы она могла в последний раз взглянуть на дело рук своих сегодня ночью.

«Которая была моей женой».

Гезий вскочил так быстро, что у него на мгновение закружилась голова. Он поспешно вышел через ту же внутреннюю дверцу, в которую вошел император. Мир уже изменился и теперь снова менялся. Ни один человек, каким бы мудрым он ни был, никогда не посмел бы утверждать, будто знает, что готовит ему будущее.

Он закрыл за собой дверь.

Двое остались одни, с мертвецом и свечами и с золотым деревом в комнате, предназначенной для рождения и смерти императоров.

Гизелла, все еще стоя на коленях, смотрела снизу вверх на стоящего перед ней мужчину. Они оба молчали. Какое-то чувство переполняло ее до краев, чувство настолько сильное, что оно было близким к боли.

Он шевельнулся первым, подошел к ней. Она поднялась только тогда, когда он протянул руку и помог ей, и она прикрыла глаза, когда он поцеловал ее ладонь.

— Я не хочу ее убивать, — прошептал он.

— Конечно, нет, — ответила она.

И крепко, очень крепко зажмурилась, чтобы он не заметил того, что сверкнуло в ее глазах в то мгновение.

* * *

Необходимо было заняться сложными вопросами бракосочетания и императорского наследования, а также другими бесчисленными деталями закона и веры. Необходимо было организовать умерщвление, соблюсти формальные процедуры. Предпринятые (или непредпринятые) шаги в начале царствования могут еще долго его определять.

Почтенный канцлер Гезий, утвержденный снова в своей должности в ту же ночь, занимался всеми этими делами, включая умерщвление.

Для соблюдения необходимых протоколов потребовалось некоторое время. Поэтому императорская коронация на Ипподроме состоялась только через три дня. В то утро, ясное и благоухающее, в катизме, перед собравшимися ликующими жителями Сарантия — более восьмидесяти тысяч человек кричали во все горло — Леонт Золотой принял имя Валерия Третьего, смиренно отдавая почести своему предшественнику, и увенчал короной свою золотую императрицу, Гизеллу, которая не сменила имени, данного ей ее великим отцом при рождении в Варене. Таким образом, она осталась под этим именем в истории, когда деяния их совместного царствования были отражены в хрониках.

В Порфировом зале в ту ночь, когда все это началось, открылась дверь. Мужчина и женщина, которые стояли на коленях и молились перед накрытым телом, обернулись и увидели, как вошла еще одна женщина.

Она остановилась на пороге и посмотрела на них. Леонт встал. Гизелла не поднялась, сжимая в руках солнечный диск, осталась с опущенной головой в позе, которую можно было бы счесть смиренной.

— Ты звал меня? В чем дело? — резко спросила Стилиана Далейна у человека, которого сегодня возвела на Золотой Трон. — Мне сегодня еще многое надо успеть.

— Не надо, — ответил Леонт, прямо и категорично, как судья. Он видел, как быстро — очень быстро, как всегда, — она поняла значение его тона.

Если он надеялся — или боялся — увидеть страх или ярость в ее глазах, то был разочарован (или почувствовал облегчение). Он, правда, увидел, как в них что-то промелькнуло. Другой человек мог бы узнать иронию, колоссальный черный юмор, но человек, который умел в ней это замечать, лежал мертвым на возвышении.

Гизелла встала. Из всех троих живых в этом зале именно она носила царские цвета. Стилиана несколько мгновений смотрела на нее с неожиданным спокойствием, граничащим с безразличием.

Она отвела взгляд от другой женщины, словно отвергая ее. И сказала мужу:

— Ты обнаружил способ успокоить Батиару. Как это умно с

твоей стороны. Ты его сам придумал? — Она бросила взгляд на Гизеллу, и царица антов снова опустила глаза в мраморный пол, не из страха или смущения, но для того, чтобы чуть дольше скрывать свое возбуждение.

Леонт ответил:

— Я обнаружил убийство и ересь и не согласен жить с ними под солнцем Джада.

Стилиана рассмеялась.

Даже здесь, даже сейчас она могла смеяться. Он смотрел на нее. Как мог солдат, который судит о мире с точки зрения мужества, не восхищаться ею, какие бы другие чувства он ни испытывал?

Она сказала:

— Вот как! Ты не согласен жить с ними? Ты отказываешься от трона? От двора? Станешь членом ордена священнослужителей? Заберешься на скалу в горах, отпустив бороду до колен? Вот уж никогда бы не подумала! Пути Джада неисповедимы.

— Это так, — произнесла свои первые слова Гизелла и без всяких усилий изменила настроение. — Это воистину так.

Стилиана снова посмотрела на нее, и на этот раз Гизелла подняла глаза и встретилась с ней взглядом. Все-таки ей было слишком трудно держать это в тайне. Она приплыла сюда совершенно одна, убегая от смерти, без каких-либо союзников, а те, кто ее любил, умерли вместо нее. А теперь...

Мужчина молчал. Он смотрел на жену-аристократку, которую отдал ему Валерий с большим почетом за блестящие победы на поле боя. Он вызвал ее сюда, намереваясь снова снять покрывало с покойника и заставить ее взглянуть на обезображенные останки, но в тот момент понял, что подобные жесты бессмысленны или имеют не тот смысл, которого можно было ожидать.

Он все равно никогда ее по-настоящему не понимал, эту дочь Флавия Далейна.

Он махнул рукой Гезию, стоящему у нее за спиной в дверях. Его жена увидела этот жест и улыбнулась. Она улыбнулась. А потом ее увели. Еще до рассвета ее ослепили те мужчины, которые были в этом специалистами, в подземелье, откуда не мог вырваться ни один звук и потревожить лежащий на поверхности мир.

* * *

По залитым лунным светом улицам города, мимо отрядов пеших солдат и всадников, скачущих галопом, мимо забитых досками таверн и притонов и неосвещенных фасадов домов, мимо темных часовен и погасших огней пекарен, под бегущими облаками и звездами, вспыхивающими и гаснущими, лекаря Рустема Керакекского поздно ночью люди городского префекта проводили от лагеря Синих до дома у стен, который ему предоставили для жилья.

Ему предлагали постель в лагере, но он уже давно усвоил, что лекарю лучше спать вдали от своих пациентов. Это сохраняет достоинство, уединение, дистанцию. Каким бы смертельно уставшим он ни был (он проделал еще три процедуры после того, как очистил и зашил рану парня, которого ударили сзади), Рустем следовал своим обычным привычкам. Он повернулся лицом к востоку и молча помолился Перуну и Богине, чтобы они сочли его усилия приемлемыми, и попросил сопровождение, обещанное ему в начале вечера. Его снова отвели к воротам и позвали стражников. Он обещал вернуться утром.

Солдаты на улицах не беспокоили их по дороге, хотя среди них явно царило возбуждение, и ночь была полна их криками и стуком в двери, а копыта коней выбивали барабанную дробь по булыжникам. Рустем не обращал на них внимания, он совсем обессилел и, переставляя одну ногу за другой в окружении своих сопровождающих, всей тяжестью опирался на посох, а не просто держал его в руках для виду. Он почти не видел, куда ступает.

Наконец они подошли к его двери. К двери маленького дома Боноса у стен. Один из стражников постучал вместо него, и дверь быстро открыли. Вероятно, они ждали солдат, подумал Рустем. Обыска. Управляющий не спал, выражение его лица было озабоченным, и Рустем увидел за его спиной эту девушку, Элиту, которая тоже еще бодрствовала в такой час. Он переступил порог левой ногой, пробормотал слова благодарности своим провожатым, коротко кивнул управляющему и девушке и двинулся вверх по лестнице. Сегодня ему показалось, что в ней слишком много ступеней. Он открыл дверь и вошел, перенеся через порог сначала левую ногу.

Аликсана Сарантийская сидела у открытого окна, глядя на двор внизу.

Глава 14

Разумеется, он не знал, что это именно она. Пока она не заговорила. Рустем почти спал и еле стоял на ногах и не имел ни малейшего представления, почему эта незнакомая женщина находится в его спальне. Первое, что пришло ему в голову, была бессвязная мысль о том, что это одна из знакомых Боноса. Но ведь тогда это должен был быть мальчик?

Потом ему все же показалось, что он узнал в ней пациентку, одну из тех, кто приходил к нему в самое первое утро. Но в этом тоже не было никакого смысла. Что она делает здесь сейчас? Неужели сарантийцы не имеют представления о приличиях?

Тут она встала у окна и произнесла:

— Добрый вечер, лекарь. Меня зовут Алиана. Еще сегодня утром я звалась Аликсаной.

Рустем прижался спиной к двери и захлопнул ее. У него подогнулись ноги. Его охватил ужас. Он даже не мог говорить. Она была оборванной, грязной, явно измученной и выглядела не более чем уличной нищенкой, но он ни на мгновение не усомнился в правдивости ее слов. Это голос, понял он потом. Дело было в голосе.

Она сказала:

— Меня ищут. Я не имею права подвергать тебя риску, но делаю это. Мне приходится положиться на твое сострадание к женщине, которая была твоей пациенткой — пусть и недолго, — и должна тебе сказать, что я... мне больше некуда идти. Я всю ночь пряталась от солдат. Даже в сточных канавах, но теперь они начали искать и там.

Рустем пересек комнату. Путь показался ему очень долгим. Он присел на край своей постели. Потом у него промелькнула мысль, что не годится сидеть в присутствии императрицы, и он встал. Ухватился рукой за один из столбиков, чтобы не упасть.

— Как ты... почему... почему здесь?

Она улыбнулась ему. Но на ее лице не отражалось никакого веселья. Рустема учили смотреть на людей внимательно, и теперь он посмотрел. Эта женщина уже почти исчерпала все имевшиеся у нее запасы сил. Он опустил глаза. Босые ноги, на одной ступне кровь — возможно, это укус, подумал он. Она упомянула сточные канавы. Волосы неровно острижены. Маскировка, подумал он, и его мозг снова заработал. Одежда тоже

была обрезана чуть выше коленей. Глаза казались темными и пустыми, словно смотришь через глазницы внутрь черепа.

Но она улыбнулась в ответ на его бессвязный вопрос.

— В прошлый раз, доктор, ты был гораздо красноречивее, когда объяснял, почему я могу надеяться когда-нибудь зачать ребенка. Почему я здесь? Признаюсь: от отчаяния. Элита — одна из моих женщин, одна из тех, кому я доверяю. Она доносила мне на Боноса. Было полезно по понятным причинам знать, чем занимается распорядитель Сената и что он предпочел бы... скрыть.

— Элита? Одна из...

Он попал в неприятную ситуацию. Она кивнула. У нее на лбу и на щеке виднелись грязные пятна. За этой женщиной охотились. Ее муж погиб. Все эти солдаты на улицах сегодня ночью, пешие и конные, колотящие в двери, охотились за ней. Она сказала:

— Она много сообщила мне о твоем характере, доктор. И, конечно, я и сама знаю, что ты отказался выполнить приказ из Кабадха и убить царицу антов.

— Что? Я... Ты знаешь, что я... — Он снова сел.

— Доктор, с нашей стороны было бы серьезной ошибкой не знать подобных вещей, не так ли? В нашем собственном Городе? Тот купец, который привез тебе послание... ты его видел потом?

Рустем с трудом сглотнул и покачал головой.

— Не составило большого труда узнать у него все подробности. Конечно, за тобой с тех пор внимательно наблюдали. Элита сказала, что ты был очень недоволен, когда ушел купец. Тебе не нравится идея убийства, правда?

Они за ним следили, все время. И что случилось с тем человеком, который привез послание? Ему не хотелось спрашивать.

— Идея убийства? Конечно, не нравится, — ответил Рустем. — Я целитель.

— Так ты прикроешь меня? — спросила женщина. — Они очень скоро будут здесь.

— Как я могу?..

— Они меня не узнают. Сегодня ночью их слабость в том, что большая часть этих людей не имеет представления, как выглядит императрица. Если меня не предадут, они смогут найти только тех женщин, которые, по их мнению, окажутся не на

своем месте, и уведут их для допроса. Они меня не узнают. В таком виде, как сейчас.

Она снова улыбнулась. Эта мрачная пустота. Ввалившиеся глаза.

— Ты ведь понимаешь, — тихо сказала женщина у окна, — что Стилиана прикажет выколоть мне глаза, вырвать язык и ноздри, потом отдаст всем, кто пожелает, в неких подземельях, а потом прикажет сжечь меня заживо. Для нее нет ничего важнее этого сейчас.

Рустем вспомнил аристократичную светловолосую женщину, стоящую рядом со стратигом на свадьбе, куда он попал в первый день после приезда.

— Она теперь императрица? — спросил он.

Женщина ответила:

— Станет сегодня ночью или завтра. Пока я не убью ее и ее брата. После этого я могу умереть и позволить богу судить мою жизнь и мои деяния, как он пожелает.

Рустем долго смотрел на нее. Теперь он вспомнил ее более отчетливо, по мере возвращения способности мыслить рационально и некоторой доли самообладания. Она действительно пришла к нему в то первое утро, когда они с домашними слугами поспешно превратили первый этаж в приемную. Женщина из простонародья, подумал он тогда, и предусмотрительно проверил, может ли она позволить себе заплатить, прежде чем впустить и осмотреть ее. Ее голос... был тогда другим. Конечно, другим.

Люди на западе, как и его собственный народ, не слишком разбирались в зачатии и рождении детей. Только в Афганистане Рустем кое-что узнал — достаточно, чтобы понять, что причиной бесплодия иногда является муж, а не жена. Мужчины на западе и в его собственной стране не были склонны этому верить, разумеется.

Но Рустем не испытывал смущения, объясняя это приходящим к нему женщинам. А что они делали потом с этой информацией, было не его заботой, не его бременем.

Эта женщина из простонародья, — бывшая на самом деле императрицей Сарантия, — оказалась одной из таких женщин. И она вовсе не выглядела удивленной после его вопросов и осмотра, когда он сказал ей то, что сказал.

Пристально всмотревшись, лекарь в Рустеме был снова потрясен тем, что увидел: той полной, жестокой непреклонно-

стью, с которой женщина держала себя в руках, на фоне откровенного равнодушия, с которым она описывала собственную смерть и убийства. Он подумал, что она на грани срыва.

— Кто знает, что ты здесь? — спросил он.

— Элита. Я перелезла через стену внутреннего двора, потом забралась в эту комнату. Она обнаружила меня здесь, когда пришла развести у тебя огонь. Я знала, конечно, что она спит здесь. Прости меня за это. Я должна была рассчитывать на то, что она придет зажечь здесь очаг. Меня бы уже схватили, если бы пришел кто-то другой. И схватят сейчас, если ты закричишь, понимаешь?

— Ты перелезла через стену?

Эта улыбка улыбкой не была.

— Лекарь, тебе не надо знать того, что я делала и где была сегодня днем и ночью.

И через мгновение она впервые произнесла:

— Прошу тебя.

Императрица не должна так говорить, подумал Рустем, но не успел ничего сказать, так как в это мгновение они оба услышали, даже здесь, наверху, стук кулаков о входную дверь, и в окно Рустем увидел огни факелов в саду и услышал голоса.

* * *

Декурион Экод Сорийский, ветеран Второго аморийского легиона, профессиональный солдат, ясно сознавал, даже в суете этой ночи и после двух чаш вина, которые он опрометчиво согласился принять после обыска в доме его земляка из южных земель, что в доме сенатора надо вести себя сдержанно. Он и своих людей заставлял вести себя так же, несмотря на то, что они спешили и были расстроены, а награду им обещали огромную.

Они вдесятером занимались своим делом быстро и очень тщательно, но не приставали к служанкам и старались ничего не сломать, открывая сундуки и шкафы и осматривая каждую комнату на нижних и верхних этажах. Кое-что все же сломали раньше, во время поисков, после того как помогли очищать улицы от толп болельщиков, и Экод ожидал поступления жалоб утром. Это его не слишком тревожило. Трибуны Второго аморийского были хорошими командирами в целом и знали, что иногда мужчинам нужно немного расслабиться и что мягкотелые горожане вечно жалуются на честных солдат, которые защищают их дома и жизни. Что такое разбитая ваза или блюдо на фоне общего положения дел? Как далеко готов зайти хозяин, защищая служанку, которую солдат ущипнул за грудь или мимоходом задрал ей подол туники?

С другой стороны, дома бывают разные, и оскорбление действующего сенатора может плохо сказаться на шансах повышения по службе. У Экода был повод полагать, что он скоро станет центурионом, особенно если начнется славная война.

Если война начнется. Сегодня ночью солдаты при встречах на улицах Сарантия передавали друг другу разные слухи. Армия питалась слухами, и последним был слух о том, что они не станут торопиться с походом на запад. Война в Батиаре была великим планом покойного императора, того, которого сегодня убили. Новым императором стал их любимый командир, и хотя никто не мог сомневаться в храбрости и силе воли Леонта, но разумно предположить, что у нового человека на троне могут найтись дела, с которыми надо разобраться здесь, прежде чем посылать свои войска по морю на войну.

Это вполне устраивало Экода, по правде говоря, хотя он никому бы в этом не признался. Дело в том, что он терпеть не мог кораблей и моря и боялся их глубоко в душе, как боялся языческих заклинаний. Мысль о том, что придется доверить свои душу и тело одному из этих округлых медленных корыт, качающихся в гавани вместе с пьяными капитанами и матросами, пугала его гораздо больше, чем любая атака бассанидов или племен пустыни или даже каршитов, у которых в бою от ярости вскипала пена на губах, что он видел во время своего единственного похода на север.

Во время боя можно защищаться или отступить, если придется. Мало-мальски опытный человек всегда сумеет выжить. На корабле, во время шторма (упаси Джад!) или когда тебя просто уносит прочь от земли, солдату ничего не остается, только блевать за борт и молиться. А до Батиары путь неблизкий. Совсем не близкий.

По мнению Экода Сорийского, если их стратиг — славный новый император — решил хорошенько поразмыслить насчет запада и отправить свои армии, скажем, на север и на восток (в темноте говорили, что проклятые бассаниды нарушили мир и перешли с войсками границу), это абсолютно уместно и мудро.

Ведь получить повышение и стать центурионом после хорошего сражения невозможно, если утонешь по дороге, не так ли?

Он выслушал короткий доклад от Приска, что внутренний двор и сад пусты. Они уже отработали процедуру обыска домов почти до автоматизма. Сегодня ночью они обыскали немало домов. Здесь комнаты на первом этаже в передней части дома превратили в нечто вроде медицинской приемной, но в них было пусто. Управляющий, услужливый человек с худым лицом, послушно собрал внизу слуг и назвал всех трех женщин по именам. Приск и четверо других прошли дальше по коридору, чтобы проверить комнаты слуг и кухню. Экод со всей доступной ему вежливостью осведомился, кто занимает комнаты наверху. До нынешнего утра там жили два человека, объяснил управляющий. Выздоравливающий пациент и бассанидский лекарь, который живет здесь в качестве гостя сенатора.

Экод вежливо сдержался и не сплюнул при упоминании о бассаниде.

— Что за пациент? — спросил он.

— Это не женщина, а мужчина. И мы получили распоряжения ничего не рассказывать, — тихо, но решительно ответил управляющий. У этого прилизанного, высокомерного ублюдка были именно такие городские манеры, которые Экод презирал больше всего. Он был всего лишь слугой, но вел себя так, будто родился владельцем оливковых рощ и виноградников.

— В задницу твои распоряжения, — довольно мягко ответил Экод. — У меня сегодня нет времени. Что за пациент?

Управляющий побледнел. Одна из женщин поднесла ладонь ко рту. Экод подумал (но не мог знать наверняка), что она пытается скрыть смешок. Вероятно, ей приходится трахаться с этим холоднокровным ублюдком, чтобы сохранить место. И она с удовольствием посмотрела бы, как с него собьют спесь. Экод готов был держать пари.

— Значит, ты мне приказываешь сообщить тебе это? — спросил управляющий. Кусок дерьма, подумал Экод. Он себя прикрывает.

— Правильно, приказываю. Говори.

— Этим пациентом был Скортий Сорийский, — сказал управляющий. — Рустем Керакекский лечил его здесь тайно. До сегодняшнего утра.

— Святой Джад! — ахнул Экод. — Ты мне тут сказки рассказываешь?

Выражение лица управляющего ясно говорило о том, что он не способен рассказывать сказки, без сомнения.

Экод нервно облизнулся и постарался переварить эти сведения. Они ни к чему не имели никакого отношения, но что за новость! Скортий сегодня, несомненно, стал самым знаменитым сыном Сорийи. Героем для каждого мальчишки и каждого мужчины в этой граничащей с пустыней стране, в том числе и для Экода. Достаточно много солдат сегодня побывало на скачках, и история о внезапном появлении чемпиона Синих на Ипподроме и о том, чем это кончилось, была известна всем принимающим участие в обысках этой ночью. Ходили слухи, что он может умереть от ран — император и величайший возничий в один и тот же день.

И как это повлияет на предрассудки в армии накануне предполагаемой великой войны?

И вот Экод стоит в том самом доме, где выздоравливал Скортий и где его тайно лечил бассанид! Что за новости! Ему просто не терпелось вернуться в казармы.

Пока что он просто кивнул головой управляющему, выражение его лица было серьезным и мрачным.

— Я понимаю, почему это держали в тайне. Успокойся, мы ее не выдадим. Кто-нибудь еще есть в доме?

— Только сам лекарь.

— Бассанид? И сейчас он...

— Наверху. В своей спальне.

Экод бросил взгляд на Приска, который только что вернулся назад по коридору.

— Я сам осмотрю эту комнату. Нам тут жалобы ни к чему. — Он вопросительно посмотрел на управляющего.

— Первая комната налево от лестничной площадки. — Этот человек готов помогать, если объяснить ему правила игры.

Экод поднялся наверх. Скортий! Находился здесь! А человек, который спас ему жизнь...

Он коротко постучался в первую дверь, но не стал ждать приглашения войти. Это ведь обыск. Возможно, этот человек и оказался очень полезным, но он все равно остается развратным бассанидом, верно?

Как оказалось, он был прав.

Нагая женщина, сидящая верхом на мужчине в постели, повернула голову, когда Экод открыл дверь, и издала сдавленный крик, а затем разразилась потоком явно грязных ругательств.

Экод понял только общий смысл: она ругалась на языке бассанидов.

Женщина слезла с лежащего под ней мужчины и повернулась лицом к двери, поспешно прикрываясь простыней, а мужчина сел на постели. Его лицо исказилось от ярости, что при данных обстоятельствах было вполне оправданно.

— Как ты смеешь! — прошипел он, стараясь говорить тихо. — И это сарантийская вежливость?

Экод и правда чувствовал, что поступил не слишком вежливо. Восточная шлюха — здесь их всегда достаточно, со всего известного мира, — плевалась и ругалась, будто никогда не показывала свой голый зад солдату. Теперь она перешла на сарантийский, с сильным акцентом, но вполне понятный, и выдала множество язвительных и откровенных предположений насчет матери Экода, задворок притонов и происхождения самого Экода.

— Заткнись! — Лекарь с размаху влепил ей пощечину. — Она замолчала, всхлипывая. Иногда женщинам это необходимо, с одобрением подумал Экод. Очевидно, это справедливо в Бассании, как и в других странах мира, а почему бы и нет?

— Что ты здесь делаешь? — Седобородый бассанид пытался сохранить хоть какое-то достоинство. Экод про себя забавлялся: нелегко сохранить достоинство, когда тебя застали лежащим под проституткой. Уж эти бассаниды. Не могут даже уложить своих женщин вниз, где им самое место.

— Экод. Пехота Второго аморийского. Приказано обыскивать все дома в городе. Мы ищем одну беглянку.

— Потому что ни один из вас не может добыть себе женщину! Они все от вас убегают! — рассмеялась шлюха, широко раскрывая рот от собственного остроумия.

— Я слышал об обысках, — ответил бассанид Экоду, сохраняя самообладание. — В лагере Синих, где я лечил больного.

— Скортия? — Экод не смог удержаться от вопроса.

Доктор заколебался. Потом пожал плечами, словно говоря этим жестом: «Это не моя забота».

— Среди прочих. Солдаты сегодня не слишком миндальничали, как тебе известно.

— Приказ, — ответил Экод. — Пришлось пресекать беспорядки. Как здоровье Скортия? — Это потрясающая новость.

Доктор снова заколебался и опять пожал плечами:

— Ребра снова сломаны, рана открылась, потеря крови, возможно, задето легкое. Утром буду знать.

Проститутка продолжала злобно зыркать на Экода, но, по крайней мере, доктор пока что заткнул ее грязный рот. У нее было красивое зрелое тело, насколько он видел, но волосы превратились в спутанное гнездо, а голос звучал пронзительно и резко, и она выглядела не особенной чистюлей. Что касается Экодеса Сорийского, то грязи и ругани хватает при общении с солдатами, а когда ищешь девицу, то нужно нечто другое.

— Кто эта женщина?

Доктор прочистил горло.

— Ну... э... ты понимаешь, что моя семья далеко отсюда. А мужчина, даже в моем возрасте...

Экод ухмыльнулся:

— Я не побегу в Бассанию, чтобы донести твоей жене, если ты это имеешь в виду. Должен сказать, ты мог бы найти в Сарантии кое-что получше, или тебе так нравится слушать, как они ругаются на твоем языке?

— Иди и поимей сам себя, солдат, — огрызнулась женщина с сильным акцентом. — Больше ты никому не нужен.

— Что за манеры! — возмутился Экод. — Это дом сенатора.

— Действительно, — заметил доктор. — И кое-кому сейчас явно недостает хороших манер. Будь добр, заканчивай делать, что должен, и уходи. Признаюсь, что не вижу ничего пристойного и ничего веселого в нашей встрече.

«Уверен, что не находишь, бассанидская свинья», — подумал Экод.

Но вслух сказал:

— Понятно. Я всего лишь выполняю приказ, как тебе известно. — Приходилось думать о своем повышении по службе. Эта свинья живет здесь и лечит Скортия, а значит — важная шишка.

Экод огляделся. Обычная для этого квартала спальня на втором этаже. Лучшая комната, с видом на сад. Он подошел к окну, выходящему во двор. Было темно. Внизу уже все осмотрели. Он вернулся к двери, взглянул на кровать. Двое людей сидели бок о бок, теперь молча. Женщина натянула на себя простыню и прикрылась, но не полностью. Позволяла ему увидеть кое-что, чтобы подразнить, хотя и осыпала его ругательствами. Эти шлюхи!..

Полагалось заглянуть под кровать, конечно, — очевидное

место, где можно спрятаться. Но полагалось также уметь думать, ведь ты декурион (или будущий центурион?), и не терять зря времени. Приказ был отдан недвусмысленный: необходимо найти бывшую императрицу до завтрашней церемонии на Ипподроме. Экод был готов с уверенностью утверждать, что такая женщина не станет прятаться под кроватью, на которой только что кувыркались эти бассаниды.

— Вольно, доктор, — сказал он, позволяя себе улыбнуться. — Продолжайте. — И вышел, прикрыв за собой дверь. Приск вместе с двумя солдатами приближался по коридору. Экод посмотрел на него; тот покачал головой.

— В одной комнате кто-то жил, но уже не живет. Какой-то пациент.

— Пойдем, — сказал Экод. — Об этом я расскажу тебе на улице. Ты ни за что не поверишь.

У этой бассанидской шлюхи грязный язык, но зад приятно округлый, думал он, спускаясь вниз по лестнице впереди Приска и вспоминая первую, возбуждающую сцену, когда он открыл дверь. Интересно, не удастся ли заполучить эту девчонку самому, попозже. Вряд ли. Это не для честных солдат, выполняющих свою работу.

В прихожей у двери он подождал, пока его солдаты выйдут на улицу, потом кивнул управляющему. Вежливо. Даже сказал спасибо. Дом сенатора. Он назвал им свое имя, когда пришел.

— Между прочим, — добавил он, осененный последней мыслью. — Давно здесь эта шлюха из Бассании?

Управляющий казался искренне шокированным.

— Ты, грубиян! Что за отвратительная идея! Этот бассанид — известный лекарь и... и почетный гость сенатора! — воскликнул он. — Оставь при себе свои грязные мысли!

Экод заморгал, потом громко рассмеялся. Ну-ну. Какие мы чувствительные! Это ему кое о чем рассказало. Мальчики? Он мысленно взял на заметку спросить потом кое у кого насчет этого сенатора Боноса. Он уже собрался было объяснить, но тут увидел, как женщина за спиной управляющего подмигнула ему и приложила палец к улыбающимся губам.

Экод усмехнулся. Эта девчонка была хорошенькой. И очевидно, что чопорный управляющий не знает всего того, что происходит в этом доме.

— Ладно, — сказал он, многозначительно глядя на женщину. Может быть, ему удастся прийти позже. Вряд ли, но кто знает. Управляющий быстро оглянулся через плечо на девушку, но выражение ее лица тут же стало совершенно серьезным, а руки она смиренно сложила перед грудью. Экод снова усмехнулся. Женщины. Рождены для обмана, все они. Но эта чистенькая во вкусе Экода, в ней даже есть какой-то шарм, не то что та восточная шлюха наверху.

— Неважно, — сказал он управляющему. — Занимайся своим делом.

Ночь мчалась к концу, быстро, как колесницы. Им надо найти женщину до рассвета. Объявлена колоссальная награда. Даже если ее разделить на десять человек (конечно, декурион получит двойную долю), все они могли бы уйти в отставку и жить в достатке после окончания службы. Иметь собственных чистеньких служанок, или жен, или и тех и других. Но шансы невелики, если они будут медлить и задерживаться. Его люди нетерпеливо ждали на улице. Экод повернулся и спустился по ступенькам.

— Ладно, ребята. В следующий дом, — коротко приказал он. Управляющий со стуком захлопнул за ними дверь.

* * *

Его привело в смущение собственное возбуждение, к счастью, скрытое простынями, когда она притворялась, что занимается с ним любовью, сидя на нем верхом. Она не позволила ему запереть дверь, и он с опозданием понял: комнату должны были обыскать, и весь замысел состоял в том, чтобы солдаты застали их во время любовных игр, возмущенными вторжением. Ее голос, низкое рычание, быстро перешедшее в гнусавые вопли, изрыгал непристойности с поразительной изобретательностью, и это произвело на лекаря почти такое же сильное впечатление, как и на невысокого солдата в дверях. Рустему, который понимал, что рискует жизнью, без труда удалось изобразить гнев и враждебность.

Аликсана слезла с него, прижимая к себе простыни. Она выпустила в солдата следующий залп ругательств, а Рустем, побуждаемый страхом не меньше, чем другими чувствами, дал ей пощечину, повергнув в шок самого себя.

Теперь, когда дверь закрылась, он мучительно долгое мгновение ждал, пока до него не донесся разговор снаружи, потом шаги на скрипучей лестнице, и только тогда прошептал:

— Прости. Эта пощечина. Я...

Она даже не посмотрела на него, лежа рядом.

— Нет. Это был хороший ход.

Он прочистил горло.

— Возможно, теперь можно запереть дверь, если это были... настоящие...

— Они были настоящие, — шепотом ответила она.

Казалось, теперь из нее вытекли все силы. Он чувствовал рядом с собой ее обнаженное тело, но в нем уже не осталось желания. Он испытывал глубокое сожаление и какое-то другое чувство, удивительно похожее на скорбь. Он встал и быстро натянул тунику. Подошел к двери и запер ее. Когда он обернулся, Аликсана сидела на постели, полностью закутанная в простыни.

Рустем поколебался, словно лодка, сорванная с якоря, потом прошел к очагу и сел возле него на скамейку. Он посмотрел на языки пламени, подбросил в него полено, пытаясь занять себя мелкими повседневными делами. Спросил, не глядя на нее:

— Когда ты выучила язык бассанидов?

— Я правильно все сказала?

Он кивнул головой.

— Я бы не сумел так ругаться.

— Уверена, сумел бы. — В ее голосе не было никаких интонаций. — Кое-чему я научилась еще в молодости, в основном ругаться. Позже, когда приходилось принимать послов, выучила язык лучше. Мужчинам льстит, когда женщина обращается к ним на их родном языке.

— А... голос? — Словно у злобной старухи из портового притона.

— Я была актрисой, лекарь, помнишь? Это почти то же самое, что проститутка, как считают некоторые. Я убедительно сыграла?

На этот раз он все-таки посмотрел на нее. Она пустыми глазами уставилась на дверь, через которую вышел солдат.

Рустем молчал. Ему казалось, что ночь стала глубокой, как каменный колодец, и такой же темной. День выдался таким длинным, что и поверить невозможно. Он начался с того, что его пациент утром ушел, а сам он захотел посмотреть скачки на Ипподроме.

Для нее этот день начался по-другому.

Он пристально вгляделся в слишком неподвижную фигуру на постели. И покачал головой. Он был лекарем, ему уже доводилось видеть подобное. Он сказал:

— Госпожа, прости меня, но тебе необходимо поплакать. Ты должна позволить себе сделать это. Я говорю это как... врач.

Она даже не пошевелилась.

— Еще не время, — ответила она. — Я не могу.

— Можешь, — очень настойчиво возразил Рустем. — Человек, которого ты любила, мертв. Убит. Его нет. Ты можешь, госпожа.

В конце концов она повернулась и посмотрела на него. Свет очага осветил ее безупречно очерченные скулы, оттенил коротко остриженные волосы, осветил грязные пятна, но не достиг тьмы ее глаз. Рустема внезапно охватило желание — редкое для него, как дождь в пустыне, — подойти к постели и обнять ее. Он сдержался.

— Мы говорим, что, когда Анаита оплакивает своих детей, — прошептал он, — жалость приходит в мир, в царства света и тьмы.

— У меня нет детей.

Она так умна. Так тщательно себя охраняет.

— Ты — ее дитя, — ответил он.

— Я не позволю себя жалеть.

— Тогда позволь себе проявить скорбь, иначе я должен пожалеть женщину, которой это не дано.

Она снова покачала головой:

— Я — плохая пациентка, доктор. Прости меня. Я обязана хотя бы повиноваться тебе за то, что ты только что сделал. Но пока не могу. Еще... не время. Может быть, когда... сделаю все остальное.

— Куда ты пойдешь? — спросил он через секунду.

В ответ — быстрая, задумчивая улыбка, бессмысленная, рожденная просто привычкой вести остроумную беседу, из потерянного мира.

— Вот теперь ты меня обижаешь. Ты уже устал от меня в постели?

Он покачал головой. Посмотрел на нее и ничего не сказал. Потом медленно снова отвернулся к огню и занялся действиями, древними, как сам очаг, тем, что делают мужчины и женщины во все века, и даже сейчас, где-то в другой части мира. Он делал все очень неспешно.

И несколько секунд спустя услышал хрип, словно кто-то задыхался, потом хрип повторился. С большим усилием Рустем заставил себя смотреть в огонь, а не в сторону постели, где императрица Сарантия горевала в ночи, издавая такие безутешные рыдания, каких он никогда прежде не слышал.

Это продолжалось долго. Рустем не сводил глаз с огня, чтобы создать для нее хотя бы подобие уединения, как ранее они имитировали любовную игру. В конце концов, когда он подбрасывал в пламя еще одно полено, он услышал ее шепот:

— Почему так лучше, лекарь? Скажи мне, почему?

Он повернулся. Увидел при свете огня сверкающие на ее лице слезы. И сказал:

— Госпожа, мы смертны. Дети тех богов или богинь, которым поклоняемся, но всего лишь смертные. Душа должна уметь сгибаться, чтобы выдержать.

Она смотрела в сторону, но не на какой-то определенный предмет в комнате.

— И даже Анаита плачет? Иначе царства не получат жалости?

Он кивнул, глубоко растроганный, не находя слов. Таких женщин он никогда прежде не встречал.

Она вытерла глаза тыльной стороной обеих рук, совсем по-детски. И снова посмотрела на него.

— Если ты прав, то сегодня ты меня спас дважды, не так ли?

Он ничего не смог придумать в ответ.

— Ты знаешь, какую награду они назначили?

Он кивнул головой. Об этом кричали глашатаи на улицах начиная с вечера. Он добрался до лагеря Синих до захода солнца. Занимаясь ранеными, он слышал об этом.

— Тебе надо только открыть дверь и крикнуть, — заметила она.

Рустем посмотрел на нее, пытаясь найти слова. Погладил бороду.

— Возможно, я от тебя устал, но не до такой степени, — ответил он и увидел, что ее улыбка на этот раз все же коснулась очень ненадолго ее темных глаз.

Через секунду она сказала:

— Спасибо тебе за это. Ты больше того, о чем я имела право просить бога, лекарь.

Он покачал головой, снова смутившись.

Ее голос чуть-чуть окреп.

— Но ты должен знать, что тебе придется что-нибудь рассказать об этом в Кабадхе. Тебе придется что-нибудь им дать.

Он уставился на нее.

— Что-нибудь дать?

— Доложить о каких-то результатах твоей поездки сюда, лекарь.

— Я не понимаю... Я приехал, чтобы получить...

— ...медицинские знания запада перед прибытием ко двору. Я знаю. Гильдия лекарей представила отчет. Я его просмотрела. Но Ширван никогда не натягивает на лук одну тетиву, и ты не можешь быть исключением. Он должен был приказать тебе смотреть в оба. О тебе будут судить по тому, что ты видел. Если ты вернешься к его двору ни с чем, то дашь оружие в руки твоих врагов, а они у тебя уже там есть, лекарь. Ждут тебя. Не сложно прибыть ко двору и встретить там врагов, которые тебя заранее ненавидят.

Рустем стиснул ладони.

— Я почти ничего не знаю о таких вещах, моя госпожа.

Она кивнула:

— В это я верю. — Посмотрела на него, потом, словно приняв решение, тихо спросила: — Тебе кто-нибудь сообщил, что Бассания перешла границу на севере, нарушив мир?

Никто ему не сообщил. Кто мог сообщить об этом ему, чужестранцу среди людей запада? Врагу. Рустем с трудом сглотнул, его обдало холодом. Если началась война, а он все еще здесь...

Она смотрела на него.

— Всю вторую половину дня по Городу ходили слухи. Собственно говоря, я совершенно уверена, что это правда.

— Почему? — шепнул он.

— Почему я уверена?

Он кивнул.

— Потому что Петр хотел, чтобы Ширван это сделал, он подталкивал его к этому.

— П-почему?

Выражение лица женщины снова стало другим. На ее щеках еще не просохли слезы.

— Потому что на свой лук и он всегда натягивал три или четыре тетивы. Он хотел получить Батиару, но он также хотел дать

Леонту урок, показать ему, что существуют границы, что возможно даже поражение на этом пути. Разделить войска, чтобы справиться с Бассанией, было одним из способов этого добиться. И, разумеется, прекратились бы выплаты денег на восток.

— Он хотел потерпеть поражение на западе?

— Конечно, нет. — Та же слабая, почти незаметная улыбка, рожденная воспоминаниями. — Но есть способы выиграть больше, чем в одном, и каким именно способом добиваешься победы, имеет иногда очень большое значение.

Рустем медленно покачал головой:

— И сколько людей должны умереть ради всего этого? Разве это не тщеславие? Считать, что ты можешь поступать, как бог? Мы не боги. Время предъявляет свои права на всех нас.

— Повелитель императоров? — Она взглянула на него. — Это так, но разве нет способов сделать так, чтобы тебя помнили, доктор, оставить свой след на камне, а не на воде? Подтвердить, что ты... был здесь?

— Для большинства из нас — нет, госпожа. — Уже произнося эти слова, он вспомнил повара из лагеря Синих: «Этот мальчик — мое наследство». Вопль из глубины души этого человека.

Ее руки и тело скрывали простыни. Она сидела неподвижно как каменная. Сказала:

— В этом лишь половина правды, уверяю тебя. Не больше... Разве у тебя нет детей, лекарь?

Как странно, повар задал ему тот же вопрос. Второй раз за ночь он беседовал о том, что человек способен после себя оставить. Рустем сделал знак, охраняющий от зла, повернувшись лицом к огню. Он сознавал, какой странной теперь стала эта беседа, но чувствовал, что эти вопросы затрагивают саму суть событий этого дня и этой ночи. Он медленно произнес:

— Но если мы останемся в памяти других людей, даже наших собственных наследников, не значит ли это, что нас запомнят неправильно? Что знает ребенок о своем отце? Кто решает, как именно нас опишут в хрониках и опишут ли вообще?

Она слегка улыбнулась, словно он порадовал ее своим умом.

— Эта проблема существует. Возможно, летописцы, художники, скульпторы, историки... возможно, именно они — подлинные повелители императоров среди всех нас.

Рустем ощутил приятное тепло от того, что удостоился ее одобрения, но на мгновение он представил себе, какой была эта

женщина, сидящая на троне, в драгоценностях, в окружении придворных, стремящихся заслужить ее одобрение.

Он опустил глаза, снова преисполнившись смирения.

Когда он поднял их, выражение ее лица было уже другим, словно этот отвлеченный разговор завершился.

— Ты понимаешь, что теперь должен быть очень осторожным? — спросила она. — Бассаниды станут непопулярными, когда о войне узнают все. Держись поближе к Боносу. Он защитит гостя. Но пойми еще одно: тебя могут убить, когда ты вернешься в Кабадх.

Рустем широко раскрытыми глазами посмотрел на нее.

— Почему?

— Потому что ты не выполнил приказ.

— Что? Царица антов? Они ведь не могут полагать, что я сумею убить особу царской крови так быстро, так легко?

Она неумолимо покачала головой.

— Нет, но они могут полагать, что ты к этому моменту уже погиб, пытаясь убить ее, доктор. Тебе были даны указания.

Он ничего не ответил. Ночь, глубокая, как колодец. Как выбраться из нее? И сейчас ее голос звучал как голос человека, бесконечно искушенного в жизни при дворе правителей.

— То письмо ясно говорило об одном: что твое присутствие в качестве лекаря в Кабадхе менее важно для Царя Царей, чем твои услуги в качестве убийцы здесь, добьешься ты успеха или нет. — Она помолчала. — Ты не подумал об этом?

Он не подумал. Совсем. Он был лекарем из засыпанной песком деревушки на южной окраине пустыни. Он разбирался в лечении и деторождении, ранах и катарактах, в болезнях желудка. Он молча покачал головой.

Аликсана Сарантийская, нагая, закутанная в простыни, как в саван, прошептала:

— Тогда пусть это будет моей маленькой услугой тебе. Поводом к размышлению, когда я уйду.

Уйдет из этой комнаты? Она имела в виду нечто большее. Каким бы глубоким ни казался ему колодец ночи, ее колодец был гораздо глубже. И, подумав об этом, Рустем Кераксекский нашел в себе мужество и благородство, о существовании которых даже не подозревал (позже он решил, что эти качества из него вытянули), и тихо произнес с грустной улыбкой:

— Сегодня ночью я преуспел в осторожности, не так ли?

Она снова улыбнулась. Он навсегда запомнил эту улыбку.

Тут послышался тихий стук в дверь. Четыре быстрых удара, два медленных. Рустем встал, окинул взглядом комнату. Спрятаться здесь ей было решительно негде.

Но Аликсана сказала:

— Это, должно быть, Элита. Все в порядке. Ей полагается сюда подняться. Она ведь спит с тобой, да? Интересно, не огорчится ли она при виде меня?

Он подошел к двери и открыл ее. Элита поспешно вошла, закрыла за собой дверь. Бросила один быстрый испуганный взгляд на постель, увидела, что Аликсана там. Она упала на колени перед Рустемом, схватила его руки в обе ладони и поцеловала. Потом повернулась к кровати, все еще стоя на коленях, и посмотрела на сидящую на ней растрепанную, грязную, коротко остриженную женщину.

— Ох, госпожа! — прошептала она. — Что нам делать?

Она вынула из-за пояса кинжал и положила его на пол. Потом зарыдала.

Она уже давно была одной из лучших доверенных женщин императрицы Аликсаны. И получала удовольствие от своего положения, почти наверняка недостойного, с точки зрения Джада и священнослужителей. Смертные, особенно женщины, не должны позволять себе грех гордыни.

Но она гордилась.

Она была последней, кто не лег спать в доме, вызвалась присмотреть за очагом в нижних комнатах и погасить лампы, прежде чем поднимется наверх, в спальню бассанида. Некоторое время она сидела одна в передней, в темноте, глядя на свет белой луны за высоким окном. Слышала шаги в других комнатах первого этажа, потом они стихли, когда остальные обитатели легли спать. Она какое-то время оставалась на месте, полная тревоги. Ей следовало ждать, но она боялась ждать слишком долго. Наконец она прошла по коридору и бесшумно открыла дверь в спальню.

Она приготовила слова оправдания — не слишком удачного, — если вдруг он еще не спит.

Управляющий, нанятый в этот дом Плавтом Боносом, был знающим, но не особенно умным человеком. И все же, когда солдаты покидали дом, кое-что было сказано, — возникло недопонимание, которое могло показаться забавным, но совсем

не было забавным, когда так много поставлено на карту. Слова, которые могли бы оказаться роковыми, если бы управляющий кое-что сопоставил.

Назначена огромная награда, невероятно большая, о которой весь день объявляли глашатаи по Городу. Что, если управляющий ночью проснется и его осенит идея? Если демон или призрак явится к нему во сне? Если он поймет при свете поздних лун, что солдат у двери не седобородого доктора назвал шлюхой, а говорил о женщине наверху? О женщине. Управляющий мог проснуться, удивиться, ощутить медленное прикосновение любопытства и прилив жадности, встать в темном доме, спуститься в коридор с лампой, зажженной от своего очага. Открыть переднюю дверь. Позвать стражника городского префекта или солдата.

Это было опасно. Опасно.

Она вошла в его комнату, сама двигаясь бесшумно, как призрак, посмотрела на него сверху вниз. Он спал. Лежа на спине. Она старалась ожесточить свое сердце.

Верность, подлинная верность иногда требует смерти. Императрица (она всегда будет так ее называть) все еще находится в доме. В эту ночь нельзя рисковать. Возможно, ее обвинят в убийстве управляющего, но иногда необходимая смерть — это твоя собственная смерть.

— Моя госпожа, я не смогла его убить. Я пыталась, я пошла туда, чтобы это сделать, но...

Девушка плакала. Рустем видел, что клинок на полу рядом с ней не испачкан кровью. Он взглянул на Аликсану.

— Мне не следовало делать из тебя воина Бдительных, — прошептала Аликсана, все еще завернутая в простыни. И слабо улыбнулась.

Элита подняла глаза и прикусила губу.

— Я не думаю, что нам нужна его смерть, дорогая. Если этот человек каким-то образом проснется ночью, подойдет к двери и позовет стражника, ты сможешь пронзить его мечом.

— Госпожа, у меня нет...

— Я знаю, детка. Я говорю тебе, что нам не нужно убивать, чтобы защитить себя от этой случайности. Если бы он хотел разобраться в том разговоре, то уже сделал бы это.

Рустем, который немного больше понимал в снах и в сновидениях, не был так в этом уверен, но ничего не сказал.

Аликсана посмотрела на него.

— Доктор, ты позволишь двум женщинам разделить с тобой постель? Боюсь, это не так захватывающе, как звучит.

Рустем откашлялся.

— Ты должна поспать, госпожа. Оставайся на кровати. Я посплю на стуле, а Элита может взять подушку и лечь у очага.

— Тебе тоже надо отдохнуть, лекарь. Утром в твоих руках окажутся жизни людей.

— И я сделаю, что смогу. Мне и раньше приходилось проводить ночи на стульях.

Это было правдой. На стульях, и в гораздо худших местах. На каменистой земле с армией в Афганистане. Он был вымотан до предела. И видел, что она тоже.

— Я отнимаю у тебя постель, — пробормотала она и легла. — Мне не следует этого делать. — Она уснула, едва успев договорить.

Рустем посмотрел на служанку, которая готова была совершить ради нее убийство. Они оба молчали. Он показал рукой на одну из подушек, она взяла ее, пошла к очагу и легла. Он посмотрел на кровать, подошел и укрыл спящую женщину одним одеялом. Потом взял другое одеяло и отнес его девушке у очага. Она смотрела на него снизу вверх. Он закутал ее в одеяло.

Потом вернулся к окну. Выглянул наружу, увидел деревья в саду, посеребренные светом белой луны. Закрыл окно, задернул занавески. Ветер усилился, ночь стала холодной. Он опустился на стул. И тут окончательно понял, что теперь ему придется снова изменить свою жизнь — то, что он считал своей дальнейшей жизнью.

* * *

Он уснул. А когда проснулся, обе женщины исчезли.

Сквозь занавески просачивался бледно-серый свет. Он отдернул их и выглянул наружу. День еще не наступил, время повисло в часе от рассвета. Раздался стук в дверь. Тут он понял, что стук и разбудил его. Посмотрел на дверь и увидел, что она не заперта, как обычно.

Он уже собирался крикнуть, чтобы вошли, но тут вспомнил, где находится.

Он быстро вскочил. Элита вернула на кровать подушку и одеяло. Рустем подошел к кровати и забрался под простыни. Там остался аромат, слабый, как уходящий сон, аромат женщины, которая исчезла.

— Да? — крикнул он. Он понятия не имел, где она и узнает ли он когда-нибудь об этом.

Управляющий Боноса открыл дверь, уже безукоризненно одетый, собранный и спокойный, как всегда, манеры его оставались все такими же сдержанными. Рустем видел в этой комнате нож вчера ночью, который должен был пронзить сердце этого человека, пока тот спал. Он был так близок к смерти. И Рустем тоже, только по-другому, если бы обман открылся.

Управляющий почтительно замер на пороге, сложив перед собой руки. Но на его лице было странное выражение.

— Приношу глубочайшие извинения, но у двери стоят какие-то люди, доктор. — Голос его звучал привычно приглушенно. — Они утверждают, что они — члены вашей семьи.

Он промедлил ровно настолько, чтобы успеть набросить одежду. Растрепанный, небритый, все еще неясно различающий предметы, он промчался мимо изумленного управляющего и бросился по коридору, а потом вниз по лестнице, отбросив всякое подобие чувства собственного достоинства.

Он увидел их с первой площадки, от поворота лестницы, и остановился, глядя вниз.

Они все стояли в прихожей. Катиун и Ярита, одна открыто встревоженная, вторая скрывающая свою тревогу. Исса сидела на руках у матери. Шаски стоял немного впереди всех остальных. Он смотрел вверх неподвижными широко раскрытыми глазами, с пугающим, напряженным выражением на лице, которое изменилось, растаяло только тогда — Рустем это увидел, — когда его отец появился на лестнице. И Рустем понял в тот самый момент с абсолютной уверенностью, какая может существовать на земле, что именно Шаски был причиной, единственной причиной того, что эти четверо здесь, и это понимание нанесло ни с чем не сравнимый удар прямо в его сердце.

Он спустился с лестницы на первый этаж и мрачно остановился перед мальчиком, сжав перед собой руки, совсем так же, как только что управляющий.

Шаски смотрел на него снизу вверх, его лицо было белым,

как флаг капитуляции, маленькое худенькое тельце напряжено, как тетива лука. («Мы должны уметь сгибаться, мой малыш, мы должны научиться сгибаться, иначе мы сломаемся».) Шаски произнес дрожащим голосом:

— Здравствуй, папа. Папа, мы не можем вернуться домой.

— Я знаю, — мягко ответил Рустем.

Шаски прикусил губу. Пристально посмотрел на него. Огромными глазами. Он этого не ожидал. Ожидал наказания, весьма вероятно. («Мы должны научиться воспринимать все проще, малыш».)

— И... и в Кабадх. Мы не можем туда ехать.

— Я знаю, — повторил Рустем.

Он действительно знал. Он также понял после того, что стало известно ему этой ночью, что Перун и Богиня вмешались в его судьбу в большей степени, чем он того заслуживал, чем был достоин. Что-то сжималось в его груди, и эта сила требовала освобождения. Он опустился на колени на пол и протянул сыну руки.

— Иди ко мне, — сказал он. — Все в порядке, малыш. Все будет хорошо.

У Шаски вырвался какой-то звук — стон, крик сердца, — и он бросился к отцу, крохотный комочек израсходованных сил, и тот крепко обнял его. Потом Рустем поднял его, не отпуская, шагнул вперед и заключил в объятия обеих жен и маленькую дочь. И наступило утро.

Они навели справки у торговых агентов купцов из Бассании на другом берегу. Один из них знал, где живет лекарь Рустем. Их сопровождающие, двое солдат, которые переправились вместе с ними через пролив из Деаполиса на рыбацкой лодке до рассвета (двое других остались в Деаполисе), ждали их на улице у дома.

Рустем приказал их впустить. Учитывая то, что он узнал, сейчас бассанидам нельзя было находиться на улицах Сарантия. Один из них, к его изумлению (а он уже думал, что теперь его ничто не сможет удивить), оказался Винажем, комендантом гарнизона в Керакеке.

— Комендант? Как это случилось? — Странно было снова говорить на родном языке.

Винаж, одетый в сарантийские штаны и подпоясанную рем-

нем тунику, а не в мундир, хвала Богине, слегка улыбнулся, прежде чем ответить. Его лицо выражало усталость и удовлетворение человека, выполнившего трудную задачу.

— Твой сын, — сказал он, — умеет убеждать.

Рустем все еще держал на руках Шаски. Мальчик обвил руками его шею, а голову положил на плечо отца. Он уже не плакал. Рустем бросил взгляд на управляющего и сказал на сарантийском языке:

— Можно предложить завтрак моей семье и этим людям, которые их сопровождали?

— Конечно, можно, — ответила Элита, раньше чем управляющий успел открыть рот. Она улыбалась Иссе. — Я это устрою.

Кажется, самонадеянность женщины вызвала на короткий миг раздражение у управляющего. Рустем внезапно ясно увидел картину: Элита стоит над телом этого человека в ночи с ножом в руке.

— Я также хотел бы послать сенатору записку как можно скорее. Передать мое почтение и попросить о встрече с ним сегодня утром, попозже.

Лицо управляющего помрачнело.

— Есть некоторые сложности, — прошептал он.

— Какие?

— Сенатор и его семья не будут принимать сегодня посетителей, и в ближайшие дни тоже. Они в трауре. Госпожа Тенаис умерла.

— Что? Я был вместе с ней вчера!

— Я это знаю, доктор. Кажется, она ушла к богу после обеда, у себя дома.

— Как? — Рустем был искренне потрясен. Он почувствовал, как замер Шаски.

Управляющий колебался.

— Мне дали понять, что она... сама нанесла себе рану.

Снова картинки. Из того, вчерашнего дня. Тускло освещенное высокое внутреннее пространство внутри Ипподрома, клубы пыли, плывущие в полосах света, женщина, еще более напряженная, чем он сам, стоящая перед возничим. Еще один занесенный клинок.

«Мы должны научиться сгибаться, иначе мы сломаемся».

Рустем глубоко вздохнул. Он напряженно размышлял. Боноса нельзя тревожить, но необходимо обеспечить себе защиту.

Или управляющий сам должен будет организовать охрану дома, или...

Это был ответ. И очевидный ответ.

Он снова взглянул на управляющего.

— Я глубоко огорчен этой новостью. Она была женщиной достойной и милостивой. Теперь мне понадобится послать другую записку. Пожалуйста, пусть кто-нибудь сообщит действующему лидеру факции Синих, что я и моя семья и два наших спутника просим разрешения прийти в лагерь. Нам понадобится сопровождение, разумеется.

— Вы покидаете нас, доктор?

Выражение лица этого человека оставалось безупречно невозмутимым. Его чуть не убили во сне вчера ночью. Он мог бы никогда не проснуться. В это самое мгновение кто-нибудь мог бы постучать в дверь его спальни, обнаружить его труп и поднять страшный крик.

Человек никогда не сумеет до конца понять этот мир. Таким он был создан.

— Я думаю, что мы должны уйти, — ответил он. — Кажется, наши страны снова вступили в войну. Сарантий станет опасным местом для бассанидов, пусть даже ни в чем не повинных. Если Синие согласятся нас принять, мы будем в большей безопасности в их лагере. — Он посмотрел на управляющего: — Разумеется, находясь здесь, мы подвергаем опасности всех вас тоже.

Управляющий, не слишком догадливый человек, об этом не подумал. Это отразилось на его лице.

— Я прикажу передать твое послание.

— Скажи им, — прибавил Рустем, ставя Шаски на пол рядом с собой и обнимая его рукой за плечи, — что я, конечно, предлагаю свою профессиональную помощь на время моего пребывания.

Он посмотрел на Винажа, человека, который привел все это в движение однажды зимним днем, когда ветер дул со стороны пустыни. Комендант, по-видимому, знал сарантийский язык. Он понял их разговор.

— Я оставил двух человек на другом берегу, — прошептал он.

— Тебе опасно возвращаться к ним. Подождем и посмотрим. Я просил, чтобы вас приютили вместе с нами. Это место —

охраняемый лагерь, и у них есть причины хорошо ко мне относиться.

— Я слышал. Понятно.

— Но я не имею права действовать от твоего имени, как мне сейчас пришло в голову. Ты привез ко мне семью неожиданно. По многим причинам я хочу, чтобы они сейчас были вместе со мной. Я очень тебе обязан и не смогу достойно отблагодарить тебя, поскольку я не знаю, чего ты хочешь. Ты вернешься домой? Требует ли этого твой долг? Или ты... не знаю, слышал ли ты о возможности войны на севере?

— Вчера ночью на другом берегу ходили слухи. Мы достали гражданскую одежду, как видишь. — Винаж поколебался. Он снял шапку из грубой ткани и почесал голову. — Я... я уже говорил тебе, что твой сын умеет убеждать.

Управляющий услышал, что они говорят на языке бассанидов, вежливо отвернулся и поманил пальцем одного из младших слуг — посыльного.

Рустем посмотрел на коменданта.

— Он необычный ребенок.

Он все еще обнимал мальчика, не отпускал его. Катиун наблюдала за ними, ее голова поворачивалась от одного к другому. Ярита осушила слезы и теперь уговаривала девочку замолчать.

Винаж все еще боролся с чем-то. Он прочистил горло, потом еще раз.

— Он сказал... Шаски сказал... Сказал нам, что приближается конец. Керакека. Даже Кабадха.

— Мы не можем вернуться домой, папа. — Теперь голос Шаски звучал спокойно, и в нем слышалась уверенность, от которой мороз пробегал по коже, если задуматься об этом. «Да защитит тебя Перун, да хранит всех нас Анаита. Пусть Азал никогда не узнает твоего имени».

Рустем посмотрел на своего сына.

— Какого рода конец?

— Я не знаю. — Это признание явно тревожило мальчика. — Из пустыни.

Из пустыни. Рустем посмотрел на Катиун. Она пожала плечами коротким жестом, так хорошо ему знакомым.

— У детей бывают сны, — сказал он, но потом покачал головой. Это нечестно. Уловка. Они здесь, с ним, только из-за снов Шаски, а вчера ночью Рустему сообщили — вполне ясно и

такой человек, который должен знать, — что он, возможно, погибнет, если отправится сейчас в Кабадх.

Он отказался стать убийцей. А ведь приказ пришел от царя.

Винаж, сын Винажа, комендант гарнизона в Керакеке, тихо сказал:

— Если ты намерен остаться здесь или уехать в другое место, я покорно прошу разрешения некоторое время путешествовать вместе с тобой. Позднее наши пути могут разойтись, но сейчас мы предлагаем свою помощь. Я верю... я принимаю то, что видит этот ребенок. В пустыне случается, что некоторые люди обладают таким... знанием.

Рустем с трудом сглотнул.

— Мы? Ты говоришь от имени трех остальных?

— Они разделяют мои мысли насчет мальчика. Мы путешествовали вместе с ним. Такие вещи заметны.

Вот так просто.

Рустем все еще обнимал слишком худенькие плечики Шаски.

— Ты дезертируешь из армии. — Жестокие слова. Но сейчас их необходимо сказать, открыто.

Винаж вздрогнул. Потом выпрямился, посмотрел ему прямо в глаза:

— Я обещал организовать отставку моим людям, как положено, и это в моей власти, как командира. Я отошлю официальные письма.

— А ты сам?

— Никто не может написать подобное письмо в отношении командира. — *Винаж вздохнул. — Я не вернусь. — Он посмотрел вниз, на Шаски, и слегка улыбнулся.* Но больше ничего не сказал.

Жизнь изменилась, круто изменилась.

Рустем обвел взглядом комнату, своих жен, свою младшую дочь, человека, который только что соединил с ними свою судьбу, и именно в этот момент — как он будет вспоминать много времени спустя, рассказывая эту историю, — ему пришла в голову мысль насчет того, куда они отправятся.

Он уже побывал на далеком востоке, говорил он гостям за вином, на другой земле, почему бы не отправиться так же далеко на запад?

Дальше Батиары, гораздо дальше, лежит страна, которая еще только обретает форму, определяется, там передний край,

открытые пространства, море с трех сторон, как говорят. Место, где они смогут начать все заново, получат возможность увидеть, кем станет Шаски, помимо всего прочего.

Ведь в Эсперанье тоже нужны лекари.

Их проводили через город по тихим улицам, даже неестественно тихим, в лагерь Синих еще до полудня. По приказу факционария Асторга, которого только утром отпустили из городской префектуры, полдюжины мужчин отправили на другую сторону пролива с запиской от Винажа, чтобы привезти двух других мужчин из постоялого двора в Деаполисе.

По прибытии в лагерь, после того как их приветливо встретили (с уважением) и отвели комнаты и перед тем как он отправился осматривать своих больных, Рустем узнал от маленького повара, который командовал здесь вчера ночью, что поиски пропавшей императрицы распорядились прекратить перед самым рассветом.

Кажется, ночью в Императорском квартале произошли дальнейшие перемены.

Шаски понравились лошади. И малышке Иссе тоже. Улыбающийся конюх с соломой в волосах держал ее на руках, сидя верхом на одной из лошадей, и они медленно ехали шагом по периметру открытого двора. Звонкий смех девочки наполнял лагерь, вызывая улыбки у людей, занятых своими делами в это ясное утро.

Глава 15

Утром евнухи, которые почти неизменно первыми узнавали все новости во дворцах, рассказали Криспину о том, что произошло ночью.

Их общее настроение теперь разительно отличалось от испуга и уныния вчерашнего вечера. Можно было даже назвать его восторженным. Цвета утренней зари, которую уже не ждали увидеть, если ты мыслишь такими образами. Криспин почувствовал, как его сны ускользают прочь в ярком, жестоком свете того, что они рассказали, во внезапном водовороте всеобщей активности, напоминающем вихрь взметнувшихся тканей.

Он попросил одного из них отвести его снова в Порфировый зал. Он не ожидал, что сможет еще раз войти туда, но евнух просто махнул рукой, и стражники распахнули перед ними двери. Здесь тоже произошли изменения. Четверо Бдительных в парадных одеждах и шлемах стояли в четырех углах зала, застыв по стойке «смирно». Кто-то устлал зал цветами, и традиционное блюдо с едой в дорогу для души покойного стояло на столике у стены. Блюдо из золота, по ободку украшенное драгоценными камнями. Факелы по-прежнему горели возле помоста, на котором покоилось завернутое в саван тело.

Было еще очень рано. В зале кроме них никого не оказалось. Евнух вежливо остался ждать у двери. Криспин прошел вперед и опустился на колени рядом с Валерием во второй раз, осенив себя знаком солнечного диска. На этот раз он произнес молитву о странствующей душе человека, который призвал его сюда. Он жалел, что больше ничего не может сказать, но в его мыслях еще царил хаос. Он снова поднялся, и евнух вывел его через сады к Бронзовым Вратам, а оттуда его выпустили на форум перед Ипподромом.

Здесь уже наблюдались признаки жизни. Нормальной жизни. Он увидел юродивого, стоящего на обычном месте и произносящего вполне предсказуемую обличительную речь против земного богатства и власти. Два прилавка с едой уже открылись, на одном торговали жареной бараниной на палочках, на другом — жареными каштанами. Люди покупали и то и другое. Пока Криспин смотрел, появился торговец простоквашей, а недалеко от юродивого устроился жонглер.

Первые шаги нового начала. Медленные, неуверенные, словно танец обыкновенной жизни, ее ритм потерян среди насилия вчерашнего дня и всему надо учиться заново. Теперь по городу не маршировали группы солдат, и Криспин знал, что благодаря людской природе Город скоро снова станет самим собой, а прошлые события потускнеют, словно воспоминания о той ночи, когда ты слишком много выпил и хочешь кое о чем забыть.

Он глубоко вздохнул. Бронзовые Врата находились у него за спиной, конная статуя Валерия Первого стояла справа, и сам Город развернулся перед ним подобно знамени. Все возможно, как часто кажется по утрам. Воздух был свежим, небо ясным. Он чувствовал запах жареных каштанов, слышал, как всех присутствующих сурово призывают отказаться от мирских устремлений и обратиться к святости Джада. Он знал, что этого не произойдет. Не может произойти. Мир таков, какой он есть. Он видел, как подмастерье подошел к двум служанкам, идущим к колодцу с кувшинами, и сказал что-то, рассмешив их.

Охота на Аликсану прекращена. Об этом объявлено, сказали евнухи. Ее все еще хотели найти, но теперь по другой причине. Леонт желал выразить ей свое почтение и почтить память о Валерии. Помазанник божий, благочестивый человек, желающий начать свое царствование подобающим образом. Однако она не объявилась. Никто не знал, где она. Криспин вдруг вспомнил свой сон: тот залитый светом луны берег, окрашенный в черно-серебристые цвета.

Гизелла Батиарская должна была сочетаться браком с Леонтом в тот же день во время церемонии в Аттенинском дворце и стать императрицей Сарантия. Мир изменился.

Кай Криспин помнил ее в ее собственном дворце, еще осенью, когда падали листья. Юная царица посылала его на восток с посланием, предлагая себя далекому императору. В то лето и осень в Варене заключали пари насчет того, как долго она проживет, пока кто-нибудь найдет ее отравленной или зарезанной.

Завтра или через день ее представят народу на Ипподроме, и их с Леонтом коронуют. Так много надо успеть сделать, сказали ему евнухи, суетясь вокруг, предусмотреть невероятное количество деталей.

По-настоящему это он стал виновником всего произошедшего. Это Криспин привел ее во дворец по улицам Города, в Порфировый зал сквозь эту безумную ночь. Это могло означать — был всего один шанс, что это могло означать, — что Варену, Родиас, всю Батиару удастся теперь спасти от вторжения. Валерий собирался начать войну; флот был готов отплыть в любой день, неся с собой смерть. Леонт, теперь, когда с ним Гизелла, может поступить иначе. Она дала ему этот шанс. Очень хорошо.

Ему сказали, что Стилиану ночью ослепили.

От нее отказался Леонт, их брак официально расторгнут по причине ее ужасного преступления. Такие вещи можно сделать быстрее, пояснили евнухи, если ты император. Ее брат Тетрий мертв, рассказали они Криспину, задушен в одной из тех комнат под дворцом, о которых никто не любит вспоминать. Его тело позднее в этот же день будет выставлено на всеобщее обозрение, повешено на тройной стене. Этим тоже руководил Ге-

зий. Нет, ответили они, когда он спросил, об убийстве самой Стилианы не сообщали. Никто не знает, где она.

Криспин поднял взгляд на возвышающуюся перед ним статую. Человек на коне, боевой меч, образ власти и величия, доминирующая фигура. Но именно женщины, подумал он, делали здесь историю, а не мужчины со своими армиями и мечами. Он представления не имел, что об этом думать. Он хотел бы развеять эту тяжесть, этот густой, сбивающий с толку туман, сотканный из крови, ярости и воспоминаний.

Жонглер был очень искусным. Он жонглировал в воздухе пятью мячами разных размеров и одновременно кинжалом, который вращался и сверкал на свету. Большинство людей не обращали на него внимания, они спешили мимо. День еще только начинался, надо было спешить делать дела, выполнять поручения. Утром в Сарантии нельзя медлить.

Криспин посмотрел налево, на Святилище Валерия, купол которого безмятежно, почти высокомерно вознесся над зданием, над всей этой суетой. Он некоторое время смотрел на него, получая почти физическое наслаждение от грациозности, которой удалось добиться Артибасу, потом зашагал туда. Его ждала его собственная работа. Мужчине необходимо работать.

Он не удивился, когда увидел, что другие придерживаются того же мнения. Близнецы Силано и Сосио работали в маленьком обнесенном забором дворике рядом со Святилищем, присматривали за известью для основы, дозревающей в печи. Один из них (он никогда не мог их различить) неуверенно помахал рукой, и Криспин кивнул в ответ.

В Святилище он посмотрел наверх и увидел, что Варгос уже забрался на помост и накладывает тончайший слой основы на то место, где Криспин собирался работать накануне. Из его друга-иниция с Имперской дороги неожиданно получился вполне приличный подмастерье мозаичника. Еще один человек, который отправился в путешествие в Сарантий и изменил свою жизнь. Варгос никогда этого не говорил, но Криспин догадался, как и в отношении Пардоса, что основное удовольствие от этого занятия он получал потому, что был набожным и трудился в обители бога. Никто из них, думал Криспин, не получил бы такого удовлетворения, выполняя частные заказы для столовых или спален.

Пардос тоже находился наверху, на своем помосте, выполняя мозаику на стене по рисунку Криспина над двойным рядом арок вдоль восточной стороны пространства под куполом. Двое других мастеров гильдии из собранной им бригады тоже были здесь и работали.

Артибас тоже, наверное, где-то поблизости, хотя его труды, в сущности, завершились. Святилище Валерия построено. Оно фактически подготовлено для него, готово принять его сожженное тело. Осталось сделать только мозаики и алтари, гробницу или мемориал, который им теперь понадобится. Затем клирики войдут и повесят солнечные диски на положенные места и освятят это божественное место.

Криспин смотрел на то, ради чего он совершил свое путешествие сюда, и ему казалось, будто каким-то глубинным, совершенно необъяснимым образом один взгляд на все это приносит ему успокоение. Он чувствовал, как тускнеют картины вчерашнего дня — Лекан Далейн в своей хижине, люди, умирающие на поляне, Аликсана, сбрасывающая плащ на берегу, крики на улицах и горящие огни, Гизелла, царица антов, на носилках, ее сверкающие глаза, когда они пробирались сквозь темноту, а потом в затянутом пурпуром зале, где лежал мертвый Валерий, — все эти картины вихрем улетели прочь, а он стоял и смотрел на то, что создал здесь. Самое лучшее из всего, что смог сотворить он, подверженный ошибкам смертный в мире Джада.

Нужно жить, думал Криспин, чтобы тебе было что сказать о живых, но нужно уметь отойти в сторону, чтобы это сделать. Помост в вышине, думал он, ничем не хуже других мест, а возможно, лучше многих.

Он двинулся вперед, испытывая облегчение в окружении знакомых звуков работы. Он думая о своих девочках, вызывал в памяти их лица, которые он попытается изобразить сегодня рядом с Иландрой, недалеко от того места, где лежит в траве Линон.

Но не успел он подойти к лестнице, не успел начать восхождение к своему месту над миром, как чей-то голос окликнул его из-за одной из мощных колонн. Криспин быстро обернулся — он знал этот голос. А затем преклонил колени и коснулся лбом безупречно гладкого мраморного пола.

Перед императором Сарантия положено опускаться на колени.

— Встань, художник, — произнес Леонт деловитым тоном

солдата. — Кажется, мы многим тебе обязаны за услуги, оказанные вчера ночью.

Криспин медленно встал и посмотрел на него. По всему Святилищу замирали голоса. Другие смотрели на них, они уже заметили, кто пришел. Леонт надел сапоги и темно-зеленую тунику с кожаным ремнем. Его плащ был заколот на плече золотой пряжкой, но наряд не был броским. Еще один мужчина, занятый своим делом. За спиной императора Криспин увидел священника, который показался ему знакомым, и секретаря, которого знал очень хорошо. Распухшую челюсть Пертения украшал синяк. Глаза его источали ледяной холод, когда он посмотрел на Криспина. Неудивительно.

Криспину было все равно.

Он сказал:

— Император оказывает мне милость, превосходящую мои заслуги. Я просто старался помочь моей царице, которая пожелала почтить память умершего. То, что из-за этого случилось, не имеет ко мне никакого отношения, мой повелитель. Было бы самонадеянностью утверждать обратное.

Леонт покачал головой:

— Того, что из-за этого случилось, не случилось бы без тебя. Самонадеянностью будет делать вид, что это не так. Ты всегда отрицаешь свою роль в событиях?

— Я отрицаю, что намеренно сыграл какую-либо роль в... событиях. Если люди меня используют, то это цена, которую я плачу за возможность делать свою работу. — Он не совсем понимал, почему он так сказал.

Леонт смотрел на него. Криспин вспомнил другой разговор с этим человеком, в полной пара бане полгода назад, когда они оба сидели голые, в простынях. «То, что мы строим, даже Святилище императора, подвергается опасности и нуждается в нашей защите». В тот день туда пришел человек, чтобы убить Криспина.

— А вчера утром это тоже было так? — спросил император. — Когда ты отправился на остров?

Криспин посмотрел прямо в голубые глаза императора.

— Точно так же, мой господин. Императрица Аликсана попросила меня сопровождать ее.

— Почему?

Он не верил, что ему теперь что-то угрожает. Он не был в

этом уверен (как можно быть уверенным?), но думал, что не угрожает. И ответил:

— Она хотела показать мне в море дельфинов.

— Зачем? — Прямой и уверенный в себе. Криспин помнил эту огромную самоуверенность. Человек, который, как говорили, не знал поражений на поле боя.

— Не знаю, мой господин. Произошли другие события, и мне ничего не объяснили.

Ложь. Он солгал императору, помазаннику божьему. Но ради нее он готов солгать. Дельфины — это ересь. Он не станет предавать Аликсану. Она исчезла, больше не появилась. Теперь у нее не будет никакой власти, даже если она доверится им и выйдет из своего укрытия. Валерий мертв, возможно, больше его жену никто никогда не увидит. Но Криспин ее не предаст, ни за что. Такая мелочь, право, но с другой стороны — не мелочь. Человек живет в своих словах и поступках.

— Какие события? Что произошло на острове?

На это он мог ответить, хотя и не знал, почему она хотела, чтобы он увидел Лекана и услышал, как она притворяется его сестрой.

— Я видел там... заключенного. Мы были на острове в другом месте, когда он убежал.

— А потом?

— Как вам должно быть известно, господин, ее пытались убить. Ее спасли Бдительные. Затем императрица покинула нас и одна вернулась в Сарантий.

— Почему?

Некоторые люди задают вопросы, когда знают ответы. Кажется, Леонт принадлежал к таким людям. Криспин повторил:

— Ее пытались убить, мой повелитель. — И добавил: — Далейн бежал. Она считала, что убийцы задумали заговор против императора.

Леонт кивнул.

— Конечно, так и было.

— Да, господин, — сказал Криспин.

— Участники понесли наказание.

— Да, господин.

Одним из участников, главой заговора, была жена этого человека, такая же золотая, как он сам. Теперь он стал императором Сарантия благодаря ее заговору. Она была совсем ребенком, когда все это начиналось, когда произошло сожжение, по-

родившее новое сожжение. Криспин лежал с ней в запутанной, отчаянной темноте совсем недавно. «Помни эту комнату. Что бы я потом ни сделала». Эти слова снова прозвучали в его голове. Он подозревал, что может вспомнить каждое слово, которое она ему сказала, если постарается. Теперь она живет в совсем другой темноте, если осталась жива. Он не спросил. Не посмел спросить.

Воцарилось молчание. За спиной у императора священник прочистил горло, и Криспин неожиданно его вспомнил: советник восточного патриарха. Суетливый, угодливый человечек. Они встречались, когда Криспин впервые представил эскизы купола.

— Мой секретарь... жаловался на тебя, — произнес император, бросив быстрый взгляд через плечо. В его голосе звучала легкая ирония, почти улыбка. Небольшие разногласия в войсках.

— У него есть на это основания, — мягко ответил Криспин. — Я вчера ночью ударил его. Недостойный поступок.

Это было правдой. Это он мог сказать.

Леонт небрежно махнул рукой.

— Я уверен, Пертений примет это извинение. Вчера все были в большом напряжении. Я... и сам его ощущал, должен признаться. Ужасный день и ужасная ночь. Император Валерий был мне как... старший брат. — Он посмотрел Криспину прямо в глаза.

— Да, мой господин. — Криспин опустил взгляд.

Еще одна короткая улыбка.

— Царица Гизелла попросила, чтобы ты сегодня днем явился во дворец. Она хотела бы, чтобы один из ее соотечественников присутствовал на нашем бракосочетании, и, учитывая твою роль — хоть ты ее и отрицаешь — в событиях прошлой ночи, ты являешься самым подходящим свидетелем от Батиары.

— Я польщен, — ответил Криспин. Он должен был чувствовать себя польщенным, но глубоко внутри него все еще таилась тугая пружина ярости. Он не мог дать ей определение или объяснить, но она была. Здесь все так чудовищно перепуталось. Он сказал:

— Тем более, раз трижды возвышенный император лично пришел, чтобы передать мне это приглашение.

Игра в неведение. Его гнев и раньше навлекал на него беду. Но Леонт улыбнулся. Ослепительной, памятной ему улыбкой.

— Боюсь, у меня слишком много дел, чтобы я мог прийти только за этим, художник. Нет-нет, я хотел увидеть это Святилище и его купол. Раньше я не заходил внутрь.

Мало людей заходило сюда, и верховный стратиг вряд ли мог оказаться в числе желающих полюбоваться архитектурой или мозаиками в начале работы. Это была мечта Валерия и Артибаса и стало мечтой Криспина.

Священник за спиной Леонта посмотрел вверх. Император сделал то же самое.

Криспин сказал:

— Сочту за честь провести тебя по Святилищу, мой повелитель, хотя Артибас, который должен быть где-то здесь, будет гораздо лучшим проводником, чем я.

— Нет необходимости, — ответил Леонт резко, деловито. — Я сам вижу то, что здесь уже сделано, а Пертений и Максимий видели первоначальные наброски, как я понимаю.

Криспин в первый раз ощутил страх. Постарался прогнать его. Сказал:

— Тогда, если мои объяснения не нужны и я понадоблюсь позднее, могу я получить разрешение императора удалиться к своей работе? Основа для сегодняшнего участка только что подготовлена для меня наверху. Если я слишком задержусь, она высохнет.

Леонт отвел глаза от купола над головой. И Криспин заметил на его лице выражение, которое можно было назвать почти сочувствием.

Император произнес:

— Я бы не стал этого делать. Не стал бы подниматься наверх на твоем месте, художник.

Простые слова, можно даже сказать, добрые слова.

Окружающий мир, его чувственное восприятие — звуки, запахи, зримые образы, ощущения — может удалиться на большое расстояние и съежиться до одной точки, словно ты смотришь на него в замочную скважину.

Все остальное исчезло. В замочной скважине виднелось лицо Леонта.

— Почему, господин мой? — спросил Криспин.

Он услышал, как его собственный голос слегка дрогнул при этих словах. Но он знал. Император еще не успел ответить, когда он наконец понял, зачем пришли эти трое, что происходит,

и тогда он закричал в тишине, в глубине души, как будто снова кто-то умер.

«Я была тебе лучшим другом, чем ты думаешь. Я ведь говорила тебе, чтобы ты не увлекался работой над этим куполом».

Стилиана. Это она сказала. В тот первый раз, когда ждала его в комнате, а потом еще раз, снова, в ту ночь в своей спальне, две недели назад. Предостережение, сделанное дважды. Он его не услышал. Или не обратил внимания.

Но что он мог сделать, будучи тем, чем он был?

И поэтому Криспин, стоя под куполом Артибаса в великом Святилище, слушал, как Леонт, император Сарантия, наместник Джада на земле, возлюбленный богом, тихо говорил:

— Святилище должно быть святым местом, истинно святым, но эти мозаики далеки от святости, родианин. Не подобает благочестивым людям создавать образы бога и поклоняться им или изображать фигуры смертных в святом месте. — Голос звучал хладнокровно, уверенно, категорично. — Они будут уничтожены, здесь и во всех землях, которыми мы правим.

Император помолчал, высокий, золотой, прекрасный, как герой из легенды. Голос его стал мягким, почти добрым.

— Трудно видеть, как гибнет твой труд, превращается в ничто. Со мной это случалось много раз. Мирные договоры и тому подобное. Мне жаль, если это тебе неприятно.

Неприятно.

Неприятность — это грохот телеги под окном спальни ранним утром. Это вода в сапогах на зимних дорогах, грудной кашель в холодный день, резкий ветер, нашедший щель в стене; это кислое вино, жилистое мясо, скучная служба в часовне, долго тянущаяся церемония в летний зной.

Неприятность — это не чума и не похороны детей, это не «сарантийский огонь», не День Мертвых, не «зубир» в Древней Чаще, появляющийся из тумана с окровавленными рогами, и не... это. Не это.

Криспин посмотрел вверх, отведя взгляд от стоящих перед ним людей. Увидел Джада, увидел Иландру, Сарантий за тройными стенами, павший Родиас, лес, мир, каким он его видел и сумел изобразить. «Они будут уничтожены».

Это не неприятность. Это смерть.

Он снова посмотрел на стоящих перед ним людей. Наверное, выглядел он в тот момент ужасно, как он потом осознал, так как даже священник встревожился, а на лице Пертения несколько поубавилось самодовольства. Сам Леонт быстро прибавил:

— Ты понимаешь, родианин, что тебя никто не обвиняет в недостатке благочестия. Ты действовал в соответствии с верой, как ее понимали... раньше. Понимание может меняться, но мы не станем возлагать вину на тех, кто действовал в рамках веры, кто верил искренне...

Его голос замер.

Говорить было чрезвычайно трудно. Криспин пытался. Он открыл рот, но не успел вымолвить ни слова, как послышался еще один голос:

— Разве ты варвар? Или совсем свихнулся? Ты хоть понимаешь, что говоришь? Может ли человек быть настолько невежественным? Ты, тупоголовый солдат-недоумок!

«Недоумок». Кто-то другой употреблял это слово. Но на этот раз к Криспину обращалась не украденная алхимиком душа птицы. Это произнес маленький взъерошенный босой архитектор, выбежавший из темноты. Его волосы были в большом беспорядке, голос стал пронзительным, резким от ярости и разносился по Святилищу, и он обращался к императору Сарантия.

— Артибас, нет! Замолчи! — прохрипел Криспин, обретая голос. За это маленького человечка могут казнить. Слишком много людей его слышат. Это же ИМПЕРАТОР.

— Не замолчу! Это чудовищно, это подло! Так поступают варвары, а не сарантийцы! Вы уничтожите эту красоту? Оставите Святилище голым?

— К самому зданию нет претензий, — произнес Леонт. Он демонстрирует железную выдержку, понимал Криспин, но сейчас знаменитые голубые глаза стали суровыми.

— Как любезно с твоей стороны! — Артибас не владел собой, он размахивал руками, как ветряная мельница крыльями. — Ты имеешь представление, способен ли ты понять, что сотворил этот человек? Нет претензий? Нет претензий? Объяснить тебе, какой прискорбной ошибкой будет оставить голыми этот купол и стены?

Император посмотрел на него сверху вниз, все еще сдерживаясь.

— Никто не предлагает это делать. Правильная доктрина допускает их украшение... мне все равно... цветами, фруктами, даже птицами и животными.

— А! Вот так решение! Конечно! Мудрость императора безгранична! — Архитектор все еще был в дикой ярости. — Ты превратишь святое здание, украшенное с прозрением и величием, которые делают честь богу и возвышают прихожан, в место, расписанное... растениями и кроликами? В птичник? В склад фруктов? Клянусь богом! Как это благочестиво, мой повелитель!

— Придержи свой язык, человек! — рявкнул священник.

Сам Леонт долгое мгновение молчал. И под его взглядом маленький человечек наконец притих. Его яростно мелькающие руки упали по бокам туловища. Но он не отступил. Глядя на императора, он выпрямился. Криспин затаил дыхание.

— Будет лучше, — тихо сказал Леонт, поджав тонкие губы, с красными пятнами на щеках, — если твои друзья сейчас уведут тебя отсюда, архитектор. Разрешаю тебе удалиться. Мне не хочется начинать свое правление с суровости по отношению к тем, кто честно служил, но подобное поведение перед лицом твоего императора требует, чтобы тебя заклеймили или казнили.

— Так убей меня! Я не хочу жить, чтобы видеть...

— Замолчи! — крикнул Криспин. Леонт способен отдать такой приказ, он это знал.

Он лихорадочно огляделся кругом и увидел с огромным облегчением, что Варгос спустился с помоста. Он энергично кивнул этому могучему человеку, и Варгос быстро подошел к ним. Поклонился. Потом с бесстрастным лицом без предупреждения просто подхватил маленького архитектора, перебросил его через плечо и понес сопротивляющегося, громко протестующего Артибаса прочь, в полумрак Святилища.

Звуки очень хорошо разносились в этом здании — спроектировано оно было гениально. Они слышали крики и проклятия архитектора еще очень долго. Затем открылась и захлопнулась дверь в тени какой-то ниши, и наступила тишина. Никто не пошевелился. Утренний свет лился в высокие окна.

Криспин снова вспомнил ту баню. Свою первую беседу с этим человеком в струях пара. Ему следовало знать, думал он. Следовало быть к этому готовым. Его предупреждала Стилиана и даже сам Леонт в тот день, полгода назад: «Меня интересуют твои взгляды на изображение бога».

— Как я тебе сказал, мы не станем никого винить за то, что было сделано до нашего времени. — Император снова пустился

в объяснения. — Но были допущены... отступления от истинной веры, промахи в соблюдении правил. Нельзя создавать изображения бога. Облик Джада непредставим и таинствен, он выше нашего понимания. Если смертный осмелится изображать бога солнца, то он еретик. А прославлять смертных людей в святом месте — это наглая самонадеянность. Так было всегда, но наши... предшественники просто этого не понимали.

«Они будут уничтожены, здесь и в других местах, на землях, которыми мы правим».

— Ты... меняешь нашу веру, мой господин.

Произносить слова было трудно, почти невозможно.

— Ошибаешься, художник. Мы ничего не меняем. Руководствуясь мудрыми взглядами восточного патриарха и его советников, — а мы надеемся, что патриарх Родиаса согласится с ними, — мы восстановим должное понимание. Мы должны поклоняться Джаду, а не изображению бога, иначе мы ничем не лучше живших до нас язычников с их жертвоприношениями статуям в храмах.

— Никто не... поклоняется этому изображению над нашей головой, господин. Оно всего лишь заставляет понять могущество и величие бога.

— Ты собираешься наставлять нас в вопросах веры, родианин? — На этот раз заговорил темнобородый клирик. Советник патриарха.

Все это бессмысленно, эти слова. Можно спорить с тем же успехом, что и бороться с чумой. Решение окончательное. Сердце может плакать. Сделать ничего нельзя.

Или почти ничего.

Мартиниан любил говорить, что всегда есть какой-то выбор. И здесь, сейчас, еще можно попытаться сделать одну-единственную вещь. Криспин глубоко вздохнул, ибо это шло вразрез со всей его сущностью: гордостью, яростью и глубоким убеждением в том, что он выше подобной мольбы. Но теперь на карту поставлено нечто слишком важное.

Он с трудом сглотнул и сказал, не обращая внимания на священника, глядя прямо на Леонта:

— Мой повелитель, ты был так добр, что сказал, что... многим мне обязан за мои услуги?

Леонт посмотрел на него в ответ. Румянец на его щеках бледнел.

— Сказал.

— Тогда у меня есть просьба, мой господин. — Сердце может плакать. Он не спускал глаз со стоящего перед ним человека. Он боялся, что если посмотрит вверх, то опозорит себя, заплачет.

Лицо Леонта выражало благосклонность. Человек, привыкший иметь дело с просьбами. Он поднял руку.

— Художник, не проси сохранить все это... Это невозможно.

Криспин кивнул. Он знал. Он знал. Он не станет смотреть вверх.

Он покачал головой.

— Это... нечто другое.

— Тогда проси, — сказал Император и широко повел рукой. — Мы ценим твою службу нашему любимому предшественнику и то, что ты работал достойно, в соответствии с собственными представлениями.

В соответствии с собственными представлениями.

Криспин медленно произнес:

— В Саврадии, на Имперской дороге, стоит церковь Неспящих. Недалеко от восточного военного лагеря. — Он слышал собственный голос будто издалека. И очень старался не смотреть вверх.

— Я ее знаю, — ответил человек, который командовал там войсками.

Криспин снова сглотнул. Держи себя в руках. Необходимо держать себя в руках.

— Это маленькая часовня, в которой служат святые, очень благочестивые люди. Там... — Он перевел дыхание. — Там есть мозаика на куполе, изображение Джада, созданное очень давно художниками, полными веры, как они ее понимали... Это почти невозможно себе представить.

— Кажется, я его видел. — Леонт нахмурился.

— Она... она осыпается, мой господин. Они были талантливыми и богобоязненными людьми, достойными наивысших похвал, но им недоставало познаний в... методике, ведь они трудились так давно.

— И поэтому?

— И поэтому я... я прошу тебя, трижды возвышенный повелитель, чтобы этому изображению бога позволили разрушиться естественным образом. Чтобы святым людям, мирно живущим там и возносящим всю ночь молитвы за всех нас, и путникам на

этой дороге не пришлось увидеть, как купол их храма станет голым.

Священник быстро начал что-то говорить, но Леонт поднял руку. Пертений Евбульский за все время ничего не сказал, вдруг осознал Криспин. Он редко говорил. Наблюдатель, летописец войн и построек. Криспин знал, о чем еще писал этот человек. Он пожалел, что не ударил его сильнее прошлой ночью. Откровенно говоря, он жалел, что не убил его.

— Оно осыпается, это... изображение? — Голос императора звучал четко.

— Кусочек за кусочком, — ответил Криспин. — Они это знают, святые отцы. Это их печалит, но они усматривают в этом волю бога. Возможно... так и есть, мой господин. — Он ненавидел себя за то, что произнес последние слова, но он хотел добиться своего. Ему необходимо этого добиться. Он не рассказал о Пардосе и о зиме, проведенной за реставрацией. Но ничто из сказанного им не было ложью.

— Возможно, так и есть, — согласился император, кивая головой. — Воля Джада. Знак для нас всех, что наши нынешние поступки добродетельны. — Он перевел взгляд на священника, и тот согласно закивал головой.

Криспин опустил взгляд. Он смотрел в пол и ждал.

— Это и есть твоя просьба?

— Да, мой господин.

— Тогда да будет так. — Голос солдата, резкий и повелительный. — Пертений, ты подготовишь документы и оформишь их как надо. Одну копию с нашей личной печатью пусть отправят тамошним клирикам, пусть она хранится у них. Мозаике в той часовне будет позволено разрушаться естественным образом и служить божественным символом ошибок в подобных вещах. И ты отразишь это в хрониках нашего правления.

Криспин поднял взгляд.

Он смотрел на императора Сарантия, золотого и прекрасного, очень похожего на изображения бога солнца, принятые на западе, но видел он изображение Джада в той придорожной часовне в глуши, бога темного и бледного, страдающего и искалеченного в сражении ради защиты своих детей.

— Благодарю тебя, мой повелитель, — сказал он.

Тут он все же посмотрел вверх. Несмотря ни на что. Не мог сдержаться. Смерть. Еще одна смерть. Она его предупреждала.

Стилиана. Он смотрел, но не плакал. Он уже оплакал Иландру. И своих девочек.

И, думая так, он понял, что может сделать еще одно, последнее, — ужасно мало, жест, не более того, — но все же он может это сделать.

Он прочистил горло.

— Ты позволишь мне удалиться, мой господин?

Леонт кивнул:

— Да. Ты понимаешь, что мы питаем к тебе самые добрые чувства, Кай Криспин?

Он даже назвал Криспина по имени. Криспин кивнул.

— Для меня это большая честь, мой господин. — Он отвесил официальный поклон.

А потом повернулся и пошел к помосту, стоящему неподалеку.

— Что ты делаешь? — Это воскликнул Пертений, когда Криспин подошел к лестнице и поставил на нее ногу.

Криспин не обернулся.

— Меня ждет работа. Наверху. — Его дочери. Сегодняшнее задание, память, и мастерство, и свет.

— Но ведь ее уничтожат! — В голосе секретаря звучало недоумение.

Тут Криспин все же обернулся и посмотрел через плечо. Они смотрели на него, все трое, как и другие люди в Святилище.

— Я понимаю. Но им придется это сделать. Уничтожить. Я сделаю то, что делаю в этом цивилизованном, святом месте. Другим придется отдать приказ это уничтожить. Как варвары уничтожили Родиас, так как он не смог защитить себя.

Он смотрел на императора, который говорил ему именно об этом во влажном, клубящемся пару полгода назад.

Он видел, что Леонт тоже вспомнил. Император, который не был Валерием, совсем не был Валерием, но который тоже был умным, тихо произнес:

— Ты впустую потратишь свои силы?

И Криспин ответил так же тихо:

— Это не пустая трата, — и снова повернулся и начал подниматься, как делал много раз, вверх по лестнице, к куполу.

По пути наверх, перед тем как он добрался до того места, где была нанесена и ждала его гладкая основа для смальты, он кое-что понял. Это не пустая трата сил, в этом есть особый

смысл, столько смысла, сколько он может вложить в каждый поступок своей жизни, но это завершение.

Следующее путешествие ждет его, и в конце его — дом.

Пора уезжать.

* * *

Сапожник Фотий, нарядившийся в лучшую голубую тунику, рассказывал всем, кто хотел слушать, о событиях, случившихся в этом месте много лет назад, когда умер Апий и на Золотой Трон сел первый Валерий. Тогда тоже произошло убийство, глубокомысленно сказал он, и он, Фотий, видел призрака по пути на Ипподром в то утро, что служило дурным предзнаменованием. Точно так же, как он, Фотий, видел другого призрака три дня назад, средь бела дня, сидящего на корточках наверху колоннады, в то самое утро, когда императора так подло убили Далейны.

И не только это, прибавил он, и у него нашлись слушатели, что всегда радовало. Они ждали появления мандатора в катизме. За ним явится патриарх, потом придворные, а потом те, кого сегодня должны короновать. И уже невозможно станет беседовать, разумеется, такой шум поднимут восемьдесят тысяч человек.

В те дни, разглагольствовал Фотий перед младшими ремесленниками в секторе Синих, подкупленные предатели попытались извратить волю народа прямо здесь, на Ипподроме. И тогда это тоже организовали Далейны! И более того, одним из этих предателей был тот самый Лисипп Кализиец, который только что приложил руку к убийству во дворце!

И именно Фотий, гордо заявил сапожник, разоблачил тогда скользкого Кализийца как самозванца, когда тот пытался притвориться болельщиком Синих и подбить факцию провозгласить императором Флавия Далейна здесь, на песке Ипподрома.

Он указал на конкретное место. Он хорошо его помнил. Помнил все тринадцать или четырнадцать лет. Как вчера.

Все вращается по кругу, набожно произнес он и сделал знак солнечного диска. Как солнце встает, а затем садится, а потом снова встает, то же происходит и с путями и судьбами смертных. Зло всегда становится явным. (Он слышал, как все это говорил священник в его церкви, всего неделю назад.) Флавий

Далейн заплатил за свои грехи гибелью в огне в тот день, много лет назад, а теперь его дети и Кализиец тоже заплатили.

Но, возразил кто-то, почему Валерий Второй умер в том же огне, если речь идет о справедливости?

Фотий укоризненно посмотрел на молодого человека, ткача. «Ты стремишься понять пути господа?» — спросил он.

Не совсем так, ответил ткач. Только пути людей здесь, в Городе. Если Кализиец был участником заговора Далейнов, чтобы захватить трон в те дни, почему он стал главой налогового управления у Валерия Первого, а после у его племянника? У них обоих? Его отправили в ссылку только тогда, когда мы этого потребовали, сказал ткач, и многие повернулись к нему. Помните? Меньше трех лет назад.

«Дешевый полемический трюк, — негодующе подумал Фотий. — Разве может кто-нибудь забыть? Погибли тридцать тысяч человек».

Некоторые, запальчиво возразил Фотий, очень слабо представляют себе дела при дворе. Сегодня у него слишком мало времени, чтобы учить юношей. Совершаются важные события. Разве ткач не знает, что бассаниды перешли границу на севере?

Да, ответил тот, это всем известно. Но какое это имеет отношение к Лисиппу?..

Зазвенели фанфары.

Все последующее происходило с соблюдением торжественных церемоний и ритуалов, установленных еще в дни Сарания и за сотни лет почти не изменившихся. Что это за ритуалы, если они меняются?

Императора короновал патриарх, а затем сам император возложил корону на императрицу. Обе короны, скипетр императора и кольцо принадлежали самому Саранию и его императрице. Они были привезены на восток из Родиаса и использовались только в подобных случаях, а все остальное время хранились в Аттенинском дворце.

Патриарх окропил двух помазанников маслом, благовониями и морской водой, а затем благословил собравшихся свидетелей. Высшие придворные предстали в роскошных одеяниях перед императором и императрицей и преклонили перед ними колени на виду у всего народа. Старейшина Сената вручил новому императору городскую печать и золотые ключи от тройных

стен. (Распорядителю Сената милостиво позволили сегодня не присутствовать. В его собственной семье также случилась внезапная смерть, и похороны состоялись только вчера.)

Прозвучали песнопения, религиозные, а потом светские, так как факции принимали в церемонии активное участие, а прикрепленные к ним музыканты руководили ритуальными возгласами, выкрикивая имена Валерия Третьего и императрицы Гизеллы в этом заполненном толпой пространстве, где чаще выкрикивали имена лошадей и тех мужчин, которые скакали в запряженных ими колесницах. Танцев не было, гонок тоже, никаких развлекательных номеров: ведь был убит император, и его тело вскоре будет захоронено в Великом Святилище, которое он приказал построить после того, как прежнее сгорело.

Все одобрили имя, которое выбрал Леонт для своего императорского титула как дань уважения к своему покровителю и предшественнику. Искреннее изумление и ощущение тайны вызывал тот факт, что его новобрачная уже была царицей. Женщинам на трибунах это нравилось. Романтичная история, роман правящих особ.

Ничего не говорили (а если и говорили, то очень тихо) о бывшей супруге императора или о поспешности повторной женитьбы. Далейны еще раз показали свою предательскую сущность. Ни один император не пожелал бы взойти на Золотой Трон Сарания опозоренным в глазах Джада и народа супругой-убийцей.

Говорили, что он сохранил ей жизнь.

Это больше, чем она заслужила, — таково было всеобщее мнение на Ипподроме. Оба брата тем не менее мертвы, и ненавистный Кализиец тоже. Теперь никому и в голову не придет совершить ошибку и упрекнуть Леонта — Валерия Третьего — в излишней мягкости.

Доказательством тому служило большое количество вооруженных солдат на церемонии.

И об этом же свидетельствовало первое публичное заявление мандатора после окончания церемонии коронации. Его слова подхватывали и повторяли официальные глашатаи на обширных трибунах, их смысл был ясен и вызывал радостное возбуждение.

Кажется, их новый император ненадолго останется вместе с ними. Армия бассанидов стоит в Кализии, они снова захватили

Азен и, как говорят, в данный момент двигаются пешим и конным строем к Евбулу.

Император, который четыре дня назад был их верховным стратигом, не собирался этого так оставлять.

Он сам поведет уже собранные войска Сарантия. Не за море, к Родиасу, а на север и на восток. Не через опасные темные воды, а по весенней погоде, по широкой гладко вымощенной Имперской дороге, чтобы разделаться с трусливыми, нарушившими мирный договор солдатами царя Ширвана. Император сам отправится на войну! Уже очень давно такого не случалось. Валерий Третий, меч Сарантия, меч святого Джада. Даже сама мысль об этом внушала благоговение и восторг.

Бассаниды хотели воспользоваться тем, что Леонт и его войско поплывут на запад, они нагло нарушили договор о вечном мире, хранить который поклялись своими языческими богами. Они поймут, как сильно ошибались, заявил мандатор, и его слова были подхвачены и эхом разнеслись по Ипподрому.

Евбул будет спасен, бассанидов прогонят назад, через границу. И более того. Пусть теперь Царь Царей обороняет Мирбор, выкрикнул мандатор. Пускай попробует его защитить от тех сил, которые двинет на него Сарантий. Прошло то время, когда они платили дань Кабадху, чтобы купить мир. Пускай Ширван запросит пощады. Пускай молится своим богам. Леонт Золотой, который теперь стал императором Сарантия, идет на него.

Эти слова были встречены такими громкими воплями, что некоторым показалось, будто они достигли самого неба и бога за ярким солнцем над головой.

Что касается Батиары, продолжал мандатор, когда крики стихли настолько, что его слова снова можно было услышать и передать дальше, посмотрите, кто теперь императрица Сарантия. Смотрите, кто может решить вопрос о Родиасе и Варене, ведь они принадлежат ей! Эта императрица носит собственную корону, и она привезла ее сюда, к ним, она дочь царя и сама царица. Граждане Сарантия могут считать, что Родиас и запад будут в конце концов принадлежать им, и храбрым воинам не надо ради этого погибать на далеких полях сражений или в бескрайнем море.

Восторженные крики в ответ на это заявление были такими же громкими, как и раньше, и — как заметили люди наблюдательные, — на этот раз громче всех кричали упомянутые воины.

Это был блестящий день, так описывали его большинство историков. Погода теплая, солнце бога льет свет на всех людей. Император великолепен, новая императрица такая же золотая, как и он, высокая для женщины, истинная царица по крови и стати.

Во времена перемен всегда возникают страхи и сомнения. Полумир может подобраться ближе, могут показаться призраки и демоны, когда умирают великие мира сего и их души отлетают, но кто мог испытывать истинный страх, стоя на Ипподроме в лучах солнца и глядя на этих двоих?

Можно оплакивать покойного императора и гадать о судьбе по-прежнему отсутствующей императрицы, той, которая когда-то была танцовщицей здесь, на Ипподроме (не то что новая императрица, совсем не то). Можно задуматься о сокрушительном падении Далейнов и внезапной смене театра военных действий. Но на трибунах в тот день царил явный подъем, восторг, начиналось нечто новое, и в громком одобрении не было ничего принужденного или неискреннего.

Затем мандатор объявил, что сезон гонок возобновится, как только закончится траур. Он сделал паузу и сообщил, что Скортий из факции Синих выздоравливает и чувствует себя хорошо и что Асторг, факционарий Синих, и Кресенз из факции Зеленых покорно согласились принять порицание судей и помирились друг с другом. И по его жесту эти два хорошо известных человека вышли вперед и поднялись на возвышения в секциях свои факций, чтобы их могли видеть. Они сделали друг другу жест открытой ладонью, принятый у возничих, затем повернулись и вместе поклонились катизме, и восемьдесят тысяч людей на Ипподроме впали в неистовство. Святой патриарх изо всех сил старался сохранить невозмутимое выражение лица под седой бородой, пока толпа прославляла свои колесницы и лошадей. На этом церемония подошла к концу.

В тот день ни мандатор, ни кто-либо другой не объявил о переменах, касающихся веры в Джада и изображения самого бога в святилищах и в других местах.

Еще будет время преподнести эти сложные вопросы народу осторожно в святилищах и часовнях. Ипподром в тот день был неподходящим местом для обсуждения нюансов и тонкостей веры. Любой хороший генерал знает, что главным во всякой кампании является точный расчет времени.

Валерий Третий, неся груз всех атрибутов императорской

власти и одеяния, легко поднялся, словно они его нисколько не обременяли, и отсалютовал своему народу, и народ отсалютовал ему. Затем он повернулся и протянул руку императрице, и они вместе вышли из катизмы через дверь в глубине и скрылись из виду. Но приветственные крики не стихали.

Все прошло хорошо. Все будет хорошо, в это можно искренне поверить. Фотия совершенно неожиданно ненадолго заключил в объятия юный ткач, и он ему ответил тем же, и оба они стали обнимать стоящих рядом с ними на трибуне людей. Все выкрикивали имя императора под ярко сияющим солнцем.

* * *

За десять утомительных дней в лагере Синих у Рустема Керакекского возникла гипотеза насчет сарантийцев и их лекарей. В основном рекомендации врачей принимались или отвергались по желанию пациентов.

В Бассании было совсем иначе. У него дома врач шел на риск, когда брал на себя ответственность за пациента. Произнеся официальные слова согласия, лекарь подвергал опасности свое собственное имущество и даже жизнь. Если больной не следовал в точности распоряжениям доктора, то это обязательство, эта готовность рисковать отменялись.

Здесь врачи не рискуют ничем, кроме возможности заработать плохую репутацию, и исходя из того, что он здесь видел (пусть даже в течение слишком короткого времени), Рустем считал, что это никого особенно не волнует. Никто из лекарей, за работой которых он здесь наблюдал, не обладал почти никакими познаниями, кроме плохо усвоенной мешанины из учений Галина и Меровия, дополненной слишком большой любовью к кровопусканиям и собственными неудачно составленными микстурами, большинство из которых приносило только вред.

Учитывая это, можно понять, что пациенты сами решали, слушать им своих лекарей или нет.

Рустем к такому не привык и не собирался с этим мириться.

В качестве примера, основного примера он с самого начала твердо приказал помощникам, ухаживающим за Скортием, ограничить число посетителей одним человеком утром и одним после полудня, пускать их только на короткое время и не разрешать им приносить и распивать вино. В качестве меры предосторожности он сообщил о своих распоряжениях Струмосу (поскольку, по крайней мере, часть вина наливали из фляг возле кухни) и факционарию Асторгу. Последний внимательно выслушал его и пообещал сделать все возможное, чтобы проследить за их выполнением. Рустем понимал, что он глубоко заинтересован в выздоровлении искалеченного возничего.

Все были в этом заинтересованы.

Проблема была в том, что пациент не считал себя инвалидом, нуждающимся в тщательном уходе, даже после того, как дважды за короткое время чуть не умер. Рустем вынужден был признать, что человек, который сумел выскользнуть из своей комнаты через окно, спуститься по дереву, перелезть через стену и пройти весь путь через город к коням на Ипподроме со сломанными ребрами и незажившей раной, вряд ли спокойно воспримет ограничение на вино или на количество посетителей, особенно женщин, у его постели.

«По крайней мере, он лежит в кровати, — кисло заметил Асторг, — и чаще всего один». Действительно, ему докладывали о ночной деятельности, не совместимой с режимом выздоравливающего.

Рустему, все еще выбитому из колеи напряжением последних дней и прибытием семьи, было труднее, чем обычно, выказывать должный гнев и строгость. Среди прочего, он остро чувствовал, что если он сам, его женщины или дети покинут этот охраняемый лагерь, то серьезно рискуют подвергнуться насилию на улицах. Бассаниды в городе оказались в тяжелом положении после объявления о нападении на границе, а затем выступления сарантийской армии на север под командованием самого императора, и уже были случаи убийств. Его решение не возвращаться домой только окрепло от понимания того, что Царь Царей отдал приказ о нападении на севере, полностью сознавая, какими будут последствия для его соотечественников, оказавшихся на западе. В том числе и для человека, который спас ему жизнь.

Рустем был в большом долгу перед факцией Синих и понимал это.

Он старался отплатить им полной мерой. Целыми днями занимался ранеными во время мятежа, навещал их по ночам, если за ним посылали гонцов. Он очень мало спал, но знал, что может продержаться в таком режиме еще какое-то время.

Особое удовольствие ему доставляло выздоровление моло-

дого парнишки с кухни. У него рано появились опасные признаки инфекции, и Рустем не спал всю ночь и хлопотал у постели юноши, когда рана изменила цвет и появилась лихорадка. Повар Струмос несколько раз приходил и уходил, молча наблюдал, а другой парень с кухни, Разик, просто устроил себе постель на полу в коридоре у двери. А потом среди ночи, когда у раненого наступил кризис, появился и Шаски. Он после полуночи вылез из постели так, что ни одна из женщин не почувствовала, и пришел босиком, чтобы принести отцу попить, каким-то образом точно зная, где находится Рустем. Каким-то образом. Рустем сначала молча принял питье, нежной рукой погладил мальчика по голове и велел ему вернуться в свою комнату. Сказал, что все в порядке.

Сонный Шаски вернулся в постель, не произнеся ни слова и больше ничего не сделав, а находившиеся поблизости наблюдали за появлением и уходом мальчика с тем выражением на лице, к которому, как подозревал Рустем, ему и его домашним придется привыкать. И это было одной из причин, почему он решил их всех увезти отсюда.

У юного Кироса к утру лихорадка спала, и после этого рана заживала нормально. Самый большой риск, которому он подвергался, состоял в том, что этот идиот, лекарь Амплиар, незаметно проберется к нему в комнату и осуществит свою навязчивую идею пускать кровь и без того раненым людям.

Рустем находился рядом и немало позабавился (хотя и пытался, конечно, это скрыть), когда Кирос пришел в себя перед рассветом. Его друг Разик тогда сидел у его кровати и, когда больной открыл глаза, испустил вопль. Услышав его, остальные бросились к нему в комнату, и Рустем был вынужден самым суровым голосом приказать всем выйти.

Разик, очевидно, решил, что этот приказ его не касается, и остался. Он стал пересказывать больному, что сказал о нем Струмос у ворот, когда Кирос лежал без чувств и его считали мертвым. Струмос вошел во время этого повествования. Он помедлил в дверях.

— Он лжет, как всегда, — безапелляционно заявил маленький повар и вошел в комнату. Разик испуганно осекся, но тут же снова заулыбался. — Как лжет насчет девушек. Хотел бы я, чтобы вы все крепче держались за реальный мир, каким его создал Джад, а не витали в мире грез. У Кироса, возможно, и есть оправдание, если помнить о снадобьях, которые наш бассанид

вливает ему в глотку, но у Разика нет никаких оправданий. Гений? Этот парень? Мое наследство? Я просто оскорблен! Неужели все это кажется тебе хоть в малейшей степени правдоподобным, Кирос?

Искалеченный парень, бледный, но явно в полном сознании, слегка покачал головой, лежащей на подушке, но он улыбался, и тогда Струмос тоже улыбнулся.

— В самом деле! — сказал он. — Эта идея абсурдна. Если я и оставлю наследство, то это почти наверняка будет мой рыбный соус.

— Конечно, — прошептал Кирос. Он продолжал улыбаться. Разик тоже улыбался, показывая кривые зубы. И Струмос тоже.

— Отдохни немного, парень, — сказал повар. — Мы все будем рядом, когда ты проснешься. Пойдем, Разик, ты тоже ложись спать. Завтра отработаешь тройную смену. Или что-то в этом роде.

Бывают моменты, подумал Рустем, когда его профессия приносит большое удовлетворение.

Но бывают и такие моменты, когда он чувствует, что ему проще войти прямо в пасть песчаной бури.

Такое чувство умеет вызывать в нем Скортий. Как, например, сейчас, когда Рустем зашел к нему в комнату сменить повязку (теперь он делал это через каждые два дня). Он обнаружил, что там сидят и стоят четыре возничих и вдобавок не одна или две, а целых три танцовщицы, причем одна из них, одетая совершенно неподобающим образом, исполняет танец, вовсе не рассчитанный на то, чтобы помочь выздоравливающему пациенту сохранять спокойствие и не возбуждаться.

И они пили вино. И еще Рустем с опозданием заметил в переполненной комнате своего сына Шаски. Тот сидел на коленях четвертой танцовщицы в углу, смотрел на все это и смеялся.

— Привет, папа! — воскликнул его сын, совершенно не смутившись, когда Рустем остановился в дверях и окинул всех в комнате сердитым взглядом.

— О, горе! Он огорчен. Все вон! — приказал лежащий на кровати Скортий. И протянул свою чашу с вином одной из женщин. — Возьми. Кто-нибудь, отведите мальчика к матери. Не забудь свою одежду, Талейра. Доктор тратит большие усилия на всех нас, и мы не хотим создавать ему лишних хлопот. Мы хотим, чтобы он оставался здоровым, не так ли?

Раздался смех, поднялась суета. Лежащий на кровати чело-

век ухмылялся. Ужасный пациент, с любой точки зрения. Но Рустем видел, что он сделал на Ипподроме в начале прошлой недели. Он лучше любого другого знал, какая сила воли для этого потребовалась, и не мог подавить в себе чувство восхищения. Собственно говоря, он и не хотел его подавлять.

Кроме того, эти люди уже уходили.

— Ширин, останься, если хочешь. У меня к тебе есть пара вопросов. Доктор, можно, останется один друг? Ее визит делает мне честь, и я еще не имел возможности поговорить с ней наедине. Кажется, вы знакомы. Это Ширин, танцовщица Зеленых. Мозаичник привел тебя в ее дом на свадебный пир, не так ли?

— В первый день моего приезда, — подтвердил Рустем. Он поклонился темноволосой женщине, очень привлекательной, хоть и мелкокостной. Его смущал аромат ее духов. Комната опустела, один из мужчин унес на плечах Шаски. Танцовщица встала, чтобы поздороваться с ним. Она улыбалась.

— Я очень хорошо помню тебя, лекарь. Кто-то из юных болельщиков Зеленых убил твоего слугу.

Рустем кивнул:

— Это правда. После этого было уже столько смертей, и я удивлен, что ты об этом помнишь.

Она пожала плечами:

— Замешан сын Боноса, а это не пустяк.

Рустем снова кивнул и подошел к пациенту. Женщина тихо села. Скортий уже отбросил простыню, обнажив мускулистый перебинтованный торс. Ширин улыбнулась.

— Как интересно, — сказала она, широко раскрыв глаза.

Рустем фыркнул, ему невольно стало смешно. Затем занялся своим делом, снимая слои повязки, чтобы открыть рану. Скортий лежал на правом боку, лицом к женщине. Ей пришлось встать, чтобы увидеть черно-лиловую кожу вокруг дважды вскрывшейся глубокой ножевой раны, да еще и на месте перелома.

Рустем принялся снова промывать рану, потом наложил свои мази. В дренаже больше нет необходимости. Трудность оставалась все той же: приходилось лечить сломанные кости и колотую рану в одном и том же месте. Он тихо порадовался тому, что увидел, но ему и в голову не пришло позволить Скортию это заметить. Стоит лишь намекнуть этому человеку, что доктор доволен, и он, несомненно, тут же сбежит и отправится на Ипподром или проберется по ночным улицам в чью-нибудь спальню.

Ему рассказали о ночных приключениях этого человека.

— Ты сказал, что у тебя есть вопросы, — тихо сказала Ширин. — Или доктор...

— Мой доктор умеет хранить тайны, как отшельник на утесе. У меня нет от него секретов.

— Кроме тех случаев, когда ты собираешься удрать из постели без разрешения, — пробормотал Рустем, промывая кожу больного.

— Ну да, это было. Но что касается остального, ты знаешь все. Ты даже... был под трибунами, как я помню, перед самыми гонками.

Его тон изменился, и Рустем это заметил. Он помнил те события. Тенаис с кинжалом, возничий Зеленых, подоспевший как раз вовремя.

— Да? И что же случилось под трибунами? — спросила Ширин, хлопая ресницами и глядя на них обоих. — Вы мне должны рассказать!

— Кресенз объявил о своей вечной любви ко мне, а потом избил чуть не до смерти, когда я ему сказал, что предпочитаю тебя. Разве ты не слышала?

Она рассмеялась:

— Нет. Ладно, что случилось?

— Много всего. — Возничий колебался. Рустем слышал, как бьется его сердце. Он ничего не сказал.

— Скажи, — тихо спросил Скортий, — у Клеандра Боноса все еще неприятности с отцом? Ты не знаешь? — Ширин заморгала. Она явно ожидала другого вопроса. — Он оказал мне большую услугу, когда меня ранили, — прибавил Скортий. — Отвел меня к доктору.

Этот человек хитрит. Рустем пришел к выводу, что не на этот вопрос он хочет получить ответ. И так как он действительно был тогда под трибунами Ипподрома, то понял, каким был настоящий вопрос. Ему в голову пришла одна мысль, правда, с большим опозданием.

Скортий, бесспорно, умен. Ясно также, что он ничего не знает. Рустем, разумеется, никогда не упоминал об этом, и все остальные явно тоже. Возможно, в городе ходили слухи, потом о них забыли в такое бурное время, но в эту комнату они не проникли.

— Этот мальчик? — спросила танцовщица Зеленых. — Ничего о нем не знаю. Подозреваю, что там все изменилось после того, что случилось в их доме.

Удар сердца. Рустем его почувствовал, вздрогнул. Он все-таки был прав.

— Что случилось в их доме? — спросил Скортий.

Она ему рассказала.

Позже, вспоминая, Рустем снова был потрясен той силой воли, которую проявил раненый. Он продолжал говорить, выразил обычное вежливое сожаление по поводу безвременной добровольной смерти молодой женщины. Но Рустем прикасался к телу этого человека и почувствовал удар, нанесенный словами Ширин. Остановка дыхания, потом размеренное, осторожное дыхание, невольная дрожь и тяжелые удары сердца.

Сжалившись, Рустем закончил смену повязки быстрее, чем обычно (он потом сможет сменить ее еще раз), и потянулся к подносу с лекарствами, стоящему у кровати.

— Мне сейчас придется дать тебе снотворное, как обычно, — солгал он. — Ты не сможешь должным образом развлекать даму.

Ширин, танцовщица Зеленых, по всей видимости, ничего не заподозрив, поняла намек и собралась уходить. Она остановилась у кровати, нагнулась и поцеловала больного в лоб.

— Он никогда никого из нас не развлекает должным образом, доктор. — Она выпрямилась и улыбнулась: — Я еще приду, дорогой. Отдыхай, будь готов к моему приходу. — Она повернулась и вышла.

Он посмотрел на пациента и молча налил две полные порции своего излюбленного успокоительного.

Скортий в упор смотрел на него со своих подушек. Его глаза теперь были черными, а лицо очень бледным. Он принял микстуру, обе порции, без возражений.

— Спасибо, — сказал он через несколько секунд.

Рустем кивнул.

— Мне очень жаль, — произнес он, удивив самого себя.

Скортий отвернулся к стене.

Рустем взял свой посох и вышел, закрыв за собой дверь, чтобы оставить этого человека в одиночестве.

У него были свои соображения, но он их отогнал. Что бы ни говорил пациент раньше насчет того, что доктор знает все, это было неправдой и не должно быть правдой.

Ему пришло в голову, когда он шагал по коридору, что им следует лучше следить за передвижениями Шаски по лагерю. Ребенку, сыну доктора, вовсе не подобает участвовать в нарушении режима в комнатах для больных.

Надо будет поговорить насчет этого с Катиун, помимо всего прочего. Настало время полуденной трапезы, но он задержался, чтобы поискать Шаски в своей наскоро оборудованной приемной в соседнем здании. Мальчик чаще находился там, чем в каком-либо другом месте.

Сейчас его там не оказалось. Зато там оказался другой человек. Рустем узнал родианского художника — не того молодого, который спас ему жизнь на улице, а другого, постарше, который одел их в белые одежды и взял с собой на свадебный пир.

Этот человек — его звали Криспин или как-то так, — выглядел больным, но не в том смысле, чтобы вызвать сочувствие Рустема. Люди, которые напиваются до болезненного состояния, особенно с самого утра, должны винить только самих себя.

— Добрый день, доктор, — сказал художник довольно разборчиво. Он встал со стола, на котором сидел. Незаметно было, что он нетвердо держится на ногах. — Я не вовремя?

— Вовсе нет, — ответил Рустем. — Чем я могу...

— Я пришел навестить Скортия и думал спросить у его доктора разрешения.

Ну, пьяный или нет, по крайней мере этот человек знал приличия в делах такого сорта. Рустем коротко кивнул.

— Жаль, что не все такие, как ты. В его комнате только что была просто вечеринка с танцовщицами и вином.

Родианин — его действительно звали Криспин — слабо улыбнулся. У него под глазами залегла усталая морщинка, а некоторая нездоровая бледность свидетельствовала о том, что он начал пить не сегодня утром, а раньше. Это не соответствовало образу того решительного человека, которого помнил Рустем по своему первому дню в городе, но он не был его пациентом, и Рустем ничего не сказал.

— Кто пьет вино так рано утром? — мрачно произнес родианин и потер лоб. — Его развлекали танцовщицы? Это похоже на Скортия. Ты их вышвырнул?

Рустем вынужден был улыбнуться:

— Это на меня похоже?

— Насколько я слышал, да.

Родианин — еще один умный человек, решил Рустем. Он опирался рукой о стол, чтобы устоять на ногах.

— Я только что дал ему снотворное, и он какое-то время проспит. Тебе лучше прийти позже, к вечеру.

— Так я и сделаю. — Мозаичник оттолкнулся от стола и покачнулся. Его лицо было печальным. — Извини. Я... топил горе в вине.

— Я могу помочь? — вежливо спросил Рустем.

— Хотел бы я, доктор, чтобы ты смог. Нет. Собственно говоря... я уезжаю. Послезавтра. Плыву на запад.

— Вот как. Собрался домой? Здесь больше нет для тебя работы?

— Можно сказать и так, — помедлив мгновение, ответил художник.

— Тогда... благополучного путешествия. — Рустем совсем не знал этого человека. Родианин кивнул головой и твердой походкой прошел мимо Рустема к выходу. Рустем собрался идти следом. Художник остановился в коридоре.

— Знаешь, мне назвали твое имя. До того, как я ушел из дома. Мне... жаль, что у нас так и не было возможности познакомиться.

— Назвали мое имя? — переспросил Рустем, озадаченный. — Каким образом?

— Один... друг. Слишком сложно объяснять. Между прочим, тут для тебя кое-что есть. Мальчик-посыльный принес, пока я ждал. Очевидно, это оставили у ворот. — Он махнул рукой в сторону дальней из двух комнат. Там на смотровом столе лежал предмет, завернутый в ткань.

— Спасибо, — сказал Рустем.

Родианин прошел по короткому коридору и вышел наружу. Возможно, подумал Рустем, сейчас солнечный свет ему неприятен. «Топил горе в вине». Не его пациент. Невозможно позаботиться обо всех.

Но человек интересный. Еще один чужестранец, увидевший Сарантий. Возможно, он захотел бы узнать этого человека получше. Но он уезжает. Это не сбудется. Странно, что ему назвали имя Рустема. Рустем пошел в дальнюю комнату. На столе рядом со свертком лежала записка, на ней стояло его имя.

Сначала он снял ткань с лежащего на столе предмета. А потом, совершенно ошеломленный, сел на табурет и уставился на него.

Вокруг никого не было. Он был совсем один и смотрел.

В конце концов он встал и взял записку. На ней оказалась печать, которую он сломал. Развернул и прочел, а потом снова сел.

«С благодарностью, — гласила короткая записка, — это образец всех тех вещей, которые должны сгибаться, чтобы не сломаться».

Он очень долго сидел там, сознавая, как редко теперь ему удается остаться одному, как редки для него минуты тишины и покоя. Он смотрел на золотую розу на столе, длинную и стройную, как живой цветок, с раскрывающимися золотыми лепестками.

И тогда он понял с той пугающей, сверхъестественной уверенностью, которая, кажется, присуща Шаски, что больше никогда Аликсану не увидит.

Он взял эту розу с собой (укутав и надежно спрятав), когда вместе со всей семьей в конце концов отправился по морю в долгое путешествие на запад, к земле, где пока еще не знали подобных предметов величайшего искусства и мастерства.

Это была страна, где очень нуждались в умелых лекарях и где можно было быстро сделать карьеру в обществе, которое еще находилось в стадии становления. Его необычный семейный уклад на этой дальней границе терпели, но ему еще раньше посоветовали сменить веру. Он так и сделал и принял веру в солнечного бога, так, как Джаду поклонялись в Эсперанье. В конце концов он отвечал за всех: за двух жен, двух детей (а потом и третьего, и четвертого мальчика, которые родились вскоре после того, как они обосновались там) и за четырех бывших солдат с востока, которые изменили свою жизнь и поехали с ними. Две женщины, новые служанки из Сарантия, неожиданно сели на корабль вместе со всей семьей. И у него был старший ребенок, сын, которого необходимо было — это все понимали — заставить выглядеть, как все, насколько это возможно, чтобы он не выделялся и не подвергался из-за этого опасности.

Иногда приходится сгибаться, думал Рустем, чтобы тебя не сломали ветры мира, будь то ветры пустыни, моря или этих широко расстилающихся лугов на дальнем западе.

Все его дети и одна из жен, как оказалось, любят коней, даже очень. У его давнего друга Винажа — он женился и завел

собственную семью, но тесно связал свою судьбу с его семьей — обнаружился талант к отбору и разведению лошадей. Он оказался способным дельцом. Как и Рустем, к его собственному удивлению. Он доживал свои дни в комфорте, как владелец поместья и лекарь.

Розу он подарил своей дочери, когда она вышла замуж.

Но записку хранил всю жизнь.

Глава 16

Криспин чувствовал, что последние дни в Городе будут трудными, но не до конца понимал, насколько. Во-первых, после того как он спустился из-под купола во второй раз, поздно ночью, вернувшись с императорской свадьбы во дворце, чтобы при свете фонарей закончить изображение дочерей, которое будет уничтожено почти сразу же, как только застынет раствор, Криспин очень редко бывал совершенно трезвым.

Ему не нравился собственный нынешний образ человека, который пьет, чтобы заглушить боль, но с этим он тоже ничего не мог поделать.

Одним из самых тяжелых испытаний стало возмущение других людей. Оно окружало его со всех сторон. Человеку, любящему уединение, это выдержать трудно. Полные благих намерений, горячо протестующие друзья (у него их оказалось больше, чем он думал, ведь он никогда их не считал) поносили нового императора и угощали его вином у себя дома и в тавернах. Или поздно ночью на кухне лагеря Синих, где Струмос Аморийский весьма красноречиво высказывался по поводу варварства и его присутствия в цивилизованном городе.

Криспин отправился туда навестить Скортия, но возничий спал, приняв лекарство, и он в конце концов очутился на кухне, где его накормили, несмотря на поздний час. В следующий раз он зашел в лагерь только перед самым отплытием. В этот раз Скортий тоже спал. Он недолго поболтал с бассанидским лекарем, тем самым, имя и адрес которого дал ему Зотик, когда этого человека еще даже не было в Сарантии. Он и не пытался разобраться в этом: просто есть на свете вещи, которых ему никогда не понять, и не все они имеют отношение к постулатам святой веры.

В конце концов ему удалось увидеться и попрощаться со

Скортием позже в тот же вечер. В комнате у возничего толпилось полно народа, что, по-видимому, было делом обычным. Поэтому прощание получилось поверхностным, но так даже легче.

Он обнаружил, что слишком горячее сочувствие других людей утомляет и унижает его. Здесь погибли люди. Люди все время погибают. Криспин лишился заказа, его работу признали неудовлетворительной. Это бывает.

Он старался заставить себя смотреть на все с этой точки зрения, по крайней мере рекомендовал другим видеть все в таком свете. Но у него ничего не получилось.

Ширин, когда он пришел к ней и изложил все это, назвала его бездушным (он не стал острить по поводу ее подбора слов, сейчас это было неуместно) и наглым лжецом, а потом выбежала из собственной гостиной со слезами на щеках. Птица Данис, висящая у нее на шее, уже из коридора неслышно заявила, что он глупец, недостойный собственного дара. И вообще любых даров.

Интересно, что бы это значило?

Ширин даже не вернулась, чтобы выпустить его. Одна из служанок проводила Криспина к выходу и закрыла за ним дверь.

Артибас, угощая его на следующий день хорошим кандарийским вином, в должной мере разбавленным, с оливками, свежим хлебом и оливковым маслом, среагировал совсем иначе.

— Прекрати! — закричал он, когда Криспин пытался дать то же самое объяснение, что заказ может закончиться или от него могут отказаться. — Мне за тебя стыдно!

Криспин послушно замолчал и опустил взгляд на темное вино в своей чаше.

— Ты сам не веришь в то, что говоришь. Ты говоришь это только для того, чтобы утешить меня. — Волосы маленького архитектора стояли дыбом, придавая ему вид человека, которого только что поверг в ужас демон.

— Не совсем, — ответил Криспин. Он вспомнил, как Валерий приглаживал эти волосы в ту ночь, когда повел Криспина посмотреть на купол, который он ему дарил.

«Недостоин любых даров».

Он вздохнул:

— Не только тебя. Я пытаюсь заставить себя... найти способ...

Никуда не годится. Как можно произнести это вслух и сохранить гордость?

Потому что они глубоко правы, все они. Он действительно лжет или пытается лгать. Иногда необходимо в чем-то слукавить, даже перед самим собой, чтобы... выдержать. Конечно, художники теряют заказы. Сплошь и рядом. Заказчики не дают денег на продолжение работы, меняют жен и свои планы, уезжают за границу. Или даже умирают, а их сыновья или вдовы имеют другие взгляды на то, что нужно сделать на потолке семейной столовой или на стенах спальни в загородном поместье.

Это правда, все, что он об этом говорил, было правдой, и все же он лгал в душе.

Его пьянство, начинавшееся с утра, каждое утро, само по себе служило доказательством, если задуматься. Он не хотел об этом думать. Он посмотрел на чашу, налитую ему Артибасом, залпом опустошил ее и снова протянул за вином.

То, что случилось, — это смерть. Душа готова плакать.

— Ты никогда снова не войдешь туда, правда? — спросил его маленький архитектор.

Криспин покачал головой.

— Это все осталось в тебе? Все целиком?

Криспин кивнул.

— И во мне тоже, — сказал Артибас.

Император со своей армией отправился на север, к Евбулу, но корабли под началом стратига военного флота все-таки вышли в море. Леонт, теперь Валерий Третий, был не тем человеком, который позволит уже собранным силам простаивать зря. Так не поступит ни один хороший командующий. Корабли, груженные провизией, осадными машинами и оружием, предназначенными для войны на западе, отправились на восток по Калхасскому морю, а затем на север. Через самые дальние проливы они подошли к Мирбору и решительно бросили якорь на территории Бассании. На борту находилось достаточно солдат, чтобы произвести высадку и оборонять плацдарм.

Высадившаяся армия — те войска, которые собирались плыть в Батиару, — была более многочисленной, чем те силы, которые Ширван отправил на север. Это была армия, созданная

для давно запланированного вторжения, и теперь император намеревался использовать ее по назначению, но в другом направлении.

Бассаниды нарушили мир. Ошибка, порожденная желанием помешать вторжению на западе и пониманием — достаточно точным — стремлений и планов Валерия Второго.

Валерий Второй мертв.

Последствия этой ошибки в расчетах пришлось расхлебывать самим бассанидам.

Воина Карулла, некогда служившего в Четвертом саврадийском легионе, потом очень недолго во Втором кализийском, а недавно переведенного в личную гвардию верховного стратига, не было ни в одной из этих армий: ни среди тех, кто скакал верхом или шагал пешим, ни среди тех, кто плыл по морю.

Его это очень огорчало. До крайности.

Новый император сохранял твердое убеждение, которое почти стало частью его всем известного благочестия, по поводу отправки недавно женившихся воинов на поля сражений, если имелись другие возможности и был выбор. А в армии таких размеров всегда есть выбор.

Более того, в рядах Бдительных провели решительную и смертоносную чистку после того, как некоторые из них сыграли такую роль в убийстве императора. Совершенно невиновные и очень опытные воины, несомненно, оказались в числе казненных, но с таким риском приходилось мириться в небольшом элитном подразделении в тех случаях, когда трудно установить абсолютную истину. И всегда можно сказать, что они не сумели заметить измену среди своих товарищей и за это поплатились.

Разумеется, эта измена возвела нового императора на трон, но это, безусловно, к делу не относилось.

Каруллу, который многословно сетовал на судьбу, пришлось довольствоваться еще одним переводом и повышением по службе. Его назначили одним из трех старших офицеров под началом нового командира Бдительных. На это раз повышение было очень значительным, это была придворная должность, а не только военная.

— Ты хоть представляешь себе, — негодовал он однажды вечером после того, как провел весь день в Императорском квартале за сбором информации, — сколько комплектов одежды нужно человеку на такой должности? Как часто надо переодеваться каждый день? Сколько церемоний мне придется изу-

чить? Хочешь знать, что надевают, сопровождая проклятых послов проклятых каршитов? Я тебе расскажу!

И рассказал во всех подробностях. Кажется, разговоры приносили ему облегчение. И Криспин обнаружил, что ему нравится обсуждать проблемы другого человека (какими бы они ни были).

Каждый вечер они заканчивали в «Спине». С ними туда отправлялись Пардос и Варгос. Разные люди то подсаживались к ним, то уходили. Карулла многие знали и любили, а Криспин, по-видимому, тоже приобрел популярность. Также стало известно, что он уезжает.

Пардос удивил Криспина. Он решил остаться в Сарантии, продолжать совершенствовать здесь свое мастерство, несмотря на перемены в вопросах веры. Позднее, когда у Криспина появилось время подумать, он понял, как неверно судил о своем бывшем ученике. По-видимому, Пардос, теперь уже полноправный член гильдии, сам испытывал неловкость во время работы над определенными образами.

Пардос сказал, что его взгляды начали меняться, когда он трудился над сохранением образа Джада в Саврадии. Конфликт между благочестием и мастерством, сказал он, запинаясь, сознание того, что он недостоин.

— Все мы недостойны, — возразил Криспин, ударив по столу кулаком. — В том-то и дело!

Но не стал развивать эту мысль, видя явное смятение Пардоса. Какой смысл делать человека несчастным? Разве кому-нибудь удавалось изменить взгляды другого человека на веру, даже своего друга?

И хотя Пардос явно горевал по поводу того, что собирались сделать с мозаиками на куполе (грохот молотков и дубинок, летящая вниз разбитая смальта), он готов был довольствоваться работой для мирских нужд, устроить здесь свою жизнь, создавая мозаики в административных зданиях по заказу правительства или выполняя частные заказы для придворных, купцов и гильдий, которые в состоянии оплатить такой заказ. Он, возможно, даже будет работать для факций, сказал он: выкладывать картины событий Ипподрома на стенах и потолках в лагере. Новые доктрины запрещали изображать людей только в священных местах. А богатым людям мозаичник мог предложить морские пейзажи, сцены охоты, орнаменты для пола или стен.

— Голых женщин и их игрушки для публичных домов? — со

смехом спросил Карулл, заставив молодого человека вспыхнуть, а Варгоса нахмуриться. Но солдат всего-навсего пытался поднять им настроение.

Варгос, со своей стороны, сразу же высказал Криспину желание уплыть вместе с ним на запад. Это создавало проблему, которой нужно было заняться.

На следующий вечер, почти трезвый, Криспин пошел вместе с ним прогуляться по городу. Они нашли постоялый двор у стен, подальше от всех тех, с кем могли быть знакомы, и какое-то время беседовали наедине.

В конце концов Криспин его убедил, не без труда и не без сожалений. Варгос уже почти устроил свою жизнь здесь. Он мог стать не только простым рабочим, он сам мог пойти в ученики к Пардосу, который пришел бы в восторг, заполучив такого ученика. Варгосу понравился Город, гораздо больше, чем он ожидал, и Криспин вынудил его признать это. Он будет не первым иницием, который заставит этот имперский Город дать ему дом и достойную жизнь.

Еще Криспин признался, что понятия не имеет о том, что будет делать, когда доберется домой. Ему теперь трудно представить себя изображающим рыб, водоросли и затонувшие корабли на стенах летней виллы в Байане или Милазии. Он даже не знал, останется ли дома. Он не мог взвалить на себя бремя ответственности за жизнь Варгоса или позволить ему следовать туда, куда заведет его неведомый путь. Правда, это не дружба. Это нечто другое. А здесь Варгос — свободный человек. Он всегда был самостоятельным, свободным человеком.

Варгос отвечал немногословно, он был не из тех, кто спорит, и, уж конечно, не из тех, кто навязывает себя другим. Не так уж много выдавало его лицо, пока говорил Криспин, но эта ночь оказалась тяжелой для них обоих. Кое-что произошло на дороге, и между ними возникли узы. Узы можно разорвать, но за это надо платить.

Он испытывал большое искушение пригласить Варгоса с собой на запад. Его присутствие уравновесило бы неуверенность Криспина в будущем. Этот крупный покрытый шрамами слуга, которого он нанял на западной границе Саврадии, чтобы тот провел его по Имперской дороге, стал для него человеком, чье присутствие придавало устойчивость окружающему миру.

Это может случиться, если ты ходил с человеком в Древнюю Чащу и вышел из нее. Они ни словом не обмолвились о том

дне, но он лежал в основе всего, что было сказано, и еще грусть расставания.

Только в самом конце Варгос произнес слова, которые затронули эту тему.

— Ты поплывешь морем? — спросил он, когда они расплачивались в таверне. — Не пойдешь опять по дороге?

— Я бы побоялся, — ответил Криспин.

— Карулл дал бы тебе телохранителя.

— Он не защитит меня от того, что меня пугает.

И Варгос кивнул головой.

— Нам... позволили уйти, — тихо сказал Криспин, вспоминая туман в День Мертвых, Линон на темной мокрой траве. — Не надо испытывать судьбу, возвращаясь туда.

И Варгос снова кивнул, и они опять вышли на улицу.

Несколько дней спустя им пришлось почти выносить на руках Карулла из «Спины». Воина обуревала такая буря эмоций, что это выглядело почти комично: его женитьба, его стремительный взлет, который одновременно означал невозможность участвовать в победоносной войне, его радость по поводу того, что произошло с его любимым Леонтом, на фоне того, что это означало для его дорогого друга, и осознание неумолимого приближения дня отъезда Криспина.

В эту ночь, пока они пили, он говорил даже больше обычного. Другие восхищались его многословием: истории, шутки, нескончаемый поток наблюдений, эпизоды сражений, воспоминания всех подробностей гонок за много лет. В конце ночи он расплакался, крепко обнял Криспина и расцеловал его в обе щеки. Трое друзей отвели его по улицам домой. Приближаясь к собственной двери, Карулл пел победную песнь Зеленых.

Очевидно, Касия его услышала. Она сама открыла дверь, в ночной сорочке, со свечой в руке. Два друга поддерживали Карулла, который приветствовал жену, а потом нетвердой походкой, все еще продолжая петь, стал подниматься по лестнице.

Криспин остался вдвоем с Касией в прихожей у двери. Она поманила его рукой, и они прошли в гостиную. Оба молчали. Криспин встал на колени и помешал кочергой в очаге. Вскоре двое других спустились вниз.

— С ним все будет в порядке, — сказал Варгос.

— Я знаю, — ответила Касия. — Спасибо.

Они немного помолчали.

— Мы подождем на улице, — сказал Пардос.

Криспин услышал, как за ними закрылась дверь. Он встал.

— Когда ты отплываешь? — спросила Касия. Она прекрасно выглядела. Немного поправилась, испуганное выражение в ее глазах, которое он помнил, исчезло. «Завтра меня собираются убить». Первые слова, которые она ему сказала.

— Через три дня, — ответил он. — Кто-то, очевидно, упомянул, что я ищу корабль, пошли слухи, и сенатор Бонос прислал мне записку, что я могу плыть на его торговом судне, отправляющемся в Мегарий. Очень любезно с его стороны. Корабль плывет медленно, но доставит меня туда. Оттуда легко переправиться через бухту в Милазию в это время года. Корабли все время плавают туда и обратно. Конечно, я могу пойти пешком. Вдоль берега, до Варены.

Она слегка улыбалась, пока он болтал.

— Ты разговариваешь, как мой муж. Много слов в ответ на простой вопрос.

Криспин рассмеялся. Снова наступило молчание.

— Они ждут тебя на улице, — заметила Касия.

Он кивнул. У него внезапно перехватило горло. И ее тоже он больше никогда не увидит.

Она проводила его до выхода. Там он обернулся.

Она обхватила обеими ладонями его голову, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Она была мягкой, душистой и теплой.

— Спасибо, что спас мне жизнь, — сказала она.

Он кашлянул. Голова у него кружилась, слова не выговаривались. Слишком много вина. Забавно: то поток слов, то совсем никаких слов. Она открыла дверь. Он споткнулся о порог и вышел под звезды.

— Ты прав, что уезжаешь, — тихо сказала Касия. Положила ладонь ему на грудь и слегка толкнула: — Поезжай домой и нарожай детей, мой дорогой.

А потом она закрыла дверь, прежде чем он успел ответить на такое поразительное напутствие.

Это и правда поразительно. Есть в мире люди, которые могут — и хотят — сказать ему такие слова.

По крайней мере, один человек.

— Давайте немного пройдемся, — предложил он двум своим спутникам, подойдя к ним. Они ждали его у фонаря на стене.

Оба они были людьми молчаливыми и не любили навязываться. Они оставили его наедине с его мыслями, погруженные в собственные мысли, пока шагали по улицам и площадям, но их присутствие дарило ему безопасность и защиту от одиночества. Стражники городского префекта ходили по улицам, таверны и пивные снова открылись, хотя Город официально еще был в трауре. Это означало, что театры не работали и гонки колесниц не проводились, но Сарантий был жив в весенней темноте, слышались запахи, раздавались звуки, мелькали тени в свете фонарей.

Две женщины окликнули их из дверного проема. Криспин увидел, как в переулке вспыхнул огонек, один из тех огоньков, к которым он уже привык. Они появлялись из невидимых источников и исчезали, как только их успевали заметить. Полумир.

Он вел остальных вниз, к гавани. Флот уплыл, осталось только обычное количество военных кораблей вместе с торговыми и рыбацкими судами. Этот район был опасным, как все прибрежные районы. Двое его спутников, шагавшие немного позади, подошли поближе. Вряд ли трех крупных мужчин могли побеспокоить, даже здесь.

Голова у Криспина почти совсем прояснилась. Он принял решение и должен его выполнить: встанет завтра утром, съест завтрак без вина, сходит в бани, там побреется (это уже вошло в привычку, но в море он отвыкнет).

«Так много прощаний», — думал он той ночью, шагая рядом с двумя друзьями мимо гавани. Слова Касии продолжали звучать в его ушах. Но он еще не со всеми простился как подобает, а с некоторыми никогда уже не сможет проститься.

Его работа не завершена и никогда не будет завершена.

«Они все будут уничтожены».

По дороге он поймал себя на том, что постоянно заглядывает в дверные проемы и в переулки. Когда женщины окликнули его, предлагая себя и обещая наслаждение и забвение, он повернулся и посмотрел на них, потом двинулся дальше.

Они добрались до воды. Остановились, прислушиваясь к потрескиванию кораблей и плеску волн о доски причалов. Качались мачты, и луны, казалось, кружились вокруг них и раскачивались из стороны в сторону. Где-то там лежат острова, подумал Криспин, глядя в море, и полоски каменистых пляжей, которые могут быть серебристыми или голубоватыми при лунном свете.

Он отвернулся. Они пошли дальше, снова наверх по узким улочкам, ведущим прочь от гавани, и его спутники дарили ему молчание как милость. Он уезжает. Сарантий покидает его.

Мимо прошли две женщины. Одна остановилась и окликнула их. Криспин тоже остановился, посмотрел на нее, отвернулся.

Он знал, что она умеет менять голос. Вероятно, она умеет стать похожей на любую женщину. Театральные уловки. Если только она жива. В конце концов он признался себе, что его преследуют фантазии: он идет в темноте по Городу и думает, что если она все еще здесь, если увидит его, то, возможно, окликнет его, чтобы попрощаться.

Пора ложиться спать. Они вернулись обратно. Сонный слуга впустил их. Он пожелал остальным спокойной ночи. Они разошлись по своим спальням. Он поднялся к себе. Там ждала Ширин.

Он еще не со всеми простился должным образом.

Он закрыл за собой дверь. Она сидела на кровати, закинув ногу на ногу. Образы рождают образы. На этот раз — никакого кинжала. Не та женщина.

— Уже очень поздно, — сказала она. — Ты трезв?

— Вполне, — ответил он. — Мы долго гуляли.

— С Каруллом?

Он покачал головой.

— Мы почти на руках отнесли его домой к Касии.

Ширин слегка улыбнулась:

— Он не понимает, что праздновать, а что оплакивать.

— Это почти что так. Как ты вошла?

Она удивленно подняла брови:

— Мои носилки ждут у дороги. Разве ты не видел? Как я вошла? Постучала в дверь. Один из твоих слуг открыл ее. Я сказала, что мы еще не попрощались и что я могу подождать твоего возвращения. Мне позволили подняться сюда. — Она показала на стоящий рядом бокал вина. — Слуги были внимательны. Как сюда попадают большинство твоих гостей? Ты что, решил, что я влезла в окно, чтобы соблазнить тебя во сне?

— Я не такой счастливчик, — пробормотал он. И сел на стул у окна. Он почувствовал, что ему необходимо сесть.

Она поморщилась:

— Мужчины лучше, когда они не спят, в большинстве случаев. Хотя я могла бы утверждать и обратное о некоторых из тех, кто присылает мне подарки.

Криспину удалось улыбнуться. Данис висела на шнурке на шее у Ширин. Они пришли вдвоем. Будет трудно. В эти последние дни все трудно.

Он не мог бы ясно объяснить, почему эта встреча для него трудна, и это само по себе было проблемой.

— Пертений снова досаждает тебе? — спросил он.

— Нет. Он уехал с войском. Ты должен это знать.

— Я не слежу за передвижениями каждого. Уж прости меня. — Его голос прозвучал более резко, чем он хотел.

Она сердито посмотрела на него.

— *Она говорит, что ей хочется тебя убить*, — в первый раз заговорила Данис.

— Скажи это сама, — огрызнулся Криспин. — Не прячься за птицей.

— Я и не прячусь. В отличие от некоторых. Просто... невежливо произносить такие вещи вслух.

Он невольно рассмеялся. Этикет полумира.

Нехотя, но она тоже улыбнулась.

Они немного помолчали. Он вдыхал ее аромат в своей комнате. Две женщины в мире душились этими духами. Скорее всего, теперь уже одна, вторая мертва или до сих пор прячется.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — сказала Ширин.

Он молча смотрел на нее. Она вздернула маленький подбородок. Он уже давно решил, что черты ее лица приятны, но в спокойном состоянии ничем не привлекают внимания. Именно тогда, когда на ее лице отражаются чувства — веселье, боль, гнев, печаль, страх — все эти чувства, лицо Ширин оживает, ее красота привлекает внимание, вызывает восхищение и порождает желание. Так же, как и при движении, ее грация танцовщицы, когда гибкость — это невысказанный намек на то, что чувственные желания, почти всегда тайные, могут получить удовлетворение. Она была созданием, которое невозможно изобразить при помощи вида искусства, не передающего движения.

— Ширин, — сказал он, — я не могу остаться. Сейчас не могу. Ты знаешь, что случилось. Ты назвала меня лжецом и идиотом за то, что я попытался... преуменьшить значение событий во время нашей прошлой встречи.

— Это Данис назвала тебя идиотом, — поправила она его, потом снова замолчала. Теперь настала ее очередь смотреть на него в упор.

Прошло долгое мгновение, и Криспин сказал, воплотив мысль в слова:

— Я не могу просить тебя поехать вместе со мной, дорогая.

Подбородок еще немного вздернулся вверх. Она не произнесла ни слова. Ждала.

— Я... я думал об этом, — пробормотал он.

— Хорошо, — сказала Ширин.

— Я даже не знаю, останусь ли в Варене и что буду делать.

— А! Тяжелая жизнь скитальца. Которую женщина не может разделить с тобой.

— Эта — не может, — ответил он. Сейчас он уже полностью протрезвел. — Ты — почти вторая императрица Сарантия, моя дорогая. Ты им отчаянно нужна, этим новым правителям. Они захотят, чтобы ты продолжала выступать, развлекать людей. Ты вправе ожидать, что тебя осыплют еще большими милостями, чем раньше.

— И прикажут выйти замуж за секретаря императора?

Он заморгал.

— Сомневаюсь.

— Неужели? Я вижу, тебе все известно о здешнем дворе. — Она снова сердито смотрела на него. — Так почему бы тебе не остаться? Они оскопят тебя и сделают канцлером, когда Гезий умрет.

Он смотрел на нее. Через несколько секунд ответил:

— Ширин, скажи правду. Ты всерьез опасаешься, что тебя заставят выйти замуж — за кого угодно, прямо сейчас?

Молчание.

— *Не в этом дело*, — сказала Данис.

«Тогда ей не следовало этого говорить», — подумал он, но не произнес вслух. Он не произнес этого, потому что сердце его сжималось, когда он смотрел на нее. Дочь Зотика, храбрая, как ее отец, по-своему. Он сказал:

— Ты... Мартиниан продал ферму твоего отца по твоему поручению?

Она покачала головой:

— Я его об этом не просила. Забыла тебе сказать. Я попросила его найти жильца, сохранить ее. Он это сделал. Он не-

сколько раз писал мне. Собственно говоря, он много рассказал мне о тебе.

Криспин снова заморгал.

— Понятно. Об этом ты тоже забыла мне сказать?

— Наверное. Мы просто слишком мало с тобой беседовали. — Она улыбнулась.

— *Вот так-то,* — вставила Данис.

Криспин вздохнул.

— По крайней мере, это похоже на правду.

— Рада, что ты со мной согласен. — Она отпила глоток вина.

Он смотрел на нее.

— Ты сердишься. Я знаю. Что я должен сделать? Ты хочешь, чтобы я лег с тобой в постель, дорогая?

— Чтобы смягчить мой гнев? Нет, спасибо.

— Чтобы помочь побороть печаль, — сказал он.

Она молчала.

— *Она просит сказать тебе, что ей вообще лучше было сюда не приходить,* — сказала Данис.

— Разумеется, я лгу, — вслух прибавила Ширин.

— Я знаю, — ответил Криспин. — Хочешь, чтобы я попросил тебя поехать на запад?

Она посмотрела на него.

— А ты хочешь, чтобы я поехала на запад?

— Иногда хочу, — признался он, в равной мере и себе и ей. Ему стало легче, когда он это высказал.

Он увидел, как она вздохнула.

— Уже кое-что для начала, — тихо произнесла она. — И помогает от моего гнева. Может быть, теперь ты сможешь лечь со мной в постель по другой причине.

Он рассмеялся:

— Ох, дорогая! Ты же не думаешь, что я...

— Я знаю. Не надо. Не говори этого. Ты ни о чем таком не думал, когда вернулся, и причины мне известны. А теперь не можешь по... другой причине, которая мне тоже известна. Так о чем же ты хочешь меня попросить?

На ней была темно-зеленая шапочка, украшенная рубином. Плащ лежал рядом с ней на кровати. Шелковое платье, зеленое, как и шапочка, отделанное золотом. В ушах сверкали золотые сережки, на пальцах кольца. Он подумал, глядя на нее, впитывая этот образ, что у него не хватит таланта и мастерства, чтобы

изобразить ее такой, как сейчас, пусть даже она сидит неподвижно.

Осторожно подбирая слова, он сказал:

— Не продавай пока дом на ферме. Может быть, тебе понадобится... навестить свое владение в западной провинции. Если она станет провинцией.

— Станет. Я пришла к выводу, что императрица Гизелла знает, чего хочет и как это получить.

Он и сам так думал. Но не сказал этого. Сейчас речь не об императрице. Он обнаружил, что его сердце быстро забилось. И сказал:

— Ты могла бы даже... вкладывать там деньги, в зависимости от того, как развернутся события. Мартиниан разбирается в подобных вещах, если тебе понадобится совет.

Она улыбнулась ему.

— В зависимости от того, как развернутся события?

— От действий Гизеллы.

— Гизеллы, — повторила она. И снова стала ждать.

Он набрал в грудь воздуха. Возможно, это было ошибкой; ее аромат окутывал все.

— Ширин, ты не должна покидать Сарантий, и ты это знаешь.

— Да? — ободряюще произнесла она.

— Но позволь мне уехать домой и выяснить, что я... ну, позволь мне... Ладно, если ты действительно выйдешь здесь замуж по собственному выбору, я буду... Святой Джад, что ты хочешь от меня услышать, женщина?

Она встала, улыбнулась. Он чувствовал себя беспомощным перед всем тем, что таилось в ее улыбке.

— Ты только что уже все сказал, — прошептала она. И не успел он подняться, как она нагнулась и целомудренно поцеловала его в щеку. — До свидания, Криспин. Благополучного путешествия. Надеюсь, ты мне скоро напишешь. Возможно, по поводу собственности? И о прочих подобных вещах.

О прочих подобных вещах.

Он встал. Откашлялся. Женщина, желанная, как лунный свет в темную ночь.

— Ты... э... поцеловала меня лучше, чем во время нашей первой встречи.

— Знаю, — ласково ответила она. — Возможно, это была ошибка.

И она снова улыбнулась, пошла к двери, сама открыла ее и вышла. Он стоял, застыв на месте.

— *Ложись спать,* — сказала Данис. — *Мы попросим слуг нас выпустить. Счастливого путешествия, передает она тебе.*

— *Спасибо,* — послал он в ответ, прежде чем вспомнил, что они не понимают его мысли. Внезапно он пожалел, что сам их понимает.

Он не лег спать. В этом не было смысла. Долго сидел без сна на стуле у окна. Увидел ее бокал и бутылку вина на подносе, но не взял их, не стал пить. Он еще раньше, вечером, на улице дал себе слово.

Утром он обрадовался, что голова у него ясная. Записка — он почти знал, что ее принесут — ждала его, когда он спустился вниз. Ее доставили на рассвете. Он поел, повинуясь внезапному порыву, сходил в часовню вместе с Варгосом и Пардосом, затем в бани, где его побрили, нанес несколько визитов в лагерь Синих и в другие места. Он весь день чувствовал движение солнца над головой. Этот день, эта ночь, еще одна, потом он уедет.

Он еще не со всеми простился. Еще одно прощание состоится с наступлением темноты.

Во дворце.

— Я думала о мешке из-под муки, — сказала императрица Сарантия, — в память о том, первом.

— Благодарю тебя, госпожа, что эта идея осталась неосуществленной.

Гизелла улыбнулась. Встала из-за маленького столика, за которым вскрывала письма и доклады при помощи костяного ножа. Леонт находился на северо-востоке с армией, но империей надо было править, руководить переменами. Он подумал, что этим занимаются она и Гезий.

Она пересекла комнату и снова села. В руке она по-прежнему держала нож для бумаги. Он видел, что ручка ножа из слоновой кости вырезана в виде лица. Она заметила его взгляд. Улыбнулась.

— Мне подарил его отец, когда я была совсем маленькой. Собственно говоря, это его лицо. Если повернуть ручку, она снимается. — Она так и сделала. В одной руке у нее осталась слоновая кость, а в другой — внезапно лишившееся рукояти

лезвие. — Я носила его под одеждой, когда села на корабль и отплыла сюда, прятала его, когда мы высадились на берег.

Он смотрел на нее.

— Видишь ли, я не знала, что они собираются со мной сделать. Иногда... в последний момент... в нашей власти определить только свой конец.

Криспин прочистил горло, оглядел комнату. Они были почти наедине, с ними оставалась только одна служанка здесь, в Траверситовом дворце, в комнатах Гизеллы, которые раньше принадлежали Аликсане. Она еще не успела изменить их. Нашлись более срочные дела. Только роза исчезла, как он заметил.

Аликсана хотела, чтобы здесь были дельфины. Взяла его с собой в пролив, чтобы посмотреть на них.

Канцлер Гезий, улыбающийся и благожелательный, лично ждал его и проводил к Гизелле, когда Криспин явился к Бронзовым Вратам. Проводил и удалился. В этом позднем приглашении не было никакого скрытого значения, понял Криспин: в Императорском квартале работали допоздна, особенно в дни войны и в разгар политической борьбы за Батиару. Его пригласили на встречу с императрицей, когда она смогла выделить ему время в загруженном дне. Соотечественник отправляется домой, пришел попрощаться. Теперь никаких тайн, никакого похищения под покровом темноты, никакого личного поручения, которое могло его погубить, если бы все открылось.

Это в прошлом. Он совершил путешествие сюда, она совершила еще более дальнее путешествие. Он возвращался назад. И гадал, что найдет в Варене, в городе, где пьяницы в тавернах весь год держали пари на ее жизнь.

Мужчины выигрывали эти пари или проигрывали. А те вельможи антов, которые стремились убить ее и править вместо нее... что будет с ними теперь?

— Если бы ты немного быстрее строил свои планы, — сказала Гизелла, — ты мог бы отправиться на императорском корабле. Он отплыл два дня назад с моими посланиями Евдриху и Кердасу.

Он посмотрел на нее. Снова его охватило странное ощущение, будто она умеет читать его мысли. Интересно, подумал он, она такая со всеми? И как только находились такие глупцы, чтобы делать ставки против нее. Сейчас она отвела взгляд и знаком приказала женщине принести им вина. Его принесли в комнату на золотом подносе, инкрустированном драгоценными

камнями по ободку. Богатства Сарантия, невообразимые богатства. Криспин налил себе вина, добавил воды.

— Я вижу, ты осторожен, — сказала императрица Гизелла. И многозначительно улыбнулась.

Эти слова он тоже помнил. Она сказала то же самое в тот первый раз, в Варене. Эта ночная встреча создавала такое странное ощущение. В ней чувствовалось расстояние, пройденное за полгода.

Он покачал головой:

— Я чувствую, что мне необходимо сохранить ясную голову.

— А обычно это не так?

Он пожал плечами:

— Я думал об узурпаторах. Что с ними будет? Если об этом дозволено спрашивать.

Конечно, это было важно. Он собирается вернуться назад, там его мать, его дом, его друзья.

— Это зависит от них. В основном от Евдриха. Я официально предложила ему стать наместником новой провинции Сарантия — Батиары и править от имени императора Валерия Третьего.

Криспин уставился на нее, потом спохватился и опустил взгляд. Она — императрица. На нее нельзя пялиться подобно рыбе.

— Ты собираешься наградить человека, который...

— ...пытался меня убить?

Он кивнул.

Она улыбнулась:

— Кто из знатных антов не желал мне смерти в прошлом году, Кай Криспин? Они все желали. Даже родиане это знают. Какого человека я могу выбрать, если их всех исключить? Лучше всего отдать власть тому, кто победил, не так ли? Это свидетельствует о его способностях. И он будет... испытывать некоторый страх, как мне кажется.

Он снова поймал себя на том, что уставился на нее. Ничего не мог поделать. Ей всего двадцать лет, возможно, даже меньше. И она расчетлива и точна, как... как монарх. Дочь Гилдриха. Эти люди живут в другом мире. Таким был Валерий, внезапно подумал он.

Собственно говоря, он тоже соображал очень быстро.

— А патриарх в Родиасе?

— Хороший вопрос. Ему тоже отправлено послание, с тем

же судном. По вопросу о ересях следует принять решение, если он согласится. Восточный патриарх снова признает его превосходство.

— В обмен на...

— На заявление в поддержку объединения Империи, Сарантия в качестве столицы Империи, и одобрение нескольких особых решений по вопросам веры, предложенных императором.

Все сделано так аккуратно и с такой быстротой.

Криспину трудно было сдержать гнев.

— Конечно, и в их число входит вопрос об изображении Джада в часовнях и святилищах.

— Конечно, — тихо и невозмутимо подтвердила она. — Этот вопрос очень важен для императора.

— Я знаю, — сказал он.

— Я знаю, что ты знаешь, — ответила она.

Повисло молчание.

— Я думаю, вопросы правления будет решить легче, чем вопросы веры. Так я и сказала Леонту.

Криспин ничего не ответил.

Через секунду она прибавила:

— Я еще раз побывала в Великом Святилище сегодня утром. Прошла тем подземным ходом, который ты мне показал. Хотела снова увидеть твою работу на куполе.

— До того, как ее начнут сбивать?

— Да, — согласилась она безмятежно. — До того. Я тебе сказала, когда мы проходили через Святилище той ночью: теперь я лучше понимаю то, о чем мы говорили во время нашей первой встречи.

Он ждал.

— Ты сетовал на материалы. Помнишь? Я тебе ответила, что они лучшие из тех, что у нас есть. Что была чума и война.

— Я помню.

Гизелла слегка улыбнулась.

— То, что я тебе говорила, — правда. Но то, что ты говорил мне, было большей правдой: я видела, что может сделать мастер, имея нужные материалы. Во время работы над церковью моего отца ты был связан по рукам и ногам, словно стратиг на поле боя, который командует одними фермерами и рабочими.

Таким был ее отец. Он таким и умер.

— При всем моем почтении, госпожа, ты смущаешь меня таким сравнением.

— Знаю, — ответила она. — Но обдумай это потом. Мне самой это сравнение понравилось, когда оно пришло мне в голову сегодня утром.

Она оказала ему большую милость, расточая похвалы, дала ему личную аудиенцию, только для того, чтобы проститься. У него не было никаких причин для обиды. Восхождение Гизеллы на трон, возможно, спасет его и ее родину от разрушения.

Он кивнул головой. Потер свой бритый подбородок.

— У меня будет для этого свободное время на корабле, моя повелительница.

— Завтра? — спросила она.

— Послезавтра.

Позднее он понял (на досуге, уже на корабле), что ей это было известно и что она направляла беседу.

— Вот как? Значит, ты улаживаешь дела.

— Да, повелительница. Хотя, как мне кажется, я уже закончил.

— Ты получил все причитающиеся тебе деньги? Мы хотим, чтобы с этим все было в порядке.

— Получил, госпожа. Канцлер любезно сам проследил за этим.

Она взглянула на него.

— Он обязан тебе жизнью. Конечно, я тоже понимаю, что я... перед тобой в долгу.

Он покачал головой.

— Ты была моей царицей. Ты моя царица. Я не сделал ничего...

— Ты сделал то, что было нужно мне, рискуя собой, дважды. — Она поколебалась. — Я не стану слишком долго распространяться на эту тему. — Он услышал, что ее голос перестал был официальным. — Но все же я родом с запада и горжусь тем, что мы можем показать им здесь, на востоке. Мне жаль, что... обстоятельства потребовали уничтожить твою здешнюю работу.

Он опустил глаза. Что можно было ответить? Это — смерть.

— Мне также пришло в голову, на основании того, что еще я узнала в эти последние дни, что есть еще один человек, которого ты, возможно, захочешь повидать перед отъездом.

Криспин поднял глаза.

Гизелла, царица антов, императрица Сарантия, ответила ему взглядом своих синих глаз.

— Только она не сможет тебя увидеть, — предупредила Гизелла.

Снова появились дельфины. Он гадал, увидит ли их, и понимал, что смертному сомневаться на этот счет глупо и самонадеянно: как будто морские создания могли являться или не являться в зависимости от того, что люди творят в городах на суше.

С другой стороны (хотя это и ересь), в эти дни много людских душ надо было перенести в самом Сарантии и возле него.

Он стоял на маленьком узком императорском судне, и чтобы попасть на него, ему стоило только предъявить тонкий кинжал Гизеллы с вырезанным из слоновой кости лицом ее отца вместо рукоятки. Подарок, как она заявила, вручая ему кинжал, чтобы он ее помнил. Хотя она еще сказала, что надеется через несколько лет приехать в Варену. Если все сложится должным образом, в Родиасе состоятся церемонии.

Экипаж предупредили запиской, что человеку, который принесет изображение отца императрицы, разрешено плыть к месту, закрытому для всех остальных.

Он уже был там раньше.

Стилиану держали не в тюремных камерах под дворцами. Кто-то, обладающий тонким чувством иронии и пониманием наказания — вероятнее всего, Гезий, который видел так много насилия в своей жизни и выжил, несмотря ни на что, — выбрал другое место, где ей придется доживать жизнь, оставленную ей императором. Тем самым он проявил милосердие к бывшей супруге и дал народу понять свою благожелательность к ней.

Действительно, достаточно посмотреть на Леонта на Золотом Троне и Стилиану на острове, думал Криспин, снова глядя на плывущих рядом с кораблем дельфинов, чтобы понять всю иронию.

Они причалили, судно привязали, для него спустили сходни. Единственный посетитель, единственный человек, высадившийся на остров.

Воспоминания и образы. Криспин бросил взгляд, почти против своей воли, и увидел то место, где Аликсана сбросила на

камни плащ и зашагала прочь. Ему снилось это место, освещенное лунами.

Корабль встречали. Двое Бдительных, храня молчание, повели Криспина по тропинке среди деревьев. Пели птицы. Косые лучи солнца проникали сквозь шатер из листьев.

Они вышли на поляну, где погибли люди в тот день, когда был убит Валерий. Никто не заговорил. Криспин осознал, что не чувствует почти ничего, кроме ужаса, как он ни старался подавить его.

Он жалел, что приехал. Он и сам не понимал, зачем это сделал. Его провожатые остановились, один из них показал рукой на самую большую из хижин. Хотя Криспин не нуждался в подсказках.

Тот же дом, в котором жил ее брат. Конечно.

Но разница была. Окна распахнуты со всех сторон, зарешеченные, но ставни открыты, чтобы впустить утренний свет. Он удивился. Пошел вперед. Здесь стояли охранники. Трое. Они смотрели мимо него на его провожатых и, очевидно, получили какой-то сигнал. Криспин не стал оглядываться, чтобы проверить. Дверь отпер один из них.

Никаких слов, ничего. Интересно, подумал он, запрещено ли им разговаривать, чтобы избежать любого шанса соблазна, подкупа. Он вошел. Дверь за ним закрылась. Он услышал, как повернулся в замке ключ. Они не хотели рисковать. Должно быть, знали, что сделала эта арестантка.

Стилиана тихо сидела в кресле у дальней стены, в профиль к нему, неподвижно. Никакой видимой реакции на появление постороннего. Криспин смотрел на нее, и ужас исчез, уступив место множеству других чувств, в которых он даже не пытался разобраться.

Она сказала:

— Я же тебе сказала, что не буду есть.

Она не повернула головы, не видела его.

Не могла его видеть. Даже с того места, где он стоял, с другого конца комнаты, Криспин понял, что у нее нет глаз, их выкололи. Черные глазницы на том месте, где он помнил яркий блеск. Он представил себе, сопротивляясь этому видению, подземелье, инструменты, горящий огонь, факелы, приближающегося к ней крупного человека с толстыми умелыми пальцами.

«Еще один человек, которого ты захочешь повидать», — сказала Гизелла.

— Не могу тебя винить, — сказал он. — Еда здесь ужасная, как я себе представляю.

Она вздрогнула. Вызывало жалость, что так безупречно владеющую собой женщину, которую так трудно было смутить, можно заставить так реагировать на неожиданно прозвучавший голос.

Он старался представить себе, каково быть слепым. Исчезнут цвет и свет, оттенки, тени, их богатство и игра. Нет ничего хуже на свете. «Лучше смерть», — подумал он.

— Родианин, — сказала Стилиана. — Пришел узнать, каково заниматься любовью со слепой женщиной? Подогреть аппетит?

— Нет, — ответил он, сохраняя спокойствие. — Совсем никакого аппетита, как и у тебя, по-видимому. Пришел попрощаться. Завтра я уезжаю домой.

— Так быстро закончил? — Ее тон изменился.

Она не повернула головы. Почти все ее золотистые волосы остригли. Другой женщине это могло бы испортить внешность. А у Стилианы только открылось совершенство линии скул и костей под почерневшими и опустевшими глазницами. Он подумал, что ей не поставили клеймо. Только ослепили.

Только ослепили. И заточили в эту тюрьму на острове, где влачил свои дни в темноте ее брат, который и внутрь дома не впускал ни один солнечный луч.

Теперь кругом был свет, заливающий комнату, бесполезный для нее, предлагаемый только тому, кто может войти. И это больше, чем что-либо другое, говорило о характере этой женщины, подумал Криспин, о ее гордости. Только молчаливые стражники заходят сюда каждый день, но Стилиана Далейна не прячется, не скрывается под покровом темноты. Если имеешь с ней дело, нужно смириться с тем, что ты видишь. Так было всегда.

— Ты уже закончил свою работу? — повторила она.

— Не закончил, — тихо ответил он. Уже без горечи. Она невозможна здесь, при виде ее. — Ты меня предупреждала. Давно.

— А! Вот что. Уже? Я не думала, что это будет...

— Так скоро?

— Так скоро. Он ведь сказал тебе, что это ересь. Твой купол.

— Да. Сам сказал, надо отдать ему справедливость.

Она повернулась к нему.

И он увидел, что ее все же заклеймили. Левая сторона ее

лица была изуродована знаком убийцы: грубое изображение ножа в круге, который должен означать солнце бога. Рану покрывала запекшаяся кровь, плоть вокруг нее воспалилась. Ей нужен лекарь, подумал он, но усомнился, чтобы его вызвали. Щека, изуродованная шрамом, который оставлен огнем.

Это снова сделал кто-то обладающий мрачным чувством юмора. Или, возможно, просто человек в запертой звуконепроницаемой камере под землей, совершенно нечувствительный к подобным вещам, всего лишь выполняющий предписанные законом процедуры наказания в Императорском квартале Саранта.

Наверное, у него вырвался какой-то звук. Она улыбнулась знакомой ему улыбкой, кривой и понимающей. Было больно видеть эту улыбку здесь.

— Ты поражен в самое сердце моей вечной красотой?

Криспин с трудом сглотнул. Сделал глубокий вдох.

— По правде сказать, так и есть. Поражен. Мне бы не хотелось этого видеть.

Секунду царило молчание.

— По крайней мере, честно, — сказала она. — Я помню, что он тебе нравился. Они оба.

— Это было бы самонадеянностью со стороны ремесленника. Я им глубоко восхищался. — Он помолчал. — Ими обоими.

— И Валерий был твоим заказчиком, разумеется, поручителем всей твоей работы. Которая теперь погибнет. Бедный родианин. Ты меня ненавидишь?

— Хотел бы я ненавидеть, — в конце концов ответил он. Так много света в этой комнате. Ветерок, прохладный, душистый, полный аромата деревьев, окруживших поляну. Золотисто-зеленых листьев. Сейчас только распустившихся, зеленых летом, увядающих осенью. «Ты меня ненавидишь?»

— Он выступил на север? — спросила она. — Против Бассании?

Жизнь, проведенная в залах и коридорах власти. Ум, который не может перестать работать.

— Да.

— А... Гизелла ведет переговоры с Вареной?

— Да.

Гизелла, подумал он, в этом точно такая же. Они действительно живут в другом мире, эти люди. То же солнце, и луны, и звезды, но другой мир.

Стилиана снова лукаво скривила губы.

— Я бы сделала то же самое, ты понимаешь? Я говорила тебе в ту ночь, когда мы разговаривали в первый раз, что среди нас есть те, кто считает вторжение ошибкой.

— Императрица была одной из них, — сказал он.

Стилиана без усилий пропустила его слова мимо ушей.

— Его следовало убить до того, как флот отчалит. Если ты подумаешь, то поймешь. Леонт должен был находиться в Городе. Если бы он отплыл, то уже не вернулся бы.

— Как неудачно. Значит, Валерий должен был умереть, чтобы Леонт — и ты — могли править?

— Я так думала, да.

Он открыл рот, потом закрыл.

— Ты думала?

Она снова скривила губы. На этот раз поморщилась и поднесла руку к изуродованному лицу, но опустила ее, не прикоснувшись.

— После туннеля это уже не казалось мне важным.

— Я не...

— Я могла убить его много лет назад. Я была глупой девчонкой. Думала, главное — это взять власть, потому что мой отец должен был получить власть. Леонт будет править, но ему нужна только любовь его солдат и его благочестие, чтобы быть довольным, а я... — Она осеклась.

«Я могла убить его много лет назад».

Криспин смотрел на нее.

— Ты считаешь, что Валерий убил твоего отца?

— Ох, родианин. Я это знаю. Чего я не знала, так это того, что ничто, кроме этого, не имеет значения. Мне следовало... быть мудрее.

— И убить раньше?

— Мне было восемь лет, — ответила она. И замолчала. Птицы громко пели за окном. — Я думаю, тогда и закончилась моя жизнь. В каком-то смысле. Та жизнь, которая открывалась передо мной.

Сын каменщика Хория Криспина смотрел на нее.

— Значит, ты думаешь, что это была любовь? То, что ты сделала?

— Нет, я думаю, это была месть, — ответила она. А затем прибавила без всякого предупреждения: — Пожалуйста, убей меня.

Без всякого предупреждения, не считая того, что он видел, что они с ней сделали и продолжают делать под видом милосердия. Он знал, как отчаянно ей хочется покончить с этим. Здесь не было даже дров для очага. Огонь можно использовать для самоубийства. Возможно, они станут силой заталкивать в нее еду, если она отказывается есть, подумал он. Для этого существуют способы. Леонт намеревался демонстрировать щедрость своей натуры, сохраняя какое-то время жизнь убийце, потому что она была его супругой перед лицом Джада.

Набожный человек, это всем известно. Возможно, иногда ее даже будут показывать людям.

Криспин смотрел на нее. Он не мог говорить.

Она тихо произнесла, чтобы не услышали стражники:

— Ты немного знал меня, родианин. Мы кое-что делили с тобой, пусть это продолжалось недолго. Ты уйдешь из этой комнаты и оставишь меня... для такой жизни?

— Я...

— Всего лишь художник, я знаю. Но...

— Нет! — Он почти закричал. Потом понизил голос: — Не в этом дело. Я не тот человек... который убивает.

Голова его отца слетает с плеч, кровь хлещет из падающего тела. Мужчины, которые рассказывают об этом, в таверне Варены. Мальчик, который это слышит.

— Сделай исключение, — небрежно бросила она, но в ее спокойном голосе он услышал отчаяние.

Он закрыл глаза.

— Стилиана...

Она сказала:

— Или посмотри на это иначе. Я умерла много лет назад. Я тебе уже говорила. Ты просто... подпишешь уже исполненный приговор.

Он снова посмотрел на нее. Теперь она стояла лицом к нему, лишенная глаз, изуродованная, утонченно прекрасная.

— Или накажи меня за свою потерянную работу. Или за Валерия. За любой другой проступок. Но прошу тебя. — Она перешла на шепот. — Никто другой этого не сделает, Криспин.

Он оглянулся. Здесь не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего оружие, сторожа стояли у всех зарешеченных окон и за запертой дверью.

«Никто другой этого не сделает».

И тут с опозданием он вспомнил, как его пропустили на

остров, и что-то вскрикнуло внутри него, в его сердце, и он пожалел, что не успел уехать отсюда, из Сарантия, потому что она ошиблась. Есть еще один человек, который готов это сделать.

Он достал кинжал и посмотрел на него. На вырезанное из слоновой кости лицо Гилдриха, царя антов, на рукоятке. Тонкая работа.

Он не знал, в самом деле, не знал, использовала ли его снова в качестве орудия или сделала ему особый, мрачный подарок в благодарность за услуги с любовью императрица, которая уверяла, что она перед ним в долгу. Он слишком мало знал Гизеллу, чтобы судить. Правдой могло быть и то, и другое, и все вместе. Или нечто совсем иное.

Однако он знал, чего хочет стоящая перед ним женщина. В чем нуждается. Глядя на нее и на эту комнату, он осознал, что понимает, как следует поступить ради ее души и своей собственной. Гизелла, царица антов, которая прятала этот кинжал под одеждой, пока плыла сюда, возможно, тоже это поняла, подумал он.

Иногда смерть — не самое худшее, что может случиться. Иногда она — освобождение, дар, жертвоприношение.

Запутавшись среди всех вращающихся колес, всех заговоров и контрзаговоров и образов, рождающих образы, Криспин заставил их остановиться и взял на себя это бремя.

Он снял с лезвия рукоять из слоновой кости, как делала Гизелла. Положил на стол клинок без рукоятки, такой тонкий, что его почти не было видно.

Стоя в победоносном весеннем сиянии этой комнаты, он сказал:

— Мне надо идти. Я тебе тут кое-что оставил.

— Как мило. Маленькую мозаику, чтобы утешить меня во мраке? Еще один драгоценный камень, как тот, первый?

Он снова покачал головой. Теперь у него заболело в груди.

— Нет, — ответил он. — Не это. — И, вероятно, то, как он с трудом произнес эти слова, ее насторожило. Даже недавно ослепшие учатся слушать. Она приподняла голову.

— Где это? — очень тихо спросила Стилиана.

— На столе. — Он на миг прикрыл глаза. — Ближе ко мне, у дальнего края. Будь осторожна.

Будь осторожна.

Он наблюдал, как она встала, прошла вперед, протянула руки к краю стола, чтобы нащупать его, затем неуверенно про-

вела по столешнице — она еще училась это делать. Он видел, как она нашла клинок, острый и гладкий, какой иногда бывает смерть.

— А! — произнесла она. И замерла.

Он молчал.

— Конечно, тебе предъявят обвинение.

— Я утром отплываю.

— С моей стороны было бы учтивее подождать этого момента, не так ли?

На это он тоже ничего не ответил.

— Знаешь, я не уверена, — тихо сказала Стилиана, — хватит ли у меня терпения. Меня ведь могут... обыскать и найти его?

— Могут, — сказал он.

Она надолго замолчала. Потом он увидел ее улыбку.

— Наверное, это означает, что ты все же меня любил, чуть-чуть.

Он боялся заплакать.

— Наверное, — тихо ответил он.

— Как это неожиданно, — сказала Стилиана Далейна.

Он старался взять себя в руки. И ничего не сказал.

— Жалко, что я не смогла ее найти, — сказала она. — Одно дело осталось незаконченным. Знаю, мне не следует тебе этого говорить. Ты думаешь, Алиана умерла?

Сердце умеет плакать.

— Если нет, то, вероятно, умрет, когда узнает, что... ты умерла.

Она задумалась.

— А! Это я могу понять. Так что твой подарок убьет нас обеих.

Правда. Кажется, здесь умеют видеть по-своему.

— Наверное, это возможно, — ответил Криспин. Он смотрел на нее и видел сейчас такой, какой она была раньше — во дворце, в его спальне, в ее собственной, когда ее губы искали его губы. «Что бы я потом ни сделала...»

Она его предупреждала, и не раз.

— Бедняга, — произнесла она. — Ты хотел всего лишь забыть здесь о своих умерших и выложить мозаику на куполе.

— Я был... слишком честолюбивым, — ответил он. И с восторгом услышал ее смех в последний раз.

— Спасибо тебе за это, — сказала она. Чтобы пошутить. Повисло молчание. Стилиана взяла крохотный клинок, ее пальцы

были столь же тонкими и почти столь же длинными. — И спасибо тебе за это, и за... все другое, когда-то. — Она стояла очень прямо, несгибаемая, не делающая уступок... никаких уступок. — Благополучного тебе путешествия домой, родианин.

Ему приказывали удалиться и даже не назвали по имени напоследок. Он внезапно понял, что она не сможет ждать. Ее сжигало нетерпение.

Он посмотрел на нее в ярком свете, который она предпочла впустить сюда, чтобы все могли ясно видеть там, где не могла она. Так хозяин, которому лекарь запретил пить, велит принести самое лучшее вино для своих друзей.

— И тебе, госпожа, — ответил он. — Благополучного путешествия домой, к свету.

Он постучал в дверь. Ему открыли и выпустили его. Он покинул эту комнату, поляну, лес, каменистый берег, остров.

Утром он покинул Сарантий, с рассветным отливом, когда краски и оттенки цветов только возвращались в мир в конце долгого путешествия бога сквозь тьму.

За их спиной вставало солнце, просачивалось сквозь гряду низких облаков. Стоя на корме корабля, на котором Плавт Бонос, проявив доброту среди своего горя, предложил ему место, Криспин вместе с горсткой других пассажиров смотрел назад, на Город. Око мира, так его называли. Слава творения Джада.

Он видел оживленную суету в глубокой защищенной бухте, железные столбы с цепями, которыми можно перегородить вход в бухту во время войны. Наблюдал за лодочками, шныряющими туда-сюда через их кильватерную струю, за паромами в Деаполис, за утренними рыбаками и за теми, которые возвращались, собрав ночной урожай в море, за их разноцветными парусами.

Вдалеке мелькнули тройные стены, в том месте, где они спускались к воде. Сам Сараний провел линию этих стен, когда впервые прибыл сюда. Он видел приглушенный отблеск лучей раннего солнца на крышах домов, смотрел, как Город поднимается из моря, видел церкви и купола святилищ, дома патрициев, крыши зданий гильдий, хвастливо покрытые бронзой. Он видел огромную чашу Ипподрома, где соревновались люди и кони.

А потом, когда они сменили курс с юго-западного на западный, у выхода из бухты, и началась зыбь открытого моря, и на-

дулись их белые паруса, Криспин увидел сады Императорского квартала, поля для игр и дворцы, и они заполнили все поле его зрения и удерживали его взгляд, пока он проносился мимо них, все дальше.

Они плыли на запад, под напором предрассветного ветра и отлива, матросы перекликались друг с другом, звучали громкие команды в разгорающемся свете. Начиналось что-то новое. Долгое путешествие. Он все еще смотрел назад, как и остальные пассажиры, все они застыли, прилипли к поручням на корме словно заколдованные. Но в конце, по мере того как они уплывали все дальше, Криспин смотрел только на одну точку, и самое последнее, что он видел вдалеке, почти на горизонте, был купол Артибаса, сверкающий ярче всего в Городе.

Затем восходящее солнце наконец прорвалось над низкими облаками на востоке, встало прямо за далеким Городом, ослепительно-яркое, и ему пришлось заслонить глаза и отвести взгляд в сторону. А когда он снова посмотрел туда, моргая, Сарантий исчез, покинул его, и осталось только море.

Эпилог

Старик сидит в дверном проеме церкви, недалеко от стен Варены. Раньше он бы размышлял о цвете этих стен — нечто среднее между медом и охрой, — обдумывал, как использовать стекло, камни и свет, чтобы добиться именно того оттенка, который проявился при свете солнца поздней весной. Но теперь — нет. Теперь он довольствуется тем, что просто наслаждается этим днем, его второй половиной. Он чувствует, как иногда умеют чувствовать пожилые люди, что не может быть уверенным в наступлении следующей весны.

Здесь он практически один, вокруг лишь несколько человек, где-то во дворе или в заброшенной старой церкви, примыкающей к расширенному святилищу. Сейчас святилище тоже не используется, хотя в нем похоронен царь. После осеннего покушения священники отказались проводить здесь службы и даже остаться в спальном корпусе, несмотря на сильное давление со стороны тех, кто сейчас правит во дворце. Насчет этого у сидящего в дверях человека есть собственное мнение, но в данный момент он просто наслаждается тишиной и ждет прихода одного человека. Он уже несколько дней приходит сюда, и его мучает сильное нетерпение, не подобающее старому человеку, как он говорит сам себе, если он правильно усвоил уроки долгой жизни.

Он откидывается вместе с табуретом назад, прислоняется к деревянному дверному косяку (старая привычка) и надвигает на лицо поразительно бесформенную шляпу. Он питает беспричинную привязанность к этой шляпе, выдерживает все шутки и подковырки, которые она вызывает, совершенно невозмутимо. Во-первых, этот головной убор — абсурдный, даже когда он был новым, — спас ему жизнь почти пятнадцать лет назад, когда один подмастерье вечером в темной церкви с перепугу при-

нял его за вора, крадущегося во тьме. Этот юноша (уже тогда широкоплечий) собирался обрушить сокрушительный удар посоха на голову непрошеного гостя, но в последний момент удержался, когда увидел и узнал шляпу.

Мартиниан Варенский, расслабившись в лучах весеннего солнца, бросает взгляд на дорогу, уже собираясь погрузиться в сон.

Он увидел, что приближается тот самый подмастерье. Или, точнее, по прошествии всех этих долгих лет он увидел своего бывшего ученика, а теперь коллегу и партнера и долгожданного друга Кая Криспина. Тот шел к нему по тропинке, ведущей к широким низким деревянным воротам в ограде, окружающей двор святилища и могилы на нем.

— Будь ты проклят, Криспин, — проворчал Мартиниан. — Только я собрался задремать. — Потом принял во внимание тот факт, что рядом никого нет, что никто его не слушает, и позволил себе искреннюю реакцию: он быстро поставил табурет на все ножки и почувствовал, как сильно забилось его сердце.

Его охватили изумление, предвкушение, огромная радость.

Скрытый в тени дверного проема, он наблюдал. Увидел, как Криспин отодвинул задвижку на воротах и вошел во двор. Борода и волосы у него были короче, чем когда он уехал, но в остальном особых перемен заметно не было. Мартиниан громко позвал тех людей, которые тоже ждали Криспина. Они не были подмастерьями или художниками: сейчас здесь не велись никакие работы. Двое мужчин быстрым шагом вышли из-за угла здания. Мартиниан указал в сторону ворот.

— Вот он. Наконец-то. Не могу вам сказать, сердит ли он, но всегда безопаснее думать именно так.

Оба мужчины выругались, как и он, хотя и с более искренним чувством, и двинулись вперед. Они прождали в Варене почти две недели, и раздражение их все росло. Именно Мартиниан высказал предположение, что путешественник, весьма вероятно, когда он появится, зайдет в святилище за стенами города. Он доволен, что оказался прав, хотя ему и невесело, потому что он знает, что обнаружит здесь его друг.

Стоя в дверях, он смотрел, как идут вперед два чужака, первые живые души, которым предстоит приветствовать путешественника, вернувшегося издалека. Один из них был императорским курьером, второй — офицером сарантийской армии. Армии, которая должна была этой весной вторгнуться к ним, но теперь все изменилось.

И это было самой большой переменой.

Некоторое время спустя, после того как два сарантийца официально вручили те бумаги, ради которых задержались здесь, и ушли вместе с солдатами, охранявшими их, Мартиниан решил, что Криспин уже достаточно долго просидел один у ворот, какими бы ни были полученные им известия. Он медленно встал и двинулся вперед, привычно прихрамывая из-за боли в бедре.

Криспин сидел к нему спиной и, казалось, был погружен в изучение документов, которые ему передали. Мартиниан всегда считал, что нехорошо заставать людей врасплох, поэтому еще издалека окликнул его по имени.

— Я видел твою шляпу, — отозвался Криспин, не поднимая глаз. — Понимаешь, я вернулся домой только затем, чтобы ее сжечь.

Мартиниан подошел к нему.

Криспин, сидя на большом поросшем мхом валуне, который всегда любил, посмотрел на него. Глаза его горели знакомым ярким огнем.

— Привет, — произнес он. — Не ожидал найти тебя здесь.

Мартиниан тоже намеревался отпустить какую-нибудь шуточку, но обнаружил, что ничего не может придумать. Вместо этого он молча наклонился и поцеловал своего молодого друга в лоб, словно благословляя. Криспин встал и обхватил его руками. Они обнялись.

— Как моя мать? — спросил Криспин ворчливым голосом, разжимая руки.

— Хорошо. Ждет тебя.

— Откуда вы все... О! Курьер. Значит, вы знали, что я в пути?

Мартиниан кивнул:

— Они прибыли уже давно.

— У меня был не такой быстрый корабль. И я шел пешком из Милазии.

— По-прежнему ненавидишь лошадей?

Криспин поколебался:

— Ненавижу ездить на них.

Он посмотрел на Мартиниана. Когда Криспин хмурился, его брови сходились над переносицей — Мартиниан это помнил. Старик пытался определить, что еще он видит на лице путешественника. Что-то в нем появилось новое, но что именно, определить трудно.

Мартиниан спросил:

— Они принесли новости из Сарантия? Насчет перемен?

Криспин кивнул.

— Ты мне расскажешь больше?

— То, что знаю.

— С тобой... все в порядке? — Глупый вопрос, но в некотором смысле единственно важный.

Криспин снова заколебался:

— В основном. Много чего случилось.

— Конечно. Твоя работа... хорошо получилось?

Снова молчание. Словно они на ощупь пробирались обратно, к прежней легкости.

— Очень хорошо, но... — Криспин опять сел на камень. — Она будет уничтожена. Вместе с другими мозаиками, повсюду.

— Что?

— У нового императора свои взгляды на изображение Джада.

— Невозможно. Ты, наверное, ошибся. Это...

Мартиниан умолк.

— Хотел бы я ошибаться, — сказал Криспин. — Наша мозаика здесь тоже будет сбита, как я подозреваю. Мы все будем жить по законам Сарантия, если все сложится в соответствии с намерениями императрицы.

Императрица. Об этом они знали. Некоторые уже назвали это господним чудом. Мартиниан считал, что найдется более земное объяснение.

— Гизелла?

— Гизелла. Ты слышал?

— На том же корабле другие курьеры принесли вести. — Мартиниан теперь тоже сел на камень напротив. Так часто они сидели вместе здесь или на трех пнях за воротами.

Криспин оглянулся через плечо на святилище:

— Мы это потеряем. То, что мы здесь сделали.

Мартиниан прочистил горло. Надо было кое-что сказать.

— Кое-что уже потеряно.

— Так скоро? Я не думал...

— Не поэтому. Весной... сбили изображение Геладикоса.

Криспин ничего не ответил. Но это выражение его лица Мартиниан тоже помнил.

— Евдрих пытался заручиться поддержкой патриарха из Родиаса, когда возникла угроза вторжения. Отказавшись от ереси антов.

Геладикос с факелом был самой последней работой Криспина до того, как он уехал. Он сидел неподвижно. Мартиниан пытался вглядеться в него, увидеть, что изменилось, что нет. Странно, что он перестал понимать Криспина интуитивно, после стольких лет. Люди уезжают и меняются; это тяжело для тех, кто остался.

«Больше горя и больше жизни», — подумал Мартиниан. И того и другого. Документы, доставленные курьером, Криспин все еще сжимал в своих больших ладонях.

Он спросил:

— Этот отказ принес плоды?

Мартиниан покачал головой:

— Нет. Они пролили кровь в церкви, в присутствии представителей патриарха, подвергли их риску. Евдриху еще не скоро удастся вернуть расположение клириков. А в Варене он вызвал большое возмущение, когда уничтожил мозаику. Анты сочли это неуважением по отношению к Гилдриху. Своего рода разграблением церкви.

Криспин тихо рассмеялся. Мартиниан попытался вспомнить, когда в последний раз слышал смех друга в тот год, когда тот уехал.

— Бедный Евдрих. Круг замкнулся. Анты протестуют против разрушений в священном для Батиары месте.

Мартиниан слегка улыбнулся.

— Я тоже так сказал. — Теперь настала его очередь колебаться. Он ожидал более бурной реакции. И немного изменил тему: — Похоже, теперь нападения не будет. Это правда?

Криспин кивнул головой:

— По крайней мере, в этом году. Армия отправилась на северо-восток, в Бассанию. Мы станем провинцией Сарантия, если переговоры дадут результаты.

Мартиниан медленно покачал головой. Снял шляпу, по-

смотрел на нее и снова водрузил на лысеющую голову. Нападения не будет.

Все мужчины, умеющие ходить, всю зиму были заняты укреплением стен Варены. Они изготавливали оружие, тренировались с ним, запасали еду и воду. После плохого урожая запасать было почти нечего.

Он боялся расплакаться.

— Я не надеялся дожить до этого.

Друг посмотрел на него:

— Как ты?

Он сделал еще одну попытку пожать плечами:

— Неплохо. Руки беспокоят. Иногда бедро. Теперь в моем вине больше воды.

Криспин поморщился:

— В моем тоже. Карисса?

— Очень хорошо. Ей не терпится тебя увидеть. Вероятно, она сейчас у твоей матери.

— Тогда нам надо идти. Я зашел только для того, чтобы взглянуть, как здесь закончили работу. Теперь в этом нет смысла.

— Да, — согласился Мартиниан. Он бросил взгляд на бумаги. — Что... что они тебе привезли?

Криспин снова заколебался. «Кажется, теперь он чаще взвешивает свои слова и мысли, — подумал Мартиниан. — Неужели этому учат на востоке?»

Его друг молча протянул ему толстую пачку документов. Мартиниан взял их и прочел. Не смог сдержать острого любопытства: чтобы вручить эти бумаги, несколько человек долго ждали его в городе.

Он увидел, что это за бумаги. Лицо его бледнело по мере того, как он переворачивал лист за листом, подписанные и скрепленные печатью документы на право собственности. Вернулся назад и подсчитал. Пять, шесть, семь. Перечисление прочего имущества и описание, где его можно найти и получить. Ему стало трудно дышать.

— Кажется, мы разбогатели, — мягко заметил Криспин.

Мартиниан поднял на него взгляд. Криспин смотрел вдаль, на лес на востоке. То, что он сказал, было явным преуменьшением, большим преуменьшением. А это «мы» — большой любезностью.

Бумаги, доставленные императорским курьером, одна за

другой, удостоверяли право собственности некоего Кая Криспина, художника из Варены, на земли вокруг Батиары, деньги и движимое имущество.

Последняя страница была личным письмом. Мартиниан взглядом спросил разрешения. Криспин кивнул в ответ. Письмо оказалось коротким. Написано в Сарантии. В нем говорилось:

«Я кое-что обещала тебе, если твое путешествие принесет нам плоды. Мой любимый отец научил меня держать царское слово, и бог повелевает мне сделать это. Перемены в пути не меняют сути вещей. Это не подарки, ты это заработал. Есть еще один пункт, который мы обсуждали в Варене, как ты помнишь. Он не включен сюда, и тебе предстоит обдумать его и выбрать самому — или не выбирать. А другие присланные тебе вещи являются, надеюсь, дальнейшим подтверждением моей признательности».

Внизу стояла подпись: Гизелла, императрица Сарантия.

— Кровь, глаза и кости Джада, что же ты для нее сделал, Криспин?

— Она думает, что я сделал ее императрицей, — ответил Криспин.

Мартиниан молча смотрел на него.

Тон Криспина был странным, отрешенным.

Мартиниан внезапно почувствовал, что потребуется очень много времени, чтобы понять, что случилось с его другом на востоке. Многое в самом деле изменилось. Когда человек совершает путешествие в Сарантий, так всегда случается, подумал он. Ему стало холодно.

— А о каком... другом пункте, не включенном, она упоминает?

— О жене. — Голос Криспина звучал равнодушно. Холодный, мрачный тон, памятный по предыдущему году.

Мартиниан прочистил горло:

— Понимаю. А «другие присланные вещи»?

Криспин поднял взгляд. Казалось, он с усилием заставляет себя шевелиться.

— Я не знаю. Здесь множество ключей. — Он показал тяжелый кожаный мешочек. — Солдат сказал, что им приказано охранять присланное, пока я не приду, а потом я сам должен о нем заботиться.

— Вот как! Значит, это сундуки в старой церкви. Их там, по крайней мере, штук двадцать.

Они пошли посмотреть. Сокровища? — гадал Мартиниан. Золотые монеты и драгоценные камни?

Но он ошибся. Когда Криспин повернул пронумерованные ключи в пронумерованных замках, один за другим, и открыл крышки сундуков в мягком свете старой почти не посещаемой церкви, примыкающей к расширенному святилищу, Мартиниан Варенский, который никогда не путешествовал ни в Сарантий, ни даже на свой собственный любимый полуостров, заплакал, стыдясь старческой слабости.

Там лежала смальта, какой он никогда не видел и даже не надеялся увидеть в дни своей жизни. Он всю жизнь работал с мутным, имеющим вкрапления материалом, лишь имитирующим яркие цвета, которые существовали в его воображении, и это постепенно заставило его смириться с ограниченными возможностями здесь, в разрушенной Батиаре. С несовершенством мира смертных, с препятствиями на пути свершений.

А теперь уже давно миновало то время, когда он мог бы с энтузиазмом приняться за какой-нибудь проект, равный по великолепию этим ослепительным, безупречным кусочкам стекла, — и вот они появились.

Уже поздно. Слишком, слишком поздно.

В первом сундуке лежала еще одна записка. Криспин просмотрел ее и передал ему. Мартиниан вытер глаза и прочел. Та же рука, но другой язык. Родианский, и стиль письма личный, не царский.

«Я получила от императора гарантию. Он дал мне обещание. Только не бог и не Геладикос. А все остальное, что ты сочтешь нужным изобразить в святилище, где лежит мой отец, будет защищено от указов, приговоров и любого ущерба, пока я смогу за этим следить. Это небольшая компенсация за мозаику в Сарантии, созданную из хороших материалов, но отнятую у тебя».

Подпись тоже была другой: на этот раз — только ее имя. Мартиниан положил записку. Медленно опустил руку в первый тяжелый сундук, в кусочки смальты — бледно-золотистого цвета, теплые и гладкие, как мед.

— Осторожно. Они острые, — сказал Криспин.

— Щенок, — возразил Мартиниан Варенский. — Я резал руки в лохмотья об эти штуки еще до того, как ты родился.

— Я знаю, — ответил Криспин. — Об этом и речь. — Он снова взял записку. А потом улыбнулся.

— Мы можем заново сделать купол в святилище. Нельзя изображать Джада и Геладикоса, пишет она. Можем найти новый стиль для мозаик в церквах. Может, посоветоваться с клириками? Здешними и в Родиасе? Даже в Сарантии? — Голос Мартиниана дрожал от нетерпения. Сердце стремительно билось. Он ощущал непреодолимое желание трогать эту смальту, погружать в нее руки.

Поздно, но не слишком поздно.

Криспин снова улыбнулся, оглядывая тихую пыльную комнату. Они были совсем одни. Два человека и двадцать громадных, набитых доверху сундуков, больше ничего. Теперь сюда никто не приходит.

Придется нанять охрану, внезапно подумал Мартиниан.

— Ты его сделаешь, — мягко сказал Криспин. — Этот купол. — Его губы слегка дрогнули. — С теми, кто еще остался работать на нас, кого ты еще не отпугнул своим тиранством.

Мартиниан пропустил мимо ушей эти слова. Он ответил на доброту. На нечто надолго потерянное и снова вернувшееся.

— А ты? — спросил он.

Потому что сейчас ему пришло в голову, что его младший товарищ мог совсем потерять желание работать. Он казался почти равнодушным к судьбе, постигшей его Геладикоса. Мартиниану показалось, что он понял. Как он мог обратить на это внимание после того, что случилось на востоке?

Криспин кое-что писал ему о куполе в Сарантии, о том, что он пытается на нем изобразить, что было бы достойно купола. А молодая женщина, дочь Зотика, упоминала его в одном из писем, которыми они обменялись. Слава всей земли — так назвала она купол. Сам купол и то, что делал на нем его друг.

И эта мозаика будет уничтожена. Мартиниан мог представить себе, как это будет происходить. Солдаты и рабочие древками копий, топорами, кинжалами, скребками будут разбивать и рубить поверхность. Кусочки смальты будут сыпаться и сыпаться вниз.

Как может человек снова захотеть работать после этого?

Мартиниан вынул руки из сундука, из золотистого стекла. Прикусил губу. Слава всей земли. Его друг все еще в трауре, наконец понял он, а он тут восторгается, как ребенок новой игрушкой.

Но он ошибался. Или, как он позднее понял, был не совсем прав.

Криспин уже отошел от него и рассеянно смотрел на плоские шершавые стены над скрипучими двустворчатыми дверями в противоположных концах помещения. Эта маленькая церковь была построена по самому старому из известных проектов: два входа, центральный алтарь под низким, плоским куполом, полукруглые ниши на востоке и на западе для уединенных молитв и размышлений, подставки для поминальных свечей у каждой из них. Каменный пол, каменные стены, никаких скамеек, никакого возвышения. Сейчас здесь не было даже алтаря и солнечного диска. Этой церкви, по крайней мере, четыреста лет, она построена в самом начале, когда в Родиасе разрешили поклоняться Джаду. Льющийся в нее свет был спокойным и мягким, он падал на камни подобно прохладным струям светлого вина.

Мартиниан, видя, что взгляд его коллеги перебегает от поверхности к поверхности, следит за падением солнечного света сквозь грязные разбитые окна наверху (окна можно вымыть, рамы заменить), начал и сам оглядываться по сторонам. А затем, через какое-то время, в тишине с нарастающим ощущением счастья он просто наблюдал, как Криспин поворачивается во все стороны.

В конце концов Криспин снова перевел взгляд с севера на юг, на полукруглую арку стен прямо над каждой из дверей. Мартиниан знал, что он видит картинки, которых еще нет на свете.

Он часто и сам их видел. Так обычно начинается работа.

— Я кое-что тут сделаю, — сказал Криспин.

* * *

Очень древняя церковь Варены, церковь Джада, не использовалась для проведения службы после того, как рядом построили более просторное святилище, примерно двести лет спустя. Комплекс еще дважды расширяли, пристроили спальный корпус, трапезную, кухню, пекарню, пивоварню и маленькую больницу с грядками лечебных трав за ней. Древняя церквушка какое-то время служила складом, а потом ее перестали использовать даже для этого, и она стояла запыленная, неухо-

женная, а зимой служила убежищем для грызунов и других зверьков с полей.

На ней лежала патина веков, ее окружала аура покоя даже в таком заброшенном состоянии, а камни были очень красивыми и безмятежно впитывали солнечный свет. Уже очень давно здесь не зажигали такого количества ламп, чтобы можно было судить, как будет выглядеть церковь после наступления темноты, при должном освещении.

Это было неожиданное место для двух панелей из мозаики, но отсутствие алтаря или диска могло служить оправданием абсолютно мирского характера новых мозаик, которые создавал один-единственный художник — редкий случай для такой работы.

Мозаичные панно, по одному над каждой из двустворчатых дверей, были скромных размеров.

«Только не бог и не Геладикос. Все остальное, что сочтешь нужным изобразить».

Он поверил этому обещанию. Ее отец научил ее держать слово. Некогда это место было священным, но с тех пор миновало много веков. Божья благодать все еще ощущалась в воздухе, в камнях, в косых лучах солнца утром и вечером. Но сейчас оно уже не было священным, так что даже если существует запрет на изображение человеческих фигур в подобных местах, для него сделают исключение благодаря этому обещанию.

Криспин верил в это, но сознавал, что ему уже следовало научиться ни во что не верить, что все сделанное человеком другой человек может уничтожить мечом, огнем или указом.

Но ведь он получил письменное обещание императрицы. А свет здесь — раньше этого даже не замечали — обещал еще кое-что. И поэтому так получилось, что он провел здесь целый год за работой, лето, осень, всю зиму, которая выдалась холодной. Он все делал сам, это входило в замысел его труда, так он задумал с самого начала, когда стоял с Мартинианом в тот день, когда вернулся домой. Все — убирал часовню, подметал, мыл, ползая на коленях, менял выбитые стекла в окнах, смывал копоть с уцелевших стекол. Готовил известь в печах во дворе, вытирал поверхность стен для того, чтобы наложить основу, даже сам сколотил для себя два помоста и лестницы при помощи молотка и гвоздей. Их не надо было делать высокими, и они могли стоять на одном месте. Он работал всего на двух стенах, не на куполе.

В большом святилище Мартиниан с рабочими и учениками переделывал купол. На консультациях с Сибардом Варенским и другими клириками здесь и в Родиасе решено было изобразить ландшафт: постепенный переход от лесов к полям, фермам, к уборке урожая... собственно говоря, то был путь народа антов. Ни фигур святых, ни фигур людей. Патриарх в Родиасе, в рамках сложных переговоров, все еще идущих между Сарантием и Вареной, согласился заново освятить храм, когда работа будет закончена.

Все же это место погребения Гилдриха, а его дочь — императрица Сарантия, и в эту Империю теперь входят Мирбор и большая часть северной Бассании по условиям мирного договора, который сейчас как раз обсуждается.

Здесь, в Варене, заброшенная старая церковь не вызвала никаких споров. Это было незначительное место. Можно даже сказать, что глупо что-либо там делать, ведь работу смогут увидеть очень немногие.

С этим все в порядке, думал Криспин. Он думал так весь год и ощущал в себе покой, какого давно уже не знал.

Однако сегодня покой его покинул. Он чувствовал себя чужим в конце долгого пребывания наедине с самим собой. Другие люди почти никогда не нарушали его одиночества. Мартиниан иногда заходил в конце дня и молча смотрел несколько секунд, но никогда ничего не говорил, а Криспин никогда ни о чем не спрашивал.

Это принадлежало только ему одному, он не должен был отчитываться ни перед одной живой душой. Не надо было получать одобрения заказчика, создавать произведения, равные блестящему архитектурному сооружению, понимать его и быть в гармонии с ним. Каким-то странным образом Криспина весь год не покидало ощущение, что он обращается к еще не родившимся, не живущим людям, к поколениям, которые когда-нибудь, может быть, войдут в эти двери и увидят эти две мозаики, сотни лет спустя или позже, посмотрят вверх и поймут... то, что смогут понять.

В Сарантии он принимал участие в чем-то колоссальном, в совместном проникновении в будущее, выходящем за рамки человеческих возможностей, — и всему этому суждено исчезнуть. Доказательство его участия к этому моменту уже, наверное, уничтожено.

Здесь его стремления были столь же честолюбивы (он это

знал, и Мартиниан, который каждый раз смотрел и молчал, знал это), но они были совершенно, решительно, глубоко земными по масштабу.

Возможно, именно поэтому мозаики сохранятся надолго.

Он не знал этого наверняка. (Да и как может знать человек?) Но здесь, в этом мягком, добром свете Криспин целый год и даже дольше (снова лето, за стенами темно-зеленые листья, пчелы на полевых цветах и живых изгородях) выкладывал камешки и смальту, чтобы оставить что-нибудь после себя, когда умрет. Кай Криспин Варенский, сын Хория Криспина, каменщика, провел здесь, на господней земле, отмеренное ему время и немного разбирался в человеческой природе и в искусстве.

Поглощенный этим, он прожил год. И вот теперь больше делать было нечего. Он только что закончил последнюю вещь, которую никто никогда не делал в мозаике до него.

Он все еще стоял на перекладине лестницы у северной мозаики, которую только что закончил. Он подергал себя за бороду, которая снова отросла и стала длинной, как и волосы, вовсе не такие приглаженные, какие должен иметь богатый и известный человек, но он был... занят. Криспин повернулся, зацепившись рукой за перекладину, чтобы сохранить равновесие, и посмотрел на южные двери напротив, на арку стены над ними, где он выложил первую из своих двух панелей.

Не Джад. И не Геладикос. Ничего, что наводило бы на мысли о святости или вере. Зато там, на широком сверкающем великолепном панно на стене, в тщательно рассчитанном для всех времен года и дней потоке света (а он сам развесил там крючки для ламп) стояли император Сарантия, Валерий Третий, который прежде был Золотым Леонтом, и его императрица Гизелла, приславшая эту смальту, подобную драгоценным камням, вместе с обещанием, которое давало Криспину свободу.

По обеим сторонам от них стояли придворные, но работа была выполнена таким образом, что только две центральные фигуры были тщательно выполнены, яркие, золотые, живые (они оба были действительно золотыми: их волосы, украшения, золото на одеждах). Придворные, мужчины и женщины, были изображены условно, однообразно, в древнем стиле, их индивидуальные черты стирались, и только легкие отличия в обуви и одежде, позах и цвете волос предлагали намек на движение взгляду, который все время возвращался к двум фигурам в центре. Леонт и Гизелла, высокие, молодые, прекрасные, овеянные

славой дня своей коронации (которой он не видел, но это неважно, совсем неважно), сохраненные здесь (получившие здесь жизнь), до тех пор, пока камни и стеклышки не упадут вниз, или не сгорит здание, или мир не придет к концу. Повелитель императоров придет, обязательно придет и сделает их старыми и заберет обоих, но эти образы останутся здесь.

Панно закончено. Он сделал его первым. Оно получилось... таким, как он хотел.

Криспин спустился вниз, пересек центральную часть маленькой церкви, где давным-давно стоял алтарь бога, перешел на другую сторону и там поднялся по лестнице на несколько ступенек от земли. Потом обернулся и посмотрел назад, на северную стену, в точно такой же перспективе.

Другой император, другая императрица, их двор. Те же цвета, почти в точности. И совершенно другое произведение, утверждающее (для тех, что умеет смотреть и видеть) нечто совсем иное, с любовью.

Валерий Второй, который в молодости был Петром Тракезийским, стоял там, так же, как Леонт на противоположной стене, не высокий, совсем не золотой, уже не молодой. Круглолицый (таким он и был), с редеющими волосами (так и было); его мудрые, насмешливые серые глаза смотрят на Батиару, где зародилась Империя, та Империя, которую он мечтал возродить.

Рядом с ним стояла его танцовщица.

И благодаря игре линий, света, стекла и искусства взгляд зрителя останавливался на Аликсане даже чаще, чем на стоящем рядом императоре, и не хотел покидать ее. «Вот где красота, — поневоле думал зритель, — и нечто другое, нечто большее».

Тем не менее взгляд двигался дальше (и снова возвращался), так как вокруг этих двоих стояли придворные, мужчины и женщины, чтобы и в грядущие века можно было смотреть *на* них и *в* них. И здесь Криспин изобразил их иначе.

На этот раз каждая фигура на панно была уникальной. Поза, жест, глаза. Беглому взгляду вошедшего эти два панно могли показаться одинаковыми. Но стоило только присмотреться, и разница становилась очевидной. Здесь император и императрица были жемчужинами в короне среди других драгоценностей, а каждый из их приближенных давал собственные свет или тень. И Криспин, который стал здесь их создателем, их

повелителем, написал их имена на сарантийском языке в складках одежды и драпировках, чтобы пришедшие после их знали. Ведь главным для него в этой работе было назвать их, чтобы помнили.

Гезий, престарелый канцлер, бледный, как лист пергамента, с острым умом, подобным клинку; стратиг Леонт (и здесь тоже, так что он изображен на каждой стене); восточный патриарх Закариос, седовласый, седобородый, держащий в длинных пальцах солнечный диск. Рядом с этим священником (неслучайно, здесь нет случайностей) — маленькая темная мускулистая фигурка в серебряном шлеме, ярко-голубой тунике и с хлыстом в руке. И еще меньшая фигурка, босоногая, на удивление, среди придворных, с широко раскрытыми глазами и смешно растрепанными каштановыми волосами, а рядом написано имя — Артибас.

Рядом с Леонтом стоял могучий черноволосый румяный солдат, не такого высокого роста, но более широкоплечий, одетый в придворные одежды, но в цвета саврадийской кавалерии, с железным шлемом под мышкой. Рядом с ним — худой бледный мужчина (на приблизительно передающей сходство мозаике он получился еще более худым и бледным) с острыми чертами лица и длинным носом, с внимательным взглядом. Его лицо вызывало тревогу, он с обидой смотрел на пару в центре. Его имя было написано на свернутом пергаменте в его руке.

По другую сторону находились женщины.

Ближе всех к императрице и немного позади нее стояла дама, еще выше ростом, чем Гизелла на противоположной стене, такая же золотая и — можно сказать — еще более красивая, по крайней мере так ее увидел тот, кто изобразил их обеих. Ее поза и наклон головы выдавали высокомерие, а взгляд голубых глаз был жестоким и бескомпромиссным. Один-единственный маленький рубин, как ни странно, висел у нее на шее. В нем горела искорка огня, но он выглядел очень скромно по сравнению с ее остальными украшениями и с ослепительным блеском золота и драгоценностей на других дамах на стене.

Одна из женщин была рядом с этой золотой дамой, не такая высокая, с ниспадающими из-под мягкой зеленой шапочки черными волосами, одетая в зеленое платье с усыпанным камнями поясом. В ней чувствовался смех, грациозность — в том, как она театральным жестом отвела в сторону слегка согнутую

руку. Еще одна танцовщица — к такому выводу можно было прийти, еще не прочитав ее имени.

С самого края панно, почему-то размещенный на женской стороне композиции, стоял еще один мужчина, несколько в стороне от ближайшей придворной дамы. Можно было бы подумать, что его добавили потом, если бы здесь не была так ясно видна точность замысла. Можно было решить, что... ему здесь не место. Но он присутствовал. Он был там. Крупный мужчина, одетый в подобающие одежды, хотя шелк его одеяний несколько неловко облегал его тело. Гнев, который в нем ясно чувствовался, возможно, был вызван именно этим.

У него были рыжие волосы, и он единственный был изображен с бородой, не считая Закариоса, но этот человек не был священником.

Он стоял лицом внутрь панно, смотрел в сторону центра, как и секретарь, в сторону императора и императрицы (трудно сказать, на кого именно). В самом деле, можно было заметить, изучив детали, что линия взгляда этого мужчины уравновешивала взгляд тощего человека с худым лицом на другой стороне панно, и, возможно, именно для этого он и стоял на этом месте.

У рыжеволосого мужчины тоже висело на шее украшение. (Украшения на шее были только у него и у высокой красивой женщины.) Золотой медальон, на котором переплетались две буквы К. Неизвестно, что это означало.

И эта вторая работа тоже завершена, не считая одного маленького пятнышка внизу, ниже императора, где гладкая серо-белая основа только что приняла в себя смальту и теперь сохла.

Криспин застыл, повиснув на лестнице на некотором расстоянии от земли, и долго смотрел на свою работу. Он чувствовал себя застывшим в ином смысле, в том мгновении, которое трудно определить. У него возникло ощущение, что как только он спустится с этой лестницы, окончательно закончится его труд, закончится навсегда. Ему казалось, что он висит в безвременье, пока этого не произошло, а потом его труд и его достижения перейдут в прошлое или в будущее, но никогда уже не будут настоящим.

Его душа была полна до краев. Он думал о мозаичниках

прошлых столетий... здесь, в Варене, в Сарантии, в Родиасе, или далеко на юге, за морем, в городах на побережье за Кандарией, или на востоке, в древней Тракезии, или в Саврадии (о святых людях с их дарами, которые сотворили Джада в тамошней церкви, чьи имена затеряны в молчании)... обо всех неизвестных мастерах, ушедших, окутанных саваном исчезнувшего времени, мертвых.

Их творения (то, что уцелело) стали славой земли господа, даром его света, а творцы превратились в неясные тени.

Он посмотрел на то место внизу панно, где только что выложил смальту, еще не присохшую на место, и увидел двойную букву К — свои инициалы, как и на медальоне, изображенном на его фигуре на панно. Думая о них, обо всех, ушедших, или живущих, или о тех, кто придет, он подписал свою работу на стене.

Криспин услышал, как у него за спиной тихо открылась дверь. Конец дня, конец последнего дня. Мартиниан, знающий, как близок он к завершению, пришел посмотреть. Он не сказал своему другу, своему учителю о том, что поставил подпись, инициалы. Это было нечто вроде подарка, возможно, поразительного подарка для эмоционального человека, который поймет лучше кого бы то ни было мысль, заложенную в эти две переплетенные буквы.

Криспин глубоко вздохнул. Пора снова спускаться вниз.

Однако он застыл и не двигался. Так как, сделав вдох, он понял, что не Мартиниан вошел и стоит у него за спиной на каменном полу. Он закрыл глаза. Почувствовал, как задрожала рука, держащая перекладину.

Духи. Их невозможно ни с чем спутать. Две женщины в Сарантии пользовались ими раньше. Больше никому не разрешалось. Одной они принадлежали, другая получила их в подарок, в награду за свое искусство, то же самое искусство, которым прежде владела другая женщина, эфемерное, как сон, как жизнь. Что стало с танцовщицей, когда танец закончился?

Она умерла. Исчезла, как исчезли имена художников. Возможно, она сохранится для других, после, в созданном здесь образе. Но не в жизни, не в движении на земле Джада. Это мир смертных мужчин и женщин, в котором некоторые вещи невозможны, даже если существуют «зубиры», птичьи души алхимика, полумир, любовь.

И Криспин понял, что снова будет жить в этом мире, что сможет даже принять его за оставшиеся ему годы, пока его тоже не призовут покинуть этот мир. Существуют дары, милости, возмещения, щедрые и весьма реальные. Можно даже улыбнуться с благодарностью.

Не оборачиваясь, стоя на лестнице, он сказал:

— Привет, Ширин, дорогая. Это Мартиниан подсказал тебе, когда войти?

И тогда мир меняется, меняется бесповоротно, и у него за спиной раздается голос Аликсаны:

— Боже, все-таки я здесь не нужна.

Не нужна.

Можно забыть, что надо дышать, можно заплакать от своей никчемности.

И обернуться, слишком быстро, чуть не упав, с немым криком из глубины души, и снова посмотреть в ее лицо, живое, и тогда исполнится то, о чем он мечтал в долгой темноте и что казалось ему невозможным.

Она смотрит на него снизу вверх, и он видит, что она (будучи самой собой) уже все прочла в его глазах, в его беззвучном крике, если еще раньше не поняла, глядя на свое изображение на противоположной стене.

В тишине он смотрит на нее и видит ее ответный взгляд, а потом она переводит взгляд на свое изображение над северной дверью, потом снова смотрит на него, стоящего на лестнице над землей. Она жива, она здесь, он снова ошибся в своих предположениях о том, что может произойти в этом мире.

— Я думал, ты умерла, — говорит он.

— Я знаю.

Она опять смотрит на стену, где он поместил ее в центре всех взглядов, в сердцевине света. Снова переводит на него глаза и говорит с неожиданной дрожью в голосе:

— Ты сделал меня... более высокой, чем в жизни.

Он смотрит ей в глаза, когда она это произносит. Слышит за простыми словами то, что она хочет ему сказать, год спустя и на расстоянии в полмира от ее жизни.

— Это не так, — отвечает он. Говорить трудно. Его все еще трясет.

Она изменилась, и теперь в ней не узнать императрицу. Конечно, это способ выжить, пересечь сушу и море. Приехать сюда. Туда, где он живет. Чтобы стоять, глядя вверх. Ее темные

волосы снова отрастают, но пока еще они короткие. На ней добротное дорожное платье, темно-коричневое, с поясом, с широким капюшоном, откинутым назад. Ему видно, что она не красит губы, глаза и щеки и совсем не носит украшений.

Он только начинает понимать, каким был для нее этот год.

Он с трудом глотает слюну.

— Госпожа...

— Нет, — быстро произносит она. Поднимает руку. — Я не госпожа. Здесь. — Она слабо улыбается. — Они думают, что я некое недостойное создание.

— Меня это не удивляет, — удается выговорить ему.

— Пришла, чтобы соблазнить тебя восточным развратом.

В ответ на это он молчит. Смотрит на нее.

Прошел год с тех пор, как она сбросила свой плащ на каменистом берегу, потеряла любимого более стремительно, чем убивает чума, отказалась от прежней жизни. Вглядываясь в ее лицо, он замечает неуверенность, хрупкость. И вспоминает розу в ее комнате.

Она тихо говорит:

— Я сказала тогда на острове... что доверяю тебе.

Он кивает головой:

— Я помню. Только я не понимал, почему.

— Я знаю, что ты не понимал. Тогда я пришла за тобой во второй раз.

— Знаю. Когда я приехал. Почему? Почему тогда?

Она качает головой:

— Не могу объяснить. Нет ясной причины. Я думала, что ты закончишь свою работу и покинешь нас.

Он криво усмехнулся. Теперь ему это удалось. Прошло уже достаточно времени.

— Вместо этого я сделал половину работы и покинул вас.

Выражение ее лица осталось серьезным.

— Ее у тебя отняли. Иногда половина — это все, что нам позволено. Все, что у нас есть, могут отнять. Я всегда это понимала. Но иногда... можно последовать за человеком. Опять я тебя спустила на землю?

Он все еще дрожал.

— Три раза? Я недостоин.

Она качает головой:

— А кто достоин?

— Ты?

Она слегка улыбается. И снова качает головой:

— Я тогда спросила у тебя, как ты жил дальше. Потом.

На острове, на берегу. В его снах.

— Я даже не смог ответить. Я не знал. И по-прежнему не знаю. Но я был жив только наполовину. Слишком много горечи. В Сарантии все начало меняться. Но даже тогда я... пытался держаться в стороне, сам по себе. Наверху.

На этот раз она кивает головой:

— Тебя сманила вниз испорченная женщина.

Он смотрит на нее. На Аликсану. Стоящую здесь.

Он видит, как она размышляет, рассматривает все нюансы.

— У тебя... будут из-за меня неприятности? — спрашивает она. Все еще эта неуверенность.

— В этом я не сомневаюсь. — Он пытается улыбнуться.

Она снова качает головой с обеспокоенным видом. Показывает на дальнюю стену.

— Нет, я имею в виду, что люди могут узнать меня по этому панно.

Он делает вдох и выдох. И наконец-то понимает, что именно ему дано разрушить ее неуверенность.

— Тогда мы уедем туда, где тебя никто не узнает, — слышит он свой голос.

Она закусывает губу:

— Ты готов это сделать?

И он отвечает, снова втянутый в стремительно несущийся поток времени и мира:

— Тебе будет трудно придумать такое, чего я не сделал бы ради тебя. — Он крепко сжимает лестницу. — Этого... достаточно?

Выражение ее лица меняется. Он наблюдает, как оно меняется. Она снова закусывает губу, но теперь это означает нечто другое. Он знает, он уже видел такое выражение лица.

— Ну, — говорит она голосом, который всегда звучал у него в ушах, — мне все еще хочется иметь дельфинов.

Он кивает головой, притворяясь рассудительным. Сердце его полно света.

Она добавляет после паузы:

— И ребенка?

Он ахает и спускается вниз с помоста. Она улыбается.

«Думаю, если бы мне подарили месяц в Античности и позволили провести его там, где я предпочту, я бы провел его в Византии, незадолго до того, как Юстиниан открыл Святую Софию и закрыл Академию Платона. Думаю, я бы мог найти там, в одной из маленьких винных лавок, мозаичника-философа, который сумел бы ответить на все мои вопросы, ибо сверхъестественное к нему ближе...»

У.Б. Йитс. Видение

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА В САРАНТИЙ. *Роман*

Пролог 7

ЧАСТЬ I

Глава 1 47
Глава 2 82
Глава 3 109
Глава 4 149
Глава 5 176

ЧАСТЬ II

Глава 6 221
Глава 7 262
Глава 8 300
Глава 9 354
Глава 10 403

ПОВЕЛИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРОВ. *Роман*

ЧАСТЬ I
ЦАРСТВА СВЕТА И ТЬМЫ

Глава 1 445
Глава 2 472
Глава 3 509
Глава 4 546
Глава 5 578
Глава 6 605

ЧАСТЬ II
ДЕВЯТЫЙ ВОЗНИЦА

Глава 7 644
Глава 8 663
Глава 9 688
Глава 10 720
Глава 11 760
Глава 12 784
Глава 13 814
Глава 14 847
Глава 15 873
Глава 16 904
Эпилог 933

Гай Гэвриел

КЕЙ

Guy Gavriel Kay

ISBN 978-5-699-20744-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф